

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ II

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Е. А. Бондаренко, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, Н. К. Капитонова, Е. А. Тюрина, В. Б. Чернолецкий

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 2: Вставай, страна огромная — 2015. — 460 с., [32] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1302-0

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1302-0 (т. 2)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2010

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: «Работница из города Щекино Сажина А. возвращается к своему дому, разрушенному фашистами». 1941 г. Место съемки: Тульская область. Автор съемки Чернов Д. ФГАКФД.

Книга четвертая

**ПЕРЕД
ГЕРМАНСКИМ
НАПАДЕНИЕМ**

Российско-германские отношения (август 1939 — июнь 1941). «Смена вех» в теории, идеологии и пропаганде

А. О. Чубарьян*

Полный драматизма и сложных переплетений период с конца августа 1939 до июня 1941 г. сопровождался существенными изменениями в теоретических построениях и в идеологическом обосновании советской внешней политики. Общая тенденция к сближению с Германией, наблюдавшаяся еще с весны–лета 1939 г., до начала сентября почти не отразилась на направленности советской пропаганды и на объяснении мирового развития и международных отношений.

По-прежнему основным постулатом советских оценок было осуждение фашизма, который рассматривался как главная опасность для мира и для построения социализма в Советском Союзе. Общие оценки немецкого фашизма как порождения монополистической буржуазии и ударной силы международного империализма как главного врага трудящихся, закрепленные во многих документах партии большевиков и в решениях Коминтерна, сохраняли свою силу и направленность.

Одновременно, хотя порой и с несколько меньшим нажимом, шла критика и так называемых демократических режимов, прежде всего Англии и Франции, которые рассматривались такими же противниками рабочего класса всего мира. В условиях проходивших летом 1939 г. политических и военных переговоров между представителями Советского Союза, Англии и Франции накал пропагандистских выступлений против этих стран был несколько снижен, но, подчеркнем это особо, общие оценки империализма, его агрессивной антинародной сущности и необходимость борьбы с ним по всем направлениям оставались основополагающими линиями советской теоретической мысли и идеологии. Они вытекали из идей мировой революции, проводились после 1917 г.,

были снова провозглашены в начале 1930-х гг., после прихода нацистов к власти в Германии и неоднократно подтверждались в решениях партийных съездов, в выступлениях Сталина и других руководителей партии и страны.

Важным постулатом советской внешнеполитической теории и пропаганды была идея об СССР как «осажденной крепости», существовавшей во враждебном капиталистическом окружении. И при всех изменениях в конкретной внешней политике, в оценке тех или иных буржуазных партий и их лидеров эти общие линии сохранились.

Однако после некоторой переоценки событий, связанных с приходом фашизма к власти в Германии, VII конгресс Коминтерна, в соответствии с решениями Политбюро ЦК ВКП(б) несколько сместив акценты в критике социал-демократии и левых, выдвинул идею Народного фронта. Имелось в виду, что это станет средством объединения более широких сил в борьбе против угрозы фашизма.

Эти направления большевистской теории и практики отражали сталинскую интерпретацию идеологии мировой революции и национальные задачи строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Анализ статей и выступлений И. В. Сталина 1920–1930-х гг. дает основания заключить, что для него (может быть, во многом в отличие от В. И. Ленина и ряда других сталинских соратников) практика и идеология интернационализма и коммунизма во многих случаях являлись скорее средством, чем целью, а на первое место выдвигались идеи национализма и прагматических национальных интересов.

Постоянный дуализм идеологии интернационализма и реальных интересов, характерный для советской теории и практики, как правило, разрешался

---

* Александр Оганович Чубарьян — академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН.

в пользу *real politic*. Но при этом, разумеется, разнобразные зигзаги в советской внешней политике всегда мотивировались общими соображениями борьбы с империализмом и буржуазной идеологией. Большевики никогда не посягали на «священные постулаты», связанные с критикой империализма, а в 1930-е гг. и фашизма как его главной ударной силы. Любые отклонения от этих принципиальных установок рассматривались как «ревизионистские» или «антипартийные», и те, кто следовал этой «ревизии», подвергались осуждениям или преследованиям.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий, связанных с подписанием договора с Германией, отметим, что в советской идеологии и международно-политической практике со времен Ленина и в годы правления Сталина либерально-демократические и социал-демократические режимы часто вызывали у большевиков большее отторжение и неприятие, чем «правые» и авторитарные режимы. Постулаты о постоянных кризисах империализма, об обострении его внутренних противоречий занимали важное место в советской идеологии и пропаганде. Уверенность в конечной победе социализма базировалась, прежде всего, именно на доказательствах внутренней слабости империализма. Фактически в довоенное время отсутствовала идея о расширении зоны победившего социализма за счет каких-либо конкретных соседних или иных территорий. Коминтерн ориентировал коммунистические партии на работу по разложению капиталистических режимов в своих странах, на разоблачение их антинародной сущности. Преобладающее направление всей деятельности Коминтерна состояло в поддержке Советского Союза, его общей международной линии и конкретных внешнеполитических мероприятий.

В то же время еще со времен революции 1917 г. и времен Раппало германофильские настроения были довольно распространенными в кругах советской элиты. Но в условиях поворота к критике фашизма советские политики и идеологи усилили осуждение антинародной сущности германского национал-социализма и его идеологии, экспансионистского характера германского империализма.

В плане идеологического воздействия на население в 1930-е гг. в советской пропаганде преобладала также идея о возможной войне, в которой Советскому Союзу, вероятно, придется участвовать. Собственно она вытекала из положения о том, что СССР в любой момент мог подвергнуться нападению, поэтому всячески осуждались пацифизм и притупление бдительности.

Но одновременно советские люди воспитывались в уверенности в силе и мощи социалистического государства, способного дать отпор любому агрессору. Для закрепления этой уверенности использовались и исторический опыт, и традиции русского прошлого, когда нападавшие на Россию терпели по-

ражение. Героизм и самоотверженность советских людей пропагандировались в художественной литературе и в искусстве.

В связи с этим отметим, что в современной исторической литературе уже длительное время ведутся острые дискуссии о том, была ли советская стратегия наступательной или преследовала оборонительные цели. С точки зрения идеологии эти споры представляются во многом надуманными. Советская идеологическая доктрина постоянно исходила из наступательной стратегии. В теоретических трудах, как правило, говорилось, что критика капитализма должна вестись в наступательном духе, в постоянном и активном разоблачении всех проявлений империализма.

С началом 1930-х гг. непременным атрибутом этих разоблачений была критика фашизма, его идеологии и практики. От каждого советского коммуниста и от всех коммунистических партий требовались активные действия, направленные на раскрытие достижений социалистической страны и на анализ глубоких противоречий и кризисов стран капитала и всей системы империализма.

В теоретическом багаже компартий было также обоснование глубоких противоречий между различными капиталистическими государствами, между «буржуазными силами» и группами и необходимости использования этих противоречий в интересах социалистического Советского Союза и коммунистического движения в целом.

Все эти концепции рассматривались как незыблемые, вытекающие из общих положений марксизма-ленинизма, и из конкретной ситуации в мире в 1930-е гг.

* * *

Уместен вопрос, в какой мере и каким образом изменились советская стратегия и идеология после подписания советско-германского договора о ненападении вместе с приложениями от 23 августа 1939 г. В данной постановке содержится и другой вопрос — готовилось ли советское руководство к столь решительной «смене вех» и ориентиров.

Представляется очевидным, что, несмотря на поворот Москвы в сторону сближения с Германией, который обозначался еще весной и летом 1939 г., он не давал советским лидерам оснований для какого-либо пересмотра их теоретических и идеологических позиций. Было неясно, во что выльются советско-германские контакты, к тому же продолжались тройственные переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией. Поэтому идеологические органы (пресса, научные издания, кино, устная пропаганда) по-прежнему следовали той же линии, которая была взята из 1930-х гг. и которая базировалась на постоянных стереотипах социалистической теории.

Выше отмечалось, что как само подписание договора, так и особенно секретные приложения к нему были в известном смысле неожиданными для Стали-

на и его соратников. Им требовалось несколько дней, а может быть, и недель интенсивной работы, чтобы определить направления своей внешнеполитической деятельности. В первые недели выработка линии поведения определялась как долгосрочными целями, так и сугубо прагматическими задачами момента. В еще большей степени это касалось теории и идеологии. Любые кардинальные перемены требуют, как правило, длительного времени для переосмысления.

То, что произошло в коридорах Кремля в сентябре–октябре 1939 г., показывает, что советское руководство в принципе было готово к новой стратегии в теоретической и идеологической областях. Видимо, постепенно взяв курс на поворот в сторону Германии, Сталин продумывал влияние этого поворота и на область теории и идеологии. Но как, и в какой форме это произойдет, стало очевидным, видимо, лишь после интенсивных обсуждений, начавшихся сразу же после подписания договора.

Прежде всего, кремлевский лидер стоял перед необходимостью объяснить своему народу и всему миру (главным образом коммунистическому движению) причину такого резкого поворота в сторону соглашения с фашистской Германией, разоблачение и борьба с которой были главной задачей Советского Союза, коммунистических партий и всех прогрессивных сил.

Следующий вопрос, который мог обсуждаться в Кремле, состоял в том, насколько далеко намеревались идти советские лидеры в своих отношениях с нацистской Германией. В принципе могли существовать разные варианты. Москва могла ограничиться подписанием договора с Германией (даже с соответствующими приложениями), решая главную задачу оставаться в стороне от конфликта между империалистическими странами, сохраняя контакты с Англией и Францией, и не менять общую идеологическую стратегию, лишь приглушив прежнюю антифашистскую и антигерманскую направленность. При такой постановке вопроса объяснить издержки от подписания договора мировому общественному мнению и собственному народу было бы не столь трудно.

Возможен был и другой вариант. Советская идеология приспосабливается к изменившейся обстановке (сохраняя дистанцию от нацистских теоретико-идеологических постулатов), но не дает никаких установок к перемене позиций коммунистических партий других стран и всего коммунистического движения в целом.

Но в Москве рассудили иначе, что ясно отразил сталинский подход к только что заключенному договору с Германией.

Последствия договоренностей с Берлином лишь начали проявляться, а в Кремле уже приступили к подготовке и претворению в жизнь кардинальной идеологической «смене вех». Видимо, настроения, воцарившиеся в Москве в последнюю неделю августа 1939 г., распространились и на сферу идеологии.

Первая реакция на договор произошла по линии Коминтерна, и сразу же И. В. Сталин получил сигналы о замешательстве и растерянности руководителей европейских компартий. 27 августа 1939 г. Г. Димитров и Д. Мануильский направили Сталину письмо, в котором сообщили: компартии «заняли правильные позиции поддержки советско-германского пакта». Одновременно они отмечали, что компартии, видимо, «расчитывали сочетать эту поддержку с продолжением критики фашистской агрессии»¹.

Ситуация стала еще более сложной через несколько дней, когда после нападения Германии на Польшу Англия и Франция объявили войну Германии. Естественно, что компартии должны были определяться в своей тактике отношений к собственным правительствам. Об этом запрашивали Москву лидеры Коминтерна, руководители французской и бельгийской компартий, а также английской, американской и других стран. Они должны были также реагировать на германское вторжение в Польшу, которое, судя по первой реакции компартий ряда стран Европы, были готовы осудить².

Здравый смысл должен был подсказать И. В. Сталину и Г. Димитрову, что, по крайней мере, на первых порах следовало не спешить, позволить компартиям «не терять лица» и с модификациями продолжать прежний курс. Но Димитров, как обычно, побоялся взять на себя решение вопроса и уже 5 сентября направил секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову письмо, в котором сообщал, что идет разработка документа о тактике компартий в условиях начавшейся войны, и просил о срочной встрече со Сталиным³.

7 сентября в присутствии В. М. Молотова и А. А. Жданова И. В. Сталин встретился с Г. Димитровым. Вначале Сталин повторил обычную точку зрения, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над ним. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не зная, подрывает капиталистическую систему»⁴. И далее: «Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Заявив, что пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии, Сталин намеревался в следующий момент подталкивать другую сторону⁵. В этих словах вождя не было ничего необычного. В довольно упрощенной форме (все это известно, но не из протоколов, а из «Дневника» Г. Димитрова) Сталин повторял известные положения марксизма-ленинизма об использовании межимпериалистических противоречий.

Но затем он выразил то, что стало реальной установкой и для мирового коммунистического движения, и для идеологического поворота внутри страны. И. В. Сталин заявил, что в условиях войны между империалистическими державами деление стран

на фашистские и демократические уже неправильно, и что коммунисты должны «решительно выступать против своих правительств, против войны». Он предложил снять лозунг единого народного фронта и фактически выступил за прекращение борьбы против фашизма. Особо резко советский лидер осудил Польшу, назвав ее фашистским государством, которое угнетает украинцев, белорусов и другие народы⁶.

Итак, спустя лишь две недели после подписания договора о ненападении И. В. Сталин уже выдвигал установку на прекращение критики фашизма (причем с теоретическим обоснованием), ориентируя компартии стран Европы и США на осуждение войны этих государств против Германии и на критику своих правительств. Тем самым он сталкивал компартии с общественным мнением стран Европы, давал повод обвинять их в антипатриотизме, в игнорировании национальных интересов.

Советский лидер одним махом снимал все усилия, направленные на создание единых народных фронтов и сотрудничество коммунистов и социал-демократов. Подобная тактика, помимо пренебрежения интересов и положения компартий, была в какой-то мере еще и лишена здравого смысла, отстраняя те силы в странах Европы, которые Москва при случае могла бы использовать для своих интересов в качестве противовеса Германии.

Таким же образом И. В. Сталин отказывался от возможности использования в отношениях с Германией в качестве средств нажима свои сохраняющиеся связи с Англией и Францией. А теперь он снимал и фактор общественного мнения и возможности коммунистических сил в странах Европы.

И, наконец, впервые за многие годы, И. В. Сталин начал обосновывать лозунг «расширения социализма». Вообще идея распространения мировой революции всегда присутствовала в той или иной степени в арсенале советской политики, но теперь она выдвигалась в совершенно новом контексте, в связи с подписанием советско-германского пакта.

В соответствии с установками И. В. Сталина буквально в следующие дни — 8–9 сентября была принята новая директива компартиям от имени Секретариата Исполнительного Комитета Коминтерна. Фактически документ почти дословно повторял сталинские слова, сказанные им накануне. Единственным добавлением стало предупреждение компартиям Франции, Англии, США и Бельгии, выступающим вразрез с этими установками. Им предлагалось немедленно выправить свою политическую линию⁷.

Однако некоторые компартии (Франции, Бельгии, Великобритании, Канады) не сразу полностью согласились с директивами руководства Коминтерна, продолжая отстаивать идею борьбы на два фронта. Президиум ИККИ снова вернулся к этой проблеме 19–20 октября⁸. И лишь в конце октября 1939 г. руководству Коминтерна удалось «исправить ошибки» ряда компартий.

Видимо, по согласованию с И. В. Сталиным Г. Димитров начал работу над программной статьей под названием «Война и рабочий класс», которую Сталин несколько раз правил, давая рекомендации автору статьи. Вообще-то, сам Сталин избегал каких-либо публичных выступлений (вплоть до апреля 1940 г.). Вся работа по изложению новых установок (даваемых лично им) он возложил на Г. Димитрова и В. М. Молотова.

В этот момент А. Гитлер завершил разгром Польши и обратился с предложением о заключении мира. Было совершенно очевидно, что это демагогическое заявление не имело никакого реального смысла, а было направлено на то, чтобы приглушить негативный резонанс от оккупации Польши.

Но неожиданно этот нацистский демарш привнес новые аргументы советскому руководству и для конкретных акций и для формирования нового теоретического подхода. В Москве начали усиленно пропагандировать мысль о том, что правящие круги Англии и Франции выступают против мира как главные поджигатели войны, в то время как Германия демонстрирует готовность к миру. Одновременно по прямым указаниям Сталина лидеры Коминтерна отвергли попытки германских коммунистов продолжать борьбу против нацистского режима, за народную республику⁹.

И. В. Сталин и А. А. Жданов торопили Г. Димитрова с написанием статьи, и 25 октября в Кремле состоялась повторная встреча Сталина и Жданова с Димитровым, на которой советский лидер опять разъяснял новые теоретические установки. По словам Димитрова, Сталин прямо указал ему: «Мы не будем выступать против правительств, которые за мир» (имея в виду, прежде всего, нацистскую Германию), повторив, что не следует помогать Н. Чемберлену¹⁰. Он подвел базу под свои рассуждения, заявив, что надо выдвигать только те лозунги, которые соответствуют нынешнему моменту. Стремясь подкрепить свои позиции, Сталин подверг критике позицию большевиков во время Первой мировой войны, когда ставился лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Он особенно акцентировал внимание на необходимость консолидации с СССР, подразумевая, прежде всего, поддержку новой советской линии в отношении Германии.

И. В. Сталин повторил этот тезис на обеде в Кремле после парада и демонстрации на Красной площади 7 ноября 1939 г. Он опять обратился к событиям Первой мировой войны, заявив, что и тогда лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую подходил только для России, а не для европейских стран. Характеризуя современную ситуацию, Сталин заявил, что «мелкобуржуазные националисты» в Германии (видимо, он имел в виду национал-социалистов) проявляют гибкость и способность на крутой поворот, они не связаны с капиталистическими традициями в отличие от

буржуазных руководителей типа Н. Чемберлена. Он призвал не держаться за прежде установленные правила и рутину, а вносить новые, что диктуется изменившимися условиями¹¹. Таким образом, советское руководство стремилось теоретически обосновать свой внешнеполитический поворот и заставить принять его коммунистическое движение, прежде всего в странах Европы.

Если беседы И. В. Сталина с Г. Димитровым, его замечания по поводу позиции Коминтерна были рассчитаны на внешний мир, то доклад В. М. Молотова на заседании Верховного Совета 31 октября делался главным образом для внутреннего потребления. Излагая внешнеполитические итоги деятельности Советского Союза в сентябре–октябре 1939 г. и высоко оценивая дружбу с Германией и сотрудничество с ней на прочной базе взаимных интересов, в том числе и после подписания договора о дружбе и границах от 28 сентября, Молотов столь же высоко оценил советские акции в отношении Польши, договора с Прибалтийскими странами.

Но глава Советского правительства и народный комиссар по иностранным делам на этом не остановился. Он фактически дословно повторил сталинские слова, сказанные во время бесед с Г. Димитровым, в частности и такие: «Старые формулы явно устарели и теперь неприменимы»¹².

Он заявил, что понятия «агрессия» и «агрессор» приобрели новый смысл и что Германия стремится к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще выступавшие против агрессии, ратуют за продолжение войны и против заключения мира. И далее он резко осуждал действия Англии и Франции в защиту Польши и т. п.

Однако глава Советского правительства и на этом не остановился. Он обратился к идеологическим проблемам и обвинил правящие круги Англии и Франции в объявлении чего-то вроде «идеологической войны» против гитлеризма (напоминающей старые религиозные войны). «Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания... Идеологию гитлеризма, — заявил Молотов, — как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной»¹³.

Этот пассаж советского наркома, конечно, свидетельствовал о многом. В своем стремлении оправдать внешнеполитический поворот советские лидеры перешли границы. Глава правительства и дипломатического ведомства мог защищать подписание договора и внешнеполитические акции, но брать на себя функцию защиты гитлеризма как идеологии было не просто бессмысленно и непонятно, но и крайне вредно для самого Советского Союза.

Прежде всего, напомним, что за две недели до этого, объясняя ввод советских войск в Польшу, В. М. Молотов настаивал на советской политике ней-

тралитета, а теперь он взялся защищать гитлеровскую идеологию, которую СССР клеймил по всем линиям и осуждал на всех уровнях в течение многих лет. Оправданием гитлеровской идеологии советские руководители словно нарочито противопоставляли себя всему миру и общественности стран Европы и других континентов. А главное, в этом не было никакой необходимости для конкретной советской политики.

Трудно найти этому какое-либо рациональное объяснение, тем более что в идеологии нацистского руководства не произошло такой же перемены. Конечно, из печатных изданий и в официальных речах исчезли все антисоветские и антибольшевистские клише и обвинения, но не появилось и прославление идеологической доктрины большевизма. А если такие намеки и были, то в качестве желаний «подыграть» тональности, появившейся в советской пропаганде.

По линии Коминтерна в период с октября 1939 г. до примерно мая 1940 г. компартиям постоянно давались рекомендации поддерживать советские внешнеполитические акции, в том числе и позицию СССР во время зимней войны с Финляндией. Наиболее болезненным результатом были указания Коминтерна германской компартии. В конце декабря 1939 г. руководство Коминтерна направило свои соображения о «Политической платформе КП Германии», отметив, что в Германии сложились два фронта. Один — фронт господствующего режима, заключившего договор о дружбе с Советским Союзом (хотя и не гарантирующий последовательную дружбу с СССР), и второй — включающий некоторые круги буржуазии, часть католических и социал-демократических кругов. Этот фронт направлен непосредственно против пакта и против дружбы с СССР и идет «в услужение к англо-французскому военному блоку, выступая и против германского народа и против Советского Союза»¹⁴. Компартии Германии предлагалось прекратить борьбу против нацистского режима, а выступать против тех сил (по большей части умеренных кругов), которые ориентировались на англо-французский блок. Следуя этим указаниям, германские коммунисты должны были отказаться от борьбы с теми, кто организовал травлю и преследования коммунистов, кто арестовал многие тысячи активистов КПГ и держал в тюрьме генерального секретаря КПГ Э. Тельмана.

Таким образом, в своем стремлении задобрить А. Гитлера и доказать ему свою дружбу и лояльность советские лидеры были готовы даже пожертвовать делом германских коммунистов. Москва как бы расчищала для нацистского режима поле и вне, и внутри страны, облегчая ему реализацию своей программы подавления демократических сил в Германии и пропаганды идей мирового господства.

Завершая вопрос о международно-политической сфере, отметим, что крайне жесткую критику советские лидеры обрушили на деятелей социал-демократии. В статье «Война и рабочий класс», которую И. В. Сталин редактировал, Г. Димитров посвятил

специальный раздел разоблачению деятельности II Интернационала, в том числе и за прошлые прегрешения¹⁵. Главный вывод автора статьи был высказан предельно откровенно: «У коммунистов не может быть никакого единого фронта с теми, кто находится в общем фронте с империалистами и поддерживает преступную антинародную войну»¹⁶. В редакционной статье «Коммунистического Интернационала» № 5 за 1940 г. снова звучит крайне резкое по тону осуждение «вожаков социал-демократии»¹⁷.

В общую критику социал-демократии включился и В. М. Молотов. В своем докладе на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. он в свойственном ему стиле заявил: «В яростном вое врагов Советского Союза все время выделялись визгливые голоса prostitированных «социалистов» из II Интернационала... лакеев капитала, продавших себя поджигателям войны»¹⁸.

Таким образом, руководство Советского Союза и Коминтерна вернулись к практике начала 1930-х гг., когда социал-демократия была объявлена «социал-фашизмом». Ирония судьбы состояла в том, что на этот раз ее обвиняли уже не в пособничестве немецкому фашизму, а в том, что она призывала к борьбе с этим самым германским фашизмом, который превратился из главного врага в партнера Советского Союза.

Как известно, роспуск Коминтерна произошел в других условиях в 1943 г., но его действия начиная с осени 1939 г. во многом дискредитировали эту организацию в глазах мировой общественности и коммунистического движения и в значительной степени способствовали прекращению ее существования.

* * *

Все перечисленные выше мероприятия были обращены на международную сферу, но существенный идеологический поворот произошел и внутри Советского Союза.

Буквально через несколько дней после подписания советско-германского договора в центральных советских газетах появились первые комментарии, которые уже содержали непрозрачные намеки на «дружбу народов СССР и Германии». 31 августа, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета, В. М. Молотов заявил, что ранее «были некоторые близорукие люди», которые увлекались «упрощенной антифашистской агитацией»¹⁹. Это был явный знак к переменам не только во внешнеполитической, но и в идеологической сфере. Российский историк В. А. Невежин приводит реакцию писателя И. Г. Эренбурга: «...<эти слова Молотова> меня резанули. В ту зиму мне пришлось обзавестись очками, но признать себя „близоруким“ я не мог: свежи были картины испанской войны; фашизм оставался для меня главным врагом»²⁰.

Слова, брошенные Молотовым как бы вскользь, были неслучайными. Как показали дальнейшие события, советские лидеры намечали резкий поворот во всей системе «пропаганды и агитации». Они осоз-

знавали, что этот поворот вызовет непонимание у многих советских людей, поэтому-то и начиналась артподготовка к смене идеологических ориентиров.

Даже западные деятели, в том числе и германские, отмечали замешательство в различных кругах советской общественности. Об этом сообщал в Берлин германский посол Ф. Шуленбург 6 сентября 1939 г.: изменения советской политики «после нескольких лет пропаганды именно против германских агрессоров все-таки не очень хорошо понимаются населением»²¹. Об этом же писали многие зарубежные дипломаты и журналисты. А. Верт констатировал, что «миллионы русских были просто шокированы случившимся»²². При этом речь шла и о самом факте подписания договора, и о том пропагандистском фоне, который его сопровождал.

В условиях советской действительности, когда на собраниях и митингах принимались, как правило, решения, одобряющие советскую политику, в том числе и заключение договора с Германией, казалось, не могло быть и речи о какой-либо критике действий советских властей. И в этом плане чрезвычайно интересны находящиеся в РГАСПИ подборки писем трудящихся в адрес В. М. Молотова, в которых в том числе шла речь и об оценках пакта с Германией. Разумеется, для Молотова отобрали особо интересные письма, а не обычное восхваление советской политики.

Приведем лишь некоторые из писем. 24 августа 1939 г. некая Родина писала В. М. Молотову по поводу советско-германского пакта: «Договор краткий, но содержательный, но меня удивляет, почему не предусмотрен следующий пункт: «При нарушении странами ст. I, II и IV договор расторгается автоматически со дня установления прямого или косвенного его нарушения», так как всем известно, что Германия по своей дурной «привычке» использует малейшую недоговоренность»²³.

Еще более определенно высказывается рабочий из Набережных Челнов Ст. И. Панфилов, который писал Молотову 28 августа: «Договор о ненападении можно еще (условно) приветствовать, как некое болеутоляющее и обнадеживающее. О практической же пользе для нас судить подождем: не бросит ли Гитлер в нужную ему минуту этот договор в мусорный ящик, как ничего не стоящий клочок бумаги, что он неоднократно проделывал с другими, и не будет ничего удивительного, если он это проделает также и с нами. Вспомните-ка покойного Козьму Пруткову, говорившего: «Единожды солгавши, кто тебе поверит!» Ломаный грош — вот цена словам таких людей, как герр Гитлер и К°.

А вот торгово-кредитное соглашение — это особая статья. Я лично думаю (более, уверен!), что этим соглашением мы поможем фашистской Германии пережить трудную для нее минуту, предоставляя ей кредит в 200 млн. марок, может быть, для закупки военного сырья. Не помогать изворачиваться да точить на нас нож надо, а бойкотировать, блокировать фашистских

каннибалов, отгородиться от них китайской стеной, рвами, колючей проволокой, рогатками, волчьими ямами. Пусть жарятся в собственном (арийском) соку. А помогать им спрыгнуть с горячей сковороды — не в наших интересах. Наоборот! Нужное же нам машинное оборудование, полагаю, могут поставить нам не хуже и не дороже, другие страны, а не только Германия.

Вот почему я отношусь к торгово-кредитному соглашению с фашистской Германией отрицательно и против его заключения протестую. Никаких подобных сделок ни с Германией, ни с Японией, ни с Италией, пока там власть в руках теперешних каннибалов! Бойкот им и эмбарго»²⁴.

Панфилов призывал «выгнать японцев со всего Дальневосточного края и ликвидировать все японские концессии на Сахалине»²⁵.

Мастер завода «Компрессор» Петров в письме, посланном после начала польского похода 19 сентября 1939 г., выражает недовольство тем, что у немцев остается часть Украины и Белоруссии, которые «Гитлер прибрал к рукам». Автор требует включения в СССР всей Галиции и Белоруссии и городов Кракова, Люблина, Брест-Литовска, Белостока, Гродно, Вильно²⁶. Ничего не зная о секретном протоколе к пакту, автор письма призывает присоединить к СССР Бессарабию и освободить «наших братьев по крови в Финляндии»²⁷. «Мнение всех, — пишет Петров, — Прибалтика должна быть наша, пусть Прибалтийские государства войдут в качестве равноправных республик в нашу семью. Не надо забывать, что много крови пролито русской за прорубание окна в Европу. Бессарабия также наша. Ждать нечего, если надо — все пойдут в большой бой»²⁸. Автор письма просит В. М. Молотова, чтобы генштаб подробнее сообщал о боях Красной Армии, о реакции на наши шаги Англии, Франции и США²⁹.

Любопытно, что все это писалось 19 сентября, т. е. до переговоров и заключения договоров со странами Прибалтики.

Комсомолец Полканов из Курска 21 сентября своеобразно откликнулся на советско-германский пакт, призывая В. М. Молотова сказать А. Гитлеру: «Если он согласен быть во всех отношениях с Советским Союзом, то надо предложить ему стать коммунистом. Ибо так или иначе земной шар должен быть в два цвета, вода — в синий, а земля — в красный»³⁰.

В своем послании некий Ведков одобряет слова В. М. Молотова о том, что СССР будет давать отпор японцам. В отношении стран Балтии он пишет: «Заключив мир с маленькими Балтийскими странами, признав их внутреннюю самостоятельность, мы отнюдь не предполагаем, что им предстоит стать очередной жертвой фашизма и трамплином для нападения на нас». Поэтому он предлагает заявить: «Посягательство на какое-либо нарушение свободы этих малых государств ни в коем случае не будет допущено. Это своевременное заявление дает возможность в будущем сэкономить не один рубль, так как

захват соседних с нами Балтийских стран потребует дополнительных расходов на вооружение»³¹.

Как видим, приведенные многочисленными письмами отражают далеко неоднозначную реакцию простых советских людей на столь неожиданный поворот в советской внешней политике.

Непонимание ощущалось также среди интеллигенции, писателей, ученых и журналистов. Многие из них, видимо, не могли принять прекращение всякой критики Гитлера и Геббельса, тех самых вождей национал-социализма, против которых столько лет велась пропагандистская война.

Малейшее упоминание о Германии, даже об ее истории, фашизме в критическом плане теперь изымалось органами цензуры. Поскольку ученые и публицисты «не успели перестроиться», то из газет и журналов, из фильмов и радиопередач почти полностью исчезла германская тема. Зато в большом количестве публиковались самые разнообразные материалы, относящиеся к Англии, Франции и США, причем теперь все публикации были выдержаны в резких обличительных тонах. Ознакомление с журналами по исторической и международно-политической тематике показывает, что в конце 1939–1940 гг. в них печатались десятки статей об истории и современной политике стран Европы, Азии, Америки и Африки, но Германия почти не упоминалась. Даже в материалах с критикой колониализма ни слова не говорилось о германской политике в отношении стран Ближнего и Среднего Востока и т. п.

Поскольку все же в редакции поступали статьи, содержащие критику фашизма, пришлось вмешаться лично И. В. Сталину. Так, он имел беседу с Л. З. Мехлисом о газете «Красная Звезда», которая помещала подобные материалы, и дал указание немедленно прекратить их публикацию³².

Как всегда, в советской идеологической практике многие хотели доказать свою лояльность и явно переусердствовали в своем стремлении представить Германию как «постоянного друга Советского Союза». Уже не могло быть и речи о том, что она может быть эвентуальным противником.

После начала польских событий с ведома А. А. Жданова начали издаваться материалы, характеризующие Польшу как страну полуфашистского типа. Сам он опубликовал статью под названием «О внутренних причинах военного поражения Польши», в которой клеймил польские власти, угнетавшие людей других национальностей³³.

Представляют интерес те многочисленные директивы, которые давались руководством ВКП(б) и Главным политическим управлением Красной Армии военным округам. Практически во всех воинских частях выходили газеты. Их редакторам давались указания печатать материалы в духе общих идеологических установок. Это означало, что и в воинских частях снималась всякая критика фашизма и Германия уже не представлялась как возможный противник.

В конкретном плане подобный подход имел еще один отрицательный аспект. В армии фактически полностью прекратилось идеологическое обоснование вероятности войны с Германией. Вместо этого разворачивалась антибританская и антифранцузская пропаганда, что в военном отношении было лишено смысла, поскольку ни о каких предполагаемых военных операциях против них речь не шла.

В связи с польским походом Красной Армии в сентябре 1939 г. в советской пропаганде выдвигалась тема освободительной миссии Советского Союза. Все органы пропаганды и информации получили указание активно писать о советских воинах-освободителях, которые пришли на помощь украинцам и белорусам, живущим под гнетом польской буржуазии. И эта тема, в отличие от лозунгов, обеляющих фашизм, получила одобрение советских людей, в том числе и интеллигенции. В ряде научных трудов приведено немало высказываний и выдержек из писем участников похода в Польшу, а также советских писателей и журналистов, в которых они практически полностью одобряют и поддерживают «освободительную миссию» Советского Союза. В дальнейшем, когда из освобожденных территорий стали поступать известия о процессах советизации и коллективизации, об арестах и высылках нежелательных элементов, тон публикаций стал несколько менее восторженным, но в целом идея «освобождения» заняла существенное место в арсенале советской идеологии.

Явно меньший энтузиазм был проявлен по отношению «освободительной» миссии Советского Союза в Финляндии. Это было связано с сильным финским сопротивлением и большими потерями Красной Армии. Сама идея «освобождения», возможно, и получила бы большую поддержку, если бы не сопровождалась столь значительными жертвами.

В упомянутой книге В. А. Неvejeина приводятся слова ответственного редактора газеты «Красная Звезда» Е. А. Болтина о том, что войну с Финляндией мы начали под лозунгом выполнения Красной Армией ее интернациональных задач. Однако практика заставила нас убедиться, что этот лозунг, обращенный к красноармейцам, оказался неправильным, и его пришлось заменить другим, правильным — о защите северо-западных границ СССР и Ленинграда³⁴.

Идея освобождения и освободительной миссии, получившая распространение с сентября 1939 г., трансформировалась летом 1940 г. в теорию «расширения социализма». Она находилась в органической взаимосвязи с постоянным постулатом о капиталистическом окружении и о СССР как «осажденной крепости». В этом плане всякие действия по расширению зоны социализма находили понимание у советских людей.

По свидетельствам Г. Димитрова, еще в ходе беседы в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. И. В. Сталин заявил, что он не видит ничего плохого в «расширении социалистической системы... на новые территории и население»³⁵.

В докладе 6 ноября 1939 г. В. М. Молотов сказал, что с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии «капиталистическому миру пришлось потесниться и отступить, а СССР вырос на своей территории, а по количеству населения — примерно на 13 млн человек»³⁶. В следующем докладе 1 августа 1940 г. он снова вернулся к этой теме. По его словам, после вхождения Прибалтийских стран в СССР и присоединения Бессарабии и Северной Буковины население Советского Союза увеличилось на 10 млн человек, а вместе с населением Западной Украины и Западной Белоруссии — более чем на 23 млн³⁷. Молотов отметил, что большая часть всего этого населения раньше входила в состав Советского Союза, но было силой отторгнуто в момент его военной слабости империалистическими державами Запада. Теперь это население должно воссоединиться с Советским Союзом. Речь шла и о возвращении исконных земель, и о том самом расширении социализма, о котором говорили И. В. Сталин в тесном кругу еще 7–8 сентября 1939 г. и В. М. Молотов в публичных речах на сессиях Верховного Совета.

Соответственно, эта тема оставалась одной из центральных в идеологическом арсенале советской пропаганды. На совещании 9 сентября 1940 г. в связи с выходом художественного фильма «Закон жизни» И. В. Сталин заявил: «С точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом и капитализмом СССР делает большое дело, поскольку мы (Советский Союз) расширяем фронт социализма и сокращаем фронт капитализма»³⁸.

Следует отметить, что во всей пропагандистской работе в связи с реализацией лозунга «расширения социализма» имелись, по крайней мере, две особенности. Во-первых, население, ничего не зная о секретных договоренностях с Германией, никак не связывало расширение зоны советских территорий с отношениями с Германией. Во-вторых, в силу взятого курса на полное замалчивание военной угрозы со стороны Германии советские идеологи не могли использовать тезис о значении присоединяемых территорий в плане противодействия германскому продвижению на восток (на что советские дипломаты постоянно намекали в беседах с представителями Великобритании и других стран).

* * *

Примерно с весны 1940 г. в советско-германских отношениях начали сказываться первые признаки напряженности. Как мы знаем, сначала они затронули экономическую сферу, где обе стороны проявляли недовольство взаимным исполнением принятых на себя обязательств. В частных беседах советские руководители разных рангов все чаще выражали недовольство действиями Германии и намекали, что она остается потенциальным противником Советского Союза. И хотя пресса и научные журналы продолжали следовать линии, намеченной в сентябре–октябре

1939 г., тон научных и пропагандистских материалов стал более сдержанным.

Прежняя эйфория в Кремле явно отходила на второй план. Уже не было восхвалений фашистской идеологии и тем более гитлеризма. Участились случаи, когда обобщенная безымянная критика империализма могла подразумевать и Великобританию, и Германию. В. А. Невежин приводит пример, когда И. В. Сталин говорил в марте 1940 г. советскому генералу Петрову: «Учтите: договор с Германией, хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается нашим злейшим врагом»³⁹.

Весной 1940 г. Москву посетила известная польская писательница В. Василевская. В беседе с ней И. В. Сталин заявил 28 июня 1940 г., что война с немцами начнется «рано или поздно»⁴⁰.

И таких заявлений, намеков или полунамеков становилось летом 1940 г. все больше. Совершенно ясно, что советские деятели разных рангов (писатели, ученые, служащие наркоматов, руководители средств информации) могли это делать лишь при одном условии — они знали о настроениях в Кремле. И хотя не было никаких специальных постановлений по этому поводу, но разными способами и В. М. Молотов, и А. А. Жданов и, наконец, сам И. В. Сталин выражали растущее недовольство Москвы поведением германских лидеров, которые по всем линиям демонстрировали явные препятствия для реализации экономических связей и осуществляли самостоятельные (без консультации с Москвой) действия в разных регионах мира. Беспокойство значительно возросло после молниеносного разгрома Франции, когда рухнули надежды Сталина на длительный конфликт Германии с ее противниками в Европе.

Аналогичные тенденции стали заметны и в действиях Коминтерна. Анализ многочисленных документов Коминтерна показывает, что летом 1940 г. проявились признаки его переориентации. 8 июня 1940 г. в директивах компартии Голландии давались рекомендации усилить сопротивление германской оккупации. Аналогичные советы направлялись другим компартиям⁴¹.

Значительные дискуссии проходили в Коминтерне в связи с выработкой новой позиции французской компартии. После многочисленных согласований с Москвой было определено, что продолжающаяся борьба с собственной буржуазией должна увязываться с борьбой против иноземных (т. е. немецких) захватчиков.

Интересна оценка момента, данная германскими коммунистами 24 мая 1940 г. Уже говорилось (явно с согласия Москвы) об империалистическом насилии со стороны германской буржуазии, о сочувствии германских коммунистов народам Дании, Норвегии, Бельгии, Люксембурга, поработанному польскому, чешскому и австрийскому народам⁴².

В ряде документов компартий сохранялись резкие оценки деятельности британских и французских правящих кругов, но теперь они сочетались (чего не

разрешалось ранее) с явной критикой германского империализма и его оккупационной политики. В ноябре 1940 г. Г. Димитров говорил В. М. Молотову: «Мы взяли курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах». Он спрашивал Молотова, не помешает ли это советской политике, на что получил ответ: «Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунисты, если не вели бы такой курс. Только это надо делать без шума»⁴³.

В это же время Москва стала использовать Коминтерн и для осуждения политики Германии, например, в связи со вторым венским арбитражем и германской политикой на Балканах⁴⁴.

Любопытно и то, что в ряде документов Коминтерна в конце 1940 — начала 1941 г. снова ставился вопрос о возможности создания национальных антифашистских фронтов. При этом речь шла об Италии, Франции и, может быть, других странах⁴⁵.

После неудачи визита В. М. Молотова в Берлин тенденции к критике Германии возросли⁴⁶. Примером использования идеологического давления на немцев может служить история с публикацией в газете «Труд» в январе 1941 г. статей немецкого писателя Л. Фейхтвангера, известного своим критическим отношением к нацизму. Этим Москва хотела показать свое недовольство позицией германских представителей на торговых переговорах между СССР и Германией. Известен, в том числе и по дипломатическим каналам, факт недовольства ведомств Геббельса этой советской публикацией. По этой или по другой причине, но немцы в итоге заняли на переговорах более примирительную позицию, а публикация Фейхтвангера была немедленно приостановлена⁴⁷.

Следует особенно подчеркнуть, что многие указанные действия (и со стороны Коминтерна, и в советских идеологических и пропагандистских органах) иллюстрировали признаки отрезвления советских лидеров, их постепенный, хотя и весьма ограниченный и осторожный отход от прежней линии на дружбу с Германией, на оправдание фашизма и его идеологии, на отказ от любой критики фашизма (его идеологии, оккупационной практики), на прекращение любой критики германских действий. Но все это было скрыто от общественности. Конечно, сведения об этих переменах доходили до германского руководства. Но оно, как правило, не реагировало на поступающую информацию, видимо, потому, что в Берлине уже приняли решение готовить войну против Советского Союза.

В публичном же плане в советской пропаганде прогерманская линия полностью не прекратилась. По-прежнему материалы о Германии (в том числе и об ее истории) публиковались в малой степени и в весьма общем и примирительном духе. Но все же хвалебный тон этих материалов был явно снижен. Недовольство в Кремле некоторыми действиями Германии, ее нежелание считаться с советскими интересами влияли на содержание и формы советской пропаганды и агитации.

Советская элита получала с лета–осени 1940 г. сигналы, которые несколько разрушали дружественный прогерманский стереотип, созданный осенью 1939 г. Это еще не вылилось в «образ будущего врага», но появились намеки, которые шли в этом направлении. Они разрушали миф о «вечной и нерушимой советско-германской дружбе и сотрудничестве». Однако для миллионов советских людей по-прежнему

помещались оптимистические статьи в прессе, шли радиопередачи о высоком уровне политических и экономических связей с Германией. Во всяком случае, после победных отчетов и докладов о росте силы и могущества Советского Союза не могло возникнуть больших сомнений в правильности и успехах советского внешнеполитического курса на развитие сотрудничества и дружбы с нацистской Германией.

- ¹ Коминтерн и Вторая мировая война: В 2 ч. М., 1994. Ч. 1. С. 71.
- ² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 2. Л. 15–17, 30.
- ³ Там же. Оп. 18. Д. 1292. Л. 8–9.
- ⁴ The Diary of Georgi Dimitrov. New Haven, 2003. P. 115–116; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 88.
- ⁵ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 11.
- ⁶ Ibid. P. 10–11.
- ⁷ Ibid. P. 88–89.
- ⁸ Ibid. P. 141–143.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid. P. 184–185.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Правда. 1939. 1 ноября.
- ¹³ Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 11.
- ¹⁴ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 218–226.
- ¹⁵ Коммунистический Интернационал. 1939. № 8–9. С. 32.
- ¹⁶ Там же. С. 33.
- ¹⁷ Там же. 1940. № 5. С. 7.
- ¹⁸ Там же. 1940. № 3–4. С. 6.
- ¹⁹ Правда. 1939. 1 сентября.
- ²⁰ Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. М., 1990. Т. 2. С. 204; Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939–1941 гг. М., 1997. С. 55.
- ²¹ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. L., 1937–1995. Vol. 8. P. 12.
- ²² Цит. по: Невежин А. В. Указ. соч. С. 55.
- ²³ РГАСПИ. Ф. 5446. Оп. 82. Д. 110. Л. 66.
- ²⁴ Там же. Л. 149 об.
- ²⁵ Там же. Л. 148.
- ²⁶ Там же. Л. 145 об.
- ²⁷ Там же. Л. 144.
- ²⁸ Там же. Л. 144 об.
- ²⁹ Там же. Л. 147.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Д. 67. Л. 83.
- ³² Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 131–132; Невежин В. А. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Правда. 1939. 14 сентября.
- ³⁴ См.: Невежин В. А. Указ. соч.
- ³⁵ The Diary of Georgi Dimitrov. P. 182.
- ³⁶ Правда. 1939. 8 ноября.
- ³⁷ Коммунистический Интернационал. 1940. № 7. С. 7.
- ³⁸ См.: Невежин В. А. Указ. соч.
- ³⁹ Там же. С. 129.
- ⁴⁰ Отечественная история. 1998. № 4. С. 19–31.
- ⁴¹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. С. 356, 357–367.
- ⁴² Там же. С. 347–352.
- ⁴³ Там же. С. 40.
- ⁴⁴ Там же. С. 411–412, 343.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1331. Л. 89; Оп. 10а. Д. 124. Л. 2–3; О некоторых новых тенденциях в деятельности Коминтерна в начале 1941 г. см.: Bayerlein B. H. «Der Verräter, Stalin, bist Du!». Vom Ende der linken Solidarität Komintern und kommunistische Parteien im Zweiten Weltkrieg 1939–1941. Berlin, 2008. S. 320–326.
- ⁴⁶ Подробнее об этом см. в заключительном разделе «Канун трагедии».
- ⁴⁷ Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98–118; Невежин В. А. Указ. соч. С. 129–130.

Уроки трагедии, в которой не было героев

А. В. Торкунов*

Все дальше в прошлое уходят события Второй мировой войны, но споры и размышления о причинах величайшей трагедии XX века, об ответственности за нее и уроках для сегодняшнего дня продолжают с новой силой. К естественному процессу переосмысления исторического опыта (новым поколением европейцев и с появлением неизвестных документов) примешиваются политические и идеологические мотивы, прежде всего — со стороны новых государств Балтии и Восточной Европы, пытающихся радикально пересмотреть причины и природу Второй мировой войны — для самоутверждения и сведения счетов с советским прошлым. Канун войны оказался в фокусе острых дебатов политиков и публицистов. Дебаты сосредоточены в основном на советской внешней политике, изобилуя мифологемами и откровенными искажениями исторической правды. Тем больший интерес вызывает новое фундаментальное исследование одного из крупнейших отечественных историков международных отношений, директора Института всеобщей истории, академика РАН Александра Чубарьяна «Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года».

Автор рассматривает узловые проблемы предвоенных международных отношений через призму советской внешней политики, но не пытается объяснить ее из нее самой, а ставит в общий контекст, соотнося с поведением других акторов мировой политики. Он опирается на первоисточники и новейшие публикации из архивов России, Великобритании, Франции, США. «Многострановой» и «мультиархивный» анализ позволяет воссоздать реальную картину межгосударственного взаимодействия, дать всестороннюю и объективную оценку советско-германских отношений, судьбы Польши и Прибалтики, отношений СССР с Великобританией, Францией, Японией и США, балканского узла и «зимней войны» с Финляндией.

Это один из самых мрачных и постыдных периодов мировой истории, когда нарастала угроза существования самой цивилизации. Идеологические разногласия и взаимные подозрения, парализующий страх перед агрессором, иллюзорные надежды умиrotворить его за счет других, отсидеться в стороне оказались сильнее трезвого понимания стратегического общего интереса и способности защитить его сообща. Бал правили страх, эгоизм, циничная грубая сила и психология выживания любой ценой. В этой трагедии не было героев, и даже жертвы агрессии чаще всего становились ее пособниками.

Сталинская внешняя политика, по Александру Чубарьяну, при всей несомненной брутальности была не аномалией, а неотъемлемой частью общего контекста и вытекала из стремления обезопасить СССР любой ценой, включая умиrotворение агрессора и сотрудничество с ним. Автор далек от того, чтобы оправдывать действия Сталина или изображать его по моде последних лет трезвым (пусть жестоким и циничным) реалистом, избравшим в критической обстановке единственно верный путь. Расширение экономического сотрудничества и доверительных отношений с Германией, перенос идеологической борьбы со стран «оси» на западные демократии, отказ от тактики единого фронта в деятельности Коминтерна, заигрывание с идеей присоединения к антикоминтерновскому пакту не были оправданы рациональными соображениями «баланса сил» и ограничивали свободу рук Москвы в лавировании между двумя враждующими группировками. Этот крен в сторону нацистской Германии, пишет Чубарьян, означал, что Сталин «утратил чувство меры и ощущение реальности» и привел к тому, что «Советский Союз стал как бы заложником Германии и ее действий». Не оправдалась и надежда на затяжную «междоусобную» войну в Западной Европе, в которую СССР сможет вступить по своему выбору на решающей стадии. Эти просчеты усугубили катастрофу июня 1941 года.

---

* Анатолий Васильевич Торкунов — академик РАН, ректор МГИМО.

Немалая доля ответственности за возникновение войны лежит на странах Запада, которые попустительствовали Гитлеру в надежде направить его военную машину на восток. Приводимые автором новые документы (особенно — аналитические материалы британской разведки) дают свежее подтверждение существования таких расчетов, раскрывая подлинный настрой западных элит в отношении СССР и третьего рейха. Большое значение этого фактора признают и объективные западные историки. Своим сговором с Гитлером Сталин отплатил Западу той же монетой. Когда к концу 1940-го — началу 1941 года неизбежность войны с Германией для советского руководства стала ясной, Сталин, с одной стороны, пытался оттянуть ее начало, не давая Гитлеру повода для провокаций, а с другой — стремился максимально затруднить продвижение Германии к советским границам, прежде всего на Балканы и в Финляндию.

Особенно скрупулезно Александр Чубарьян анализирует события предвоенных недель. Полемизируя с тезисом о якобы имевшихся в Кремле планах «превентивной войны» против Германии, он за недостаточностью документальных данных не ставит окончательной точки в этих дебатах. Но тонкий анализ речи Сталина от 5 мая, а также общая интерпретация политики Сталина как преимущественно оборонительной и действовавшей с позиций слабости свидетельствуют против подобных произвольных толкований.

Уроки того времени и для сегодняшнего дня имеют универсальный и почти азбучный характер:

аморализм в политике не доводит до добра, умиротворение агрессора только разжигает его аппетиты, а противление большому злу требует коллективных усилий.

Конечно, мир с тех пор во многом изменился, радикально трансформировалась и Россия, ставшая на путь демократического развития и прагматической внешней политики по защите своих законных национальных интересов. Но многие на Западе продолжают видеть в ней советско-имперскую страну, имманентно враждебную западной цивилизации. Окончание «холодной войны» не устранило застарелых комплексов — опасений сильной России, представления о ее культурно-цивилизационной «чужеродности». Отсюда — непрекращающиеся попытки изолировать нашу страну, создать противовесы ей на постсоветском пространстве, использовать двойные стандарты в оценке ее политики. Но если даже во времена сталинизма политика ведущих стран Запада по обеспечению своей безопасности без участия России и за ее счет была близорукой и окончилась провалом, то теперь она тем более не имеет ни оснований, ни перспектив. Тем не менее в Европе до сих пор нет единой системы коллективной безопасности с полноценным участием России.

Но и нам в России нужно избавляться от некоторых своих закоренелых предубеждений и шатаний между идеализацией Запада, с одной стороны, и его огульным поношением — с другой. Иначе нам опять придется ждать новой смертельной угрозы, чтобы забыть о своих разногласиях.

Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.)

В. И. Дашичев*

Исследование европейской истории, охватывающей период 1938–1939 гг., представляет собой большой политический и научный интерес, поскольку с марта 1938 г., после захвата Германией Австрии, стало ясно, что очередной жертвой агрессивных вождельней А. Гитлера станет Чехословакия и что Европа вступила в предвоенный политический кризис. Выявление особенностей, причин и факторов развития предвоенного кризиса не утратило своего значения и для современности. Ведь в послевоенное время международное сообщество пережило несколько политических кризисов, способных стать предвоенными. Так было, например, во время берлинской блокады 1948 г., организованной по указанию И. В. Сталина, или советско-американского конфликта 1962 г., разразившегося в связи с попыткой Н. С. Хрущева разместить ядерные ракеты на Кубе. Тогда войны удалось избежать, поскольку в международной политике решающую роль стал играть новый сдерживающий фактор — ядерное устрашение. Как представляется, в самое последнее время в Европе проявились тревожные тенденции нового предвоенного политического кризиса в результате американской политики военно-стратегического окружения России, выразившейся в расширении НАТО на восток, непосредственно к «болезненной зоне» России, в планах размещения системы противоракетной обороны США в Восточной Европе, втягивания в НАТО Украины и Грузии, создания американских военных баз на Черном море и по периметру российских границ, в стимулировании и организации конфликтов и напряженности между Россией и соседними с ней государствами постсоветского пространства.

Как свидетельствует исторический опыт, основной причиной возникновения предвоенных

политических кризисов и опасности войны служит великодержавная политика господства. Это наглядно иллюстрирует модель политики гитлеровского руководства, поставившего своей целью установить господство нацистской Германии в Европе. Достигнуть этой цели можно было тогда только военным путем. Поэтому в международной обстановке конца 1930-х гг. центральная задача этой политики состояла в том, чтобы обеспечить стратегические условия для поочередного сокрушения в молниеносных военных кампаниях главных европейских держав и избежать одновременной затяжной борьбы на два фронта. Эта задача обуславливалась своеобразием стратегического положения Германии в центре Европы — между Францией и Великобританией на западе и Советским Союзом на востоке. Поочередный разгром или нейтрализация этих великих держав рассматривались в качестве решающей предпосылки для дальнейшей — после установления гегемонии в Европе — борьбы Германии за мировое господство.

Характер решения данной проблемы в большой степени повлиял на дипломатию Германии, строительство и использование ее вооруженных сил, подготовку театров военных действий, а также предопределил особенности вооруженной борьбы в Европе во Второй мировой войне. Изучение данной проблемы выявляет полную несостоятельность распространяемого некоторыми историками ФРГ тезиса о том, что гитлеровское командование к сентябрю 1939 г. не имело «общего плана войны» («Gesamtkriegsplan»).

В политической и военной стратегии Германии накануне и в ходе Второй мировой войны легко обнаруживаются черты, общие со стратегическим и политическим планированием кайзеровской Германии, поскольку в преддверии обеих мировых войн

* Вячеслав Иванович Дашичев — профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН.

перед германским руководством стояли одни и те же вопросы.

1. Возможно ли с политической и военной точек зрения решить задачу последовательного разгрома Франции, Великобритании и России (СССР), превосходивших Германию по совокупной мощи вооруженных сил?
2. Как наилучшим образом обеспечить политические, экономические и стратегические условия ведения войны?
3. Где наносить первый удар — на западе или на востоке?
4. Каковы способы сокрушения основных противников Германии в Европе?

В целом, руководство и кайзеровской, и нацистской Германии подошло к решению этих проблем примерно одинаково. Поэтому, чтобы лучше раскрыть существо нацистской политической и стратегической концепции накануне Второй мировой войны, необходимо рассмотреть ее исторические корни.

Как известно, европейский баланс сил, который Германия пыталась разрушить в ходе Первой мировой войны, сложился на рубеже XIX и XX веков. С образованием Антанты агрессивным устремлениям Германии противостояли не только самые сильные континентальные державы — Франция и Россия, — но и наиболее могущественный морской соперник в лице Великобритании. В политическом отношении германские правящие круги не смогли ничего сделать, чтобы расстроить Антанту или хотя бы добиться нейтралитета одного из своих соперников на период войны. Этого не позволяли непримиримые противоречия между империалистическими блоками. Следовательно, Германия никак не могла избежать в случае войны крайне опасной для нее необходимости ведения одновременной борьбы на два фронта. На этот случай в арсенале германской дипломатии оставалось фактически одно средство для улучшения политических и стратегических позиций — создать противовес России на ее южном фланге в лице Турции и отдельных балканских государств и сковать Францию с юга путем привлечения на свою сторону Испании и Италии, что к тому же поставило бы под угрозу средиземноморские коммуникации западных союзников. Однако полностью добиться этой цели к началу Первой мировой войны Германии так и не удалось.

Если к этому добавить, что германское военно-политическое руководство игнорировало возможность выступления США и Японии на стороне Антанты, то станет ясно: в политическом отношении война против коалиции европейских держав в 1914 г. Германией подготовлена не была. Но для этого и не имелось объективных предпосылок. И если, несмотря на шаткость политических и стратегических позиций Германии, ее правящие круги решились развязать мировую войну, то это объясняется тем, что они надеялись быстро добиться успеха с помощью военных средств, даже

несмотря на отсутствие для этого благоприятных условий. Немецкие стратеги рассчитывали сокрушить вражескую коалицию прежде, чем она успеет собраться с силами для совместного удара по Германии.

Основным вопросом стратегии кайзеровский генеральный штаб считал правильный выбор направления главных усилий в войне: где наносить первый и решающий удар — по Франции или по России. Необходимость поочередного разгрома этих держав мотивировалась тем, что, вместе взятые, они превосходили по силе Германию, и последняя не могла придерживаться наступательной стратегии одновременно на Восточном и Западном фронтах. Поэтому германские стратеги рассчитывали на успех в войне лишь в том случае, если, ведя оборону минимальными силами на одном фронте, они предпримут широкое наступление большей частью армии на другом фронте. При таком образе действий альфой и омегой победоносного исхода войны они считали быстроту сокрушения противника, против которого будет направлен первый удар. Отсюда вытекали принципы скоротечной, «молниеносной» войны.

В конечном итоге решающее значение имело соображение, где можно добиться наиболее быстрой и полной победы — на Восточном или Западном фронте. Изучая эту проблему, начальник германского генерального штаба Г. фон Мольтке-старший, по мере того как Франция оправлялась от поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., все больше склонялся к выводу, что первый удар следует наносить на западе, по более сильному противнику. Он рассчитывал ввиду «медлительности» восточного противника и вероятного нейтралитета Великобритании разгромить Францию еще до того, как Россия успеет отоблагодетельствовать и сосредоточить свою армию¹.

Однако после заключения в 1879 г. австро-германского договора существенно изменились условия ведения войны против России, и Мольтке-старший принимает новое решение о нанесении первого удара на востоке. Он планировал уничтожить русскую армию одновременным наступлением половины сил немецкой армии из Восточной Пруссии и всей австро-венгерской армии из Галиции. В период наступления на востоке против Франции предполагалось вести оборонительные операции другой половиной, а по более позднему варианту — третьей частью сил германской армии².

Этой концепции придерживались и преемники Мольтке — А. фон Вальдерзее и, некоторое время, А. фон Шлиффен. На ней на протяжении почти 14 лет (до 1894 г.) основывалось стратегическое планирование германским генеральным штабом войны на два фронта.

Заключение франко-русского союза, усиление русской армии, улучшение ее мобилизационных возможностей в связи с постройкой новых железных дорог, возведение системы укреплений вдоль границ с Восточной Пруссией, а также быстрый рост военно-

го и экономического могущества Франции побудили А. фон Шлиффена пересмотреть весь план войны. Уже в 1892 г. он стал серьезно сомневаться в успехе первого удара по России. Ему приходилось считаться с историческим опытом, который свидетельствовал, что для иноземных завоевателей путь на восток всегда был сопряжен с величайшими трудностями и смертельным риском. Еще К. фон Клаузевиц, анализируя опыт наполеоновского нашествия на Россию, писал: «Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее) и, во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций..., но что именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление...»³.

Бескрайность Восточного театра военных действий, отсутствие на нем развитой сети железных дорог, громадные людские ресурсы России, стойкость русского народа в защите Родины, суровые климатические условия, отсутствие реальных шансов навязать русской армии генеральное сражение в пространстве между Вислой и Бугом с целью ее решительного разгрома, а тем более предотвратить ее отход в безграничные просторы русской земли — все это оставляло для германских стратегов мало надежды на быстрый успех на Восточном фронте. Нанесение первого удара по России, вероятней всего, вылилось бы в затяжную войну на истощение, что было для Германии равносильно поражению. В самом лучшем случае германское командование могло рассчитывать лишь на временное ослабление наступательной мощи русской армии, но это не снимало необходимости ведения войны на два фронта.

Против первого удара по России говорило еще одно очень важное обстоятельство — угроза нанесения Францией смертельного удара в промышленное сердце Германии — Рейнско-Вестфальскую область. И германская армия не смогла бы воспрепятствовать этому, если ее основные силы завязли в боях на востоке. «Противник, — писал один из видных германских военных теоретиков Г. Куль, — ни в коем случае не должен был быть допущен до Рейна, так как иначе крайне пострадала бы наша Рейнско-Вестфальская промышленная область и мы потеряли бы Саарский угольный и Лотарингский рудный районы. Потеря же упомянутой области на Западе привела бы к невозможности продолжать войну»⁴.

Иные перспективы для германских политиков и стратегов сулило наступление против Франции. Ограниченность ее территории, близость от немецкой границы ее жизненно важных промышленных и административных центров, казалось, создавали благоприятные условия для того, чтобы, сосредото-

чив на Западном фронте крупные силы, предпринять попытку решительного разгрома французской армии, быстро поразить Францию в самое сердце, вывести ее из войны и тем самым исключить угрозу с запада на период похода против России. Эта идея и была положена в основу известного плана А. фон Шлиффена, развитого в его памятной записке от декабря 1905 г.⁵

Таким образом, кайзеровский генеральный штаб пришел, исходя из оценки объективных условий, к выводу, что единственная возможность избежать изнурительной и бесперспективной войны на два фронта открывается в случае быстрого и победоносного наступления на Западном фронте против Франции. Россия как объект первого стратегического удара отпадала.

Разработанный германским генеральным штабом план сокрушения Франции строился целиком и полностью на идее «скоротечной войны». И это вполне понятно — затяжные боевые действия создавали для Германии неразрешимые трудности политического, военного и экономического характера. В первую очередь они могли повлечь за собой угрозу крупного наступления России на Восточном фронте, вызвать расширение антигерманской коалиции, ослабить влияние Германии на союзные ей и нейтральные страны, ухудшить продовольственное положение, сузить сырьевую и производственную базы, создать опасность социальных потрясений внутри страны.

К наиболее существенным чертам стратегического плана, с которым Германия вступила в Первую мировую войну, относятся следующие.

1. Сосредоточение на Западном фронте подавляющей части сил с оставлением на востоке минимального количества войск, необходимых для ведения активной обороны против русской армии. Силы Западного фронта составляли около 80% всей германской сухопутной армии.
2. Идея разгрома Франции с помощью гигантского стратегического охвата и нанесения главного удара сильным правым крылом Западного фронта на наименее прикрытом противником участке, через нейтральные Бельгию и Люксембург в направлении Парижа. После захвата французской столицы предполагалось повернуть ударную группировку войск на восток с целью окружения и окончательного уничтожения армии противника, прижатой с запада к германским границам и Швейцарии.
3. Небывалое массирование сил на направлении главного удара, особенно в 35-километровой полосе прорыва между голландской границей и Мальмеди, где была сосредоточена в глубоком оперативном построении почти половина всех войск, развернутых против Франции (при общем равном соотношении сил сторон на Западном фронте). Возлагая все надежды на сокрушающую мощь первоначального удара,

- германский генеральный штаб оставил Западный фронт фактически без стратегических резервов.
4. Наступление против Франции было основано на принципе стремительного продвижения вперед, чтобы не давать застигнутому врасплох противнику времени для организации обороны на новых рубежах.

Германский план войны не учитывал целого ряда важнейших политических, военных и экономических факторов, исходил из ложных предпосылок, а потому являлся глубоко авантюристическим и потерпел в конечном итоге полный провал⁶. Тем не менее, план войны, разработанный и принятый уже в нацистской Германии, был как две капли воды похож на своего предшественника. Вместе с тем, международные условия для его выполнения стали существенно иными. Важнейшим фактором, изменившим всю стратегическую ситуацию и расстановку сил в Европе, явилось отпадение от капитализма России — бывшего союзника Франции и Великобритании в борьбе против Германии. Общности интересов, на которой основывалась Антанта, больше не существовало. К сложному переплетению межимпериалистических противоречий на международной арене прибавился новый антагонизм — между социализмом и капитализмом. Это радикально изменило взаимоотношения в лагере потенциальных противников Германии. Противоречивый характер этих отношений определялся, с одной стороны, классовым антагонизмом между Советским Союзом и западными державами, а с другой — необходимостью борьбы против новой, угрожавшей всем германской агрессии. Отсюда в политике Великобритании и Франции по отношению к Советскому Союзу выявились две тенденции: во-первых, резко выраженная антикоммунистическая и антисоветская направленность, во-вторых, стремление использовать Советский Союз в борьбе против агрессивных планов Германии, угрожавших британским и французским жизненным интересам.

Первая тенденция до определенного времени носила более устойчивый и сильный характер⁷. Это, как ничто иное, вселяло в германских политиков надежды на возможность добиться того, что им не удалось сделать до 1914 г., — расстроить образование антигерманской коалиции и тем самым избежать в новой войне необходимости одновременной борьбы на два фронта. Резкое обострение межимпериалистических противоречий, порожденное Версальско-Вашингтонской системой, также создавало благоприятную почву для подготовки нацистской Германией реванша. Немаловажную роль сыграли в этом и противоречия между державами-победительницами.

Изменившаяся международная обстановка побуждала Францию искать новые способы сдерживания своего исторического противника. Этой цели французы рассчитывали достичь путем ослабления Германии: отторжения от нее или, по меньшей мере, демилитаризации Рейнской области, ограничения

ее вооружений, выкачивания из нее контрибуций, а также создания системы союзов со странами Центральной и Юго-Восточной Европы (Малой Антанты). Немалые надежды с точки зрения «самообеспечения» безопасности Франции возлагались на «линию Мажино», строительство которой началось в 1930 г.

Правящие круги Франции пытались также обеспечить свои интересы в Европе посредством гарантийного пакта с США и Великобританией, однако такой путь оказался нереальным. Американский Сенат не ратифицировал этот пакт. Интересы США в Европе резко сталкивались с французскими и были направлены на возрождение военного могущества Германии. Великобритания, верная своему старому принципу поддержания равновесия сил в Европе, также не могла допустить французской гегемонии, постепенно вернулась к своей традиционной политике и начала выступать в пользу Германии, чтобы создать противовес Франции, а также оплот борьбы против Советского Союза.

Рост военной угрозы со стороны Германии с приходом к власти А. Гитлера заставил наиболее дальновидных представителей правящих кругов Франции — таких как Л. Барту и Э. Эррио — вновь обратиться к идее традиционного союза с Россией (СССР), который и был заключен в мае 1935 г. Этот договор мог бы послужить надежной основой коллективной безопасности в Европе, если бы не был перечеркнут последующей мюнхенской политикой Франции и ее британских партнеров. Здравые интересы национальной безопасности уступили место в политике английских и французских правящих кругов идее канализировать агрессию нацистской Германии на восток, втравить ее в военный конфликт с Советским Союзом, заставить обе эти державы обескровить друг друга в обоюдной борьбе, чтобы затем продиктовать им свои условия. Этот внешнеполитический курс исходил из совершенно неверной оценки действительных стратегических планов гитлеровского руководства и открывал перед ним такие возможности избежать войны на два фронта, о которых ранее кайзеровские генералы не смели даже мечтать.

Новым обстоятельством, значительно усложнившим Германии подготовку войны, явилась проблема «буферных государств» — Австрии, Чехословакии, Польши, прибалтийских стран. Накануне Первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия, занимая срединное положение в Европе и непосредственно гранича с Россией и Францией, могли беспрепятственно развернуть свои вооруженные силы у границ этих держав в соответствии с планом войны и открыть в нужный момент боевые действия.

После Первой мировой войны в Центральной и Восточной Европе возник ряд малых и средних государств. Германия оказалась отделенной территориально от Советского Союза. Поэтому нацистскому руководству, прежде чем начать войну за господство в Европе, необходимо было обеспечить себе выгод-

ные стратегические позиции путем устранения или подчинения этих государств. На первом этапе подготовки агрессии выполнение этой задачи имело для Германии доминирующее значение. Оно являлось преддверием к борьбе против главных противников в Европе. Это нашло свое отражение во внешнеполитическом и военно-стратегическом планировании германским руководством в 1935–1939 гг. операций по захвату Австрии (план «Отто»), Чехословакии (план «Грюн»), Польши (план «Вайс»).

Важнейшая задача внешней политики Германии в этот период состояла в том, чтобы предотвратить возникновение новой антигерманской коалиции великих держав. Ловко играя на антисоветских устремлениях западных держав, она неизменно продвигалась к этой цели. «Официально, — говорил И. фон Риббентроп, раскрывая смысл политики Германии, — в качестве врага будет названа Россия, но в действительности все будет направлено против Франции и Англии. Выступление одновременно против Англии, Франции и России было ошибкой, и она не должна быть повторена»⁸.

Во внешнеполитической пропаганде Германии подчеркнутое значение придавалось борьбе против большевизма. Так обеспечивалась подготовка мюнхенского соглашения между А. Гитлером, Н. Чемберленом и Э. Даладье. Эта сделка была воспринята И. В. Сталиным как стремление западных демократий канализировать экспансию Германии на восток, против Советского Союза. Для подозрительной натуры Сталина, обремененной к тому же идеологическими соображениями, это послужило веским основанием для поиска аналогичной сделки с Гитлером, направленной против Франции и Великобритании. Мюнхен, безусловно, сыграл роковую роль в продвижении Европы на пути ко Второй мировой войне.

Не менее важной задачей германской дипломатии являлось заблаговременное создание коалиции, которая должна была облегчить Германии борьбу против главных противников в Европе. Ее усилия на этом направлении увенчались оформлением в октябре 1936 г. «Оси» Рим — Берлин, а годом позже — Антикоминтерновского пакта Германии, Италии и Японии, дававшего Германии возможность обеспечить себе выгодные исходные позиции для войны против Великобритании, Франции, Советского Союза и США. «Цель сотрудничества, установленного пактом трех, — говорилось в директиве А. Гитлера № 24, — должна заключаться в том, чтобы как можно быстрее побудить Японию к активным действиям на Дальнем Востоке. Благодаря этому будут скованы крупные английские силы, а основное внимание Соединенных Штатов Америки привлечено к Тихому океану»⁹.

Большие надежды гитлеровское руководство возлагало и на взаимодействие германских и японских вооруженных сил в борьбе против Советского Союза, что поставило бы его армию перед необходимостью вести борьбу на два фронта.

Крупное значение придавалось обеспечению политических и стратегических позиций на Пиренейском полуострове для окружения Франции и подрыва британских коммуникаций на Средиземном море. Одной из главных задач присутствия немецких войск в Испании являлось достижение именно этой цели.

Установление господства в странах Балканского полуострова также рассматривалось как важнейшее условие для ведения большой европейской войны. Активность германской дипломатии на этом направлении привела к присоединению к Тройственному пакту Венгрии и Болгарии. Чтобы разрушить систему союзов Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе, Германия предпринимала усиленные попытки перетянуть на свою сторону Польшу и Югославию. Одновременно это должно было обеспечить ей благоприятные возможности для нападения на Советский Союз. Таковы были основные направления деятельности германской дипломатии, нацеленной на создание благоприятных политических и стратегических условий для поочередного разгрома Франции, Великобритании и Советского Союза.

Таким образом, если накануне Первой мировой войны стратегическая концепция Германии не включала одновременной борьбы на два фронта, из чего исходил план А. фон Шлиффена, то ко Второй мировой войне А. Гитлер и его генералы шли с надеждой, что им при определенных условиях удастся избежать такой борьбы. Вопрос о том, где наносить первый удар в войне — на западе или на востоке, гитлеровское руководство решало в общем так же, как и кайзеровский генеральный штаб.

Что касается британской проблемы, то подход к ней А. Гитлера с течением времени претерпел существенные изменения. С середины 1920-х гг. он считал возможным найти общий язык с Великобританией на почве размежевания сфер интересов и тем самым удержать ее вне войны на континенте. «При самом трезвом и холодном размышлении, — писал Гитлер, — ныне в первую очередь Англия и Италия являются теми двумя государствами, чьи естественные собственные интересы по меньшей мере в самом существе не противоречат жизненным основам немецкого народа и даже в определенной мере совпадают с ними»¹⁰. Достижение союза с Великобританией, по идее Гитлера, привело бы к распаду антигерманской коалиции, позволило бы Германии успешно вести войну и «рассчитаться» с ее «смертельным врагом» — Францией¹¹.

Эта ранняя стратегическая концепция А. Гитлера, предусматривавшая нейтрализацию Великобритании с целью создания условий для разгрома Франции и последующего нападения на Советский Союз, нашла свое отражение также в рукописи «Второй книги» Гитлера, написанной в 1928 г., но не изданной по «государственным соображениям» при нацистском режиме. Она была опубликована в ФРГ лишь в 1961 г.¹².

В подготовке войны германское руководство придавало решающее значение игре на противоречиях между СССР и западными державами, стремясь разобщить их, изолировать друг от друга. При благоприятных обстоятельствах А. Гитлер считал возможным и необходимым пойти даже на временное сближение с Советским Союзом. Смысл такого сближения он объяснял в одной из бесед с Г. Раушнинггом в 1934 г. так: «Вероятно, мне не избежать союза с Россией. Я придержу его в руке как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни. Ее нельзя преждевременно начинать... Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на западе. Глупо было бы думать, что мы будем всегда идти прямолинейно, куда глядит нос, в нашей борьбе. Мы будем менять фронты, и не только военные...»¹³.

Вопреки расчетам А. Гитлера и его окружения развитие политических событий показало, что британские правящие круги не откажутся от своей традиционной политики поддержания равновесия сил в Европе и недопущения гегемонии какой-либо одной державы. Они недвусмысленно дали германскому правительству понять, что будут защищать свои интересы на Рейне. Стало очевидно, что экспансия Германии в Европе неизбежно приведет к военному конфликту и с Великобританией. В донесении от января 1938 г. И. фон Риббентроп писал в Берлин: «Англия не хочет иметь по соседству слишком могущественную Германию, которая была бы постоянной угрозой для нее. Она будет бороться против этого»¹⁴. На совещании высшего генералитета 23 мая 1939 г. А. Гитлер констатировал: «Необходимо готовиться к борьбе. Англия видит в нашем развитии опасность возникновения господствующей державы, которая подорвет ее могущество. Поэтому Англия — наш враг, и борьба с ней будет не на жизнь, а на смерть»¹⁵.

Тем не менее, решение о нанесении первого удара в войне на западе осталось неизменным. Объективные условия, по мнению гитлеровского руководства, не позволяли Германии начинать борьбу против главных противников с нападения на Советский Союз. В войне на востоке фактор пространства действовал против фактора времени. Это шло вразрез со стратегией «блицкрига». Обосновывая принятую нацистским руководством последовательность нанесения решающих ударов, один из ведущих стратегов вермахта генерал А. Йодль говорил: «Война с Россией — это такая война, где знаешь, как начать, но не знаешь, чем она кончится. Россия — это не Югославия и не Франция, где войну можно быстро довести до конца. Пространства России неизмеримы, и нельзя было предположить, что мы можем идти до Владивостока»¹⁶.

Кроме того, командование вермахта полностью отдавало себе отчет в том, что западные державы могут и будут терпеть германскую агрессию на восток до поры до времени, пока она не перерастет для

них самих в реальную опасность, после чего следовало ожидать их выступления против Германии. А это грозило снова вызвать затяжную войну на два фронта. Причем на западе союзники могли захватить и парализовать жизненные центры Германии, без которых она не могла продолжать борьбу. «Самая большая и грозная опасность, — указывалось в одной из директив А. Гитлера, — заключается в следующем. Предпосылкой любого успешного ведения войны является обеспечение бесперебойной работы Рурской области. Всякое серьезное нарушение производства в этой области не может быть восполнено производством в других районах. И это рано или поздно может привести к подрыву немецкой военной экономики и тем самым военной мощи... Поскольку эта слабость известна Англии и Франции так же хорошо, как и нам, англо-французское руководство, если оно захочет уничтожить Германию, попытается любой ценой добиться этой цели»¹⁷.

Итак, руководство Германии в поисках решения проблемы поочередного разгрома европейских держав вынуждено было принять ту же общую стратегическую схему войны, которой в свое время придерживался кайзеровский генеральный штаб. 23 мая 1939 г. А. Гитлер, допуская даже вероятность одновременной борьбы на два фронта, заявил на совещании высшего генералитета: «Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии потребует сначала напасть на Англию и Францию, нанеся им быстрые уничтожающие удары»¹⁸.

Вопрос о развязывании большой войны являлся для гитлеровского руководства решенным делом. Еще в 1936 г. оно установило срок готовности экономики и вооруженных сил Германии к войне — 1939 г. На совещании политических и военных руководителей Германии 5 ноября 1937 г. было решено приступить к практическому осуществлению агрессивного курса. В общем и целом концепция войны была готова. Она выглядела так:

1. Сначала ликвидация «буферных» государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в целях улучшения стратегических и экономических позиций Германии для борьбы против главных противников в Европе — СССР и Франции, а также Великобритании;
2. Нанесение первого удара на западе с целью разгрома Франции, вывода из войны Великобритании, занятия всей Западной Европы, чтобы создать решающие стратегические и экономические предпосылки для сокрушения Советского Союза;
3. Разгром Советского Союза как важнейшее условие установления полного господства фашистской Германии в Европе и последующей борьбы за мировое господство.

Против планов развязывания войны, озвученных А. Гитлером и верхушкой германского генералитета, выступил начальник генерального штаба

сухопутных войск генерал-полковник Людвиг Бек. В своих многочисленных аналитических записках политическому руководству он выразил точку зрения, согласно которой Германии, намного уступающей в совокупном военном и экономическом потенциале европейским державам, не удастся избежать борьбы на два фронта. Поэтому она потерпит поражение и будет «выдана на милость победителей». Он был даже против захвата Чехословакии, считая, что это приведет к европейской войне. Большинство немецкого генералитета не поддержало Бека и его немногочисленных сторонников. Гитлер назвал его «нытиком». В августе 1938 г. он был вынужден уйти в отставку.

20 февраля 1938 г. А. Гитлер заявил с трибуны рейхстага о готовности Германии «взять под защиту» 10 миллионов немцев, проживавших в Австрии и Чехословакии. Это была открытая заявка на развертывание агрессии в Центральной Европе. 12 марта Германия без труда удалось осуществить аншлюс Австрии. Сразу после этого началась подготовка к захвату Чехословакии. Этому содействовала политика «умиротворения» Великобритании и Франции. 30 сентября 1938 г. их премьер-министры — Н. Чемберлен и Э. Даладье — подписали Мюнхенское соглашение с Гитлером и Б. Муссолини. Судетская область передавалась Германии. Четыре державы брали на себя гарантии неприкосновенности оставшейся части Чехословакии. Но они остались на бумаге. 15 марта 1939 г. вермахт в один день оккупировал Богемию и Моравию, прекратив существование независимого чехословацкого государства. На очереди стало более крупное «буферное» государство — Польша. 3 апреля 1939 г. был установлен срок готовности к нападению на нее — 1 сентября.

Экспансия Германии в Центральной Европе не могла не вызвать тревоги среди трезво мыслящих политиков во Франции и Великобритании, опасавшихся, что эта экспансия может превратиться в смертельную угрозу и для их стран. В знак протеста против политики Н. Чемберлена в отставку подал министр иностранных дел Великобритании Э. Иден. В марте 1939 г., вскоре после оккупации Чехословакии, французский посол в Берлине докладывал своему правительству: «Потребуется ли Германии Гитлера передышка в связи с поднявшейся волной возмущения, которую вызвали ее действия, после того как она в течение года приобрела 18 млн. новых подданных, среди них 7 млн. инородцев? Или она, скорей всего, продолжит свое продвижение в восточном направлении, используя достигнутую внезапность и растерянность центрально-европейских государств? Не поддастся ли она искушению повернуть на запад, чтобы наконец сломить сопротивление западных держав, которые ограничивают ее свободу действий на востоке? Другими словами, не поддастся ли фюрер соблазну возвратиться к идеям, выраженным ранее в его книге „Моя борьба“ и, между прочим, полно-

стью совпадающим с классическими принципами германского генерального штаба, заключающимися в том, что империя может выполнить свою историческую задачу на востоке лишь после разгрома Франции и вытекающего из него полного подрыва мощи Англии на континенте»¹⁹. В британских правящих кругах после захвата Германией Чехословакии появились сомнения в правильности курса на канализацию нацистской экспансии в сторону СССР. Генеральный штаб Великобритании очень низко оценивал боеспособность Красной Армии после сталинских «чисток» и опасался, что если Германия нападет на Советский Союз, он будет быстро разбит. Тогда А. Гитлер установит свое безраздельное господство на континенте, и Великобритании придется очень туго.

Следует отметить, что советский Генеральный штаб в 1930-е гг. правильно определил сущность германской стратегии. Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский в статье «Военные планы нынешней Германии», опубликованной в «Правде», писал в той мере, в какой ему позволял его официальный пост: «Само собою понятно, что империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское острие. Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс). Помимо всего прочего, нельзя отрицать и того, что Германии нужна французская руда. Ей необходимо и расширение ее морской базы. Опыт войны 1914–1918 гг. показал со всей очевидностью, что без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское могущество Германии невозможно построить»²⁰. Конечно, И. В. Сталин был информирован об этих оценках Генерального штаба. Они наводили на мысль о возможности использовать в «классовых интересах» эти планы А. Гитлера для создания «Мюнхена наоборот», что и было сделано 23 августа 1939 г.

С 1933 г. советская дипломатия активно стремилась создать систему коллективной безопасности против угрозы нацистской агрессии. В июне 1933 г. Советский Союз обратился ко всем странам с предложением подписать конвенцию об определении агрессии и нападающей стороны (агрессора). В июне 1934 г. Советский Союз выступил за сокращение и ограничение вооружений, за выработку соглашений, гарантирующих безопасность европейских государств, за принятие превентивных мер, способных предотвратить военные конфликты. В сентябре 1935 г. в противовес концепции «западной безопасности» советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов провозгласил в Лиге Наций лозунг: «Мир неделим!» «Мир..., — заявил он, — может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий».

Но на фоне предвоенного кризиса, поразившего Европу в марте 1938 г., особенно явственно проявилась «классовая близорукость» и ущербность

предвоенной политики как западных держав, так и сталинского руководства, оказавшихся неспособными трезво оценить угрозу, исходившую от Германии, и принять коллективные меры противодействия ей. Вместо этого они позволили А. Гитлеру ловко обыграть противоречия между ними в своих интересах. В результате на свет появился пакт о ненападении между Германией и СССР²¹. Он означал громадную победу нацистской дипломатии и нанес трудно измеримый ущерб национальным интересам Советского Союза и остальных стран Европы. Его заключение не было согласовано И. В. Сталиным ни с Политбюро, ни с Верховным Советом. Пакт сыграл роковую роль в развитии Европы. Благодаря ему Гитлер смог бросить вермахт против Франции, не опасаясь за свой тыл на востоке. Произошел раздел Польши и были установлены сферы влияния между нацистской Германией и Советским Союзом в Европе. Демократическое антифашистское движение было сбито с толку и деморализовано. Развязанная Гитлером война в Европе быстро переросла в мировую.

Из анализа развития военно-политических событий в Европе, приведших к Второй мировой войне, можно сделать некоторые поучительные выводы.

1. В развязывании войны были повинны в той или иной степени все ведущие европейские державы. Главная и исключительная вина лежит на гитлеровском руководстве Германии, рвавшемся к войне. Мюнхенская политика западных держав, как и пакт о ненападении между Германией и СССР способствовали развязыванию нацистской агрессии.
2. Источником войны всегда служила и служит политика глобального (или регионального) господства. Она является самым деструктивным и опасным фактором международных отношений. Это можно отчетливо видеть на примере идеологии, политической и военной доктрины нацистской Германии.
3. Политика господства над народами, проводимая великой (или супер-) державой, может иметь временный успех, если ей не противопоставлен

объединенный фронт стран, национальным интересам и существованию которых угрожает эта держава. Разобщенность сил, призванных противостоять политике господства, позволяет экспансивной державе добиваться своих целей и развязать войну.

4. Своими действиями на международной арене экспансивная держава создает обстановку предвоенного политического кризиса, который, как правило, заканчивается всеобщей войной.
5. Характерными признаками предвоенного политического кризиса являются: а) решимость экспансивной державы установить свое глобальное или региональное господство; б) проведение ею локальных войн с целью расширения своих военно-стратегических и экономических позиций; в) ее неукротимое стремление установить военное превосходство на глобальном или региональном уровне над потенциальными противниками путем гонки вооружений; г) политика дестабилизации и разобщения противостоящих ей сил; д) создание из зависимых и покоренных стран коалиции, служащей интересам экспансивной державы.
6. Никогда еще политика господства не приносила окончательного успеха и обязательно заканчивалась поражением экспансивной державы. Об этом свидетельствует исторический опыт со времен Наполеона.

Нетрудно заметить, что эти выводы очень переключаются с развитием международной обстановки после распада Советского Союза, которая характеризуется переходом правящих кругов США к активной политике глобального господства. Цели и принципы этой политики были изложены в «Проекте создания нового американского века» (The Project for the New American Century, PNAC), легшего в основу внешнеполитического курса администрации Дж. Буша-мл. Но уже к концу его президентства выявился глубокий кризис этого курса, усиленный глобальным финансово-экономическим кризисом. Чем окончится этот кризис, не знает пока никто.

¹ Зайончковский Л. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 61.

² Beck L. Studien. Stuttgart, 1950. S. 156.

³ Клаузевиц К. О войне. М., 1941. Т. 1. С. 211–212.

⁴ Куль Г. Германский генеральный штаб. М., 1922. С. 180.

⁵ В полном виде эта памятная записка впервые опубликована в 1956 г. в ФРГ Г. Риттером (Ritter G. Der Schlieffenplan. Munchen, 1956).

⁶ Подробнее об этом см.: Дашичев В. И. Проблема борьбы на два фронта в стратегии германского милитаризма // Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

⁷ Имея в виду эту двойственность в политике западных держав, в первую очередь Франции, Дж. Кейнс очень образно писал: «То же самое противоречие целей явственно выступает в позиции, занятой Советом союзников в Париже по отношению к нынешнему германскому правительству. Победа спартакизма в Германии явилась бы прелюдией к революции повсюду; она увеличила бы силы большевизма в России и ускорила бы ее страшный союз с Германией; она, несомненно, положила бы конец всем ожиданиям, построенным на финансовых и экономических статьях мирного договора. Вот почему Париж не любит спартакизм. И, с другой стороны, победа реакции в Германии, по общему мнению, явилась бы угрозой спокойствию Европы и подвергла бы опасности все плоды победы союзников и основы мира. Кроме того, новая военная сила, утвердившаяся на востоке, имея свой духовный центр в Бранденбурге и привлекая к себе все военные таланты и всех

воинственных искателей приключений, всех тех, кто с любовью вспоминает об императорах и ненавидит демократию, сила, охватывающая Восточную, Центральную и Юго-Восточную Европу, географически недоступная для военного проникновения союзников, могла бы создать, как по крайней мере представляется воображению робких умов, новое владычество наполеоновского стиля, подобно фениксу возродившееся из пепла мирового милитаризма. Вот почему Париж не любит Бранденбург» (Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1924. С. 132).

⁸ Weizsäcker E. Erinnerungen. München, 1950. S. 154.

⁹ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a. M., 1962. S. 103–104.

¹⁰ Hitler A. Mein Kampf. Berlin, 1937. S. 615.

¹¹ Ebenda. S. 662. См. также: Strasser O. Hitler and J. New York, 1940. P. 209.

¹² Adolf Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928 / Institut für Zeitgeschichte, Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Band VII. Stuttgart, 1961. S. 163.

¹³ Rauschning H. Gespräche mit Hitler. Zurich, 1940. S. 126.

¹⁴ International Military Tribunal (IMT). Vol. 39. P. 96–97.

¹⁵ IMT. Vol. 36. Doc. 79-L.

¹⁶ Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 88.

¹⁷ IMT. Vol. 37. Doc. 052-L. P. 472, 473.

¹⁸ IMT. Vol. 36. Doc. 79-L.

¹⁹ Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Geschichte des zweiten Weltkrieges / Herausg. von M. Freund. Band II. Freiburg, 1954. S. 38.

²⁰ Правда. 1935. 31 марта.

²¹ Подробно об этом пакте см.: Дашичев В. И. «Классовая» недальновидность. Что скрывалось за пактом о ненападении между Гитлером и Сталиным. Прошлое будущего // Политический класс. 2008. № 11. Ноябрь.

Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР

Е. Н. Кульков*

18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное наименование «Барбаросса» — прозвище германского короля Фридриха I, который, став в 1155 г. императором Священной Римской империи, проводил особо агрессивную захватническую политику и бесславно погиб во время Третьего крестового похода.

Основную суть директивы, пожалуй, наиболее ярко отражала фраза, с которой она начиналась: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»¹.

Подписание этой директивы явилось как бы подведением итогов одного и началом нового решающего этапа германской агрессии, официально зафиксированным верховным главнокомандующим германских вооруженных сил. К тому времени нацистская Германия захватила господствующее положение в Западной Европе и ей оставалось сокрушить только Советский Союз для того, чтобы установить свой «новый порядок» во всей континентальной Европе.

Замысел уничтожения СССР Гитлер вынашивал с самого начала своей политической карьеры в качестве нацистского фюрера. В книге «Моя борьба», первое издание которой вышло в свет еще в 1925 г., он писал: «Мы возобновляем движение в том на-

правлении, в котором оно было приостановлено шесть веков тому назад. Мы прекращаем германское движение на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на Востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную политику... и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»².

С тех пор идея уничтожения СССР занимала особое место во внешнеполитической программе Гитлера и его приверженцев по нацистской партии. Незадолго до прихода к власти Гитлер в разговоре со своими сподвижниками заявлял: «Не только русские пограничные территории, но вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»³.

Глава аграрно-политического управления нацистской партии О. Дарре, будущий министр продовольствия и сельского хозяйства в правительстве Гитлера, в то время уже занимался вопросами о завоевании земель на Востоке. В состав Германии он предлагал включить Прибалтийские государства, Украину и «кавказские государства». Гитлер в узком кругу одобрил это предложение. Он заявил, что «на Востоке, находится наше великое поле для экспериментов». Об этих «экспериментах» Даре говорил следующее: «Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов...»⁴.

О том, что Гитлер и нацистская верхушка в целом питали особую приверженность идее захвата советских земель, свидетельствовало и его первое сошествие с высшим командованием рейхсвера после вступления на пост рейхсканцлера. На этом совещании, проходившем 3 февраля 1933 г., Гитлер заявил, что его правительство одной из самых приоритетных

* Евгений Николаевич Кульков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

задач в области внешней политики считает «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию»⁵. Под «германизацией» той или иной территории нацисты подразумевали заселение ее немцами и родственными им по крови другими представителями германской расы, уничтожение или превращение коренного населения в рабов немецких хозяев.

Гитлеровское правительство, обвинив западные державы в нежелании разоружаться, в октябре 1933 г. отозвало свою делегацию с Женевской конференции по разоружению и объявило о своем выходе из Лиги Наций. Тем самым оно сбросило с себя международные обязательства, мешавшие ему развернуть тайную, а затем и открытую подготовку к ведению захватнических войн.

16 марта 1935 г. в нарушение Версальского мирного договора 1919 г. в Германии была введена всеобщая воинская обязанность и создано главное командование сухопутных войск (*сокр.* ОКХ от нем. *Oberkommando des Heeres*) с генеральным штабом. В том же месяце были легализованы германские военно-воздушные силы, строительство которых тайно началось еще в 1933 г. В июне 1936 г. было создано главное командование ВВС (*сокр.* ОКЛ от нем. *Oberkommando der Luftwaffe*) и генеральный штаб ВВС. В июне 1935 г. было создано главное командование военно-морских сил (*сокр.* ОКМ от нем. *Oberkommando der Kriegsmarine*) и штаб ведения войны на море. Важным импульсом для развития ВМС явилось англо-германское морское соглашение от 18 марта 1935 г. По этому соглашению Германия получила право иметь флот, тоннаж которого достигал бы 35% тоннажа флота Британской империи.

28 августа 1936 г. Гитлер издал «Меморандум об экономической подготовке к войне». В нем говорилось следующее: «I. Немецкая армия через четыре года должна быть боеготовой. II. Немецкая экономика через четыре года должна быть готовой к войне»⁶. В меморандуме подчеркивалось, что степень вооружения должна быть такой, которая позволит ей «с видами на успех» вести войну против СССР. Г. Геринг, назначенный в сентябре 1936 г. Гитлером генеральным уполномоченным по выполнению четырёхлетнего плана, ознакомив с содержанием этого документа членов правительства, утверждал: «Война с Россией неизбежна»⁷.

1 октября 1936 г. четырёхлетний план вступил в действие. Главное внимание в ходе его выполнения уделялось наращиванию мощи сухопутных войск. В августе 1937 г. главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник В. Фрич в меморандуме военному министру В. Бломбергу писал: «Как континентальная держава мы должны одержать наши победы на суше...»⁸.

Нацистская пропаганда в то время была нацелена на то, чтобы внушить немцам мысль о вы-

годности захватнической войны против СССР. Тон такой пропаганде задавал сам Гитлер. 12 сентября 1936 г. в своей речи на съезде нацистской партии в Нюрнберге он заявил: «Если бы Урал со своими многочисленными сырьевыми запасами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми площадями под зерновыми культурами находились в подчинении Германии, под руководством национал-социалистов, то немцы жили бы в изобилии. Мы стали бы производить столько, что каждый немец имел бы для жизни более чем достаточно»⁹.

Руководство Третьего рейха в то же время постоянно занимал вопрос, как еще до нападения на СССР свести счеты с западными демократиями, которые навязали Германии в 1919 г. крайне жестокие условия Версальского мирного договора, лишив её значительной части ранее принадлежавших ей земель и всех заморских территорий. Поэтому оно вскоре после захвата власти начало искать себе союзников среди тех стран, руководство которых отличалось бы наибольшей агрессивностью и стремилось бы к новому переделу мира, было бы враждебно настроено не только против СССР, но и Великобритании, Франции и США. Его выбор пал на фашистскую Италию и милитаристскую Японию, которые, как и нацистская Германия, руководствовались не только антикоммунизмом и антисоветизмом, но и явно стремились к насильственной ревизии мирового устройства, установившегося после Первой мировой войны. По мнению Гитлера, только эти две державы, как и Германия, могли бы «с видами на успех» вести войну против СССР. Все прочие капиталистические страны были отнесены им к числу «зараженных марксизмом», не способных вести войну против Советского Союза и поэтому «обреченных на гибель».

Начало германо-итальянскому сближению положила поддержка Германией захватнической войны Италии против Эфиопии в 1935–1936 гг. и итало-германская интервенция на стороне мятежников генерала Ф. Франко в годы гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании, а также заключенное в сентябре 1936 г. секретное соглашение между Гитлером и Муссолини о том, что Германия поддержит Италию в борьбе против западных демократий за господство в Средиземном море, а Италия будет поддерживать стремление Германии к установлению господства в Прибалтике. Официально начавшееся германо-итальянское сотрудничество было закреплено в так называемом Берлинском протоколе от 23 октября 1936 г., в котором Германия признала захват Италией Эфиопии, а Италия обязалась проводить выгодную для Германии политику, в частности поддержать ее усилия, направленные на приобретение колоний. Обе стороны согласились расширять военную помощь мятежникам в Испании, согласовывать свою политику в отношении Англии и Франции, «всеми силами бороться против коммунистической пропаганды»¹⁰. Так возникла «ось Берлин — Рим».

Германо-японское сближение началось на почве воинствующего антикоммунизма, совместного желания уничтожить Советский Союз, захватить его богатства. С мая 1935 г. по инициативе Германии начались секретные германо-японские переговоры на предмет заключения союзного договора. Эти переговоры длились довольно долго, так как в то время большая часть правящих кругов Японии все еще ориентировалась на сохранение сотрудничества с США и Англией, опасаясь вызвать их недовольство сближением с Германией. Кроме того, Германия являлась одним из конкурентов Японии в борьбе за китайский рынок. Неурегулированным оставался вопрос, связанный с дальнейшей судьбой части бывших колоний Германии в районе Южных морей, которые по Версальскому миру были объявлены японскими владениями. В этой сложной ситуации нацисты и японские милитаристы в обход обычных дипломатических каналов все же сумели провести свою линию. По предложению германской стороны было решено подписать германо-японское соглашение против Коммунистического Интернационала. Это решение было одобрено японским императором и Гитлером, считавшим, что «борьба против коммунизма и коммунистических идей» будет способствовать осуществлению его плана «расчленения России»¹¹.

25 октября 1936 г. в Берлине состоялось подписание «Соглашения против Коммунистического Интернационала» (Антикоминтерновский пакт), по которому Германия и Япония обязались в течение пяти лет совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического Интернационала». Кроме того, стороны подписали дополнительное секретное соглашение, по которому обоюднo обязались не принимать каких-либо мер, способствующих облегчению положения СССР в случае его «непровоцированного нападения» на Германию или Японию¹².

6 ноября 1937 г. был подписан протокол о присоединении к Антикоминтерновскому пакту Италии. Германия и Япония признали этот протокол «равноценным подписанию оригинальному тексту пакта» подчеркнув тем самым, что признают Италию своим полноправным партнером¹³.

С объединением Германии, Италии и Японии в рамках Антикоминтерновского пакта возник так называемый «мировой политический треугольник», явившийся прологом к формированию военного союза трех агрессивных держав.

По мере того, как росла германская военная мощь, гитлеровское правительство все более склонялось к тому, чтобы сначала разгромить Францию и заставить Англию признать его притязания на установление германского господства в континентальной части Европы. В связи с этим Гитлер в узком кругу единомышленников говорил, что при определенных

обстоятельствах он может пойти даже на временный компромисс с СССР, что явится «решающей игрой в его жизни». «Но никто и никогда, — заявлял Гитлер, — не сможет удержать меня от решительного поворота назад и наступления против России после того, как я достигну своих целей на Западе. Разгром СССР, по его словам, должен был «открыть Германии ворота к установлению мирового господства»¹⁴.

Начинать борьбу за мировое господство с захватнической войны против СССР нацистская верхушка не хотела также потому, что видела в нем более сильного противника, чем Франция и Англия. Один из германских военных теоретиков в 1935 г. писал: «Совершенно не подлежит сомнению, что при вторжении в такое громадное пространство, как Советский Союз, придется столкнуться с упорным сопротивлением партизанских групп, действия которых многократно увеличат эффективность мероприятий Красной Армии и будут оказывать все более парализующее воздействие на противника, наступающего в глубь безграничного пространства»¹⁵.

Гитлер в кругу своих единомышленников при осуждении планов развязывания войны говорил: «Советская Россия — это очень трудно. Вряд ли я могу с нее начать»¹⁶.

5 ноября 1937 г. Гитлер на секретном совещании в имперской канцелярии с высшим командованием вермахта объявил о своем намерении начать «большую войну» с нападения на Францию, а до этого аннексировать соседнюю Австрию и Чехословакию, с тем чтобы исключить фланговую угрозу наступлению на западе. Наряду с Францией Гитлер назвал «заклятым врагом» немцев и Англию. Он указывал на ослабление английских позиций в Восточной Азии в результате вторжения в июле 1937 г. японских войск в Китай, на падение престижа Англии в Северной Африке в результате захвата Италией Эфиопии и выражал уверенность в том, что Германия сумеет забрать у нее силой утраченные в годы Первой мировой войны заморские владения¹⁷.

После возникновения «оси Берлин — Рим» и Антикоминтерновского пакта, направленного своим острием против СССР, Гитлер задался целью дополнить их военными союзами с Италией и Японией, направленными как против СССР, так и против западных держав. Однако предпринятая во время визита Гитлера в Рим в мае 1938 г. попытка заключить военный союз с Италией не дала никакого результата¹⁸. Это объяснялось недовольством Рима аншлюсом Австрии в марте 1938 г., а также итало-британским сближением после 16 апреля 1938 г., когда Италия и Англия заключили соглашение, по которому Англия обязалась признать захват Италией Эфиопии в обмен на обязательство Италии вывести свои интервенционистские войска из Испании. Но это соглашение предстояло еще ратифицировать английским парламентом. Поэтому Муссолини не хотел преждевременно расстраивать «дружествен-

ные» отношения с Лондоном заключением военного союза с Германией.

Между тем германский министр иностранных дел Й. Риббентроп совместно Х. Осима, назначенным в августе 1938 г. японским послом в Берлине, подготовил проект договора о заключении германо-итало-японского военного союза — «Пакта о консультациях и взаимопомощи», который для краткости стал именоваться Тройственным пактом. Его содержание сводилось к принятию договаривающимися сторонами обязательства оказывать друг другу военную помощь в случае «неспровоцированного» нападения на одну из них одного или нескольких государств. Этот проект был вручен Б. Муссолини и его министру иностранных дел Г. Чиано во время Мюнхенской конференции четырех держав¹⁹.

24 октября 1938 г. Риббентроп прибыл в Рим, рассчитывая заручиться согласием Муссолини на заключение Тройственного пакта. Но такого согласия он не получил. Муссолини заявил, что с заключением этого пакта следует повременить до тех пор, пока не будут уточнены цели его участников в «изменении политической карты мира» и при этом выразил несогласие с тем, что в проекте договора предусмотрено создание «чисто оборонительного альянса», в то время когда ни одному из его участников никто не угрожает нападением²⁰.

К числу действительных причин, которые побудили Муссолини отклонить проект Тройственного пакта и о которых он умолчал в разговоре с Риббентропом, относилось его нежелание осложнять итало-английские отношения раньше, чем английский парламент ратифицирует итало-английское соглашение о признании Англией захвата Эфиопии. 15 ноября 1938 г. это соглашение было ратифицировано. После этого итальянские фашисты почувствовали себя победителями и загорелись желанием продолжить начатую в 1935 г. территориальную экспансию. В конце ноября 1938 г. они открыто выступили с притязаниями на часть земель Франции и ее заморских владений под лозунгом «Тунис! Джибути! Ницца! Корсика!»²¹, а также пытались завязать с нацистской верхушкой в Германии переговоры о «разделе Советского Союза», с тем чтобы «защитить свои интересы в районе Черного моря»²².

Антифранцузские выступления итальянских фашистов и их зондаж относительно участия в разделе СССР убедили нацистскую верхушку Германии в том, что Муссолини все же согласится на заключение Тройственного пакта. В штабе верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) заранее были подготовлены «Соображения относительно переговоров представителей вермахта с Италией» о сотрудничестве вооруженных сил двух стран «в войне Германии и Италии против Франции и Англии с целью, в первую очередь, разгромить Францию»²³.

2 января 1939 г. Муссолини действительно сообщил в Берлин о готовности Италии заключить

с Германией и Японией Тройственный пакт без каких-либо поправок в его тексте в последней декаде текущего месяца²⁴. После этого Риббентроп специальным курьером направил проект Тройственного пакта на рассмотрение в Токио. Одновременно Гитлер и Риббентроп задались целью расширить круг участников Антикоминтерновского пакта за счет Польши, Венгрии, Маньчжоу-Го и франкистской Испании. 24 февраля протоколы о вступлении в Антикоминтерновский пакт подписали Венгрия и Маньчжоу-Го. 27 марта членом антикоминтерновского пакта стала Франкистская Испания. Что касается присоединения Польши Антикоминтерновскому пакту, то здесь возникли трудности в связи с тем, что Гитлер и Риббентроп одновременно потребовали от нее согласиться с «возвращением» Германии свободного города Данцига, подавляющую часть населения которого составляли немцы, а также предоставления Германии права на создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной связи, которая соединит Германию с Восточной Пруссией. При этом Риббентроп угрожал, что в случае отказа Польши от выполнения этих требований германское правительство потребует возврата ему всех тех областей Германии, которые она получила по Версальскому мирному договору. Однако эта угроза не подействовала. Тогда Польша, которая раньше слыла чуть ли не союзницей Германии и выступала с ней единым фронтом против СССР, стала рассматриваться Гитлером как один из ближайших объектов нападения.

Японское правительство в марте 1939 г. в принципе одобрило проект договора о германо-итало-японском военном союзе, но потребовало, чтобы в договоре о союзе обязательно содержалась оговорка о том, что он имеет исключительно антисоветскую направленность. Необходимость внесения в текст союзного договора такой оговорки мотивировалась тем, что Япония еще не готова вести эффективную войну на море против США и Англии, а также нежеланием испортить японо-американские отношения и как следствие этого лишиться экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов²⁵.

Германское правительство не было намерено выполнять японское требование. Оно хотело создать универсальный военный блок, рассчитанный на ведение войн, как против западных демократий, так и против СССР. При этом свою ближайшую задачу после ликвидации Чехословацкой Республики в марте 1939 г. оно видело в том, чтобы создать благоприятные внешние условия для нападения на Польшу, правящие круги которой активно участвовали вместе с ним в разделе и ликвидации Чехословакии.

Правительство Италии, вынашивавшее планы установления господства на Средиземном море, в отличие от японского правительства, было согласно с германским правительством в том, чтобы

германо-итало-японский военный союз был заключен не только на случай войны против СССР, но и против любого другого государства. Вместе с тем оно учитывало, что экономика Италии подорвана войной против Эфиопии и вооруженной интервенцией в Испании, считало, что ему удастся завершить подготовку к успешному ведению широкомасштабной войны в союзе с Германией только не ранее 1942 г. 16 апреля 1939 г. Муссолини и его министр иностранных дел Чиано поставили об этом в известность посетившего Рим Геринга. Тогда же они выразили Герингу свою озабоченность тем, что обострение территориальных споров Германии с Польшей, независимость которой гарантировали Англия и Франция, может повлечь за собой возникновение общеевропейской войны раньше, чем Италия будет достаточно сильна, чтобы рассчитывать на победу. 3 апреля Гитлер уже подписал директиву на подготовку к нападению на Польшу 1 сентября 1939 г. Однако Геринг скрыл это от Муссолини. Он заявил, что Германии, как и Италия в ближайшие годы не намерена нарушать мир в Европе, что Гитлер якобы ничего против Польши не планирует²⁶. Во многом благодаря этой лжи германскому правительству удалось склонить итальянское правительство 22 мая 1939 г. к подписанию договора о германо-итальянском военном союзе («Стальной пакт»). Однако, как накануне, так и после заключения этого союза Муссолини неоднократно ставил Гитлера в известность о том, что Италия сможет завершить подготовку к широкомасштабной войне в Европе лишь после 1942 г. Но Гитлер не допускал и мысли, что ради соблюдения интересов союзной Италии придется на несколько лет отказаться от начавшегося курса на расширение германских захватов в Европе²⁷. Итальянское правительство, в свою очередь, действовало только в своих собственных интересах. Так, не поставив Германию заранее в известность и воспользовавшись обострением ее от ношений с западноевропейскими державами из-за Польши, оно 7 сентября 1939 г. захватило и включило в состав фашистской империи Албанию.

Гитлеровское руководство в период подготовки нападения на Польшу считало, что Англия и Франция ни при каких обстоятельствах не встанут на защиту Польши и, как и прежде, дадут «зеленый свет» для продвижения германцев на восток к границам СССР. Но оно не знало, как на нападение на Польшу отреагирует СССР, руководство которого раньше неизменно осуждало нацизм и германскую агрессию в Европе. Поэтому нацистская верхушка решила пойти на временное улучшение отношений с СССР и, для того чтобы нейтрализовать его на время Польской кампании, выразила готовность заключить с ним договор о ненападении и гарантировать неприкосновенность его «сферы интересов» в Восточной и Северной Европе. Советское руководство 23 августа 1939 г. заключило этот договор с Гер-

манией, поскольку западные державы в Мюнхене нанесли смертельный удар по всем его предыдущим попыткам создать в Европе систему коллективной безопасности и, как показали переговоры с ними весной и летом 1939 г., в действительности не желали вести конструктивный диалог о совместном отпоре агрессору. СССР необходимо было найти какой-то выход из международной изоляции и новый путь для обеспечения собственной безопасности. С германской же стороны заключение с СССР договора о ненападении ни в коем случае не было отказом от претворения в жизнь антисоветских замыслов. «Все, что я предпринимаю, направлено против России, — говорил 11 августа 1939 г. Гитлер комиссару Лиги Наций в свободном городе Данциг К. Буркхардту. — Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы это понять, то я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад, а потом, после его поражения, всеми собранными силами двинуть против Советского Союза»²⁸.

С германской стороны заключение советско-германского договора было тактическим маневром и ни в коем случае переориентацией на новую политическую стратегию. Выступая перед группой членов рейхстага и гаулейтеров 28 августа 1939 г., Гитлер подчёркивал, что Пакт о ненападении «ничего не изменяет в принципиальной антибольшевистской политике» и более того, будет использоваться Германией против Советов²⁹. Заинтересованность Гитлера в установлении внешних дружественных отношений с СССР еще более усилилась во время начавшейся 1 сентября 1939 г. Польской кампании вермахта. Вопреки его прогнозам Англия и Франция 3 сентября 1939 г. в ответ на его отказ отвести немецкие войска с уже занятой вермахтом части польской территории и вступить с ними в новые переговоры объявили Германии войну. Вместе с тем ни Англия, ни Франция ничего не предприняли, чтобы защитить союзную им Польшу. Развернув войска у западной границы Германии, они с 3 сентября 1939 г. до перехода вермахта в наступление 10 мая 1940 г. вели так называемую «странную войну». В этот отрезок времени боевые действия между немецкими и французскими войсками практически не велись. Они сводились к местным разведывательным операциям и артиллерийским перестрелкам, а также к акциям по разбрасыванию листовок. Это позволило Германии после разгрома Польши беспрепятственно подготовиться к наступлению с целью разгрома англо-французской коалиции. При этом она не заручилась помощью ни от союзной Италии, ни от партнера по Антикоминтерновскому пакту — Японии. Итальянское правительство с согласия Гитлера 1 сентября 1939 г. объявило о «неучастии» Италии в войне и фактически заняло нейтральную позицию. Японское правительство 4 сентября также заявило о своей «незаинтересованности» в войне в Европе и намерении сосредоточить усилия на «урегулировании» конфликта в Китае.

Попытки Риббентропа и германского посла в Токио О. Отта добиться согласия Японии на заключение военного союза против Англии, не давали никакого результата. Вопреки советам Гитлера и Риббентропа нормализовать отношения с СССР и переключиться на борьбу вместе с Германией против западноевропейских держав Италия и Япония во время Советско-финской войны 1939–1940 г. выражали готовность вместе с Англией и Францией принять участие в «крестовом походе» против СССР. 3 января 1940 г. Б. Муссолини направил Гитлеру письмо с призывом выступить войной против СССР. «Решение вопроса о вашем жизненном пространстве, — писал он, — находится в России и нигде больше... В тот день, когда мы уничтожим большевизм, мы сохраним верность обеим нашим революциям. Потом наступит очередь демократий»³⁰.

К тому времени итальянский МИД уже разработал план создания «великой независимой Украины, границы которой простирались бы до Кавказа, с тем чтобы лишить Россию доступа к Черному и Средиземному морям»³¹.

На случай, если Германия и другие страны Европы выступят против СССР, в Японии зимой 1939/40 г. были приняты меры по наращиванию сил Квантунской армии в Маньчжурии, предназначенной для захвата советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Число дивизий в этой армии увеличилось с 9 до 11, крупных отрядов в пограничных укрепленных районах — с 8 до 13, авиаполов — с 18 до 22³².

Сама Германия во время Советско-финляндской войны проводила по отношению к СССР внешне дружественную, но, по сути, враждебную политику. Во время резкого обострения советско-финляндских отношений осенью 1939 г. она в нарушение германо-советского секретного протокола от 23 августа заключила с Финляндией договор о продаже ей в октябре 134 зенитных орудий и 390 тыс. артиллерийских снарядов, предоставила Италии свои железные дороги для перевозки в Финляндию боевых самолётов. Узнав об этом из шведских газет, Советское правительство заявило Германии протест³³. После этого Германия была вынуждена отказаться от транзита вооружения финнам из Италии. Однако 21 декабря она договорилась со Швецией, что будет поставлять ей своё вооружение в таком же количестве, какое она предоставит Финляндии из своих запасов. В результате реализации этой секретной договоренности Швеция стала одним из крупнейших поставщиков оружия финнам. Она направила им 300 артиллерийских орудий, 475 пулемётов, 84 тыс. винтовок и 50 млн. винтовочных патронов³⁴.

Официально германское правительство заявляло о своей «незаинтересованности в финляндском вопросе». Однако на практике оно старалось не допустить разгрома Финляндии, сохранить её в качестве одного из вероятных союзников в предстоящей войне против СССР. Поэтому с середины

февраля 1940 г., когда стало очевидно, что в случае продолжения войны Финляндия будет оккупирована советскими войсками, рейхсмаршал Геринг рекомендовал ей заключить мир с СССР на любых условиях, и обещал, что после победы Германии над Англией Германия вернёт ей территории, которые она уступит Советскому Союзу, «даже с процентами»³⁵.

Для Гитлера и в период «странной войны» по-прежнему конечной целью войны в Европе оставался захват «земель России и подвластных ей окраинных государств».

17 октября 1939 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Германии полковник Э. Вагнер получил приказ Гитлера о том, чтобы в Восточной Польше были приведены в порядок и поддерживались в хорошем состоянии железные и шоссейные дороги, а также средства связи. «Эта область, — говорил он, — имеет для нас военное значение как передовое укрепление. Она может быть использована для развертывания войск»³⁶.

Гитлер, по свидетельству его бывшего адъютанта Н. Белова, после разгрома Польши неоднократно во время бесед со своими генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм»³⁷. Действительно, 23 ноября 1939 г. Гитлер на совещании с представителями высшего командования вермахта заявил: «Россия сейчас не опасна. Она сегодня ослаблена многими внутренними процессами. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются только до тех пор, пока они соответствуют целям... Факт, что сейчас русские вооружённые силы малобоеспособны. Это нынешнее состояние будет существовать ближайший год или два... Мы сможем выступить против России только тогда, когда будем свободны на Западе»³⁸.

Стоило только немецким войскам сломить в ходе начавшегося 10 мая 1940 г. наступления на Западном фронте оборону французских войск, как в Берлине начались разговоры о предстоящем походе вермахта на Восточном фронте. 23 мая статс-секретарь германского МИДа Э. Вайцзеккер отметил в своем дневнике: «Только при условии такой потрясающей победы на Западе открывается возможность навести также твердый порядок на Востоке, где есть пространство и неустойчивые границы. Пойдет ли Англия на уступки, или же придется бомбами склонить ее к миролюбию — в любом случае, вероятно, на Востоке дело дойдет до предъявления нового счета»³⁹.

После заключения 22 июня 1940 г. перемирия с Францией германское военное руководство предполагало, что Англия, потеряв своего единственного союзника — Францию, через несколько недель откажется от продолжения борьбы и тогда можно будет продиктовать свои условия мира одновременно Англии и Франции, а затем, совершенно не беспокоясь за свой тыл на западе, повернуть

оружие против Советского Союза. Но этот расчет не оправдался. Англия отказалась от вступления с Германией в мирные переговоры. Тогда немецкое командование приняло решение поставить Англию, если потребуется, на колени путем высадки немецких войск на Британские острова и варварской бомбардировки ее городов. Но во второй половине сентября 1940 г. немецкое командование отказалось от намерения осуществить десантную операцию на Британские острова и переключилось на планирование и подготовку нападения на СССР. При этом Гитлер считал, что «если Россия будет разгромлена», то «Англия потеряет последнюю надежду» и будет вынуждена просить мира у Германии⁴⁰.

Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер 3 июля по собственной инициативе ещё до получения соответствующего распоряжения Гитлера, вместе с начальником своего оперативного отдела полковником Г. Грейфенбергом приступил к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы её признать господствующую роль Германии в Европе»⁴¹.

21 июля на совещании у Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о соображениях генштаба на этот счёт. Он заявил, что в Красной Армии насчитывается якобы всего 50–70 «хороших дивизий» и поэтому для её разгрома потребуется не более 80–100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет 4–6 недель. Он предложил начать наступление осенью 1940 г. с целью захвата Европейской части СССР на такую глубину, при которой полностью исключалась бы вероятность нанесения советской авиацией ударов по Берлину и промышленному району Силезии. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование войны против СССР⁴².

Для ускорения разработки более детального плана нападения на СССР Гальдер прикомандировал к генштабу начальника оперативного отделения 40-го корпуса подполковника Г. Фейерабенда и начальника штаба 18-й армии генерал-майора Э. Маркса, слывшим среди немецких офицеров крупным «специалистом по России». В последние дни июля Фейерабенд и Маркс представили Гальдеру свои планы организации наступления. Практически они были одинаковы. В них предусматривалось развертывание немецких войск для нападения на СССР с таким расчетом, чтобы, сломив оборону советских войск на северном и южном участках Восточного фронта, осуществить захват Москвы. Предпочтение при этом отдавалось сосредоточению основной массы соединений на южном участке. Они должны были разгромить противника на Украине, а затем продолжить наступление в северном направлении с целью овладеть Москвой. Для развертывания наступления

на главном южном направлении предлагалось использовать румынскую территорию. Гальдер отверг первые наброски плана войны против СССР. По его мнению, планировать нанесение главного удара на южном участке фронта было не целесообразно по нескольким причинам: из-за того, что препятствием для развития успеха в глубину являются такие водные преграды, как Днестр и Днепр, а также отсутствие пока политических предпосылок для установления военного сотрудничества с Румынией. А главное, что не устраивало Гальдера, так это слишком длинный обходный путь для овладения Москвой ударом с юга. Он считал, что чем короче будет путь к Москве, тем быстрее удастся одержать победу над СССР. Ему больше импонировала идея развертывания самой мощной стратегической группировки для прямого наступления через Минск на Москву с целью её захвата и последующего поворота на юг, с тем чтобы выйти в тыл советских войск на Украине и заставить их сражаться с перевернутым фронтом⁴³.

В начале июля 1940 г. в планирование войны против СССР включилось также управление (8 августа переименовано в штаб) оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ). Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с теми соображениями, которые 21 июля были изложены Браухичем в ставке Гитлера. Он считал, что для разгрома Красной Армии потребуется использовать не 80–100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развёртывания на Восточном фронте потребуется не 4–6 недель, а примерно четыре месяца, что приведет к задержке с переходом в наступление и возникновению трудностей из-за наступления осенней распутицы и зимних холодов. Йодлю 29 июля удалось переговорить с Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на следующий год⁴⁴.

Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940, а мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — 5 месяцев, то есть до наступления осенней распутицы. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной Армии в ходе «одного стремительного удара». Он же сформулировал следующие основные элементы оперативно-стратегического замысла: 1) удар на Киев с выходом к Днепру; 2) удар через Прибалтику и Белоруссию на Москву; 3) последующий охватывающий удар с севера и юга с целью захвата Европейской части СССР; 4) проведение отдельной операции по овладению нефтеносными районами Баку. Гитлер согласился с предложением Йодля увеличить количество дивизий, предназначавшихся для нападения на СССР, до 120. Но вопрос о направлении главного удара на Москву или Киев оставил открытым⁴⁵.

На основании этих указаний «фюрера» началась работа по составлению новых планов войны на Востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

Гальдер поручил Марксу составить такой проект, в котором предусматривалось бы нанесение главного удара не на киевском, а на московском направлении. Такой проект под условным названием Оперативный проект «Ост» Маркс представил ему 5 августа 1940 г. Он начинался с формулировки цели предстоящей кампании: «Разбить русские вооружённые силы и лишит Россию возможности на обозримом отрезке времени выступить в качестве противника Германии»⁴⁶. В нём после разгрома Красной Армии намечалось отнять у СССР Украину с её промышленностью, богатыми продовольственными и сырьевыми ресурсами, Донецкий бассейн и промышленные центры Москвы и Ленинграда. В проекте подчеркивалось особое значение Москвы как «экономического, политического и духовного центра СССР» и на этом основании делался вывод о том, что овладение им «разрушит целостность русской державы»⁴⁷.

Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался на линии Дон — Волга — Северная Двина. Этого, по мнению Маркса, было достаточно для того, чтобы поставить советское руководство в безвыходное положение и капитулировать.

В проекте Маркса учитывалось, что западные области СССР, где будут разворачиваться военные действия, разделены неудобными для наступления Припятскими болотами «на два изолированных операционных пространства», и соответственно предлагалось вести наступление на двух направлениях силами двух групп армий. Группа армий «Север» должна была нанести удар из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву, а группа армий «Юг» — из Галиции и Южной Польши на Киев, к среднему течению Днепра. Главные силы немецких войск намечалось использовать на московском направлении. Они должны были, как настаивал на этом Гальдер, «прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы» в Белоруссии, затем «овладеть Москвой и Северной Россией, повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной немецкой группой занять Украину и в конечном счёте выйти на рубеж Ростов, Горький, Архангельск». Для прикрытия северного фланга войск, участвующих в этой грандиозной операции, Маркс предлагал создать особую группу войск. Она должна была вести наступление в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда⁴⁸.

Продолжительность столь грандиозной кампании на фронте до 2,4 км и на глубину более тысячи км должна была, по мнению Маркса, составить не более 17 недель. Успех немецких войск в такой короткий срок, исходя из опыта молниеносных войн против Польши и Франции, связывался с достижением

внезапности нападения, созданием значительного количественного и качественного превосходства немецких войск. Маркс исходил из предположения, что советское командование из-за необходимости обеспечивать безопасность границ СССР от Японии, Турции и Финляндии сможет выставить против Германии только 119 стрелковых и кавалерийских дивизий и 28 мотомехбригад. На этом основании он делал вывод о том, что для их разгрома потребуется 147 немецких дивизий, в том числе 24 танковых и моторизованных⁴⁹. Маркс считал, что этих сил будет более чем достаточно для того, чтобы разгромить и уничтожить главные силы Красной Армии в ходе первых же приграничных сражений в течение трёх, максимум 7 недель⁵⁰. В варианте плана Маркса красной нитью проходила идея о неспособности Красной Армии выдержать первый концентрированный удар вермахта, а также о полной бесперспективности попыток СССР оказывать сопротивление Германии после утраты его промышленных центров в Европе. Советские промышленные регионы, расположенные далее к востоку, отмечал Маркс, не обладают «достаточно высокой производительностью»⁵¹. Недооценка Марксом боеспособности Вооружённых Сил СССР и их возможностей продолжать войну в результате утраты наиболее развитых областей в Европе была воспринята как аксиома немецкими генералами и офицерами, причастными к дальнейшей разработке плана антисоветской агрессии. Начальник разведотдела «Иностранные армии — Восток» полковник Э. Кинцель, например, заявлял, что Красная Армия будет разбита уже в приграничных районах, потому что её «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение»⁵².

Параллельно работа над планом войны против СССР велась и в штабе оперативного руководства ОКВ. Непосредственная ответственность за подготовку этого документа Йодль возложил на референта по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковника Б. Лоссберга. Последний вместе с группой подчиненных ему офицеров 15 сентября 1940 г. завершил свою «Оперативную разработку Ост» и доложил её Йодлю⁵³. В основу варианта Лоссберга, как и варианта Маркса, была положена концепция молниеносной войны. В нём подтверждалась вероятность разгрома основных сил Красной Армии в ходе первых же сражений у границы и развала СССР после того, как он лишится большей части своей европейской территории. «Целью кампании против России, — говорилось в варианте Лоссберга, — является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы

России, а с другой — мог бы послужить удобным заслоном от её азиатской части»⁵⁴. Вместе с тем в варианте Лоссберга содержались и новые идеи. В частности, в ней предусматривалось создание не только двух мощных группировок для наступления на московском и киевском направлениях, но ещё и самостоятельной третьей группировки на ленинградском направлении, а также использование для сосредоточения и развёртывания немецких войск у границ СССР не только территорию Восточной Пруссии и оккупированной Польши, но и территорию Румынии и Финляндии. Правящие круги этих двух стран к тому времени стали рассматриваться в Берлине уже как вероятные союзники.

Согласно варианту Лоссберга, две группы армий должны были развернуть наступление севернее, а одна южнее Припятских болот. При этом две трети сил, выделенных для нападения на СССР, должны были бы войти в состав двух групп армий, действующих севернее этих болот. Одна из них, в состав которой предполагалось включить основную массу танковых и моторизованных соединений, должна была нанести удар на московском направлении из Польши в промежутке между верховьями Днестра и Западной Двины и форсировать эту водную преграду. Восточнее Западной Двины эта группа армий должна была установить взаимодействие с наступавшей севернее из Восточной Пруссии группой армий на ленинградском направлении. Группе армий, наносившей главный удар на Москву, предписывалось время от времени наносить своими подвижными соединениями удары в северном направлении, чтобы отрезать советским войскам путь к отступлению, находящимся перед фронтом северной группировки немецких войск. Эти удары должны были наноситься во время оперативных пауз, которые возникают при быстром наступлении на большую глубину из-за отставания тыловых служб⁵⁵.

В варианте Лоссберга был изложен план использования Финляндии в качестве союзника. Он заключался в том, чтобы финляндская армия вместе с находившейся в то время в Норвегии 21-й группой немецких войск образовали так называемую «Северную группу». Небольшая часть сил этой группы должна была бы захватить Мурманск, а основная масса перейти в наступление из южной части Финляндии с целью соединения с немецкими войсками северной группы армий в районе Ладожского озера, как только она приблизится к Ленинграду⁵⁶.

Группе армий, наступающей южнее Припятских болот, надлежало, нанося сильные удары своими внешними флангами, окружить и уничтожить советские войска на Правобережной Украине, форсировать Днепр и, выйдя на рубеж восточнее Припятских болот, установить непосредственное соприкосновение с войсками, действующими в северной операционной зоне. В дальнейшем предусматривалось объединение обеих главных группировок и их со-

вместное продвижение в глубь России до рубежа, который будет определён ставкой Гитлера. Потеряв свои западные территории и выходы к морям, согласно варианту Лоссберга, СССР не смог бы дальше вести войну даже в том случае, если бы в его руках осталась военная промышленность Урала⁵⁷.

Идеи, изложенные в вариантах Маркса и Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Её координация с начала сентября 1940 г. была возложена на 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В ноябре эта работа в основном была завершена. Новым вариантом плана, как и в варианте Лоссберга, предусматривалось создание трёх групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны наступать на Ленинград, Москву и Киев. В «восточном походе» намечалось использовать 130–140 дивизий. Считалось, что этих сил будет достаточно, чтобы разгромить Красную Армию в течение 6–8 недель⁵⁸. Новому плану после уточнения в ходе двух военных игр, по предложению Лоссберга, дали условное название «Фриц». 5 декабря 1940 г. Гальдер представил его Гитлеру. Гитлер одобрил представленную ему разработку, однако высказал пожелание, суть которого заключалась в том, чтобы после разгрома основных сил Красной Армии в приграничных сражениях группа армий «Центр» имела бы «достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север» и тем самым оказать поддержку группе армий «Север» в окружении советских войск в Прибалтике⁵⁹, а затем во взаимодействии с группой армий «Юг» продолжить наступление на Москву. Эта поправка противоречила первоначальному желанию Гальдера нанести «прямой удар на Москву». Однако ни он сам, ни кто-либо из других участников совещания не возразили Гитлеру. Они были уверены, что результат войны будет предreshён в пользу Германии разгромом Красной Армии в течение нескольких недель уже в приграничных сражениях.

В первой половине декабря работа над планом была полностью завершена. На его основе Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21, которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней в концентрированном виде отразилась абсолютизация германским военным командованием опыта молниеносных войн против Польши и Франции, уверенность в том, что война против СССР будет выиграна в течение нескольких недель в ходе приграничных сражений. Поэтому они поставили задачи группам армий «Север», «Центр» и «Юг» только на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр — Западная Двина. Группа армий «Центр» должна была наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее её, с целью раздробить силы противника в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих сильных подвижных

войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению войск противника в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого группа армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов ещё до выхода к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать р. Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчёркивалась важность быстрого захвата немецкими войсками после форсирования Днепра Москвы и Донецкого бассейна. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга — Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России»⁶⁰.

Намерение высшего военного руководства Германии нанести Красной Армии решающее поражение одним первым ударом проявилось в ходе планирования в том, что оно всё более склонялось к наращиванию сил наступательных группировок и всё меньше уделяло внимание созданию резервов. Если в плане Маркса намечалось выделить в состав групп армий 103 дивизии, а в резерве для наращивания силы ударов в глубине оставить 44 дивизии, то по плану «Барбаросса» количество дивизий в группах армий должно было увеличиться до 125, а резерв сократиться до 28 дивизий⁶¹. Никто из немецких генералов не допускал и мысли о том, что запланированный ими молниеносный разгром СССР может быть сорван Красной Армией, что «война на Востоке» может принять затяжной характер.

При планировании войны против СССР германские генералы немалые надежды возлагали на ослабление Красной Армии в результате так называемых «сталинских чисток». Они считали, что Красная Армия не сможет восстановить свою боеспособность, по крайней мере, в течение нескольких ближайших лет, что её новый, ещё не набравший опыта высший командный состав «не будет способен оперативно командовать крупными соединениями»⁶². Гитлер в кругу своих генералов 9 января 1941 г. заявлял: «Русские вооружённые силы являются глиняным колоссом без головы... Поскольку Россию в любом

случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена»⁶³. Вместе с тем он указывал, что не следует недооценивать противника, требовал, чтобы для нападения на СССР были выделены самые лучшие силы, чтобы целью наступательных операций было не вытеснение противника с занимаемых им позиций, а его уничтожение, а также захват важнейших промышленных областей и разрушение остальных центров промышленности.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) издало директиву по стратегическому развёртыванию сухопутных войск по плану «Барбаросса»⁶⁴. Их общая задача, согласно директиве, состояла в том, чтобы «осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии». Эту задачу намечалось выполнить посредством нанесения быстрых и глубоких ударов мощными подвижными группировками севернее и южнее Припятских болот с целью разобщить и уничтожить главные силы советских войск в западной части СССР, не допустив отступление их боеспособных частей в обширные внутренние районы страны. Выполнение этого замысла, утверждалось в директиве, будет способствовать попытке крупных соединений советских войск «остановить немецкое наступление на линии рек Днепр—Западная Двина». В директиве были указаны районы сосредоточения и ближайшие цели немецких группировок, выделенных для проведения операции «Барбаросса».

3 февраля 1941 г. Браухич и Гальдер представили эту директиву на рассмотрение Гитлеру, который ее полностью одобрил. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы всех объединений, которые были рассмотрены в генеральном штабе сухопутных войск. Планы групп армий «Юг» и «Север» Гальдер одобрил, а в план группы армий «Центр» по его требованию были внесены дополнения. Было предусмотрено обеспечить более тесное взаимодействие между танками и пехотой, с тем чтобы не допустить образование брешей при наступлении танковых групп на флангах группы армий. Признавалась необходимость избежать крупного сражения в районе Белостока, с тем чтобы дать его не раньше, чем при захвате Минска. Было предусмотрено использовать все технические средства для подтягивания резервов в ходе наступления за южным крылом группы армий «Центр», чтобы не допустить фланговых ударов советских войск. Важным также считалось не допускать «никаких разрывов во время боевых действий с группой армий «Север»⁶⁵.

К концу февраля 1941 г. работа по планированию нападения на СССР по «варианту Барбаросса» практически была закончена. Параллельно с нею

вскоре после заключения перемирия с Францией военно-политическое руководство Германии приступило также к реорганизации своих вооруженных сил. По распоряжению начальника штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршала В. Кейтеля от 5 сентября 1940 г. было намечено довести общую численность дивизий к весне 1941 г. до 180 боевых дивизий (без учета войск СС), том числе 10 моторизованных и 20 танковых и, кроме того, еще 20 дивизий в резерве⁶⁶. В ходе выполнения этого распоряжения в вермахт был проведен дополнительный призыв на военную службу резервистов. В результате по сравнению с июнем 1940 г. численность германских вооруженных сил (включая войска СС) к июню 1941 г. увеличилась на 27 процентов, с 5765 тыс. до 7309 тыс. человек. При этом сухопутные войска составляли более 73% численности вооруженных сил (5360 тыс.), ВВС — 21% (1545 тыс.), ВМС — менее 6% (404 тыс.). Примерно 900 тыс. человек входили во вспомогательный персонал вермахта⁶⁷.

Первостепенное внимание уделялось наращиванию численности сухопутных войск. Если перед наступлением на Францию насчитывалось 156 дивизий, в том числе 10 танковых и 6 моторизованных, то перед нападением на СССР — уже 214 дивизий, в том числе 21 танковая и 14 моторизованных. Для «войны на Востоке» было выделено более 70% соединений — 156 дивизий, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также 3 бригады. Это была самая боеспособная часть сухопутных войск Германии. Для ее авиационного обеспечения из имевшихся в вермахте 5 воздушных флотов было выделено 3 флота полностью и один частично⁶⁸.

Все виды вооруженных сил Германии были оснащены вполне современной боевой техникой и вооружением благодаря не только работе германской военной промышленности, но и оккупированных ею стран. Во время подготовки нападения на Советский Союз заказы вермахта выполняли 4876 промышленных предприятий в оккупированных Польше, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции⁶⁹.

С самого начала подготовки войны против СССР германское руководство считало, что у него будет достаточно сил и средств, для того чтобы одержать очередную быструю победу. Вместе с тем в плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии, что связало бы часть сил Красной Армии на юге и севере западной границы СССР и тем самым позволило бы немецкому командованию создать большое превосходство в силах над советскими войсками на главном направлении. Согласно плану «Барбаросса», румынские войска должны были «поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финская армия должна была

прикрыть сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшихся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действия совместно с этими войсками»⁷⁰. В мае 1941 г. германский генеральный штаб решил привлечь к нападению на СССР также и Венгрию. Эта страна, расположенная в центре Европы, являлась как бы перекрестком важнейших коммуникаций. Без ее участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

Что же касается Италии и Японии, то их руководство после подписания СССР 12 марта 1940 г. мирного договора с Финляндией лишилось надежды на участие в агрессии против СССР, которая планировалась западными державами под предлогом оказания помощи финнам и довольно быстро переключились на сотрудничество с Германией в расчете воспользоваться для достижения собственных захватнических целей ее успехами в борьбе против англо-французской коалиции.

18 марта 1940 г. состоялась встреча Гитлера с Муссолини. Фюрер сообщил о своём твёрдом решении разгромить в ближайшем будущем Францию и Англию. Он не настаивал на немедленном соглашении Муссолини объявить войну западным державам, а предлагал ему сделать это только после того, как вермахт одержит победы в решающих сражениях во Франции и тем самым обеспечит Италии возможность без особых усилий стать единственной «владычицей Средиземного моря». Перспектива добиться этой давно вынашиваемой цели руками Германии вполне устраивала Муссолини. Он заверил своего партнёра по Стальному пакту в том, что через 3–4 месяца итальянская авиация и флот будут находиться в полной боевой готовности. Гитлер не открыл Муссолини своих антисоветских замыслов, но заверил его в том, что Германия «сошлась» с СССР только в силу «печальной необходимости» и что эта страна как была, так и останется для него «абсолютно чуждым миром»⁷¹.

В апреле 1940 г. Муссолини, получив известие об успешном начале оккупации вермахтом Дании и Норвегии, в письме Гитлеру выразил восхищение успешным завоеванием этих стран и сообщил о готовности итальянского флота к боевым действиям в Средиземном море. На поступившие в начале мая призывы правительств США и Англии не вступать в войну, он ответил отказом⁷².

Расчёт германского руководства на то, что успех похода вермахта против стран Западной Европы будет способствовать отказу от фактического нейтралитета Италии, полностью оправдался. Первые успехи вермахта в «битве за Францию», начавшейся 10 мая 1940 г., послужили сигналом для вступления Италии в «параллельную войну» за установление господства на Средиземном море: 10 июня 1940 г. она объявила войну Англии и Франции.

Стремительное наступление вермахта на Западе вызвало крайнее возбуждение среди милитаристских кругов в Японии. Они стали требовать от правительства решительных заявлений о притязаниях Японии на господство в Юго-Восточной Азии, призывали его к захвату «беспризорных колоний» терпящих поражение западноевропейских стран. Германское правительство, рассчитывая ускорить вступление Японии в войну против западных держав, поощряло их захватнические устремления. Особенно японское руководство интересовал вопрос о дальнейшей судьбе Голландской Индии, богатой нефтью, цинком и каучуком. 20 мая 1940 г. Риббентроп сообщил в Токио, что Германию, которая к тому времени оккупировала Голландию, якобы совершенно не беспокоит дальнейшая судьба Голландской Индии. После этого японское правительство взяло курс на установление более тесных отношений с Германией.

22 июля 1940 г. к власти в Японии пришло правительство во главе с принцем Ф. Коноэ, которое в качестве своей программной цели провозгласило создание так называемой «великой восточноазиатской сферы процветания». Новый японский министр иностранных дел Й. Мацуока заявил германскому послу в Токио, что Япония рассчитывает на поддержку Германии в её борьбе за господство в «восточноазиатском пространстве» и поэтому «сближение с Германией — это её единственный путь»⁷³.

В то время когда в германских военных штабах в глубокой тайне началось планирование войны против СССР, возобновились прерванные в августе 1939 г. германо-японские и германо-итальянские переговоры о дополнении Антикоминтерновского пакта военным союзом Германии, Италии и Японии. Эти переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября 1940 г. трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием «Пакт трех держав». В опубликованном тексте содержалась оговорка, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, который в настоящее время существует между каждой из трех сторон и Советской Россией»⁷⁴. Однако она служила лишь маскировкой готовившегося Германией нападения на СССР. Оценивая «Пакт трех держав» Вайцеккер на следующий день после его подписания отметил: «Оговорка о России довольно неубедительна. Будь я на месте Сталина и Молотова, то не радовался бы, что снова без предусмотренных в германо-русском соглашении консультаций возник десятилетний германо-японский союз»⁷⁵.

Оговорка о России не означала отказа Японии от ранее вынашиваемых антисоветских планов. Они только откладывались на некоторый срок. В ходе германо-японских переговоров 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил немецкому военному атташе в Токио, что он не оставляет надежды на установление германо-японского сотрудничества в уничтожении России⁷⁶. Министр

иностраннных дел Японии Й. Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета 16 сентября 1940 г. заявил, что в любом случае «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны»⁷⁷.

Характерно заявление Риббентропа во время его встречи с Муссолини и Чиано в Риме 19 сентября 1940 г. Передав Муссолини уже одобренный в Токио проект договора о военном союзе трёх держав, министр иностранных дел Германии подчеркнул, что военный союз Германии и Италии с Японией «навсегда исключит англо-американскую помощь России в Европе. Если же Россия захотела бы примкнуть к Англии и Америке, то в таком случае ей пришлось бы в полном одиночестве нести всю тяжесть такой политики, ибо как на Западе, так и на Востоке она будет одна противостоять Германии и Японии». Риббентроп при этом хвастливо заявлял, что германский вермахт якобы в «любой момент может уничтожить русскую армию»⁷⁸. Однако он не раскрыл замысла гитлеровской ставки напасть на СССР, не дожидаясь завершения войны против Англии. Муссолини, тем не менее, выразил удовлетворение тем, что Пакт трёх держав базируется на «старой антикоминтерновской тенденции» и дал согласие на вступление в него Италии.

Заключение Германией и Италией военного союза с Японией, давно вынашивавшей планы захвата советской Сибири вплоть до озера Байкал, уже само по себе создавало для СССР угрозу в какой-то момент оказаться в тисках двух фронтов: со стороны Германии и Италии — на западе и Японии — на востоке. Однако Гитлер и его генералы не видели необходимости привлекать к участию в походе против СССР ни Италию, ни Японию. Уверенные в том, что им удастся сокрушить Советский Союз собственными силами в ходе одной молниеносной кампании, они отводили им на время операции «Барбаросса» роль прикрытия Германии с флагов и тыла, хотели, чтобы Италия создавала угрозу Великобритании в Средиземноморском бассейне, а Япония — её потенциальному союзнику США на Тихом океане.

В январе-феврале 1941 г. в Берлине утвердилось мнение, что основой для налаживания оперативно-стратегического взаимодействия с Японией должно стать её согласие на захват английской военно-морской базы Сингапур. 5 марта 1941 г. штаб ОКВ издал директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней требовалось «заставить Японию как можно скорее начать наступление на Сингапур» и тем самым «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан⁷⁹.

Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Тем не менее, от японского посла в Берлине Х. Осима немецким военным и дипломатам не удалось скрыть роста своей враждебности к СССР. Об этом он регулярно доносил в Токио.

В то время японское правительство по совету германского правительства с осени 1940 г. вело переговоры с СССР о заключении договора о нейтралитете, а с 1941 г. вело подготовку к войне против Англии и США. Поэтому донесения его посла из Берлина оказались для него неприятной неожиданностью. Оно не желало преждевременно наживать в лице СССР еще одного сильного противника. В связи с этим японский министр иностранных дел И. Мацуока по поручению своего правительства направился в Москву с целью продолжить переговоры, а также в Берлин, чтобы получить там ответ на вопрос об истинном состоянии германо-советских отношений.

Мацуока 24–26 марта вел переговоры со Сталиным и Молотовым, затем, прервав их, направился в Берлин, где 27 и 28 марта и 4 апреля имел ряд бесед с Гитлером и Риббентропом. Последние на скрывали своей ненависти к СССР. Они советовали Японии не заключать с ним никаких политических соглашений, но не сообщили о готовящейся против него агрессии. Они в то же время требовали, чтобы Япония как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом Гитлер гарантировал, что Германия немедленно обрушит сокрушительный удар любой державе, будь то СССР или США, если кто-то из них посмеет воспрепятствовать расширению японской агрессии⁸⁰.

Мацуока не прислушался к советам Гитлера. На обратном пути из Германии в Японию он остановился в Москве. Здесь 13 апреля 1941 г. был заключен советско-японский пакт о нейтралитете. Для того, чтобы как-то разрядить возникшую в связи с этим некоторую напряженность в германо-японских отношениях Мацуока 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту: «Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»⁸¹.

5 июня Гитлер и Риббентроп в общих чертах все же ознакомили японского посла в Берлине Х. Осима с планом «Барбаросса». Не назвав дату нападения на СССР, они предложили японскому правительству, если оно пожелает, тоже напасть на СССР, но подготовиться к этому надо «в как можно более короткий срок». Получив это предложение, японское правительство решило пока не вмешиваться в войну в Европе, но если станет ясно, что Германия войну выиграет, то «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»⁸².

Для того чтобы расширить исходную базу агрессии против СССР, гитлеровское правительство до ее начала добилось присоединения к Пакту трех держав ряда стран Европы, граничивших с Советским Союзом или находившихся вблизи от его западных границ. 20 ноября в Пакт трех держав вступила Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — Словакия,

1 марта 1941 г. — Болгария, 16 июня — Независимое государство Хорватия, созданное германским правительством после разгрома и расчленения Югославии в апреле 1941 г. С Финляндией Германия установила военное сотрудничество без включения ее в Пакт трех держав. Под прикрытием заключенных с нею двух соглашений от 12 и 20 сентября 1940 г. о транзите военных материалов и войск в оккупированную Норвегию началось превращение ее территории в операционную базу для нападения на СССР.

О нападении на СССР Гитлер сообщил в письме Муссолини только 22 июня 1941 г., т. е. когда план «Барбаросса» уже вступил в действие. В письме говорилось: «Решающую помощь вы, дуче, сможете оказать, увеличивая наши силы в Северной Африке»⁸³. При этом Гитлер не сомневался, что Муссолини, как и во время войны против Франции, будет настаивать на участии Италии в антисоветской агрессии.

Развертывание основных сил Германии на востоке по плану «Барбаросса» началось в феврале 1941 г. Однако завершить его, как намечалось, до 15 мая не удалось, поскольку часть немецких войск с 6 по 29 апреля 1941 г. участвовала в Балканском походе вермахта против Югославии и Греции. 30 апреля на совещании высшего командования вермахта начало операции «Барбаросса» было перенесено на 22 июня 1941 г. Это решение было принято без каких-либо опасений, что оно повлияет на успешный ход предстоящих действий⁸⁴.

Еще до завершения подготовки нападения на СССР высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы ликвидации Советского Союза, разграбления его экономики и массового уничтожения советского населения. Наиболее наглядно преступный характер этих планов представлен в речах Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января и 17 и 30 марта 1941 г.

9 января Гитлер заявил, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на Западе и Севере Европы», что в ней предусматривается «тотальное разрушение», «уничтожение России как государства»⁸⁵. 17 и 30 марта, Гитлер, пытаясь подвести идейную базу под эти разбойничьи замыслы, объявил, что предстоящая война против СССР будет «борьбой двух идеологий», с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную Армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», партийных функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа⁸⁶.

Война против СССР готовилась нацистами изначально не только как идеологическая, но и как расовая война. В этой войне они намеревались не только разрушить советский государственный и общественный строй, но и лишить населявшие СССР народы права на собственную государственность и культуру, и даже на жизнь. С этой целью нацист-

ская верхушка возвела в ранг государственной доктрины теорию «жизненного пространства» и теорию расового превосходства немцев над другими народами. Согласно этим теориям, немцам, якобы принадлежащим к некоей высшей «арийской» расе, катастрофически не хватало земель для размножения, в то время как на Востоке огромное пространство заняли якобы «недочеловеки», в основном славяне — поляки, русские, украинцы, белорусы, которые должны либо исчезнуть с лица земли, либо стать рабами⁸⁷.

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР хорошо усвоили нацистское мировоззрение и воспринимали Гитлера не только как верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его преступные указания они облакали в форму приказов войскам.

С участием Гальдера генерал-квартирмейстер ОКХ Э. Вагнер подготовил подписанный 28 апреля 1941 г. Браухичем приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». Гальдер с помощью советника по правовым вопросам генерал-адъютанта главкома сухопутных войск О. Мюллера по собственной инициативе подготовил проекты еще двух документов, нацеленных на массовое уничтожение советских людей. Первый из них после незначительных изменений был подписан 13 мая 1941 г. начальником штаба ОКВ Кейтелем в форме указа «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск». Согласно указу, с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам. Другой проект Гальдера и Мюллера был одобрен и издан штабом ОКВ 6 июня 1941 г. в виде «Инструкции об обращении с политическими комиссарами». В ней солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте попавших в плен всех политических работников Красной Армии⁸⁸.

Вопросом расчленения СССР и установления на его территории германского правления в начале апреля 1941 г. занялся начальник внешнеполитического управления нацистской партии А. Розенберг, назначенный Гитлером «уполномоченным по централизованной разработке вопросов восточноевропейского пространства». В сотрудничестве с МИД Германии Розенберг в начале мая подготовил план создания четырех рейхскомиссариатов во главе с нацистскими гаулейтерами. В первый из них должны были

войти Прибалтийские республики и Белоруссия, во второй — западные области России, причем восточная граница его за Уралом не была установлена, в третий — Украина, в четвертый — Кавказ. Власть Германии должна была распространиться также на Туркмению, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и так далее.

Германскую администрацию в рейхскомиссариатах должны были возглавлять нацистские гаулейтеры. Так, рейхскомиссариат «Остланд» должен был стать вотчиной гаулейтера Шлезвиг-Гольштейна Х. Лозе. Согласно инструкции, подготовленной Розенбергом еще в мае, ему предписывалось «создать в Прибалтике имперский протекторат, а затем путем онемечивания расово подходящих элементов этой области превратить ее в часть Великогерманского рейха. Балтийское море должно превратиться под великогерманским надзором в германское озеро»⁸⁹.

В период подготовки нападения на СССР нацистская верхушка чуть ли не первостепенное значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала в интересах обеспечения программы завоевания германского мирового господства. На одном совещании в январе 1941 г. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства огромных русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»⁹⁰.

Разработкой планов разграбления национальных богатств СССР занималась созданная в марте 1941 г. хозяйственная организация «Восток», которая во взаимодействии с войсками вермахта должна была ведать всеми вопросами по экономическому использованию оккупированных областей СССР. Общее руководство этой организацией было поручено Г. Герингу. Ему непосредственно подчинялся экономический штаб «Восток», который в целях маскировки в немецких документах фигурировал под условным названием «Ольденбург».

Планы германского руководства в отношении советской промышленности были изложены в «Директивах по руководству во вновь оккупированных областях», получивших по цвету переплета название «Зеленая папка» Геринга. Директивами предусматривалось организовать на территории СССР добычу и вывоз в Германию тех видов сырья, которые были важны для функционирования германской военной экономики, прежде всего нефти; восстановить ряд заводов с целью ремонта техники вермахта и производства отдельных видов вооружения. Большинство советских предприятий, выпускающих мирную продукцию, планировалось уничтожить⁹¹.

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского

населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России», посредством перекрытия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры как, как Москва и Ленинград. То, что это приведет к голодной смерти миллионы советских граждан, готовившие эти указания прекрасно осознавали, но спасать их от голодной смерти «за счет Европы» они не собирались. Более того, они планировали после вступления войск вермахта в северную нечерноземную зону России провести «одноразовую акцию» по захвату у крестьян урожая и скота, чтобы они не достались русскому населению⁹². На одном из совещаний штаба «Ольденбург» в мае 1941 г. говорилось: «Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России. Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»⁹³.

Особый интерес Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В расчете на их эксплуатацию в марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь А. Г.», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна «ИГ Фарбен» и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка⁹⁴.

Союзники Германии за пособничество в агрессии также рассчитывали получить часть добычи. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и получить значительную часть территории советской Украины⁹⁵. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить всю Трансильванию, так как по второму Венскому арбитражу, осуществленному в августе 1940 г. Германией и Италией, Румыния была вынуждена уступить Венгрии только северные районы этой спорной области, а также бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Драгобыче⁹⁶. Правительство Финляндии надеялось при содействии Германии взять реванш за поражение в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и распространить свою власть на все советские земли к северу от Невы и Свири, то есть на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров⁹⁷.

В середине июня 1941 г. завершилось развертывание немецких группировок, предназначенных для нападения на СССР. Они расположились в следующих районах⁹⁸.

На Крайнем Севере дислоцировалась немецкая армия «Норвегия». Она имела задачу овладеть Мурманском. В ее состав входили шесть дивизий,

в том числе две финские. В юго-восточной части Финляндии располагались 2 финские армии, включавшие 15 пехотных дивизий (из них 1 немецкую) и 3 бригады. Финские армии должны были содействовать немецкой группе армий «Север» в захвате Ленинграда. Действия войск, сосредоточенных в Финляндии, поддерживали 400 самолетов 5-го немецкого воздушного флота и 500 самолетов финских военно-воздушных сил.

Группа армий «Север» была развернута в Восточной Пруссии на фронте от Клайпеды до Голдапа. В нее входили 16-я и 18-я армии, 4-я танковая группа — всего 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных. Им ставилась задача разгромить советские войска в Прибалтике и в дальнейшем, во взаимодействии с частью сил группы армий «Центр», захватить Ленинград и Кронштадт. Наступление группы армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1070 боевых самолетов.

Наиболее мощная группировка немецких войск — группа армий «Центр» занимала фронт от Голдапа до Влодавы. Она включала 4-ю и 9-ю армии, 2-ю и 3-ю танковые группы, имевшие 50 дивизий (из них 15 танковых и моторизованных) и 2 моторизованные бригады. Перед войсками группы стояла задача окружить и уничтожить части Красной Армии в Белоруссии, овладеть Полоцком, Витебском, Минском, Смоленском и Гомелем. Этим гитлеровское командование рассчитывало создать условия для дальнейших наступательных операций на московском направлении, а также содействовать наступлению группам армий «Север» и «Юг». Группа армий «Центр» поддерживалась 2-м воздушным флотом, имевшим до 1680 боевых самолетов.

На южном участке фронта, от Люблина до устья Дуная, были сконцентрированы соединения и части группы армий «Юг». В ее состав входили 6, 17 и 11-я армии, 1-я танковая группа, 3-я и 4-я румынские армии и подвижный венгерский корпус — всего 57 дивизий, в том числе 9 танковых и моторизованных, и 13 бригад. Эта группа должна была уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр, захватить переправы через него в районе Киева и южнее, создав предпосылки для последующих операций восточнее Днепра. Поддержка группы возлагалась на 4-й немецкий воздушный флот (около 800 самолетов) и румынские военно-воздушные силы (до 500 самолетов).

В резерве командования сухопутных войск находились 28 дивизии, в том числе 3 танковые и моторизованные.

В группировке вооруженных сил Германии, выставленной для нападения на СССР, 22 июня 1941 г. насчитывалось 4,1 млн. человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей⁹⁹. К антисоветской агрессии были привлечены войска Финляндии и Румынии, а также Венгрии.

С учетом их войск для вторжения в СССР было выделено около 5 млн. человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей¹⁰⁰.

Располагая невиданной в истории войн мощнейшей армией вторжения, немецкое военное руководство не сомневалось в успехе предстоящего похода. Так, главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браухич 30 апреля 1941 г. заверил Гитлера в том, что Красная Армия в течение первых четырех недель будет разбита в ходе «ожесточенных пограничных сражений», после чего нужно будет считаться лишь с «незначительным сопротивлением»¹⁰¹. Начальник штаба 4-й армии полковник (позднее генерал) Г. Блюментрит в докладе, подготовленном к совещанию высшего командного состава сухопутных войск, 9 мая 1941 г. писал: «Нам предстоят упорные бои в течение 8–14 дней, а затем успех не заставит себя ждать»¹⁰².

В непогрешимость Гитлера и его генералов как военных стратегов и непобедимость германского вермахта уверовали и правители союзных Германии стран. Они полагали, что скоро будут вместе с Гитлером торжествовать по поводу быстрой и легкой победы. Начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил генерал У. Кабаллеро, получив известие о нападении Германии на Россию, заявил, что «немцы смогут легко одержать великую победу»¹⁰³. Венгерский военный министр И. Барта 23 июня на заседании совета министров, напомнив присутствовавшим о молниеносных кампаниях вермахта против Польши, Франции и на Балканах, высказал уверенность в том, что «в течение шести недель немцы окажутся в Москве и полностью разгромят Россию»¹⁰⁴. Финское военное командование считало, что Германия одержит победу над СССР через шесть недель, в крайнем случае, не позднее чем

через четыре месяца¹⁰⁵. Японские генералы заявляли, что «Германия разгромит СССР в 2–3 месяца»¹⁰⁶.

Будучи уверенными в предстоящей победе Германии правители Италии, Словакии и Хорватии, как только узнали о начале 22 июня 1941 г. нашествия на СССР, по собственной инициативе с «разрешения» Гитлера, спешно направили на германский Восточный фронт свои войска. В считанные недели сюда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий (62 тыс. человек), словацкий корпус с двумя дивизиями (28 тыс. человек) и хорватский усиленный полк (более 3 тыс. человек). Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов¹⁰⁷.

Уверовав в непобедимость вермахта, германские стратеги до нападения на СССР приступили к разработке дальнейших планов борьбы за установления германского мирового господства. Намеваясь «устранить влияние англосаксов в Северной Америке», они уже с 1940 г. вынашивали замыслы захвата Исландии и ряда других островов в Атлантике с целью превращения их в военные базы для развязывания в союзе с Италией и Японией войны против США¹⁰⁸.

В проекте директивы ОКВ № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса» от 16 июня 1941 г. предусматривалось после завершения войны против СССР приступить к завоеванию Египта, Ирака, Палестины, а также Турции, если она посмеет сопротивляться, захватить Гибралтар и английские владения в Западной Африке, с тем чтобы принудить Великобританию к капитуляции¹⁰⁹.

Таким образом, летом 1941 г. против СССР выступили главные военные силы блока агрессоров. От того, сможет ли Красная Армия выстоять в навязанной ей войне, зависел дальнейший ход не только Второй мировой войны, но и мировой истории.

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1998. Т. 3. С. 538.

² Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1–2. München, 1940. Bd. 2. S. 296–297.

³ Rauschnig H. Hitlers Aim in War and Peaseю. London, 1940. P. 27.

⁴ Rauschnig H. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 37, 46.

⁵ Dokumente zur deutschen Geschichte 1933–1935. Berlinj, 1977. S. 24.

⁶ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd.1. S. 92.

⁷ Ibid. S. 93.

⁸ Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Köln, 1977. S. 287, 289.

⁹ Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjeunion, (1940–1941). B., 1970. S. 55–56.

¹⁰ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 17–19.

¹¹ Jacobsen H. — A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt a.M., 1968. S. 425.

¹² Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 20–21.

¹³ Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918–1945. Ser. D. Baden-Baden, 1950. Bd. 1. S. 22–23.

¹⁴ Auf antisowjetischen Kriegskurs. Studien zur militärischen Vobereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR. Berlin, 1970. S. 95.

¹⁵ Ehrhardt A. Kleinkrieg. Potsdam, 1935. S. 95.

¹⁶ Раушнинг Г. Говорит Гитлер: зверь из бездны. М., 1993. С. 96–104.

- ¹⁷ См.: Дашичев В. П. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки: Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 125–127.
- ¹⁸ Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950. Hrsg. von L. E. Hill. Frankfurt a.M., 1974. S. 125.
- ¹⁹ Мюнхен — преддверие войны (Исторические очерки). М., 1989. С. 126.
- ²⁰ Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1989. С. 660.
- ²¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война; Исторический очерк. М., 2005. С. 46.
- ²² Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933–1939. Helsinki, 1984. S. 132.
- ²³ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 115–117.
- ²⁴ Причины Второй мировой войны. С. 661–662.
- ²⁵ 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 45.
- ²⁶ The National Archiv of United Staates: A microfilm Publication. Т. 20–337. P. 245794–95 (Далее: NAUS).
- ²⁷ См: подробнее: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 45–47, 93–94.
- ²⁸ Burckhardt C. Meine Danziger Mission 1937–1939. München, 1960. S. 348.
- ²⁹ Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938–1940. Stuttgart, 1970. S. 190; Hassel U. Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938–1944. Frankfurt a.M., 1964. S. 77.
- ³⁰ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 97.
- ³¹ Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». München, 1991. S. 537.
- ³² Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931–1945. М., 1988. С. 72.
- ³³ ДВП СССР. 1939 год. Т. XXIII. Кн.2. С. 386, 389–389
- ³⁴ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 522.
- ³⁵ Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. B., 1988. S. 66–67.
- ³⁶ Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947–1949. Vol. 26. P. 379–382 (Далее — ИМТ)
- ³⁷ Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980. S. 183, 192.
- ³⁸ ИМТ. Vol. 26. P. 331.
- ³⁹ Die Weizsäcker — Papiere 1933–1945. S. 219.
- ⁴⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sowjetunion. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 216.
- ⁴¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 9.
- ⁴² Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 104.
- ⁴³ Fall Barbarossa. S. 123–124; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 219.
- ⁴⁴ Проектор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 142.; Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 105.
- ⁴⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 216.
- ⁴⁶ Fall Barbarossa. S. 121.
- ⁴⁷ Ibid. S. 122.
- ⁴⁸ Fall Barbarossa. S. 125.
- ⁴⁹ Ibid. S. 123, 126.
- ⁵⁰ Россия. XX век. Документы. 1941 г. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 153–156.
- ⁵¹ Fall Barbarossa. S. 122.
- ⁵² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 228.
- ⁵³ Ibid. S. 226–227.
- ⁵⁴ См.: Ямпольский В. Н. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.»: (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008. С. 591.
- ⁵⁵ Fall Barbarossa. S. 130.
- ⁵⁶ Fall Barbarossa. S. 130–131.
- ⁵⁷ Ibidem.
- ⁵⁸ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd.1. S. 370.
- ⁵⁹ Ямпольский В. П. Ук. соч. С. 599
- ⁶⁰ Fall Barbarossa. S. 141–142.
- ⁶¹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 523.
- ⁶² Fall Barbarossa. S. 78–80. 111, 123.
- ⁶³ Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a.M., 1965. Bd. 1. S. 258 (Далее — КТВ/ОКВ).
- ⁶⁴ См.: Ямпольский В. П. Ук. соч. С. 611–619; Fall Barbarossa. S. 153–156.
- ⁶⁵ Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: Пер. с нем. М., 1968. С. 368, 374.

- 66 Fall Barbarossa. S. 208–210.
- 67 Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945: Пер. с нем. М., 1956–1976. Т. 1. С. 47; Т. 3. С. 326–330; Weltkrieg 1939–1945: Ehrenbuch der deutschen Wehrmacht. Stuttgart, 1954. Т. 3. S. 97; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S. 856, 959.
- 68 Мировые войны XX века : Кн. 3. Вторая мировая война: Исторический очерк. М., 2005. С. 132.
- 69 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 533.
- 70 Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 127.
- 71 Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen der Unterredungen mit Vertretern des Auslandes, 1933–1944. Frankfurt a. M., 1967. Т. 1. S. 96–103.
- 72 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1940. Wash., 1957. Vol. 2. P. 694–695. 698, 704, 706.
- 73 NAUS. Т. 20–337. P. 246156.
- 74 Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 103.
- 75 Die Weizsäcker-Papiere 1933–1950. S. 254.
- 76 ИМТ. Vol. 34. p. 609
- 77 Рагинский Г. М., Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1956. С. 242.
- 78 Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Ser. D. Bonn, 1964. Bd. XI. S. 100 (Далее — ADAP).
- 79 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1–2. М., 1954. Т. 2. С. 412.
- 80 Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 2. С. 416–419.
- 81 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Akten betreffen Japan. Bl. 85050.
- 82 Мировые войны XX века. Кн. 3 Вторая мировая война: Исторический очерк. С. 105.
- 83 Messe G. La Guerra al fronte russo: le corpo di spedizione italiano (C.S.L.R). Roma, 1954. P. 16.
- 84 ИМТ. Vol. 26. P. 556.
- 85 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtsführungsstab) 1941–1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 253, 257.
- 86 Fall Barbarossa. S. 291.
- 87 См.: Цительманн Р. К обоснованию места «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера // Вторая мировая война; Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1990. С. 432–443.
- 88 См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426–440.
- 89 Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 561.
- 90 КТВ/OKW. Bd. 1. S. 258.
- 91 См.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 365–394.
- 92 Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 133–137.
- 93 Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.
- 94 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 555–556.
- 95 Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Т. 1. S. 591–592.
- 96 Венгрия и Вторая мировая война. С. 245, 254, 257; Allianz Hitler-Horthy-Mussolini. Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1933–1944). Budapest, 1966. S. 324.
- 97 Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. В., 1978. Op. cit. S. 136, 138, 140.
- 98 См.: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. (Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андонников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин). М., 209. С. 20–21.
- 99 Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. С. 113.
- 100 Там же.
- 101 ИМТ. Vol 26. P. 399–401.
- 102 Reihardt K. Die Wende vor Moskau: Das Scheitern den Strategie Hitlers im Winter 1941/1945. Stuttgart, 1972. S. 21.
- 103 The Ciano Diaries, 1939–1943. N.Y., 1946. P. 369.
- 104 Венгрия и Вторая мировая война. Секретные документы из истории кануна и периода войны. Пер. с венг. М., 1962. С. 246.
- 105 Menger M. Op. cit. S. 144.
- 106 Документы внешней политики, 22 июня 1941 — 1 января 1942 г. М., 2000. Т. XXIV. С. 39.
- 107 Groeler o. Geschichte des Luftkriegs 1913 — bis 1970. В., 1975. S. 295–296.
- 108 ИМТ. Vol. 25. P. 391–394.
- 109 Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1933–1945. Frankfurt a. M. 1962. 129–133.

Международное положение и основные векторы советской внешней политики накануне Великой Отечественной войны

О. А. Ржешевский*

1 сентября 1939 г. нападением гитлеровской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Она продолжалась 6 лет и унесла около 60 млн. человеческих жизней, из них — 26,6 млн. в Советском Союзе.

Возникновение войн — это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое. Геополитические итоги Первой мировой войны: распад некогда могущественных империй, возникновение целого ряда новых государств, перекройка границ, продиктованная Версальским договором и решениями Парижской мирной конференции (в Европе это произошло в первую очередь за счет Австро-Венгрии, Германии и России), привели к переделу мира в пользу англо-французской коалиции, к которой присоединились в 1917 г. США, и в то же время заложили основы ещё более глубоких противоречий в международных отношениях. Борьба за региональное и мировое господство, восстановление одними державами утраченных территорий и сфер влияния и защита завоеванных другими во многом определила в последующее двадцатилетие международные отношения в Европе и мире. Именно в геополитических категориях заявляли о своих целях лидеры стран, развязавших вторую мировую войну. Гитлер ещё в 1925 г. в своей книге «Майн кампф» провозгласил «дранг нах остен» Германии к «необъятным просторам России». В расистских теориях это преломлялось в характеристиках евреев и славян, некоторых других народностей как «недочеловеков», подлежащих беспощадной эксплуатации или уничтожению. Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в меморандуме генерала Танака, представленном императору. В нем говорилось: «Для того, чтобы поко-

рять мир, мы должны прежде всего покорить Китай... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Малой Азии, Средней Азии и Европы». Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентируясь на великие державы или подчиняясь их давлению, подливали масла в огонь, рассчитывая не только обеспечить безопасность своих границ, но и преследовали более амбициозные территориальные цели, как это, к примеру, имело место в случае с Польшей, а затем с Венгрией, Румынией и Финляндией. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел его границ и географического пространства, как показала история XX века, неизбежно обострял национальные, этнические, религиозные и другие конфликты, в отдельности или в совокупности ведущие к дестабилизации целых регионов, а нередко и к войнам, связанным с интересами великих держав, их скрытого или прямого вмешательства в дела других государств.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, порождал все новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели в середине 1930-х годов к расколу капиталистического мира. В одну из враждовавших между собой сил вошли Германия, Италия и Япония, в другую — Англия, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция предприняли усилия отвести от своих стран угрозу германской агрессии, направить её против СССР

* Олег Александрович Ржешевский — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

(политика умиротворения), что явилось одной из причин неудачи создания в то время антигитлеровской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). США в межвоенные годы не играли решающей роли в европейских делах. С приходом Гитлера к власти в Германии США начали поддерживать политику Англии и Франции, в 1933 году установили дипломатические отношения с СССР. Основное внимание Соединенных Штатов было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на азиатско-тихоокеанском театре. Тем временем в Европе гонка вооружений, милитаризация общественной жизни, которыми открыли историю XX века великие державы, принимали беспрецедентные масштабы.

Расстановка сил на международной арене после Первой мировой войны и Октябрьской революции особенно неблагоприятно складывалась для Советской России. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия была вынуждена вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период впервые возникла реальная угроза их совместного похода против СССР. Страна оказалась в положении осажденной крепости, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить могущественных противников, найти союзников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

***

1939 год мир встречал новыми тревогами. Спологи военного пожара разгорались с начала 1930-х гг. — захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г., захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс («присоединение») Германией Австрии в марте 1938 г. Под занавес 1938 года, в ночь на 30 сентября главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладьё) было заключено в Мюнхене соглашение, которое изменило соотношение сил в Европе и в конечном итоге привело ко Второй мировой войне. Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около 1/5 своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Её представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые по сути дела являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935 г.). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии — она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Лиддел Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. — *О. Р.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия»¹.

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия — с другой, преследовали мюнхенским соглашением неоднозначные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движения к «необъятным просторам России», Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд её агрессивной политики, нацеленной на западные демократии и направить его против СССР — в последнем цели подписантов мюнхенского соглашения совпадали. Это была дорога в бездну.

События в Европе приобрели ещё более угрожающий характер. 15 марта германские войска в нарушение мюнхенского соглашения вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена «независимость» Словакии. Соучастниками раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия — Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестало существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель) — ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 году Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двамя месяцами раньше Германия «в услугу за услугу» потребовала от Польши вернуть город и порт Гданьск, который до «приговора в Версале» также являлся германской территорией, предъявила Польше другие требования. На самом деле Данциг был очередным «промежуточным звеном» в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., Гитлер говорил: «Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке»².

11 марта Англия, а затем Франция объявили о своих собственных гарантиях Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования и демонстративную поддержку её Англией и Францией, утвердил план «Вайс» — войны с Польшей. Был установлен срок готовности к войне — 1 сентября 1939 г.³ Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

Напомним, что к этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать.. Японские милитаристы, несмотря на уроки поражения своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии⁴. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на Западе так и на Востоке.

Период марта–августа 1939 г. — это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы; между Германией, Италией и Японией; между Японией и Советским Союзом и т. д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны и во многом к нападению Германии на СССР и Японии на США в 1941 г.⁵

***

С началом международного политического кризиса, который последовал за заключением мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику конкурировали два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и её союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстрационный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Мерекалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладьё провел несколько встреч с советским послом Я. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая как и Франция после захвата Германией Чехословакии пока ещё смутно, но опасалась, что нацистская Германия может «поменять расписание» и следующий удар направить не на Восток, а на Запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член Военного Совета генерал Ж. Думенк, советскую — нарком обороны маршал К. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И. Сталина, указывалось вести переговоры с целью заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши и Румынии, иначе «оборона против агрессии в любом её варианте обречена на провал» — германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам. Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в конце августа Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить её в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф. Рузвельтом, который не всегда последовательно, но выступал с осуждением действий агрессоров. На одном из секретных совещаний он положительно оценил советскую политику в период гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но Черчилль ещё был вне правительства, а политика США на европейском направлении после «присоединения» гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры за буксовали. Тем временем, новую инициативу проявила Германия, с которой СССР, вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским

армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции»⁶. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается»⁷. В своей новой книге «За закрытыми дверями» британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала «самоубийственной тактике» — вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши. «Когда советский маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной Армии на территорию Польши для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа»⁸. Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через её территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму: «По распоряжению Председателя Совета министров генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию. Гамелен»⁹ — германская агрессия на западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Думенк сообщил о телеграмме Гамелена Ворошилову. Но Лондон хранил молчание.

Газеты сообщали, что Чемберлен ловил рыбу, а Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа был согласован прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах¹⁰. Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша — понятие реальности, а германское предложение — рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция...»¹¹.

Как и в Первой мировой войне, все решилось «в последний час». Получив от Сталина согласие на подписание договора о ненападении между СССР и Германией, Гитлер направил в указанный ему

срок 23 августа министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова — Риббентропа) был подписан. Это политическое решение на какое-то время гарантировало страну от войны с Германией, с её реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел «сфер интересов» между Германией и СССР и являлись важной составной частью подписанных документов. К «сфере интересов» СССР относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши, (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия. Все это были государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у неё после Первой мировой войны решениями в Версале, или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам — обычная практика и не только того времени. 25 августа 1939 г. в Лондоне было подписано англо-польское соглашение о взаимопомощи, в соглашении говорилось, что помощь Польше будет оказана немедленно. В секретном протоколе к соглашению были определены государства или территории, которые входили в сферу интересов сторон: Бельгия, Голландия, Данциг и Литва. Упоминались также Латвия, Румыния и Венгрия¹².

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе «сфер интересов» необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке — геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие в 35 км от Минска, немецко-румынские в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры», чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 году, особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

Разнонаправленное, но немаловажное значение имело для каждой из сторон достигнутое соглашение по экономическим вопросам¹³.

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: «Невозможно сказать — кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю

глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий»¹⁴.

Ход военных действий, развернувшихся в Европе, подтверждал эту необходимость. Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли дальних пригородов Варшавы.

В то же время на западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название «странной войны». Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. Основные силы польских войск, несмотря на упорное сопротивление, были за две недели разгромлены. 17 сентября, когда Варшава ещё оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны. В тот же день на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии.

Официальные и неофициальные осуждения в Польше этого решения Советского правительства, в том числе в резолюции Сейма 23 сентября 2009 г. «в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу» — тенденциозны и представлены вне контекста сложившейся военной обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категорического требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР.¹⁵ Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж «днем позора немецкого политического руководства».¹⁶

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную Армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия — с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по т. н. линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши¹⁷.

Важнейшая задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить од-

новременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 г. и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда¹⁸.

Большим успехом советской политики, результатом поражения японских войск на р. Халхин-Гол явилось заключение 13 апреля 1941 года пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта.

***

В Москве ясно понимали, что, несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть больше времени для укрепления обороны. В главном курс советской внешней политики, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами, оставался последовательным и неизменным. Переговоры с Англией возобновлялись через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе.

1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио, сделал важное заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» — сказал: «...некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда». Далее он разъяснил позицию британского правительства: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ

в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании»¹⁹. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. Молотов направил указание И. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории. — *О. Р.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией; Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики»²⁰.

9 мая 1940 г. началось наступление вермахта на Западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам без преувеличения поразило мир. 22 июня, через 44 дня, Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Британский экспедиционный корпус, бросив вооружение, едва успел с помощью своего флота переправиться из района Дюнкерка через Ла-Манш и укрыться на Британских островах. Правительство У. Черчилля (с 10 мая он — премьер-министр) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал «блиц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью «выбомбить» её из войны. Но в «битве за Англию» немецкая авиация встретила решительный отпор британских сил противовоздушной обороны и в результате больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Для советского политического и военного руководства скоротечное поражение англо-французской коалиции явилось фактором стратегической внезапности, возросшей угрозы войны с Германией, которая начала переброску своих войск к советским границам. Встречи и беседы В. М. Молотова с Гитлером и его

окружением 11–13 ноября в Берлине подтвердили наличие у Германии агрессивных замыслов, направленных против СССР. Тем временем в Великобритании под воздействием сложившейся обстановки настроения стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулось лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом»²¹.

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи со Сталиным и вручил ему послание Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу и высказывалось пожелание о восстановлении «обеими нашими странами» их прежних связей²². По итогам беседы, которая длилась около трех часов, Криппс сообщая, что она проходила «в дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться» и выделил согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов²³. Послание Черчилля придало ещё большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и, если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин Офис как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Фон Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября Криппс от имени Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание *de facto* «власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством»²⁴. Советской дипломатии приходилось уклоняться под тем или иным предлогом

от «кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии, британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР, надеялись, что она ещё будет соблюдать пакт о ненападении. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил Криппсу, что «сейчас ещё не настало время для решения больших вопросов»²⁵.

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР²⁶.

Послание Черчилля, которое подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло послужить поводом для письма Сталина, направленного через несколько дней Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру о том, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. В ответ Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором сообщил, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства»²⁷.

Вскоре последовал новый импульс недоверия и к английской политике в связи с прилетом в Англию 10 мая заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Однако как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, относящиеся к миссии Гесса (часть их ещё остается закрытой до 2017 г.). Гесс, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте в Шотландии, недалеко от имения герцога Гамильтона, при поддержке которого рассчитывал накануне нападения Германии на СССР договориться о заключении мира между Германией и Англией. Советские подозрения на этот раз не подтвердились. Военная угроза, нависшая над Великобританией и её владениями была столь велика, что установление союзнических отношений с СССР рассматривалось правительством как единственно возможное объединение сил для спасения страны, отпора и разгрома Германии и её союзников в Европе. Тем не менее, Криппс предложил использовать «дело Гесса» для давления на Россию и получил в этом поддержку из Лондона. Суть давления заключалась в том, что если СССР удовлетворит ожидаемые германские

требования, то вероятен англо-германский компромисс и СССР «останется один на один с Гитлером»²⁸.

Трезвый расчет, однако, взял верх. Парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер на встрече 16 мая с Майским заверил советского посла в том, что «решимость правительства вести войну осталась в полной силе» и «Гесс будет рассматриваться как военнопленный»²⁹.

Советская разведка, начиная с 12 апреля, получала свою информацию о Гессе и его визитерах. Из материалов досье «Черная Берта» следует, что сообщения советской разведки в основном подтверждали официальное заявление британского правительства и, вместе с тем, содержат ряд невыясненных до настоящего времени обстоятельств³⁰.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как потенциальным союзником.

Точкой отсчета можно считать письмо И. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир»³¹. Война СССР с Финляндией резко обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» — фактический запрет торговли с СССР, оказывали некоторую экономическую и военную помощь Финляндии, активно поддерживали её в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно враждебными.

В дневнике В. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: «После революции Рузвельт — единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения самой Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий»³².

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а, по существу, переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. Молотов и Л. Штейнгардт.

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский Особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, — заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, — то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день»³³. Министр финансов Г. Моргантау информировал Уманского, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования»³⁴.

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений»³⁵.

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный союз, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым участником Тройственного пакта³⁶. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите Молотова в Берлин (11–13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение — сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже

длительное время. В условиях обострившихся американо-японских соглашений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. «Важно отметить, — писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США, — что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. — О. Р.) Советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и Советским правительствами»³⁷.

В наступившем 1941 году советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем 21 января, Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь»³⁸. Такого рода заверения повторялись потом неоднократно. Был достигнут желательный для американской стороны компромисс в вопросе советско-германских торговых отношений. Позиция США, изложенная Штейнгардтом в беседе с заместителем наркома иностранных дел А. Лозовским, была следующей: «США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту. Наоборот имеются все возможности для дружеских отношений»³⁹. Но в Госдепартаменте считали необходимым, чтобы СССР дал публичное заверение, что продукция, закупленная в США, не поступит в Германию. 24 февраля 1941 г. Уэллес на очередной встрече с Уманским заявил: «Не считает ли Советское правительство, что в интересах развития советско-американской торговли и с целью произвести благоприятный психологический эффект в США, было бы целесообразно, чтобы Советское правительство в той или иной форме официально заявило, что товары, закупленные в США, предназначались исключительно для нужд СССР»⁴⁰.

1 марта 1941 г. Госдепартамент США выпустил пресс-релиз, в котором говорилось: «В ходе продолжавшихся переговоров с заместителем государственного секретаря США Самнером Уэллесом советский посол Константин А. Уманский сделал сегодня по поручению своего правительства заявление, что товары, которые закупались и закупаются в Соединенных Штатах Союзом Советских Социалистических Республик, включая нефтепродукты и промышленное оборудование всех категорий, предназначаются исключительно для удовлетворения внутренних потребностей Союза Советских Социалистических Республик»⁴¹. И хотя такие конфликты продолжались, их время подходило к концу. В тот же день Уэллес сделал Уманскому заявление, которому американское правительство придавало характер исключительной важности. Он сообщил, что «по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, в аутентичности

которых у американского правительства нет ни малейших сомнений, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (выделено мною. — О. Р.), несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях»⁴². Это сообщение было немедленно отправлено Уманским в Москву. По существу оно являлось дезориентирующим: Германия завершала подготовку к нападению на СССР.

История с конфиденциальными сведениями Уэллеса на этом не заканчивается. В тот же день, 1 марта, они были направлены Госдепартаментом послу США в Москве с указанием срочно в устном порядке сообщить их Молотову. Их текст заметно отличался: вместо слов «после победы над Англией» значилось «в *недалеком будущем*»⁴³ (выделено мною. — О. Р.) Штейнгардт выразил Хэллу сомнение в целесообразности передачи этих сведений Советскому правительству, в частности на том основании, что это ускорит заключение политического соглашения СССР и Японии. Но Хэлл 4 марта ответил Штейнгардту, что эти сведения уже сообщены 1 марта Уманскому⁴⁴.

В Москве действительно ожидался приезд министра иностранных дел Японии Й. Мацуока, и 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Вскоре после этого Штейнгардт дипломатично заявил Лозовскому: «По мнению Соединенных Штатов, японцы не имеют намерения проводить агрессию в южном направлении, и сам Мацуока заявил категорически об этом. Это было бы сумасшествием... Он, Штейнгардт, также не считает, что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является ещё одним актом к сохранению мира на Тихом океане»⁴⁵. В США понимали, что СССР остается серьезной противодействующей Японии силой на Дальнем Востоке, и учитывали это в своей политике.

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, тем не менее, прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению, что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована. Вследствие этого он отклонял аргументы Буллита и прислушивался к мнению Джозефа Дэвиса, который сменил Буллита на посту посла в Москве.

Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие, скорее, советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии»⁴⁶.

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардтом международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогли Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, — писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, — заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я её понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление»⁴⁷. О «тупом упорстве» Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами⁴⁸.

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли «общего языка», не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти»⁴⁹. Но все это имело второстепенное значение. Главное — ко времени нападения Германии на СССР Рузвельт и Черчилль пришли к общему решению о том, что Великобритания и США поддержат СССР в борьбе против нацистской агрессии, хотя, каковой будет эта поддержка, было далеко неясно⁵⁰.

***

События 1939–1941 гг. на протяжении многих десятилетий являются объектом особо настойчивого искажения их реального содержания, взаимосвязи причин и последствий, сокрытия подлинных целей политики западных держав и в то же время необоснованных обвинений Советского Союза, имеющих целью нанести ущерб международному авторитету, политике и облику современной России. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, впервые возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, как соучастника совместно с нацистской Германией развязывания Второй мировой войны и других международных преступлений. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной «изысканности». 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначно-

сти нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное «напоминание» о Холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 году в Хельсинки, другие документы, но все это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами.

Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от Холокоста, от газовых камер и концлагерей за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной Думой 7 июля с/г⁵¹.

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ вызвана, на наш взгляд, открытием в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939–1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее неизвестных документов, относящихся к этому периоду⁵². Многие тысячи томов рассекречены в Центральном архиве Министерства обороны и других архивах. Эти документы подтверждают, что, несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный «Архив Дирксена»), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить заряд её агрессии против СССР. Антикоммунизм был лишь ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией с одной стороны, Германией и Италией — с другой за господство над Европой. Эти ставшие документально очевидными цели имперской политики западных держав и вызвали появление «защитного противовеса» в виде «пунктов» резолюции ОБСЕ. События, которые привели ко Второй мировой войне, сводятся методом умолчания к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала России необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

Версия о виновности СССР во Второй мировой войне впервые была озвучена в декларации Гитлера

22 июня 1941 г., для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валенди, В. Глазобок, Э. Хельдмах и др.). Книга последнего «Нападение?» неоднократно переиздавалась ещё в 1980-е годы.

Но «единого фронта» у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе всегда была влиятельная группа ученых, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете «Гардиан» 9 сентября 2009 г. статью, название которой отражает её содержание: «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР во Второй мировой войне не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия времен войны». Он пишет, что «до сих пор» ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но «возродившийся правый национализм в Восточной Европе и истерический ревизионизм сравнивают нацизм с коммунизмом». С. Милайн заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда Президент Дмитрий Медведев назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом „циничной ложью“, он говорил не только от имени Правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира».

Резолюция ОБСЕ взаимосвязана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок антигитлеровской коалиции, попыток представить её как «ошибку истории», «противоестественный союз», отлучить нашу страну от победы и выпятить решающим вклад в неё западных союзников. Шельмуются решения «Большой тройки», усилилась критика лично Рузвельта и Черчилля за «промахи» в отношениях с СССР, не говоря уже о Сталине, за которым, оказывается, стояли некие «черные силы, направлявшие его злодеяния». Бойцов Красной Армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают уродами и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США, выступая в Латвии, осудил «в одной корзине» мюнхенский сговор, советско-германский договор о ненападении и ялтинские соглашения⁵³.

Антигитлеровская коалиция была создана волей правительств и народов, осознавших необходимость объединиться в борьбе против нацистской агрессии. Каким-либо особым решением антигитлеровская коалиция не оформлялась и не распускалась. Разгромив агрессоров, она заняла достойное место в мировой

истории. Не поддается фальсификации и главный урок её деятельности — возможность и необходимость единства сил противостоящих современным угрозам. Следуя этим курсом, советская дипломатия и разведка обеспечили в канун Великой Отечественной войны достижимые в сложившейся обстановке внешнеполитические условия для отражения германской агрессии, добились максимума в «искусстве возможного».

¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М. 1976. С. 23.

² Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2005. С. 65.

³ «Завтра может быть уже поздно» Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 376.

⁴ Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г. М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.

⁵ Подробнее см. Мировые войны XX века. Кн. 3. М. 1995. С. 16–76.

⁶ Documentes diplomatiques francaise 2e Serie. T. XVIII. P. 1984 p. 127, 212. (Далее DDF). Подробнее см. 1939 год. Уроки истории. Часть II. Гл. 5. Упущенная возможность (С. 298–318).

⁷ Год кризиса 1938–1939. Том II. Документы и материалы. М. 1990. С. 294. Подробнее см. Секреты польской политики 1935–1945. Сборник документов (Составитель Л. Ф. Соцков). М. 2009

⁸ Rees L. Behind Closed Doors. L. 2008. P. 15

⁹ DDF. T. XVIII p. 232. М. Гамелен — начальник французского генерального штаба, генерал. Один из виновников поражения Франции в 1940 г.

¹⁰ Мосли. Утраченное время. Пер. с англ. М. 1972. С. 305–307.

¹¹ Read A., Fisher D. The Deadly Alliance: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939 1941. L. 1988. P. 115.

¹² Polonsky A. (ed.) The Great Powers and Polish Question. L. 1976. P. 67–69.

¹³ Подробнее см. Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия 1933–1941. М., 2009. С. 253–324. (Далее Вестник Архива Президента.)

¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I. Надвигающаяся буря. Пер. с англ. М., 1955. С. 357, 358. Российские историки-ревизионисты, заимствуя распространяемую на западе негативную трактовку договора нередко «переписывают» свои собственные оценки. Профессор В. И. Дашичев в своем труде «Банкротство стратегии германского фашизма», изданном в 1973 г., приводит цитату, согласно которой советско-германский договор о ненападении «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны» (Т. 1. С. 8). В «переработанном и дополненном» издании 2005 г. договору дается иная оценка: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». Автор также утверждает, что «крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 г. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее...» (Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. М., 2005. Т. 1. С. 12–13). Эти утверждения также не соответствуют действительности.

¹⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. Том третий. М., 1974. С. 357

¹⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Том 1. М., 1968. С. 125.

¹⁷ Видный украинский историк В. С. Макарчук, указывая на необоснованность осуждения секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечает, что согласно международному праву протокол не может объявляться «недействительным с момента его подписания» и составлен так, что «формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов». Подробнее см. В. С. Макарчук. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» в кн. Нарочницкая Н., Фалин В. и другие. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009. С. 208–240.

¹⁸ Следует отвести как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации её независимости и включения в состав СССР. Так Л. П. Колодникова утверждает (без указания источника), что «с самого первого дня войны было четко сформулировано, когда взять Выборг, когда водрузить красный флаг над финским парламентом и когда выйти к шведской границе». Колодникова Л. Советско-финляндская война: взгляд через 70 лет. В кн. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М. 2009. С. 274. Эта версия опровергается официальными заявлениями Советского правительства в период «зимней войны» (см. с. 19), самим ходом её событий.

¹⁹ Телеграмму И. Майского об этой беседе см ДВП.1939 год. Кн. 2. М. 1992. С. 167–169.

²⁰ Архив внешней политики РФ Ф. 059. оп. 1, п. 326, д. 13, л. 4 (Далее АВПРФ). Новые документы, см. Вестник Архива Президента. С. 185–210.

²¹ АВПРФ. Там же, лл. 44–53. См. также Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. Книга 2. Часть 1. М. 2009. С. 201.

²² Документы внешней политики 1940–22 июня 1941. Том двадцать третий. Книга первая. М., 1995. с. 399, 400. (Далее ДВП 1940–22 июня 1941).

²³ Woodward. L. British Foreign Policy in the Second World War. Wolume I. L. 1970. p. 468–470 (Далее Woodward).

²⁴ Подробнее см. Чубарьян А. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939-июнь 1941 года». М., 2009. с. 389 и далее.

²⁵ АВПРФ Ф. 059. п. 353, д. 2409. л. 54.

²⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.. Т. 1. М., 1986. С. 442–443 (Далее Переписка).

²⁷ Цит. по Лота В. Увидеть красный свет. Российское военное обозрение № 7, июль 2008 г. с. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки не указаны.

²⁸ Woodward. L. P. 614, 615. Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау, наблюдал за состоянием Р. Гесса, на встрече с автором в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил.

²⁹ ДВП 1940 — 22 июня 1941. Кн. 2. Часть 2. С. 690.

³⁰ Очерки истории советской военной разведки. Т. 3. 1933–1941 годы. М., 1997. С. 433–440.

³¹ АВПРФ. Ф. 059. оп. 1. п. 320. д. 2199. л. 249–250. Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась Советско-финская война.

Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня 1939 г., которая свідетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремления объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщал Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. — О. Р.) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, «два к одному» в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров...

События на границе МНР, величайший воздушный бой в истории. Он не верит японским версиям, высоко оценивает нашу боеспособность. Он просит передать Сталину и Молотову, что на днях получил конфиденциальное письмо от весьма авторитетного японского деятеля, который четыре года назад был членом японского кабинета. Этот деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества «по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала». «Фантастично, но характерно для планов некоторых японских активистов, которые несмотря на истощение Японии не оставили мыслей об авантюрах в Вашем направлении». Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: «Во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США...»

Рузвельт очень хвалил наш павильон в Нью-Йорке, о котором ему «рассказывают чудеса». Просил передать привет Вам, Сталину и Калинину (ДВП. Т. 22, кн. 1. 1 января — 31 августа 1939 г. М., 1992. С. 524–525).

³² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2–6. В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что в свою очередь косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве «народного правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием посредника для подготовки переговоров о прекращении войны. Подробнее см. ДВП 1940–22 июня 1941. Кн. 1. М. 1995. С. 66–69.

³³ АВПРФ Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 7361. Л. 44.

³⁴ АВПРФ Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 328.

³⁵ Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56–57.

³⁶ Там же. Д. 2202. Л. 84–87.

³⁷ FRUS, 1940. Wash., 1959. Vol. I. P. 678.

³⁸ АВПРФ ф. 059, оп. 1, п. 345, д. 236, лл. 86–87.

³⁹ Там же. П. 320. Д. 2260. Л. 149.

⁴⁰ Там же. П. 345. Д. 2361. Л. 215.

⁴¹ FRUS, 1941. Vol. I. P. 317.

⁴² АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 343. Д. 2361. Л. 243–247.

⁴³ FRUS, 1941. Vol. I. P. 712. Американская запись беседы Уэллеса с Уманским не найдена, и последнее слово в этом запущенном деле остается за историками США.

⁴⁴ Ibid. P. 714.

⁴⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 47–48.

⁴⁶ Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as War time Statesman. Princeton (New Jersey), 1991. p. 30–31.

⁴⁷ FRUS, 1940. Vol. I. P. 616–617.

⁴⁸ Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь К. Хэлл крайне отрицательно относился к Уманскому и считал, что он «нанес большой ущерб российско-американским отношениям» (The Memoirs of Hull. N. Y., 1948. Vol. I. P. 743).

⁴⁹ АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес — министр внутренних дел США.

⁵⁰ См. Советско-американские отношения 1939–1945. Под редакцией академика Г. Н. Севостьянова; сост. Б. И. Жилиев, В. И. Савченко. М., 2004. Мягков М. Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях. М., 2006.

⁵¹ Российская газета, 8 июля 2009 г.

⁵² Документы внешней политики. 1939 год. В двух книгах М., 1992. Документы внешней политики 1940–22 июня 1941 г. В двух книгах. М., 1995, 1998.

⁵³ Rees L. Указ. соч. P. 211.

Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г.

М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский*

30 сентября 1938 г. А. Гитлер, Б. Муссолини, Н. Чемберлен и Э. Даладьё достигли соглашения, которым написали правительству Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около одной пятой своих территорий. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместье Праги.

В обмен Германия подписала с Великобританией и Францией декларации, явившиеся, по сути, пактами о ненападении. Чемберлен, спустившись с трапа самолета, говорил, что привез с собой из Мюнхена мир. Но это было самообманом. Мюнхен лишь распалил аппетиты Гитлера. Теперь ему казалось, что весь мир может оказаться у его ног. Чемберлен, сам того не осознавая, привез с собой дыхание войны¹.

Важно подчеркнуть, что, во-первых, требования к Чехословакии совместно продиктовали Германия и Великобритания — явный агрессор, с одной стороны, и один из гарантов европейского мира, с другой. Франция (которая по договору была обязана защищать Чехословакию) и Италия последовали за своими партнерами. Чемберлен дважды совещался в сентябре 1938 г. с Гитлером. Последний жаловался британскому премьеру на судьбу якобы притесняемых судетских немцев². Но, по сути дела, эти немцы являлись открытой «пятой колонной» в Чехословакии. Их никто не притеснял. Напротив, они занимали привилегированное положение. В результате произошло отторжение территории

у суверенного государства, грубейшее нарушение международного права.

Во-вторых, фактическими соучастниками мюнхенского стовора и раздела Чехословакии явились Польша и Венгрия. Польша оккупировала Тешинскую область, Венгрия — Закарпатскую Украину. Было, однако, понятно, что Германия просто использует соседние с Чехословакией государства ради достижения своих целей. Известно высказывание германской военной атташе в СССР генерала Э. Кёстринга в беседе с литовским военным атташе, относящееся к тому периоду: «Польша является клячей, которую Германия впрягла в свою упряжь на время... Если Польша рассчитывает на помощь Германии в ее войне с СССР, то во всяком случае германские войска, вступив в „коридор“ и в Силезию, оттуда никогда не уйдут»³. СССР вновь оказался в изоляции. Попытки поддержать Чехословакию успеха не имели.

Посол США в Испании К. Бауэрс так писал в то время о происшедших событиях: «Мюнхенский мир за одну ночь свел Францию до положения второсортной державы, лишив ее тщательно культивировавшихся друзей и всеобщего уважения, а Англии нанес такой сокрушительный удар, какой она не получала в течение последних 200 лет. Полтора века назад за такой мир Чемберлена засадили бы в Тауэр, а Даладьё казнили бы на гильотине»⁴.

Газета «Манчестер Гардиан» писала в феврале 1939 г. по поводу определения политики «умиротворения» и мюнхенском соглашении: «мудрый план продать своих друзей для того, чтобы откупиться от своих врагов»⁵.

* **Михаил Юрьевич Мягков** — доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

Олег Александрович Ржешевский — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

То, что для Великобритании и Франции означало якобы умиротворение Германии, для Москвы — нарастание военной угрозы. Бывшие союзники России в Первой мировой войне открыто проигнорировали интересы СССР. Доверие к Лондону и Парижу в Москве было подорвано. Правительства Великобритании и Франции открыто заявляли в то время, что они не желают иметь с СССР ничего общего. Британский и французский послы были отозваны из Москвы. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне писал в декабре 1938 г. «германская политика отныне ориентируется на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на восток»⁶.

Что же теперь о лидерах западных демократий могли думать в Москве? Как было оценить сложившуюся ситуацию? Мысль о необходимости не допустить оккупацию немецкими войсками стран и территорий, прилегающих к существующим советским границам, не дать вермахту создать выгодный плацдарм для удара по жизненно важным центрам СССР на тот момент стала господствующей среди политического руководства в Кремле. В ноябре 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин в беседе с послом Франции в Москве заметил: «Мой бедный друг, что вы наделали? Что касается нас, то я не вижу другого выхода кроме четвертого раздела Польши»⁷.

Расчеты западных стран на то, чтобы гарантировать себе безопасность путем «заклания» Чехословакии не оправдались. 15 марта 1939 г. войска вермахта вступили в Прагу. Политика умиротворения рушилась как карточный дом.

21 марта 1939 г. Германия предложила Польше, союзнице по мюнхенской сделке, в обмен на тот же посул о гарантиях ее границ, вернуть город и порт Данциг, до Версаля бывший германской территорией. 31 марта Великобритания, а затем Франция, объявили о своих собственных гарантиях Польше.

11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования, утвердил план «ВАЙС» — план войны с Польшей — и установил срок готовности к войне — **1 сентября 1939 г.** Именно эта дата и обозначила начало одной из самых кровопролитных трагедий XX в. — Второй мировой войны⁸.

В то же время росла опасность вступления германских войск в страны Прибалтики. По крайней мере, в Кремле полагали, что события развиваются именно в этом направлении. 17 мая 1939 г. советский военный атташе в Латвии полковник Васильев докладывал в Москву, что «подготовка германской агрессии» в эту республику идет уже полным ходом.

Он, в частности, отмечал, что «...В Риге... Меже-парк и другие предместья являются постоянным местом сбора гитлеровской молодежи... Хождение по улицам Риги „мальчиков“ в белых чулках и гитлеровские приветствия являются обычным явлением. Мало того, сам министр иностранных дел на второй день Пасхи разгуливал в белых чулках... Идет усилен-

ная пропаганда идей фашизма и прямой агрессии...» Однако многие простые люди в Латвии, по мнению атташе, придерживались просоветских позиций:

«...Общее мнение трудящихся — это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: „Лучше Советская власть, чем немцы...“ Во всяком случае, Латвия стоит накануне больших событий...»⁹.

В быстро меняющейся и все более опасной обстановке лета 1939 г. СССР вынужден был искать оптимальные решения для обеспечения своей собственной безопасности и идти на договоренности с теми странами, которые готовы были на деле гарантировать отсутствие угрозы агрессии с сопредельных с ним территорий.

В свою очередь, каждая из противостоявших в Европе группировок пыталась найти контакт с Москвой. На новогоднем приеме 1939 г. в Берлине Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Меркалову. В марте этого же года, впервые за всю историю, на приеме в советском посольстве в Лондоне появился премьер-министр Чемберлен. Французы не отставали. Премьер Э. Даладьё провел несколько встреч с советским послом Я. Сурицем. Весной 1939 г. начались англо-франко-советские дипломатические переговоры, и стороны выдвинули на них свои предложения о заключении договоров о взаимопомощи¹⁰.

В Кремле правильно полагали, что главной угрозой европейской безопасности является Германия. Так было раньше, такое же мнение оставалось и летом 1939 г. Именно Гитлер заявлял неоднократно, что путь к расширению жизненного пространства Третьего рейха лежит на востоке. В Москве это хорошо помнили и не теряли надежды заключить действенный союз с западными демократиями, чтобы остановить расширение агрессии фашизма. Беда была только в том, что надежд на это — в связи с политикой умиротворения Германии, проводимой Лондоном и Парижем, — становилось все меньше. Поэтому на первый план постепенно, но неуклонно выходили собственные национально-государственные интересы СССР.

СССР вел активные переговоры с Великобританией и Францией, а затем также и с Германией. Переговоры с Германией летом 1939 г. вела и Великобритания. Так, в июне 1939 г. сотрудник министерства иностранных дел Германии Тротт фон Зольц встречался с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и министром иностранных дел Э. Галифаксом и обсуждал с ними вопросы мирного урегулирования проблем между двумя странами¹¹.

Наиболее трезво мыслящие западные политики понимали, что никакая система безопасности не станет действенной, если к ней не будет привлечен Советский Союз. Без СССР казалась бесперспективной любая оборона против агрессии Германии. Черчилль говорил в то время в Палате общин: «Я никак

не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией... Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду тройственный союз между Англией, Францией и Россией... Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии... Что плохого в этом простом предложении?»¹².

Это решение действительно было простым и разумным. Но Даладье и Чемберлен, в руках у которых была реальная власть, по-прежнему надеялись договориться с Гитлером!

В западной литературе присутствует мнение, что одним из главных препятствий для Великобритании пойти на действенное соглашение с СССР был польский антагонизм к Москве. Действительно, этот фактор имел место и сыграл самую отрицательную роль в деле достижения действенного антинацистского союза летом 1939 г.

Известно, что Н. Чемберлен особенно упирал на нежелание Польши допустить СССР в любую форму альянса, отвергая советские предложения о нем в течение марта–апреля 1939 г. Он доказывал, что гарантии, данные Польше британским правительством, эффективно связывают руки Лондону в его политике по отношению к Москве. Однако, «предположение о том, что польская оппозиция к СССР диктовала Лондону решения относительно англо-советского альянса, — замечает исследователь Луис Шоу, — явно не обосновано». Напротив, есть свидетельства противоположного плана, что «Чемберлен использовал гарантии Польше в качестве удобной маскировки своей собственной оппозиции англо-советского альянса. Существенно заметить, например, что с того момента, когда было принято решение войти в контакт с другими правительствами с целью принятия коллективных действий, Чемберлен отдавал предпочтение соглашению с Польшей и ясно выразил свое отвращение к вовлечению в соглашение Советского Союза». Отрицательное отношение поляков, равно как и румын, к включению Москвы в союзную систему было в дальнейшем отставлено в сторону из-за опасений сближения СССР с Германией¹³. Тем не менее, Чемберлен сам признавался, что придерживается «самого глубокого недоверия к России», и его подозрения никогда не ослабевали¹⁴.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов боязнь западных держав «коммунистической экспансии», но речь шла о выборе пути в условиях агрессивной политики Германии, замыслов Гитлера, который желал поработить не только Европу, но и мыслил о мировом господстве. Поразительной с позиции сегодняшнего дня выглядит позиция Чемберлена в 1939 г., который считал, например, что германская агрессия остановится, когда все немцы окажутся под крышей единого рейха. Более того, он говорил королю Георгу VI, что «видит в Германии и Англии два столпа европейского мира и бастион против коммунизма»¹⁵. Конечно,

можно говорить, что Чемберлен опасался провокации со стороны Сталина, но и сам он сделал немало, чтобы осложнить советско-британские отношения, пытаясь столкнуть Германию с СССР.

История сыграла с лидерами Франции и Великобритании злую шутку. В декабре 1940 г., когда Великобритания, после разгрома Франции и других своих европейских союзников, вела войну фактически одна на один с Германией и Италией, британский военный атташе в Москве полковник Грир в сердцах признался советским офицерам: «...Нас к этому положению привела старая политика Чемберлена. Было бы лучше, если бы все решали солдаты и офицеры». И далее, уже совсем недипломатично: «Старых политиков надо поставить в один ряд и расстрелять...»¹⁶.

Но пока шел 1939 г. Сложность и неоднозначность положения Москвы диктовали ей необходимость поиска путей предотвращения угрозы своим границам.

Решающее значение в сложившейся обстановке августа 1939 г. имели переговоры военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве. 12 августа военные делегации Великобритании и Франции прибыли в советскую столицу на Ленинградский вокзал.

Руководители делегаций адмирал Р. Дракс и генерал Ж. Думенк в Москву не спешили. Они плыли на пароходе, затем ехали на поезде. Собирались и добирались целых 2 недели. Посол Германии в Великобритании Г. Дирксен сообщал в Берлин: «Военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеготовность Советской армии, чем заключить оперативное соглашение»¹⁷. У адмирала Дракса не было с собой даже полномочий для ведения переговоров.

Что же советская сторона? Имеются все основания полагать, что она относилась к переговорам со всей серьезностью. В конце 1990-х гг. был рассекречен интересный документ «Инструкция Ворошилову» — главе советской делегации на этих переговорах. Она записана маршалом 7 августа, вероятно, под диктовку И. Сталина. Приведем некоторые выдержки: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом, о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию... Заявить, что без свободного пропуска советских войск через указанные территории, оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал...»¹⁸.

Советская делегация получила полномочия вести переговоры и подписать военную конвенцию при условии обеспечения взаимной безопасности.

А какие инструкции имели англо-французские союзники? Как свидетельствуют британские документы, перед Р. Драксом была поставлена деликатная и неблагоприятная задача — тянуть время. В инструкции для британской делегации, врученной Драксу в Лондоне, указывалось, что «британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы нам связать руки при любых обстоятельствах»¹⁹. Британская

дипломатия рассматривала переговоры как средство давления на Германию. «Начать их сейчас, — писал в Лондон английский посол Сидс, — значит дать хороший пинок странам „Оси“»²⁰. Дракс однозначно понимал свою задачу, но относительно способов ее решения у него возникли большие сомнения. Обсуждению данного вопроса было посвящено заседание комитета имперской обороны, состоявшееся 2 августа 1939 г., т. е. за три дня до отъезда британской и французской делегаций в СССР. В нем участвовали Э. Галифакс, министр по координации обороны адмирал А. Четфилд, военный министр Л. Хор-Белиша, адмирал Дракс и др.

Разъяснения, полученные Драксом на заседании, подтверждают, что британская сторона была более чем далека от намерений достигнуть соглашения с СССР. О заключении военной конвенции речи вообще не велось. Драксу рекомендовали обсуждать военные планы «на чисто гипотетической основе». Усилия британской дипломатии прежде всего сосредоточивались на том, чтобы найти способы затянуть переговоры на неопределенный срок и как-то «выкрутиться» при ответах на вопросы советской стороны.

В недвусмысленных выражениях Галифакс определил то, что могло бы быть использовано против достижения согласованного решения на переговорах, — «с твердостью отвергать» любое предложение об участии Великобритании и Франции в согласовании с Польшей и Румынией необходимых мер по защите от германской агрессии, что и было исполнено Драксом, хотя и в несколько изменившейся обстановке.

Инструкции начальника генерального штаба национальной обороны Франции генерала М. Гамелена французской миссии, отбывавшей на переговоры в Москву, были «расплывчаты» и носили весьма «общий характер»²¹. Эта точка зрения, изложенная в книге Л. Ноэля, французского посла в Варшаве в период московских переговоров.

Характерна также следующая приводимая в книге оценка курса западных держав участником московских переговоров капитаном (впоследствии генералом) А. Бофром: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжать переговоры...» Есть, однако, и другие сведения, согласно которым инструкции Думенку, данные Даладьё, были категоричны и однозначны: «Привезите мне соглашение любой ценой».

Москва, Спиридоньевка, 17. В белом мраморном зале особняка, расположенного по этому адресу²², в августе 1939 г. проходили военные переговоры СССР, Великобритании, Франции, от исхода которых зависело многое. Они явились продолжением политических переговоров между тремя государствами, начавшихся еще весной. В годы войны британский премьер-министр У. Черчилль скажет в этом зале, что «именно Красная Армия нанесла смертельный удар

нацистам», что ее пример «вселил надежду на спасение человечества и раскрыл источник вдохновения солдат, готовых отдать жизнь во имя своей Родины»²³. Но то уже будут другие времена.

Начальник Генерального штаба РККА Б. Шапошников представил на переговорах обстоятельный план совместных военных действий трех держав в случае германской агрессии. СССР заявил о готовности выставить 136 дивизий для совместной обороны. Британская и французская делегации приехали в этом смысле в Москву с пустыми руками²⁴.

Между тем, для СССР на переговорах с Германией приобретала реальные очертания возможность заключения Пакта о ненападении, ограничивавшего продвижение вермахта на восток.

17 августа германский посол в Москве Ф. Шуленбург сообщил Советскому правительству, что Германия готова заключить с СССР договор о ненападении сроком на 25 лет, предоставить совместно с СССР гарантии прибалтийским странам и использовать свое влияние для улучшения отношений СССР с Японией²⁵. В Москве делали выводы. Германия была готова договориться с СССР! Тем самым появлялась реальная возможность отвести непосредственную угрозу от советских границ. К тому времени советская разведка получила сведения о плане и сроках нападения Германии на Польшу, и правительство было поставлено об этом в известность.

Для людей, хорошо разбиравшихся в военно-стратегических вопросах, было совершенно ясно, что Советский Союз не мог и не имел права допустить, чтобы германские войска, наступая на Польшу, беспрепятственно вышли к советским границам. Член французской делегации Бофр отмечал в то время: «Трудно быть более конкретным и более ясным... контраст между этой программой и смутными абстракциями англо-французской платформы паразитальной... Наша позиция оставалась фальшивой»²⁶.

После того, как советская делегация 13 августа поставила вопрос о пропуске частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии, британский посол в Москве У. Сидс сообщил в Лондон: «Русские подняли основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача военных переговоров»²⁷. Отметим, что изначально имелось в виду, что переговоры с Польшей, Румынией и Литвой по вопросу пропуска советских войск возьмут на себя Великобритания и Франция²⁸. Между тем в Москве Дракс продолжал тянуть время, излагая прописные истины вроде тех, что надо «отрезать неприятелю все пути сообщения», «найти и разбить флот противника» и т. п.

Польское правительство категорически отказывалось от сотрудничества с СССР. Французский посол в Москве того времени Э. Наджияр настаивал на необходимости оказать на Польшу соответствующее давление. Давление было поручено оказать французскому военному атташе в Варшаве генералу Ф. Мюссе и французскому послу Д. Ноэлю. Их переговоры

с начальником Главного штаба польской армии генералом В. Стахевичем и министром иностранных дел Ю. Беком не принесли результатов. 18 августа в Париже получили сообщение — отказ. На следующий день Ф. Мюссе после трехчасовых переговоров со Стахевичем отправил в Париж телеграмму следующего содержания: «В конце концов, с согласия Бека была принята формулировка: «Наша делегация в Москве может маневрировать», как будто полякам не ставился этот вопрос»²⁹. Поскольку Ноэль вел переговоры с Беком, а Мюссе со Стахевичем, то подоплеку этой телеграммы поясняет телеграмма Ноэля от 19 августа, в которой тот после очередного отказа Бека на пропуск советских войск сказал ему: «Может быть, лучше, чтобы Вы мне не отвечали. Согласимся с тем, что вопрос перед Вами не был поставлен»³⁰.

Но обманывали в Лондоне, Париже и Варшаве не только СССР, но и самих себя. Первой менее чем через две недели поплатилась за это Польша.

20 августа министр иностранных дел Польши Ю. Бек телеграфировал послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается». В тот же день глава французской миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию»³¹. Ноэль в свою очередь сообщил, что в позиции Польши изменений не произошло и Бек настаивает, чтобы в конвенции Польша вообще не упоминалась. Далее Ноэль констатировал, что «позиция Польши не заключать с СССР никаких политических и военных соглашений — это «болезнь» польской политики», что укрепление связей с Францией и Великобританией, кредиты и прочее не были использованы для того, чтобы получить согласие Польши на сотрудничество с СССР.

Уже после провала англо-франко-советских переговоров, 23 августа, узнав о прибытии И. Риббентропа в Москву, Бек дал согласие, чтобы Думенк сделал в Москве следующее неопределенное заявление: «Мы пришли к мнению о том, что в случае совместных действий против германских армий сотрудничество между Польшей и СССР, технические условия которого надлежит установить, не исключено. Французский и британский генеральные штабы считают, что отныне следует немедленно изучить все возможности такого сотрудничества». Заявление было некорректным, так как Думенк и Дракс знали, что руководящие круги Польши выступают против сотрудничества с СССР. В телеграмме, направленной из Варшавы в Париж 23 августа, Ноэль подчеркнул, что «Бек отказался идти дальше»³².

Известно, руководство Польши весьма опасалось присутствия Красной Армии на территории их страны, что рассматривалось как шаг к утрате суверенитета. Но какой выбор был тогда у Польши? Либо вступать в англо-франко-советскую коалицию, либо искать компромисса с Гитлером. Иначе Польша

оставалась один на один с немецкой агрессией, что, в конечном итоге, и произошло. Факт, что польские руководители тех лет во многом виновны в срыве возможного альянса между СССР, Великобританией и Францией, который мог бы стать препятствием на пути гитлеровской агрессии в 1939 г.

Вернемся к переговорам. 22 августа Думенк сообщил Ворошилову, что получил полномочия подписать конвенцию, но Лондон хранил молчание. О согласии на это британского, польского и румынского правительств Думенку известно не было. Тем самым подписание конвенции было сорвано. Отсутствовал ответ и на кардинальный вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши в случае нападения на нее Германией³³.

Имелись ли у Москвы возможности использовать позицию Франции в интересах достижения положительного результата переговоров? Известно, что британское правительство согласилось на них в значительной мере под нажимом Франции. В ходе переговоров Франция время от времени стремилась занять более конструктивную позицию, была готова подписать военную конвенцию «в последний час», в отличие от правительства Польши, которое задним числом сообщило в Лондон нечто вроде косвенного согласия на сотрудничество, имевшее для страны жизненно важное значение. Поступившие в распоряжение историков архивы не дают исчерпывающего ответа на поставленный вопрос. Вместе с тем они указывают, что Франция находилась под сильнейшим давлением Великобритании, которая разрешала ей маневрировать лишь в пределах своей политики, направленной на затягивание переговоров.

Подводя итоги переговоров, Наджияр писал 25 августа в Париж: «Действительно, как можно было надеяться получить обязательства СССР против Германии... если поляки и румыны продолжали игнорировать русскую помощь»³⁴. Однако тормозом были не только Польша и Румыния. Определяла ход переговоров позиция Великобритании и в меньшей мере Франции, правительство которой, не считаясь с национальными интересами стран, находило возможным прикрываться «твердостью» Лондона в оправдание собственной бесхребетной политики.

Срыв переговоров в Москве означал, что последняя возможность общими усилиями остановить готовившееся нападение вермахта на Польшу и уже необратимое расширение масштабов Второй мировой войны была утрачена. Одной из не использованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя правительства Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территорию в случае нападения Германии. Сообщение советского руководства на этот счет может в какой-то степени объяснить беседа Молотова и Ворошилова с Сидсом и Драксом, состоявшаяся перед отъездом британской военной делегации из Москвы.

В ней, в частности, согласно записи Сидса, Ворошилов сказал: «В течение всего периода переговоров польская пресса и общественность заявляли, что они не хотят помощи от Советов; что же, мы должны были завоевывать Польшу, чтобы затем предлагать нашу помощь, или нам надо было на коленях умолять, чтобы она ее приняла?»³⁵

Уроки московских переговоров имеют непреходящее значение. Они показывают, что соглашения такого рода возможны только при стремлении сторон к договоренности и готовности к взаимным компромиссам. У Великобритании и, несмотря на определенные колебания, у Франции деловой подход к переговорам отсутствовал. Отдельные заявления британских политических деятелей, в том числе и на заседаниях кабинета министров, о стремлении заключить «хотя бы какое-то соглашение» с СССР не реализовывались.

На следующий день после провала переговоров с Великобританией и Францией советское правительство подписало договор о ненападении с Германией и секретный протокол к договору, которые теперь чаще называют пактом Молотова–Риббентропа по именам руководителей внешнеполитических ведомств СССР и Германии того времени.

В европейской и мировой истории произошел резкий поворот, повлекший за собой изменение в стратегии ведущих держав. Стоит отметить главное: Москва никогда не упускала из виду главное — желания и декларации Германии вести свою экспансию на восток, высказанных в предыдущие годы высшими руководителями рейха. В этой связи изначальным приоритетом для СССР был союз с западными демократиями, который давал реальный шанс предотвратить агрессию и создать общий фронт против нацизма с Великобританией и Францией. Известный британский историк Дж. Робертс отмечает, что Москва продолжала связывать свою политику с подобным альянсом как минимум до конца июля 1939 г.³⁶

На наш взгляд, подобная политика продолжала оставаться приоритетной и в начале англо-франко-советских переговоров военных миссий в августе 1939 г. Однако Сталин изменил свое мнение ввиду нежелания Лондона и Парижа идти на реальное соглашение. В этой связи стоит заметить, что в цепи причин рокового разрыва переговоров военных миссий присутствовало и нежелание британского премьер-министра учитывать информацию от своих военных — британских начальников штабов. Те, признавая известную слабость советских вооруженных сил, подчеркивали, тем не менее, военную и стратегическую необходимость вовлечения СССР в любую форму коллективного отпора германской агрессии. Однако есть сведения, что Чемберлен неоднократно игнорировал оценки опытных военачальников, руководствуясь заранее заданными формулировками, касавшимися Советского Союза³⁷.

Существует немало суждений и версий о значении пакта Молотова–Риббентропа. Чем же он на самом деле являлся — преступлением сталинского режима, ошибкой Москвы или единственно возможным в то время решением, которое отвечало национальным интересам страны?

Министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп в указанный ему срок 23 августа прибыл в Москву, и в ночь на 24 августа договор между двумя странами был подписан. Он на какое-то время обеспечивал СССР гарантией от войны с Германией и ее реальными и потенциальными союзниками. Германия избавлялась от угрозы войны на два фронта при нападении на Польшу и рассчитывала на нейтралитет Великобритании и Франции. Но в последнем просчиталась.

В случае войны СССР, согласно секретному протоколу, получал свободу действий в Финляндии, Эстонии, Латвии, восточной Польше (в Западной Белоруссии и на Западной Украине) и Бессарабии. Что это означало на практике? Как показали ближайшие события, СССР намеревался заключить с большинством из этих стран договоры о взаимопомощи с введением на их территорию ограниченных контингентов войск и защиты их границ как своих собственных.

Иными словами, это был раздел сфер влияния между СССР и Германией — явление, широко практикуемое в международных отношениях того времени. 25 августа 1939 г. было подписано соглашение между Великобританией и Польшей, которое также затрагивало интересы других государств и фиксировало сферы влияния Великобритании и Польши, хотя этот термин конкретно и не употреблялся³⁸. Сделки такого рода неоднозначны. Каждая из сторон извлекает из них как выгоды, так и потери. С позиции сегодняшних знаний можно утверждать, что это было нежелательное, но единственно возможное решение для СССР в той конкретной международной обстановке. Договор, и это главное, позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороны страны. Кроме того, он вызвал сильные противоречия между Германией и Японией, как раз в тот период, когда советские войска вели бои против японцев на р. Халхин-Гол³⁹. Все это уже в годы Великой Отечественной войны способствовало тому, что СССР избежал губительной для себя войны на два фронта.

И, наконец, еще одно важное обстоятельство — это определенное отрезвление правительств западных демократий, которые после 23 августа осознали, что СССР не позволит сделать из себя «мальчика для битья». У него есть свои интересы, с которыми следует считаться. И хотя Париж, Лондон и Вашингтон были еще враждебно настроены к Москве, тем не менее, вскоре после вторжения германских войск в Польшу и начала Второй мировой войны — уже осенью 1939 г. — начались англо-советские и американо-советские дипломатические переговоры, которые в конечном итоге привели к формированию антигитлеровской коалиции.

- ¹ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Науч. рук. проф. О. Ржешевский. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. Отв. ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. М., 2002. С. 20–21, С. 24–28, 31.
- ² Там же С. 22–23.
- ³ Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 216.
- ⁴ US. Library of Congress. Manuscript Division. Dodd's Papers. Box 56.
- ⁵ Manchester guardian. Feb. 25, 1939.
- ⁶ Цит. по: Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. С. 211.
- ⁷ Цит. по: Throne С. The Approach of War, 1938–1939. N.Y., 1967. P. 136.
- ⁸ См. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 40–41, 60–61; Год кризиса. 1938–1939. Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы в 2 тт. М., 1990. Т. 2. С. 376–378.
- ⁹ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д.1236. Л. 123–128.
- ¹⁰ Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Под ред. О. Ржешевского. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 18. См. также: Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну: Краткая история в документах, воспоминаниях, комментариях / сост. Н. Яковлев, О. Степанова, Е. Салынская. М., 1991. С. 205–214.
- ¹¹ См. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 66.
- ¹² Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн.1. М., 1991. С. 170.
- ¹³ Shaw L.G. Attitudes of the British Political Elite towards the Soviet Union // Diplomacy and Statecraft. Vol. 13. N. 1 (March 2002) P. 57.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ РГВА Ф.4. Оп.19. Д.77. Л. 99–113.
- ¹⁷ Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 272.
- ¹⁸ См. Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 74–75.
- ¹⁹ Панкратова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года (Документальный обзор). М., 1970. С. 93.
- ²⁰ Read A., Fisher D. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact. 1939–1941 (далее: The Deadly Embrace...). L., 1988. P. 115.
- ²¹ Noël L. La guerre le 39 a commence 4 ans plus tot. P., 1979. P. 125.
- ²² Ныне улица Алексея Толстого, 17.
- ²³ Public Record Office (London). (Далее: PRO). Prem 3, 434/2 Tolstoy Conference. P. 44.
- ²⁴ Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 263–264.
- ²⁵ Там же С. 279–280.
- ²⁶ Там же С. 264.
- ²⁷ Цит. по: Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Указ. соч. С. 22.
- ²⁸ АВП РФ. ф. 06, оп. 16, п. 2, д. 5, л. 22–23.
- ²⁹ Documents diplomatiques francais 1932–1939 (Далее: DDF). 2-e Serie (1936–1939). T. 17 (25 Juin — 12 aout 1939). P., 1984. P. 922; T. XVIII (13 aout — 25 aout 1939). P., 1985. P. 189.
- ³⁰ Ibid. P. 193.
- ³¹ Год кризиса... Т. 2. С. 294.
- ³² DDF. 2e Serie T. 18. P. 355. P. 355.
- ³³ Год кризиса... Т. 2. С. 307–311.
- ³⁴ DDF. 2e Serie T. 18. P. 489.
- ³⁵ У. Сидс — Э. Галифаксу. 11.09.1939 г. British Documents on Foreign Affairs... P. 170.
- ³⁶ Roberts G. The Soviet Union and the Origins of the Second World War — Russo-German Relations and the Road to war, 1933–1941. L., 1995 P. 63.
- ³⁷ Shaw L.G. Op. Cit. P. 58.
- ³⁸ Documents on International Affairs 1939–1946. L., 1951. Vol. 1. March-Sept. 1939. P. 469–471; The Great Powers and Polish Question 1941–1945. Ed. by A. Polonsky. L., 1976. P. 67–69.
- ³⁹ См.: Накануне, 1931–1939... С. 244–246.

Внешняя политика Франции и франко-советские отношения в первые месяцы «Странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940)

Элизабет дю Рео*

Историография этого пока еще противоречивого вопроса была радикально обновлена благодаря открытию новых фондов и появлению новых публикаций¹. Решения, которые принимались Парижем и Лондоном, сотрудничавшими в рамках взаимосвязанной структуры, заслуживают того, чтобы подвергнуть их анализу и оценить в свете новых источников.

Внешняя политика Франции представлена в настоящей статье в строгих хронологических рамках, и в ней выделены два крупных периода:

1. Французское правительство в период от провала трехсторонних переговоров (включая СССР) и вступления в войну до исчезновения Польши (август — сентябрь 1939 г.)
2. Испытание «странной войной»: сходство и расхождение во французских и британских позициях перед лицом советских инициатив (сентябрь 1939 г. — март 1940 г.).

Провал французской дипломатии

С 1932 по 1939 г. правительства Третьей республики, сменявшие друг друга после подписания с СССР договора о ненападении (ноябрь 1932 г.), старались не терять связей с Советским Союзом и в то же время не переходить определенные рамки предусмотренного сближения. И хотя задачи правительственных кабинетов не всегда совпадали с задачами высшего командования, и те и другие были в тридцатые годы озабочены одним и тем же — не допустить германо-советского сговора. Будучи хорошо осведомленным относительно поддержки, оказываемой Москвой подпольному перевоору-

жению Берлина со времен заключения в Рапалло секретных соглашений, высшее командование проявляло бдительность в ходе переговоров, завершившихся в мае 1935 г. подписанием франко-советского договора о взаимной помощи. Его ратификация произошла в 1936 г.² После провала предпринятой в 1937 г. по инициативе министра национальной обороны Эдуарда Даладье попытки возобновить переговоры по военным вопросам пришлось ждать осени 1938 г., когда после Мюнхена с новой силой разгорелись дискуссии о своевременности укрепления связей с СССР.

Но лишь весной 1939 г. сторонники такой политики одержали верх, в период, когда в Великобритании происходил пересмотр направленности ее дипломатической деятельности.

В этом новом дипломатическом контексте и начались англо-франко-советские переговоры, первый этап которых проходил с мая по июль 1939 г., а второй этап, совпавший с деятельностью военной миссии³, — в июле–августе.

На втором этапе к процессу переговоров активно подключается председатель совета министров Эдуард Даладье. Он добивается того, чтобы в Москву была направлена франко-британская военная миссия. Между тем, уже в июле 1939 г. в его инструкциях генералу Думенку просматривается некоторое подозрение в отношении намерений советских руководителей. Глава правительства хочет добиться ясности и говорит главе миссии: «Почему русские заставляют себя упрашивать? Надо разгадать их позицию и пролить на нее свет»⁴. Те из возвращенных из Москвы документов, что относятся к деятельности французских

* Элизабет дю Рео — почетный профессор Университета Сорбонны (Париж III). Перевод на русский язык выполнен А. Л. Семеновым.

разведывательных служб, содержат на этот счет некоторые ценные сведения. В них четко подчеркивается двусмысленность советской позиции⁵.

Тем не менее, в начале августа 1939 г. никто не предугадывал той развязки, которая последовала 23 августа 1939 г. Новость о германо-советском пакте была как гром «среди затянутого угрозами неба»⁶.

В эту последнюю неделю августа, когда положение Польши уже рассматривалось как очень опасное, состоялось совещание в узком составе политических и военных деятелей для рассмотрения вопроса об оказании помощи Польше. Заседание было назначено на 23 августа. И что же решили его участники? Военачальники, игравшие главную роль, заявили, «что нового Мюнхена не будет»; «если Польша подвергнется нападению, Франция останется верной своим обязательствам».

Новость о германо-советском пакте запоздала, о ней стало известно вечером в конце заседания. Это было страшное потрясение, эта новость поставила Францию и Великобританию, гарантов польской безопасности, в новую дипломатическую ситуацию.

Лаконичное объявление о пакте Риббентропа–Молотова, которое излагало статьи пакта о ненападении, связывающие обе стороны на 10 лет, вызвало настоящую «ударную волну», для Франции это было настоящее оскорбление.

Как о том свидетельствует внутренняя документация, полный поворот советского курса стал в глазах правительства Даладьё событием огромного значения. Это был провал дипломатической деятельности, которая с 1935 г. по 1939 г. была отмечена некоторыми разумными инициативами, но также и слишком частыми сделками и отступлениями.

Принятие первых решений

Кроме того, эта новость потрясла французскую правительственную команду и поставила ее в трудное положение в сфере внутренней политики. Среди возникших проблем невозможно было обойти позицию «Юманите», печатного органа Французской коммунистической партии. Появившаяся в ней уже 23 августа статья приветствовала заключение пакта как «победу в борьбе за мир», затем последовали еще две статьи, что привело к конфискации тиража газеты. 26 августа был принят декрет, санкционировавший закрытие издания, «наносящего своей деятельностью ущерб национальной обороне»⁷. И хотя 2 сентября депутаты-коммунисты единогласно проголосовали за ассигнования на нужды обороны, их участь была уже решена. После того как Польша была разгромлена, а в ее восточную часть вошла Красная Армия, только что реорганизованное правительство Даладьё добилось принятия 26 сентября декрета о роспуске коммунистических организаций⁸. Тем не менее, депутаты-коммунисты продолжали в этот период сохранять за собой места в Палате депутатов.

Первые дни сентября были решающими — на рассвете 1 сентября 1939 г. германские войска вступили в Польшу. На заседании совета министров 1 сентября раздавались голоса, предлагавшие прибегнуть к посредничеству Италии. Во имя реализма Жорж Бонне напомнил о предложении Чиано, министра иностранных дел в правительстве Муссолини. Отступничество Москвы побуждало Францию искать поддержку в другом месте. Эту позицию разделяли в Сенате влиятельные сенаторы Пьер Лаваль и Жозеф Кайо. Сможет ли «клан миротворцев», эффективный в 1938 г., добиться проведения еще одной Мюнхенской конференции? В то время как в Лондоне проявляли беспокойство, Эдуард Даладьё готовил заявление о вступлении Франции в войну и уже намечал перестановки в правительстве. Теперь он знал, что может рассчитывать на поддержку социалистов в борьбе против гитлеровской агрессии⁹. Утром 3 сентября, за несколько часов до вступления в войну, Леон Блюм написал недвусмысленную передовицу, которая будет напечатана в газете «Попюлер»: «Даже если социалисты и боролись двадцать лет за мир, сейчас они знают, что надо ответить на насилие, на агрессию»¹⁰.

Сразу же по вступлении в войну возник ключевой вопрос: какую помощь оказать Польше? Этот вопрос обсуждался, как общегосударственный, на заседании военного комитета 8 сентября, затем довольно запоздало 12 сентября на межсоюзнической встрече на высшем уровне в Абвиле. Но еще накануне заседания военного комитета Эдуарду Даладьё был вручен конфиденциальный документ: «Следует учитывать, что германо-советский пакт не мог быть получен Германией даром. Предоставленные России выгоды могли быть сделаны лишь в ущерб Польше и прибалтийским странам»¹¹.

Эта очень важная бумага подтверждала депешу, которую поверенный в делах в Москве Пайяр отправил накануне Жоржу Бонне. В ней подчеркивалось усиление германо-советского сотрудничества. «[СССР] демонстрирует таким образом величайшую благосклонность в отношении агрессивного Рейха и величайшее безразличие к судьбе подвергшейся нападению Польши... Следует опасаться того, что это сотрудничество может идти по нарастающей, пока Россия не реализует вытекающие из него преимущества»¹².

Значение этих сведений выявляет неизданный документ — «Походный дневник» генерала Гамелена. Сделанные им в то время записи свидетельствуют о том, что уже с первых проявлений блицкрига на Восточном фронте он осознал необходимость полного пересмотра своих суждений относительно способности Польши к сопротивлению. Совершенно очевидно, что накануне заседания военного комитета 7 сентября он был проинформирован о намерениях советского руководства, а может быть, и о точном содержании секретного протокола от 23 августа. Эти сведения помогают нам со всей яс-

ностью понять лапидарную формулировку, записанную в «Дневнике» Гамелена: «Никому не стоит морочить голову относительно Польши, которая, не будем скрывать этого, пропала». Заметим, однако, что такие взгляды не разделяла основная часть правительства и высшего командования. Согласно критической точке зрения, высказанной в военном кабинете Даладьё генералом Деканом, необходимо было подождать межсоюзнической встречи в верхах, чтобы выяснить британскую позицию. «Вряд ли можно сказать, что немецкие силы на западном направлении сейчас явно превосходят франко-британские силы. Следовательно, надо помогать Польше держаться до конца»¹³.

Однако саммит в Абвиле состоялся довольно поздно, 12 сентября. Организация первого Межсоюзнического верховного совета явилась яркой демонстрацией недостатков системы, предусмотренной еще весной 1939 г. В период, когда организовывалось франко-британское сотрудничество, было решено, несмотря на давление с французской стороны, что институциональные формы франко-британской коалиции будут созданы лишь после объявления войны. Так, на случай долгой войны предусматривалось создание различных структур: Межсоюзнического верховного совета, Межсоюзнического высшего военного комитета и Комитета межсоюзнических военных исследований¹⁴.

В записях дебатов, сохранившихся по обе стороны Ла-Манша, нет определенного упоминания о значении германо-советского пакта или конфиденциальных сведений относительно намерений советского руководства, но выводы Чемберлена столь категоричны, что нельзя не предположить, что они сделаны с учетом таких данных. Он заявил, «что ничего нельзя было сделать в материальном плане, чтобы спасти Польшу. Единственное средство — выиграть войну». Эдуард Даладьё внес некоторые нюансы: «В наших интересах подождать. Тем не менее, было бы желательно сохранить Восточный фронт. Польские заводы находятся в руках врага или уничтожены. Надо бы организовать поставки через Румынию»¹⁵. Но положение на польском фронте быстро менялось.

Значение новых советских инициатив

17 сентября, через пять дней после окончания франко-британской встречи в верхах, последовала новость о вторжении советских войск в восточную часть Польши, подтвердившая прогнозы военачальников и дипломатов. Польское государство доживало свои последние дни. 18 сентября Эдуард Даладьё потребовал у советского посла во Франции Сурица разъяснений, но получил уклончивый ответ. В важной записке, оставленной 20 сентября на Ке-д'Орсе, подчеркивалась уязвимость геостратегического положения Франции. Составители документа призывали к осмотрительности французское правительство,

испытывавшее соблазн резко отреагировать на действия Москвы. Далее они исследовали различные сценарии событий, возможные после крушения Польши.

При всей новизне данной стратегической ситуации Франция должна постараться незамедлительно установить максимально жесткую блокаду рейха и попытаться держать Германию между двумя фронтами благодаря открытию на юго-востоке Балканского фронта. Что касается позиции, которую следует занять в отношении Москвы, то здесь эксперты проявили осторожность.

«Побудительные мотивы советской политики по-прежнему характеризуются двусмысленностью и покрыты таинственностью. Невозможно с точностью сказать, идет ли речь о прямом сотрудничестве с рейхом, о принятых Советами мерах предосторожности или о возрождении панславизма.

Франция должна стараться не провоцировать СССР и сохранять с Москвой дипломатические отношения. Ее позиция должна быть выжидательной, поскольку пределы и цели германо-советского сговора неясны».

Текст завершается указанием на главную опасность, угрозу столкновения с Германией, которое может быстро начаться на западном фронте. «Мы должны быть готовы к тому, что после ликвидации польской армии германское правительство перебросит на наш фронт значительную часть из тех 55 дивизий, которые были задействованы им в Польше, а его авиация почти целиком будет использована на западе»¹⁶.

На ближайшее будущее советники рекомендовали укреплять франко-британский альянс. Кроме того, они подчеркнули необходимость поиска других возможностей взаимодействия, а в известных случаях также надеяться на передышку.

Заключенные 29 сентября 1939 г. новые германо-советские соглашения, нацеленные, по официальным заявлениям, на расширение экономического сотрудничества, в действительности регулировали присвоение Советским Союзом территорий в прибалтийских странах. 28 сентября Эстония подписала с СССР договор о взаимопомощи. Аналогичные договоры были подписаны Латвией и Литвой 5 и 10 октября.

В этой весьма тревожной для западных союзников обстановке дипломатия Берлина предпринимает крупное «мирное наступление» с целью ослабить решимость Франции и Великобритании продолжать борьбу против Германии.

«Мирное наступление» Германии

Это один из часто не принимаемых во внимание аспектов «странной войны»: уже в то время психологическая война, особенно ведущаяся по радио, играла важную роль. Так, уже с осени 1939 г. стало возможным говорить о «войне в эфире»¹⁷. Именно в выступлениях перед микрофонами немецкий канцлер и глава французского правительства обращались

со своими призывами к общественному мнению. Таким же образом в Лондоне действовал Чемберлен. Пресса также играла важную роль, широко публикуя речи Гитлера и глав двух правительств: Франции и Великобритании.

6 октября Гитлер выступил с речью, утверждая, что Германия «хочет мира». Выступал он в рейхстаге, но фактически обращался к общественному мнению страны и международного сообщества, поскольку его речь записывалась для передачи по радио. Оправдав произведенные Германией аннексии, он разъяснил, что теперь нет никакой причины для войны, поскольку германские требования были удовлетворены. И тут же бросил вызов Франции и Великобритании, предложив провести встречу главных европейских держав со следующей повесткой дня: энергичное сокращение вооружений, организация мира посредством взаимных гарантий, передача Германии некоторых колоний и, наконец, решение еврейского вопроса, а завершил речь словами: «Те, кто рассматривает войну как решение, отвергают протянутую руку»¹⁸.

Этому сугубо официальному «мирному наступлению» предшествовали различные менее заметные акции, в частности, поддержанная Коминтерном пацифистская кампания в отношении Франции. Именно в этот контекст вписываются некоторые инициативы депутатов-коммунистов, включая инициативу Жака Дюкло, потребовавшего 1 октября начать переговоры с Гитлером. Между тем, 4 октября Морис Торез решил отправиться из Франции в Москву¹⁹.

После этого правительство ужесточило внутреннюю политику. Начались аресты членов распущенных организаций. 18 ноября 1939 г. был опубликован декрет «относительно принятия мер против лиц, представляющих опасность для национальной обороны и политической стабильности». Это стало началом суровых репрессий против левых, но также и повышения бдительности в отношении пацифистских происков, которые могли усиливаться справа.

А какие направления обозначились в плане внешней политики, каков был ответ правительства Даладье на германское предложение мира? На этот счет имеется достаточно обширная документация, но она мало изучена.

2 октября, через несколько дней после объявления о заключении второго германо-советского договора, заместитель директора европейского отдела МИДа Анри Опнено составил для главы правительства любопытную записку, в которой он проанализировал сложившуюся военно-дипломатическую ситуацию и сделал ряд предположений на ближайший и более отдаленные периоды.

Изложенные в записке взгляды имели целью предоставить подробную информацию и дать советы главе правительства и министру иностранных дел, готовившемуся в тот период к выступлению в Сенате, назначенному на 6 октября. По мнению заместителя директора европейского отдела, фран-

цузское правительство «должно срочно изменить психологический климат, с тем чтобы создать у Германии и у нейтральных стран и самой мощной из них — Соединенных Штатов Америки, впечатление, что мы настроены столь же решительно, как и британцы»²⁰.

Каковы же были цели войны, которые Франция должна была провозгласить громко и ясно? Следует различать причины войны и цели войны. После падения Польши и объявления о подписании договора о германо-советской дружбе условия, позволяющие заключить мир, были следующие:

- Восстановление независимой Польши с гарантией ее границ.
- Пересмотр посредством плебисцита, проводимого под международным контролем, территориальных изменений, осуществленных силой или под угрозой ее применения с 1938 г., а также политического статуса Центральной Европы и предоставление международных гарантий определенному таким образом новому статусу.
- Устранение в Германии нацизма как правящей силы, не несущей ответственности перед немецким народом, который она лишила возможности свободно выражать свою волю.
- Созыв международной конференции, призванной заложить основы всеобщего сотрудничества, с тем чтобы облегчить переход стран от экономики военного времени к экономике мирного времени и расчистить пути к справедливому перераспределению сырья, естественно, отложив в сторону вопрос о территориальном суверенитете.

Таким образом, в общих чертах вырисовывалась программа, способная послужить основой для работы будущего мира в день, когда Европа окажется избавленной от любой угрозы агрессии²¹.

Заметим, что открытому осуждению подвергся только нацизм, автор не упомянул отношение СССР к Польше. Однако намеки на территориальные изменения в Центральной Европе не оставляли на этот счет сомнений и могли также относиться и к политике Москвы.

Спустя несколько дней, 6 октября, глава правительства обратился с речью к сенаторам, высказавшись за проведение твердого курса в период, когда Гитлер официально формулирует свои предложения о мире.

10 октября глава правительства, несмотря на оказываемое на него давление, сделал официальное заявление, которое тоже передавалось по радио: «Мы сможем отложить в сторону оружие лишь в том случае, если добьемся определенных гарантий безопасности, такой безопасности, которую не будут ставить под вопрос каждые шесть месяцев. В результате нашей победы возникнет Европа, избавленная от всех угроз агрессии».

Таким образом, как и в Лондоне, где Чемберлен высказался в том же духе, сохранялась решимость

придерживаться твердого курса. Это означало поражение занятого интригами примиренческого клана и разочарование для П. Лавала, который надеялся сыграть в Риме определенную роль и мечтал о достижении компромисса благодаря добрым услугам Италии²².

Спустя несколько недель действия, предпринятые СССР в Финляндии, привели к возобновлению дебатов о советской политике и эволюции англо-франко-советских отношений.

Этот вопрос вел союзников к столкновениям между собой; во Франции он тоже вызывал внутренние расколы.

Испытание для франко-британской коалиции

Французское правительство надеялось извлечь некоторую пользу из передышки, но СССР начал военные действия против Финляндии, и это вызвало резкую реакцию не только в Хельсинки, но также в Париже и Лондоне. Нарушение территориальной неприкосновенности Финляндии, члена Лиги Наций, другим ее членом очень скоро было осуждено Лигой в Женеве как агрессия, чреватая серьезными последствиями. Лига незамедлительно приняла меры по оказанию гуманитарной помощи населению, пострадавшему от «зимней войны», и обратилась за содействием к странам, осудившим советское вторжение (призыв от 13 декабря).

Во Франции надежда на то, что СССР будет соблюдать определенный статус-кво, стала улетучиваться, сменяясь сильными опасениями за сохранение контроля над стратегическими материалами в период, когда обозначилась перспектива экономической войны.

Из документов, направлявшихся главе правительства Министерством национальной обороны, следует, что эксперты опасались серьезных проблем, если бы Сочетский Союз стал контролировать поставки железной руды через Норвегию²³.

Этот вопрос был поставлен на заседании Межсоюзнического верховного совета 19 октября 1939 г., когда представители сторон приступили к обсуждению положения в Финляндии.

Лорд Галифакс выразил согласие на оказание «союзниками материальной помощи Финляндии, так как чем больше поддерживать Финляндию, тем меньше русские смогут действовать на Балканах». Он также изъявил готовность подтолкнуть Норвегию и Швецию к действию.

Франция хотела бы пойти дальше, чем предоставление этой материальной помощи, и предложила оказать Финляндии содействие, дополнив его обещанием гарантии скандинавским странам в случае германо-русской акции. Но Чемберлен был осторожнее — он полагал, что надо избегать опасности оказаться вовлеченными непосредственно в боевые действия против СССР.

19 декабря в Париже Эдуард Даладь попытался склонить Черчилля на свою сторону. Он отметил, что польское правительство в изгнании во главе с генералом Сикорским могло бы оказать поддержку, используя шесть польских военных кораблей (которые смогли достичь Британских островов в сентябре 1939 г.). В этот период маршал Маннергейм разработал в Финляндии сверхсекретный план, который предусматривал операцию в направлении Белого моря и Мурманска при поддержке ее британскими, французскими и польскими силами. Данная операция предполагала одобрение ее скандинавскими странами, поскольку переброска войск с запада через их территории не могла осуществиться без их согласия.

Этот весьма дерзкий план был одобрен адмиралом Дарланом со стороны Франции²⁴. Эдуард Даладь, весьма внимательно следивший за этим, составил важную записку, которая была передана в январе в Форин-офис: «Сколь бы героическим ни было сопротивление Финляндии, было бы безрассудным полагать, что она сможет в одиночку долго сдерживать возрастающий натиск сухопутных и военно-воздушных сил СССР. Нет надобности подчеркивать... каковы будут последствия для союзников поражения Финляндии. Весь Скандинавский полуостров может оказаться ареной действий, предпринимаемых Германией и Россией, и обеспечит им обладание источниками снабжения и оперативными базами, что позволит им практически бесконечно продолжать войну»²⁵.

Франко-британские разногласия

В начале января франко-британские разногласия обострились. В то время как посланник Финляндии в Париже Хольма настаивал на том, чтобы Франция начинала действовать, плохая новость еще больше ослабила позиции Франции — Скандинавские страны известили о том, что не разрешат переброску войск через свою территорию.

7 января британское адмиралтейство известило о своем отказе принять французский план относительно Мурманска и Петсамо: «Британское адмиралтейство считает нежелательным иметь Россию в качестве открытого врага из-за того, что у нее есть 200 подводных лодок, которые она может задействовать на Дальнем Востоке и в отдаленных морях, и, наконец, из-за опасности, которая возникнет на границе Индии»²⁶. В этих строках в резкой форме выражалось нежелание, которое с самого начала проявляли в Форин-офисе, где полагали, что от защиты Финляндии все равно придется отказаться.

Поэтому решения, за которые ратовал Эдуард Даладь, не были утверждены 5 февраля на пятом заседании Межсоюзнического верховного совета, на котором обе союзнические стороны ограничились упоминанием мер по оказанию косвенного

содействия Финляндии и занялись рассмотрением вопроса об оказании содействия Норвегии, богатой полезными ископаемыми.

Через несколько недель в Париже весьма конфиденциально рассматривался другой сценарий. Речь шла о возможном проведении воздушного налета на Баку. Затем этот вопрос обсуждался 31 января на заседании межсоюзнического штаба, позднее он стал предметом многочисленных исследований в рамках французского высшего командования, где высказывались некоторые оговорки, тогда как эксперты на Ке-д'Орсе относились к такого рода действиям весьма сдержанно²⁷.

Между тем ситуация в Финляндии становилась отчаянной. 12 марта Москва заявила о подписании мирного договора с Финляндией. Эти драматические события представляли собой крупную неудачу для коалиции, но еще более непосредственно они касались Эдуарда Даладьё, который вложил в общее дело много сил и теперь должен был признать неспособность Франции оказать активное содействие стране, подвергшейся нападению.

В плане внутривнутриполитической жизни Франции это был добивающий удар для главы правительства, министра иностранных дел и национальной обороны. В парламенте, где с начала зимы назревал кризис, последние удары Даладьё нанесли на заседаниях 12 и 20 марта жаждавшие его «экзекуции» политики²⁸.

После отставки Эдуарда Даладьё 20 марта была образована новая команда, но новый глава правительства Поль Рейно располагал лишь незначительным большинством. Сознывая слабость франко-британской коалиции, он попытался выявить контуры согласия и снова занялся скандинавским вопросом, не теряя надежды на улучшение взаимодействия между Францией и Великобританией. Теперь все больше внимания уделялось угрозе со стороны Германии. Тем не менее, включившись в это

остававшееся «периферийным» дело, Поль Рейно преуменьшал непосредственную опасность, угрожавшую территории Франции. Через несколько месяцев его правительство столкнулось с «кампанией во Франции» и «странным поражением», говоря словами Марка Блока.

***

70 лет спустя после этих событий историки располагают важными документами, позволяющими им лучше оценить значение германо-советских соглашений, заключенных в августе и сентябре 1939 г. Современники, в особенности принимавшие решения во Франции, а также общественность еще тогда осознали некоторые из основных последствий воплощения этих договоренностей в жизнь. Они совершили серьезные аналитические ошибки, внесли в дебаты много продиктованных эмоциями соображений. Вместе с тем оценка, которую правительственная команда Франции давала советской политике, не была лишена ясности, но позиция высшего командования, обязанного рассматривать средства, необходимые для проведения намеченных периферийных операций, с трудом, как нам кажется, поддается определению. Многочисленные разногласия, разделявшие в этот период французов и британцев, в частности, по вопросу об оказании содействия Финляндии, выявили слабые места коалиции.

Учет угрозы со стороны СССР и боязнь преждевременного разрыва с Москвой заставляли Лондон откладывать всякое вмешательство. Таким образом, уже в начале весны 1940 г. франко-британская коалиция представлялась весьма уязвимой. Через несколько недель германский противник нанес на Западе удар всеми своими силами согласно выработанной стратегии. За провалом политических решений последовал провал стратегических решений.

¹ Documents diplomatiques français (DDF). 1939 (3 septembre — 31 décembre). Bruxelles. PIE. Peter Lang, 2002. Часть документов Думенка доступна в историко-архивном отделе сухопутных войск: SHAT-Série 7N3 186. Документы Гамелена также хранятся в: SHAT-1K224.

² См. нашу статью: L'URSS et l'Europe dans les années vingt. Paris. Presses de l'Université de Paris. Sorbonne, 2000 (Sous la direction de Narinski M., du Réau E., Soutou G. et Tchoubarian A.).

³ Jean Baptiste Duroselle. La décadence. Paris. Seuil. 1983. P. 421–427. См. также: E. Du Réau. Edouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 347–351.

⁴ Archives nationales — AN — Fonds Daladier — 496AP — 3DA1drl.

⁵ SHAT — 7N 3123. AM Moscou 1939–1940.

⁶ Yves Santa-Maria. 1939. Le pacte germano-soviétique. Bruxelles. Complexe. 1998.

⁷ L'Humanité, du 23 au 26 août 1939.

⁸ Elisabeth du Réau. Edouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 374–377.

⁹ AN 496 AP 3 DAL, dr2. См. также: R.A.C. Parker. Struggle for survival. Oxford, 1989. P. 17–25.

¹⁰ Le Populaire. 3 septembre 1939. Editorial de Léon Blum.

¹¹ AN 496 AP. 3DA1, drl. Note du général Gamelin sur la conduite de la guerre.

¹² DDF. 1939. Nouvelle série. Op. cit P. 18. Note 16. Extrait des archives de Nantes.

- ¹³ Fonds Daladier. AN 496 AP. 3DA2, dr2. См. также неизданные «Journal» генерала Гамелена в историко-архивном отделе сухопутных войск (SHAT).
- ¹⁴ SHAT. 2N. 227. Collaboration franco-britannique.
- ¹⁵ François Bedarida. La stratégie secrète de la drôle de guerre. Paris, 1979.
- ¹⁶ Записка, составленная политическим управлением на Ке-д'Орсе на основе сведений, переданных 20 сентября 1939 г. поверенным в делах Пуайо. См.: Fonds Daladier AN 496. AP. 3DA1, dr2. Note pour le Conseil des ministres français (du 25 septembre).
- ¹⁷ Yves Santa-Maria. Le pacte germano-soviétique. Bruxelles. Complexe. 1998. P. 37–38. В работе подчеркивается важность развернутой Кремлем пацифистской кампании.
- ¹⁸ DDF.
- ¹⁹ E. du Reau. Edouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. P. 375–376; Yves Santa-Maria. Le pacte germano-soviétique. Bruxelles. Complexe. 1998. P. 81.
- ²⁰ Archives diplomatiques. Ministère des Affaires Etrangères. Fonds Hoppenot. Dossier 8. Note d'Henri Hoppenot. 2 octobre 1939.
- ²¹ Archives diplomatiques. Ministère des Affaires Etrangères. Fonds Hoppenot. Dossier 8. Note d'Henri Hoppenot. 2 octobre 1939.
- ²² AN 496. AP 3DA1, dr 2.
- ²³ Fonds Daladier. 496 AP. 3 DA3, dr I.
- ²⁴ Hommage à René Girault. Op. cit. Etre historien des relations internationales. Paris. Publications de la Sorbonne. 1998. P.233–250. Fonds Daladier. 496 AP. 3DA3, dr 1.
- ²⁵ Ibid. 3 DA 1, dr 2.
- ²⁶ Public Record Office (PRO). London. CAB 65/11.
- ²⁷ MAF. Papiers Hoppenot. Dossier 8 et 9. SHAT. Papiers Gamelin. 1K224. См. также: Martin Alexander. Gamelin et les leçons de la campagne de Pologne. Mai — Juin 1940 // Défaite française victoire allemande sous oeil des historiens. Paris. Ed. Autrement. 2000. P. 59–75.
- ²⁸ Elisabeth du Reau. Edouard Daladier, 1884–1970. Op. cit. P. 408–411. См. также работу этого же автора в: Jолл Blatt (ed.). The French Defeat of 1940. Reassessments. Providence: Berghahn Books, 1998. P. 112–113.

Вооруженные силы СССР и поражение Франции в 1940 г.

А. В. Ревякин*

Поражение Франции в войне с Германией летом 1940 г. явилось одним из важных рубежей истории международных отношений середины столетия¹. Вскоре это событие оказалось в тени других, еще более важных перемен в жизни народов. Тем не менее, именно оно ознаменовало окончательное крушение того хрупкого, но реального баланса сил, который в 1930-е гг. сложился между франко-британской и германской группировками государств. Руководители агрессивных государств, не будучи уверены в своих силах, долгое время были вынуждены умерять аппетиты, лавировать, имитировать готовность к компромиссам. Лишь поражение Франции окончательно развязало им руки для расширения агрессии как в Европе, так и в других регионах мира.

Формально СССР оставался в стороне от войны, разразившейся в Западной Европе, однако итоги кампании 1940 г. самым непосредственным образом затрагивали его интересы. Дело в том, что определенное равновесие сил противостоящих друг другу в Европе «империалистических группировок» было выгодно Советскому Союзу. Их соперничество советское руководство рассматривало как важное условие внешней безопасности СССР. Более того, Советский Союз неоднократно пытался играть на их противоречиях. В условиях все более острого противоборства между ними в 1930-е гг. Советскому Союзу удалось существенно укрепить свое международное положение, вступив в Лигу Наций, заключив договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией и т. д. Поражение Франции летом 1940 г. резко сужало возможности СССР проводить внешнюю политику традиционными методами.

Как советское руководство оценивало итоги военных действий в Западной Европе? Его официальная позиция, выраженная в публичных вы-

ступлениях высших руководителей, комментариях средств массовой информации не дает ясного ответа на этот вопрос². По существу, она сводилась к нескольким общим положениям: а) война, ведущаяся в Западной Европе, по своему характеру является империалистической, в возникновении которой виновата буржуазия всех стран, хотя ее «поджигателями» объявлялись Великобритания и Франция; б) Советский Союз, как социалистическое государство, совершенно к этой войне не причастен и не собирается в нее вмешиваться; в) СССР поддерживает нормальные дипломатические и торговые отношения со всеми воюющими сторонами; г) договор о ненападении, заключенный с Германией в 1939 г., предоставляет Советскому Союзу дополнительную гарантию безопасности.

По всей видимости, советское руководство воспринимало объявление Францией и Великобританией войны Германии в сентябре 1939 г. лишь как очередную виток обострения «межимпериалистических» противоречий, которыми не грех воспользоваться к выгоде СССР. В апреле 1940 г. Сталин, объясняя мотивы «зимней войны» с Финляндией, говорил: «Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде³, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить»⁴. Советский Союз вполне устроило бы, если бы война на Западе приняла затяжной характер. По мере истощения ресурсов и ослабления воюющих сторон относительно возросли бы его могущество и влияние на европейскую политику. Однако события развивались иначе. В мае 1940 г. Германия приступила к наступательным операциям на Западе, и через шесть недель Франция капитулировала, а Великобритания эвакуировала свои войска с континента и приготовилась к обороне.

* Александр Васильевич Ревякин — доктор исторических наук, профессор кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России.

Обстановка требовала от советского руководства серьезной корректировки своей внешнеполитической линии.

Но, на первый взгляд, неблагоприятный для Советского Союза исход военных действий на Западе не внес особых перемен в его внешнеполитический курс. Напрасно в критический для себя момент правительства Франции и Великобритании пытались склонить СССР на свою сторону, обращая его внимание на то, «насколько опасно с точки зрения европейского равновесия их нынешнее положение». 14 июня 1940 г. французскому послу Э. П. Лабонну народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов сказал: «...Позиция Советского Союза определяется договорами, заключенными им с другими странами, и политикой нейтралитета...»⁵. 1 июля 1940 г. Сталин в беседе с британским послом Р. С. Криппсом заявил: «...Еще преждевременно говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это еще не значит господствовать в Европе»⁶.

Несмотря на ослабление своих международных позиций, «СССР, как и прежде, делал ставку на урегулирование отношений с Германией путем переговоров», отмечается в новейшем отечественном труде по истории Второй мировой войны⁷. Целый ряд его действий на международной арене в это время легко истолковать как прямое свидетельство проведения им курса на сотрудничество с Германией. Советский Союз признал марионеточное правительство Виши, созданное коллаборационистами во Франции, и вплоть до начала Великой Отечественной войны поддерживал с ним дипломатические отношения⁸. При содействии Германии СССР добился от Румынии возвращения Бессарабии и передачи Северной Буковины. Латвия, Литва и Эстония были включены в состав СССР в качестве союзных республик. Наконец, по приглашению германской стороны нарком иностранных дел В. М. Молотов в ноябре 1940 г. обсуждал в Берлине возможности сотрудничества СССР с Германией, Италией и Японией, подписавшими в сентябре 1940 г. Тройственный пакт. Среди прочих поднимался вопрос и об его участии в новом разделе «сфер интересов».

Однако первое впечатление о позиции СССР довольно обманчиво. Демонстрируя свой нейтралитет и стремление добросовестно выполнять подписанные с Германией договоры, советское руководство на самом деле было глубоко обеспокоено обстановкой, сложившейся в Европе вследствие поражения Франции. Причем, одними из первых забили тревогу представители советских военных кругов, проявивших профессиональное чутье и немедленно отреагировавших на усиление военной угрозы.

Судя по известным документам, весьма вероятно, что даже инициатива окончательного включения прибалтийских государств в состав СССР исходила именно от них. Когда Франция еще только обратилась к Германии с просьбой о перемирии, 17 июня

1940 г. нарком обороны маршал С. К. Тимошенко направил в Политбюро ЦК ВКП(б) свои предложения о мерах, которые необходимо принять «в целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского ТВД». В частности, он предлагал «немедленно занять нашими погранвойсками для предотвращения шпионской и диверсионной деятельности со стороны западного соседа» границу с Восточной Пруссией и побережье Балтийского моря, «возможно скорее решить вопрос с „правительством“ прибалтийских государств, приступить к разоружению и расформированию их армий, населения и полиции, наконец, «решительно приступить» к их «советизации». На территории нового военного округа, который предполагалось создать в Прибалтике, нарком рекомендовал «приступить к работам по подготовке ее как театра военных действий (строительство укреплений, подшивка железных дорог, дорожное и автодорожное строительство, склады, создание запасов и пр.)»⁹.

Тревога военного командования самым недвусмысленным образом была выражена в докладе, направленном 18 сентября 1940 г. политическому руководству наркомом обороны Тимошенко и начальником генерального штаба Красной Армии генералом армии К. А. Мерецковым. «Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — говорилось в докладе, — создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах. Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ. На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу. Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша — Финляндию и Румынию... Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»¹⁰.

Если, несмотря на предостережения военных, курс СССР на сотрудничество с Германией во второй половине 1940 г. оставался неизменным, то для этого, очевидно, имелись веские основания, рассмотрение которых, однако, не входит в задачи настоящей статьи¹¹. Во всяком случае, роль, которую военное командование играло в выработке курса

внешней политики, заслуживает самого пристального внимания исследователей. В этой связи большой интерес, по нашему мнению, представляет вопрос о том, как в советских военных кругах оценивали значение поражения Франции в кампании 1940 г., а также какие выводы и уроки они намеревались извлечь из ее опыта. Попытка ответить на эти вопросы и предпринимается в настоящей статье. Она основана на документах, с которыми автор имел возможность ознакомиться в Российском государственном военном архиве (РГВА). Их можно подразделить на три группы:

1. Отчеты о политико-моральном состоянии войск, подготовленные Особыми отделами Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР;
2. Сообщения офицеров Разведывательного управления Генерального штаба КА НКО СССР о деятельности иностранных военных атташе в СССР;
3. Стенографические отчеты Военного совещания высшего руководящего состава Красной Армии 23–31 декабря 1940 г.¹². В совокупности эти материалы, по нашему мнению, дают представление о восприятии советскими военными кругами событий войны на Западе.

Отчеты о политико-моральном состоянии войск свидетельствуют, что под впечатлением от поражения Франции летом 1940 г. не только усилились тревожные ожидания советских военнослужащих, но и существенно изменилось их представление о месте СССР в расстановке сил на международной арене. Это особенно бросается в глаза, если сравнить высказывания военнослужащих, датированные началом и концом 1940 г.

31 января того же года командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант С. А. Калинин выступил в окружном доме Красной Армии перед командно-начальствующим составом штаба округа с докладом о международном положении. Значительная его часть была посвящена конфликту СССР с Финляндией. Затронув вопрос об отношении зарубежных государств к этому конфликту, генерал высказал предположение «о неизбежности большой войны весной 1940 г., в которой, с одной стороны, будет стоять СССР в союзе с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока, т.е. Англии, Турции, Китая, Румынии, Ирана, Афганистана и др.». Застрельщиком этой войны, как заявил Калинин, будет Румыния, которая уже сейчас отмобилизовала 20 возрастов и сосредоточила на границе с СССР 24 дивизии, «но Румыния в самом начале получит удар с трех направлений, т.е. со стороны СССР, Германии и Болгарии, после чего в войну вступят Турция, Иран, Индия, Англия, Франция, Китай, возможно, и Америка». По словам Калинина, «если война с Румынией закончится очень быстро, то военные действия с Англией, Францией и ее союзниками будут носить затяжной

характер и ее продолжительность будет значительно больше, чем первая империалистическая война».

Эти высказывания цитировались в сообщении, направленном Особым отделом наркомату обороны. Причем автор записки, старший офицер госбезопасности, ссылаясь на мнение «многих командиров, присутствовавших на докладе», нашел высказывания генерала «путаными» и «политически вредными». Как свидетельствует карандашная надпись на документе, нарком затребовал полную стенограмму выступления Калинина¹³. Однако ничего порочащего в высказываниях командарма высшее военное руководство, по всей видимости, не нашло, поскольку в декабре 1940 г. он участвовал в вышеупомянутом Военном совещании в качестве командующего тем же военным округом.

Победы немцев в весенне-летней кампании 1940 г. произвели на советских военнослужащих не только глубокое, но и крайне противоречивое впечатление. С одной стороны, как рядовые, так и офицеры не могли скрыть невольного восхищения могуществом и эффективностью немецкой военной машины. В сообщении на имя заместителя наркомата обороны, датированном 22 июля, приводятся следующие высказывания офицеров одной из авиационных частей¹⁴: «Да, Гитлер имеет в настоящее время самую сильную армию в мире. Это новый Наполеон. — Да, это великий человек. И армия, и он войдут в историю больше фигуры Наполеона»¹⁵. Автор сообщения охарактеризовал эти высказывания как проявление «отрицательных настроений»¹⁶. Некоторые высказывания, взятые на заметку службой безопасности и доведенные Особым отделом до сведения начальника Политуправления Красной Армии, свидетельствуют о том, что военнослужащие ревниво восприняли известия о немецких победах. Один из курсантов Краснодарского военно-авиационного училища жаловался своему товарищу: «Советский Союз только топчется на одном месте, а Германия без всякого топтания захватывает территорию. СССР Финляндию и то кое-как с горем пополам захватил...» Эти слова начальник Особого отдела расценил как «прямые антисоветские высказывания»¹⁷.

С другой стороны, к этим чувствам примешивался страх перед могуществом Германии. В спецсообщении Особого отдела, датированном 23 июля, приводится длинный перечень «нездоровых высказываний о „мощи“ германской армии» военнослужащих частей Киевского особого военного округа¹⁸. Курсант Киевского танкотехнического училища поделился со своими товарищами таким соображением: «Германская армия сильна, у нее техника самая лучшая, куда нам до нее, и если она на нас пойдет, крепко помнет нам бока». Аналогичное мнение выражал красноармеец-артиллерист: «Немцы захватили Париж, у них дело обстоит лучше. Говорят, что у них армия сильная, хорошая и одетая, вот они и воюют

крепко, а наша Красная Армия с Румынией не справится, и нам могут набить». В сущности, ту же мысль, только более профессионально, выразил начальник штаба кавалерийского полка: «Германская техника надежна, и сочетание родов войск германским командованием учитывается лучше, чем... нами в период боев с белофиннами...».

Некоторые из военнослужащих, чьи высказывания приводятся в указанном спецсообщении, откровенно выражали мнение, что немецкая армия обладает не только техническим, но и морально-политическим превосходством. Красноармеец-связист утверждал: «В германской армии [солдаты себя чувствуют] лучше, чем у нас, офицеры германской армии фотографируются вместе с солдатами, у них телесные наказания не применяются». Курсант танкотехнического училища обращал внимание на другую сторону этой проблемы. «Посмотрите, — говорил он, — как воюет Германия, у нее техника получше нашей и драться с ней пришлось бы с большим трудом. У германской армии кроме этого имеется еще одно качество — патриотизм солдат, что видно из ее побед».

С точки зрения задач нашего исследования интересно то, что уже в то время ряд военнослужащих выражали уверенность в неизбежности скорой войны с Германией. Согласно упомянутому спецсообщению, старший офицер, возможно, преподаватель Киевского танкотехнического училища, заявлял: «Германия сейчас настолько сильна, что Советскому Союзу придется туго с ней бороться, она умна. Года через два она укрепитя, и тогда пойдет борьба между Советским Союзом и Германией». Не строил иллюзий, хотя и не терял оптимизма, штабной офицер стрелкового корпуса: «Нам со временем тяжело придется, когда мы столкнемся с Германией. Обстановка сейчас такова, что Европа будет разделена между СССР и Германией». Панические нотки проскальзывают в словах красноармейца-артиллериста: «Вот немцы разделяются с англичанами и французами, потом повернут на нас и тоже успешно закончат операции».

Распространение тревожных слухов и панических настроений летом 1940 г. на волне известий о победах германской армии, по всей видимости, было неожиданностью для советского военного командования. Лишь спустя некоторое время этому явлению был поставлен характерный диагноз: «пораженческие настроения». Насколько нам известно, впервые это определение упоминается в сообщении Особого отдела в политуправление Красной Армии, датированном 2 августа. Поводом послужило высказывание некоего красноармейца, утверждавшего: «Германия под руководством Гитлера сильнее СССР, и если Гитлер пойдет войной на СССР, то нам придется плохо»¹⁹.

К осени 1940 г. тональность высказываний военнослужащих, на которых останавливает свое внимание армейская служба госбезопасности, заметно

меняется. Прошло потрясение от громких побед немецкой армии на Западе. Они уже не служат поводом для эмоциональных оценок. На Германию и немецкую армию стараются смотреть непредвзято как на вероятного противника, столкновения с которым избежать нельзя. Германия уже не внушает страха. Напротив, зарождается надежда, что предстоящая война обеспечит Советскому Союзу ощутимые преимущества.

20 августа начальник Дома Красной Армии в звании старшего политрука, выступая на собрании партийного актива одного из промышленных предприятий Брянска с лекцией о международном положении, высказал ряд идей, которые показались бы невозможными еще полгода тому назад. Он утверждал: «Наши дружеские отношения с Германией носят, безусловно, временный характер... Мы примем все меры к тому, чтобы Англия и Германия обязательно дрались... Пусть постреляют, а потом мы посмотрим — как обстановка сложится, откуда начать. Своих интересов мы не упустим. О Дарданеллах и Босфоре вопрос решится в ближайшие дни. Все наши счета мы предъявим. О Дарданеллах и Босфоре говорить народу надо уже сейчас. Надо готовить общественное мнение... К нашим сообщениям в газетах надо относиться критически, потому что на страницах своей печати мы не можем все писать. Когда мы пишем о силе Германии — это неправда». Офицер госбезопасности, который доложил «наверх» об этих высказываниях лишь в ноябре, откомментировал их жестко, но все же не прибегая к резким политическим обвинениям: лекция построена «на основе выдуманных им самим (лектором. — А. Р.) предположений, а отдельные формулировки носят неправильный и провокационный характер»²⁰.

Тогда же, в ноябре, Особый отдел ГУГБ НКВД поставил в известность Главное управление политической пропаганды Красной Армии об аналогичном происшествии. Слушатель Военной академии им. Фрунзе Герой Советского Союза полковник П. М. Арман²¹, выступая с докладом о «советском героизме и патриотизме» в библиографическом секторе одной из ведомственных научных библиотек, допустил, как говорилось в сообщении Особого отдела, «ряд невыдержанных толкований, которые вызвали в аудитории удивление». Полковник Арман, в частности, утверждал: «Германия проигрывает войну. Гамбург и Ганновер разрушены... Мы не всегда будем поставлять необходимые товары... Гитлер как был мерзавцем, таким и остался...». Не менее ярко высказался он и о целях внешней политики СССР. «Финляндия, — заявил он, — будет советской... Границы Советского Союза могут быть на берегу Адриатического моря... Если индусы скажут, что они братья славян и хотят жить вместе, то мы возражать не будем»²².

В изученных нами документах отсутствуют сведения о том, что фигуранты двух вышеупомянутых сообщений подверглись каким-либо преследованиям

за свои высказывания. Гораздо меньше повезло красноармейцу стрелкового полка, дислоцированного в Прибалтике, который в беседе со своими сослуживцами заявил: «Наше правительство сделало неправильно, идя на сближение с Германией. Литвинов был самый лучший дипломат, и потому что он хотел наладить дипломатические отношения с Англией и Францией, за это его и отстранили». Этот красноармеец был арестован по обвинению в том, что «среди красноармейцев проводит антисоветскую агитацию и клеветает на руководителей партии и правительства»²³.

На основании приведенных выше данных, мы вправе заключить, что поражение Франции косвенным образом повлияло на возникновение в СССР не только новой общественно-психологической, но в известной мере (с учетом особенностей советской государственной системы) и политической обстановки. Идею партнерства и сотрудничества с Германией в сознании широких слоев военнослужащих (от рядовых красноармейцев до командного состава) потеснило представление о неизбежности в скором будущем вооруженного с ней столкновения. Эта перемена тем более важна и примечательна, что она произошла вопреки официальной политике и пропаганде, имевших в СССР принудительный характер.

Как мы показали выше, во второй половине 1940 г. военное командование старалось привлечь внимание политического руководства страны к усилению военной угрозы со стороны Германии. На то у него имелись веские основания: разными путями, в том числе и по линии военной разведслужбы, командование получало предупреждения о подготовке Германии к агрессивной войне против СССР²⁴.

Одна из разведывательных операций с целью сбора информации военно-политического характера была осуществлена в конце 1940 г. на территории самого СССР. Ее объектом были военные атташе ряда иностранных государств, средства использовались вполне легальные. По просьбе самих иностранных военных атташе, желавших получить наглядное представление о военном потенциале СССР, был разработан план посещения ими различных воинских частей и учреждений, включая танковую, авиационную и стрелковую дивизии, учебные заведения и даже Дом Красной Армии. Не исключено, что поводом к тому послужила просьба, с которой к В. М. Молотову еще 25 мая 1940 г. обратился немецкий посол Ф. Шуленбург. «Германские военные атташе, — сказал он, — жалуются, что им почти ничего или мало что показывают в СССР». На что Молотов пообещал, что «просьба Шуленбурга будет учтена»²⁵. Каждая из воинских частей, в которых должны были побывать военные атташе, предварительно была переименована. Иностранных военных дипломатов сопровождали офицеры советской разведки. Они не только давали

необходимые пояснения, но и сами активно задавали сопровождаемым лицам вопросы военного, политического и дипломатического характера. Завершал программу посещения товарищеский обед. За столом, уставленным яствами и напитками, беседа нередко приобретала не только менее официальный, но и более содержательный характер.

Воинские части и учреждения посетили военные атташе 9 стран — Германии, Великобритании, США, Италии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Турции, Китая и Японии²⁶. Судя по перечню стран, организаторы этого мероприятия старались не оказывать явного предпочтения ни одной из двух воюющих группировок — ни Германии, ни Великобритании с их друзьями и союзниками. Впрочем, в полной мере соблюсти между ними баланс так и не удалось. Военный атташе Германии и его подчиненные в общей сложности участвовали в 4 посещениях, тогда как британский военный атташе только в одном. Это и неудивительно, учитывая весьма напряженные отношения между СССР и Великобританией. Но именно британский военный атташе привлек к себе самое пристальное внимание хозяев.

Франция в лице представителей Вишистского правительства отсутствовала в списке приглашенных. Тем не менее, о ней часто вспоминали. Советских офицеров интересовало мнение иностранных коллег о причинах неудач, постигших французскую армию, традиционно считавшуюся одной из самых сильных. Об этом они, в первую очередь, расспрашивали немецких военных.

11 октября Люберецкую авиадивизию под видом авиабригады показали немецкому военновоздушному атташе полковнику Генриху Ашенбреннеру (Aschenbrenner). На советских офицеров гость произвел самое благоприятное впечатление. Как впоследствии писал в своем отчете начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Голиков²⁷, «Ашенбреннер показал себя опытным офицером и разведчиком, быстро схватывал и замечал каждую мелочь. По отношению к командному составу держал себя вежливо, вопросы задавал умеренно, не желая, видимо, создавать о себе с самого первого же посещения невыгодное впечатление». В отчете особо упоминалось, что Ашенбреннер с удовольствием «вспоминал свою учебу в Липецкой школе, которую он называл „колыбелью германской военной авиации“»²⁸. Сопровождавшим его советским офицерам бросилась в глаза, например, такая деталь: «Мы проезжаем (довольно быстро) на автомашине мимо надписи из шести слов — Ашенбреннер совершенно правильно произносит вслух написанное... Проходим мимо вывешенного в витрине вчерашнего номера газеты „Правда“ — Ашенбреннер сожалеет, что номер не сегодняшней, так как в „сегодняшнем номере напечатана очень интересная статья о Бисмарке“». По этому поводу советские офицеры не смогли удержаться от нравоучительных размышле-

ний: «Следует поучиться у Ашенбреннера, как нужно смотреть и замечать буквально каждую мелочь». Особое уважение у них вызвал послужной список военного дипломата и его репутация обстрелянного в боях воина: «Ашенбреннер, кроме железного креста, полученного за войну с Польшей, имеет железный крест за прошлую мировую войну и 3 ордена за оккупацию Австрии, Судетской области и Чехословакии. Кроме того, он носит значок летного состава высшего класса и значок за большой боевой налет в качестве штурмана в прошлую войну»²⁹.

Вопросы, которые задавали Ашенбреннеру советские офицеры, большей частью касались последней военной кампании в Западной Европе: «Какая из армий, встречавшихся с германской армией, наиболее стойкая и подготовленная?» — Ашенбреннер со смехом отвечал: «Таких армий не встречал. Все плохие и слабы настолько, что за армии [их] можно не считать». «Как вы относитесь к сообщениям Англии о ваших потерях?» — «Пренебрежительно»³⁰. Впрочем, приняв серьезный тон, он на вопрос о том, «как поживают летчики, перегонявшие нам немецкие самолеты в начале мая этого года», отвечал, что «часть из них уже погибла». Со слов своего брата, командира бомбардировочной группы, с которым виделся «на этих днях, во время поездки в Германию», Ашенбреннер рассказал, что «английские истребители дерутся очень смело», а «английские бомбардировщики бомбят плохо, но умеют летать в облаках и ночью».

В ходе беседы удалось выяснить, что Ашенбреннер невысокого мнения о таких друзьях Германии, как Испания и Италия. На вопрос, пропустит ли Испания германские войска к Гибралтару, Ашенбреннер ответил, что на это рассчитывать трудно. Диктатор Франко, по его словам, «оказался не таким героем, каким мы его считали». Что касается Италии, то она не только не оказывает Германии реальной помощи в войне против Великобритании, но еще «ей самой приходится помогать, а в скором времени придется помогать гораздо серьезнее». Когда же советские офицеры задали Ашенбреннеру лукавый вопрос, «в чем причина задержки германского наступления на Англию», он ограничился туманными рассуждениями о том, что «нужно как следует готовить это наступление, чтобы не нести излишних потерь», и что вообще «торопиться нам особенно некуда — американская помощь [Великобритании] на ближайший период не может достичь тех размеров, о которых говорят»³¹.

26 октября полковника Ашенбреннера и его помощника старшего штаб-инженера Вундерлиха пригласили посетить Военно-воздушную академию им. Жуковского. Однако на этот раз он не оправдал надежд хозяев, пытавшихся вызвать его на откровенность. «Полковник Ашенбреннер и его помощник, — говорится в отчете об этом визите, — совершенно не были предрасположены говорить что-либо о войне. Всякий разговор о ней очень быстро сводился к вы-

сказыванию сожаления самого Ашенбреннера, что он сейчас „не летает там и не стреляет во врага“, как это делают „сию минуту“ его товарищи»³².

28–30 октября состоялись визиты во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, Ленинградское военно-инженерное училище и стрелковый полк военного атташе Германии генерала Э. Кёстринга (Ernst August Köstring), считавшегося ключевой фигурой среди германских дипломатов, занимавшихся разведывательной деятельностью против СССР³³. Принимавшие его советские офицеры отмечали, что «немцы»³⁴ придавали большое значение техническим средствам, которыми оснащены наши инженерные войска, говоря, что с такими средствами саперные части займут в боевой обстановке видное место, и тут же сказали, что большую помощь их саперы оказали войскам при наступлении на Западном фронте (Голландия, Бельгия, Франция)»³⁵. В связи с этим замечанием советские офицеры задали немецким военным ряд сугубо профессиональных вопросов. В частности, они поинтересовались, поспевала ли немецкая артиллерия за быстрым продвижением войск во время наступления на Западе. Ответ немецкого военного атташе мог вызвать зависть его собеседников: «Она у нас в большинстве механизированная». На вопрос о том, как в наступающих частях обстояло дело с тылами, особенно с горючим, генерал Кестринг ответил: «С горючим было тяжело, но французы и бельгийцы бросили очень много складов с горючим». Вместе с тем ему задавали и вопросы общего характера: «Как вы могли так быстро продвигаться, неужели французы не сопротивлялись?». На что генерал отвечал: «Да, французы очень слабо сопротивлялись, хотя в некоторых местах они оказывали сильное сопротивление. Они имели танков больше, чем немцы, но эти танки были разбросаны по всем дивизиям и очень тихоходные, и поэтому они не могли выполнить задачу стратегического резерва. Мы, немцы, сами не ожидали такого быстрого продвижения. Если бы какой-нибудь генерал до войны предложил бы такую операцию, то ему, как неграмотному, дали бы отставку»³⁶.

Спустя месяц, 29 ноября, генерал Кёстринг и его помощник майор Реттгер посетили танковую дивизию (под видом танковой бригады). Беседуя с советскими офицерами о причинах победы над Францией, он, по существу, не добавил ничего нового к тому, что рассказал ранее. Так, он опять с похвалой отозвался о работе тыловых служб немецкой армии: «Наши тылы во Франции проделали огромную работу. При действиях танковых армий тылы решают [все]». Повторил он и прежнюю оценку побежденного противника: «Мы во Франции сами не ждали такого быстрого успеха, это было потому, что Франция мелочная. Она сидела на деньгах и не имела ни танков хороших, ни достаточных укреплений». Новым было то, что генерал Кёстринг затронул тему «советско-германской дружбы», как она была

обозначена в соответствующем отчете. Начал он с обличения коварства британцев, которые, по его словам, «нас хотят стукнуть лбами, а потом чужими руками жар загребать». Затем напомнил своим собеседникам о Бисмарке, «этом великом человеке», который «говорил, что, сохраняя хорошие отношения с Россией, германский народ будет счастлив». После чего он признался в искренней и глубокой симпатии к России. «Я в России родился, — с пафосом сказал он, — я за Россию и за то, чтобы с Россией жить лучше и торговать с ней и давать товары лучшие. Меня в Германии зовут большевиком, в России германским офицером, а [на самом деле] я — русский буржуй!». Не удержался он и от того, чтобы прихвастнуть своими заслугами и связями: «Когда я доложил о своей работе в России — Гитлер сразу приказал сделать меня полным генералом»³⁷.

Вопрос о причинах поражения Франции и уроках военной кампании на Западе затрагивался и в беседах с военным атташе США майором Йитоном (Ivan D. Yeaton) и его помощником капитаном Дж. Мичелой (Joseph Michela), посетившими 22 октября авиаполк в Серпухове³⁸. Оба они, представившиеся как «первые сотрудники русского отдела» американского генштаба³⁹, охотно беседовали с советскими офицерами, особенно Мичела, о котором стало известно, что, помимо военной академии, он еще учился на факультете восточноевропейских стран Колумбийского университета, где изучал русский язык. Во время поездки из Москвы в Серпухов он буквально обрушил на своего собеседника поток информации, преимущественно политической и дипломатической.

На вопрос: «Чем вы объясняете поражение Франции?» — Мичела прочитал целую лекцию. «Есть целый ряд причин, — начал он, — основными из которых являются следующие: население Франции не имело общего желания иметь существовавшее в то время правительство. Одни хотели одно правительство, а другие — другое. Далее, французская армия была тренирована на ведение оборонительной войны и была совершенно не приспособлена к наступательным действиям. Противоречия, имевшие место между английским и французским правительствами, помешали Англии оказать реальную помощь Франции, в частности, своим флотом. Сейчас это противоречие настолько обострилось, что возможно выступление Франции на стороне Германии и Италии. Третья причина заключалась в том, что «линия Мажино» оказалась недостаточно сильной, и в связи с этим возможен был прорыв этой линии в отдельных местах. Германская армия была все время тренирована для наступательной войны. Ее тактика — авиацией и мотомеханизированными частями расчистить путь для пехоты и далее использовать все остальные рода войск. Точность расчетов и хорошая работа десантов способствовали победоносному продвижению германских войск»⁴⁰.

На словоохотливого американца посыпались новые вопросы, явно вызывающие его на откровенность: «Как вы рассматриваете заключение союза между Германией, Италией и Японией?» — «Отрицательно. С моей точки зрения и с точки зрения американского государства этот союз направлен не только против Англии и Америки, но и против СССР. Было бы совершенно правильно и своевременно заключение союза: Америка — СССР — Англия для совместной борьбы с агрессором». Новый вопрос: «На основании каких данных вы считаете, что союз Германии, Италии и Японии затрагивает интересы СССР? Ведь точка зрения нашего Советского правительства по этому вопросу вам известна». — «Гитлер неоднократно обманывал мировую общественность. Вспомните его заявление относительно Чехословакии и других стран. То он заявляет, что не имеет никаких территориальных притязаний к той или иной стране, а на самом деле захватывает одну территорию за другой. По отношению к СССР Гитлер долгое время был открыто озлоблен. Вам известно его высказывание в книге „Моя борьба“. Там он совершенно отчетливо говорит о необходимости устремиться на Восток. Основные трудности, которые переживает Германия, — это трудности продовольственные. Ясно, что Гитлер не отказывается от мысли захвата Украины, и при первом удобном случае между Германией и СССР возможно столкновение».

В заключение беседы был затронут, может быть, самый деликатный вопрос советской внешней политики того времени — о пакте Молотова–Риббентропа. «Как американская общественность встретила договор между СССР и Германией?» — «С большим удивлением. Ведь Гитлер все время был враждебно настроен против Советского Союза. Он открыто заявлял, что имеет территориальные притязания, имея в виду, в частности, Украину. Ваш Сталин никогда этого не говорил. Было удивительно, что правительство Советского Союза поверило Гитлеру после того, как он неоднократно обманывал мировую общественность». Не возражая прямо капитану Мичеле, его собеседник попытался оправдать советскую внешнюю политику: «Не считаете ли вы, что договор между СССР и Германией уже дал для СССР целый ряд положительных результатов?» Американца, вероятно, несколько покорила такая постановка вопроса. Он с явной иронией воскликнул: «О, да! Конечно, Советскому Союзу для себя это выгодно». И на этом разговор закончился⁴¹.

Майор Йитон не был столь же эмоционален и многословен, как его помощник, но его высказывания также заинтересовали советскую разведку. Говоря об уроках кампании в Западной Европе, он твердо выражал уверенность в том, что «Германия проиграла войну». Основанием для такого вывода служило то, что, по его мнению, «Англии удалось превратить войну в затяжную». Для самой Великобритании в этом

заключалось спасение: «Высадка немцев в Англии стала маловероятной». Но для Советского Союза, как он ясно дал понять, из этого вытекали серьезные неприятности: «... Следует ожидать развития военных действий германской армии на востоке»⁴². Но больше всего советских офицеров заинтересовало предложение о сотрудничестве. Как извещал о том наркома обороны начальник Разведывательного управления генерал-лейтенант Голиков, майор Йитон предложил «информировать нас о всех мероприятиях немцев, в частности, в Румынии»⁴³.

Вопрос о причинах поражения Франции советские офицеры поднимали в беседах с военным атташе Югославии полковником Поповичем. Посещая 21 ноября артиллерийский полк, он сказал, что «Франция потерпела поражение случайно. Французская армия была не хуже обучена и вооружена». У собеседников слова Поповича вызвали недоумение: «Да ведь Германия разгромила не только Францию, но и сухопутные войска Англии, которые помогли Франции. Разве это тоже случайность?». Но, как свидетельствуют документы, «от прямого ответа на этот вопрос г-н Попович уклонился»⁴⁴.

Если его высказывания привлекли внимание советской военной разведки, то по другим причинам. Своему собеседнику он признался: «... Я с 1932 г. работаю на вас, с кем, фамилии не хочу здесь называть, но делаю все, чем могу быть полезным для СССР»⁴⁵. Кроме того, югославский военный атташе «в беседе за завтраком много говорил о сербском народе, как о воинственном и близком русским, ориентирующемся только на Восток». В частности, он заявил: «Я знаю, что наш народ не пойдет по пути Венгрии в союз „Оси“, и настанет время, когда он присоединится к СССР». Между прочим, об этом генерал-лейтенант Голиков счел своим долгом лично проинформировать руководство⁴⁶. По-видимому, в развитие мысли о необходимости союза с СССР для успеха борьбы с немецкой агрессией 9 декабря во время посещения Центрального Дома Красной Армии полковник Попович сказал: «Франция потерпела поражение потому, что глупо отказалась от сотрудничества с СССР»⁴⁷.

В беседах с военными атташе других Балканских государств вопрос о причинах поражения Франции либо не затрагивался вовсе, либо их соображения не представляли интереса для советской разведки и поэтому не были отражены в отчетах. Однако активно обсуждались те перемены в положении на Балканах, которые уже произошли или еще только ожидалось вследствие победы Германии в войне на Западе. Военный атташе Турции подполковник Тюркмен, посетивший 2-е Ленинградское артиллерийское училище (2 ноября) и Центральный Дом Красной Армии (10 ноября), даже прилагал определенные усилия, чтобы довести свою точку зрения по этому вопросу до возможно более широкого круга своих собеседников: его высказывания

цитируются в трех различных отчетах, подписанных разными лицами.

Судя по этим документам, Тюркмен преследовал две цели: привлечь внимание советских военных к угрозе агрессии со стороны Германии, а также показать, что интересы Турции и СССР перед лицом агрессивной Германии совпадают. В Ленинграде с ним беседовал заместитель начальника Отдела внешних сношений ГШ полковник Драгун (что свидетельствует о внимании к турецкому военному атташе). По дороге в гостиницу Тюркмен старался убедить собеседника в том, что «немцы подбираются к Дарданеллам и Босфору». На просьбу уточнить свою мысль он туманно ответил: «Это — для вас». «... Немцы имеют союз с финнами, — продолжал он. — В бывшей Польше они сконцентрировали 100-тысячную армию, проникают на Балканы, в Болгарии много немецких офицеров и вообще военных в гражданском платье. Все это направлено ни к чему иному, как к окружению». Полковник Драгун спросил: «К окружению кого?» — «Я думаю, что вы меня поняли», — отвечал Тюркмен⁴⁸.

Во время посещения Центрального Дома Красной Армии турецкий военный атташе, с одной стороны, «неоднократно указывал на заинтересованность СССР в Дарданеллах, намекая на то, что нынешние взаимоотношения СССР с Германией дают возможность последней усиливать свои позиции на Балканах, а это может привести ее и к Босфору, а может быть, и к столкновению с интересами СССР». С другой стороны, он выражал крайнее недовольство агрессивными действиями на Балканах Германии и Италии, а также союзных им государств, не исключая возможности войны Турции в защиту своих интересов. «В случае, — говорил он, — если Болгария попытается претендовать на выход к Эгейскому морю, Турция будет воевать». Тюркмен старался убедить своих собеседников, что «Румыния и Болгария уже не существуют как самостоятельные страны, и что это немецкие государства; Югославия же колеблется все время то в одну, то в другую сторону». В особенности Тюркмен опасался прямой агрессии Германии на Балканах. «Если, — говорил он, — Германия придет с военной помощью Италии на Балканах, Турция будет воевать». Его собеседники обратили внимание также на то, что турецкий военный атташе выражал «удовольствие успехами греков в Албании» и надежду на то, что «скоро итальянцев сбросят в Адриатическое море». Что касается войны в Западной Европе, то он демонстрировал «свою уверенность в неизбежной победе Англии»⁴⁹.

Дружелюбный прием настолько расположил турецкого военного атташе к советским офицерам⁵⁰, что он прямо заявил им: «Мы очень спокойны и рады такому соседу, как СССР... Наша армия готова защищать себя. Но должен сказать, что распространение господства Германии до проливов, очевидно,

заставит воевать СССР с Германией». Чтобы подчеркнуть значение своих слов, он повторил: «Я уверен, что через год–два вы повоюете с Германией, так как вы, а также и мы не хотим этого соседства»⁵¹.

Весьма откровенно, но преследуя совершенно другие цели, разговаривал с советскими офицерами военный атташе Болгарии майор Кубадинов, посетивший 22 ноября танковую дивизию. Во всяком случае, он не делал тайны из того, что Болгария не только не ищет защиты от иностранной агрессии, но сама встала на путь территориальных захватов на Балканах. При этом он тоже обращал внимание на известную общность интересов Болгарии и СССР. «Нам нужны Фракия и выход к Эгейскому морю, — говорил он своим собеседникам, — а вам нужны проливы. Мы надеемся, что СССР нам в этом поможет. Я уверен, что Болгария будет у Эгейского моря, а СССР на Босфоре». Главное препятствие осуществлению этого плана Кубадинов усматривал в политике Великобритании. «Это англичане, — утверждал он, — не хотели, чтобы славяне были на Эгейском море и у проливов». Эту мысль он повторил во время беседы несколько раз. Парадоксальным образом военный атташе Болгарии с уважением отзывался о сопротивлении Греции итальянской агрессии: «Народы Балканского полуострова храбрые, греки дерутся хорошо». При этом он замечал: «Мы бы дрались за свои интересы не так, как итальянцы, и легко бы взяли Фракию». Впрочем, Кубадинов предпочитал «решить этот вопрос мирным путем, как решали вопрос о Добрудже»⁵². Аналогичным образом он предполагал удовлетворить и притязания Болгарии на Македонию. Что давало ему основание для таких надежд? Прямо он об этом не говорил, но достаточно прозрачно намекал на поддержку Германии: «Болгария — малая страна и вынуждена, как все малые страны, в своей политике оглядываться на большие страны»⁵³.

Любопытно, что даже военный атташе государства, не имевшего выхода к Черному морю, а именно Венгрии, в своих беседах с советскими офицерами «неоднократно намекал на заинтересованность СССР в Дарданеллах, говорил, что Черное море без Дарданелл — это большое озеро». Г. Фараго, посетивший 11 декабря Центральный Дом Красной Армии, не особенно выбирал выражения, высказываясь на эту тему: «Вам нужно море — оно ваше». В столь же непринужденной манере он обсуждал выгоды, которые СССР сумел получить благодаря переменам в Европе. «Советскому Союзу, — говорил он, — везет... [потому] что СССР умеет балансировать. Страна ваша велика, и в ней много всего. Вы сидите и ничего не делаете, и вдруг у вас появляются Северная Буковина, Польша и т.д.». Еще более четко, чем болгарский военный дипломат, он дал понять, на кого в текущей войне Венгрия делает ставку. В сообщении о беседе с ним отмечается: «Выразил уверенность в победе Германии»⁵⁴.

Особенно продолжительный и заинтересованный разговор состоялся с британским военным атташе полковником Гриром (Eric Roberts Greer), посетившим 19 декабря танковую дивизию (по этому случаю переименованную в легкотанковую бригаду). В беседе с ним участвовали командир дивизии генерал-майор танковых войск А. Д. Штевнев⁵⁵ и уже известный нам полковник Драгун. Запись беседы с ним⁵⁶, заверенная Штевневым, заняла 10 машинописных страниц, что в среднем значительно превышает объем документов такого рода, имевшихся в нашем распоряжении.

В начале беседы полковник Грир держался настороженно, не высказывал свои мысли прямо, видимо, чтобы не дать повода для дипломатического скандала, изъяснялся преимущественно намеками. Советские офицеры начали разговор с обсуждения профессиональных вопросов. Штевнев, упрекнув гостя в том, что он «очень скромно рассказывает об английской армии», попросил сообщить «больше о ее успехах». Может быть, почувствовав иронию, Грир прямо не ответил на вопрос. Он лишь твердо заявил: «Я убежден, что в войне с Германией [мы] будем оставаться одни, но мы выиграем. Может быть, через пять лет, но победим». А затем он перевел разговор на общие военно-политические и дипломатические вопросы: «Существует много непонятных для меня вещей». Генерал Штевнев насторожился: «Объяснитесь, пожалуйста». Грир пояснил: «Ваши газеты пишут против Англии». Советские офицеры пытались возражать, но британский военный атташе настаивал: «80% пишется против Англии». Особенно ему не нравились «обзоры полковника Попова»⁵⁷. «Всегда против нас, — утверждал Грир. — Я их не могу читать». «Раньше, — продолжал он, — отношение к Англии было лучше, а почему [оно изменилось] — мне непонятно».

Слова Грира явно задели его собеседников. Полковник Драгун, имея в виду позицию Великобритании во время Советско-финской войны, возразил: «В этом вы [сами] виноваты... А мероприятия в Средней Азии, против Баку и еще кое-что?». Грир не нашел, что ответить по существу дела: «Это немецкая информация. Нельзя верить всем». Однако ответственность Великобритании за ухудшение советско-британских отношений он признать отказался, сославшись на прогерманский крен в советской внешней политике: «Я помню, что в сентябре 1939 г. был заключен некий договор». По вопросу о значении советско-германских договоров между собеседниками даже возник спор. Советские офицеры старались представить эти договоры как вынужденную со стороны СССР меру, обусловленную срывом переговоров с правительствами Франции и Великобритании, которые незадолго до того прислали в Москву военные миссии, не имевшие «никаких полномочий». «Не знаю, — раздраженно отвечал им Грир, — почему они не договорились. А когда г-н Риббентроп приехал, договор подписали в два счета».

О чем бы ни шла речь, собеседники снова и снова возвращались к обсуждению отношений своих стран с Германией. Когда обсуждали положение на Дальнем Востоке, Грир стал оправдывать недостаточную военную помощь Великобритании Китаю, боровшемуся с японской агрессией, тем, что его страна сама находилась в состоянии войны: «Мы воюем, и у нас все пушки, танки и самолеты должны быть в Англии». Но едва советские офицеры высказались в том же духе: «У нас тоже есть враги, и мы тоже должны быть наготове», — как британский военный дипломат снова подверг критике советскую внешнюю политику. «Кто, — вопрошал он, — будет против вас воевать? Англия? Нет. Болгария? Румыния?». — «Значит, — осторожно поинтересовались его собеседники, — для СССР угрозы нет?». В ответ Грир довольно прозрачно намекнул, откуда, по его мнению, исходила главная угроза безопасности их стран. «Наш враг — Германия, — заявил он. — Вы меня понимаете?».

Собеседники Грира призвали его к «откровенности». По всей видимости, они не питали доверия к Великобритании и опасались, что, несмотря на воинственную риторику своего гостя, она, в конечном счете, пойдет на компромисс с Германией. Полковник Драгун сказал: «Очень небольшой для истории промежуток времени отделяет нас от событий, когда весьма ответственные представители Англии и Франции были в Германии. Мы помним и визит господина Чемберлена в Мюнхен, после чего последовали некоторые события». Британский военный атташе не вступил в дискуссию на эту тему, но, в свою очередь, также не стал скрывать своего недоверия к политике Советского Союза. Имея в виду тесные контакты руководителей СССР и Германии, он не без иронии заметил: «Я видел на днях в „Правде“ хорошую картину. Вашего министра иностранных дел господина Молотова в кругу лучших друзей». Полковник Драгун пояснил: «У нас с Германией договор о дружбе. [Но] мы сильны и всегда можем отстоять свой нейтралитет и свою независимость». Британский военный атташе усомнился: «У вас с Германией больше чем дружба». Советские офицеры стали ему возражать, в результате не обошлось без взаимных колкостей.

Впрочем, в завершение разговора Грир сам попросил у хозяев разрешения «быть откровенным в кругу военных». Он прямо заявил им: «В возникновении войны виноват СССР. Он развязал Гитлеру руки на востоке, и тот завоевал весь запад — Бельгию, Голландию, Францию». При этом он добавил: «Придет и ваша очередь воевать. Если Англии будет капут, тогда и вам будет плохо».

Примечательно, что возражения советских офицеров вызвал только тезис о виновности Советского Союза в развязывании войны. «А кто отдал Гитлеру Австрию, Чехословакию, Рейнскую область? — вопрошали они... — А Польшу, Норвегию, Францию не защищали?». Но они, по всей видимости, с удовлетворением выслушали разъяснение Грира: «Мы тогда не

были готовы к войне. Нас к этому положению привела старая политика, политика Чемберлена... Старых политиков надо поставить в ряд и расстрелять. Сейчас у нас Черчилль, он ведет дело по-другому. Наш новый посол сделал очень много, чтобы договориться с вами, но ничего не мог добиться».

Британский военный атташе ясно высказался об угрозе нападения на СССР со стороны Германии: «Я дипломат, я не имею права этого говорить, но в Германии говорят, что они скоро покончат со Сталиным. Вы не видите или не хотите видеть, что против вашего правого фланга в Финляндии — немцы, и против левого фланга, в Румынии, — также немцы, и немало их там. И только вы ничего не видите».

Выслушав Грира, полковник Драгун ограничился замечанием: «Мы сильны... мы никого не боимся. Да нам и не из-за чего воевать с Германией». При этом он поинтересовался целями Великобритании в текущей войне. Британский военный атташе ответил кратко и образно: «Мы воюем против Гитлера. Англии и Германии не хватает вдвоем места на земле».

Резюмируя информацию, которую удалось получить от полковника Грира, начальник Разведывательного управления Голиков писал в своем отчете: «Все его высказывания были направлены к натравливанию нас на Германию. Грир говорил, что если немцам удастся победить Англию, или, как он выразился, если Англии будет „капут“, то очередь будет за нами, Гитлер Украину не оставит в покое, к захвату ее он готовится»⁵⁸.

Разумеется, в ходе бесед с иностранными военными дипломатами советская разведслужба не узнала тайн ни Третьего рейха, ни его противников. Из этого отнюдь не следует, что операция, осуществленная ею с размахом, была напрасной. Советские офицеры не только получили возможность в личном, непринужденном общении с высокопоставленными представителями иностранных армий составить представление об умонастроениях, воцарившихся в них после военных побед Германии на Западе. Главное, таким неформальным способом представители иностранных армий довели до их сведения информацию, позволяющую судить о том, какие расчеты и намерения связывали с Советским Союзом воюющие стороны в условиях нового соотношения сил в Европе. Высказывания военных дипломатов прямо или косвенно свидетельствовали о том, что Советский Союз воспринимался единственной силой, способной остановить агрессию Германии на континенте. Именно это, по всей видимости, побуждало представителей Германии и союзных ей стран откровенно льстить своим собеседникам, а представителей государств, которым угрожала агрессия, — пытаться внушить им недоверие к политике Германии.

Итоги информационно-разведывательной и аналитической работы разведывательной службы и всего командования Красной Армии были подведены на Совещании ее высшего руководящего состава

в самом конце 1940 г. 25 декабря с докладом «Характер современной наступательной операции» выступил генерал армии Г. К. Жуков, в то время командующий войсками Киевского особого военного округа. Прежде всего, он дал политическую оценку поражению французских и британских войск на Западе. «Не смотря на хорошую экономическую базу, — заявил генерал, — вследствие внутренней политической слабости страны, консерватизма военной мысли главного командования и буржуазного правительства, надежды на то, что удастся повернуть Гитлера против Советского Союза, такие армии, как французская и английская, оказались неподготовленными к ведению современной войны, неподготовленными не только для активных наступательных операций, но оказались даже неподготовленными успешно вести оборонительную войну»⁵⁹.

Далее на основе «опыта последних проведенных войн» генерал Жуков попытался в своем докладе ответить на вопрос, «что особо поучительного» содержится в этом опыте для Красной Армии. Формально речь шла об опыте всех крупных конфликтов последнего времени, включая гражданскую войну в Испании, советскую операцию на Халхин-Голе, Советско-финскую войну и т.д., но наступательным действиям немецких войск весной и летом 1940 г. в его докладе уделялось основное внимание. Жуков отметил «смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов», «решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл» противника, «массовое применение парашютных, десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближнем и глубоком тылу», «тесное взаимодействие всех родов войск при прорыве укрепленных районов», «высокие темпы проведения наступательных операций». Жуков подчеркивал, что важным слагаемым немецких побед была успешная деятельность их разведслужб: «Наступательной операции, как правило, предшествовала заблаговременная выброска мощной шпионской агентуры и диверсионных групп. Эта агентура, как правило, подсаживалась ближе к аэродромам, УРАм, важнейшим складам, железнодорожным мостам и другим важнейшим объектам. Пользуясь данными этой агентуры, немцы действовали очень часто наверняка». По мнению Жукова, особенно заслуживало внимания «умение немцев организовать непрерывность операций», которое обеспечивалось «предварительной тщательной подготовкой... и наличием плана последующей операции, мощным автомобильным транспортом и широко развитой сетью железных дорог», а также «наличием глубоко эшелонированных резервов»⁶⁰.

Некоторые из участников Совещания попытались оспорить оценки, данные Жуковым значению опыта военных действий на Западе. Когда докладчик объяснял причины высоких темпов немецкого

наступления во Франции, достигавшие в среднем 10–15 км в день, не кто иной, как сам нарком обороны Тимошенко с иронией бросил реплику: «Когда плохо дерутся!» Жукову пришлось пояснить, доказывая необоснованность иронии при обсуждении столь важных проблем: «Немцам в тех опытах, которые мы с вами рассматриваем, конечно, не пришлось испытывать силы настоящего современного противника, который готов пожертвовать собой полностью для защиты тех интересов, которые призвана защищать армия, — они действовали в облегченных условиях. Но тем не менее, если мы посмотрим линию Вейгана, которая в течение 14 дней укреплялась и имела тактическую глубину в 20 км, [то] она была прервана [лишь] на третий день...»⁶¹.

С критикой доклада Жукова на Совещании выступил командир 1-го механизированного корпуса Ленинградского военного округа генерал-лейтенант П. Л. Романенко. Он заявил, что воззрения докладчика о характере и движущих силах современных военных операций «отражают насыщенность техническими средствами и военную мысль периода 1932–1934 гг.». Романенко признал, что опыт войны на Западе проанализирован Жуковым «верно», но тем не менее заключил, что «выводы из этого опыта сделаны недостаточные»⁶².

Примечательно, что стойкого защитника Жуков нашел в лице начальника Разведывательного управления Ф. И. Голиков выразил «большое удовлетворение докладом генерала армии Жукова, как охватом вопроса... так и учетом последнего боевого опыта собственной армии и армии немецкой». Критику, которой подверг выводы Жукова в своем выступлении Романенко, начальник Разведупра назвал «абсурдной». И в подтверждение основных положений доклада он огласил «фактическую справку», содержащую «характеристику сил, сосредоточенных главным немецким командованием против франко-англо-бельгийско-голландского блока к 10 мая 1940 г.». Согласно этой справке, средняя плотность немецких войск на всей линии фронта составляла 8–9 км на одну дивизию. А на ударных направлениях она достигала 4,5 и даже 2,5 км на одну пехотную дивизию⁶³.

Голиков привлек внимание участников Совещания к проблеме, которая волновала его как руководителя военной разведки, — плохой организации в войсках «изучения опыта иностранных армий». «Я спрашивал, — говорил Голиков, — некоторых командующих войсками округов и некоторых крупных танковых начальников, читают ли они то большое количество литературы, которая, правда, еще недостаточно исчерпывает вопрос, но которая в массовом порядке издается Разведывательным управлением в форме информационных сборников... Оказалось, они не знают об их существовании. Между тем в этих изданиях имеется то, что требуется для изучения опыта иностранных армий»⁶⁴.

Выводы доклада Жукова были одобрены также начальником штаба Дальневосточного фронта генерал-майором М. А. Кузнецовым, который подверг анализу ход военных операций на Западе летом 1940 г. Важную причину победы немцев он усмотрел в том, что им удалось разгромить противника «по частям». По его словам, «превосходство сил на стороне немцев было небольшое, но преимущество состояло в том, что голландские, французские, бельгийские и английские части не были подготовлены для действий по одному общему оперативному плану». В итоге, «голландцы быстро капитулировали, бельгийцы отошли без упорных боев, а та часть англо-французов, которую успели перебросить против немцев, попала под удар танкового кулака немцев и была прижата к морю и окружена в Дюнкерке». Кузнецов попытался ответить и на вопрос о том, «почему стала возможна такая молниеносная операция в Северной Франции?». По его мнению, главным образом потому, что «появился новый род войск — это танковые мотомехсоединения, это танки плюс моторизованная пехота, это танки плюс артиллерия, это танки плюс мощная авиация». «Все это, — утверждал Кузнецов, — является теми средствами, которые позволяют проводить молниеносную войну, быстротечные, решающие сражения и операции». «Вот то новое, — сказал он в заключение, — чего не было у французов и англичан, этого преимущества мотомехсоединений, способных самостоятельно прорывать фронт»⁶⁵.

Подводя итог нашему исследованию, мы можем заключить, что поражение Франции летом 1940 г. было предметом глубокой озабоченности советских военных кругов, пытавшихся понять его причины и извлечь из него полезные уроки. Эти вопросы широко обсуждались в войсках на всех

уровнях, а высшее военное командование подвергло их тщательному анализу, о чем свидетельствуют материалы декабрьского Совещания. Стремление политического руководства страной улучшить, в свете этого анализа, подготовку войск проявилось в новых кадровых назначениях, последовавших незамедлительно: уже в январе 1941 г. Жуков стал начальником Генерального штаба и заместителем наркома обороны.

Однако осуществление этих и других мер (рассмотрение которых не входило в задачи настоящей статьи), направленных на укрепление обороноспособности государства перед лицом возросшей угрозы со стороны Германии, явным образом не отразилось на внешнеполитическом курсе СССР. В первой половине 1941 г. Советский Союз продолжал активно сотрудничать с Германией, особенно в экономической области, и выполнять заключенные с ней ранее договоры. В оправдание этого курса современники и историки приводили немало доводов: нежелание советского руководства провоцировать Германию, отсутствие у него точных и достоверных сведений о сроках нападения Германии на СССР, представление о невозможности для Германии воевать одновременно против Великобритании и СССР, опасение вероятного сговора Великобритании и Германии за спиной и за счет интересов Советского Союза и т.д. Но события показали, что в своей основе этот курс был ошибочен. В июне 1941 г. Германия напала на СССР, фактически опровергнув эти доводы. Не исключено поэтому, что своевременная корректировка внешнеполитического курса СССР в соответствии с новой расстановкой сил, сложившейся после поражения Франции, могла бы лучше обеспечить безопасность страны.

¹ Попытку всесторонне оценить значение этого события с позиций современной науки предприняли авторы коллективного труда: *The French Defeat of 1940: Reassessment* / ed. by Joel Blatt. Oxford, 1997.

² См.: Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; Сиполс В. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной. 1939–1941. — М., 1997; Наринский М. М., Филитов А. М. Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. — М., 1999; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). — М., 2000; и др.

³ Вопрос о безопасности Ленинграда со стороны границы с Финляндией.

⁴ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. — М., 2002. С. 163.

⁵ Документы внешней политики: 1940 — 22 июня 1941. Т. 23. Кн. 1. 1 января — 31 октября 1940 г. — М., 1995. С. 342, 344.

⁶ Там же. С. 395.

⁷ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. — М., 2002. С. 120.

⁸ См.: Чельшев И. А. СССР — Франция: трудные годы. — М., 1999; Суто Ж.-А. Советские дипломаты и вишистская Франция (1940–1941) // Война и политика, 1939–1941. — М., 1999; его же. Виши, СССР и Германия. 1940–1941 гг. По французским архивам // Новая и новейшая история. 2000. № 6 и др.

⁹ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. М., 2002. С. 167–168. Тем не менее сообщение ТАСС 23 июня 1940 г опровергало «слухи» о том, что вступление советских войск и их концентрация в прибалтийских странах «вызвано недовольством Советского Союза успехами Германии на Западе» и «имеет целью произвести давление на Германию». См.: Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1. С. 363.

¹⁰ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. — М., 2002. С. 184–185.

¹¹ По сей день в исторической науке остается дискуссионным вопрос о том, не была ли ошибочной политика сотрудничества с Германией, которую Советский Союз проводил в последние годы перед Великой Отечественной войной, и не готовилось ли советское руководство под прикрытием этой политики к наступательной «превентивной» войне с Германией. См. напр.: Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году // Новая и новейшая история.

1993. № 3; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: сб. материалов. М., 1995; Городецкий Г. Миф «ледокола»: накануне войны. — М., 1995; Другая война: 1939–1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. — М., 1996; Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. — М., 1996; Не-вежин В.А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. — М., 1997; Война и политика 1939–1941. — М., 1999; Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. — М., 1999; Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года: док. очерки. — М., 2001 и др.

¹² См. также публикацию материалов этого совещания: Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. — М., 1993. Т. 12 (1).

¹³ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 70, л. 18–19.

¹⁴ Разумеется, во всех подобного рода документах приводятся имена военнослужащих и названия частей, в которых они служили. По соображениям целесообразности мы эти подробности большей частью опускаем.

¹⁵ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 90, л. 310.

¹⁶ Там же. Л. 308.

¹⁷ Там же. Л. 186–187.

¹⁸ Там же. Л. 239–240.

¹⁹ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 90, л. 333.

²⁰ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 88, л. 20–21.

²¹ Арман (Тылтын) Поль Матисович с июля 1926 по сентябрь 1928 г. учился в Московском пехотном училище. С 1936 г. воевал в Испании. 31 декабря 1936 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Арестован по обвинению в шпионаже, дело прекращено 21 июня 1939 г. Слушатель Военной академии им. Фрунзе с сентября 1939 г. Окончив в мае 1941 г. академию, получил назначение в 51-ю танковую дивизию заместителем командира. Погиб 7 августа 1943 г.

²² РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 88, л. 276.

²³ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 91, л. 119.

²⁴ См.: Секреты Гитлера на столе у Сталина: разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март–июнь 1941 г. — М., 1995; Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: очерки истории российской военной разведки. — М., 1999.

²⁵ Документы внешней политики. Т. 23. Кн. 1. С. 288.

²⁶ С точки зрения задач нашего исследования материалы посещения воинских частей и учреждений военными атташе Италии, Китая и Японии интереса не представляют и в настоящей статье не рассматриваются.

²⁷ Голиков Филипп Иванович (1900–1980) — участник гражданской войны, в 1933 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, с июля 1940 г. — заместитель начальника Генерального штаба, начальник Главного разведывательного управления, генерал-лейтенант. В первые годы Великой Отечественной войны возглавлял советскую военную миссию в Великобритании и США, Маршал Советского Союза (1961).

²⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 2.

²⁹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 30, 33.

³⁰ Там же. Л. 13.

³¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 30–33.

³² Там же. Л. 39.

³³ Об Э. Кестринге см.: Матвеев О. «За мной по пятам гонится НКВД...» // Независимое военное обозрение. 11.06.1999.

³⁴ Очевидно, генерала Кестринга сопровождал помощник.

³⁵ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 122–123.

³⁶ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 137.

³⁷ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 263, 270. Э. Кестринг действительно родился в России в 1876 г. в семье землевладельца. Еще до Первой мировой войны уехал в Германию, воевал на Восточном фронте, в 1918 г. был сотрудником немецкой миссии на Украине. С 1931 по 1933 гг. возглавлял московское представительство рейхсвера. Получив в 1932 г. звание генерал-майора, Кестринг готовился к отставке, но нацисты оставили его на службе и в 1935 г. отправили военным атташе в Москву, где он оставался до самого начала Великой Отечественной войны.

³⁸ О деятельности военно-дипломатических представителей США в СССР см.: Campbell J.J. The Struggle for Survival: U.S. Perceptions of the Soviet Union's Armed Forces, 1933–1941. University of Virginia, August 1992.

³⁹ Йитон в 1919–1920 гг. служил лейтенантом в экспедиционном корпусе США в Сибири.

⁴⁰ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 79–80.

⁴¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 80–81.

⁴² Там же. Л. 86–87.

⁴³ Там же. Л. 116–117.

⁴⁴ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 250–251.

⁴⁵ Там же. Л. 253–256.

⁴⁶ Там же. Л. 242–243.

⁴⁷ Там же. Д. 77, л. 31.

⁴⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 131.

⁴⁹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 32.

⁵⁰ В цитируемом докладе Отдела внешних сношений о визите подполковника Тюркмена в Центральный Дом Красной Армии это обстоятельство характеризуется следующим образом: «Выпив водки, Тюркмен стал разговаривать более оживленно».

⁵¹ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 38–39.

⁵² В результате переговоров 19–21 августа 1940 г. Румыния вернула Болгарии Южную Добруджу.

⁵³ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 78, л. 219–220.

⁵⁴ Там же. Д. 77, л. 33.

⁵⁵ Штевнев Андрей Дмитриевич — командир 14-й танковой дивизии с июня 1940 г., помощник командующего Южным фронтом с 24 июня 1941 г., погиб 29 января 1944 г.

⁵⁶ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 103–113.

⁵⁷ Автор «Военного обзора» в «Красной Звезде» полковник В. Попов. См. Васильевой Н. Ю. Глядя из Москвы: западный фронт европейской войны (апрель — июль 1940 г.) // СССР и Франция в годы Второй мировой войны: сборник научных статей / отв. ред. М. М. Наринский. Моск. гос. ин-т. межд. отношений (ун-т) МИД России, Ин-т всеобщей истории РАН. — М.: МГИМО — Университет, 2006. — С. 21–43

⁵⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д. 77, л. 97–98.

⁵⁹ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 1.

⁶⁰ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 10–11.

⁶¹ Там же. Л. 16–17. Речь идет о попытке генерала М. Вейгана, назначенного в мае 1940 г. главнокомандующим французскими армиями, остановить по линии рек Сомма и Эна наступление немецких войск.

⁶² РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 59.

⁶³ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 85–86.

⁶⁴ Там же. Л. 91.

⁶⁵ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 56, л. 94–95.

Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза

Кристиан Хартман*

Известно, что Гитлер, отдавая решение о проведении «Операции Барбаросса», мог действовать так свободно, как никто другой в ходе Второй мировой войны. Данная беспрецедентная свобода принятия решений в сочетании с огромными политическими, военными и экономическими возможностями, которыми располагал немецкий диктатор летом 1940 г., лишней раз подчеркивает, что Гитлер и почти все немецкое руководство являются виновными в развязывании агрессивной (захватнической) войны — так, например, это отразил в своих работах Клаус Хильдебранд.

Во-вторых, известно, что Гитлер рассматривал нападение на Советский Союз в качестве возможности переломить неудачную военную ситуацию лета 1940 г. в свою пользу — так пишет Андреас Хиллгрубер. Все это свидетельствует: завоевание так называемого «жизненного пространства на востоке», уничтожение евреев и большевизма и обретение Германией статуса независимой мировой державы должно было, безусловно, склонить чашу весов в находящейся в фазе стагнации войне на западе в пользу немецкой стороны.

В-третьих, уже давно известно, что в случае с нападением на Советский Союз речь идет о самой «чудовищной захватнической войне на уничтожение и порабощение» в истории, — такова формулировка Эрнста Нольте.

И, наконец, в-четвертых, известно, что Гитлер в сентябре 1939 г., самое позднее с июня 1941 г., окончательно отошел от политики, с тем чтобы впредь все элементы дипломатических мер, тактики и руководства, благодаря которым еще недавно германский рейх добился таких больших успехов,

были заменены принципами идеологической догматики и чистым насилием, — во всяком случае, такова интерпретация Иоахимма Феста.

Все это, включая названные имена исследователей, не является новым. Несмотря на это, их старые тезисы по поводу формирования решения Германии о нападении на Советский Союз, конечно, еще можно в лучшем случае дополнить, изменить некоторые детали и, естественно, также обсудить. Однако по существу внести изменения не представляется возможным. Это прямо и четко доказано в ходе исследований двух прошедших десятилетий — вопреки всем новым источникам и всем новым тезисам. Иными словами: в тезисах о неизмеримой вине немецкого руководства и следовавшего за ним немецкого общества в войне против Советского Союза ничего нельзя изменить.

Источники говорят об этом настолько недвусмысленно, что нет никаких оснований согласиться с теми — ключевое слово здесь «превентивная война» — кто хотел бы интерпретировать их по-новому. В этих попытках оспаривания неопровержимых фактов налицо в лучшем случае интеллектуальное баловство, однако намного чаще — темный политический расчет.

Спланированный характер и совершенная преднамеренность данной войны на уничтожение, основанной на идеологии расового превосходства, проявляется в том, что произошло весной 1941 г., и, следовательно, до начала войны. Относящиеся к тому времени немецкие совещания, штабные учения и не в последнюю очередь также приказы можно рассматривать как элементы плана той катастрофы, которая обрушилась в следующие три года на Советский Союз. Только небольшое коли-

* Кристиан Хартман — доктор исторических наук, научный сотрудник Института современной истории (Мюнхен — Берлин). Перевод на русский язык выполнен Ю. А. Муравьевым.

чество особо тяжких преступлений, которые были совершены непосредственно в течение войны, не планировались заранее — можно было бы вспомнить наряду с другими преступлениями стратегию «выжженной земли», набор гражданского населения на принудительные работы или преступное проведение военных операций как в случае блокады Ленинграда. Остальное было предопределено предшествующими событиями.

В приложении к настоящей статье собраны самые важные немецкие распоряжения и приказы, которые были изданы в короткий промежуток времени с марта по июнь 1941 г.

В случае с представленными двадцатью приказами речь идет, естественно, о выборке, однако они являются, тем не менее, самыми важными. Дополнительно были выбраны некоторые приказы, которые были выпущены после 22 июня 1941 г., чтобы проследить развитие явлений, которые начались в то время.

Одна только классификация данных приказов делает абсолютно ясными цели, которые преследовало немецкое руководство при нападении на Советский Союз. В данном случае уже совершенно отчетливо вырисовывается следующее намерение: совершенное, полное уничтожение государства, его идеологии и не в последнюю очередь его общества.

1. *Уничтожение всего руководства советского государства.* Гитлер и его окружение понимали это не только как сведение счетов со своими идеологическими смертельными врагами, так называемыми «комиссарами». Систематическое убийство политических и военных должностных лиц имело своей целью заранее подавить в зародыше любое потенциальное противодействие на оккупированных территориях или в лагерях для военнопленных.
2. *Подавление советского общества* — немецкое руководство рассматривало это не только как обязательное военное условие, потому что вермахт должен был, несмотря на свою меньшую численность, выиграть блицкриг. Предполагаемая тирания вермахта должна была обеспечить и оккупационную политику, которая в долгосрочной перспективе должна была закончиться порабощением, эксплуатацией, насильственным переселением и резким сокращением численности советских граждан.
3. В то же время при *эксплуатации оккупированной территории Советского Союза* планировалось не терять времени, так как военные трофеи предназначались не только немецкому рейху, но и оккупационным армиям на востоке. Иными словами, война должна была обеспечивать дальнейшее ведение войны. Такая политика, как сказано в заключении экспертов Министерства продовольствия и сельского хозяйства рейха,

должна была привести к гибели «десятков миллионов» от голода.

4. Достижению экономической и военной цели также должна была служить *эксплуатация советских военнопленных*, с помощью которых должны были решаться постоянные проблемы службы тыла и снабжения Вермахта. Уже поэтому немецкое руководство не ставило своей целью полное уничтожение всех пленных. Напротив: для него эти пленные, в сущности, были незаменимы в качестве рабочей силы. Но сам факт, что для немецкой стороны они представляли интерес только в таком качестве, свидетельствовал об опасности для этих беззащитных пленных, так как немецкие руководители, ответственные за принятие решений, признавали, насколько велики были потери в ходе операции «Барбаросса». И это в точности отражает ситуацию осенью 1941 г.
5. Наконец, *уничтожение советских евреев.* Данная программа началась уже в июне 1941 г. и к сентябрю 1941 г. разрослась до масштабов геноцида. Часть советского общества, на начало войны насчитывавшая около 5 млн. чел., была приговорена к смерти. С точки зрения нацистов речь шла не о произвольно выбранной части советского общества, а о его «тайных руководителях». Какой бы безумной ни казалась сегодня такая идея, она объясняет, почему массовое истребление советских евреев представляло для немецких руководителей, определявших ключевые понятия политики, как расовую, *так и* политическую цель. После уничтожения евреев и должностных лиц Советский Союз должен был быстро распасться — таковы были извращенные ожидания немецкого командования.

Не все из этой чудовищной перспективы, побудительные мотивы к реализации которой были в области идеологии, а не экономики, немецкие составители плана выражали в такой форме. Это, в свою очередь, выдает особенности менталитета лиц, которые получали эти приказы. Четкий приказ об убийстве — это, например, приказ о комиссарах; поэтому казалось, очевидно, уже приемлемым, что в ходе массовых убийств евреев об этом нигде не было так отчетливо заявлено. Напротив, речь шла скорее в завуалированной форме о некоторых «специальных задачах» рейхсфюрера СС. И, кроме того, последствия безжалостной эксплуатации в официальных приказах были обозначены в осторожных формулировках, в отличие от конфиденциальных обсуждений. Очевидно, что высшее руководство хотело сохранить это в тайне.

Однако не только это, но и тот факт, что данные приказы предназначались для различных адресатов, отражает, что идеологи национал-социализма не были до конца уверены, что такая массовая организация, как вермахт, а также в известной

степени «рядовые немцы» безоговорочно поддержат их в такой масштабной преступной программе. Следовательно, в немецком командовании считали, что будет лучше вывести наиболее «деликатные» поручения из компетенции армии и перепоручить специально уполномоченной на это организации, которая в идеологическом или только в функциональном отношении казалась более надежной. Например, айзтацгруппы, полицейские батальоны или бригады Ваффен СС, экономический совет при генеральном штабе «Восток» и гражданское управление на оккупированных территориях по методам нацистского идеолога Розенберга были в известной степени ответственными за «грязную работу». Немецкий офицер генерального штаба сформулировал это летом 1941 г. следующим образом:

«Вермахт: уничтожение врагов; рейхсфюрер СС: политическая и полицейская борьба с врагами; рейхсмаршал: экономика; Розенберг: политическая реорганизация¹».

Это были «четыре опорных столба», на которых основывалась немецкая политика оккупационного господства в Советском Союзе. Названных мер должно было быть достаточно, и это очень горький вывод. Не более чем две-три дюжины приказов, несколько конфиденциальных переговоров в узком кругу избранных военных функционеров из высшего командного состава и, наконец, внедрение в вермахт нескольких сторонников жесткого курса, чтобы они в конечном итоге вели военные действия так, как того желало высшее руководство. При этом задача армии заключалась в применении военной силы, а не в совершении преступлений.

Все же, не только это заставляет задуматься. Следует обратить внимание также на то, что вермахт, собственно говоря, психологически *не* был готов к войне. Естественно, в немецком обществе и, в первую очередь, конечно же, в НСДАП, идеи антибольшевизма, антисемитизма и также антиславянизма (именно в такой последовательности, так как большевизм предположительно считался в Германии наибольшей угрозой, а славянство — наименьшей) имели долгую историю, не следует забывать, что, по меньшей мере, 22 месяца Советский Союз не был объектом соответствующей пропаганды. Иными словами, несмотря на то, что в психологическом отношении вермахт вел наступление на Советский Союз некоторым образом без подготовки, в целом, однако, он действовал именно так, как от него ожидал верховный главнокомандующий.

Естественно, при исполнении приказа на практике были большие различия — индивидуальные, институциональные, пространственные или временные. Также скоро выяснилось, что внутри самого вермахта существовали своеобразные «большие

места», то есть места, в которых война протекала в особо радикальных формах; достаточно вспомнить роль, которую играли лагеря для военнопленных, подразделения обеспечения в глубоком тылу или постоянно располагающиеся там же гарнизонные комендатуры.

И еще одно ограничение: при разворачивании операции «Барбаросса» речь шла об операции, которая в равной степени была и убийственной, и самоубийственной. Хотя бы поэтому данная война должна была стать для каждого ее участника с немецкой стороны основополагающим боевым опытом и привести к развитию таких взглядов, которые обычно не соответствовали воззрениям национал-социалистов. Но все же эти солдаты были — в каком бы то ни было качестве — исполнителями гигантского по своим масштабам преступления. Последствия деятельности немецких оккупационных властей в Советском Союзе не нуждаются в комментариях.

Почему это было, собственно говоря, так? На основной вопрос, почему вполне нормальные немцы оказались вовлечены в безжалостную идеологическую войну или, по крайней мере, «работали» в таком коллективе, можно найти множество ответов — естественно, в первую очередь идеологических и политических, но также и социально-психологических. Достаточно вспомнить принцип функционирования иерархических массовых организаций или исключительную ситуацию войны, в которой индивидуальная свобода действий зачастую оставляла желать лучшего. Также, исходя из примеров интерпретации национально-исторических особенностей, следует упомянуть значение, которое в действительности имел принцип приказа и дисциплины в прусско-немецких армиях. Однако в той войне, которую немецкий рейх и Советский Союз вели друг против друга, всегда можно выявить вполне определенный антропологический (общечеловеческий) образец — например, то стирание границ при применении насилия, не ограниченного нормами закона и морали, которое мы знаем из примеров многих войн.

Тем не менее, данный феномен имеет в каждой войне разное значение, и это в действительности является самым важным в данном случае. Причина была еще и в том, что в долгой истории войн опыт насилия в ходе военных действий приводил к тому, что оно как раз ограничивалось, упорядочивалось и также регулировалось правилами. Так, когда немецкое руководство пропагандировало в июне 1941 г. «возвращение к старым военным обычаям», это, как и многое другое, было ложью. Потому что ограниченные, почти ритуализированные войны, которые были так типичны для XVIII и XIX вв., просто ни в коем случае не были бы доведены до конца.

Под таким углом зрения, в перспективе данного многолетнего опыта военной истории преступные приказы, которые отдавало немецкое руководство в начале 1941 г., являются также примером того, как быстро война может обостриться. Хотя механизмы сдерживания, которые предотвращают возврат военного столкновения к первобытным образцам, являются следствием долгого цивилизационного процесса, это не

означает с неизбежностью, что они не могут быть быстро пересмотрены. Требуется лишь небольшое число лиц, принимающих решения, и лишь небольшого числа ключевых слов оказывается достаточно. Мало где можно наблюдать это с такой болезненной очевидностью и с такими последствиями, как в случае с приказами и распоряжениями, которые вермахт получал в преддверии войны на Восточном фронте.

¹ Личные записи майора пехоты Ганса Георга Шмидта фон Альтенштадта от 6.6.1941, цит. по: Förster, Sicherung, s. 1071.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ

Подготовка немецкого руководства к захватнической войне, основанной на национал-социалистической идеологии, против Советского Союза — некоторые основные директивы и приказы

Общие распоряжения

Дата	Принявшее лицо	Документ	Адресат	Содержание	Последствия
18.12.1940	Гитлер как главнокомандующий вермахта	«Распоряжение № 21 План „Барбаросса“»	Немецкое военное руководство	«Разгромить советскую Россию в ходе быстрой военной кампании» от 15.5.1941	Нападение на Советский Союз 22.06.1941
13.03.1941	Верховное командование вооруженных сил	«Директивы по поводу специальных зон к распоряжению № 21»	Немецкое военное руководство	Выделение специальной военной территории, переподчинение гражданскому управлению на оккупированных территориях, «специальные задачи» рейхсфюрера СС на специальных территориях вермахта	Ограничение военной автономии, разделение полномочий между военным и гражданским руководством, превращение войны в войну на уничтожение
без даты [с 22.06.1941]	Верховное командование вооруженных сил	Инструкция «Предупреждение о коварных советских методах ведения войны»	Весь вермахт	Провокационный приказ, направленный против Красной Армии	Идеологизация войны

Убийство советских комиссаров и должностных лиц

Дата	Принявшее лицо	Документ	Адресат	Содержание	Последствия
6.06. / 8.06.1941	Верховное командование вооруженных сил / Главное командование сухопутных войск	«Приказ о комиссарах»	Главнокомандующий вермахта	Убийство всех советских политических офицеров, передача советских должностных лиц айнзатцгруппам	ок. 42.000 убитых. Систематическое убийство советских должностных лиц, специалистов или членов коммунистической партии айнзатцгруппами при поддержке вермахта, число жертв указано приблизительно
18.08.1941	то же	Приказ	Тот же	С политруками приказано «обращаться» так же, как и с комиссарами	

■ Том II. Вставай, страна огромная

Убийство советских евреев и советского руководства

Дата	Принявшее лицо	Документ	Адресат	Содержание	Последствия
03.04.1941	Главное командование сухопутных войск	«Специальные поручения для службы тыла»	вермахт	«Специальные задания» айнзатцгрупп	Систематический геноцид на специальных территориях вермахта
28.04.1941	Главное командование сухопутных войск	«Регулирование боевого использования охранной полиции (зипо) и войск СД совместно с сухопутными войсками»	вермахт	Вовлечение айнзатцгрупп в деятельность на специальных территориях Вермахта	Систематический геноцид на специальных территориях вермахта
21.05.1941	Имперское руководство СС	Назначение высшего состава руководителей СС и полицейских руководителей в оперативный тыл	вермахт, СС и полиция	Увеличение численности подразделений СС и полицейских сил с ок. 3500 до 30 000 человек	Систематический геноцид на специальных территориях вермахта. 2,4 млн советских евреев убито (из них ок. 500 000 на специальных территориях вермахта). Кроме того, систематические убийства цыган, лиц, страдающих от психических расстройств, т. н. «азиатов», политически неблагонадежных, число жертв указано приблизительно

Систематическое недостаточное снабжение советских военнопленных

Дата	Принявшее лицо	Документ	Адресат	Содержание	Последствия
03.04.1941 19.05.1941 16.06.1941	Главное командование сухопутных войск (ОКН) / Верховное командование вооруженных сил (ОКВ)	«Специальные поручения для службы тыла» «Руководящие указания о поведении войск». Распоряжение «О военнопленных в ходе Операции „Барбаросса“»	вермахт	Военнопленные, прежде всего важные в качестве рабочей силы, провокационный приказ. В общем международно-правовые требования признаются, но предусмотрено бесчисленное количество исключений	ок. 3 млн советских военнопленных убиты
30.07.1941	ОКН	Постановление «Об обращении с враждебными гражданскими лицами и русскими военнопленными»	вермахт	Провокационный приказ, активное применение огнестрельного оружия	ок. 3 млн советских военнопленных убиты
21.10.1941	ОКН	Общий приказ о питании	лагеря для военнопленных	Неработающие военнопленные фактически не получали питания	ок. 3 млн советских военнопленных убиты

Угнетение и порабощение советского общества

Дата	Принявшее лицо	Документ	Адресат	Содержание	Последствия
13.05.1941	Гитлер как главнокомандующий вермахта	Указание военной юстиции	вермахт	Подсудность советского гражданского населения судам общей юрисдикции не предусмотрена. Отмена «обязательного судебного преследования за совершение преступления» для преступлений, совершенных служащими вермахта	Число жертв неизвестно. Только вследствие немецкой реакции на партизанскую войну убито ок. 500 000, в целом, число убитых советских гражданских лиц определено значительно больше
19.05.1941	ОКВ	«Руководящие указания о поведении войск»	вермахт	Общий провокационный приказ	
30.07.1941	ОКН	Постановление «Об обращении с враждебными гражданскими лицами и русскими военнопленными»	вермахт	Общий провокационный приказ	

Третий рейх, «умиротворители», малые страны и СССР накануне Второй мировой войны

Л. М. Воробьева*

На пути к «Мюнхенскому сговору»

Во внешней политике период диктатуры Улманиса характеризовался растущей зависимостью Латвии от Германии и риском превращения правительства страны в марионетку в руках Гитлера. Такой внешнеполитический курс был обусловлен рядом субъективных и объективных факторов. Среди них важно выделить следующие.

- Ненависть латышской правящей элиты к СССР и стремление воздвигнуть непреодолимый барьер между Латвией и Советским Союзом, чтобы не допустить у себя в стране восстановления советской власти.
  - Абсолютизация западного вектора во внешней политике и внешней торговле Латвии, что вело к тотальной зависимости страны от ведущих западных держав и суживало свободу манёвра при отстаивании национальных интересов.
  - Отказ ведущих западных держав от создания «большого альянса» с СССР против агрессивных устремлений Гитлера и выбор в пользу политики, имеющей целью столкнуть в смертельной схватке Германию и Советский Союз.
  - Превращение Германии в доминирующую политическую силу в Европе в результате попустительства Великобритании и Франции.
  - Завоевание германским капиталом господствующего положения в Латвии, что явилось мощным средством экономического и политического воздействия на эту страну.
  - Формирование в Латвии «пятой колонны» гитлеровской Германии из числа местных немцев, сохранивших экономические и политические позиции в стране и обладавших сплочёнными политическими организациями.
- Осознание прибалтийскими странами, что после самовольного «аншлюса» Гитлером Австрии и беспроblemного расчленения, а затем захвата Чехословакии в Европе возникла ситуация, в которой малые страны не могут рассчитывать на помощь ни со стороны западных держав, ни со стороны Лиги Наций.
  - Стремление Улманиса, обогащённого опытом «сотрудничества» с немцами в 1917–1919 гг., снискать расположение Германии, в надежде на то, что Гитлер в ходе реализации своих целей в Прибалтике пощадит его и не заменит новым ставленником из числа латвийских немцев.

В то же время действовали факторы, ограничивавшие безусловную ориентацию Латвии на Германию. Во-первых, политика Гитлера на балтийском направлении явно не отвечала национальным интересам Латвии, ставила под угрозу суверенное существование этой страны, сохранение и свободное развитие латышского народа. Во-вторых, прогерманская политика правительства Улманиса не имела поддержки среди народа и расценивалась им как капитулянтская и предательская, тем более что гитлеровская Германия не скрывала своих намерений в отношении Прибалтики. В-третьих, внешняя политика СССР, направленная на сохранение мира в Прибалтике и недопущение агрессии в этом регионе, объективно отвечала интересам Латвии, латышей и других населявших ее народов. В силу этих обстоятельств прогерманский курс Латвии носил противоречивый характер, а правительство К. Улманиса нередко было вынуждено делать робкие шаги навстречу внешнеполитическим инициативам Советского Союза.

В декабре 1933 г. Советское правительство выдвинуло предложение о заключении Восточного

* Людмила Михайловна Воробьева — ведущий научный сотрудник РИСИ (Российский институт стратегических исследований), доктор политических наук.

пакта, т. е. многостороннего регионального договора о взаимопомощи в целях защиты от агрессии. Этот пакт отвечал интересам Латвии и других прибалтийских государств, так как, в случае принятия, он укрепил бы их международное положение и безопасность. Документ не был подписан из-за позиции Германии, Польши, Финляндии, а также Франции и Великобритании. Что касается официальной Латвии, то она в целом одобрила этот пакт, но свою подпись под ним поставила в зависимость от готовности Германии присоединиться к данному договору. Такой подход был равносителен отказу. В то же время в ходе переговоров по пакту (1933–1935 гг.), предельно обнаживших позиции и намерения сторон, латвийское правительство начало изучать вопрос о подписании с Советским Союзом соглашения, аналогичного советско-французскому и советско-чехословацкому договорам о взаимопомощи, заключённым в 1935 г. Под давлением Германии, Польши и Эстонии, а также Великобритании Рига отказалась от этого плана. Однако постановка и обсуждение этого вопроса явились своего рода подготовительным этапом к заключению осенью 1939 г. Москвой соответствующих договоров с прибалтийскими странами.

Примечательно, что контакты между СССР и Латвией, завязавшиеся в процессе переговоров по Восточному пакту, получили продолжение в последующие годы. Они сообщили импульс установлению некоторых связей между военными кругами Советского Союза и Латвии и способствовали активизации дипломатических, хозяйственных и культурных контактов сторон. Это относительное советско-латвийское сближение нашло заметную поддержку населения Латвии, видевшего во взаимодействии с СССР важное условие противодействия планам Гитлера в отношении Прибалтики.

Дальнейшему укреплению авторитета СССР и росту симпатий к нему среди населения прибалтийских стран во многом способствовала реакция Советского правительства на действия Германии и Польши, ставших с весны 1938 г. на путь открытой агрессии. Так, в ответ на «аншлюс» Австрии, совершённый Гитлером, Москва выступила с предложением о немедленном обсуждении в рамках Лиги Наций или вне её практических мер по предотвращению дальнейшего развития агрессии. Кроме того, своими энергичными действиями СССР способствовал предотвращению одновременного нападения на Литву в марте 1938 г. со стороны Польши и Германии.

В сентябре 1938 г. Советское правительство столь же активно выступило в поддержку Чехословакии, оказавшейся перед угрозой вторжения германских и польских войск. Москва считала, что расчленения Чехословакии можно было бы не допустить, если бы Великобритания и Франция действовали единым фронтом с СССР.

Комментируя мюнхенский акт попустительства Великобританией и Францией агрессивным планам

Гитлера, Сталин сказал, что «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»¹. К такому же выводу пришли в 1940-е гг. и американские исследователи М. Сейерс и А. Кан в своей книге «Тайная война против Советской России». О Мюнхене они писали следующее: «Правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Англии и Франции подписали мюнхенское соглашение, — сбылась мечта об антисоветском «Священном союзе», которую мировая реакция лелеяла ещё с 1918 г. Соглашение оставило СССР без союзников. Франко-советский пакт — краеугольный камень коллективной безопасности в Европе — был похоронен. Чешские Судеты стали частью нацистской Германии. Перед гитлеровскими полчищами широко открылись ворота на восток»².

Попустительствуя фашистской Германии, правящие круги в Англии и Франции хорошо знали основное направление гитлеровской внешней политики. О ней сам Гитлер сказал следующее: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под направлением нашей внешней политики в довоенное время. Мы начинаем с того, на чём остановились шесть веков тому назад. Мы приостанавливаем вечное стремление германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор на земли на востоке. Мы порываем, наконец, с колониальной торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. Но когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России и подвластных ей пограничных государствах. Кажется, что сама судьба указывает нам путь»³.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене британским премьер-министром Чемберленом и нацистским лидером Гитлером была подписана англо-германская декларация. В ней, в частности, говорилось: «Вопрос германо-британских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером германо-британское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга. Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе»⁴.

6 декабря 1938 г. министрами иностранных дел Франции и Германии Боннэ и Риббентропом была подписана франко-германская декларация, аналогичная англо-германской. В этой декларации заявлялось, что германское и французское правительства единодушно пришли к убеждению, что мирные и добрососедские отношения между Германией и Францией являются одной из существенных предпосылок консолидации отношений в Европе и сохранения всеобщего мира и что оба правительства приложат все усилия, чтобы обеспечить поддержание таких

отношений между своими странами. Декларация констатировала, что между Францией и Германией нет больше никаких спорных вопросов территориального характера, и что существующая граница между их странами является окончательной. В заключение в декларации подчёркивалось, что оба правительства твёрдо решают, не касаясь особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран, и совещаться между собой в случае, если бы эти вопросы в своём дальнейшем развитии могли привести к международным осложнениям.

Советская сторона квалифицировала обе эти декларации, подписанные Англией и Францией, как, по существу дела, пакты о взаимном ненападении. С помощью мюнхенского и этих соглашений английское и французское правительства стремились отвести угрозу от своих стран и открыть ворота для гитлеровской агрессии на восток, в направлении Советского Союза.

Что касается Латвии и других прибалтийских стран, то они облегчили задачи Гитлера, заявив в сентябре 1938 г. о своём нейтралитете и отказавшись от выполнения условий статьи 16 устава Лиги Наций (о военных санкциях в отношении агрессора и, в частности, о пропуске через свою территорию иностранных войск). Аналогичные заявления сделал и ряд других стран, например, Польша, Швеция. В результате и без того пошатнувшееся значение Лиги Наций было существенно подорвано, а Германия добилась желаемого, т. е. обеспечения возможности захватывать страны Европы по одиночке, не встречая организованного сопротивления других государств.

После мюнхенской сделки Советский Союз оказался в положении опасной международной изоляции. Фактически перестал существовать советско-французский договор о взаимопомощи. Правительства Англии и Франции открыто заявляли, что не желают иметь с СССР ничего общего. Отвергая политику коллективной безопасности, на которой настаивал СССР, Лондон и Париж перешли на позицию «невмешательства». По поводу такой политики Сталин сказал следующее: «Политику невмешательства можно было охарактеризовать таким образом: пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами. На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение её в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить своё чёрное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а ещё лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить

друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»⁵.

«Мюнхенский сговор» подорвал доверие Советского правительства к Великобритании и Франции. Свою последующую политику оно стало строить с учётом уроков Мюнхена и, в частности, с допущением возможности нового умышленного предательства со стороны британских и французских правящих кругов.

После Мюнхена влияние Великобритании и Франции в европейских делах значительно ослабло, зато серьёзно укрепились стратегические позиции Германии, которая восприняла уступки Лондона и Парижа как проявление слабости. Возможности своего выживания на стороне Германии стали зондировать многие малые страны Европы. Представители правящих кругов Латвии пришли к выводу, что новая политическая система требует от них скорейшего установления более тесных связей с Берлином и вхождения в состав создаваемой Гитлером так называемой «новой Европы». «На наших глазах рождается новая Европа, — писал министр иностранных дел Латвии Мунтерс. — Мы шли в ногу с эпохой и в области культуры, и в области хозяйства, и в области государственной организации, и, наконец, также в понимании социальной системы. Мы должны включиться в новую Европу также в области внешней политики»⁶.

О том, что это означает на практике, поведал в начале октября 1938 г. германский посланник в Риге Котце своему американскому коллеге Уилли. По признанию немецкого дипломата, многие члены латвийского правительства «желают полностью отдать Латвию в руки немцев», «просить Германию взять её под свой протекторат»⁷.

Совершенно противоположной была реакция на усиление Германии со стороны широких масс населения прибалтийских стран. О просоветских настроениях, в частности, в Латвии свидетельствуют представители дипломатических миссий в Риге, а также донесения агентов политического управления. Например, советник германской миссии, касаясь настроений латышей, сетовал в беседе с американским посланником, что 80% латышей симпатизируют СССР⁸. Это подтверждал и французский посланник в Латвии Трипье. «Я знаю, — сказал он, — что латыши пойдут с Советским Союзом, а если на них нападут, то они уйдут в СССР; так говорят все слои, кроме богатых»⁹. Осенью 1938 г. политуправление констатировало, что «рабочие настроены крайне враждебно к гитлеровской Германии, и своим единственным спасителем они считают СССР»¹⁰.

15 марта 1939 г. Германия ликвидировала Чехословакию как самостоятельное государство и завладела её ресурсами. Только Советское правительство в своей ноте от 18 марта 1939 г. осудило захват Чехословакии как акт произвола, насилия, агрессии,

совершённый Гитлером при пособничестве Англии и Франции. Немцы захватили в Чехословакии большое количество военной техники и снаряжения, которое оценивалось как достаточное для оснащения 30–35 дивизий¹¹. Затем Германия заключила экономическое соглашение с Румынией, поставившее народное хозяйство и ресурсы этой страны на службу агрессивным целям Берлина. 22 марта 1939 г. под угрозой военного вторжения Германия заставила Литву подписать договор о передаче рейху своего единственного крупного портового города Клайпеды (Мемель). За несколько дней до захвата Клайпеды (16 марта 1939 г.) советник министерства пропаганды Германии Бемер прямо заявил латвийскому посланнику в Берлине, что Латвия должна следовать за Германией и тогда немцам не надо будет заставлять её «становиться под защиту фюрера при помощи силы»¹².

28 марта 1939 г., чтобы предупредить возможных агрессоров и поддержать дух сопротивления в прибалтийских странах, советское правительство передало официальным Риге и Таллину заявление. В нём подчёркивалось, что СССР придаёт огромное значение предотвращению установления германского господства над прибалтийскими государствами, так как это противоречило бы как интересам народов этих стран, так и жизненным интересам советского государства. Советское правительство указывало, что оно не может оставаться безучастным зрителем захвата Прибалтики и в случае необходимости готово доказать это на деле¹³.

Однако руководство Латвии, по-видимому, предпочитало капитулировать перед Германией. Министр иностранных дел В. Мунтерс в речи 3 апреля 1939 г. уже открыто заявлял: «Мы признаём и уважаем громадную политическую роль Германии в нашей части Европы»¹⁴. А министр общественных дел А. Берзиньш, он же руководитель националистической военизированной организации айзсаргов, на закрытом собрании актива этой структуры в марте 1939 г. утверждал, что малые страны не имеют никаких перспектив в будущем на сохранение своей независимости и должны присоединиться к какой-либо державе. Так как Латвии ближе западноевропейская культура, то, по словам Берзиня, она должна присоединиться к Германии¹⁵.

В условиях роста антигитлеровских настроений в Латвии такая политика не встречала поддержки народа. Начальник Тукумской уездной полиции 4 апреля 1939 г. доносил в Министерство внутренних дел Латвии, что в связи с захватом Гитлером Чехословакии и Клайпедского края «заметно усилилась вражда населения к Германии». Начальник политического управления Лиепайского района свидетельствовал 20 марта, что среди населения проявляются «резкие антигерманские настроения», что крестьяне готовы бороться с немцами «хотя бы с косами в руках». «Говорят также, — писал он, — что латвийское пра-

вительство слишком подчиняется влиянию Гитлера. Это порождает подозрения, что оно проводит общую с Германией политику»¹⁶.

Советский Союз, располагавший сведениями о планах Гитлера, неоднократно предлагал Англии и Франции вступить в переговоры с целью заключения договора о взаимной помощи, включая и военные обязательства в случае германской агрессии. Однако Англия и Франция тянули время. Англо-франко-советские (или тройственные) переговоры были начаты только в марте 1939 г. и продолжались около четырёх месяцев¹⁷. Согласие ведущих европейских держав на переговоры объяснялось несколькими причинами. Во-первых, правительства обеих западных держав не могли не считаться с общественным мнением в своих странах, склонявшимся к решительным мерам по обузданию агрессора. Во-вторых, несмотря на жертвы, принесённые в рамках мюнхенской политики, поведение Гитлера становилось всё более вызывающим и опасным, и это требовало усиления англо-французской позиции в продолжавшемся торге с ним. И, в-третьих, признавалась необходимость мер перестраховки на случай, если планы достижения соглашения с Гитлером сорвутся, и война с Германией станет неизбежной.

Программа СССР в ходе переговоров сводилась к трём пунктам.

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии.
2. Гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны.
3. Заключение конкретного военного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров¹⁸.

Согласно мнению английского журналиста И. Колвина, «советские предложения были больше того, что Чемберлен мог проглотить»¹⁹. Дело в том, что реализация этих инициатив могла способствовать не только безопасности восточноевропейских государств, но и безопасности СССР, а это в планы Великобритании не входило, поскольку она придерживалась принципа: «чтобы жила Британия, большевизм должен умереть»²⁰. Поэтому на гитлеровскую Германию, делавшую ставку на уничтожение СССР и раздувавшую тезис об «угрозе большевизма», правительство Великобритании смотрело как на естественного союзника в доведении до конца миссии, которая не удалась в 1918–1920 гг.

Характеризуя поведение британского правительства, английский историк Ф. Ротштейн писал: «Пожалуй, во всей истории дипломатии (включая политическую подготовку народа внутренней пропагандой) не было такого примера длительного подталкивания

агрессора (с 1935 по 1939 г.) к нападению на государство, которое уже давно было избрано правящим классом Великобритании в качестве мишени (1926 г., 1933 г. и т. д.)»²¹. Ни Англия, ни Франция не хотели никакого соглашения с СССР и потому блокировали принятие решений по существенным вопросам путём внесения мелких поправок и выдвижения бесчисленных «пустых» вариантов.

Между тем международная обстановка требовала незамедлительных решений, поскольку в это время Германия усиленно готовилась к нападению на Польшу. Другим фактором, существенно повлиявшим на развитие переговорного процесса, явились контрмеры германской дипломатии с целью предотвращения англо-франко-советского союза. Они предпринимались на трёх направлениях: балтийском, британском и советском и предусматривали вбивание клина во фронт неагрессивных государств.

Камнем преткновения стал вопрос о предоставлении гарантий безопасности прибалтийским государствам. Таких обязательств британское правительство брать на себя не желало, ведь они ставили заслон политике развязывания рук Гитлеру и направления его агрессии на восток, к границам Советского Союза. Чтобы снять вопрос о гарантиях, Берлин оказал давление на правительства Латвии и Эстонии. 18 апреля 1939 г. они заявили, что нет оснований говорить об угрозе для их стран со стороны Германии, послали в Берлин своих представителей на пышные торжества по случаю 50-летия Гитлера, а затем 7 июня 1939 г. подписали с Германией договоры о ненападении²². При этом министры иностранных дел обоих государств сделали заявления, в которых они отказывались от англо-франко-советских гарантий и обязывались самостоятельно заботиться о сохранении политической независимости своих государств и придерживаться строгой политики нейтралитета²³.

Несамостоятельность и неадекватность этих заявлений и обязательств была очевидна ввиду слабого военного потенциала латвийской и эстонской армий. Вместе с тем вопрос о гарантиях оставался на повестке дня вплоть до окончания тройственных переговоров. Великобритания соглашалась на предоставление гарантий прибалтийским странам только в случае вооружённой агрессии и отказывала им в поддержке при косвенной агрессии (т. е. по примеру сдачи Чехословакии правительством Гахи), хотя именно на путях косвенной агрессии Гитлер и намеревался прибрать к рукам Прибалтику.

Деструктивная позиция английской делегации в Москве объяснялась также успешностью тактики немецкой дипломатии, которая предполагала разединение возможных противников путём сговора с одними против других. Преследуя свои цели, Германия охотно пошла на тайные переговоры с Великобританией, которая хотела заключить «широкое соглашение» с немцами за счёт жертв их будущей агрессии на востоке. Стремление к такому соглашению

делало невозможным союз с СССР, который фигурировал в британских ожиданиях как основной объект разрушения в ходе германского «Drang nach Osten».

Советская делегация стала подозревать, и не без основания, что переговоры ведутся западными партнёрами исключительно ради переговоров. «Мне кажется, — писал А. А. Жданов в газете «Правда» 29 июня 1939 г., — что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы... облегчить себе путь к сделке с агрессором». Для СССР было важно, чтобы подписание политического соглашения произошло одновременно с заключением военной конвенции, с тем чтобы предоставляемые гарантии обеспечивались в том числе и военной силой. Однако конкретные инициативы советской стороны не нашли поддержки западных держав. Речь, в частности, шла о возможности использования английского и французского флотов в защите балтийского побережья, а также о достижении договорённости с прибалтийскими странами о временном размещении флотов Англии, Франции и СССР в портах Латвии и Эстонии в целях охраны нейтралитета этих стран от угрозы со стороны Германии. На этом этапе Москва была готова на сохранение «контролируемого нейтралитета» прибалтийских стран с перспективой их перехода в союзный лагерь.

Поскольку СССР не имел общих границ с Германией, то эффективное военное сотрудничество трех государств требовало также решения вопроса о проходе советских частей через определённые районы Польши, с тем чтобы войти в соприкосновение с немецкими войсками в случае их нападения на гарантируемые государства. Однако польские власти всё ещё не оставляли надежды договориться с Германией и объясняли занятую позицию своими негативными подозрениями и предубеждениями в отношении Москвы. Они высказались против упоминания Польши в договоре трёх держав и не дали согласия на проход советских войск через свою территорию. Тем самым и они внесли свою лепту в недопущение англо-франко-советского военного соглашения. В случае же его принятия (что, впрочем, было маловероятно) немецкое нападение на Польшу могло быть предотвращено, так как одновременная война на два фронта после опыта Первой мировой войны принципиально исключалась Гитлером.

Комментируя позицию Варшавы, французский историк М. Мурен высказал мнение, что польский министр иностранных дел Ю. Бек надеялся на германо-русское столкновение и считал, что Польша от этого не пострадает²⁴. Что касается Англии и Франции, то они ничего не предприняли, чтобы убедить Польшу занять реалистичную позицию. В результате московские переговоры военных миссий трёх держав зашли в тупик.

Провал переговоров не был случайным, поскольку контактам с Берлином Лондон придавал

несравненно большее значение, чем параллельной работе своих делегаций в Москве. Английские дипломаты выражали готовность договориться с Германией по всем вопросам, «внушающим миру тревогу». О программе англо-германских переговоров можно судить по речи министра иностранных дел Великобритании лорда Галифакса, произнесённой 29 июня 1939 г. на банкете в Королевском институте международных отношений. Обращаясь к представителям Германии, он заявил: «Мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, о торговых барьерах, о «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и все другие вопросы, затрагивающие европейцев».

Английский министр по делам заморской торговли Хадсон и ближайший советник Чемберлена Вильсон предлагали уполномоченному Гитлера Вольтату, а затем германскому послу в Лондоне Дирксену начать англо-германские секретные переговоры о заключении широкого соглашения. Оно должно было включать соглашение о разделе сфер влияния в мировом масштабе и об устранении «убийственной конкуренции на общих рынках». При этом предусматривалось предоставление Германии преобладающего влияния в Юго-Восточной Европе. Таким образом, усилия английской дипломатии были направлены на обеспечение прочных договорённостей с Германией и на «канализацию» германской агрессии на восток против Польши, недавно получившей гарантии, и против СССР. Германско-советское столкновение обескровило бы обе стороны, повторив ситуацию Первой мировой войны.

Нацистские лидеры были заинтересованы в тайных переговорах с британской стороной, но вовсе не желали быть орудием в руках Англии и Франции и не собирались свои агрессивные планы борьбы за «жизненное пространство» соотносить с интересами западных держав. Хотя пропагандистская машина Запада неустанно твердила о слабости Красной Армии, о непрочности советского тыла, о том, что СССР — колосс на глиняных ногах, Гитлер считал, что пока не готов к войне с Советским Союзом. Принимая во внимание богатые природные ресурсы советской страны и глубину её оперативного пространства, он полагал необходимым продолжить наращивание германской военной мощи и подготовку к мировой войне. Этот план уже исключал бескровные победы и требовал обстрелять солдат вермахта в локальных конфликтах. Поэтому требования уступки «польского коридора», или Данцига, были уже пройденным этапом в германско-польских отношениях. Теперь немцы хотели войны с Польшей, которую рассчитывали победоносно завершить до наступления осенней распутицы. Одновременно ими намечался также захват прибалтийских государств²⁵.

После присоединения этих стран к германскому «жизненному пространству» и укрепления тыла на востоке и северо-востоке предполагалось перебро-

сить войска на запад и обрушить всю мощь удара на Францию. Как и в случае с Чехословакией, Гитлер делал ставку на изоляцию своих жертв. Он был уверен, что при нападении немецких войск на Польшу Великобритания и Франция будут придерживаться оборонительной тактики и не окажут Варшаве военной помощи. Поэтому основное внимание было уделено нейтрализации Советского Союза. С этой целью, согласно выражению статс-секретаря МИДа Германии Э. Вайцзеккера, «немцы начали ухаживать за русскими»²⁶.

Хотя Москва испытывала обоснованное недоверие к западным партнёрам и была хорошо осведомлена о тайных контактах Лондона и Парижа с Берлином (в том числе благодаря утечкам информации, организованным германской стороной), она всё же не оставляла надежды на заключение англо-франко-советского соглашения. Поэтому в течение мая, июня, июля и первой половины августа 1939 г. советское руководство весьма холодно и настороженно относилось к инициативным предложениям немцев по «нормализации германско-советских отношений». В Москве квалифицировали германские инициативы как провокацию, попытку сорвать тройственные переговоры и склонить Лондон к активизации контактов с Берлином. И это при том, что Германия, по свидетельству советского поверенного в делах в Берлине Г. А. Астахова, «ради предотвращения эвентуального англо-франко-советского военного соглашения была готова на такие декларации и жесты, которые полгода тому назад могли казаться совершенно исключёнными»²⁷.

Советско-германский договор о ненападении

23 августа 1939 г. в Москву, имея директиву Гитлера как можно скорее подписать договор о ненападении и дополнительный секретный протокол, прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Готовя нападение на Польшу, имевшую общую границу с СССР, нацистский фюрер понимал, что вторгается в сферу национальных интересов Советского Союза, и потому боялся спровоцировать его ответные действия. Чтобы развязать себе руки на Востоке, Гитлер не стал торговаться. Так, Германия снимала с повестки дня «украинский вопрос» как повод для войны и заявляла о своей готовности устранить озабоченности советского правительства, касавшиеся возможности превращения пограничных с СССР государств от Балтийского до Чёрного моря в военный плацдарм Германии для нападения на Советский Союз. Кроме того, Берлин предлагал свои посреднические услуги для нормализации отношений с Японией и выступал инициатором советско-германского кредитного соглашения, по которому был готов предоставить Москве кредит в размере 200 млн. марок на семь лет для закупки германских товаров, включая промышленное обо-

рудование и военные материалы. «Если германские предложения Польше в марте 1939 г. были нарочно сформулированы так, чтобы та не могла принять их, — подчёркивает российский историк В. Я. Сиполс, — то германские предложения Советскому Союзу были подготовлены с таким расчётом, чтобы он не мог отказаться от них»²⁸.

Советское правительство не отвергло предложения из Берлина прежде всего ввиду безуспешности попыток заключить действенное англо-франко-советское соглашение. Сказался и отрицательный опыт поиска взаимодействия с Великобританией и Францией в ходе десятилетней борьбы советской дипломатии за мир и безопасность в Европе. В отличие от Лондона и Парижа, для которых вопрос о безопасности СССР вообще не существовал, Берлин в обмен за нейтралитет Советского Союза в германо-польском конфликте предоставлял ему (на тот момент) гарантии безопасности. Они фиксировались в подписанном 23 августа 1939 г. сроком на 10 лет советско-германском договоре о ненападении и дополнительном секретном протоколе.

Важно обратить внимание на то, что первоначальный текст проектов обоих документов был составлен германской стороной. В тот исторический период немцы осознавали свою силу и не стеснялись великодержавной лексики. По немецкой же инициативе дополнительному протоколу был присвоен гриф секретности. Это отвечало практике германской дипломатической службы. Например, протоколы к германо-эстонскому и германо-латвийскому договору о ненападении также были засекречены. Что касается германо-советского секретного протокола, то в нём Берлин зафиксировал географическую линию, дальше которой на восток он, учитывая интересы СССР, обязался не передвигать ни свои войска, ни военную инфраструктуру. То есть, немцы пошли на документальное оформление своих односторонних обещаний. При этом нужно отметить, что Сталин не согласился с юридической привязкой секретного протокола к договору и вычеркнул из текста проекта договора постскрипту следующего содержания: «Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»²⁹.

Примечательно, что через 50 лет советское руководство во главе с М. С. Горбачёвым, несмотря на значительные уступки и даже жертвы, не смогло получить от западных демократий документально оформленного обязательства не расширять НАТО в восточном направлении. В 1939 г. речь шла о создании зоны безопасности, препятствовавшей непосредственному выходу Германии к границам СССР. В 1990 г. речь шла о том же самом, хотя и в изменившихся международно-политических условиях: Советский Союз был заинтересован в том, чтобы

военная организация НАТО не оказалась у его границ. И в 1939 г., и в 1990 г. интересы СССР заключались не в разделе сфер влияния, а в обеспечении своей безопасности. «Архитекторы» и «прорабы» горбачёвской перестройки организовали в декабре 1989 г. осуждение секретного протокола к германо-советскому договору от 23 августа 1939 г., но сами не потрудились поставить договорный заслон расширению НАТО в восточном направлении, включая Прибалтику.

Сегодня латвийские историки соревнуются в подборе негативных ярлыков к так называемому «пакту Молотова-Риббентропа». Они, по-видимому, считают, что таким способом им удастся подкрепить «обвинения» в адрес СССР, базирующиеся на весьма шаткой и крайне политизированной конструкции: «советская оккупация», «аннексия», «колонизация» Латвии. Например, член Комиссии историков при президенте Латвийской Республики И. Фелдманис в публикации на сайте МИД Латвии³⁰ не жалеет чёрных красок в своих оценках советско-германского договора о ненападении и секретного протокола к нему. Он квалифицирует эти документы «как противоправную и циничную сделку за счёт шести третьих государств», как «грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств». При этом он утверждает, что советско-германский договор «зажёг зелёный свет для Второй мировой войны» и без него «была бы невозможна полная оккупация прибалтийских государств спустя десять месяцев». С И. Фелдманисом солидарны и другие латышские историки, охотно использующие в своих трудах заезженные пропагандистские штампы типа «Секретный протокол к советско-германскому договору о ненападении был циничной и противоправной сделкой двух одинаково аморальных политических систем за счёт других государств и народов»³¹.

Латвии в лице её сегодняшних историков, высокомерно обвиняющих другие страны в аморальности, не худо было бы, как иногда советовал баснописец И. Крылов, на себя оборотиться. А вспомнить есть что. Это: и деструктивная роль во время тройственных переговоров, и содержание секретного протокола к германо-латвийскому пакту о ненападении, и ориентация политики Улманиса на фашистскую Германию, и деградация улманисовских элит до пособников нацистов. Список можно продолжить.

Представляется, что весьма убедительную аргументацию неправомочности рассмотрения секретного протокола как преступного акта, якобы совершённого советской стороной, дал В. Я. Сиполс еще в 1997 году³². Он показал, что интересы сторон были разные и даже противоположные. Если Германия, выражаясь дипломатическим языком, стремилась к «территориально-политическому переустройству» в Восточной Европе, то Советское правительство хотело предотвратить Вторую мировую войну. Ввиду тщетности своих мирных усилий оно было

вынуждено встать на реалистическую почву и думать о своей обороноспособности, важным условием которой считало сохранение статус-кво, т. е. самостоятельности государств по периметру своих западных границ, с тем чтобы они не были превращены в плацдарм германской агрессии против СССР.

К тому же формулировка «сфера интересов», которая сейчас активно используется как обвинение в адрес Советского Союза, не входила в советский дипломатический лексикон и не соответствовала советской дипломатической практике. Выступая с мирными инициативами в течение 1930-х гг., СССР никогда и нигде не заявлял о сфере своих интересов. Напротив, он прилагал усилия к созданию коллективной безопасности, считая это залогом своей собственной безопасности. Появление в протоколе формулировки «сфера интересов» связано с тем, что обязательства брала на себя германская сторона и потому излагала их с помощью привычных для себя формулировок, которые, кстати сказать, постоянно фигурировали в англо-германских переговорах летом 1939 г.

В создавшейся накануне Второй мировой войны международно-политической обстановке эти формулировки адекватно отражали расстановку сил в Европе, обнажали сущность ведущих западных стран (Германия стремилась к переделу мира с крупнейшими колониальными державами — Великобританией и Францией) и в этом контексте обеспечивали максимум конкретности. Подходить к ним с позиций сегодняшней политкорректности и современного международного права означало бы игнорировать принцип историзма.

Если бы предложения выдвигались не Германией, а СССР, то они, конечно, формулировались бы иначе. Речь бы шла об обязательности сохранения независимости пограничных государств и заинтересованности в том, чтобы они проводили самостоятельный внешнеполитический курс и не становились орудием в руках агрессоров. Советский Союз принял гарантии в той формулировке, в какой их могла и хотела дать Германия, осознававшая свою силу, но вынужденная маневрировать. Хотя эти гарантии давались агрессором в рамках своих стратегических предпочтений и на свойственном ему языке, однако они содержали однозначный и важный для советского руководства посыл: в ближайшей перспективе между Германией и СССР будет сохранено буферное пространство, препятствующее их географическому сближению и обеспечивающее удалённость германских вооружённых сил от жизненно важных центров Советского Союза. Это, в частности, означало, что прибалтийские страны сохраняются как самостоятельные государства.

Заключение с Германией договора о ненападении не было целью внешней политики СССР, а явилось вынужденным шагом в условиях изоляции, в которой оказался Советский Союз вследствие политики Анг-

лии и Франции. А суть их дипломатических маневров заключалась в том, чтобы дать понять Гитлеру, что у СССР нет союзников, что Германия может напасть на Советский Союз, не рискуя встретить противодействие со стороны Англии и Франции. Те, кто заявляет, что Москва всё же не должна была позволить себе пойти на пакт с немцами, игнорируют исторические реальности и находятся в плену антисоветской и антироссийской пропаганды.

Напрашивается вопрос, почему другие европейские страны могли заключать пакты с германским агрессором, а для СССР это считается непозволительным. В этой связи следует напомнить, что Советский Союз самым последним подписал пакт с Германией. Например, Польша пошла на пакт о ненападении с немцами в январе 1934 г., т. е. практически сразу после прихода Гитлера к власти. Англия и Франция подписали с Германией декларации о ненападении в 1938 г. Кроме того, Великобритания в принципе была готова заключить широкое соглашение с Гитлером о разделе сфер влияния. Оно не было подписано только потому, что на тот момент это не входило в планы Гитлера.

СССР пошел на договор с Германией из соображений самообороны и продления мира на известный срок, с тем чтобы подготовиться к отпору неизбежного нападения агрессора. Так, подписывая пакт о ненападении, Сталин прямо заявил немецкой делегации: «Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас»³³.

По мнению британского посла в Москве Криппса, советские руководители, наверное, надеялись, что смогут избавиться от опасности немецкого нападения, если Великобритания и Франция нанесут поражение Германии и так истощат её, что она окажется не в состоянии атаковать Советский Союз. В этой связи одной из задач при проведении программы вооружения ставилось достижение такого состояния готовности, при котором Германия побоялась бы принять решение о нападении. Однако данный вариант не устраивал Великобританию. Тот же Криппс считал: «Если бы этот результат был достигнут, то к концу войны СССР оказался бы на исключительно сильной позиции и вполне смог бы оказывать решающее влияние на европейские дела как единственное государство, оставшееся мощным и неистощённым»³⁴.

В случае отказа Москвы подписывать договор Берлин, скорее всего, заключил бы соглашение с Лондоном. Это был бы ещё один вариант всё той же мюнхенской политики, который в те дни озвучил Н. Чемберлен на заседании британского правительства: «Если Великобритания оставит господина Гитлера в покое в его сфере (т. е. в Восточной Европе), то он оставит в покое нас»³⁵.

Возможно, что Польша под возрастающим давлением из Лондона, Парижа, Рима, Токио и Вашингтона утратила бы свою самостоятельность мирным путём, и тогда германские войска вышли бы к границам

СССР. Гитлер не отправился бы сразу в поход на Советский Союз, как того хотели его «умиротворители», а продолжил бы, как это он и сделал в действительности, реализацию своих стратегических замыслов на западе. Вместе с тем к 22 июня 1941 г. или даже раньше Германия, вне всяких сомнений, создала бы свои военные плацдармы по периметру западных советских границ по состоянию на 1939 г., и тогда блицкриг развивался бы ещё более катастрофично для СССР, чем это было в условиях подписанного германо-советского договора о ненападении и дополнительного секретного протокола.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. На следующий день советский полпред в Варшаве Н. И. Шаронов посетил министра иностранных дел Польши Ю. Бека и, сославшись на интервью К. Е. Ворошилова от 27 августа, в котором упоминалось о возможной поставке Советским Союзом Польше военных материалов, спросил его, почему она не обращается к Советскому Союзу за помощью. Однако польскому правительству понадобилась целая неделя, чтобы дать послу в Москве В. Гжибовскому указания о вступлении по этому вопросу в контакт с Советским правительством³⁶. К этому времени исход войны между Германией и Польшей был уже очевиден.

При этом Варшава обращалась с настойчивыми просьбами о военной поддержке к Лондону и Парижу, с которыми имела договор о взаимопомощи. Великобритания и Франция ограничились лишь объявлением 3 сентября состояния войны с Германией, но, как и ожидал Гитлер, военной поддержки Польше ни на суше, ни в воздухе не оказали, оставив её один на один с агрессором.

По обязательствам, взятым Германией перед СССР в августе 1939 г., немецкие войска не должны были переступить линию Писса — Нарев — Висла — Сан. То есть польское государство могло временно сохраниться в урезанном виде, что отвечало интересам СССР, избегавшего географического соприкосновения с Германией. Однако события германо-польской войны внесли существенные коррективы в ситуацию. Германии не удалось, как планировалось, разгромить основные силы польской армии в западной части Польши, и часть польских войск отступила на восток. Преследуя их, германские войска перешли линию Писса — Нарев — Висла — Сан и стали двигаться дальше на восток в сторону советских границ. Германские войска могли быть возвращены на эту линию только в том случае, если им навстречу были бы выдвинуты советские войска. При таком развитии событий СССР становился как бы союзником Германии в его агрессии против Польши.

Ввиду того, что польское правительство, не подававшее заметных признаков жизни, как и польское государство де-факто перестали существовать³⁷, наркомат иностранных дел СССР заявил, что тем самым фактически прекратили своё действие и договоры, заключённые между Советским Союзом и Польшей.

По приказу главкома Красной Армии советские войска перешли границу. И это было сделано не для того, чтобы вступить в свою «сферу интересов» и опубликовать советско-германское коммюнике относительно «переустройства» Польши. Целью этой акции было: не позволить немцам оккупировать украинские и белорусские земли, которые Польша, воспользовавшись слабостью РСФСР, захватила в 1920 г., и взять под защиту, по сути дела, своих соотечественников, не по доброй воле оказавшихся в составе Польши.

Важно подчеркнуть, что Советское правительство исключало возможность оказаться в положении германского союзника и действовало строго в своих интересах. Поэтому после освобождения украинских и белорусских земель советские войска остановились на так называемой линии Керзона, которая ещё в 1919 г. была определена державами Антанты на этнографической основе как восточная граница Польши. Дальше этой линии советские войска не продвигались и собственно польские земли не занимали.

Наркомат иностранных дел СССР, учитывая, что Великобритания и Франция имели с Польшей договоры о взаимопомощи и находились в состоянии войны с Германией, направил московским посольствам этих западных стран ноты. В них подчёркивалось, что «СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях с этими странами». Тем самым снимались опасения Лондона и Парижа, что СССР может выступить на стороне Германии, т. е. против них.

Английское и французское правительства заняли реалистичную позицию в отношении ввода советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. Они сочли, что по своему договору с Польшей они не обязаны вступать в войну с СССР. Английский посол в СССР Криппс так прокомментировал сложившуюся ситуацию: «Советский Союз вступил в Польшу сразу же после того, как выяснилось, что альтернативой его вступлению может быть только полная оккупация немцами этой страны»³⁸.

Конечно, крах Польши был предопределён не германо-советским договором о ненападении, а её собственной внешней политикой, в основе которой лежала великодержавная идеология и стремление к территориальным захватам. Вместо того, чтобы после воссоздания своей национальной государственности стать фактором укрепления мира и безопасности в Европе, Польша поставила свой политический вес на службу сил агрессии и реванша. Действуя с ними заодно, она стремилась получить протекторат над интересующими её территориями на Украине и в Прибалтике. Глава германского внешнеполитического ведомства Риббентроп не без оснований рассчитывал, что его рекомендации и установки будут тотчас взяты на вооружение, когда в беседе со своим польским коллегой Ю. Беком подчёркивал: «Берлин надеется, что Польша займёт ещё более отчётливую антирусскую позицию, так как иначе у нас вряд ли могут быть общие интересы»³⁹.

Судьба Польши вызвала сильную обеспокоенность в прибалтийских государствах. Им удалось избежать нападения гитлеровских войск в сентябре 1939 г. только благодаря временной заинтересованности Гитлера в заключении с СССР договора о ненападении и выданным в соответствии с этим договором гарантиям неприкосновенности прибалтийских стран. Но если Германия не реализовала свои планы одновременного нападения на Польшу и прибалтийские государства, это вовсе не означало, что угроза германского вторжения в Прибалтику перестала существовать. К тому же по мере решения Гитлером задач по подготовке к войне с СССР неизбежно утрачивал своё значение

для немцев и германо-советский договор о ненападении, а вместе с ним и принятые в секретном протоколе обязательства.

В любой удобный для германской стороны момент договор мог быть расторгнут, а прибалтийские страны становились объектом прямой или косвенной агрессии Германии. Крах Польши и приближавшаяся война всё настойчивее ставили перед странами Прибалтики вопрос об оптимальной линии поведения, отвечавшей в создавшейся обстановке их национальным интересам. Однако представители авторитарных режимов этих стран и широкие народные массы отвечали на эти вопросы по-разному.

¹ Стенографич. отчёт XVIII съезда ВКП(б). — ОГИЗ, 1939. — С. 14.

² Sayers M., Kahn A.E. *The Great Conspiracy. The Secret War against Soviet Russia*. — Boston [USA, MA]: Brown & Co, 1946; издание на русском языке: Сейерс М., Кан А. *Тайная война против Советской России*. — М.: ГИИЛ, 1947. — С. 324, 325.

³ Hitler A. *Mein Kampf*. — München, 1936. — S. 742.

⁴ *Archiv für Aussenpolitik und Länderkunde*. — September 1938. — S. 483.

⁵ Стенографический отчёт XVIII съезда ВКП(б). — ОГИЗ, 1939. — С. 13.

⁶ *Sējējs*. — 1938. — No. 11. — 1140. lpp.

⁷ *Foreign Relations of the United States. The Soviet Union 1933–1939*. Washington, 1952. — P. 945.

⁸ Там же, P. 939.

⁹ *Коммунист Советской Латвии*. — 1959. — № 9. — С. 28.

¹⁰ Мишке В. Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. — С. 121.

¹¹ *Documents diplomatiques français. 1932–1939. Ser. 2*. Paris, 1981. Т. 15. — P. 131–133.

¹² Цит. по: Сиполс В. *Тайная дипломатия*, — Рига, 1968 — со ссылкой на Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР ф. 1313 г. оп. 20, д. 140, л. 332.

¹³ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. — август 1939 г. Документы и материалы. — М., 1971. — С. 282–283.

¹⁴ *Latvijas Kareivis*. — 1939. — 4. IV.

¹⁵ Meiksins G. *The Baltik Riddl*. — New York, 1943. — P. 101.

¹⁶ Цит. по: Сиполс В. *Тайная дипломатия*. — Рига, 1968. — С. 277 — со ссылкой на ЦГИА ЛатвССР, ф. 5114, оп. 1, д. 1654, л. 178; ф. 3235, оп. 1/22, д. 226.

¹⁷ См.: Дюков А.Р. «Пакт Молотова–Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». — М., 2009. — С. 37–43.

¹⁸ Эти позиции были озвучены в докладе В. М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г.

¹⁹ Colvin I. *Vansittart in Office*. — London, 1968. — P. 322.

²⁰ Niedhart G. *Grossbritannien und die Sowjetunion. 1934–1939*. — München, 1972. — S. 62.

²¹ *Вопросы истории*. — 1989. — № 4. — С. 182–183.

²² Официальная Рига не останавливалась ни перед чем, чтобы продемонстрировать свою лояльность Берлину. 22 мая 1939 г. власти организовали пышные торжества по случаю 20-летия «освобождения от большевиков» латвийской столицы. Как отмечал видный латвийский политический деятель М. Вульфсон, «в этом празднике вместе с освободителями-ландесверовцами участвовали и части СС, специально прибывшие на военных кораблях из Германии. По существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам». См.: Вульфсон М. 100 дней, которые разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. — Рига, 2002. — С. 69.

²³ *Rīts*. — 1939. — 8. VI.

²⁴ Mourin M. *Les relations franco-sovietiques, 1917–1967*. — Paris, 1967. — P. 236.

²⁵ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. — М, 1957. Т. I. — С. 469; Т. II. — С. 345.

²⁶ *Die Weizsäcker — Papiere 1933–1950*. — F./M., 1974. — S. 176.

²⁷ *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945*. Т. I. — С. 175.

²⁸ Сиполс В. *Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной 1939–1941*. — Москва, 1997. — С. 111.

²⁹ См.: *Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия: 1933–1941*. — М., 2009. — С. 209–214.

³⁰ См. <http://www.mfa.gov.lv>

³¹ Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A. *Latvija Otrajā pasaules karā (1939–1945)*. — Rīga, 2008. — 114., 115. lpp.

- ³² Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной 1939–1941. — Москва, 1997. — С. 103.
- ³³ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. — М., 1990. — Т. 2. — С. 107.
- ³⁴ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена, полученный Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путём // *Международная жизнь*. — 2007. — № 3. — С. 126.
- ³⁵ Public Record Office (Государственный архив Англии, Лондон), Cab. 23/100, P. 375.
- ³⁶ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington, 1956. — P. 307.
- ³⁷ Осенью 1939 г. Москва считала, что Польша прекратила свое существование как субъект международного права, однако большинство юристов-международников, в том числе и те, кто поддерживает концепцию воссоединения украинских и белорусских земель, признают сохранение *de jure* польского государства после 17 сентября 1939 г. См., например: Макачук В. С. События сентября 1939 года в свете доктрины интер темпорального права и права на «самопомощь» // *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* / Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др. — М.: Вече, 2009. — С. 246–249.
- ³⁸ Конфиденциальный доклад английского посла в СССР Крипса от 27 сентября 1941 г. на имя Идена // *Международная жизнь*. — 2007. — № 3. — С. 126.
- ³⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. — М., 1981. — Т. 2. — С. 10–11.

Некоторые тенденции освещения истории Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии

Ю. А. Никифоров, Р. Ф. Субханкулов*

До начала 1990-х гг. история Советско-финляндской войны относилась к числу тем, изучение которых было крайне затруднено. В советской историографии, по сути, не было специальных работ, где исследовались бы причины войны. Вне поля зрения историков также оставались вопросы, связанные с ее итогами: проблема присоединения Финляндии к агрессивной коалиции, возглавляемой Германией, для участия в нападении на СССР летом 1941 г., вопрос о влиянии результатов войны на определение Гитлером сроков агрессии, и т. п. Объективной предпосылкой такого положения дел было ограничение доступа к документам, имевшим отношение к этим событиям. Распространенные в литературе оценки и представления соответствовали общей оценке причин и итогов войны, данной советским руководством в официальных документах и выступлениях.

В советское время почти на протяжении полувека в историографии господствовало представление, согласно которому Советско-финляндская война 1939–1940 гг. была спровоцирована финской стороной. При описании причин ее возникновения указывалось в первую очередь на враждебную политику финских правящих кругов в отношении СССР, зависимость Финляндии от стран Запада (обоих противоборствующих блоков), навязавших ей роль «военного плацдарма империалистических государств». Ответственность за возникновение войны возлагалась, таким образом,

на державы Запада, «спровоцировавшие» Финляндию на военное выступление против СССР, а также «реакционные круги» самой Финляндии¹.

Подобные оценки, однако, были характерны в первую очередь для публицистической литературы, предназначавшейся для массового читателя. На фоне нормализации и укрепления добрососедских отношений между Финляндией и СССР к концу 1950-х гг. они постепенно ушли в тень, и о событиях «зимней войны» в этой ситуации вспоминали все реже. Более того, война, как правило, называлась не войной, а «вооруженным конфликтом». До 1980-х гг. историки, в сущности, избегали подробно исследовать позицию руководства СССР и политику, которую оно проводило на международной арене в конце 1930-х гг., в том числе в отношении Финляндии. Это относится к работам таких известных историков, как Е. А. Амбарцумов, В. Г. Федоров, Ю. Комиссаров (Ю. С. Дерябин), В. В. Похлебкин и др.².

Что касается итогов войны, то официальная их оценка со стороны Советского Союза давалась прежде всего через призму задачи обеспечения безопасности Ленинграда³ и вошла в советскую историографию Второй мировой войны как общепринятая. Сразу после окончания Второй мировой войны известный политический деятель О. Куусинен в ряде публицистических по характеру работ обосновал тезис о том, что Финляндия являлась сателлитом гитлеровской Германии⁴. Его статьи, равно как и статьи ряда других

* Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Руслан Фанзилевич Субханкулов — соискатель кафедры истории Военного университета.

авторов⁵ были полемически заострены против утверждений о наличии причинно-следственной связи между Советско-финляндской войной 1939–1940 гг. и решением финского руководства присоединиться к гитлеровскому «походу на Восток».

В финской же историографии в течение десятилетий после войны господствовала теория «бревна в стремительном потоке»⁶, согласно которой Финляндия вступила в войну с СССР в 1941 г. в силу «советской угрозы», т. е. против своего желания, и лишь «прибегнула к помощи» нацистской Германии.⁷ Эта концепция, по-видимому, являлась общей для западной историографии периода «холодной войны», о чем свидетельствует воспроизведение соответствующих оценок и интерпретаций как в немецкой, так и англоязычной послевоенной литературе⁸. На критику теории «сплавного бревна» и доказательству того, что в 1940–1941 гг. существовала зависимость Финляндии от Германии, и были направлены усилия тех советских историков, кто до конца 1980-х гг. так или иначе занимался исследованием вопроса⁹. Наиболее последовательное обоснование ложности этой теории было дано в трудах петербургских историков Н. И. Барышникова, В. Н. Барышникова, В. Г. Федорова¹⁰.

На новом этапе развития отечественной историографии сложились предпосылки для более углубленного изучения истории Второй мировой войны и ликвидации ряда «белых пятен». События 1939–1941 гг. привлекли особое внимание историков и широкой общественности, поскольку были изучены в недостаточной степени и, помимо всего прочего, служили предметом злободневных политических дискуссий. В конце 1980-х официально было признано существование секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. Это дало толчок к переоценке целого ряда событий конца 1930-х — 1941 гг., в том числе событий «зимней войны», признанной «одной из самых закрытых» ранее тем для исследования¹¹. К сожалению, в период «перестройки» освещение в историко-публицистической литературе ранее закрытых для широкого обсуждения тем велось под очевидным влиянием общественно-политической ситуации. Всевозможные исторические «сенсации» и история в целом использовались в идеологической кампании по подрыву легитимности советского государства¹². Это негативным образом сказывалось на качестве публиковавшихся материалов на исторические темы: изложение непростых, дискуссионных и малоисследованных вопросов зачастую было поверхностным, анализ и объяснение подменялись эмоциональными оценками, выводы авторов при нарочитой категоричности оказывались слабо аргументированными. В то же время специалисты-историки не имели возможности для того, чтобы в новых условиях «гласности» немедленно предложить обществу основанные на непредвзятом изучении только что рассекреченных документов исследования, для проведения которых требовалось время.

В печати появилось много статей о ходе войны и событиях, ей предшествовавших¹³, авторы которых спешили удовлетворить интерес читающей публики к «белым пятнам» советской истории. По мнению В. Н. Барышникова, переломным с точки зрения оценок Советско-финляндской войны был 1989 год¹⁴. Именно тогда появились работы, в которых признавалось, что инициатива начала войны исходила от СССР. Кроме того, началось издание ранее секретных документов, а также не публиковавшихся мемуаров видных государственных деятелей СССР, в частности, Н. С. Хрущева и А. Коллонтай¹⁵. К настоящему моменту в научный оборот введено значительное число источников, позволивших вывести изучение «зимней войны» на качественно новый уровень¹⁶.

С этого времени является общепризнанным, что Советско-финляндская война была начата Советским Союзом. Так называемые пограничные провокации финской стороны, в том числе выстрелы в Майнила 26 ноября 1939 г., не могут рассматриваться как причина войны, поскольку решение о ее начале принималось в Москве под влиянием срыва советско-финляндских переговоров осени 1939 г. Пограничные же инциденты использовались советским руководством для усиления дипломатического давления на Финляндию и — как в случае с происшествием в Майнила — повод для развязывания конфликта.

Наиболее непримиримая критика сталинской внешней политики опиралась на широкий круг представлений, согласно которым СССР проводил экспансионистский внешнеполитический курс, и сотрудничество с соседними государствами вовсе не входило в программу действий советского руководства, ставившего целью их подчинение и включение в состав СССР¹⁷. Получило распространение также мнение о «ненужности» советско-финляндской войны, которая расценивалась как ошибка советского руководства, повлекшая за собой негативные для СССР последствия¹⁸.

Представление о «ненужности» и «случайности» советско-финляндского конфликта подразумевает отрицание традиционного для отечественных историков взгляда, связывающего возникновение войны с проблемой необходимости обеспечения безопасности Ленинграда в условиях начавшейся Второй мировой войны в Европе, близостью прохождения советско-финской границы и возможностью вовлечения Финляндии в коалицию враждебных СССР государств. Тем не менее, М. И. Семиряга писал, что «главным фактором, предопределившим... советско-финляндский конфликт, был характер политической обстановки в регионе Северной Европы, особенно двусторонних отношений между СССР и Финляндией. ...Разумеется, сама Финляндия не могла напасть на Советский Союз, однако советское руководство не исключало, что какая-нибудь держава Запада могла даже без ее согласия использовать территорию в агрессивных целях»¹⁹.

Более радикальная позиция, которую с полным основанием можно характеризовать как ревизионистскую по отношению к советской историографии, представлена в работах К. Александра, Б. Соколова, П. Аптекаря и ряда других авторов, носящих скорее публицистический, нежели научный характер. Возникновение советско-финляндской войны непосредственно связывается здесь с «экспансионистским внешнеполитическим курсом» СССР в целях «разжигания мировой революции»²⁰. Известные факты интерпретируются прежде всего исходя из общего представления о намерении сталинского руководства совершить нападение на сопредельные страны, чтобы «освободить Европу от ига капитализма», а дипломатические инициативы СССР, нацеленные на изменение границы с Финляндией — как лишь одно из средств, использованных Сталиным для создания условий, при которых станет возможной оккупация и «советизация» Финляндии. Советская же риторика об угрозе «безопасности Ленинграда» — лишь предлог для переноса границы «дальше на запад»²¹.

В середине 1990-х гг. к этой точке зрения склонился и М. И. Семиряга, заявивший в ходе дискуссии на страницах журнала «Родина», что для определения характера «зимней войны» «не обязательно анализировать переговоры осени 1939 г. Для этого нужно просто знать общую концепцию мирового коммунистического движения Коминтерна и сталинскую концепцию — великодержавные претензии на те регионы, которые раньше входили в состав Российской империи... А цели были — присоединить в целом всю Финляндию. И ни к чему разговоры о 35 километрах до Ленинграда, 25 километрах до Ленинграда...»²².

Как справедливо отметил В. Н. Барышников, тезис об экспансионистских целях руководства СССР в 1930-е гг. не основан на анализе советской внешней политики в 1920–1930-е гг. либо каких-то ранее секретных документах этого периода. Главным доказательством наличия этих целей служит в первую очередь сама «зимняя война», которая интерпретируется как попытка «советизации» Финляндии, а также ряд других внешнеполитических акций СССР, предпринятых в 1939–1940 гг. (вступление РККА на территорию Польши 17 сентября 1939 г., включение в состав СССР прибалтийских государств летом 1940 г.), а также соответствующее истолкование содержания договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. и секретных протоколов к нему. Характерной особенностью подхода к источникам названной группы авторов можно считать недоверие к зафиксированной в советских официальных документах (заявлениях Советского правительства, стенограммах двусторонних переговоров и т. п.) позиции. Как правило, давая комментарий к тем или иным цитатам из источников, эти историки имеют в виду, что официальная позиция советского руководства (или лично Сталина) была исключительно лицемерной и конъюнктурной, призванной облегчить достижение подлинных недек-

ларируемых целей достижения мирового господства. Характерным представляется также тот факт, что сталинский экспансионизм связывается в данном случае то с доктриной мировой революции и деятельностью Коминтерна, то с «великодержавными амбициями» и претензиями на геополитическое наследство Российской империи, что, казалось бы, трудно согласовать. Представляется, эта неопределенность в первую очередь связана с трудностью обоснования того и другого варианта с опорой на источники.

Широкие экспансионистские цели, по сути, просто приписываются советскому руководству. М. И. Мельтюхов, например, рассматривает историю возникновения «зимней войны» как один из эпизодов глобальной борьбы великих держав за расширение своего влияния в мире. Его подход отличает признание независимости этой борьбы от характера существующего в той или иной стране политического режима и господствующих социально-экономических отношений. Война, считает Мельтюхов, — просто «один из методов взаимоотношений государств на международной арене»²³. Советскому Союзу Мельтюхов приписывает цель «глобального переустройства системы международных отношений» и, соответственно, заинтересованность в возникновении новой мировой войны²⁴.

Противная точка зрения в первую очередь исходит из признания существования реальной военной угрозы для СССР в 1930-е гг., и озабоченность руководства СССР проблемой обеспечения и укрепления безопасности страны рассматривается как обоснованная. «Для Советского Союза ситуация вокруг Финляндии была тесно связана с проблемой безопасности СССР, особенно если учесть, что от нее до Ленинграда было всего 32 км, — указывает, например, академик А. О. Чубарьян. — Руководство СССР постоянно беспокоила активность Германии в этой стране, а также тесные связи финской элиты с Великобританией и Францией»²⁵.

Ревизионистская точка зрения, как уже говорилось, в первую очередь была представлена в периодических изданиях конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. Исторические исследования конца 1990-х и более позднего периода содержали более развернутое изложение обстоятельств, приведших к войне, учитывавшее целый ряд факторов, никак не сводимых исключительно к идеологической индоктринированности советского руководства.

Обоснованием заинтересованности руководства Советского Союза в первую очередь в обеспечении безопасности своих границ служит история переговоров СССР с Финляндией в 1939 г. Территориальные уступки, которых Советское правительство добивалось от Финляндии, должны были так или иначе улучшить геостратегическое положение Ленинграда. Эта позиция была сформулирована Сталиным в ходе переговоров четко и недвусмысленно: «Мы просим,

чтобы расстояние от Ленинграда до линии границы было бы семьдесят километров. Таковы наши минимальные требования, и вы не должны думать, что мы уменьшим их. Мы не можем передвинуть Ленинград, поэтому линия границы должна быть перенесена»²⁶. В 1996 г. стала известной ранее засекреченная стенограмма совещания высшего командного состава Красной Армии, проходившего в ЦК ВКП(б) 14–17 апреля 1940 г., на котором Сталин, подводя итоги войны, высказался следующим образом: «Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества»²⁷. Таким образом, эти и другие имеющиеся в распоряжении историков источники отражают в первую очередь прагматический характер мотивации сталинских действий, не связанных напрямую с реализацией каких-либо идеологических доктрин.

История советско-финляндских переговоров 1938–1939 гг. подробно рассмотрена в работах В. Н. Барышникова, М. И. Мельтюхова, В. Я. Сиполса, А. О. Чубарьяна, А. В. Шубина, и др. Как представляется, содержание переговоров свидетельствует о намерении Москвы добиться улучшения своих позиций на Балтике, и оккупация Финляндии не входила в намерения советского руководства. Убедившись в невозможности добиться от Финляндии уступок дипломатическим путем, советское руководство приняло решение начать войну²⁸. А. В. Шубин, в частности, подчеркивает, что ссылки на нейтралитет Финляндии как на обстоятельство, гарантировавшее ее неучастие во враждебной Советскому Союзу коалиции, несостоятельны. Нейтралитет малых стран, как показал опыт европейской войны, не являлся препятствием для германской агрессии. Поэтому у Сталина были основания опасаться высадки экспедиционного корпуса противника в Финляндии и прохода его через ее территорию для удара по Ленинграду²⁹.

Что касается ссылки при реконструкции причин конфликта на коминтерновскую идеологию или сталинское великодержавие, считает А. В. Шубин, то содержание советско-финских переговоров осенью 1939 г. свидетельствует о том, что эти общие мотивы не играли существенной роли при решении вопроса, быть или не быть войне. «...если бы Сталин держал в голове только интересы «мирового коммунистического движения», — пишет он, — ему не следовало торговаться из-за километров границы. Все равно все потом достанется коммунистам. И войну вести не следует — агрессивная война подрывает авторитет коммунистического движения. <...> Другое дело — великодержавные претензии... Но торговаться из-за километров опять глупо... А Сталин — нате — торговался, теряя драгоценное время, оставшееся до зимы»³⁰.

Содержание советских предложений о переносе границы также свидетельствует в пользу данной точки зрения. Советские требования, — обращает

внимание А. О. Чубарьян, — имели длительное историческое прошлое. Например, накануне Первой мировой войны российский Генеральный штаб подготовил меморандум, где угроза нападения Германии с использованием территории Финляндии охарактеризована примерно так же, как она виделась спустя четверть века Сталину и Генштабу Красной Армии. В 1920 г. во время переговоров о заключении Тартуского мира советская делегация просила финнов уступить часть территории на Карельском перешейке к северу от Ленинграда и некоторые острова в Финском заливе³¹.

Эту аргументацию нельзя не признать достаточно убедительной: действительно, содержание переговоров, в ходе которых советская сторона настойчиво добивалась именно переноса границы, неоднократно корректируя свои предложения («торговалась») в надежде на то, что финны пойдут на компромисс, свидетельствует о том, что для советского руководства в тот период на первом плане стояла задача не реализации каких-либо идеологических доктрин, а достижение улучшения своих геостратегических позиций в преддверии участия в мировой войне.

Этому не противоречит даже признание одной из целей войны со стороны Советского Союза приведение к власти в Финляндии «народного правительства» во главе с О. Куусиненом, как полагает, например, М. И. Мельтюхов, считая, что это «вообще бы сняло бы вопрос о границах»³². Дело в том, что идея создания «правительства О. Куусинена» была импровизацией советской стороны, к которой решено было прибегнуть тогда, когда советско-финские переговоры зашли в тупик и сталинское руководство склонилось к силовому варианту разрешения конфликта³³. Представляется, что до осени 1939 г. советское руководство не предполагало нападать на Финляндию, и тем более не имело в виду ее оккупацию. Только срыв переговоров осени 1939 г. подтолкнул Сталина к решению начать войну. Конечно, в Кремле могли прорабатывать вариант, при котором Красная Армия сумеет в короткий срок решить поставленную задачу разгрома финской армии и, возможно, занять Хельсинки. Тем не менее, окончательное решение относительно судьбы Финляндии вряд ли могло быть принято до успешного окончания военных действий. Во всяком случае, материалов, на основе которых можно судить о наличии в Кремле совершенно определенных планов относительно будущего Финляндии, на сегодняшний день недостаточно, чтобы сделать окончательный вывод по этому вопросу. Это стоит подчеркнуть, поскольку в историографии сегодня можно встретить совершенно необоснованные утверждения, будто российские историки «практически все единодушны в том, что стремление Советского правительства заключалось в присоединении Финляндии и образовании на ее территории социалистического государства или даже союзной республики...»³⁴. Как мы видели, отношение историков к данной проблеме далеко не столь однозначно.

До начала 1990-х гг. изучение истории формирования и функционирования «Терийокского правительства» («правительства Куусинена») было крайне затруднено, так как историки могли использовать, по сути, только опубликованные советской печатью официальные документы. Лишь после распада СССР появились предпосылки для научного исследования всего комплекса проблем, связанных с целями правительства Советского Союза в войне против Финляндии. В том числе в центре внимания оказалась и история «правительства Куусинена». Наиболее серьезным исследованием по данной теме на сегодняшний день является монография Н. И. и В. Н. Барышниковых³⁵. Обобщая накопленный современной наукой материал, авторы приводят дополнительные подтверждения относительно того, что инициатива создания «правительства» исходила исключительно с советской стороны, раскрывают методы контроля Кремля за деятельностью его членов и конкретизируют круг лиц, стоявших за реализацией этой идеи. Авторы подчеркивают, что его главной целью было содействие реализации общего плана «зимней войны»³⁶. Прежде всего, провозглашение «правительства» в Терийоках было направлено на раскол финского общества, его дезорганизацию в войне против СССР. В документах «правительства Куусинена» подчеркивалось, что «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза...»³⁷. Что же касается перспектив этого «правительства», то они должны были зависеть от поддержки его действий населением Финляндии.

Оценивая создание «правительства Куусинена» как крупную политическую ошибку³⁸, Н. И. и В. Н. Барышниковы убедительно показывают, что создание «народного правительства» не являлось плодом какого-то долго вынашивавшегося замысла. Этот шаг, наряду с решением начать войну с Финляндией, был недостаточно подготовлен, и его практическая реализация была далека от совершенства.

Отметим, что во многих работах история возникновения Советско-финляндской войны сводится исключительно к сюжету переговорного процесса, а затем противостояния СССР и Финляндии. Однако влияние на ход переговоров, а значит, и на решение вопроса, быть или не быть войне, оказывали другие державы. По нашему мнению, рассмотрение Советско-финляндской войны в широком контексте развития ситуации в Европе в ходе предвоенного кризиса позволяет учесть при выявлении причин конфликта ряд других, не всегда попадающих в поле зрения факторов, что дает возможность нарисовать более панорамную и объективную картину, не сводимую в целом к двусторонним отношениям СССР и Финляндии (даже с учетом позиции Германии и наличия секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г.). А. Г. Донгаров еще в 1990 г. обращал внимание на то, что «истинные, фундаментальные причины лежали за рамками отно-

шений между двумя странами. Взятые сами по себе, пусть далеко не идеальные, советско-финляндские отношения не подразумевали неизбежности вооруженного конфликта»³⁹.

Для специалистов ясно, что научная реконструкция причин советско-финляндского конфликта невозможна без учета общего фона европейской политики, оказывавшего существенное влияние на советско-финляндские отношения. Источники напряженности в советско-финских отношениях были связаны с общим обострением ситуации в Европе, состоянием отношений СССР с Германией и Англией. Конфликт интересов великих держав вовлекал в свою орбиту все большее число малых стран, судьба которых начинала зависеть от хода глобального противоборства. Агрессия Германии в Европе на фоне проводимой Англией и Францией политики «умиротворения» подвели Европу к новой мировой войне. Что касается Советского Союза, то он не мог всерьез рассчитывать остаться в стороне от конфликта, потенциально несшего угрозу его государственной независимости и существованию населявших его народов⁴⁰. В. С. Христофоров, например, подчеркивает: «Представляется очевидным, что события Зимней войны надо рассматривать прежде всего не в двустороннем формате — виноват или только СССР или только Финляндия, как это было типично для советской историографии или для финской, а взглянуть на события шире, проанализировав политические позиции, занятые всеми державами, так называемыми «малыми» и «великими», взаимоисключающие интересы которых столкнулись в условиях начавшейся Второй мировой войны на северном фланге Европы»⁴¹.

Начало войны между Германией и англо-французской коалицией, а также советско-германский договор о ненападении 1939 г. можно рассматривать прежде всего как непосредственные предпосылки возникновения «зимней войны». В результате нападения Германии на Польшу, объявления Англией и Францией войны Германии, а также достигнутого урегулирования советско-германских отношений создалась ситуация, в которой стало возможным принятие решения в Кремле о применении военной силы для решения вопроса о переносе границы. Наличие этих предпосылок не означало, однако, неизбежности возникновения советско-финляндской войны — ее непосредственные причины связаны, с одной стороны, с интенцией советского руководства добиться улучшения геостратегических позиций в Балтийском регионе в целях укрепления собственной безопасности, а с другой стороны — с позицией правительства Финляндии, избравшей вариант жесткого противостояния и отвержения советских требований.

Говоря об оценке итогов «зимней войны», то для исторической публицистики первой половины 1990-х гг. была характерна общая оценка Советско-финляндской войны как ненужной авантюры, результаты которой в целом носили в первую очередь негативный характер для нашей страны⁴². Достигнутая

Красной Армией победа в войне нередко характеризовалась как «пиррова» (М. И. Семиряга, Б. В. Соколов), некоторые авторы даже считали возможным говорить о «поражении» советской внешнеполитической стратегии и т. п.⁴³

Подобные оценки выступали как базис для рассмотрения более частных сюжетов. В частности, одним из наиболее часто называемых последствий войны является оказанное ее ходом и итогами влияние на позицию Германии и ее политику в отношении СССР. Как правило, утверждалось наличие непосредственной связи между ходом Советско-финляндской войны и политикой Германии в отношении Советского Союза после ее окончания. Например, Г. Л. Розанов в монографии «Сталин — Гитлер», изданной в 1991 г., писал, что ход и исход войны «существенно повлияли» на решения, принимаемые в Берлине относительно СССР⁴⁴.

Г. Л. Розанов показал, что в период Советско-финляндской войны Германия заняла позицию «формального нейтралитета при тайной поддержке Финляндии», поскольку ее интересам больше всего соответствовал затяжной конфликт, ослаблявший СССР и обострявший его отношения с Англией и США⁴⁵. В Берлине пристально следили за ходом войны, и приняли решение о сокращении сроков подготовки войны против СССР ввиду выявившейся слабости Красной Армии. Таким образом, считал Г. Л. Розанов, одним из результатов «зимней войны» стала «корректировка расписания актов агрессии», сделанная Гитлером, что дало основание историку оценить «финскую авантюру Сталина» как ошибку и преступление⁴⁶.

Слабость Красной Армии, выявившаяся якобы в ходе Советско-финляндской войны, расценивалась, в свою очередь, как причина того, что Советский Союз перестал рассматриваться как надежный союзник в Лондоне и Париже. «Финская кампания Красной Армии, — писал, например, в «Военно-историческом журнале» А. М. Носков, — как бы на миг высветила тот дисбаланс военной мощи в пользу фашистской Германии, который возник в результате раскола антифашистских сил как в каждой из европейских стран, так и в Европе в целом. Советский Союз уже не стал рассматриваться как серьезный фактор силы или надежный союзник в наступившей войне»⁴⁷. Война, указывает Носков, привела к еще большей изоляции Советского Союза на международной арене, «западные державы стали занимать открыто враждебную позицию в отношении СССР, рассматривая его как потенциального противника». С этим согласен П. Б. Липатов: «Война с Финляндией и бомбардировки городов осложнили международное положение Советского Союза»⁴⁸.

А. М. Носков также полагал, что понесенные в «зимней войне» потери потребовали передышки для Красной Армии, вызвали необходимость перестройки и переоснащения. Это будто бы порождало у советского руководства страх и неуверенность, что и стало причиной для проведения политики «умиро-

творения» Гитлера. Что касается Германии, то в Берлине появилась уверенность, что СССР не сможет оказать помощи Франции и Англии⁴⁹.

Подобным образом рассуждал и М. И. Семиряга. По его мнению, общая оценка боеспособности Красной Армии, сделанная в европейских столицах, была низкой. Военные атташе «весьма критически отзывались о профессионализме советских командиров всех рангов, их неумении организовать взаимодействие на поле боя, беззаботности относительно жизни и здоровья красноармейцев. ... Отмечался крайне низкий уровень воинской дисциплины в Красной Армии». На основании этих донесений в столицах западных держав делали вывод об общей слабости СССР в военном отношении. В Лондоне и Париже считали, что Советский Союз не может рассматриваться как серьезный партнер в возможных переговорах о военном сотрудничестве, а в Берлине господствовало мнение, будто СССР — колосс на глиняных ногах, с которым нетрудно будет справиться в предстоящем военном столкновении⁵⁰.

Этот тезис охотно был подхвачен теми авторами, для которых был характерен обвинительный уклон при освещении внешней и внутренней политики СССР периода 1930-х гг. «Обнаружившаяся в Советско-финляндской войне бездарность советского командования укрепила решимость Гитлера воевать с СССР», — утверждал, например, на страницах газеты «Ленинская правда» В. Холодковский⁵¹.

В самом деле, что касается Германии, то имеются свидетельства в пользу того, что в немецких руководящих кругах после советско-финляндского конфликта стали склоняться к мысли о возможности достижения легкой победы над Советским Союзом⁵². Однако известны документы и противоположного характера: например, 8 марта 1940 г. Гитлер в письме Муссолини дал такую оценку итогов «зимней войны»: «Принимая во внимание возможности снабжения, никакая сила в мире не смогла бы, или если бы и смогла, то только после долгих приготовлений достичь таких результатов при морозе в 30–40 градусов и на такой местности, каких достигли русские...»⁵³. Так что вопрос этот, в сущности, не подвергался серьезному исследованию в отечественной историографии, и кочующие из работы в работу утверждения нуждаются в документальном подтверждении. Тем более не совсем ясно, насколько справедлив тезис об *ускорении* подготовки Германии к нападению на СССР в связи с «зимней войной», поскольку известно, что принципиальное решение о начале подготовки к реализации замысла похода на восток было принято Гитлером летом 1940 г., после поражения Франции, и зависело в первую очередь от развития событий на Западном фронте⁵⁴.

А. М. Носков высказал также предположение, что руководство Германии принимало решение о подготовке операции «Везерюбунг» по захвату плацдарма в Северной Европе под впечатлением от слабости Красной Армии. Это предположение не находит

никакой опоры в источниках. Напротив, если обратиться к давно известным историкам документам, связанным с планированием и подготовкой нацистами операции «Везерюбунг», то станет очевидным, что захват Норвегии был тесным образом связан с общей стратегической концепцией Гитлера и его планами ведения Второй мировой войны, согласно которым создание плацдарма в Северной Европе должно было «облегчить выполнение задач в войне против России»⁵⁵; непосредственное же осуществление этих планов весной 1940 г. увязывалось с ходом военного противоборства с Англией⁵⁶. Другое дело, что Советско-финляндская война зимой 1939 г. стала рассматриваться в Лондоне как удобный предлог для установления контроля над портами Скандинавии в целях воспрепятствовать транспортировке сырья в Германию. Активность Британии в этом регионе, в частности, захват германского транспорта «Альтмарк» в норвежских территориальных водах, убедила Гитлера в серьезности угрозы. К таким выводам давно пришли и зарубежные исследователи, в частности, специально исследовавший этот вопрос Э. Зимке⁵⁷. Только в таком ракурсе «зимнюю войну» можно рассматривать как один из факторов, повлиявших на принятие Гитлером решения осуществить превентивный захват Норвегии именно в этот период.

Еще один тезис, активно использовавшийся в публицистике 1990-х гг. — заимствованное из западной литературы периода «холодной войны» утверждение о том, что Финляндия, не будь «зимней войны», осталась бы нейтральной в будущем советско-германском конфликте. Данная точка зрения ранее высказывалась прежде всего в финской историографии. «...Если бы не «зимняя война», в которой мы потеряли десятую часть территории, Финляндия, быть может, не стала бы союзницей Гитлера в сорок первом, предпочтя нейтралитет «шведского варианта», финская армия двинулась в то лето только забирать отобранное», — утверждал финский историк Ю. Невакиви⁵⁸. Обращает на себя внимание использованное Ю. Невакиви сослагательное наклонение — российские авторы, хотя и не исследовали специальным образом данный вопрос, высказывались гораздо более решительно, причем зачастую такие заявления делались людьми, далекими от истории по роду своих профессиональных занятий⁵⁹.

Ответственность за участие Финляндии в нападении на СССР и блокаду Ленинграда возлагается, таким образом, на Сталина и его приближенных. В. Холодковский прямо обвинял советское руководство в том, что оно своим необоснованным аннексионизмом «помешало Финляндии быть нейтральной». «Не будь советско-финляндской войны, — писал он, — Финляндия была бы нейтральной..., и это достаточно обеспечивало бы безопасность Ленинграда»⁶⁰. Аналогичным образом рассуждает К. Александров: «Агрессия 1939 года стала решающим фактором открытого выступления Финляндии в 1941 году против

СССР, приведшего к блокаде Ленинграда и миллионам умерших от голода»⁶¹. Им вторил П. Аптекарь: «...своими собственными руками был создан еще один противник в войне, до начала которой оставался лишь один год, три месяца и девять дней»⁶². В 2004 г. увидела в свет монография П. Аптекаря, в которой автор воспроизвел соответствующие тезисы: «Финляндия из вероятного противника после этой войны превратилась в обязательного при нападении любого государства на нашу страну»⁶³. П. Б. Липатов также указывал на связь между зимней войной и нападением Финляндии на СССР в 1941 г.⁶⁴.

Отметим, что названные историки, несмотря на категоричность своих утверждений, так и не предложили сколько-нибудь аргументированного обоснования наличия причинно-следственной связи между Советско-финляндской войной и нападением Финляндии на СССР в 1941 г. П. Аптекарь, например, ограничивается цитатой из сочинения М. Старинова «Записки диверсанта», где последний писал: «В результате кровопролитной непопулярной войны... граница была отодвинута на запад..., но Финляндия из англо-французского блока перешла в гитлеровский лагерь, а это привело позже к гибели сотен тысяч ленинградцев во время блокады, которой не было бы, если бы мы не воевали с Финляндией...»⁶⁵ Для пущей убедительности Аптекарь сообщает, что М. Старинов — участник этой войны, а также двух гражданских (в России и Испании) и Великой Отечественной войн⁶⁶. Историк, однако, ясно, что ссылки на чье-либо авторитетное мнение для корректного обоснования недостаточно. Также неубедительной выглядит чересчур прямолинейная попытка связать Зимнюю войну и жертвы блокадного Ленинграда: эта трагедия была обусловлена целым рядом факторов, в первую очередь неудачным для РККА ходом вооруженной борьбы на фронтах Великой Отечественной войны в 1941 г., и само по себе участие или неучастие Финляндии в войне против СССР не могло предопределить ее исход.

Б. Соколов, чья книжка в значительной степени основана на монографии П. Аптекаря и повторяет его выводы и оценки⁶⁷, столь же категоричен: «Если бы не «зимняя война», Финляндия *навверняка* сохранила бы нейтралитет в советско-германском конфликте»⁶⁸. (Отметим, что эту точку зрения Соколов излагал еще в 1990 г., опираясь на мнение американского историка Ч. Лундина⁶⁹). Основанием для такого вывода для Соколова служит «тактика финнов в 1941–1944 годах», которые, якобы, «отвоевав» потерянные в 1940 г. земли, «прекратили активные боевые действия» и «не стали» атаковать Ленинград с Карельского перешейка⁷⁰. Этот довод, однако, выдает незнание Соколовым перипетий событий на этом участке фронта в 1941–1944 гг. Проведенные российскими и финскими историками исследования показывают, что «остановка» наступления финнов на Ленинград была вызвана целым комплексом причин, среди которых некие «благородные» мотивы финских политиков отсутствуют⁷¹.

Решение же вопроса о причинности в истории, как представляется, в значительной мере связано с установлением мотивов действующих лиц. Поражение Финляндии в войне с СССР создало предпосылки, условия для нарастания в стране реваншистских настроений. Однако никакой предопределенности после марта 1940 г. в выборе правящих кругов Финляндии в пользу нападения на СССР вместе с Гитлером не могло быть (равно как не могло быть предопределенности блокады Ленинграда в 1941 г.) Только исследование внутренней и внешней политики Финляндии после 12 марта 1940 г. могло бы дать обоснованный ответ на вопрос, в какой мере на этот выбор повлияли итоги «зимней войны», а в какой мере — иные факторы. Ни один из вышеназванных авторов такого исследования не предлагает, ограничиваясь, в сущности, априорной констатацией.

Более взвешенный и сбалансированный подход к оценке итогов Советско-финляндской войны характерен для исторических исследований, появившихся со второй половины 1990-х гг., особенно принадлежащих перу специалистов-историков.

В предисловии ко второй книге совместного российско-финляндского труда «Зимняя война 1939–1940», являющегося наиболее серьезным вкладом последних лет в историографию темы, академик А. О. Чубарьян подчеркивает, что военно-политические последствия войны для СССР были весьма противоречивы: цена достигнутых целей оказалась высокой, международному авторитету страны и престижу Красной Армии был нанесен немалый ущерб⁷². В то же время авторы труда подчеркивают, что главным результатом войны было обеспечение Советским Союзом своих непосредственных стратегических интересов. Граница, установленная по Московскому мирному договору, приблизительно соответствовала границе Петра I (определенной Ништадским миром 1721 г.). Советское правительство не выдвинуло требований, которые касались бы вопросов, связанных с составом правительства Финляндии, ограничением ее суверенитета, «страна сохранила независимость и демократический строй»⁷³. На последнее обстоятельство справедливо указывает и В. Н. Барышников: «...Неправильно было бы утверждать, будто бы «зимняя война» закончилась разгромом Финляндии. Совершенно очевидным являлось то, что финский народ выстоял, а это для малой нации стало весомым итогом войны»⁷⁴, — пишет он. Эта оценка в определенной степени согласуется с выработанной финской историографией формулой «победа в поражении», которая отражает подход, согласно которому итоги зимней войны не вписываются в обычное противопоставление «поражение или победа»⁷⁵.

Говоря о непосредственных результатах войны, историки подчеркивают, что приобретения Советского Союза были больше того, на что он рассчитывал осенью 1939 г., предлагая Финляндии компромиссные варианты, и этот итог вполне мог удовлетворить

руководство СССР⁷⁶. Отмечается, что на довоенных переговорах СССР предлагал финнам, помимо всего прочего, материальную компенсацию за передаваемые территории, что должно было составить огромную сумму, теперь же финской стороне были выдвинуты материальные претензии в возмещение за вывезенное с потерянной территории оборудование и порчу имущества⁷⁷. «Главным итогом войны является то, что Советский Союз победил», — заключает М. А. Бикмеев. — «Несмотря на многочисленные потери и имеющиеся значительные недостатки в организации и ведении боевых действий в ходе кампании, на первом этапе Второй мировой войны Советский Союз действовал успешно»⁷⁸. Б. Г. Соловьев также указывает, что утверждение, будто Советско-финляндская война показала слабость Красной Армии, далеко не однозначно. Советские войска смогли прорвать мощную линию Маннергейма и продвинулись на 25–200 км на запад, финская же армия была разгромлена⁷⁹.

В период Перестройки высказывалось сомнение в оборонном значении переноса границы. Хотя граница была передвинута, писал Г. Л. Розанов, это не помешало во время Великой Отечественной войны установлению блокады Ленинграда. Мурманская железная дорога также была перерезана⁸⁰. Б. В. Соколов, приводя слова адмирала Н. Г. Кузнецова о том, что гарнизон Ханко не мог влиять на ход боевых действий на северо-западном участке советско-германского фронта, делает вывод: «Выходит, что не так важны оказались те «стратегические» пункты, якобы из-за которых Советский Союз пошел на войну с Финляндией...»⁸¹ Очевидно, что подобные утверждения невозможно обосновать: видимым результатом передвижки границы на Карельском перешейке стало то, что летом 1941 г. финские войска смогли выйти к старой государственной границе только к сентябрю.

В новейшей литературе довольно много внимания уделяется влиянию хода и итогов войны на реорганизацию и перевооружение РККА, повышение ее боеготовности.

Для отечественной историографии оценка войны как «поучительной школы» для Красной Армии, безусловно полезной и необходимой перед грядущим столкновением с более серьезным противником в лице Германии и ее союзников, была в целом традиционна⁸², однако в период конца 1980 — начала 1990-х гг. к этому аспекту последствий войны внимание историков и публицистов было очевидным образом ослаблено. Исключение составляет, пожалуй, диссертационное исследование В. В. Золотарева⁸³, результаты которого, к сожалению, не были в полной мере освоены историографией. Соответствующие исследования получили новый импульс с публикацией значительного числа архивных документов, показывающих, что по итогам войны руководством страны были предприняты масштабные меры для повышения боеспособности Красной Армии и укрепления ее командных кадров⁸⁴.

Эти документы позволили обосновать тезис о том, что приобретенный в войне с Финляндией опыт был необходим для дальнейшего совершенствования вооруженных сил советского государства⁸⁵. Этот процесс, наряду с упомянутой работой В. В. Золотарева, получил освещение в ряде новейших работ российских историков⁸⁶.

Интерес представляет изучение использования приобретенного РККА опыта в 1939–1940 гг. в ходе Великой Отечественной войны. Эта тема пока исследована только в ряде аспектов: в частности, в работах Д. А. Журавлева показано, каким образом знания и практический опыт «Зимней войны» повлияли на создание эффективной системы эвакуации раненых и больных воинов на Карельском, Ленинградском и Волховском фронтах в 1941–1944 гг.⁸⁷

В свете этих и других исследований историков исключительно умозрительным выглядит утверждение Б. Соколова о некоем «комплексе неполноценности», приобретенном Красной Армией в результате Советско-финляндской войны. Что касается упреков Соколова в адрес советского военного руководства, якобы неверно оценившего боеспособность Красной Армии и продолжавшего готовить войска к «наступательной войне», вместо того чтобы перестроить подготовку в «оборонительном» духе⁸⁸, то они и вовсе нелепы и выдают незнание автора с современной военно-исторической литературой, рассматривающей проблемы подготовки СССР к вероятной войне с Германией⁸⁹.

Заслуживает упоминания также точка зрения Ю. М. Килина, обратившего внимание на значение экономического потенциала отошедших к СССР районов Финляндии, который, «прежде всего передовое в технологическом отношении производство высококачественной целлюлозы, а также электроэнергии для военных предприятий Ленинграда, был особенно важен для материально-технической подготовки СССР к мировой войне, учитывая фактор времени»⁹⁰. Мнение Ю. М. Килина, однако, не нашло поддержки у специалистов⁹¹.

Авторы труда «Зимняя война 1939–1940» обращают внимание на то обстоятельство, что война не была локальным конфликтом Финляндии и СССР, а являлась частью Второй мировой войны, исходя из чего следует рассматривать ее причины и результаты. В результате войны СССР достиг своих стратегических целей, но приобрел готового к реваншу соседа. В то же время в книге подчеркивается, что сближение Финляндии с Германией было связано с изменением ситуации в Европе после поражения Франции — в начале Финляндия стремилась получить дипломатическую поддержку, а затем уже возникло стремление к пересмотру условий советско-финляндского мирного договора от 12 марта 1940 г.⁹² Таким образом, поражение войск англо-французской коалиции в Норвегии, а затем во Франции создали решающие предпосылки для постепенного сближения Финляндии с Германией.

Современные исследователи, в то же время, отвергают «случайность» присоединения Финляндии к агрессивной коалиции, сложившейся против СССР во главе с Германией. В. Н. Барышников, в частности, на солидной источниковой базе обосновал, что нападение на СССР в июне 1941 г. стало плодом избранной финляндским руководством сознательной политической и военной линии⁹³. В его монографии показано, каким образом после «зимней войны» в финляндском руководстве возобладали реваншистские настроения. Советско-финляндская война предстает как одна из предпосылок того, что уже к лету 1940 г. политика Финляндии приобретает ярко выраженную прогерманскую направленность⁹⁴. Наряду с итогами советско-финляндской войны свою роль сыграли и другие факторы: изменение военно-политической ситуации в Европе в результате побед вермахта на западе, ошибочная линия советской дипломатии на воспрепятствование созданию союза северных стран, воспринимавшаяся в Хельсинки как доказательство растущей «советской угрозы»⁹⁵, и др. Таким образом, нападение Финляндии на СССР не выглядит predetermined результатами «зимней войны» 1939–1941 гг. Подводя итог историографического осмысления этого вопроса, следует отметить, что надежные данные о том, какой была бы позиция Финляндии при условии, если бы Советско-финляндская война не состоялась, в сущности, отсутствуют. Авторы, критиковавшие решение Сталина начать войну с Финляндией, основывали свою оценку в первую очередь на допущении, что Финляндия при ином развитии событий осталась бы нейтральной, а также на оценке результатов войны как неудачных для СССР. Очевидно, однако, что, несмотря на констатацию связи между «зимней войной» и усилением в Хельсинки реваншистских политических сил в 1940–1941 гг., нет достаточных оснований утверждать, что Финляндия не стала бы сателлитом Германии и в том случае, если бы «зимняя война» вообще не состоялась. Этот вопрос является по меньшей мере спорным. (Авторы труда «Зимняя война», например, говорят о том, что война *подтолкнула* Финляндию к союзу с Германией⁹⁶).

Кроме того, ретроспективная оценка не учитывает вероятный сценарий (из которого могли исходить политики в Кремле), по которому результатом войны могло стать безусловное поражение Финляндии и приход к власти сил, гарантировавших ее неприкосновенность к любому вероятному агрессору. Можно спорить, насколько высока была ставка и насколько, соответственно, оправдан был риск, связанный с развязыванием военных действий против Финляндии. И. В. Сталин и его окружение посчитали, что вовлечение Финляндии во враждебную Советскому Союзу коалицию будет представлять настолько серьезную угрозу для СССР, что пренебрегли неизбежными рисками, связанными с непредсказуемостью результатов войны (или же переоценили возможности Красной Армии). Тем не менее, с данной точки зрения принятое ими решение выглядит рациональным.

- ¹ См., напр.: Амбарцумов Е. А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Новейшая история (1918–1939 гг.): курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 562; Федоров В. Г. Финляндия и империалистические державы накануне второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6; и др.
- ² См., напр.: Амбарцумов Е. А. Советско-финляндские отношения. М., 1956; Федоров В. Г. Финляндия и империалистические державы накануне мировой войны // Новая и новейшая история. 1964. № 6; Бартенев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976; Похлебкин В. В. СССР — Финляндия. 260 лет отношений (1713–1973). М., 1975. Обзор советской историографии см.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. СПб., 1997. С. 39–41.
- ³ См., напр.: Внешняя политика правительства // Правда. 1940. 30 марта.
- ⁴ Куусинен О. Финляндия — вассал гитлеровской Германии: стенограмма публичной лекции. М., 1944; Куусинен О. Что раскрыл процесс финских сообщников Гитлера // Новое время. 1946. № 3.
- ⁵ Ильинский Я. С. Финляндия. М., 1947; Рысаков П. Советско-финляндские отношения. М., 1948; Архипов Д. И. Финляндия. М., 1952.
- ⁶ Это выражение было заимствовано финскими историками из мемуаров германского посланника В. Блюхера, писавшего, что «Финляндия попала в круговорот большой политики, подобно сплавному бревну, оказавшемуся во власти бурной финской реки» (Цит. по: Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 37).
- ⁷ Обзор финской историографии по этому вопросу см.: Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 35–55.
- ⁸ «Финляндии пришлось объявить войну Советскому Союзу» 26 июня 1941 г. после «агрессивных действий русских» — пишет, например, автор одного из наиболее серьезных на Западе трудов по военно-морской тематике Ю. Майстер. См.: Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941–1945 гг. Пер. с нем. М., 2005. С. 47 (Первое издание этой книги увидело свет в 1957 г.).
- ⁹ Суни Л. В. Начало германо-финского сближения // Вопросы истории. Петрозаводск, 1970; Вайну Х. М. Буржуазная и социал-демократическая историография о внешней политике Финляндии во время второй мировой войны // Скандинавский сборник. XXVIII. Таллинн, 1983; Вайну Х. М. Финляндия в плане «Барбаросса»: Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1973.
- ¹⁰ Барышников Н. И. На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989.
- ¹¹ Вопросы истории. 1993. № 2. С. 178.
- ¹² Некоторые исследователи так характеризуют этот период: «Среди исследователей в первой половине 1990-х годов укрепились штатные идеологи и пропагандисты либерализма, прибегавшие к замаскированному под науку шарлатанству с целью огульного очернения и поругания советской истории» (Историография сталинизма. Сб. статей под ред. Н. А. Симония. М., 2007. С. 8).
- ¹³ Напр.: Барышников В. Н. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 ноября; Орлов А. С. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8; Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39; Семиряга М. И. На той войне неизвестной // Выборгский коммунист. 1989. 29, 30 ноября; Чудаков М. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 ноября; и др.
- ¹⁴ Барышников В. Н. Изучение Советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006.
- ¹⁵ См., напр.: Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 12; Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7.
- ¹⁶ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1998; Тайны и уроки Зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000; Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию Советско-финляндской войны. М., 2009; Зимняя война (документы о Советско-финляндских отношениях 1939–1940 гг. // Международная жизнь. 1989. № 8, 12; Правительство Куусинена: эпизод Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Вестник МИД СССР. 1989. № 22; Советско-финляндская война // Военно-исторический журнал. 1990. № 1; и др.
- ¹⁷ См., напр.: Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 4, 5, 6 января;
- ¹⁸ Семиряга М. И. Ненужная война // Архивы раскрывают тайны...: Международные вопросы: события и люди. М., 1991; Новобранец В. А. Накануне войны // Знамя. 1990. № 6. С. 171.
- ¹⁹ Семиряга М. И. Политическая подоплека «зимней войны» // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 35–36.
- ²⁰ Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 59, 62–64; Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 5 января. С. 3; Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев». М., 2008. С. 136.
- ²¹ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 8–14.
- ²² Граниты финские, граниты вековые... Мирная дискуссия о финской войне // Родина. 1995. № 12. С. 36.
- ²³ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 18.
- ²⁴ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 38, 93, 138

- ²⁵ Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 2008. С. 186; См. также: Барышников В. Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 275; Носков А. Война, которой могло не быть? // Труд 1989. 30 ноября. С. 4.
- ²⁶ Цит. по: Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939–1940 / Пер. с англ. М., 2003. С. 42.
- ²⁷ Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 2. С. 272.
- ²⁸ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 187–188.
- ²⁹ Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004. С. 387.
- ³⁰ Шубин А. В. Указ. соч. С. 390.
- ³¹ Чубарьян А. О. Указ. соч. С. 188–189.
- ³² Мельтюхов М. И. Народный фронт для Финляндии? // Отечественная история. 1993. № 3. С. 100.
- ³³ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). СПб-Хельсинки, 2003. С. 30–57, 242.
- ³⁴ Бушуева Т. С. Проблемы источниковедения и историографии Зимней войны // Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 72.
- ³⁵ Рецензию см.: Никифоров Ю. А., Киселев О. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 60–62.
- ³⁶ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940). СПб-Хельсинки, 2003. С. 30–57, 241–242.
- ³⁷ Зимняя война. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 178.
- ³⁸ Барышников Н. И., Барышников В. Н. Указ. соч. С. 246.
- ³⁹ Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 45.
- ⁴⁰ См., напр.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 30–33; Барышников В. Н. СССР и Финляндия в 1920–1930-е годы: к проблеме начала «зимней войны» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 12; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. М., 2002. С. 120–121; От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1940 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 170.
- ⁴¹ Христофоров В. С. Исторические уроки Зимней войны // Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 50.
- ⁴² Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 6; Аптекарь П. Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне) // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 43–45.
- ⁴³ Семиряга М. И. О чем не упомянул Сталин, подводя итоги «зимней войны» с Финляндией // Красная звезда. 1997. 19 апреля; Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 81.
- ⁴⁴ Розанов Г. Л. Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 130.
- ⁴⁵ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 130–132.
- ⁴⁶ Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 139–140.
- ⁴⁷ Носков А. М. Северный узел межгосударственных противоречий // Военно-исторический журнал. 1990. № 7. С. 10.
- ⁴⁸ Липатов П. Б. Зимняя война. М., 1996. С. 46.
- ⁴⁹ Носков А. М. Указ. соч. С. 16.
- ⁵⁰ Семиряга М. И. Политическая подоплека «зимней войны» // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия. Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 48; см. также: Липатов П. Б. Указ. соч. С. 46.
- ⁵¹ Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 6 января. С. 3.
- ⁵² Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., М., 2005. С. 60.
- ⁵³ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser.D. Vol.VIII. P. 877. Цит. по: Бугаев А. День “N”. Неправда Виктора Суворова. М., 2007. С. 108.
- ⁵⁴ Документы о германском планировании агрессии против СССР см.: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера: путь к катастрофе. В 4-х т. М., 2005.
- ⁵⁵ Из выступления адмирала Редера на разборе военно-стратегических игр, посвященных отработке морской стратегии Германии в будущей войне (12.04.1938 г.). См.: Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. В 4-х т. Т. 2. М., 2005. С. 82.
- ⁵⁶ Дашичев В. И. Указ. соч. С. 96–128.
- ⁵⁷ Зимке Э. Немецкая оккупация Северной Европы. 1940–1945. М., 2005. С. 19–40.
- ⁵⁸ Цит. по: Чудаков А. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12–14 ноября.
- ⁵⁹ См., напр.: Эфирос С. А. Белые пятна. Воображаемый диалог о пределах гласности // Социологические исследования. 1988. № 6. С. 73.
- ⁶⁰ Холодковский В. Эта зимняя война. // Ленинская правда. 1990. 6 января. С. 3.

- ⁶¹ Александров К. Красная агрессия // Советско-финская война 1939–1940 гг. Хрестоматия / Ред.-сост. А. Е. Тарас. Мн., 1999. С. 81; см. также: Александров К. 30 ноября 1939 года: итоги и выводы // Посев. 1999. № 11.
- ⁶² Аптекарь П. Оправданы ли жертвы? (О потерях в советско-финляндской войне) // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 43–45.
- ⁶³ Аптекарь П. Советско-финские войны. М., 2004. С. 359; также см. С. 338.
- ⁶⁴ Липатов П. Б. Зимняя война // Советско-финская война 1939–1945 гг. Мн., 1999. С. 175.
- ⁶⁵ Старинов М. Записки диверсанта. М., 1997. С. 148.
- ⁶⁶ Аптекарь П. Указ. соч. С. 359.
- ⁶⁷ Хотя и появилась в печати раньше — автор в предисловии специальным образом оговаривает, что использовал рукопись П. Аптекаря при подготовке собственного сочинения.
- ⁶⁸ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 366–367.
- ⁶⁹ Соколов Б. Правда о Великой Отечественной войне. СПб., 1998. С. 65. Впервые опубли.: Историки отвечают на вопросы / Сост. А. В. Поликарпов. М., 1990. Вып. 2.
- ⁷⁰ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 367.
- ⁷¹ См.: Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007. С. 53–76
- ⁷² Зимняя война 1939–1940. М., 1999. Кн. 2. С. 4–5.
- ⁷³ Зимняя война 1939–1940 гг. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 362–364.
- ⁷⁴ Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 61.
- ⁷⁵ См.: Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 222–223.
- ⁷⁶ Барышников В. Н. Советско-финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 217.
- ⁷⁷ Пыхалов И. В. Великая обманная война. М., 2005. С. 180–181.
- ⁷⁸ Бикмеев М. А. Советско-финляндская война 1939–1940. Факты, события, люди и безвозвратные потери Башкортостана. Уфа, 1999. С. 81, 84.
- ⁷⁹ Соловьев Б. Г. 22 июня 1941 года (Как готовилась война против СССР). М., 2004. С. 102.
- ⁸⁰ Розанов Г. Л. Сталин–Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений 1939–1941 гг. М., 1991. С. 137.
- ⁸¹ Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000. С. 366. Словечко «якобы», использованное Б. Соколовым, призвано подчеркнуть, что истинной целью войны со стороны СССР было не занятие «стратегических пунктов», важных для обороны страны, а захват и «советизация» Финляндии.
- ⁸² Носков А. М. Северный узел межгосударственных противоречий // Военно-исторический журнал. 1990. № 7.
- ⁸³ Золотарев В. В. Влияние советско-финляндской войны на строительство Вооруженных Сил СССР и развитие военного искусства. Дисс... к.и.н. М., 1993.
- ⁸⁴ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М., 1999; Акт о приеме наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Известия ЦК КПСС, 1990, № 1; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., СПб., 2004.
- ⁸⁵ Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 103; Пыхалов И. В. Указ. соч. С. 182; Бикмеев М. А. Указ. соч. С. 82–83.
- ⁸⁶ Аверченко С. В. Изучение опыта советско-финляндской войны в техническо-эксплуатационной службе ВВС Красной Армии в 1940–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 9. С. 36–41; Цамутали А. К. Использование опыта, приобретенного командным составом Красной армии во время Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997; Петров П. В. Уроки советско-финляндской войны на море (По материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13–14 марта 1940 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001.
- ⁸⁷ Журавлев Д. А. Использование опыта Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. по эвакуации раненых и больных в условиях Великой Отечественной войны // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 289–294.
- ⁸⁸ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 394–395, 398.
- ⁸⁹ В первую очередь следует указать труд «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки» (Кн. 1. М., 1998).
- ⁹⁰ Килин Ю. Карелия в политике советского государства. М., 1990. С. 237.
- ⁹¹ См.: Барышников Н. И. Проблема Петсамо в Советско-финляндских отношениях (1939–1944 гг.) // Война в Арктике (1939–1945 гг.) Архангельск, 2001. С. 23.
- ⁹² Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1998. С. 371–372.
- ⁹³ Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб., 2005.
- ⁹⁴ Барышников В. Н. Указ. соч. С. 220–221.
- ⁹⁵ Барышников В. Н. Советско-финляндские отношения в 1940–1941 гг. и вступление Финляндии во Вторую мировую войну // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 217.
- ⁹⁶ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М., 1999. С. 375.

Документы

Из речи наркома иностранных дел СССР М. Литвинова на XV сессии Ассамблеи Лиги Наций в связи с вступлением Советского Союза в эту международную организацию, 18 сентября 1934 г.

(...) Пригласительная телеграмма на имя моего правительства и голосования Совета и Ассамблеи доказывают, что все делегации, за ничтожным исключением, отдают себе отчет в том значении, которое имеет появление в этой зале делегации Советского государства, и в благотворных последствиях, которое оно должно иметь (...)

Тридцать делегаций Ассамблеи, составляющих большинство членов Лиги, представляющих все крупные и сколько-нибудь значительные государства, в своем обращении к Советскому правительству заявили, что миссией Лиги является организация мира и что для успеха этой миссии требуется сотрудничество Советского Союза. Они знали, что государство, к которому они обращаются, в течение 17 лет своего существования не щадило усилий для установления наилучших добрососедских отношений со всеми своими соседями на прочных основах для сближения со всеми государствами, которые этого хотели, и благодаря этому стало могучим фактором международного мира.

Со своей стороны Советское правительство, следившее внимательно за всеми явлениями международной жизни, не могло не заметить усиливающуюся активность в Лиге Наций государств, заинтересованных в сохранении мира и в борьбе с агрессивными воинственными элементами. Более того, оно заметило, что эти агрессивные элементы сами считают для себя рамки Лиги стеснительными и стараются от них избавиться. Все это не могло не оказать влияния на отношение Советского правительства к Лиге Наций в его поисках дальнейших путей к той организации мира, ради сотрудничества с которой мы приглашены в Лигу (...).

Я далек от преувеличения возможностей и средств Лиги Наций по организации мира. Я, может быть, больше чем кто-либо из вас, сознаю ограниченность этих средств. Я знаю, что Лига Наций не имеет в своем распоряжении средств полного упразднения войн. Я убежден, однако, в том, что при твердой воле и дружном сотрудничестве всех ее членов весьма многое может быть сделано, и в каждый данный момент, для максимального уменьшения шансов войны. Но это является достаточно почетной и благородной задачей, осуществление которой принесет неисчислимые блага человечеству.

Над этой задачей Советское правительство не переставало работать в течение всего времени своего существования. Отныне оно хочет объединить свои усилия с усилиями других государств, представленных в Лиге. В этой предстоящей нам с вами общей работе, я уверен, будет мощно чувствоваться воля 160-миллионного государства к миру, к миру для себя и других государств. И, наблюдая благотворные результаты этого притока свежих сил в общее дело обеспечения мира, я уверен, мы с вами всегда с большим удовлетворением будем вспоминать нынешнюю дату, которая займет почетное место в анналах Лиги.

Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. 17. С. 593, 598, 600–601

Из договора о взаимной помощи между Советским Союзом и Францией, 2 мая 1935 г.¹

Статья 1.

В случае, если СССР или Франция явились бы предметом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и соответственно СССР обязуются приступить обоюдно к немедленной консультации в целях принятия мер для соблюдения постановления 10 статута Лиги Наций.

Статья 2.

В случае, если в условиях, предусмотренных в статье 15, параграф 7, статута Лиги Наций, СССР или Франция явились бы, несмотря на искренние мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку.

Статья 3.

Принимая во внимание, что согласно статье 16 статута Лиги Наций каждый член Лиги, прибегающий к войне вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15 статута, тем самым рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги, СССР и взаимно Франция обязуются, в случае, если один из них явится, в этих условиях и несмотря на искренне мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения, со стороны какого-либо европейского государства, оказать друг другу немедленную помощь и поддержку, действуя применительно к статье 16 статута.

То же обязательство принято на случай, если СССР или Франция явятся предметом нападения со стороны европейского государства в условиях, предусмотренных в параграфах 1 и 3 статьи 17 статута Лиги Наций.

Статья 4.

Так как обязательства, установленные выше, соответствуют обязанностям Высоких Договаривающихся Сторон, как Членов Лиги Наций, то ничто в настоящем Договоре не будет толковаться как ограничение задачи этой последней принимать меры, способные эффективно ограждать всеобщий мир, или как ограничение обязанностей, вытекающий для Высоких Договаривающихся Сторон из статута Лиги Наций.

Статья 5.

Настоящий Договор, коего русский и французский тексты будут иметь одинаковую силу, будет ратифицирован, и ратификационные грамоты будут обменены в Москве, как только это будет возможно. Он будет зарегистрирован в секретариате Лиги Наций.

Он вступит в действие с момента обмена ратификациями и будет оставаться в силе в течение пяти лет. Если он не будет денонсирован одной из Высоких Договаривающихся Сторон с предупреждением по крайней мере за один год до истечения этого периода, то он останется в силе без ограничения срока, причем каждая из Высоких Договаривающихся Сторон будет иметь возможность прекратить его действие путем заявления об этом с предупреждением за один год.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.
В. Потемкин Пьер Лаваль²

Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18. С. 309–310

¹ 16 мая 1935 г. был также заключен договор о взаимопомощи между СССР и Чехословакией.

² Потемкин В.П. (1874–1946) — посол СССР во Франции в 1934–1937 гг.; Лаваль П. (1883–1945) — премьер-министр Франции в 1931–1932 гг., в июне 1935 — январе 1936 г.

Из мемуаров генерал-полковника инженерно-артиллерийской службы Б. Ванникова³ о работе оборонной промышленности СССР в 1930-е годы

(...) В работе оборонной промышленности было вместе с тем немало недостатков и упущений в организационном, хозяйственном, техническом руководстве во всех звеньях управления. Одной из главных причин этого была большая текучесть кадров, особенно административного и технического персонала. Несправедливое массовое отстранение квалифицированных работников промышленности и военно-технических управлений в центральных аппаратах и на периферии, замена их недостаточно опытными кадрами нанесли немалый ущерб оборонной индустрии и вооруженным силам в период развернутых работ по перевооружению Красной Армии...

(...) В период между двумя мировыми войнами артиллерийские системы подверглись коренному видоизменению и совершенствованию на основе новейших научно-технических достижений. Новые типы этого вооружения были разработаны и апробированы в СССР задолго до начала Великой Отечественной войны и в основном оставались неизменными до окончательного разгрома противника. В целом система артиллерийского вооружения Красной Армии в течение всей войны не испытывала потребности в новых калибрах или острой необходимости принципиально новых конструкций (...)

Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 156

Агентурное донесение разведывательного управления Красной Армии «О настроениях среди германских офицеров», не позднее 9 мая 1936 г.⁴

«О НАСТРОЕНИЯХ СРЕДИ ГЕРМАНСКИХ ОФИЦЕРОВ»

По данным источника офицерский состав германской армии делится на две категории: с одной стороны, это люди заискивающие перед каждым представителем национал-социалистической партии и рассыпающиеся в уверениях своей преданности «вождю» и «движению», что делается из карьеристских побуждений; с другой, это пьянствующие под портретами Вильгельма II офицеры, которые считают, что этим гражданский долг их монархическим чувствам полностью воздан.

Офицерский корпус германской армии далеко не един и не может быть по своим моральным качествам и боевым свойствам поставлен вровень с офицерским корпусом старой германской армии периода большой войны. В военном министерстве является распространенным мнение, что война с Советским Союзом неизбежна; многие расценивают перспективы этого столкновения для Германии пессимистически.

К большой войне Германия не готова; не хватает достаточного числа обученных возрастов, жидок офицерский корпус, сравнительно слаба авиация и т. п. Страна также еще не подготовлена в хозяйственном отношении. Исходя из этих соображений и боясь решительных действий со стороны французов, что могло бы вызвать снова необходимость борьбы на два фронта, фон Фрич⁵, Шахт⁶, Нейрат⁷

³ Б.Л. Ванников (1897–1962), генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы (1944) руководил в 1939–1946 гг. сначала наркоматом вооружения, потом наркоматом боеприпасов.

⁴ По приказанию наркома обороны СССР К. Ворошилова донесение было передано 9 мая 1936 г. членам Комиссии обороны (И. Сталину, В. Молотову, Л. Кагановичу, С. Орджоникидзе, В. Межлаку).

⁵ Фрич В. (1880–1939) — генерал полковник. 1934–1938 гг. главнокомандующий сухопутными войсками вермахта. В 1939 г. — командир артиллерийского полка. Погиб в боях под Варшавой;

⁶ Шахт Г. (1887–1970) — в 1933–1939 гг. президент рейхсбанка, 1934–1937 министр экономики Германии, до 1943 г. — министр без портфеля в правительстве Гитлера. В 1944 г. арестован за связь с участниками заговора против Гитлера 20 июля 1944 г.

⁷ Нейрат К. (1873–1956) — обергруппенфюрер СС. 1932–1938 министр иностранных дел Германии; 1938–1945 — член имперского совета обороны; 1939–1941 — имперский протектор Богемии и Моравии.

и Фрик⁸ были против занятия рейнской зоны. Бломберг⁹ среди офицерства не пользуется авторитетом; его называют «Хитлерюнге Квекс» (герой фильма).

На днях выпущено распоряжение, что чиновникам и вообще государственным служащим запрещено общение с членами советского посольства.

Верно: Начальник 1-го отдела Разведуправления РККА,
корпусной комиссар ШТЕЙНБРЮК

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 185–186

Письмо маршала С. Буденного¹⁰ народному комиссару обороны СССР К. Ворошилову¹¹ о необходимости принятия мер против троцкистов, 22 августа 1936 г.

Народному комиссару обороны СССР тов. Ворошилову.

Дорогой Клементий Ефремович!

Прочитав и изучив закрытое письмо ЦК ВКП(б) и обвинительное заключение по делу о террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока, у меня возникли мысли, с которыми я хотел бы с Вами поделиться.

Происходящий сейчас в Москве процесс контрреволюционной банды, как никогда, наглядно покажет человечеству всего мира до чего докатились эти вырожденки и их шелудивый «главарь» — Троцкий. Но этим дело, на мой взгляд, кончиться не должно. Я считаю, что нужно поднять весь трудящийся народ как нашего Советского Союза, так и всех стран мира с требованием выдачи Троцкого и его зарубежной компании с тем, чтобы их судить в нашей стране.

Каким путем этой сделать? Думается, что лучше это было бы сделать через Коминтерн, чтобы единый фронт трудящихся всех стран потребовал этого. Почва для этого имеется, так как эти «вожди» потеряли всякий идейно-политический смысл и их приход к власти, о которой они мечтали, разумеется вел за собой реставрацию капитализма на фашистской платформе. Но это одна сторона вопроса, а другая, я думаю заключается в том, что эта контрреволюционная организация до конца еще не раскрыта. Видимо, сеть этой организации проникла и в армию, и в железнодорожный транспорт, и в промышленность, и в сельское хозяйство, в общем, в организм нашего государства. Я усматриваю это из того, что и в письме и в обвинительном заключении их показания не раскрывают всей сети и они сознаются и показывают друг на друга только в рамках этой группы, которая уже поймана с поличным.

Особо тщательно, мне кажется, нужно проверить людей в армии, так как в рядах ее мы наблюдаем лиц из командного и начальствующего состава с карьеристскими тенденциями, с одной стороны, а с другой, имеется тенденция рассматривать серьезные вопросы не с точки зрения государственной, а с точки зрения узко личной, местной — «батьковщина», а такие люди легко могут поддаться всякому влиянию, в том числе и контрреволюционному.

Ваш С. Буденный

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 16. Л. 265–266

⁸ Фрик В. (1887–1946) — рейхсleiter. 1933–1943 министр внутренних дел Германии. 1943–1945 — имперский протектор Богемии и Моравии. Казнен по приговору Международного военного трибунала.

⁹ Бломберг В. (1878–1946) — генерал-фельдмаршал. 1935–1938 — военный министр и главнокомандующий вооруженными силами Германии. Арестован американскими войсками в 1945 г. Умер во время следствия.

¹⁰ Буденный С.М. (1883–1973). Маршал Советского Союза (1935), герой гражданской войны. В 1930-е гг. — член РВС СССР, инспектор кавалерии РККА, командующий войсками Московского военного округа, заместитель и 1-й зам. наркома обороны СССР. Во время Великой Отечественной войны — член Ставки ВГК, главком войсками Юго-Западного направления, ком. Резервным фронтом, ком. Северо-Кавказским фронтом. С 1943 г. коман. кавалерией Красной Армии и член Высшего военного совета НКО.

¹¹ Ворошилов К.Е. (1881–1969). Маршал Советского Союза (1935), герой гражданской войны. В 1925–1934 гг. нарком по военным и морским делам и пред. РВС СССР, в 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. В Великую Отечественную войну — член Государственного комитета обороны (ГКО) и Ставки ВГК, главнокомандующий войсками Северо-Западного направления, командующий Ленинградским фронтом, главнокомандующий партизанским движением, с 1943 г. — представитель Ставки на фронтах. Участник Московской (1941) и Тегеранской (1943) конференций союзников.

Из отчета заместителя наркома обороны СССР начальника управления по командному и начальствующему составу РККА Е. А. Щаденко (от апреля 1940 г.) о количестве арестованных и уволенных в 1937–1939 гг. командиров Красной Армии

Народному Комиссару Обороны СССР Маршалу Советского Союза тов. Ворошилову К. Е.

«___» апреля 1940 г.

ОТЧЕТ о работе Управления по начальствующему составу РККА за 1939 г.

(...) Очистка армии и пересмотр уволенных (без ВВС)

(...) В 1935 г. уволено 6.198 чел. или 4,9 % к списочной численности

В 1936 г. уволено 5.677 чел. или 4,2 % к списочной численности

В 1937 г. уволено 18.658 чел. или 13,1 % к списочной численности (из них политсостава — 2.194 чел.).

Из общего числа уволенных в 1937 г.:

мотивы увольнения	всего увол. в 1937 г.	из числа увол. восстановлено в 1938–39 гг.	фактич. осталось уволенных
а) арестованы	4.474	206	4.268
б) уволены во испол. решения ЦК ВКП(б) № П47/102 от 29.3.37. (искл. из ВКП(б) за связь с заговорщиками	11.104	4.338	6.766
в) уволены по политико-моральным причинам (пьяницы, мор. разлож., расхитители нар. достоян.)	1.139	109	1.030
г) искл. за смертью, по инвалидности и болезни	1.941	8	1.933
ВСЕГО:	18.658	4.661	13.997
%% к списоч. численности	13,1 %		9,7 %

В 1938 г. уволено 16.362 чел. или 9,2 % к списочной численности (из них политсостава — 3.282 чел.).

Из общего числа уволенных в 1938 г.

мотивы увольнения	всего увол. в 1938 г.	из числа увол. восстановлено в 1939 г.	фактич. осталось уволенных
а) арестованы	5.032	1.225	3.807
б) уволены во испол. решения ЦК ВКП(б) № П47/102 от 29.3.37. (искл. из ВКП(б) за связь с заговорщиками	3.580	2.864	716
в) уволены по дирек. НКО от 24.6.38. № 200/ш (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы, корейцы и др., урож. заграницы и связанные с ней	4.138	1.919	2.219
в) уволены во испол. прик. НКО № 0219–1938 (пьяницы, мор. разлож., расхитители нар. достоян.)	2.671	321	2.350
г) искл. за смертью, по инвалидности и болезни	941	4	937
ВСЕГО:	16.362	6.333	10.029
%% к списоч. численности	9,2 %		5,6 %

В 1939 г. уволено 1.878 чел. или 0,7 к списочной численности (из них политсостава — 477 чел.). Из общего числа уволенных в 1939 г.:

мотивы увольнения	всего увол. в 1939 г.	из числа увол. восстановлено	фактич. осталось уволенных
а) арестованы	73	26	47
б) уволены во испол. решения ЦК ВКП(б) № П47/102 от 29.3.37. (искл. из ВКП(б) за связь с заговорщиками	248	126	158
в) уволены во испол. прик. НКО № 0219–1938 (пьяницы, мор. разлож., расхитители нар. достоян.)	238	23	215
г) исключ. за смертью, по инвалидности и болезни	1.283	9	1.274
ВСЕГО:	1.878	184	1.694
%% к списоч. численности	0,7 %		0,6 %

(...) В общем числе уволенных как за 1936–1937 гг., так и за 1938–1939 гг. было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому много поступало жалоб в Наркомат Обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя тов. Сталина. Мною в августе 1938 г. была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая тщательно проверяла материалы уволенных путем личного вывоза их, выезда на места работников Управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров знающих уволенных, через органы НКВД и т.д.

Комиссией было рассмотрено около 30 тыс. жалоб, ходатайств и заявлений... Всего восстановлено 11.178 чел. Эти восстановленные были уволены: приказами НКО — 4.030 чел.; приказами округов — 7.148 чел...

Е.ЩАДЕНКО

РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 482. Л. 4, 11–13

Из отчетного доклада И. В. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г.

(...) Советский Союз и капиталистические страны

Война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружения. Стали вооружаться все, от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства. Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили, будто бы, начало новой эре «умиротворения». Не верят в них также сами участники мюнхенского соглашения, Англия и Франция, которые не менее других стали усиливать свое вооружение.

Понятно, что СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомненно, что всякая даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран. Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успевшая уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы. Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной Армии, нашего Красного Военно-Морского Флота.

Вместе с тем в интересах укрепления своих международных позиций Советский Союз решил предпринять и некоторые другие шаги. В конце 1934 г. наша страна вступила в Лигу Наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться, как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны. Советский Союз считает, что в такое тревожное время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига Наций. В мае 1935 г. был заключен договор между Францией и Советским Союзом о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим был заключен аналогичный договор с Чехословакией. В марте

1936 г. Советский Союз заключил договор с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи. В августе 1937 г. был заключен договор о взаимном ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой.

В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.
2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.
3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей Родины.

Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза. (Бурные продолжительные аплодисменты.)

В своей внешней политике Советский Союз опирается:

1. На свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь;
2. На морально-политическое единство нашего советского общества;
3. На дружбу народов нашей страны;
4. На свою Красную Армию и Военно-Морской Красный флот;
5. На свою мирную политику;
6. На моральную поддержку трудящихся всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира;
7. На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным причинам в нарушении мира.

Задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;
2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, призывающим загребать жар чужими руками;
3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного флота;
4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами.

Внутреннее положение Советского Союза

Перейдем к внутреннему положению нашей страны. С точки зрения внутреннего положения Советского Союза отчетный период представляет картину дальнейшего подъема всего народного хозяйства, роста культуры, укрепления политической мощи страны.

Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчетный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники. У нас нет уже больше, или почти нет больше старых заводов с их отсталой техникой и старых крестьянских хозяйств с их допотопным оборудованием. Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники.

В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны и, как результат всего этого, — полную демократизацию политической жизни страны, создание новой Конституции. Никто не смеет оспаривать, что наша Конституция является наиболее демократической в мире, а результаты выборов в Верховный Совет СССР, равно как и в Верховные Советы союзных республик — наиболее показательными.

В итоге всего этого мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире.

*Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии
о работе ЦК ВКП(б). М.: ОГИЗ, 1945. С. 14–17*

Из доклада советского военного атташе в Латвии о подготовке германской агрессии, 17 мая 1939 г.

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА
ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ НКО ССР

Доклад о подготовке германской агрессии в Латвии

Внешнеполитические события последних двух месяцев привели в движение все слои латвийского общества. Несмотря на бдительность охраны и пропаганду министерства общественных дел, население Латвии подает свой голос о грядущей опасности независимости страны.

Растут сомнения и неуверенность в завтрашнем дне с одной стороны, с другой успокоительные песнопения правительства и активность немецкой меньшинственной группы. Такова, в общих чертах, политическая обстановка сегодняшней Латвии.

1. Деятельность германского фашизма в подготовке к оккупации Латвии.

Во-первых в Риге, Елгаве и Лиепае проведены организационные мероприятия. Эти города разделены на «соседские округа», в одной Риге, судя по упоминаниям номеров, имеется 96 таких «округов». В Латгальском предместье имеется два округа за номерами 56 и 57 с количеством организованных немцев в 200 человек. Меже-парк и другие предместья являются постоянным местом собрания гитлеровской молодежи. Там устраивают собрания, гуляния и игры. 7 апреля в Меже-парке полиция накрыла подпольное собрание, но это дело не получило огласки. Хожение по улицам Риги «мальчиков» в белых чулках и гитлеровские приветствия являются обычным явлением. Мало того, сам министр иностранных дел на второй день пасхи разгуливал в белых чулках.

Во-вторых, идет усиленная пропаганда идей фашизма и прямой агрессии.

Привожу несколько примеров: 23 марта состоялось празднество «Союза немецкой молодежи», посвященное изучению немецких песен и маршей. Фашистский орган в Латвии «Ригаше Рундшау» от 31 марта, захлебываясь от восторга, писала: (...) «Нет другой нации в мире, которая имела бы такие своеобразные и различные марши»...

13 апреля по случаю 10-летия «Союза немецкой молодежи», открылась выставка. Выставка убрана черно-красными цветами и флагами. «Фюрер» немецкой молодежи Отто Крауз выступил с пространной речью (...)

17 апреля из Аленштейна¹² прибыла группа артистов и гитлеровской молодежи, которая поставила в Риге, Елгаве и Лиепае по несколько спектаклей (...)

И наконец «венцом» подготовки германской агрессии является приезд в Ригу германского военного атташе полковника Рессинга, который, вероятно, получил указание прощупать и подготовить общественное мнение к возможному протекторату Германии над Латвией.

По данным штаба армии, полковник Рессинг приехал в Ригу 17 апреля и попросил, чтобы ему показали Даугавпилский или Лиепайский гарнизоны, при чем просил это устроить поскорей, т.к. у него нет времени и он должен уехать. Штаб решил показать Лепайский гарнизон, что и сделали. Как видите, самое обычное дело. На самом деле Рессинг в Риге жил 8 дней. Во-вторых Рессинг в Лиепае командиру дивизии и офицерам гарнизона предлагал германский протекторат, при чем этот протекторат должен был быть направлен против Советского Союза (...)

Польский военный атташе мне сообщил следующее: «Во время моего разговора с заместителем командира дивизии о посещении Рессинга, последний сообщил мне, что Рессинг приезжал в Лиепаю с политической целью», Рессинг... заявил: «Сейчас особенно напряженное положение и существование малых, независимых стран, сопряжено с большой опасностью, если они не имеют твердой опоры на более могучее государство. Латвии главная опасность грозит с востока, со стороны Советского Союза. Придут большевики, страну разорят и от независимости ничего не останется. Не лучше ли будет Вам сейчас принять протекторат великой Германии? Мы сохраним Вашу самостоятельность и существующий строй в рамках протектората». (...)

Эти факты из разговора Рессинга с офицерами подтвердил литовский военный атташе (...)

«По радио передавали, что Советский Союз Латвию может занять скорее, чем Германия заняла Чехословакию»... Но, наряду со слухами, происходят и конкретные вещи. В настоящий момент в одном из кино театров Риги идет наш кинофильм «На границе». Фильм значительно подрезан, но производит

¹² г. Аленштейн, в 1939 г. территория Восточной Пруссии (Германия).

исключительное впечатление на людей. Достать билет представляет такую же трудность, как на премьеру в большой театр. Хвост очереди тянется по улице, не говоря уже о переполненном зале, тогда как другие кино совершенно пустые. Для просмотра этого фильма, люди приезжают из провинции. Фильм проходит под аплодисменты и возгласы «бей японцев».

В первый день постановки этого фильма, один капитан подходит к директору театра, жмет ему руку и говорит: «Спасибо, поставили во время».

Общее мнение трудящихся — это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: «Лучше Советская власть, чем немцы».

ВЫВОД: Правительство, его верхушка по прежнему тянут латвийский народ в лоно германского фашизма и в критический момент не остановится перед прямым предательством своего народа.

Группа генерала Болодиса стоит на платформе национальной самостоятельности Латвии, рассчитывая на помощь Советского Союза, но пока конкретных мер не принимает и навряд ли на это способна.

Трудящиеся массы стоят за прямое присоединение Латвии к Советскому Союзу.

Во всяком случае Латвия стоит накануне больших событий...

Военный атташе СССР в Латвии полковник ВАСИЛЬЕВ

Верно: ВРИД Начальника отдела внешних сношений

НКО полковник ОСЕТРОВ

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 123–128

Советский проект англо-франко-советского соглашения, 2 июня 1939 г.

Москва, 2 июня 1939 г.

Правительства Великобритании, Франции и СССР, стремясь придать эффективность принятым Лигой наций принципам взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо:

1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо 2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии¹³ относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо 3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета.

Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1.

В случае, если произойдут обстоятельства, создающие, по мнению одной из договаривающихся сторон, угрозу агрессии со стороны какой-либо европейской державы, три государства приступят немедленно к консультации, чтобы изучить обстановку и в случае необходимости установить совместно момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций (...)

Три государства сообщают друг другу тексты всех своих обязательств в духе обязательств, предусмотренных ст. 1, в отношении европейских государств. Если одно из них предусмотрело бы в будущем возможность принять новые обязательства такого же характера, оно предварительно это проконсультирует с двумя другими государствами и сообщит им содержание (текст) принятого соглашения.

Три государства обязуются, в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению.

Настоящий договор вступает в силу одновременно с соглашением, которое должно быть заключено в силу ст. 2.

Настоящий договор будет в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три государства обсудят, желательно ли его возобновить с изменениями или без изменений.

Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 113–115

¹³ Бельгии, Греции, Польше, Румынии и Турции Англия и Франция предоставили гарантии безопасности (См. № 25).

Донесение наркому обороны СССР маршалу Ворошилову об анонимном письме, присланном в полпредство СССР в Берлине 4 июля 1939 г., не ранее 5 июля 1939 г.

« ____ » июля 1939 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВ. ВОРОШИЛОВУ

Представляю перевод анонимного письма, присланного в наше полпредство в Берлине 4 июля 1939 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Перевод на двух листах.

Зам. Народного Комиссара обороны СССР, Начальник 5-го Управления РККА, Герой Советского Союза, комдив ПРОСКУРОВ

ПЕРЕВОД:

«В русское посольство, Берлин НВ7 Унтер ден Линден, 3 июля 1939 г.

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ:

1. Германское правительство приветствовало бы, если правительство СССР обратилось бы к нему с предложениями относительно непосредственного соглашения обоих правительств о будущей судьбе Польши и Литвы.
2. Германское правительство исходит при этом из предположения, что оба правительства питают естественное желание восстановить свои границы 1914 г., т.е. вновь к себе присоединить потерянную третьим державам¹⁴ территорию.
3. Германское правительство считает, что в случае достижения соглашения обоих правительств, ничто не сможет препятствовать непосредственному осуществлению указанного в пункте 2 положения. Сопротивление пострадавших было бы также бесполезно, как и возможное вмешательство третьих.
4. До начала действий с обеих сторон было бы целесообразно установить демаркационную линию, которую ни одна из сторон не должна будет переходить, и линию будущей общей границы.
5. Относительно границ германское правительство имеет в виду небольшое, желательное в интересах национальной обороны, расширение по сравнению с границами 1914 г., а именно — по линии Варты.
6. В качестве компенсации за значительно больший территориальный выигрыш СССР, германское правительство заняло бы Литву.
7. Относительно остальных бывших русских территорий оставалось бы в силе теперешнее положение.
8. Осуществление проекта не только значительно улучшило бы, и во многих отношениях, позицию обоих партнеров, но повлекло бы за собой также и значительное повышение в глазах западных демократий ценности СССР как союзника, ввиду наличия непосредственных границ».

(без подписи)¹⁵

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1237. Л. 389–391

¹⁴ Так в тексте.

¹⁵ По-видимому, это письмо относится к числу зондажных акций, предпринятых немецким руководством летом 1939 г. с целью подготовки соглашения между Германией и СССР о разделе сфер влияния в Восточной Европе.

Из записи беседы временного поверенного в делах СССР в Германии Г. Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой отдела экономической политики Министерства иностранных дел Германии К.-Ю. Шнурре, 26 июля 1939 г.

Берлин, 26 июля 1939 г.

Шнурре развивал следующие мысли по вопросу об улучшении германо-советских отношений... Германия готова предложить СССР на выбор все, что угодно, — от политического сближения и дружбы вплоть до открытой вражды. Германия открывает дверь для разговоров на эту тему. Понимая, что сейчас все державы стоят на распутье, определяя, на какую сторону стать, Германия не желает, чтобы создалось представление, будто она не исчерпала возможностей сблизиться с СССР в столь решающий момент. Она дает СССР эту возможность, но, к сожалению, СССР на это не реагирует...

Я спросил Шнурре, вполне ли он уверен, что все вышесказанное является не только его личной точкой зрения, но отражает также настроения высших сфер.

Неужели Вы думаете, ответил он, что я стал бы говорить Вам все это, не имея на это прямых указаний свыше? Далее он подчеркнул, что именно такой точки зрения держится Риббентроп, который в точности знает мысли фюрера... Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии...

В ответ на мое упоминание о германской экспансии в Прибалтику и Румынию Ш[нурре] сказал:

— Наша деятельность в этих странах ни в чем не нарушает ваших интересов. Впрочем, если бы дело дошло до серьезных разговоров, то я утверждаю, что мы пошли бы целиком навстречу СССР в этих вопросах. Балтийское море, по нашему мнению, должно быть общим. Что же касается конкретно Прибалтийских стран, то мы готовы в отношении их повести себя так, как в отношении Украины. От всяких посягательств на Украину мы начисто отказались (исключая частей, входивших ранее в состав Австро-Венгрии, относительно которых положение неясно). Еще легче было бы договориться относительно Польши...

Чувствуя, что беседа начинает заходить слишком далеко, я перевел ее на более общие темы, заговорив о германских aspirations на Украину и вообще Россию, изложенных в «Майн кампф», где Англия мыслится как союзник Германии.

— Фюрер не отличается упрямством, но прекрасно учитывает все изменения в мировой обстановке. Книга была написана 16 лет тому назад в совершенно других условиях. Сейчас фюрер думает иначе. Главный враг сейчас — Англия...

Я затронул вопрос о Японии, сказав, что мне не вполне ясно, почему Германия пошла на дружбу с Японией, несмотря на то что Китай имеет емкий рынок и огромные запасы необходимого Германии сырья, в то время как дружба с Японией, так же как и с Италией, ничего экономически ценного Германии не даст.

На это Шнурре ответил очень неохотно, как бы давая понять, что мой вопрос попал в болезненное место.

— Дружба с Японией — факт. Но мы считаем, что это не является препятствием для установления дружественных отношений между СССР и Германией. К тому же нам кажется, что отношения между СССР и Японией также могут измениться к лучшему.

В дальнейшем Шнурре повторял в разных вариациях прежние доводы о желательности сближения СССР и Германии, о необходимости начать разговоры на эту тему, поскольку момент сейчас для этого исключительно благоприятный и упущенная ситуация может не повториться. На мои замечания о том, что эти мысли мне приходилось затрагивать в разговорах с германскими деятелями ранее, в течение первых двух лет своего пребывания в Германии, но тогда они ни малейшего сочувственного резонанса не находили, Шнурре не нашел другого ответа, кроме:

— Но теперь вы видите сами, что сочувственный резонанс с нашей стороны обеспечен. Наоборот, сейчас мы не находим резонанса у вас.

Я сказал, что всю беседу не премину подробно сообщить в Москву, но предупредил, что все мысли, развивавшиеся Шнурре, настолько новы и необычны в устах германского официального лица, что я не могу с уверенностью сказать, что в Москве отнесутся к ним вполне серьезно. Память об открыто враждебной политике, проводившейся и провозглашавшейся Германией в отношении нас еще несколько месяцев тому назад, настолько свежа, что обнадеживать Шнурре я не решаюсь. Но, разумеется, я передам эту беседу в Москву возможно более полно и точно...

Астахов

Год кризиса. 1938–1939. М, 1990. Т. 2. С. 136–138

Инструкция народному комиссару обороны СССР К. Ворошилову, Главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции, 7 августа 1939 г.¹⁶

1. Секретность переговоров с согласия сторон.
2. Прежде всего выяснить полномочия о ведении переговоров с англо-французской военной делегацией о подписании военной конвенции, а потом спросить руководителей английской и французской делегаций, есть ли у них также полномочия от своих правительств на подписание военной конвенции с СССР.
3. Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР.
4. Если они ответят, что они направлены для переговоров и для подготовки дела подписания военной конвенции, то спросить их, есть ли у них какой-либо план обороны будущих союзников, т. е. Франции, Англии, СССР и т. д. против агрессии со стороны блока агрессоров в Европе.
5. Если у них не окажется такого плана обороны против агрессии в тех или иных вариантах, что маловероятно, то спросить их, на базе каких вопросов, какого плана обороны думают англичане и французы вести переговоры с военной делегацией СССР.
6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.
7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал.
8. На просьбы о показе французской и английской делегациям оборонных заводов, институтов, воинских частей и военно-учебных заведений сказать, что после посещения летчиком Линдбергом¹⁷ СССР в 1938 г. Советское правительство запретило показ оборонных предприятий и воинских частей иностранцам, за исключением наших союзников, когда они появятся.

Документы внешней политики. Т. XXII. 1939 год. Кн.1. М., 1992. С. 584

Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии Г. Астахова в народный комиссариат иностранных дел СССР, 13 августа 1939 г.

От имени Риббентропа, с которым до этого имел телефонный разговор (Риббентроп находится в Зальцбурге), несмотря на воскресный день, Шнурре вызвал меня из-за города и сообщил следующее: германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее. Оно хотело бы вести переговоры в Германии, но, поскольку мы предпочитаем вести их в Москве, оно принимает и это. Оно желало бы, однако, в этом случае поручить ведение переговоров кому-либо из ближайших доверенных лиц Гитлера, старому члену национал-социалистской партии. Оно считает, что, отправив в Москву такое лицо, оно также дало бы нам доказательство серьезности своих намерений в комиссии улучшить отношения. Такое лицо обменялось бы с вами мнениями по всем интересующим обе стороны вопросам, учитывая и наше пожелание о последовательности. Намекнув, что Шуленбург этими качествами не обладает, Шнурре в качестве примера назвал фамилию Франка, рейхсминистра без портфеля, стоящего во главе юристрейха. Франк — член партии с момента ее основания, участвовал с Гитлером в мюнхенском путче

¹⁶ Англо-франко-советские переговоры военных представителей в Москве начались 12 августа 1939 г. Инструкции были записаны Ворошиловым от руки вероятно под диктовку И. Сталина.

¹⁷ Линдберг Ч. (1902–1974) — известный американский летчик, первым совершивший трансатлантический перелет из США в Европу, противник антинацистской политики президента США Ф. Рузвельта.

1923 г. Шнурре считает, что, поскольку сейчас в Москве в связи с выставкой много иностранцев, поездка даже такого лица могла бы обойтись без особой сенсационности, которая, вообще говоря, нежелательна. Германское правительство очень хотело бы возможно скорее выяснить наше отношение к подобному проекту. Шнурре подчеркнул, что речь может идти вообще о лице подобного калибра, а не только о Франке.

Астахов

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990, С. 209.

Телеграмма временного поверенного в делах Франции в Великобритании Р. Камбона министру иностранных дел Франции Ж. Бонне, 21 августа 1939 г.

Сегодня утром в Форин офисе еще не было известно мнение посла Англии в Москве о подлинном значении подписания германо-советского торгового соглашения¹⁸.

Строго секретно. В настоящий момент Стрэнг¹⁹ отказывается рассматривать этот акт как изменение советской позиции по отношению к нам. Он расценивает подписание скорее как маневр с целью произвести впечатление на Францию и Великобританию и заставить их принять все условия СССР.

Оценки договора английской прессой будут, очевидно, умеренными.

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 303.

Письмо рейхсканцлера Германии А. Гитлера секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину, 21 августа 1939 г.

Господину И.В. Сталину

1. Я искренне приветствую заключение германо-советского торгового соглашения, являющегося первым шагом на пути изменения германо-советских отношений.
2. Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок. Германия, таким образом, возвращается к политической линии, которая в течение столетий была полезна обоим государствам. Поэтому германское правительство в таком случае исполнено решимости сделать все выводы из такой коренной перемены.
3. Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и народным комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.
4. Дополнительный протокол, желаемый правительством СССР, по моему убеждению, может быть, по существу, выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе германское правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок.
5. Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Польское поведение по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться со дня на день. Германия, во всяком случае, исполнена решимости отныне всеми средствами ограждать свои интересы против этих притязаний.
6. Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один день или максимально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 302

¹⁸ Советско-германское торговое соглашение было подписано 18 августа 1939 г. в Москве.

¹⁹ Стрэнг У. (1893–1978) — сотрудник британского МИДа, участвовал в англо-франко-советских дипломатических переговорах летом 1939 г.

Ответ секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру, 21 августа 1939 г.

Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру.

Благодарю за письмо.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 303

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом и секретный дополнительный протокол, 23 августа 1939 г.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ, 23 августа 1939 г.

Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2.

В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья 3.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья 4.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья 6.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 7.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР: В. Молотов

За Правительство Германии: И. Риббентроп²⁰

²⁰ Договор ратифицирован Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в Берлине 24 сентября 1939 г.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ, 23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами.
2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.
Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.
Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.
3. Касательно Юго-Востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.
4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию Правительства СССР: В.Молотов

За Правительство Германии: Риббентроп

Документы внешней политики. М., 1992. Т. 22. Кн. 2. С. 462

Из записей, сделанных начальником генштаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдером на совещании у Гитлера в Бергхофе, 31 июля 1940 г.

Фюрер:

(...) Надежда Англии — Россия и Америка. Если надежда на Россию отпадет, отпадет и Америка, ибо отпадение России в неприятной мере усилит значение Японии в Восточной Азии, Россия — восточноазиатская шпага Англии и Америки против Японии. Вновь дует неприятный для Англии ветер. Японцы, как и русские, дают свою программу, которая должна быть осуществлена в начале войны.

Смотрели русский победный фильм о русской войне!

Россия — это тот фактор, на который более всего ставит Англия. Что-то такое в Лондоне все-таки произошло! Англичане были уже совершенно down²¹, а теперь опять поднялись. Из прослушивания разговоров видно, что Россия неприятно поражена быстрым ходом развития событий в Западной Европе.

России достаточно только сказать Англии, что она не желает усиления Германии, и тогда англичане станут, словно утопающие, надеяться на то, что через 6–8 месяцев дело повернется совсем по-другому.

Но если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия.

Решение: в ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьем это государство одним ударом. Одного лишь захвата определенного пространства недостаточно. Остановка зимой чревата опасностью. Поэтому лучше выждать, но принять твердое решение разделаться с Россией. Это необходимо также и ввиду положения в Балтийском море. Два крупных государства на Балтике не нужны. Итак, май 1941-го, на проведение операции — 5 месяцев. Лучше всего еще в этом году. Но не выходит, так как надо подготовить единую операцию.

Цель: уничтожение жизненной силы России. Подразделяется на:

1. Удар на Киев с примыканием фланга к Днепру. Люфтваффе разрушает переправы у Одессы.
2. Удар по окраинным государствам в направлении Москвы.

²¹ down — от англ. вниз, внизу, т.е. пали, сдались.

В заключение — массированные удары с севера и юга. Позднее — частная операция по захвату нефтяного района Баку.

Насколько велика заинтересованность в Финляндии и Турции, будет видно впоследствии.

Позднее: Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны — нам. Финляндия до Белого моря.

7 дивизий — Норвегия (сделать автаркическими!); 50 дивизий — Франция; 3 дивизии — Голландия, Бельгия — [итого] 60 дивизий

120 дивизий для Востока

Всего: 180 дивизий.

Чем больше соединений мы введем в бой, тем лучше. Мы имеем 120 дивизий плюс 20 находящихся в отпуске. Формирование новых дивизий путем изъятия одного батальона из каждой старой. Через несколько месяцев — снова по одному батальону: тремя этапами взять из дивизий $\frac{1}{3}$ личного состава. Маскировать: Испания, Северная Африка, Англия; новые формирования в зонах, защищенных ПВО. Новые формирования: в Восточном пространстве — 40 дивизий из имеющих боевой опыт солдат. Высказывания фюрера о задуманном урегулировании на Балканах: намеченное урегулирование отношений между Венгрией и Румынией. Затем предоставление Румынии гарантии. (...)

1941 год: В 2 кн. Кн.1/Сост. Л. Е. Решин и др.;

Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 137–138

Директива Гитлера об изменении направления военного производства, 20 августа 1940 г.

Обстановка складывается так, что немедленно требуется преимущественное и комплексное развертывание некоторых ограниченных областей общего военного производства. В связи с этим приказываю:

1. Меры подготовки к материальному обеспечению и комплектованию сил, предназначенных для операции «Зеелёве», выдвинуть — на указанное мною ограниченное время — на первое место.
2. Преимущественное право на срочное обеспечение перед всеми прочими планами вооруженных сил и органов военной экономики предоставить следующим производственным программам:
  - а) **сухопутные войска**: производство ходовой части и вооружения танков типа III и IV; производство противотанкового вооружения нового образца (калибр 50 мм).
  - б) военно-морской флот: производство торпед и торпедных аппаратов для подводных лодок; строительство подводных лодок по программе военного времени.
  - в) **военно-воздушные силы**: производство самолетов марок Мессершмитт-109, Мессершмитт-110, Юнкерс-87, Юнкерс-88, Дорнье-217, Хейнкель-111, Юнкерс-52 и грузовых планеров.

Эти требования входят в рубрику «особая степень срочности» и как таковые имеют преимущество перед всеми прочими, включенными в распоряжение председателя имперского совета обороны от 18.7.1940; между собою перечисленные программы равноправны.

3. Я ожидаю, что необходимые для выполнения перечисленных программ квалифицированная рабочая сила, сырье, машины и производственные мощности будут обеспечены в полном объеме и незамедлительно.

Если не будет других возможностей, то придется пойти на ограничение важных в военном отношении экономических планов, а в самом крайнем случае — и заданий «степени срочности II», выполняемых в интересах самих вооруженных сил.

4. Дополнительные требования на подготовительные меры производственного характера оправданы только в том случае, если их результат может сказаться уже в 1941 г.
5. Начальнику штаба верховного главнокомандования вооруженных сил представить свои соображения по настоящей директиве.

Рейхсмаршала Геринга прошу в соответствии с этими соображениями пересмотреть установленные степени срочности (см. директиву председателя имперского совета обороны от 18. 7. 1940).

6. Необходимые разъяснения по выполнению пунктов 2–4 будут изданы начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 157

План «Барбаросса» (Директива верховного командования вермахта № 21, 18 декабря 1940 г.)

Директива № 21

Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант «Барбаросса».)

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача **военно-воздушных сил** — высвободить такие силы для поддержки сухопутных войск при проведении Восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концентрация усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры военных действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии, особенно против ее морских коммуникаций, отнюдь не ослабевали.

Основные усилия **военно-морского флота** должны и во время Восточной кампании, безусловно, сосредоточиваться против **Англии**.

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.1941 г.

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется таким образом не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

1. В войне против Советской России на флангах нашего фронта мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии.

Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию.

2. Задача Румынии будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах.

3. Финляндия должна прикрывать сосредоточение и развертывание отдельной немецкой северной группы войск (части 21-й армии), следующей из Норвегии. Финская армия будет вести боевые действия совместно с этими войсками.

Кроме того, Финляндия будет ответственна за захват полуострова Ханко.

4. Следует считать возможным, что к началу операции шведские железные и шоссейные дороги будут предоставлены для использования немецкой группе войск, предназначенной для действий на Севере.

III. Проведение операций

А) **Сухопутные силы.** (В соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне.)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Важнейшей задачей 21-й армии и в течение Восточной кампании остается оборона Норвегии.

Имеющиеся сверх этого силы (горный корпус) следует использовать на Севере прежде всего для обороны области Петсамо и ее рудных шахт, а также трассы Северного Ледовитого океана. Затем эти силы должны совместно с финскими войсками продвинуться к Мурманской железной дороге, чтобы нарушить снабжение Мурманской области по сухопутным коммуникациям.

Будет ли такая операция осуществлена силами немецких войск (две-три дивизии) из района Рованиemi и южнее его, зависит от готовности Швеции предоставить свои железные дороги в наше распоряжение для переброски войск.

Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с продвижением немецкого северного фланга наступлением западнее или по обеим сторонам Ладожского озера сковать как можно больше русских войск, а также овладеть полуостровом Ханко.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

С этой целью главный удар наносится из района Люблина в общем направлении на Киев. Одновременно находящиеся в Румынии войска форсируют р. Прут в нижнем течении и осуществляют глубокий охват противника. На долю румынской армии выпадет задача сковать русские силы, находящиеся внутри образуемых клещей.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла.

Б) **Военно-воздушные силы.**

Их задача будет заключаться в том, чтобы, насколько это будет возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях.

Это будет прежде всего необходимо на фронте центральной группы армий и на главном направлении южной группы армий.

Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться или выводиться из строя посредством захвата наиболее близко расположенных к району боевых действий важных объектов (речные переправы) смелыми действиями воздушно-десантных войск.

В целях сосредоточения всех сил для борьбы против вражеской авиации и для непосредственной поддержки сухопутных войск не следует во время операции совершать налеты на объекты военной промышленности. Подобные налеты, и прежде всего против Урала, встанут на порядок дня только по окончании маневренных операций.

В) **Военно-морской флот.**

В войне против Советской России ему предстоит задача, обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море.

После нейтрализации русского флота задача будет состоять в том, чтобы обеспечить полную свободу морских сообщений в Балтийском море, в частности, снабжение по морю северного фланга сухопутных войск (траление мин).

IV. Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию по отношению к нам.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальных сотрудников, участие которых необходимо, следует привлекать к работе как можно позже и знакомить только с частными сторонами подготовки, необходимыми для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности.

Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены.

V. Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях, основанных на настоящей директиве.

О намеченных подготовительных мероприятиях всех видов вооруженных сил и о ходе их выполнения докладывать мне через верховное главнокомандование вооруженных сил.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 86–89

Из доклада о политико-моральной устойчивости Советского Союза и боевой мощи Красной Армии отдела иностранных армий востока генштаба сухопутных войск вермахта, 1 января 1941 г.

Главное командование сухопутных войск.

Генеральный штаб сухопутных войск. IV-й оберквартирмейстер.

Отдел иностранных армий Востока.

(...) *Вооруженные силы* Советского Союза, видимо, должны быть перестроены на новой основе, особенно с учетом опыта финской войны. От большевистской мании величия, от проведения гигантских маневров и крупномасштабных учений Красная Армия возвращается к скрупулезному индивидуальному обучению офицерского и рядового состава.

Командный состав всех степеней (офицеры и сержанты) получает больший вес в обществе. Значительно строже становится дисциплина (упразднение института комиссаров; введение офицерских и сержантских званий; генеральская форма одежды; отдание чести; новые служебные книжки; введение более строгих дисциплинарных взысканий; предписания о ношении формы одежды в правилах поведения в общественных местах).

Все эти меры должны обеспечить постепенное совершенствование Красной Армии во всех областях службы. Однако в России плоды новых методов станут ощутимыми лишь через несколько лет, если не десятилетий. В ближайшее время повсеместно возникнут *серьезные различия* в качестве войск. Части, находящиеся под наблюдением энергичных военачальников высокого ранга, уже вскоре достигнут сдвигов в знаниях и боеспособности. Но крупные провинциальные контингенты армии будут совершенствоваться лишь медленными темпами. Не изменится *русский народный характер*: тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью.

Командиры всех степеней в ближайшее время не будут еще в состоянии оперативно командовать крупными современными соединениями и их элементами. И ныне, и в ближайшем будущем они едва ли смогут проводить крупные наступательные операции, использовать благоприятную обстановку для стремительных ударов, проявлять инициативу в рамках общей поставленной командованием задачи.

Войска, обладающие определенными достоинствами благодаря своей численности и насыщенности огневыми средствами, будут сражаться храбро. Но требованиям *современного наступательного боя*, особенно в области взаимодействия всех родов войск, солдатская масса не отвечает; одиночному бойцу часто будет недоставать собственной инициативы. В *обороне*, особенно заблаговременно подготовленной, Красная Армия окажется выносливой и упорной, сможет достигнуть хороших результатов. Способность выдерживать поражения и оказывать пассивное сопротивление давлению противника в особой мере свойственна русскому характеру.

Сила Красной Армии заложена в большом количестве вооружения, неприязнительности, закалке и храбрости солдата. Естественным союзником армии являются просторы страны и бездорожье.

Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повсеместно ощущаемом недостатке организованности.

Кинцель²²

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 90–91

Из записи обсуждения плана операции «Барбаросса» руководством вермахта с участием Гитлера, 3 февраля 1941 г.

Начальник генерального штаба сухопутных войск докладывает о положении противника: примерно 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий, примерно 30 механизированных дивизий.

Собственные силы примерно равные, но, по данным генерала Кёстринга²³, прежде всего качественно значительно превосходят противника.

Подробности о силе, структуре русских дивизий: важно только то, что и в пехотных дивизиях относительно много танков, но плохих, наскоро собранная техника.

В отношении механизированных дивизий у нас превосходство в танках, стрелках, артиллерии. Качественное превосходство у русских, качественное — у нас.

Артиллерией русские вооружены нормально, но техника неполноценная. Командование артиллерией неудовлетворительное. Намерения русского командования нераспознаваемы. На границе — крупные силы, возможности отступления ограничены, поскольку Прибалтика и Украина жизненно важны для русских с точки зрения продовольственного снабжения. Работы по созданию укреплений ведутся полным ходом, особенно на северном и южном флангах.

Относительно транспортных путей новых данных нет.

Директивы группам армий даны таким образом, чтобы разорвать русский фронт на две части; отходу русских на линию Днепр — Двина будет воспрепятствовано.

Группа армий «Север» и группа армий «Центр» имеют своей задачей совместно с массированными танковыми силами пробиваться тремя танковыми группами (сильнейшая из них — самая южная) через Двину в северно-восточном направлении.

Самая северная группа должна пробиваться в район Чудского озера, а затем продвигаться далее на восток во взаимодействии с обеими другими танковыми группами, наступающими на Смоленск.

Группа армий «Юг» наступает в юго-восточном направлении через Днепр.

Операции групп армий «Север» и «Центр» севернее Припятских болот, а группы армий «Юг» — южнее их проводятся раздельно и самостоятельно. Центр тяжести — на севере, там же — главные силы резерва сухопутных войск. Потребуется взять из числа участвующих в операции «Марита»²⁴ 6 танковых дивизий, в том числе из 1-й линии — 2 учебные дивизии, и еще 2 — из Румынии.<...> Остальное в конечном счете зависит от положения на Балканах (позиция Турции).

Фюрер: когда жребий будет брошен, турки уже ничего не выкинут. Поэтому особой защиты на Балканах не требуется. Первый опасный момент настанет, если Северная Африка будет занята англичанами; тогда они смогут свободными силами вести активные военные действия в Сирии.<...>

Фюрер: с общей диспозицией в принципе согласен.<...>

Фюрер: указывает на то, что оперативное пространство огромно. Окружение войск противника может быть успешным, только если оно является сплошным.<...> Немедленной сдачи Прибалтики, а также Ленинграда и Украины заранее ожидать не следует. Но возможно, что русский, осознав наши оперативные цели, после первого поражения отойдет на широком фронте и где-то дальше на востоке перейдет к обороне за каким-либо естественным препятствием.

В этом случае группа армий «Север», невзирая на остановившихся на востоке русских, прежде всего выполняет свою задачу. Она наносит (благоприятная исходная база) удар в тыл русским без фронтального

²² Кинцель Э. — подполковник, в 1941 г. начальник Отдела иностранных армий Востока (разведки, подчиненной генштабу сухопутных войск вермахта).

²³ Военный атташе посольства Германии в СССР.

²⁴ Операция против Греции (см. также Гл. 2. док. 14).

наступления. Задача: уничтожить крупные части противника, а не заставить его бежать. Это будет достигнуто, если мы самыми крупными силами овладеем флангами, при этом приостановив атаку в центре, а затем, действуя с флангов, заставим противника отдать нам и центр.<...>

Если «Барбаросса» удастся, весь мир затаит дыхание.<...>

Итоги:

1. «Барбаросса»
  - а) Фюрер в общем и целом с представленной разработкой плана операции согласен. При дальнейшей разработке не упускать из виду главную цель: овладеть Прибалтикой и Ленинградом.<...>
  - д) Концентрация и развертывание войск по плану «Барбаросса» маскировать посредством дезинформации относительно осуществления операции «Морской лев» и второстепенной операции «Марита».<...>

1941 год: В 2 кн. Кн. 1/Сост. Л. Е. Решин и др.;
Под ред. В. П. Наумова. М., 1998. С. 591–592

Из записи совещания у начальника отдела обороны страны штаба верховного командования вермахта, 1 мая 1941 г.

Отдел обороны страны Ставка фюрера 1.5.41 г.

1. График «Барбаросса». Фюрер решил:
Начало «Барбаросса» — 22 июня.
С 23 мая — введение в действие плана максимальных перевозок войск. К началу операций резервы главного командования сухопутных войск в предназначенные районы сосредоточения еще не прибыли.
2. Соотношение сил по плану «Барбаросса»:
Полоса «Север»: германские и русские силы примерно равны. Полоса «Центр»: сильное германское превосходство. Полоса «Юг»: русское превосходство.
3. Русское сосредоточение и развертывание: дальнейшие крупные передвижения войск к германо-русской границе.
4. Оценка реализации плана «Барбаросса» главнокомандующим сухопутными войсками.
Предположительно, ожесточенные приграничные сражения, продолжительность — до 4 недель. В дальнейшем же ходе операций можно рассчитывать только на более слабое сопротивление.
Оценка русского солдата:
Русский будет обороняться там, где он поставлен, до последнего.
5. Совещания с Финляндией:
Результаты утверждены фюрером согласно документу от 28.4.1941 г.
6. Совещания с Венгрией возможны лишь в последней декаде мая. Фюрер считает, что Венгрия готова к оборонительным мерам на русской границе, но использование германских войск с венгерской территории не допускается.
7. Совещания с Румынией станут возможны только впоследствии.
8. Маскировка на совещаниях с дружественными странами: якобы речь идет о намеченном германском наступлении на Западе, а потому на Восточном фронте должны быть приняты меры предосторожности. Участие дружественных стран в чисто оборонительных мерах.
9. Иберийский полуостров:
Фюрер рассчитывает на высадку англичан в Португалии, расширение предполья в Гибралтаре и éventуально создание авиационных баз в Марокко.
10. Распределение сил:
Предусмотрено:
для Греции — 3 дивизии, из них 1 для захвата Крита.
для Югославии — 4 охранные дивизии 15-го эшелона.
для Запада — 30 дивизий и 5 охранных дивизий 15-го эшелона (...).
13. Затребовать через отдел обороны страны (I / IV) предложения главного командования сухопутных войск по оккупации Греции; при этом Афины будут временно находиться в немецких руках.<...>

1941 год: В 2 кн. Кн. 2/Сост. Л. Е. Решин и др.;
Под ред. В. П. Наумова. М., 1998. С. 146–147

Из приложения к приказу командующего 4-й танковой группой генерала Э. Гепнера в связи с предстоящими боевыми действиями на востоке, 2 мая 1941 г.

Ведение боя.

А. Основные положения.

Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это — давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму.

Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника. Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...

Гёпнер

1941 год: В 2 кн. Кн. 2/ Сост. Л. Е. Решин и др.;

Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 151

Телеграмма германского посла в Москве Ф. Шуленбурга в МИД Германии, 2 мая 1941 г.

Содержание: слухи о германо-русском военном столкновении. Секретно!

Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрестанно поступают сюда из Германии и если каждый прибывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты.

Шуленбург

1941 год: В 2 кн. Кн. 2/ Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова.

М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 151

Запись о совещании членов экономического штаба «Восток» при правительстве Германии²⁵ относительно использования в будущем оккупированных областей СССР, 2 мая 1941 г.

Совершенно секретно.

Только для командования.

Отпечатано 2 экз.

1. Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России.
2. При этом несомненно: если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей обречены на голод.

²⁵ Еще до начала войны против СССР германское руководство начало разработку планов экономического ограбления СССР. Экономический раздел плана нападения на СССР получил кодовое название «Ольденбург», для осуществления которого был создан также одноименный экономический штаб. Основные идеи этого раздела были детализированы в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (т. н. «Зеленая папка» Г. Геринга), дополненные после начала войны распоряжениями фашистских чиновников и военных руководителей. На базе штаба «Ольденбург» Герингом в начале 1941 г. был создан т. н. экономический штаб «Восток».

3. Наиболее важен сбор и вывоз урожая масличных культур и приготовленных из них продуктов питания; лишь на втором месте злаковые. Жиры и мясо, видимо, пойдут на продовольственное обеспечение войск.
4. Из промышленных предприятий можно будет восстановить только такие, которые производят дефицитную продукцию, например:
  - заводы по строительству средств транспорта,
  - заводы по строительству сооружений, используемых в различных областях снабжения (имеются в виду стальные сооружения),
  - текстильные предприятия,
  - из числа военных предприятий — только такие, каких недостает в Германии.Разумеется, для нужд войск будет организовано много ремонтных мастерских.
5. Для освоения больших территорий между железными дорогами необходимы специальные войска. Возможно сюда будут брошены отряды имперской трудовой повинности или дополнительные формирования сухопутных войск. Необходимо выяснить наиболее важные в экономическом отношении районы, чтобы организовать их охрану.

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 28

Из распоряжения начальника штаба верховного командования вооруженных сил Германии по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза, 12 мая 1941 г.

(...) 1. Вторая фаза дезинформации противника начинается с введением максимально уплотненного графика движения эшелонов 22 мая. В этот момент усилия высших штабов и прочих участвующих в дезинформации органов должны быть в повышенной мере направлены на то, чтобы представить сосредоточение сил к операции «Барбаросса» как широко задуманный маневр с целью ввести в заблуждение западного противника. По этой же причине необходимо особенно энергично продолжать подготовку к нападению на Англию. Принцип таков: чем ближе день начала операций, тем грубее могут быть средства, используемые для маскировки наших намерений (сюда входит и работа службы информации) (...)

Кейтель

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 120

Из указаний верховного командования вермахта об обращении с политическими комиссарами, 6 июня 1941 г.

В борьбе с большевизмом нельзя рассчитывать на соблюдение врагом принципов человечности или международного права. Следует ожидать, особенно со стороны политических комиссаров всех рангов как носителей сопротивления, зверское, жестокое, бесчеловечное обращение с нашими военнопленными.

Войска должны сознавать:

1. В этой борьбе пощада и основанное на принципах международного права снисхождение в отношении этих элементов являются ошибочными действиями. Они вредны для собственной безопасности и для быстрого умиротворения захваченных областей.
2. Зачинщиками варварских азиатских методов борьбы являются политические комиссары. Поэтому против них необходимо действовать со всей строгостью, немедленно и без рассуждений. Отсюда вытекает, что если они будут схвачены в бою или при оказании сопротивления, то, как правило, их необходимо немедленно уничтожать, применяя оружие.

В остальном действуют следующие положения:

Территория боевых операций

1. С политическими комиссарами, которые противятся нашим войскам, необходимо обращаться в соответствии с требованиями «Приказа о военной подсудности в районе операции „Барбаросса“». Это

относится к комиссарам всех степеней и рангов, если они даже лишь заподозрены в сопротивлении, саботаже или в подстрекательстве к ним.

Основой являются «Указания о поведении войск в России».

2. Политические комиссары как представители руководства войск противника опознаются по особому знаку на рукавах — красной звезде с золотым изображением серпа и молота. Их следует немедленно, то есть еще на поле боя, отделять от других военнопленных. Это необходимо для того, чтобы лишить их возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары не признаются военнослужащими; на них не распространяются положения международного права о военнопленных. После того как они отделены, их необходимо уничтожить.
3. Политических комиссаров, которые не проявляют враждебных действий и не заподозрены в них, вначале не следует трогать. Только с дальнейшим продвижением в глубь страны станет возможным решить, оставить ли таких деятелей на месте или передать их специальным командам. Необходимо, чтобы перепроверку последние проводили сами (...).
4. Все указанные выше мероприятия не должны задерживать осуществление боевых операций. Поэтому боевым частям планомерных акций по проверке и обезвреживанию не проводить.

В расположении тыла сухопутных войск

Комиссары, схваченные в расположении тыла сухопутных войск за сомнительные действия, должны передаваться зондергруппам и зондеркомандам службы безопасности (СД).

Ограничения для военных трибуналов и военно-полевых судов

Военным трибуналам и военно-полевым судам при командирах полков и других частей, соединений и объединений исполнение мероприятий, указанных в разделах I и II, не поручать...

Дополнение главнокомандующего сухопутными войсками вермахта 8 июня 1941 г.

Содержание: Обращение с политическими комиссарами. Дополнения:

К разделу I, пункт 1:

Предпосылкой к принятию мер в отношении каждого политического комиссара являются открыто проявляемые или замышляемые действия или отношение со стороны подвергаемого этим мерам, направленные против немецких вооруженных сил.

К разделу I, пункт 2:

Казнь политических комиссаров после их отбора из общей массы военнопленных в войсках вне зоны боевых действий, незаметно, по приказу офицера.

Браухич²⁶

1941 год: В 2 кн. Кн. 2/Сост. Л. Е. Решин и др.;

Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 325–327

Директива начальника штаба верховного командования вооруженных сил Германии по вопросам пропаганды в период нападения на Советский Союз, 6 июня 1941 г.

Отдел пропаганды № 144/41

1. Окончательной и полной ориентировки относительно пропаганды против Советского Союза в настоящий момент дать еще нельзя, поскольку вполне вероятно, что еще до начала военных действий политические события натолкнут нас на особенно эффективные новые пути ведения пропагандистской работы.

²⁶ Браухич В. (1881–1948), генерал-фельдмаршал немецкой армии 1940 г. В 1938–1941 главнокомандующий сухопутными войсками вермахта.

Поэтому изложенные ниже основные указания по пропаганде могут быть впоследствии дополнены. В принципе уже сейчас можно сказать следующее:

- а) противником Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское Советское правительство со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистическая партия, предпринимающая усилия, чтобы добиться мировой революции;
- б) по отношению ко всему населению подчиненной им территории Советы всегда проводили и проводят политику ничем не ограниченного насилия. Ссылаясь на этот факт, необходимо подчеркивать, что германские вооруженные силы пришли в страну не как враг, что они, напротив, стремятся избавить людей от советской тирании, но что германским войскам — в случае сопротивления и со стороны небольшевистских элементов — придется принять меры к его преодолению, где бы и кем бы оно ни оказывалось;
- в) следует разъяснять, что германские вооруженные силы будут точно так же вынуждены преследовать по всей строгости законов военного времени всех тех, кто попытается шпионажем, диверсиями или противоречащим международному праву использованием оружия нанести ущерб германским войскам и тем самым оказать поддержку Советам;
- г) пропаганда должна вообще способствовать распадению Советского Союза на отдельные государства. Но на первом этапе вести ее по этой линии не следует. Правда, в различных частях страны немецкие органы пропаганды должны пользоваться тем языком, который здесь наиболее употребителен; однако отдельные пропагандистские материалы не должны преждевременно привести население к мысли о нашем намерении расчленить Советский Союз. Во всяком случае, следует избегать выражений «Россия», «русские», «русские вооруженные силы» и т. п., заменяя их выражениями «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная Армия» и т. д.;
- д) в дальнейшем будет особенно важно доказать населению, что каждый должен оставаться на своем рабочем месте, поскольку грабеж, разбазаривание продовольствия и фуража, разрушение машин и хозяйственных заведений неотвратимо приведут к обнищанию и голоду. Следует пояснять, что по тем же экономическим причинам нельзя немедленно разделить землю и уничтожить коллективные хозяйственные предприятия, хотя эти меры запланированы на будущее; что немедленное изменение форм организации экономики углубило бы вызванные войной нарушения хозяйственных процессов и нанесло бы ущерб всему населению...

По поручению: Йодль

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 193–194

Из директивы верховного командования вермахта №32 о подготовке к периоду после осуществления плана «Барбаросса», 11 июня 1941 г.

Директива № 32

Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса»

- А) После **разгрома вооруженных сил Советской России** Германия и Италия будут господствовать в военном отношении на всем европейском континенте, исключая временно Пиренейский полуостров. Какой-либо серьезной угрозы с суши для европейской территории уже не будет существовать. Для ее защиты и проведения будущих наступательных операций понадобится значительно меньше сухопутных войск, чем нам требовалось до настоящего времени. Основные усилия в военном производстве могут быть сосредоточены на обеспечении военно-морских и военно-воздушных сил.
- Б) Исходя из обстановки, которая должна сложиться в результате победоносного завершения похода на Восток, перед вооруженными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 г. следующие стратегические задачи.
  1. Освоение, охрана и экономическое использование при полном содействии вооруженных сил **завоеванного пространства на Востоке**.
Какие силы потребуются для несения охраны на русской территории, точно определить можно лишь позднее. По всей вероятности, для выполнения дальнейших задач на Востоке будет достаточно 60 дивизий и одной воздушной армии наряду с войсками союзных и дружественных стран.
  2. Продолжение борьбы против **английских позиций на Средиземном море и на Ближнем Востоке путем** концентрического наступления, которое планируется провести из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию, а также, в зависимости от обстановки, из Закавказья через Иран.

- а) В *Северной Африке* задача состоит в том, чтобы захватить Тобрук и тем самым обеспечить возможность продолжения наступления германо-итальянских войск на Суэцкий канал. Это наступление надлежит подготовить примерно к ноябрю (...).
- б) Ввиду ожидаемых попыток англичан усилить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке для защиты Суэцкого канала необходимо наметить проведение германскими вооруженными силами операции *из Болгарии через Турцию*, чтобы нанести удар по позициям англичан в районе Суэцкого канала также с Востока.
Для этой цели следует предусмотреть, чтобы в Болгарии как можно раньше (!) были сосредоточены войска, достаточные для того, чтобы сделать Турцию послушной в политическом отношении или сломить ее сопротивление силой оружия.
- в) После того как крах Советского Союза создаст соответствующие условия, необходимо будет далее бросить моторизованный экспедиционный корпус *из Закавказья в Ирак* в дополнение к операциям, предусмотренным в пункте б.
- г) Использование арабского национально-освободительного движения. Положение англичан на Среднем Востоке при проведении крупных немецких операций станет тем затруднительнее, чем больше они будут в нужное время скованы очагами волнений и восстаниями. Все служащие этой цели военные, политические и пропагандистские мероприятия потребуют теснейшего согласования (...).
3. **Блокирование западного входа в Средиземное море путем захвата Гибралтара.**
Подготовка операции «Феликс», которая была уже в свое время запланирована, должна быть возобновлена в полном масштабе, когда боевые действия на Востоке будут близки к завершению. При этом можно рассчитывать, что неоккупированная французская территория будет находиться в нашем распоряжении, если не для переброски немецких войск, то, во всяком случае, для тыловых перевозок. Возможно также содействие со стороны французских военно-морских и военно-воздушных сил (...).
Оборона атлантического побережья Северной и Западной Африки, захват английских владений в Западной Африке и территории, контролируемой де Голлем, представляется французам, которые в ходе развития боевых действий будут получать необходимые подкрепления (...).
4. Наряду с этими возможными операциями против британских позиций на Средиземном море, после завершения похода на Восток, в полном масштабе должна быть возобновлена военно-морскими и военно-воздушными силами «осада Англии».
Всем планам в области военного производства, служащим этой цели, должен быть предоставлен приоритет в рамках общей программы вооружения. В то же время необходимо максимально усилить противовоздушную оборону Германии. Подготовка высадки в Англию должна служить двойной цели: сковать силы англичан в метрополии, а также вызвать и завершить наметившийся развал Великобритании.
- В) Время начала запланированных операций в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке определить пока нельзя. Наибольший оперативный эффект обеспечило бы по возможности одновременное начало наступления на Гибралтар, Египет и Палестину (...).
- Г) Прошу господ главнокомандующих в соответствии с этими предварительными замыслами составить планы, провести соответствующую организационную подготовку и своевременно доложить мне о результатах, чтобы я мог разработать окончательные директивы уже во время похода на Восток.

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 47–49

Выдержки из донесения военного атташата США в Москве о возможных направлениях агрессии против Советского Союза, 19 июня 1941 г.

Военный департамент, Генеральный штаб, Управление военной разведки

Донесение военного атташе в СССР

Предмет: военная география

(...) С точки зрения географии, климата, сети железных дорог, шоссейных дорог, а также принимая во внимание опыт похода на Москву Наполеона, Первой мировой войны и недавних событий, вторжение в Европейскую часть России может быть осуществлено по следующим маршрутам:

Северному — от Мурманска на Москву...

Южному — через Кавказ...

Западному.

На западном направлении существуют две основных линии вторжения: (1) от Варшавы на Минск — на узком фронте; и (2) от Кракова на Киев — на широком фронте. (Третий путь от Будапешта на Киев или Одессу, во многом зависит от погодных условий; возможность захвата в этом случае Киева также под сомнением. На этом пути лежат такие крупные реки как Прут, Днестр, Буг и Днепр, хотя первые три из них могут быть легко преодолены в течении июля-августа).

Преимущество линии Варшава — Минск состоит в том, что здесь находятся железные дороги, шоссе. Прорыв к Минску откроет механизированным частям свободный путь к Москве по хорошим дорогам. Недостаток этой линии в том, что Припятские болота на юге и болота на севере, сокращают фронт прорыва всего до 120 миль в ширину. Однако этот путь с успехом был использован Наполеоном в 1812 г. и германскими войсками в 1914 г.

Линия в направлении Киева представляется наиболее важной. Киев является ключевым пунктом всего наступления против СССР. Ширина фронта здесь достигает 300 миль, и местность не изобилует какими-то серьезными естественными препятствиями. Захват Киева даст возможность совершить дальнейшее продвижение на северо-восток, восток и юго-восток. Качество дорог удовлетворительное.

В дополнение к указанным маршрутам можно также отметить возможное продвижение войск от Кенигсберга на Ригу, а также высадку десантных частей в самом Рижском заливе.

Использование всех этих маршрутов эффективной армией, с направлением главного удара на Киев, может поставить Красную Армию на колени за очень непродолжительное время (при условии, что удар будет произведен уже в этом году).

Подготовлено: Джозеф А. Митчел, майор, помощник военного атташе

Передано: Иван Д. Итон, майор, военный атташе

National Archive of United States (Archive II).

RG 165. Entry 77. Box 3077

Из закона Верховного Совета Союза ССР «О всеобщей воинской обязанности», 1 сентября 1939 г.²⁷

(...) Статья 1. Всеобщая воинская обязанность является законом. Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР (статья 132 Конституции СССР).

Статья 2. Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР...

...Статья 3. Все мужчины — граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения, обязаны отбывать военную службу в составе вооруженных сил СССР (...).

История Советской Конституции (в документах) 1917–1956. М., 1957. С. 805

Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года

Господин посол,

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

²⁷ Закон «О всеобщей воинской обязанности» завершил перевод Вооруженных Сил на кадровое положение.

Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов

*Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы/
Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Моск. рабочий, 1991. С. 106–107*

Германо-советское коммюнике, 18 сентября 1939 г.

Сообщение ТАСС: Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования.

*Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы/
Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Моск. рабочий, 1991. С. 110–111.*

Информация народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берия народному комиссару обороны СССР маршалу К. Ворошилову о позиции правительства Великобритании в отношении Советского Союза, 23 сентября 1939 г.

23 сентября 1939. Сов. секретно

Резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил, что 20 сентября с.г. Министерство Иностранных Дел Англии послало телеграмму всем английским посольствам и пресс-атташе, в которой указывает, что Англия не только не намерена объявлять Советскому Союзу войну сейчас, но должна оставаться в возможно лучших отношениях. В связи с этим, вся проводимая в данное время этими посольствами антисоветская пропаганда должна быть прекращена.

Английский посол в Москве СИДС в своей телеграмме Министерству иностранных дел Англии выдвинул следующие пункты:

1. Английское правительство должно пригласить в Лондон советскую делегацию для переговоров о заключении нового торгового соглашения.
2. Англичане не должны препятствовать советскому судоходству в морях.
3. По мнению СИДСа, немцы не знали о предполагаемом вступлении Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию.
4. Советский Союз принимает все меры к остановке дальнейшей немецкой экспансии, но воевать с Германией не будет.
5. По его сведениям, немцы настойчиво добиваются того, чтобы Англия объявила войну Советскому Союзу.

Одновременно СИДС отмечает, что по всем этим вопросам американский посол в Москве держится такого же мнения и послал в Вашингтон соответствующий доклад.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА С.С.Р. Л. БЕРИЯ

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235. Л. 91–92

Германо-советский договор о дружбе и границе, 28 сентября 1939 г.

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту²⁸ и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе стороны признают установленную в статье I границу обоюдных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания. Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР
За Правительство Германии

В. Молотов
И. Риббентроп

ПРИЛОЖЕНИЯ К ГЕРМАНО-СОВЕТСКОМУ ДОГОВОРУ О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Правительство СССР не будет создавать никаких препятствий на пути имперских граждан и других лиц германского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере его интересов, если они пожелают переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере интересов. Оно согласно с тем, что подобные перемещения будут производиться уполномоченными Правительства империи в сотрудничестве с компетентными местными властями и что права собственности эмигрантов будут защищены.

Аналогичные обязательства принимаются Правительством Германии в отношении лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих на территориях, находящихся под его юрисдикцией.

Москва, 28 сентября 1939 г.

За Правительство Германии
По уполномочию Правительства СССР

И. Риббентроп
В. Молотов

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители заявляют о соглашении Правительства Германии и Правительства СССР в следующем:

²⁸ Карты не публикуются.

Секретный дополнительный протокол, подписанный 23 августа 1939 г., должен быть исправлен в пункте 1, отражая тот факт, что территория Литовского государства отошла в сферу интересов СССР, в то время, когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу интересов Германии (см. карту, приложенную к договору о дружбе и границе, подписанному сегодня). Как только Правительство СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов, настоящая германо-литовская граница, с целью установления естественного и простого пограничного описания, должна быть исправлена таким образом, чтобы литовская территория, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на приложенной карте, отошла к Германии.

Далее заявляется, что ныне действующее экономическое соглашение между Германией и Литвой не будет затронуто указанными выше мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР
За Правительство Германии

В. Молотов
И. Риббентроп

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключении германо-русского договора о дружбе и границе, заявляют о своей согласии в следующем:

Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

Москва, 28 сентября 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР
За Правительство Германии

В. Молотов
И. Риббентроп

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В.М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон-дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 г. и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте.
2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительство Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысяч германских марок.
Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно: 3 937 500 германских марок, поставками цветных металлов в течении трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27 562 500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 г. на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А.И. Микояном и Председателем Германской экономической делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 г. о взаимных товарных поставках на второй договорной период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 г. между Союзом ССР и Германией».
3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и в двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

Москва, 10 января 1941 г.

По уполномочию Правительства СССР
За Правительство Германии

В. Молотов
Ф. Шуленбург

Приказ наркома обороны СССР о наложении взысканий на командование 6-й армии, командиров ряда частей за незаконные действия на территории Западной Украины, 10 ноября 1939 г.

16 октября на имя т. Сталина и мое поступило письмо военного прокурора 6-й армии т. Нечипоренко о неправильных действиях некоторых лиц начальствующего состава во время военных событий на территории Западной Украины.

По моему приказанию Политическое управление Красной Армии произвело расследование и установило, что в 6-й армии во время военных действий имели место случаи расправы над офицерами и чинами полиции бывшего польского государства, а также над отдельными лицами из гражданского населения.

Военный совет 6-й армии в лице командующего армией комкора т. Голикова²⁹ и члена Военного совета бригадного комиссара т. Захарычева не только не вел достаточной борьбы с этими проявлениями произвола, но и сам 20 сентября 1939 г. принял поспешное необдуманное постановление.

Получив донесение о действиях банды, состоящей из жандармов, офицеров и польских буржуазных националистов, устроившей в тылу наших войск резню украинского и еврейского населения, Военный совет дал ошибочную, неконкретную, а потому недопустимую директиву: «Всех выявленных главарей банды погромщиков подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять в течение 24 часов». На основании этого постановления были расстреляны 9 человек.

Военный совет 6-й армии вместо того, чтобы поручить органам военной прокуратуры расследовать все факты контрреволюционной деятельности захваченных лиц и предать их в установленном порядке суду Военного трибунала, вынес общее постановление о расстреле главарей банды без поименного перечисления подлежащих расстрелу. Подобные решения Военного совета 6-й армии могли быть поняты подчиненными как сигнал к упрощенной форме борьбы с бандитами.

В частях 2-го конного корпуса, входящего в состав 6-й армии, зарегистрировано, например, до 10 случаев самочинных действий начсостава разных степеней в отношении задержанных польских бандитов.

Учитывая, что в поступках виновных в незаконных действиях не было преднамеренной злой воли, что все это происходило в обстановке боевых действий и острой классовой и национальной борьбы местного украинского и еврейского населения с бывшими польскими жандармами и офицерами и что отданное распоряжение явилось результатом ошибки и недопонимания, приказываю:

1. Обратить внимание всего начсостава на недопустимость повторения в будущем всяких самочинных действий, противоречащих духу и уставам Красной Армии.
2. За вынесение поспешных, необдуманных постановлений, противоречащих установленным порядкам в Красной Армии, Военному совету 6-й армии комкору т. Голикову и бригадному комиссару т. Захарычеву объявляю выговор.
3. Непосредственно виновным в незаконных действиях командиру 131-го кавполка майору т. Дедеоглу, младшему политруку 131-го кавполка т. Черкасову, лейтенанту того же полка т. Кольцову, комиссару отдельного дивизиона связи 2-го конного корпуса старшему политруку т. Безносенко объявляю выговор.
4. Военному совету Украинского фронта установить остальных лиц, непосредственно виновных в самочинных действиях в 6-й армии, и наложить на них дисциплинарные взыскания своей властью, донеся мне об исполнении.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза К. Ворошилов

*Русский архив: Великая Отечественная:
Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). — М.: ТЕРРА, 1994: С. 125*

²⁹ Голиков Ф.И. (1900–1980). В сентябре 1939 г. — командующий 6-й армией, участвовавшей в освобождении Зап. Украины. С июля 1940 г. — зам нач. генштаба РККА, нач. Гл. разведывательного управления. В годы Великой Отечественной войны командующий войсками армий, фронтов; с мая 1943 г. — начальник Гл. управления кадров РККА, а с окт. 1944 г. одновременно уполномоченный СНК по делам репатриации граждан СССР.

Информация Коминтерна о настроениях в Германии в связи с заключением советско-германского пакта, 23 ноября 1939 г.

СЕКРЕТНО!

Мы получаем от наших товарищей из страны сообщений о настроениях в различных кругах населения. Ниже — несколько выдержек из этих сообщений.

У[льбрихт]³⁰

Сообщение из Эльбинга в Восточной Пруссии: Настроение гражданского населения очень подавленное и сильно контрастирует с позицией членов партии и молодых солдат. Гражданское население боится, что война продлится долго. Этот страх не прошел и после вступления русских в Польшу. В целом, люди полагают, что русские когда-нибудь выступят и против Гитлера.

Почти вся молодежь Эльбинга в армии. Настроение призванных молодых солдат весьма уверенное. Еще больше уверены в победе те из них, кто вернулся из Польши. Они считают, что война будет недолгой и закончится победой Германий.

После заключения германо-советского пакта отношение к нему характеризовалось замешательством. Сначала многие трудящиеся отмечали противоречие между прежней лживой пропагандой против Советского Союза и ныне опубликованными фактами. Они обращали внимание на то, что согласно этим фактам все сказанное против Советского Союза является ложью. Некоторые социал-демократы говорили: теперь и ваш Советский Союз, на который мы еще надеялись, также оставил нас в беде. Постепенно проблемы становились более ясными.

«Я никогда не ждал, что Советский Союз будет таскать каштаны из огня для западных империалистов. Но почему тогда пакт о ненападении?» Когда этот социал-демократ получил основательную информацию, он написал: «Теперь я весьма уверен в победе. Только прочитал книгу Макса Зейдевица, как началась война. Я все понял. Польша, которая должна была расширить пропасть между немецким народом и Советским Союзом, становится мостом. Теперь речь идет о борьбе социализма против западных капиталистических держав». (Коммунисты, сидящие в немецкой тюрьме:) «Пакт был неожиданным лишь в первый момент. Он правилен и ускоряет ход событий»

Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. до 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 194–195

Нота Советского правительства по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями в Майниле, 26 ноября 1939 г.³¹

26 ноября, вечером, народный комиссар иностранных дел СССР тов. В. М. Молотов принял посланника Финляндии г-на Ирие-Коскинен и вручил ему ноту Правительства СССР по поводу провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Принимая ноту, г-н Ирие-Коскинен заявил, что он немедленно снесется со своим правительством и даст ответ. Ниже приводится текст ноты.

«Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 25 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии около села Майнила, были неожиданно

³⁰ Ульбрихт В. (1893–1973) — деятель германского и международного коммунистического движения. 1928–1943 — кандидат в члены исполкома Коминтерна. 1943–1945 участвовал в работе Национального комитета «Свободная Германия». Один из основателей Социалистической единой партии Германии. Генеральный секретарь СЕПГ (1950–1953), первый секретарь ЦК СЕПГ (1953–1971) Председатель Госсовета ГДР с 1960 г.

³¹ В 1938–1939 гг. СССР стремился заключить с Финляндией договор о взаимопомощи, который гарантировал безопасность Ленинграда и предотвращал использование финской территории иностранными войсками. Москва рассчитывала также, на основе взаимного соглашения, получить в аренду или в обмен на часть Восточной Карелии ряд о-вов, а также перенести в западном направлении границу на Карельском перешейке. Советско-финские переговоры 1939 г. закончились безрезультатно. Обострение отношений достигло кульминации после т.н. «майнильского инцидента» 26 ноября 1939 г.. 28 ноября Советское правительство денонсировало договор с Финляндией о ненападении от 1932 г., а 30 ноября были начаты военные действия.

обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых, и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела.

Советское правительство, ставя Вас об этом в известность, считает нужным подчеркнуть, что оно уже во время недавних переговоров с гг. Таннером и Паасикиви указывало на опасность, которую создает сосредоточение большого количества регулярных финляндских войск у самой границы под Ленинградом. Теперь, в связи с фактом провокационного артиллерийского обстрела советских войск с финляндской территории, Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам.

Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места.

Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20–25 километров и тем предотвратить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов
26 ноября 1939 г.»

*Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы/
Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Моск. рабочий, 1991. С. 155–156*

Нота финляндского Правительства в ответ на заявление Молотова, 26 ноября 1939 г.

«Господин народный комиссар!

В ответ на Ваше письмо от 26 с. м. имею честь, по распоряжению моего правительства, довести до Вашего сведения нижеследующее:

В связи с якобы имевшим место нарушением границы финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает Ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной стороны, близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где разрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии 800 метров от границы, за открытым полем.

На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора-двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам, занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне, и повлекшем за собою, согласно Вашему сообщению, человеческие жертвы. Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором Вы говорите, был совершен не с финляндской стороны.

В Вашем письме Вы сослались также на заявления, сделанные гг. Паасикиви и Таннеру во время их пребывания в Москве относительно опасности сосредоточения регулярных войск в непосредственной близости к границе, близ Ленинграда. По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в непосредственной близости к границе с финляндской стороны расположены главным образом пограничные войска; орудий такой дальности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе.

Хотя и не имеется конкретных мотивов для того, чтобы согласно Вашему предложению отвести войска с пограничной линии, мое правительство тем не менее готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы.

Я принял с удовлетворением Ваше сообщение, из которого явствует, что правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место по утверждению Вашего

письма. Я счастлив тем, что имел возможность рассеять это недоразумение уже на следующий день по получении Вашего предложения. Однако для того чтобы на этот счет не осталось никакой неясности, мое правительство предлагает, чтобы пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года.

Примите, господин народный комиссар, заверения в моем глубочайшем уважении.

Посол Финляндии в СССР А. С. Ирие-Коскинен».

Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы/ Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Моск. рабочий, 1991. С. 156–158

Сообщение ТАСС об образовании «Народного правительства» Финляндии, 1 декабря 1939 г.

Сообщение ТАСС: Ленинград, 1 декабря.

Сегодня в гор. Териоки по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии — народное правительство Финляндской Демократической Республики³². В состав народного правительства вошли: Отто Куусинен — председатель правительства и министр иностранных дел, Маури Розенберг — министр финансов, Аксел Антила — министр обороны, Тууре Лехен — министр внутренних дел, Армас Эйкия — министр земледелия, Инкери Лехтинен — министр просвещения, Пааво Прокконен — министр по делам Карелии.

Народное правительство выпустило декларацию с изложением своей программы.

Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941: Документы и материалы/ Сост. Ю. Фельштинский. — М.: Моск. рабочий, 1991. С. 160

Телеграмма И. Сталина начальнику главного политического управления РККА Л. Мехлису³³ относительно оперсводки финского командования об уничтожении 44-й дивизии Красной Армии, 9 января 1940 г.

МЕХЛИСУ

Белофинны опубликовали свою оперсводку, где сказано: «Цель боев последних дней в секторе Суомусалми полностью достигнута уничтожением 44-й дивизии Красной Армии. Взято в плен более 1.000 человек и захвачено 102 орудия, 1.170 лошадей и 43 танка».

Сообщите первое — соответствует ли действительности эта оперсводка, второе — где военсовет и штаба 44 дивизии, чем объясняют они свое позорное поведение, почему бросили дивизию на произвол судьбы, третье, почему военсовет 9 армии набрал воды в рот и не сообщает нам о размерах потерь и причинах поражения этой дивизии. Ждем ответа.

СТАЛИН³⁴

US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection».; ЦАМО. Ф. 5. Он. 176705 сс. Д. 1. Л. 25

³² Народное правительство Финляндии под председательством члена ЦК ВКП(б) О. Куусинена было сформировано по решению советского руководства.

³³ Мехлис Л.З. (1889–1953), генерал-полковник (1944). В 1937–1940 и в 1941–1942 начальник ГлавПУ РККА. В мае 1942 г. — представитель Ставки ВГК на Крымском фр. В 1942–1945 гг. — член Военных советов армии и фронтов.

³⁴ В ходе боев с финской армией в декабре 1939 — январе 1940 г. 44-я, 163-я дивизии и ряд др. частей 9-й армии понесли большие потери, были полностью, либо частично охвачены противником и вынуждены были с боем прорываться из окружения.

Мирный договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой, 12 марта 1940 г. (извлечения)

Статья 1. Военные действия между СССР и Финляндией прекращаются немедленно в порядке, предусмотренном прилагаемым к настоящему договору протоколом.

Статья 2. Государственная граница между СССР и Финляндской Республикой устанавливается по новой линии, по которой в состав территории СССР включаются весь Карельский перешеек с городом Выборгом (Вишпури) и Выборгским заливом с островами, западное и северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольмом, Сорта-вала, Суоярви, ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркярви с гор. Куоляярви, часть полуостровов Рыбачьего и Среднего (...).

Статья 3. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья 4. Финляндская Республика выражает согласие сдать Советскому Союзу в аренду с ежегодной уплатой Советским Союзом 8 миллионов финских (марок сроком на 30 лет полуостров Ханко и морскую территорию вокруг него радиусом в 5 миль к югу и востоку и в 3 мили к западу и северу от него и ряд островов, примыкающих к нему, для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив, причем в целях охраны морской базы Советскому Союзу предоставляется право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил (...).

Статья 5. СССР обязуется вывести свои войска из области Петсамо, добровольно уступленной Финляндии Советским государством, согласно мирного договора 1920 года...

Известия. 1940. 14 марта

Выступление И. Сталина на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии (Извлечение из стенограммы) 14–17 апреля 1940 г.

(...) СТАЛИН. Я хотел бы, товарищи, коснуться некоторых вопросов, которые либо не были задеты в речах, либо были задеты, но не были достаточно освещены.

Первый вопрос о войне с Финляндией.

Правильно ли поступило правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной Армии.

Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны, и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти.

Вот вам оборонное и политическое значение Ленинграда, как центра промышленного и как второй столицы нашей страны. Вот почему безопасность Ленинграда — есть безопасность нашей страны. Ясно, что коль скоро переговоры мирные с Финляндией не привели к результатам, надо было объявить войну, чтобы при помощи военной силы организовать, утвердить и закрепить безопасность Ленинграда и, стало быть, безопасность нашей страны.

Второй вопрос, а не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два–три–четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях, начали активные военные действия именно в конце ноября, в начале декабря. Все это зависело не только от нас, а скорее всего

от международной обстановки. Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить.

Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на 20, потому что ведь всего не предусмотреть в политике. Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют.

Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено. Стало бы благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и обеспечении государства был бы упущен. Это было бы большой ошибкой.

Вот почему наше правительство и партия поступили правильно, не отклонив это дело и открыв военные действия непосредственно после перерыва переговоров с Финляндией. (...)

Еще несколько вопросов. Вы знаете, что после первых успехов по части продвижения наших войск, как только война началась, у нас обнаружилось неувязки на всех участках. Обнаружилось потому, что наши войска и командный состав наших войск не сумели приспособиться к условиям войны в Финляндии.

Вопрос, что же особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии? Мне кажется, что им особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе — шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедимая, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, не было и не существует, что наша армия непобедима. (...) С этим хвастовством надо раз и навсегда покончить. Надо вдолбить нашим людям правила о том, что непобедимой армии не бывает. (...) Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война — это игра с некоторыми неизвестными, что там в войне могут быть и поражения. И поэтому надо учиться не только как наступать, но и отступать. (...)

Что мешало нашей армии быстро, на ходу перестроиться и приспособиться к условиям, не к прогулке подготовиться, а к серьезной войне. (...) Помешали, по-моему, культ традиции и опыта гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в Гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошел вон. А тот участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее.

Я должен сказать, конечно, опыт гражданской войны очень ценен, традиции гражданской войны тоже ценны, но они совершенно недостаточны. Вот именно культ традиции и опыта гражданской войны, с которым надо покончить, он и помешал нашему командному составу сразу перестроиться на новый лад, на рельсы современной войны. (...)

Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить обязательно... дополнить опытом современной? А что такое современная война? Интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. (...) Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять, артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. (...)

Второе — авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи самолетов. И вот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть в верх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, меньше людей будет потеряно. Будете жалеть патроны и снаряды — будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых, или жалеть бомбы, снаряды.

Дальше танки, третье, тоже решающее, нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней — это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте. Нужно давать больше снарядов и патронов по противнику, жалеть своих людей, сохранять силы армии.

Минометы, четвертое, нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы и очень дешевая артиллерия. Замечательная штука миномет. Не жалеть мин! Вот лозунг. Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды — не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин. (...)

Как вы думаете, была ли у нас такая армия, когда мы вступили в войну с Финляндией? Нет, не была (...)

Публ. по: *Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). Отв. ред. Е. Кульков. О. Ржешевский. М.: Наука, 1999. С. 272–280*

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу о польских военнопленных, находящихся в лагерях и тюрьмах СССР, 5 марта 1940 г.

144. — Вопрос НКВД СССР.

I. Предложить НКВД СССР:

1. Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,
  2. а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р [контрреволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.
- II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:
- а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,
  - б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.
- III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе: тт. Меркулова³⁵, Кобулова³⁶ и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК³⁷

Органы Государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 156

Записка наркома обороны СССР маршала Советского Союза С. Тимошенко в Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу возможности показа германскому военному атташе захваченной Красной Армией линии «Маннергейма», 20 мая 1940 г.

Германский военный атташе генерал-лейтенант Кестринг, по поручению германского генерального штаба, обратился с просьбой разрешить германским военным инженерам осмотреть линию «Маннергейма». Полагаю возможным удовлетворить просьбу немцев, при условии показа нашим инженерам в будущем линии «Мажино», так как осмотр нашим военным атташе в Берлине германских укреплений в районе Саарбрюккена в составе корпуса военных атташе нельзя считать взаимностью³⁸.

Прошу указаний. С. ТИМОШЕНКО

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 148

³⁵ Меркулов М.П. (1895–1953) — с дек. 1938 г. — первый зам. наркома внутренних дел СССР, начальник Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. В февр.–июле 1941 г. и с апреля 1942 по март 1946 — нарком госбезопасности СССР. 23 дек. 1953 Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания.

³⁶ Кобулов Б.З. (1904–1953). С дек. 1938 г. — зам. нач. ГУГБ НКВД, нач. следственной части НКВД СССР. С сент. 1939 г. — нач. Главного экономического управления НКВД СССР. В 1941–1945 гг. — зам., первый зам. наркома внутренних дел СССР. 23 дек. 1953 Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания.

³⁷ Подписи Секретаря ЦК, Сталина, в подлиннике документа не имеется. 3 марта 1959 г. Председатель КГБ при СМ СССР А. Шелепин доложил Н. Хрущеву, что в 1940 г. на основании постановления ЦК от 5 марта 1940 г. было расстреляно по решениям специальной тройки НКВД 21 857 бывших польских военнопленных офицеров, жандармов, полицейских и т.п. (в т.ч. в Катынском лесу — 4421 чел.). В заявлении ТАСС, опубликованном 14 апреля 1990 г., указывалось: «Выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных» (подробнее см.: Катынская драма. М., 1991; Лебедева Н. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. Poleмика с официальной версией содержится в книге Ю. Мухина. «Катынский детектив» (М., 1995).

³⁸ Финская оборона на Карельском перешейке т.н. линия «Маннергейма» была прорвана советскими войсками в феврале–марте 1940 г. Германское наступление на Западном фронте началось 10 мая 1940 г. в обход французской оборонительной линии «Мажино». Через район Саарбрюккена, проходили немецкие укрепленные позиции — т.н. линия «Зигфрида».

Из Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О производстве танков Т-34 в 1940 году», 7 июня 1940 г.

Сов. Секретно. Особой важности

Придавая особо важное значение оснащению Красной Армии танками Т-34, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Обязать народного комиссара среднего машиностроения тов. Лихачева И.А.:

а) изготовить в 1940 году — 600 танков Т-34, из них:

на заводе № 183 (им. Коминтерна) — 500 шт. на Сталинградском Тракторном [СТЗ]- 100 шт., со следующей разбивкой по месяцам:

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Завод							
№ 183	10	20	30	80	115	120	125
СТЗ	—	—	—	—	20	30	50

б) обеспечить полностью программу 1941 г. по выпуску танков Т-34 дизелями, для чего увеличить выпуск моторов В-2 на заводе № 75 и изготовить до конца 1940 года 2000 шт., со следующей разбивкой по месяцам:

Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
210	230	260	300	320	330	350

[...]

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин

1941 год... В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 26

Записка наркома обороны СССР маршала Советского Союза С. Тимошенко в Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу подготовки театра военных действий в прибалтийских республиках, 17 июня 1940 г.³⁹

В целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского ТВД считаю необходимым немедленно приступить на территории занятых республик к осуществлению следующих мероприятий:

1. Границу с Восточной Пруссией и Прибалтийское побережье немедленно занять нашими погранвойсками для предотвращения шпионской и диверсионной деятельности со стороны западного соседа.
2. В каждую из занятых республик ввести по одному (в первую очередь) полку войск НКВД для охраны внутреннего порядка.
3. Возможно скорее решить вопрос с «правительством» занятых республик.
4. Приступить к разоружению и расформированию армий занятых республик. Разоружить население, полицию и имеющиеся военизированные организации.
5. Охрану объектов, караульную и гарнизонную службу возложить на войска.
6. Решительно приступить к советизации занятых республик.
7. На территории Прибалтийских республик образовать Прибалтийский военный округ со штабом в Риге. Командующим войсками округа назначить командующего Среднеазиатским военным округом генерал-полковника т. Апанасенко⁴⁰. Штаб округа сформировать из штаба 8-й армии.

³⁹ На записке С. Тимошенко имеется пометка сделанная его рукой: «решено».

В этот же день, 17 июня 1940 г., премьер-министр Франции А. Петэн обратился к германскому командованию с просьбой о заключении мира.

⁴⁰ Апанасенко И. Р. (1890–1943), генерал армии (1941). 1938–1943 — командующий Среднеазиатским Военным округом и Дальневосточным фронтом. С июня 1943 г. — зам. командующего Воронежским фронтом. Смертельно ранен в боях под Белгородом.

8. На территории округа приступить к работам по подготовке ее как театра военных действий (строительство укреплений, подшивка железных дорог, дорожное и автодорожное строительство, склады, создание запасов и пр.

План подготовки ТВД представлю дополнительно.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 71. Л. 148

Информация наркома внутренних дел СССР Л. Берии наркому обороны СССР маршалу С. Тимошенко о положении в Эстонии, 14 июня 1940 г.⁴¹

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР Маршалу Советского Союза товарищу ТИМОШЕНКО

Резидент НКВД СССР в Таллине сообщил следующие сведения:

1. Эстонцами на днях получено из Германии большое количество оружия, преимущественно орудия и снаряды.
2. Из Германии также получено 2 тяжелых бомбардировщика последнего выпуска и 5 легких бомбовозов.
3. Намечено проведение пробной мобилизации всех видов транспорта. Штабом армии намечено проведение сбора офицеров запаса в количестве 700–800 человек.
4. Сейчас в армии и кайтцелите⁴² проводится усиленная военная подготовка. В армию под предлогом краткосрочных сборов, призваны резервисты противовоздушной обороны, саперы двух возрастов и специалисты мотомехчастей. На 15 июня назначены в местечке Ягала сборы артиллерийских частей кайтцелита для проведения инспекторских стрельб. В прошлом все инспекторские стрельбы проводились осенью. Также проводятся сборы пехотных групп кайтцелита.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР Л.БЕРИЯ

РГВА Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236

Запись беседы наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с министром иностранных дел Литвы Ю. Урбшисом, 15 июня 1940 г.

Урбшис уведомил тов. Молотова, что Литовское правительство приняло требования Советского правительства, что правительство подало в отставку и что формирование нового кабинета президент поручил ген. Раштикису.

Тов. Молотов заявил Урбшису, что о том, кто будет главой кабинета, надо договориться с Советским правительством. Фигура Раштикиса не является приемлемой. Урбшис говорит, что из прошлых бесед они поняли, что Раштикис является для Сов. правительства приемлемой главой кабинета. Тов. Молотов разъясняет, что Раштикис был лишь упомянут в ряду фактов, свидетельствующих о враждебном отношении Литовского правительства к договору о взаимопомощи. Как премьер он не имелся при этом в виду.

Тов. Молотов заявил далее, что сообщенный Урбшисом ответ он доложит Советскому правительству, и что затем займется с военными вопросом о немедленном вводе советских войск.

Советской стороне Урбшис предложил согласовать вопрос о вводе советских войск с литовским командованием, выдвинул для переговоров с литовской стороны командующего Виткаускаса и спросил, где бы Виткаускас мог встретиться с представителями советского командования. Тов. Молотов ответил, что Сов. правительство ожидало их ответа, и поэтому оно этих практических вопросов пока не обсуждало, но он думает, что через несколько часов он сможет ответить на все его вопросы.

⁴¹ На документе указана рассылка: Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко.

⁴² Кайтцелит («Союз защиты») — военизированная общественная организация. Официально действовала в Эстонии до установления там советской власти.

Урбшис еще раз возвращается к вопросу о премьере. Он просит согласиться с кандидатурой Раштикиса, указывая при этом, что Раштикис имеет среди населения хорошее имя и т.п. Тов. Молотов ответил ему, что Раштикис — неопределенная и бесцветная политическая фигура. Нужна совсем другая — определенная, просоветская фигура. Надо, наконец, дать понять, что в политике Литовского государства произошел крутой поворот в сторону Сов. Союза.

Урбшис спрашивает, где и когда можно было бы обсудить вопрос о кабинете. Тов. Молотов ответил, что придется это сделать в Москве или в Каунасе.

Если в Каунасе, то, возможно, что вместе с полпредом туда придется командировать специального представителя Советского правительства. Окончательный ответ тов. Молотов обещал дать после совещания с Правительством.

1941 год: В 2 кн. Кн. 1./Сост. Л. Е. Решин и др.;
Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 32–33

Информация наркома внутренних дел СССР Л. Берии наркому оборону СССР маршалу С. Тимошенко о положении в Латвии в 20-х числах июня 1940 г.

«_____» июня 1940 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА товарищу ТИМОШЕНКО
Резидент НКВД СССР в Латвии сообщил следующие сведения:

1. 21 июня с.г. в Риге состоялись массовые демонстрации. Демонстранты носили плакаты и выкрикивали лозунги о предании суду УЛЬМАНИСА⁴³ и старого правительства. Полиции и айзсаргов⁴⁴ в городе не было, порядок поддерживают только демонстранты. На случай возможной провокации в некоторых местах были расставлены наши бронев автомобили и военные политические работники. Небольшое осложнение было у замка президента, где собравшиеся демонстранты требовали снятия флага президента и пытались взорвать его замок, но принятыми мерами нашего командования все это было улажено.
2. Сегодня амнистировано и освобождено из тюрьмы около 200 политзаключенных. По нашему требованию в тюрьмах оставлены перкон-крусовцы и белогвардейцы. На всех оставшихся в тюрьмах заключенных нами предложено составить списки.
3. Утром покончил самоубийством (застрелился у себя в кабинете) командир пограничной бригады генерал БОЛШТЕЙН, который оставил записку такого содержания: «Мы создали прекрасное здание нашего государства, и я не хочу принимать участие в его разрушении». По словам инспектора полиции КИФЕМКА, БОЛШТЕЙН в беседе с ним заявил: «Я не желаю, чтобы толпа покончила со мной, я скорее сделаю это сам». Начальник центральной рижской тюрьмы, якобы, также собирается покончить с собой.

Одновременно резидент сообщил следующие агентурные данные:

1. Состав нового правительства не удовлетворены торгово-промышленные круги потому, то в нем мало известных лиц, что оно будет работать по указанию из полпредства СССР и просуществует не больше месяца, после чего будет установлена советская власть.
2. Буржуазия опасается за судьбы своих капиталов и имущества, ищет способы для бегства за границу. В Латвии ожидается введение советских денег, в связи с чем на черной бирже растет курс червонца; вместо 60 сантимов за один червонец теперь он продается за 4 лата. Поднимается также курс на золото. Стоимость 4-х рублевой царской монеты вместо 113 лат котируется теперь 165–170 лат. Английские фунты и французские франки совершенно не котируются ни в банках, ни на черной бирже.
3. Проживающим здесь германским гражданам предложено покинуть Латвию. В связи с этим в немецких фирмах наблюдается замешательство.
Японское посольство с момента прихода советских войск сжигает архивы.

⁴³ Ульманис К. (1877–1942). В 1936–1940 — премьер и президент Латвии. 4 июня 1941 г. арестован УНКВД Орджоникидзевогo края. Находясь в заключении, умер.

⁴⁴ «Айзсарги» (охранники) — военизированная организация, созданная в 1919 г. К. Ульманисом. К 1940 г. насчитывала до 40 тыс. членов.

4. В руководящих кругах русских эмигрантских организаций наблюдается растерянность, ожидается установление советской власти и опасаются репрессий за антисоветскую деятельность в прошлом. Не скомпрометированные и прогрессивные элементы считают, что теперь положение русских изменится в лучшую сторону и выражают недовольство, что в состав правительства не приглашены представители русского населения. Они обсуждают вопрос о создании русской газеты. Среди ответственных сотрудников газеты «Сегодня» царят панические настроения, ожидают закрытия газеты и репрессий за прошлую антисоветскую деятельность.
  5. Полиция недавно арестовала около 300 русских белогвардейцев, чтобы сделать поклон в сторону полпредства. Однако, через два дня их освободили, оставив в тюрьме около 20 человек. Из Либавы резидентом получено сообщение о том, что местные власти совершенно растерялись, полиция разбежалась. По просьбе местных властей порядок в городе поддерживается нашими войсками, местный начальник гарнизона и префект снова ставили вопрос о необходимости применения оружия против демонстрантов, наше командование это запретило. Рабочие Либавы недовольны составом нового правительства и ставят вопрос об организации Советов. С этой целью в уезд направляется группа рабочих. В районе Либавы рабочие разоружают отдельных айзсаргов, сдают отобранное у них оружие нашему командованию. Рабочими заняты редакция местной газеты «Курзене Слово», в которой выпускается теперь газета «Коммунист».
- НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА С.С.Р. Л. БЕРИЯ

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1235

Выписка из протокола решений Политбюро ЦК ВКП(б) № 18, 25–26 июня 1940 г.

О ПЕРЕХОДЕ НА ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ, НА СЕМИДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ И О ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО УХОДА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ С ПРЕДПРИЯТИЙ И ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ

- (...) 4. Утвердить проект Обращения ВЦСПС ко всем рабочим и работницам, инженерам, техникам и служащим, ко всем членам профессиональных союзов (См. приложение 1)⁴⁵.
5. Утвердить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений (...).

1941 год. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 57

Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Королевстве Румыния А. И. Лаврентьеву по вопросу о присоединении Бессарабии, 27 июня 1940 г.

26 июня я вызвал Давидеску⁴⁶ и передал ему следующее заявление Советского правительства.

«В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (Россия) часть его территории — Бессарабию — и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем Правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром.

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создававшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов

⁴⁵ Приложения не публикуются.

⁴⁶ Давидеску Р. — посланник Румынии в СССР.

для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу.

Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной, как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, правда, лишь в незначительной степени, средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии.

Правительство СССР предлагает Королевскому правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте⁴⁷.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией.

Правительство СССР ожидает ответа Королевского правительства Румынии в течение 27 июня с. г.»

Молотов

1941 год: В 2 кн. Кн. 1./ Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова.
М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 61–62

Некоторые директивы к берлинской поездке наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, 9 ноября 1940 г.⁴⁸

1. **Цель** поездки:

- а) **Разузнать** действительные намерения Г[ермании] и всех участников Пакта 3-х (Г[ермании], **И[талии]**, Я[понии]) в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Велик[ого] Вост[очно]-Азиатского Пространства»; **границы** «Нов[ой] Евр[опы]» и «Вост[очно]-Аз[иатского] Пр[остранства]»; **характер** госуд[арственной] структуры и отношения отд[ельных] европ[ейских] государств в «Н[овой] Е[вропе]» и «В[осточной] А[зии]»; **этапы и сроки** осуществления этих планов и, по кр[айней] мере, ближайшие из них; **перспективы** присоединения других стран к пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.
- б) **Подготовить** первоначальную наметку **сферы интересов** СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с **И[талией]**), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риб[бентроп] в ближайшее время.
2. Исходя из того, что с[оветско]-г[ерманское] соглашение о частичном разграничении сфер интересов СССР и Герм[ании] событиями исчерпано (за исключ[ением] Финл[яндии]), в переговорах добиваться, чтобы к **сфере интересов** СССР были отнесены:
  - а) **Финляндия** — на основе с[оветско]-г[ерманского] соглашения [19]39 г., в выполнении которого Г[ермания] должна устранить всякие трудности и неясности (вывод герм[анских] войск, прекращение всяких политич[еских] демонстраций в Ф[инляндии] и в Г[ермании], направленных во вред интересам СССР).
  - б) **Дунай**, в части морского Дуная, в соответствии с директивами т. Соболеву. Сказать также о нашем недовольстве тем, что Г[ермания] не консультировалась с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию.
  - в) **Болгария** — главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Г[ерманией] и **И[талией]**, отнесена к сфере интересов СССР на **той же основе** гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию.

⁴⁷ Не публикуется.

⁴⁸ Перед своим отъездом в Берлин на переговоры с германским руководством В. Молотов записал некоторые директивы, полученные им, по всей вероятности, во время беседы со Сталиным. Данный документ опубликован по рукописному тексту. Слова, данные в подлиннике в сокращенном виде, расшифровываются в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые в подлиннике, выделены жирным шрифтом.

- г) Вопрос о Турции и ее судьбах не может быть решен без нашего участия, т.к. у нас есть серьезные интересы в Турции.
- д) Вопрос о дальнейшей судьбе **Румынии и Венгрии**, как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились.
- е) Вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, т.к. там у нас есть серьезные интересы. Без нужды об этом не говорить.]
- ж) В отношении **Греции и Югославии** мы хотели бы знать, что думает Ось предпринять?
- з) В вопросе о **Швеции** СССР остается на той позиции, что сохранение нейтралитета этого государства в интересах СССР и Германии. Остается ли Г[ермания] на той же позиции?
- и) СССР, как балтийское государство, интересуется вопросом о свободном проходе судов из Балтики в мирное и военное время через М[алый] и Б[ольшой] Бельты, Эрезунд, Каттегат и Скагеррак. Хорошо было бы, по примеру совещания о Дунае, устроить совещание по этому вопросу из представителей заинтересованных стран.
- к) На **Шницбергене** должна быть обеспечена работа нашей угольной концессии.
3. **Транзит** Германия — Япония — наша могучая позиция, что надо иметь в виду.
4. Если спросят о наших отношениях с **Турцией** — сказать о нашем ответе туркам, а именно: мы им сказали, что отсутствие пакта взаимопомощи с СССР не дает им права требовать помощи от СССР.
5. Если спросят о наших отношениях с **Англией**, то сказать в духе обмена мнений на даче Ст[алина].
6. Сказать, что нам сообщили о сделанных через Рузвельта **мирных предложениях** Англии со стороны Германии. Соответствует ли это действительности и каков ответ?
7. На возможный вопрос о наших отношениях с США ответить, что США также спрашивают нас: не можем ли мы оказать поддержку Турции и Ирану в случае возникновения опасности для них. Мы пока не ответили на эти вопросы.
8. Спросить, где границы «Восточно-Азиатского Пространства» по Пакту 3-х.
9. Относительно **Китая** в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола, сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан-Кай-Ши), в чем СССР, м[ожет] б[ыть] с участием Г[ермании] и И[талии], готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Манчжоу-Го остается за Я[понией]).
10. Предложить сделать **мирную акцию** в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болг[ария], Тур[ция] и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которая Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний (и немедленного предоставления Индии прав доминиона)⁴⁹.
11. О **сов[етско]-японских** отношениях — держаться вначале в рамках моего ответа Татекаве⁵⁰.
12. Спросить о **судьбах Польши** — на основе соглаш[ения] 1939 г.
13. О **компенсации** собственности в Прибалтах: 25% в один год, 50% — в три года (равн[ыми] долями).
14. Об эконом[ических] делах: в случае удовл[етворительного] хода перегов[оров] — о хлебе.

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). М., 1998. С. 30–32

Предложения министра иностранных дел Германии И. Риббентропа о пакте четырех держав, переданные В. М. Молотову в Берлине, 13 ноября 1940 г.

1. Согласно пакту трех держав Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт, и что необходимо совместно работать для установления мира; они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы согласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

⁴⁹ Заключительная часть фразы, выделенная здесь в круглых скобках, в оригинале зачеркнута.

⁵⁰ О содержании беседы 30 октября 1940 г. В. М. Молотова с послом Японии в СССР Татекавой см. телеграмму, отправленную В. М. Молотовым полпреду СССР в Японии К. А. Сметанину: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). М., 1998. С. 10–12.

2. Германия, Италия, СССР, Япония обязуются уважать сферы взаимных интересов. Постольку, поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам.
3. Договаривающиеся стороны не будут поддерживать группировок, направленных против одной из них. Они обязуются поддерживать друг друга экономически и будут стремиться расширить свои экономические соглашения.
4. Это соглашение можно было бы заключить на продолжительный срок, скажем, на 10 лет.

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). М., 1998. С. 79

Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. Молотова И. Сталину из Берлина, 14 ноября 1940 г.

Сталину.

Сегодня, 13 ноября, состоялась беседа с Гитлером три с половиной часа и после обеда, сверх программных бесед, трехчасовая беседа с Риббентропом. Пока сообщаю об этих беседах кратко. Подробности следуют.

Обе беседы не дали желательных результатов. Главное время с Гитлером ушло на финский вопрос. Гитлер заявил, что подтверждает прошлогоднее соглашение, но Германия заявляет, что она заинтересована в сохранении мира на Балтийском море. Мое указание, что в прошлом году никаких оговорок не делалось по этому вопросу, не опровергалось, но и не имело влияния.

(Продолжение следует).

(Продолжение). Вторым вопросом, вызвавшим настороженность Гитлера, был вопрос о гарантиях Болгарии со стороны СССР на тех же основаниях, как были даны гарантии Румынии со стороны Германии и Италии. Гитлер уклонился от ответа, сказав, что по этому вопросу он должен предварительно запросить мнение Италии.

Риббентроп упорно настаивал на том, чтобы по вопросу о черноморских проливах мы высказались за пересмотр конвенции Монтре и за новую конвенцию при участии Турции, СССР и Германии с дачей гарантий для территории Турции и обещанием удовлетворить законное пожелание СССР о непропуске в Черное море военных судов нечерноморских держав. Я ответил, что по этому вопросу СССР должен договориться с Турцией, имея в виду, что для Германии и Италии, не являющихся черноморскими державами, вопрос о Проливах не является существенным с точки зрения их безопасности, а для СССР вопрос о Проливах связан не только с заключением нового соглашения с Турцией, но и с реальными гарантиями безопасности СССР. Вопрос же таких гарантий касается не только Турции, но и Болгарии в указанном мною смысле, то есть с дачей гарантий для самой Болгарии. На поставленные вопросы я ответил ему, что «совместную работу» СССР, Германии, Италии и Японии в деле разграничения основных сфер влияния между ними считаю возможной и желательной, но об этом надо договориться, причем следует правильно увязать эти вопросы завтрашнего дня с вопросами сегодняшнего дня. Риббентроп внес, вернее, прочитал черновые наброски («сырые мысли») проекта совместного открытого заявления четырех держав и два проекта секретных протоколов:

- А) О разграничении главных сфер интересов четырех держав с уклонением нашей сферы в направлении к Индийскому океану.
- Б) О Проливах — в духе соглашения между Турцией, СССР, Италией и Германией. Риббентроп предложил эти проекты обсуждать в обычном дипломатическом порядке через послов.

(Окончание следует).

(Окончание). Я сказал, что не возражаю против такого порядка обсуждения этих проектов. Тем самым Германия не ставит сейчас вопрос о приезде в Москву Риббентропа.

Таковы основные итоги. Похвастаться нечем, но по крайней мере, выявил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться.

Я еще не обдумал, какое дать коммюнике о моем отъезде из Берлина, так как только что вернулся от Риббентропа и от него не имею никаких предложений об этом. Если успеете дать совет, прошу это сделать.

Молотов

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). М., 1998. С. 80–81

Соглашение о взаимных товарных поставках на второй договорной период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией, 10 января 1941 г.

В результате переговоров о взаимных товарных поставках на второй договорной период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 г. — Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Германии договорились о следующем:

1. В период с 11 февраля 1941 года до 1 августа 1942 года будут поставлены из Союза Советских Социалистических Республик в Германию перечисленные в списке 1А⁵¹ товары на сумму 620–640 миллионов германских марок. Настоящим заменяются предусмотренные в статьях 2 и 8 Хозяйственного Соглашения обязательства по поставкам.
2. Для компенсации предусмотренных в п. 1 советских поставок будут поставлены из Германии в Союз Советских Социалистических Республик в период с 11 мая 1941 года до 1 августа 1942 года германские товары, предусмотренные по списку 1Б, на сумму 620 — 640 миллионов германских марок. Установлено, что, кроме этого, Советская сторона может в период действия настоящего Соглашения размещать заказы со сроками поставок, наступающими после 1 августа 1942 года. Настоящим заменяются предусмотренные в статьях 5 и 8 Хозяйственного Соглашения обязательства по поставкам.
3. Распределение советских и германских поставок по отдельным периодам производится на основе равенства между советскими и германскими поставками в каждом квартале. В изъятие из первого абзаца настоящего параграфа, та часть указанных в п.п. 1 и 2 поставок, которая предусмотрена в Хозяйственном Соглашении от 11 февраля 1940 г., а именно советские и германские поставки на сумму по 225 миллионов германских марок, выполняется в сроки, установленные в упомянутом Соглашении (...)
7. Настоящее Соглашение вступает в силу в день его подписания. Составлено в двух подлинных экземплярах, каждый на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Совершено в Москве 10 января 1941 года.
По уполномочию Правительства
Союза Советских Социалистических Республик А.И.Микоян
За Правительство Германии К.Шнурре

*1941 год: В 2 кн. Кн. 1/ Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова.
М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 527–528*

Информация госплана СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о предварительных результатах выполнения плана развития народного хозяйства СССР за 1940 г., 21 января 1941 г.

Секретно

Госплан СССР сообщает предварительные итоги выполнения народнохозяйственного плана 1940 года по промышленности, транспорту, сельскому хозяйству, товарообороту, капитальному строительству и финансам.

I. Общие итоги

Основные итоги выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1940 году показывают следующее:

- а) Дальнейший общий подъем народного хозяйства СССР, укрепление его оборонной мощи и рост материального и культурного уровня трудящихся.

⁵¹ Списки не публикуются.

- б) Увеличение выпуска промышленной продукции, начиная со II квартала 1940 года, и нарастание темпов промышленного производства при выполнении годового плана выпуска валовой продукции по союзным и союзно-республиканским промышленным наркоматам на 95.6%.
Выпуск промышленной продукции по отношению к соответствующим кварталам 1939 года составил: в I квартале около 101%, во II квартале — 110%, в III — почти 112% и в IV квартале 1940 года — 115%.
- в) Наметившееся, начиная со второй половины 1940 года, улучшение в работе угольной промышленности и черной металлургии.
- г) Прирост продукции оборонной промышленности в 1940 г. на 33% по сравнению с прошлым годом.
- д) Серьезное отставание в производстве оборудования для черной и цветной металлургии, кранового и кузнечно-прессового оборудования, станков, в производстве паровых турбин и других видов энергооборудования, а также в выпуске товарных вагонов при заметном росте выпуска вагонов в IV квартале 1940 года.
- е) Крайне недостаточное развитие производства вольфрама, молибдена, олова и кобальта.
- ж) Отставание нефтяной промышленности, не выполнившей план 1940г. по добыче нефти, и недостаточное материально-техническое обеспечение нефтяной промышленности.
- з) Резкое отставание промышленности строительных материалов, особенно цементной и лесной промышленности.
- и) Крайне неудовлетворительную работу ряда отраслей химической промышленности, в первую очередь содовой, резино-асбестовой и производства спирта из непищевого сырья.
- к) Отставание ряда отраслей, производящих предметы потребления, и особенно неудовлетворительную работу рыбной промышленности, сорвавшей выполнение плана 1940 года.
- л) Отставание в создании новых производственных баз: по угольной промышленности — в районах Дальнего Востока; по нефтяной промышленности — в районах «Второго Баку»; по выплавке металла — в восточных районах; по добыче железной руды — в центральных районах и в районах Западной Сибири; по производству цемента — в восточных районах; по текстильной промышленности — в Западной Сибири.
- м) Улучшение, начиная со II квартала 1940 года работы железнодорожного транспорта.
- н) Увеличение валового сбора зерна, сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля и овощей.
- о) Повышение производительности труда, сокращение текучести и укрепление трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях в результате проведения мероприятий Партии и Правительства.
- п) Невыполнение плана по снижению себестоимости промышленной продукции в результате допущенных перерасходов сырья, материалов, топлива, больших потерь от брака и бесхозяйственных расходов.

1941 год: В 2 кн. Кн. 1/Сост. Л. Е. Решин и др.;
Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 550–551

Договор о дружбе и ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Югославия, 5 апреля 1941 г.

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Его Величество Король Югославии, движимые существующей между обеими странами дружбой и убежденные в том, что их общими интересами является сохранение мира, решили заключить договор о дружбе и ненападении и для этой цели назначили своими уполномоченными:

Президиум Верховного Совета Союза ССР — В. М. Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел;

Его Величество Король Югославии — Милана Гавриловича, Чрезвычайного Посланника и Полномочного министра Югославии, Божина Симича и Драгутина Савича, каковые уполномоченные, после обмена своими полномочиями, найденными в должной форме и надлежащем порядке, согласились о нижеследующем:

СТАТЬЯ I

Обе Договаривающие Стороны взаимно обязуются воздерживаться от всякого нападения в отношении друг друга и уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность СССР и Югославии.

СТАТЬЯ II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней.

СТАТЬЯ III

Настоящий Договор заключается сроком на пять лет.

Если одна из Договаривающихся Сторон не признает необходимым денонсировать настоящий Договор за год до истечения установленного срока, этот Договор автоматически продолжит свое действие на следующие пять лет.

СТАТЬЯМ IV

Настоящий Договор вступает в силу с момента его подписания. Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Белграде.

СТАТЬЯ V

Договор составлен в двух оригиналах на русском и сербохорватском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Москва, 5 апреля 1941 года.

По уполномочию Президиума
Верховного Совета СССР
В.Молотов

По уполномочию Его Величества
Короля Югославии
М. Гаврилович, Б. Симич, Д.Савич
ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(1). М., 1998. С. 522–523

Книга пятая

**ПОЗАДИ
МОСКВА**

«План Г. К. Жукова» от 15 мая 1941 года: проблемы интерпретации

Ю. А. Никифоров*

В первой половине 1990-х годов были рассмотрены и опубликованы некоторые из важнейших документов Генерального штаба Красной Армии, значительно расширившие представления историков о подготовке СССР к возможной войне в 1940–1941 гг. Прежде всего, это четыре варианта «Соображений по плану стратегического развертывания» Красной Армии, директивы Народного комиссара обороны СССР командованию округов, а также некоторые другие¹.

Наибольший интерес вызвал документ, названный при публикации «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»². Большинство историков он был интерпретирован как план упреждающего (превентивного) удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной Армии И. В. Сталину в мае 1941 г. «Генштаб предлагал нанести упреждающий удар, — пишет, например, П. Н. Бобылёв, — т. е. возложить на СССР инициативу в развязывании войны с Германией»³.

Вопрос о правильности такой интерпретации был отнесен на задний план тем обстоятельством, что ряд авторов сразу же использовали этот документ с целью доказательства намерения советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию в рамках широкой программы по «советизации Европы»⁴. Содержание развернувшейся дискуссии затемнялось использовавшейся терминологией: сторонники тезиса о подготовке Советским Союзом «упреждающего удара» употребляли это понятие как синоним акта агрессии, что затрудняло взаимопонимание участников дискуссии и в конечном итоге мешало решению конкретных вопросов: правомерно ли рассматривать «Соображения...» как действующий документ или И. В. Сталин отклонил предложение Генштаба, а, главное, не слишком ли

поспешно некоторые историки согласились считать «Соображения...» тем планом, согласно которому предполагалось открытие военных действий советскими войсками?

Истолкование исследователями майских «Соображений...» Генерального штаба как плана «упреждающего удара» (понимаемого как акт развязывания войны) основано на двух абзацах документа, предвещающих изложение целей и задач, ставившихся перед войсками Красной Армии. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, — указывал автор документа, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». После же перечисления задач, поставленных перед войсками фронтов, предлагалось: «Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле: 1. произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса; 2. под видом выхода в лагерь произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования; 3. скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл; 4. Постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу»⁵.

* Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Сразу же отметим, что в тексте этих двух абзацев (равно как и в остальной части документа) нет прямых указаний на то, что авторы плана имеют в виду открытие военных действий войсками Красной Армии. Слова и выражения «упредить», «атаковать», «нанести внезапный удар» на уровне обыденного языка лишены того смысла, который в них вкладывают исследователи, интерпретируя весь отрывок в целом. В ходе любой войны войска сторон обмениваются ударами, внезапность которых для противника — важнейшая предпосылка победы, одно из слагаемых военного искусства. В декабре 1941 года наши войска, например, нанесли вермахту внезапный удар под Москвой, а в ноябре 1942 года — под Сталинградом. Так что атаковать противника, достигая при этом внезапности, можно и в ходе войны. Затруднение вызывает тот факт, что сделать это авторы «Соображений...» предполагали, упредив противника в развертывании, когда он не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Историкам, привыкшим писать о «вероломном и внезапном» нападении Германии, произошедшем 22 июня 1941 года, трудно представить себе, что война могла начаться как-то иначе. Некоторые авторы (прежде всего это касается российских эпигонов В. Суворова-Резуна) пытались даже утверждать, что «советская военная наука... считала, что ныне войны не объявляются, а начинаются внезапным ударом»⁶. В то же время известно (и в военно-исторической литературе это неоднократно подчеркивалось), что в 1930-х гг. советские военные теоретики по-разному определяли содержание начального периода войны, причем если в отдельных случаях — С. Н. Красильниковым, Г. С. Иссерсоном — и делались справедливые выводы, то они не получали официального признания, и дискуссия перед войной по этому вопросу еще не была завершена⁷. Рассекреченные документы предвоенного планирования только подтверждают тот факт, что советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника⁸.

Кроме того, следует также учитывать, что от правильных теоретических представлений значительная дистанция до усвоения или хотя бы знакомства с ними основной массы военных-практиков, чья военно-теоретическая подготовка, как считается, оставляла перед войной желать лучшего. Рассекреченные материалы декабрьского 1940 г. совещания высшего командного состава Красной Армии показывают, что советское военное командование не уделяло рассмотрению проблемы начального периода войны достаточного внимания. Так, за исключением начальника штаба Прибалтийского особого военного

округа генерала П. С. Кленова, ни один из выступавших на совещании с докладом или в прениях генералов не коснулся этой проблемы. П. С. Кленов решил высказаться по поводу содержания книги комбрига Г. С. Иссерсона «Новые формы борьбы» и подверг критике утверждение о том, что в предстоящей войне начального периода в прежнем его понимании не будет. «Вопрос о начальном периоде войны, — сказал Кленов, — должен быть поставлен для организации особого рода наступательных операций. Это будут операции начального периода, когда армии противника не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания. Это операции вторжения для решения особого рода задач. ...Это воздействие крупными авиационными и, может быть, механизированными силами, пока противник не подготовился к решительным действиям, на его оттобразивание, сосредоточение и развертывание для того, чтобы сорвать их, отнести сосредоточение вглубь территории, оттянуть время»⁹. Сам факт, что выступление П. С. Кленова не послужило поводом для дальнейшего обсуждения этого принципиального вопроса, что больше никто из выступавших во время совещания его не поднимал, может свидетельствовать о том, что либо в руководстве Красной Армии господствовала данная точка зрения и ее противники не желали решительно высказаться в пользу позиции Г. С. Иссерсона, либо эта проблема действительно находилась на периферии интересов присутствовавших на совещании военных специалистов. Именно в таком ключе, например, расценивал содержание выступления Кленова и отсутствие реакции на него участников совещания В. А. Анфилов¹⁰. Опорой в данном случае могут служить «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова, где он говорил о том, что, хотя военная теория тех лет и была на уровне времени, однако практика «отставала от теории»: «При переработке оперативных планов весной 1941 года, — писал Г. К. Жуков, — практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»¹¹. Другой непосредственный участник событий, А. М. Василевский, утверждал, что руководство Генштабом исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником...». Тем не менее, признавал Василевский, «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны...»¹².

Какие подтверждения этому можно найти в рассекреченных недавно документах планирования?

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г., после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение 20 дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию»¹³. Таким образом, «нанесение удара» (Здесь и ниже курсив мой. — Ю. Н.) планировалось на 20-й день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»¹⁴.

Разработанным в штабе КОВО планом развертывания войск округа на 1940 г. предусматривалось, что войска будут готовы к переходу в наступление на тридцатый день мобилизации (см. п. III), причем сосредоточение и развертывание должно было проводиться после начала войны (п. V). В ходе первого — оборонительного — этапа предполагалось «уничтожение живой силы наступающего противника» (п. V.1) и нанесение авиацией «мощных ударов» по железнодорожным узлам с целью «нарушить и задержать сосредоточение немецких войск» (п. V.6)¹⁵.

Еще одно подтверждение дают проведенные после декабрьского совещания высшего руководящего состава РККА оперативно-стратегические игры на картах. Задания на обе игры для противоборствующих сторон были составлены таким образом, что из них исключались операции начального периода войны. Не входила отработка операций начального периода войны и в учебные цели игр. Для нас, однако, имеет значение то обстоятельство, что, по условиям игр, «Западные» совершили нападение на «Восточных», не завершив развертывания (!)¹⁶.

Допустим, однако, что весной 1941 г. руководство Генштаба осознало факт несоответствия своих представлений о начале войны реально складывавшейся обстановке, что и нашло свое отражение в тексте «Соображений...» (Такая интерпретация, например, предлагается Г. И. Герасимовым, рассматривающего их как своего рода «ответ» Генштаба на проблему, поставленную Г. С. Иссерсоном¹⁷). В этой связи несомненный интерес представляют документы, подготовленные Генштабом непосредственно перед войной — в мае-июне 1941 г. После публикации Ю. А. Горьковым директив Генштаба командованию западных приграничных округов, а также планов, разработанных в округах на основе этих директив непосредственно перед нападением Германии, можно с уверенностью говорить, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА до 22 июня 1941 г.

Например, задачи обороны в директивах, отданных Генштабом в мае 1941 г. в КОВО и ЗаОВО, определяются следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмотобилизованные, сосредоточенные и развертывание

войск округа. /.../ Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника»¹⁸. Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации¹⁹. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмотобилизования и сосредоточения главных сил Красной Армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий.

На основе этой директивы в штабе КОВО был разработан окружной план, в котором командование округа повторяет основные положения директивы Генштаба: «разрушением ж/д мостов и узлов Ченстохов, Катовице, Краков, Кельце, а также действиями по группировкам противника нарушить и задержать сосредоточение и развертывание его войск»²⁰. Учтем, что никаких наступательных задач войскам округа на этом этапе не ставится — только оборона. Попытки же некоторых авторов понимать «упреждающий удар» как операции войск прикрытия («активную оборону») по срыву вражеской мобилизации и развертывания²¹ выглядят запутывающей суть вопроса модернизацией, поскольку не находят опоры в источниках, где «активная оборона» начального периода войны призвана подготовить условия для нанесения «стремительных ударов» по противнику, — т. е. разделены.

Посмотрим, может быть Д. Г. Павлов и В. Е. Климовских думали иначе? В «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗаОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника»²².

А что же командование ПриОВО? Говоря о задачах разведки, составители плана в этом округе указывали: «Цель разведки — с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»²³. Ясное не скажешь — война начнется как-то иначе, но не решительным наступлением главных сил противника, считали в штабе ПриОВО (еще раз подчеркнем, что командование *всех* без исключения округов ставило перед своими войсками оборонительные задачи на всем протяжении границы, а, значит, никаких оснований для истолкования приведенных отрывков как свидетельств того, что СССР собирался первым открыть военные действия, нет).

Таким образом, допустив, вслед за Г. И. Герасимовым, что Жуков и Тимошенко весной 1941 г. осознали ошибочность подобных представлений²⁴, следует признать, что убедить Сталина, судя по развитию событий, им не удалось, а объявить командованию округов о своем «прозрении» они не решились. К сожалению, строя подобные предположения, историк рискует перейти ту грань, которая отделяет основанную на фактах гипотезу от беспочвенных домыслов.

Тем более, что существуют и другие документы, отражающие тот факт, что командование Красной Армии, осуществляя подготовительные мероприятия, не исключало того, что военного столкновения с Германией летом 1941 г. не произойдет. В частности, как иначе расценить приказ Наркома обороны от 18 июня 1941 г., требовавший от командования приграничных округов форсировать строительство оперативных аэродромов с тем, чтобы закончить его к 1 октября?²⁵ Или, скажем, можно указать на датированные 17 мая и подписанные не только Тимошенко и Жуковым, но и А. А. Ждановым как членом Главного военного совета Красной Армии «Директивы о задачах боевой подготовки ВВС КА на летний период 1941 г.»²⁶ Здесь Нарком обороны и начальник Генштаба — только что якобы принявшие решение предложить Сталину напасть на немцев — требуют от командования Военно-воздушных сил «К 10 октября закончить подготовку частей к зиме»!

Итак, если исходить из того, что советское командование продолжало придерживаться «устаревших» взглядов на начальный период войны, следует признать, что выражения «предупредить в развертывании», нанести «внезапный удар» не обязательно в данном контексте должны означать «осуществить нападение». Если планировалось, что на развертывание войск и той, и другой стороне потребуется какое-то время уже после начала войны (иными словами, «нанесение удара» и открытие военных действий хронологически не совпадают), то выражение документа «упредить в развертывании» должно пониматься как отражение стремления осуществить его в более короткий срок, чем это сделает противник (сократив тем самым пресловутый «начальный период»), и, естественно, нанести удар первым. Ничего более. Истолкование исследуемого отрывка как предложения открыть военные действия, развязать войну является неоправданным расширением тезиса и без дополнительной аргументации неприемлемо²⁷.

Отметим, что в тексте источника можно найти свидетельства в пользу того, что этот документ неправомерно рассматривать как план нападения СССР на Германию.

«Соображения...» составлены «на случай войны с Германией». Приводя данные о количестве немецких дивизий, которые будут выставлены против Советского Союза, авторы плана прямо пишут, в каком

именно «случае» эта война может произойти: если Германия нападет на СССР. «Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас /.../ до 180 дивизий». Надо думать, если бы Советским командованием рассматривался другой вариант развития событий, оценка немецких сил делалась бы и на этот случай — и была бы, видимо, другой. Здесь же авторы «Соображений...» исходят из того, что Германия выставит против СССР свои главные силы, а не задействует их, скажем, на Ближнем Востоке. Кроме того, планируя первым начать войну, советское командование не могло не определить срок, к которому войска должны были быть готовы для наступления. Примером здесь может служить план «Барбаросса», история подготовки которого в достаточной степени изучена. Отсутствие в «Соображениях...» такого рода даты уже весьма симптоматично, тем более что в тексте названы другие: «...Необходимо, — пишут авторы документа, — всемерно форсировать строительство и вооружение укрепленных районов, начать строительство укрепрайонов на тыловом рубеже Осташков, Почеп и предусмотреть строительство новых укрепрайонов в 1942 году на границе с Венгрией, а также продолжать строительство укрепрайонов по линии старой госграницы». Согласившись считать «Соображения...» предложением начать войну летом 1941 г. (причем предполагалось, что Красная Армия будет победоносно наступать!), историки должны были бы объяснить, почему Генштаб через год военных действий рассчитывал вести их на тыловом рубеже Осташков-Почеп или на линии старой госграницы. Непонятно также, зачем в условиях планировавшейся наступательной войны* начинать (!) строить укрепрайоны на границе с Венгрией — чтобы обороняться на них в 1943 году? Каким образом можно было бы продолжать строительство укрепрайонов в условиях полномасштабных военных действий? Наличие внутренних противоречий в источнике, как правило, говорит о том, что истолкование какой-то его части ошибочно и нуждается в согласовании с другими.

Таким образом, истолкование цитированных выше абзацев документа как предложения начать войну летом 1941 г. не согласуется с другими фрагментами текста, и, кроме того, приводит еще к одному противоречию: в соответствии с пунктом IV «Сообра-

* Мы решительно возражаем против использования выражения «наступательная война» в качестве синонима войны захватнической, агрессивной, как это делается в работах В. А. Неvejeина, М. И. Мельтюхова и некоторых других авторов. В частности, названия работ В. А. Неvejeина: «Синдром наступательной войны», «Идея наступательной войны...», «Сталинский выбор 1941 г. — оборона или... „лозунг наступательной войны“?», «Собирались ли Сталин наступать в 1941 г.?», а также название сборника статей, автором и составителем которого он является — «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?», свидетельствуют либо о непонимании, либо о сознательном игнорировании разницы между наступлением как способом действий армии и наступательной войной как синонимом войны захватнической, агрессивной. Очевидно, что когда ряд исследователей используют выражение «наступательная война», они имеют в виду способ действия вооруженных сил, вопрос же о целях войны остается за скобками. См., напр.: Куманев Г. А., Шкляр Э. Э. До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны. // Свободная мысль. № 2. 1995; См также: Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995. С. 293.

жений...» в мае–июне 1941 г. начали осуществляться мероприятия по скрытому отмобилизованию и сосредоточению войск Красной Армии²⁸, чего, казалось бы, не могло быть, если бы документ был отвергнут И. Сталиным. В то же время (май 1941 г.) перед войсками приграничных округов директивами Генштаба были поставлены исключительно оборонительные задачи. Более того, командование КОВО запланировало меры по инженерной подготовке ТВД — в частности, сосредоточение дополнительного количества мин и колючей проволоки — на июль и август 1941 г.!

На наш взгляд, эти противоречия свидетельствуют о том, что интерпретация «Соображений...» как предложения начать войну неверна. Разрешить же их можно в том случае, если признать, что фраза документа о необходимости «упредить противника в развертывании и нанести внезапный удар» не тождественна в данном случае предложению открыть военные действия. Составители плана, учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной Армии непосредственно после начала войны нанести противнику «внезапный удар», упредив его в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война всё-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. (В этой связи уместно сослаться на работы О. В. Вишлёва, где содержатся убедительные доводы в пользу того, что советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае — какая-либо провокация со стороны Германии²⁹). В любом случае, советские генералы допускали ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадёт хронологически с началом военных действий. Напомним здесь еще одно известное признание Г. К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»³⁰.

Нужно констатировать, что советскому военному руководству не удалось осмыслить и найти ответ

на проблему, поставленную опытом германо-польской войны и осмысленную Иссерсоном. Проблеме, связанную с осознанием неравности стартовых условий для Германии и СССР при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета Гесса, время требовало немедленных решений по упреждению (см. интервью Василевского 1992 г.).

Высказанные нами соображения, как представляется, следует принять во внимание, чтобы получившая распространение в новейшей литературе интерпретация не закрепились в историографии как единственно возможная³¹. Вопрос, на наш взгляд, остается дискуссионным, и разрешить его окончательно можно только с привлечением дополнительных источников.

Тем не менее ряд российских историков — В. А. Анфилов, Ю. А. Горьков, Л. А. Безыменский и некоторые другие, — не принимая точки зрения и выводов сторонников ревизионистской концепции, согласились рассматривать майский вариант «Соображений...» как план упреждающего удара, имея при этом в виду предложение открыть военные действия³². Дополнительным аргументом в данном случае являлись свидетельства В. А. Анфилова, Н. А. Светлишина и И. С. Стаднюка, согласно которым Г. К. Жуков, а также В. М. Молотов в частных беседах якобы признали факт сделанного Генштабом предложения, которое было И. Сталиным отвергнуто³³. Эта версия получила распространение в литературе. Так, Н. М. Раманичев, основываясь на рассказе В. А. Анфилова, рассуждает следующим образом: прежде чем представить документ И. В. Сталину, Тимошенко и Жуков «решили проверить его реакцию на идею упреждающего удара»; поскольку реакция была отрицательной, ясно, что самого документа Сталин не видел³⁴. На наш взгляд, такого рода свидетельства не могут играть роль решающего доказательства. Тем более, что сообщаемая В. А. Анфиловым (также якобы со слов Г. К. Жукова) информация относительно содержания оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г., содержащаяся на соседних страницах его монографии, оказалась не вполне соответствующей действительности³⁵.

Свидетельства историков о сделанном им Г. К. Жуковым признании появились в тот период, когда в средствах массовой информации развернулась кампания по внедрению в общественное сознание представлений в духе книги В. Суворова-Резуна «Ледокол», и использовались непосредственно с целью опровержения содержащихся в ней утверждений. В опубликованном же наследии Г. К. Жукова не содержится ничего похожего на эти признания. В то же

время Г. К. Жуков письменно засвидетельствовал (выше уже цитировалось одно из таких высказываний), что Генштаб исходил из того, что главные силы сторон вступят в сражение только через несколько суток после начала войны: «Ни Комиссариат обороны, ни я сам, ни мои предшественники... не думали, что противнику удастся сосредоточить такую массу... сил и задействовать их в первый же день...» Руководство Красной Армии не смогло заранее оценить «ударную мощь немецкой армии... Это был основной фактор, предопределивший наши потери в начальный период войны»³⁶.

В высшей степени характерно, что до издания в России книг В. Суворова-Резуна историки не видели оснований для того, чтобы рассматривать «Соображения...» как предложение открыть военные действия. Д. А. Волкогонов, например, цитируя этот документ в книге «Триумф и трагедия», изданной в 1989 году, сопроводил их следующим комментарием: «Генштаб и ГУПП полагали, что оборона может быть лишь кратковременной: войска готовились наступать. Отразить нападение и наступать...»³⁷ А. Г. Хорьков, чья книга «Грозовой июнь» появилась в печати в 1991 г., используя выражение «упреждающий удар», понимал его как «ответный удар», соответствующий представлениям советской военной науке того времени о начальном периоде войны. «Исходные расчеты советского руководства, — писал он, — основывались на предположении, что обе стороны, вступающие в войну, введут в начальные сражения лишь часть заранее развернутых сил, а главные силы в это время будут завершать мобилизацию и продолжать сосредоточение под прикрытием войск первого стратегического эшелона. В имевшихся планах решающим моментом /.../ являлось принципиальное решение вопроса: какого варианта *с началом войны* (подчеркнуто нами. — Ю. Н.) придерживаться — либо первым осуществить наступление на противника, т. е. нанести упреждающий удар, или вначале отразить его удар, а затем перейти в решительное наступление»³⁸. И позже отдельные историки — в частности, Ю. С. Солнышков — не видели в тексте майских «Соображений...» предложения «нанести удар в 1941 г.»³⁹

К сожалению, голос тех исследователей, кто не торопился признавать «Соображения...» планом «упреждающего удара», в соответствии с которым война должна была быть развязана Советским Союзом, звучал недостаточно громко. Более того, было проигнорировано мнение непосредственного свидетеля и участника тех событий, причем весьма информированного — П. А. Судоплатова, который дожил до наших дней и успел откликнуться на развернувшуюся дискуссию по поводу советских предвоенных планов и, в частности, «Соображений...» от 15 мая 1941 года. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, —

заявил он, — что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали упредить немцев в стратегическом развертывании войск *в случае начала Германией военных действий*»⁴⁰.

Представляется, таким образом, что утвердившееся в литературе мнение о том, что советским военным и политическим руководством весной 1941 г. рассматривался такой вариант начала войны с Германией, при котором инициатором начала военных действий выступил бы СССР, лишено достаточных оснований. Во всяком случае, сторонникам этой версии следовало бы поискать дополнительные документальные подтверждения в свою пользу, поскольку соответствующее истолкование майских «Соображений...» Генштаба нельзя не признать произвольным.

В заключение следует высказать несколько дополнительных замечаний относительно содержания развернувшейся в 1990-е гг. дискуссии вокруг советских предвоенных планов.

Толчком к ней послужила публикация сначала на Западе, а затем и в России книги В. Суворова (Резуна) «Ледокол», главная идея которой состоит в обосновании тезиса о наличии у СССР агрессивного замысла по завоеванию Европы, практическая подготовка к реализации которого ускоренными темпами велась весной 1941 г. Некоторые авторы, очевидным образом подпав под обаяние книги Резуна, с энтузиазмом увидели в предложении авторов «Соображений...» упредить противника в развертывании и нанести внезапный удар доказательство правоты его «концепции». Этот энтузиазм был тем более объясним, что никаких документальных подтверждений версия об агрессивных замыслах советского руководства не имела, историками всерьез не воспринималась, и ее сторонники испытывали серьезные затруднения в легитимации соответствующих представлений и придании им хоть какой-то видимости «научности»⁴¹.

Намерение Сталина начать войну в работах этих историков связывалось с характером существовавшего тогда в СССР режима: «... Не столько необходимостью борьбы с агрессией, сколько далеко идущими планами и коммунистическими амбициями устранения власти капитализма на пути к мировой революции определялась деятельность политического и военного руководства в предгрозовой обстановке 1941 года», — писал, например, В. Д. Данилов⁴². Ему вторил М. И. Мельтюхов, считая, что основной внешнеполитической целью Советского Союза было «достижение мирового господства»⁴³. На эти и им подобные утверждения аксиоматического характера опиралось затем истолкование фактов и документов предвоенной истории.

Некоторые согласились с этой аргументацией: так, в частности, член-корреспондент РАН А. Н. Са-

* Использование А. Г. Хорьковым термина «ответный удар» представляется в данном случае не вполне корректным, что, впрочем, не меняет сути дела.

харов, опираясь на работы этих историков, сделал вывод, что нанесение летом 1941 г. упреждающего удара позволило бы нашей стране победить быстрее и с меньшими потерями⁴⁴. Однако, строго говоря, ни о каком упреждающем ударе в работах названных авторов речи не идет — СССР, по их мнению, готовился к завоевательному походу. «...Ни Германия, ни СССР, — писал, например, М. И. Мельтюхов, — не рассчитывали на наступление противника, значит, и тезис о превентивных действиях в данном случае неприменим»⁴⁵.

В советское время показу несостоятельности тезиса о превентивном характере гитлеровского нападения 22 июня 1941 г. историками уделялось немало внимания⁴⁶. В то же время, в литературе, посвященной этой проблеме, зачастую не проводилось четкой грани между превентивной войной в том значении, которое вкладывалось в это понятие идеологами гитлеризма, и превентивным ударом как специальным военным термином, что сегодня приводит к определенным трудностям в анализе как самой проблемы, так и посвященной ей историографии. Очевидно, что существует принципиальная разница между «превентивной войной», о которой десятилетиями твердила западногерманская правоконсервативная историография, и «превентивным ударом», дискуссия по поводу которого была навязана российским историкам в первой половине 1990-х годов.

Интерпретируя «Соображения...» Генштаба как предложение нанести упреждающий удар, большинство специалистов имеют в виду военную операцию, предпринимаемую в оборонительных целях ввиду изготовившегося к агрессии (или уже начавшего ее) противника⁴⁷. При таком понимании данного термина дальнейшее обсуждение вопроса о соответствии ему содержания предложений Генштаба вполне оправдано. Аргументацию же тех авторов, которые используют это выражение как синоним

нападения, не мотивированного внешней угрозой, нужно отвести как неубедительную. Прежде всего в силу неоправданного отождествления в работах этих историков терминов «наступление» и «нападение», «агрессия»⁴⁸.

Что касается авторов «Соображений...», то они пишут: «Для того, чтобы обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление, необходимо...» «Предотвратить», «упредить» — вот терминология, используемая авторами документа. План ставит перед советскими войсками ограниченные задачи: разгром основных группировок противника на территории Польши и Восточной Пруссии, что, указывал Ю. А. Горьков, вполне укладывается в рамки фронтовой операции⁴⁹.

Таким образом, если не путать нанесение упреждающего агрессора удара, совершаемого в целях обороны, с наступлением в целях завоевания, то необходимо признать, что в «Соображениях...» Генерального штаба Красной Армии невозможно увидеть план, который бы соответствовал «экспансионистским устремлениям» советского руководства. Из его текста отчетливо видно, что советское командование исходило из признания угрозы со стороны Германии, оценивало ее войска как изготовившиеся для нападения и свои действия рассматривало как ответные.

Более того, «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования (на обоснование какого некоторыми историками было потрачено немало усилий⁵⁰) в принципе не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г. Между подготовкой к войне и принятием решения о ее развязывании — пропасть, перепрыгнуть которую сторонникам Суворова-Резуна, несмотря на все старания, так и не удалось.

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17–20; 1992. № 1. С. 24–29; № 2. С. 17–22; Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3; Военно-исторический журнал. 1996. № № 2, 3, 4, 6; Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108–129; 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998.

² Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40–45; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 303–309; 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 215–220; Впервые опубликовано: Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 17–19.

³ Бобылёв П. Н. К какой войне готовился генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 16.

⁴ См., напр.: Афанасьев Ю. Н. Другая война: история и память // Другая война: 1939–1945. М.: РГГУ, 1996. С. 24; Данилов В. Д. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 января; Мельтюхов М. И. «И на вражьей земле мы врага разобьем...» (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995. № 6. С. 67–72; Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 98–99; и др.

⁵ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 216. Также см.: Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 43–44; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 304.

⁶ См.: Мельтюхов М. И. Современная отечественная историография предыстории Великой Отечественной войны (1985–1995): дисс... канд. ист. наук (07.00.09) / Гос. акад. сферы быта и услуг. М., 1995. С. 144; Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М.: РГГУ, 1996. С. 497.

⁷ См., например: Анфилов В. А. Бессмертный подвиг. М.: Воениздат, 1973. С. 157.

⁸ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 1. М., 1998. С. 153–159.

⁹ Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: Терра, 1993. С. 153–154.

- ¹⁰ См.: Анфилов В. А. Незабываемый сорок первый. М., 1989. С. 18; Анфилов В. А. Дорога к трагедии 41-го года. М., 1997. С. 131.
- ¹¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Воениздат, 1974. Т. 1. С. 230, 240.
- ¹² Василевский А. М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубл. интервью маршала Советского Союза А. М. Василевского от 20 авг. 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 8.
- ¹³ 1941 год: в 2-х кн. Кн. 1. С. 247.
- ¹⁴ Использование авторами выражения «активная оборона» свидетельствует, что в их представлении в период сосредоточения главных сил боевые действия будут уже вестись.
- ¹⁵ Там же. С. 492–493.
- ¹⁶ См.: Бобылев П. Н. Указ соч. С. 7–8.
- ¹⁷ См.: Герасимов Г. И. «Мобилизация есть война...»: Мобилизационная готовность РККА и начальный период Великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1999. № 3. С. 9–10.
- ¹⁸ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др. М., 1998. С. 227; Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 117.
- ¹⁹ Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 120.
- ²⁰ См.: Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 8.
- ²¹ См.: Бобылев П. Н. Указ. соч.; Мельтюхов М. И.
- ²² См.: Там же. № 3. С. 11.
- ²³ Там же. № 2. С. 13. Пунктами «II б» и «II д» плана ПриОВО определяются задачи обороны, аналогичные содержащимся в планах КОВО и ЗапОВО: Там же. № 2. С. 9.
- ²⁴ См.: Герасимов Г. И. Указ. соч. С. 9–10.
- ²⁵ Приказы НКО СССР 1937 — 21.6.1941 г. Т. 13 (2–1). М.: Терра, 1994. С. 279–280.
- ²⁶ ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 82. Л. 49–58; Оpubл. в кн.: Драбкин А. Я дрался на истребителе. М., 2005. С. 475.
- ²⁷ Утверждения же вроде: «В документе неоднократно подчеркивается (курсив наш — Ю. Н.), что именно Красная Армия будет инициатором военных действий» (Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 387–388) и вовсе вызывают недоумение, если не сказать больше.
- ²⁸ Сам по себе данный факт, как бы ни хотелось этого эпигонам В. Суворова, не может служить доказательством решимости руководства СССР начать летом 1941 г. войну.
- ²⁹ См.: Вишлев О. В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96; Вишлев О. В. «...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М. 1995. С. 39–53; Вишлев О. В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; и др.
- ³⁰ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1990. С. 29–30.
- ³¹ Во многих новейших работах тезис о сделанном Генштабом предложении нанести упреждающий удар излагается уже как нечто само собой разумеющееся и в обосновании не нуждающееся. См., напр.: Макар И. П. Из опыта планирования стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 4–5, 9.
- ³² См., напр.: Горьков Ю. А., Семин Ю. Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 111; Безыменский Л. А. О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3.
- ³³ Анфилов В. А. Грозное лето 41-го. М.: Анкил-воин, 1995. С. 67; Анфилов В. А. Дорога к трагедии 41-го года. М., 1997. С. 167; Светлишин Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск, 1992. С. 57–58; Стаднюк И. С. Нечто о сталинизме // О них ходили легенды. Серия «О них ходили легенды» в 15-ти томах: Сборник. М., 1994. С. 423–424.
- ³⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. С. 118.
- ³⁵ В. А. Анфилов пишет, что Г. К. Жуков, рассказывая ему о военно-стратегических играх на картах, состоявшихся в январе 1941 года, изобразил на рукописи монографии В. А. Анфилова «Бессмертный подвиг» «три мощных удара» «синих», разгромившие группировки «красных», охарактеризовав игру как «генеральную репетицию начала Великой Отечественной войны» (Анфилов В. А. Указ. соч. С. 155; Анфилов В. А. Грозное лето 41-го года. М., 1995. С. 56–57). Рассекреченные же материалы декабрьского 1940 г. совещания и состоявшихся по его окончании игр свидетельствуют, что ход игр был совершенно иным (См.: Справка об оперативно-стратегических играх, проведенных с участниками декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: Терра, 1993. С. 388–390; Бобылев П. Н. Указ. соч.; Его же: Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 33–34).
- ³⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 324; Симонов К. М. Заметки к биографии Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 53.
- ³⁷ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 2. Ч. 1. М.: Издательство АПН, 1989. С. 136.
- ³⁸ Хорьков А. Г. Грозной июнь. М.: Воениздат, 1991. С. 235.
- ³⁹ Солнышков Ю. С. По поводу статьи генерал-полковника Ю. А. Горькова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 240.
- ⁴⁰ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 216.

- ⁴¹ В попытках найти какие-нибудь «компрометирующие» документы пришлось даже прибегнуть к реанимации такой известной фальшивки, как «Речь И. Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г.» (См.: Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. №1).
- ⁴² Данилов В.Д. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Сегодня. 1993. 28 сентября. С. 10.
- ⁴³ См.: Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. №3. С. 5; а также другие работы этого автора.
- ⁴⁴ Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг. // Вопросы истории. 1995. №7. С. 38.
- ⁴⁵ Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. №3. С. 18.
- ⁴⁶ См.: Куманев Г.А., Курбанов В.В. Миф и «превентивной войне» и его буржуазные приверженцы // Буржуазная историография второй мировой войны: анализ современных тенденций. М., 1985; История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 3. М., 1974; Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. Изд. 2-е. М., 1975; Якушевский А.С. Правде вопреки. Киев, 1981; и др.
- ⁴⁷ Об этом см.: Орлов А.С. Роковой 41-й: готовил ли Советский союз нападение на Германию? // Россия XXI. 2001. №3. С. 80–81.
- ⁴⁸ Характерным, в данном случае, является подход В.А. Невежина, понимающего «наступательную» войну как войну экспансионистскую — см., напр.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М.: АИРО-XX, 1997. С. 155.
- ⁴⁹ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. С. 62.
- ⁵⁰ См.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. М.: АИРО-XX, 1997; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. М.: Вече, 2000; а также другие работы этих авторов.

Генеральный план «Ост»

И. А. Ахтамзян*

Генеральный план «Ост» — чудовищный документ государственной политики гитлеровской Германии на территории оккупированных восточноевропейских стран. Нацисты не были заинтересованы в ознакомлении общественности с деталями планов по колонизации «пространств» на Востоке Европы, А. Гитлер советовал только «подчёркивать, что мы приносим свободу». В одном из выступлений «в узком кругу» подручных нацистский фюрер цинично утверждал: «Важнее всего, чтобы мы не выдавали нашу цель всему миру. В этом нет никакой необходимости. Главное — чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае не осложнять себе собственный путь излишней болтовнёй»¹.

Имеющийся в распоряжении мировой общественности экземпляр генерального плана датирован 28 мая 1942 г.² В декабре 2009 г. факсимильное изображение документа было впервые выставлено для всеобщего доступа в сети Интернет на сайте Берлинского университета имени Гумбольдта. В его тексте (часть С) упоминается в качестве самостоятельного документа Генеральный план «Ост» от 15 июля 1941 г.³ Как свидетельствует Л. А. Безыменский, третий вариант был представлен Г. Гимmlеру 15 февраля 1943 г.⁴ Кроме этого, в письме рейхсфюрера СС Г. Гимmlера от 12 июня 1942 г. поставлена задача составить «общий план колонизации, который бы учитывал ранее разработанные планы для областей Данциг — Западная Пруссия, Вартской и Верхней Силезии, Юго-Восточной Пруссии, а также для Богемии и Моравии, Эльзас-Лотарингии, Верхней Крайны и Южной Штирии»⁵. Всё это позволяет предположить существование серии актов (большой частью неизвестных современному исследователю), последовательная цепь которых представляла основной план государственной политики нацистского рейха на Востоке. Об их содержании можно судить и по сохранившимся «Замечаниям и предложениям по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера СС», сделанным

чиновником «восточного министерства» Э. Ветцелем 27 апреля 1942 г.⁶, и по упомянутому письму Г. Гимmlера по поводу генерального плана «Ост».

В широком смысле, под Генеральным планом «Ост» можно понимать совокупность идей и документов, порождённых в недрах институтов рейха и НСДАП и представлявших собой целую программу «германизации» захваченных земель, которая предусматривала «устранение» местного населения и массовое заселение «очищенных пространств» привезёнными, «расово полноценными» колонистами.

Во вступлении к Генеральному плану «Ост» говорилось: «Силой немецкого оружия восточные территории, являвшиеся предметом споров на протяжении веков, окончательно завоёваны для рейха. Отныне рейх рассматривает в качестве своей благороднейшей задачи превращение в кратчайший период этих областей в полноценные имперские области. Первейшей предпосылкой для этого является заселение сельских районов и создание здорового крестьянства»⁷.

I

Цельная стратегия действий в Восточной Европе, разумеется, появилась у гитлеровского руководства не сразу и была основана на теоретических рассуждениях основателя «третьего рейха». Ключевое место в них занимали тезисы о «жизненном пространстве», необходимом для немецкого народа, и расовые бредни, в соответствии с которыми существование целых народов считалось ненужным. «Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно»⁸, — заявил А. Гитлер в «Майн кампф», написанной в 1923–1924 гг.

В этом же «евангелии нацизма» Адольфом Гитлером была провозглашена стратегия завоевания земель на Востоке Европы: «Мы хотим приостановить

* **Ильдар Абдулханович Ахтамзян** — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО (У) МИД России.

вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»⁹.

Убежденность А. Гитлера в возможности достичь поставленной цели основывалась на его внешнеполитической концепции и расистских измышлениях. Выступая 13 ноября 1930 г. перед профессорами и студентами в Эрлангене, нацистский главарь даст «обоснование» стремления к мировому господству: «Каждое существо стремится к экспансии, каждый народ — к мировому господству. Только тот, кто помнит об этой конечной цели, следует правильным путём»¹⁰. Захват территорий Советского Союза и их «безжалостная германизация» представлялись А. Гитлеру ключевым звеном на пути к мировому господству. «Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки, — утверждал фюрер «третьего рейха». — ... Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловную правильность нашей расовой теории»¹¹.

А. Гитлер считал в годы, предшествовавшие взятию власти в Германии, что вся внешняя политика будущего нацистского государства должна строиться с прицелом на завоевание «восточных пространств». Даже конфронтация с Францией, воспринимавшаяся реваншистски настроенными немцами как стержневая политика на долгий срок, трактовалась А. Гитлером как средство продвижения к той же главной цели. «Эта борьба с Францией может иметь и будет иметь смысл лишь постольку, поскольку она обеспечит нам тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе»¹², — разглагольствовал А. Гитлер.

В последующих работах (так называемая «Вторая книга Гитлера» в конце 1920-х гг.) А. Гитлер неоднократно обращался к теме восточноевропейского направления экспансии, которое представлялось ему осью для утверждения «господского типа мышления» в немецком народе. В сентябре 1941 г. А. Гитлер снова вернётся к идее особого значения захвата советских территорий, заявив: «Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия. Если бы я мог втолковать немецкому народу, как они важны для будущего!»¹³.

Захватив власть в Германии в 1933 г., А. Гитлер продолжил разработку агрессивной стратегии. В публичных заявлениях того времени фюрер произнёс немало миролюбивых слов. О его реальных намерениях в начале 1930-х г. можно судить по тем беседам, которые он вёл с нацистом из Данцига Г. Раушнинггом (председателем данцигского сената). В рассуждениях

«в узком кругу» А. Гитлер мог позволить себе быть откровенным. Изложенные в доверительном порядке, идеи фюрера были преданы гласности Г. Раушнинггом на Западе уже во второй половине 1930-х гг. «В центре я поставлю стальное ядро великой, скованной в неразделимое целое Германии. Австрия, Чехия и Моравия, Западная Польша. Блок из сотен миллионов человек, нерушимый, без трещин и без инородцев. Прочный фундамент нашего господства. Затем — Восточная Федерация. Польша, государства Прибалтики, Венгрия, балканские государства, Украина, Поволжье, Грузия, — говорил А. Гитлер. — Федерация — но, конечно, не наши равноправные партнеры, а союз вспомогательных народов, без армий, без самостоятельной политики, без самостоятельной экономики. И никому не будет поблажек...»¹⁴.

Наибольшую активность в разработке планов экспансии на Восток германские нацисты проявили в связи с подготовкой агрессии против Советского Союза. Уже в «Майн кампф» А. Гитлер презрительно высказывался о «недочеловеках», которыми населены республики Советского Союза. «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам... — писал А. Гитлер. — В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца»¹⁵. Та же идея об определяющей роли немцев в российской истории «вплоть до Ленина и Сталина» будет включена в текст «12 заповедей» для немецких административных чиновников в оккупированных восточных областях, утверждённый в Берлине 1 июня 1941 г.¹⁶

В годы войны А. Гитлер не раз будет заниматься «расовым обоснованием» агрессии на Восток в среде своих подручных. «На Восток и только на Восток должен устремиться наш народ. Сама природа указывает это направление для германской экспансии, — заклинал фюрер в своём бункере 7 февраля 1945 г. — Суровый климат на Востоке позволит немцу сохранить свои качества крепкого и жизнеспособного человека, а резкие контрасты, которые он найдет там, помогут сохранить его любовь и тоску по родине. Переселите немца в Киев, и он останется отличным немцем. Но переселите его в Майами и вы сделаете его дегенератом, иными словами американцем».¹⁷

II

В начале апреля 1941 г. было образовано центральное бюро по подготовке решения вопроса о восточном пространстве во главе с Альфредом Розенбергом. Как свидетельствует Л. А. Безыменский, в 1975 г. в личной беседе с В. Кёппеном (бывшим адъютантом А. Розенберга) тот рассказал, что А. Розенберг готовил планы переустройства Советского государства задолго до начала войны, возглавляя внешнеполитическое ведомство нацистской партии.

Для разработки этих планов был создан специальный орган под названием «Исследовательский институт континентально-европейской политики»¹⁸. Наконец, после начала агрессии указом А. Гитлера 17 июля 1941 г. было образовано имперское министерство по делам оккупированных восточных областей, сокращённо именовавшееся Ostministerium, то есть «восточное министерство», во главе с тем же А. Розенбергом.

Ведомства Розенберга (под разными названиями) не были единственными, протянувшими свои щупальца на Восток. Высокую активность развили структуры, подчинявшиеся Г. Гиммлеру и Г. Герингу. Уже 25 мая 1940 г. Г. Гиммлер утвердил документ под названием «Некоторые мысли об обращении с инородцами на Востоке»¹⁹. В этом документе глава СС заявлял: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры...»²⁰.

Особенности бюрократических структур, порождённых в недрах СС и занимавшихся «восточным вопросом», исследованы Л. А. Безыменским. Он отмечает, что с 1939 г. на первый план выдвинулось ведомство, находившееся в личном подчинении Г. Гиммлера: ведомство «имперского комиссара по укреплению немецкой расы»²¹. Генеральный план «Ост» появился на свет прежде всего стараниями органов СС, согласовывавших его с «восточным министерством» и другими ответвлениями нацистского государственного аппарата²².

Экономическое ограбление «восточных пространств» планировалось преимущественно структурами, подчинёнными Г. Герингу. Под руководством Г. Геринга были выработаны директивы по экономической эксплуатации оккупированных земель (так называемая «Зелёная папка»). 29 июня 1941 г. А. Гитлер подписал распоряжение «Об использовании экономики оккупированных восточных областей», в первом же пункте которого декларировалось, что в этих областях «рейхсмаршал Герман Геринг в пределах власти, данной ему как лицу, ответственному за четырёхлетний план, ведает всеми мероприятиями, которые необходимы для наилучшего использования обнаруженных запасов и производственных мощностей и для укрепления экономической мощи в интересах военной экономики Германии»²³. При выполнении этих задач Г. Геринг опирался на аппарат Экономического штаба «Восток» (ранее именовавшегося Штаб «Ольденбург»).

Таким образом, целый клубок ведомств из гитлеровского гадючника параллельно и во взаимодействии разрабатывал главный проект гитлеровской экспансии на пути к мировому господству: овладение

территориями Советского Союза для их ограбления и колонизации. 22 июня 1941 г. этот клубок был вброшен на оккупированные «восточные пространства».

III

О практических задачах, которые ставились А. Гитлером при проведении политики на завоёванных «пространствах», можно судить прежде всего на основании доступных государственных документов, среди которых хронологически первым после вторжения стал «меморандум Бормана» от 16 июля 1941 г. — запись обсуждения А. Гитлером и его приближёнными нацистской оккупационной политики в России²⁴.

А. Гитлер откровенно заявляет высшим руководителям рейха и НСДАП: «В принципе дело идёт о том, как сподручнее разделить гигантский пирог, чтобы мы:

- во-первых, господствовали,
- во-вторых, управляли,
- в-третьих, могли эксплуатировать»²⁵.

Если попытаться в немногих словах определить нацистский подход к оккупированным территориям, это, без сомнения, — «грабёж и истребление». Безудержная предвоенная милитаризация Германии привела к колоссальным диспропорциям в экономике и небывалому росту государственной задолженности, которую авантюрист А. Гитлер надеялся погасить за счёт захваченных земель. «Есть лишь два пути: или мы взвалим все тяготы по выплате этого долга на плечи наших соотечественников, или на покрытие этих расходов пойдёт та прибыль, которую мы сможем извлечь из оккупированных восточных территорий, — подчёркивал нацистский фюрер, заранее зная, какого ответа ждут от него его единомышленники. — Второй путь, несомненно, предпочтительнее»²⁶.

Чисто военная сторона оккупации была разработана гитлеровцами уже 15 июля 1941 г. «Тезисы к докладу об оккупации и охране русской территории и о реорганизации сухопутных войск после окончания операции «Барбаросса», представленные ставкой главного командования сухопутных войск, предусматривали использование «по возможности малых сил». Тем не менее эти силы должны были включать 56 дивизий, входивших в состав групп армий «Север» (штаб в Москве, по армии в Прибалтике, Белоруссии и Восточной России) и «Юг» (штаб в Харькове, по армии на Кавказе, в Восточной и Западной Украине)²⁷.

Ценнейшим источником откровенных высказываний А. Гитлера о целях «похода на Восток» и методах оккупационной политики являются записи доверительных бесед нацистского фюрера в узком кругу, сделанные по указанию М. Бормана сначала Генрихом Геймом, а затем Генри Пикером в основном в период с июля 1941 г. по июль 1942 г. Эти высказывания получили в научной литературе обозначение «застольные разговоры» или «застольные беседы» А. Гитлера (очевидно, по аналогии с «Застольными

беседами» классика истории Плутарха)²⁸. Некоторые дополнительные сведения о мотивах и целях нацистского «натиска на Восток» можно почерпнуть в так называемом «Завещании Гитлера», или «разговорах в бункере»: записях откровений главы «третьего рейха», сделанных в период с февраля по апрель 1945 г.²⁹

Общей характерной чертой действий нацистов на оккупированных советских территориях можно считать беспримерную жестокость, которая была заранее предусмотрена в планах «третьего рейха». Жестокость объявлялась единственно возможной высшими руководителями вермахта. На совещании командного состава вермахта в ставке фюрера 30 марта 1941 г. уже декларировалось: «Это будет война на уничтожение»³⁰. Начальник генерального штаба сухопутных сил Ф. Гальдер угодливо фиксирует в дневнике мысли фюрера: «Отразить в приказе главнокомандующего. Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость сегодня означает терпимость в будущем»³¹.

В упоминавшемся «Меморандуме Бормана» 16 июля 1941 г. отмечалось: «Фельдмаршал Кейтель подчёркивает, что за свои поступки жители должны отвечать сами, ведь невозможно же выставить часовых у каждого склада и каждого вокзала. Жители должны знать: каждый, кто не работает на немцев, будет расстрелян, и за любой проступок виновный будет наказан»³².

В дополнении к директиве ОКВ № 33, 23.07.1941, подписанном В. Кейтелем, начальником штаба верховного главнокомандования вооружённых сил Германии, утверждалось: «...6) Войск, выделенных для несения службы охраны в занятых восточных областях, хватит для выполнения задач лишь в том случае, если всякое сопротивление будет ликвидироваться не путём судебного наказания виновных, а распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьёт у населения всякое желание противодействовать. ...Командующие должны изыскивать средства для обеспечения порядка в охраняемых районах, не запрашивая новых охранных частей, а применяя соответствующие драконовские меры»³³.

Бесчеловечные методы обращения с населением на захваченных землях должны были стать основой «германизации». В уже упоминавшихся «12 заповедях» для немецких административных чиновников в оккупированных восточных областях» от 1 июня 1941 г. провозглашалось: «Поскольку вновь осваиваемые пространства приобретены для Германии и Европы на длительный срок, решающее значение приобретает ваше поведение. Вы должны сознавать, что являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы на многие века. Поэтому вы должны с достоинством осуществлять самые жёсткие и безоговорочные меры, вытекающие из потребностей государства»³⁴.

Столкнувшись с массовым партизанским движением, гитлеровцы ответили зверскими карательными мерами. В приказе В. Кейтеля о подавлении «коммунистического повстанческого движения», отданном 16 сентября 1941 г., указывалось: «Чтобы в зародыше подавить эти происки, следует по первому поводу немедленно принять самые суровые меры для утверждения авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего расширения движения. При этом следует учитывать, что на указанных территориях человеческая жизнь ничего не стоит, и устрашающее воздействие может быть достигнуто только необычайной жестокостью»³⁵.

Говоря об оккупации всё новых земель, А. Гитлер отмечал: «Ни в коем случае не надо показывать, что это сделано навсегда. Тем не менее, все необходимые меры — расстрел, переселение и т. п. — мы всё равно сможем и будем осуществлять и дальше»³⁶.

Ликвидацию государственности народов Советского Союза А. Гитлер считал важной предпосылкой утверждения германского господства. «...Властвуя над покоренными нами на восточных землях рейха народами, нужно руководствоваться одним основным принципом, а именно: предоставить простор тем, кто желает пользоваться индивидуальными свободами, избегать любых форм государственного контроля и тем самым сделать все, чтобы эти народы находились на как можно более низком уровне культурного развития», — заявил А. Гитлер в одной из «застольных бесед» 11 апреля 1942 г.³⁷

Восточное министерство А. Розенберга уже осенью 1941 г. подготовило так называемую «Коричневую папку», содержащую «принципы гражданского управления в оккупированных восточных районах», в которой предлагалось рассматривать Советский Союз как распущенный, а «вследствие этого» нацистский рейх брал на себя всю полноту власти «в интересах населения»³⁸.

«Военная кампания против Советского Союза — предприятие величайшего политического значения, — утверждалось в «Коричневой папке». — Она нацелена на то, чтобы навсегда устранить опасность, которая угрожала Германии со стороны могущественного, экономически полностью развитого и организованного враждебного государства к востоку от её границ»³⁹.

Практические шаги гитлеровцев на оккупированных территориях определялись как военной конъюнктурой, так и долгосрочными целями. «Нужно всегда исходить из того, что в первую очередь задача этих народов — обслуживать нашу экономику, — утверждал А. Гитлер. — И поэтому мы должны стремиться, руководствуясь экономическими интересами, всеми средствами извлечь из оккупированных русских территорий всё, что можно»⁴⁰.

Одной из принципиально важных задач, решить которую гитлеровцы хотели за счёт захваченных земель, было обеспечение вермахта и всей Германии

продовольствием. Ещё 2 мая 1941 г. на совещании членов экономического штаба «Восток» нацисты строили планы ограбления советских областей, которые собирались оккупировать: «Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооружённые силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счёт России»⁴¹. Третьим годом войны нацисты считали период с сентября 1941 г., то есть они рассчитывали, как минимум, захватить созревший летом урожай. «При этом несомненно, — констатировали в экономическом штабе «Восток», — если мы сумеем выкачать из страны всё, что нам необходимо, то десятки миллионов людей обречены на голод»⁴².

Голод называли своим союзником в генеральном штабе сухопутных сил нацистской Германии, например, при организации наступления на Ленинград. 18 сентября 1941 г. соответствующую запись оставил в своём дневнике начальник генштаба Франц Гальдер⁴³. В связи с возможностью эвакуации несчастных жителей блокадного города А. Гитлер приказал «подавлять эту эвакуацию с применением всех средств, чтобы не допустить улучшения продовольственного положения в Ленинграде и тем самым укрепления возможностей его обороны» (запись в дневнике военно-исторического отдела верховного командования вермахта от 26 мая 1942 г.)⁴⁴. В. И. Дашичев приводит людоедское заявление Г. Геринга министру иностранных дел Италии в ноябре 1941 г.: «В этом году в России умрёт от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдёт: ведь некоторые народы необходимо сокращать»⁴⁵.

Организация голода и распространение эпидемических заболеваний среди населения оккупированных территорий рассматривались в нацистских штабах, как верное средство истребления местных жителей. «Русские живут недолго, 50–60 лет. Почему мы должны им делать прививки? — разглагольствовал А. Гитлер в своей ставке «Волчье логово» 19 февраля 1942 г. — Действительно, нужно применить силу в отношении наших юристов и врачей: запретить им делать туземцам прививки и заставлять их мыться. Зато дать им шнапсу и табаку, сколько пожелают»⁴⁶.

Известно заявление А. Гитлера в мае 1942 г. о том, что он «заберёт на Украине последнюю корову», но не допустит, чтобы Германия голодала. «Именно из этих соображений он и придаёт такое значение транспортной проблеме на Украине»⁴⁷. Возвращаясь к этому вопросу в июле 1942 г., фюрер ещё раз подчеркнул, что проблема «не только в обеспечении этой сельскохозяйственной продукцией наших войск на Востоке, но и в том, как вывезти её излишки на территорию рейха»⁴⁸.

Строительство дорог получило несомненный приоритет в нацистских проектах на оккупированных территориях. «Единственное, что должно быть хорошо организовано на оккупированных русских территориях, — это транспорт, — утверждал А. Гит-

лер в апреле 1942 г. — Ибо бесперебойная работа транспорта в стране есть одно из основных предварительных условий для установления над ней контроля и использования её экономических ресурсов»⁴⁹. Вернувшись к этому вопросу в июне 1942 г., нацистский фюрер заявил, что «уже из чисто военных соображений он обязан построить в России дороги общей протяжённостью как минимум от 750 до 1000 километров»⁵⁰.

В мае 1942 г. А. Гитлер беседовал со своими министрами А. Шпеером (министр вооружения и боеприпасов) и Ю. Дорпмюллером (министр путей сообщения) «о прокладке в будущем на Москву, в Харьков и в Турцию железнодорожных магистралей, ширина колеи которых составит четыре метра и которые, пройдя по старым землям рейха, будут сходиться в Берлине... Товарные вагоны должны быть сконструированы таким образом, чтобы их верхнюю часть можно было снять с помощью подъёмного крана, а затем насадить её на нижнюю часть товарных вагонов, курсирующих по железным дорогам с нормальной колеёй»⁵¹.

Строительство протяжённых автострад замыслилось А. Гитлером не только как мера контроля и эксплуатации Востока, но и как часть долгосрочной стратегии колонизации захваченных «пространств». «Как только я заполучу на Востоке 1,5 миллиона фольксдойче, то вынужден буду построить автострады протяжённостью полторы тысячи километров. Их поселения, как нить жемчуга, будут тянуться каждые 50–100 километров, к ним прибавится несколько больших городов», — заявил глава «третьего рейха» 26 февраля 1942 г.⁵² Строительство великолепных автострад должно было «приблизить германский Восток, а конечными пунктами должны быть такие значительные цели, как прибалтийские города Рига и Ревель [Таллин. — И. А.] или Новгород»⁵³.

Административным устройством завоёванных пространств занималось ведомство А. Розенберга. «Руководящие указания» А. Гитлера на сей счёт были зафиксированы в журнале боевых действий штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооружённых сил Германии (ОКВ) ещё 3 марта 1941 г.: «Всю территорию России нужно разделить на ряд государств с собственными правительствами, готовыми заключить с нами мирные договоры. Создание этих правительств потребует очень большой политической сноровки и хорошо продуманных общих принципов...»⁵⁴.

Нацисты собирались разделить «восточное пространство», присоединить некоторые территории к рейху и создать вместо СССР административные единицы, или рейхскомиссариаты: Москва должна была оставаться столицей «сильно урезанной Московии», рядом с которой должны были появиться «Украина» и «Кавказ» в установленных гитлеровцами границах, а также рейхскомиссариат «Остланд». Так на совещании в ставке А. Гитлера 16 июля 1941 г.

было решено именовать Прибалтику. В состав этого рейхскомиссариата оккупанты собирались включить и Белоруссию. Схема административного управления, подготовленная А. Розенбергом, получила название «Коричневая папка».

На том же совещании, согласно «меморандуму Бормана», А. Гитлер принял решение по кадровому обеспечению нацистского господства на оккупированных территориях: направить в Прибалтику Лозе, в Москву — Каше, на Украину — Коха, в Крым — Фрауэнфельда, на Кольский полуостров — Тербовета, на Кавказ — Шикеданца⁵⁵. Согласно Коричневой папке «Восточного министерства» (осень 1941 г.) предусматривалось дальнейшее подчинение рейхскомиссарам генеральных комиссаров, а им, в свою очередь, гебитскомиссаров⁵⁶. На 1050 постов гебитскомиссаров поступило 114 заявок от штурмовых отрядов, 450 из министерства внутренних дел и 261 — из «Немецкого рабочего фронта»⁵⁷. Самое большое, что А. Гитлер готов был разрешить «низшим расам» у себя создать из административных органов, — это общинное самоуправление «и лишь в том случае, если это будет необходимо для сохранения рабочей силы», — добавлял фюрер⁵⁸.

Какие задачи ставились гитлеровцами перед рейхскомиссариатами? Важнейшей среди них являлась задача сокращения численности коренного населения и подавления его самосознания. «Нужно идти различными путями, чтобы решить русскую проблему. Эти пути вкратце заключаются в следующем, — утверждалось в Замечаниях и предложениях «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост» от 27 апреля 1942 г. —

- а) Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населённой русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие... Пока можно оставить открытым вопрос о том, следует ли учредить имперский комиссариат на Урале... Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар...
- б) Вторым средством, ещё более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте «а», служит ослабление русского народа в расовом отношении. Онемечивание всех русских для нас невозможно и нежелательно с расовой точки зрения. Что, однако, можно и нужно сделать, так это отделить имеющиеся в русском народе нордические группы населения и произвести их постепенное онемечивание...
- в) Есть много путей подрыва биологической силы народа... Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до

более низкого уровня, чем у немцев... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»⁵⁹.

В Письме рейхсфюрера М. Бормана А. Розенбергу 23 июля 1942 г. относительно политики на оккупированных территориях, рейхсфюрер «по поручению фюрера» доводил до сведения министра ряд принципов:

- «1. Мы можем быть только заинтересованы в том, чтобы сокращать прирост населения оккупированных восточных областей путём абортов. [...]
2. [...] Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против размножения ненемецкого населения.
3. Поэтому ни в коем случае не следует вводить немецкое обслуживание для местного населения оккупированных восточных областей. Например, ни при каких условиях не должны производиться прививки и другие оздоровительные мероприятия для ненемецкого населения. [...]
7. [...] Ни в коем случае не следует строить русские (украинские) города или благоустраивать их, ибо местное население не должно иметь более высокого жизненного уровня»⁶⁰.

Нацистские стратеги категорически подчёркивали два аспекта обращения с коренным населением захваченных земель. Первая мысль: оружие могут иметь только немцы. «В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию», — поучал А. Гитлер ещё в «Майн кампф»⁶¹.

В годы войны нацистский фюрер лишь укрепился в этом убеждении, заявив своим приближённым в марте 1942 г.: «Если мы одной из завоёванных провинций дадим когда-нибудь право создать собственную армию или военно-воздушные силы, то с нашей властью над ней будет навсегда покончено»⁶².

С этим для А. Гитлера была связана идея максимального использования рабского труда подневольных народов. «...Если немецкий народ хочет занять достойное место в истории, он должен остаться именно народом-солдатом, — заявил фюрер 23 апреля 1942 г. — Если же из-за этого произойдет чрезмерный отток рабочей силы из экономики, то тогда нужно забрать рабочую силу из подвластных немецкому народу стран и заставить ее работать на нас»⁶³. Эта мысль позднее породила дальнейшие рассуждения А. Гитлера: «Включение 20 миллионов дешевых иностранных рабочих в экономический процесс в Германии принесло прибыль гораздо большую, чем образовавшийся во время войны долг рейха. Нужно только высчитать, какую прибыль можно извлечь из того, что иностранный рабочий в отличие

от немецкого получает не 2000, а 100 рейхсмарок в год»⁶⁴. При реализации Генерального плана «Ост» нацисты рассчитывали на дармовой труд подвластных им военнопленных и местных жителей, которых планировали использовать «колоннами»⁶⁵.

Вторым часто повторявшимся тезисом нацистских бонз был постулат о вреде образования для «низших рас». «Прежде всего, мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории... — говорил А. Гитлер. — Самое лучшее было бы, если бы люди освоили там только язык жезтов. По радио для общины передавали бы то, что ей полезно: музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует»⁶⁶. Нацистскому фюреру вторили его подручные, например, Г. Гиммлер уже в мае 1940 г. заявил: «Для немецкого населения Востока не должно быть обучения выше, чем четырёхклассная народная школа. В этой народной школе должны учить лишь простому счёту до пятисот, написанию своего имени и тому, что господь бог требует слушаться немцев и быть честным, прилежным и порядочным. Умение читать я считаю излишним»⁶⁷.

Подавления национального самосознания у населения оккупированных земель следовало достигать поощрением разобщённости. «Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата», — заклинали в «восточном министерстве»⁶⁸. То же ведомство предписывало «в любом случае» устранить взаимоотношения между Сибирью и основными русскими районами⁶⁹.

Лучшим средством, гарантирующим германское господство, считали в структурах СС, подчинённых Г. Гиммлеру, междоусобицу среди русских. Любопытные рассуждения на этот счёт остались в памятной записке штурмбанфюрера СС Гизельхера Вирзинга (конец августа 1942 г.) «Будущее германского господства в России»⁷⁰. Г. Вирзинг призывает исходить из опыта Римской и Британской империй и применить испытанный принцип «divide et impera», то есть «разделяй и властвуй». Он приходит к простой рекомендации: «... Мы должны снова разжечь гражданскую войну между белыми и красными, поначалу в тыловых районах, а затем и на Востоке, когда будет достигнута окончательная линия продвижения»⁷¹.

Платное образование в школах и воспитание услужливости в отношении «расы господ» также предусматривались нацистским фюрером. «Пусть у них будут школы, и если они захотят в них ходить, то пусть платят за это, — говорил А. Гитлер. — ... Уроки географии должны сводиться к тому, чтобы заставить их запомнить: столица рейха — Берлин, и каждый из них хоть раз в жизни должен там побывать. Помимо этого вполне достаточно будет научить туземцев, например украинцев, немного читать и писать по-немецки; такие предметы, как арифметика

и т. п., в этих школах совершенно ни к чему. ... И если он выступает за то, чтобы в школах туземцы учили немецкий язык, то исключительно потому, что знание языка есть одно из необходимых условий установления там нашего господства»⁷². Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер выразился короче и яснее: «Язык господ они должны освоить настолько, насколько нужно понимать команды «Направо!» и «Налево!»⁷³.

Опасность для безраздельного господства на Востоке гитлеровцы усматривали для себя в любых институтах покорённых народов, которые хотя бы намекали на их единство. «В любом случае следует избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге, — декларировал А. Гитлер в апреле 1942 г. — Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами магических культур, мы это можем только приветствовать, поскольку тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся»⁷⁴.

IV

Колонизация Востока — конечная цель Генерального плана «Ост», о которой А. Гитлер и его окружение никогда не забывали. «Цель его восточной политики — в перспективе — освоить это пространство для заселения его ста миллионами представителей германской расы, — заявил германский фюрер 12 мая 1942 г. — Нужно приложить все усилия с непоколебимым упорством направлять туда один миллион немцев за другим. Не позднее чем через десять лет он желает получить донесение о том, что на присоединённых к Германии или же занятых нашими войсками восточных землях живет как минимум 20 миллионов немцев»⁷⁵.

Значительная часть Генерального плана «Ост» от 28 мая 1942 г. посвящена финансовым и юридическим аспектам переселения колонизаторов на Восток. Отмечается, что жилищные условия поселенцев должны определяться по более высоким нормам, чем в «старых землях» рейха⁷⁶. Составители документа исходили в этом вопросе из прямых указаний А. Гитлера. «При заселении русского пространства мы должны обеспечить „имперских крестьян“ необычайно роскошным жильем. — указывал нацистский фюрер в сентябре 1941 г. — Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях — губернаторских дворцах. Вокруг них будут выращивать все необходимое для жизни немцев. Вокруг города в радиусе 30–40 километров раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединённые самыми лучшими дорогами. Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы»⁷⁷. Необходимость тщательного разделения территорий, населённых

немцами и населённых коренными жителями, неоднократно подчёркивалась нацистами. «Нужно сделать так, чтобы жизнь немцев на колонизируемых восточных землях как можно меньше соприкасалась с жизнью местного населения,.. — провозгласил А. Гитлер в июле 1942 г., предвосхитив концепцию апартеида. — Для немцев будут построены специальные дома для приезжих, куда не будет доступа местным жителям»⁷⁸.

В течение 10 лет должна была реализовываться программа германизации «расово пригодных элементов» местного населения — путём отбора у родителей детей, которые должны получать новое имя, поселяться в Германию и там ассимилироваться (согласно замыслу Г. Гимmlера, изложенному в «Некоторых мыслях об обращении с инородцами на Востоке»)⁷⁹.

Какие масштабы онемечивания и истребления («переселения») населения оккупированных областей предусматривали нацистские планы? Об этом можно судить по «Замечаниям и предложениям по Генеральному плану «Ост» рейхсфюрера СС» от 27 апреля 1942 г., подписанным начальником отдела колонизации 1-го главного политического управления «восточного министерства» Э. Ветцелем. Согласно Генеральному плану «Ост» в течение 30 лет планировалось выселить с территории Польши и западной части Советского Союза около 31 миллиона человек (80–85% населения Польши, 65% — Западной Украины, 75% — Белоруссии) и поселить на этих территориях 10 миллионов немцев. Э. Ветцель предложил повысить количество выселяемых до 46–51 миллиона человек⁸⁰. По планам нацистов, местное население оккупированных территорий должно было исчезнуть — целыми этническими группами и народами. «Уже через несколько лет — я полагаю, через 4–5 лет, должно будет стать неизвестным понятие «кашубы» [часть польского народа. — И. А.], поскольку не будет больше такого народа (это особенно относится к Западной Пруссии), — зловеще пророчил Г. Гимmlер в мае 1940 г. — ... После несколько большего периода времени возможно также, что в нашем районе исчезнут понятия «украинцы», «горалы» или «лемки» [части украинского народа. — И. А.]»⁸¹.

Из замечаний Э. Ветцеля к генеральному плану «Ост» мы узнаём, например, что предусматривалось «переселение» 65% западных украинцев в Сибирь. Остальных планировалось онемечить, причём Э. Ветцель считал количество «годных для онемечивания» чрезмерно завышенным. Западных украинцев Э. Ветцель призывал переселять в другие районы Украины, с целью создать противовес русским и для использования их рабского труда в промышленности, которая понадобится новым хозяевам, например, в Донецком бассейне⁸².

Колонизация захваченных земель должна была увенчиваться полной заменой местного населения на привезённых поселенцев. «На Востоке есть железо,

уголь, пшеница, древесина. Мы построим роскошные дома и дороги, и те, кто вырастет там, полюбят свою родину и однажды, подобно немцам Поволжья, навсегда свяжут свою судьбу с этими землями», — считал нацистский фюрер⁸³.

Участие в программе переселения «нордических элементов» на восточные земли становилось для А. Гитлера важным фактором, определявшим относительный вес бюрократических группировок в нацистском руководстве, а также конкретных деятелей, которые их возглавляли. 27 июля 1942 г. А. Гитлер многословно объяснял особую роль Г. Гимmlера в нацистской верхушке. «Исключительное положение рейхсфюрера СС объясняется вовсе не тем, что, как может показаться на данном этапе, ему подчиняются войска СС и полиция, но его обязанностями как имперского комиссара и уполномоченного НСДАП по укреплению германской народности, — заявил А. Гитлер — Тем самым рейхсфюрер СС несёт ответственность за объединение после войны мелких земельных наделов и переселение их прежних владельцев на Восток»⁸⁴.

В той же речи в «застольном кругу» фюрер ещё дважды возвращался к тому же вопросу, подчёркивая «грандиозную задачу» переселения миллионов семей в кратчайший срок на восточные земли и их обустройства на новом месте. А. Гитлер специально отметил необходимость переселения на Восток «не только жителей рейха, но и голландцев, датчан, норвежцев и т. д.»⁸⁵. Появление на оккупированных землях этих представителей «германской расы», а «после победоносного окончания войны — и англичан» было осторожно намечено уже в меморандуме ведомства Розенберга от 2 апреля 1941 г.⁸⁶

А. Гитлер рассматривал все оккупированные в ходе войны территории и захваченные ценности как германскую собственность, с которой он в качестве фюрера рейха волен поступать так, как ему заблагорассудится, и даже пытался подводить под эти грабительские бредни «теоретическую базу». Рассуждая о судьбе оккупированной Франции, нацистский главарь заявил 8 мая 1942 г.: «... Что теперь моё, то моё! Ведь тот, кто отдаёт своё, совершает тяжкий грех, ибо он отдаёт то, что он с такими усилиями забрал на этой земле по праву сильного»⁸⁷. Продолжая в том же духе, А. Гитлер переключился на советские республики: «И если мы ныне создаём, например в России, а именно на Украине, новую «Восточную марку», то, основываясь на историческом опыте, к ней следует подходить с той же меркой, что и когда-то к старой «Восточной марке», то есть к землям, лежащим к востоку от Эльбы»⁸⁸.

В части «Б» Генерального плана «Ост» дано интересное определение понятия «германизация» (речь идёт о территориях, которые включались непосредственно в рейх): «Германизация рассматривается как завершённая, во-первых, когда, земля и полезные ископаемые переданы в немецкое владение; во-вторых,

когда владельцами самостоятельных предприятий, чиновниками, служащими, квалифицированными рабочими, включая их семьи, являются немцы»⁸⁹.

Согласно предварительным расчётам, на территориях, которые должны были войти в состав рейха, сельское население должно было составить 2,9 млн человек, городское — примерно 4,3 млн человек. Для германизации считалось нужным иметь на селе около 1,8 млн немцев, в городах — около 2,2 млн немцев. Германизация села должна была произойти через пять лет после начала программы, а городов — через 10 лет. Дополнительная потребность в немцах из рейха оценивалась в 1,5 млн человек⁹⁰.

Для основной части захваченных «восточных пространств» предусматривался «срок развития» в 30 лет. «Предоставив туземцев самим себе, мы ... создадим наилучшие предпосылки для основания наших собственных, совершенно изолированных поселений, которые превратятся в центры германской колонизации», — заявил нацистский фюрер⁹¹.

Какие центры колонизации планировалось создать? «По указанию рейхсфюрера СС план исходил из заселения следующих районов: 1. Ингерманландия (Петербургская область); 2. Потенгау (Крым и Херсонская область, бывшая Таврия). Далее предлагаются 3. Мемельско-Наревская область (район Белостока и Западная Литва)...

Представляется необходимым, чтобы эти 3 района были превращены в колонизационные марки с распространением на них специальных правовых установлений, ... так как на эти марки выпадает особая имперская задача на передовом фронте германской расы»⁹². Для того, чтобы теснее связать эти «марки» с рейхом и обеспечить коммуникации вдоль железнодорожных линий и автострад, предлагалось соорудить 36 опорных пунктов. Л. А. Безыменский перечисляет эти пункты: в Прибалтике и Ингерманландии — 14 (Вильнюс, Даугавпилс, Резекне, Аброне, Псков, Луга, Нарва, Шяуляй, Тарту, Таллин и др.), в Польше — 14 (Краков, Ясло, Замостье, Перемышль, Ченстохов, Кельце, Сандомир, Радом, Люблин, Седлец, Варшава, Томашов и др.), на Украине — 8 (Ровно, Шепетовка, Бердичев, Белая церковь, Бобринец, Пятихатка, Кривой Рог, Николаев)⁹³. «На Ингерманландском направлении расположение опорных пунктов будет предусмотрено в две линии, учитывая особое значение Прибалтики для немцев»⁹⁴.

В гитлеровских штабах внимательно изучали особенности национального состава советских республик. Особое значение придавалось местностям с немецким населением, которых до войны было немало на Украине, в Бесарабии, в Крыму и в Поволжье. В XIX веке в России насчитывалось 3500 деревень с немецким населением, не говоря о многочисленных горожанам-немцах⁹⁵. В Советском Союзе были созданы не только автономная республика немцев Поволжья, но и национальные районы в местах компактного проживания немцев, в том числе на Украи-

не. В «Коричневой папке» ведомства А. Розенберга специально отмечалось, что в Днепропетровской области из 51 района — три немецких (Высокополье, Молочанск, Люксембург), в Киевской — немецкий район Пулино, в Марковской области из 47 районов — три немецких (Либкнехт, Зельц, Спартаковка)⁹⁶. На этих «фольксдойче» возлагались особые надежды в плане обеспечения стратегов колонизации кадрами.

Выступая 16 сентября 1942 г. перед собранием чинов СС и полиции в полевом командном пункте Хегевальд под Житомиром, рейхсфюрер Г. Гиммлер откровенничал о практических шагах по германизации Украины: «Я отдал указание, чтобы 43 тысячи фольксдойче из генерального комиссариата Житомир были поселены в трёх районах колонизации — Коростень, Хегевальд ... и Винница — численностью по 12–15 тысяч в каждом в радиусе 10 километров вокруг этих местечек. Они получают на новом месте старую собственность, которой обладали на 1914 год. Переселение уже идёт полным ходом. Переселение в Хегевальд будет завершено в ближайшие 4–6 недель, а до конца года все эти немцы поселятся здесь. Тем самым эта дорога от Коростеня до Винницы на трёх участках по 20 километров будет проходить по немецкому району. Это — лучшее обеспечение безопасности! В трёх пунктах (при численности 12–15 тысяч человек в каждом) мы получим от этих немцев приблизительно 800–1000 бойцов самообороны»⁹⁷.

В той же речи Г. Гиммлер обрисовал перспективу общей германизации захваченных земель: «За эти 20 лет нам предстоит колонизировать ... нынешние германские восточные провинции от Восточной Пруссии до Верхней Силезии, всё генерал-губернаторство [Польшу. — И. А.]; мы должны германизовать и заселить Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Ингерманландию и Крым. В других областях возникнут, так же, как мы начали здесь [под Житомиром на Украине. — И. А.], под прикрытием наших гарнизонов малые города (по 15–20 тысяч жителей) вдоль основных шоссе и железнодорожных магистралей и в местах расположения аэродромов, окружённые в радиусе 10 километров немецкими деревнями»⁹⁸.

При германизации Прибалтики нацисты намечали «обеспечить отток значительных слоёв интеллигенции, особенно латышской, в центральные русские области, затем приступить к заселению Прибалтики крупными массами немецких крестьян. Можно было бы, вероятно, использовать для этой цели большой контингент колонистов из числа немцев Поволжья, отсеяв предварительно нежелательные элементы» (меморандум «Восточного министерства» относительно целей и методов установления господства на оккупированных советских территориях от 2 апреля 1941 г.)⁹⁹.

При сравнительном анализе подходов отдельных учреждений гитлеровской Германии к «восточному вопросу» становится заметно, что ведомство А. Розенберга немногим отличалось от структур СС,

однако специфика всё же была. В своих предложениях «восточное министерство» в большей степени, чем подчинённые Г. Гимmlера, делало ставку на использование одних народов захваченных земель против других. «Нам следует постоянно исходить из того, что, управляя всеми огромными территориями, входящими в сферу интересов германской империи, мы должны максимально экономить силы немецкого народа, — говорилось в Замечаниях и предложениях «Восточного министерства» по генеральному плану «Ост». — Тогда неприятные для русского населения мероприятия будут проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыш или литовец, что при умелом осуществлении этого принципа, несомненно, должно будет иметь для нас положительные последствия»¹⁰⁰.

Важное место в расчётах гитлеровцев отводилось кавказскому региону. «Кавказ играет в наших разработках особую роль уже потому, что он будет снабжать нас нефтью. Мы должны установить на Кавказе очень строгие порядки, если хотим получать оттуда нефть, ибо в противном случае на этих землях, где всё дышит кровной мстью, вражда между племенами сделает невозможным любое мало-мальски рентабельное освоение нефтяных источников», заявил А. Гитлер в мае 1942 г., когда его полчища продвигались в этом направлении¹⁰¹. После войны получили известность стратегические планы А. Гитлера по дальнейшему ведению боевых действий, намеченные на период после овладения Кавказом: авиаудары и наступление в направлении нефтяных богатств Ближнего и Среднего Востока. Таким образом, этому региону отводилась ключевая роль, как плацдарму агрессии в будущем.

В «застольных беседах» 2 июля 1942 г. А. Гитлер рассказал сотрапезникам о том, что прочёл меморандум «гауляйтера Таврии» Фрауэнфельда, посвящённый решению тирольской проблемы. «Фрауэнфельд предложил перевезти этих тирольцев в полном

составе в Крым и поселить их там. Тем самым раз и навсегда будет положен конец давнему конфликту с Италией»¹⁰². А. Гитлер посчитал это предложение «весьма полезным».

Среди других потенциальных регионов для германской колонизации называлась Северная Россия, где «расовые качества» населения, по оценке гитлеровцев, облегчали их германизацию.

Навязчивая идея «натиска на Восток» не оставляла нацистского фюрера до его последнего часа. За день до самоубийства, 29 апреля 1945 г. А. Гитлер писал в своём прощальном послании В. Кейтелю: «Усилия и жертвы германского народа в этой войне были столь велики, что они не могут быть напрасными. Цель остаётся та же — завоевание земель на Востоке для германского народа»¹⁰³.

***

Героический советский народ и его непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия не допустили реализации гитлеровских замыслов в полном объёме. В результате Великой Победы нацизм оказался стёрт с лица земли. Однако победа досталась очень дорогой ценой. Воплощая Генеральный план «Ост» в действительность, оккупанты истребили значительную часть населения на захваченных землях. До войны на оккупированных нацистами советских территориях проживало 88 миллионов человек, после войны осталось 55 миллионов¹⁰⁴. Часть из недостающих была эвакуирована вместе с заводами вглубь страны, часть была призвана в ряды РККА, сотни тысяч угнаны на рабский труд в Германию. Даже с учётом этих обстоятельств свыше половины всех потерь Советского Союза в войне приходится на жителей временно захваченных нацистами земель. Десятки миллионов человек заплатили своими жизнями и искалеченными судьбами за бесчеловечные планы гитлеровской Германии — во всех советских республиках, земли которых подверглись нацистской оккупации.

¹ Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, 1995. С. 252.

² Первой публикацией в советской исторической литературе об оригинальном тексте Генерального плана «Ост», полученном из Национального архива США в 1977 г., стала статья Л.А. Безыменского Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 74–94.

³ См. Generalplan Ost. Rechtliche, wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaus. (Kopie der 100-Seitigen Fassung aus dem Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde) — <http://gplanost.x-berg.de/86unigpo.htm>

⁴ См. Безыменский Л.А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 83.

⁵ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В.И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — с. 38.

⁶ Там же, с. 26–37.

⁷ <http://gplanost.x-berg.de/4unigpo.htm>. Перевод с немецкого по: Безыменский Л.А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 85.

⁸ Гитлер А. Моя борьба (перевод с немецкого). — М.: Т-Око, 1992. — С. 565.

⁹ Там же, с. 556.

¹⁰ Preis H. (Hrsg.). Adolf Hitler in Franken, Reden aus der Kampfzeit. — München, 1939, S. 171. Zit. nach: Funke M. (Hrsg.). Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches. — Düsseldorf: Droste Verlag, 1976. — S. 96.

- ¹¹ Гитлер А. Моя борьба (перевод с немецкого). — М.: Т-Око, 1992. — С. 556–557.
- ¹² Там же, с. 555.
- ¹³ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 37.
- ¹⁴ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. — М.: МИФ, 1993. С.103.
- ¹⁵ Гитлер А. Моя борьба (перевод с немецкого). — М.: Т-Око, 1992. — С. 556.
- ¹⁶ Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, 1995. — С. 250.
- ¹⁷ См. Гроссман А. С. Завещание Гитлера. — в кн.: Книга исторических сенсаций. — М.: Раритет, 1993. — С. 109.
- ¹⁸ Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 78.
- ¹⁹ См. Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz. — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — SS. 653–655.
- ²⁰ Перевод документа с немецкого по: «Военно-исторический журнал», 1960. № 1, с. 88.
- ²¹ См. Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 78.
- ²² Главным исполнителем задания Г. Гимmlера Л. А. Безыменский называет оберфюрера СС профессора К. Майера, занимавшегося этим с июня 1941 г. по 1944 г. — см. Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 83.
- ²³ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — с. 367.
- ²⁴ Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, 1995. — С. 252–257.
- ²⁵ Там же, с. 253.
- ²⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 118.
- ²⁷ См. Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 162–167.
- ²⁸ См. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993.
- ²⁹ См. Гроссман А. С. Завещание Гитлера. — в кн.: Книга исторических сенсаций. — М.: Раритет, 1993. — С. 107–124.
- ³⁰ См. Гальдер Ф. Оккупация Европы. Военный дневник начальника Генерального штаба. 1939–1941/ Пер. А. Л. Андреева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — С. 375.
- ³¹ Там же.
- ³² Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, 1995. — С. 255.
- ³³ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 277–278.
- ³⁴ Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, 1995. С. 249.
- ³⁵ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 575.
- ³⁶ Вторая мировая война: Два взгляда. — М.: Мысль, 1995. — С. 249.
- ³⁷ См. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 197.
- ³⁸ См. Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz. — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 830.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 198.
- ⁴¹ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — с. 23.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См. Гальдер Ф. Русская кампания. Хроника боевых действий на Восточном фронте. 1941–1942 / Пер. А. Л. Андреева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 158 с.
- ⁴⁴ См. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 305.
- ⁴⁵ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — с. 14.
- ⁴⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 82.
- ⁴⁷ См. там же, с. 267.

- ⁴⁸ Там же, с. 429.
- ⁴⁹ Там же, с. 199.
- ⁵⁰ Там же, с. 385.
- ⁵¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 327.
- ⁵² Там же, с. 88.
- ⁵³ Там же, с. 171.
- ⁵⁴ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 15.
- ⁵⁵ См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 816.
- ⁵⁶ *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 820.
- ⁵⁷ См. Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 78–79.
- ⁵⁸ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 198.
- ⁵⁹ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 35–37.
- ⁶⁰ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 39.
- ⁶¹ Гитлер А. Моя борьба (перевод с немецкого). — М.: Т-Око, 1992. — С. 565.
- ⁶² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 95.
- ⁶³ Там же, с. 220.
- ⁶⁴ Там же, с. 251.
- ⁶⁵ См. <http://gplanost.x-berg.de/61unigpo.htm>, <http://gplanost.x-berg.de/62unigpo.htm>.
- ⁶⁶ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 96.
- ⁶⁷ См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 654.
- ⁶⁸ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 35.
- ⁶⁹ См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 884.
- ⁷⁰ Ibidem, SS. 909–920.
- ⁷¹ Ibidem, S. 918.
- ⁷² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 453–454.
- ⁷³ См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 924.
- ⁷⁴ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 198.
- ⁷⁵ Там же, с. 274.
- ⁷⁶ См. *Generalplan Ost. Rechtliche, wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaus. (Kopie der 100-Seitigen Fassung aus dem Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde)* — <http://gplanost.x-berg.de/gplanost.html>
- ⁷⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 36–37.
- ⁷⁸ Там же, с. 432.
- ⁷⁹ См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 654.
- ⁸⁰ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В. И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 28–29.
- ⁸¹ См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 654.
- ⁸² См. *Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz.* — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 880.
- ⁸³ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 74.
- ⁸⁴ Там же, с. 474.

■ Том II. Вставай, страна огромная

---

⁸⁵ Там же, с. 475–476.

⁸⁶ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В.И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т.3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — С. 19.

⁸⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 261.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См.: Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 86.

⁹⁰ <http://gplanost.x-berg.de/82unigpo.htm>.

⁹¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 432.

⁹² См. Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 87.

⁹³ См. Безыменский Л. А. Генеральный план «Ост»: замысел, цели, результаты (новые материалы) — «Вопросы истории», 1978, № 5, с. 90.

⁹⁴ Там же, с. 87.

⁹⁵ См. Sievers L. Deutsche und Russen. Tausend Jahre gemeinsame Geschichte. — Hamburg: Wilhelm Goldmann Verlag, 1980. — S. 265.

⁹⁶ См. Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz. — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 827.

⁹⁷ Ibidem, S. 926.

⁹⁸ См. Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900–1945. Herausgegeben von Reinhard Opitz. — Köln, Pahl-Rugenstein Verlag, 1977. — S. 928.

⁹⁹ Дашичев В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т./ В.И. Дашичев; Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. — М.: Наука, 2005. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. — с. 19.

¹⁰⁰ Там же, с. 30.

¹⁰¹ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 263.

¹⁰² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И. В. Розанова. — Смоленск: Русич, 1993. — С. 400.

¹⁰³ Цит. по: «Вопросы истории», 1965, № 9. — С. 112.

¹⁰⁴ См. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / составитель В. И. Дашичев. — М.: Наука, 1967. — С.103.

Роковой просчет

В. А. Анфилов*

Планирование войны

29 ноября 1937 г. И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и Л. М. Каганович подписали Постановление Комитета обороны М-8 (Мобилизационный план на 1937–1939 гг.). В соответствии с ним начальнику Генерального штаба было поручено составить «Соображения о стратегическом развертывании вооруженных сил на случай войны».

«Стратегическое развертывание, писал в 1939 г. один из видных военных теоретиков, профессор Академии Генерального штаба В. А. Меликов, является сердцем плана войны»¹.

В основу планирования были положены идеи советской военной доктрины, сущность которой состояла в том, что Советский Союз не собирался ни на кого нападать, но вместе с тем завоевания социалистической революции намеревался защищать со всей решительностью. Красная Армия, как армия государства диктатуры пролетариата исповедовала классовые формы ведения войны, что соответствовало природе революционного общественного строя, рассчитывавшего стать базой мировой пролетарской революции. В то же время социалистическое государство не могло на себя взять инициативу нанесения первого удара, т. е. формального развязывания войны. Перед Советскими Вооруженными Силами была поставлена двуединая задача: готовиться к отражению удара агрессора и одновременно к решительному разгрому его с перенесением военных действий на территорию врага. Считалось, что Красная Армия должна быть всегда готова ответить сокрушительным ударом на всякую внезапность со стороны врага. Эти положения были сформулированы в полевом уставе 1939 г. (статьи 1-я и 2-я).

Данное доктринальное положение имело принципиальное значение для определения и понимания начала вступления советского государства в войну. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать

сдерживающие боевые действия в строившихся для этой цели укрепленных районах и, во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована высокой боевой готовностью Красной Армии.

Все стратегические планы составлялись на основании взглядов на характер будущей войны. Считалось, что в будущей войне Советскому Союзу будут противостоять не отдельные страны, а целая коалиция капиталистических государств.

Основные документы оперативного планирования разрабатывались и перерабатывались вначале под руководством начальника Генерального штаба командарма 1 ранга (с мая 1940 г. Маршала Советского Союза) Б. М. Шапошникова. К 24 марта 1938 г. в соответствии с вышеуказанным постановлением Комитета обороны был разработан доклад народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову «Об основах стратегического развертывания РККА». В нем предусматривались два варианта действий главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Главный военный совет рассмотрел и одобрил план лишь 13 ноября 1938 г. Этот план был вскоре утвержден и Комитетом обороны.

Однако события 1939 — начала 1940 г. коренным образом изменили стратегическую обстановку в Европе. Произошло перемещение войск Красной Армии, изменились государственная граница, боевой состав военных округов. В связи с этим прежний оперативный план оказался нереальным.

После окончания войны с Финляндией в Генеральном штабе под руководством Б. М. Шапошникова начали разрабатывать новый документ «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.». Его составили к середине 1940 г. За подписями С. К. Тимошенко и Б. М. Шапошникова он был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову. «Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — указывалось в документе, — создает

* Виктор Александрович Анфилов — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО.

вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах..., но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ. На наших западных границах более вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами — с целью реванша — Финляндию и Румынию, а возможно и Венгрию. При вероятном вооруженном нейтралитете Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно, и Турцией, и на востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»².

Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья реки Сан, составители плана предложили главные силы Красной Армии развернуть севернее Полесья.

Но пока этот план разрабатывался произошли новые события. В результате вхождения Прибалтийских республик в состав СССР соединения Красной Армии были введены в Прибалтику, а части Киевского военного округа вступили в Северную Буковину.

Летом 1940 г. была разгромлена Франция. Многочисленная, хорошо подготовленная немецкая армия оказалась, по существу, один на один с Красной Армией. Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией.

Главным вопросом в оценке замыслов германского командования являлось определение возможного главного удара. Генеральный штаб правильно определил развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан с целью нанесения главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск. Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск. Считалось, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной. Не исключалась возможность главного удара противника на киевском направлении с целью захвата Украины. Однако в докладе подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан».

Надо указать, что несмотря на правильные взгляды на начальный период будущей войны, выработанные еще в первой половине 1930-х гг., в Генеральном штабе не было твердой установки на него, вытекающей уже из опыта военных действий

на Западе. Хотя немцы начинали войны заранее развернутыми силами внезапно, в «Соображениях о стратегическом развертывании» указывалось, что противнику для сосредоточения и развертывания главных сил потребуется после начала войны 15 суток. Как отмечал позже Г. К. Жуков, «Нарком обороны и Генштаб считали, что война ... должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»³. Тем самым в оперативном плане войны была заложена серьезная ошибка в оценке способа военных действий противника.

Общий замысел боевого использования основных сил Красной Армии состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границы в период сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР. На втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой противника и общим замыслом отражения его нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки Красной Армии на Западе. В одном случае она могла быть развернута к югу от Брест-Литовска а в другом — к северу от него. Все зависело от политической обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны.

5 октября И. В. Сталин и В. М. Молотов обсудили представленный им 18 сентября доклад «Об основах стратегического развертывания». «Как нам рассказал К. А. Мерецков, — вспоминал А. М. Василевский, — при его рассмотрении И. В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении»⁴.

14 октября 1940 г. доработанный вариант плана «южный» был представлен на утверждение И. В. Сталину и В. М. Молотову. В нем главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау»⁵.

Планом предусматривалось к 1 октября 1941 г. развернуть два фронтовых и два армейских управления, довести численность авиации до 20 тыс. самолетов, сформировав 100 авиационных полков.

Одновременно было решено разработать и другой вариант («северный»). По нему основная груп-

пировка войск должна была развертываться в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Заложенные в оперативных планах концепции проверялись на двух январских оперативно-стратегических играх. Первая игра, как указывалось в предыдущей главе, обнажила слабость нашего западного направления. В связи с этим в оперативный план пришлось вносить коррективы.

Переломным моментом в строительстве вооруженных сил и оперативно-стратегическом планировании их применения явился февраль 1941 г., когда Генеральный штаб возглавил Г. К. Жуков. С этого времени в Генеральном штабе разрабатывалась большая программа по составлению новых оперативно-мобилизационных планов. На основе указаний Г. К. Жукова его первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин составил «План разработки оперативных планов», в соответствии с которым был разработан ряд важнейших документов. Одновременно Ватутин с Василевским вносили коррективы в план стратегического развертывания вооруженных сил с учетом новых разведывательных данных о противнике и ростом численного состава своих вооруженных сил.

11 марта 1941 г. А. М. Василевским по указанию наркома обороны был написан особой важности, совершенно секретный (единственный экземпляр только лично Сталину, Молотову) документ: «В связи с проводимыми в Красной Армии в 1941 году крупными организационными мероприятиями, — указывалось в нем, — докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе на Востоке... Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ... При условии окончания войны с Англией предположительно можно считать, что из имеющихся 260 дивизий... до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных, будут направлены против наших границ... Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлеца до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск-Барановичи»⁶.

Для ведения операции на Западе выделялось 252 дивизии и две бригады. Что касается основ стратегического развертывания, то в данном документе указывается: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»⁷. Из этого следует, что главные силы рекомендовалось сосредоточить на юго-западном направлении. Пренебрегая ошибкой не была исправлена до начала войны.

Месяц спустя, 10 апреля 1941 г. по указанию Г. К. Жукова А. М. Василевским была составлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В частности, для Западного особого военного округа в ней определялось: «Основные задачи: с переходом ЮЗФ (Юго-Западного фронта) — ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец-Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла.

Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»⁸.

По-прежнему главная группировка советских войск предусмотрена на юго-западном направлении в составе Киевского особого военного округа. Западный фронт должен был наступать совместно с Юго-Западным фронтом лишь частью сил левого крыла. Войска правого крыла и центра должны были готовиться к обороне.

К середине мая руководство Генерального штаба сделало вывод, что Германия полностью отмобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза и развернула тылы. В этих условиях Нарком обороны и начальник Генерального штаба решили предложить Сталину проявить инициативу и нанести по готовящимся к вторжению в СССР немецким войскам упреждающий удар.

К этому их подтолкнуло и выступление И. В. Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Торжественное собрание, состоявшееся в большом Кремлевском дворце открыл нарком обороны С. К. Тимошенко. С кратким докладом о выпускниках выступил начальник управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал-лейтенант И. К. Смирнов. Затем выпускников приветствовал от имени Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. После него от имени ЦК ВКП(б) и СНК выступил И. В. Сталин. Его речь продолжалась около 40 минут и была выслушана с исключительным вниманием. Он отметил глубокие изменения, произошедшие за последние годы в Красной Армии (следовало бы сказать не за годы, а за последний год) и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно (опять же не перестроилась, а только начала, по существу, перестраиваться) и серьезно перевооружилась (не перевооружилась, а начала перевооружаться на новую материальную часть). Учитывая это, сделал он вывод, она готова вести войну наступательно. Много места в его речи было отведено международной обстановке, идущей войне, положению Советского Союза в этих условиях и его внешней политике. Сложность и острота международной обстановки вынуждает Советское государство быть начеку, повышать свою боеспособность. Вооруженные силы, призвал он, должны находиться в постоянной готовности к отпору агрессии, откуда бы она ни исходила.

После торжественного собрания состоялся прием выпускников. Гости заполнили Георгиевский зал, Грановитую палату, Владимирский, Малый и Новый залы. Кроме выпускников присутствовали: члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, высшее командование армии и флота, Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда, профессора и преподаватели военных академий.

Прием открылся краткой речью С. К. Тимошенко, с ответным словом выступило несколько выпускников. А затем бесконечные тосты, главным образом Сталина. Прежде всего он провозгласил здравицу в честь руководящего и профессорско-преподавательского состава военных академий и выразил уверенность в том, что выпускники военных академий будут возвращаться в части вооруженными глубокими знаниями новой техники. Расхаживая с бокалом в руках по Георгиевскому залу, он говорил о значении различных родов войск, провозглашая здравицу в честь артиллеристов (его любимая фраза «артиллерия — бог войны» была произнесена им там), танкистов, летчиков, которых он упрекнул за то, что они учатся на старой материальной части. «Мы будем воевать на новой, изучайте ее», поздравил также кавалеристов, пехотинцев, инженеров, техников, саперов, связистов, самокатчиков, парашютистов, минометчиков.

Учитывая, что на следующий день И. В. Сталин был назначен председателем Совета Народных комиссаров СССР, этот прием говорил о многом.

Воодушевленные этим «воинственным» настроем И. В. Сталина и учитывая складывающуюся на границах обстановку, С. К. Тимошенко с Г. К. Жуковым отдали распоряжение генерал-майору А. М. Василевскому подготовить новые «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». Вверху справа на документе, написанном от руки Василевским, указано: «Председателю Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1941 г.». Внизу должны быть подписи наркома и начальник Генштаба, но они не поставлены.

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, — указывается в самом начале документа, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест-Демблин и выход к 30 дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага Центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии»⁹.

С этим документом нарком и начальник Генштаба отправились к И. В. Сталину. О его реакции на это предложение военного руководства документальных материалов в архивах найти не удалось. А по словам Г. К. Жукова, она была следующей: «Услышав о предупредительном ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. „Вы что с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать“, — прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками военных Академий. „Так я сказал это, — услышали мы в ответ, — чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира“».

Этот оперативный план он утверждать не стал, более того — строго предупредил о том, чтобы не дать повода для провокации. Однако дух решительности и наступательности в войсках, судя по всему, поддерживался им. Не без его ведома, конечно, на заседании Главного военного совета, состоявшемся 4 июня 1941 г. в рассматриваемом проекте директивы „О задачах политической пропаганды Красной Армии на ближайшее время“ было записано, что задачи, поставленные перед Красной Армией, требуют решительного поворота в пропагандистской работе в духе постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага»¹⁰. В ходе ее обсуждения член Политбюро А. А. Жданов заявил: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»¹¹.

Учитывая возрастание угрозы агрессии и увеличение состава вооруженных сил, Генеральный штаб продолжал вносить коррективы в документы по стратегическому развертыванию. К середине июня в записке Василевского по стратегическому развертыванию вооруженных сил предусматривалось первый стратегический эшелон развернуть уже на основе существующих военных округов в составе 4 фронтов (189 дивизий и 2 бригады с учетом войск, расположенных в Крыму), что составляло более 60% всех соединений Красной Армии¹².

Всего на Запад вместе с резервом Главного командования предназначалось 240 дивизий, 159 авиационных полков, 5 воздушно-десантных корпусов, 10 противотанковых бригад. Для обороны дальневосточных границ выделялись 31 дивизия и две бригады, в Закавказье и Средней Азии — 31 дивизия и для прикрытия Беломорского побережья — одна дивизия.

Из общего количества авиационных дивизий фронтовой и другой, небомбардировочной авиации для западных округов выделялось 60%, для Дальнего Востока и Забайкалья — 16% и во внутренние

военные округа (в том числе в Закавказье и Среднюю Азию) 24%. Основные силы Военно-Морского Флота также сосредотачивались на Западе в составе Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

«Соображения» составили основу оперативного плана, но до конца их так и не удалось довести, так как началась война.

Важное место в планировании стратегического развертывания вооруженных сил занимала организация прикрытия государственной границы.

Обстановка изменялась так быстро, что округа не успевали качественно разрабатывать документы, утверждать их и претворять в жизнь. Наиболее существенным изменениям подвергались планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах.

Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Ленинградскому, Западному и Киевскому округам директивы были направлены 5 мая, Одесскому — 6 мая, а Прибалтийскому — 14 мая.

Срок действия плана обороны был определен в течение 15 суток. За это время предполагалось мобилизовать, сосредоточить и развернуть главные силы Красной Армии. Так, в директиве войскам Киевского военного округа указывалось: «Быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей». Представление окружных планов на утверждение в Генеральный штаб было определено 25 мая. Разработка планов прикрытия в округах сильно затянулась, так как явилась чрезвычайно сложным делом.

В соответствии с требованиями директив Генерального штаба основу обороны по прикрытию государственной границы должны были составить укрепленные районы и полевые укрепления, строившиеся по линии государственной границы с использованием всех имеющихся сил и возможностей, при этом оборона войск должна была носить активный характер, с тем чтобы «всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно отражались контратаками корпусных и армейских резервов»¹³.

Опыт войны с Финляндией и войны в Западной Европе заставил внести существенные коррективы в систему укрепления границ. 12 октября 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор А. Ф. Хренов представил по этому вопросу доклад начальнику Генерального штаба. «Изучение и обследование состояния укрепления наших границ, — отмечал он, — показало, что система военно-инженерной подготовки ТВД недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в то же время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что

основная вооруженная сила нашей страны — полевые войска остается необеспеченной, а ТВД неподготовленным для действий полевых войск. Так было у нас на Карельском перешейке, так было, по всем данным, у бельгийцев и французов»¹⁴.

В целях устранения недостатков А. Ф. Хренов предложил: во-первых, устраивать впереди укрепленных районов предполье, которое до 1939 г. отрицалось. Отказ от них позволяет наступающему действовать внезапно всей мощью современных средств и сил наступления и подавления непосредственно по всей глубине УР. Во-вторых, силы и средства обороны эшелонировать в глубину. Экономия сил за счет УР, указывал он, не должна переходить известного предела, после которого она становится опасной. На внезапность нападения оборона должна ответить внезапностью сопротивления, что возможно только при активной обороне. Активная оборона требует, чтобы контрудары проводились организованно, с определенной целью, при поддержке артиллерии, танков и авиации, а не разрозненно и впустую.

Предложения А. Ф. Хренова были учтены руководством наркомата обороны и Генерального штаба. Опыт боевых действий в советско-финляндской войне и на Западе, указывалось в директиве наркома обороны военным советам приграничных округов от 20 февраля 1941 г., показывает, что при строительстве УР требуется увеличение глубины их до 30–50 км в зависимости от наличия и глубины предполья, а также увеличения толщины железобетонных сооружений и усиления плотности артиллерийско-пулеметного огня. УРы имеют свои специальные гарнизоны, численность которых определяется для каждого в отдельности. Полевые войска, подчеркивалось в этом руководящем документе, могут занять УРы лишь по специальному приказу командования фронтом в количестве, определяемом командованием фронта.

В соответствии с требованиями этой директивы, военным округам были отданы приказы о строительстве укрепленных районов, начатых в 1940 г., а также некоторых новых. Согласно плану, утверждённому Советом Народных комиссаров 12 февраля, на оборонительное строительство в 1941 г. было отпущено 930 млн. рублей. Из этой суммы Прибалтийскому округу предназначался 459 млн. рублей, Западному — 222 млн. и Киевскому — 81 млн. рублей. Распределение денежных средств на оборонительное строительство, из которых 50% предназначалось Прибалтийскому округу, свидетельствует о том, что там намеревались вести оборону, а на юго-западном и левом участке западного направления рассчитывали, как и предусматривалось оперативным планом, после отражения вторжения противника — наступить. Военному совету Прибалтийского округа было указано, что строительство укрепленных районов является важнейшим правительственным заданием на 1941 год, на выполнение которого должны быть направлены основные усилия.

Позже, в связи с вскрытием сосредоточения крупной группировки немецких войск южнее Полясы, Советское правительство, по представлению наркома обороны, 18 марта 1941 г. дополнительно выделило Киевскому округу на строительство укрепленных районов 252 млн. рублей. 20 марта Тимошенко отдал директиву Военному совету этого округа об усилении темпов строительства и возведении ряда дополнительных узлов обороны.

Строительство укрепленных районов вдоль новой государственной границы велось высокими темпами. Для организации и руководства оборонительными работами были сформированы управления начальника строительства (УНС) и 138 строительных участков. В целях обеспечения рабочей силой были сформированы 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автобатов. Кроме того, на строительство привлекли 160 инженерных и саперных батальонов приграничных округов и 41 батальон из внутренних округов. Вместе с этими инженерно-строительными частями с весны 1941 г. на строительстве находилось 17 820 вольнонаемных рабочих.

Чтобы представить объем оборонительных работ достаточно указать, что на строительство сооружений в укрепленных районах Прибалтийского округа ежедневно выходило 57 778 человек, Западного округа — 34 930 человек и Киевского — 43 006 человек. Для перевозки строительных материалов и оборудования военные советы округов и армий направили большое количество автомашин и тракторов-тягачей из артиллерийских частей.

В результате принятых мер количество боеготовых сооружений к началу войны увеличилось. Тем не менее, строительство укрепленных районов было далеко от завершения. В результате этого между УРами имелись неукрепленные участки местности шириной от 10 до 80 км и более. Чтобы представить, какова была готовность УРов, рассмотрим хотя бы состояние Гродненского УРа, которому в порядке важности обеспечения операционных направлений: Сувалки — Лида; Сувалки — Белосток; Сувалки — Гродно уделялось основное внимание Военного совета Западного округа. В этом укрепленном районе протяженностью 80 км к концу 1941 г. должно было быть возведено 373 сооружения. Но на 1 июня было построено только 165 огневых точек. Слабым местом в системе обороны этого УРа, как указывалось в докладе Военного совета округа Наркому обороны, был открытый правый фланг на участке р. Неман — Соничи. Для того чтобы ликвидировать этот недостаток и предупредить обход противником правого фланга УР, планировалось построить два опорных пункта с целью прострела промежутка до р. Неман и установления связи с участком обороны полевых войск на восточном берегу. Однако к этим работам так и не успели приступить, а именно здесь, на неукрепленном стыке Северо-Западного и Западного фронтов нанесла удар 3-я танковая группа генерала Гота.

В целом УРы первой линии Западного военного округа на 1 июня имели всего 193 вооруженных долговременных сооружения, 909 сооружений полевого типа и 193 закопанных танка, вооруженных 45 мм пушкой. При ширине полосы прикрытия округа 470 км это составляло общую оперативную плотность около трех огневых точек на один километр фронта.

Не лучше обстояло дело и в других приграничных округах. Боеготовность УРов снижалась из-за неукрепленности постоянных гарнизонов, а также из-за того, что в мирное время части укрепленных районов не жили и не учились в дотах. Артиллерийско-пулеметные части УРов до 1940 г. содержались в составе 25% от штата военного времени. Укомплектованные офицерами из пехотных частей, они были плохо подготовлены к ведению огня.

Полевые войска могли занять УР лишь в случае угрожающего положения по специальному приказу командующего округом, который мог быть отдан только с разрешения наркома обороны.

Анализ задач и общего замысла на прикрытия, а также состояния укрепленных районов показывает, что расчеты политического и военного руководства построить устойчивую оборону не подкреплялись реальными возможностями. Планируемые контрудары армейскими и фронтовыми резервами не были обеспечены реальными силами для их нанесения. Механизированные корпуса, которые должны были составлять основу контрударных группировок, не были укомплектованы и потому являлись лишь частично боеспособными. Артиллерийские противотанковые бригады, имея в основном штатную численность, были слабо подготовлены, чтобы вести борьбу с танками.

В основу организации планирования обороны государственной границы была положена жесткая централизация. Вышестоящие штабы определяли задачи войскам на две-три ступени ниже, что объясняется, по-видимому, стремлением сохранить в глубокой тайне все намечаемые мероприятия.

Разработка планов прикрытия штабами военных округов закончилась в последние перед войной дни, и поэтому они не были в достаточной степени освоены исполнителями. Генеральный штаб эти планы получил 10–20 июня. Рассмотреть и утвердить их времени уже не было. Однако это не означает, что войска вступили в войну, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. Армейские районы прикрытия делились на участки, нарезаемые для корпусов, и под участки — для дивизий в соответствии с конкретными условиями.

Основой окружных планов обороны являлись планы прикрытия армий. Что собой представляли эти документы, видно на примере 4-й армии Западного и 6-й армии Киевского военных округов, прикрывавших главные направления. 4-я армия в составе 28-го стрелкового (42, 6, 75 и 100 стрелковые дивизи-

зии) и 14-го механизированного (22-я и 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) корпусов, 62-го Брестского укрепленного района и 10-й смешанной авиационной дивизии прикрывала брестское направление, на котором группа армий «Центр» наносила главный удар. В директиве округа для армии были даны следующие указания: сроки подъема по тревоге и занятия оборонительных позиций для 6-й сд — 3–9 часов, 75-й сд — 4–10 часов, 42-й сд — 30 часов. 100-я сд перевозится автотранспортом и по железной дороге и сосредоточивается в районе Черемха на «М-3». Далее в директиве округа указывалось, что «с началом боевой тревоги будет начата подготовка и оборудование тыловых оборонительных позиций, армейских и фронтовых. Рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ на них будут произведены на полевой поездке в июле 1941 г. Материальное обеспечение войск: до 15-го дня мобилизации армии отпускается огнеприпасов — три боекомплекта (один в войсках, два в окружных складах), горючего для боевых машин — три заправки, для транспортных — пять заправок (две в войсках, три в окружных складах). План прикрытия вводится в действие при получении шифротелеграммы за подписью командующего войсками, члена Военного совета и начальника штаба округа с условным содержанием: „Вскрыть «красный пакет»“ и приступить к действиям по плану».

В соответствии с этими указаниями и был разработан армейский план, который по существу повторял их. Основным недостатком армейского, как и окружного планов являлась их нереальность. Недостатки решения командования округа автоматически были перенесены в армейский план прикрытия. На основе армейского плана были разработаны приказы всем соединениям, вложены в так называемые «красные пакеты» вместе с инструкциями для выхода войск по боевой тревоге и отправлены в опечатанных пакетах исполнителям.

6-я армия в составе 6-го стрелкового, 4-го и 15-го механизированных корпусов получила задачу прикрыть сосредоточение и развертывание войск на львовском направлении, не допустить прорыва противника на территорию СССР, а вклинившиеся части уничтожить»¹⁵. Ширина полосы прикрытия армии составляла 165 км. Опорой ее являлись Струмиловский и Рава-Русский укрепленные районы.

Пограничные отряды, а их в полосе 6-й армии было два (91 и 92), должны были поддерживать прочную связь с так называемыми отрядами поддержки, выделенными от дивизий первого эшелона. Всего в полосе армии было образовано 8 отрядов, каждый в составе одного усиленного стрелкового батальона. В случае нападения противника пограничники должны были вызвать отряды поддержки и совместно с ними в предполье уничтожить вражеские части. Тем временем должны были выдвигаться на полевые позиции основные силы первого эшелона и постоянные гарнизоны укрепленных районов (21, 36, 44, 140 и 141-й

пулеметные батальоны). «Готовность обороны, — указывалось в плане, — через два часа после объявления войны»¹⁶ (И это делается после того, как было доказано, что войны теперь не объявляются, а просто начинаются заблаговременно изготовившимся противником).

В случае прорыва противником предполья, отмечалось в документе, задача частей укрепленного района не допустить дальнейшего продвижения и во взаимодействии с полевыми войскам остановить вторгшегося врага. При вторжении крупной группировки в сражение должны были вводиться резервы района прикрытия (механизированные корпуса). С этой целью каждому механизированному корпусу было определено несколько направлений контрударов. Совместно с авиацией, и артиллерийскими противотанковыми бригадами они должны были уничтожить вторгшегося агрессора.

Таковы, в основном, были задачи и других армий прикрытия.

Прикрытие западной границы Советского Союза, протяженность которой достигала 4520 км, возлагалась на войска пяти военных округов.

В первом эшелоне планировалось развернуть 63 дивизии и 2 бригады. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия, остальные 45 дивизий составляли резервы или вторые эшелоны округов. На 15–20-е сутки мобилизации при помощи местного населения должно быть оборудовано на глубине 100–150 км от границы до 4 фронтовых рубежей. Но рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ к началу войны не были завершены. На случай вынужденного отхода предусматривалось создание системы заграждений, разрушение дорог, мостов, железнодорожных путей и других объектов. Однако команды подрывников заблаговременно подготовлены не были, взрывчатка — не завезена.

Построение обороны армий прикрытия имело существенным недостатком. Передний край большинства дивизий проходил по государственной границе и предполье (полоса обеспечения) здесь отсутствовало. На расположение войск Западного и Юго-Западного, округов большое влияние оказал наступательный характер планируемых стратегических действий. С этой целью крупные силы сосредоточивались в белостокском и львовском выступах. В случае своевременного развертывания войск в районах прикрытия эти группировки, состоявшие в основном из подвижных соединений, могли сыграть большую роль в разгроме вторгшихся группировок противника. Но так как заблаговременно этого не было сделано, то эти войска при необеспеченности оснований указанных выступов сами могли оказаться в тяжелом положении, как это убедительно показала первая январская оперативно-стратегическая игра.

Противник как раз и планировал нанести свои главные удары под основания этих выступов, на стыках между военными округами, где оборона была наиболее слабой. Значительное количество

соединений, планируемых в состав войск прикрытия, находились в стадии формирования и имели низкую боевую готовность.

Крупный недостаток был и в организации противоздушной обороны войск. Прикрываемая территория разделялась на районы и участки прикрытия. Однако единого управления истребительной авиацией и зенитной артиллерией организовано не было.

Группировка авиации создавалась таким образом, чтобы поддерживать Западный и Юго-Западный фронты при ведении ими наступательных операций, которые должны были начинаться после отражения вторжения. Этим обуславливалась ее дислокация вблизи государственной границы.

В планах прикрытия важное место отводилось последовательности сосредоточения войск. Первыми, через 45 минут после объявления тревоги, занимали оборону отряды поддержки. Далее под прикрытием боевого охранения, должны были выдвигаться части дивизий первого эшелона армий прикрытия. Первый эшелон этих дивизий должен был занять оборону через 3–9 часов¹⁷. Сроки готовности частей определялись временем, необходимым для сбора по тревоге и выхода в назначенный район.

План прикрытия предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, а в других случаях только распоряжением наркома обороны шифрованной телеграммой: «Прступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.»¹⁸.

Весь план прикрытия, как и ввод его в действие, не был рассчитан на внезапное вторжение противника на земле и в воздухе. Все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия будет предоставлено в «угрожаемый период» (был и такой официальный термин) время на отмотилизование. Игнорировалась реально сложившаяся обстановка, характеризовавшаяся полной готовностью немецких стратегических группировок к наступлению и незавершенным развертыванием советских войск. Проявлялась к тому же и недооценка агрессивности Германии и мощи ее вооруженных сил. Все это привело к серьезнейшим просчетам в подготовке Красной Армии и страны к надвигающейся войне.

В решении важных мобилизационных вопросов политическое и государственное руководство порой проявляло медлительность, а иногда и бюрократическую волокиту. Так, мобилизационный план развертывания промышленности на военное время, представленный начальником Генерального штаба Ворошилову, пролежал у него в сейфе более месяца, и только после обращения Жукова к Сталину план был рассмотрен, но так и не утвержден, потому что началась война¹⁹.

Главный военный совет 16 августа 1940 г. принял решение о разработке мобилизационного плана МП-41, рассчитанного на ввод в действие к 1 мая 1941 г. Нарком обороны 3 октября 1940 г. утвердил календарный план работ по созданию этого документа. В связи с задержкой решения вопроса о количестве призываемых возрастов директива по вопросам комплектова-

ния в округа не была отправлена. Поэтому намеченные сроки разработки плана МП-41 были сорваны.

В этих условиях начальник Генерального штаба потребовал проводить разработку нового плана МП-41 с одновременным уточнением существующей схемы развертывания, сохраняя постоянную мобилизационную готовность всех формирований до ввода нового плана в действие. В основу же новой схемы развертывания Красной Армии были положены: новая организационная структура стрелковых и танковых войск, артиллерии и военно-воздушных сил; изменения в дислокации частей и соединений; сроки отмотилизования в каждом округе.

12 февраля Жуков представил правительству новый мобилизационный план МП-41, который после тщательного рассмотрения был утвержден. Разработку документов по мобилизационному плану предписывалось начать немедленно, с расчетом окончания всех работ как в центре, так и на местах к 1 июля 1941 г.²⁰.

Вооруженные силы намечалось развернуть в составе: 303 дивизий (из них: стрелковых — 198, танковых — 61, моторизованных — 31, кавалерийских — 13), 346 авиаполков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артиллерийских полка, 72 артиллерийских полка РГК. Кроме того, предусматривалось развертывание соответствующего количества частей боевого обеспечения и обслуживания войск армий и фронтов.

После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн. человек. В ее составе должно было насчитываться 32 628 самолетов (из них 22 171 боевых), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10 679 броневтомобилей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей²¹. В соответствии со взглядами на характер войны значительно возрос удельный вес в сухопутных войсках автобронетанковых войск, который составил 16%, войск ПВО — 6%, артиллерии РГК — 7%. На военно-воздушные силы приходилось 15%.

К началу войны проявились весьма серьезные противоречия. С одной стороны, планируемый количественный рост армии требовал значительного повышения ее боевой мощи и обеспечения возможности по отражению вторжения агрессоров. При этом все стратегические расчеты велись из предположения, что средства и возможности для такого роста есть. С другой стороны, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, подхлестываемые Сталиным, намечая эти крупные мероприятия, не в полной мере учитывали особенности военно-политической обстановки кануна войны и возможности промышленности. Потребности армии с государственными планами производства боевой техники и вооружения не были детально и объективно согласованы. Это повлекло за собой увеличение некомплекта в войсках, который не мог быть покрыт в результате мобилизации. В результате

этого появилось большое количество небоеспособных или ограниченно готовых соединений и частей, а те, которые были обращены на формирование новых соединений, как, например, танковые и воздушно-десантные бригады, утратили прежнюю боеспособность.

Сложным оказался вопрос эшелонирования и размещения боеприпасов. Свыше 41% всех баз и складов находились в западных военных округах. Исходя из оперативного плана, в соответствии с которым войска Юго-Западного и часть сил Западного фронтов должны были вскоре после начала войны наступать, мобилизационные запасы боеприпасов оказались приближены к границе, что, как показали последующие события, стало серьезной ошибкой. Отмобилизование армии планировалось провести поэшелонно в течение одного месяца. Соединения, входящие в состав армий прикрытия планировалось отмобилизовать в два эшелона. Сроки готовности первого эшелона к выступлению в поход определялись в пределах от 2 до 6 часов. Время отмобилизования второго эшелона — на 2–3-и сутки мобилизации. Армии прикрытия при переходе на штаты военного времени должны были получить до 25–30% личного состава.

Очень плохо обстояло дело в тыловых частях и учреждениях. В дивизиях приграничных округов комплект личного состава в тыловых частях составлял около 50%. Личный же состав тыловых частей и учреждений фронта в кадрах вообще не состоял и был приписан из запаса со сроком прибытия на 15-е сутки мобилизации. Обеспеченность тыла транспортом не превышала 30%, а в стрелковых дивизиях — 30–50%.

Итак, из 303 дивизий, которые должны были отмобилизовываться по плану МП-41, 172 дивизии имели сроки полной готовности на 2–4-е сутки, 60 дивизий — на 4–5-е сутки, а остальные — на 6–10-е сутки мобилизации. Все оставшиеся боевые части, фронтовые тылы отмобилизовывались на 8–15 сутки. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось в течение месяца²².

Неблагоприятные условия и весьма сжатые сроки не позволили полностью закончить разработку окружных мобилизационных планов к началу войны. В Минском, Смоленском, Белостокском областных и в трех районных военкоматах, а также в ряде частей и соединений сроки работ по составлению мобпланов не выдерживались. Заявки на перевозки специалистов в Западном округе, начальствующего состава запаса в Киевском округе составлялись без учета мобилизационной потребности²³. Проверка 12 июня 1941 г. показала, что приписка военнообязанных к частям Прибалтийского военного округа в военных комиссариатах г. Москвы и Московской области была проведена неудовлетворительно²⁴.

Информация и трансформация

В конце 1939 г. министерство иностранных дел Германии выпустило в свет «Белую книгу». В ней была

опубликована запись беседы А. Гитлера с послом Великобритании в Берлине Гендерсоном. «В отличие от предыдущей войны, Германии не придется воевать на два фронта, — заявил канцлер Германии. — Соглашение с Россией безоговорочно и означает поворот во внешней политике Германии на долгое время. Россия и Германия ни при каких обстоятельствах не поднимут больше оружия друг против друга», — заключил он²⁵.

Почти в то же время, когда появилась эта книга, 23 ноября 1939 г. А. Гитлер выступил на совещании руководителей вермахта. «Целью моей, — сообщил он своим генералам, — являлось установление разумных пропорций между численностью нации и ее жизненным пространством. А этого можно добиться только путем борьбы... Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые и т. д.». Рассуждая о последовательности завоевательных планов, фюрер заметил: «Мольтке одно время склонялся к превентивной войне, стремясь использовать более медленное проведение мобилизации русскими... После смерти Мольтке была упущена масса удобных случаев. Решения возможно было добиться лишь путем нападения на ту или иную страну при самых благоприятных условиях... Я долго колебался при решении вопроса, где мне следует сначала выступить — на Востоке или на Западе... Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе»²⁶.

Содержание этой речи вскоре стало известно И. В. Сталину. Из него он сделал вывод, что война с Германией неизбежна, но что она выступит против СССР только тогда, когда завоюет нефть и закончит войну с Англией, чтобы закрыть западный фронт. Этот вывод он довел до сведения своего окружения и тех руководящих лиц, которые поставляли разведывательную информацию. Зная из предыдущего раздела оперативно-стратегические и мобилизационные документы, небезынтересно проследить, как официальный орган наркомата обороны СССР газета «Красная звезда» информировала и готовила к грядущим боям своих читателей.

В отличие от германских газет, которые по указанию Гитлера называли 1941-й год «Годом великих решений», передовая статья «Красной звезды» за 1 января озаглавлена: «Год великих побед». Проанализировав вопросы внутренней и внешней политики советского государства, анонимный автор заключает: «Международная обстановка не сулит человечеству успокоения. Наоборот, зарю нового года заволочли черные тучи еще более ожесточенной борьбы на фронтах второй мировой империалистической войны. Мы должны быть начеку!»

В газете приведены исторические слова А. В. Суворова: «Далеко шагает! Пора, пора унять молодца!», сказанные им по поводу успешных походов Наполеона. Эти слова, естественно, направлялись в адрес Гитлера — «продолжателя дела Наполеона», каковым он себя считал.

Периодически в газете публиковались статьи под заголовком «Международный обзор» за подписью «Наблюдатель». Это означало, что в них выражались официальные указания, исходившие из Главного управления пропаганды (впоследствии Главпура) РККА «Уже первые дни 1941 года ознаменовались событиями, показывающими, что воюющие державы интенсивно готовятся к дальнейшему расширению войны, — отмечается в статье от 9 января. — Германия, сохраняя в своих руках инициативу действий на Западе, будет добиваться победы раньше, чем ее противник мог бы существенным образом усилить свою оборону с помощью США... Характерно, что в последнее время с германской стороны все подчеркивается значение морского фактора для грядущих событий... Внимание широкой печати привлекло сообщение итальянского агентства Стефони о том, что в Италию прибыл германский авиационный корпус для участия в воздушных операциях в зоне Средиземного моря». Этим сообщением читателю навязывался вывод, что в 1941 году рамки войны Германии с Англией будут расширяться.

В последний день первого месяца рокового года были опубликованы выдержки из речи Гитлера, произнесенной накануне: «Гитлер заявил: прошедший год уже решил исход войны. Мы создали определенные базы, и когда придет час, замахнемся для решительного удара». Далее, судя по комментариям, он разглагольствовал о намерениях английского руководства: «Они, может быть, надеются на другие государства, которые они могли бы еще втянуть в войну. Я могу только заверить их: мы учли всякую возможность какая только мыслима».

6 февраля «Наблюдатель» заключил: «Что касается ближайших стратегических планов держав оси, то большинство политических и военных наблюдателей сходятся в том, что основное внимание генеральных штабов Германии и Италии в данное время концентрируется на развертывании операций в бассейне Средиземного моря».

25 февраля «Красная звезда» цитирует речь Гитлера, произнесенную им на собрании, посвященном 21-й годовщине со дня основания национал-социалистской партии: «Наша борьба на море только теперь может быть начата. Мы никогда не ставили себе таких целей: 1 марта, или 1 июня, или 7 сентября должно произойти то-то или то-то. Это знают только журналисты наших врагов. Во время войны они неоднократно предсказывали поражение Германии. Осенью они говорили: если теперь не произойдет высадка войск, то все будет в порядке; весной 1941 года Англия начнет наступление на континент. Я продолжаю ждать этого английского наступления. Они перенесли его в другое место. Мы должны их бить там, где мы их найдем, куда бы они ни направлялись. Мы застанем их там, где удар будет для них наиболее уничтожающим». В тот же день, газета сообщила, что «на собрании чернорубашечников в Риме выступил с речью Муссолини:

«что бы ни случилось, победа держав оси обеспечена и Италия пойдет с Германией до конца».

4 апреля «Красная звезда» уведомила читателей о том, что «в этом году выпускается большое количество киноплёночных диапозитивов на оборонные темы... В новую военно-историческую серию, выпускаемую в текущем году, войдут очерки о жизни и боевой деятельности великих русских полководцев Кутузова, Багратиона, Суворова».

4 мая газета была заполнена материалами о параде войск на Красной площади и праздновании дня 1 мая. На первой странице большое фото трибуны Мавзолея Ленина, из которого мы узнали, что между Сталиным и Молотовым стоял советский полпред в Германии Деканозов. Во время речи наркома обороны мы долго всматривались, гадая, кто бы это мог быть. Но выяснили лишь по надписи под фотографией. Подобного факта никогда не было, так как по статусу там положено было быть членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК и высшим военным руководителям. Видимо, этим фактом Сталин хотел показать особую значимость в тот напряженный момент советско-германских отношений. Но вместе с тем этот эпизод говорил и о его особом расположении к Деканозову — выдвигенцу Берии, вместе с ним расстрелянному в 1953 году.

21 мая вместо передовицы «Красная звезда» напечатала редакционную статью: «Внимание к учебным сборам запаса рядового и младшего начальствующего состава». «На днях начались на основании приказа НКО очередные учебные сборы запаса, — указывалось в ней. — В частях Красной Армии развертывается переподготовка призванного рядового и младшего начальствующего состава запаса...

В армию вольются целые сотни тысяч бойцов, знающих старую материальную часть, но не вполне еще знакомых с новой материальной частью. Задача кадров Красной Армии состоит в том, — указывалось, конечно же, руководством наркомата обороны, — чтобы дать возможность этим сотням тысяч бойцов овладеть новой военной техникой в короткий срок».

2 июня газета уведомила читателей о том, что «Гитлер и Муссолини встретились сегодня в Бреннере и в присутствии Риббентропа и Чиано в течение нескольких часов беседовали о политическом положении». С этого времени и до 14 июня газета словно умолкла. Никаких настораживающих публикаций не было. 14 июня в центральных газетах появляется успокаивающее и притупляющее бдительность народа «сообщение ТАСС». Ввиду особой важности этого документа, отредактированного самим Сталиным и раскрывающего его стремление во чтобы то ни стало предотвратить в 1941 году войну, приводим его полностью.

«Сообщение ТАСС

Еще до приезда английского посла г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться

слухи о „близости войны между СССР и Германией“. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней».

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем! расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере нелепо».

В течение последующей недели, вплоть до начала войны, никаких настораживающих сообщений в «Красной звезде» не было.

Вот ведь какой парадокс: все усилия после советско-финляндской войны, как свидетельствуют исторические документы, Сталин направлял на подготовку к отражению фашистской агрессии, верил в неизбежность войны с Германией, а тут...

Немецкое командование придавало внезапности решающее значение. В памятной записке «Об основном замысле операции против России», составленной начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генералом Ф. Паулюсом 29 октября 1940 г., указывалось, что для достижения решающего превосходства немецких войск в силах

и средствах над Красной Армией необходимо достижение внезапности вторжения. В плане «Барбаросса» подчеркивалось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны». «Предполагалось, — заметил впоследствии бывший начальник разведывательного отдела генерального штаба генерал К. Типпельскирх, — что русские войска не смогут отразить внезапных ударов немецких армий».

С целью введения советского политического и военного руководства в заблуждение был издан ряд документов, в том числе директива начальника штаба верховного Главнокомандования фельдмаршала В. Кейтеля от 15 февраля 1941 г. Сосредоточение войск на востоке представлялось в ней «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию».

На заблуждение Сталина, от которого, как известно, зависело все, изначально повлияло дошедшее до него вышеуказанное заявление Гитлера от 23 ноября 1939 г. На сложившуюся у него точку зрения легко «укладывались» дезинформационные мероприятия немцев. Из обширной информации, поступавшей в Разведывательное управление Генерального штаба генералу Ф. И. Голикову, наркому Военно-Морского Флота адмиралу Н. Г. Кузнецову, народному комиссару государственной безопасности Л. П. Берия и в наркомат иностранных дел, и регулярно докладываемой Сталину, он как бы избирательно извлекал те факты, которые подкрепляли его вывод.

А такие факты имели место в донесениях источников. «В связи с успешным продвижением войск в Ливии, — сообщал 17 апреля из Берлина агент НКГБ, — африканские победы стоят в центре внимания. Настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз, несколько утихло, так как они получили новые надежды выиграть войну с Англией». 24 апреля тот же агент сообщает: «В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовку к акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака. Акция против СССР; кажется, отодвинута на задний план».

Вполне возможно, что на Сталина оказывала определенное воздействие и пресса. После «триумфального шествия» германской армии по Западной Европе зарубежная пресса пестрила догадками, куда направится она позже. Германское руководство решило использовать мутный поток пропаганды для разного рода провокационных измышлений и инсинуаций. Немецкие агенты в зарубежных странах по заданию Берлина фабриковали «факты» о приготовлениях СССР к нападению на Германию и публиковали их в газетах. Эти выдумки, как «достоверные сведения» передавались из одной страны в другую. Публиковались действительно достоверные факты, в которые уже трудно, как казалось, было не верить.

Но он — Сталин — верил в самого себя, в свою прозорливость и мудрость и сложившуюся точку зрения о том, что Германия не закончив войну с Англией, на СССР не нападет, навязал другим. Поэтому они до поры до времени поддакивали ему в этом. Одним из наиболее ярких примеров такой позиции является докладная записка Ф. И. Голикова на имя И. В. Сталина от 20 марта 1941 г., озаглавленная «Высказывания и варианты возможных боевых действий германской армии против СССР». Ниже приводим выдержки из этого большого по объему документа.

«За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся, якобы, нападении Германии на Советский Союз... Из наиболее вероятных вариантов действий намечаемых против СССР, — заслуживают внимания следующие:...

Вариант № 3, по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: „Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петроград; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедт — в направлении Москва и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киев. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая“.

По сообщению нашего военного атташе от 14.3 из Румынии, упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: „Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой“. Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР и прежде всего Украину.

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являются будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.
2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию,

исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков».

20.3.41 г.

На обороте последней страницы машинописной копии было указано: «Один экземпляр этого документа, но не первый, имеется в ГРУ. Он не подписан. Не исключена возможность, что подлинник кому-либо передавался или первый экземпляр представлен лично».

Обнаружив в архиве Генерального штаба этот ценный документ, в котором впервые был изложен замысел плана «Барбаросса с указанием, хотя и ошибочно, даже командующих группами армий, я решил рано или поздно, когда спадут; цензурные и друг препоны, ввести его в научный оборот. Но для этого нужно было искать подлинник или получить подтверждение у, к счастью здравствующего еще тогда исполнителя, уже Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова. Не найдя подлинника, в 1965 г. обратился к находившемуся в архиве Ф. И. Голикову. Состоявшийся диалог привожу почти полностью.

- Товарищ маршал! Помните ли вы свою докладную записку Сталину от 20 марта 1941 года?
- Как же, хорошо помню. Ведь в ней были изложены факты, которые потом подтвердились.
- Вот именно. А как Сталин отнесся к ним?
- Он их оценил так же, как и я.
- Почему Вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления изложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?
- А вы знали Сталина?
- Я видел его на трибуне Мавзолея Ленина, когда стоял в парадных расчетах.
- Ну вот, а я ему подчинялся, докладывал и боялся его. У него сложилось мнение, что пока Германия не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали свои заключения под его точку зрения.

А что это действительно было так, я подтвержу ниже другими документами.

Характерно, но факт, что этих сведений не знал начальник Генерального штаба. Увидев у меня в рукописи будущей книги «Бессмертный подвиг» этот документ 26 мая 1965 г., он удивился. На мой вопрос он ответил, что Ф. И. Голиков ему не подчинялся он докладывал напрямую Сталину и некоторые материалы сообщал Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, не сообщил и ему, так как нарком, как правило, делился со мной получаемой информацией.

После балканского похода в апреле многим казалось, что Германия устремится в страны Ближнего Востока. Контрудар африканского корпуса генерала Э. Роммеля по английским войскам, нанесенный также в апреле, приблизил военные действия к границам Египта. В это же время оказался под угрозой контроль англичан над Ираком. Ходили упорные слухи о пред-

стоящем вторжении немцев в Сирию. На сирийских аэродромах в апреле приземлилось около ста немецких и двадцать итальянских самолетов.

Руководители США и Англии, видя из разведывательных данных, получаемых ими о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, также решили поделиться этой информацией со Сталиным. Первое сообщение было сделано в начале 1941 г. заместителем государственного секретаря США С. Уэллесом в беседе с советским послом в Вашингтоне.

19 апреля 1941 г. посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс направил письмо заместителю народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинскому, к которому приложил личное послание премьер-министра У. Черчилля на имя Сталина следующего содержания: «Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов»²⁷.

Как указывает английский журналист Иан Колвин, эти сведения английская разведка получила от начальника абвера адмирала Канариса²⁸.

Сталин не хотел верить никаким источникам. Рихард Зорге одним из первых еще 18 ноября 1940 г. сообщил о начале подготовки Германии к войне против СССР. Весной 1941 г. он неоднократно доносил в Москву об этом. 2 мая Зорге со слов германского посла в Японии Отта, от которого он и получил информацию, будучи с ним в доверительных отношениях, информировал центр: «1. Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы получить европейскую часть СССР в качестве сырьевой и зерновой базы. 2. Критические сроки вероятного начала войны: а) завершение разгрома Югославии; б) окончание сева; в) завершение переговоров Германии и Турции. Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае». Еще один документ:

«6 мая 1941 г.

ЦК ВКК(б)

№ 48582с

Тов. Сталину И. В.

Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:

«Советский подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадки парашютных десантов в приграничных центрах...».

Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, с тем чтобы

дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР.

Адмирал Кузнецов

Отпечатано 4 Экз.

Экз. № 1 — т. Сталину

Экз. № 2 — т. Молотову

Экз. № 3 — т. Жданову

Экз. № 4 — в дело

На экз. № 3 этого сообщения, возвращенно из ЦК ВКП(б) имеется запись: «Вернуть / Тов. Жданов ознакомлен. 6.V.41 г. А. Куз»

Угодную Сталину информацию, по словам Жукова, направлял и полпред в Германии В. Деканозов. На приемы, часто устраиваемые им, регулярно приходили два человека: сотрудник министерства иностранных дел Мейснер, дипломат «старой школы», но близко стоявший к Гитлеру, и отставной дипломат, слышавший доверенным лицом Риббентропа граф фон Чайковский. Они без устали твердили о необходимости дальнейшего улучшения советско-германских отношений, заявляя при этом, что руководители третьего рейха денно и ночью только и пекутся о том, чтобы наши отношения были тесными и искренними. В начале июня Мейснер «доверительно» сообщил, что в имперской канцелярии разрабатываются новые предложения по укреплению советско-германской дружбы, которые будто бы Гитлер вскоре представит Москве.

Цель подобного рода информации — очевидна. Заключение из нее и направлял В. Деканозов Сталину.

По-видимому, точку зрения Сталина на невозможность войны между СССР и Германией, пока не будет закончена война с Англией, Молотов довел до сведения полпредов в Западных странах. Получая достоверную информацию, они относились к ней с подозрением. Кроме В. Деканозова так поступали А. Е. Богомолов — полпред во Франции, И. М. Майский в Англии. Характерно в этом отношении беседа Майского с С. Криппсом, состоявшаяся в Лондоне 21 июня 1941 г. Запись этой беседы на имя Сталина и Молотова была получена в Москве в 11 часов 22 июня.

- «1. Ко мне сегодня заезжал Криппс, — сообщал полпред, — и сообщил следующее: Так как он продолжает быть твердо уверенным, что вооруженный конфликт между СССР и Германией неизбежен в ближайшие дни, повторяю в ближайшие дни (в обоснование Криппс опять повторил примерно то, что говорил мне уже на днях), то он считает своим долгом принять все необходимые меры для того, чтобы в случае такого конфликта тесный контакт между Англией и СССР был установлен с первого же момента и чтобы британское правительство могло без всякого промедления оказать СССР ту помощь, о которой Иден говорил мне 13 июня...
2. Далее Криппс задал мне вопрос: согласно ли было бы Советское правительство в указанном случае (т. е. в случае нападения Германии) вступить в контакт с Англией? Или же оно предпочло

бы действовать самостоятельно? Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу. Тем более, что вся картина, которую только что нарисовал передо мной Криппс, кажется мне более, чем гипотетической. И далее я развил Криппсу ряд соображений, по которым я по-прежнему считаю германскую атаку на СССР очень маловероятной... Криппс полагает, что выступление Германии против СССР произойдет, вероятно, около 29 июня. На мой вопрос: почему именно 29 июня? — Криппс ответил, что Гитлер любит атаковать своих противников по воскресеньям»²⁹.

Подобные выводы дипломатических и военных деятелей подкрепляли уверенность Сталина в возможности предотвращения войны в ближайшее время. Кстати, существует версия, что будто бы Шуленбург сообщил Деканозову во время беседы 5 мая в Москве точную дату германского нападения на СССР. Однако в обстоятельной записи этой беседы, составленной в тот же день присутствовавшим там заведующим отделом Центральной Европы НКВД СССР В. Павловым, и намек на это нет. Более того, из этой записи явствует, что главной целью встречи был обмен мнениями о том, что необходимо предпринять, чтобы «пресечь слухи» о войне Германии с СССР. Посольство получило «указания из Берлина категорически опровергать всякие слухи о предстоящей войне». «В течение этой части беседы, — указывается в записи, — Шуленбург несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи».

Таким образом, данные Шуленбурга были тоже дезинформацией. Об этой беседе Деканозов, без условно, проинформировал Сталина, направив ее содержание в нужное русло.

4 июня он сообщил, что Гитлер в сопровождении Кейтеля посетил свою новую ставку на Востоке. «Все эти поездки, — писал он, — были, по существу, политической демонстрацией, направленной в частности на поддержание слухов о войне с СССР».

Но в связи с сосредоточением и развертыванием германских войск у наших границ напряжение нарастало и стало вселять смелость в должностных лиц. Они решились представлять только факты. 1 июня 1941 г. Голиков доложил Сталину, что на западных границах СССР немецкое командование сосредоточило 122 дивизии и примерно по 16 дивизий выдвинули к границам СССР Финляндия и Румыния.

Представил свой документ и Кузнецов, но так же как и Голиков уже без своих выводов.

«11 июня 1941 г.

№ 48604сс

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза СССР тов. Сталину И. В.

Докладываю донесение нашего сотрудника, полученное из Бухареста:

1. Из офицерских кругов известно, что по румынской армии авиации отдан приказ — на 15 июня быть готовым к наступательным операциям. Судя по

Бухаресту, подготовка к военным действиям проводится очень интенсивно. К указанному сроку, однако, румыны готовы не будут. В отношении немцев вывод сделать затруднительно.

2. Воевать против Советского Союза даже румынские военные не хотят. Народ, и это истина, настроен против всякой войны.

3. Движение румыно-германских войск, и особенно артиллерийских частей на север Румынии продолжается.

Адмирал Кузнецов»

За неделю до вторжения немцев Сталину доложили точный день начала войны. «Война будет начата 22 июня», — донес в Москву 15 июня неутомимый Рихард Зорге. На следующий день этот же срок нападения, полученный из других источников, с трепетом и волнением докладывал Сталину Голиков. Для волнений были основания.

В связи с тем, что Гитлер, в силу ряда причин, в том числе и из-за похода на Балканы, неоднократно переносил сроки нападения на СССР, Сталину, как свидетельствуют и выше приведенные документы, называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня. «Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, — сказал мне Голиков, — Сталин окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 году на СССР, если ее не спровоцируют, а к нашим докладам стал относиться с еще большим недоверием и подозрительностью. За правдивые и, как впоследствии подтвердилось, достоверные сведения нам устраивался «разнос».

Я привел лишь небольшую часть поступавших И. В. Сталину сообщений и данных о подготовке Германии к нападению на СССР. Ему докладывали о десятках случаев перелетов германскими самолетами границы в целях фотографирования и даже «вынужденной» посадки на наших аэродромах, об учащемся переходе вражеской агентуры через границу и др. 19 июня адмирал Кузнецов сообщил, что в период с 4 июня по сегодняшний день весь аппарат (7 человек) военно-морского атташе Германии выехал из СССР.

Но ничто не могло убедить его в том, что война для СССР неотвратима. Даже отсутствие реакции германского руководства на сообщение ТАСС, опубликованное 14 июня, а накануне вечером сообщенное Молотовым Шуленбургу, не отвело его от заблуждения. Поэтому он угрожающе требовал от Тимошенко и Жукова: не давать своими распоряжениями и подготовительными мероприятиями, проводимыми в Центре и, особенно, в приграничных военных округах, повода для провокации.

Непоследовательность и неопределенность

Вывод И. В. Сталина о возможности избежать войны с Германией в 1941 г. и его жесткое требование не дать повода для провокации наложили печать на все мероприятия по подготовке народа и армии к от-

ражению агрессии. Изучение имеющихся документов показывает некую «раздвоенность» в действиях советского политического и военного руководства в последние мирные месяцы. С одной стороны, признавалось, что война неизбежна и что противник ведет уже подготовку к нападению на СССР, с другой — стремление отодвинуть сроки войны тормозило ход подготовки к отражению агрессии.

С февраля 1941 г. наркомат обороны и Генеральный штаб имели данные о развертывании трех армейских групп, имеющих целью нанесения ударов в направлении на Ленинград, Москву и Киев. Энергично взявшийся за исполнение служебных обязанностей Г. К. Жуков добился разрешения И. В. Сталина на осуществление ряда мероприятий по подготовке армии к решению задач предстоящей войны.

В феврале–марте получила дальнейшее развитие программа по развертыванию Красной Армии. Перестройкой были охвачены все ее структурные элементы. Реорганизация и организационное укрепление армии потребовали величайшего напряжения и колоссальной работы штабов и войск.

Особенно резко возросло количество мобилизационных мероприятий в Западном и Киевском военных округах. Одновременно переводились на новые штаты все бронетанковые войска, воздушно-десантные бригады, инженерные части, артиллерия РКК, а с апреля — стрелковые дивизии. Вместе с тем, в соответствии с оперативными планами осуществлялись их перегруппировки и передислокация.

Развертывание и доукомплектование механизированных и воздушно-десантных корпусов осуществлялось на базе боеспособных, слаженных бригад. Последние развертывались в более крупные, но не доведенные до штатной численности формирования. В результате снижалась боеспособность прежних соединений. В этом деле были допущены серьезные просчеты. Гигантомания политического и военного руководства в строительстве Красной Армии весной 1941 г. явилась большой ошибкой. Вследствие этого Красная Армия не усилилась, а ослабла.

Так, в частности, получилось с танковыми бригадами и механизированными дивизиями, на базе которых формировались механизированные корпуса. Одновременное развертывание и формирование 29 механизированных корпусов, со штатной численностью свыше 1000 танков в каждом в короткие сроки привели не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

В апреле–мае Генеральный штаб с разрешения И. В. Сталина начал проводить скрытное от мобилизации военнообязанных запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на учебные сборы до начала войны было призвано свыше 802 тыс. человек, что составляло 24% приписного личного состава по мобплану МП-41³⁰. Это позволило усилить половину всех стрелковых

дивизий (99 из 198), предназначенных в основном для действий на Западе. При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов при штатной численности 14 483 человек был доведен: 21 дивизия — до 14 тыс. человек, 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 дивизий — до 11 тыс. человек.

Одновременно было поставлено из народного хозяйства в армию 26 620 лошадей. Вместе с тем работа по повышению мобилизационной готовности приграничных округов не носила последовательного характера. Соединения и части не укомплектовывались до штатной численности автомобилями, тракторами, лошадьми. Их полная готовность к боевым действиям определялась временем поступления техники из народного хозяйства уже после начала войны.

В соответствии с рекомендациями Генштаба Главный военный совет, на котором присутствовал И. В. Сталин и дал добро этому мероприятию, принял решение на выдвижение войск второго стратегического эшелона армий резерва Главного командования. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развертывания группировок войск на театре военных действий.

С 13 по 25 мая поступили распоряжения Жукова о начале выдвижения к западной границе трех армий (22, 21 и 16-ю) из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов. 22-я армия в составе 6 дивизий выдвигалась в район Идрица, Себеж, Витебск со сроком окончания 1–3 июля. 21-я армия в составе 14 дивизий сосредоточивалась в районе Чернигов, Гомель, Конотоп с 17 июня по 2 июля, 16-я армия (12 дивизий) перебрасывалась 22 мая — 1 июня в район Проскуров, Хмельники. Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в назначенных районах с 1 июня по 10 июля.

Наряду с этим был разработан график переброски из Северо-Кавказского военного округа в район Черкассы, Белая Церковь 19-й армии со сроками сосредоточения к 10 июня.

Общий объем перевозок составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянутость выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранения режима работы железных дорог по графику мирного времени. Поэтому к началу войны только 83 воинских эшелона прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, а 401 эшелон (9 дивизий) еще не грузились³¹. Соединениям предписывалось иметь только часть запаса боеприпасов, горючего, продовольствия, предусмотренного мобилизационными планами.

Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развертывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений³². В это же время войска 20, 24 и 28-й армий готовились к передислокации. Выдвигаемые из глубины страны войска не были укомплектованы транспортом, не имели необходимых запасов боеприпасов, горючего, продовольствия.

Перед Тимошенко и Жуковым стояла сложнейшая проблема. С одной стороны, ими предпринимались попытки призвать часть транспорта из народного хозяйства, что нельзя было полностью скрыть, с другой — Сталин не хотел дать повода Германии для обострения отношений и тем самым не ускорить развязывание войны. Решение вопроса усложнялось также и тем, что изъятие транспорта из народного хозяйства ставило под угрозу проведение уборочной кампании.

Развертывание армии и флота потребовало увеличения численности командного и инженерно-технического состава. Учитывая опасную обстановку, И. В. Сталин одобрил предложение С. К. Тимошенко о досрочном выпуске курсантов училищ.

16 мая с большим опозданием, как указывалось выше, приграничные военные округа получили указания ускорить строительство укрепленных районов на новой границе. В тот же день Жуков разрешил войскам прикрытия держать боеприпасы непосредственно в законсервированных танках.

27 мая в целях повышения боевой готовности штабов к управлению войсками командующие западными приграничными округами получили приказ Тимошенко немедленно приступить к строительству командных пунктов фронтов и завершить его к 30 июля. Войскам ПВО страны предписывалось закончить к 15 июля 1941 г. оборудование командных пунктов и артиллерийских позиций.

С приближением срока вторжения противника усиливались его разведывательные действия. Только за первую половину 1941 г. было зафиксировано 324 случая нарушения границы немецкими самолетами, а за двое суток (20 и 21 июня) граница нарушалась 60 раз.

Наши самолеты иногда поднимались в воздух с целью предупреждения, но ни в коем случае не обстрела нарушителей. Находясь на приграничных аэродромах, советские летчики не имели возможности активно противодействовать нарушению противником нашей границы. Они получили строжайший приказ оружия не применять, а предлагать посадку самолетам — нарушителям «эволюциями» (покачиванием крыльев) своего самолета. Но это не оказывало никакого воздействия на немецких летчиков. Более того, нашим летчикам не разрешалось даже приближаться к границе. 1 июня при преследовании германского самолета, нарушившего границу СССР, советский истребитель, увлекшись погоней, перелетел границу в районе Августов (Западный военный округ) и около 5 минут находился над чужой территорией. Сообщая об этом случае в Генеральный штаб, Берия потребовал провести тщательное расследование этого факта.

В связи с этим 12 июня командующим приграничными округами было приказано: во избежание возможных провокаций запретить полеты нашей авиации в 10-километровой приграничной полосе. Это запрещение позволило немецким летчикам до такой степени обнаглеть, что за несколько дней до начала войны они

по несколько раз в день перелетали границу с подвешенными бомбами и углублялись в наше воздушное пространство. В том же районе Августов только вечером 20 июня группы из 6–10 немецких самолетов трижды перелетали нашу границу с подвешенными авиабомбами и углублялись на 1,5–2 км³³.

С поступлением разведывательных данных о сроках нападения Германии И. В. Сталин разрешил С. К. Тимошенко сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных приграничных округов в районах, предписанных планами прикрытия.

Директивой начальника Генштаба западным округам предписывалось с 12 по 15 июня скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе³⁴.

Так, в директиве Военному совету Киевского военного округа указывалось: «В целях повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии с управлениями корпусов, с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря. Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к границе, в случае необходимости может быть произведен только по моему особому приказу». Время с 10 по 15 июня являлось тем последним критическим рубежом когда советские войска в случае принятия решения успевали перейти в состояние полной готовности с оттоном и развертыванием соединений на театре военных действий.

Согласно директивы Военного совета Киевского военного округа стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, предписывалось начать выдвигание в полном составе, но без мобилизационных запасов, в 20 часов 18 июня. Марш приказывалось совершать только ночью, каждый переход должен был составлять 40 км. Выдвигание было сильно осложнено большим некомплектом транспортных средств и средств механической тяги артиллерии. Многие дивизии не имели лошадей, чтобы можно было поднять всю артиллерию. «Когда я, — рассказывал мне генерал-полковник И. И. Людников, бывший командир 200-й стрелковой дивизии, — доложил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву, что дивизия не имеет необходимого количества лошадей мне было сказано: «Артиллерию брать всю, но если у вас недостает артиллерийских лошадей, двигайте орудия перекатами». На мое возражение о том, что лошади физически не в состоянии будут передвигать артиллерию перекатами на таком большом расстоянии (около 400 км), последовало указание: «директиву выполнить, артиллерию всю взять в поход». В связи с этим пришлось всех строевых и верховых коней, которые никогда не носили на себе упряжи, использовать для этой цели».

В Западном военном округе письменных приказов стрелковым корпусам и дивизиям на выдвигание из глубинных районов ближе к границе не отдавалось. Командиры соединений получили устные распоряжения от начальника штаба округа генерал-майора

В. И. Климовских. Войска брали с собой все учебное имущество. Личному составу разъяснялось, что части идут на большие «учения»³⁵.

В то время как к середине июня противник завершал занятие исходного положения для наступления, наши стратегические оперативные резервы находились в движении, войска прикрытия не были приведены в боевую готовность. «С 12 июня изо дня в день просили мы с С. К. Тимошенко И. В. Сталина о том, чтобы он дал разрешение на приведение войск в полную боевую готовность — говорил мне Г. К. Жуков, — но такого разрешения до позднего вечера 21 июня так и не получили».

К 15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных военных округов, находились в движении. Всего к началу войны осуществляли выдвигание из резерва при граничных округах 32 дивизии. Из них успели сосредоточиться в новых районах 4–5 дивизий. Эти мероприятия проводились с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки. Тимошенко, Жуков и командующие округами были предупреждены Сталиным о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск.

Продолжал «подливать масла в огонь» вездесущий Л. П. Берия. В начале июня Военный совет Киевского военного округа по предложению командующего М. П. Кирпоноса принял правильное и нужное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там деревоземляных огневых точек (ДЗОТ). Вскоре начальник пограничных войск НКВД Украинской ССР Строкач донес об этом своему наркому. Берия немедленно доложил об этом Сталину. Тот вызвал Тимошенко с Жуковым и устроил им «разнос», потребовав немедленно отменить это самочинное распоряжение. 10 июня Жуков направляет телеграмму Кирпоносу: «донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреватые всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение».

На следующий день все командующие западными приграничными округами получили строгое указание начальника Генштаба: «полосу предполья без особого на то приказа полевыми и УРОВскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья организовать службой часовых и патрулированием». Вместе с тем было приказано срочно разработать план вывода и занятия по тревоге УРОВскими частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья».

Нет данных, успели ли штабы округов составить и довести до исполнителей указанные планы, а что

касается УРОВских частей и войск в указанных районах, то их к началу вторжения немцев там не было.

Командующие особыми военными округами Ф. И. Кузнецов, Д. Г. Павлов и М. П. Кирпонос были даже вызваны по указанию Сталина в Москву и здесь от Тимошенко и Жукова получили строжайшие указания как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с нами. Прибывший в Москву между 10 и 14 июня начальник штаба 29-го стрелкового корпуса полковник П. Н. Тищенко вспоминал впоследствии: «В Генеральном штабе я застал не обычную тихую обстановку, а довольно большое оживление и, я бы сказал, некоторую нервозность. Там я встречал командующих войсками округов, командующих армиями, довольно оживленное движение офицеров по коридорам. Встретил я, между прочим, командующего 16-й армией М. Ф. Лукина, приехавшего из Сибири».

Соблюдая меры предосторожности в условиях нарастающей угрозы нападения немцев, военное руководство продолжало проводить мероприятия по стратегическому развертыванию. С 14 по 19 июня военные советы западных приграничных округов получили указания к 22–23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты.

В телеграмме Г. К. Жукова от 19 июня Кирпоносу указывалось: «Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа»³⁶.

Телеграммы аналогичного содержания Жуков в тот же день направил Кузнецову и Павлову. Фронтовое управление Севера-Западного фронта во главе с командующим округом должно были прибыть 22–23 июня в Паневежис, а Западного — в Обуз-Лесна.

Вывод фронтовых и армейских управлений осуществлялся с разрешения Сталина под предлогом проведения легких учений с войсками, о чем указывалось в «Сообщении ТАСС» 14 июня, Одесский военный округ, как замечено выше, должен был выделить только Управление 9-й армии, которую предполагалось включить в Юго-Западный фронт.

20 июня Военный совет Одесского округа направил специальный доклад наркому обороны, в котором предложил создать Южный фронт на базе своего управления. Это предложение обосновывалось следующими соображениями. Перед войсками округа развернулась сильная группировка противника, имевшая превосходство в пехоте, артиллерии и танках в 2–3 раза. Оценивая группировку вражеских войск, можно прийти к выводу, что противник главный удар будет наносить в направлении на Бельцы, чтобы кратчайшим путем выйти к Днестру и в дальнейшем развивать наступление в северном и в северо-восточном направлениях по тылам Киевского военного округа. В связи с этим Военный совет Одесского округа

просил усилить войска прикрытия на бельцком направлении 7–8 дивизиями и на кагульском 6–7 дивизиями. В полосе округа Военный совет предложил развернуть две армии: одну на рубеже Липканы-Леово и другую от Липканы до побережья Черного моря. Главный военный совет согласился с этим предложением и вынес его на решение Политбюро.

Угроза вторжения нарастала. Постепенно спадала пелена с глаз. Наступало прозрение. 16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимает запоздалое постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Но что могло дать принятое на таком высоком уровне постановление без разрешения приведения армий прикрытия в повышенную боевую готовность и занятия их войсками, указанными в планах оборонительных позиций?

Принимались меры по повышению боевой готовности Военно-Морского флота и организации взаимодействия его с сухопутными войсками. 19 июня флоты и флотилии получили приказ перейти в оперативную готовность № 2, требующую наличие всего личного состава на кораблях. На следующий день командующие Ленинградским, Прибалтийским и Одесским военными округами получили указание в двухдневный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия³⁷.

В тот же день Главный военный совет флота, учитывая непосредственную опасность войны, потребовал от военных советов флотов «воспитывать краснофлотцев и командиров в духе постоянной готовности вступить в бой с врагом».

Весьма неблагоприятно накануне войны в приграничных округах обстояло дело с маскировкой аэродромов, районов расположения войск и важных объектов, что позволило врагу вскрыть их расположение. Поэтому приказом наркома обороны от 19 июня предписывалось провести маскировку аэродромов, воинских частей и важных военных объектов западных округов. В приказе требовалось к 1 июля 1941 г. засеять все аэродромы травой, покрасить все аэродромные сооружения, зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать бензохранилища, категорически запретить линейное, скученное расположение самолетов и обеспечить рассредоточение их, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 1 июля произвести маскировку складов, мастерских, парков³⁸.

Аналогичную беспечность к маскировке, указывалось в приказе, проявляют артиллерийские мотомеханизированные части. Скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели. Танки, бронемшины, командирские другие специальные машины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли. Все эти недостатки

приказывалось устранить к началу июля. Округам, входящим в угрожаемую зону, требовал маршал Тимошенко, провести также маскировку тыловых объектов и к 15 июля обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха.

Однако этот весьма нужный приказ не только не был выполнен, но и не доведен до войск к моменту вражеского вторжения.

21 июня на заседании Политбюро было принято решение об образовании Южного фронта, в состав которого включались 9-я и 18-я армии. Управление 18-й армии выделял Харьковский военный округ, командующий которого генерал-лейтенант П. А. Смирнов ставился во главе ее. Формирование управления фронта было возложено не на Одесский, а на Московский военный округ.

Такое решение нельзя признать правильным. Штаб Московского округа во главе с И. В. Тюленевым не знал южного театра военных действий, состояния войск Одесского округа, их возможностей и поставленных им задач. Чтобы изучить эти вопросы, требовалось значительное время. К тому же управлению Московского округа необходимо было в условиях уже начавшейся войны переезжать из Москвы в Винницу и налаживать управление войсками. Создание Южного фронта прошло бы более организованно, если бы решение этой задачи было возложено на управление Одесского округа. Постановлением Политбюро армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на рубеж Западная Двина, Днепр, объединялись в группу армий резерва Главного Командования (19, 20, 21 и 22-я армии). Их решено было объединить единым управлением. Командующим этими армиями был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный, его штаб был определен в Брянске.

Политбюро постановило возложить общее руководство действиями Юго-западного и Южного фронтов на Г. К. Жукова, учитывая знание им театра военных действий, войск Киевского военного округа, его участие в оперативно-стратегической игре в роли командующего Юго-Западным фронтом, и опыт Халхин-Гола. Руководство Северным фронтом, учитывая участие К. А. Мерецкова в советско-финляндской войне, было возложено на него. Предусмотрен был выезд Жукова и Мерецкова на места.

Некоторые мероприятия по развертыванию и повышению боевой: готовности, видя у своих границ изготовившегося к вторжению противника, пытались на свой страх и риск все-таки проводить командующие округов и армий. Так, начиная с середины июня, в ряде соединений были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, велось строительство командных пунктов соединений. В Одесском военном округе вооружение, боевая техника и имущество неприкосновенного запаса приводились в состояние, готовое к немедленному действию.

Штабы всех военных округов отдали указания командирам соединений и частей по отработке «Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге». В Киевском округе было принято решение переместить запасы дизельного топлива в тыловые районы округа и приблизить уровень боевой готовности войск второго эшелона к показателям войск прикрытия.

Военный Совет Прибалтийского военного округа 15 июня отдал приказ по обеспечению боевой готовности войск. «Сегодня, как никогда, — указывалось в нем, — мы должны быть в полной боевой готовности. Этого многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»³⁹.

Согласно этому приказу, командиры стрелковых дивизий должны были разработать планы обороны своей полосы. (Вот ведь как обстояло дело! Даже планов обороны, оказывается, не было). Заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем разрешалось производить с таким расчетом, чтобы минное поле по особому приказу в случае необходимости могло быть установлено в течение трех часов. (Вот почему минных полей в приграничной полосе и не было вовсе). Одновременно с тем было приказано тщательно разработать план противовоздушной обороны, замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Срок выполнения приказа устанавливался к 25 июня⁴⁰.

18 июня Военный совет округа отдал приказ о приведении в боевую готовность театра военных действий⁴¹. В нем намечался ряд мероприятий, выполнение которых существенно повысило бы боевую готовность войск округа в целом. Начальнику зоны противовоздушной обороны было приказано к исходу 19 июня привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа. Начальник войск связи к утру 20 июня должен был привести в полную готовность все средства связи на территории округа. Начальнику военных сообщений округа к 22 июня надлежало подготовить железнодорожное сообщение к работе в боевой обстановке. Командующим 8-й и 11-й армий предлагалось определить пункты полевых складов противотанковых мин и взрывчатых веществ на предмет устройства на предусмотренных планом прикрытия направлениях и участках заграждений.

Мины и взрывчатку приказывалось сосредоточить к 21 июня. Для установки минных полей требовалось выделить команды саперов из дивизий первого эшелона. Начальнику инженерного управления округа было приказано к 21 июня «Создать на телшайском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом»⁴². Кроме того, командующим армий

генералам Собенникову и Морозову с целью разрушения наиболее ответственных мостов в приграничной полосе приказывалось прорекогносцировать их, определить команды подрывников и к 21 июня: сосредоточить у мостов необходимое количество взрывчатых веществ.

Вместе с тем было намечено проведение и целого ряда других мероприятий. В тот же день, т. е. 18 июня, отдельными директивами военным советам армий и командирам механизированных корпусов Ф. И. Кузнецов приказал начать выдвижение войск в предназначенные им по плану прикрытия полосы и районы. Указывалось, чтобы войска взяли с собой «только необходимое для жизни и боя». Одновременно приказывалось немедленно отозвать всех из командировок и снять весь личный состав, находившийся на всевозможных работах.

Немедленное проведение этих мероприятий диктовалось тем, что Военному совету Прибалтийского округа были уже известны сведения о занятии немцами исходного положения для наступления. «Среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии, — отмечалось в разведсводке 21 июня, — идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления»⁴³. В этом же документе говорилось об окончании наводки понтонных мостов через Неман, о том, что в Сувалкском уезде жители выселены вглубь от границы на 5 км, а в Клайпедской области гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь от границы на 20 км.

Однако начатое было предупредительное затемнение городов в Прибалтике взбудоражило И. В. Сталина: последовал очередной «разнос» Тимошенко и Жукову. Последний 20 июня направил Ф. И. Кузнецову телеграмму, потребовав немедленно отменить приказ о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как оно вызывает различные толки и нервирует общественность.

Этого распоряжения оказалось достаточно для того, чтобы Военный совет Прибалтийского округа приостановил или замедлил выполнение других мероприятий, намеченных в указанных приказах. «Части и соединения Прибалтийского особого военного округа, — указывалось в оперативной сводке вечером 21 июня, — в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвинув к государственной границе отдельные части и подразделения для наблюдения. Одновременно производится передислоцирование отдельных соединений в новые районы»⁴⁴.

Следует иметь в виду, что запаздывание в развертывании произошло относительно даты 22 июня. Командующие же войсками округов и армий исходили из других сроков сосредоточения и развертывания, указанных им Центром, который полагал, что нападение, если и произойдет, то не ранее первой половины

июля. В связи с этим и не была достигнута главная цель проводимых мероприятий — оперативное развертывание войск первых эшелонов приграничных военных округов и своевременное приведение их в полную боевую готовность.

Наступил последний мирный день — 21 июня. Обстановка была чрезвычайно напряженной и нервозной. Политбюро заседали целый день. Так как в Берлине с Деканозовым никто разговаривать не захотел, на чем настаивала Москва, вечером В. М. Молотов, по поручению И. В. Сталина, пригласил Шуленбурга. Он сказал ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с Советским Союзом. Несмотря на протесты, немецкие самолеты продолжают вторгаться в воздушное пространство СССР. Ходят даже слухи о предстоящей войне между нашими странами. У нас есть основания верить этому, потому что германское руководство никак не реагировало на сообщение ТАСС. Шуленбург заверил его, что он немедленно донесет своему правительству о содержании этого заявления. Он знал, конечно, что это ничего не даст, так как немецкая военная машина была уже заведена и ждала лишь установленного сигнала «Дортмунд», чтобы двинуться на восток. Кстати, чтобы опровергнуть вымысел о якобы сообщенной германским послом Деканозову дате начала войны Германии против СССР, заметим, что Шуленбург имел прекрасную возможность сказать об этом Молотову, но он не сделал этого. Видя неотвратимость грозы, руководители военного ведомства вместе со своими подчиненными были в тот день, как и в предшествующие, на своих рабочих местах, непрерывно поддерживая связь со штабами округов и собирая необходимые данные для подготовки директив войскам.

Вечером Г. К. Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал Пуркаев и доложил, что к пограничникам пришел немецкий перебежчик, который, прослушав днем обращение Гитлера к войскам о начале 22 июня похода на Восток, решил не воевать против нас. Начальник Генерального штаба уведомил об этом Тимошенко и Сталина. Последний попросил их прибыть в Кремль.

Переступив порог кабинета главы правительства, в котором были некоторые члены Политбюро, С. К. Тимошенко обратился с просьбой о направлении в западные округа директивы о приведении войск в полную боевую готовность. Дав согласие на это, Сталин попросил Жукова прочесть ранее подготовленный в Генштабе проект документа. Заслушав его, он потребовал указать, что нападение может начаться с провокационных действий, на которые наши войска не должны поддаваться.

Выйдя в приемную, Г. К. Жуков вместе с вызванным в Кремль первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным составили новый проект директивы. Внимательно ознакомившись с этим документом, записанным

в служебном блокноте Ватутиным и откорректированным Жуковым, Сталин также внес в него некоторые дополнения и поправки. Он вставил было пункт о том, что в случае вторжения немцев командиры наших передовых частей должны будут попытаться урегулировать конфликт мирными переговорами. Однако, подумав, по-видимому, перечеркнул его. Затем предложил тут же подписать его наркому С. К. Тимошенко, члену Главного военного совета Г. М. Маленкову и начальнику Генштаба Жукову.

Вместо ранее установленного сигнала «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», на что потребовалось бы несколько минут, в войска пошел зашифрованный документ. Так как на расшифровку в округах и армиях потребовалось около трех часов времени, до многих соединений его так и не успели донести.

Отправленная в половине первого часа ночи 22 июня директива гласила:

- «1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.
2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.
3. Приказываю:
  - а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на госгранице.
  - б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.
  - в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано.
  - г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.
  - д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»⁴⁵.

В штабах военных округов этот исходный на предстоящую войну документ, названный впоследствии директивой № 1, получили через час, а в штабы армий его направили только в третьем часу ночи.

На директиве Западного военного округа указано: «Поступила 22.06 — 1.45

Отправлена 22.06 — 2.35

Командующим 3, 4, 10-й армий. Передаю приказ наркома обороны для немедленного исполнения. (Далее идет дословное повторение директивы № 1). Павлов. Фоминых, Климовских».

В приказе командующего Прибалтийским военным округом указывалось: «В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать. В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его!»⁴⁶

Лучше обстояло дело в Военно-Морском Флоте. Когда Г. К. Жуков, и С. К. Тимошенко уходили от Сталина, он сказал последнему, чтобы предупредил наркома Военно-морского Флота Н. Г. Кузнецова о приведении флота в готовность № 1. После звонка Тимошенко Кузнецов установленным паролем быстро сделал это. Флот был приведен в полную боевую готовность за 3–4 часа до начала войны. Это обусловило более четкое и организованное вступление кораблей, авиации и береговой артиллерии в борьбу с врагом.

В создавшейся перед вероломным нападением обстановке крайне важно было сочетать величайшую осторожность и высочайшую бдительность с полной готовностью войск приграничных округов к отражению его возможных ударов. Допущенный И. В. Сталиным просчет в оценке времени возможного нападения Германии на СССР пагубно отразился на действиях наших войск в начале войны. «Надеясь на свою мудрость, — с сожалением говорил Г. К. Жуков, — он перемудрил себя». И упрекать-то его следует, как это некоторые историки и публицисты делают, не в придуманной будто бы им самим «внезапности» с целью оправдания за неудачи в начале войны, а за грубый просчет, приведший к ней.

Говоря об этом просчете, Г. К. Жуков заметил, что они с С. К. Тимошенко не проявили настойчивости в получении разрешения И. В. Сталина на приведение войск в полную боевую готовность, хотя с ним, как он убедился позже, можно было спорить и отстаивать свою точку зрения. Но Сталин был для всех величайшим авторитетом, его боялись, никому в голову не приходила мысль сомневаться в его суждениях и оценках. «Нам казалось, — говорил Жуков, — что в делах войны он знает не меньше, а значительно больше нас и глубже видит».

Более того, на мой вопрос: «Как же все-таки вы с Тимошенко, имея данные, что противник сосредоточился и занимает исходные положения для наступления, не смогли убедить Сталина в необходимости хотя бы за 2–3 дня до вторжения привести войска в полную боевую готовность и занять позиции согласно плану прикрытия государственной границы?» Жуков ответил так: «Да, видели, что вот-вот война. Испытывали страшную тревогу. Ежедневно просили его дать такое разрешение. И вместе с тем так верили в Сталина, что полагали: он найдет выход из положения и отодвинет войну».

Просчет во времени усугубил имевшиеся недостатки в боеготовности армии и тем самым резко увеличил объективно существовавшие преимущества агрессора. В этих условиях даже соединения и части первого эшелона армий прикрытия, имевшие постоянную боевую готовность в пределах 6–9 часов (2–3 часа на подъем по тревоге и сбор, 4–6 часов — на выдвигание и организацию обороны), оказались в цейтноте. Вместо указанного времени отдельные из них располагали 30 минутами, а большинство вообще не были оповещены. Сказались также слабая подготовка и сколоченность органов управления. Задержка, а в ряде случаев и срыв передачи команды были обусловлены и тем, что противнику удалось в значительной степени нарушить проводную связь с войсками в приграничных районах. Сделали это засланные заблаговременно в наш тыл диверсанты. В результате штабы округов и армий, командиры соединений и частей не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Поэтому для многих частей сигналом боевой тревоги явились разрывы бомб и снарядов противника в их расположении.

В связи с запоздалым принятием решения обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов сложилась чрезвычайно трудная.

В Ленинградском военном округе (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, начальник штаба генерал-майор Д. Е. Никишев) все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях. Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия. Вместе с тем даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с опозданием, так как имелось распоряжение Главного командования: «Мероприятия по развертыванию не проводить и не давать финнам повода для провокации». В составе округа имелось три стрелковых и два механизированных корпуса: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 стрелковая бригада.

В Прибалтийском особом военном округе (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П. А. Диброва, начальник штаба генерал-лейтенант П. С. Кленов) на государственной границе к началу войны находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 90, 125, 5, 33, 188-й стрелковых дивизий. Всего 15 стрелковых батальонов на фронте 165 км.

Войска частично были приведены в боевую готовность, отдельные соединения выдвигались в новые районы. К государственной границе совершали марш 23, 48 и 162-я стрелковые дивизии. 11-я стрелковая дивизия перевозилась из Ленинградского военного округа. 21-й и 24-й стрелковые корпуса находились на переформировании в пунктах постоянной дислокации. 3-й и 12-й механизированные корпуса

были подняты по тревоге и выдвинуты в районы боевого предназначения согласно плану прикрытия. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах в готовности взять на себя управление войсками с началом боевых действий. Всего командованию округа удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий из 19 имеющихся в округе.

В Западном особом военном округе (командующий генерал армии Д. Г. Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А. В. Фоминых, начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских) войска первого и второго эшелонов армий прикрытия располагались в пунктах постоянной дислокации в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150–400 км от границы) выдвигались стрелковые корпуса: 2-й (100-я и 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17, 37, 50-я стрелковые; дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й и 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которые планировались для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве. Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения; 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии, находившиеся на границе в районе Бреста, готовились к учению, которое было отменено в последние часы перед началом войны.

Зенитные артиллерийские части 4-й армии находились в окружном лагере под Минском. Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерно-саперные и строительные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые батальоны из дивизий первого эшелона.

Всего в этом округе, войска которого не были приведены в боевую готовность и даже не подняты по боевой тревоге, имелось 8 стрелковых, 6 механизированных и один кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

Высокая концентрация войск была создана в Белостокском выступе. Здесь помимо войск 10-й армии были сосредоточены четыре механизированных корпуса (6, 11, 13 и 14-й), а два мехкорпуса (17-й и 20-й) находились в глубине по оси Белосток — Новогрудок — Минск также на этом направлении. Это соответствовало оперативному плану, согласно которому войскам после отражения ударов противника предстояло переходить в контрнаступление совместно с ударной группировкой Киевского округа.

В Киевском особом военном округе (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, начальник штаба генерал-лейтенант М. А. Пуркаев) войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, находились в местах постоянной

дислокации: на полигонах, в стационарных и временных лагерях, а также на марше. Стрелковые соединения резерва округа выдвигались по плану прикрытия в предусмотренные районы сосредоточения и находились в 100–150 км от государственной границы. В движении находились 31-й (193, 195, 200-я стрелковые дивизии), 36-й (140, 146, 228-е стрелковые дивизии), 37-й (80, 139, 141-я стрелковые дивизии), 55-й (130, 169, 189-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса. В состав 12-й армии прибывали: 49-й стрелковый корпус (190, 198-я стрелковые дивизии) — по железной дороге; 109-я стрелковая дивизия — походным порядком.

Наиболее сильная группировка войск находилась в львовском выступе, откуда намечалось нанести главный удар. Здесь сосредоточились две армии (6-я и 26-я), три механизированных корпуса (4, 8 и 15-й), кроме того, три механизированных корпуса находились в глубине, но на этом же направлении. Эта группировка насчитывала 4200 танков, из которых 761 новых типов (Т-34 и КВ).

Оперативное развертывание войск округа не было завершено, не было закончено строительство укрепленных районов и оборонительных рубежей для полевых войск. Всего в округе насчитывалось 11 стрелковых, 8 механизированных и один кавалерийский корпус (26 стрелковых, 6 горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В Одесском военном округе (командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Колобяков, начальник штаба генерал-майор М. В. Захаров) войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации. 14 июня 48-й стрелковый корпус (30-я и 74-я стрелковые дивизии) прибыл походным порядком в район Флорешти, Рыбница. В Крыму к 5 июня сосредоточились управление 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Всего в округе было 4, стрелковых, 2 механизированных и один кавалерийский корпус (13 стрелковых, 3 горнострелковые, 4 танковые, 3 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии).

В Прибалтийском, Западном и Киевском военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы некоторых стрелковых дивизий первого эшелона находились на артиллерийских полигонах, где они проводили артиллерийские стрельбы по учебному плану.

На западной границе от Мурманска до Черного моря охрану осуществляли 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур, 11 полков внутренних войск НКВД. Они насчитывали около 100 тыс. человек.

К началу войны советскому командованию не удалось создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска не были отобилизованы и оставались, в основном, в штабах мирного времени.

Из-за существовавшей на протяжении длительного времени недооценки оборонительного способа действий, а также непонимания природы современного боя Г. И. Куликом, ведавшим вопросами вооружения, у нас не было налажено производство противотанковых мин. К 22 июня во всех приграничных округах имелось всего лишь 494 тыс. противотанковых мин, а противопехотных мин не было вовсе⁴⁷. Западному округу по табели было положено иметь около 1 млн. противотанковых мин, а имелось в наличии только 92,5 тыс. Но и эти мины находились на инженерных складах, а не в войсках. Следовательно, одно из эффективных средств борьбы с танками, каким являются мины, в войсках прикрытия отсутствовало. Понтонные батальоны танковых дивизий, ввиду недостатка парков «Н2П», были собраны на двухмесячные окружные учебные сборы. Поэтому в начале войны танковые соединения остались без переправочных средств.

Незавершенность развертывания войск приграничных округов дала возможность противнику громить их по частям. Из 108 дивизий армий прикрытия в первые часы войны отпор агрессору могли оказать лишь около 40 не полностью отмобилизованных дивизий, из которых лишь незначительная часть успела занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Остальные войска, в основном, находились в пунктах постоянной дислокации, в лагерях или на марше. Обстановка усугублялась недостаточной подготовленностью войсковых штабов, слабой слаженностью частей и соединений, неустойчивым управлением.

К началу войны войска первого стратегического эшелона на Западе насчитывали 170 дивизий (56%), в войсках второго стратегического эшелона, только что начавшего сосредотачиваться в назначенных районах, было 77 дивизий (25%). На Дальнем Востоке находилась — 31 дивизия (10%), на южных границах — 25 дивизий (9%). Таким образом, против главного противника на Западном театре военных действий и в резерв Главного командования было выделено 247 дивизий, т. е. около 80% всех сухопутных сил.

Из 79 авиационных дивизий, имевшихся в Красной Армии, 48 дивизий базировались в западных приграничных округах, 15 входили в состав армий прикрытия, 20 подчинялись командованию округов, 13 дивизий находились в распоряжении Главного командования.

Военно-воздушные силы оказались в особенно неблагоприятном положении. В завоевании господства в воздухе и захвате стратегической инициативы вообще германское командование главную роль отводило авиации. Именно она должна была в первые часы и дни войны нанести максимальный урон нашим военно-воздушным силам и создать выгодные условия для разгрома войск Красной Армии. Состояние и положение авиации приграничных округов облегчало противнику решение этой задачи. Многие аэродромы находились в 10–30 км от границы. На них базировались не только истре-

бительные, но и бомбардировочные полки. Выход их из-под удара затруднялся большим количеством самолетов на аэродромах и отсутствием оперативных аэродромов в глубине. Летный состав некоторых частей, главным образом бомбардировочных, осваивал новые самолеты за пределами своих округов. В истребительных полках, получивших новую материальную часть, на аэродромах, как правило, находились старые и новые самолеты, на каждого летчика приходилось две машины, а многие боевые машины были без летчиков. В Прибалтийском округе без летного состава было 188 самолетов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Прикрытие аэродромов средствами ПВО было слабое, а маскировка по существу не проводилась.

Военно-воздушные силы не были готовы к отражению первых ударов противника. Авиационным частям Прибалтийского военного округа в ночь на 22 июня было приказано проводить ночные тренировочные полеты. В результате большинство бомбардировочных полков подверглось ударам вражеской авиации в момент послеполетного осмотра материальной части и дозаправки их горючим, а летный состав был только что отпущен на отдых⁴⁸.

Дислокация военно-воздушных сил Западного округа характеризовалась расщеплением истребительной авиации вдоль всей границы. Особенно близко к ней базировалась 9-я смешанная авиационная дивизия, получившая незадолго до войны 262 самолета МиГ-1 и МиГ-3. В бомбардировочные полки 9-й и 11-й смешанных авиационных дивизий поступило 420 бомбардировщиков Пе-2⁴⁹. Летный состав только приступил к освоению этих самолетов. В результате диверсионных действий с 23 часов 21 июня вся проводная связь штаба ВВС округа со штабами дивизий и последних со штабами авиационных полков была прервана, и каждый аэродром был предоставлен самому себе. Положение усугублялось отсутствием связи со службой ВНОС.

Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные группировки на избранных направлениях главного удара, имея значительно более высокий уровень боеготовности и боеспособности соединений, германское командование заложило надежные основы для успешного проведения операций начального периода войны. В первый удар по советским войскам вкладывалась вся мощь вермахта: 77% пехотных дивизий, 90% танковых, 94% моторизованных дивизий и 100% самолетов.

В группировке советских войск 43% дивизий были включены в состав армий первого эшелона, 25% входили в состав вторых эшелонов фронтов и 32% составляли резерв Главного командования. Советские войска были развернуты на фронте до 2800 км и в глубину до 500 км. Это позволило противнику громить их по частям.

Общее соотношение сторон в живой силе было в пользу врага (около 4 млн. у противника и до 3 млн. советских войск в первом стратегическом эшелоне).

По количеству танков войска приграничных округов превосходили противника. Только Киевский округ имел более 5000 танков, из них Т-34 и КВ — свыше 800. В этом округе было больше танков, чем у противника вообще. Однако танки Т-26 и БТ были устаревшими и имели весьма ограниченный моторесурс (70–100 моточасов), а новые только что поступили и не были как следует освоены. В западных округах было 967 танков Т-34 и 508 танков КВ, но к 152-мм орудия танка КВ не успели даже завезти боеприпасов⁵⁰.

Общая численность артиллерии была примерно равной, но в калибрах 76-мм и выше, а также в противотанковой артиллерии в целом, что особенно сказалось в первые дни войны, немецкая армия превосходила. На аэродромах приграничных округов находилось много боевых самолетов. В том же Киевском округе их насчитывалось 2003. Примерно столько же было и в Западном⁵¹. Однако это были преимущественно старые машины. Новые самолеты составляли лишь около 20% от всего парка. Учитывая наличие двух самолетов на одного летчика в некоторых соединениях и отбытие пилотов за новой материальной частью, в воздух можно было поднять меньше боевых машин, чем подготовил к нанесению первоначального удара противник.

Стремление германского руководства вложить в первый удар всю мощь своих вооруженных сил предопределило во многом неожиданные для советского командования условия вступления в войну. Маршал Г. К. Жуков сказал мне, что для них с С. К. Тимошенко внезапность нападения противника проявилась в большей мере не во времени, а в мощи удара. Они руководствовались явно устаревшим взглядом на автомобилизацию и приведение в полную боевую готовность первого стратегического эшелона в течение двух недель с момента начала войны, который явно не соответствовал реально сложившейся обстановке.

Неопределенность и нечеткость в замыслах и действиях привели к тому, что приграничные военные округа не были готовы ни к обороне, ни к наступлению. Бывший командующий 8-й армией генерал П. П. Собенников вспоминал, что «накануне войны чувствовалась большая нервозность, несогласованность, неясность, боязнь спровоцировать войну. За несколько дней до вероломного нападения немцев на командный пункт стали поступать по телефону и телеграфу из штаба округа весьма противоречивые указания об устройстве засек, минировании и т. п., причем одними распоряжениями эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другими впоследствии отменялись, затем опять подтверждались и вновь отменялись».

О том, что война застала войска прикрытия врасплох, убедительно свидетельствует следующий эпизод. В одном из приграничных районов 4-й армии, прикрывавшей брестское направление, 22 июня должны были проводиться опытные учения. И хотя накануне вечером они были отменены, артиллерийская подготовка

противника была воспринята войсками, как свидетельствует бывший начальник штаба 4-й армии полковник (впоследствии генерал-полковник) Л. М. Сандалов, как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали взрываться в их расположении, отнесли к халатности руководства. Чтобы обратить внимание на происшедшую «ошибку», с артиллерийского полигона на котором были сосредоточены прибывшие на учение части, подали световые и звуковые сигналы. Только тогда, когда войска понесли большие потери, они поняли, что это не учение, а война.

Немецкое командование установило, что советские войска не подготовились к отражению их удара и не ожидают его. «Тщательное наблюдение за русскими, — пишет командующий 2 танковой группой генерал-полковник Гудериан, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они производили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками». К такому же заключению пришли и в 1-й немецкой танковой группе. «В ночь на 22 июня пехота бесшумно заняла исходное положение, — отмечено в донесении штаба 4-го моторизованного корпуса в штаб группы армий «Юг». — Сокаль не затемнен. Русские оборудуют свои доты при полном освещении. Они, кажется, ничего не предполагают».

Предполагали, но вместе с тем и благодушеествовали. Об этом свидетельствуют следующие примеры. За несколько минут до вторжения, а именно в 3 часа 10 минут 22 июня начальник разведывательного отдела штаба Западного округа полковник Блохин послал шифровку Ф. И. Голикову, в которой сообщил, что:

- «1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение.
2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе»⁵².

И в такие напряженные, грозные часы командование округом во главе с Павловым вечером с субботы на воскресенье с веселым настроением слушают в Доме офицеров оперетту «Свадьба в Малиновке», а командование 4-й армии, разделившись на две группы, слушали в Бресте «Цыганского барона» и в Кобрине — концерт.

Благодушие это, как свидетельствуют бывшие заместители командующего Западным военным округом генерал-полковник И. В. Болдин и начальник штаба 4-й армии генерал-полковник Л. М. Сандалов было создано пресловутым сообщением ТАСС, опубликованным 14 июня. В то же время враг действовал по принципу полной готовности, когда «была пришта последняя пуговица к мундиру последнего солдата».

Вот в таких, крайне невыгодных условиях Красной Армии пришлось вступать в борьбу с сильным, опытным, коварным врагом. Именно на этом строились расчеты Гитлера на «блицкриг».

- 1 Меликов В. А. Стратегическое развертывание, М., 1936, с. 7.
- 2 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2851, д. 239, л. 1–2
- 3 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления т. 1, М., 1978, с. 217.
- 4 Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 110.
- 5 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 86
- 6 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 1.
- 7 Там же, л. 15.
- 8 Там же, д. 237, л. 50.
- 9 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1–2.
- 10 Там же, д. 2, л. 47
- 11 Там же, л. 84
- 12 Там же, ф. 16, оп. 2951, д. 236, л. 63–69
- 13 ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 11302, д. 259, л. 1–6.
- 14 Там же, ф. 69, оп. 14065, д. 14, л. 16.
- 15 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 9776, д. 27, л. 6.
- 16 Там же, л. 29.
- 17 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 243, л. 25–26.
- 18 Там же, д. 241, л. 74.
- 19 Военно-исторический журнал, 1987, №9, с. 51.
- 20 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2154, д. 4, л. 199.
- 21 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2154, д. 4, л. 199–287.
- 22 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2245, д. 83, л. 86–92.
- 23 Там же, ф. 133, оп. 2729, д. 7, л. 26
- 24 Там же, д. 8, л. 247–248.
- 25 Военно-исторический журнал, 1940. N5 2, с. 51.
- 26 «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967, с. 76–78.
- 27 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, т. I, с. 391.
- 28 Иан Колвин. Двойная игра. Перевод с английского. М., 1960, с. 237.
- 29 Архив Президента РФ. Ф. 3, оп. 64, д. 341, с. 149–152.
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2245, д. 783, л. 111–112.
- 31 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 406, л. 104–119.
- 32 Там же, д. 256, л. 1–3.
- 33 ЦАМО РФ. Ф. 208. оп. 2454, д. 26, л. 34.
- 34 Там же, ф. 16, оп. 2951, д. 261, л. 20–22.
- 35 ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 355802, д. 1, л. 9.
- 36 ЦАМО РФ. Ф. 48, оп. 3408, д. 14, л. 442–444.
- 37 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164, д. 1, л. 31.
- 38 ЦАМО РФ. Ф. 35, оп. 11300, д. 64, л. 59.
- 39 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2459, д. 11, л. 31.
- 40 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2459, д. 11, л. 36.
- 41 Там же, ф. 221, оп. 7833, д. 3, л. 17.
- 42 Там же, л. 20
- 43 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2467, д. 39, л. 71
- 44 Там же, ф. 221, оп. 7833, д. 3, л. 60.
- 45 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164, д. 1, л. 71
- 46 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 79.
- 47 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 60
- 48 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 142687, д. 1, л. 3–17.
- 49 Там же, ф. 208, оп. 142690, д. 2, л. 2–12.
- 50 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 157, д. 8, л. 43.
- 51 Там же, ф. 2, оп. 75593, д. 13, л. 25
- 52 РФ. ф; 208, оп. 2513, д. 71, л. 70–73.

Роковой 1941-й: трагедия начала войны

М. Ю. Мягков*

Воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения силы: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей, всего до 5 млн. чел. В первом эшелоне действовали 153 дивизии и 19 бригад противника (4,4 млн. чел.)¹. На решающих направлениях своего наступления агрессор имел значительное превосходство в силах. Началась Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков. Она длилась 1418 дней и ночей. Развернулись гигантские сражения, в которых с обеих сторон участвовало до 10 и более миллионов человек, использовались сотни миллионов единиц вооружения и боевой техники.

Война фашистской Германии и ее союзников против СССР носила особый характер. Германский нацизм стремился не только захватить территорию СССР, но и свергнуть советский общественный строй, разобщить народы страны, онемечить часть населения, уничтожив при этом миллионы людей, сделать из бывшего Советского Союза свой сырьевой придаток, создав здесь немецкие колонии.

Планом «Барбаросса» предусматривалось внезапное нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью расколоть, окружить и уничтожить главные силы Красной Армии, находившиеся в западной части СССР, последующее стремительное продвижение в глубь страны и выход на линию Архангельск — Куйбышев — Астрахань.

Группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии, получила задачу при поддержке 1-го воздушного флота, разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз.

Группа армий «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ф. Бок), сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной Армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву.

На киевском направлении была развернута группа армий «Юг» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт), состоявшая из 6, 17, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой группы и венгерского корпуса (всего 57 дивизий и 13 бригад). Ей предстояло при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия «Норвегия» и 2 финские армии — всего 21 дивизия и 3 бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия «Норвегия» должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий «Север» в захвате Ленинграда².

В пяти советских приграничных округах (Ленинградский, Прибалтийский Особый, Западный Особый, Киевский Особый и Одесский) к началу войны находилось 186 дивизий, насчитывающие в общей сложности 3 млн. человек, 39 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и 9,1 тыс. самолетов³. Из них танков новых типов (КВ и Т-34) — 1475 шт., боевых самолетов новых типов — 1540 шт., хотя общее превосходство в количестве танков и самолетов было у советской стороны⁴. По сути, большинство советских механизированных дивизий являлись такими лишь на бумаге. В необходимых количествах в частях отсутствовали средства связи, что самым негативным образом сказалось на управлении войсками. Эти обстоятельства позволили противнику

* **Михаил Юрьевич Мягков** — доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

бить советские дивизии по одиночке, легко создавая на важных участках значительное численное превосходство. (Энциклопедия) Основная масса советских войск, в отличие от немецких, была рассредоточена в полосе 50 и более километров от границы и не приведена в боевую готовность. Средств для быстрого выдвижения на рубежи обороны было крайне мало, даже в механизированных дивизиях остро не хватало автомобилей и тягачей.

Первые месяцы войны были наиболее тяжелыми и трагическими для Красной Армии, всей страны. Западные границы прикрывали войска следующих фронтов, преобразованных 22–25 июня 1941 г. из военных округов: Северного (командующий генерал-лейтенант М. Попов), Северо-Западного (командующий генерал-полковник Ф. Кузнецов), Западного (командующий генерал армии Д. Павлов), Юго-Западного (командующий генерал-полковник М. Кирпонос) и Южного (командующий генерал армии И. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий контр-адмирал А. Головкин), Балтийский (командующий вице-адмирал В. Трибуц), и Черноморский (командующий вице-адмирал Ф. Октябрьский)⁵.

22 июня 1941 г. первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Немецкие войска вступали в бой полностью развернутыми, тогда как многие советские соединения продвигались к фронту в походных колоннах. Это давало германскому командованию дополнительное преимущество уничтожать противника по частям. Видимо помятуя о своих предупреждениях накануне войны, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков выделил в оперсводке № 1, выпущенной всего шесть часов спустя после начала агрессии, факт упреждения врагом наших войск в развертывании. В сухом документе, в частности, констатировалось: «В 4:00 22.06.1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками...»

1. Северный фронт: противник звеном самолётов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в р-н Ленинграда и Кронштадта...
2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл арт огонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шуляй... Наземные войска противника перешли в наступление — ведут удар в двух направлениях — основной из района Пиллналлен, Сувалки, Гольдан силами — 4 пд и 500 танков в направлении Олита и обеспечивающий главную группировку удара из района Тильзит на Таураге, Юрбаркас силами до 3–4 пехотных

дивизий с не выясненной группой танков. В результате пограничных боёв атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбаркас...

3. Западный фронт. В 4:20 до 60 самолётов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь... Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Гольнка, Домброва и из района Стколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боёв противнику удалось овладеть Гольнка и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении. В направлении Соколув, Волковыск идут напряжённые бои в районе Черемха. Своими действиями этих двух направлений противник, очевидно, стремится охватить Северо-Западную группировку фронта. Командующий фронта намечает контрудар в направлении Гольнка для уничтожения прорвавшегося противника...
4. Юго-Западный фронт. В 4:20 противник начал обстрел пулеметным огнём наших границ. С 4:30 самолёты противника ведут бомбардировку Любомль, Ковель, Луцк, Владимир — Волинск... В 4:35 после арт огня по району Владимир Волинск и Любомль наземные войска противника перешли границу развивая удар в направлении Владимир Волинск, Любомль и Крыстипороль. В 5:20 в районе Черновице у Карнешти противник также начал наступление... В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко... В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы. На Румынском участке в воздушных боях над Кишинёвом и Бельцами сбито 2 самолёта противника... Наземные войска противника на фронте Липканы — Рени пытались форсировать реку Прут, но были отбиты. По непроверенным данным противник в районе Картал высадил десант через Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшую границу части противника...»

Далее следовала фраза появившаяся, несомненно, под диктовку Жукова: «Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха». Подпись — начальника Генерального штаба⁶.

Особенно тяжелое положение сложилось в полосе Западного фронта под командованием генерала Д. Г. Павлова. Против него была развернута наиболее

мощная вражеская группировка — группа армий (ГА) «Центр» фельдмаршала Ф. Бока, сосредоточившая для первого удара (пока без 3-й танковой группы, действовавшей до 25 июня в полосе ГА «Север») 634,9 тыс. человек, 12,5 тыс. орудий и миномётов калибром свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолётов⁷. В дальнейшем, в наступление на западном направлении кроме 3-й танковой группы была введена 2-я полевая армия вермахта.

Западный Особый военный округ (с началом войны — Западный фронт) включал 3, 4, 10 и 13-ю армии, 4-й воздушно-десантный, 21 и 47-й стрелковые, а так же 17 и 20-й механизированные корпуса. Армии округа насчитывали в общей сложности 678 тыс. человек, 10 296 орудий и миномётов калибром свыше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолётов⁸.

Окружение основных сил Западного фронта летом 1941 года можно поставить в один ряд с наибольшими трагедиями русского оружия за всю историю его существования. С этой точки зрения глава, повествующая о гибели или пленении более чем 300 тыс. человек из группировки генерала армии Павлова может быть помещена в ту же черную книгу, где говорится о битве на реке Калке 1223 г. или окружении армии Самсонова в Восточной Пруссии летом 1914 г. Да, в годы Великой Отечественной войны были у нас и большие по численности потери, но трагедия Западного фронта случилась первой, и именно она во многом определила дальнейшее неблагоприятное развитие обстановки не только на важнейшем для страны западном направлении, но и на всем советско-германском фронте в целом. Где же заканчивается ответственность Сталина и его ближайшего окружения и начинается ответственность фронтового командования за поражение Западного фронта. Всего около 800 тыс. чел (из намеченных в случае полной мобилизации 5 млн. чел) пополнили в мае—июне 1941 г. дивизии западных округов и соединения, расположенные к востоку от линии Днепр — Западная Двина. 12 июня нарком обороны маршал С. К. Тимошенко отдал директивы о выдвижении к границе стрелковых дивизий, расположенных в тыловых районах приграничных округов. Однако из-за нехватки автотранспорта они передвигались к границе крайне медленно⁹. Постановлением политбюро от 21 июня 1941, армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на линию Днепр — Западная Двина, объединялись в группу резерва Главного Командования (19, 20, 21 и 22 армии)¹⁰.

Командующие округами были персонально предупреждены Жуковым и Тимошенко (по указанию Сталина) как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации. 11 июня 1941 г. они получили указание Генштаба полосу предполья без особого указания не занимать¹¹. Любые меры, которые могли бы быть истолкованы командованием вермахта, как приведение советских войск в полную боевую готов-

ность пресекались Кремлем строжайшим образом. Результат известен — развернутым и приведенным в полную боевую готовность войскам вермахта противостояла на западе хотя и большая по численности танков и самолетов, но не боеготовая, находившаяся на стадии формирования и не имевшая плана глубокой оборонительной операции советская трехмиллионная группировка. Оборона представлялась советскому командованию как кратковременная фаза начального периода боевых действий, предваряющая переход основных сил западных округов (фронтов) в контрнаступление против агрессора.

Сведения о развертывании по ту сторону границы наступательной группировки вермахта стали поступать в штаб ЗапОВО еще заблаговременно, с начала 1941 года. 4 июня 1941 года, начальник разведотдела штаба округа полковник С. В. Блохин представил генералу Д. Г. Павлову спецсообщение «О подготовке Германией войны против СССР». В нем говорилось об интенсификации немецких приготовлений к агрессии. Как отмечалось, во второй половине мая немцы усилили свою группировку на 2–3 пехотных, две бронетанковых дивизии и дивизию СС. На границе было замечено развертывание средств ПВО и ПТО. Агентурными данными была установлена также разгрузка немцами большого количества железнодорожных составов с авиабомбами, порохом, посадка на аэродромах крупных соединений авиации. Передвижение местного населения в пограничной полосе, как подчеркивалось, было сведено к минимуму, а из многих районов оно выселено в «глубинные районы». Все гражданские лечебные заведения в крупных городах и поселках «Генерал-губернаторства» занимались под госпитали. Разведка доносила о том, что «заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР... Эти чиновники во всем предупреждены и ждут только начала военных действий... В чешской Праге функционируют курсы парашютистов, на которые мобилизованы члены белорусского комитета из Варшавы. В начале боевых действий они будут забрасываться в тылы советской Белоруссии для выполнения диверсионных задач...»

Обращал на себя внимание следующий пункт спецсообщения: «О том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается в июне месяце, свидетельствуют следующий факт: по сведениям, требующим проверки, 24 мая 1941 года филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой — вернуться не позже 5 июня 1941 г. Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока и Гродно он возвратиться не успеет. Майор — начальник разведпункта на это ответил: после 5 июня возможно начало военных действий с СССР, поэтому он не может, вне этих сроков, гарантировать жизнь агента; поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили...» Все агенты получили, кроме всего

прочего следующие задачи: установить процент бывших царских офицеров, находящихся в Красной Армии и настроение населения, живущего в приграничных районах. Агентурные данные подтверждали, что «польское население, по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 году и германские солдаты по существующему опыту ведения войны — также считают неизбежным начало военных действий с СССР в ближайшее время». Вывод начальника разведотдела ЗапОВО гласил: «Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против ЗапОВО — заслуживают доверия»¹².

Какова же была реакция на эти ценнейшие разведанные штаба Западного округа? Понятно, что Кремль и Генштаб были проинформированы. Но как реагировал на детальную информацию о германских приготовлениях к войне сам Павлов? На этот вопрос нам помогают ответить материалы, подготовленные уже после войны, когда начали пересматриваться с целью реабилитации дела на генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. А. Коробкова и др., приговоренных летом 1941 г. к расстрелу за поражение Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Ряд офицеров, выживших в тех боях, подготовили в 1956 г. записки для заместителя начальника Генерального штаба по военно-научной работе генерала армии В. В. Курасова.

Вот что писал, например, о действиях Павлова бывший начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майор Б. А. Фомин.

«Павлов тщательно следил за подготовкой театра военных действий... К началу войны на всем протяжении вдоль границы были созданы полевые оборонительные полосы с ДЗОТами. Что же касается УРов, то они к началу войны не были построены и вооружены. Тщательно следя за дислокацией войск противника, Павлов неоднократно возбуждал вопрос перед Наркомом обороны о передислокации войск округа из глубины в приграничный район... Однако к началу войны 113, 121, 143 и 50-я стрелковые дивизии в намечаемые ими районы не успели выйти, и война их застала в походе... Подводимые из глубины шесть дивизий в район Беловежская Пуща, р. Шара от впадения ее в Неман до Брестского шоссе, должны были наращивать глубину обороны, но, к сожалению, ход военных действий, а, главное, темп продвижения противника не позволил полностью осуществить этот план.

О подготовке немцами внезапного нападения Павлов знал (курсив мой. — М. М.) и просил занять полевые укрепления вдоль госграницы. 20 июня 1941 г. шифрограммой за подписью зам. начальника оперативного управления Генштаба Василевского Павлову было сообщено, что просьба его доложена Наркомом, и последний не разрешил занимать полевых укреплений, так как это может вызвать провокацию со стороны немцев. 19 июня была получена

шифрограмма из Генштаба развернуть штабу округа КП штаба фронта в Обуз-Лесна с готовностью вечер 22 июня...»

В действиях и поступках Павлова, как в предвоенный период, так и во время ведения тяжелой оборонительной операции, лично генерал Фомин, не усматривал ни вредительства, а тем более предательства¹³.

Мнение Фомина достойно внимания, но оно, к сожалению, оставляет за скобками следующий вопрос: если Павлов знал, что немцы готовят «внезапное» нападение, что же он все-таки сделал реально — не на словах, а на деле для того, чтобы не растерять все свои силы в первые же дни войны. Да, мы знаем, что Кремль и Генштаб связывали ему руки (равно как и другим командующим приграничными округами). Есть версия, что командующие войсками округов и армий, по информации из Москвы, не ожидали нападения ранее первой половины июля¹⁴.

Обращает на себя внимание также записка бывшего командующего 3-й армией ЗапОВО генерал-полковника В. И. Кузнецова, направленная все тому же генералу Курасову в 1956 году. В ней, в частности, говорилось:

«... В свое время (еще до начала войны) все командующие армиями, в том числе и я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки. В наших руках также были подметные письма, в которых указывалось примерное время перехода немцев в наступление (21, 22, 23 июня). Тем не менее, Павлов за несколько дней до начала войны приказал всю артиллерию войск всех армий фронта отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта. Этот приказ был, насколько мне известно, выполнен полностью командующим 4-й армией Коробковым, частично командующим 10-й армией генералом Голубевым и не выполнен мною, так как за несколько дней до начала войны мною было подготовлено и проводилось учение по отработке вопросов прикрытия границы, и войска (4 ск) были выведены к границе».

Кузнецов не видел ничего предательского в действиях Павлова или Климовских, но отмечал, что они «просто не сумели овладеть и не справились с обстановкой начального периода войны». В качестве примера он привел следующую фразу Павлова в момент разговора с ним по аппарату «ВЧ» примерно в 10:00, 22 июня 1941 года. После того, как Кузнецовым была доложена Павлову боевая обстановка, последний спросил: «Скажи, где у тебя артиллерия?», получив ответ, что вся артиллерия находится на позициях в боевых порядках 4-го ск, — задал следующий вопрос: «Разве ты ее не отправил?». Узнав, что не отправил, сказал: «Слава богу, нашелся хоть один догадливый человек, который делает то, что нужно»,

и далее: «Можно обо всем этом докладывать Москве?». Получив подтверждение Кузнецова, Павлов закончил разговор.¹⁵

Что можно еще добавить к написанному генералом Кузнецовым. Мнение о том, что Павлов и его штаб «не овладели и не справились с ситуацией» в начальный период войны представляется верным. С другой стороны, едва ли кто возьмется доказать возможность предотвращения разгрома войск Западного фронта и при другом, более волевом или более опытном, командующем. Очевидно, однако, что истоки трагедии Западного фронта закладывались в предвоенное время, и генерал Павлов не сделал всего возможного для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала агрессии. Одним из примеров этого является случай с артиллерией фронта, выведенной перед самой войной в тыл на стрельбы. Можно предположить, что Павлова подвело здесь чувство, однако, здесь не избежать версии определенной халатности штаба ЗапОВО.

Многие авиационные части были уничтожены или выведены из строя на своих аэродромах, (ВВС, укомплектованные на 70% устаревшими самолётами, в первый же день понесли колоссальные потери и утратили господство в воздухе), что позволило противнику захватить господство в воздухе. Отсутствие у командования ЗапОВО (равно как и у командования КОВО) надлежащей требовательности видно на примере строительства в этих округах оперативных аэродромов. Следует подчеркнуть, что во многом благодаря именно отсутствию в достаточном количестве посадочных площадок авиация Западного фронта уже в первый день войны лишилась около 738 боевых машин. Это число составляет 60 % от всех уничтоженных советских самолетов во всех западных приграничных округах 22 июня 1941 г.

Военные советы округов могли предпринять перед войной более интенсивные меры, направленные на сокращение собственных потерь в случае внезапного начала агрессии. К ним можно отнести создание достаточного количества минных полей на направлениях предполагаемых ударов противника, подготовку к взрыву мостов через пограничные реки, более активное строительство аэродромов и рассредоточение на них авиации, организацию надежной охраны линий связи — все эти меры сугубо оборонительные, и не могли дать повод для немецкой провокации. Получилось же все по иному, — немецкие танки захватывали мосты через Буг абсолютно не поврежденными, а перерезанные в первые часы войны линии связи внесли полный хаос в организацию управления советскими войсками. Высокие темпы германского продвижения на восток были предопределены таким образом с самого начала.

К этому следует добавить расхолаженность многих звеньев окружного и армейского управлений. И здесь не в лучшую сторону отличился именно штаб ЗапОВО. Как объяснить такой, например, эпизод:

вечером в субботу, 21 июня, в тот момент, когда от разведки поступали все более тревожные донесения о том, что немецкие войска уже занимают исходные позиции для атаки и готовы к наступлению, командование округом слушает в Доме офицеров оперетту.

Войска не были подготовлены морально, психологически к наступлению противника. Войну и ждали, и в тоже время не хотели прощаться с мирной жизнью. Да, было сообщение ТАСС от 14 июня, но было и отсутствие жесткости в дисциплине в самих войсках. Требовательность подменялась благодушием, что не замедлило сказаться уже в первый день войны.

Еще до восхода солнца государственную границу СССР пересекли первые вражеские бомбардировщики, а с рассветом противник начал сильный артиллерийский обстрел советских войск, расположенных вблизи границы, в частности, частей 4-й армии ЗапОВО. В 6 час. 40 мин. утра командующий этой армией генерал А. А. Коробков доносил Д. Г. Павлову: «...4:15 22.6 противник начал обстрел крепости Брест и района города Бреста. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6:00 артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75 сд (и 22 и 30 тд) выходят в свои районы; о 49 сд данных нет. Данных к 6:30 о форсировании противником р. Буг не имею. Штабом перехожу на запасной КП Буховиче. 22 тд под артогнем в беспорядке вытягивается в свой район. Самолеты противника с 6:00 начали появляться группами по 3–9 самолетов, бомбили пружанскую дивизию, результаты неизвестны...»¹⁶.

Непосредственно перед вторжением в тыл советских войск были выброшены группы диверсантов, которые стали рвать связь, перехватывать и убивать посыльных. Таким образом, штаб фронта лишился устойчивой связи с армиями. Бывший начальник оперативного отдела штаба 10-й армии подполковник Маркушевич уже в августе 1941 г. докладывал заместителю начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанту Маландину о том, что «о готовящемся нападении немцев и о вводе «Красного пакета» (плана занятия укреплений и действий в случае начала войны. — М. М.) было получено извещение по «ВЧ» между 3:00 и 3:30 22.06.41 г. лично командующим 10-й армией генерал-майором Голубевым от генерала армии Павлова». Это распоряжение было передано всем командирам корпусов. Однако далеко не все части успели занять исходные позиции, а те, которые заняли, отражали атаки противника, но в основном «погибли в этих точках». Далее отмечалось, что «проводная связь со штабом фронта и войсками была прервана между 3:30 и 4:00», а радиостанция уничтожена авиацией противника. И в последствии связь была очень неустойчивой и через каждые 30–40 мин. прерывалась. Окончательно связь со штабом фронта была потеряна 25 июня. Приказ об отводе войск на рубеж р. Бобр, р. Нарев был получен штабом 10-й ар-

мии от прилетевшего на самолете генерал-лейтенанта И. В. Болдина¹⁷. Отсутствие надлежащей связи штабов соединений и объединений с подчиненными группировками войск стало одной из главных причин неудач советских войск в приграничных сражениях. Днем 22 июня Павлов получил лишь разрозненные сведения о сражающихся частях и смутно представлял себе ситуацию на фронте!

Неизвестность, отсутствие точной информации, неразбериха и паника стали главными особенностями в управлении соединениями Западного фронта 22 июня 1941 г.

Бойцы и командиры испытали тогда величайший шок, который хорошо виден из текста шифрограммы Военного совета Западного фронта подчиненным войскам, отправленной вечером 22 июня 1941 г.

«Опыт первого дня войны, — говорилось в ней, — показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников.

Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу». Приказывалось: «При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население». Шифрограмма подписана Д. Павловым, А. Фоминых (членом Военного совета фронта), В. Климовских.¹⁸

Комментарии здесь излишни. Стоит только заметить, что вина за происходившие в первый день войны панику, неразбериху, отступления от правил Устава лежит во многом на самих генералах, подписавших этот документ.

Как протекали первые часы и дни войны на Западном фронте, которые во многом определили ситуацию на данном театре и в последующие недели войны? Как действовало командование объединением? Глубже разобраться в этих деталях нам помогает рапорт начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лося от 15 июля 1941 г., посвященный описанию обстановки в момент нападения Германии на СССР. В нем, среди прочего, говорилось:

«21 июня 1941 г. в 24:00 мне позвонил Член Военного совета и просил прийти в штаб... Командующий 10-й армией Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная, и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений, не отходя от аппарата. В свою очередь, к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий.

Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по «ВЧ» и приказал привести войска в план боевой готовности и сказал, что подробности сообщит шифром

(Здесь есть нестыковка с показаниями подполковника Марушкевича, который писал, что указания по «ВЧ» были получены между 3:00 и 3:30. — М. М.). В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны (Опять же Марушкевич отмечал, что проводная связь была нарушена между 3:30 и 4:00. — М. М.). Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты, и ими выведены все средства связи.

К 10–11 часам утра шифровка прибыла. (Речь очевидно идет о Директиве № 1, подписанной в Москве Тимошенко и Жуковым. — М. М.) Точного содержания сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственной границы не переходить. К этому времени войска противника продвинулись на 5–10 км. Шифровка была подписана Павловым, Фоминых, Климовских».

Многое остается неясным: как скоро поднимались войска по тревоге после звонка Павлова по «ВЧ» в 1 час ночи, какие указания получали части и соединения. Но факт остается: командиры ждали указаний сверху, не отходя от аппаратов связи, а приказ о приведении войск в боевую готовность (хотя и без подробностей) был доведен до них сразу после поступления соответствующей директивы из Москвы. Передача Директивы № 1 в округа была закончена в 00:30 22 июня. В 10–11 часов, когда немцы уже вовсю наступали, подоспел и сам текст Директивы, включая слова «не поддаваться ни на какие провокации». Отметим для себя, что если бы полковые командиры руководствовались этими словами в момент начала германской атаки, это могло лишь усугубить и без того критическую ситуацию в районе боевых действий.

Полковой комиссар также отмечал: «...В 3:58 мин под Белостоком появились первые самолеты противника, и вслед за этим началась бомбардировка белостокского аэродрома. Одновременно бомбардировке подверглись почти все города и местечки, где располагались штабы соединений 10-й армии. К 8 часам утра КП армии переместился близ дер. Старосельцы в лес, что в 5 км северо-западнее Белостока. Сразу же командованием были приняты меры к установлению связи между соединениями, и уже к 12 часам связь с ними была восстановлена делегатами. Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 июня — как с округом, так и со всеми соединениями... проволочной связи не было... К вечеру 22 июня, не помню точно, то ли от зам. командующего Болдина, то ли из штаба ЗапОВО [к тому времени фронта. — М. М.] был получен приказ закрепиться на р. Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа — 3-й армии...»

Далее полковой комиссар Лось докладывал о тяжелом отступлении частей армии, бомбежках немецкой авиации шоссе Белосток-Волковыск, которое было забито трупами людей, брошенными

автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться по которому было совершенно невозможно. На р. Нарев, по его словам, вышли, по существу, разбитые войска, имеющие в дивизиях очень незначительное количество людей, а от таких соединений, как 13-й мехкорпус, — остался только один штаб.

«...Положение усугублялось тем, — писал Лось, — что по распоряжению штаба округа с 15 июня все артиллерийские полки дивизий, корпусов и артполки РКК были собраны в лагеря в двух местах: Червонный Бор (между Ломжей и Замбровом) — 22 полка 10-й армии и в Обуз-Лесна — артполки тыловых дивизий армии и других частей округа. Для поднятия этих полков был послан начальник артиллерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизию. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником...»

Возвратимся еще раз к вопросу, почему Павлов приказал перед самой войной вывести артиллерию в лагеря. Действительно ли он считал, что во время учебных стрельб война не начнется, проявив недальновидность, граничащую с халатностью, либо, получая соответствующие указания из Москвы и боясь спровоцировать немцев нечаянно залетевшим к ним снарядом, распорядился отвести орудия от греха подальше в тыл? Прояснить ситуацию мог бы сам Павлов, но после разгрома своего фронта он был осужден и расстрелян. Что касается артиллерии, поднятой генералом Барсуковым, то ей не довелось проявить себя. Она передвигалась на мехтяге. Но горючего было недостаточно. Кроме того, значительная часть тягачей сразу вышла из строя. Пушки и гаубицы приходилось либо взрывать, либо просто бросать на дороге, не произведя ни одного выстрела. Полковой комиссар Лось остановился и на незавидной судьбе самого укомплектованного мехкорпуса РККА — 6-го мк под командованием М. Г. Хацкилевича — брошенного в бой по приказу прибывшего на фронт маршала Г. И. Кулика, но не обеспеченного ни горючим, ни боеприпасами, ни каким-либо прикрытием с воздуха. Автор рапорта заключает:

«...Войска армии оказывали сопротивление до 26 июня — после чего началось беспорядочное отступление... Панике способствовало то, что в ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ, во главе с начальниками органов, также сбежали... Белосток остался без власти... Враждебные элементы подняли голову. Освободили из тюрем 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе, открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам...»¹⁹.

Следует добавить, что «позорное» поведение начальства, бросившего свое население и убежавшего в тыл, наблюдалось в те дни и в других городах. «После бомбардировки Гродно все управление:

как-то Горсовет, РК и Горком ВКП(б), директора предприятий, милиция и НКВД побросали посты и сбежали», — говорилось в оперативной сводке ПВО пункта Лида за 23–24 июня. В результате город остался без управления, подняли голову враждебные элементы, распущена тюрьма²⁰. Все это еще больше осложнило организацию обороны, создавало хаос в тылу, способствовало дезертирству красноармейцев из боевых частей, особенно недавно призванных из близлежащих районов.

Уже к вечеру 22 июня германские войска, вторгшиеся на советскую территорию достигли больших успехов. 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана отбросила 4-ю армию генерала А. А. Коробкова на 20–30 км. Из-за отсутствия связи с армией в штабе фронта не представляли, какое мощное соединение противника действует из района Бреста. Германские самолеты господствовали в воздухе. Начавшие выдвигаться на исходные позиции советские дивизии неожиданно наткнулись на противника и вступали в бой разрозненно.

В течение 22 июня штаб Западного фронта получил из Москвы еще две директивы (№ № 2 и 3). Первая, пришедшая утром, требовала разбить вторгшиеся части противника, но границу не переходить (И. В. Сталин всё ещё не был уверен, что это не провокация), но уже к вечеру советское верховное руководство потребовало перехода в решительное наступление. Для выяснения обстановки на фронт из Москвы были направлены несколько высших офицеров, том числе к Д. Г. Павлову, маршалы Б. М. Шапошников и Г. И. Кулик, генералы В. Д. Соколовский и Г. К. Маландин. Западный фронт должен был во взаимодействии с Северо-Западным фронтом разбить сувалкинскую группировку противника и уже 24 июня занять город Сувалки. Получив поздно вечером 22 июня эту директиву, Павлов начал планировать контрудар в районе Гродно. 4-й армии также ставилась задача начать наступление с 5 часов утра 23 июня с целью уничтожения противника восточнее Буга и занятия Бреста. Однако вечером 22 июня приказ требовал «госграницу до особого разрешения не переходить».²¹

К сожалению, ни в штабе фронта, ни тем более в Москве не имели верного представления о ситуации на границе. А обстановка никак не располагала к наступлению.

С утра 23 июня по приказу Павлова для нанесения контрудара была образована группа генерала И. В. Болдина, включавшая 6-й и 11-й механизированные корпуса, 36-ю кавалерийскую дивизию и части 3-й армии генерала В. И. Кузнецова. При других обстоятельствах контрудар этих сил мог бы серьёзно повлиять на обстановку, ведь только 6-й мехкорпус имел 1022 танка, в том числе 352 новых Т-34 и КВ, но в реальности неподготовленное наступление при господствующей в небе авиации противника оказалось обречённым на провал. 11-й мехкорпус и 3-я армия уже были связаны боями, а 6-й мехкорпус

и 36-я кавдивизия находились в 60–80 км от Гродно. Выдвигающиеся на исходные позиции дивизии подвергались ожесточенным ударам с воздуха, поврежденную и просто сломавшуюся технику из-за отсутствия ремонтной базы приходилось бросать на обочинах. Части 6-го мехкорпуса подходили к фронту разрозненно, с ходу бросались в бой, и уже к ночи наступление пришлось остановить из-за нехватки горючего и боеприпасов. Противник не только не был остановлен, но в тот же день ворвался в Гродно. На следующий день советские атаки возобновились, но успеха также не достигли.

На южном фланге Западного фронта 23 июня 14-й мехкорпус 4-й армии также контратаковал противника и даже смог продвинуться на несколько километров к Бресту, но силы здесь были слишком не равны, и наступление быстро выдохлось. Не добившись существенных результатов, советские войска понесли огромные потери. Мехкорпуса фактически потеряли свою ударную силу. Так, в 11-м мехкорпусе из 243 танков осталось 50, а в 14-м мехкорпусе из 518 танков — 25²².

Тем временем 3-я танковая группа генерала Г. Гота, разгромив 11-ю армию Северо-Западного фронта и обойдя с севера 3-ю армию, устремилась в образовавшийся между фронтами разрыв, направив два из трёх своих моторизованных корпусов на Минск. Павлов попытался преградить ей путь резервными частями фронта, сведенными в 13-ю армию генерала П. М. Филатова, но танки Гота ворвались в расположение штаба армии и разгромили его. Уже 26 июня 3-я танковая группа подошла к минскому укрепрайону и завязала бои за город. На следующий день дивизии 4-й и 9-й немецких армий соединились восточнее Белостока, окружив значительную часть отступавших к Минску соединений 3-й и 10-й советских армий. На юге танковая группа Гудериана, преодолевая все более слабеющее сопротивление 4-й армии, 25 июня форсировала реку Щара и двинулась на Минск и Бобруйск.

О положении соединений 4-й армии генерала Коробкова после первых столкновений с противником говорят строки Оперативной сводки штаба армии за 24 июня 1941 г.: «...Части 4 армии, после бандитского налета противника, отходили, оказывая сопротивление по рубежам обороны на Картуз, Береза и к 18:00 24.6. отошли остатками корпусов в районы Войтки, Мазурки, Синявка, где закрепляются для оказания дальнейшего сопротивления. Остатки частей 6 и 42 сд 28 ск, после ряда оборонительных боев к 18:00 отошли в районы Русиловичи, Тальминовиче, где приводятся в порядок. Эти остатки не имеют боеспособности... С 49 сд с момента выхода по трюги связи нет... 14 мк активно обороняясь переходя неоднократно в контратаки понес большие потери в матчасти и личном составе и к 25.6 не представляет боеспособного состояния... 10 САД 22.6 понесла громадные потери (почти целиком уничтожены оба ИАП

и ШАП) в первой половине дня участия в боевых действиях не принимала, дислокация Пинск. Вывод: все части, за исключением 55 и 75 сд не боеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и мат. частью и приведении в порядок... От постоянной и жесткой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали.

Начальник штаба 4 армии полковник Сандалов
Начальник опер. отдела полковник Долгов»²³

Характерную оценку обстановки на Западном фронте в письме на имя секретаря ЦК КП(б)Б и члена Военного совета фронта Пономаренко дал 27 июня 1941 г. начальник отдела политпропаганды дивизии полковой комиссар Сумар. Видимо не добившись контакта со своим армейским начальством, он решил обратиться напрямую в штаб фронта и, прежде всего, дать разъяснение, что происходит, и что делать? «Где наши войска? Где местная власть территории Западной Белоруссии?». Комиссар излагал свои наблюдения и делал заключение: «Все бежит на восток без всяких оснований... Никто боевой задачи нам не ставит, штабов армии и корпусов нигде не найти; снаряды, патроны, горючее и продовольствие на исходе»²⁴.

К 28 июня в мехкорпусах Западного фронта остались уже фактически единицы исправных бронированных машин. Так, командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С. И. Оборин доносил вечером 28 июня генералу армии Павлову сведения о состоянии своих соединений после выхода из боев, которые всего несколько дней назад вряд ли мог себе представить хоть один офицер в штабе фронта: 30 танковая дивизия [тд] — 2 танка Т-26, один из них неисправный; 22 тд — танков — 0. «...Общие потери (примерно) 14 МК — 80 %, из них убитых и раненых около 30%, остальные в тылах различных направлений. Принимаю меры сбора в район г. Смоленска...»²⁵

Советские войска оказались фактически без прикрытия с воздуха, что усугубило ситуацию на фронте, вызывало панику среди частей и способствовало еще более быстрому продвижению германских соединений на восток. Уже в середине дня 22 июня 1941 г. штаб 4-й армии доносил фронтовому командованию (и это донесение можно было преподнести как резюме всех просчетов в развертывании авиации ЗапОВО накануне войны): «Противник превосходит в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30–40%) потери. Штарм — разгромлен (в Кобрине, штакор 28 — в Жабинке также в 12:15 22.6 бомбили; штакор 14 мк — Тевли...»²⁶. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березина, в штаб Западного фронта поступали донесения, в которых говорилось о безнаказанных действиях германской

авиации. В то же время констатировалось: «снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется».²⁷ Не удивительно, поэтому, что противник, выйдя моторизованными колоннами восточнее Минска, фактически сходу приступил к форсированию реки Березина с целью дальнейшего наступления на Могилев, Оршу, Витебск. Начальник гарнизона г. Борисова, расположенного на той же реке Березине, 2 июля буквально умолял штаб фронта «во что бы то ни стало выслать в мое распоряжение хотя бы одну эскадрилью истребителей, ибо основные потери и главное — паника — наносятся авиацией противника, которая, пользуясь отсутствием авиации на нашем участке работает все время на бреющих полетах, почти безнаказанно». Далее следовала просьба о выделении средств ПТО и другого вооружения, которого в распоряжении гарнизона имелось в крайне незначительном количестве²⁸. Об устойчивости советской обороны на этом направлении речи уже быть не могло.

Войска 4-й армии быстро отступали, но иногда могли и огрызнуться на противника. Примечательным и положительным эпизодом действий советских частей в этой критической обстановке стало действие советской артиллерии. Уже в первые дни войны она заявила о себе с самой лучшей стороны, сделав тем самым заявку на свою будущую роль на театре военных действий. Начальник штаба 4-й армии составил в конце июня донесение (на документе, написанном от руки нет подписи и даты), в котором зафиксировал начало наступления противника восточнее р. Олла. Здесь же говорилось, что «...огнем нашей артиллерии подбито 10 танков на западном берегу р. Олла... 12 мотоциклов с пулеметами, один самолет. Артиллерия действовала отлично, бой продолжается до настоящего времени...»²⁹.

Неизбежным следствием разгрома 3, 10 и 4-й советских армий стал стремительный бросок германских механизированных соединений в район Минска.

Оборона Минска стала трагической и в то же время героической страницей в летописи Великой Отечественной войны. Силы атакующих и обороняющихся были несопоставимы, защитникам города остро не хватало боеприпасов, но все же они в течение двух дней отражали яростные атаки танков и пехоты противника. Только в 16 часов 28 июня танковая группа Гота смогла ворваться в столицу Белоруссии. На следующий день в город вошли танки Гудериана, замкнув, таким образом, еще одно кольцо вокруг 3-й и 10-й армий Западного фронта. Вне кольца остались лишь части 13-й армии, и отчаянно сражавшиеся на Березине остатки 4-й армии, передодчиненные в начале июля приказом начальника Генштаба Жукова 21-й армии. Штаб 4-й армии выводился в район Пропойска³⁰.

Разгром Западного фронта был очевиден, и Ставка ВГК была вынуждена принимать все доступные меры к недопущению дальнейшего беспрепятствен-

ного продвижения немецких бронированных колонн на восток. Новый командующий Западным фронтом маршал С. К. Тимошенко, занявший эту должность вместо отставленного и арестованного Д. Г. Павлова, 2 июля 1941 г. был вызван к прямому проводу для переговоров со Сталиным. В словах Сталина было заметно смятение от неопределенности ситуации на фронте и отсутствия действенных мер к задержанию противника. Видимо, опасаясь развития событий по худшему сценарию, означающему скорое появление немцев у Смоленска, он спрашивал Тимошенко: «Нас интересует, заминировали ли Вы автостраду Орша — Минск?... Подходят ли на рубеж Ваши части?... Как идут работы на рубеже? (реки Днепр. — М. М.)... Знаете ли Вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый Вашими частями, в каком они состоянии?». Тимошенко, едва войдя в должность вынужден был отвечать на непростые вопросы. По сути, он мог лишь более или менее успешно реагировать на драматически развивающуюся обстановку. Принимаемые в этих условиях решения априори были неполными, до конца не подготовленными и скоропалительными. Однако нужно было действовать безотлагательно. Понимая, что большие потери теперь неизбежны, военное руководство было обречено бросать все вновь подходящие части сходу в сражение (пусть даже по частям) — без этого противник гарантированно выходил на оперативный простор, вглубь Европейской территории СССР и выполнял свою задачу по разгрому Красной Армии и всего Советского государства. На вопросы Сталина Тимошенко отвечал, что взрывчатые вещества подвозятся, и новые части выходят к намеченным рубежам. Но войска фронта остро нуждаются в дизельном топливе, снарядах, разведывательной и истребительной авиации. Маршал констатировал, что «до вчерашнего дня никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило»³¹.

Окруженные под Белостоком и Минском советские части были обескровлены и смогли прорваться на восток лишь разрозненными подразделениями — зачастую выходили группы всего по несколько человек, либо вовсе одиночные бойцы и командиры. Упомянутый выше полковой комиссар Лось вспоминал о том, как он пробирался из окружения на восток вместе с маршалом Куликом с одной только мыслью: «пробиться или умереть». Он упомянул также о том, как маршал приказал переодеться всем командирам и бойцам в крестьянскую одежду, но все равно их группа чуть было не угодила в руки к немцам, и лишь счастливый случай спас их от вражеского плена³².

Но многие бойцы и командиры даже под угрозой полного уничтожения не сдавались, как рассчитывали фашисты, и отчаянно дрались до 8 июля, приковав к себе до 25 дивизий противника. Их героическая борьба позволила фактически заново сформировать Западный фронт, оборонительные линии которого прошли по рекам Западная Двина и Днепр. Немцы пытались продолжить безостановочный марш

на восток 2-й и 3-й танковых групп, но усилившееся сопротивление советских войск не дало им возможности сохранить прежний темп движения. И всё же к 9 июля танки Гудериана уже подошли к Могилёву, а дивизии Гота пробивали себе дорогу на Витебск.

За первые 18 дней боев Западный фронт с Пинской флотилией потерял 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно³³, 4799 танков, 9427 орудий и миномётов, 1777 самолётов³⁴. Войска отступили на 600 км, оставив почти всю Белоруссию. Были потеряны огромные запасы продуктов, оружия, топлива, снаряжения. Вина за катастрофу Западного фронта была возложена на командование фронта. Павлов, его начальник штаба Климовских, несколько других генералов были сняты со своих постов, арестованы и расстреляны. В 1956 году все они были реабилитированы посмертно.

Причины катастрофического развития ситуации на Западном фронте в первые дни войны подробно стали анализироваться военно-исторической наукой с середины 1950-х годов. До сих пор изучение уроков поражения в Белоруссии в 1941 г. остается весьма актуальным. Для россиян актуально вдвойне, поскольку именно это направление веками служило кратчайшим путем для многочисленных противников нашей страны к сердцу государства. О предвоенных ошибках советского командования было сказано выше. Но имеет смысл обратить внимание на ход руководства боевыми действиями уже после начала германской агрессии. По мнению генерала Фомина, которое он изложил в упомянутой записке 1956 года для заместителя начальника Генерального штаба, Западный фронт постигла неудача по следующим причинам: численное превосходство противника; (им указывалось соотношение 1:5, или 12 советских дивизий против 64-х немецких, что могло быть только на направлениях главного удара немецких войск, но не в целом по фронту. — М. М.); внезапность нападения противника; недостаточная обеспеченность средствами ПВО; отсутствие у фронта резервов и оборонительного рубежа по реке Шара и снятие с него войск в ночь с первого на второй день войны, «вследствие чего противник, беспрепятственно заняв его, создал условия окружения войск 3 и 10-й армий»; запоздалое занятие рубежей УР'ов вдоль старой госграницы войсками 13-й армии, «безграмотное вмешательство маршала Кулика (направленного Сталиным из Москвы), в распоряжения Болдина (заместителя командующего фронтом) и Голубева (командующего 10-й армией. — М. М.), что привело к бесславному концу подвижной группы фронта».

Фомин упомянул и бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Климовских, отличавшегося, по его мнению, «большой работоспособностью и честностью». Единственное, что не нравилось Фомину в своем непосредственном начальнике — это отсутствие у Климовских «резвой оценки противника и его возможностей. Климовских никогда не верил,

что противник в состоянии так далеко планировать свою первоначальную операцию и наносить далеко в глубину свои массированные удары авиации».

В заключение Фомин написал, что все перечисленные им генералы, арестованные и расстрелянные летом 1941 г., «были оторваны от управления войсками в тот момент, когда их стараниями уже стали затухать темпы операции противника, а управление войсками налаживалось»³⁵.

В послевоенной записке генерал Кузнецов, равно как и Фомин, критиковал действия маршала Кулика, считая неверным его указание об организации 24 июня контрудара частей армии в общем направлении на Гродно-Сувалки с целью обеспечения с севера фланга ударной группы фронта в составе 10-й армии и мехкорпуса Хацкилевича. Дело в том, что корпус Хацкилевича имел тогда горючего всего на полторы заправки, авиация фронта была разгромлена, фланги фронта, как правый, так и левый, были открыты. По мнению Кузнецова, в создавшихся условиях наиболее разумным был бы переход к «подвижной обороне» и контрудар по тылам 2-й танковой группы Гудериана, быстро продвигавшейся к Барановичам с юго-запада³⁶.

Еще одним объяснением неудачных действий Западного фронта в начале войны был тот факт, что по предвоенной оценке Генштаба и наркомата обороны, наиболее опасным считалось юго-западное (южнее Полесья) направление. Фактически противник нанёс главный удар на Смоленск и Москву, что давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районе Белостока и Минска.

Западный фронт потерпел поражение. Тяжелое положение сложилось в конце июня-начале июля 1941 г. и в полосе соседних Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

***

Наступавшая в Прибалтике ГА «Север» фельдмаршала В. Лееба состояла из 16, 18-й полевых армий и 4-й танковой группы. Вместе с 3-й танковой группой её передовые силы вторжения насчитывали 655 тыс. человек, 7673 орудия и миномёта, 1389 танков и 1070 самолётов 1-го воздушного флота генерала Келлера. Северо-Западный фронт (командующий — генерал-полковник Ф. И. Кузнецов), преобразованный из Прибалтийского Особого военного округа, включал 8, 11 и 27-ю армии, а так же 5-й воздушно-десантный корпус. Общая численность войск фронта составляла всего 379,5 тыс. человек, 4938 орудий и миномётов, 1274 танка и 1078 самолётов³⁷.

События первого дня войны здесь в целом повторяли происходящее на Западном фронте. Противник выбросил диверсионные группы, бомбил аэродромы, внезапной атакой захватил целыми все мосты через Неман. Уступающие противнику на направлениях главного удара в 5–8 раз, части 8-й и 11-й армий не смогли удержать линию фронта. 3-я танковая

группа Гота, прорвав оборону 11-й армии, устремилась на Вильнюс, а 4-я танковая группа генерала Гёпнера, смяв боевые порядки 8-й армии, быстро продвигалась к Даугавпилсу. 3-я танковая группа, имевшая в своем составе два моторизованных и два армейских корпуса (4 танковые, 3 моторизованные, 4 пехотные дивизии), в приграничных сражениях должна была действовать на театре, занимаемом советским Северо-Западным фронтом, оказывая содействие ГА «Север» в разгроме советских войск в Литве и создании разрыва между соединениями РККА в Прибалтике и Белоруссии. После захвата Вильнюса, группе Гота предстояло повернуть свои силы на юго-восток — к Минску.

Пытаясь остановить рвущегося к Вильнюсу врага, командующий 11-й армией генерал В. И. Морозов бросил в бой 3-й мехкорпус, однако в ожесточенном сражении вечером 22 июня 5-я дивизия корпуса была разгромлена и отступила. 24 июня Вильнюс пал, а танки Гота рванулись к Минску.

23 июня комфронта Кузнецов попытался организовать контрудар силами 3-го и 12-го мехкорпусов против 4-й танковой группы. Хотя в целом советские войска имели полуторное превосходство в танках, они вдвое уступали в живой силе и артиллерии; к тому же танковые дивизии оказались растянутыми на широком фронте и вместо сконцентрированного, мощного наступления осуществляли удар растопыренными пальцами, вводясь в бой по частям. Тем не менее, поначалу советским танкистам удалось несколько потеснить 41-й моторизованный корпус противника и даже вынудить его перейти к обороне. Ожесточенное танковое сражение продолжалось двое суток, но 25 июня атаки пришлось прекратить из-за огромных потерь и нехватки боеприпасов. В 12-м мехкорпусе осталось всего 35 танков³⁸.

Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед двигались средства ПТО, прежде всего противотанковые орудия, тогда как собственные бронированные машины отводились назад. Срочно вызывалась по радио авиация. В результате, большое количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. Немцам было весьма важно осуществлять непрерывное и быстрое продвижение своих моторизованных колонн на восток. Моторизованным корпусам Г. Гот ставил задачи по «быстрейшему формированию Немана... разрыву групп противника вокруг Минска и Вильно» и давал рекомендации по ведению боя. К ним, в частности, относились: «Уничтожение оставшихся частей противника, захват пленных и трофеев, по возможности, нужно предоставить следующим позади моторизованным и пехотным дивизиям... Фланги охраняются разведкой... Решающее значение для успеха наступления имеет задача саперов передовым частям и своевременный подвоз средств для наводки моста... Нужно обязательно придавать

передовым частям артиллерию...». Далее командующий 3-й танковой группой указывал на вероятность встречи с авиацией и танками противника и требовал исключить скапливание собственных машин в местах переправ³⁹. (О тактике германских моторизованных частей, См. Документы. Документ №1)

Командующий 3-й танковой группы генерал-полковник Герман Гот вспоминал позже об одном из боев с советскими танками у Алитуса: «В „исключительно тяжелом танковом бою“, как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение. Остатки этой дивизии ушли на северо-восток и через несколько дней потеряли свои последние танки»⁴⁰.

Пока 41-й корпус вермахта отбивал контратаки, 56-й моторизованный корпус рвался вперед, почти не встречая сопротивления. 26 июня немецкие танки внезапно ворвались в Даугавпилс и захватили мосты через Западную Двину. 11-й армии, которой немцы, таким образом, отрезали пути отступления, пришлось отойти в полосу Западного фронта.

Попытки командования Северо-Западного фронта вернуть мосты вылились в двухдневное сражение между советскими 21-м мехкорпусом и 5-м воздушно-десантным корпусом с одной стороны и частями 56-го корпуса вермахта, с другой. К сожалению, выбить противника из Даугавпилса не удалось, хотя враг понёс серьезные потери. А в ночь на 29 июня реку форсировали и части 41-го корпуса противника у Екабпилса.

Тем временем пехотные соединения 18-й армии противника наступали на Ригу. На целых три дня задержал врага героический гарнизон советской военно-морской базы в Лиенае, но 29 июня немцы всё же ворвались в Ригу, грозя отрезать не успевшие отойти части 8-й армии генерала П. П. Собенникова. Решительной контратакой противник был выбит из города, и 8-я армия в полном порядке отошла за Западную Двину. Вновь занять Ригу немцы смогли лишь 1 июля⁴¹.

29 июня советское верховное командование отдало приказ подготовить оборонительные позиции на старой советской границе, но Кузнецов не правильно его понял и распорядился начать отход от Западной Двины. Когда ошибка вскрылась, вернуть утраченные позиции было уже невозможно. 2 июля противник нанёс мощный удар в стык между 8-й и 27-й армиями и прорвал фронт. Таким образом, в результате первых дней войны группировка Северо-Западного фронта была рассечена и частично окружена. Советские войска были вынуждены отойти за рубеж Западной Двины (Даугавы). Попытки восстановить фронт вводом второго эшелона и резервов объединения по большей части оказались неудачными. В результате этого отступление в направлении Эстонии и Пскова стало единственно возможным средством спасти оставшиеся части. За неумелое руководство войсками командование фронта было

отстранено от своих постов. Новым командующим фронта стал генерал-майор П. П. Собенников, а его начальником штаба генерал Н. Ф. Вагутин⁴².

Тем временем устремившиеся в прорыв танки Гёпнера 6 июля захватили город Остров, а 10 июля, после ожесточенного боя, Псков. Реальная угроза нависла над Ленинградом. Лишь в Эстонии 8-й армии удалось задержать врага на линии Пярну — Тарту, а на полуострове Ханко продолжал героически обороняться гарнизон советской военно-морской базы. Силы Краснознаменного Балтийского флота вели пока успешную борьбу с немецкими надводными и подводными силами, пытавшимися перерезать линии советских морских коммуникаций и запереть флот в Финском заливе.

За три недели боёв советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя на 450 км. Потери составили 88,5 тыс. человек (в т.ч. 75 тыс. безвозвратно)⁴³, более тысячи танков, 4 тысячи орудий и миномётов и свыше тысячи самолётов⁴⁴.

***

Против войск Киевского Особого военного округа (с 25 июня — Юго-Западный фронт) противник развернул ГА «Юг» фельдмаршала К. Рундштедта, которая состояла из 6-й и 17-й армий и 1-й танковой группы. Кроме того, 11-я армия находилась в Румынии, против войск Одесского военного округа. Без учета 11-й армии, силы ГА «Юг», перешедшие в наступление 22 июня, насчитывали 730 тыс. человек, 9700 орудий и миномётов, 799 танков и 772 самолёта 4-го воздушного флота генерала Лёра. Кроме того, на южном фланге группы армий располагались венгерские войска, включавшие 44,5 тыс. человек, 200 орудий и миномётов, 160 танков и 100 самолётов. Юго-Западный фронт (командующий — генерал-полковник А. П. Кирпонос) включал 5, 6, 12 и 26-ю армии, а так же 5-й кавалерийский, 7, 31, 36, 37, 55-й стрелковые, 9, 15, 19, 24-й механизированные и 1-й воздушно-десантный корпуса. Общая численность войск фронта составляла 975 тыс. человек, 12 064 орудия и миномёта, 4783 танка и 1759 самолётов⁴⁵.

На юго-западном направлении противнику не удалось быстро добиться решительных успехов. Лишь в полосе 5-й армии немцы смогли прорвать фронт обороны и продвинуться на 20 км, а на всех остальных направлениях советские войска успешно отразил атаки немецких войск и 3-й румынской армии.

Согласно директиве № 3, отданной вечером 22 июня, войска фронта должны были разгромить люблинскую группировку противника и захватить Люблин уже 24 июня. Хотя в штабе фронта считали директиву невыполнимой, решено было 23 июня нанести контрудар по прорвавшейся 1-й танковой группе генерала Клейста силами шести мехкорпусов, насчитывающих 3,7 тыс. танков⁴⁶. Удар предполагалось наносить с двух сторон по сходящимся

направлениям. Для координации действий советских войск и постановке конкретных задач соединениям на Юго-Западный фронт был послан сам начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков. Прибыв на место, он стал отдавать энергичные распоряжения относительно быстреего перехода в атаку танковых соединений. Его приказания фронтовому и армейскому командованию были достаточно жесткими и четкими. Так, разговаривая по прямому проводу с генерал-майором Потаповым, командующим 5-й армией, Жуков был весьма обеспокоен продвижением танков противника на Ковель с севера — с брестского направления. Основную вину на это он возлагал на командующего 4-й армией Западного фронта Коробкова, видимо не зная еще в деталях о том критическом положении, которое сложилось на соседнем фронте. Проводная связь Потапова с соседними армиями, в т.ч. с 6-й армией, к тому времени также была нарушена. В своем докладе он подчеркивал, что его основной задачей являлось разгром Владимир-Волынской группировки противника и выход к р. Западный Буг. Но механизированные соединения могли сосредоточиться в исходных районах для атаки не ранее чем через двое суток, совершив протяженный марш. Кроме того, большинство танков в его армии были устаревших конструкций, многие требовали ремонта. Танков Т-34 не было вовсе, КВ со 152-мм орудиями — 30 шт., остальные Т-26 и БТ. Жуков в то же время требовал: первое: «прочно закрыть с севера подходы на Ковель, второе: не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки... За тыл не бойтесь и на него не оглядывайтесь». Он распорядился немедленно выдать для танков КВ бетонобойные «снаряды 9 и 30 года» и пустить их в ход, ободряя Потапова: «будете лупить противника всюю... Ночью или завтра буду у Вас»⁴⁷.

Ставка и лично Сталин внимательно следили за подготовкой контрудара на Юго-Западном фронте. К исходу 24 июня в Москве полагали, что Жукову стоит подумать об отводе советских частей из района Перемышля на линию Рудня-Бориславль, чтобы они не оторвались от основной группы войск в районе Львова, и об эвакуации ценного оборудования из Львова. Жуков согласился с этим отходом, но все его внимание, равно как и внимание Ставки было приковано к организации контрудара севернее Броды. Из Москвы было высказано пожелание нанести бомбовый удар по нефтяным промыслам Плоешти и Бухаресту — столице вступившей в войну против СССР Румынии⁴⁸.

26 июня — в момент начала советского контрудара против наступающих соединений немецкой группы армий «Юг» Жуков всячески подгонял и наставлял командующих армиями, в том числе все того же Потапова, говоря о том, что он и штаб фронта «крайне недовольны по существу бездеятельностью штаба [армии] и Военного совета» и «если так будете работать, противник вас разобьет». «Вам

надлежит, — продолжал Жуков, — не бросать в атаку разрозненные соединения и части, а организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков, встречая противника на хороших рубежах. Предварительно противника расстреливать, а затем добивать... не бойтесь действовать активнее, немцы страшные трусы, когда их бьют... Весь успех... зависит от знания, где противник, где ваши части и от дерзости Военного совета и всех войск... Надеюсь лично я, Военный совет [фронта] и Нарком, что вы оправдаете свое назначение. Жму руку. Всё»⁴⁹

26–30 июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось невиданное до тех пор встречное танковое сражение, когда на участке шириной 70 км столкнулись почти 2 тыс. танков⁵⁰. К сожалению, контрудар, который мог привести к серьёзному поражению группы Клейста, был очень плохо подготовлен и организован. Как и на Западном и Северо-Западном фронтах дивизии вводились в бой разрозненно, пока они двигались к местам сосредоточения, противник подвергал их нападению с воздуха. В связи с постоянно меняющейся обстановкой, задачи мехкорпусам постоянно уточнялись, в результате некоторым из них пришлось совершать длительные марши по бездорожью, теряя драгоценное время и машины. К моменту начала советского контрудара многие механизированные корпуса уже понесли серьёзные потери в танках. Например, 8-й мехкорпус совершил почти 500-км марш и оставил на дорогах чуть ли не половину из своих 858 танков, а 8-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса во время марша по болотам пришлось бросить все свои тяжёлые танки КВ.

28 июня 1941 г. командующий 5-й армией генерал Потапов приказал командирам соединений наладить строжайший учет имущества, за утерю которого требовалось предавать виновных военно-полевому суду. Он констатировал, что «Преступное отношение к народному достоянию: оружию, боеприпасам, боевым, транспортным машинам принимает широкие размеры. За шесть дней войны утеряно много материальной части. На дорогах бросаются вполне исправные как боевые, так и транспортные машины, оружие и другие виды имущества. Хуже того, что к тем, кто совершает это тягчайшее преступление, никаких мер не принимается. Приказываю: Командирам соединений наладить строжайший учёт имущества и за утерю и оставление имущества немедленно предавать Военному Полевому суду»⁵¹.

К вышесказанным причинам неудачи советского контрудара на Юго-Западном фронте следует добавить, что командование фронта почти не управляло сражением из-за отсутствия надежной связи. Корпуса действовали крайне несогласованно, что вело к большим потерям и действиям разрозненно от своих соседей. Итог известен, 8-й мехкорпус попал в окружение, потерял всю свою технику и большую часть личного состава.

Вследствие того, что советский контрудар не достиг своей цели, немецкое наступление против Юго-Западного фронта на киевском направлении продолжалось. Теперь под угрозой окружения оказались 26-я и 12-я советские армии, войска которых находились под относительно слабым нажимом вражеских войск в районе южнее Львова. Генерал Кирпонос, опасаясь, что в немецком котле может оказаться львиная доля оставшихся у него сил и средств, уже 27 июня начал отвод войск с львовского выступа. 30 июня Львов был оставлен. В тот же день в наступление перешли венгерские войска (27 июня Венгрия объявила войну СССР). Части противника развернули наступление на луцко-ровенском направлении. Советские части начали быстрый отход за р. Днестр и к середине июля вышли на рубеж Житомир, Бердичев, Каменец-Подольский и Могилев-Подольский.

30 июня Кирпонос получил приказ из Ставки к 9 июля отвести войска на линию укреплений на старой государственной границе СССР. Войскам фронта предстояло проделать 200-км марш по забитым беженцами дорогам, отбивая атаки наседающего противника. Однако и на новых позициях остановить противника не удалось. После тяжелейшего двухдневного боя с частями 5-й армии и группой полковника Бланка, танковая группа Клейста прорвала 7 июля Новоград-Волынский укрепрайон и 9 июля овладела Житомиром. Лишь 11 июля немецкие танки удалось остановить на подступах к киевскому укрепрайону, в чём огромную роль сыграли киевские ополченцы. Части 16-го и 15-го мехкорпусов сдерживали противника в районе Бердичева.

2 июля в наступление перешли 11-я немецкая, 3 и 4-я румынские армии. Их целью была советская Молдавия, а в стратегическом плане, при удачно складывающихся обстоятельствах — создание угрозы охвата с обоих флангов объединений Юго-Западного фронта. Однако отсутствие мощных танковых соединений (румыны имели всего 60 танков, а немцы в этом районе не имели их вообще) не позволило врагу добиться серьёзных успехов. Удачно действовала против врага и Дунайская военная флотилия, а в прибрежной полосе оперативные соединения Черноморского флота. В результате контрудара трёх корпусов 9-й армии Южного фронта 8 июля враг остановился и перешёл к обороне⁵².

В ходе приграничного сражения Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта потеряли 241 594 человека, в том числе 172 323 безвозвратно⁵³, 4381 танк, 5806 орудий и миномётов, 1218 боевых самолётов⁵⁴.

В общей сложности в Приграничных сражениях приняли участие 170 советских дивизий, из которых 28 были полностью уничтожены. Потери трёх фронтов (Западного, Северо-Западного, и Юго-Западного) составили около 600 тыс. человек, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и миномётов⁵⁵. Была потеряна Литва, Латвия,

почти вся Белоруссия, значительная часть Молдавии, Украины и Эстонии. Около 23 млн. советских граждан осталось на оккупированной территории.

Оценочные потери противника к 10 июля составили 79 058 человек, 1061 орудий и миномётов, 826 самолётов и 350 танков, однако немцы смогли быстро восполнить их. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой⁵⁶.

Хотя советские войска понесли тяжелое поражение, июнь 1941-го года явил миру немало примеров подлинного героизма и самопожертвования советских солдат. Подвиг гарнизонов Брестской крепости, Минска, Либава навсегда останутся яркими страницами борьбы советского народа с фашистской агрессией. Своей борьбой войска приграничных округов позволили советскому верховному командованию выиграть драгоценное время для подтягивания к фронту дополнительных сил из внутренних районов СССР, которые, сходу вступая в бой с противником, продолжали замедлять темпы его продвижения вперед.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном — на 450–600 км, в юго-западном — на 300–350 км, захватили почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Над страной нависла смертельная опасность.

***

Со стратегической точки зрения по существу повторилось то, что удалось осуществить вермахту в 1940 г. в Западной Европе, а затем, в конце 1941 — начале 1942 г. — японским войскам на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, однако, территория Соединенных Штатов оставалась вне досягаемости противника.

Советское руководство прилагало максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Все для фронта, все для победы» — такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля. В нем выражалась уверенность, что справедливая борьба советского народа за свободу своего Отечества завершится разгромом агрессоров, «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».

23 июня была образована Ставка Главного Командования (с 10 июля Ставка Верховного Командования, с 8 августа — Ставка Верховного Главнокомандования) — высший орган стратегического руководства вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Обороны (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верхов-

ным Главнокомандующим вооруженными силами СССР (с 8 августа) был назначен И. В. Сталин. На восток в срочном порядке производилась переброска из угрожаемых районов промышленных предприятий и рабочего персонала с семьями, чем руководил созданный 24 июня Совет по эвакуации.

По предложению маршала Б. М. Шапошникова 25 июня 1941 г. Ставка Главного Командования приказала отвести советские войска на линию старых УРОВ. Однако эта линия (так называемая «линия Сталина») не представляла из себя к 1941 году полностью подготовленного оборонительного рубежа. Зато движение к «линии старых УРОВ» стало, как отмечает историк В. Мартов, девизом отступавших советских войск, их главной надеждой — надеждой, которой не суждено было сбыться⁵⁷.

Был отдан также приказ о формировании группы армий резерва Главного Командования (командующий — маршал С. М. Буденный, член Военного Совета — Г. М. Маленков, начштаба — генерал-майор А. П. Покровский):

22-я Армия (штаб с 24.06 — Великие Луки): два стрелковых корпуса — 62-й и 51-й;

20-я Армия (штаб с 25.06 — Смоленск): четыре стрелковых корпуса — 61-й, 69-й, 20-й и 41-й;

21-я Армия (Чернигов): пять стрелковых корпусов — 66-й, 63-й, 45-й, 30-й и 33-й

19-я Армия (Черкассы): три стрелковых корпуса — 34-й, 25-й и 67-й и 25-й мехкорпус

Задача группе армий ставилась следующая — приступить к обустройству оборонительного рубежа по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга.⁵⁸

Однако эта задача оказалась во многом неразрешимой из-за быстрого выхода немцев к указанной линии, запоздалого и разрозненного (по частям) подхода советских соединений к фронту.

Уже 16 июля 1941 года Государственный Комитет обороны принял решение о строительстве оборонительного рубежа на дальних подступах к Москве — Можайской линии обороны протяженностью 230 километров. Она простиралась с севера на юг от Московского моря, западнее Волоколамска и Можайска, до слияния Угры с Окой и должна была включать в себя 3 оборонительные полосы — главную и 2 тыловые. Общая глубина оборонительного рубежа должна была составить 120–130 километров. Главная полоса включала Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, а несколько позже и Калужский укрепленные районы. К строительству Можайского оборонительного рубежа широко привлекались трудящиеся Москвы и Московской области, а также сформированные в начале июля дивизии народного ополчения. Однако к моменту выхода немецко-фашистских войск к данному району строительство было еще только в самом разгаре. В четырех укрепленных районах Можайской линии обороны было сооружено 296 дотов из 760, намеченных. Только наполовину был выполнен

план по созданию противотанковых рвов. Не удалось осуществить и задание по сооружению эскарпов и проволочных заграждений.⁵⁹

Понимание всей тяжести предстоящей борьбы с опытейшим врагом, необходимость экстренных мер по подготовке и обучению новых частей, взамен уничтоженных в приграничных боях, присутствовало у ответственных военачальников на фронте. Беда заключалась в том, что времени для мероприятий, связанных с повышением боеспособности свежих или выведенных в тыл подразделений, не было. При первой возможности ими затыкали вновь образованные бреши, создаваемые наступающим противником. Опыт первых боев вынуждал командующих издавать распоряжения, касающиеся корректировки организационных, боевых, дисциплинарных и идеологических установок перед тем, как войска вступят в бой. 8 июля 1941 г. генерал-майор Коробков (который в тот же день был отстранен от командования армией, а на следующий день арестован), на основании ранее полученных указаний из штаба фронта, предписывал: «...В районах формирования немедленно приступить к организации обороны... Создать в каждом полку и батальоне отряды и группы истребителей танков, которые вооружить связками гранат, бутылками с горючей жидкостью, минами и усиливать их противотанковыми пушками. Действия истребительных отрядов должны быть смелыми и решительными, нападая на танки главным образом из засад... [своеобразные мобильные отряды ПТО, создаваемые исходя из печального опыта быстрого прорыва германских танков. — М. М.]. Научить бойца, отделение и подразделение окапываться, маскироваться под огнем и вести упорный бой в обороне с мотопехотой противника, наступающей с ВВС и танками... пехоту отделять от танков и уничтожать...» Все эти установки, безусловно, были правильными, но вот своевременными их отнюдь не назовешь, активно учить бойца и подразделение обороняться нужно было до войны. Далее Коробков говорил о необходимости «Резко поднять дисциплину во всех подразделениях и частях... Поднять боевой дух и укрепить упорство и стойкость в бою среди всех звеньев личного состава. Еще больше разжечь ненависть против фашизма, провокационно напавшего на Советский Союз. Уяснить всем составом, что боец и командир, покинувший свои позиции самовольно, и лица, сеющие панику на фронте и в тылу, есть изменники Родины и подлежат судебной ответственности вплоть до расстрела...»⁶⁰ Комментарии здесь излишни, добавим, что предписания Коробкова появились раньше приказа Ставки № 270, подписанного Сталиным и содержащего сходные положения. (Речь Сталина от 3 июля 1941 г. предписывалось изучать на политзанятиях, наряду с изучением фактов из боевой деятельности подразделений).

Ставка принимала самые жесткие меры по борьбе с паникерами и трусами, оставляющими свои

позиции, бегущими в тыл или сдающимися в плен. 16 августа вышел знаменитый приказ Ставки № 270, в котором, в частности говорилось: «...1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам...»⁶¹. (Текст приказа см. Док. № 1)

Еще до снятия со своего поста генерала Д. Г. Павлова на его Западном фронте стали создавать заградительные отряды (численностью до батальона, на расстоянии нескольких километров от фронта), в задачу которых входило: сбор и организация в боевые подразделения беспорядочно отходивших или бегущих с позиций солдат, отправка их обратно на передовую, пресечение паники, передача под следствие подозрительных лиц, борьба с возможными десантами противника, создание укрепленных рубежей и т. п.

В своем приказе (не позднее 25 июня 1941 г.) Павлов писал:

«...Для охраны порядка на путях движения и ликвидации отдельных диверсионных групп — ПРИКАЗЫВАЮ:

1. На всех путях войсковых, артиллерийских и фронтовых тылов выставить заградительные отряды.
2. В войсковых и армейских тылах заград. отряды выставить распоряжением Командующих армий. Состав отрядов определить командующим армий с обязательным включением в них представителей третьих отделов и отделений армии, корпусов, дивизий и местных органов НКВД... Минскому ОВК сформировать из добровольцев не поднимаемых возрастов, преимущественно членов ВКП(б) и комсомольцев 20 отрядов, численностью 50 человек...

Формирование отрядов начать немедленно и закончить к утру 26.6.41 г.»⁶³.

Заметим, что заградотряды летом 1941 г. формировались и на других фронтах, в частности на фронте генерала Еременко, и происходило это примерно за год до приказа Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., вводившего в армии наряду со штрафными подразделениями и заградительные отряды. Интересно привести данные из оперативной сводки начальника войск НКВД УССР и охраны войскового тыла Юго-Западного фронта (ЮЗФ) полковника Рогатина Военному Совету ЮЗФ о работе заградительных отрядов на дорогах и подступах к Киеву с 5 по 12 июля 1941 г.

За это время было задержано из числа среднего начсостава 80 чел.; младшего — 237; красноармейцев — 2498; гражданских лиц — 4728, и многие сотни единиц техники. Органами военной прокуратуры, куда передавались подозрительные лица из района Киева и других мест, где работали заградотряды за период с 9 по 12 июля было осуждено «за агитацию и другие контрреволюционные преступления к расстрелу — 15 чел., к лишению свободы — 7 чел. За уклонение от мобилизации — к расстрелу — 4 чел., к лишению свободы — 4 чел...»⁶³.

Чрезвычайно жесткие и даже жестокие меры по укреплению стойкости войск принимали по своей инициативе и многие военачальники на фронте. Так, упомянутый выше генерал А. И. Еременко (в то время зам. командующего Западным фронтом) будучи в расположении 22-й армии, отражавшей удар германских танковых и армейских корпусов в направлении Полоцк, Невель, Великие Луки, доносил 6 июля 1941 г. С. К. Тимошенко и Генштабу РККА о критическом положении в 51-м стрелковом корпусе (ск) и преступном поведении командира 166-го стрелкового полка (сп). Он, в частности, писал, что лично остановил бегство полка, «руководил боем и воспитывал генералов, чтобы они не боялись огня». «Я приказал им и сам лично участвовал в контратаке (51 ск. — М. М.), и все обошлось благополучно, а генералов обстрелял». Еременко, кстати, был тогда контужен. В документе есть и другая информация: «Подлого труса бывшего командира 166 сп майора Заимулина, который первым оставил свой командный пункт и удрал на 15 км в тыл, я расстрелял в присутствии собранного остатка полка. Командира 98-й сд генерал-майора Гаврилова... я с должности отстранил и дело о нем передал в трибунал... Командира 51 ск генерал-майора Маскова... крепко предупредил...»⁶⁴. Добавим, что в своих послевоенных мемуарах, вышедших в 1965 г., Еременко упомянул лишь о снятии им командира 166 сп, и что эта часть в дальнейшем — при новом волевом руководстве — мужественно держала устойчивую оборону⁶⁵.

Но все предпринимаемые меры с целью остановить и отбросить врага пока не давали желаемых результатов. Красная Армия отступала. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецко-фашистских войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов с боями оставили Киев, Одессу, затем западные районы Донбасса. Противник ворвался в Крым, подошел вплотную к Севастополю, в ноябре достиг Ростова-на-Дону.

Потери советских войск были огромны. Ориентировочно уже в первый месяц войны потери составили 1 млн человек, из них убитыми и умершими

от ран 300 тыс., 700 тыс. пленными. В сентябре на Левобережной Украине попали в плен 650 тыс. человек и позднее в боях под Брянском и Вязмой еще 600 тыс. С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия и Военно-Морской Флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3138 тыс. человек; ранеными, контуженными, заболевшими 1336 тыс. человек; лишились более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов. Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн кв. км, что в три раза больше, чем территория Франции⁶⁶.

Но, отступая, часто в беспорядке и с большими потерями, Красная Армия, тем не менее, срывала важнейшую установку плана «Барбаросса»: уничтожить советские войска ударами танковых клиньев, не допустить отхода русских армий вглубь территории страны.

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой почти неизбежные ошибки. Однако постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч людей участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах. Только в Подмосковье в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий. Это лишало врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5–8,5 км в сутки. Еще в сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре — у Ростова-на-Дону, а в начале декабря — под Москвой.

***

На крайнем северном фланге советско-германского фронта в конце июня месяца перешла в наступление немецкая армия «Норвегия». Ее главной целью был незамерзающий порт Мурманск. В целом, замысел немецкого командования заключался в нанесении ударов по трем направлениям: на северном объектом захвата должен был стать Мурманск, на центральном — город Кандалакша Мурманской области, на южном — поселок Лоухи Карело-Финской ССР. В случае успеха в руки противника попал бы советский незамерзающий порт на Баренцевом море — Мурманск. Кроме того, наступавшие на Кандалакшу и Лоухи силы противника отрезали бы Кольский

полуостров от остальной территории страны и, выйдя на побережье Кандалакшской губы, создали бы дополнительную угрозу Архангельску (замерзающему порту). Вместе с Мурманском должен был быть захвачен и город Полярный — база Северного флота.

Этим планам не суждено было сбыться. Поскольку до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами, 14-я армия (командующий генерал-лейтенант В. А. Фролов) и Северный флот (командующий — контр-адмирал А. Г. Головкин) имели больше времени на подготовку и не были застигнуты врасплох. Кроме того, поскольку данный фронт изначально не считался приоритетным, немецкое командование выделяло ему меньше сил, и, хотя превосходство немецкой армии «Норвегия» (в дальнейшем была известна как «Лапландия» и 20-я горная армия) над советской стороной было обеспечено, обороняющиеся, мобилизовав все свои ресурсы, сумели выстоять.

Начав сухопутное наступление на Мурманск силами горнострелкового корпуса «Норвегия» (2 горнострелковых дивизии), немцы отеснили подразделения 14-й армии с рубежа на реке Титовка, но так и не смогли преодолеть организованный сразу за ним рубеж на реке Большая Западная Лица.

Кроме того, немцам не удалось занять полуострова Средний и Рыбачий, прикрывавшие вход в Кольский залив, на берегу которого расположен Мурманск. Подразделения 23-го укрепрайона под командованием полковника М. К. Пашковского, сумели организовать успешную оборону с использованием особенностей сложного рельефа и не пропустили немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачью и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на Западной Лице. Артиллерийское прикрытие Северного флота было особенно важно в условиях нехватки у сухопутных сил боеприпасов для артиллерии. Успех обороны на речном рубеже был во многом обусловлен и тем, что защитники 23-го УР выиграли время для подготовки позиций в районе Большой Западной Лицы.

Стоит отметить, что Северный флот — на тот период самый молодой в Вооруженных Силах СССР — выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре. Его корабли выходили в море с целью нарушения перевозок стратегического сырья для германской промышленности, обеспечения советских воинских и народнохозяйственных перевозок. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации доставки грузов в СССР из Англии и США.

Пытаясь усилить натиск на Мурманск, немцы перебросили на север часть подразделений с кандалакшского направления, где безуспешно действовали

дивизия СС «Норд», 169-я пехотная дивизия, финская 6-я пехотная дивизия и 2 финских егерских батальона, однако наступления, предпринятые 12 июля и 8 сентября, также захлебнулись.

С 11 сентября по 18 октября в воздушной обороне Мурманска участвовало и 151-е авиакрыло британских Королевских ВВС (24 истребителя «Харрикейн»), сбившее и повредившее не менее 16 самолетов противника (еще 30 июля британская авиация бомбила Киркенес и Петсамо, однако эффект той операции был в большей степени морально-политическим).

По итогам стратегической оборонительной операции в Заполярье и Карелии (29 июня — 10 октября 1941 г.) безвозвратные потери советской стороны составили 67 265 чел⁶⁷. Потери немецкой и финской сторон в совокупности составили порядка 67 тыс. чел⁶⁸.

Защитники Заполярья сумели сохранить за Советским Союзом возможность поддерживать связь с внешним миром через северные порты, что было жизненно необходимо в условиях, когда порты Балтийского и Черного моря были захвачены или блокированы противником.

В результате успешных оборонительных действий 14-й армии и Северного флота в 1941 г. немцы заняли только небольшую часть советской территории, не сумев добиться большего в последующие три года.

***

Активные боевые действия между советскими и финско-немецкими войсками вскоре после начала войны развернулись в Советской Карелии. К началу Великой Отечественной войны Финляндия полностью отмобилизовала свои войска и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности, Финляндия для предстоящих боевых действий выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Кроме того, как уже было сказано выше, в северной Финляндии была сосредоточена немецкая армия «Норвегия». В общей сложности вражеская группировка состояла из 21,5 дивизий (из них 17,5 финских) и насчитывала 407 440 человек, 3084 орудия, 192 танка и 424 самолета⁶⁹.

В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14, 7 и 23-я армии Ленинградского военного округа. В общей сложности округ имел в своем составе 426 человек, 9589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации⁷⁰.

В день начала агрессии против Советского Союза, 22 июня 1941 г., Гитлер в своем обращении к немецкому народу дал недвусмысленно понять, что Германия выступает «в союзе с финскими товарищами». Сразу вслед за этим немецкие воздушные силы, базирующиеся в Финляндии, начали установ-

ку мин неподалеку от советских военно-морских баз. Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. Используя этот предлог, Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт (командующий — генерал-лейтенант М. М. Попов).

Финские и немецкие части перешли в наступление в Северной Карелии в начале июля 1941 г. Наступление велось на кандалакшинском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью противника было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск с Петрозаводском. С боями финны и немцы смогли продвинуться на 75–150 км, заняв населенные пункты Реболы, Алакурти, Куоляярви и ряд других, но в августе-сентябре 1941 г. были остановлены на всех направлениях и больше продвинуться не смогли.

Главный удар финская армия нанесла на петрозаводском направлении. Развернутая здесь армия «Карелия» в составе 6,5 дивизии, насчитывала свыше 100 тысяч человек. Ей противостояли три дивизии 7-й армии генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко. 10 июля началось генеральное наступление финнов. Советские войска оказывали упорное сопротивление, но под нажимом превосходящих сил противника отходили. 23 августа Северный фронт был разделён на Карельский и Ленинградский фронты. К началу сентября финны были уже в 40 км от Петрозаводска и достигли р. Свирь в районе Лодейного Поля. 24 сентября 7-я армия была выведена из подчинения Карельского фронта и подчинена непосредственно Ставке. Командующим армией был назначен генерал армии К. А. Мерецков. К этому времени финские войска вышли к Онежскому озеру и охватили Петрозаводск с севера и запада. Бои за город продолжались до начала октября, финны заняли его лишь 3 октября.

Продолжая наступать, финские войска форсировали Свирь, но контрудар 7-й армии позволил стабилизировать обстановку. Понеся большие потери, к концу октября финские войска на Свири и действующая здесь 163-я немецкая дивизия перешли к обороне. Таким образом, план создать второе кольцо окружения вокруг Ленинграда был сорван советскими войсками. Севернее Петрозаводска финны продолжали наступать до декабря 1941 г., но после захвата Медвежьегорска они были остановлены западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Финское наступление на Карельском перешейке началось 10 июля 1941 г. В ходе ожесточенных боев советская 23-я армия генерала П. С. Пшенникова, несмотря на превосходство в танках и артиллерии, а также поддержку Балтийского флота, понесла серьезное поражение и отступала. Прижатые к северо-западному берегу Ладоги советские части были эвакуированы кораблями Ладожской военной фло-

тилии 12–22 августа, а остальные дивизии отходили к старой государственной границе. Советские войска пытались организовывать контрудары, однако из-за плохой организации они не достигали своей цели. Упорные бои шли на Выборгском направлении, но 29 августа финны всё же заняли Выборг. 1 сентября потрепанные части 23-й армии заняли укрепления на старой государственной границе. В начале сентября финны заняли пос. Белоостров, но вскоре были выбиты оттуда советскими подразделениями. После этого интенсивность боевых действий на этом участке фронта резко снизилась, и такое положение оставалось до лета 1944 г⁷¹.

В ходе оборонительных боёв в Карелии и Заполярье советские войска понесли значительные потери и были вынуждены отступать. Но на северных рубежах Советского Союза агрессоры добились наименьших успехов и к осени 1941 года были остановлены почти на всех направлениях.

***

В июле-сентябре 1941 г. на главном направлении немецкого наступления — московском разыгралось ожесточенное сражение, имевшее одно из решающих значений в срыве блицкрига. По названию города, вокруг которого шли кровопролитные схватки и который считался ключом к столице, — оно получило название Смоленское. Но театр боевых действий был намного обширнее и покрывал огромное пространство, простиравшееся с севера на юг и с запада на восток на сотни километров.

Несмотря на упорные бои на реке Березина, вдоль шоссе Минск — Москва, героизм советских воинов, в т.ч. курсантов военных училищ при защите города Борисова, контрудары в районе Орши, подвижные войска группы армий «Центр» — дивизии 2-й и 3-й танковых групп и передовые соединения 9-й и 2-й полевых армий вышли к 10 июля на Днепр и Западную Двину и в ряде мест сумели форсировать их. Основные силы этих армий, задержанные сражениями в Белоруссии, отстали от подвижных войск на 120–150 км. Тем не менее, к началу наступления на Смоленск развернувшиеся немецкие войска превосходили войска Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах в 2 раза, а в танках в 4 раза. С 10 по 20 июля они прорвали оборону Западного фронта, продвинулись вперед до 200 км, окружили Могилев, захватили Оршу, Смоленск, Ельню, Кричев. 19, 16 и 20-я советские армии оказались в сложнейшем положении. В это время на левом крыле Западного фронта вела наступление на бобруйском направлении 21-я армия. Она освободила гг. Рогачев и Жлобин и сковала на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепра и Березины.

Рассмотрим более подробно, как развивались события в те жаркие июльские дни 1941 года. Обратимся, прежде всего, к замыслам и действиям германского командования.

Прорваться с ходу на Москву группа армий «Центр», имевшая мощные танковые группы Гудериана и Гота не смогла. Несмотря на то, что советские войска понесли большие потери, немецкое наступление в дальнейшем стало проходить не столь гладко, как на то рассчитывали германские генералы. В середине июля части вермахта вышли к Смоленску, где завязались ожесточенные бои с 16-й (командующий генерал-лейтенант М. Ф. Лукин), 19-й (командующий генерал-лейтенант И. С. Конев) и 20-й (командующий генерал-лейтенант П. А. Курочкин) армиями Западного фронта. ГА «Север» вынуждена была приостановить наступление, встретив упорное сопротивление советских войск на Лужском рубеже обороны. Левый фланг ГА «Юг» завяз в боях с 26-й (командующий генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко) и 5-й (командующий генерал-майор танковых войск М. И. Потапов) армиями на линиях Коростеньского и Киевского укрепрайонов⁷².

Командование ГА «Центр», желало обезопасить себя от неожиданностей в ходе дальнейшего наступления. 13 июля 1941 г. фон Бок телеграфировал главнокомандующему сухопутными войсками В. Браухичу, что намеревается сосредоточить все усилия для того, чтобы разбить отходящие за Днепр войска противника и не дать им возможность организовать новое сопротивление. Поэтому он предлагал сначала «всеми силами овладеть районом восточнее Смоленска».⁷³

16 июля передовые части Гудериана ворвались в южную часть Смоленска, а накануне соединения Гота вышли северо-восточнее Смоленска, к автостраде Минск-Москва. Завязались упорные бои за город, захват которого означал, кроме того, и новое крупное окружение войск Западного фронта. Одновременно с попытками овладеть Смоленском соединения 2-й и 3-й танковых групп стремились развить наступление к востоку от него, чтобы осуществить еще более глубокий охват советских войск. Этот охват удался, но полностью замкнуть кольцо за силами Красной Армии, действующими восточнее Смоленска у немцев не получилось, — в распоряжении советского командования оставался небольшой коридор с переправой на Днепре у Соловьева. Тем не менее, в районе западнее Смоленска части вермахта пленили 310 тыс. солдат и офицеров РККА. Ставке ВГК пришлось вводить в действие на западном стратегическом направлении третий наспех сформированный эшелон войск, который составили 29-я, 30-я, 24-я, 28-я, 31-я и 32-я армии образовавшие новый Резервный фронт. Его возглавил 30 июля генерал армии Г. К. Жуков⁷⁴.

Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством противника, который получал все новые подкрепления. По данным разведотдела штаба 2-й армии на 19 июля 1941 г. перед фронтом ГА «Центр» войсковой разведкой были выявлены части — 123-х стрелковых дивизий, 24-х танковых

дивизий, 10-ти танковых бригад, 3-х кавалерийских дивизий Красной Армии. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт — «Смоленские ворота», русские бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжения силы...» Отмечалась переброска советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза. Перед фронтом ГА «Центр» было выявлено около 20-ти вновь сформированных с начала июля дивизий, в отдельных случаях состоящих почти целиком из только что призванных запасников⁷⁵. Все это никак не увязывалось с расчетами немецкого командования решить исход кампании до линии Днепр-Двина. Группа фон Бока продвинулась до этого рубежа, но пока о крахе советской обороны не могло быть и речи. Командующие германскими соединениями столкнулись с активным противодействием сил Красной Армии как на основном фронте, так и у себя в тылу. Линии коммуникаций германских соединений подвергались постоянным атакам выходивших из окружения советских подразделений. Немецкие танки совершали вынужденные остановки из-за отсутствия горючего и запасных частей. Много неприятностей врагу доставляли новые советские бронированные машины, имевшие превосходство над германскими аналогами. В одном из документов штаба Западного фронта, адресованном начальникам штабов армий, прямо говорилось, что «танки противника с нашими Т-34 и КВ в бой не вступают». От командиров на фронте требовалось действовать смелее, так как немецкая пехота не выдерживает штыковых атак, решительно перехватывать пути подвоза, пресекать распространение всяческих панических слухов, не бояться вклинения танков в свою оборону, поскольку противник сам оказывается в этом случае окруженный нашими войсками⁷⁶.

Всё это были правильные распоряжения. Беда состояла в том, что выполнить их на практике, в условиях быстрого отступления, отсутствия хорошей связи, а, самое главное, достаточного количества опытных и решительных полевых командиров и подготовленных красноармейцев, было нереально. Опыт приобретался большой кровью.

В тот же период все явственнее обозначался разрыв между вырвавшейся вперед ГА «Центр» и отстающей ГА «Юг». Германским командованием была предпринята попытка решить эту проблему действием части сил 2-й танковой группы и 2-й армии в юго-восточном направлении. Однако разрыв между группами армий в то время устранить было невозможно, — ГА «Центр» была связана боями под Смоленском, а ГА «Юг» ничего не могла поделать с активностью 5-й советской армии Юго-Западного фронта в районе Припятских болот. Фон Бок вынужден был отметить 15 июля 1941 г. в телефонном разговоре командующим сухопутными войсками тот факт, что «на реке Днепр и восточнее ее, в настоящее

время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но исход которого еще совершенно не решен. Не следует, исходя из местной оценки, считать там общее положение слишком легким. Победа еще не одержана...».

Командующий сухопутными войсками вермахта фон Браухич в то же время отмечал: «...Не может быть и речи о дальнейшем продвижении танков на восток, после овладения районом Смоленск. Русские дерутся не так как французы, они не чувствительны на флангах. Поэтому основным является — не овладение пространством, а уничтожение сил русских...»⁷⁷.

Между тем, Гитлер, казалось, решил, что о каком-либо значительном сопротивлении русских в центре фронта речи уже быть не может. Штаб оперативного руководства вооруженных сил Германии по-прежнему рассчитывал на продолжение операций как на флангах советско-германского фронта, так и на московском направлении. Согласно директиве верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) № 33 от 19 июля 1941 г., группе армий «Юг» предстояло уничтожить 12-ю и 6-ю армии противника и совместно с ГА «Центр» разгромить 5-ю армию. ГА «Север» должна была обеспечить стык 18-й армии и 4-й танковой группы и обезопасить свой восточный фланг силами 16-й армии. Многосложная задача стояла перед ГА «Центр» — прикрыть правый фланг ГА «Север»; перерезать дорогу Москва-Ленинград; помочь наступлению ГА «Юг», продвигаясь силами 2-й армии и 2-й танковой группы в юго-восточном направлении; и «осуществлять дальнейшее наступление на Москву силами пехотных соединений.»⁷⁸

23 июля 1941 г. в дополнении к этой директиве, подписанной В. Кейтелем, было указано, что группе армий «Центр» силами пехотных соединений необходимо «разбить противника, расположенного между Смоленском и Москвой и, по возможности, выдвинуть при этом свой левый фланг, овладеть Москвой». 3-ю танковую группу намечалось временно передать в подчинение ГА «Север» с задачей обеспечения правого фланга группировки во время захвата Ленинграда.⁷⁹ Вызывает удивление такое решение верховного командования Германии: бои под Смоленском были в самом разгаре, немцы несли значительные потери как в людях, так и в технике. В этих условиях ставить задачу прорваться к советской столице только пехотными соединениями было, по меньшей мере, самонадеянно. Ослабленной ГА «Центр» это было вряд ли под силу. Фон Бок указывал Браухичу в разговоре по телефону 26 июля: «русские «обтягивают» весь фронт группы армий и везде готовы к бою...»⁸⁰. Безостановочное наступление на Москву по этой причине становилось невозможным.

С 21 июля по 7 августа на Западном направлении советское командование провело контр наступление, использовав для этой цели 14 дивизий Фронта резервных армий. Были созданы пять армейских оперативных групп (24, 28, 29, 30-й армий и оперативная

группа генерал-майора К. К. Рокоссовского), переданные с состав Западного фронта. В ходе боевых действий образовались два основных очага борьбы, один — в районе Смоленска, Ельни, другой — на реке Сож и в междуречье Днепра и Березины. По этой причине из двух армий левого крыла Западного фронта (13-я 21-я армии) и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был образован Центральный фронт под командованием генерал-полковника Ф. И. Кузнецова (с 5 августа — генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова). И хотя советские войска не смогли разгромить смоленскую группировку противника, они сорвали возможность продвижения группы армий «Центр» на Москву. 30 июля ее войска были вынуждены перейти к обороне.

Новое решение ОКВ, обозначенное в новой директиве № 34 от 30 июля 1941 г. предусматривало следующее: приостановить наступление ГА «Центр»: 3-ю танковую группу не разрешалось вводить в бой, 2-я и 3-я танковые группы должны были получить пополнение⁸¹. Впоследствии Ф. Паулюс отмечал, что ГА «Центр» «не хватало сил для того, чтобы достигнув Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок...»⁸².

Рассматривая планы немецкого командования в период июля-августа 1941 г. академик А. Самсонов делал обобщающий и довольно верный вывод: «смоленское сражение изматывало силы врага и задерживало его на главном стратегическом направлении. Возрастающее сопротивление Красной Армии не только в центре, но и на флангах советско-германского фронта сковывало наступление противника, не допускало его дальнейшего продвижения...»⁸³ Маршал Жуков в своих воспоминаниях отмечал, что оба фланга ГА «Центр» оказались открытыми, что создавало им серьезную угрозу. Без их обеспечения войска группы не могли наступать⁸⁴.

Отметим также, что немедленно возобновив наступление на восток, группа фон Бока могла бы, вероятно, прорвать фронт обороны Красной Армии на отдельных участках и улучшить свое оперативное положение, но выполнить более значительную задачу и сокрушить стратегическую оборону советских войск на западном направлении ей было вряд ли под силу. К концу июля против ее соединений стояли уже свежие советские силы. Приостановка наступления немецких войск на главном стратегическом направлении, которая не означала, однако, снижения накала боев и прекращения контратак советских войск в районе Смоленска, позволила Красной Армии пополнить личным составом поредевшие воинские части, сформировать новые и выдвинуть их (порой плохо вооруженные и недостаточно подготовленные) для укрепления обороны Москвы.

Осуществление планов верховного командования Германии оказалось под вопросом несмотря на все усилия Главного командования сухопутных

войск Германии (ОКХ) и ОКВ. В тексте дополнения к директиве ОКВ № 34, изданном 12 августа 1941 г. говорилось, что только после полной ликвидации угрожающего положения на флангах ГА «Центр» и пополнения танковых групп, будут созданы условия для наступления на Москву. Целью такого наступления было: овладение городом еще до наступления зимы, нарушение работы государственного аппарата и лишение его возможности восстановить вооруженные силы⁸⁵.

Предпосылкой к дальнейшему продвижению ГА «Центр» на восток могло стать успешное завершение уничтожения частей 16-й, и 20-й советских армий, отрезанных в районе севернее и северо-восточнее Смоленска. Однако мужество советских воинов не позволило немецкой армии добиться желаемого результата. Войска Западного фронта под командованием маршала С. К. Тимошенко предприняли энергичные меры по выводу окруженных частей на восток. В результате, основным силам 16-й и 20-й армий удалось переправиться на восточный берег Днепра у Соловьевской переправы и занять там новую линию обороны. Контрудары Красной Армии продолжались с всё возрастающей силой. Ожесточенные бои на этом участке не утихали вплоть до середины сентября 1941 г.

Немецкие войска несли серьезные потери. На начало сентября, в результате непрерывных сражений, боевая численность пехотных подразделений ГА «Центр» снизилась настолько, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах осталось в среднем один, в редких случаях два офицера, 10 унтер-офицеров и 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава⁸⁶. В некоторых танковых дивизиях группы армий (как например в 7-й тд) осталось не более 50 % боеспособных бронированных машин⁸⁷. Но и потери Западного фронта в Смоленском сражении были намного большими, о чем будет сказано ниже.

Проблема флангов наступающей группировки фон Бока в августе 1941 г. выходила на передний план. Не обезопасив их, — невозможно было проводить дальнейшее продвижение на восток. Но устранение, например, угрозы с юга, могло стоить немцам потери темпа на главном — московском направлении. С другой стороны, командование сухопутных войск вермахта не могло не видеть, что выход 2-й танковой группы и 2-й армии во фланг и тыл Юго-Западному фронту (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос) создавал очевидные перспективы разгрома советских армий, обороняющих Киевский укрепрайон и обеспечивал столь необходимый стык ГА «Центр» и «Юг»⁸⁸. Кроме того, быстрое уничтожение советских армий под Киевом давало вермахту шанс сконцентрировать затем основные силы на главном направлении и провести решающее наступление

на Москву еще до наступления морозов. Гитлер это понимал. Поэтому он, при непосредственном участии начальника штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодля, подготовил новую директиву, которая 21 августа 1941 г. была направлена командующему сухопутными войсками. В ней, в частности, говорилось:

«1. Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами...» Только при этих условиях, — указывалось в директиве, — создавались предпосылки и освобождались силы и средства для успешного наступления и уничтожения группы армий Тимошенко, то есть советских войск, прикрывавших Москву⁸⁹.

По сути дела, директива от 21 августа означала признание Гитлером того факта, что концепция молниеносной войны дала глубокую трещину. Однако окончательно отменить наступление на Москву еще в 1941 году он вряд ли бы смог, — большинство генералов на фронте отнеслось бы к такому повороту событий чрезвычайно болезненно.

Советская военная разведка отмечала признаки замешательства, возникшие тогда в высшем германском командовании. В одном из подготовленных ею документов от 24 августа 1941 г., озаглавленном как «Планы и внутривойсковое положение Германии», говорилось, что провал молниеносной войны против СССР германское верховное командование старается оправдать, во-первых, отсрочкой нападения на Советский Союз в связи с войной на Балканах, и, во-вторых, неудовлетворительной работой немецкой разведки в предвоенные годы особенно в отношении истинного количества советских танков и самолетов. Германским руководством «было слабо изучено как внутривойсковое положение страны, так и состояние Красной Армии». Отмечалось, что «зимнюю передышку в затянувшейся войне с СССР немецкое командование предполагает использовать для новой кампании в Средиземном море, а после ее окончания начать вторжение в Англию»⁹⁰.

Последние слова вызывают недоумение: какими, например, силами немцы хотели вторгнуться на Британские острова? Однако здесь для нас важно, прежде всего, упоминание о «зимней передышке», о провале «молниеносной войны».

Но пока ни Ставка, ни Генштаб РККА, ни командование на фронте не намеревались давать немцам хоть какую-нибудь передышку. При любом удачном моменте необходимо было контратаковать врага и попытаться отбросить его на запад. В конце июля-начале сентября 1941 г. фокус наступательной активности советских войск обозначился в районе г. Ельня. Взятие немцами в середине июля этого районного города, который оказался в центре т. н. ельнинского выступа, поначалу не вызвало серьезного беспокойства у начальника Генштаба Г. К. Жукова.

Это направлении, в любом случае, по его мнению, было прикрыто надежно⁹¹. Однако германский прорыв к Ельне сильно взволновал Сталина, он считал, что здесь возник опасный плацдарм для удара на Москву. Кстати, в качестве «передовой линии для дальнейшего продвижения вглубь страны» район Ельни рассматривали тогда и сами немцы. Эту мысль высказал на допросе в советском штабе пленный ефрейтор Ф. Митерман в августе 1941 г.⁹² Жукову и командующему Западным фронтом было поручено отбить Ельню. Уже 22 июля 1941 г. командующий оперативной группы 28-й армии генерал-майор П. Г. Егоров отдал приказ на уничтожение противника, прорвавшегося к городу⁹³. Но боевые действия с окопавшимися германскими частями приняли здесь затяжной характер и продолжались до начала сентября.

В то же время советские войска провели на Западном фронте ряд других наступательных операций с целью предотвратить дальнейший натиск немецких сил на Москву и по возможности разгромить ударные группировки ГА «Центр», нацеленные на советскую столицу.

Не все получалось гладко, советские войска продолжали преследовать неудачи. Так, войска Западного и 24-й и 43-й армий Резервного фронта 16 августа, наряду с ударами в районе Ельни, развернули наступление против духовщинской группировки врага, однако, добиться большого успеха не смогли. С 22 августа советское командование расширило масштабы наступления, стремясь нанести крупное поражение группе армий «Центр» и сорвать ее продвижение в южном направлении. Но и это наступление ни к чему не привело. В то же время, усиленный новыми частями Резервный фронт, который возглавил генерал армии Г. К. Жуков, все же одержал вскоре серьезную победу. К началу сентября ему удалось срезать плацдарм немецких сил, создававший реальную опасность всей обороне Красной Армии на московском направлении.

В период с 30 августа по 8 сентября 24-я армия Резервного фронта под командованием генерал-майора К. И. Ракутина разгромила ельнинскую группировку и заставила ее отступить с оперативного выступа площадью свыше 625 кв. км. Под Ельней родилась и советская гвардия. 18 сентября приказом наркома обороны за массовый героизм и проявленное воинское мастерство в боях под этим городом, первыми в Красной Армии были удостоены звания гвардейских два соединения 24-й армии — 100-я и 127-я стрелковые дивизии, став соответственно 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Этим же приказом в 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии были преобразованы 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

10 сентября Смоленское сражение завершилось. Войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне. Расчеты противника на безостановочное продвижение к Москве были сорваны. Самая сильная группировка немец-

ких войск — группа армий «Центр» — вынуждена была перейти к обороне и отложить на два месяца наступление на московском направлении. Ее потери с начала войны и до конца сентября 1941 г. составили 229 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Смоленское сражение явилось важным этапом в срыве Красной Армией плана «Барбаросса». Но этот успех она оплатила большой кровью. Общие людские потери советских войск в этом сражении составили почти 760 тыс. человек, из которых 486 тыс. (64%) — потери безвозвратные⁹⁴.

***

В августе 1941 г. фланговая угроза ГА «Центр» обострилась, советские войска Юго-Западного фронта не думали уступать врагу столицу Украинской ССР. Гитлер 6 сентября принимает решение, которое должно было решить двойную задачу — уничтожить советские части на южном фланге Восточного фронта и открыть перспективу решающего удара по столице СССР. К моменту завершения приграничных сражений ситуация на Юго-Западном направлении развивалась следующим образом.

Германское командование решило отложить наступление на Москву до тех пор, пока не будет ликвидирована созданная Красной Армией угроза флангам группы армий «Центр», и, прежде всего, ее южному флангу. С этой целью оно 8 августа развернуло на юг 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу. Войска Центрального фронта не выдержали их удара и отступили к юго-востоку, оголив фронт на брянском направлении. Для его прикрытия 16 августа был создан Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Еременко.

19 августа Ставке стало известно о повороте 2-й танковой группы генерала Гудериана в южном направлении. Сознвая угрозу тылу Юго-Западного фронта, она разрешила отвести его войска на левый берег Днепра. Однако столицу Украины Киев (на правом берегу реки) необходимо было удерживать в любом случае. Киев защищали войска, объединенные под командованием 37-й армии генерала А. А. Власова (в будущем печально известного руководителя т. н. «Русской освободительной армии», созданной германским командованием для борьбы с РККА). Кроме того, по реке Десна против 2-й танковой группы разворачивалась советская 40-я армия. К 21 августа соединения противника продвинулись вперед на 120–140 км и глубоко вклинились между Брянским и Центральным фронтами, создав угрозу флангу и тылу действовавшему на киевском направлении Юго-Западному фронту. Но к концу месяца обстановка на время стабилизировалась. Немцам не удалось сходу форсировать Днепр, и они завязли в боях за Киев.

Киевляне готовы были любой ценой отстоять свой любимый город. Тысячи людей вступали в народное ополчение. (В Красную Армию добровольно вступило 200 тыс. чел.). Десятки тысяч людей трудились

на строительстве оборонительных сооружений. Необходимо отметить, что Ставка также не намерена была сдавать город. Еще во время встречи Сталина с посланником Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом в конце июля 1941 г., когда обсуждались важнейшие проблемы организации военной помощи СССР со стороны США, советский лидер заявил, что линия фронта к концу года будет проходить западнее Киева, и город не будет сдан врагу. Сталин мыслил категориями и стратегии, и международной политики, и морального фактора. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняло международное положение СССР в плане падения доверия к возможностям РККА со стороны Великобритании и США, больно ударило по чувствам советских людей (не только украинцев, но и русских, и представителей других национальностей), видевших в Киеве свой город, который не должен пасть на растерзание врагу. Киев нужно было держать. И в этом смысле понятен резкий отказ Сталина прислушиваться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г. К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра, и тем самым эвакуировать город⁹⁵. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, Сталин — более широкого спектра политических и моральных причин. После конфликта между Сталиным и Жуковым по поводу Киева, Жуков был отправлен командовать Резервным фронтом для того, чтобы организовать, в том числе, наступление на плацдарм противника в районе Ельни.

Следует высказать и еще одну критическую мысль относительно нежелания Сталина отводить войска на левый берег Днепра в августе — начале сентября 1941 г. Нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что советский лидер осознавал, что большинство командиров Красной Армии в то время просто не могли осуществлять крупные отступательные операции. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля — начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в Уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет та же участь в случае их отступления за Днепр от столицы Украины, отнюдь не было. Кроме того, отдать врагу Киев означало «самоликвидировать» угрозу флангу группы армий «Центр». В этом случае наступление на Москву Гитлер мог начать уже в конце августа.

Судьба Киева решалась не на позициях Киевского УРа, а южнее и севернее столицы Украины. Группа Гудериана столкнулась с упорной обороной 40-й армии и сильными контратаками с левого фланга войск Брянского фронта. Но с 9 сентября Гудериан перешел в наступление, прорвал оборону 40-й. Контрудары Брянского фронта Еременко, ранее по-

обещавшего Сталину «разбить подлеца Гудериана» к успеху не привели. Между тем еще 31 августа пехотные части 17-й армии Клейста смогли захватить южнее Киева небольшой плацдарм на левом берегу Днепра в районе Кременчуга. 38-я армия пыталась исправить ситуацию, но тщетно. В начале сентября на кременчугский плацдарм была переброшена вся 1-я танковая группа. К северо-востоку от Киева противник занял плацдармы на южном берегу Десны. Ситуация становилась угрожающей. Командование Юго-Западного фронта воочию видело приближающееся окружение и коллапс всей обороны советских войск на этом направлении.

В начале сентября командование Юго-Западного фронта и Генеральный штаб в полную силу забили тревогу. Теперь уже новый начальник Генштаба маршал Б. М. Шапошников и его заместитель генерал А. М. Василевский предложили Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но Сталин оставался при своем мнении — Киев не сдавать! Тот же отказ получили 10 сентября командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос и главком Юго-Западного направления маршал С. М. Буденный (вскоре Буденного на своем посту сменил маршал С. К. Тимошенко).

На новое предложение Кирпоноса отвести войска от Киева, чтобы парировать удар Гудериана, маршал Шапошников в переговорах по прямому проводу со штабом Юго-Западного фронта заметил:

1. Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваше предложение пока преждевременным.
2. Что же касается средств для парирования вылазок п ротивника (*sic!* — М. М.) на Вашем правом фланге, то я предложил Вам свой вариант решения (речь шла о переброске части сил на север с малоугрожаемых участков, о необходимости бить врага авиацией, но не о сдаче Киева. — М. М.). Может быть, Вы найдете иной выход для укрепления правого фланга...»

Кирпонос согласился следовать указаниям Ставки, и можно догадываться, что у него тогда творилось на сердце. «Если наше предложение о КИУРе отпадает, — отвечал он, — другого выхода нет. У меня все.

Шапошников: О КИУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно. Пока все. До свидания.

Кирпонос: Хорошо. Будем выполнять. До свидания»⁹⁶.

Сталин все еще надеялся, что Еременко все-таки удастся прорваться в тыл Гудериану, поэтому он запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

14 сентября в 3 часа 25 минут генерал-майор В. И. Тупиков, начальник штаба Юго-Западного фронта, через голову Кирпоноса обратился к начальнику Генштаба и начальнику штаба Главкома Юго-Западного направления с телеграммой, в которой, охарактере-

ризовав тяжелое положение войск фронта, закончил доклад фразой: «Начало понятной вам катастрофы — дело пары дней». Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. В ответ пришла телеграмма Шапошникова с обвинениями Тупилова в паникерстве следующего содержания:

«Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН.

Генерал-майор Тупилов номером 15614 представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова [21 А] и Потапова [5А] прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина, данные вам 11.9. Б. Шапошников».

Эта телеграмма в последние годы публиковалась неоднократно. Однако рассекреченные недавно документы Архива Министерства обороны позволили нам взглянуть на подлинник документа, подписанный лично Шапошниковым. Оказалось, что в нем зачеркнуты несколько строчек, уточняющих позицию Генштаба РККА, которые Борис Михайлович, очевидно, решил не передавать исходя из особенности момента — необходимости быть жестким и кратким. Кирпонос должен выполнить указания, а все объяснения оставлены на потом. Вот эти строчки: после слов «Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход», Шапошников писал: «Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе»⁹⁷. Вероятней всего, на ту минуту Шапошников был прав. Советские войска слишком затянули с отходом. И еще одна любопытная деталь, обнаружившаяся в рукописном подлиннике телеграммы маршала, в абзаце со словами «Необходимо неуклонно выполнять указания т. Сталина, данные вам 11.9.» были зачеркнуты строки о том, что это указания «Ставки Верховного главнокомандования», и оно было дано «при личном разговоре со Сталиным»⁹⁸. Ушедший в штаб Кирпоноса конечный вариант, пожалуй, четче концентрирует внимание на личности человека, отдавшего распоряжение не оставлять Киев.

В 4 часа утра 15 сентября Кирпонос передал следующую телеграмму Ставке: «Москва. Товарищу Сталину. Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева»⁹⁹. В разговоре по прямому проводу с Главкомом и членом Военного совета Юго-Западного направления, С. К. Тимошенко и Н. С. Хрущевым, около 18.00 15.09.1941 г. Шапошников заметил: «Считаю, что мираж окружения

охватывает, прежде всего, Военный Совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией (А. А. Власова. — М. М.)... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику». Тимошенко и Хрущев были согласны с тем, что командование Юго-Западного фронта пассивно и не организует мощных контрударов по врагу¹⁰⁰.

Но в тот же день, 15 сентября, ожидаемая «катастрофа» свершилась. В районе Лохвицы соединились немецкие части 2-й танковой группы, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма, кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5-й, 26-й и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии; всего 452,7 тыс. чел¹⁰¹. В сцену трагедии 16 сентября был добавлен еще один штрих, когда командующий фронтом Кирпонос не стал сразу исполнять устный приказ Тимошенко (переданный через начальника оперативного управления штаба Юго-Западного фронта И. Х. Баграмяна) на немедленный отход войск, отданный им после переговоров с Москвой. Он помнил предыдущий запрет Сталина на отступление и потребовал письменного подтверждения. Пробыться из кольца стали только на следующий день, но к тому времени возможность сделать это организованно была уже утеряна.

Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября 1941 г. они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября почти в полном составе погибло управление Юго-Западного фронта, в т.ч. генерал Кирпонос. Командующий 5-й армией Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около 15 тыс. чел.). Красная Армия лишилась 28 тыс. орудий, 411 танков и много другого оружия. По немецким источникам в районе Киева было захвачено около 665 тыс. чел¹⁰². По отечественным данным весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. — 531 тыс. чел¹⁰³. Защищая столицу Украины, советские войска понесли тяжелое поражение. Через день после прихода нацистов в Киев оккупационные власти развернули в городе массовые репрессии против мирных граждан, десятки тысяч евреев, подпольщиков и военнопленных были расстреляны в овраге Бабьего яра.

Немецкие передовые части стремились на восток. В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта, 16 октября пала Одесса, 17 октября — Таганрог, 25 октября — Харьков, 2 ноября — блокирован Севастополь. У немецкого командования, казалось, появилась возможность быстро захватить Ростов на Дону и уже к концу года выйти к кавказским сырьевым источникам. В то же время 2-я танковая группа Гудериана (преобразованная

во 2-ю танковую армию) шла усиленным маршем в северо-восточном направлении. Перед ней стояла задача участвовать в захвате Москвы. Таким образом, поражение советских войск под Киевом способствовало выполнению германским командованием главной задачи кампании — овладению советской столицей. Захват Москвы должен был, по сути, означать военное и политическое крушение СССР.

Но сегодня ясно и другое — Гитлер не смог бросить все силы на захват Москвы, не взяв Киева, не обезопасив южный фланг ГА «Центр». Немцы повернули свои войска с главного направления, потеряв при этом время и силы. Благодаря отсрочке наступления на столицу, Советскому Союзу удалось подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но основная масса свежих советских соединений перебрасывалась к Москве и участвовала впоследствии (начиная с конца октября–ноября месяца) в Московской битве. Во многом благодаря этим резервам столица была спасена.

Некоторые современные исследователи отмечают, что войска Юго-Западного фронта с начала сентября в любом случае были обречены на тяжелое поражение¹⁰⁴. Потеря огромного количества войск катастрофическим образом сказалась на всей оборонноспособности Красной Армии. Положение не спас и прибывший на юг с западного направления новый командующий Юго-Западным фронтом маршал С. М. Тимошенко. Вывести из окружения основные силы фронта было уже не в его силах. В брешь, образовавшуюся восточнее Киева, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта. В то же время новым командующим Западным фронтом стал генерал И. С. Конев.

Некоторые детали причин поражения советских войск под Киевом, неудачи прорыва на восток присутствуют в докладе Шапошникову и Тимошенко заместителя начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора Баграмяна. В документе, написанном по свежим следам и под впечатлением от только что перенесенного поражения, 29 сентября 1941 г., Баграмян, в частности отмечал, что в критической обстановке выхода немцев в тыл фронта, генерал-полковник Кирпонос «...принял следующее решение на общий вывод войск из окружающего кольца: 21 армия, отойдя в течение ночи с 17 на 18 сентября на рубеж Брагинцы, Гниденцы, своими главными силами должна была нанести удар в общем направлении на Ромны навстречу удару, предпринимаемому 2-м кавкорпусом с востока в направлении на Ромны.

5-я армия — ... вспомогательный удар на Лохвица.

37-я армия, выведя войска из Киевского УР и создав ударную группировку на Яготин, Пириятин за 5-й армией.

26-я армия — Лубны...

Выводы: Основной причиной окружения 4-х армий фронта и неспособности 5-й и 21-й армий к выходу из окружения, является слишком запоздалое принятие решения на оставление Киева и на выход из окружения. Основным и грозным противником, приведшим к потере частями 21-й и 5-й армиями боеспособности, оказался не столь противник, вышедший в тылы, сколь сильная группа его войск, наступающая с севера против этих армий. Под ударами этой группы 5-я и 21-я армии непрерывно откатывались на юг, все время неся большие потери. Истощение дошло до такого предела, что еще до выхода подвижных групп противника в тыл 21-й и 5-й армий, последние почти полностью потеряли свою боеспособность. Появление же мелких групп мотомехчастей противника в непосредственном тылу наших войск еще в большей степени ускорили темпы их деморализации.

К началу выхода из окружения боеспособность сохранила лишь одна 289 сд, оборонявшая район Пириятин. Из окружения выходила бесформенная и дезорганизованная масса, состоявшая главным образом из тылов»¹⁰⁵.

С этими выводами генерала (впоследствии маршала) Баграмяна будет трудно не согласиться.

***

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград оказался между двух огней. С юго-запада, через Прибалтику, к городу устремилась немецкая группа армий «Север» (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб). С севера и северо-запада на город нацелилась совместно с немецкими войсками финская армия (командующий маршал К.-Г. Маннергейм). Согласно плану «Барбаросса» захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы. Битва за Ленинград стала самой продолжительной в войне — с 10 июля 1941 г. до 9 августа 1944 г. С противником вели борьбу сухопутные войска советских фронтов (в начале войны: Северо-Западного, Ленинградского, Волховского, Карельского), Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской и Онежской флотилий, авиационные части и соединения, сами жители Ленинграда. На стороне противника действовали испанская дивизия, норвежские и шведские «добровольцы».

Уже к 1 июля противник, располагавший большим превосходством в силах, захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. Когда 9 июля был захвачен Псков, возникла непосредственная угроза Ленинграду. Еще 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны (председатель А. А. Жданов). В тот же день сильный удар по советским войскам в двухстах километрах северо-западнее города нанесла финская армия, целью наступления которой являлись Ленинград и Петрозаводск. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева для обороны Лужского рубежа.

Вокруг Ленинграда на дальних и ближних подступах развернулось строительство нескольких полос обороны. 29 июня началась эвакуация из города детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что противник будет остановлен на дальних подступах к городу. Сложная обстановка складывалась на море. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Краснознаменного Балтийского флота перебазировались в Таллин, но как показали последующие события, временно. Самоотверженно защищали дальние подступы к Ленинграду наши пехотинцы, моряки, летчики. Ценой огромных потерь именно они, ведомые своими командирами и комиссарами, остановили наступление противника у стен города. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имела оборона Таллина, Моонзундского архипелага и п-ва Ханко, Лужского рубежа, сражение на ближних подступах к Ленинграду.

Подвиг совершила охрана водного района Пяру во главе с флагманским минером старшим лейтенантом П. Вольским, затопившая 7 июля под огнем противника на входе в порт стоявшие там суда. Этот важный для немецкого командования узел транспортировки и снабжения войск надолго был выведен из строя. Краснознаменный Балтийский Флот (КБФ) оказал огромную помощь в обороне Ленинграда. Несмотря на нарушение системы базирования КБФ с потерей Либавы (Лиепая), Виндавы и Риги, драматической эвакуации сил флота из заблокированного Таллинна и военно-морской базы с полуострова Ханко, Балтийский флот продолжал активные действия. Базируясь в Кронштадте и в устье Невы корабли КБФ наносили артиллерийские удары по наступающим сухопутным частям противника, препятствовали проникновению его надводных и подводных судов в устье Финского залива, помогали отражать своими зенитками воздушные атаки врага, и до конца 1942 г. (пока немцы и финны не перегородили специальными сетями Финский залив), подводные лодки КБФ вели успешные операции на морских коммуникациях противника в Балтийском море.

Наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград началось 10 июля. Противник, нанеся удары с нескольких направлений. 19 августа советские войска оставили Новгород, 20 августа Чудово. Финская армия прорвалась к Карельскому перешейку. Создавалась угроза окружения города. Красная Армия оказывала ожесточенное сопротивление на всех линиях обороны. Героически сражались дивизии народного ополчения. Государственный Комитет Оборона и Ставка Верховного Главнокомандования своими организационными решениями (создание Ленинградского и Карельского фронтов, смена командования, эвакуация населения, промышленных предприятий и другие) стремились укрепить положение города. В конце августа противник возобновил наступление. 31 августа была

перерезана дорога Москва – Ленинград. 8 сентября город был окружен. В кольце блокады оказались более 2,5 млн. гражданского населения, войска Ленинградского фронта. С этого дня сообщение с городом стало возможно только по Ладожскому озеру и по воздуху. Каждый день Ленинград стал подвергаться артиллерийскому обстрелу и каждую ночь — воздушным налетам.

После овладения противником Шлиссельбургом Ленинградскому фронту и 54-й армии Волховского фронта была поставлена задача попытаться сходу прорвать блокаду города на Неве. Наступление 54-й армии началось без предварительной подготовки, что не замедлило сказаться на неудачном исходе операции. Войскам Ленинградского фронта удалось захватить плацдарм на реке Неве, но продолжение удара в районе Синявинских высот наткнулось на ожесточенное сопротивление немцев. Попытка сломить оборону противника в октябре 1941 г., дальнейшего объединения всех сил, действовавших на восточном и западном берегу Невы в районе Московской Дубровки, в составе 8-й армии, ввод в бой коммунистических полков Ленинградского фронта, к сожалению, так и не привел к деблокаде города.

Блокада грозила ещё более страшной трагедией — голодом. 30 августа правительство приняло постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которым предусматривалась доставка в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего, однако осуществить это постановление было крайне трудно. В связи с создавшимся положением в Ленинграде была направлена комиссия во главе с заместителем председателя ГКО В. М. Молотовым. По результатам её работы принимались важные решения. Вот как вспоминает об этом Г. Жуков, вызванный в Кремль из-под Ельни, где он руководил успешной операцией советских войск. «Мы ещё раз обсудили положение с Ленинградом, — сказал Сталин. — Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга... Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом»¹⁰⁶.

Приезд Жукова и принятые им меры укрепили оборону города, но прорвать блокаду не удалось. Ещё 2 сентября пришлось усилить режим экономии продуктов питания. Рабочие и инженеры получали по 600 г. хлеба в день, служащие — 400, иждивенцы и дети — 300 г. 11 сентября норму уменьшили. Хлеб стали выпекать с различными примесями — солодом, жмыхом и т. д. Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км.

Но взять Ленинград с ходу не удалось. Отправка 17 сентября 4-й танковой группы на московское направление для участия в наступлении на советскую столицу, это подтверждала. «Свидетельства, поступавшие с фронта, были верными: немцев остановили. Им нанесли страшный урон, — пишет в своей драматической книге, посвященной блокаде Ленинграда, известный американский журналист Г. Солсбери. — Некоторые немецкие дивизии потеряли две трети личного состава. Но эти потери были несравнимы с потерями тех призрачных дивизий, которые им противостояли. Советские части были обескровлены»¹⁰⁷.

21 сентября Гитлеру представили доклад по вопросу о Ленинграде. На следующий день была утверждена директива «Будущее Петербурга», в которой говорилось:

1. Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После разгрома Советской России существование этого огромного города не будет иметь никакого смысла. Финляндия также сообщила нам, что она не заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с её новыми границами.
2. Прежние требования военно-морского флота сохранить верфи, гавань и военно-морские сооружения известны, однако их выполнение невозможно в связи с главным решением вопроса о Петербурге.
3. Предлагается плотно блокировать город и сравнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха. Если в результате создавшейся в городе обстановки, последуют заявления о сдаче города, они должны быть отклонены...».

Угрожающее положение сложилось с топливом и электроэнергией. Но наиболее тяжелым испытанием стал голод. С 20 ноября 1941 г. были установлены самые низкие нормы выдачи хлеба по карточкам: рабочим и инженерно-техническим работникам — 250 г, служащим, иждивенцам и детям — 125. Частям первой линии и боевым кораблям — 500 г, летно-техническому составу ВВС — 500 г, всем остальным воинским частям — 300.

Началась массовая гибель населения. Только в декабре умерло 53 тыс. человек (больше чем за весь 1940 г.). Однако оборона города на Неве сковывала соединения группы армий «Север», не давала германскому командованию перебросить их на московское направление. В ином случае советскому военному руководству пришлось бы отбиваться от намного более мощных германских сил, обороняя советскую столицу, и в этом случае Москва могла не устоять, что ставило СССР на грань военной катастрофы.

***

Период с середины до конца сентября 1941 г. можно назвать временем относительной стабилизации на западном направлении советско-германского

фронта. Само это понятие не означало окончание кризиса, но появились надежды, что ход войны может в скором времени измениться — подход новых частей РККА перетянет чашу весов в советскую пользу, немцы дрогнут и начнут откатываться на запад. Эти надежды, как может показаться сегодня, были достаточно наивными. Они не учитывали общий ход боевых действий, планы германского командования, остающийся ресурс военной мощи вермахта. Вскоре ГА «Центр» развернула решительное наступление на Москву, и Красная Армия вновь оказалась в критическом положении. Но несколько драгоценных недель для обороны столицы были все же выиграны, и они, безусловно, сказались на последующем ходе не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны.

В конце лета 1941 г. у советского командования Западного направления возникло стремление использовать относительную передышку для обобщения уже накопленного опыта войны, уяснив себе, в чем предвоенные установки оказались верными, в чем ложными. Речь не шла пока о всеохватывающих выводах и заключениях, для этого пока не пришло время, не было и достаточных источников. Однако ряд замечаний был сделан. В этой связи представляются интересными наблюдения по итогам сражений начального периода войны генерал-лейтенанта С. А. Калинина¹⁰⁸, находившегося в августе 1941 г. при штабе Западного фронта.

Генерал-лейтенанту С. А. Калинину, командовавшему до этого войсками 24-й армии, Военным советом Западного фронта было поручено представить доклад по опыту боевых действий первых месяцев войны. 25 сентября такой документ под заглавием «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя», был подготовлен. Естественно, что на тот момент материал составлял военную тайну и был адресован только для высшего командного звена фронта. Документ отражал неприкрытую правду войны. Генерал достаточно четко выделил особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий — организацию ими ударов во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время, Калинин, возможно раньше, чем кто-либо другой в РККА, отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание зарываться далеко вперед. Весьма интересны замечания генерала относительно способов окружения немцами частей Красной Армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Вывод о том, что строевая подготовка РККА должна быть поставлена во главу угла обучения войск, — можно назвать достаточно спорным. Но трудно отрицать тот факт, что многие советские части летом–осенью 1941 г. не проявляли достаточной стойкости в обороне. Естественно, од-

ной строевой выучки для этого мало, но без нее не добиться желаемой сколоченности подразделений, частей и соединений.

В Докладе делается также ряд обобщений стратегического характера. Они обращают на себя особое внимание. Калинин отмечает, в частности ошибки командования Западного и Прибалтийского особых военных округов в выносе развертывания к границе, но в то же время говорит, что было время исправить их в соответствии с «большим, гениальным решением» строить оборону по линии Осташков, Дорогобуж, Рославль, где боеспособные войска РККА были бы сильнее немцев. Необходимо заметить, что такое решение действительно было принято перед самой войной, 21 июня 1941 г., на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Рубеж обороны предполагалось строить вдоль рек Днепр и Десна — от Осташкова на Трубчевск.

Текст документа свидетельствует, что его автор проделал большую статистическую работу, обобщил некоторые данные о потерях Западного фронта (безвозвратных и санитарных). Однако к некоторым выводам генерала следует отнестись чрезвычайно осторожно. Приведенная им цифра о том, что 10% ранений военнослужащих Западного фронта стали результатом самострела — основана, прежде всего, на известном чувстве «недоверия». Случаи членовредительства конечно же имели место в наших войсках (они есть во всех армиях, особенно в тяжелые

времена), но подсчитывать их процент на основе непроверенных и скудных донесений представляется абсолютно не правильным.

Ряд предложений С. Калинина относящиеся к улучшению подготовки войск, ведения боя являются дельными и на тот момент очень своевременными. Сейчас трудно сказать насколько полно ими воспользовалось командование Западного фронта, а в последствии, возможно, и высшее военное руководство страны. Но факты свидетельствуют: некоторые последующие приказы Генштаба и Наркомата обороны содержат те же положения, что и в докладе генерала. Это касается директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и т. д.¹⁰⁹ (Доклад Калинина. См. Док. № 1 в конце статьи)

В конце августа 1941 г. германское командование стало опасаться, что до начала зимы кампания в России не будет завершена, — тем более, что группировка советских войск на московском направлении в августе месяце значительно усилилась. В противоборстве Германии с Советским Союзом наступал новый этап. Немецким генералам было ясно, что о легком продвижении в направлении советской столицы придется забыть. Шел третий месяц войны. В предыдущих боях Красная Армия понесла огромные потери. Но испытания на этом не закончились.

Документ № 1. Доклад генерал-лейтенанта С. А. Калинина военному совету Западного фронта «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя», 25 сентября 1941 г

Военному Совету Западного фронта. 25 сентября 1941 г.

1. Сильные стороны германской армии:

Стойкость в обороне. Даже мелкие группы иногда прочно удерживают местность, применяя маневр по фронту и из глубины. Искусное использование местности, наблюдательных пунктов, способность быстро превращать их в опорные пункты. Хорошее взаимодействие основных родов войск в наступлении. При этом главную роль играют авиация и танки, работающие строго в интересах пехоты, иногда повторяя по несколько раз свою работу по требованию последней. Сильный минометный огонь и, видимо, хорошая обеспеченность минометами, насыщенность автоматического огня.

2. Слабые стороны врага:

Основное, что определяет все рода войск, особенно пехоту, — это боязнь потерь. Явление это резко выражено, оно заставило германское командование отступить от классических форм ведения операции и боя. Но об этом ниже. Неспособность наступления на подготовленную оборону. Это, по видимому, связано с недостатком артиллерии. Боязнь ночных действий, боязнь штыка и, как следствие, не применяют контратак. Небрежность в службе обеспечения, это, по видимому, результат самонения.

3. Как вывод, немецкая тактика и стратегия приспособились к этим конкретным условиям. Наступление ведется на широком фронте, обычно робко, за огневой завесой. Танки также двигаются скачками, ведя с остановок огонь по рубежам. Если нарываються на сопротивление — останавливаются. Иногда делают

повторную попытку, но и эта попытка ведется без настойчивости, обычно достаточно вывести из строя 3–5 танков, чтобы последовал окончательный отказ от наступления в данном направлении. Вообще лобовых атак немцы избегают, излюбленные: фланг-стык.

Зато там, где нет достаточного сопротивления, двигаются в быстром темпе до тех пор, пока не встречаются с сопротивлением. При этом немцы не боятся за фланги и в обнаруженный пустырь продвигают возможно больше сил, с последующем распространением в стороны, чем завершается окружение остающихся в промежутках наших частей. По видимому, немцев не смущает и то обстоятельство, что это движение в пустыри выводит их к цели окружными путями, с затратой значительно большего времени.

4. Примерно с первых чисел августа отчетливо выявилось поведение немцев, которое выражается формулой: стратегически наступать, тактически — обороняться. На всем Западном фронте с начала августа ни разу не было сосредоточения крупных сил и не сделано попытки прорваться на московском направлении по образцам войны 1914–1917 гг. Попытки под Ярцево, Ельней, Брянском не могут равняться ни по сосредоточению войск, ни по настойчивости, ни с одной крупной операцией периода первой мировой войны.

5. Оборона также резко отличается от прошлого. Оборона состоит из отдельных опорных пунктов, занятых небольшим числом бойцов, но с большим сосредоточением огня автоматов и минометов на наиболее важных направлениях с резервами в глубине. Во многих случаях немцы не вели упорной обороны передней полосы, а при появлении наших танков, часто бросали все и убегали, уступая 5–6 км глубины. После чего вступали в дело оставленные в тылу автоматчики «кукушки». Характерным примером является ввод резервов в один или оба фланга, — то, что у нас в военной литературе называлось — «рубить под корень». Обычно сперва появлялась на флангах группа мотоциклистов, и, если уж наш боевой порядок прошел в глубину [обороны противника] и не встретил сопротивления, то немцы занимают старые свои окопчики. Затем появляются танки 10–20 штук, мотопехота. Во многих случаях у нас не оказывалось достаточной глубины, и дело кончалось тем, что к ночи наши выходили из окружения и положение восстанавливалось. Это ловушка в новом издании. Немцы широко применяют ловушки, сознательно заманивая в них, особенно, когда заметили прибытие свежей части — еще не обстрелянной. Иногда заманивают довольно далеко. Я подозреваю, что умышленно бросают кое-что из вооружения, чтобы у наших частей усилилось впечатление о победе, — а на деле настал самый опасный момент.

6. Сила немцев в огне, и они это знают и используют его на всю мощь. Маневрирование огнем поставлено хорошо. В целях корректировки по новому применили показ целей ракетами, тассирующими пулями, «кукушками», оставленными в тылу, и при всем при этом стрельба немцев не является меткой. До штыка дело не доводится. Мы приняли это, как боязнь. В основном, это верно. Но не надо забывать, что это может проявляться сознательно. Известный всем генерал Людендорф в своих воспоминаниях в нескольких местах ругает себя за то, что весь 1914 и 1915 гг. войны они очень много дрались. Не считались с потерями и, тогда он уже рекомендовал, не доводить дело с русскими до штыкового удара, в котором численное превосходство последних в конце концов возьмет верх. Эти его советы, по видимому, восприняты армией.

7. Большую роль во всех видах боя немцы уделили устрашению. Напугать, — исходя из правила: кто испугался, то наполовину побежден. Это отчетливо выявилось во всех приемах боя и даже в конструкции и окраске орудий, танков, самолетов. Для этого выбирается самый подходящий момент, обычно под вечер, когда перипетиями дневного боя нервы накалены, появляются группы самолетов, танков, отдельных автоматчиков на флангах и в тылу, и все это начинает отчаянную стрельбу, часто бесцельную. Спокойные войска могли бы радоваться, видя как зря расходуются снаряды. Однако на уставших в дневном бою это иногда действует плохо. А тут еще случайно или умышленно диверсантами перережут провода, и связь перестает действовать. В такие минуты даже крепкие нервы начинают сдавать.

С целью устрашения немецкая авиация сбрасывала на голову пехоты пустые консервные банки, железнодорожные костыли и гайки, обрубки рельс, иногда применяя пикирование с сильным воем, но не сбрасывая никаких бомб. То же самое, по своему, делали танки. Беспорядочно стреляя по рубежам, подходили к нашей обороне, и если нашими передовыми частями не проявлялось стойкости, тогда танки смело бросались вперед, за ними мотопехота, и все их старание направлялось на нанесение возможно больших потерь. Для устрашения применяется даже такое, на первый взгляд невинное средство, как ракеты. Ночью пускают их с разных мест и в разных направлениях. При этом иногда кричат — «русс — уходи, окружим». Воскрешение азиатской тактики.

8. По ночам, особенно когда замечают признаки подготовки к ночному бою, немцы жгут деревни, переселки, выбрасывают массу осветительных ракет и время от времени открывают огонь из автоматов и минометов.

Окопы роют небрежно. Это яма — пол или три четверти метра глубиной, в которой можно, вытянувшись, лечь. На дне солома, колхозное одеяло или большая шаль, — вот и все. Бруствер совсем не рассчитывается на то, чтобы его не пробила пуля, просто маленькая насыпь — бугорок слегка замаскированный. В местах, где фронт на несколько дней стабилизировался, находили окопы полного профиля

с козырьками, минированные поля, заранее подготовленные проволочные заграждения... использовались танки свои и захваченные наши, как «ДОТы»... но все это на главных направлениях, — сплошного фронта нет. Минометы располагаются обычно непосредственно за домом, сараем, за группой деревьев, в овраге. Обнаружить их является весьма трудным делом. Обычная картина — огня много, а откуда он ведется не видно, целей нет. Наша артиллерия вынуждена стрелять по площадям. Нет целей для авиационной бомбардировки. Однако такой порядок в большинстве оказывался устойчивым. Требуется хорошая организация наступления, чтобы проломить его.

Вывод:

Немецкая армия искусно ведет ближний бой, сознавая, что в массовом огне их главная сила. В основном германская армия продолжает верить в свое превосходство. В плен сдаются, когда некуда деться. Дерутся упорно, применяя маневр. Когда имеют успех — смело его используют, а в обороне сами очень чувствительны к флангам и тылу. Как только создалась угроза — уходят, не дожидаясь окружения. Быстрота маневра, по видимому, результат доктрины. Надо думать, что все делается по частному почину, в том числе и частичный отход. Но есть уже признаки боязни зарываться вперед. Было много случаев, когда немцы останавливались перед призраком. Появляется осторожность, а за ней следует бессилие и страх. Это и будет момент заката славы германской армии.

Войска Западного фронта:

1. Сильные стороны: преданность Социалистической Родине, безоговорочное доверие советской власти и высокая сознательность. Эти чудесные качества выявились положительно во всех родах войск. Массовые случаи невиданного героизма, самопожертвования. Бой в окружении, бой в тылу врага, выход целых частей, групп и одиночных бойцов из окружения. Отрезанные группы бойцов не складывают оружия, а иногда целыми месяцами пробиваются к своим, продолжая священную войну в тылу. Ничего подобного не знала старая армия.

Сильная артиллерия, — она не раз срывала наступление противника. Сейчас нет возможности установить точно, но вероятно, две трети всех потерь немцы несут от огня нашей артиллерии. Храбрость пехоты и, особенно, старшего звена начсостава. Редки случаи, когда он покидал поле боя после первого ранения. Ожесточенно дерется пехота, это подтверждает тот факт, что более 70% потерь падает на тяжело раненых. Упорство в обороне. Хорошее использование местности, умелая маскировка. Все это заставляет немцев идти ощупью, выбрасывать массу металла зря, по площадям, при этом часто никем не занятым.

2. Слабые стороны: на них я вынужден остановиться с большей подробностью для того, чтобы многие недостатки исправить в ходе войны.

Из всех видов боевой подготовки наиболее слабой оказалась строевая выучка. Наши программы мирного времени да и уставы явно недооценивали значения строевой подготовки. Ее роль на войне значительно выше, чем мы предполагали. Мы много лишних потерь понесли, много упустили возможностей из-за недостаточной строевой выучки, строевой дисциплины.

На всем театре Западного фронта я ни разу не видел движения колонны в ногу. Обычно часть в походе представляет собой гнусную картину. Вместо строя — толпа, никем не управляемая... При появлении даже отдельных самолетов колонна самостоятельно разбегается... сбор идет медленно и не на свои места...

Мы допустили очень большую погрешность, много умничали, выдумывали хитрые вещи, а таких средств управления, как свисток — забыли... О дисциплине у нас говорит каждый школьник, каждый боец понимает ее необходимость и может на эту тему умную вещь сказать, а дисциплины нет... У нас и программы всегда на первый план выдвигают знание, а профессиональных навыков, чтобы все, что касается строя, приемов с оружием, владения оружием было доведено до автоматизма, чтобы была выработана такая привычка, при которой любое строевое построение, любой прием с оружием был бы выполняем без работы мозга — нет... Надо у командиров и бойцов привить эту чудесную силу привычки. Легче будет. Это не воскрешение павловских времен, я хочу только, чтобы не было забыто суворовское правило. Он, как известно, не был сторонником павловской муштры, но был очень строг к боевому строю. Как встать, как идти, как атаковать, и все строевые перестроения он проделывал бесконечное количество раз, чтобы добиться четкости, гибкости строя. В старой армии место в строю почиталось священным, а еще ранее, — его не покидали и при разрыве снарядов. Значение это и сейчас имеет очень большое. Приучим к строгости строя, к сохранению своего места в боевом порядке, нам не надо будет затрачивать тех усилий, какие затрачивает командир во время боя на то, чтобы удержать людей на позиции.

Строевые занятия рассматривать как первую и наиболее важную часть тактики. Строевые занятия должны вестись ежедневно и не попутно, а с выделением для этого специальных часов... Переделать строевой устав.

3. В стрелковой подготовке у нас выявились те же недостатки, что и в строевой. Главное, нет твердых навыков во владении оружием. Особенно плохо владеют автоматической винтовкой. Красноармейцы легко бросают ее и почти всегда готовы заменить ее на 50-летнюю старушку, на нашу трехлинейную винтовку. А немцы наоборот любят нашу автоматическую винтовку. Главное, за что она не пользуется должным уважением у красноармейцев, — это потребность в ее большом уходе. Как только загрязнится патронник, она не выбрасывает гильзы; при помощи руки отрывается закраина гильзы, и тогда надо доставать шомпол. Я лично находил несколько автоматических винтовок, брошенных на поле боя с обломанной закраиной гильзы.

Меткость огня нашей пехоты неплохая, но в этой войне винтовка и пулемет объявили заговор молчания. Тенденция к росту артиллерийского огня выявилась еще в прошедшие войны, но то, что мы видим в этой войне превзошло все ожидания. Для стрелкового оружия одного боекомплекта хватает на 20 дней боя (100 патронов на 20 дней), или 5 патронов в день на одну винтовку. В то время, как дивизионная артиллерия расходует от 3 до 20 боекомплектов за 20 дней боя. С увеличением калибра растет расход снарядов. Война из-за укрытия. В этом виден упадок военного искусства. Обстрелянные красноармейцы, идя в бой, не запасаются патронами. Они знают, что до них дело не дойдет.

Как вывод по огневому делу надо считать: стрельбе в спокойных условиях наша пехота обучена хорошо... Сноровитости во владении оружием совершенно не достаточно...

4. Тактика: Наша военная литература, уставы, наставления, инструкции по военному делу являются передовыми и, в целом, опыт войны подтвердил их жизненность. Недостатки наши проистекают от слабого знания уставов и плохого выполнения их. От уставной разнузданности. Каждый сам себе авторитет.

Наибольшие недостатки выявились у нас в управлении войсками, особенно в первый период. Штабы всех степеней располагались далеко от войск. Больше почему то заботясь о безопасности и связи с высшим штабом, чем об управлении войсками. Линии связи длинные, ненадежны, а все, даже хорошие мероприятия, — запаздывают. Если бы штаб 19 сд управлял как следует, а генерал Котельников был бы ближе к войскам, — не было бы ельнинской занозы, приковавшей к себе внимание на 26 дней двух фронтов.

Августовская катастрофа 22-й армии обязана исключительно плохому управлению. При этом штаб за всю десятидневную операцию не допускал к себе противника ближе, чем на два десятка километров, и может «гордиться», что растеряв всю армию, не имеет потерь в штабе. Командарм т. Ершаков в эти критические дни не был в штабе, он с членом военного совета на месте руководил войсками, организовывал выход из окружения. Чем помог ему его штаб: прорыв противника через Западную Двину у Ивашково и у Железово обязан тем же причинам.

Артиллеристы далеко располагаются со своими командными пунктами и вследствие этого — стрельба по площадям. Мелкие огневые точки противника безнаказанно сидят в щелях и наносят огромные потери героической пехоте. В общем, я повторяю, что артиллерия у нас сильнее, чем у противника, но тем не менее на ее совести лежит не одна сотня лишних потерь. По вине артиллерии 89-й сд упущена была победа 24 июля на реке Вось у Капыровщина.

В бою решающее значение на устойчивость войск имеет наличие командира. Даже в хороших войсках, как только выбыл командир, сейчас же намечается тенденция к отходу. Войска значительно лучше себя чувствуют в бою, если видят перед собой командира. В этом нового ничего нет, однако новым является все то, что хорошо забыто...

Все еще много у нас фронтальных атак, мы еще недостаточно научились бить противника его же методами. Искать фланги, стыки, промежутки, врываться в глубину расположения противника и выходить на его тылы. Слабости противника достаточно выявились, надо по ним и ударять. Он боится ночи — значит она наш союзник; он боится штыка — навязывай ему, но так, чтобы не истечь самому кровью, пока донесешь до противника штык. «Воюют не числом, а умением», — говаривал Суворов. Мы часто по воробьям бьем из пушки. Перед отдельными автоматчиками развертываем батальон, несем потери, теряем время, а враг уходит.

Не без успеха войсками применяется следующий тактический прием. Известно, что немцы в огромном большинстве случаев открывают огонь из всех своих средств по первым появившимся бойцам. Так вот, используя эту слабость, части 152 сд под Ярцево высылали на участке батальона взвод для разведки боем, держали для сковывания противника с фронта один-два взвода, а остальными силами проникали во фланг и добивались победы.

Противник, отходя, оставляет для действия в нашем тылу мелкие группы одиночек с автоматами; причем эти автоматчики ведут себя смирно, пока продолжается отход, но как только начинается контратака, все в тылу заговорит. Это особенно тяжело действовало на уставшие войска или еще не обстрелянные. Особенно плохо, когда не оказывалось нужной глубины. Война выявила необходимость резервов в батальоне, полку, дивизии. Перед Бородино Кутузов сказал: «Генерал, сохранивший резерв, непобежден». Это правильно и для наших дней. В этом вопросе мы допустили ошибку, изгнав из устава понятие резерва, а на занятиях

наказывали тех, кто забывал поставить задачу второму эшелону. Мы все в мирное время были умнее Наполеона, все заранее хотели предвидеть — не вышло.

Решающее значение имеет организация взаимодействия. Это все знают, но плохо делается. Главное, у войск никогда не оказывается нужного времени. Надо схему взаимодействия упростить, приблизить дивизион к батальону. Надо помнить, что артиллерия стреляет далеко, но не издалека. Танкистов также приблизить к пехоте. Кроме этого, все рода войск должны помнить, что они работают на пехоту, в интересах ее, и что если их работу не использует пехота, работа пропадет даром. В основу ближнего боя пехоты положить стремительность. Оправдалось уставное требование. Артогонь противника равносильна команде — «вперед»... Обстрелянные войска это знают...

Хорошая ориентировка и знание абсолютно всеми бойцами своей задачи — имеют особое значение в ближнем бою... Инициатива, активность играют выдающуюся роль... раз ворвался в расположение врага, вызвал его замешательство, — не давай опомниться. Великие полководцы — Суворов, Ганнибал — в эти минуты боя накаляли солдат до экстаза. Поражай со всей силой, со всей энергией, противник тоже не спит, упустишь — сам погибнешь. В ближнем бою пехота встретится с танками противника, — не надо бояться. Практика показала, что хорошая пехота страшнее танкам, чем они ей. Связка гранат, бутылка с горючей смесью, меткий огонь, — все против танка. А если ничего этого нет — ложись в первую канаву, в траву, просто на землю, — только не бежать. Танкист мелкую цель плохо видит. Бой в окопе, в лесу, в деревне, в городе, везде будут свои особенности, но всюду нужно крайнее напряжение сил. Чем более стесненная обстановка, тем больше изворотливости. Больше самостоятельности, главное на ближайшее время — больше наносить потерь.

5. Великие Луки, Гомель, Киев — игра в поддавки. Если приграничное сражение — результат неожиданности, ошибка ЗапОВО и ПриБОВО в выносе развертывания к границе, то в последующем было время для принятия плана в соответствии с большим, гениальным решением готовить линию отпора на рубеже Осташков, Дорогобуж, Рославль. По этой линии рубеж можно было протянуть до Черного моря. На этой линии при условии вывода войск на нее сохраненными, мы сильнее были бы немца.

Удерживая Ленинград, Москву, Донбасс, — у нас сохраняются шансы на победу.

6. Выше я отметил высокое моральное состояние наших частей. Однако эта, в общем, прекрасная картина не должна отвлекать нашего внимания от деталей. Есть и темные пятна. В этой войне больше, чем в прошлых войнах распространено позорное явление членовредительства. Судебная практика знает много случаев, кроме саморанения — ранение по уговору друг друга. Это наследие темного прошлого. Оно передается, как зараза. Несколько случаев выявлено наследственных. Отец по членовредительству ушел из старой армии в 1914–1917 гг., сын повторил его способ в наши дни. Есть целые районы зараженные, которые во всех войнах прибегают к этому способу.

Материал, отобранный на 20 тыс. человек, прошедших госпиталя Западного фронта, дает любопытную картину. Пулевых ранений — 45%, тогда, как участие ружейно-пулеметного огня ничтожно. Особенно интересными являются ранения в конечности, достигающие 77%, из них в верхние — 67%, в нижние — 33%. При этом из числа раненых в верхние конечности 65% — в левую руку. «Леваки», как их принято называть. Уже в этом небрежном названии лежит недоверие.

Еще интереснее другой показатель — кривая убитых начсостава, младшего комсостава, красноармейцев почти совпадает, а вот среди раненых, младшего комсостава — в полтора, а красноармейцев в два раза больше, чем начсостава. Такую же картину мы имеем и среди пропавших без вести... Трудно сказать, но на основе своих личных наблюдений, осмелюсь утверждать, что саморанения мы имеем не менее 10% от общей цифры раненых.

Есть над чем подумать. Что касается вообще потерь, то они невероятно велики. За всю японскую войну 1904–1905 гг. русская армия потеряла около 180 тыс. чел. В мировую войну 1914–1917 гг. среднемесячные потери русской армии составили — 175 тыс. чел. Потери в этой войне значительно возросли. Только по одному Зап. Фронту за август месяц, сравнительно спокойный, мы потеряли (не считая пропавших без вести) — 96 128 чел. — 14,6%, а за десять дней сентября с 1 по 10.09. — 37 808 чел. — 5,8% от всего численного состава фронта. Можно себе легко представить какова убыль в строевых частях. Это результат не только участия больших масс, но и следствие плохой выучки.

7. Война выявила целый ряд организационных ошибок. Вначале пехота оказалась перегруженной техникой. Вкрапление минометов в пехотные подразделения оказалось нежизненным. Ротный миномет постигла та же участь, что и пулемет «Максим» в конце первой мировой войны, — солдаты запрещали пулемету стрелять. «Не дразни немца», — кричали они. Такие же случаи мы имеем сейчас с ротным минометом. Массирование их в отдельном подразделении, полку — во всех отношениях предпочтительнее.

Штабы сильно раздуты. Их уже немного сократили, но к этому делу мы подходим очень робко. Скорее согласимся дивизию расформировать, чем вычеркнуть из штатов штаба должность одного делопроизводителя.

А сколько дублирования. Еще более чудовищные формы приняла охрана штабов. Помимо штатных частей, привлекаются подразделения от войск. Я уже не говорю о том, что части, охраняющие штабы держаться в полном комплекте, когда в ротах не остается и по 10 человек. Утверждаю, что кроме пользы ничего не будет, если сократим еще все штабы на 30–35 %...

Начальствующий состав в основной своей массе выявил чудесные качества преданности, любви к Родине, беззаветной храбрости и героизма. Это — золотой фонд страны, особенно старшее звено. Однако и по начсоставу много вопросов не доработано.

Прежде всего слаба строевая выучка, и нет любви к строю. Очень легко смешиваются с общей массой и командира не видно... Были случаи, когда отдельные командиры уходили от своих подразделений, оставляя красноармейцев на волю случая. В первый период войны срывание знаков различия, петлиц — приняло широкие размеры. Даже часть старшего комсостава была подвержена этому позорному явлению. Много полезного было сделано после финской кампании, но не все успело внедриться. Что нужно сделать?

а) Повысить строевую выучку, внешний вид командира, привить любовь к строю, повысить требовательность. Для этого в училища послать старых унтеров.

б) Я считаю, что мы допустили ошибку, переделав петлицы командиров на защитный цвет. Наши знаки различия мирного времени не отличались яркостью. На 300–400 метров их не видно ни простым глазом, ни в бинокль. Зато командир для своих войск был бы лучше виден, а устойчивость войск... обуславливается наличием командира. Я бы увеличил яркость в одежде командира.

Политсостав ведет себя героически, и он правильно нашел свое место в бою. В большинстве случаев, политсостав является лучшим помощником в бою и берет на себя наиболее опасные участки и личным примером воодушевляет войска... Зато в штабах нет достойного дела для комиссаров. Считаю, что не оправдано назначение комиссаров в отделы. Во всех штабах, начиная от дивизии и заканчивая штабом фронта надо оставить одного комиссара штаба для всего управления...

г) Ввести в дисциплинарный устав статью, по которой начсостав, снявший петлицы и знаки различия, тем самым перешел в разряд рядовых, что и отдается приказом непосредственного начальника.

д) Установить на время войны сокращенные сроки выслуги для получения очередного воинского звания: для среднего начсостава в три раза, для старшего — в два; за выдающиеся заслуги в боях очередное воинское звание может быть присвоено независимо от срока.

е) Установить высшую награду — дважды герой — герой героев, дающее право после войны на бесплатную квартиру в любом месте Советского Союза и оклад содержания в случае его нетрудоспособности или желания выйти в отставку. Вот, на мой взгляд, те предварительные уроки, которые можно извлечь из опыта первых трех месяцев войны.

Приложения:

Ведомость расходования б/п за 20 дней с 20.08 по 10.09.

Ведомость потерь за август и 10 дней сент.

Диаграмма потерь в процентах.

Диаграмма по видам ранений

Диаграмма ранений по видам оружия.

(Не публикуются)

24 сентября 1941 г.

Генерал-лейтенант С. Калинин

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27

¹ Киселев О.Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. / отв. ред. А.О. Чубарьян, рук. авт. колл. М.Ю. Мягков, сост. Ю.А. Никифоров. М., 2005. С. 438–439

² Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 52–53

³ Киселев О.Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. / отв. ред. А.О. Чубарьян, рук. авт. колл. М.Ю. Мягков, сост. Ю.А. Никифоров. М., 2005. С. 439

⁴ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 53

⁵ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005. С. 53

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (Далее ЦАМО РФ). Ф. 229. Оп. 161. Д. 148. Л. 5–12

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 104

⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 104

⁹ Великая Отечественная война 1941–1945. Указ. соч. С. 119

¹⁰ Анфилов В.А. Грозное лето 1941 года. М., 1995. С. 100–101

- 11 Анфилов В. А. Указ. соч. С. 97
- 12 ЦАМО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 307–314
- 13 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302
- 14 Анфилов В. А. Указ. соч. С. 103
- 15 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 343–346
- 16 ЦАМО РФ. Ф. 208, Оп. 2511, д. 36. Л. 1
- 17 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Л. 52–54
- 18 US. Library of Congress. Manuscript Division. Volkogonov Collection. Reel 4.
- 19 РГВА Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339
- 20 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 52
- 21 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 19
- 22 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. С. 441
- 23 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 9
- 24 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 164
- 25 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 13
- 26 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 3
- 27 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 18–19
- 28 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 29. Л. 104–105
- 29 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 16
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 21, 25
- 31 Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., 1996. С. 43–44
- 32 РГВА Ф. 9. Оп. 39. Д. 99. Л. 329–339
- 33 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М., 2009. С. 78
- 34 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 147
- 35 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 294–302
- 36 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588 с. Д. 36. Л. 343–346
- 37 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 75–76
- 38 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 442–443
- 39 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 20. Л. 31–39
- 40 Гот Г. Танковые операции. — М.: Воениздат, 1961
- 41 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 443
- 42 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 154
- 43 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 76
- 44 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 154
- 45 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 155
- 46 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 444
- 47 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 3–9
- 48 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 165–167
- 49 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 1. Л. 2
- 50 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 159
- 51 ЦАМО РФ. Ф. 229, Оп. 161, Д. 24. Л. 8
- 52 Киселев О. Г. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. С. 444
- 53 Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 80
- 54 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 164
- 55 Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 164
- 56 Киселев О. Г. Приграничные сражения. // Великая Отечественная война 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 445
- 57 Мартов В. БЕЛОРУССКИЕ ХРОНИКИ, 1941 ГОД (http://vitebsk.net/i40/mart41_1.htm)
- 58 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2. Л. 19–20
- 59 Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995, с. 308.
- 60 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 25–27
- 61 Сталин И. В. Сочинения. — Т. 18. — Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 237–240.
- 62 ЦАМО. Ф. 208, Оп. 2511, д. 20. Л. 81–82

- ⁶³ ЦАМО Ф. 16. Оп. 973. Д. 7. Л. 282–285
- ⁶⁴ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 946. Д. 63. Л. 3–4
- ⁶⁵ Еременко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 96–97
- ⁶⁶ Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 55–56
- ⁶⁷ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 82
- ⁶⁸ цит по: Асташин Н. А. Оборона Заполярья // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М: Олма-Пресс, (выход в свет 2010).
- ⁶⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 81
- ⁷⁰ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 82
- ⁷¹ Киселев О. Н. Карелии оброна // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 256–257
- ⁷² Дашичев В. И. банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 198
- ⁷³ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 10
- ⁷⁴ Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 182–183
- ⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 43–47
- ⁷⁶ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л. 130
- ⁷⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 30–33
- ⁷⁸ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 208
- ⁷⁹ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 210
- ⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 571. Л. 83–87
- ⁸¹ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 212
- ⁸² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 15. Л. 1–14
- ⁸³ Самсонов А. М. Москва, 1941 год. От трагедии поражений — к великой победе. М., 1991. С. 44
- ⁸⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985. С.
- ⁸⁵ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 214–215
- ⁸⁶ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 152–153
- ⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 72. Л. 158
- ⁸⁸ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 201
- ⁸⁹ Дашичев В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 234–235
- ⁹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 28. Оп. 11627. Д. 81. Л. 116
- ⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 5. Л.
- ⁹² ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 9. Л. 41–43
- ⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8439. Д. 4. Л. 27
- ⁹⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 91
- ⁹⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 352–353
- ⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 176–180
- ⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3408 сс. Д. 15. Л. 431
- ⁹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 3408 сс. Д. 15. Л. 431
- ⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206
- ¹⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1. Л. 202–206
- ¹⁰¹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 85
- ¹⁰² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 195
- ¹⁰³ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009. С. 85
- ¹⁰⁴ Мухин Ю. Ученик // Дуэль. 1997. № 4
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 103. Л. 79–87
- ¹⁰⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1. С. 369
- ¹⁰⁷ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда/ пер. с англ. М., 1996. С. 359–360
- ¹⁰⁸ КАЛИНИН Степан Андрианович (1890–1975), генерал-лейтенант (1940). Участник первой мировой войны, унтер-офицер. С 1918 г. — в Красной Армии. Участник гражданской войны, командир бригады. В 1922–1938 гг. — командир дивизии, корпуса, зам. Начальника штаба военного округа, зам. Командующего и командующий военным округом. С 1938 г. — командующий Сибирским военным округом. Во время Великой Отечественной войны — командующий 24-й армией (июнь-июль 1941 г.), 66-й армией (август 1942 г.), командующий войсками военных округов. В июне 1944 г. отстранен от должности и арестован. Приговорен к длительному сроку тюремного заключения и лишен воинского звания. В 1953 г. реабилитирован, восстановлен в звании и уволен в запас.
- ¹⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 13. Л. 1–27

Московская битва и ее значение

Б. И. Невзоров*

Вторая мировая война (1939–1945 гг.) и её главная составляющая — Великая Отечественная, стали наиболее же грандиозными по числу участвовавших стран, численности вооруженных сил, протяженности фронтов, социальным и другим последствиям. Во Второй мировой войне погибло более 55 млн. человек, из них в СССР — около 27 млн. человек. Другими словами, почти каждый второй убитый — был русским.

А помнит ли спасенный мир об их подвиге сегодня?

Для ответа приведу слова Чрезвычайного и Полномочного посла Великобритании (в отставке) сэра Родрика Брейтвейта, сказанные им на презентации своей книги «Москва 1941: город и его люди в войне», состоявшейся 5 декабря 2006 г.: «Уровень невежества у нас потрясающий. Я только что был в Америке, где одна знакомая русская учена сказала мне, что она преподает в одной довольно элитарной школе, где ученики думают, что русские вместе с немцами сражались против американцев. Я выступал там несколько раз. Люди почти в шоке, когда я говорил им, что на одного американца погибло 85 советских людей, что 80% немцев погибло на восточном фронте, и что без вклада советских солдат, день «Д»¹ был бы технически невозможен.

Я старался писать с точки зрения русских, и с этой точки зрения описывать и ужасные, и великие стороны того, что случилось. Для иностранца это, конечно, невозможно, и даже неприлично. Неприятно, у нас тоже, когда какой-то иностранец отзывается о нас».

К сожалению, не все благополучно с сохранением памяти о подвиге нашего народа и в России, стране — победительнице. Среди многих причин подобного обстоятельства выделю одну — слабое знание нашей истории. В этой связи хотел бы кратко напомнить некоторые страницы тех лет, когда на нашей земле почти четыре года полыхала самая кровопролитная и разрушительная из всех войн, которые пережила Россия за свою более чем тысячелетнюю историю.

Многотруден был путь к этой победе. Напомним, что советская армия провела почти 1300 различных по масштабу операций (стратегических, фронтовых и армейских). Среди них было и шесть крупнейших битв на стратегически важных направлениях: ленинградская, московская, сталинградская, кавказская, курская и днепроовская. Каждая битва приводила к разгрому стратегической группировки врага и достижению значительных политических и стратегических результатов на определенном этапе войны. Но вот ответить на вопрос о степени влияния той или иной битвы на общее течение кампании или войны в целом, или сказать, что данная битва более важная, а другая нет, — практически невозможно.

Чтобы разобраться в столь сложном и трудном вопросе, как уяснение значения отдельных событий для хода и исхода войны, нужно получить возможность сравнивать их друг с другом по единым показателям, на основе бесспорных фактов. Таковыми могут быть: количество привлеченных к проведению операций военнослужащих, военной техники, расход материальных ресурсов, потери людей, оружия и достигнутые результаты. Иначе говоря, требуются статистические данные о численности войск и об их потерях для обеих воюющих сторон в конкретных операциях войны. Получить же их чрезвычайно сложно. Ведь сведений о точном подсчете на государственном уровне количества потерь немецких войск на восточном фронте до сих пор не существует. Об этом прямо говорится в только что изданном в ФРГ 10-м томе труда «Германский рейх и Вторая мировая война». Многолетние же научные исследования потерь вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, проведенные и опубликованные сотрудниками Генерального штаба РФ под руководством генерала Г. Ф. Кривошеева², при их несомненных достоинствах, отражают потери только одной Красной Армии. В этой связи, приведенные в исторических трудах и публикациях расчеты по определению,

* **Борис Ильич Невзоров** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории МО РФ, почетный Профессор Европейского Университета

к примеру, показателей соотношения сил и средств воюющих сторон в войне или битве, носят пока лишь ориентировочный характер.

В предлагаемом материале мы поставим два вопроса:

1. Какая из шести битв, проведенных в годы минувшей войны, была самой значимой и крупной не только по своим масштабам, но и по роли в деле разгрома агрессора?
2. Почему необходимость создания Московского института международных отношений в нашей стране появилась в момент, когда на фронтах Великой Отечественной войны еще полыхали кровопролитные сражения?

Начнем со второго вопроса. Ко времени образования МИМО — как тогда его именовали, — войска Красной Армии не только завершали освобождение советской земли, но и перенесли боевые действия на территории стран: Юго-Восточной Польши, Румынии, Трансильвании, Болгарии, Сербии, Венгрии, Норвегии, вторглись в Восточную Пруссию и по просьбе правительства Чехословакии — оказывали помощь Словацкому национальному восстанию. И хотя нашему народу предстояло преодолеть еще немало военных трудностей, ни у кого не возникало сомнений в скором разгроме гитлеровской Германии. Ведь к тому моменту Москва от имени Родины уже 215 раз салютовала артиллерийскими залпами доблестным войскам Красной Армии, освобождавших от оккупантов один за другим советские города, а затем — и города западноевропейских стран. Все были уверены, что капитуляция фашистской Германии — дело самого ближайшего времени.

В сложившейся военно-политической и стратегической обстановке руководство Советского Союза, вполне естественно, уже думало и о задачах, которые предстояло осуществлять с окончанием военных действий. Стране нужно было восстанавливать многие тысячи разрушенных городов и населенных пунктов, заводов и фабрик, а также — решать новые экономические, политические, идеологические, дипломатические и другие проблемы. Для их претворения в жизнь требовалось большое количество самых различных специалистов, которых нужно было готовить заблаговременно. С этой целью был создан и МГИМО. Его выпускники сыграли важную роль в развитии международных отношений нашей державы не только в первые послевоенные годы. Они уже 65 лет являются ведущей силой во многих областях творческой и организаторской работы — дипломатической, экономической, научно-исследовательской и другой. Как видим, в завершающем периоде Великой Отечественной войны общий настрой в стране был оптимистическим, устремленным не только на ожидаемый скорый разгром агрессора, но и в светлое послевоенное будущее.

А теперь сравним его с тем общественным настроением, которое было в Советском Союзе с нача-

лом вероломного нападения фашистской Германии. Внезапное вторжение агрессора всколыхнуло всё Отечество. Уже в первые дни войны повсюду гремело «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Народ поднимался на врага. В городах, сёлах, в отдаленных поселках у дверей военкоматов, райкомов партии и комсомола выстраивались длинные очереди добровольцев. К 1 июля (то есть на 8-й день войны) в Вооруженные Силы СССР было мобилизовано 5,3 млн. человек³.

Вместе с тем, несмотря на готовность советских людей встать на защиту своей Родины, видимо, никто еще до конца не осознавал, какой силы удар обрушится на страну. А он действительно был мощнейшим. Ведь на территорию Советского Союза вторглась не «банда шакалов и убийц», как называли агрессора некоторые отечественные СМИ, а многочисленная, отлично обученная, прекрасно вооруженная армия, с мощнейшим тылом, опиравшимся на всю оккупированную Европу, и агрессивной идеологией.

Из опубликованных после войны документов и материалов мы знаем о стратегических задачах Германии, положенных в основу планирования войны: «Первая цель: Украина, Москва, Ленинград. Главное направление — Москва. Конечная цель — Волга, Архангельск»⁴. Наиболее крупное оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил Германии — группа армий «Центр» сосредотачивалась в направлении Москвы. «Боевая задача этой группы войск заключалась в разгроме основных сил противника в Белоруссии, захвате её территории и в достижении на 20-й день наступления рубежа: Западная Двина — Днепр, Великие Луки, Витебск, Орша, Рогачев, Мозырь (глубина операции — 400–600 км). Эта линия должна была стать исходным рубежом для непосредственного и быстрого наступления на Москву»⁵.

В директиве фюрера № 21 (план агрессивной войны Германии против СССР «Барбаросса»), группе армий «Центр» ставилась задача: сразу же по окончании сражений севернее Припятских болот (то есть на территории Белоруссии), своими пехотными соединениями «быстро выйти к Москве. Захват этого города, — подчеркивал Гитлер, — означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»⁶.

В группе армий «Центр», развернутой на московском направлении, было сосредоточено 785,6 тыс. солдат и офицеров (36,4%), свыше 53% танков, почти половина всех боевых самолетов, орудий и минометов от общего количества сил вторжения⁷. Иначе говоря, как и предусматривал общий замысел восточной кампании, главный вектор удара и наиболее мощная группировка германского вермахта, были нацелены на Москву. И потому министр пропаганды третьего рейха Й. Геббельс 29 июня 1941 г. статью о начале войны против Советского Союза совершенно не случайно озаглавил: «Поход на Москву!»

Войска западных приграничных военных округов Советского Союза, не приведенные в боевую готовность, потерпели тяжелое поражение и не смогли остановить продвижение врага. Особенно значительным оно было на центральном, московском направлении. Здесь уже к исходу первого дня немцы продвинулись на глубину до 60 км. 28 июня враг отсек и окружил войска Западного фронта восточнее Белостока, а на следующий день его танковые клинья замкнули кольцо восточнее Минска. В течение первых двух недель из 44 дивизий, входивших в состав армий этого фронта к началу немецкого вторжения, 24 погибли полностью, остальные 20 потеряли от 30 до 90% своего состава. Общие потери составили около 418 тыс. человек⁸.

О силе удара противника на московском направлении можно судить, сравнивая его с результатами наступления на других участках советско-германского фронта. Так, немецкие войска разбили армии северо-западного направления в первые пять недель войны, юго-западного — в течение двенадцати недель, а вот для ликвидации группировки войск, прикрывавшей советскую столицу, они затратили всего две недели (то есть, в 2,5–6 раз времени меньше, чем для поражения фланговых группировок Красной Армии). В результате уже к концу первой недели войны противник преодолел треть пути от государственной границы до Москвы, а через две недели — половину этого расстояния. При сохранении подобных темпов наступления (50–60 км в сутки) немцы могли бы подойти к ней через 15–20 дней.

Какие же меры в это тяжелейшее для нашей страны время принимало Советское Главное Командование, чтобы не допустить прорыва германских войск к Москве? Документы и материалы показывают следующее.

Уже 25 июня, (на 4-й день войны), Ставка ГК приказала на линии р. Западная Двина — Днепр развернуть группу армий резерва Главного командования в составе 19, 20, 21 и 22-й армий⁹, а 27 и 8 июня (на 6 и 7-й дни войны) — в районе Смоленска и на рубеже 180–250 км восточнее переднего края резервной группы еще три армии (16, 24 и 28-ю). Эти объединения получили задачу: «Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контратаками наземных войск и авиацией»¹⁰. Особое внимание военных советов двух последних армий обращалось на организацию обороны направлений Смоленск — Вязьма и Рогачев — Медынь, то есть на направления вдоль Минской автомагистрали и вдоль Варшавского шоссе, которые кратчайшим путем выводили войска противника к Москве¹¹. Однако разгром советских войск на территории Белоруссии заставил Ставку ГК уже 1 июля передать все четыре армии группы резерва Главного командования в состав Западного фронта.

К 10 июля соединения 2-й и 3-й танковых групп группы армий «Центр» вышли на линию рек Западная Двина и Днепр и без всякой оперативной

паузы продолжили наступление на московском направлении, положив начало Смоленскому сражению. Прорвав оборону Западного фронта, немцы к середине месяца захватили Оршу, Духовщину, ворвались в южную часть Смоленска, Ярцево, подошли к Ельне и к автомагистрали Минск — Москва. Завязались упорные бои за Смоленск. Одновременно обе танковые группы развивали наступление к востоку от Смоленска, чтобы осуществить еще более глубокий охват советских войск и замкнуть фронт окружения¹². Так началась первая оборонительная операция битвы за Москву.

В эти дни ставку Гитлера наполняла атмосфера всеобщего ликования. На совещаниях теперь все чаще говорили не о дальнейшем ведении войны против СССР, не о ходе борьбы, а о послевоенных проблемах. Генштаб старательно подсчитывал потери Красной Армии, но не смог увидеть её резервы. Он их просто не замечал, ибо, во-первых, не верил, что резервы могут существовать, а во-вторых, что они появятся именно там, где готовился последний марш на русскую столицу для полного завоевания России.

Между тем, Ставка ГК усиливая оборону московского направления, развернула в тылу Западного фронта еще четыре вновь сформированные армии (29, 30, 31 и 32-ю) и 14 июля создала Фронт резервных армий (ФРА) Штаб его располагался в Можайске. В состав ФРА также включались ранее развернутые 24 и 28-я армии. Фронту была поставлена задача: «упорно оборонять рубеж Старая Русса, Белый, Ельня, Брянск»¹³.

А еще через день (16 июля) Государственный Комитет Обороны распорядился в пятидневный срок сформировать фронт Можайской линии обороны, включить в его состав вновь создаваемые 32, 33 и 34-ю армии и назначить командующим войсками фронта генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. Целью же развертываемых на нем войск, особо подчеркивало данное Постановление ГКО, являлась — «защита Москвы на линии Можайска»¹⁴.

И видимо не случайно, именно в это время у гитлеровского руководства зародились сомнения в «возможности достижения решающего успеха на тех или иных направлениях, ибо упорное сопротивление Красной Армии «приводит к критическому обострению обстановки на отдельных участках»¹⁵, а темп наступления группы армий «Центр» заметно падает. В этой связи 19 июля Гитлер отдал директиву № 33: группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву осуществлять силами только пехоты. Танковые соединения повернуть: часть — к северо-востоку, чтобы прервать коммуникации между Москвой и Ленинградом, другую часть — в тыл группировке советских войск на Украине¹⁶. В это же время министр иностранных дел третьего рейха Риббентроп телеграфировал германскому послу в Токио с просьбой склонить Японию срочно начать наступление против России¹⁷. Посол Отт 14 июля телеграфировал Риббентропу:

«...Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время... Считаю, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено...»¹⁸. В Токио же ждали сообщения о «решающей победе» немцев, готовясь обрушиться на СССР при условии явного поражения советских войск в войне с Германией. Согласно стратегическому замыслу японского командования предполагалось разгромить группировки советских войск в Приморье, Приамурье и Забайкалье, за шесть месяцев выйти к Байкалу и завершить войну. Причем была уже определена и дата начала военных действий (29 августа 1941 г.)¹⁹.

Однако ввод Ставкой ГК своих резервов в сражение сорвал наступление противника на Москву. Поскольку же до половины состава группы армий «Центр» оказалась скованной действиями советских войск на её оголенных флангах, а остальная — подвергаясь ударам с фронта, несла большие потери, Гитлер 30 июля был вынужден отдать распоряжение о прекращении наступления на Москву до ликвидации угрозы её флангам²⁰.

Действия Красной Армии для немцев оказались неожиданными. Вопреки всем прогнозам, они не обнаружили за Днепром «пустоты». А ведь по расчетам германского генштаба считалось вероятным до шестого месяца от начала войны появление на всем восточном фронте не более 100 новых дивизий Красной Армии²¹. Советское же командование, только на одном, западном направлении, за период с 27 июня — по 10 сентября смогло развернуть 163 дивизии, (из них к 20 июля — 121 дивизию)²².

Ввод в кратчайшие сроки столь большого числа резервов Красной Армии явился для немцев неприятным сюрпризом. Все более очевидным становился факт: «за Днепром» война не кончается, а только лишь начинается. И хотя эти новые дивизии не были оснащены лучшим образом и не обладали боевым опытом, их развертывание имело неопределимое значение для всего хода борьбы за Москву. На Днепре, у Смоленских высот и на многих других участках западного направления в полосе шириной свыше 600 км и глубиной 200–280 км развернулись тяжелейшие кровопролитные бои, в которых советские войска настолько потрясли наиболее мощную группировку противника, что заставили германское командование впервые во Второй мировой войне заняться пересмотром своих оперативных планов.

Главный итог Смоленского сражения — первой операции битвы за Москву, заключается в том, что советские войска сорвали планы германского командования по безостановочному продвижению к русской столице. Самая сильная немецкая группировка потеряла свыше 200 тыс. человек²³ и была вынуждена перейти к обороне, отложив на два месяца наступление на столицу.

Японские стратеги, внимательно следившие за ходом военных действий на советско-германском

фронте, начали сомневаться в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть второй фронт на Востоке. Немцы все более открыто давали понять Токио, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если они не начнут военных действий против России. По замыслу же генштаба Японии, военные действия против СССР должны начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири. Однако масштабы их переброски в европейскую часть СССР летом 41-го далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. Все это заставило Японию уже 6 сентября отказаться от ранее принятых решений в отношении России. О чем 14 сентября Р. Зорге сообщил в Москву: «По данным источника Инвеста, японское правительство решило в текущем году не выступать против СССР, однако вооруженные силы будут оставлены в Маньчжоу-Го на случай выступления весной будущего года в случае поражения СССР к тому времени»²⁴.

Эти факты показывают, что с момента вторжения немецких войск в Советский Союз, Москва оказалась в центре внимания воюющих сторон. Самые значительные события первых месяцев войны проходили на московском направлении. За это время ГКО издал 34 постановления, касающихся различных проблем защиты Москвы, а Ставка ВГК направила фронтам, оборонявшим дальние подступы к столице, 78 директив, распоряжений и большую часть своих резервов²⁵.

Вспоминая эти тяжелейшие для нашей страны дни, маршал Г. К. Жуков (который до 29 июля был начальником Генерального штаба Красной Армии и готовил почти все директивы Ставки ГК (ВК) о развертывании новых войск в интересах защиты Москвы), писал: «фактический ход борьбы летом 1941 года означал провал первого наступления немецко-фашистских войск на Москву, когда они, опьяненные своими успехами в ходе приграничных сражений, намеревались форсированным маршем, с ходу овладеть советской столицей... Нанося главный удар в центре советско-германского фронта, враг планировал открыть себе прямой путь на Москву. Новый цикл ожесточенных боев на западном направлении развернулся осенью 1941 г.»²⁶.

Советское командование смогло сорвать планы гитлеровцев, выставив для защиты столицы в течение первого месяца войны на место каждой разгромленной дивизии в Белоруссии три новые дивизии. В результате, впервые во Второй мировой войне немцы вынуждены были перейти к обороне и отложить на два месяца свои планы по захвату Москвы.

6 сентября в директиве № 35 Гитлер поставил задачу на подготовку и проведение новой операции по захвату Москвы. Её содержание было конкретизировано в директиве командования группы

армий «Центр» от 16.9.41 г.²⁷. Для проведения операции по захвату советской столицы группа армий «Центр» была значительно усилена. Теперь она насчитывала 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков и 1390 боевых самолетов. По сравнению с моментом вторжения, количество дивизий в ней увеличилось почти в 2 раза (с 39 до 77,5), а солдат и офицеров в 2,6 раза (с 735,6 тыс. до 1929,4 тыс.). При этом на одну Москву танковых и моторизованных дивизий нацеливалось больше, чем в мае 1940 г. против Франции, Англии, Бельгии и Голландии вместе взятых. Кроме того, войска противника обладали высочайшей подвижностью: на одну автомашину в советской стрелковой дивизии приходилось 22–57 автомашин и 900–1400 мотоциклов в немецких дивизиях. Красная Армия имела лишь 3-х месячный боевой опыт, а противник — 25-ти месячный.

Общий замысел операции, получившей кодовое наименование «Тайфун», заключался в нанесении трех ударов мощными танковыми силами, сосредоточенными в районах Духовщины, Рославля и Шостки с целью прорыва обороны советских войск, их окружения и уничтожения в районах Вязьмы и Брянска. Особое внимание обращалось на немедленный переход германских войск «к преследованию при отступлении противника с занимаемых позиций».

Что же противостояло врагу? В те дни на удалении 300 км к западу от Москвы, в полосе оз. Селигер — р. Сейм протяженностью около 800 км, были развернуты армии Западного, Резервного и Брянского фронтов под командованием генерала И. С. Конева, маршала С. М. Буденного и генерала А. И. Еременко соответственно. Их войска насчитывали около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков и 667 самолетов. 27 сентября Ставка ВГК приказала командующим Западным и Брянским фронтами «перейти к жесткой, упорной обороне... Особо хорошо прикрыть в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму, Брянск, Севск, Курск и стыки с соседними фронтами»²⁸.

К концу сентября на московском направлении были сосредоточены главные силы воюющих сторон. Причем степень готовности их была далеко не одинаковой. Низкая укомплектованность советских войск в сочетании с ошибками в определении районов сосредоточения основных усилий фронтов, их неглубоким оперативным построением, очаговым характером и слабым инженерным оборудованием полос и позиций, делали оборону уязвимой для ударов вражеских танков, артиллерии и авиации.

Противник же сумел создать условия для ввода в сражение максимального количества войск. Тщательная маскировка своих планов и умелый выбор направлений главных ударов позволили германскому командованию, при общем превосходстве в силах и средствах над тремя советскими фронтами в 1,4–2,5 раза, на рославльско-вяземском и шостка-

орловском направлениях добиться преимущества в 6–12 раз, а на духовщино — вяземском направлении по танкам — даже в 31 раз²⁹. И не случайно, Гитлер в обращении к солдатам восточного фронта в связи с «началом последней великой решающей битвы года» выразил полную уверенность, что в ходе её «будет нанесен последний, жестокий удар, который еще до начала зимы должен разгромить этого противника, нанести ему смертельный удар»³⁰.

О том, насколько агрессор был уверен в успехе своего наступления свидетельствует следующий факт: «Утром 2 октября в период авиационной подготовки атаки, — вспоминали генералы армии И. А. Плиев и А. И. Радзиевский, — на нас вместе с бомбами посыпались вражеские листовки. На них изображались: линия фронта, главные удары немцев по сходящимся на Вязьму направлениям и был примерно такой текст: вот здесь непобедимые германские войска прорвут вашу оборону, а там — окружат и уничтожат вас. Сопротивление бесполезно... Русские солдаты, пока не поздно, немедленно сдавайтесь...». Что характерно, как мы убедились впоследствии, содержание листовок, соответствовало реальному замыслу немецкого командования, а его раскрытие в листовках означало полное пренебрежение к противнику³¹.

30 сентября немцы перешли в наступление на орловско-брянском направлении, а 2 октября — на вяземском. Начался новый цикл ожесточенной борьбы за советскую столицу. Противник, используя всё свое превосходство, прорвал оборону советских войск и начал быстрый выход в их тыл. 7 октября немцы замкнули кольцо вокруг войск, сражавшихся западнее Вязьмы, а 9 октября сводка генштаба ОКХ зафиксировала: «Брянский котел закрыт».

Для Красной Армии этот цикл битвы, начался с катастрофического поражения. Германский вермахт не только прорвал стратегическую оборону, но и окружил $\frac{2}{3}$ наших войск под Вязьмой и Брянском. Все пути на Москву оказались открытыми. Общее преимущество противника в силах над войсками фронтов западного направления возросло до 7–9 раз.

События под Вязьмой и Брянском вызвали огромный резонанс. По всему третьему рейху прокатился взрыв ликования. Гигантские заголовки на первых страницах немецких газет кричали: «Прорыв центра восточного фронта!», «Исход похода на восток предрешен!»; «Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву!» Все было направлено на то, чтобы не только в самом рейхе, но и за его пределами создать впечатление полного и окончательного триумфа Германии и поражения Советского Союза.. Общественное настроение в других странах поэт Наум Коржавин отразил в следующем четверостишье:

Казалось, что лавина злая
Сметет Москву и мир затем,
И за граница, замирая,
Молилась на Московский Кремль.

Но, несмотря на катастрофическое поражение, советская государственная система, политическое и военное руководство страны в столь экстремальной ситуации продемонстрировали исключительную оперативность и живучесть. В сравнительно короткий срок Ставка смогла перегруппировать силы между фронтами, подтянуть резервы, восстановить Западный и Брянский фронты, сформировать новый, Калининский фронт и закрыть образовавшиеся в обороне бреши. В результате к концу октября наступление по плану «Тайфун» захлебнулось на Можайской линии обороны. Враг был остановлен.

Приближающаяся же зима заставила германское командование спешить с продолжением наступления, чтобы до сильных морозов овладеть Москвой. Произведя перегруппировку и пополнив войска оружием, военной техникой и горючим, ГА «Центр» к середине ноября в основном изготовилась к наступлению, продолжая превосходить советские войска по людям, танкам и артиллерии в 1,6–3 раза. Зато по количеству самолетов советская авиация имела теперь преимущество над люфтваффе почти в 2 раза.

15 ноября немцы продолжили наступление на Москву. В ходе его за 20 дней боев им удалось продвинуться на 80–100 км, выйти у Яхромы к каналу Москва — Волга, завязать ожесточенные бои на рубеже нынешнего аэропорта Шереметьево, ст. Крюково, пос. Снегири, г. Наро-Фоминск, западнее Апрелевки, на окраине Каширы. Фашистские войска, чувствуя себя уже победителями, в поселке Красная Поляна (8 км восточнее аэропорта «Шереметьево», 12 км севернее современной границы Москвы) начали разворачивать дальнобойную артиллерию для последующего разрушения Кремля. Однако в момент, когда они в бинокли с крыш домов пригородных поселков могли разглядывать жизнь на улицах столицы, Красная Армия внезапно для врага перешла в контрнаступление. В ходе его советские войска нанесли немцам крупное поражение и, отбросив группу армий «Центр» на 100–250 км, отвели непосредственную угрозу от Москвы. А уже с 8 января, без всякой оперативной паузы, Западный и Калининский фронты, одновременно с войсками фронтов соседних стратегических направлений, перешли в общее наступление и вели его до 20 апреля 1942 г., когда к обороне перешел Западный фронт.

Но войска продолжали вести боевые действия и в апреле, и в мае, и в июне. Затем они провели три крупные операции: в июле–августе — Ржевско-Сычевскую наступательную, в ноябре–декабре — Демянско-Ржевскую (отвлекающая операция «Марс») и в марте 1943 г. — Ржевско-Вяземскую наступательную. Лишь в последней операции, когда основные силы группы армий «Центр» были отброшены к западу еще на 130–160 км, удалось окончательно снять угрозу Москве со стороны ржевско-вяземского плацдарма, удерживаемого немцами с весны 42-го. Ведь именно до этого времени ржевско-вяземский

плацдарм был удален от столицы всего на 150 км и выполнял функцию германского «пистолета», представленного к сердцу России.

Следовательно, и через полтора, и даже через два года после вторжения в нашу страну, нацисты не мыслили достичь своей конечной цели — разгромить Советский Союз без предварительного покорения его столицы продолжавшей быть остовом, костяком, основой устойчивости всего советско-германского фронта. Где бы враг ни наносил главный удар и куда бы Ставка ВГК ни направляла основные усилия, на первом месте у неё была Москва. Так, в октябре — середине ноября, когда гитлеровцы делали все, чтобы отбросить оборонявшиеся в Сталинграде войска за Волгу, в группировке Красной Армии под Москвой, было: людей — в 1,6 раза, орудий и минометов — в 1,4 и танков — в 2,3 раза больше, чем в составе фронтов сталинградского направления³².

Разгром немцев под Москвой произвел огромное впечатление на руководителей Великобритании и США. С момента вторжения Германии в СССР, будучи до смерти напуганными и боясь без помощи русских быть уничтоженными Гитлером, они сразу же заключили с нашей страной ряд договоров о политико-экономическом сотрудничестве. При этом союзники зорко наблюдали за событиями на советско-германском фронте, главной целью которого являлся вопрос — выдержит ли СССР страшный натиск фашистского вермахта или его постигнет жалкая судьба европейских стран, разгромленных немцами в считанные недели. И потому с получением первых же сообщений о «замечательных победах на русском фронте» У. Черчилль и Ф. Рузвельт уже 16 декабря направили свои поздравления И. Сталину, выразив полную уверенность в исходе войны. Победа под Москвой полностью успокоила наших западных союзников за участь своих стран.

Более того, когда стало очевидным, что «блицкриг» немцев провалился, а сопротивление Красной Армии, одержавшей историческую победу под Москвой, непрерывно возрастает, Великобритания и США, успокоившись за свою судьбу, начали игру с СССР. Наиболее ярким проявлением этого явилась история с открытием второго фронта. Дав согласие на открытие второго фронта в 1942 году, они, как писал позже У. Черчилль, и не думали его открывать в эти сроки. Они сделали это, мол, просто «чтобы ввести в заблуждение противника».

А теперь попытаемся дать ответ на поставленный нами выше вопрос, а именно: какая же из битв, проведенных в Великой Отечественной войне, была самой крупной по масштабу, количеству военной техники, напряженности сражений (понесенному в них ущербу), и каково её место в достижении победы над врагом? С этой целью сопоставим их, не только между собой, но и сравним с некоторыми историческими событиями, имевшими ключевое значение во Второй и Первой мировых войнах (таблицы 1, 2 и 3).

Таблица 1
Численность войск и потери личного состава в крупнейших сражениях XX века
(сведения ориентировочные)

Наименование сражения, операции, битвы	Число расчетных дивизий (с обеих сторон)**	Численность, тыс. чел.			Безвозвратные потери, тыс. чел.		
		Красная (русская) Армия, сос(союзники)	Вермахт (противник)	Всего	Красная (русская) Армия, союзники	Вермахт (противник)	Всего
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА							
Приграничные сражения (22–29.6.41 г.)	339	2680	2020	4700	513,3	Ок. 23	536.3
Ленинградская битва (10.7.41 — 9.8.44 г.)	401	3488	812	4300	979.2	299.0	1278.2
Московская битва*** (27.6.41 — 31.3. 43 г.)	536 ((411 + 125)w)	6696 ****	3180	9876	1694>	920>>	2614
в том числе за период: (30.9.41 — 20.4.42 г.)	386 (286 + 100)	4752	2283	7035	958	630	1588
Сталинградская битва (17.7.42 — 2.2.43 г.)	270	19220	1685	3605	451.2*	461.1*	912.3
Курская битва (5.7. — 23.8.43 г.)	300	3100	900	4000	254.5	500	754.5
Белорусская операция (23.6. — 29.8.44 г.)	316	2412	1200	3612	178.5	255.4	433.9
Берлинская операция (16.4. — 8.5. 45 г.)	278	2500	1000	3500	78.3	480	558.3
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1939–1945							
Сражение в Сев. Африке под Эль-Аламейном (23.10. — 3.11.42 г.)	—	230	80	310	—	—	—
Наступление союзников в Италии (июнь 1944 г.)	—	1399	441	1780	—	—	—
Фолезская операция англо-американских войск в Северной Франции (10.8. — 25.8.44 г.)	—	1600	500	2100	—	—	—
Арденская операция Вермахта (16.12.44 — 28.1.45)	—	83	250	333	Англо-американские войска на всем Западном фронте в течение 1945 г потеряли 260 тыс. человек		
Рурская операция (23.3. — 18.4.45 г.)	80	3100	900	400			
Группировка союзных войск и вермахта на Западном фронте (к 1.4.45 г.)	149	5111	1820	6931			
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА							
Галицийская битва 1914 год	130	*	*	Свыше 2000	230	400	630
Наступление Юго-Западного фронта («Брусиловский прорыв») (4.06. — 4.11.1916 г.)	*	*	*	Около 2500	500	1500	2000
Наступление англо-французских войск на р. Сомма (Северная Франция — 1.07. — 18.11.1918 г.)	153	*	*	Около 2600	794	538	1332

* Сталинградская битва. Материалы научных конференций в Москве и Волгограде, прошедших к 50-летию сражения. Волгоград. 1994. С. 163–171.

** За 1 расчетную дивизию принято: механизированных корпусов — 0,5, танковых корпусов — 1, укрепленных районов — 2, стрелковых, воздушно-десантных бригад и бригад ВВ НКВД — 2, танковых (мотострелковых и моторизованных бригад) — 3, отдельных танковых полков и отдельных танковых батальонов — 9, отдельных лыжных батальонов и сводных батальонов военно-учебных заведений — 12.

*** В первой строке приведена суммарная величина расчетных дивизий, участвовавших в битве с 27.6.41 г. по 31.3.43 г.) Во второй строке цифры даны только для ранее принятых хронологических рамок сражений Московской битвы — (30.9.41 г. — 20.4.42 г.).

w) 536 (411+125) — число дивизий с двух сторон.

**** Здесь дана ориентировочная общая численность личного состава соединений и отдельных боевых частей фронтов, с учетом численности Войск ПВО Москвы (а это более 63 тыс. чел.), 15 УРов, 120 отдельных дивизионов и батальонов войсковой ПВО, 276 отдельных полков, 845 батальонов (дивизионов) и рот родов войск Сухопутных Войск, не входивших в состав соединений, а также — 39 авиационных дивизий, 167 отдельных авиационных полков ВВС, 48 полков пограничных войск НКВД, 42 частей и подразделений военных академий, военных училищ, фронтовых и армейских курсов и школ младших лейтенантов.

Расчет: в сражения за Москву в период 27.6. — 29.9.41 г. было введено 167 советских дивизий; с 30.9 до 4.12.41 г. — 80 дивизий; с 5.12.41 г. до 20.4.42 г. — 90; и с 21.4.42 г. до 31.3.43 г. — 84. Всего — 411 дивизий.

В немецкой группе армий «Центр» в период 22.6 — 10.9.41 г. действовало 44 расчетных дивизий. С 10 до 29.9.1941 г. введено — 29,5 дивизий. С 30.9. до 4.12.41 г. действовало — 77,5 дивизий, с 5.12.41 г. до 20.4.41 г. дополнительно введено — 22,5. Следовательно, с 30.9.41 г. по 20.4.42 г. действовало — 100 дивизий. А с 21.4.42 г. до 31.3.43 г. введено еще — 25 дивизий. Таким образом, в Московской битве участвовало всего — 125 расчетных дивизий противника.

>) Подсчитано по: Гриф секретности снят... М., 1993. С. 169, 171, 174, 176, 224, 225, 226; ЦАМО. Ф. 500, Оп. 12454. Д 227. Л. 19, 120. Без учета потерь в Белорусской стратегической оборонительной операции (22.6 — 9.7.41 г.), ибо войска Западного Особого военного округа, вошедшие с началом войны в состав Западного фронта, были сосредоточены здесь еще в предвоенный период с целью прикрытия государственной границы СССР, а не для защиты Москвы. Только 27 июня 1941 г. Ставка ГК в директиве Военному совету группы армий резерва Главного Командования, развернутой на рубеже рек Западная Двина, Днепр, поставила её войскам задачу: «**Не допустить прорыва противника в направлении на Москву, уничтожая его мощными контрударами наземных войск и авиации**». Тем не менее, Белорусская операция сыграла важную роль в защите столицы, задержав продвижение противника на две с половиной недели.

>>) Подсчитано по: *Рейнгардт Клаус*. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 54, 381. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Том 111. М., 1976. С. 343. Военная Энциклопедия: В 8 томах. . — Т. 7. М., 2003. С. 233.

Таблица № 2

Количество военной техники, используемой воюющими сторонами в битвах и операциях Великой Отечественной войны.³³ (Цифры ориентировочные)

Наименование битв, операций	Количество военной техники (штук)					
	Танки и САУ			Орудия и минометы		
	Красная Армия	Противник	Итого с двух сторон	Красная Армия	Противник	Итого с двух сторон
Ленинградская битва: 10.9.41 г. — 9.8.44 г.	3084	1986	5070	46 132	20 775	66 907
Битва за Москву: 27.6 — 29.9.41 г.	6147	1881	8028	26 230	11 465	37 695
30.9.41 — 20.4.42 г.	4079	1254	5333	25 007	8485	33 492
21.4.42 — 31.3.43 г.	3389	483	3872	7995	5658	13 663
Всего: с 27.6.41г. по 31.3.43 г	13 615	3618	17 233	59 232	25 608	84 840
Сталинградская битва: 17.7.42 — 2.2.43 г.	7194	1650	8544	39 218	21 000	60 218
Курская битва: 5.7. — 23.8.43 г.	10 300	2700	13 000	60 000	9000	69 000
Белорусская операция: 23.6. — 29.8.44 г.	5200	900	6100	36 400	9500	45 900
Берлинская операция: 16.4. — 8.5.45 г.	6300	1500	7800	41 000	10 400	51 400

Таблица № 3

Потери военной техники войсками Красной Армии в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны³⁴

(Цифры ориентировочные)

Наименование сражений, битв, операций	Количество потерь военной техники (штук)		
	Танки и САУ	Орудия и минометы	Боевые самолеты
Приграничные сражения	11 703	18 794	903
Московская битва:			
27.6 — 29.9.41 г.	1342	9290	983
30.9.41 г. — 20.4.42 г.	4171	24 478	*
21.4.42 г. — 31.3.43 г.	2057	983	*
Всего	7576	39 538	1954
Ленинградская битва	2289	12 623	2314
Сталинградская битва	4341	15 728	2769
Курская битва	6064	5244	1626
Берлинская операция	1997	2108	917

Какие же выводы можно сделать из сопоставления сведений, приведенных в таблицах 1,2 и 3? Они следующие:

- Сравнение цифр показывает, что к участию в операциях битвы за Москву было привлечено: войск на 5,6–6,3 млн. человек и на 135–256 дивизий; военной техники на 15 840–38 940 орудий и минометов, на 4232–12 163 танков и САУ (штурмовых орудий) больше, чем в каждом из таких важнейших событий Великой Отечественной войны, как Ленинградская, Сталинградская, Курская битвы, Белорусская и Берлинская операции. Сражения Московской битвы охватили территорию площадью 555 тыс. кв. км, которая превысила размеры Франции и сравнима с суммарной площадью территорий таких двух европейских государств, как Великобритания и Польша.
- Все восемь главных операций Московской битвы (три — оборонительные и пять — наступательных) проходили в сложнейших условиях военно-стратегической обстановки на фронтах Второй мировой войны. Рассматриваемый этап её ведения «был самым тяжелым для антифашистской коалиции, и, прежде всего для Советского Союза. Расширение масштабов войны имело своим следствием дальнейшее увеличение численности вооруженных сил коалиций, которые к середине ноября 1942 г. достигли 46 млн. человек... К этому времени в борьбу вступили основные силы коалиций. Так, если в первом периоде Второй мировой войны (1.9.1939 г. — 21.6.1941 г. — *Б. Н.*) противоборствующие стороны имели до 200 дивизий, то в её втором периоде (22.6.41 г. — 18.11.42 г. — *Б. Н.*) уже более — 800 дивизий»³⁵. А вот, в одной лишь битве за Москву сражались — 536 дивизий (67% общего числа всех дивизий мира) и около — 9,9 млн. человек (21,5 % общей численности вооруженных сил противоборствующих коалиций)!!! Количество солдат и офицеров, участвовавших в битве за нашу столицу, более чем в 43 раза превышало суммарный состав британских, германских и итальянских войск, сражавшихся в Северной Африке под Эль-Аламейном. А ведь эту операцию на Западе считают поворотным пунктом всей Второй мировой войны! За Москву сражалось на 2 млн. 945 тыс. человек больше общей численности германских, американских, британских, французских, канадских, датских, польских и других войск, действовавших на всем западноевропейском фронте в марте — апреле 1945 г. И еще одно сравнение: в Московской битве участвовало на 7,3–7,9 млн. человек больше, чем в самых крупных битвах и операциях Первой мировой войны.
- В битве за столицу Красная Армия понесла огромные потери. За период с 27.6.1941 г. по 31.3.1943 г. её войска безвозвратно потеряли 1 млн. 694 тыс. человек. Если сравнить это число с общими безвозвратными потерями Советских Вооруженных Сил, пограничных и внутренних войск НКВД за годы Великой Отечественной войны (в том числе и кампании на Дальнем Востоке), составившими 8668, 4 тыс. человек³⁶, то доля погибших в битве за Москву составит 19,54 % от общих потерь за всю войну. Другими словами, в сражениях за родную столицу был убит каждый пятый военнослужащий от общего числа погибших за четыре года войны на всех её фронтах, или — каждый четвертый боец, защищавший столицу (25,3% от общего количества военнослужащих, участвовавших в битве). Только в одной этой битве безвозвратные потери Советского Союза были на 339 тыс. человек больше, чем потеряли убитыми Великобритания и Соединенные Штаты Америки вместе взятые во всех сражениях Первой и Второй мировых войн³⁷. «Такова была вселяющая ужас цена, которую советские люди

заплатили за то, чтобы Вермахт потерпел свое первое реальное поражение, — написал в своей книге сэр Родрик Брейтвейт, — Они сражались с немцами до конца, до последней капли крови, отбросив их на сотни километров от стен своей столицы»³⁸.

4. Цифры потерь и военной техники, понесенных советскими войсками в битве за Москву, показывают, что Красная Армия потеряла — на 3835 орудий и минометов больше, чем в Ленинградской, Сталинградской, Курской битвах и Берлинской операции, вместе взятых. Она потеряла в Московской битве на 946 танков и САУ — это больше чем суммарные потери под Ленинградом и Сталинградом.
5. Что касается потерь немецких войск, то и они для германского вермахта в битве за Москву оказались самыми большими за все годы Второй мировой войны. Здесь враг потерял 920 тыс. солдат и офицеров (28,9% их количества). А это значит, что доля потерь от общей численности военнослужащих у противника была на 3,6% большей, чем у советских войск. Правда, в абсолютных величинах, эта цифра в 1,8 раза меньше потерь Красной Армии в Московской битве. Но, ведь и немецких войск здесь участвовало — в 2,1 раза меньше (на 3180 тыс. чел.), чем советских. Об особой напряженности боев за столицу, свидетельствуют и сравнительные показатели потерь людей противником в битве за Москву и в других сражениях Великой Отечественной войны. Так, под Москвой враг потерял: на — 160 тыс. чел. больше, чем в Ленинградской и Сталинградской битвах вместе взятых; на — 420 тыс. чел. больше, чем в сражениях на Курской дуге и на — 440 тыс. чел. больше, чем в Берлинской операции.
6. С началом вторжения агрессора в нашу страну Москва стала центром тяжести всего советско-германского фронта, а борьба за неё, по существу, приняла характер генерального сражения — вооруженного столкновения главных сил воюющих сторон, оказывающим по своим результатам решающее влияние на исход кампании и всей войны. У стен русской столицы решался вопрос о самом существовании обоих воюющих государств, решалась судьба не только Советского Союза, но и нацистской Германии. Поражение в этой битве означало фатальную неизбежность разгрома каждого из них в последующем. И потому крушение планов руководителей третьего рейха в битве за Москву стало не просто отдельной их неудачей. Здесь нацисты проиграли не сражение или операцию, а по сути — всю «молниеносную войну» против Советского Союза. Крах стратегии блицкрига и всего плана «Барбароссы» поставил третий рейх перед перспективой новой войны, войны длительной и на два фронта. Этого же немцы всегда чрезвычайно опасались. К такой войне Германия, была не готова. Ее руководителям пришлось перестраивать свою стратегию, экономику, вводить тотальную мобилизацию людских и материальных ресурсов. Этими и другими мерами, а также использованием экономики оккупированных стран Европы, Германии еще удавалось добиваться успехов на отдельных направлениях, но все они лишь отдаляли агонию режима, а вот спасти его от полного краха, были уже не в состоянии.

Всё это время Москва была основой устойчивости всего советско-германского фронта. Где бы враг ни наносил главный удар, и куда бы Ставка ВГК ни направляла основные усилия, на первом месте у Верховного Главнокомандования всегда была Москва. Можно утверждать, что если бы Москва не устояла перед натиском германским натиском, то не было бы и последующих побед ни под Сталинградом и Курском, ни под Ленинградом, ни на других участках советско-германского фронта.

*Участник Великой Отечественной войны
Полковник в отставке Борис Ильич Невзоров*

¹ «Д» — условное обозначение дня начала планируемой операции. В данном случае имеется в виду 6 июня 1944 г. — день открытия второго фронта против фашистской Германии путем вторжения англо-американских экспедиционных сил на территорию Северо-Западной Франции. К этому времени на территории Франции, Бельгии и Нидерландов находилась 58 немецких дивизий, а на советско-германском фронте действовало — 235, то есть в 4 раза больше.

² См. «Гриф секретности снят...М., Воениздат, 1993», «Россия и СССР в войнах XX века, 2005» и «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М. 2009»

³ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. — М., 1985. С. 452.

⁴ W/ Gerlitz. Paulus: «Ich stehe hier aut Befehl!». S. 186.

⁵ Ibid., S. 122.

⁶ См. «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М. 1967. С. 151–152.

⁷ Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С. 136, 148, 155; Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. кн.1. М., 1971. С. 31. При подсчете 3 ТГр учтена в составе ГА «Центр», хотя до 25.06.41 г. она и наступала в полосе обороны Северо-Западного фронта, но действовала в интересах ГА «Центр» с целью выхода во фланг тыл войскам Западного фронта. В составе 3 ТГр насчитывалось: людей — 100, 7 тыс. чел., орудий и минометов — 1400, танков и штурмовых орудий — 794.

⁸ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 163, 368.

⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3804. Д. 3. Л. 282–284.

- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1710. Д. 1. Л. 1,2.
- ¹¹ См : Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М., ТЕРРА. 1996. С. 23–24 (документ №6) и С. 29–30. (документ № 17).
- ¹² Подробнее о ходе боевых действий войск группы армий «Центр» на московском направлении, рассмотренных глазами германского командования, см. монографию М. Ю. Мягкова. «Вермахт у ворот Москвы 1941–1942 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС. Звездный мир. 2005.». С. 3–213, 253–261, 281–343.
- ¹³ ЦАМО. Ф. 219. Оп. 37549. Д. 1. Л. 23–25.
- ¹⁴ Московская битва в Постановлениях Государственного Комитета Оборона. Документы и материалы 1941–1942. М. — М., 2001. С. 41.; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1) С. 77–78 (документ № 107). Фронт Можайской линии обороны упразднен 30.7.41 г., а его войска вошли в создаваемый Резервный фронт.
- ¹⁵ Дневник Гальдера, запись 17 июля 1941 г.
- ¹⁶ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., 1967. С. 262–263.
- ¹⁷ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми т. Т. 8. — М., 1999. С. 667.
- ¹⁸ Там же. Т. 1 С. 422.
- ¹⁹ Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 138–139.
- ²⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!». С. 269–271 (Директива ОКВ № 34)
- ²¹ W. Gerlitz. Paulus: «Ich stehe hier auf Beth!». S. 113.
- ²² Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Летне-осенняя кампания 1941 г. М., 2004. С. 54–56, 162–167; Боевой состав Советской Армии. М., 1964. Ч. 1; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). — ТЕРРА. 1996. С. 22–23, 24–25, 28–30, 39, 41–42, 49, 64–65, 66–67, 70–72, 75, 77–78, 81–82, 85, 87, 88–89, 90–91, 97, 98–99, 101, 106–107, 134–135, 148–149, 154, 171.
- ²³ Подсчитано по: Рейнгардт Клаус. Поворот под Москвой. Пер. с нем. М., 1980. С. 381.
- ²⁴ Цит. по: Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. С. 146–147.
- ²⁵ Подсчитано по: Московская битва в постановлениях Государственного Комитета Оборона. Документы и материалы. 1941–1942. — М., 2001; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). ТЕРРА. 1996; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т.6. М., 1965. С. 192. Подсчет показывает, что только летом 1941 г. Ставка ВГК в интересах защиты Москвы развернула 150 дивизий. 30. См. Рейнгардт Клаус. Поворот под Москвой. С. 72.
- ²⁶ Жуков Г. К. Заря грядущей победы. //Правда. 1971. 5 декабря//
- ²⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., 1967. С. 326–328.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 30. Л. 47,49.
- ²⁹ Невзоров Б. И. Московская битва: феномен Второй мировой. М., 2001. С. 214–215.
- ³⁰ «Berliner Borsenzeitung». 1941. 10 okt.
- ³¹ В начале Московской битвы генерал-майор И. А. Плиев командовал 50-й кавалерийской дивизией, а подполковник А. И. Радзиевский был начальником штаба 53-й кавалерийской дивизии. Оба эти соединения входили в состав кавалерийской группы генерал-майора Л. М. Доватора и обороняли духовщино-вяземском направлении. В декабре 1971 г. по случаю 30-летия разгрома немецких войск под Москвой Исса Александрович и Алексей Иванович, выпускники Венной академии им. М. В. Фрунзе 1933 и 1938 гг., выступили перед её слушателями со своими воспоминаниями о битве.
- ³² Подсчитано по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 455, 459.
- ³³ Источники: Боевой состав Советской армии. Части 1–4. М., 1964–1966; Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших её сателлитов на советско-германском фронте в период 1941–1945 гг. Выпуски 1–5. М., 1955–1957; Оборона Прибалтики и Ленинграда (1941–1944). М., 1960; Военно-исторический журнал. 1964. №6; 1965. №4; 1967. №1, 3; 1992. №6–7; Красная Армия в самой крупной битве истории. Справочник о воинских формированиях, участвовавших в Московской битве (30.9.1941 г. — 20.4.1942 г.); Московская битва в цифрах. ГМОМ. 2009; Великая победа на Волге. М. 1965; Самсонов А. М. Сталинградская битва. М., 1968; Сталинградская битва. Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде к 50-летию сражения. Волгоград, 1994; Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., 1983; Тимохович И. В. Битва за Белоруссию 1941–1945. Минск. 1994; Освобождение Белоруссии, 1944. 2-е изд. М., 1974; Воробьев Ф. Д., Паротькин И. В., Шиманский А. Н. Последний штурм. 2-е изд. М., 1975; История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1975–1979. Т. 4. С. 64, 71, 110–115, 270–328, 313–319; Т. 5. С. 142–198; Т. 6. С. 42–89; Т. 7. С. 135–186; Т. 9. С. 40–65; Т. — 10. С. 310–347.
- ³⁴ Источники: Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 484–487; Гриф секретности снят... С. 368, 369, 370, 371, 372; Военная Энциклопедия: в 8 томах: Т. 5. М., 2001. С. 264; Т. 7. М. 2003. С. 233, 234–235; ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 402. Л. 48,49; Ф. 376. Оп. 10803. Д. 100. Л. 269; Ф. 396. Оп. 9208. Д. 31. Л. 11; Ф. 500. Оп. 12462. Д. 565. Л. 43. *) Нет данных.
- ³⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 5. С. 468,469.
- ³⁶ Гриф секретности снят... С. 129
- ³⁷ Подсчитано по официальным цифрам потерь, опубликованных в Великобритании и в Министерстве обороны США, которые приведены Чрезвычайным и Полномочным Послом Великобритании в Российской Федерации (в отставке) сэром Родриком Брейтвейтом в его книге: «МОСКВА 1941 — город и его люди в войне. — М., «Голден-Би». 2006. — С. 338, 339.
- ³⁸ Там же. С. 7.

Значение битвы за Ленинград в Великой Отечественной войне

В. М. Ковальчук*

Битва за Ленинград занимает особое место в истории Великой Отечественной войны. Гитлер, учитывая важное экономическое и стратегическое значение Ленинграда, решил захватить его раньше Москвы. Характерно, что для этого он выделил одну из трех основных групп своей многомиллионной армии, наступавших на Советский Союз. Захватом Ленинграда гитлеровцы стремились уничтожить Балтийский флот, вывести из строя промышленность города, овладеть удобными морскими путями для снабжения войск группы армий «Север» и «Центр», а также использовать Ленинград как плацдарм для нанесения удара в тыл советским войскам, прикрывавшим Москву. С овладением Ленинградом связывались также и определенные расчеты психологического характера. Гитлер считал, что с падением Ленинграда «будет утрачен один из символов революции... и что дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван и, более того, что для Советского Союза может наступить полная катастрофа».

«Для нас, — писал Г. К. Жуков, — потеря Ленинграда во всех отношениях была бы серьезным осложнением стратегической обстановки. В случае захвата города врагом и соединением здесь немецких и финских войск нам пришлось бы создавать новый фронт, чтобы оборонять Москву с севера, и израсходовать при этом стратегические резервы, которые готовились Ставкой для защиты столицы. Кроме того, мы неизбежно потеряли бы мощный Балтийский флот. Для противника взятие Ленинграда означало, что группа армий «Север» и финские войска, действовавшие на Карельском перешейке, легко могли соединиться в районе реки Свирь и перерезать наши коммуникации, идущие в Карелию и Мурманск. Все эти факторы обусловили крайнюю ожесточенность и напряженность борьбы за Ленинград».

Бои за Ленинград, длившиеся более трех лет, происходили на территории почти всей северо-западной части Советского Союза. В борьбе с немецкими и финскими войсками в разное время участвовали войска 6 фронтов, авиация дальнего действия, войска ПВО страны. Балтийский флот, 3 озерные флотилии, формирования партизан и трудящиеся Ленинграда и области.

И хотя защитники Ленинграда в борьбе с врагом проявили героизм и мужество, бывали дни, когда город находился в тяжелейшем положении. В сентябре 1941 г. в связи с возможным прорывом немцев в город были заминированы его важнейшие стратегические объекты, а в октябре месяце речь даже шла не столько о спасении Ленинграда, сколько о спасении армий Ленинградского фронта.

В сентябре 1941 г. наступление немецких войск было остановлено, но им удалось, захватив Шлиссельбург, заблокировать Ленинград. Остановив группу армий «Север», защитники Ленинграда не только не дали противнику возможность отрезать страну от северных портов, через которые к нам поступали грузы от союзных держав, но и не позволили ему осуществить глубокий обход Москвы с севера.

Бывшие гитлеровские генералы и западногерманские историки по разному объясняют причины краха плана вермахта захватить Ленинград, а бывший командующий 18-й немецкой армией, а затем и группой армий «Север» Линдемман на допросе в июне 1945 г. на вопрос, как он оценивает причины неудачи немецких войск под Ленинградом, назвал по существу фантастическую причину: «Мы не взяли Ленинград, — заявил он, — потому, что ни разу серьезно его не атаковали». С этим можно согласиться только в том смысле, что героические защитники Ленинграда не позволили противнику атаковать его

* **Валентин Михайлович Ковальчук** — Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник С.-Петербургского Института истории РАН, заслуженный деятель науки (С.-Петербург). Материал подготовлен на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Война. Народ. Победа» (Москва, 15–16 марта 2005 г.).

«серьезно». В действительности причиной краха гитлеровского плана захвата Ленинграда явилось непреодолимое для фашистов сопротивление защитников Ленинграда, что впоследствии пришлось признать и некоторым немецким генералам. «Немецкие войска дошли до южных предместий города, — писал Курт Типельскирх, — однако ввиду упорного сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было». Одной из причин провала плана гитлеровцев ворваться в Ленинград были также тяжелые потери вермахта под Ленинградом.

Тем не менее, немецкие войска достигли стен Ленинграда, заблокировали город и создали тяжелейшие условия для ленинградцев и их защитников.

Основной причиной отступления советских войск являлось численное превосходство противника, что было обусловлено общей неподготовленностью страны к войне. Сыграло свою роль и неумелое руководство обороной Ленинграда со стороны К. Е. Ворошилова, являвшегося главнокомандующим северо-западным направлением, а затем и непосредственно командующим Ленинградским фронтом. В постановлении политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 г., специально разбиравшего работу Ворошилова, было записано, что он «не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда».

Но когда немецкие войска оказались у стен Ленинграда, гитлеровское командование растерялось. При этом растерялось не только командование группы армий «Север», но все высшее командование вермахта. Не выполнив приказ Гитлера захватить Ленинград, но оказавшись на ближних подступах к городу, они не знали, что делать. Не имея указаний Гитлера, они не знали, как поступить с более чем двухмиллионным городом, который они рассматривали в бинокль. Особенно их волновало: что делать, если из Ленинграда поступит предложение о сдаче города. 15 сентября, в момент самых критических боев за город, командующий группой армий «Север» Лееб запрашивает командование сухопутных войск вермахта «как поступить в случае предложения о сдаче Ленинграда». 18 сентября Кейтель, прибывший в группу армий «Север», заявил: «Как поступить с Ленинградом в случае его сдачи — фюрер оставляет за собой. Это станет известно лишь после того, как мы в него войдем. Генерал-полковник Гальдер рекомендует оборудовать всю блокадную линию всеми средствами защиты от попыток прорыва (мины, постановка заграждений), так как определенно следует считаться с упорными попытками прорыва. Капитуляция Ленинграда ни в коем случае не должна приниматься без обсуждения с ОКХ. Как поступит предложение о сдаче, следует только установить, кто обращается, что он просит, какие у него полномочия. Исходя из этого должно быть принято решение ОКХ (ОКВ)».

А 21 сентября отдел обороны страны вермахта даже выпустил тезисы к докладу о блокаде Ленинграда, в которых излагались разные варианты возможных действий в отношении Ленинграда: 1) занять город, но ответственность за продовольственное снабжение населения на себя не брать; 2) город окружить проволочным забором, пустив по нему электрический ток и простреливая его из пулеметов. Недостатком этого решения признавалось то, что из 2-х миллионов жителей слабые погибнут от голода и возникнет эпидемия, опасность которой может распространиться на немецкие войска; 3) женщин, детей и стариков вывести за пределы кольца блокады, остальных уморить голодом. Отрицательной стороной этого варианта, не говоря уже о том, что эвакуацию за р. Волхов можно осуществить только теоретически, считалось то, что остальное голодающее население Ленинграда будет являться очагом эпидемии; 4) отойти снова за Неву и предоставить район севернее этого участка в распоряжение финнов. «Но Финляндия неофициально заявила, — говорится в тезисах, — что она хотела бы, чтобы ее государственная граница проходила по Неве, не включая Ленинград».

Изложив эти варианты расправы с населением Ленинграда, отдел обороны страны, резюмируя, что «удовлетворительного решения не имеется», в свою очередь предлагал следующее: а) Рассматривая Ленинград со всем населением как военный объект, разрешить Рузвельту после капитуляции Ленинграда обеспечить его население продовольствием или перевести в Америку. Но, говорилось в тезисах, «такое предложение, конечно, не может быть принято, однако его можно использовать в целях пропаганды... б) Сначала мы блокируем Ленинград (герметически) и разрушаем город, если возможно, артиллерией и авиацией... в) Когда террор и голод сделает свое дело, откроем отдельные ворота и выпустим безоружных людей, г) Остатки «гарнизона крепости» останутся там на зиму. Весной мы проникнем в город... вывезем все, что осталось живое, в глубь России или возьмем в плен, сравняем Ленинград с землей и передадим район севернее Невы Финляндии».

Но колебания длились недолго. Уже 29 сентября часть предложений отдела обороны страны нашла обязывающую формулировку. Появилась директива военно-морского штаба «О будущности города Петербурга», в которой говорилось: «Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населенного пункта... Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы сохранения населения и его пропитания не могут и не должны разрешаться нами. С нашей стороны в этой войне, которая ведется

не на жизнь, а на смерть, нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города».

Но приказ Гитлера не штурмовать Ленинград, а стереть его с лица земли, вызвал в войсках, подошедших к городу, непонимание и разочарование «...Когда войска уже вовсю предвкушали торжество заслуженной победы, — вспоминал командир 41-го танкового корпуса Рейнгардт, — точно холодный душ из штаба танковой группы пришла новость, что вместо штурма Ленинграда будет его блокада... В самую последнюю минуту солдат, которые делали все для победы, лишили венца победителей». Это заставило Гитлера повторить свое решение, а, главное, объяснить немецким офицерам и всему миру, почему он отказался от штурма Ленинграда. И появилась новая директива верховного главнокомандования вермахта от 7 октября, подписанная начальником штаба оперативного руководства вермахта Йодлем. В ней говорилось: «Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником. Моральная правомерность этого мероприятия ясна всему миру. Если в Киеве взрывы мин замедленного действия создали величайшую опасность для войск, то еще в большей степени надо считаться с этим в Москве и Ленинграде. О том, что Ленинград заминирован и будет защищаться до последнего человека, сообщило само русское радио. Следует ожидать больших опасностей от эпидемий. Поэтому ни один немецкий солдат не должен вступать в эти города. Кто покинет город против наших линий, должен быть отогнан назад огнем. Небольшие неохраняемые проходы, делающие возможным выход населения поодиночке для эвакуации во внутренние районы России, следует только приветствовать. И для всех других городов должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами, а население обращено в бегство. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня, точно так же, как нельзя кормить их население за счет германской родины... Хаос в России станет тем большим, а наше управление и использование оккупированных восточных областей тем легче, чем больше население городов советской России будет бежать во внутренние области России. Эта воля фюрера должна быть доведена до сведения всех командиров».

Из этой директивы выходит, что именно заминированный Ленинград и нежелание рисковать жизнью немецкого солдата заставили Гитлера отказаться от его захвата. На самом же деле Ленинград не был взят не потому, что был заминирован, а потому, как уже было сказано, что сделать это немецким войскам не позволили защитники Ленинграда. По этой же причине с треском провалился и план захвата Ленинграда в 1942 г., когда Гитлер, «забыв», что Ленинград зами-

нирован, приказал специалисту по взятию крепостей генерал-фельдмаршалу Манштейну захватить город.

Для уничтожения ленинградцев, кроме снарядов и бомб, гитлеровское командование неоднократно намеревалось использовать и химическое оружие. Однако, видимо, боясь ответного химического нападения союзных антифашистских стран, оно не решилось использовать химическое оружие.

«...Личный состав Ленинградского фронта. Краснознаменного Балтийского флота и жители города, — пишет начальник генерального штаба советских вооруженных сил С. М. Штеменко, — поклялись не отдавать в руки врага колыбель революции, и с честью сдержали эту клятву. Город устоял, хотя и был стиснут в блокадном кольце».

Совершенно ясно, что директивы гитлеровского командования от 29 сентября и 7 октября стереть Ленинград с лица земли, отражающие истинную суть фашизма, одновременно являются и фактическим признанием провала планов Гитлера захватить Ленинград.

Но, говоря о директивах Гитлера об уничтожении Ленинграда, следует сказать, что лично Лееб, командующий группой армий «Север», этих директив не получил. Директиву от 29 сентября ему переслало командование ВМС, запросившее Гитлера, что будет с морскими сооружениями. «Я сам, — пишет Лееб, — никогда не получал такого рода приказа. Но если бы я даже получил такой приказ, я никогда бы не смог его выполнить, так как, во-первых, у меня совсем не было артиллерии, способной сравнять Ленинград с землей, во-вторых, еще меньше было боеприпасов к ней, и, в-третьих, имеющимися артиллерийскими средствами я не мог по их дальности действия достичь северной части города, ну и, в-четвертых, у меня не было ни единого бомбардировщика. Это была одна из несбыточных фантазий Гитлера, если бы я даже получил такой приказ». Однако несмотря на сомнения Лееба в возможности выполнить указание Гитлера об уничтожении Ленинграда, он, как и все последующие командующие группой армий «Север», все время наращивал артиллерийские средства и авиацию под Ленинградом и, подвергая город ежедневным артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с воздуха, стремился выполнить приказ Гитлера уничтожить ленинградцев и сравнять город с землей.

Продолжавшаяся почти 900 дней оборона блокированного Ленинграда с оставшимся в нем более чем двухмиллионным населением факт, невиданный в мировой истории.

Положение блокированного города трудно представить. «Наступили дни, которых не смог бы выдумать самый неумный писатель-фантаст, — писал переживший блокаду писатель Н. Тихонов. — Картины Дантова ада померкли, потому что они были только картинами, а здесь жизнь взяла на себя труд показать удивленным глазам небывалую действительность. Она поставила человека на край бездны, как будто проверяла, на что он способен, чем жив, где берет силы».

Но ленинградцы и их защитники, неся потери от немецких бомб и снарядов, умирая от голода и холода, самоотверженно сражались с врагом. В мировой истории не было примера такого героизма, мужества и трудовой доблести, какую проявляли ленинградцы. Мужество проявляли все, кто оказался в блокированном кольце — и воины и жители города. Они все были фронтовиками. При этом следует подчеркнуть, что мужество и героизм ленинградцев выражались не в том, как считают некоторые зарубежные авторы, что они только ждали наступления смерти. Они активно боролись со смертью, и в страшных условиях блокады продолжали каждый на своем посту работать и делать все для укрепления обороны города. Тысячи рабочих, ежедневно приходившие на предприятия, не только следили за сохранностью оборудования и станков, но и выполняли работы, нужные фронту. Они ремонтировали танки, пушки, пулеметы, стрелковое оружие и в ряде случаев изготавливали новое вооружение и боеприпасы. И все это делалось вручную слесарным способом и на станках с ножным приводом. Продолжали работать научные учреждения и вузы города. Ученые, писатели и поэты, композиторы и художники, артисты и журналисты, находившиеся в осажденном Ленинграде, своими произведениями и выступлениями поддерживали боевой дух ленинградцев и воинов, защищавших город.

Правда, тяжелые условия блокады и главным образом продовольственные трудности, а также призывы немцев к прекращению сопротивления привели к появлению у некоторых жителей Ленинграда пораженческих и даже антисоветских настроений. Появились призывы к сдаче Ленинграда. Но доля негативных настроений была незначительной. Подавляющая часть ленинградцев и их защитники стойко переносили лишения блокады, верили в победу над врагом и были настроены до конца отстаивать свой город. «Многие ленинградцы в тех нечеловеческих условиях, — пишет одна блокадница, — показывали примеры такой духовной высоты, такой жизнестойкости и человеколюбия, какие трудно встретить в обычных житейских условиях. Голод не убил человека в человеке, мы продолжали мыслить, чувствовать». «Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покориться никто не заставит», — так выразила чувства ленинградцев А. Ахматова в стихотворении «Клятва».

Вот что писал о героизме ленинградцев побывавший в блокированном городе в сентябре 1943 г. английский журналист А. Верт: «То, что я видел за неделю, было подлинно великим, очень трогательным и очень трагичным. Мне уже не раз приходилось видеть человека в минуты его величия... Но величие Ленинграда особого рода. Тут трудно подобрать слова. „Дух товарищества“, „патриотизм“, „самоотверженность“, „свободолюбие“... Я чувствовал, я понимал, что подвиг Ленинграда однозначно

не определить. Здесь все слито воедино и не только это, но и многое другое».

Вместе с тем в блокированном городе не переставал биться пульс обычной повседневной человеческой жизни, что ярко выразила блокадная муза Ольга Берггольц:

«В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, гонялась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам».

Но битва за Ленинград это не только героизм, но и величайшая, потрясая весь мир трагедия. Безвозвратные потери советских вооруженных сил в обороне Ленинграда составили около 980 тыс. человек, а санитарные — почти 2 млн. человек. В блокированном городе от голода, холода, вражеских снарядов, бомб и болезней погибло до 750 тыс. ленинградцев. В литературе приводились и продолжают приводиться без каких-либо доказательств самые разные цифры потерь в блокированном Ленинграде. Приведенная здесь цифра, которая также может быть уточнена, результат многолетнего анализа главным образом ленинградских историков, занимающихся изучением истории блокады, самых разных документов, в том числе и тех, которые раньше не были доступны исследователям. Мир не знал таких масштабов истребления гражданского населения, которые выпали на долю ленинградцев. Эти страшные жертвы — неизбывная печаль всех людей нашей Родины.

Гитлеровцы, обрушив на город около 150 тыс. снарядов и более 107 тыс. фугасных и зажигательных бомб, нанесли Ленинграду и громадный материальный ущерб. В городе пострадал почти каждый дом, а в некоторых районах были разрушены целые кварталы. Были разрушены и повреждены сотни заводов и фабрик, больниц, школ, театров, научных учреждений, исторических зданий, пригородные дворцово-парковые комплексы в Гатчине, Павловске, Петродворце, Пушкине, Стрельне.

Однако, несмотря на ужасы блокады, именно величайшее мужество и героизм ленинградцев и их защитников позволили им не только отстоять город, но и разгромить осаждавшие его войска противника. Но наряду с этим, одной из основных причин того, что Ленинград выстоял и победил, было также и то, что в борьбе с врагом он не был одиноким, что усилия его жителей и защитников опирались на поддержку всей страны. Без этой поддержки, без того, что шло в Ленинград с Большой земли, жизнь и борьба с врагом были бы невозможны. Решающую роль в доставке в блокированный город поступавших грузов сыграли коммуникации Ленинграда, на что, к сожалению, мало обращают внимания исследователи истории Великой Отечественной войны.

Коммуникации, по которым войскам доставлялось все необходимое для ведения боевых действий и осуществлялись эвакуационные перевозки, имели

место во всякой войне, но во второй мировой войне их роль значительно возросла, что объяснялось возросшим объемом снабжения войск боеприпасами, военной техникой, топливом, снаряжением. Особую роль коммуникации приобрели при обороне советских городов Одессы и Севастополя, снабжение и эвакуация которых осуществлялись водным путем.

Но оборона Ленинграда не была похожа на оборону этих городов. Это был беспрецедентный, уникальный случай, где коммуникации, создание и действие которых являлось сложнейшей проблемой, приобрели первостепенное, решающее значение. По ним снабжались не только находившиеся в окруженном городе войска, но и гражданское население. Главная особенность обороны Ленинграда заключалась в том, что противник, окружив город, перерезал все его сухопутные коммуникации, связывавшие его до войны со страной. Поэтому пришлось изыскивать и налаживать новые коммуникационные возможности. И такие возможности были найдены. Была построена уникальная автомобильная дорога по льду Ладожского озера. Создание и поддержание Ладожской трассы явились великим подвигом ленинградцев и всех советских людей. Однако уже с первых дней существования Ладожской трассы проявились ее слабости и недостатки. Сама трасса была чрезвычайной, ее функционирование поддерживалось чрезвычайными усилиями. Зависимость трассы от времени года, метеорологических условий, не позволили обеспечить необходимую стабильность, надежность, регулярность перевозок. Но несмотря на то, что перевозки по ней зимой 1941/1942 г. не смогли полностью удовлетворить потребности города и фронта, они сыграли исключительную роль в судьбе Ленинграда. Трудно представить те бедствия, которые могли обрушиться на жителей города и их защитников, если бы не было Ладожской дороги жизни, прочно связывавшей Ленинград со страной. Она действовала зимой и летом с сентября 1941 г. по 30 марта 1942 г. По ее водным и ледовым трассам, при постоянном воздействии противника, было доставлено в Ленинград без малого 1,5 млн тонн различных грузов, из них более половины продовольствия и десятки тысяч человек, главным образом, военнослужащих, и вывезено из Ленинграда, не считая переброски нескольких воинских соединений, около 1 млн 200 тыс. человек, в основном жителей города, и большое количество грузов. Без Ладожской коммуникации спасение Ленинграда было бы невозможно.

Значение ладожской коммуникации в обороне Ленинграда были вынуждены признать и гитлеровские генералы. «Гитлер надеялся на возможность вынудить Ленинград и его население к сдаче голодной блокадой, — писал генерал-фельдмаршал Э. Манштейн. — Но Советы перечеркнули его планы, организовав снабжение через Ладожское озеро — летом с помощью судов, зимой по построенной по льду дороге».

После прорыва блокады в январе 1943 г. жизнь, работа и борьба ленинградцев с врагом продолжала зависеть от коммуникаций, связывавших их со страной. И хотя Ладожская дорога жизни продолжала действовать, основная тяжесть перевозок перешла к Шлиссельбургской магистрали, построенной на освобожденной вдоль южного берега Ладожского озера узкой полосе земли. Сооружение и эксплуатация Шлиссельбургской трассы, как и Ладожской дороги жизни, также явились великим подвигом ленинградцев и всех советских людей. В 1943 г. железнодорожники Октябрьской железной дороги перевезли в Ленинград около 4,5 млн тонн различных грузов, львиная доля которых была перевезена по Шлиссельбургской трассе. Это почти в три раза больше, чем было доставлено в Ленинград по водным и ледовым трассам Ладожской дороги жизни. Это не только избавило ленинградцев зимой 1943/1944 г. от ужасов блокады, которые они перенесли зимой 1941/1942 г., но и позволило Ленинградскому фронту и Балтийскому флоту подготовиться к действиям по разгрому немцев, осаждавших Ленинград, и полному освобождению города от блокады в начале 1944 г. Шлиссельбургская магистраль стала для Ленинграда настоящей дорогой победы.

Битва за Ленинград была одной из основных частей Великой Отечественной войны. Она оказала влияние на весь ход военных действий на советско-германском фронте. Остановив одну из трех немецких военных группировок, брошенных Гитлером на Советский Союз, защитники Ленинграда сковали ее и, перемалывая в течение всей битвы, не позволили ему перебрасывать ее части на другие участки фронта. Поэтому в победе под Москвой и Сталинградом, под Курском и на Днепре весомая доля защитников Ленинграда. Битва за Ленинград также способствовала сохранению связи с Мурманском, через который к нам шли грузы союзных держав. В то же время победы советских войск на других участках фронта оказали благотворное влияние на положение под Ленинградом. Битва под Москвой не позволила гитлеровцам сосредоточить силы для штурма Ленинграда. Победа советских войск под Сталинградом способствовала прорыву блокады Ленинграда в 1943 г., а победы на Курской дуге и на Украине в 1943 г. создали условия для окончательного разгрома немецких войск под Ленинградом в 1944 г.

Вместе с тем Ленинград, сражавшийся с врагом в нечеловеческих условиях фашистской блокады, предстал перед всем миром как несокрушимый бастион величайшей стойкости, мужества и непревзойденного героизма. Героизм ленинградцев, проявленный ими в обороне города, стал символом мужества и героизма всех народов нашей родины. Он придавал дополнительные силы всей стране, вдохновлял всех борцов с фашизмом. «Есть ли город, который перенес то, что перенес Ленинград в годы войны? — писал Илья Эренбург. — Враги его терзали бомбами и сна-

рядами, хроническими обстрелами и потрясением внезапных огневых налетов. У жителей не было ни света, ни тепла, ни воды. Что у них было? Гордость города, вера в Россию, любовь народа. И они победили. Разве можно придумать более назидательную притчу, чем судьба этого города? Нет в мире города, который столько жизней отдал для победы. Его история — история всей Отечественной войны: если мы вошли в Берлин, то это и потому, что немцы не вошли в Ленинград».

Подвиг ленинградцев и их защитников был высоко оценен Родиной. Свыше 1 миллиона солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, а около 600 человек стали Героями Советского Союза. Около 1,5 миллиона жителей Ленинграда и воинов были награждены специально учрежденной медалью «За оборону Ленинграда», 430 тыс. горожан были отмечены знаком «Житель блокадного Ленинграда». В 1945 г. за выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в труднейших условиях вражеской блокады, город был награжден орденом Ленина. Вручая орден Ленинграду, М. И. Калинин сказал: «Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины и женщины, старики и дети этого города, — это великое дело никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений». В 1965 г. в ознаменование 20-летия победы советского народа в Отечественной войне городу-герою Ленинграду была вручена медаль «Золотая Звезда».

Подвигом Ленинграда восхищались все советские люди. Восхищались и наши союзники — представители стран антигитлеровской коалиции. Лондонское радио в одной из своих передач сообщало, что «своим мужеством, своей самоотверженностью население и героические солдаты, оборонявшие вместе с населением город, вписали самую замечательную страницу в историю мировой войны, ибо они больше, чем кто бы то ни был, помогли грядущей окончательной победе над Германией».

Президент США Д. Рузвельт от имени народа Соединенных Штатов Америки вручил Ленинграду грамоту «в память его доблестных воинов и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиками от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от голода, холода и болезней, успешно защищали свой любимый город... и символизировали этим неустранимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивлявшихся силам агрессии».

Как ни покажется странным, подвиг Ленинграда получил высокую оценку и главарей гитлеровской Германии. Требовавшие в начале войны уничтожения Ленинграда почти научно обоснованным способом,

они в конце войны успешную оборону Ленинграда ставили в пример своим подчиненным. В январе 1945 г. на одном из совещаний в ставке Гитлер, раздраженный тем, что кто-то из его подчиненных и сателлитов не проявляет должной стойкости, заявил: «Если у нас кто-нибудь начнет ныть, то я могу лишь сказать: представьте себя в положении русских в их ситуации в Ленинграде». В феврале 1945 г., когда советские войска вышли на Одер, и перед гитлеровским руководством стала задача защиты Берлина, Гиммлер в качестве командующего группой армий «Висла» рассылает командирам корпусов и дивизий группы армий под грифом «секретно» «советские мероприятия по успешной обороне Ленинграда». Смысл этого документа, конечно, не в том, чтобы похвалить ленинградцев, а в том, чтобы командиры немецких соединений взяли за образец советские мероприятия по успешной обороне Ленинграда. Но объективно документ Гиммлера содержит высокую оценку стойкости ленинградцев.

Ленинградцы помнят и чтут подвиг героев, отстоявших честь и свободу отчизны, славят ветеранов и свято чтут память воинов, отдавших свои жизни в борьбе с коварным врагом. Они берегут братские могилы, в которых покоятся воины, погибшие у стен Ленинграда, бережно сохраняют на многочисленных кладбищах могилы сотен тысяч ленинградцев, погибших в блокированном городе от голода, холода, артиллерийских обстрелов и бомбардировок фашистов, воздвигали в честь героев и продолжают строить памятники и мемориальные комплексы.

Основным памятником ленинградцам, погибшим в городе в дни его обороны, открытым 9 мая 1960 г., является мемориальный комплекс на Пискаревском кладбище, самом большом кладбище мира. В его братских могилах покоятся 420 тыс. жителей города и 70 тыс. воинов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота.

На площади Победы 9 мая 1975 г. открыт величественный монумент героическим защитникам Ленинграда.

На рубежах, где были остановлены немецкие войска, на которых 900 дней проходил передний край обороны Ленинграда, и с которого начался разгром гитлеровских войск, сооружен Зеленый Пояс Славы. На бывшей почти 300-километровой линии фронта установлены памятники, обелиски и другие сооружения.

В конце 1945 г. в ознаменование победы в Великой Отечественной войне были заложены два парка Победы: Приморский — на Крестовском острове и Московский — на Московском проспекте.

Именами многих защитников Ленинграда названы около 90 ленинградских улиц, проспектов и площадей.

Легендарная оборона Ленинграда, вызвавшая удивление и восхищение современников, навсегда останется в народной памяти.

На аэродромах Украины

А. С. Орлов*

В годы войны сотрудничество между СССР и США развивалось в различных формах. Широко описаны встречи в верхах, деятельность дипломатов, конференции по согласованию политики и стратегии, взаимодействия в ходе поставок по ленд-лизу. Но есть еще одна по своему уникальная страница истории — непосредственное боевое взаимодействие ВВС США и СССР при проведении «челночных операций» американской стратегической авиации, действовавшей с авиабаз СССР.

Цель этих операций состояла в том, чтобы поражать объекты на территории Германии и союзных ей стран, недостижимые при действиях из Италии или Англии в силу их отдаленности. Кроме того, действуя с различных направлений, особенно по целям Восточной Германии и Польши, где немецкая ПВО была слабой, союзники заставляли противника распылять силы противовоздушной обороны, ослабляя ее на Западе, где действовала англо-американская тактическая авиация, поддерживавшая наземные войска союзников во Франции.

В 1944 г. (с июня по сентябрь) с Полтавского аэродромного узла (аэродромы — Полтава, Миргород, Пирятин) действовали несколько авиагрупп 15-й (Италия) и 8-й (Англия) воздушных армий. Они провели 18 воздушных налетов, в которых участвовало 1030 самолетов, в том числе 529 Б-17. На объекты противника было сброшено около 2 тыс. т бомб. На аэродромах и в воздухе было уничтожено 230 самолетов противника. США потеряли 68 самолетов.

В годы холодной войны советская историография почти не освещала этот эпизод¹. Однако в США советско-американское сотрудничество в воздухе нашло отражение в ряде книг и диссертаций². Так, написанная в разгар холодной войны книга Г. Инфилда «Полтавское дело» изображает события, связанные с пребыванием американцев

в Полтаве таким образом, что якобы американское командование делало все необходимое для налаживания эффективного сотрудничества с советскими ВВС, но Сталин, не желавший американско-советского сближения, всячески стремился подорвать это сотрудничество и убрать американские базы с территорий СССР. Более того, Инфилд обвиняет Сталина в том, что он спровоцировал массированный налет немецкой авиации на Полтавский аэродром, чтобы вынудить американскую авиацию прекратить использование советских аэродромов для «челночных операций». Д. Болджер, напротив, винит во всех неурядицах, возникших в ходе американско-советского сотрудничества в период проведения «челночных операций», американскую сторону и поддерживает советские усилия по налаживанию взаимодействия с американцами.

Как же в действительности обстояло дело? Американские и доступные в последнее время советские документы позволяют ответить на этот вопрос.

С момента вступления США в войну правительство президента Ф. Рузвельта стремилось заполучить авиабазы на территории СССР, особенно на Дальнем Востоке, с которых можно было бы наносить воздушные удары по японским островам. Но для того, чтобы добиться от советского руководства и, прежде всего от Сталина, разрешения иметь на территории СССР аэродромы для американской авиации, необходимо было завоевать и укрепить доверие между Москвой и Вашингтоном, преодолеть враждебность, присущую отношениям между СССР и США в предвоенные годы, подозрительность Сталина в отношении капиталистического Запада. Рузвельт начал добиваться этой цели с 1942 г., намереваясь предложить советскому правительству направить части ВВС США и Англии на Кавказ, откуда союзная авиация могла бы наносить удары немецким войскам, приближавшимся к Волге и Северному Кавказу.

* Александр Семенович Орлов — академик РАН, доктор исторических наук, профессор и полковник в отставке.

29 июля 1942 г. Рузвельт писал британскому премьер-министру Черчиллю: «... Я все же надеюсь, что мы сможем разместить авиацию непосредственно на русском фронте, и обсуждаю сейчас этот вопрос. Я считаю, что было бы неблагоприятно обещать эти военно-воздушные силы только при условии, что битва в Египте будет протекать успешно. Россия нуждается в настоятельной и немедленной помощи. Я полагаю, что для русской армии и русского народа будет иметь большое значение, если они узнают, что некоторые наши военно-воздушные силы сражаются вместе с ними самым непосредственным образом. Хотя мы можем считать, что теперешнее и предполагаемое использование наших объединенных военно-воздушных сил является наилучшим в стратегическом отношении, тем не менее я полагаю, что Сталин не согласен с этим. Я думаю, что Сталин не расположен заниматься теоретической стратегической дискуссией, и я уверен, что помимо нашей главной операции, лучше всего его Удовлетворит непосредственная авиационная поддержка на южном крыле его фронта»³.

Позже начальник штаба ВВС США генерал Г. Арнольд вспоминал в своих мемуарах, что президент Рузвельт имел с ним разговор относительно размещения американских самолетов и экипажей в Советском Союзе для «челночных» налетов на Германию. Арнольд писал: «Я заверил президента, что я очень хотел бы осуществлять «челночные» полеты бомбардировщиков из Англии и Италии в Россию, нанося по пути удары по целям в Восточной Германии. Я заявил ему, что могу начать эти операции немедленно. Однако как и во всех случаях, когда требовалось сотрудничество с русскими, много времени было потеряно на бесконечные переговоры и задержки до того, как мы фактически могли начать операции»⁴.

Во время своего визита в Москву Черчилль поднимал этот вопрос в беседах со Сталиным 12 августа 1942 г. Сталин поблагодарил за предлагаемую помощь, но сказал, что этот вопрос «требует детального изучения»⁵. В декабре 1942 г. Рузвельт в письме Сталину выразил готовность направить американские авиационные части на Кавказ, но Сталин ответил, что «в настоящий момент отпала необходимость в их присылке в Закавказье». Он сообщил, что в СССР «летчиков более чем достаточно, но не хватает самолетов» и просил ускорить поставки самолетов⁶.

В сентябре 1943 г. правительство США обратилось к советскому правительству с предложением выделить на советской территории несколько аэродромов для проведения «челночных операций» американской авиации, действовавшей с авиабаз Англии и Италии. В результате переговоров между И. Сталиным и Ф. Рузвельтом на Тегеранской конференции вопрос был решен положительно. 4 февраля 1944 г. Сталин дал указания командующему ВВС А. А. Новикову и его заместителю А. В. Никитину о порядке размещения американских подразделений на воен-

ных аэродромах и их снабжении. Для американской авиации был выделен Полтавский аэродромный узел, включавший аэродромы Полтава, Миргород, Пирятин. Для их обслуживания была сформирована 169-я авиационная база особого назначения (АБОН). Командиром базы был назначен генерал-майор А. Р. Перминов, его заместителем по политчасти — подполковник И. И. Колесников, начальником штаба — генерал-майор С. К. Ковалев, начальником оперативного отдела — майор Н. Ф. Щепанков, начальником аэродромного узла — инженер-майор К. А. Строганов.

В марте 1944 г. А. Р. Перминов со своими помощниками вылетели в Полтаву. Одновременно туда перебрасывались технические и административные кадры, а также необходимые грузы из Ирана, Мурманска и Архангельска. Была организована ПВО авиабазы. Ее осуществляли 310-я истребительная авиадивизия (командир — полковник А. Т. Костенко) и зенитная артиллерийская часть 6-го корпуса ПВО.

15 мая в Полтаву прибыл заместитель командующего ВВС США на Европейском театре войны генерал Ф. Андерсон. Среди сопровождавших его лиц был Э. Рузвельт, сын президента США. Американская сторона сформировала так называемое Восточное командование, которое возглавило руководство «челночными операциями» из Полтавы. Командующим был назначен генерал Р. Уолш, заместителем — полковник А. Кесслер. К концу мая подготовка базы была в основном завершена. «Челночным операциям» с Полтавского аэродромного узла было присвоено кодовое наименование «Фрэнтик» (неистовый, разъяренный). Первая операция «Фрэнтик Джо» была проведена 2 июня. 129 бомбардировщиков Б-17 и 64 истребителя сопровождения Р-51 («Мустанг») во главе с командующий 15-й воздушной армией генералом Икером, поднялись с аэродромов Италии, нанесли удар по железнодорожному узлу в Дебрецене и совершили посадку в Полтаве, где их встречали посол США в СССР А. Гарриман, начальник американской военной миссии в СССР генерал Д. Дин и генерал Р. Уолш. С советской стороны присутствовали генерал-лейтенант авиации Д. Грендаль, генерал-майор Н. Славин, генерал-майор авиации С. Левандович. Генерал Икер вручил генералу Перминову личное письмо президента Рузвельта и орден «За заслуги».

Командующий ВВС Красной Армии А. Новиков докладывал Верховному Главнокомандующему:

«Товарищу Сталину.

Сегодня 2 июня группа американских самолетов в составе: 130 бомбардировщиков «Летающая крепость» под прикрытием 70 истребителей типа «Мустанг», вылетев с авиационных баз ИТАЛИИ, после выполнения боевого задания по военным объектам в ВЕНГРИИ произвела посадку на наших специально подготовленных аэродромах: ПОЛТАВА, МИРГОРОД, ПИРЯТИН.

Посадка произведена благополучно.

Авиационной группой руководил генерал-лейтенант Экер⁷.

По информации генерала ДИН и генерал-лейтенанта ЭКЕР бомбардировке подверглись военные и железнодорожные объекты ДЕБРЕЦЕН, ДЕЖ, КЛУЖ.

Из состава группы, сделавшей посадку на наши аэродромы, потерян один самолет «Летающая крепость», который взорвался в воздухе в районе цели. Пять истребителей «Мустанг» вернулись в ИТАЛИЮ, судьба одного истребителя неизвестна.

п/п (НОВИКОВ)

«3» июня 1944 года⁸.

Началось регулярное выполнение операции «Фрэнтик»: 6 июня американские бомбардировщики во взаимодействии с советской авиацией нанесли удар по аэродрому и порту Галац (Румыния) и совершили посадку в Италии. 11 июня 1 тыс. самолетов 15-й воздушной армии действовали из Италии по военным объектам Констанцы и Джурджу (Румыния), Смердево (Югославия). Часть из них после выполнения задания приземлилась в Полтаве. 21 июня 2,5 тыс. самолетов 8-й воздушной армии, действуя из Англии, нанесли удар по Берлину, после чего 137 Б-17 и 62 истребителя совершили посадку в Полтаве, Миргороде и Пирятине.

Одновременно и американская, и советская стороны стремились преодолеть недоверие друг к другу, унаследованное от прошлых лет, всячески укрепляли сотрудничество между советскими и американскими авиаторами, стремились установить атмосферу доверия и взаимодействия. Для этого командование ВВС США пошло на то, чтобы передать Красной Армии некоторые секретные образцы своего вооружения. Так, например, заместитель командующего ВВС СССР генерал А. Никитин докладывал В. Молотову 7 марта:

«ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА СССР
ТОВ. МОЛОТОВУ В. М.

Докладываю:

В ответ на вашу просьбу нами получено через генерала ДИН официальное согласие генерала АРНОЛЬДА передать нам бомбардировочный прицел „Норден“, установленный на самолете „Летающая крепость“.

Прицел будет снят и передан после нескольких практических бомбометаний нашими штурманами.

Нами осмотрен 4-моторный самолет „Летающая крепость“ В-17.

Самолет широко применяется для боевых действий днем по объектам Германии.

Самолет представляет интерес для ВВС КА⁹.

Американцы стремились к расширению и совершенствованию взаимодействия с русскими. Об этом свидетельствует донесение Никитина Молотову от 29 мая 1944 г.:

«1. Генерал ДИН предлагает послать двух наших офицеров в американские фоторазведывательные авиационные части, расположенные в Англии для изучения ими американского опыта авиационной фоторазведывательной службы и техники аэрофоторазведки.

Считаю целесообразным послать специально отобранных двух офицеров–специалистов в этой области.

2. Предлагает принять участие в бомбардировочных операциях американской авиации двум-трем нашим офицерам, которые должны будут вылетать из ПОЛТАВЫ через Германию или Румынию с посадкой в Италии. Они ознакомятся с организацией и проведением американской авиацией воздушных бомбардировочных операций и с американскими базами в Италии и с последующей операцией возвратятся обратно в ПОЛТАВУ.

Это представляет для нас интерес и было бы целесообразно послать от ВВС КА и АДД¹⁰ 2–3 офицеров¹¹.

В то время советские военачальники также охотно откликались на просьбы американцев относительно доступа к секретам Красной Армии. 12 мая в письме Молотову Никитин считал возможным (и получил разрешение) передать представителям ВВС США карту с аэродромной сетью в прифронтовой полосе, учебные кинофильмы по воздушному бою, ознакомить их с советскими тяжелыми бомбардировщиками, разведывательными данными, добываемыми воздушной и радиоразведкой, протоколами допросов пленных немецких летчиков. В заключение он писал, что по докладу помощника атташе по авиации в Англии генерал-майора авиации Шарапова американцы довольно охотно и очень подробно знакомили наших представителей с работой штаба, с разработкой операций и с рядом вопросов, касающихся боевой работы американских бомбардировочных частей, базирующихся в Англии.

О стремлении помочь американскому союзнику свидетельствует и следующее донесение А. Никитина В. Молотову: «Глава военной миссии США в СССР генерал-майор ДИН обратился к нам с письмом:

„Только что получена из Вашингтона срочная телеграмма, сообщающая мне, что германские ВВС овладели русским авиационным ракетным оборудованием. В телеграмме утверждается, что немцы скопировали это оборудование и в настоящее время используют его.

Ввиду предстоящих операций и ввиду того, что немцы, несомненно, имеют это оборудование и употребляют его, срочно запрашивается, чтобы Красная Армия снабдила нас без промедления моделью снаряда и другими описательными и техническими данными русского самолетного, вперед стреляющего ракетного оборудования. Чрезвычайно важно, чтобы эти сведения и оборудование были бы переданы нам с тем, чтобы мы смогли разработать тактические и технические усовершенствования для эффективно-го противодействия применению их немцами“.

Со своей стороны считаю возможным удовлетворить их просьбу.

Прошу Ваших указаний¹².

Согласие было получено.

Американцы, находившиеся в Полтаве, уделяли много внимания налаживанию дружественных связей с советским обслуживающим персоналом и гражданским населением. Так, в донесении в штаб ВВС командир советской части, обслуживавшей американские аэродромы в районе Полтавы, писал, что за последнее время американцы стараются завязать близкие знакомства с нашими военнослужащими, интересуются вопросами их жизни, законами Советского Союза и все чаще высказываются о том, что до прибытия их в СССР они имели неправильное представление о России, ее правительстве, порядках, о советском народе и Красной Армии. Он приводил примеры: «Касаясь работы наших авиаспециалистов, капитан БЕРМАН говорит: „В работе по подготовке мат. части американские механики отстают от русских, наши ребята говорят, что с русскими работать хорошо. Если бы с самого начала мы работали вместе, война быстро бы закончилась, и мы многое бы сделали“»¹³.

Одним из видов сотрудничества было выполнение боевых задач в интересах Красной Армии путем нанесения ударов американскими самолетами по объектам, указанным советским командованием.

Высшие начальники ВВС США большое внимание уделяли установлению личных контактов с командованием советских ВВС. Заместитель командующего ВВС США в Европе генерал Андерсон, командующий 15-й воздушной армией Икер были приняты Сталиным, неоднократно встречались с высшими руководителями советских ВВС. С каждым днем крепло и расширялось советско-американское боевое сотрудничество в воздухе. Но произошло непредвиденное. Еще 11 июня, когда группа генерала Икера следовала из Полтавы в Италию, фотограф лейтенант Маккой взял с собой в полет аэрофотоснимки аэродромов Полтавского аэроузла с самолетами Б-17 на стоянках и взлетной полосе. По требованию советской службы безопасности он должен был оставить их на авиабазе, но по ошибке передал офицерам безопасности неиспользованные кассеты. Ошибка обошлась дорого. Случилось так, что именно Б-17, на котором находился Маккой, был сбит немцами, и аэрофотоснимки попали в руки противника. Это был первый сигнал. Но он не был осознан. 21 июня, когда бомбардировщики и истребители шли на посадку в Полтаву, на большей высоте над Полтавой был обнаружен фашистский разведчик Хе-111. Советским истребителям перехватить вражеский самолет не удалось. «В 19 часов, — писал генерал Никитин, — заметили еще один самолет-разведчик над Миргородом. Это был явный сигнал об опасности, об угрозе воздушного нападения. Генерал А. Р. Перминов приказал привести в боевую готовность средства ПВО. Он обратился к американскому командованию с предложением — за оставшееся светлое время суток перебазировать из Полтавы самолеты на другие аэродромы (Пирятин, Миргород).

Американское командование это предложение отклонило и согласилось лишь на частичное рассредоточение материальной части. К вечеру самолеты были рассредоточены по границам аэродромов, а летный состав в большинстве своем вывезен за пределы полтавского авиагарнизона.

В 23 часа поступило сообщение о пролете в тыл страны, севернее Киева, на большой высоте, вражеских бомбардировщиков. На базе была немедленно объявлена боевая тревога, и все люди заняли свои места согласно расписанию. В 0 ч 45 мин сначала над Миргородом, а затем над Полтавой появились первые немецкие самолеты, сбросившие осветительные бомбы. Советская зенитная артиллерия 6-го корпуса ПВО и 1699-го зенитного полка 1-го мехкорпуса открыла огонь, и с полтавского аэродрома поднялось несколько ночных истребителей 802-го истребительного авиационного полка ПВО. Однако разрывы бомб на взлетно-посадочной полосе и стоянках самолетов исключили возможность подъема в воздух других истребителей ПВО. Одна из тяжелых бомб угодила прямо в командный пункт командира зенитной артиллерийской части. Это в значительной степени дезорганизовало нашу противовоздушную оборону.

В течение 1 ч 40 мин авиация противника сбрасывала на аэродром „Полтава“ фугасные, зажигательные и осколочные бомбы. Легкое поле аэродрома осветилось огнем пожаров. Загорелся бензин на складе, вспыхнуло несколько самолетов»¹⁴.

Немцы действовали умело. Там, где американские самолеты стояли скученно, они использовали зажигательные бомбы, распространявшие пожар на всю стоянку. Там же, где бомбардировщики были рассредоточены, применялись фугасные бомбы, образовывавшие глубокие воронки и поражавшие значительную площадь. Такими бомбами была разрушена взлетно-посадочная полоса. Через час после окончания налета над полтавским аэродромом появились вражеские истребители, которые забросали его противопехотными минами, чтобы затруднить восстановительные работы.

Советские солдаты и офицеры 169-й АБОН, а также расположенных рядом 9-й гвардейской танковой бригады и 1699-го зенитного артиллерийского полка 1-го гвардейского механизированного корпуса, находившегося в резерве Верховного Главнокомандования Красной Армии, делали все возможное, чтобы спасти технику и людей, проявили поистине массовый героизм при оказании помощи личному составу Восточного командования. Многие из них погибли при взрывах бомб.

В то время автор этих строк служил командиром взвода в 1-м танковом батальоне 9-й гв. танковой бригады. С началом воздушного налета мы были подняты по тревоге и вели огонь по немецким самолетам из имевшихся зенитных пулеметов и других видов оружия. По окончании бомбардировки мелкими группами проникали на аэродром. Вокруг

все горело. Тушили пожары, снимали оборудование с самолетов, а в последующие дни помогли разминировать аэродром.

Как было выяснено впоследствии, в воздушном налете участвовало более 100 бомбардировщиков Ю-88 и Хе-111 IV корпуса «Люфтваффе», действовавшие с аэродромов в районе Минска, Барановичи. Они сбросили на полтавский аэродром свыше 500 бомб.

В результате бомбардировки было уничтожено 44 самолета Б-17 «Летающая крепость», повреждено 25 самолетов, в том числе 19 Б-17. Потери советских ВВС и ПВО: уничтожено — 6 и повреждено 20 самолетов (по уточненным позднее данным)¹⁵.

В ходе налета были убиты 30 советских и 3 американских военнослужащих, ранено около 80 советских граждан и 15 американцев. На складах сгорело свыше 340 т высокооктанового бензина.

На следующий день в Полтаве велись работы по ликвидации последствий воздушного нападения. Приводились в порядок летное поле, ремонтировались поврежденные самолеты. В общей сложности было собрано и обезврежено до 22 тыс. мелких бомб. Опасаясь нового налета, генерал Перминов с согласия американского командования базы распорядился временно перебазировать из Полтавы на другие аэродромы все исправные самолеты.

Следующей ночью были совершены налеты на аэродром в Миргороде и Пирятине, потери были незначительными.

Донесения в Ставку, направленные командующим артиллерией Красной Армии главным маршалом артиллерии Н. Вороновым и командованием ВВС, расходясь в деталях, в целом достаточно полно обрисовали картину случившегося.

Так, маршал Н. Воронов докладывал:
«**ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**
тов. СТАЛИНУ И. В.

22 июня с.г. с 0 ч 23 мин до 1 ч 40 мин авиация противника группами по 7–8 самолетов, общим количеством около 100 самолетов, произвела налет на аэродром базирования американской авиации — ПОЛТАВА.

Противник действовал с аэродромов из района БАРАНОВИЧИ, МИНСК по маршруту МОЗЫРЬ, р. ПРИПЯТЬ, р. ДНЕПР, КИЕВ и далее вдоль железной дороги ПИРЯТИН — МИРГОРОД — ПОЛТАВА.

Бомбардирование произведено с горизонтально-го полета с высоты 3–5 тысяч метров; сброшено до 250 фугасных, 150 зажигательных и 120 осветительных бомб, часть фугасных бомб — замедленного действия.

Потери американских ВВС:

— Уничтожено — 44 бомбардировщика Б-17, 1 истребитель «Лайтнинг», 2 самолета типа «Дуглас», 340 т авиагорючего, 426 фугасных, 1261 зажигательная и 40 осветительных авиабомб, а также 16 000 винтпатрон.

— Повреждено — 25 бомбардировщиков Б-17,
— Ранено — 15 человек, убито — 1 чел., не найдено — 3 человека.

Потери ВВС и ПВО:

— Уничтожено — 2 «Дугласа», 4 истребителя ПВО, 17 т автогорючего.

— Повреждено — 2 самолета У-2, 18 истребителей ПВО, 2 — 85-мм и 8 — 37-мм орудий и 1 прожектор.

— Убито — 26 чел. (17 — ВВС и 9 — ПВО). Ранено 115 человек (63 — ВВС и 52 — ПВО).

На обороне аэродрома ПОЛТАВА находится: два дивизиона среднего калибра (24 — 85-мм орудия), один полк МЗА¹⁶ РКК и один дивизион МЗА ПВО (32 — 37-мм орудия), зенитно-пулеметные части (26 пулеметов ДШК), прожекторная рота (10 прожекторов) и один полк ИА ПВО (28 самолетов). Кроме того, к обороне аэродрома был привлечен один полк МЗА (34 — 37-мм орудия) танкового корпуса, находящийся в ПОЛТАВЕ в резерве Ставки.

При отражении налета бомбардировщиков израсходовано снарядов: среднего калибра до 8500 шт., МЗА — до 13 000 шт. и ДШК¹⁷ до 6000 патронов; произведено 17 вылетов ночников-истребителей. По донесению командующего Южным фронтом ПВО огнем ЗА сбито 3 самолета противника, которые разыскиваются. Орудия МЗА и пулеметы ДШК вели огонь лишь на уничтожение осветительных бомб; авиация противника была досягаема только для артиллерии среднего калибра. Ввиду возможности дальнейшей бомбардировки аэродрома базирования американской авиации с больших высот ночью прошу разрешить за счет соответствующей перегруппировки средств ПВО дополнительно выделить среднего калибра: на ПВО ПОЛТАВА — два дивизиона (24 — 85-мм орудия), а на аэродром МИРГОРОД и ПИРЯТИН — по одному дивизиону (по 12 — 85-мм орудий на аэродром).

**ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ АРТИЛЛЕРИИ
Н. ВОРОНОВ**

23 июня 1944 г.»¹⁸

В докладе командования ВВС говорилось:
«Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Докладываю: предварительные итоги налета авиации противника на авиабазу ВВС США в ПОЛТАВЕ, в ночь на 22 июня с/г.

1. В налете участвовало 50 самолетов Ю-88 и Хе-111; действовали группами по 6–8 с высоты 3.000 метров. Применяли фугасные бомбы, мелкоосколочные, зажигательные, мины, гранаты и горючую смесь. Налет продолжался 1 час 40 минут.

2. В результате налета уничтожено 44 самолета, из них: Б-17 — 39, «Лайтнинг» — 1, СИ-47 — 2, ЛИ-2 — 2.

Сожжено 500–600 бочек с авиагорючим и взорвано два капонира с боеприпасами.

Повреждено 45 самолетов, из них: Б-17 — 20, ЯК-9 — 15, ЯК-7 — 6, Харрикейн-1; 1–2 — 3.

3. Из состава авиабазы убито 17 чел., из них 2 американца, ранено 52 чел., из них 12 американцев.
4. ВПП (бетонная и металлическая) повреждены незначительно. Американцы настойчиво просят перевести их на другие аэродромы.

Прошу разрешения сегодня к 18.00 убрать исправные самолеты Б-17 и Р-51 из ПОЛТАВЫ, МИРГОРОДА и ПИРЯТИНА на другие аэродромы ВВС Харьковского военного округа (Запорожье, Основа и Чугуев).

п/п (ВОРОЖЕЙКИН)

п/п (НИКИТИН)

22 июня 1944 г.»¹⁹

В результате налета немецкой авиации полтавский аэродром оказался на долгое время непригодным для действий стратегических бомбардировщиков. «Летающие крепости» возобновили «челночные операции» лишь в августе.

В июле с Полтавского аэродромного узла действовали лишь отдельные группы истребителей. Так, 22 июля 72 истребителя Р-38 («Лайтнинг») и 41 Р-51 («Мустанг»), вылетев из Италии, нанесли удар по аэродромам Бузэу и Силистрия (Румыния) и совершили посадку в Полтаве. 27 июля 38 Р-38 и 34 Р-51, стартовав из Полтавы, подвергли бомбардировке аэродром Мелец (Польша) и возвратились в Полтаву. 28 июля эти самолеты вылетели в Италию, нанеся удары в ходе перелета по Бухаресту и Плоешти.

В начале августа было проведено несколько «челночных операций», в некоторых из них приняли участие тяжелые бомбардировщики. О боевой деятельности Восточного командования ВВС США в августе 1944 г. дает представление информационная справка командования 169-й АБОН, направленная в штаб ВВС Красной Армии 2 сентября 1944 г. В ней говорилось: «В августе с.г. американскими ВВС с баз ИТАЛИИ, АНГЛИИ И СОВЕТСКОГО СОЮЗА проведено 5 воздушных операций, в которых принимали участие: самолеты «Лайтнинг» и «Мустанг» 58-й и 82-й истребительных групп 15-го авиасоединения под командованием подполковника ЛИТТОН, самолеты «Летающая крепость» и «Мустанг» 13-го и 66-го боевых крыльев 8-го авиасоединения²⁰ под командованием бригадного генерала КИССНЕР.

Всего за месяц произведено 499 боевых самолето-вылетов, из них:

- а) самолетами «Лайтнинг» (П-38), на штурмовку аэродромов — 72;
- б) самолетами «Летающая крепость» (Б-17), на бомбардировку промышленных и военных объектов — 205;
- в) самолетами «Мустанг» (П-51), на сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков — 222»²¹.

После воздушной операции, проведенной 8 августа, «челночные» полеты прекратились более чем на месяц. И не потому, что помехой были военно-технические причины. Нет, и Полтавский аэродром

действовал исправно, и американцы горели желанием продолжать наносить удары с территории СССР, но вмешалась «большая политика».

Два обстоятельства предопределили прекращение «челночных операций» с аэродромов Украины: одно из них — резонанс налета немецких бомбардировщиков на Полтаву, вызвавший стремление американцев усилить собственными силами ПВО авиабазы и увеличить группировку ВВС США в СССР; другое — Варшавское восстание.

Большие потери американской авиации, понесенные в ходе немецкого воздушного налета на аэродром в Полтаве, послужили толчком к охлаждению советско-американских отношений. Американцы упрекали руководство 169-й АБОН в том, что ПВО Полтавского аэродрома оказалась неэффективной. Генерал А. Перминов в ответ подчеркивал тот факт, что американское командование не приняло советское предложение о рассредоточении авиации перед немецким налетом. Однако желание американцев продолжить деятельность «Восточного командования», казалось, не подлежало сомнению. Американская сторона выступила с инициативой усилить противовоздушную оборону аэроузла Полтава, Миргород, Пирятин и направить с этой целью в распоряжение «Восточного командования» эскадрилью ночных истребителей, а также три дивизиона зенитной артиллерии, оборудованной радиолокаторами, позволяющими вести огонь по воздушным целям в любое время суток и при любой погоде.

26 июня А. Гарриман передал эти предложения Сталину. Он пояснил, что они вызваны не претензиями по поводу неудовлетворительного прикрытия аэродромов русскими средствами ПВО, а стремлением американцев «разделить тяготы» обороны занимаемых ими баз.

29 июня руководители советских ВВС доложили Сталину о результатах переписки по предложению А. Гарримана и выразили свое положительное отношение к этому вопросу.

«Товарищу Сталину И. В.

Начальник военной миссии США генерал Дин от имени своего командования поставил перед нами следующие вопросы:

1. Американцы просят разрешения отправить к нам одну эскадрилью (15–16 самолетов) ночных истребителей Р-61 (одномоторный истребитель фирмы Нортроп) для усиления защиты баз.

Самолеты оборудованы радиолокационными установками, позволяющими обнаружить самолеты противника в темную ночь и вести с ними ночной бой.

Кроме этого, они предлагают поставить свою зенитную артиллерию (крупных калибров) для прикрытия аэродромов, так же оборудованную специальными установками.

Мы считали бы возможным согласиться с их просьбой и предложением, так как самолеты

и артиллерия со специальным оборудованием для нас представляет интерес, также как и их система ПВО. Они предлагают ознакомить наших инженеров с оборудованием самолетов и дать возможность нашим летчикам изучить это оборудование в полетах на этих самолетах.

2. В связи с тем, что немцы установили места базирования самолетов и могут пытаться вновь бомбардировать их, американцы просят предоставить дополнительно 4–5 аэродромов для маневра.

Со своей стороны полагаем возможным предоставить для маневра четыре аэродрома — два в районе Харьков, Кременчуг и Запорожье.

3. Так как сквозные бомбардировки в зимние месяцы будут затруднены и часто невозможны по условиям погоды, они просят разрешения базировать в СССР, в течение всей зимы, 3 бомбардировочные группы (до 180 самолетов) и одну истребительную группу (до 70 самолетов).

Для обслуживания этих групп потребуется увеличить наземный персонал до 3000–3500 человек с одновременным пребыванием на базе до 2000 человек членов экипажей самолетов.

Вопрос этот поставлен заблаговременно, так как при положительном решении потребуется завоз оборудования для постройки и оборудования зимних помещений личному составу.

Считаем возможным дать положительный ответ на этот вопрос, поскольку базы на наших аэродромах организованы, а срок пребывания американских ВВС в СССР не был особо оговорен. Просим Ваших указаний.

(Ворожейкин).

(Никитин).

29 июня 1944 года²².

В ходе дальнейшей переписки между командованием ВВС США и СССР генерал К. Спаатс, командующий ВВС союзников в Европе, просил увеличить американский контингент в СССР до 8900 человек и выделить аэродромы в районе Винница–Киев. Однако изменившаяся военно-политическая обстановка, вызванная успехами Красной Армии и советской политикой в Польше и на Балканах, обострила отношения СССР с западными союзниками. Это сказалось и на судьбе «Восточного командования».

Предложения командования американских ВВС о зимних операциях из Полтавы и доставки туда американских средств ПВО остались без ответа, хотя штаб советских ВВС их одобрил. Не получило ответа и письмо генерала К. Спаатса от 5 августа, в котором он пытался добиться от советских властей хоть какой-либо определенности в отношении американских предложений и просил сообщить об этом до 14 августа, чтобы успеть до зимы доставить в СССР необходимую технику и материалы. Заметно было и ухудшение отношений к американцам на

Полтавской базе. Заболевших перестали отправлять на лечение в Тегеран, хотя раньше это делалось регулярно. Американским спасательным командам не давали разрешения вылетать на места вынужденных посадок самолетов ВВС США. 17 августа В. Молотов заявил А. Гарриману, что соглашение о «челночных операциях» предусматривало их ведение лишь на лето 1944 г. Посол доказывал, что оно действительно до конца войны. Однако взаимопонимание не было достигнуто. Такой поворот в отношении правительства СССР к пребыванию американцев в Полтаве был обусловлен событиями в Польше.

Вступление войск Красной Армии в Польшу, провозглашение в г. Хелме в качестве временного органа исполнительной власти Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО), вскоре переехавшего в освобожденный Люблин, внесло новые нюансы в советско-американские отношения. Установки ПКНО на прочный союз с СССР как основу внешней политики, признание границы между Польшей и СССР по «линии Керзона» (т. е. какой она была после сентября 1939 г.), «подлили масла» в огонь «польского вопроса», который и без того был источником напряженности в отношениях между СССР и западными союзниками. А Варшавское восстание, вспыхнувшее 1 августа и возглавляемое ставленниками лондонского эмигрантского правительства Польши, вызвало резкую реакцию Сталина, увидевшего в нем стремление «лондонских поляков» создать в Польше прозападное правительство, которое восстановило бы, по его мнению, довоенную Польшу как основу антисоветского «санитарного кордона».

Действительно, расчет организаторов восстания состоял в том, чтобы пользуясь тем, что войска 1-го Белорусского фронта вели бои на подступах к Варшаве, освободить польскую столицу своими силами «за 12 часов до подхода Красной Армии», провозгласив там власть Крайового Совета министров как противовес люблинскому правительству. План восстания не был согласован с советским командованием. Обстоятельства складывались так, что после полуторамесячных боев Красная Армия не могла с ходу форсировать Вислу в районе Варшавы. На подготовку такой операции требовалось 20–25 дней.

Оставалась возможность помогать восставшим с воздуха, сбрасывая им оружие и продовольствие. Но немцы с первых дней восстания изолировали повстанцев в ряде районов города, что затрудняло помощь им с воздуха. Тем не менее союзники посылали свои самолеты из Англии, что было малоэффективно. Одновременно союзники обратились с просьбой к советскому правительству использовать «челночные операции» для оказания помощи восставшим. В ответе А. Гарриману заместитель наркома иностранных дел СССР А. Вышинский 15 августа сообщил, что «советское правительство не может пойти на это».

Мотивы отказа были изложены в письме Сталина Черчиллю от 16 августа. Он писал: «При создавшемся положении советское командование пришло к выводу, что оно должно отмежеваться от варшавской авантюры, т. к. оно не может нести ни прямой, ни косвенной ответственности за варшавскую акцию»²³.

В связи с этими обстоятельствами, следующая операция «Фрэнтик-VI» состоялась лишь 11 сентября, причем советская сторона настояла на том, что она не будет связана с помощью Варшаве. Удар силами 75 Б-17 и 64 истребителей был нанесен по военному заводу южнее Берлина.

Все это привело к тому, что американское командование официально известило руководство СССР о своем решении постепенно прекратить действия американской авиации с территории Советского Союза. Командующий ВВС главный маршал авиации А. Новиков 13 сентября писал Молотову:

«Народному комиссару иностранных дел
Союза ССР

товарищу Молотову В. М.

Докладываю:

В письме от 29 августа 1944 г. генерал Дин поставил нас в известность о решении американского командования с 1 ноября 1944 г. сквозные («челночные») операции американской авиации с посадкой на советских авиабазах прекратить в связи с большими изменениями в военной обстановке. При этом он просит оставить на зимний период один аэродром в Полтаве для обеспечения операций фоторазведывательных самолетов, для возможных операций малого размера и как базу для хранения имущества, завезенного в СССР.

Для этих целей на аэродроме Полтава они просят оставить 200–300 человек американского личного состава. На встрече 8 сентября по этому вопросу генерал Дин сообщил ту же просьбу, изложенную в письме от 29 августа, причем высказал мнение руководителей американского командования, что резкая и окончательная ликвидация баз в СССР будет истолкована общественным мнением (через печать) как какое-то недоразумение между союзными правительствами и что поэтому они просят разрешения оставить 200–300 человек на базе в Полтаве для обеспечения операции фоторазведчиков зимой и для того, чтобы имелась возможность, в случае, если война с Германией не закончится к лету 1945 года, развернуть вновь базы при согласии Советского правительства в другом месте, ближе на запад.

Считаю возможным сделать следующее предложение на поставленные вопросы на Ваше решение:

1. Согласиться с целесообразностью прекращения «челночных операций» в связи с ходом военной обстановки.
2. Начать теперь же свертывание американских баз, содействуя быстрой отправке людей и имущества.

3. Часть завезенного имущества, оборудования, определив предварительно его категоричность, принять в порядке дополнительных поставок.
4. Удовлетворить просьбу американцев, оставив один аэродром в Полтаве, но иметь ввиду ликвидировать эту базу в период декабрь-февраль, доказав (что не трудно будет сделать) нецелесообразность существования и этой базы.
Главный маршал авиации — (Новиков)
13 сентября 1944 года»²⁴.

Следующая операция «Фрэнтик-VII» состоялась 18 сентября. Сталин разрешил оказать помощь варшавянам. К этому времени Красная Армия уже овладела предместьем Варшавы Прагой, а передовые части 1-й Польской армии, входившей в состав 1-го Белорусского фронта, вели бои в самом городе. Советская авиация оказывала им помощь. Но восстание было уже обречено. Окончательно оно было подавлено 1 октября. О результатах «Фрэнтик-VII» Новиков 19 сентября докладывал в Ставку:

«Товарищу Сталину И. В.

Товарищу Молотову В. М.

Докладываю:

18 сентября с/г. американцы соединением в составе 107 бомбардировщиков „Летающая крепость“ в сопровождении 64 истребителей „Мустанг“ провели из Англии операцию по выброске грузов полякам в районе Варшава, с последующей посадкой на наших авиабазах.

Грузы (оружие и боеприпасы) сбрасывались с высоты 4000 метров с одного захода.

По докладу офицеров 16-й воздушной армии, наблюдавших выброску, операция проведена неудачно — большая часть грузов попала к немцам...

Сегодня, 19 сентября, американцы вылетели с наших авиабаз для бомбардирования железнодорожного узла Сольнок (Венгрия) с посадкой в Италии.

Новиков.

19 сентября 1944 г.»²⁵

Это были последние операции.

В связи с окончанием «челночных операций» ВВС США с использованием Полтавского аэроузла начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл прислал письмо, в котором благодарил личный состав 169-й АБОН за проделанную работу. Он писал: «Обращаюсь к советским офицерам и служащим, работающим в Восточном округе! Успех американских челночных бомбардировочных операций был достигнут только благодаря благородному духу взаимной помощи, которую вы проявили, сотрудничая с нашими воздушными силами Восточного командования. Я знаю, что в деле организации этих баз были преодолены огромные препятствия, только благодаря добросердечному отношению, с которым вы выполняли свою задачу помощи американским

военно-воздушным силам. Это доказывает практическое единство усилий, которое отражено в быстрых достижениях великих побед союзников»²⁶.

Ряд советских воинов, отличившихся при отражении налета немецкой авиации 22 июня 1944 г., были представлены к награждению американской медалью «За мужество». Советское командование в свою очередь представило 20 американцев к награждению орденами СССР.

5 октября первый поезд с американскими военнослужащими и имуществом отправился в Иран. В те же дни убыл командующий «Восточным командованием» генерал-майор Р. Уолш. 7 октября он писал Никитину:

«Уважаемый генерал Никитин!

Перед отъездом в Америку, от имени Восточного Командования, я хотел бы выразить Вам наше глубокое восхищение за всю помощь, оказанную ВВС Красной Армии нашим войскам, базирующимся в Полтаве, Миргороде и Пирятине. Без сомнения объединенные советско-американские операции были успешными. Наше огромное достижение в том, что мы заставили свернуться немецкие Воздушные силы, после большой тяжелой бомбежки.

В наших операциях я хотел бы особенно отметить генерала Перминова, командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии, принимавшего участие в выполнении наших задач, а также его штаб и персонал, находящийся под его командованием, с которым мы имели тесное сотрудничество. Я знаю, что наши люди извлекли хорошую пользу из сотрудничества с Вами, они видели работу и настроение Ваших офицеров и рядовых, выполнявших свои обязанности и я надеюсь, что в некотором отношении мы тоже оказали помощь ВВС Красной Армии...

Мое сотрудничество с Вами было самым приятным и я действительно надеюсь, что в будущем мы можем опять работать вместе. Благодарю Вас еще раз за всю Вашу помощь»²⁷.

Американцы покидали Полтаву с чувством благодарности к простым советским людям, сотрудничавшим с ними в ходе борьбы против общего врага. Когда первые эшелоны с американскими летчиками покидали Полтаву, Восточное командование издало обращение к своему личному составу. В нем говорилось:

«ПОМНИ:

1. Место, где ты был, раньше было оккупировано врагом.
2. Русские убрали все бомбы и мины, сброшенные немцами 21 июня 1944 г., и, убирая их, они понесли большие жертвы. Бомбы были предназначены для американских самолетов и личного состава.
3. Русские проделали большую физическую работу для нас, создавая нам хорошие условия жизни. Они разгружали вагоны, помогали рыть ямы, снабжали нас водой, помогали питанием и т. д. Ни одна другая нация не сделала для нас столько много, сколько сделали для нас русские»²⁸.

Как свидетельствуют многие документы, несмотря на ряд обстоятельств, омрачавших сотрудничество советских и американских воинов, работавших рука об руку на полтавском аэроузле, короткий период совместного сотрудничества, тесного общения между собой был настолько плодотворным, что остался в памяти наших народов как светлая страница отношений между США и СССР.

¹ В 1975 г. в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья А. В. Никитина о действиях американской авиации из Полтавы (1975, № 11). Другие публикации появились во второй половине 1980-х годов.

² Julian Th. «Operation Frantic» and the Search for American-Soviet Military Cooperation, 1941–1944 (Ph. D. diss. Syracuse University, 1968; Jones. The Eagles in the East. N.Y., 1969; Infield G. The Poltava Affair; A. Russian Warning — An American Tragedy. N.Y., 1973; Bolger D. Reluctant Allies: The United States Army Air Force and the Soviet Air Force, 1941–1945 (Ph. D. diss. University of Chicago, 1985); Julian Th. Operations at the Margins: Soviet Bases and Shuttle-Bombing // The Journal of Military History. 1993. Окт.

³ Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence / Ed. Francis L. Loewenheim Harold D. Langley. L., 1975. P. 228–229.

⁴ Arnold Henry H. Global Mission. N.Y., 1949. P. 306–307.

⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 515.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1976. Т. 2. С. 41–42.

⁷ Так в тексте документа. В русской транскрипции принято Икер.

⁸ Центральный Архив Министерства Обороны. Ф. 35. Оп. 11250. Д. 106. Л. 211. (Далее: ЦАМО).

⁹ Там же. Д. 105. Л. 125.

¹⁰ АДД — авиация дальнего действия.

¹¹ Там же. Д. 106. Л. 169.

¹² Там же. Л. 1–2.

¹³ Там же. Д. 107. Л. 223.

- ¹⁴ Воен.-ист. журн. 1975. № 11. С. 44.
- ¹⁵ Там же. С. 44.
- ¹⁶ МЗА — малокалиберная зенитная артиллерия.
- ¹⁷ ДШК — крупнокалиберный (12,6 мм) зенитный пулемет.
- ¹⁸ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11250. Д. 107. Л. 68–69.
- ¹⁹ Там же. Л. 11.
- ²⁰ Так в тексте. Имеются в виду 15-я и 8-я воздушные армии.
- ²¹ Там же. Д. 108. Л. 181–182.
- ²² Там же. Д. 107. Л. 113–114.
- ²³ СССР и Польша, 1941–1945. К истории военного союза: Документы и материалы. М., 1994. С. 230, 232.
- ²⁴ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11250. Д. 109. Л. 38.
- ²⁵ Там же. Л. 42.
- ²⁶ Там же. Л. 55.
- ²⁷ Там же. Л. 74.
- ²⁸ Там же. Л. 110.

Добровольцы НКВД в обороне Москвы

В. К. Пархоменко*

В летописи героических сражений Красной Армии с немецко-фашистскими полчищами на подступах к Москве летом и осенью 1941 года одна из ее славных страниц вписана москвичами-добровольцами. Перед лицом серьезной опасности, нависшей тогда над столицей, десятки тысяч жителей выразили желание добровольно пойти на фронт. Идя навстречу этому массовому патриотическому порыву, известному на Руси со времен Минина и Пожарского, 4 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения».

В первых числах июля на предприятиях и учреждениях города прошли митинги и собрания, посвященные организации дивизий народного ополчения (ДНО), формирование которых осуществлялось на уровне районов. В добровольческие дивизии вступали специалисты самых различных мирных профессий. Всех их объединяли высочайший патриотизм, непоколебимая стойкость и уверенность в победе. «И разве это случайность, что из добровольческих формирований после приобретения ими необходимого боевого опыта сложились, — как отмечает в своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков, — великолепные боевые соединения».

В период с 4 по 7 июля в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения, которые намечалось использовать для строительства оборонительных сооружений, а также в качестве резервных соединений непосредственно за линией фронта.

В Дзержинском районе Москвы, где находился Народный комиссариат иностранных дел СССР, более 170 предприятий, учреждений, учебных заведений и ведомств откликнулись на призыв создать дивизию народного ополчения. На состоявшемся 5 июля 1941 г. общем собрании трудового кол-

лектива 126 дипломатов и работников подсобных предприятий НКВД — шоферов, слесарей, истопников, портных, обувщиков, парикмахеров и других специалистов — добровольно вступили в ряды ополченцев, хотя некоторые из них имели «белые билеты», освобождавшие их от военной службы. 15 октября 1941 г. этот список добровольцев был пополнен еще 27 представителями Наркоминдела, записавшимися в коммунистические и рабочие батальоны.

В первые месяцы начала Великой Отечественной войны — в самый тяжелый и непредсказуемый период для дальнейших судеб страны эти сотрудники Наркомата, выходцы в основном из рабочих и крестьян, коммунисты и беспартийные, многие из которых имели семьи, малых детей, на первое место в жизни поставили защиту своего государства, своей Родины. Добровольцы НКВД знали, что идут на фронт за правое дело, и потому не сомневались в победе. Точно найденные слова в первом заявлении советского правительства в связи с началом войны, в обращении к народу 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» — были им, как и миллионам наших соотечественников, ясны и понятны.

Формирование частей (народно-ополченческих полков) и подразделений дивизии проводилось в помещениях Московского института инженеров транспорта (МИИТ) и по школам района, куда 6 июля направились ополченцы. Кроме трех стрелковых полков и артиллерийских дивизионов, были сформированы также отдельные роты: саперная, танкетная, разведывательная, рота связи и медико-санитарный батальон. Был создан и запасный стрелковый полк.

После формирования, которое в основном закончилось 7 июля, дивизия получила наименование: «6-я дивизия народного ополчения Дзержинского района города Москвы (6-я ДНО)». Численность

* Валентин Константинович Пархоменко — советник 1 класса МИД РФ в отставке.

ее составила более 7 тысяч человек. Командиром дивизии был назначен полковник А. И. Шундеев, а начальником штаба полковник М. В. Лебедев.

Боевая подготовка подразделений дивизии длилась несколько дней. Ввиду необходимости строительства и освоения мощного оборонительного рубежа на дальних подступах к Москве, Военный совет Московского военного округа дал указание о выводе 6-й ДНО на Ржевско-Вяземскую линию обороны.

Материальное обеспечение 6-й ДНО осуществлялось главным образом за счет ресурсов района. Трудности были во всем, но больше всего с вооружением. Перед отправкой ополченцев обмундировали в гимнастерки, брюки, ботинки, обмотки, пилюльки. На передислокацию дивизии Моссовет выделил городские пассажирские автобусы и грузовые машины. Поздним вечером 11 июля 6-я ДНО двинулась в сторону фронта в направлении Смоленска. Днем ополченцы миновали города Вязьму, Дорогобуж и к вечеру 12 июля прибыли в район села Озерище, где части дивизии приступили к строительству второй линии обороны на участке Дорогобуж — Ельня. Одновременно продолжалось обучение личного состава ведению боевых действий

16 июля немцы заняли Ельню и стали продвигаться далее на восток, в результате чего дивизия оказалась в прифронтовой полосе.

В середине августа 6-я ДНО была выведена из подчинения Московского военного округа и включена в состав 24-й армии образованного на Ржевско-Вяземском рубеже Резервного фронта под командованием генерала армии Г. К. Жукова. Тогда же ополченцам были выданы шинели, трофейные польские винтовки и наступательные гранаты. 20 августа в торжественной обстановке дивизии вручили Боевое знамя с надписью «6-я дивизия народного ополчения», а личный состав дивизии принял военную присягу на верность Родине.

В начавшейся 30 августа войсками 24-й армии Ельнинской наступательной операции участвовало десять дивизий 24-й армии, в том числе 6-я ДНО. И хотя дивизия находилась во втором эшелоне, ее отдельные части и подразделения выполняли частные боевые задачи.

После освобождения 6 сентября Ельни части 6-й ДНО приступили к строительству рубежа обороны 24-й армии, продолжая занятия боевой подготовкой.

Решением Народного комиссариата обороны от 19 сентября 1941 г. 6-я ДНО была включена в кадровый состав Красной Армии и стала именоваться 160-й стрелковой дивизией. Общеармейские номера были присвоены также частям и подразделениям дивизии.

Находясь в окопах и готовясь к грядущему генеральному сражению за Москву, бойцы и командиры 160-й дивизии из числа добровольцев Наркоминдела были настроены оптимистически. И хотя ельнинская земля вскоре разделила многих из них на

живых и мертвых, но никто из бывших ополченцев в тот грозный час не думал, чем кончатся для него предстоящие бои. Каждый всем своим существом сознавал: сквозь ливни свинца и бомбовых ударов, в рукопашных схватках необходимо будет сделать первый шаг к нашей конечной победе. О силе духа и глубоком патриотизме свидетельствуют их письма, которые были посланы родным и близким в августе и сентябре 1941 г.

«Я живу неплохо, — писал своей семье заместитель начальника учебного отдела Управления кадров НКВД М. М. Бутков. — Товарищи у меня хорошие, большинство из Наркомата, и снабжение хорошее. Все товарищи, и я в том числе, рвемся в бой с тем, чтобы покончить с этой гадиной».

Предчувствием и ожиданием будущей схватки с противником проникнуты и письма стажера 2-го Европейского отдела НКВД П. Я. Воробьева. В августе 1941 года он писал: «...Находимся мы в Смоленской области, недалеко от линии фронта, слышна даже стрельба артиллерии. Не исключена возможность, что и нам придется вступить в бой». Стараясь поддержать оставшуюся в тылу жену, он далее писал: «... Надо полагать, что война будет затяжной, и еще нам много предстоит трудностей, которые надо преодолевать, и я рад, что ты не упала духом, а стойчески переносишь все трудности».

Оптимистичными как по содержанию, так и общему тону были письма с фронта инструктора политотдела дивизии, бывшего стажера 1-го Европейского отдела НКВД Я. П. Толкачева. В письме от 18 сентября 1941 г он сообщал: «Наши дела идут неплохо. Работать приходится много, но для пользы нашего общего дела не жаль сил. Все силы и старания на дело укрепления страны, на разгром ненавистного врага... Враг-зверь должен получить по заслугам, и мы должны отомстить ему за все жертвы... Трудно вам описать те зверства, которые он творит с нашим населением на занятой территории. Так послужим Матери-родине до полной победы над врагом».

Первые успехи Красной Армии в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Ельней воодушевляли добровольцев НКВД. Увиденное ими на освобожденной от гитлеровцев территории Смоленщины вызывало справедливое возмущение и священное чувство мести к ненавистному врагу за творимое им насилие.

Погибший в декабре 1941 г. в контрнаступлении под Москвой ответственный референт Средневосточного отдела НКВД Н. Г. Чепурко в письме жене от 12 сентября писал: «Вместе со всей страной радуюсь захвату нашими города Ельня на Западном фронте... На днях моя часть вошла в один из крупных населенных пунктов, отбитых у немцев. Перед глазами предстала ужасная картина разрушений, грабежа и произвола, но это является общей чертой поведения фашистов». Веря в неминуемую победу над гитлеровской Германией, в очередном письме

супруге (28 сентября 1941 г.) он писал: «... На нашем направлении, как и на всех других, Красная Армия наносит врагу сокрушительные удары. Скоро, скоро фашистская гадина будет окончательно уничтожена».

Столь же непоколебимой была вера в силу Красной Армии и нашу победу и у бывшего стажера Протокольного отдела НКВД Ф. В. Иващенко, политрука роты, писавшего своей жене 15 сентября 1941 года: «Вот когда разгромим эту фашистскую банду, вторгшуюся на нашу священную землю, тогда снова заживем и забудем все невзгоды, вызванные войной. А что мы разгромим этих гитлеровских людоедов, в этом не может быть никакого сомнения, потому что уже лучшие дивизии противника нашли себе могилу на нашей земле, а оставшиеся силы противника тоже будут разгромлены. Сила и мощь Красной Армии с каждым днем растет, а сила и мощь противника под ударами нашей Красной Армии с каждым днем уменьшается».

Дипломаты и сотрудники Наркоминдела, добровольно отправившиеся на фронт, чтобы с оружием в руках защитить Родину и оградить Москву от немецко-фашистских полчищ, готовились к боям на передовой, как об этом свидетельствуют письма помощника Генерального секретаря НКВД И. В. Климова, в которых не только вера в победу над гитлеровской Германией, но и убежденность в своей профессиональной востребованности в будущей послевоенной мирной жизни советского народа. В письме с фронта от 6 сентября 1941 г. он писал жене: «... Мы еще нужны нашему государству... и недалек тот день, когда эта фашистская сволочь будет уничтожена, будет стерта с лица земли, и мы опять перейдем на наш мирный труд, на созидание ценностей человечеству...».

В конце сентября — начале октября немецкие войска, сосредоточившись восточнее Смоленска для проведения генерального наступления на Москву (операция «Тайфун»), нанесли сильные удары по позициям Красной Армии. Все три ее фронта — Западный, Резервный и Брянский, прикрывавшие московское направление, вступили в тяжелое кровопролитное сражение. Началась великая Московская битва, в ходе которой противнику удалось прорвать оборону советских войск и окружить 19, 20, 24 и 32-ю армии в районе г. Вязьмы.

Вяземская оборонительная операция 1941 года явилась началом срыва октябрьского наступления немецко-фашистских захватчиков на Москву. В сложной обстановке в октябре 1941 г. оказавшиеся в окружении под Вязьмой советские воины проявили беспримерное мужество в борьбе с врагом. В районе Вязьмы почти на две недели было сковано до 28 дивизий противника.

Так, в районе обороны 93-й дивизии, находившейся на переднем крае, и 160-й дивизии, прикрывавшей справа и слева Ельню, частям противника

в течение трех дней не удавалось пройти их позиции. Воины этих дивизий мужественно отражали атаки врага. Но, используя их открытый левый фланг, гитлеровцы стали охватывать позиции 160-й дивизии, стремясь зайти ей в тыл и снова занять Ельню. Дивизия вступила в ожесточенные бои, в ходе которых смертью храбрых пали многие из ее воинов, бывших ополченцев. Однако давление немецко-фашистских частей все больше усиливалось, и части 160-й дивизии были вынуждены отступить. В критическом положении дивизия, которая находилась в составе попавшей в окружение 24-й армии, оказалась в конце дня 5 октября, когда противнику удалось перерезать пути ее снабжения боеприпасами, продовольствием, фуражом. Была частично нарушена связь между штабом дивизии и большинством частей и подразделений. Остро ощущалась нехватка горючего. Противник контролировал пути отхода, создав местное окружение. В первой половине дня 9 октября крупные фашистские части преградили путь движению войск 24-й армии, навязав ей бой. Для 160-й дивизии это был последний организованный бой в Вяземской оборонительной операции 1941 года. Части дивизии дрались до темноты. Среди личного состава были большие потери. В этом сражении погиб командир дивизии полковник А. И. Шундеев.

С 10 октября группы воинов дивизии, прорывая заслоны немецко-фашистских частей, начали с боями продвигаться на восток к линии фронта Красной Армии. Эти попытки пробиться к своим осуществлялись, по свидетельству одного из непосредственных участников этой операции, бывшего ополченца и заместителя заведующего Политархивом НКВД В. П. Копейчика, в весьма сложной боевой обстановке. Немцы усиленно обстреливали их артиллерией и бомбили с самолетов; с наступлением сумерек разбрасывали осветительные ракеты, так что ночью было трудно ориентироваться.

Длительное время прибывавшие из окружения красноармейцы уходили без еды и сна. Многие воины, в том числе ополченцы из НКВД, при выходе из окружения погибли. Некоторые из добровольцев попали в плен, но и там вели себя мужественно, несмотря на все мучения и издевательства, а нередко и смерть от рук оккупантов. Об этом свидетельствует героическая гибель в плену ответственного сотрудника Наркоминдела Ивана Филипповича Власова, которого война застала на посту Поверенного в делах СССР в Дании. Уйдя в июне 1941 г. добровольно на фронт, этот кадровый дипломат, ставший командиром Красной Армии, в письме семье от 12 августа писал: «Настроение у меня боевое. Наше дело правое и верное. Когда закончится война, я буду вам много рассказывать о нашей победе, о нашем наступлении не только на фронте, а по всей Германии. Что касается выдержки, то у меня ее хватит на сотню гитлеров».

В боях с фашистскими захватчиками в августе-октябре 1941 г. на Западном фронте И. Ф. Власов проявил мужество и героизм. Попав по не зависящим от него обстоятельствам в плен, он не дрогнул под пытками и за отказ работать на оккупантов в декабре 1941 г. в концлагере Простекен (Восточная Пруссия) был зверски замучен гестаповцами. О его подвиге узнали только в октябре 1943 г. из письма в газету «Правда» командира партизанского отряда 1-й антифашистской партизанской бригады майора И. Ф. Говора, который описал мученическую смерть верного патриота.

Окруженные в октябре 1941 г. в Вяземском котле и прорывавшиеся к своим ополченцы, несмотря на неимоверные трудности, сохранили боевые знамена дивизии и полков и вынесли их из окружения. Большинство бойцов и командиров просачивались через гитлеровские рубежи мелкими группами. Часть бойцов и командиров, оказавшихся в тылу врага и избежавших немецкого плена, влились в партизанские отряды.

В середине октября 1941 г. личный состав разрозненных частей и подразделений 160-й дивизии, пробившейся сквозь кольцо окружения, собрался на пункте сбора в МИИТ, где в начале июля 1941 г. проходило формирование 6-й ДНО. Затем в течение двух с половиной месяцев дивизия находилась в районе ст. Гжель в Раменском районе Московской области на доукомплектовании, получала пополнение и вооружение.

6 января 1942 г. согласно приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова дивизия поступила в распоряжение командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

Перед отправкой на фронт воины 160-й дивизии вновь увидели Москву. Для многих из них это было свидание с родным городом, на защиту которого они уходили полгода назад в составе дивизии народного ополчения. Видя радостные лица москвичей, которые приветствовали проходившие части дивизии, бойцы и командиры понимали, что их боевые товарищи, павшие в октябрьских боях на Богородицком поле в районе Вязьмы, погибли не напрасно. Задержав на подступах к столице ценой своей жизни крупную группировку гитлеровских войск, они позволили советскому командованию выиграть время для подготовки решающей битвы за Москву.

Дальнейший боевой путь дивизии лежал через освобожденные при ее участии города Ельня, Смоленск, Брест, Варшава, территории Западной Украины, Белоруссии и Польши. Закаленная в боях, получившая наименование 160-я Брестская Краснознаменная стрелковая дивизия дошла до Германии.

Встретившись в мае 1945 г. с союзными английскими войсками в районе города Шверин, дивизия, созданная в первые дни Великой Отечественной войны из патриотов-москвичей, среди которых были и добровольцы НКВД, победно закончила боевые действия против немецко-фашистских захватчиков.

Документы

Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР на западе и на востоке на 1940 и 1941 гг., 18 сентября 1940 г. (извлечения)

Народный комиссар обороны Союза ССР
18 сентября 1940 г

Особо важно
Совершенно секретно.
Только лично № 103202/06

ЦК ВКП[б] — тов. СТАЛИНУ тов. МОЛОТОВУ

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

I. НАШИ ВЕРОЯТНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша — Финляндию и Румынию.

При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение.

II. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВЕРОЯТНЫХ ПРОТИВНИКОВ

Основным, наиболее сильным противником является Германия.(...)

Всего, с учетом указанных выше вероятных противников, против Советского Союза на Западе может быть развернуто: Германией—173 пех[отные] див[изии], 10000 танков, 13000 самолетов; Финляндией — 15 пехотных див[изий], 400 самолетов; Румынией — 30 [пехотных дивизий], 250 [танков], 1100 [самолетов]; Венгрией — 15 [пехотных дивизий], 300 [танков], 600 [самолетов]. Всего—253 пех[отные] див[изии], 10550 танков, 15100 самолетов.

Примечание. Как указано выше, Италия и Турция не считаются прямыми противниками и в таблицу не включены.(...)

Для действий против СССР японское командование может выставить до 50 пехотных дивизий, из коих до 30 пех[отных] дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3000 самолетов (1500 сухопутных и 1500 морских) может быть сосредоточено к границам СССР в течение 25–30 дней.

Армия Манджоу-Го в расчет не принимается, как имеющая второстепенное значение.

V. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислава) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней.

Окончательное решение на развертывание будет зависеть от той политической обстановки, которая сложится к началу войны; в условиях же мирного времени считаю необходимым иметь разработанными оба варианта (...)

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА / С. ТИМОШЕНКО/

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА К. А.
ГЕНЕРАЛ АРМИИ / К. МЕРЕЦКОВ/

18 сентября 1940 г. Написано в одном экземпляре. Исполнитель зам[еститель] начальника оперативного управления генерал-майор Василевский

1941 год. В 2-х кн. Кн. 1. М.,
1998. С. 236–238, 241, 253

Сообщение «Метеора» из Берлина начальнику разведуправления Красной Армии генералу Голикову, 29 декабря 1940 г.¹

Начальнику Разведуправления
Генштаба Красной Армии
«Альта» сообщил [а], что «Ариец» от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

1941 год: В 2 кн. Кн. 1./ Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова.
М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 466

¹ Пометы: «Дать копии наркому и Начальнику Г[енерального] Ш[таба]. Голиков», «Кто эти высоко информ. воен. круги, надо уточнить. Кому конкретно отдан приказ. Голиков», «Потребовать более внятного освещения вопроса; затем приказать проверить. Первое донесение телеграфом получить от „Метеора“ дней через 5 и дать мне. Голиков». Рассылка: Сталину (2 экз.), Молотову, Тимошенко, Мерецкову. Заверенная копия.

Из заключительной речи наркома обороны СССР маршала Советского Союза С. К. Тимошенко на совещании высшего командного состава о характере современных операций, 31 декабря 1940 г.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ: О ХАРАКТЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ

Извлечения из опыта последних войн

1. Опыт последних войн и особенно западноевропейской войны 1939–1940 г. показывает, что в области военного искусства происходят большие сдвиги, обусловленные применением новых и усовершенствованием известных ранее боевых средств вооруженной борьбы.
2. В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового. Но в области оперативного искусства, в области фронтовой и армейской операции происходят крупные изменения. Прежде всего, важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией, обеспечило, помимо прочих причин, высокий темп и силу современного оперативного наступления. Наступательные операции во время войны 1914–1918 г. захлебывались только потому, что темпы наступления и темпы подхода оперативных резервов обороны были одинаковы. Обороняющийся при прорыве всегда успевал организовать новое сопротивление в глубине. Немецкие танковые дивизии в 1939–1940 г. упредили подтягивание этих резервов. И в том, что они первыми бросались вперед, сами создавали проходы в оборонительных полосах противника и сами развивали прорыв, есть свой определенный смысл. Не случайно немцы применили новое построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди. Их к этому принудила безнадежность попыток прорыва в войну 1914–1918 г. Они правильно учли, что сила и успех современного наступления — в высоком темпе и непрерывности наступления.
3. Как показывает опыт современных операций, база пехотной массы осталась такой же широкой и мощной, но роль пехоты при атаке изменилась. Из ударного средства она превратилась в основание бронированного ударного клина, который острием танковых дивизий врезывался в глубину территории противника. Самостоятельность действий скоростных подвижных групп, состоявших из различного типа соединений (танковых, механизированных, моторизованных, мотоциклетных), обуславливалась их организационной структурой.
4. Операции на Западе выявили, что глубокий удар, основанный на системе взаимодействия авиации, скоростных мотомеханизированных соединений и главной пехотной массы армии, имеет одно опасное звено, заключающееся в возможности разрыва между действиями авиации и скоростных соединений. Вопрос нашел свое эффективное разрешение в применении воздушных десантов, которые заполняют разрыв, образуемый между атакой авиации и подходом скоростных соединений (...)

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М., 1993. С. 338–339

Из письма премьер-министра Великобритании У. Черчилля И. Сталину, 3 апреля 1941 г.

«(...) Я располагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, т. е. после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это продвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта»².

ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 829

² Из записи беседы 15 августа 1942 г. И. В. Сталина с У. Черчиллем:

«... Он (Черчилль) предупреждал Сталина о предстоящем нападении на СССР. Первое его сообщение по этому поводу было весьма кратким и имело в качестве своей основы события в Югославии весной 1941 г. В тот день, когда Павел подписал с Гитлером пакт о нейтралитете, немцы издали приказ об отправке трех из пяти танковых дивизий, находившихся на Балканах, в Краков. Немцы начали немедленную погрузку этих дивизий в железнодорожные вагоны. Через десять дней в Югославии произошел переворот и три танковых дивизии были возвращены для действий против Югославии. Когда он, Черчилль, узнал об этой переброске танковых дивизий с Балкан в Краков, он был уверен в том, что Германия нападет на СССР. Тов. Сталин отвечает, что мы никогда в этом не сомневались и что он хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению». (См.: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1986. С. 442–443).

Донесение начальника главного управления политпропаганды Красной Армии А. Запорожца в ЦК ВКП(б) о состоянии укрепрайонов на западной границе СССР, 15 апреля 1941 г.

Сов.секретно, Экз.единственный

ЦК ВКП/б/ — тов. СТАЛИНУ И. В., МОЛОТОВУ В. М., АНДРЕЕВУ А. А., ЖДАНОВУ А. А., МАЛЕНКОВУ Г. М.

О состоянии укрепленных районов на наших западных границах

Укрепленные районы, строящиеся на наших западных границах, в большинстве своем не боеспособны. Законченные строительством боевые сооружения /ДОТ/ не имеют должного вооружения и, главным образом, броневых амбразур, необходимых для установки артиллерийских орудий и пулеметов. Начальник Управления Оборонительного строительства генерал-майор тов. Котляр доложил, что, к сожалению, наша промышленность задерживает изготовление амбразур. В новых боевых сооружениях воздухопроводы еще не установлены, следовательно они лишены вентиляции воздуха, особенно необходимой во время боевой работы гарнизона.

Укрепленные районы не обеспечены в необходимом количестве постоянным и специально подготовленными гарнизонами. Только по одной 6 армии Киевского Особого Военного Округа для гарнизонов Укрепленных районов недостает 3-х пулеметных батальонов.

В случае крайней необходимости гарнизоны Укрепленных районов могут быть усилены выделением частей и подразделений из находящихся на направлении Укрепленных районов стрелковых дивизий. Но такое мероприятие нежелательно ввиду того, что оно приведет к ослаблению стрелковых дивизий, выделяющих из своего состава пулеметные батальоны для Укрепленных районов. В подтверждение этого можно привести ту же 6-ю армию КОВО, в которой для того, чтобы выделить недостающие для укрепленных районов три пулеметных батальона придется в случае нужды забрать всех пулеметчиков почти из двух стрелковых дивизий, а в силу этого эти дивизии станут неполноценными.

Помимо этого, выделенные для пополнения гарнизонов Укрепленных районов бойцы и командиры подразделений полевых войск не будут иметь необходимой специальной подготовки.

Незаконченность строительства в Укрепленных районах не только долговременных сооружений, а и полевых сооружений усугубляет это положение.

Докладывая о вышеизложенном, ставлю Вас в известность, что о состоянии Укрепленных районов мною доложено Народному комиссару обороны тов. Тимошенко.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ КРАСНОЙ АРМИИ
/А. ЗАПОРОЖЕЦ/.

*US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection».
Reel 6.; ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 725588. Д. 36*

Из воспоминаний маршала Г. К. Жукова³ о работе наркомата обороны и генштаба РККА весной 1941 г.

(...) Сосредоточение большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и на Балканах вызвало у нас особое беспокойство. В то же время тревожила недостаточная боеготовность наших вооруженных сил, расположенных в западных военных округах.

³ Жуков Г. К. (1896–1974). Маршал Советского Союза (1943). В 1939 г. — ком. 1-й армейской гр. Сов. Войск в Монголии. С июня 1940 — ком. Войсками Киевского Особого ВО. В янв. — июле 1941 начальник генштаба РККА. С 23 июня 1941 член Ставки ВГК. С авг. 1942 г. 1-й зам. наркома обороны. В 1941–1945 гг. командующий Резервным, Ленинградским, Западным (в ходе Московской битвы), 1-м Укр., 1-м Белорусским (в битве за Берлин) фронтами. Главком войсками Западного направления (1942). Как представитель Ставки координировал действия фронтов в Сталинградской, Курской битвах, битве за Днепр и др. наступательных операциях Красной Армии. Непосредственно участвовал в разработке и осуществлении стратегических планов Верховного командования. 8 мая 1945 в Карлсхорсте (Берлин) принял капитуляцию германской армии.

Продумав всесторонне эти вопросы, я вместе с Н. Ф. Ватутиным⁴ подробно доложил наркому обороны о недостатках в организации и боевой готовности наших войск, о состоянии мобилизационных запасов, особенно по снарядам и авиационным бомбам. Кроме того, было отмечено, что промышленность не успевает выполнять наши заказы на боевую технику.(...) Генеральный штаб выполнял крупнейшую оперативную, организационную и мобилизационную работу, являясь основным аппаратом наркома обороны.

Однако в работе самого аппарата Генштаба были недостатки. Так, при изучении весной 1941 года положения дел выяснилось, что у Генерального штаба, так же как и у наркома обороны и командующих видами и родами войск, не подготовлены на случай войны командные пункты, откуда можно было бы осуществлять управление вооруженными силами, быстро передавать в войска директивы Ставки, получать и обрабатывать донесения от войск... Столь частая смена руководства Генштаба не давала возможности во всей полноте освоить вопросы обороны страны и глубоко обдумать все аспекты будущей войны.(...)

Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения. Но в плане были стратегические ошибки, связанные с одним неправильным положением. Наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки. Именно белорусское направление было кратчайшим к столице нашей Родины — Москве.

Вследствие этой оплошности пришлось в первые же дни войны 19-ю армию, ряд частей и соединений 16-й армии, ранее сосредоточенных на Украине и подтянутых туда в последнее время, перебрасывать на западное направление и включать с ходу в сражения в составе Западного фронта. Это обстоятельство, несомненно, отразилось на ходе оборонительных действий на западном направлении.

При переработке оперативного плана весной 1941 года (февраль–апрель) мы этот просчет полностью не исправили и не запланировали на западное направление большее количество сил (...)

Нарком обороны, Генеральный штаб и я в том числе считали необходимым в условиях надвигающейся войны подтянуть материально-технические средства ближе к войскам. Казалось бы, это было правильное решение, но ход военных событий первых недель войны показал, что мы допустили в этом вопросе ошибку. Врагу удалось быстро прорвать фронт нашей обороны и в короткий срок захватить материально-технические запасы округов, что резко осложнило снабжение войск и мероприятия по формированию резервов.

При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы и условия были далеко не равными.

*Маршал Г. К. Жуков Воспоминания и размышления. 6-е изд.
М 1985. С. 247.266, 269, 270, 275–276*

Записка наркома обороны СССР и начальника генштаба Красной Армии председателю СНК СССР И. В. Сталину с соображениями по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, не ранее 15 мая (извлечение)⁵

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

⁴ Ватутин Н. Ф. (1901–1944), генерал армии (1943). С 1940 начальник оперативного управления, затем 1-й зам. начальника генштаба Красной Армии. В ходе Великой Отечественной войны — зам. нач. генштаба, начальник штаба и командующий войсками фронтов. Смертельно ранен весной 1944 г.

⁵ Рукопись на бланке «Народный комиссар обороны СССР», выполненная рукой А. М. Василевского. Документ не подписан. Имеются исправления в тексте, выполненные предположительно рукой Г. К. Жукова. Дополнения в тексте приведены курсивом и взяты в угловые скобки. Вычеркнутая часть текста взята в прямые скобки

I. В настоящее время Германия <по данным Разведывательного управления Красной Армии> имеет развернутыми около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий.

Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.05.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийской дивизий, а всего до 112 дивизий.

Предполагается, что в условиях политической обстановки сегодняшнего дня Германия, в случае нападения на СССР, сможет выставить против нас — до 137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийских и 5 воздушно-десантных дивизий, а всего до 180 дивизий.

Остальные 104 дивизии будут находиться <в центре страны в резерве — 22 пд, 1 кд, 1 тд, 1 воздушно-десантная дивизия, всего 25 дивизий; в Дании, Бельгии, Голландии и Франции — 40 пд, 2 кд, 1 тд, 2 возд. дес. див., всего 45 дивизий; Югославия — 7 пд, всего 7 дивизий; Греция — 7 пд, 1 кд, всего 8 дивизий; Болгария — 3 пд, всего 3 дивизии; Африка — 5 пд, 1 кд, 1 тд, всего 7 дивизий; Норвегия — 9 пд, всего 9 дивизий; всего 93 пд, 5 кд, 3 тд, 3 возд. дес. дивизий; итого 104 дивизии> [в центре страны на западных границах, в Норвегии, в Африке, в Греции и Италии].

Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 76 пехотных, 11 танковых, 8 моторизованных, 2 кавалерийских и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу от Демблин для нанесения удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться ударом на севере из Восточной Пруссии на Вильно и Ригу, а также короткими, концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — следует ожидать ударов [одновременного с германской армией — перехода в наступление в общем направлении на Жмеринку — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями.

Не исключена также возможность вспомогательного удара немцев из-за р.Сан в направлении на Львов] <а) в направлении Жмеринки — румынской армии, поддержанной германскими дивизиями; б) в направлении Мункач, Львов; в) Санок, Львов>.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия — до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пд, Румыния — до 25 пд.

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий.

Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это [и разгромить немецкую армию], считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск.

II. Первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить — разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Демблин. и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн. Оломоуц.

<Последующей стратегической целью иметь:

наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы Центра и Северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии.

Ближайшая задача — разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Паров, Висла и овладеть районом Катовице>, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии. Венгрии и Румынии и быть готовыми к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

<Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Мотовиско силами 152 дивизий против 100 дивизий германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона>...

(без подписи)

1941 год: В 2 кн. Кн. 2./ Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова.
М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 215–216

Из спецсообщения начальника разведотдела штаба западного особого военного округа командующему округом генералу армии Д. Павлову «о подготовке Германией войны против СССР», 4 июня 1941 г.

сов. СЕКРЕТНО, экз. № 1

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЗапОВО ГЕНЕРАЛУ АРМИИ — тов. Павлову (...)

(...) На основании ряда проверенных агентурных данных, военная подготовка Германии против СССР за последнее время, особенно с 25 мая, проводится более интенсивно и характеризуется следующими данными:

В течение второй половины мая немцы увеличили свою группировку войск на 2–3 пд, две бронетанковые дивизии «СС», главным образом в районе Остроленка, Прасныш, Млава, Цеханов. Дивизии «СС» — в Сувалки (данные требуют проверки).

Особенно характерно прибытие артиллерийских частей, танковых подразделений и бронев автомашин.

Одновременно отмечается прибытие средств ПВО, ПТО. Так, например, в Районе Варшава — 130 орудий ПТО, 51 зенитный артполк; Млава — зенитный дивизион и дивизион ПТО.

17 апреля в направлении Остров (к линии госграницы) проследовало 165 орудий ПТО, калибра 37 мм...

Завоз боеприпасов: 25 апреля на аэродром «Окенце» (Варшава) выгружено 63 вагона авиабомб. В конце апреля на аэродром Сохачев доставлено 15 вагонов авиабомб, часть из них предположительно по 1000 кг.

13 апреля в Варшава прибыло 59 вагонов пороха, в Рембертов — 16 вагонов, Радом — 12 вагонов, Сохачев — 2 вагона.

За период с 9 по 14 мая на варшавском аэродроме отмечено более 200 самолетов.

По курсу Калиш, Лодзь, Варшава установлено прибытие 86 самолетов. В Варшава сосредотачивается крупное авиасоединение. В Кенигсберг — 118 самолетов, часть из них — пикирующие бомбардировщики...

15 мая из Варшава в Кенигсберг приезжали генералы.

17 мая отмечалось прибытие генералов в Лодзь. Цель поездки не установлена.

На всех железнодорожных станциях по перронам проведены белые полосы; железные столбы, на которых держатся навесы к входам в ж.д. здания, на 1–2 метра от оснований окрашены белой краской. Все ступеньки вагонов также окрашены в белый цвет. Все это сделано для предотвращения паники при посадке и высадке во время затемнения. (По белым столбам можно находить двери).

С наступлением темноты погранохрана передается полевым частям, которые ее несут до утра.

Передвижение гражданских лиц в пограничной полосе сведено к минимуму. Вся полоса в непосредственной близости от границы усилена артиллерийскими и пулеметными позициями, с законченной организацией телефонной связи между батареями, командными, наблюдательными пунктами.

За последнее время участились артиллерийские учения и боевые стрельбы.

Население погранполосы, проживавшее на хуторах Малые Рачки, Пажиха (ю.-в. Збойна), Руда-Осовецкая и др. (всех национальностей) выселено в глубинные районы.

Хутора используются для маскировки позиций и огневых точек.

Население деревень и городов получило официальные инструкции о том, что если кто-либо во время войны будет поддаваться панике — тот будет расстреливаться на месте.

Все гражданские лечебные заведения в крупных и мелких населенных пунктах Генерал-губернаторства — заняты под госпитали. Госпитали обеспечены как соответствующим количеством коек, так и германским медперсоналом (Варшава).

Заканчивается подготовка всех гражданских объектов к мерам ПВО и ПХО. (Затемнение, противопожарные мероприятия, дегазационные камеры и т. д.).

К настоящему времени ж.д. мосты и мосты на шоссе на дорогах, восточнее Варшава — восстановлены и частично вновь построены.

Все мосты через р. р. Висла, Буг, Нарев — охраняются полевыми частями.

Заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР, о чем имелись документы и сообщалось в разведсводках № 10 и № 13. Эти чиновники во всем предупреждены и ждут только начала военных действий.

Многие церкви и кладбища всех вероисповеданий используются для складов, огневых позиций и наблюдательных пунктов: (пулеметные и артиллерийские точки у кладбищенских оград, склады боеприпасов — под костелами) — Сувалки, Остров, Седлец.

Очевидно, в будущей войне против СССР германское командование намеревается распространять сообщения о том, что красные бомбят храмы и кладбища. Этой тактикой неплохо можно сыграть на религиозных чувствах, главным образом поляков.

В чешской Праге функционируют курсы парашютистов, на которые мобилизованы члены белорусского комитета из Варшавы. В начале военных действий парашютисты будут выбрасываться в тылы советской Белоруссии для выполнения диверсионных задач. Мобилизованные приняли присягу о хранении тайны.

На станции Пасеки (11 км. ю.-в.Рожан), 24 мая 1941 г. специальная комиссия во главе с генералом исследовала вопрос о возможной среднесуточной выгрузке воинских эшелонов на этой станции. Первые эшелоны, которые сейчас следуют с балканского театра в Генерал-губернаторство, 2–3 июня, предположительно, будут выгружаться на ст. Пасеки.

О том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается в июне месяце, свидетельствуют следующие факты:

По сведениям, требующим проверки, 24 мая 1941 г. филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой: вернуться не позже 5 июня 1941 г.

Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока и Гродно он возвратиться не успеет. Майор — нач. разведпункта на это ответил: после 5 июня 1941 г. возможно начало военных действий с СССР, потому он не может, вне этих сроков, гарантировать жизнь агента; поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили (...)

Польская крупная буржуазия, также как и большая часть офицерского состава германских армий, сосредоточенных в полосе против ЗапОВО — верят, что их успех в войне с СССР будет обеспечен. Главнейшими аргументами по их мнению являются: «Неудача» СССР в финской операции и рост, якобы, внутреннего недовольства в СССР, особенно во вновь присоединенных районах...

ВЫВОД:

Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против ЗапОВО — заслуживают доверия.

Данные о прибытии двух дивизий «СС» в Сувалки — требуют дополнительной проверки.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДОТДЕЛА ШТАБА ЗАПОВО — ПОЛКОВНИК БЛОХИН

НАЧАЛЬНИК ОТД. РО ШТАБА ЗАПОВО — МАЙОР САМОЙЛОВИЧ

US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection». Reel 4;

ЦАМО РФ. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 16. Л. 307–314

Краткая запись обсуждения проекта директивы о задачах политической пропаганды на главном военном совете Красной Армии, 4 июня 1941.⁶

ТИМОШЕНКО: Много мелочей в директиве. Повторения. Вводная часть велика. Объединить вместе с директивой о политучебе красноармейцев.

ЖДАНОВ⁷: Обе директивы объединить. Не обременять документ вопросами партийного хозяйства, работой среди жен начсостава. Построить директиву:

1) Почему нам нужен другой характер пропаганды. Идет война. Сказать почему погибла Франция и победила Германия. Развенчать легенду о непобедимости германской армии.

2) Возросла мощь СССР. Об этом было сказано, когда мы шли на Румынию. Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики.

3) Между миром и войной — один шаг. Вот почему наша пропаганда не может быть мирной. Пропаганда должна иметь соответствующие темпы. Мы не можем сейчас планировать политучебу на два года и иметь политучебник, который будет изучаться два года. Армию нужно держать в готовности в любой момент.

⁶ См. также № 153, 154

⁷ Жданов А. А. (1896–1948). С 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В Великую Отеч. войну — член Военного совета Северо-западного направления, Ленинградского фронта. Член политбюро ЦК с 1939 г.

Отсюда задача, так перестроить пропаганду, чтобы она соответствовала новым задачам. Надо насытить директиву содержанием, если хотите, надо дать шпартгалку. Раскрыть существо о войне и политике.

БУДЕННЫЙ: Объединить обе директивы. Директива ругает за пацифизм, за мирный дух в пропаганде. Но кого она ругает? Нас нужно за это ругать. Ведь мы так направили пропаганду. В директиве нужно сказать, что и как разъяснить. Об изучении сопредельных стран нужно сказать по каждой стране, например по Англии, Турции и т. д.

ЖДАНОВ: Перехода от одной политике к другой нет. Еще Ленин говорил во время первой мировой войны в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», что в случае необходимости, победивший пролетариат выступит даже с военной силой против капиталистических государств. Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса.

МАЛЕНКОВ⁸: Поворот в пропаганде, а не в политике. В документе надо дать ответ на все вопросы, чтобы оказать конкретную помощь в пропаганде. Все ваше разъяснение, которое вы даете в проекте директивы это цитата из Ленина о том, что мы схватим весь капитализм за шиворот. Документ примитивно изложен, как будто бы завтра мы будем воевать.

ЖДАНОВ: Тогда будет непонятно, почему мы маневрируем в дипломатии, если мы завтра собираемся воевать. А мы печатаем в «Красной Звезде» о сборах начсостава запаса. Поворот в пропаганде, а не в политике.

ТИМОШЕНКО: Составить одну директиву. Особо дать указание к тематике политических занятий. Документ должен создать поворот в политической пропаганде. Проект директивы обсудить на следующем заседании Главного Военного Совета.

ЖДАНОВ: ЦК составляет по этому же поводу директиву для всей партии. Я дам указание агитпропу ЦК, чтобы вместе с вами сделали вводную часть, или чтобы вам дали вводную часть, подготовленную в ЦК. Весь документ надо будет обсудить в политбюро.

ЦАМО РФ. Ф.32. Оп.11302. Д.20. Л. 84–86

Из проекта директивы главного управления политической пропаганды РККА о задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время (не позднее 21 июня 1941 г.)⁹

За последние годы в международной обстановке, в жизни Советского Союза и в жизни Красной Армии произошли значительные изменения, которые необходимо учитывать во всей пропагандистской работе (...)

Важнейшими из этих изменений являются:

В области внешнеполитической — усложнение и обострение международной обстановки, расширение второй мировой империалистической войны на балканские государства и страны Ближнего Востока и Африки, смена Германией лозунгов освобождения от «цепей Версаля» завоевательными лозунгами (...)

В области внутривойсковой — расширение территории Советского Союза; благодаря его политической, экономической и военной мощи, блестящим успехам сталинской внешней политики сорваны антисоветские планы империалистов...

В жизни Красной Армии — перестройка форм и методов обучения и воспитания войск на основе опыта современных войн, перевооружение на базе новейшей военной техники, возрастание роли и мощности танковых и моторизованных дивизий, рост политического сознания, дисциплины, идеологической сплоченности личного состава Красной Армии.

Новые условия в которых живет наша страна, современная международная обстановка, чреватая неожиданностями, и задачи, поставленные партией Ленина-Сталина и Советским правительством перед Красной Армией требуют решительного поворота в пропагандистской работе, большевистском воспитании

⁸ Маленков Г. М. (1902–1988). 1939–1959 — секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1939–1952. В годы Великой Отечественной войны был представителем ГКО на ряде фронтов. Руководил оснащением Красной армии и ВВС новой боевой техникой. С авг. 1943 г. возглавлял К-тет при СНК по восстановлению народного хозяйства в освобожденных районах.

⁹ Резолюция на первой странице: «в дело». См. также Гл.2. док 89.

личного состава духе пламенного советского патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага.

Однако, изменения в международной обстановке, в жизни советского народа и Красной Армии не нашли должного отражения в пропаганде и агитационной работе... Пропаганда носит мирный характер, в ней еще много костности, шаблона и формализма. Пацифистским настроениям, которые проявляются у отдельных красноармейцев и командиров не дается должного отпора. Пропагандисты перестали критиковать враждебную марксизму фашистскую идеологию, перестали разоблачать реакционную политику германского империализма, направленную на покорение и закабаление других народов (...)

Подобные недостатки в пропагандистской работе могут ослабить политико-моральную силу, понизить боевую активность, воинственный наступательный дух Красной армии. Этот недостаток особенно нетерпим теперь, когда перед Красной Армией стоят задачи всемирно-исторического значения.

Главное Управление Политической пропаганды Красной армии предлагает:

1. Политическую пропаганду поднять на уровень современных задач Красной Армии. Все формы пропаганды, агитации и воспитания направить к единой цели — политической, моральной и боевой подготовки личного состава к ведению справедливой, наступательной и всесокрушающей войны (...)

2. Всей системой политической пропаганды обеспечить правильное и глубокое разъяснение основных вопросов международной и внутренней политики Советского Союза и вытекающих отсюда задач Красной Армии. Весь личный состав Красной армии должен проникнуться сознанием того, что возросшие политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяют нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидировать очаги войны у своих границ, расширяя свои территории. Эта наступательная политика выразилась в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, разгроме белофинской авантюры.

Советский Союз сейчас сильнее, чем прежде, а завтра будет еще сильнее. Красная Армия и советский народ обороняя нашу страну, обязаны действовать наступательным образом, от обороны переходить, когда этого потребуют обстоятельства, к военной политике наступательных действий (...)

3. Повседневно разъяснять личному составу причины и характер второй мировой империалистической войны, захватнические цели воюющих блоков.

Каждый красноармеец, командир и политработник должен понимать, что главной причиной второй мировой империалистической является соперничество между двумя крупными империалистическими державами — Англией и Германией. Борьба между ними идет за новый передел мира, за мировое господство. В союзе с Германией выступили Италия и Япония, хотя последняя и не принимает участия на европейском и средиземноморском театрах. Англия пользуется материальной поддержкой США, которые также готовятся вступить в войну за передел мира.

Каждая из участвующих в войне империалистических стран преследует свои захватнические грабительские цели. Германия готовилась к войне и начала ее под лозунгом освобождения от «цепей Версаля». На деле же Германия ведет войну за установления своего господства в Европе, за передел английских, французских и других колоний в Африке, Азии и на Ближнем Востоке. Германская буржуазия стремится к созданию крупной колониальной империи (...)

4. Показать причины успехов Германии и поражения Франции во второй империалистической войне.

Германия, осуществляя свои захватнические цели, поочередно разбила армии и оккупировала территории Польши, Норвегии, Голландии, Бельгии, Франции, Югославии и Греции. Ряд государств захвачен и оккупирован Германией без войны.

Почему же Германия победила, а Франции потерпела поражение?

Ленин говорил, что разбитые армии хорошо учатся. Это относится и к нациям. В первой мировой империалистической войне Германия потерпела поражение и извлекла из этого необходимые политические и военные уроки. Германцы критически пересмотрели уроки своего разгрома и нашли пути, чтобы лучше организовать и подготовить свою армию к войне. Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой и обучалась новым приемам ведения войны.

Такова первая причина победы германской армии...

Германия одержала победу над Францией в 1870 г. благодаря нейтралитету России и войне на одном фронте; в войне 1914–18 гг. она потерпела поражение из-за тяжести борьбы на двух фронтах — на востоке и на западе. Германия учла это и в 1939 г. совершила поворот в своей внешней политике, заключив договор с Советским Союзом.

Такова вторая причина победы германской армии (...)

5. Развенчать имеющиеся у некоторых красноармейцев, командиров, политработников неправильное представление о германской армии, как о, якобы, непобедимой армии.

Германия добилась значительных успехов войне. Но значит ли это, что германская армия непобедима? Конечно, нет.

Вооружение германской армии оказалось лучше вооружения Польши, Франции, Югославии. Но немецкие танки, артиллерия и авиация не стоят впереди вооружения некоторых других передовых стран. Германская армия еще не столкнулась с достойным противником. Кроме того, Германия имела возможность бить своих противников по одиночке.

Германская армия теряет свое преимущество и в области оперативно-тактического ведения войны. Она вынуждена теперь разбрасывать силы и растягивать свои коммуникации. Противники Германии учатся воевать, а германская армия на почве относительно легких побед, уже начинает страдать хвостовством, самодовольством, зазнайством, «головокружением от успехов». Военная мысль Германии уже не идет, как прежде, вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Значительная часть германской армии устала от войны (...)

Затянувшаяся война создала для Германии ряд серьезных экономических трудностей. Оккупация дала Германии дополнительные экономические ресурсы, но далеко не в таком количестве, какое необходимо для продолжения войны...

Все больше начинает сказываться разница в военном потенциале. Англия широко использует свои огромные материальные и людские резервы. На помощь Англии пришли США с их колоссальными экономическими ресурсами (...)

Германская армия большая сила, которую нельзя недооценивать. Однако, по мере затягивания и расширения войны, военная мощь Германии ослабевает.

Непобедимых армий нет. Это доказано на опыте всех войн в истории. Это доказано, в частности, на опыте самой германской армии в первой мировой империалистической войне (...)

Задачи политработников, командиров, партийных и комсомольских организаций возглавить поворот в политической пропаганде и обеспечить реализацию настоящей директивы не на словах, а на деле.

(без подписи)

ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 20. Л. 46–56

Справка начальника главного управления политической пропаганды Красной Армии А. Запорожца об исправлениях в «Красноармейском политучебнике», 10 июня 1941 г.

Представленный на утверждение «Красноармейский политучебник» переработан в соответствии с указаниями Главного Военного Совета, полученными на заседании от 11 декабря 1940 года.

В учебник внесены также соответствующие изменения после вторичного его обсуждения на Главном Военном Совете 15 апреля 1941 года.

В соответствии с речью тов. Сталина 5 мая 1941 года¹⁰, в учебнике по-новому сформулированы отдельные места и включены дополнительные моменты.

Представленный вариант учебника был разослан членам Главного Военного Совета, от которых были получены дополнительные замечания. В соответствии с ними Главное Управление политической пропаганды считает нужным изъять следующие вставки:

1. Вставку на стр. 149, в которой сказано: «Если создается такое положение, что в некоторых странах, в результате войны, созреет революционный кризис и власть буржуазии будет ослаблена, то СССР пойдет войной против капитализма, на помощь пролетарской революции. Ленин говорил: „...как только мы будем сильны, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот“».

2. Вставку на стр. 152, в которой говорится, что: «если бы СССР пошел вместе с Англией и Францией, то нет сомнения, что германская военная машина обернулась бы против Советского Союза».

3. Из вставки на стр. 155 исключить фразу: «Не исключена возможность, что СССР будет вынужден, в силу сложившейся обстановки, взять на себя инициативу наступательных военных действий».

Прошу утвердить представленный «Красноармейский политучебник» и разрешить отпечатать его в достаточном для снабжения частей количестве.

Запорожец

US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection». Reel 5;
ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 6. Лл. 500–501

¹⁰ «Краткую запись» выступления И. В. Сталина 5 мая 1941 г. см.: 1941 год. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 158–162.

Телеграмма начальника генштаба РККА генерала Армии Г. Жукова командующему войсками киевского особого военного округа генерал-полковнику М. Кирпоносу, 11 июня 1941 г.

Совершенно секретно Народный комиссар обороны приказал:

- 1). Полосу предполья без особого на то приказа полевыми и уровскими [укрепленный район. — ред.] частями не занимать. Охрану сооружений организовать службой часовых и патрулированием.
- 2). Отданные Вами распоряжения о занятии предполья уровскими частями немедленно отменить.

Исполнение проверить и донести к 16 июня 1941 г.¹¹

Жуков

*1941 год: В 2 кн. Кн.2./ Сост. Л. Е. Решин и др.; Под ред. В. П. Наумова.
М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 346*

Сообщение ТАСС, 13 июня 1941 г.

Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

- 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними;
- 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР;
- 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что:

- 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места;
- 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям;
- 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

Известия. 1941. 14 июня

¹¹ Подобные распоряжения были отданы генштабом РККА и другим приграничным округам.

Приказ наркома обороны СССР относительно состояния строительства оперативных аэродромов в западных военных округах, 18 июня 1941 г.

Секретно, экз. № 1
КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ОКРУГОВ
ПРИКАЗ НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР № 0039 18.06.1941

О состоянии строительства оперативных аэродромов по основному плану строительства 1941 год.

Положение с ходом строительства опер. аэродромов потрясюще плохо. На 1 июня с.г. охвачено строительством только 50% утвержденного мною плана строительства аэродромов на 1941 год.

Особо плохо ведется строительство аэродромов в КОВО и ЗАПОВО. Основная причина плохого выполнения плана строительства аэродромов — отсутствие требовательности со стороны военных советов округов, непринятие решительных и исчерпывающих мероприятий по организации на использование всех возможностей на местах работы.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Военсоветам округов немедленно развернуть строительство аэродромов широким фронтом, с расчетом окончания строительства летных полей не позднее 1 августа 1941 г. и полного окончания аэродромов не позднее 1 октября 1941 г.

Выполнение работ представить мне 25 июня 1941 г.

2. Поставьте вопрос перед ЦК КПБ и СНК Союзных республик по оказанию максимальной помощи рабочей силой и механизмом и конным транспортом для строительства аэродромов.
3. Привлеките без ущерба боевой подготовки ресурсы для развертывания и более интенсивного хода строительства аэродромов.

Дополнительные лимиты на горючее даны не будут, поэтому шире привлекайте конный транспорт и грабарей.

НАРКОМ ОБОРОНЫ СССР
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА КА
ГЕНЕРАЛ АРМИИ

С. ТИМОШЕНКО
ЖУКОВ

*US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection». Reel 6.
ЦАМО. Ф. 15. Оп. 72559 с. Д. 36. С. 245–246*

Из телеграфного донесения «Руководителя» из Софии начальнику разведуправления Красной Армии, 20 июня 1941 г.

Из Софии Подана 34 час. 17 мин.

20 июня 1941 г. Получена 9-м отделом 15 час. 00 мин. 20 июня 1941 г.

По радио

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ София, 20 июня 1941 г.

...Военное столкновение ожидается 21 или 22 июня, в Польше находятся 100 германских дивизий, в Румынии — 40, в Финляндии — 6, в Венгрии — 10 и в Словакии — 7. Всего 60 моторизованных дивизий.

Курьер, прилетевший самолетом из Бухареста, рассказывает, что в Румынии мобилизация окончена, и каждый момент ожидаются военные действия.

В настоящее время в Болгарии находятся 10 тысяч немецких войск.

РУКОВОДИТЕЛЬ

*Публикация Евгеньева И. З.
Военно-исторический журнал. 1992. № 2*

Телеграфное донесение от «Рамзая» из Токио начальнику разведуправления Красной Армии, 21 июня 1941 г.

Токио подана 12:00 мин, 21 июня 1941 г. Получена 9-м отделом 17. 05 мин. 21 июня 1941 г. По радио
НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
Токио, 20 июня 1941 года

Германский посол в Токио Отг сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии также потому, что стратегические оборонительные позиции СССР до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши.

Инвест сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны.

Предложения о японо-американских переговорах и вопросы внутренней борьбы между Мацуока¹² с одной стороны и Хиранума¹³ с другой застопорились потому, что все ожидают решения вопроса об отношениях СССР и Германия.

ЗОРГЕ¹⁴

Публикация Евгеньева И. З. Военно-исторический журнал. 1992. № 2.

Беседа наркома иностранных дел СССР В. Молотова с послом Германии в СССР Ф. фон Шуленбургом, 21 июня 1941 г.

Шуленбург явился по вызову. Тов.Молотов вручил ему копию заявления по поводу нарушения германскими самолетами нашей границы, которое должен был сделать тов. Деканозов¹⁵ Риббентропу или Вайцзеккеру¹⁶.

Шуленбург отвечает, что это заявление он передаст в Берлин и заявляет, что ему ничего не известно о нарушении границы германскими самолетами, но он получает сведения о нарушениях границы самолетами другой стороны.

Тов. Молотов отвечает, что со стороны германских пограничных властей у нас очень мало имеется жалоб на нарушения германской границы нашими самолетами. Какие-либо нарушения границы с нашей стороны представляют собой редкое явление, и они неизбежны, например, из-за неопытности летчиков в отдельных случаях. Нарушения границы германскими самолетами носят иной характер. Тов. Молотов заявляет Шуленбургу, что герм. прав., должно быть, даст ответ на наше заявление. Затем тов. Молотов говорит Шуленбургу, что хотел бы спросить его об общей обстановке в советско-германских отношениях. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, в чем дело, что за последнее время произошел отъезд из Москвы нескольких сотрудников германского посольства и их жен, усиленно распространяются в острой форме слухи о близкой войне между СССР и Германией, что миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня в Германии опубликовано не было, в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется? Тов.Молотов спрашивает Шуленбурга, не может ли он дать объяснения этим явлениям.

Шуленбург отвечает, что все эти вопросы имеют основание, но он на них не в состоянии ответить, так как Берлин его совершенно не информирует. Шуленбург подтверждает, что некоторые сотрудники германского посольства действительно отозваны, но эти отзывы не коснулись непосредственно дипломатического состава посольства. Отозван военно-морской атташе Баумбах, лесной атташе, который не имел никакого значения. Из командировки в Берлин не вернулся Ашенбрэннер — военно-воздушный атташе. О слухах ему, Шуленбургу, известно, но им также не может дать никакого объяснения.

¹² Мацуока Иосукэ — министр иностранных дел Японии (1940–1941 гг.).

¹³ Хиранума Киичиро — председатель кабинета министров Японии (январь–август 1939 г.).

¹⁴ Зорге Рихард (1895–1944), в разведорганах Красной Армии с 1929 г. Под псевдонимом «Рамзай» работал в Шанхае. Накануне войны официально занимал пост пресс-атташе германского посольства в Токио. 18 окт. 1941 г. арестован японской полицией, 7 ноября 1944 г. казнен.

¹⁵ Деканозов В. Г. — посол СССР в Германии.

¹⁶ Вайцзеккер Э. — статс-секретарь германского МИД.

Тов.Молотов заявляет, что, по его мнению, нет причин, по которым Германское правительство могло бы быть недовольным в отношении СССР. Советско-югославский пакт, который так раздували за границей, как противоречащий советско-германским взаимоотношениям, ограничен, как я ранее пояснял, узкими рамками и не мог отразиться на наших взаимоотношениях. В настоящее время этот вопрос вообще потерял свою актуальность.

Шуленбург повторяет, что он не в состоянии ответить на поставленные вопросы. В свое время он был принят Гитлером. Гитлер спрашивал его, Шуленбурга, почему СССР заключил пакт с Югославией. О концентрации германских войск на советской границе Гитлер сказал ему, что это мероприятие принято из предосторожности. Он, Шуленбург, разумеется, телеграфирует о сказанном ему сегодня, но, может быть, целесообразно получить соответствующую информацию от тов. Деканозова. Он, Шуленбург, слышал сообщение английского радио, что тов. Деканозов был принят несколько раз Риббентропом. Германское радио ничего не сообщало об этом.

Тов. Молотов отвечает, что ему известно это сообщение английского радио. Оно не соответствует действительности.

В заключение тов. Молотов выражает сожаление, что Шуленбург не может ответить на поставленные вопросы.

ПРИЛОЖЕНИЕ Памятная записка

Народный комиссариат иностранных дел СССР вербальной нотой от 21 апреля с. г. сообщил Германскому посольству в Москве о нарушениях государственной границы Союза ССР германскими самолетами, выразившихся за время с 27 марта по 18 апреля с.г. в 80 случаях, зарегистрированных советской пограничной охраной.

Однако ответ Германского правительства на указанную выше ноту до настоящего времени еще не получен Советским правительством.

Более того. Советское правительство должно отметить, что нарушения советской границы германскими самолетами за последние два месяца, а именно с 19 апреля с.г. по 19 июня с. г. включительно не только не прекратились, но продолжают увеличиваться и приняли систематический характер, достигнув за указанный период времени 180 случаев, по поводу каждого из которых советской пограничной охраной был своевременно заявлен протест германским представителям по пограничным делам.

Систематичность этих перелетов и тот факт, что в целом ряде случаев германские самолеты залетают в глубь СССР на 100–150 и более километров, исключает возможность предполагать случайность нарушения германскими самолетами границы СССР.

Советское правительство, обращая на это обстоятельство внимание Германского правительства, ожидает принятия Германским правительством мер к прекращению нарушений германскими самолетами советской границы.

Москва, 21 июня 1941 г.

1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др.;

Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 414–415

Директива командующего войсками западного особого военного округа командующим войсками 3-й, 4-й и 10-й армий о возможности внезапного нападения Германии в течении 22–23 июня 1941 г., 22 июня 1941 г.

Передаю приказ Наркомата обороны для немедленного исполнения¹⁷.

«1. В течение 22–23 июня 1941 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

¹⁷ Имеются пометы: «Поступила 22 июня 1941 г. в 01:45», «Отправлена 22 июня 1941 г. в 02:25—02:35». Подлинник, автограф.

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

а) в течение ночи на 22 июня 1941 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточение и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков»

Павлов¹⁸, Климовских¹⁹, Фоминых²⁰

1941 год: В 2 кн. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др.;

Под ред. В. П. Наумова. М.: Междун. Фонд «Демократия», 1998. С. 423

Запись беседы народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова с послом Германии в Москве Ф. В. Шуленбургом, 22 июня 1941 г.²¹

Шуленбург, явившийся на прием в сопровождении Гильгера²², сказал, что он с самым глубоким сожалением должен заявить, что еще вчера, будучи на приеме у наркома тов. Молотова, он ничего не знал. Сегодня ночью, говорит он, было получено несколько телеграмм из Берлина. Германское правительство поручило ему передать Советскому правительству следующую ноту:

«Ввиду нетерпимой доле угрозы, создавшей для германской восточной границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры.

Соответственная нота одновременно будет передана Деканозову в Берлине».

Шуленбург говорит, что он не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства. Посол говорит, что он отдавал все свои силы для укрепления мира и дружбы с СССР.

Тов. Молотов спрашивает, что означает эта нота.

Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны.

Тов. Молотов заявляет, что никакой концентрации войск Красной Армии на границе с Германией не производилось. Проходили обычные маневры, которые проводятся каждый год, и если бы было заявлено, что почему-либо маневры по территории их проведения нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. От имени Советского правительства должен заявить, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью и провокацией. Тем не менее факт нападения налицо.

Шуленбург говорит, что он ничего не может добавить к имеющимся у него инструкциям. Он, Шуленбург, не имеет инструкций по поводу техники эвакуации сотрудников посольства и представителей различных

¹⁸ Павлов Д. Г. (1897–1941), генерал армии (1941). С 1940 ком. Войсками Белорусского (западного особого) ВО. В июле 1941 необоснованно обвинен в измене Родине и расстрелян.

¹⁹ Климовских В. Е., генерал-майор, в 1941 г. начальник штаба ЗапОВО. В июле 1941 необоснованно обвинен в измене Родине и расстрелян.

²⁰ Фоминых А. Я. (1901–1976), корпусной комиссар (1941). В июне-июле 1941 г. член Военного совета ЗапОВО (Западного фронта). В годы войны — военком дивизии, член военного совета группы войск, фронта, с 1943 г. — Орловского ВО.

²¹ Беседа состоялась в 5 час.30 мин. утра.

²² Гильгер Густав (1886–1965) — германский дипломат. В 1923–1941 г. советник посольства Германии в СССР, руководитель Экономического отдела. В 1941–1945 гг. — эксперт МИД Германии по СССР. В 1948–1953 гг. — советник Восточного отдела госдепартамента США.

германских фирм и учреждений. Посол просит разрешить эвакуировать германских граждан из СССР через Иран. Выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить. Шуленбург просит к проведению эвакуации германских граждан отнестись возможно лояльнее и заверяет, что сотрудники советского посольства и советских учреждений в Германии встретят со стороны германского правительства самое лояльное отношение по части эвакуации, и просит сообщить, какое лицо будет выделено по осуществлению техники этого дела.

Тов. Молотов заявляет Шуленбургу, что поскольку к сотрудникам советского посольства и советских учреждений в Германии будет проявлено лояльное отношение, на что тов. Молотов надеется, то и к германским гражданам будет проявлено такое же отношение. Для осуществления эвакуации тов. Молотов обещает выделить соответствующее лицо.

Тов. Молотов спрашивает: «для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его поврала?»

Шуленбург отвечает, что он не может ничего добавить к сказанному им.

В заключение беседы Шуленбург говорит, что он в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать.

*СССР и Германский вопрос. 1941–1949.
Документы из Архива внешней политики Российской Федерации.
М.: Международные отношения, 1996. С. 111–112*

Выступление по радио заместителя председателя совета народных комиссаров СССР, наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в связи с нападением Германии на Советский Союз, 22 июня 1941²³

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после свершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как Народному Комиссару Иностранных Дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы, и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения советским Союзом советско-германского пакта.

²³ Выступление В. М. Молотова состоялось в 12 час. 15 мин.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность, что наши доблестные Армия и Флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны — все рабочие, крестьяне и интеллигенция — мужчины и женщины, отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойных настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, Флота и Авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

*Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.
Документы и материалы. (22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г.) М., 1946. Т. 1. С. 127–129*

Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения, 22 июня 1941 г.

На основании статьи 49 п. «п» Конституции СССР объявить военное положение в Архангельской области, Белорусской ССР, Вологодской области, Воронежской области, Ивановской области, Карело-Финской ССР, Калининской области, Краснодарском крае, Крымской АССР, Курской области, Литовской ССР, Латвийской ССР, гор. Ленинграде и Ленинградской области, Молдавской ССР, Мурманской области, гор. Москве и Московской области, Орловской области, Ростовской области, Рязанской области, Смоленской области, Тульской области, Украинской ССР, Эстонской ССР и Ярославской области.

Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета Союза ССР А. ГОРКИН

Ведомости Верховного Совета СССР. 1941 г. № 29

Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР, 23 июня 1941 г.²⁴

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт.: наркома обороны Маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова...

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.

Изд. 9-е, доп., испр. Т. 7. М., 1985. С. 211

²⁴ 10 июля 1941 г. Постановлением ГКО N ГКО-83 сс Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования.

Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об образовании Государственного Комитета Оборона, 30 июня 1941 г.

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Оборона в составе: т. Сталин И. В. (председатель), т. Молотов В. М. (заместитель председателя), т. Ворошилов К. Е., т. Маленков Г. М., т. Берия Л. П.
2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Оборона.
3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборона.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. КАЛИНИН

Председатель Совнаркома Союза ССР и Секретарь ЦК ВКП(б) И. В. СТАЛИН

*Сборник Законов СССР и Указов Президиума
Верховного Совета СССР 1939–1944 гг. М., 1945. С. 41*

Из дневника начальника Генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, 22 июня — август 1941 г.

(...) 22 июня 1941 г.

(...) Общая картина первого дня наступления такова: противник был захвачен немецким нападением врасплох. Тактически он не был развернут для обороны. Его войска в приграничной зоне находились в своих обычных местах расположения. Охрана границы в целом была плохой. Тактическая внезапность привела к тому, что вражеское сопротивление непосредственно на границе оказалось слабым и неупорядоченным, а потому нам удалось повсюду захватить мосты через приграничные реки, прорвать находившиеся вблизи границы позиции пограничной охраны (полевые укрепления).

После первого шока противник вступил в бой.

Наступлением наших дивизий на всех участках противник был отброшен с боями в среднем на 10–12 км. Тем самым был открыт путь моторизованным соединениям (...)

30 июня 1941 г.

Во второй половине дня, в 16.30, посещение фюрером походного лагеря (...)

Фюрер подчеркивает:

А) Срочно овладеть Финским заливом, ибо только после того, как русский фронт будет ликвидирован, станет возможным свободное судоходство по Балтийскому морю (подвоз железной руды). На овладение русскими портами с суши следует рассчитывать в течение 3–4 недель, пока не будут окончательно потоплены вражеские подводные лодки...

Б) Значение Украины для продовольственного снабжения и промышленности. Ему представляется важным как можно быстрее наступать соединениями группы армий «Север» на Ленинград, не дожидаясь подхода моторизованных частей... Он рассчитывает, что если удастся достигнуть Смоленска в середине июля, Москва может быть взята пехотными соединениями только в августе. Одних танковых сил для этого недостаточно (...)

3 июля 1941 г. (12-й день Восточной кампании)

(...) В общем и целом можно уже сейчас сказать: задача разгромить главные силы противника перед Двиной и Днепром выполнена. Считаю правильным показание одного пленного русского командира корпуса, что восточнее Двины и Днепра мы можем столкнуться лишь с частью сил, которые по своей численности и вооружению сами по себе решающим образом помешать немецким операциям не в состоянии.

Таким образом, с моей стороны не будет слишком смелым утверждать: кампания против России выиграна в пределах 14 дней. Разумеется тем самым она еще не закончена. Обширность территории и упорство всеми средствами оказываемого сопротивления потребуют от нас еще нескольких недель (...)

Дальнейшие планы:

А) Как только ведение войны на Востоке из сферы разгрома вражеских сил перейдет в сферу экономической парализации противника, должны вновь выйти на первый план и решаться задачи дальнейшего ведения войны против Англии (...)

8 июля 1941 г.

(...) В 12.30 — доклад фюреру (на его командном пункте).

Результат: (...) 2. Твердое решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей, дабы не допустить, чтобы там остались люди, которых нам потом придется кормить зимой. Танки для этого использоваться не должны. «Это — национальная катастрофа, которая лишит центров не только большевизм, но и москвитов вообще...»

23 июля 1941 г.

(...) 18.00 — доклад фюреру.

Докладываю о положении противника и задаю вопрос о конечных целях операции. Он, [Гитлер], поставил свои цели так, как это приказано вчера в директиве ОКВ, и остается при своем решении... Следовательно, фон Бок²⁵ [группа армий «Центр»] должен отдать свои танковые группы и действовать против Москвы с одной только пехотой. Впрочем в данный момент его (фюрера) Москва не интересует, только Ленинград (...). Цели операции он видит, в основном в разгроме врага до широты Москвы, что он считает уже достигнутым. В заключении он... предполагает, что достигнуть Волги и вступить на Кавказ можно одними только моторизованными соединениями...

26 июля 1941 г. (...)

18.00 — 20.15...

Он (Гитлер) требует: (...)

3. Фронтальной действующей против Москвы группа фон Бока должна, если она готова, медленно нажимать вперед. Никакой спешки...

Русского оперативными успехами не разбить, потому что он их просто-напросто не признает. Поэтому он (русский) шаг за шагом должен быть разбит в процессе небольшого охвата тактического характера...

30 июля 1941 г.

(...) 16.00 — звонок генерала Йодля: фюрер выработал свой новый взгляд на ведение дальнейших операций.

ГА «Север» должна разбить противника под Ленинградом независимо от того, где она будет наносить главный удар. Отказ от удара с целью перерезать железную дорогу Москва — Ленинград. ГА «Центр»: переход к обороне. На линии оз. Ильмень — Холм — Торопец — только боевое охранение. Вывод из боя и ремонт танков. ГА «Юг»: первоначально отказ от взятия Гомеля. Вопрос о наступлении на Рославль остается открытым...

7 августа 1941 г. (47-й день)

(...) 17.00 — разговор с генералом Йодлем:

а) Крупные цели: хотим ли мы разбить противника или же преследуем экономические цели (Украина, Кавказ)? Йодль: фюрер, по-видимому, считает возможным и то и другое одновременно.

б) Относительно отдельных целей я заявляю, что цель Ленинград с выделенными для этого силами достижима. Но нам не нужно и мы не должны отдавать для достижения этой цели ничего, что требуется нам для захвата Москвы. Флангу Лееба [командующий ГА «Север»], со стороны Валдайской возвышенности никакая опасность не грозит. Ответ на вопрос: Москва или Украина или Украина и Москва — должен быть дан с точки зрения именно этого «или». Мы должны сделать это, ибо иначе не исчерпаем до осени источники силы противника. Мы должны сделать это после убедительной победы Рундштедта [командующий ГА «Юг»] и снижения боевой ценности противника...

11 августа 1941 г. (51-й день)

(...) Во всей обстановке в целом становится все очевиднее, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне, при всей безудержности, присущей тоталитарным государствам, был нами недооценен. Эта констатация относится как к организационным, так и экономическим силам, а в особенности, к чисто

²⁵ Бок Ф. Фон (1880–1945) ген-фельдмаршал немецкой армии (1940). В 1941 г. командующий группой армий (ГА) «Центр» на Восточном фронте. В декабре 1941 г. снят с командования. В январе–июле 1942 г. — командующий ГА «Юг» и «Б». Убит во время налета союзной авиации.

военному потенциалу. Начиная войну мы рассчитывали иметь против себя примерно 200 вражеских дивизий. Но теперь мы насчитываем их уже 360. Эти дивизии, конечно, не вооружены и не оснащены в нашем понимании этого слова, и командование ими в тактическом отношении во многом не удовлетворительно. Но они есть. И если дюжина их разбита, русский выставляет новую дюжину. Он выигрывает время благодаря тому, что находится поблизости от своих источников силы, а мы все больше от них удаляемся (...)

*Цит по: Якобсен Г-А. 1939–1945. Вторая мировая война: хроника и документы./
Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 154–159*

Выступление И. Сталина по радио, 3 июля 1941 г. (извлечение)

Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. Тоже самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неперемennom условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течении короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией (...)

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было место нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза (...)

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу...

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработленного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

*Сталин И. О Великой Отечественной войне
Советского Союза. М., 1947. С. 9–17*

Приказ с объявлением приговора Верховного суда СССР по делу генерала армии Д. Г. Павлова, генерал-майоров В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова, 28 июля 1941 г.

№ 0250

28 июля 1941 г.

По постановлению Государственного Комитета Оборона были арестованы и преданы суду военного трибунала за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти бывший командующий Западным фронтом генерал армии Павлов Д. Г., бывший начальник штаба того же фронта генерал-майор Климовских В. Е., бывший начальник связи того же фронта генерал-майор Григорьев А. Т., бывший командующий 4-й армией генерал-майор Коробков А. А.

Верховный суд Союза ССР 22 июля 1941 г. рассмотрел дело по обвинению Павлова Д. Г., Климовских В. Е., Григорьева А. Т. и Коробкова А. А. Судебным следствием установлено, что:

а) бывший командующий Западным фронтом Павлов Д. Г. и бывший начальник штаба того же фронта Климовских В. Е. с начала военных действий немецко-фашистских войск против СССР проявили трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, допустили развал управления войсками, сдачу оружия и складов противнику, самовольное оставление боевых позиций частями Западного фронта и этим дали врагу возможность прорвать фронт;

б) бывший начальник связи Западного фронта Григорьев А. Т., имея возможность к установлению бесперебойной связи штаба фронта с действующими частями и соединениями, проявил паникерство и преступное бездействие, не использовал радиосвязь в результате чего с первых дней военных действий было нарушено управление войсками;

в) бывший командующий 4-й армией Западного фронта Коробков А. А. проявил трусость, малодушие и преступное бездействие, позорно бросил вверенные ему части, в результате чего армия была дезорганизована и понесла тяжелые потери.

Таким образом, Павлов Д. Г., Климовских В. Е., Григорьев А. Т. и Коробков А. А. нарушили военную присягу, обесчестили высокое звание воина Красной Армии, забыли свой долг перед Родиной, своей трусостью и паникерством, преступным бездействием, развалом управления войсками, сдачей оружия и складов противнику, допущением самовольного оставления боевых позиций частями нанесли серьезный ущерб войскам Западного фронта²⁶.

Верховным судом Союза ССР Павлов Д. Г., Климовских В. Е., Григорьев А. Т. и Коробков А. А. лишены военных званий и приговорены к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение.

Предупреждаю, что и впредь все нарушающие военную присягу, забывающие долг перед Родиной, порочащие высокое звание воина Красной Армии, все трусы и паникеры, самовольно оставляющие боевые позиции и сдающие оружие противнику без боя, будут беспощадно караться по всем строгостям законов военного времени, не взирая на лица.

Приказ объявить всему начсоставу от командира полка и выше.

Народный комиссар обороны СССР И. СТАЛИН

ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 192–193

²⁶ После XX съезда КПСС с указанных в приказе командиров обвинения в измене Родине были сняты.

Из воспоминаний бывшего летчика П. Хохлова о бомбардировке советской авиацией Берлина летом 1941 г.

(...) Теплый июльский вечер 1941 года. Два дня назад экипажи нашего 1-го минно-торпедного авиаполка под командованием полковника Е. Н. Преображенского перелетели из-под Ленинграда на остров Эзель (Сааремаа). Поблизости, на материковой части Эстонии, шли ожесточенные бои советских войск с наступающими гитлеровскими полчищами, а здесь, на аэродроме, полным ходом началась подготовка первого удара наших бомбардировщиков по Берлину.

— Это будет наш ответ фашистам за Москву! — сказал полковнику Преображенскому командующий авиацией Военно-Морских Сил генерал Семен Федорович Жаворонков. — На подготовку — три дня!

Как раз утром радио разнесло по аэродрому сводку Советского Информбюро. В ней сообщалось о новых попытках налета фашистских бомбардировщиков на Москву.

Услышав об этом, я пошел в штаб к Преображенскому.

— Мы должны отомстить, — сказал я Евгению Николаевичу. — И если нам доверят это почетное дело, готов проложить кратчайший маршрут к Берлину.

— Прокладывай! — коротко ответил командир полка. — Но пока об этом никому ни слова! Сами понимаете, что задание необычное...

Днем на аэродром вновь приехал Семен Жаворонков.

— Правительство поручило вам, доблестные воины, произвести разведку и нанести бомбовый удар по столице германского фашизма — Берлину, — сказал генерал. — Немцы на все лады трубят, что советская ударная авиация уничтожена и что Берлин вряд ли достигаем для русских с воздуха! Вы должны это опровергнуть. Все понимали, что путь к Берлину будет нелегким. Августовские ночи на Балтике короткие, значит, надо вылететь засветло, а к Берлину подходить в полночь. После взлета идти надо на малой высоте, чтобы не обнаружили истребители противника. К этому времени враг уже базировался на прибрежных аэродромах Эстонии, Латвии и Литвы. Очень важный фактор — погода. Если Эзель на обратном пути будет закрыт туманом, посадку производить негде. До Ленинграда просто не хватит запаса горючего. Ведь полет рассчитан на семь часов, иначе говоря, на полный радиус действия. Я уже не говорю о трудностях самих действий над целью. Воздушные подходы к своей столице фашисты прикрыли аэростатами заграждения, плотным зенитным огнем. В воздухе почти непрерывно патрулировали десятки ночных истребителей.

Все это прекрасно понимали наши летчики и Евгений Преображенский, и Василий Гречишников, и Афанасий Фокин — все, кому предстояло нанести первый удар по логову Гитлера. У меня самого было одно настроение — только бы дойти до цели, сбросить бомбы на Берлин, а что будет после — не важно... Хотелось одного — только бы не сбили до цели!

Мы помнили о ранах Ленинграда, видели, как фашисты совершают налеты на город, расстреливают на дорогах беззащитных женщин, стариков, детей... Как-то я возвращался с Преображенским с задания. У Гатчины мы увидели трупы расстрелянных с воздуха женщин и детей. Евгений Николаевич, увидев картину злодеяний фашистов, сказал:

— Что стоит наша жизнь, когда видишь страдания мирных людей? Но мне хочется отдать свою жизнь лишь после того, как сумею нанести наибольший урон врагу. А как ты, Петр?

— Тоже так думаю, товарищ командир, — ответил я. И вот уже идем к самолетам!

Через несколько минут наши машины возьмут курс на Берлин. Нас провожает комиссар полка Григорий Оганезов.

— Помните, товарищи, за вами весь мир следит! Первым взлетает в воздух Афанасий Фокин, за ним Василий Гречишников, Михаил Плоткин. Поднимаемся и мы.

Вскоре открылись безграничные просторы Балтики. Лунная звездная ночь будто прочно взяла наши самолеты в свои объятия, но не надолго. На высоте пяти с половиной тысяч метров выросла густая непроглядная облачность.

— Что будем делать, штурман? — спрашивает меня Преображенский. — Бомбить Штеттин или пойдём на Берлин?

— Конечно, на Берлин! — отвечаю я.

В кабине холодно. Деревенеют пальцы, труднее стало работать. Стрелки Кротенко и Рудаков передают по сигнально-переговорному устройству (СПУ), что слева в огнях Штеттин.

Я смотрю на проступающую в разрывах облачности изрезанную береговую черту. На штеттинском аэродроме идут полеты. Гитлеровцы, по-видимому, приняв наши самолеты за свои, включают прожекторы, приглашая на посадку. Очень хотелось мне в этот момент сбросить бомбы на фашистов, но наша цель — Берлин!

Идем дальше. Наш ДБ-3 упорно лезет вверх. Высота 7000 метров, где-то внизу — аэростаты заграждения. Врежешься — верная гибель.

Теперь до фашистского логова недалеко. Восью светит луна. На воде — тени от облаков и порой трудно отличить береговую черту от морской поверхности. И вдруг луна озарила неожиданно открывшийся гигантский город. Берлин... Немцы даже не выключили уличных фонарей. Лунные дорожки пролегли через водоемы. Я определяю, где наша цель и даю поправку на курс, чтобы ударить поточнее. Ни одна зенитка не ведет пока огонь, значит нас не ждут... Определив контуры цели — заводы Симменса, — вывожу бомбардировщик на боевой курс. В момент сбрасывания бомб, нажимая на кнопку, я громко кричу: «Это вам за Москву, за Ленинград, за наших людей!»

Пусть слышит Гитлер шум моторов советских бомбардировщиков, пусть знает, что мы еще придем сюда не раз и покажем, на что способны!

Стрелок-радист Кротенко передал радиogramму на базу: «Мое место — Берлин. Задачу выполнили. Возвращаемся».

Через несколько минут мы увидели результаты своей работы. Над целью полыхали очаги пламени. Весь город погрузился в темноту. Только ввысь взметнули свои огненные пики сотни прожекторов. То тут, то там вспыхивали шапки зенитных разрывов.

Берлин скрылся не сразу. Сорок минут заняла обратная дорога до Штеттина. Над городом уже бушевал зенитный ураган, но это был шальной огонь, у страха, как известно, глаза велики.

На рассвете 9 августа наш ДБ-3 коснулся колесами родной земли. В тот же день фашистское радио сообщило, что в ночь с 8 на 9 августа 1941 года группа тяжелых самолетов военно-воздушных сил Англии нанесла удар по Берлину — имеются разрушения и убитые.

Англичане это сообщение опровергли, так как из-за непогоды английская авиация бездействовала.

А потом мы еще много раз летали на Берлин. Продолжалось это целых сорок суток. Пяти офицерам нашего полка: полковнику Преображенскому, летчикам Ефремову, Гречишникову, Плоткину и мне было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Многие товарищи получили ордена.

Хохлов П. ДБ-3 над Берлином / Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Гл. ред. М. И. Степичев. Т. 1. С. 102–104

Приказ Ставки Верховного Главного командования № 270 об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия 16 августа 1941 г.

Без публикации

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 8 ручных пулеметов, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8-го мехкорпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова-Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов²⁷, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробился из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант [генерал-майор. — *ред.*] Понеделин²⁸, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов²⁹, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выход из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот — прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев. Приказываю:

Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

²⁷ Качалов В. Я. (1890–1941), генерал-лейтенант. Погиб в бою 4 авг. в районе Рославля.

²⁸ Понеделин П. Г. (1893–1950), генерал-майор. В авг. 1941 г. под Уманью попал в плен; освобожден из плена в 1945 г. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда в 1950 г. Реабилитирован в 1956 г.

²⁹ Кириллов Н. К. (1897–1950), генерал-майор. В авг. 1941 г. под Уманью попал в плен; освобожден из плена в 1945 г. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда в 1950 г. Реабилитирован в 1956 г.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать ему в плен, — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи.

Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

Ставка Верховного Главного Командования Красной Армии

Председатель Государственного Комитета Оборона И. СТАЛИН, Зам. Председателя Государственного Комитета Оборона В. МОЛОТОВ, Маршал Советского Союза С. БУДЕННЫЙ, Маршал Советского Союза К. ВОРОШИЛОВ, Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО, Маршал Советского Союза Б. ШАПОШНИКОВ, Генерал армии Г. ЖУКОВ

1941 год: в 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 476–479

Телеграмма И. Сталина командующему ленинградским фронтом генерал-лейтенанту М. Попову, 28 августа 1941 г.³⁰

Ваши сегодняшние представления напоминают шантаж. Вас запугивают командующие армиями, а Вы, в свою очередь, решили, видимо, запугивать Ставку всякими ужасами насчет прорывов, обострения положения и прочее. Конечно, если Вы ничего не будете делать для того, чтобы требовать от своих подчиненных, а будете только статистом, передающим жалобы армий, Вам придется тогда через несколько дней сдавать Ленинград, но Ставка существует не для того, чтобы потакать шантажистским требованиям и предложениям.

Ставка разрешает Вам отвести части с линии Выборга, но Ставка вместе с тем приказывает Вам, чтобы части ни в коем случае не покидали подготовленного рубежа по линии Маннергейма. Ставка запрещает Вам оголять Лужскую губу и отдавать ее противнику. Если даже придется 8-й армии чуточку отступить, то она все же во что бы то ни стало должна прикрыть Лужскую губу вместе с полуостровом.

Ставка требует, чтобы Вы наконец перестали быть статистом и специалистом по отступлению и вошли в подобающую Вам роль командующего, вдохновляющего армии и поднимающего дух войск.

СТАЛИН

*US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection».
Reel 4.; ЦАМО РФ. Ф. 3. Он. 11556. Д. 2*

Приказ ставки вермахта, 15 августа 1941 г.

После доклада главнокомандующего сухопутными войсками [Браухича — ред.] фюрер приказал:

1. Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву приостановить. Оборону организовать так, чтобы характер обороняемых участков исключал возможность проведения противником охватывающих действий, а для отражения его наступления не потребовалось бы поддержки авиации и расхода сил пехоты.

2. Наступление группы армий «Север» должно в ближайшее время привести к успеху. Только после этого можно будет думать о возобновлении наступления на Москву. В связи с появлением кавалерии про-

³⁰ Попов М. М. (1902–1969). Генерал-лейтенант (1941). В ходе войны командующий Северным и Ленинградским фронтами (июнь–сент. 1941); командующий рядом армий, начальник штаба и командующий рядом фронтов. В конце августа 1941 г. под Ленинградом создалась крайне напряженная обстановка для советских войск. 21 августа началась оборона Ленинграда на ближних подступах. 30 августа немецкие войска вышли к Неве и перерезали железные дороги, связывающие Ленинград со страной. С падением Шлиссельбурга, 8 сентября, сухопутная связь с городом была окончательно прервана. Одновременно с севера к городу продвигались войска финской армии, вышедшие к 1 сент. на рубеж 30–40 км восточнее Кексгольма, Выборга.

тивника в тылу 16-й армии и отсутствием в резерве 1-го армейского корпуса подвижных частей возникла опасность, что, несмотря на сильную поддержку авиации, многообещающее наступление севернее озера Ильмень приостановится.

Из танковой группы генерала Гота немедленно выделить и передать в подчинение группе армий «Север» возможно большее число подвижных соединений (примерно одну танковую и две моторизованные дивизии).

Начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил [Кейтель]

По поручению — Йодль

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 216

Директива верховного командования вермахта № 35, 6 сентября 1941 г.

Начальные успехи в действиях против сил противника, находящихся между смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр», в сочетании с дальнейшими успехами по окружению вражеских войск в районе Ленинграда создают предпосылки для проведения решающей операции против группы армий Тимошенко³¹, которая безуспешно ведет наступательные действия перед фронтом группы армий «Центр». Она должна быть решительно разгромлена до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении.

С этой целью необходимо сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены.

На основании доклада главнокомандующего сухопутными войсками я отдаю следующие директивные указания на подготовку и проведение этих операций.

1. На южной половине Восточного фронта силами войск группы армий «Юг», переправляющихся через Днепр на север, во взаимодействии с наступающими войсками южного фланга группы армий «Центр» уничтожить противника, находящегося в треугольнике Кременчуг, Киев, Конотоп. Как только позволит ход выполнения этой задачи, следует перегруппировать высвобождающиеся соединения 2-й и 6-й армий, а также 2-й танковой группы для осуществления новых операций.

На фронте группы армий «Юг» подвижные соединения, усиленные пехотными соединениями, при поддержке на основных направлениях 4-м воздушным флотом, должны не позднее 10 сентября внезапно начать наступление с плацдарма, созданного 17-й армией³², через Лубны в северо-западном направлении, в то время как 17-я армия продвигается в направлении Полтава, Харьков.

В нижнем течении Днепра продолжать наступление на Крым при поддержке 4-го воздушного флота (одновременно, в зависимости от того, какие силы будут иметься в распоряжении, предпринять наступление с плацдарма в районе Днепропетровска).

Значительную помощь в выполнении задачи 11-й армии создало бы выдвижение подвижных сил к югу от нижнего течения Днепра на Мелитополь.

2. В полосе группы армий «Центр» подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах.

С этой целью главные усилия подвижных войск сосредоточить:

На южном фланге предположительно в районе юго-восточнее Рославля, с направлением удара на северо-восток. Состав группировки — имеющиеся в распоряжении силы группы армий «Центр», 5-я и 2-я танковые дивизии, которые высвобождены для выполнения этой задачи.

В полосе 9-й армии с направлением удара предположительно через Белый. В состав группировки будут включены по возможности крупные силы из группы армий «Север».

После того как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего

³¹ Имеются в виду войска, подчиненные главнокомандующему войсками Западного направления С. К. Тимошенко. Главное командование войск Западного направления образовано постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. с целью координации действий Западного фронта и Пинской военной флотилии, затем Западного, Резервного и Центрального фронтов. Упразднено 10 сентября 1941 г. Вновь воссоздано 1 февр. 1942 г. (с целью координации действий Западного и Калининского фронтов) и просуществовало до 5 мая 1942 г.

³² Имеется в виду плацдарм на восточном берегу Днепра в районе Кременчуга.

на московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым — к верхнему течению Волги. Военно-воздушным силам поддерживать наступление 2-м воздушным флотом, усиленным своевременно переброшенными соединениями, особенно с северо-восточного участка фронта. При этом главные усилия авиации сосредоточить на флангах, используя основные соединения бомбардировщиков (8-й авиационный корпус) для поддержки подвижных соединений боевых наступающих фланговых группировок.

3. На северо-восточном фронте совместно с наступающими на Карельском перешейке финскими корпусами окружить действующие в районе Ленинграда силы противника (захватить также Шлиссельбург) с тем, чтобы не позднее 15 сентября значительную часть подвижных войск и соединений 1-го воздушного флота, особенно 8-го авиационного корпуса, высвободить для группы армий «Центр». Однако прежде всего необходимо стремиться к полному окружению Ленинграда, по меньшей мере с востока, и, в случае если позволят условия погоды, провести на него крупное воздушное наступление. Особенно важно уничтожить станции водоснабжения.

С целью облегчения преодоления финнами укреплений на старой русско-финской границе, а также для сокращения линии фронта и лишения противника возможности использовать воздушные базы, необходимо по возможности быстрее предпринять силами группы армий «Север» наступление на участке р. Нева в северном направлении. Во взаимодействии с финнами, используя минные заграждения и артиллерийский огонь, блокировать Кронштадт, чтобы воспрепятствовать выходу сил противника в Балтийское море (Ханко, острова Балтийского моря). Необходимо также изолировать район боевых действий у Ленинграда с востока на участке нижнего течения Волхова, как только будут высвобождены потребные для решения этой задачи силы. Соединение с «Карельской армией» на р. Свирь осуществить тогда, когда будет обеспечено уничтожение противника в районе Ленинграда.

4. При дальнейшем проведении операций предусмотреть, чтобы наступление группы армий «Центр» на московском направлении было прикрыто с юга посредством выдвижения из полосы группы армий «Юг» в общем направлении на северо-восток группировки прикрытия фланга, созданной из высвобождающихся подвижных соединений, и чтобы силы группы армий «Север» были нацелены накрытие северного фланга группы армий «Центр», а также на продвижение по обе стороны озера Ильмень и соединение с «Карельской армией» финнов.

5. Всякое сокращение сроков подготовки и ускорение начала операций будет содействовать подготовке и проведению общей операции.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 241–243

Из сводок отдела по изучению иностранных армий Востока генштаба сухопутных войск Германии с информацией о развитии операции «Тайфун», 6–15 октября 1941 г.³³

Сводка № 113 от 6 октября 1941 г.

Положение противника на 6.10.1941, 5-й день наступления, складывается следующим образом:

1. Перед группой армий «Центр»:

1) Фронт обороны противника прорван в трех местах. Ожидается полное окружение и уничтожение около 70 крупных соединений в районах Брянск и Вязьма. Сила сопротивления противника стала слабее, чем раньше. Все в больших масштабах вырисовываются явления разложения...

4) В ходе боевых действий войск группы армий «Центр» выявилось, что большая часть десяти дивизий резервных армий [советских] уже введена в бой. Вероятно, они прибыли на фронт до начала наступления для замены измотанных соединений (...)

ГА «Центр» ... Восточнее Смоленска противник начал отход на восток, осознав безнадежность своего положения. Теперь, когда кольцо вокруг противника под Вязьмой сужено до 20 км, следует ожидать попыток прорыва в восточном направлении, усиления сопротивления перед флангами охвата и усиленного движения на западном фланге...

³³ 30 сентября 1941 г. немецкая группа армий «Центр» начала операцию по взятию Москвы на брянском направлении, а 2 октября — на вяземском (операция «Тайфун»). 7 октября большая часть соединений советских Западного и Резервного фронтов была окружена в районе Вязьмы. Еще через несколько дней в окружении оказались войска Брянского фронта.

Перед флангом охвата 4-й армии противник разбит и не оказывает серьезного сопротивления. Отдельные вражеские части пытаются прорваться из окружения на север и северо-восток. На участке 7-го армейского корпуса противник сражается отдельными разрозненными группами, в которых все чаще появляются явления деморализации. На участках 20-го и 9-го армейских корпусов противник под прикрытием арьергардов отходит на северо-восток (...)

Сводка № 114 от 7 октября 1941 г.

... Б. Группа армий «Центр»

Закрывается кольцо вокруг противника западнее Вязьмы. Окруженные силы противника — около 45 соединений, боевой силой 30-ти дивизий — должны быть уничтожены. Противник обороняется разрозненными боевыми группами. Несмотря на это в ближайшие дни следует ожидать усиления давления по восточному фронту окружения, с направлением главного удара по обе стороны Вязьмы. Под Брянском почти завершено окружение трех армий. Перед флангами группы армий «Центр» противник начинает отходить. Подтягивание крупных сил к фронту или флангам группы армий «Центр» 7.10. установлено не было (...)

4-я армия: В котле установлено интенсивное отступательное движение в северо-восточном направлении. Почти повсеместно заметно ослабление боевой мощи противника. За Дорогобуж еще идут упорные бои. Под Волочком противник, прикрывая отход, оказывает упорное сопротивление (...)

Сводка № 115 от 8 октября 1941 г.

Создается впечатление, что противник не имеет в своем распоряжении крупных сил, чтобы остановить продвижение немецких войск восточнее Вязьмы. В котле южнее Брянска усиливается давление противника в юго-восточном направлении в районе Суземка. Перед северным флангом противник, видимо, намерен отступить до рубежа р.Волга (...)

Сводка № 116 от 9 октября 1941 г.

Брянский котел закрыт. Из него и из Вяземского котла противник предпринимает попытки прорыва в восточном направлении. Слабыми силами, действующими в основном вблизи главных дорог, противник пытается сдержать продвижение передовых частей. Сведений о переброске крупных сил с востока или с участков других фронтов пока не поступало (...) По показаниям военнопленных противник располагает в районе Москвы лишь частями НКВД и милиции (артиллерии нет, тяжелого вооружения мало)...

2-я танковая армия: Силами 4-й танковой бригады, оснащенной тяжелыми танками, противник пытается сдержать продвижение наших войск к Туле. Оказавшийся отрезанным в котле южнее Брянска, противник оказывает сильное давление прежде всего на восток и юго-восток. Противник, который по показаниям военнопленных, почти не располагает продовольствием, видимо, пытается прорваться в направлении на Орел.

2-я армия: Севернее Брянска (в районе Дядьково — ст. Цементный — ст. Судимир) оказалась сдавленной 50-я русская армия в составе частей семи дивизий. Она пытается через леса уйти на восток (...)

Силы противника, окруженные в котле западнее Вязьмы, под прикрытием арьергардных частей пытаются прорваться на восток (...)

Сводка № 118 от 11 октября 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

...Под Медынью прорвано внешнее кольцо обороны вокруг Москвы (...)

Силы противника, окруженные западнее Вязьмы, продолжают ожесточенные попытки прорыва, главный удар наносился южнее Вязьмы. Количество пленных постоянно растет.

Сводка № 119 от 12 октября 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

Основные усилия в обороне противник сосредоточил вдоль ведущих к Москве дорог, здесь он ввел в бой новое подкрепление (запасные части, пополненные фронтовые соединения, силы, переброшенные с фронта группы армий «Север», строительные батальоны, гарнизонные части)...

Перед восточным фронтом 4-й армии сопротивление противника под Калугой, по обе стороны шоссе и восточнее Гжатска вновь усилилось в результате ввода в бой трех вновь пополненных соединений (107 сд, частей 312 сд и 313 сд) (...)

Сводка № 121 от 14 октября 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

Противник, окруженный войсками 4-й и 9-й армий западнее Вязьмы полностью уничтожен. Четыре советских армии в составе около 40 стрелковых и 10 танковых дивизий либо уничтожены, либо пленены.

По предварительным подсчетам взято в плен свыше 500.000 чел., захвачено 3.000 орудий, 800 танков, много другой военной техники. Близиться к завершению уничтожение 50-й русской армии северо-восточнее Брянска, 3-й и 13-й армий — южнее Брянска (...)

Перед восточным флангом 4-й армии общая обстановка не изменилась. Местами противник продолжает упорно обороняться. Всего на участке от Козельска до Рузы находится, видимо, 4–5 стрелковых дивизий, 1 кавалерийская дивизия и 4 танковых бригады. По показаниям военнопленных, все строительные части были сняты с фронта для строительства укреплений непосредственно вокруг Москвы (...)

Сводка № 122 от 15 октября 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

Противник, окруженный войсками 2-й танковой армии и 2-й армии, продолжает осуществлять попытки прорыва и оказывает упорное сопротивление. На юго-восточном фланге положение противника не изменилось. Воспользовавшись замедлением нашего продвижения к Москве в результате неблагоприятных погодных условий и состояния дорог, противник усиливает оборону вдоль главных дорог и особенно вдоль автострады. Перед северным флангом сломлено сопротивление противника под Ржевом. Противник отступает в северо-восточном направлении (...)

Перед восточным флангом 4-й армии усиливается сопротивление противника вдоль главных дорог. На участке 57-го моторизованного корпуса на шоссе Малоярославец — Москва появились сверхтяжелые танки, вероятно, только что изготовленные. Западнее Можайска, где противник на укрепленных позициях обороняется особенно ожесточенно, появилась 32 сд, переброшенная с Дальнего Востока.

Упорной обороной и мощными контратаками при поддержке танков противник сдерживает наше наступление на Москву (...)

ОКХ, Генштаб, Отдел по изучению иностранных армий Востока
по поручению подписал Кинцель

ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548 Лл. 181–258

Из проекта доклада генерал-полковника Г. Гудериана³⁴ с оценкой Красной Армии, 7 ноября 1941 г.

(...) «Краткая оценка русских вооруженных сил».

Командование 2-й танковой армии. Разведывательный отдел штаба армии, 7 ноября 1941 г.

«I. РУССКОЕ КОМАНДОВАНИЕ.

а) Высшее командование.

Высшее командование показывает себя очень энергичным. Оно стремится руководить по немецким принципам и приспособиться к немецким методам боевых действий. Но здесь оно не может полностью развернуться, так как ему мешают:

1. Политические требования государственного руководства.

2. Недостаточная ориентировка соседей и подчиненных командиров в общей обстановке и, как следствие, недостаточное понимание и увязка ее с собственными намерениями. Издание приказов о необходимых мероприятиях, в особенности о контрмерах, большей частью производится с запозданием. Введение сил при самом по себе хорошем оперативном и тактическом замысле производится большей частью в недостаточной степени и не массированно.

Трения между военным и политическим руководством едва заметны.

В отношении личных качеств, почти всегда храброе.

б) Среднее командование.

Большой частью хорошо обучено, но во многих случаях ему не хватает сообразительности. При склонности к схематизму их приказы большей частью примитивны и в них отсутствует ясное выставление своей собственной воли. Об общей обстановке оно бывает осведомлено лишь в очень редких случаях. Оно не в состоянии организовывать наступление силами, превышающими численность полка.

³⁴ Гудериан Г. (1888–1954), генерал-полковник немецкой армии (1940) Командующий танкового корпуса (1939–40).

С июня 1940 г. 2-й танковой группой (с окт. 1941–2 ТА). После поражения под Москвой — отчислен в резерв. С марта 1943 г. — генерал-инспектор танковых войск., с июля 1944 г. — начальник генштаба сухопутных войск. В марте 1945 г. уволен в запас.

В отношении личных качеств большей частью храброе.

Трения между военным и политическим руководством проявляются чаще.

в) Низшее командование.

Низшее руководство по своему составу очень разнообразно. Наряду с личностями, всецело отдающимися борьбе, имеется большое количество командиров, которые быстро прекращают борьбу. В низших служебных инстанциях эти две крайности выступают наиболее резко. В большинстве случаев низшие командиры не в состоянии вполне продуманно исполнять приказы вышестоящего командования и претворять их в собственные распоряжения. У них преобладают медлительная и обстоятельная отдача приказов, а также приверженность к схемам. Они почти никогда не ориентируются в вопросах обстановки, выходящих за рамки их собственных приказов.

Часто выступают трения между военным и политическим руководством...

д) Общая оценка.

В общем высшее и среднее командование, оказавшееся более подвижным, чем его первоначально считали, все время пытается вырвать инициативу и взять ее в свои руки.

Низшее командование ни в какой степени не соответствует предъявляемым к нему требованиям.

Повсюду душой сопротивления является политическое руководство, проявляющееся здесь со всей силой.

Вследствие своей расовой ограниченности и связанных с ней неповоротливостью, косностью и прежде всего боязнью ответственности (последняя усиливается под влиянием политической системы), низшее командование не в состоянии быстро использовать те преимущества, которые ему могут представиться.

Следует отметить беспощадность русских при введении в бой своих частей.

Русское командование стоит ниже германского.

II. РУССКАЯ ТАКТИКА.

а) Оборона.

Оборона осуществляется с упорством, глубоко эшелонирована, но лишь в редких случаях располагает достаточно сильными резервами для эффективной защиты против охватов. Имеет место частое применение контратак небольшими подразделениями. При этом русские являются мастерами в использовании местности при исключительно умелой маскировке.

б) Наступление.

При наступлении отсутствует резко выраженная концентрация сил для главного удара, не хватает умения сосредоточить и использовать действие основных средств

Проведение наступления всегда сопровождается излишне массированным использованием пехоты. Часто применяются ночные атаки...

III. БОЕСПОСОБНОСТЬ РУССКОЙ АРМИИ.

а) Пехота.

Почти всегда упорная в обороне, искусная в ночных и лесных боях, обученная коварным приемам борьбы, очень умелая в отношении использования местности, маскировки и постройки полевых укреплений; неприхотлива и закалена. Имеет в своем составе много снайперов. Часто недостаточно обученная, она проявляет тупость и несамостоятельность в наступлении. Ее вооружение ниже немецкого, за исключением автоматической винтовки...

в) Артиллерия.

Материально хорошо снабжена. Маневренна при смене позиции. При недостаточном взаимодействии с другими родами войск ей редко удается обеспечить единообразное сосредоточение огня. Большой частью стреляет метко, но отсутствует гибкость при перенесении огня. Расходует много боеприпасов (...)

ж) Танковые войска.

Снабжены хорошей материальной частью и имеют хороший личный состав. Располагают многочисленными тяжелыми танками с отличной броней и вооружением.

Одиночная подготовка личного состава танковых частей лучше по сравнению с другими родами войск, но руководство ими уступает немецкому, а в настоящее время при применении крупных соединений оказывается совсем несостоятельным. В настоящее время танковые части более сильны в обороне, чем в наступлении.

Если русским удастся массированно ввести в бой более крупные соединения, то необходимо считаться с тем, что при отсутствии достаточного количества противотанковых средств у противника они смогут добиться значительных успехов.

з) Авиация.

Примечательным является все время проявляющийся наступательный порыв авиации, хотя в настоящее время она и уступает германской авиации в количественном и качественном отношении.

Бронированные штурмовики неприятно воспринимаются своими войсками.

При заметном стремлении к оперативному сосредоточению авиации для нанесения главного удара, тактическое руководство ее остается еще большей частью не вполне удовлетворительным (...)

IV. ВЕРОЯТНОЕ РАЗВИТИЕ.

а) Пополнение павшего в боях 1941 г. высшего командного состава в течение короткого промежутка времени невозможно. Пополнение среднего и низшего командного состава в лучшем случае достигнет среднего уровня.

б) После боев 1941 г. отсутствуют необходимые предпосылки для формирования в течение короткого промежутка времени пехотной армии, способной проводить операции.

Возможно, что в период зимнего времени верховное русское командование, претендующее на современные взгляды, сосредоточит центр тяжести на новых формированиях тех родов войск, материально-техническое и людское оснащение которых находится больше в пределах возможного, а именно: авиации, танковых частей, кавалерии.

Решится ли на это русское командование и сделает ли оно соответственно с этим вывод о продолжении войны путем использования пехотных соединений для скрытых методов борьбы, пытаясь вырвать инициативу в свои руки применением небольших, но подвижных ударных армий — покажет будущее (...)

Перевел: Пом. Начальника 2 отд[еле]ния Информационного] Отдела Р[азведывательного] Управления] Генштаба РККА Военинженер 3 ранга Тюрин
15 февраля 1942 г.

Публ. по: Исторический архив. 1992. № 1. С. 57–61

Из плана наступательных действий группы армий «Центр» в направлении Москвы, между 10 и 14 ноября 1941 г.

План группы армий

Учитывая положение со снабжением, возобновление наступления на фронте 4-й армии не произойдет раньше 18 ноября.

Лишь на левом крыле армии усиленный 5-й армейский корпус должен находиться наготове к тому, чтобы по приказу штаба группы армий занять возвышенность у Теряево через день после начала операции «Волжское водохранилище».

9-я армия имеет приказ самое позднее 15 ноября — ожидается сносная погода — осуществить операцию «Волжское водохранилище». Первой целью наступления является р. Лама и переправы через юго-западную оконечность Волжского водохранилища. Дальнейшая цель: овладеть дорогой Теряево — Клин — Завидово (...)

Там, где сопротивление противника на фронте ослабевает, следует наносить удар, независимо от вышеуказанных сроков (...)

2-я танковая армия: как только будет возможно — продолжить наступление на северо-восток. Задача 2-й армии остается без изменений.

Штабу 2-го воздушного флота была выражена просьба использовать временное эшелонирование наступательной операции для массированных действий по возможности крупных сил ВВС перед участками наступления.

Командующий группой армий «Центр» фон Бок

ЦАМО Ф. 500. Оп. 12462. Д. 572. Л. 52

Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе, 17 ноября 1941 г.

Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных

участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом — такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.(...)

Ставка Верховного Главного Командования И. СТАЛИН, Б. ШАПОШНИКОВ

ЦАМО. РФ. ф. 4, оп. 11, д. 66, л. 221–222

Объяснительная записка командующего войсками западного фронта генерала армии Г. Жукова И. Сталину к плану-карте³⁵ контрнаступления армий Западного фронта, 30 ноября 1941 г.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

генерал-лейтенанту т. ВАСИЛЕВСКОМУ

Прошу срочно доложить Народному Комиссару Обороне т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой.
ЖУКОВ

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ товарищу СТАЛИНУ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПЛАНУ-КАРТЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

АРМИЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

1. Начало наступления, исходя из сроков выгрузки и сосредоточения войск и их довооружения: 1-й ударной, 20-й и 16-й армий и армии Голикова с утра 3–4 декабря, 30 армии 5–6 декабря.
2. Состав армий согласно директивам Ставки и отдельные части и соединения, ведущие бой на фронте в полосах наступления армий, как указано на карте.
3. Ближайшая задача: ударом на Клин, Солнечногорск и в истринском направлении разбить основную группировку противника на правом крыле и ударом на Узловая и Богородицк во фланг и тыл группе Гудериана³⁶ разбить противника на левом крыле фронта армий Западного фронта.

³⁵ Карта не публикуется.

³⁶ Имеется в виду 2-я танковая группа (с октября 1941 г. — 2-я танковая армия) немецкой группы армий «Центр».

4. Дабы сковать силы противника на остальном фронте и лишить его возможности переброски войск 5, 33, 43, 49-я и 50-я армии фронта 4–5 декабря переходят в наступление с ограниченными задачами.
5. Главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой — армией генерал-лейтенанта Голикова.

Жуков, Соколовский³⁷, Булганин³⁸

30.11.41 г.

Резолюция «СОГЛАСЕН И. СТАЛИН»

Публ. по: Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов. М.: Мосгорархив, 1994. С. 63

Из сообщения Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы, 11 декабря 1941 г.

(...) С 16 ноября 1941 г. германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл и окружить и занять Москву. Он имел задачу занять Тулу, Каширу, Рязань и Коломну на юге, далее занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров на севере и потом ударить на Москву с трех сторон и занять ее...

6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...

Сообщения Советского Информбюро. Т. I. М., 1944. С. 407–409

Из сводок отдела по изучению иностраных армий Востока генштаба сухопутных войск Германии о положении на Восточном фронте, 26 ноября — 21 декабря 1941 г.

Сводка от 26 ноября 1941 г.

(...) Воздушная разведка установила интенсивное железнодорожное движение между городами Тамбов и Ранненбург... Пока не выяснено — идет ли речь о подвозе новых сил или об эвакуации (...)

Сводка от 2 декабря 1941 г.

(...) Отвод сил [советских] с фронта обороны и использование их на особо угрожаемых участках еще раз подтверждает предположение о том, что русское командование в настоящее время не располагает резервами и поэтому предпринимает попытки, вводя в бой все имеющиеся в распоряжении силы, приостановить наступление немецких войск (...)

Сводка от 3 декабря 1941 г.

(...) На восточном фланге 2-й танковой армии противник активности не проявлял. Признаков появления новых сил нет... По показаниям пленных, юго-западнее Москвы созданы пять оборонительных линий, расположенных одна за другой. Неоднократно противник переходит в атаку севернее Москвы под Яхромой, а также прорывает слабыми силами фронт 3 ТГр. Противник провел разведку боем перед 13 АК (4 А)...

³⁷ Соколовский В. Д. (1897–1968). Маршал Советского Союза (1946). Начальник штаба Западного фронта (июнь 1941 — янв. 1942, май 1942 — февр. 1943). Командующий Западным фронтом (февр. 1943 — апр. 1944). Впоследствии нач. штаба 1-го Украинского фронта (апр. 1944 — апр. 1945), зам. командующего 1 Белорусским фр. (апр. — май 1945).

³⁸ Булганин Н. А. (1895–1975), гос. и парт. деятель. В 1947–1958 гг. — Маршал Советского Союза. С июля 1941 г. член военного совета Западного фронта, Западного направления. В 1943–1944 член военного совета ряда фронтов. С ноября 1944 г. — зам. наркома обороны и член ГКО, с февраля введен в состав Ставки ВГК. 1934–1961 — член ЦК КПСС.

Перед 41 АК значительно увеличилась численность стрелковых дивизий противника, предположительно за счет служащих тыловых служб. Сведения (пока неподтвержденные) о подтягивании противником нескольких бригад на участок фронта в районе канала свидетельствуют о подготовке противника к продолжению наступательных действий западнее Яхрома и севернее Дмитров (...)

Сводка от 7 декабря 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»:

На юго-восточном фланге 2-й армии противник сосредоточил кавалерию, переброшенную из Воронежа. Значительных успехов добились русские на восточном фланге 2-й танковой армии. С неснижающимся упорством противник атакует на участке 4-й армии.

3-я танковая группа:

На правом фланге и центральном участке фронта танковой группы противник лишь преследует наши отходящие части, сосредоточив основные усилия на центральном участке и левом фланге 36 мд. Ему удалось расширить достигнутое вчера вклинение между Рогачево и Волжским водохранилищем...

Сосредоточение крупных ударных сил, массированное использование авиации, артиллерии и танков позволяет сделать вывод о подготовке противника к попытке осуществить наступление с целью деблокирования Московского участка фронта. По показаниям пленных, русское командование планирует прорыв нашего фронта на участке между Москвой и Калининым, чтобы иметь возможность ударить в тыл нашим частям (в направлении на Клин)...

Сводка от 8 декабря 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

Русские продолжают бои на прорыв по обе стороны Волжского водохранилища.

Исходя из обстановки на южном фланге, складывается впечатление, что противник подтягивает свежие силы к правому флангу 2-й армии и к г.Елец. На восточном фланге 2-й танковой армии крупные силы противника преследуют наши отходящие части. В остальном значительных изменений в обстановке противника нет (...)

Сводка от 10 декабря 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

Намерения противника заключаются в следующем: продолжая наступательные действия, расширить участки прорыва в полосе 2-й армии, 3-й танковой группы и 9-й армии.

Это намерение подтверждается обращением Члена Военного Совета Западного Фронта к войскам, где ясно выражен призыв продолжить операции «для окончательного разгрома фашистов вплоть до уничтожения последнего солдата». Для этого в бой вводятся все имеющиеся в наличии резервы, в т.ч. соединения, сформированные восточнее р. Волга...

Сводка от 21 декабря 1941 г.

(...) Б. Группа армий «Центр»

Учитывая испытываемый нами недостаток сил и средств, противник в ходе начавшегося наступления на широком фронте приступил к созданию ударных группировок для последующего использования их на наиболее важных в тактическом отношении участках. Для создания ударных группировок, вероятно, используется часть дивизий, предназначавшихся для формирования в тылу резервной армии. С непрекращающимся упорством продолжаются атаки на наиболее важных в тактическом отношении участках. Ожидается дальнейшее усиление противника за счет вновь подтянутых соединений. (...)

ОКХ, ГШ, Отдел по изучению иностранных армий Востока
подпись неразборчива

ЦАМО Ф. 500. Оп. 12462. Д. 539. Л. 90–97, 106, 121–122, 214

Директива верховного командования вермахта № 39, 8 декабря 1941 г.

Преждевременное наступление холодной зимы на Восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне.

Порядок ведения этой обороны зависит от цели, которую она преследует, а именно:

- а) удерживать за собою районы, имеющие для противника важное оперативное и военно-хозяйственное значение;
- б) дать войскам отдых и возможность произвести пополнение;
- в) создать таким образом необходимые предпосылки для возобновления крупных наступательных операций в 1942 г. В связи с этим приказываю:

I. Сухопутные войска

1. Главными силами войск на Востоке по возможности скорее перейти к обороне на участках, определяемых главнокомандующим сухопутными войсками, а затем, выводя с фронта в тыл, в первую очередь, танковые и моторизованные дивизии, начать пополнение всех соединений.

2. На тех участках, где линия фронта будет относиться назад по нашей инициативе, т. е. там, где противник пока не принуждает нас к этому, необходимо заблаговременно подготовить тыловую позицию, которая может обеспечить лучшие условия для отдыха частей и организации обороны, чем ныне занимаемые рубежи.

Оставление противнику важных рокадных коммуникаций в связи с отнесением назад линии фронта может создать опасность для других, еще не укрепленных участков фронта. В этих случаях необходимо время отвода войск на отдельных участках линии фронта назначать с учетом общей обстановки.

3. Конфигурация новой линии фронта должна благоприятствовать войскам в смысле их размещения и организации обороны и обеспечивать наиболее выгодные условия для подвоза снабжения, особенно, в период снеготаяния.

Необходимо наметить отсечные и тыловые позиции и, используя всю имеющуюся в распоряжении рабочую силу, по возможности быстрее оборудовать их в инженерном отношении.

4. В рамках главной задачи обороны войсками должны быть решены следующие частные задачи:

а) как можно быстрее захватить Севастополь (решение относительно дальнейшего использования основных сил 11-й армии, за исключением частей, необходимых для береговой обороны, будет принято по окончании там боевых действий);

б) группе армий «Юг», несмотря на все трудности, подготовиться к тому, чтобы при благоприятных условиях погоды еще в течение зимы предпринять наступление с целью выхода на рубеж нижнего течения рек Дон и Донец; благодаря этому будут созданы предпосылки для успешного проведения весной наступательной операции против Кавказа;

в) группе армий «Север» сократить свою восточную и юго-восточную линии фронта обороны севернее озера Ильмень, не отдавая, однако, при этом противнику шоссе и железную дорогу от Тихвина на Волховстрой и Колчаново, что по прибытии подкреплений обеспечит возможность восстановления и улучшения положения в районе южнее Ладожского озера; только благодаря этому мероприятию возможно будет окончательно завершить окружение Ленинграда и установить связь с Карельской армией финнов;

г) если будет установлено, что противник оттянул свои основные силы из прибрежной полосы на южном берегу Финского залива³⁹ и не намеревается там оказывать серьезное сопротивление, то в целях экономии сил следует овладеть этим участком побережья.(...)

IV.

Пополнение вооруженных сил личным составом на 1942 г. должно быть обеспечено и в том случае, если будут иметь место большие потери.

Поскольку контингента одного 1922 г. будет недостаточно, необходимо провести решительные мероприятия в этом отношении.

Я приказываю следующее:

1. Все высвобождающиеся на отечественной территории или возвращающиеся из спецкомандировок военнослужащие (например, военная миссия в Румынии) должны быть использованы на фронте.

Солдат более молодых возрастов, находящихся на родине или в тыловых службах, необходимо заменить фронтовыми солдатами старших возрастов.

2. В вопросе обмена сил между Восточным и Западным фронтами следует руководствоваться следующим.

Находящиеся на Западном фронте полностью боеспособные дивизии 2-й и 3-й волн, а также танковые дивизии необходимо обменять на особенно измотанные на Востоке дивизии. При этом следует иметь в виду, что в течение зимы во Франции будет допущено временное ослабление находящихся там сил.

³⁹ Речь идет о плацдарме в районе Ораниенбаума, занятом с конца 1941 г. Приморской оперативной группой войск Ленинградского фронта. Этот плацдарм в 1944 г. был использован советскими войсками для нанесения удара по врагу при освобождении Ленинградской области.

Опытных командиров, младших командиров и солдат из расформирующихся на Востоке дивизий можно направлять в эти прибывающие с Запада соединения.(...)

3. Молодых забронированных немецких рабочих следует постепенно заменять военнопленными и русскими гражданскими рабочими, которые должны использоваться группами. Особые указания по этому вопросу будут даны верховным главнокомандованием вооруженных сил.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 257–260

Из телефонограммы командующего 4-й танковой группой генерал-полковника Э. Гепнера командующему группой армий «Центр» Ф. Боку о положении на фронте немецких соединений после получения приказа Гитлера удерживать занимаемые позиции, 21 декабря 1941 г.⁴⁰

21 декабря 1941 г., 14 ч. 30 мин.

(...) После приказа фюрера я вновь должен указать на серьезное положение моих войск, которые уже больше пяти недель ведут наступательные и оборонительные бои и, не имея убежищ и оборонительных позиций, сражаются с численно превосходящим противником. Соединения армии слева и справа не столкнулись с таким объемом трудностей.

Боевая численность сократилась настолько, что одна дивизия может приравняться к одному усиленному батальону. Особенно неблагоприятно сказывается недостаток командиров.

При такой обстановке удержать неподготовленную, проходящую по свободной территории линию обороны, как это имеет место на участках 46 МК и 5 АК, не представляется возможным и здесь ничего не может изменить и самый строжайший приказ, если он не подкрепляется резервами и достаточным снабжением. Длительное недостаточное снабжение горючим привело к тому, что войска были вынуждены уничтожать оружие и транспортные средства. Недостаток боеприпасов затрудняет оборону в невыносимой мере, хотя артиллерия, слабая уже сама по себе, является единственной защитой измотанных боями войск. Серьезность этого положения должна быть полностью осознана.

Требуемое фанатичное сопротивление не под силу безоружным войскам.

Как я предполагал и уже докладывал, усиленные атаки ведутся в настоящее время в центре 5 АК северо-западнее Волоколамска.

Приказы сверху связывают мне руки в руководстве своими войсками. Что произойдет, если фронт будет прорван на одном или нескольких участках?

Я прошу поставить меня в известность о крупных оперативных планах.

Гепнер

4-я танковая группа

ЦАМО Ф. 500. Оп. 12462. Д. 525. Л. 123

⁴⁰ Приказ удерживать занимаемые позиции (т.н. приказ «Держаться») был отдан Гитлером 16 декабря 1941 г. Приказ требовал фанатично упорного сопротивления и запрещал проведение крупных отступательных операций. Одновременно предполагалась переброска на Восточный фронт с Запада резервных соединений и маршевых батальонов. После выхода приказа Гитлер снял со своих постов ряд крупных военачальников, в т.ч. командующего ГА «Центр» фон Бока, ком 2 ТА Г. Гудериана, а также самого Э. Гепнера (автора нижеприводимого документа).

Книга шестая

**ПЕРЕЛОМ
И ОСВОБОЖДЕНИЕ**

Зарубежная историография Сталинградской битвы

Е. Н. Кульков*

Сталинградской битве, как одному из знаковых событий Второй мировой войны, большое внимание уделяют зарубежные историки. Практически во всех их книгах, посвященных войне 1939–1945 гг. или военным событиям на советско-германском фронте, содержатся сведения о ее ходе и результатах. В некоторых книгах она является предметом специального исследования. К ним относятся работы британских авторов Дж. Джукса «Сталинград: Поворотный пункт» (Нью-Йорк, 1968.), А. Бивора «Сталинград» (Лондон, 1999.), Дж. Робертса «Победа под Сталинградом: Битва которая изменила историю» (М., 2003, пер. с англ.), американских историков — У. Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград» (Нью-Йорк, 1973.), У. Керра «Тайна Сталинграда» (Дюссельдорф и Вена, 1977.), немецких историков из ФРГ — М. Керига «Сталинград: Анализ и документация битвы» (Штутгарт, 1974.) Я. Пикалькевича «Сталинград: Анатомия битвы» (Мюнхен, 1977.) и др. Большое место анализу Сталинградской битвы отведено в 6-м томе коллективного труда германских историков «Германский рейх и Вторая мировая война» (Штутгарт, 1990.). История Сталинградской битвы и её воздействие на различные стороны жизни воюющих и нейтральных стран рассмотрена группой немецких историков, а также рядом историков России, США, Великобритании и других стран в сборнике статей «Сталинград: Событие. Воздействие. Символ» (М., 1995, пер. с нем.).

Отношение зарубежных авторов к раскрытию истории Сталинградской битвы не одинаково и не однозначно. Большинство из них основное внимание уделяет действиям немецкой стороны, пытаясь выяснить, прежде всего, вопрос, почему она потерпела катастрофу на Волге. Другие же историки, больше внимания уделяют советской стороне, стремятся отразить в своих работах героизм и мастерство воору-

женных сил СССР, проявленные как в обороне, так и в наступлении. Но такие историки, к сожалению, находятся в меньшинстве.

В книге английского историка Д. Джукса «Сталинград — поворотный пункт» отмечена «прочность советской обороны, смелость плана контрнаступления» и на этом основании сделан вывод о том, что «именно превосходство полководческого мастерства (советского командования. — Е. К.), а не соотношение сил определило исход битвы»¹.

Английский историк Б. Питт, автор одной из книг о Второй мировой войне, считает, что «под Сталинградом, решающей зимой 1942/43 г. полководцы Красной Армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленная таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград стал символом великой победы, завоёванной разумной ценой»². Накануне 40-летнего юбилея Сталинградской битвы известный французский военный историк армейский генерал Ф. Гамбьез в статье «Сталинград — величайшая битва всех времён» писал: «Прежде всего, следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценивали умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной Армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать несмотря на бомбёжки и обстрелы, а в случае надобности принимали участие в боевых действиях... Советская победа это победа ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того,

* Евгений Николаевич Кульков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда — «За Волгой для нас земли нет!» Высеченный на стенах, предвещающих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной Армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»³.

Высокая оценка действий защитников Сталинграда приведена в книге германского историка М. Фройнда. В своей книге «Германская история» он писал: «Сталинград показал, прежде всего, силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»⁴.

Германский военный историк М. Кериг в своем исследовании «Сталинград: Анализ и документация битвы» отметил, что со времен Иены и Ауэрштадта Германия не переживала столь глубокого поражения как в Сталинградской битве. «Для немецкой стороны эта битва, — пишет он, — превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской — в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время»⁵.

Наряду с этими объективными оценками героизма и военного мастерства Красной Армии в зарубежной литературе одновременно пропагандировалась и пропагандируется до сих пор выдвинутая по окончании войны гитлеровскими генералами версия, согласно которой победа Красной Армии в битве на Волге была обусловлена «роковыми» ошибками Гитлера. «После войны (когда уже не было Гитлера), — отмечает английский историк Дж. Робертс, — любимым занятием немецких генералов стало обвинять фюрера в некомпетентном вмешательстве в сугубо военные вопросы. Они утверждали, что он совершил тогда множество ошибок тактического и стратегического характера, благодаря которым и была окружена 6-я армия Паулюса»⁶.

Действительно, в мемуарах бывших генералов вермахта описание Сталинградской битвы порой выглядит как обвинительный приговор Гитлеру. Бывший генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утраченные победы» утверждал, что якобы Гитлер сам признал: «За Сталинград я один несу ответственность»⁷. Манштейну вторит американский историк Э. Зимке. Он утверждает, что «поражение немецких войск под Сталинградом явилось в большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»⁸. А германский историк О. Цирер утверждает, что на Волге «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»⁹.

Решающий просчет Гитлера немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр и многие другие усматривают в том, что Гитлер вме-

сто того, чтобы двинуть на Сталинград все силы двух групп армий «А» и «Б», которые вели наступление на южном крыле советско-германского фронта, 23 июля 1941 г. в директиве № 45. приказал группе армий «Б», находившейся тогда в 120 км от Сталинграда, захватить этот город, а группе армий «А», захватившей в тот день Ростов-на-Дону, продолжить наступление на кавказском направлении. В этом они видят нарушение принципа массирования сил на главном направлении удара, их распыление на двух расходящихся направлениях, что подорвало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т. д.¹⁰

Английский историк Дж. Робертс также считает, что директива Гитлера № 45 «стала фатальной ошибкой», что если бы «германские войска быстро сконцентрировали силы на одном сталинградском направлении, то они смогли бы захватить город»¹¹. Но вместе с тем в своей книге он показал, что это была «фатальная ошибка» не только Гитлера, а всего высшего командования вермахта, которое еще при планировании наступления на южном крыле Восточного фронта недооценило важности стратегического положения Сталинграда и не отнесло его захват к числу наиболее важных задач¹².

В этом плане, подготовленном начальником генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдером и утвержденном Гитлером 5 апреля 1942 г. под условным названием «Блау», группе армий «Юг» предписывалось уничтожить советские войска Юго-Западного и Южного фронтов до выхода к Дону, а затем «в ходе наступления западнее Дона захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти Кавказский хребет». Что касается Сталинграда, то брать его штурмом сходу заранее не планировалось. Группа армий «Юг» должна была в ходе наступления выйти в район западнее Сталинграда, «достичь самого Сталинграда или, по крайней мере, поставить этот город под воздействие тяжелой артиллерии с тем, чтобы его нельзя было использовать в качестве центра военного производства и путей сообщения»¹³.

Роковое влияние на ход и исход всего наступления немецких войск на южном крыле советско-германского фронта в действительности имел не только и не столько приказ Гитлера от 23 июля 1942 г., а предшествовавшие ему события в ходе операции «Блау». Разделение группы армий «Юг», перешедшей в наступление 28 июня 1942 г., на две группы армий — «А» и «Б» было осуществлено главным командованием сухопутных войск еще 9 июля 1942 г. с целью охвата с севера и юга, окружения и уничтожения войск советских Юго-Западного и Южных фронтов. Но эта цель не была достигнута. Когда передовые части этих групп армий 13 июля соединились в районе Миллерово, то оказалось, что командование обоих советских фронтов сумело отвести свои войска из-под ударов противника к Дону. Одна их часть заняла оборону под Сталинградом, а другая южнее на Нижнем Дону.

После этой неудачи, немецкое командование, оставив на сталинградском направлении группу армий «Б», передало группе армий «А» все подвижные соединения и отдало ей приказ наступать в южном направлении к Ростову с тем, чтобы окружить и уничтожить ту часть отходивших советских войск, которые стояли на пути к Кавказу. Войска этой группы армий 23 июля овладели Ростовом-на-Дону, но выполнить задачу по уничтожению противостоявших советских войск им не удалось. За Доном их снова ожидали тяжелые бои. Таким образом, разделение немецкой наступательной группировки на две части и начало их действий на двух расходящихся направлениях — сталинградском и кавказском — было осуществлено еще до подписания Гитлером директивы № 45.

Немецкому командованию, как только ему стало известно о сосредоточении советских войск под Сталинградом, пришлось выбирать или повернуть все силы группы армий «А» с нижнего течения Дона на север с тем, чтобы она совместно с группой армий «Б» приступила к штурму этого города или все же продолжать в целом успешное в то время продвижение группы армий «А» на кавказском направлении. Первый вариант был для него неприемлем. В этом случае вся группировка немецких войск на южном участке фронта рисковала надолго оказаться скованной под Сталинградом и могла возникнуть ситуация, когда ей пришлось бы вообще отказаться от попытки достичь главной цели всей операции — захвата нефтеносных районов Баку. Поэтому Гитлер по совету начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерала А. Йодля 31 июля принял компромиссное решение. Он приказал направить для поддержки наступления 6-й армии на Сталинград только часть войск группы армий «А» — 4-ю танковую армию.

Германский историк Г.-А. Якобсен, хотя и соглашается с тем, что заложенный в директиве № 45 замысел одновременного наступления по расходящимся направлениям к Волге и Кавказу стал «главной причиной позднейшей гибели 6-й армии», но все же справедливо считает, что этот замысел явился реакцией германского командования на провал его попыток уничтожить противостоявшие ему советские войска до выхода вермахта к Дону. Он пишет: «Советы научились на опыте первого года войны: ловким маневром они сумели вывести свои главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий»¹⁴.

Английский историк М. Арнольд-Форстер считает, что еще более роковым решением Гитлера, «изменившим ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это якобы привело к крушению главной стратегической цели Германии в 1942 г., которая заключалась в захвате месторождений кавказской нефти¹⁵. О том, что провал попыток немецкого командования

лишить СССР доступа к его главным месторождениям нефти на Кавказе сказался на «судьбе всей войны», пишет и германский историк Б. Вегнер¹⁶. Но эти историки не пишут о главной причине того, что не сбылись расчеты Гитлера и его генералов. Она заключалась в том, что и под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска проявили мужество и мастерство в ведении как оборонительных, так и наступательных боев и сорвали замыслы агрессора.

Летом и осенью 1942 г. немецкое командование вступило в сражение, к которому оно оказалось не готово и в том районе, где его не ожидало, — под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское командование быстро и правильно оценило нависающее положение города на флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа.

В книгах бывших генералов вермахта и зарубежных историков, как правило, утверждается, что «роковым решением», «смертным приговором» для немецких войск под Сталинградом, явился отказ Гитлера от организации прорыва 6-й армии из окружения, его приказ от 24 ноября 1942 г. удерживать любой ценой захваченные ранее позиции под Сталинградом¹⁷. Авторы этой версии обычно не раскрывают того факта, что за удержание захваченных позиций под Сталинградом выступал тогда не только один Гитлер, но и другие лица из высшего командного состава вермахта, в том числе главнокомандующий германскими ВВС Г. Геринг, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта В. Кейтель и др. Во-вторых, к тому времени стало очевидно, что советское контрнаступление под Сталинградом, начавшееся 19 ноября 1942 г., создало угрозу не только окружения и гибели одной 6-й армии, но и угрозу с севера и тыла группе армий «А», скованной в сентябре 1942 г. боями в предгорьях Кавказа. Поэтому перегруппировка сил уже ослабленной в боях 6-й армии для прорыва на Запад могла лишь облегчить советским войскам задачу по её полному уничтожению и последующему разгрому немецких войск на всем южном крыле советско-германского фронта. В-третьих, версия о способности 6-й армии, имевшей к тому времени крайне ограниченный запас горючего, боеприпасов и продовольствия, относиться к области необоснованных ничем гипотез. Это мнение разделяет германский историк Г.-А. Якобсен. Он пишет: «Сегодня едва ли можно в точности судить, имела бы в тот момент перспективу на успех операция прорыва кольца окружения, тем более, что армия обладала незначительными запасами горючего, и что произошло бы тогда с огромным числом раненых»¹⁸.

Того же мнения придерживается и германский историк М. Кериг. В своей книге о Сталинграде он показал, что еще до начала контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия была обескровлена и не могла вести активные наступательные действия. Последние недели борьбы в районе Сталинграда

перед переходом Красной Армии в контрнаступление он характеризует как события, которые «своей жесточенностью и отчаянием положили начало гибели 6-й армии»¹⁹. Далее он привел факты о том, что контрнаступление советских войск застало врасплох командование группы армии «Б». У него не оказалось ни готовых людских резервов, ни запаса горючего, которые были необходимы 6-й армии даже для парирования ударов противника. Положение со снабжением этой армии стало критическим уже 21 ноября, когда железная дорога, по которой осуществлялась её связь с тылами группы армии «Б», оказалась в руках советских войск²⁰.

Английский историк А. Бивор в своей книге «Сталинград» на документальной основе также показал, что с самого начала контрнаступления советских войск в штабе самой 6-й немецкой армии понимали невозможность прорыва из котла. В ходе обсуждения этого вопроса выяснилось, что ВВС Германии не имеют возможности выделить достаточного количества транспортных самолетов, чтобы обеспечить армию необходимым для прорыва горючим, снаряжением, боеприпасами и продовольствием, что при прорыве из окружения армии придется бросить на произвол судьбы более 10 тыс. раненых и оставить противнику почти все тяжелое оружие и значительную часть транспортных средств. Не исключалось, что при отходе с ранее занятых позиций армию постигнет такая же позорная участь, как и войска Наполеона в России в 1812 г.²¹

В начале контрнаступления советских войск, как показал М. Кериг, ни штаб верховного командования вермахтом, ни генеральный штаб сухопутных войск Германии оказались неспособны в критической ситуации принять «решения, которые соответствовали реальной обстановке между Доном и Волгой». По его мнению, «лишь Гитлер четко представлял масштабы угрозы для всего южного фронта» и поэтому единственно правильным было принятое им 20 ноября решение о создании новой группы армий «Дон» во главе с генералом Э. Манштейном²². В её состав были включены соединения бывшей группы армий «Б» — 4-я танковая армия, попавшая в окружение 6-я армия, а также уцелевшие в ходе отступления остатки войск 3-й и 4-й румынских армий. Кроме того, в распоряжение группы армий «Дон» была направлена дюжина дивизий с Западного фронта, из Германии и других участков Восточного фронта. Ей была поставлена задача прорвать фронт советских войск, окруживших 6-ю армию, и вместе с нею отвоевать ранее занимаемые немецкими войсками позиции.

Предпринятая 12 декабря 1942 г. попытка деблокировать окруженную 6-ю армию потерпела провал. Американский историк У. Крейг, описывая это событие, выдвинул версию, что якобы выполнить эту задачу группе армий «Дон» помешала погода. По его словам, в начале наступления немцы «встретили неожиданно слабое русское сопротивление» выра-

жившееся лишь в случайных выстрелах, что самые большие трудности наступающим причиняли «оледневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Далее Крейг пишет, что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось из-за непрерывных штормов, мешавших использовать авиацию, а также из-за недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «неисчерпаемых сил» Красной Армии²³.

Действительная причина провала наступления группировки немецких войск с целью деблокировать 6-ю армию была иной. Первоначально ее удар приняла на себя ослабленная в предыдущих боях советская 51-я армия, которая уступала противнику в людях и артиллерии в два раза, а в танках более чем в шесть раз. Тем не менее, ей удалось 14 декабря временно приостановить продвижение противника. В тот же день по указанию Ставки на помощь 51-й армии была направлена 2-я гвардейская армия. Форсированным маршем она преодолела 200 км и уже 19 декабря вступила в сражение. Воины 51-й и 2-й гвардейской армии, проявляя массовый героизм, обескровили противника и 22 декабря заставили его отказаться от выполнения поставленной Гитлером задачи. Через два дня советские войска перешли в решительное наступление и 29 декабря освободили Котельниковский, откуда немцы пытались прорваться к Сталинграду.

М. Кериг, в отличие от Крейга, дает объективную оценку этих событий. Он отмечает мастерство командования 51-й советской армии при отражении ударов противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее оба механизированные корпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника». Он констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» — наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило Манштейна расплыть силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград²⁴.

Английский историк А. Бивор подробно описывает попытку немецких войск деблокировать 6-ю армию. В отличие от Крейга, он также как и Кериг, никак не связывает ее провал с неблагоприятными погодными условиями. Вместе с тем, он констатирует, что если русские были хорошо подготовлены к войне в зимних условиях, то немцы опять, как и зимой 1941/1942 г., оказались по вине своего командования жертвой понижения температуры. После начавшихся 16 декабря 1943 г. в районе Сталинграда холодных северо-восточных ветров среди них начались массовые обморожения рук и ног, которые вели к гангрене и ампутации. Советские же войска в Сталинграде от такого изменения погоды выиграли. Лед на Волге

стал достаточно крепок, чтобы средствами сухопутного транспорта резко увеличить их снабжение всем необходимым²⁵.

Одна из версий, бытующих в зарубежной литературе, заключается в том, что без учета поддержки Красной Армии, оказанной вооруженными силами США и Великобритании, нельзя правильно оценить причин её успеха в Сталинградской битве. В подтверждение тому некоторые историки ссылаются на то, что из-за угрозы открытия второго фронта немецкое командование не смогло выделить достаточно сил и средств для достижения своих целей на советско-германском фронте в 1942 г. Так, историк из ФРГ Г. Шрётер утверждает, что в период Сталинградской битвы германское командование было вынуждено «держаться в бездействии громадные армии на Западе»²⁶. Американский историк Дж. Стоксбери бездоказательно заявляет, что русские якобы специально откладывали контрнаступление под Сталинградом до ноября, «когда «союзные армии, как и предполагалось, сковали германские резервы в Западной Европе»²⁷. Упомянутый ранее У. Крейг, писал в своей книге о Сталинграде о будто бы начавшейся во время Сталинградской битвы «перекачке» немецких дивизий с советско-германского фронта на Западный фронт. Чтобы подтвердить это, он ссылается на военный дневник генерала Ф. Гальдера, где якобы говорится о переброске на Запад с Восточного фронта немецкой моторизованной дивизии «Великая Германия»²⁸. Английский историк А. Бивор, пишет, что Гитлер из-за недооценки потенциала советских войск после подписания директивы № 45 распорядился отправить «назад во Францию» моторизованную дивизию «Великая Германия» и моторизованную дивизию СС «Адольф Гитлер»²⁹.

Однако подобные заявления не подтверждаются фактами. Во-первых не соответствует действительности заявления о том, что в период Сталинградской битвы на Западном фронте находились громадные силы вермахта. По немецким данным численность немецких войск на Западе в то время составляла 520 тыс. человек и была почти в шесть раз меньше численности немецких войск на советско-германском фронте — 2997 тыс. На Западном фронте был всего один немецкий воздушный флот, а на Восточном фронте — четыре³⁰. К тому же значительную часть войск на Западе составляли так называемые «стационарные» дивизии, которые были плохо вооружены и не имели собственных транспортных средств, а также ослабленные соединения или их остатки, направлявшиеся туда на отдых и пополнение после участия в ожесточенных боях на советско-германском фронте. Перекачка полноценных немецких дивизий велась не с Востока на Запад, а наоборот. Только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Германии, Франции и других стран Западной Европы на советско-германский фронт прибыло 35 новых дивизий³¹. В третьих, утверждения о переброске с Востока на Запад дивизии «Великая Германия», являются вымыслом. В дневнике Гальде-

ра, на который ссылается Крейг, говорится, что она действовала на сталинградском направлении³². Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на Восточный фронт в мае 1942 г. и оставалась там до конца войны³³. Что касается дивизии СС «Адольф Гитлер», то она находилась на Восточном фронте с самого начала войны Германии против СССР. В июле 1942 г. из-за больших потерь, понесенных в боях, она была направлена на переформирование во Францию, а затем в феврале 1943 г. снова прибыла на советско-германский фронт, где в составе группы армий «Юг» участвовала в битве на Курской дуге³⁴.

Домыслы о том, что якобы высадка союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. и угроза их высадки во Францию во время Сталинградской битвы «сковали германские резервы в Западной Европе» давно опроверг английский историк Дж. Григ. В своей книге «Победа, которой никогда не было» он доказал, что за время контрнаступления советских войск под Сталинградом только из Западной Европы на советско-германский фронт было переброшено 17 немецких дивизий. «Более того, — пишет он, — последующая высадка в Сицилии убедила германское военное командование в том, что наверняка в 1943 г. не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»³⁵.

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди зарубежных историков и мемуаристов наблюдаются большие расхождения. Часть из них признает ее выдающееся значение для всего последующего хода и исхода Второй мировой войны. Так, бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Германии К. Цейтцлер в книге «Роковые решения» писал, что «Сталинградская битва действительно оказалась поворотным пунктом всей войны»³⁶. Своему еще не опубликованному исследованию о Сталинградской битве он дал заголовок «Поворотный пункт войны»³⁷. Германский историк К. Центнер считает, что «с именем Сталинграда начался поворот во Второй мировой войне»³⁸. Известный французский историк А. Мишель считает, что российские историки «справедливо видят в разгроме немецких войск под Сталинградом решающую победу, ознаменовавшую поворот во Второй мировой войне»³⁹. Английский историк А. Аксел в своей книге «Война Сталина глазами его командиров» обращает внимание на тот факт, что «поражение и сдача в плен массы германских войск и захват германского фельдмаршала (Ф. Паулюса. — Е. К.) подняли престиж Красной Армии; и мир впервые увидел в России грандиозную силу союзников. Сталинград коренным образом изменил мировую военно-политическую ситуацию». В подтверждение тому он привёл оценку Ф. Д. Рузвельтом победы советских войск под Сталинградом как «поворотного пункта» Второй мировой войны и другие примеры того, что именно так в военные годы она оценивалась также в Англии и Китае⁴⁰.

Однако у некоторых политиков тех стран, которые во время войны были союзниками СССР, отметил Аксел, оказалась короткая память. Во время так называемой холодной войны они стали утверждать, что победа Красной Армии под Сталинградом над немецко-фашистскими захватчиками была якобы поражением «демократического мира». К числу таких политических деятелей Аксел отнёс, прежде всего, американского сенатора Маккарти, который в 1952 г. заявлял, что «с русской победы под Сталинградом» якобы «началась третья мировая война», и американского профессора экономических наук В. Ростю, заявившего в 1962 г. о том, что якобы «начало холодной войны следует отнести ко времени, когда стало ясно, что русские могут удержать Сталинград, то есть с 1943 г.»⁴¹.

Конечно, холодная война наложила свой отпечаток на многие работы историков США, Великобритании, ФРГ и других стран. Многие из них рассматривали и рассматривают до сих пор Сталинградскую битву как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимают попытки приуменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый Красной Армией в её ходе блестящий успех к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий. Некоторые из них, на наш взгляд, все же правильно отмечают, что битва на Волге стала великой победой Советского Союза, пунктом, от которого начался отсчет времени существования «Третьего рейха». Так германский историк М. Фройнд, критикуя нацистскую пропаганду, которая во время Сталинградской битвы пыталась сравнивать её с безрезультатно окончившейся кровопролитной битвой на истощение под Верденом во время Первой мировой войны, писал: «Сталинград превратился в нечто худшее, чем Верден, в такую катастрофу, от которой рейх больше не оправился»⁴². Другой германский историк Х. Умбрайт считает, что любые попытки германского командования изменить ход войны на советско-германском фронте после Сталинградской битвы были обречены на провал. «Германия, — пишет он, — все равно не смогла бы выиграть войну у Советского Союза. Это стало невозможным после гибели 6-й армии и сначала поэтапного, а затем уже непрерывного отступления Восточной армии на Запад». «После катастрофы под Сталинградом, — отмечает он далее, — военное поражение Германии в войне против СССР стало уже очевидным для всего мира»⁴³.

С другой стороны, встречаются оценки, которые указывают, что Сталинградская битва и её итоги в значительной мере способствовали укреплению международных позиций Советского Союза. Английский историк Дж. Эриксон, например, писал: «Если победа под Полтавой в 1709 г. вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой»⁴⁴.

Другой английский историк Филипп М. Х. Белл также считает, что после Сталинграда стало ясно, что «Советский Союз выиграет свою войну и станет великой державой». В подтверждение тому он привел два факта. К одному из них он отнес решение английского правительства от 4 февраля 1943 г. впредь «относиться к Советскому Союзу как к партнеру того же ранга, что и Соединенные Штаты» и обсуждать с ним свои планы. Это намерение, по мнению Белла, было трудно осуществить, потому что вести переговоры с СССР якобы «было не так-то просто». Еще больше он сокрушается по поводу того, что не только в Лондоне, но и Вашингтоне стали рассматривать СССР как великую державу. В связи с этим он задается вопросом: «Что произошло бы, если бы Соединенные Штаты решили посоветоваться сначала с Советским Союзом, а Великобритании пришлось бы довольствоваться ролью аутсайдера?» Чтобы придать видимость правомерности такого вопроса, Белл сообщил, что вскоре после победы под Сталинградом в мае 1943 г. президент Рузвельт предложил Сталину провести переговоры в районе Берингова пролива без участия в них Черчилля, что эти переговоры не состоялись потому, что якобы «Сталин отклонил это предложение»⁴⁵.

Действительно 5 мая 1943 г. Рузвельт предложил Сталину встретиться, так как хотел ослабить недовольство советской стороны неоднократным отказом союзников открыть второй фронт во Франции. Однако это предложение, вопреки предположению Белла, вряд ли могло отразиться на характере давно установившегося англо-американского сотрудничества. Рузвельт писал Сталину, что он уверен в скором в овладении союзниками Тунисом и поэтому на следующей неделе вместе с Черчиллем приступит к работе «над второй фазой наступления». Далее Рузвельт сообщил, что по предположению американских военных штабов Германия может летом предпринять развернутое наступление на центральном участке советско-германского фронта. В этом же письме Рузвельт предлагал Сталину «этим летом» несколько дней посвятить переговорам с ним с целью согласовать по времени многочисленные шаги в дальнейшем на тот случай, если оправдаются надежды, что «историческая оборона русских, за которой последует наступление, может вызвать крах в Германии следующей зимой»⁴⁶. Сталин 26 мая сообщил Рузвельту, что действительно этим летом — возможно еще в июне месяце — следует ожидать нового крупного наступления гитлеровцев на советско-германском фронте и поэтому он, в связи с подготовкой войск к отражению этого наступления, должен пока находиться в своей Ставке. Но Сталин не отказался, как утверждает Белл, от встречи с Рузвельтом. Он предложил провести ее не в июне, а в июле или августе 1943 г.⁴⁷ Это была не отговорка с целью уклониться от встречи. Советская разведка с начала апреля доносила в Ставку, что, немецкое командование ведет подготовку для

проведения новой наступательной операции в районе Курска⁴⁸. Рузвельт в ответном письме 4 июня 1943 г. сообщил Сталину, что он и Черчилль уже одобрили план предстоящего наступления на Италию и что в связи с этим подготовка к открытию второго фронта во Франции затянется до весны 1944 г.⁴⁹ Это означало, что, как и прежде, вся тяжесть борьбы против главных сил Германии, ляжет на плечи Советского Союза.

По мнению английского историка А. Буллока Сталинградская битва была «одним из самых ожесточенных сражений Второй мировой войны», «поворотным пунктом войны на Восточном фронте»⁵⁰. Этой же точки зрения придерживается большинство зарубежных историков.

«После Сталинграда стратегическая инициатива перешла в руки Советского Союза, — пишет Дж. Робертс, — и он уже не терял её до самого конца войны. Но будет неправильно говорить о том, что дорога от Сталинграда до Берлина была усыпана для Красной Армии одними лавровыми венками. Советским войскам предстояло участвовать ещё во многих сражениях и кампаниях. Однако после Сталинграда вопроса о том, кто одержит победу в войне, уже не стояло на повестке дня, оставалась только одна проблема — когда именно Германия потерпит поражение»⁵¹.

Отмечая, что «советская победа под Сталинградом была коренным переломом в войне на Восточном фронте», этот историк, вместе с тем, подчеркивает, что «Восточный фронт являлся главным фронтом Второй мировой войны. На него пришлось 80% суммарного объема всех боевых действий Второй мировой войны и 90% потерь в них германских войск. Немцы лишились на Востоке 600 дивизий и 10 млн убитых, раненых, пропавших без вести или попавших в плен солдат»⁵².

Видимо потому, что советско-германский фронт с самого начала Великой Отечественной войны до последнего её дня оставался главным фронтом Второй мировой войны, на котором велась борьба шла между двумя самыми мощными армиями на Европейском театре войны и именно в ходе этой борьбы под Сталинградом Красная Армия одержала грандиозную победу, Робертс в названии своей книги с полным на то правом подчеркнул, что с именем Сталинграда связана «битва, которая изменила историю».

Выдающуюся роль Сталинградской битвы отмечал ранее и английский историк Б. Лиддел Гарт. В предисловии к книге Дж. Джукса «Сталинград: Поворотный пункт» он писал: «Сталинградская битва была наиболее длительной битвой Второй мировой войны и оказалась самой решающей»⁵³. Но эту точку зрения разделяют далеко не все. Германский историк Г.-А. Якобсен, отмечая, что Сталинградская битва была «одной из крупнейших катастроф германской стратегии войны», вместе с тем заявляет, что для Германии она не была «лишь одним имеющим решающий характер поражением стратегического масштаба». По его мнению, равноценные Сталинграду поражения Германия понесла так же в сражении под

Эль Аламейном в ноябре 1942 г. и при отступлении немецких войск в Тунисе, закончившегося их капитуляцией весной 1943 г. «Эти три события — утверждает он, — и произошедший весной 1943 г. крах германской подводной войны означали в военном отношении поворотный пункт войны»⁵⁴.

Этот немецкий историк своими словами во многом пересказывает выдвинутую ранее американскими историками Э. Зимке и Дж. Шентоном версию, согласно которой победа англо-американских войск в Северной Африке в мае 1943 г. была «вторым Сталинградом», что там они нанесли фашизму «поражение равное по своим масштабам Сталинграду»⁵⁵. Эта версия затем переключалась в некоторые немецкие издания о Второй мировой войне, а также в книги о Сталинграде. Так, Ф. Форстмайер, бывший начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера, в предисловии к книге М. Керига «Сталинградская битва» утверждал, что «ощутимый поворот в войне произошел в 1942 г. в результате двух событий — высадки союзников в Северной Африке и советского наступления против южного крыла немецкого Восточного фронта». Но, по мнению Форстмайера, «более убедительно поворот обозначился не на советско-германском фронте, а в Северной Африке»⁵⁶.

Можно согласиться, что поворот в войне в целом обозначился в ходе побед антигитлеровской коалиции на рубеже 1942–1943 г. на советско-германском фронте и в Северной Африке. Но по длительности и количеству участвовавших в борьбе войск, по размаху вооруженной борьбы, по потерям, нанесенным агрессором ни одна из также успешных операций, проведенных англо-американцами, не может быть приравнена к великой Сталинградской битве.

В сражении под Эль Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 г.) длившемся 13 дней, англичанам противостояло четыре немецких и восемь итальянских дивизий (т. е. всего 12 дивизий) общей численностью около 80 тыс. человек, тогда как в Сталинградской битве, длившейся 200 дней и ночей, в группировке противника, противостоявшей советским войскам перед контрнаступлением насчитывалось 49 дивизий, в которых насчитывалось более одного миллиона человек. Причем под Эль Аламейном итало-немецким войскам удалось отступить, а под Сталинградом была окружена и ликвидирована группировка общей численностью более 330 тыс. человек, полностью было разгромлено 32 дивизии и три бригады Германии и ее союзников⁵⁷. Также было бы неверно к Сталинградской битве приравнивать и капитуляцию итало-немецких войск в Тунисе в мае 1943 г. Этот успех союзников во многом предопределило то, что с весны 1942 г. германское командование особое значение придавало ведению войны против СССР, а не в Северной Африке.

Немецкие войска в Африке были слишком малочисленны даже для того, чтобы нанести поражение находившимся там еще до высадки англо-американских

войск в ноябре 1942 г. в Алжире и Марокко английским войскам. Возможность увеличить свои силы и выиграть борьбу в Африке немецкое командование рассчитывало после достижения так называемой «окончательной победы» над СССР в 1942 г. Но этот расчет не оправдался. После поражения вермахта под Сталинградом руководство «Третьего рейха» смирилось с мыслью о потере Северной Африки. Уже в марте 1943 г. командующий немецкими войсками в Северной Африке генерал-фельдмаршал Э. Ромель был отозван в Германию, потому что «Гитлер не хотел, чтобы вслед за Паулюсом попал в плен еще один немецкий фельдмаршал»⁵⁸.

Некоторые американские историки для доказательства тезиса о том, что, мол, успех англо-американских войск в Африке был «более результативным», чем победа советских войск под Сталинградом, пишут, что в Тунисе капитулировало 275 тыс. итало-немецких войск⁵⁹. Примерно такую же цифру можно встретить и в книгах о войне, принадлежащих перу историков из ФРГ. Так, Г. Шрайбер, ссылаясь на американскую литературу, утверждает, что в Тунисе англо-американцам сдалось в плен примерно от 267 до 275 преимущественно испытанных в боях итальянских и немецких солдат. «Принимая во внимание этот факт, — пишет он, — не будет преувеличением утверждение, что Тунис по чисто количественным показателям означал для агрессоров второй Сталинград»⁶⁰. А Ю. Фёрстер заявляет, что «падение Туниса было, с оперативной точки зрения, более крупным поражением, там оказалось в плену большее количество солдат, чем в Сталинграде»⁶¹. Такими утверждениями эти историки пытаются ввести в заблуждение тех читателей, которые не знают подлинной истории войны и безграмотны в военном деле. Военная значимость той или иной битвы или сражения должна определяться количеством не взятых в плен, а уничтоженных войск противника. Интересно, как Шрайберу и Фёрстеру пришлось бы оценивать успех союзников в Тунисе, если бы советские войска в Сталинградской битве вместо того, чтобы забрать в плен 113 тыс. немецких и румынских солдат⁶², полностью уничтожили окруженную ими 330-тысячную германо-румынскую группировку.

Однако даже по вопросу о количестве итало-немецких войск, сдавшихся в Тунисе, среди зарубежных историков нет единого мнения. Однажды английский историк Б. Лиддел-Гарт обратил внимание читателей на то, что из немецких документов явствует, что к началу мая 1943 г. в итало-германской группировке в Северной Африке имелось только 170–180 тыс. человек. «Трудно понять, — писал он, — почему число пленных почти в полтора раза превышает указанную выше численность немецко-итальянских войск»⁶³. Согласно данным бывшего немецкого генерала З. Вестфала из них в плен попало 150 тыс.⁶⁴. А английский историк А. Тейлор утверждает: «Союзники взяли в плен примерно 130 тыс., в послевоенных отчетах

эта цифра выросла до 150 тыс.». Далее он отмечает: «Пять месяцев потребовалось объединенным силам США и Англии на то, чтобы разбить немецкие войска, состоявшие обычно из двух, максимум четырех дивизий»⁶⁵. Согласно вызывающим наибольшее доверие сведениям немцы при капитуляции в Северной Африке потеряли 6 дивизий, в которых насчитывалось 94 тыс. солдат и офицеров⁶⁶.

Бесспорно одно, что германский вермахт не понес в Тунисе потерь, которые могли бы существенно подорвать его боеспособность. Командующий экспедиционными силами союзников в Северной Африке генерал Д. Эйзенхауэр в письме в Вашингтон в июне 1943 г. отмечал, что действия вверенных ему войск окажут «весьма ничтожное» влияние на ход борьбы Советского Союза⁶⁷.

Среди зарубежных историков, особенно среди историков ФРГ, нет единого мнения и о месте Сталинградской битвы в истории войны 1939–1945 гг. Согласно одной из них катастрофа вермахта в битве на Волге была следствием поворота во Второй мировой войне, начавшегося на советско-германском фронте уже в начале войны против СССР и завершившегося первым стратегическим поражением вермахта в Московской битве. Основанием для появления такой версии явился выход в свет в 1973 г. книги германского историка К. Райнхардта «Поворот под Москвой: Крушение стратегии Гитлера зимой 1941/1942 г.». В ней на документальной основе показано, что в конце августа 1941 г. потерпело крушение намерение немецкого командования победоносно закончить войну против СССР до наступления осени 1941 г., что в сентябре-октябре 1941 г. Красная Армия в оборонительных сражениях сорвала попытку немецкой группы армий «Центр» в ходе операции «Тайфун» захватить Москву и окончательно спутала расчеты немецкого командования на быстрое завершение кампании на Востоке, поставила под угрозу провала программу всех последующих завоеваний фашистского рейха. Провал нового наступления немецких войск на Москву в ноябре и успех контрнаступления Красной Армии в декабре 1941 — январе 1942 гг., позволили Райнхардту сделать вывод о том, что под Москвой Германия утратила «шансы на успешное ведение войны» и «потерпела крах стратегия Гитлера, направленная на завоевание его рейхом мирового господства»⁶⁸. Содержание этой книги убедило многих историков в том, что поражение немецких войск под Москвой привело к повороту в ходе Второй мировой войны, обусловившем в дальнейшем поражение Германии её союзников на всех фронтах. Так, Г. Шрайбер в одной из своих работ пишет, что Гитлер в связи с «зимней катастрофой 1941/1942 г.», по словам Йодля, признал, что после «такого кульминационного пункта в начинающемся 1942 г. нельзя рассчитывать ни на какую победу». Шрайбер согласен с тем, что «германская армия на рубеже 1941–1942 гг. попала в самый опасный кризис со времени начала восточного похода»,

что, однако, вплоть до конца лета 1942 г. агрессоры на Дальнем Востоке, Северной Африке и в Советском Союзе «маршировали дорогой побед». Это, по его словам, «делает понятным, почему поворот в войне ... который действительно наступил уже в конце 1941 г., когда молниеносная война превратилась в войну на истощение и начала формироваться сверхмощная антигитлеровская коалиция, был осознан современниками лишь в 1943 г.». Завершение поворота в войне, начавшегося в битве под Москвой, он связывает с победами антигитлеровской коалиции в конце 1942 — первой половине 1943 г.⁶⁹

В книге, посвященной истории нацистской Германии, немецкие историки — директор Института современной истории Х. Мёллер и сотрудники этого института Ф. Дам и Х. Меринг пишут, что «поворот во Второй мировой войне по существу начался уже в те утренние часы 22 июня 1941 г., когда вермахт при поддержке финских и румынских союзников и нескольких венгерских соединений без объявления войны напал на Советский Союз. Об ожесточенности и драматизме борьбы на Восточном фронте говорит тот факт, что этот перелом вырисовывался сначала медленно и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону, и все же немецкая сторона уже поздним летом была вынуждена признать, что наступление, которое замыслилось как молниеносная война, развивается совсем иначе, а не так, как планировалось. Хотя этот поворот начал обозначаться сначала медленно и военное счастье попеременно склонялось то на одну, то на другую сторону». Далее эти историки пишут, что зимой 1941/1942 г. СССР «разрушил ореол немецкой непобедимости», а США вступили в войну, после чего «военное и материальное превосходство союзников стало столь велико, что их победа над державами оси была лишь вопросом времени». Все последующие и оборонительные и наступательные действия вермахта они считают бессмысленными. По их мнению, бессмысленность продолжения войны Германией нигде и никогда раньше не проявлялась столь наглядно, как во время боев за «сталинградский котел». В Сталинградской битве они видят «символ поворота во Второй мировой войне, который действительно наступил зимой 1941/1942 г.»⁷⁰.

Такая трактовка поворота в войне не устраивает многих военных историков ФРГ. По мнению Б. Вегнера, она страдает «упрощенным представлением о том, что сражения 1942–1945 гг. представляют собой лишь приведение в исполнение смертного приговора Третьему рейху»⁷¹.

При этом Вегнер утверждает, что оценка катастрофы вермахта под Сталинградом как поворота во Второй мировой войне является плодом лишь «субъективного восприятия» её современниками как в самой Германии и союзных ей странах, так и в странах антигитлеровской коалиции. На самом деле, по его мнению, ко времени Сталинградской битвы и так уже

всем было ясно, что Германия войну проиграет, что гарантией тому было превосходство в силах и решимость антигитлеровской коалиции довести войну до победы, особенно успехи в США в разработке ядерного оружия. Он готов согласиться лишь с теми историками, которые считают победу Красной Армии в битве на Волге поворотом только в советско-германской войне, но с оговорками. В его представлении событие под Сталинградом явилось лишь последним пунктом в процессе постепенной утраты Германией имевшихся у неё реальных шансов на победу в «войне на Востоке». К существенным пунктам этого процесса Вегнер относит те события, которые разворачивались не в пользу Германии в войне против СССР якобы в основном из-за некомпетентного вмешательства в них Гитлера. К ним он отнес Смоленскую битву в июле 1941 г., из-за которой произошла приостановка немецкого наступления на Москву, поражение вермахта под Москвой в декабре того же года, перебазирование летом и осенью 1941 г. большей части советской промышленности из угрожаемых районов европейской части СССР в восточные районы страны, которое, по мнению Вегнера, стало для Германии «экономическим Сталинградом», а также решение Гитлера о разделении операции «Блау» на две части в июле 1942 г. В этом процессе последним звеном стал разгром вермахта под Сталинградом⁷².

Видимо, исходя из такого же представления о динамике и значении этих событий, происходивших на советско-германском фронте, начальник Военно-исторического научно-исследовательского управления бундесвера Г. Рот утверждает, что «Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной Армии, не была сражением, решившим исход войны»⁷³. Ему вторит и сотрудник этого управления Ю. Фёрстер: «Сталинград не является вехой, означавший поворот во Второй мировой войне»⁷⁴. Такие утверждения не новы. Английский историк А. Тейлор в своей книге о Второй мировой войне, вышедшей в свет в 1975 г., а затем переведенной на русский язык и изданной в России в 1995 г. писал: «Сталинград, быть может, вопреки частым утверждениям не был решающей битвой Второй мировой войны... В марте 1943 г. немцы все еще стояли на рубежах, откуда начали наступление 1942 г. Они восстановили свой боевой дух и показали под Харьковом, что снова господствуют на поле боя. Именно немцы, а не русские предприняли наступление, когда кончился сезон боевых действий 1943 г. Тем не менее, победа русских под Сталинградом в гораздо большей мере, чем оборона Москвы, развеяла миф о непобедимости Германии. Сам Гитлер сказал Йодлю: «Бог войны перешел на другую сторону»⁷⁵.

Что можно сказать по поводу этих рассуждений Тейлора. Неверно сводить историческую победу советских войск под Сталинградом лишь к кратковременной потере агрессором боевого духа, так как потеря в этой битве примерно полутора миллионов солдат представляла для «Третьего рейха» прежде

всего подрыв его военной мощи. Траптовка Тейлором события под Харьковом также несостоятельна. Хотя генерал-фельдмаршалу Манштейну в конце февраля — начале марта 1943 г. и удалось организовать кратковременное контрнаступление группы армий «Юг» и вытеснить передовые части советских войск из только что освобожденного ими Харькова, но развить успех ему так и не удалось. Очень скоро немецкая группировка была остановлена советскими войсками на Северском Донце и в районе Белгорода, а затем перешла в глухую оборону на тех же рубежах, которые она занимала пред началом летнего наступления 1942 г. «Господами положения на поле боя» немцы так и не стали. В некрологе Манштейну, опубликованном в ведущем военном журнале ФРГ «Веркунде» отмечалось, что ему весной 1943 г. удалось добиться в районе Харькова лишь «оборонительной победы»⁷⁶.

В ходе зимней кампании 1942/1943 г. Красная Армия осуществила наступление на огромном пространстве от Балтики до предгорий Главного Кавказского хребта на глубину 600–700 километров, разгромила войска противника под Сталинградом, нанесла тяжелое поражение противнику на Северном Кавказе, на Среднем и Верхнем Дону, в районе Воронежа, прорвала блокаду Ленинграда. При этом наибольший успех был достигнут на южном крыле советско-германского фронта, где советские войска очистили от захватчиков более 480 тыс. квадратных

километров территории, вызволили из фашистской неволи миллионы советских людей. Важным итогом наступления 1942/1943 г. явилось выдвижение советских войск в район западнее Курска и отражение ударов противника на этом участке фронта. Сложившийся в ходе сражений Курский выступ послужил исходным плацдармом для последующих успешных операций на орловском и харьковском направлениях.

В заключение следует сказать, что независимо от того, как некоторые зарубежные историки пытаются приуменьшить значение Сталинградской битвы, остается фактом, что она была важнейшим историческим рубежом на пути к победе народов СССР и их вооруженных сил в Великой Отечественной войне. Победа, одержанная в этой битве Красной Армией, окончательно перечеркнула планы нацистского руководства Германии сокрушить Советский Союз, захватить его земли, превратить его народы в рабов германских хозяев. После Сталинграда германский вермахт и армии германских союзников полностью утратили стратегическую инициативу. Уже не они, а Красная Армия до победоносного завершения войны определяла ход и результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Вместе с тем, сокрушительный разгром войск блока агрессоров под Сталинградом явился решающим вкладом в изменение стратегической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции на всех других фронтах Второй мировой войны.

¹ Jukes G. Stalingrad: The Turning Point. New York. 1968. С. 154.

² The History of the Second World War. London. 1968. Vol. 3. № 15 (cover); Great Battles of the 20th Century. (Ed. B. Pitt) London, 1977. P. 209.

³ Le Figaro. 1972. 28 août

⁴ Freund M. Deutsche Geschichte. Gütersloh. 1973. S. 1401.

⁵ Kehrig M. Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart. 1974. S. 11.

⁶ Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю: Пер. с англ. М., 2003. С. 30

⁷ Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955. S. 395.

⁸ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washigton, 1968. P. 80.

⁹ Zierer O. Deutschland: Kleine Geschichte Grosser Nation. Gütersloh, 1976. S. 115.

¹⁰ Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 27; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Düsseldorf und Wien, 1977. S. 107–108.

¹¹ Робертс Дж. Ук. Соч. С. 63.

¹² Там же. С. 28, 57.

¹³ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945: Dokumente der Oberkommandos der Wehrmacht. Hrsg. von W. Hubatsch. Koblenz, 1983. S. 186.

¹⁴ Вторая мировая война: Взгляд из Германии: Сб. статей: Пер. с нем. М., 2005. С. 190.

¹⁵ Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974. P. 138.

¹⁶ Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. С. 28.

¹⁷ Вестфаль З. и др. Роковые решения: Пер. с англ. М., 1953. С. 170–171; Seydlitz W. Stalingrad: Konflikt und Konsequenz. Erinnerungen. Oldenburg, 1972. S. 200; Craig W. Enemy at the Gates: The Battle for Stalingrad. N.Y., 1974. P. 250, 272

¹⁸ Вторая мировая война: Взгляд из Германии. С. 193.

¹⁹ Kehrig M. Op. cit., S. 37.

²⁰ Kehrig M. Op. cit. S. 43, 52, 88–89, 136–137, 141.

²¹ Beevor A. Stalingrad. London. 1999. S. 267–268.

²² Kehrig M. Op.cit. S. 148–150.

²³ Craig W. Op. cit. P. 218–228.

²⁴ Kehrig M. Op. cit. S. 371.

- 25 Beevor A. Op. cit. P. 302–304.
- 26 Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 285.
- 27 Stokesbury J. A. A Short History of World War II. New York, 1980. P. 239.
- 28 Craig W. Op. cit. P. 19.
- 29 Beevor A. Op. cit. P. 81.
- 30 Förster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg. Berlin, 1972. S. 173, 195–197
- 31 См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 30.
- 32 См. Гальдер Ф. Военный дневник: Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 351.
- 33 См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 280, 395.
- 34 Там же. С. 277, 285, 409.
- 35 Grigg J. 1943: The Victory That Never Was. New York, 1980. P. 93
- 36 Вестфаль З. и др. Роковые решения. С. 209.
- 37 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. München, 2007. Bd. 8. S. 6. Anm. 25.
- 38 Zentner K. Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges. München, 1973. S. 439.
- 39 Michel H. La Seconde guerre mondiale. Paris, 1977. Т. 1. P. 467.
- 40 Axell A. Stalin's War through the Eyes of his Commanders. L., 1997. P. 89.
- 41 Ibid. S. 90.
- 42 Freund M. Op. cit. S. 1407.
- 43 Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. С. 152, 156.
- 44 Erickson G. The Road to Berlin. London., 1983. P. 47.
- 45 Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. С. 393.
- 46 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. С. 62–63. (Далее: Переписка...)
- 47 Там же. С. 65.
- 48 Rado S. Dora meldet. Berlin, 1974. S. 344–345.
- 49 Переписка... С. 66–68.
- 50 Булок А. «Гитлер и Сталин: Жизнь и власть»: Сравнительное жизнеописание: Пер. с англ.: Смоленск, 1994, С. 422, 429.
- 51 Робертс Дж. Ук. соч. С.27.
- 52 Там же. С. 30.
- 53 Jukes G. Op. cit. P. 6.
- 54 Вторая мировая война: Взгляд из Германии. С. 194.
- 55 Ziemke E. Op. cit. P. 80. Shenton J., Benson J., Jakoubek R. These United States. Boston, 1978. P. 570–572.
- 56 Kehrig M. Op. cit. S. 9.
- 57 Война. Народ. Победа. М., 2008. с. 264; Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 2. С. 47, 49.
- 58 Вестфаль З. и др. Роковые решения. С. 211.
- 59 Beitzell R. The Uneasy Alliance. New York, 1972. P. 65–80; Wilz J. Modern American History. Philadelphia. 1979. P. 547.
- 60 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. München, 2007. Bd. 8. S. 547.
- 61 Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. С. 11.
- 62 Там же С. 118.
- 63 Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война: Пер. с англ. М., 1976. С. 412
- 64 Вестфаль З. и др. Роковые решения. С. 211.
- 65 Taylor A. The Second World War. London, 1975. P. 177.
- 66 См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С.131.
- 67 The Papers of D. D. Eisenhower. The War Years. Baltimore and London, 1970. Vol.3. P. 347.
- 68 См. рецензию: Поворот под Москвой // Военно-исторический журнал, 1974. № 11. С.105–110
- 69 Deutschland 1933–1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Hrsg. von K.D.Bracher, M. Funke. H.–A. Jacobsen. Bonn, 1992. S. 354, 355.
- 70 Die tödlich Utopie: Bilder. Texte. Dokumente. Daten zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mering unter Mitarbeit von A. A. Feiber. München, 2001. S. 377–378, 399–400.
- 71 Вторая мировая война: Дискусии. Основные тенденции. Результаты исследований: Пер. с нем. М., 1996. С. 513.
- 72 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. München, 2007. Bd 8. S. 6–8.
- 73 Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. С. 6.
- 74 Там же. С. 11.
- 75 Тейлор А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 498.
- 76 Wehrkunde, 1973. Heft 4. S. 102.

Курская битва: взгляд через полвека

В. А. Золотарев*

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в силу непримиримости политических целей борющихся стран и высокой насыщенности их армий техническими средствами развивалась через цепь многократно возникавших кризисов, изобиловала крутыми поворотами в ходе военных действий.

Курская битва стала своего рода кульминационным пунктом Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. После нее война приобрела необратимую направленность к победе антигитлеровских сил и неминемому поражению стран фашистского блока. Развернувшиеся в ходе ее сражения не имеют себе равных в истории войн по степени жесточести и по упорству борьбы, концентрации войск, прежде всего бронетанковых и авиационных сил, в ограниченных рамках времени и пространства, в стремлении любой ценой достигнуть поставленных целей.

После ожесточенных февральско-мартовских боев к концу марта 1943 г. на всем протяжении советско-германского фронта наступила трехмесячная оперативно-стратегическая пауза: противоборствующие стороны накапливали силы и средства для решающих сражений.

Отсутствие второго фронта в Европе дало возможность противнику осуществить новую перегруппировку сил с Запада на Восток. На советско-германском фронте общее количество дивизий по сравнению с летом 1942 г. к июлю 1943 г. увеличилось с 217 (из них 178 немецких) до 232 (из них 196 — немецких). Одновременно немецкое командование продолжало пополнять свои войска кадрами, полученными путем тотальной мобилизации, а также боевой техникой, и, в первую очередь, новыми образцами танков и штурмовых орудий, усилив танковые соединения значительным количеством тяжелых танков Т-VI («Тигр»), средних танков Т-V

(«Пантера») и самоходных орудий «Фердинанд» с 88-мм пушкой. На массированное применение этой новой бронетанковой техники возлагались большие надежды. На вооружение германской авиации поступили истребитель «Фокке-Вульф-190А» и штурмовик «Хеншель-129». Основная масса этих сил и средств была включена в состав групп армий «Юг» и «Центр», которые должны были решать основные задачи в предстоящей военной кампании.

Несмотря на предыдущие поражения и изменившуюся стратегическую обстановку гитлеровское руководство по-прежнему удерживало в своих руках почти всю Западную Европу, большую часть Украины, всю Белоруссию, Прибалтику, часть областей России и не теряло надежды на завершение войны в свою пользу. Лето 1943 г., по расчетам Гитлера, должно было ознаменоваться новым наступлением. Однако, не имея сил и средств для действий на широком фронте, противник на этот раз решил концентрировать свои усилия лишь на одном участке.

Окончательный вариант плана операции, получившей название «Цитадель», сводился к нанесению двух мощных ударов с севера и юга в общем направлении на Курск с целью окружения и уничтожения советских войск, оборонявших Курский выступ.

С севера, из района Орла в направлении на Курск, через Ольховатку, должна была наступать 9-я армия генерал-полковника В. Моделя группы армии «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Г. Клюге). Ее ударная группировка имела в своем составе 6 танковых, одну моторизованную, 15 пехотных дивизий: 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых орудий. Средняя оперативная плотность составляла 30 танков, около 90 орудий и минометов на километр фронта. Кроме главного удара, с целью обеспечения левого фланга основной группировки, планировался вспомогательный удар на Малоархангельск.

* Владимир Антонович Золотарев — генерал-майор, д.и.н., доктор военных наук, профессор.

В полосе группы армий «Юг» предполагалось нанесение двух ударов: один — силами 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота вдоль шоссе Обоянь — Курск, другой — оперативной группой «Кемпф» — из района Белгорода на Корочу. Всего в ударных группировках группы армий «Юг» было 24 дивизии (15 пехотных, 8 танковых, 1 моторизованная), насчитывавших 440 тыс. человек, около 4 тыс. орудий и минометов, до 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий. Оперативные плотности этих группировок составляли: около 13 танков, более 20 орудий и минометов на километр фронта.

А в целом на курском направлении противник сосредоточил до 50 дивизий, свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов и 2700 танков и штурмовых орудий. Сухопутные войска поддерживались крупными силами авиации — более 2 тыс. самолетов, входивших в состав 6-го и 4-го воздушных флотов. Гитлеровское руководство надеялось, что перед такой мощью не устоит никакая оборона.

Главная роль в наступлении возлагалась командованием вермахта на танковые войска. Танковые соединения должны были решать задачи прорыва тактической зоны обороны советских войск и развития успеха в оперативной глубине обороны. Плотность артиллерии у немцев была относительно невысокой. Поддержку атакующих танков должна была осуществлять авиация, которую они считали более пригодной для взаимодействия с подвижными танковыми войсками, чем малоподвижная (по их взглядам) артиллерия.

Наступление тщательно готовилось. Сроки его начала неоднократно переносились: на начало мая, затем на середину июня, на 3 июля и, наконец, в последний раз — на 5 июля. Такую отсрочку операции фельдмаршал Э. Манштейн назвал «роковым просчетом». Но в действительности она была вынужденной.

Одной из важнейших причин отсрочки летнего наступления были медленные темпы производства танков «Тигр» и «Пантера», способных успешно бороться с советскими Т-34. Выпуск «Тигров» с ноября 1942 г. не превышал 25 машин в месяц, производство «Пантер» тормозилось техническими недостатками проекта. Министр вооружений А. Шпеер обещал по устранении дефектов конструкции «Пантеры» довести ежемесячное производство танков в мае 1943 г. — до 1140, в июне — до 1005 и в июле — до 1071 машины¹. И так, начало операции откладывалось до создания мощной танковой группировки.

Советское командование, своевременно вскрыв замысел гитлеровского руководства, сосредоточило на курском направлении крупные силы. Северный фас Курского выступа оборонял Центральный фронт (командующий генерал армии К. К. Рокоссовский), южный — Воронежский фронт (командующий генерал армии Н. Ф. Ватутин). Войска этих фронтов были пополнены как людьми, так и боевой техникой. Всего во фронтах насчитывалось 1337 тыс. человек,

3306 танков и САУ, 19,3 тыс. орудий и минометов, 2650 боевых самолетов. Общее соотношение сил в полосах фронтов было на стороне советских войск.

Кроме того, на курском направлении были развернуты крупные стратегические резервы, находившиеся в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандования. Эти резервы, расположенные на рубеже Верховье, Ливны. Старый Оскол, Кантемировка, были объединены в Степной военный округ (с 10 июля 1943 г. — Степной фронт, командующий генерал-полковник И. С. Конев). В его состав вошло 5 общевойсковых, одна танковая и одна воздушная армии, а также один стрелковый, 3 танковых, 3 механизированных и 3 кавалерийских корпуса. В них насчитывалось более полумиллиона человек, более 1,5 тыс. танков и САУ, около 7,5 тыс. орудий и минометов.

12 апреля в Москве состоялось совещание, на котором решался вопрос о выборе стратегических действий: оборона или наступление. В результате всестороннего обсуждения было принято решение: проведением стратегической обороны на Курском выступе измотать противника, уничтожить его танки и авиацию, а затем перейти в решительное контрнаступление на юго-западном направлении, после чего развернуть общее наступление от Смоленска до Азовского моря.

Окончательное решение состоялось в конце мая — начале июня, когда точно стало известно о плане «Цитадель». Последующий анализ и реальный ход событий показал, что беспрецедентное в военном искусстве решение о *преднамеренной обороне* в условиях значительного превосходства в силах над противником было рациональным видом стратегических действий.

Оборона наших сил строилась, как никогда, тщательно. За три месяца Курский выступ был превращен в подлинный стратегический бастион. Ни раньше, ни позже, в войне не создавалось столь развитой оборонительной системы.

Основными характерными чертами системы обороны, созданной советскими войсками на Курском выступе, были большая глубина инженерного оборудования местности, эшелонирования войск, сил и средств, высокая степень насыщения противотанковыми средствами и заграждениями.

С целью срыва наступления противника в обоих фронтах планировалось проведение артиллерийской и авиационной контрподготовки. Для участия в ней предполагалось использовать основную массу артиллерии фронтов, авиацию Центрального и Воронежского, а также Юго-Западного фронтов.

К моменту начала вражеского наступления сосредоточение сил советских войск и подготовка обороны на Курском выступе приближалась к завершению. Было, в основном, завершено накопление материальных средств, организовано взаимодействие и обеспечение во всех звеньях.

Анализ обстановки и прогноз намерений противника, основанные на данных, полученных разведкой, способствовали не только раскрытию замысла врага, но и позволили точно определить момент перехода его в наступление. 2 июля 1943 г. Верховный Главнокомандующий телеграммой предупредил командующих Центральным и Воронежским фронтами о возможности перехода противника в наступление между 3 и 6 июля. В ночь на 4 июля были захвачены в плен немецкие саперы, проделывавшие проходы в заграждениях перед передним краем, которые показали, что начало наступления намечено на утро 5 июля.

С учетом этого войска были приведены в полную боевую готовность, осуществлено рассредоточение авиации, командиры и командующие заняли передовые командные пункты. Все с огромным напряжением ждали предстоящего удара врага.

Курская битва включает в себя два этапа: оборонительный и контрнаступление. Причем, все фазы битвы переплелись во времени и пространстве.

Оборонительная операция (5–23 июля)

Первым вопросом, который встал перед командованием фронтов — был вопрос о том, проводить или не проводить огневую контрподготовку. В случае ошибки решение могло повлечь за собой серьезные отрицательные последствия. Находившиеся на командных пунктах фронтов представители Ставки Г. К. Жуков и А. М. Василевский утвердили решения командующих и доложили Верховному. И. В. Сталин одобрил решения и приказал чаще информировать его о ходе событий.

5 июля, незадолго перед рассветом, на направлениях ожидаемых ударов в полосах обоих фронтов дважды с разрывом в один час советской артиллерией была проведена мощная артиллерийская контрподготовка, которая впервые осуществлялась во фронтовом масштабе по заранее разработанному плану. Фактор внезапности, на который так рассчитывало немецкое командование, был утерян.

В 5 час 30 мин ударные группировки 9-й немецкой армии, а в 6 час 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» перешли в наступление. Советские войска, окрепшие в предыдущих боях, твердо держались, до последнего отстаивая каждую позицию.

На орловско-курском направлении основной удар пришелся на 13-ю армию генерал-лейтенанта Н. П. Пухова. Здесь в течение 5 июля противнику ценой больших потерь удалось прорвать главную (первую) оборонительную полосу на ольховатском направлении и вклиниться на 6–8 км. Вспомогательный удар противника на Малоархангельск успеха не имел. На второй день сражения (6 июля) противник продолжал наступление главными силами на Ольховатку, пытаясь прорвать здесь вторую оборонительную полосу. Контрудар, нанесенный силами 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии

(19-й отдельный танковый корпус, потративший много времени на выдвигание, нанес удар только вечером), одной танковой бригады, двух полков самоходной артиллерии и 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии, поддержанных крупными силами артиллерии и авиации, остановил наступление противника на указанном направлении и вынудил его изменить план действий. На следующий день (7 июля) противник перенес центр тяжести своих усилий несколько восточнее — в направлении на станцию Поныри, введя в сражение дополнительно еще одну танковую дивизию. За этот пункт, обороняемый 307-й стрелковой дивизией, произошел ожесточенный бой. Противник, постепенно наращивая свои силы, ввел в сражение здесь более двух пехотных дивизий и большое количество танков. Части 307-й дивизии удержались на окраине Поньрей, а на следующий день выбили оттуда противника. Противник ввел две свежих танковых дивизии, и к 9 июля ему удалось продвинуться еще на 5–6 км, но достичь решающих успехов он не сумел. К исходу этого дня враг всюду был остановлен и, понеся огромные потери, перешел к обороне.

На белгородско-курском направлении еще 4 июля противник передовыми отрядами пытался сбить боевое охранение 6-й гвардейской армии. 5 июля вступили в действие его главные силы, нанося удары на двух направлениях — на Обоянь и Корочу. Основной удар пришелся на 6-ю гвардейскую армию под командованием генерал-лейтенанта И. М. Чистякова, а вспомогательный — по 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова. Уже в первый день Манштейн ввел в сражение большую часть имевшихся в его распоряжении сил. В результате, ценой тяжелых потерь, противнику за два дня удалось прорвать главную полосу обороны. Развернутые на второй полосе соединения вторых эшелонов на некоторое время сумели сдержать врага, но его наступление продолжалось. 7 июля противник на узком участке прорвал вторую полосу обороны и вклинился на обоянском направлении на 10–18 км. Создалась серьезная опасность его к Курску. В этой обстановке по решению Н. Ф. Ватутина 8 июля по обоим флангам главной группировки противника, наступавшей на обоянском направлении, были нанесены мощные контрудары силами резервов Воронежского фронта (были введены в сражение два танковых корпуса и две стрелковые дивизии 69-й армии генерала В. Д. Крюченкина), поддержанные всей авиацией фронта. Контрудары наших войск ослабили ударную группировку противника, вынудив немецкое командование израсходовать значительную часть сил на обеспечение флангов, и хотя к исходу 9 июля противник добился еще некоторого продвижения на обоянском направлении, в дальнейшем он вынужден был отказаться здесь от продолжения атак. Одновременно несколько продвинулись войска оперативной группы «Кемпф» от Белгорода

в направлении Корочи, что поставило под угрозу фланги 6-й и 7-й гвардейских армий.

Помимо указанных контрударов фронтовых резервов, крупную роль в отражении наступления противника на обоянском направлении сыграли действия 1-й танковой армии генерала М. Е. Каткуова, части которой использовались в обороне главным образом для отражения вражеских атак огнем с места, из окопов и укрытий.

В этот период произошло событие, которое нельзя не учитывать, рассматривая историю Курской битвы. 10 июля высадился крупный англо-американский десант на о. Сицилия. Остров обороняли 9 итальянских и 2 немецкие дивизии. Какое влияние окажет удар союзников на ход битвы под Курском, советское командование не знало. Однако натиск немцев не ослабевал. Как впоследствии стало известно, Гитлер, узнав о высадке союзных войск на Сицилию, заявил: «Операция „Цитадель“ будет продолжаться»². Более того, именно с 10 июля противник, не добившись успеха под Обоянью, решил повернуть свои главные силы на Прохоровку, рассчитывая сначала прорваться на восток, окружить оборонявшиеся здесь войска, а затем выйти к Курску с юго-востока. Одновременно еще одна ударная группировка противника наносила удар на Прохоровку с юга. 10–11 июля противник, осуществив перегруппировку танковых дивизий, несколько продвинулся в направлении Прохоровки, а на следующий день развернул здесь мощное танковое наступление.

Назрел критический момент операции. Иходя из этого в состав Воронежского фронта из резерва Ставки была передана 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова и 5-я гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова, которым было приказано нанести по противнику мощный контрудар. Одновременно на белгородско-харьковское направление стали выдвигаться и другие армии Степного фронта. 12 июля в районе Прохоровки разыгралось крупнейшее встречное танковое сражение, в котором приняло участие с обеих сторон около 1200 танков и крупные силы авиации. Ударная группировка противника понесла серьезные потери. По данным немецкого историка Лео Кесслера, только 2-й танковый корпус СС, наступавший непосредственно на Прохоровку, недосчитался 300 танков. Но и сражение под Прохоровкой не отрезвило Гитлера. Он требовал продолжать наступление на Востоке, хотя многим немецким генералам уже было ясно, что операция «Цитадель» провалилась³.

13–15 июля противник еще наступал на отдельных направлениях, стремясь расширить образовавшийся прорыв. На отдельных участках ему удалось несколько продвинуться вперед. Но в общем стало ясным, что наступательный порыв фашистских войск иссяк. Только тогда 17 июля Гитлер на совещании с генералитетом решил прекратить операцию «Цитадель». Он мотивировал это как началом контрна-

ступления советских войск на фланге танковой армии и отсутствием резервов, так и действиями союзников на Сицилии.

В конечном счете результатом оборонительного периода Курской битвы был срыв наступательного плана немецкого командования и истощение сил его ударных группировок вследствие понесенных потерь. Тем самым были созданы выгодные условия для перехода советских войск в контрнаступление.

Контрнаступление (12 июля — 23 августа)

Как уже отмечалось, одновременно с созданием прочной обороны на Курском выступе Ставка готовила войска Западного (командующий генерал-полковник В. Д. Соколовский), Брянского (командующий генерал-полковник М. М. Попов), Центрального, Воронежского и Степного фронтов к контрнаступательным операциям по планам, получившим кодовое наименование «Кутузов» и «Полководец Румянцев». Переход в контрнаступление предполагалось осуществить на всех направлениях по возможности одновременно. Однако практически получилось так, что все фронты начинали операции в различные сроки.

Наиболее благоприятная обстановка для нанесения ударов создалась против орловской группировки противника, где необходимые условия к переходу в контрнаступление сложились уже 10 июля.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования по разгрому этой группировки предполагал: на первом этапе операции расчленение группировки противника одновременными ударами наших войск на ряде направлений; на втором этапе планировалось концентрическими ударами войск Брянского и Центрального фронтов с севера, востока и юга окружить главные силы противника в районе Орла.

Всего для участия в Орловской наступательной операции из состава трех фронтов привлекалось 65 стрелковых дивизий, 9 танковых корпусов, 6 танковых бригад и 13 танковых полков. В них насчитывалось более 1286 тыс. человек, 2400 танков и САУ, более 21 тыс. орудий и минометов. Их действия должны были поддерживать более 3 тыс. боевых самолетов трех воздушных армий.

Этим силам в районе орловского выступа противостояли основные силы 2-й танковой и 9-й армий группы армий «Центр», включавшие 27 пехотных, 8 танковых и 2 моторизованные дивизии, часть из которых уже понесла значительные потери. Тем не менее в состав этой группировки противника входило до 600 тыс. человек, более 7 тыс. орудий и минометов, около 1200 танков и штурмовых орудий, свыше 1100 боевых самолетов.

Оценивая замысел операции «Полководец Кутузов» в целом, следует отметить: выгодное оперативное положение советских войск, охватывавших орловский выступ, не было должным образом использовано командованием для нанесения концентрических

ударов с целью окружения всей вражеской группировки на первом же этапе наступления, хотя, как свидетельствуют мемуарные источники, такая возможность обсуждалась в ходе планирования операции. Возможность реализации этой идеи обсуждалась в ходе планирования операции. Так, сторонником ее был командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-полковник Я. Н. Федоренко, предлагавший командованию Брянского фронта обратиться с соответствующим предложением в Ставку (однако себя эту инициативу Я. Н. Федоренко не решился!). Командование фронта, по признанию бывшего начальника штаба фронта генерала Л. М. Сандалова, не последовало совету «из чисто местнических интересов»⁴.

Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский впоследствии критически оценивали замысел операции с точки зрения именно этой нереализованной возможности. Г. К. Жуков, в частности, указал, что при формировании замысла операции имело место столкновение мнений, разрешение которого последовало на высшем уровне: его, Г. К. Жукова, предложение, поддержанное А. И. Антоновым, о значительном усилении левого крыла Западного фронта с тем, чтобы обеспечить успех маневра на окружение, не встретило поддержки И. В. Сталина. В конечном счете замысел операции был оставлен в первоначальном виде и при дальнейшем планировании идея окружения противника в орловском выступе реализована не была⁵.

Наступление войск левого крыла Западного и Брянского фронтов (11-й гвардейской и 61-й армий) началось 12 июля 1943 г. Через три дня перешел в контрнаступление Центральный фронт. С этого момента развертывалось контрнаступление на трех направлениях: болховском, орловском и кромском.

На болховском направлении наибольший успех в первые дни операции был достигнут войсками 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна. К исходу первого дня наступления эта армия прорвала две первые оборонительные полосы противника и вклинилась в оборону 2-й танковой армии немцев на 10–12 км при ширине фронта прорыва около 14 км. На второй день был преодолен третий оборонительный рубеж противника (последний на этом направлении). Прорыв был расширен до 25 км в глубину и до 23 км по фронту. Введенные в прорыв отдельные танковые бригады развивали успех в восточном направлении с целью обхода Болховской группировки противника и на юг с целью перехвата коммуникации Орел — Брянск.

С 14 июля противник начал стягивать резервы из глубины обороны и с других участков фронта, чтобы ликвидировать уже обозначившуюся угрозу окружения болховской группировки, и значительно усилил сопротивление на хотынецком направлении. Преодолевая сопротивление и отражая контратаки противника, наши войска продолжали развивать успех. 19 июля войска генерала И. Х. Баграмяна частью

сил вышли в район Руднево, Сурьянино в 13–14 км к юго-западу от Болхова, перерезав дорогу Болхов-Хотынец, а частью сил — в район Ильинское (в 13 км севернее Хотынца), создав угрозу перехвата коммуникации Орел — Брянск. Таким образом, на этом направлении за шесть дней наступления наши части с упорными боями продвинулись на 70 км.

Наступление 61-й армии генерала П. А. Белова в направлении на Болхов с северо-востока развивалось медленнее. К исходу 19 июля войска этой армии, преодолевая сопротивление значительных сил противника, продвинулись всего до 20 км в глубину, ширина прорыва достигала 70 км. В результате они охватили болховскую группировку немецких войск с севера и северо-востока.

Для противника создавалась критическая обстановка. Для ликвидации угрозы окружения командование группы армий «Центр» начало спешно перебрасывать войска с курского на орловское направление; подтягивать резервы с других участков фронта и из глубокого тыла. За семь дней с 12 по 18 июля сюда было переброшено семь танковых, моторизованная и четыре пехотные дивизии. Собрав таким образом крупные силы в основном танковых войск и поддержав их значительным количеством авиации, противник провел во второй половине дня 19 июля авиационную подготовку (около 1500 самолето-вылетов) и с утра 20 июля попытался нанести контрудар по войскам 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна, прорвавшимся к дороге Болхов — Хотынец в районе Руднево. Одновременно севернее Хотынца противник попытался отбросить наши войска к северу и ликвидировать угрозу коммуникации Орел-Брянск.

В ходе ожесточенных боев, продолжавшихся до конца июля, войска генерала И. Х. Баграмяна успешно отразили контратаки противника, нанеся ему тяжелые потери в живой силе и особенно в танках. Для обеспечения устойчивости правого фланга 11-й гвардейской армии и развития успеха на южном и юго-западном направлениях 20 июля в сражение была введена переданная в состав Западного фронта из резерва Ставки 11-я армия генерала И. И. Федюнинского, которая расширила прорыв севернее Хотынца в западном направлении, выйдя на подступы к Карачеву с севера. 26 июля в полосе наступления 11-й гвардейской армии И. Х. Баграмяна на Болхов была введена в сражение 4-я танковая армия генерала В. М. Баданова. Одновременно войска генерала П. А. Белова, продолжая развивать наступление, 22 июля завязали бой за Болхов, а к 30 июля полностью овладели им и завершили разгром болховской группировки противника. В то же время соединения Западного и Брянского фронтов глубоко охватили войска противника в районе Орла с северо-запада и на широком фронте нависли над главной коммуникацией этой группировки, приблизившись к ней на 10–12 км.

Одновременно с боевыми действиями на болоховском и хотынецком направлениях, развивалось наступление войск левого крыла Брянского фронта. Преодолевая сопротивление противника, войска фронта к исходу дня прорвали тактическую зону обороны и 16 июля вышли к тыловой оборонительной полосе противника. Однако все попытки прорвать этот рубеж, проходивший по р. Олешня, не увенчались успехом.

Оценив создавшуюся обстановку, командующий Брянским фронтом 19 июля ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию генерала П. С. Рыбалко. К концу дня войска левого крыла Брянского фронта прорвали оборону противника, преодолев р. Олешня и продвинувшись на 8–10 км, 23 июля вышли к рекам Ока и Оптуха. Но в дальнейшем 3-я танковая армия втянулась в тяжелые бои и не выполнила своих задач.

После двухдневной подготовки войска фронта возобновили наступление с рубежа рек Ока и Оптуха. Прорвав после тяжелых боев оборону противника, 3-я и 63-я армии начали охватывать район Орла с севера и с юга. Над орловской группировкой противника нависла угроза полного окружения, в связи с чем с 1 августа командующий группой армий «Центр» начал отводить ее из «мешка» на запад. Нанося противнику сильные удары и не давая ему возможности оторваться, войска генералов А. В. Горбатова и В. Я. Колпачки в ночь на 4 августа ворвались в Орел и к утру 5 августа полностью овладели этим крупным областным и индустриальным центром (в этот же день войска Воронежского фронта освободили Белгород). По приказу Верховного Главнокомандующего освобождение Орла и Белгорода было отмечено салютом в Москве. Это был первый салют победы в годы Великой Отечественной войны.

На кромском направлении войска 48-й, 13-й и 70-й армий Центрального фронта перешли в контрнаступление 15 июля. К 18 июля они полностью ликвидировали вклинение противника на курском направлении и восстановили положение.

Войска 9-й немецкой армии, последовательно обороняясь на заранее подготовленных позициях, оказывали ожесточенное сопротивление. Для ускорения продвижения войск Центрального фронта Ставка передала ему в оперативное подчинение 3-ю гвардейскую танковую армию. Центральный фронт 5 августа вышел к Кромам и на следующий день освободил этот город, а 17 августа вместе с войсками Брянского фронта выдвинулся к заранее подготовленному противником оборонительному рубежу «Хаген», где и был временно остановлен.

Большую помощь войскам Красной Армии во время всего наступления на орловском направлении оказали партизаны Орловской области. В дни Курской битвы войска Брянского фронта, используя обширные территории в брянских лесах, контролируемые партизанами, продвинулись за 2–3 дня на 60–100 км⁶. Штаб партизанского движения при

полевым управлением Брянского фронта имел связь с восемью партизанскими отрядами, а те, в свою очередь, через радиоузел штаба фронта поддерживали контакты со 101-м и 62-м авиационными корпусами и оперативной группой Центрального штаба партизанского движения⁷.

Итогом 37-дневного наступления советских войск на орловском направлении, прежде всего, был разгром крупнейшей группировки войск противника. В ходе боев с 12 июля по 18 августа было разбито до 15 немецких дивизий, другие дивизии оказались значительно ослабленными. Был ликвидирован важный в стратегическом отношении, сильно укрепленный оборонительный плацдарм противника, прикрывавший брянское направление. Овладев этим плацдармом, наши войска получили возможность дальнейшего развития наступления, что и было в дальнейшем осуществлено.

Несколько иначе развивалось контрнаступление советских войск на Белгород-Харьковском направлении (операция «Полководец Румянец»).

Немецкое командование расценивало район Белгорода-Харькова как важнейший подступ к Украине и ключ к Донбассу.

Группировка противника в районе Харькова и Белгорода имела к началу августа в своем составе 18 дивизий, в том числе четыре танковые дивизии 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф». Общая численность этой группировки, с учетом частей усиления и тыла, доходила до 300 тыс. человек, свыше 3 тыс. орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий, с воздуха она поддерживалась 4-м воздушным флотом, имевшим в своем составе более 1 тыс. самолетов.

По замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, план по разгрому этой группировки состоял в нанесении мощного удара силами Воронежского и Степного⁸ фронтов с расчетом исключить сложную перегруппировку войск. Удар предполагалось нанести смежными флангами этих фронтов из района северо-западнее Белгорода в общем направлении на Богодухов, Харьков, Валки, Нов. Водолага с целью рассечения противника, последующего охвата и разгрома главных сил группы армий «Юг» в районе Харькова.

Кроме того, планировались три вспомогательных удара. 27-я и 40-я армии генералов С. Г. Трофименко и К. С. Москаленко наносили удар из района Красная Яруга в юго-западном направлении на Боромлю и Ахтырку, с задачей обеспечения левого фланга основной ударной группировки. Одновременно войска генерала С. Г. Трофименко и войска главной ударной группировки фронта частью сил своих смежных флангов должны были охватить с двух сторон и уничтожить противника в районе Борисовки.

Другой вспомогательный удар наносила 7-я гвардейская армия генерала М. С. Шумилова южнее Белгорода с целью облегчения войскам правого

крыла Степного фронта прорыв обороны противника и овладение сильным узлом его обороны, который представлял Белгород.

Третий вспомогательный удар наносила 57-я армия генерала Н. А. Гагена, входившая в состав Юго-Западного фронта (с 8 августа переданная в состав Степного фронта), из района Мартовья на запад в общем направлении на Мерепу.

Таким образом, основная идея замысла состояла в рассечении белгородско-харьковской группировки противника мощным фронтальным ударом из района северо-западнее Белгорода.

3 августа после артиллерийской и авиационной подготовки соединения армий генералов И. М. Чистякова, А. С. Жадова, И. М. Манагарова и В. Д. Крючкина перешли в контрнаступление. На направлении действий войск правого крыла Воронежского фронта наступление развивалось весьма успешно. Введенные в сражение в середине первого дня 1-я и 5-я гвардейские танковые армии завершили прорыв тактической зоны обороны противника и уже к исходу этого дня вклинились в его оборону до 26 км. К исходу 5 августа 1-я танковая армия, значительно опередив общевойсковые соединения, углубилась в оборону противника в направлении на Богодухов на 100 км.

К концу этого же дня войска генералов К. С. Москаленко и С. Г. Трофименко (40-я и 27-я армии), прорвав оборону противника, продвинулись на 8–20 км. В это время войска 53-й и 69-й армий, совместно с 7-й гвардейской армией, овладели городом Белгород и продолжали продвигаться вдоль западного берега Северского Донца на Харьков.

В течение 6 и 7 августа 6-я гвардейская армия нанесла поражение соединениям противника в районах южнее Томаровки и Борисовки. При этом были уничтожены остатки трех пехотных и одной танковой дивизии немцев.

Продолжая развивать успех, 1-я танковая армия, значительно оторвавшись от пехоты (до 40 км), 7 августа овладела Богодуховым, а 11 августа — Высокопольем и перерезала в этом районе основную коммуникацию харьковской группировки противника — железную дорогу Харьков-Полтава.

Одновременно с этим 7-я гвардейская, 53-я и 69-я армии Степного фронта, а также переданная в состав Степного фронта 5-я гвардейская танковая армия, выйдя 11 августа к внешнему обводу Харькова, приступила к его прорыву, а юго-восточнее Харькова 57-я армия генерала Н. А. Гагена, форсировав Северский Донец, постепенно продвигалась к городу с запада. Таким образом, 11 августа харьковская группировка противника оказалась охваченной с трех сторон, а дальнейшее продвижение 1-й танковой армии генерала М. Е. Катюкова создало для нее угрозу полного окружения. Войска генералов К. С. Москаленко и С. Г. Трофименко в это же время вышли на рубеж Боромля, Тростянец, Краснокутск, а передовые отряды этих армий завязали бои за Ахтырку и Котельву.

В создавшейся обстановке противник, подтянув на харьковское направление крупные резервы (три танковые дивизии СС: «Райх», «Мертвая голова» и «Викинг»), 11–17 августа в районе Богодухова и Высокополья предпринял сильный контрудар по флангам 1-й танковой армии, пытаясь обойти ее и отрезать от тыла. Этот маневр, однако, при содействии соединений 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова и подошедших частей 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова был сорван. Контрудар удалось отбить. Тем не менее противник повторил попытку сорвать наступление войск, обходивших Харьков. С 15 августа командование группы армий «Юг» приступило к созданию новой, еще более мощной контрударной группировки своих войск, в том числе в составе трех танковых и одной моторизованной дивизии в районе Ахтырки для удара на Богодухов, танковой дивизии СС «Мертвая голова» для удара с юга в тыл нашим войскам, вышедшим в район Калитвы и двух дивизий в районе Полтавы для действий с запада. С 18 августа в этих районах развернулись тяжелые бои. Противнику на ряде направлений удалось потеснить наши войска, но уже 19 августа он был остановлен. Большую роль в этом сыграла 47-я армия генерала П. П. Корзуна, заблаговременно введенная в сражение и начавшая продвигаться в тыл ахтырской группировке врага. С 20 августа советское командование, подтянув резервы, нанесло ответные удары. Охваченная с трех сторон войсками Воронежского фронта ахтырская группировка оказалась под угрозой глубокого обхода и 20–23 августа была разгромлена. Ее остатки откатились в юго-западном направлении. 25 августа войска генерала С. Г. Трофименко вновь заняли Ахтырку, а 47-я армия овладела Зеньковым.

Таким образом, в результате ожесточенных встречных сражений, разыгравшихся с 11 по 23 августа в обширном районе западнее Харькова, попытки противника остановить наступление наших войск были сорваны и его контрударные группировки разбиты. В руках врага осталась единственная дорога из Харькова на Мерепу. Поэтому 22 августа немецкое командование начало отводить свои войска из района Харькова. Вечером 22 августа командующий Степным фронтом генерал И. С. Конев отдал приказ на ночной штурм города и на следующий день 23 августа Харьков был освобожден. На этом закончилось контрнаступление советских войск на белгородско-харьковском направлении. В ходе его армии Воронежского и Степного фронтов продвинулись в глубину на 140–150 км и разгромили 15 дивизий противника, из них 4 танковые. Были созданы благоприятные условия для освобождения Левобережной Украины и выхода на Днепр.

Победа под Курском имела огромное политическое и военное значение. Битва развернулась на фронте от 400 до 550 км. В ней участвовали с обеих сторон громадные силы — до 300 дивизий, более 4 млн. чело-

■

век, свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и самоходных орудий, до 12 тыс. боевых самолетов. В итоге была сорвана последняя попытка врага развернуть крупное стратегическое наступление на восточном фронте. Его наступательная стратегия потерпела полный крах. С этого времени враг был вынужден взять курс на затяжную войну и оборонительную стратегию. В ожесточенных сражениях были полностью разгромлены 30 отборных дивизий врага, в том числе 7 танковых. Но потери наших войск были исключительно велики: они составили 863 тыс. человек, в том числе 254 тыс. безвозвратные, что почти в 4 раза превысило потери противника (245 тыс., в том числе 57,7 тыс. безвозвратные)⁹. Столь же значительной была и диспропорция потерь боевой техники: советские войска потеряли более 6 тыс. танков и 1600 самолетов, тогда как потери врага составили 1300 танков и около 1 тыс. самолетов¹⁰.

К причинам неблагоприятного для советских войск соотношения потерь в Курской битве относятся промахи в руководстве войсками на оперативно-стратегическом уровне: отказ от ведения операций на окружение (особенно в Орловской, а также в Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операциях); нанесение фронтальных ударов по сильным группировкам противника; опоздание и неудачный выбор направлений ввода стратегических резервов на северном фазе Орловской дуги (11-й и 4-й танковой армии); неудачное применение советских танковых объединений — фронтальные атаки против танковых группировок противника (4-я и 5-я гвардейская танковые армии), использование 3-й гвардейской танковой армии для самостоятельного прорыва укрепленной обороны противника в Орловской наступательной операции; а также применение противником нового вооружения (88-мм танковая пушка танка Т-VI «Тигр» и штурмового орудия «Фердинанд» против 76-мм пушки танков Т-34 и КВ). Не было также принято достаточных мер для нарушения сосредоточения и развертывания противника, укрепления стыков; группировка войск на направлении главного удара группы армий «Юг» оказалась чрезмерно растянутой; не полностью использовались возможности обороны; не все военачальники оказались на должной высоте.

Однако урон вермахта, особенно в бронетанковой технике, был гораздо более чувствительным. Как пишет английский историк М. Хили, «немцы признали тот факт, что их потери в Курской битве стали решающим фактором исхода войны на Востоке. А так как Восточный фронт был главным театром войны в Европе, то отсюда следует, что именно Курск означал для немцев проигрыш всей войны»¹¹.

Провал летнего наступления вермахта навсегда похоронил миф, созданный фашистской пропагандой о «сезонности» советской стратегии, о том, что Красная Армия способна наступать только зимой. Курская битва привела к дальнейшему изменению

соотношения сил на фронте, окончательно закрепила стратегическую инициативу в руках советского командования, создала благоприятные условия для развертывания общего стратегического наступления советских войск, позволила перейти к более решительной стратегии, ускорить освобождение советской земли. До конца войны было далеко. Но она уже проходила в других условиях. «Если психологический перелом в Красной Армии произошел после Сталинграда, — пишет английский историк Р. Кросс, — то после Курска советские войска не только овладели инициативой, чтобы уже не отдавать ее, но и демонстрировали свое постоянно растущее материальное превосходство»¹².

В ходе Курской битвы советское командование успешно решило ряд проблем военного искусства. Сложилась и была осуществлена сложная система крупных операций: оборонительных, контр наступательных, воздушных и противовоздушных. Были разработаны способы организации преднамеренной обороны для срыва наступления врага. Получили дальнейшее развитие организация и поддержка взаимодействия между группами фронтов, применение стратегических резервов. Был приобретен опыт маскирования сил и средств на решающих направлениях, использования танковых армий однородной структуры в качестве вторых эшелонов фронтов в оборонительных операциях и подвижных групп в наступлении. Советская авиация в воздушных сражениях под Курском завоевала стратегическое господство в воздухе, сохранив его до конца войны.

«Советы удерживали в своих руках все факторы, влиявшие на исход битвы, — подчеркивает М. Хили. — Они определяли места и формы боевых действий. Несмотря на допускавшиеся ошибки (которые они признают) Красная Армия быстро исправляла их...»¹³.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что значение победы на Курской дуге выходит далеко за пределы советско-германского фронта и вообще «войны на Востоке». Ее роль во второй мировой войне и влияние на весь последующий ход событий огромны. Проведенная через полгода после Сталинградской битвы, битва на Курской дуге наглядно показала всему миру, что крах гитлеровской Германии неизбежен.

Победа под Курском нанесла тяжелый удар престижу гитлеровской верхушки в самой Германии.

Глубину катастрофы, постигшей немецко-фашистский вермахт в Курской битве, и всю серьезность ее последствий понимали в ставке Гитлера. «Инициатива полностью перешла к русским, а немецкая армия потеряла, во-первых, подвижность, а, во-вторых, в дальнейшем больше не получила возможности восстановить свои потерянные кадры»¹⁴.

Курская битва и наступление Красной Армии к Днепру создали чрезвычайно благоприятную обстановку для союзнических войск. Огромные потери

на восточном фронте в ходе Сталинградской и Курской битв заставили гитлеровское командование перебрасывать туда все новые и новые соединения с Запада. В течение 1943 г. на Восточный фронт было направлено 46 немецких дивизий¹⁵. Чтобы высвободить эти соединения, немцам пришлось отвести свои войска из Южной Италии на оборонительные рубежи в северной части страны и заменить танковые дивизии на итальянском фронте разбитыми на Востоке

пехотными дивизиями. Это позволило англо-американским войскам почти беспрепятственно вступить в Италию и продвинуться до ее центральных районов.

Таким образом, победа советских войск в Курской битве и их последующий выход к Днепру завершил коренной перелом не только в Великой Отечественной войне, но и во второй мировой войне, явилась выдающейся страницей в военной истории нашего государства.

¹ Cross R. Citadel: The battle of Kursk. L., 1993. P. 97.

² КТВ/ОКВ. Bd. 3. S. 765.

³ Ibid. S. 804.

⁴ Сандалов Л. М. На московском направлении. М., 1970. С. 335, 337, 343–344.

⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 3. С. 71–72; Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1984. С. 217–219.

⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 790. Л. 168. (далее: РЦХИДНИ).

⁷ Там же. Д. 151. Л. 27–28.

⁸ Степной фронт был введен в сражение в ночь на 19 июля 1943 г. в составе 27-й, 53-й, 69-й, 7-й гвардейской и 5-й воздушной армий. Входившие ранее в его состав 5-я гвардейская и 5-я гвардейская танковая армии были переданы в состав Воронежского фронта в ходе оборонительного сражения; 47-я и 4-я гвардейская армии были выведены из состава Степного фронта в резерв Ставки ВГК. 69-я армия вошла в Степной фронт из состава Воронежского фронта. 27-я армия с 20 июля была передана в Воронежский фронт.

⁹ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 188–190; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12526. Д. 1891–1895; Deutschland in Zweiten Weltkrieg. B., 1979. Bd. 3. S. 587, 588.

¹⁰ Гриф секретности снят... С. 370; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1939–1945. М., 1976. Т. 3. С. 176, 285, 286; Расчеты к.и.н. С. И. Феоктистова, 1993 (пук.). Hahn F. Waffen und Geheim Waffen des Deutschen Heeres, 1933–1945. Bd. 2. S. 240, 317; Murrey W. Luftwaffe. L.; Sidney, 1985. P. 138.

¹¹ Healy M. Kursk, 1943. L., 1992. P. 90.

¹² Crass R. Op. cit. P. VIII.

¹³ Healy M. Op. cit. P. 90.

¹⁴ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 637.

¹⁵ Соловьев Б. Г. Вермахт на пути к гибели. М., 1973. С. 265.

Освобождение стран Европы и Азии

Е. Н. Кульков*

Максимальных успехов агрессоры достигли в Европе, Азии и Африке к осени 1942 г. В Европе они оккупировали, напомним, 12 стран (Австрию, Чехословакию, Албанию, Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Люксембург, Францию, Югославию, Грецию), а также часть территории СССР с населением 80 млн. человек, достигли Сталинграда и предгорий Кавказа на востоке и атлантического побережья — на западе. В Азии японские войска оккупировали обширную территорию Китая, Французский Индокитай, Малайю с крепостью Сингапур, Бирму, Таиланд, Гонконг, нынешнюю Индонезию и Филиппины, большую часть Соломоновых островов, вышли на подступы к Австралии и Индии. Итало-немецкие войска в Северной Африке оккупировали территорию от Туниса до границы Египта. Разработка директивы № 32, других немецких и японских документов свидетельствует, что агрессоры готовились к завоеванию Среднего Востока, а затем Индии, где предполагалась встреча германских и японских войск. Вслед за «решением английской проблемы» они намеревались «устранить влияние англосаксов» на Американском континенте. Армиям антигитлеровской коалиции, поддержанным движением Сопротивления в странах Европы и Азии, потребовалось более трех лет ожесточенных сражений, чтобы добиться перелома в войне и освободить страны и территории, оккупированные агрессорами.

В Европе это было достигнуто совместными усилиями вооруженных сил СССР, Великобритании и США, при решающем вкладе в освобождение Европейского континента Красной Армии. В Азии основное противоборство развернулось между США и Японией. В Африке — между английскими и итало-немецкими войсками, при участии с конца 1942 г. войск США.

Жизнь сотен миллионов людей была подчинена иноземной военной силе. Террор, геноцид, подавление любых форм национального сопротивления были характерными чертами установленного в оккупированных странах фашистско-милитаристского «нового порядка».

Остановимся подробнее на освободительной миссии Советского Союза, с которой с первых дней Великой Отечественной войны связывали свои надежды люди самых различных слоев населения многих стран мира.

Бернард Шоу писал 17 июля 1941 г. в Москву Александру Фадееву: «...Гитлер бросил перчатку, как поборник своей идеи, и Россия поднимает эту перчатку, как поборник другой, несравненно более могучей идеи. Когда Россия сокрушит Гитлера, она станет духовным центром мира... Помните, что наша цивилизация стоит сейчас перед поворотным пунктом, которого ей еще никогда не удавалось преодолеть. И на этот раз Россия должна повести нас вперед или погибнуть».

Советский Союз не отделял свою борьбу против нацизма от борьбы других народов за свое национальное освобождение. Эта позиция получила подтверждение в заявлении советского правительства от 24 сентября 1941 г. в связи с подписанной незадолго до этого президентом США и премьер-министром Великобритании Атлантической хартии. СССР выразил свое согласие с целями ведущейся войны против агрессивного блока, равно как и с основными принципами послевоенного устройства мира. Советское руководство гарантировало полную поддержку права всех поработанных народов на восстановление своей государственной независимости и суверенное развитие.

Победы Красной Армии под Москвой, Сталинградом и Курском ознаменовали коренной поворот в Великой Отечественной войне. Осенью 1943 г.

* Евгений Николаевич Кульков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

советские войска форсировали Днепр и начали быстрое продвижение по территории Правобережной Украины. Как руководству государств оси, так и лидерам союзных СССР держав стало понятно, что не далек тот день, когда Красная Армия выйдет к своим довоенным границам и начнет изгнание вражеских войск с территорий европейских стран. В это время в правящих кругах Англии и США возникли опасения, что дальнейшее наступление советских армий в Румынии, Польше и других государствах Центральной и Юго-Восточной Европы может привести к значительному укреплению позиций Москвы в этом регионе. Особенное беспокойство по этому поводу выражал Лондон, считавший СССР своим геополитическим соперником в борьбе за влияние на континенте, в первую очередь на Балканах и в Польше. Тем не менее все возрастающая военная мощь Советского Союза вынудила Великобританию умерить свои имперские амбиции. Более того, общественность западных стран с энтузиазмом воспринимала каждый новый успех Красной Армии, происходивший на фоне пока еще отсутствовавшего второго фронта во Франции.

26 марта 1944 г. советские войска на ряде участков вышли к реке Прут, по которой проходила государственная граница между СССР и Румынией. Ситуация на советско-германском фронте складывалась таким образом, что Красной Армии предстояло теперь вести бои на территории союзницы нацистской Германии. Еще до вступления советских войск в глубь Европейского континента перед Москвой возникла проблема, как относиться к тем странам, которые открыто участвовали в мировой войне на стороне Германии. Необходимо было изначально определить свою политику по отношению как к Румынии, так и к другим государствам — сателлитам третьего рейха.

2 апреля было опубликовано заявление советского правительства, в котором говорилось, что Красная Армия будет и дальше преследовать германские и союзные им румынские соединения вплоть до полного их разгрома и капитуляции.

В документе подчеркивалось, что Москва «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии...». В то же время СССР стремился использовать все возможности, чтобы вывести Румынию из войны политическими средствами. Сами румыны должны были способствовать изгнанию со своей территории немецких войск.

Подобным образом СССР рассчитывал добиваться вывода из войны и остальных стран, сражавшихся на стороне Германии. Свою позицию он согласовал с правительствами США и Великобритании.

13 мая было опубликовано совместное заявление правительств трех ведущих держав антигитлеровской коалиции, обращенное к Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии. В нем говорилось, что эти страны имеют возможность сократить сроки европейской

войны путем разрыва с Германией и сопротивления всеми средствами нацистским силам, решить, «намерены ли они упорствовать в их нынешней безнадежной и гибельной политике препятствования неизбежной победе союзников, хотя для них еще есть время внести вклад в эту победу».

Тон этого заявления отражал сложившиеся к тому времени реалии военно-политической ситуации в Европе. Перечисленные в документе страны находились во вражеском лагере, поэтому основной задачей держав антигитлеровской коалиции был вывод их из войны на стороне Германии. Причем если это было недостижимо с помощью политических мер, то у Красной Армии не оставалось другого выхода, как вступать на их территории как на территории вражеских государств. Расчет сводился к тому, что угроза полного военного разгрома, новые тяжелые потери подвигнут правительства стран — сателлитов Германии прекратить боевые действия против СССР и его союзников и повернуть оружие против нацистов.

Положение каждой из сторон — сателлитов фашистско-милитаристского блока не было однозначным. Так, Болгария, хотя и являлась союзницей Германии, в войне против СССР не участвовала. Войну СССР, кроме Германии, объявили также Италия, Румыния (22 июня 1941 г.), Финляндия (26 июня), Венгрия (27 июня). К ним присоединились созданные гитлеровцами марионеточные правительства Словакии, Хорватии и Норвегии. Всего гитлеровцы привлекли в вермахт 1800 тыс. человек из оккупированных стран.

Вступление Красной Армии в пределы государств, оказавшихся против своей воли под немецкой оккупацией — Польши, Чехословакии, Югославии, Норвегии, Дании (остров Борнхольм), — происходило, как правило, на основе двусторонних соглашений либо с правительствами этих стран, находившихся в эмиграции, либо с руководящими силами движения Сопротивления.

С самого начала Великой Отечественной войны СССР активно помогал развертыванию на их территории национально-освободительного движения. Так, в советском тылу были сформированы польские и чехословацкие соединения, которые затем сражались на советско-германском фронте и принимали участие в освобождении своей родины от агрессоров; советское оружие поставлялось партизанам Югославии. Освобождение каждой из оккупированных стран также имело свои особенности. В Югославии войска Красной Армии осуществляли тесное взаимодействие с уже закаленной в тяжелых боях Народно-освободительной армией Югославии под командованием И. Броз Тито. В стране с 1941 г. существовали обширные партизанские районы, очищенные от противника усилиями самих югославов.

В Польше ситуация складывалась по-иному. Вооруженные отряды Армии Крайовой, подчиненные эмигрантскому правительству в Лондоне, избе-

гали сотрудничества с Красной Армией. В результате того, что внутри самого польского движения Сопротивления не удалось достигнуть компромисса между различными политическими силами, первое послевоенное правительство Польши было сформировано в Москве. Его основу составили представители Союза польских патриотов — общественной организации поляков, находившихся в годы войны в СССР.

Отдельную страницу освободительной миссии советских Вооруженных Сил в ходе второй мировой войны занимают действия Красной Армии против японских сил в августе 1945 г. Вступление СССР в войну против Японии было обусловлено рядом предыдущих договоренностей, достигнутых ведущими державами антигитлеровской коалиции. Вместе с тем наряду с союзническим долгом участие Советского Союза в войне против Японии было обусловлено территориальными интересами страны в этом регионе, помощью китайскому и корейскому народам в избавлении от вражеской оккупации.

***

Разделить Великую Отечественную войну Советского Союза на две части, одна из которых велась на советской территории, а другая — за рубежом, можно лишь чисто условно. И до и после перехода нашими армиями границ СССР политика страны и действия Вооруженных Сил были подчинены единой цели — разгрому захватчиков, освобождению оккупированных ими стран и территорий. Примечательно, что освобождение Красной Армией европейских государств началось весной 1944 г., т. е. еще раньше, чем были очищены от противника многие районы, входившие до 22 июня 1941 г. в состав Советского Союза. Так, литовский порт Клайпеда был взят советскими войсками 28 января 1945 г., а немецкая группировка в Курляндии (Латвия) сдалась в плен только 9 мая 1945 г. Такое положение дел объясняется чисто военными причинами. Советскому командованию необходимо было учитывать быстро меняющуюся обстановку на фронте, маневрировать силами, наносить противнику мощные удары прежде всего на тех участках, где это было обусловлено стратегической необходимостью.

Первой из зарубежных стран, куда вступила Красная Армия, как уже отмечалось, была Румыния. С ходу форсировав Прут, войска 2-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза И. Конев) 27 марта 1944 г. заняли плацдарм на его западном, румынском, берегу. До середины мая войска фронта освободили 800 городов и сел северо-восточной Румынии и вышли к предгорьям Карпат. Затем до второй половины августа они вели бои за удержание освобожденных районов. Потери фронта за апрель — август 1944 г. составили только убитыми 16 тыс. человек.

Между тем активизировались попытки диктаторского режима маршала И. Антонеску договорить-

ся с США и Великобританией о введении войск западных союзников на румынскую территорию еще до начала нового наступления Красной Армии. Однако ни США, ни Великобритания не пошли на эту сделку. В Вашингтоне и Лондоне понимали, что им не удастся решить судьбу Румынии за спиной СССР. 12 апреля 1944 г. румынскому эмиссару князю Б. Штибрею, прибывшему в Каир для переговоров с представителями антигитлеровской коалиции, были вручены выработанные советским правительством и одобренные руководством США и Великобритании условия перемирия. Они предусматривали разрыв Румынией отношений с Германией, ее вступление в войну на стороне антигитлеровской коалиции в качестве независимого и суверенного государства, восстановление советско-румынской границы 1940 г., возмещение Румынией ущерба, который она причинила СССР военными действиями и оккупацией части его территории (Бессарабии и ряда областей Южной Украины, включая Одессу), возвращение всех военнопленных и интернированных, обеспечение свободного перемещения войск союзников по румынской территории. Со своей стороны советское правительство выражало согласие на аннулирование навязанного Румынии Германией в 1940 г. так называемого Венского арбитража, по которому она вынуждена была передать Венгрии Северную Трансильванию.

Для румынского диктатора Антонеску условия перемирия оказались неприемлемыми. Он продолжал настаивать на вводе в страну англо-американских войск, полагая, что таким образом ему удастся сохранить за собой власть и избежать возмездия за соучастие в агрессии против СССР. В этой ситуации наиболее трезво мыслящие национальные политики встали на путь сотрудничества с румынской компартией (РКП), которая неизменно выступала за свержение профашистского режима и немедленное прекращение войны с Советским Союзом.

В мае 1944 г. представители компартии установили контакты с королем Михаем и его ближайшим окружением, которые дали согласие на арест Антонеску.

В июне 1944 г. по инициативе РКП, поддержанной представителями румынского военного командования, началась подготовка восстания с целью свержения диктаторского режима.

Одновременно в Берлине нарастала тревога по поводу вероятности разрыва отношений с Бухарестом. В начале августа германское командование стало готовиться к осуществлению плана полной оккупации Румынии (кодовое наименование — «Маргарита II»). 15 августа командующий группой армий «Южная Украина» генерал Г. Фриснер получил из ставки Гитлера полномочия взять на себя руководство всеми немецкими военными формированиями в Румынии и по мере необходимости привести план «Маргарита II» в исполнение.

Однако руководству вермахта так и не удалось осуществить свой замысел. 20 августа началась Яско-Кишиневская операция войск 2-го и 3-го Украинских фронтов против немецких соединений группы армий «Южная Украина». Ее целью было завершить освобождение Советской Молдавии и вывести Румынию из войны на стороне нацистской Германии.

Умелые действия советских армий в Яско-Кишиневской операции сыграли решающую роль в изгнании немецких войск с румынской территории и переходе Румынии на сторону союзников по антигитлеровской коалиции. В результате операции с 20 по 29 августа 1944 г. были уничтожены 22 немецкие дивизии, в том числе 18 дивизий, оказавшихся в окружении, а также разгромлена почти вся румынская армия. Диктаторский режим лишился вооруженной опоры в стране, что создавало благоприятные условия для победы народного восстания, начавшегося 23 августа 1944 г. В этот день маршал Антонеску был арестован по приказу короля Михая, а румынские войска бухарестского гарнизона приступили к блокированию немецких штабов и других военных объектов вермахта. Уже к вечеру было сформировано новое правительство страны во главе с адъютантом короля генералом К. Санатеску. Оно выступило за немедленное прекращение войны против антигитлеровской коалиции и объявило о начале войны с Германией.

Попытки командующего группой армий «Южная Украина» Фриснера подавить вооруженное восстание в Бухаресте оказались тщетными. У немцев не было сил, чтобы противостоять повстанцам: наиболее боеспособные части вермахта были уничтожены под Кишиневом и Яссами. К 28 августа Бухарест был полностью очищен от германских войск. 31 августа в освобожденный патриотами город вступили соединения 2-го Украинского фронта. В первых колоннах двигались части 1-й румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску, которая в 1943 г. была сформирована из румынских военнопленных в СССР и включена в состав фронта. Население Бухареста восторженно приветствовало войска освободителей.

12 сентября в Москве состоялось подписание условий перемирия, предъявленных Румынии в апреле 1944 г. К этому времени против немецких войск наряду с соединениями 2-го и 3-го Украинских фронтов вели борьбу уже две румынские армии — 1-я и 4-я. Совместными усилиями они 25 октября 1944 г. завершили полное освобождение страны. В боях за освобождение Румынии общие потери советских войск составили 286 тыс. человек, в том числе 69 тыс. убитыми. Румынские войска с 23 августа по 30 октября 1944 г. потеряли 58 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

В связи с приближением в середине июля 1944 г. советских войск к границам Польши остро встал вопрос о пути ее развития после освобождения частями

Красной Армии. Следует подчеркнуть, что польская проблема стала к тому времени одной из наиболее сложных во взаимоотношениях между СССР и западными союзниками. Попытки Москвы наладить сотрудничество с польским эмигрантским правительством в Лондоне с целью координации усилий в освобождении Польши были безуспешны. На пути установления взаимопонимания прежде всего было требование польского эмигрантского правительства о восстановлении между двумя государствами границы по состоянию на 1 сентября 1939 г. Советскому руководству предлагалось отказаться от воссоединения с СССР Западной Украины и Западной Белоруссии.

Серьезный удар двухсторонним отношениям нанесла и эвакуация в середине 1942 г. более чем 100-тысячной польской армии генерала В. Андерса, сформированной в 1941 г. из поляков, находившихся в то время на советской территории. Тем самым было нарушено соглашение об участии этой армии в боевых действиях на советско-германском фронте. Из оставшихся в Советском Союзе поляков советское командование сформировало новую 1-ю польскую армию во главе с полковником Э. Берлингом. Отношение эмигрантского правительства Польши в Лондоне к СССР приняло фактически враждебный характер, после того как весной 1943 г. германское радио заявило, что на оккупированной вермахтом территории Советского Союза — в Катынском лесу под Смоленском — найдены тела расстрелянных НКВД в 1940 г. интернированных польских военнослужащих. В то время как в Москве опровергли немецкую версию, польское правительство в Лондоне опубликовало заявление об ответственности за преступление в Катыни советского руководства, что привело к временному разрыву отношений СССР с польским эмигрантским правительством.

1 января 1944 г. в Варшаве (в подполье) была образована и начала действовать промосковская Крайова Рада Народова (КРН) — политическое представительство национального фронта, созданного для борьбы против оккупантов. КРН поддерживала позицию СССР в вопросе о послевоенных границах Польши, выступала за тесное польско-советское сотрудничество, оспаривала право лондонского эмигрантского правительства выступать от имени всего польского народа.

КРН обратилась с приветствием к воинам 1-го Украинского фронта (с мая 1944 г. командующий — Маршал Советского Союза И. Конев), форсировавшим Западный Буг и вступившим 17 июля 1944 г. на польскую территорию. 21 июля КРН при содействии советского руководства был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО) — временный орган исполнительной власти. 22 июля ПКНО издал манифест, в котором призвал всех поляков сотрудничать с Красной Армией по освобождению своей страны. 26 июля в Москве было подписано соглашение между правительством СССР и ПКНО, соглас-

но которому последнему передавалась вся полнота власти на освобожденной Красной Армией польской территории, после того как она переставала быть зоной военных действий». Советское правительство обменялось с ПКНО, находившимся вначале в Хельме, а затем в Люблине, официальными представителями.

Между тем наступление советских войск в Восточной Польше продолжалось. В ходе завершающего этапа Белорусской операции, продолжавшегося до конца августа 1944 г., Красная Армия освободила примерно одну четвертую часть польской территории. Более 5 млн поляков, проживавших восточнее Вислы, были вызволены из нацистского рабства. Большинство местного населения встречало советских солдат исключительно радушно. Согласно донесению политуправления 1-го Украинского фронта от 6 августа 1944 г. навстречу передовым отрядам Красной Армии выходили почти все жители освобожденных городов и поселков. «Поляки, — отмечалось в документе, — выносят нашим бойцам воду и молоко, угощают ягодами, преподносят цветы и горячо выражают благодарность за освобождение от фашистского ига, под которым они находились пять лет».

Однако часть польского населения была настроена против Советского Союза. Командование руководимых из Лондона партизанских формирований, входивших в состав Армии Крайовой (АК), пыталось силой захватить власть на освобожденной территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Регулярным частям Красной Армии, подразделениям НКВД приходилось вступать с отрядами АК в прямое вооруженное столкновение. В конце июля 1944 г. Армия Крайова получила из Лондона приказ овладеть столицей Польши Варшавой еще до того, как туда войдут советские войска. Тем самым лондонское правительство вынуждало СССР признать его единственно законным правительством Польши.

Между тем немцы не собирались просто так сдавать Варшаву. Они перебросили крупные силы на варшавское направление против наступающих соединений Красной Армии и одновременно предприняли активные шаги по блокированию начавшегося 1 августа восстания отрядов АК в польской столице. Положение повстанцев, к которым присоединились тысячи горожан, вскоре стало критическим. Их потери в ходе восстания оцениваются в 22–25 тыс. человек, более 11 тыс. сдались немцам в плен. Число жертв среди гражданского населения за этот период было еще большим — от 150 до 200 тыс. погибшими и пропавшими без вести.

Окончательное освобождение территории Польши произошло только в следующем, 1945 г. Начавшаяся в январе 1945 г. Висло-Одерская операция, в ходе которой была освобождена и Варшава, до основания потрясла оборону немецкой группы армий «А». Пройдя на запад свыше 500 км, советские войска освободили западную часть Польши и на ряде участков вышли к Одеру. Территории Силезии,

Восточной Померании, южных районов Восточной Пруссии, которые до войны входили в состав Германии и по соглашению с союзниками по антигитлеровской коалиции передавались Польше, были полностью освобождены Красной Армией в ходе последующих операций против гитлеровских войск в феврале — апреле 1945 г. Плечом к плечу с советскими войсками сражались бойцы из 1-й и 2-й польских армий Войска Польского, представлявших вооруженную силу ПКНО.

В боях за освобождение Польши отдали свою жизнь более 600 тыс. советских воинов. Войско Польское, созданное при всесторонней помощи СССР, в боях за свою родину потеряло 26 тыс. убитыми и пропавшими без вести.

В ходе Яско-Кишиневской операции советские войска, окружив и уничтожив главные силы группы армий «Южная Украина», приблизились к границе Болгарии. Официально эта страна находилась с конца декабря 1941 г. в состоянии войны с США и Великобританией, занимая нейтральную позицию в войне Германии против СССР. Ее правительство вынуждено было считаться с болгарским народом, который испытывал глубокое чувство благодарности к России и русским, которые в 1878 г. освободили его от многовекового османского ига. Однако на деле болгарское правительство оказывало немалую поддержку вермахту в войне против СССР. Оно поставило экономику страны на службу Германии, обеспечивая ее различными видами сырья и продовольствия, предоставило в распоряжение немецкой армии свои аэродромы и порты на Черном море. 12 болгарских дивизий и 2 кавалерийские бригады несли оккупационную службу в Югославии и Греции, что позволило Германии высвободить значительные силы и средства для пополнения частей вермахта на советско-германском фронте.

Пособничество болгарского руководства германской агрессии против СССР вызывало протест у населения, который усиливался по мере наступления Красной Армии. Наиболее радикально настроенная часть оппозиционных к правительству политических сил по инициативе Болгарской рабочей партии в 1943 г. объединилась в Отечественный фронт. В том же году под руководством болгарских коммунистов из разрозненных по всей стране партизанских отрядов, ведших вооруженную борьбу против немецких частей, и болгарских правительственных войск, была образована Народно-освободительная повстанческая армия. С весны 1944 г. окрестности болгарской столицы Софии стали районом боевых действий партизан. Находящиеся в Югославии болгарские солдаты и офицеры открыто выражали свои симпатии к России. Все большее их число дезертировало из армии и переходило к партизанам.

Болгарские правящие круги, опасаясь взрыва народного возмущения и антиправительственного восстания, стремились не допустить вступления

в страну Красной Армии. Их целью стала сдача страны войскам Великобритании и США. Пришедшее к власти правительство М. Муравиева 4 сентября обнародовало декларацию, в которой заявлялось, что Болгария выходит из военного союза с Германией и впредь будет проводить политику «полного безусловного нейтралитета». Расчет строился на том, что провозглашенный нейтралитет послужит препятствием для прохода советских войск на болгарскую территорию.

Однако этот замысел провалился. 5 сентября Советский Союз объявил Болгарии войну. Только после этого София решилась разорвать дипломатические отношения с Германией. 8 сентября передовые части 3-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Ф. Толбухин) без единого выстрела пересекли румыно-болгарскую границу. Практически все население вышло встречать бойцов Красной Армии. В 12 часов дня правительство Муравиева заявило, что находится в состоянии войны с Германией. Вечером того же дня СССР принял к рассмотрению просьбу Болгарии о заключении перемирия.

К этому времени Болгария была охвачена народным восстанием. Его возглавил Отечественный фронт. В ночь на 9 сентября правительство Муравиева было низвергнуто. Новое правительство Отечественного фронта объявило войну Германии и союзной ей Венгрии. 15 сентября советские части и солдаты Народно-освободительной армии Болгарии вступили в Софию. Жители города оказали им восторженный прием.

При освобождении Болгарии не обошлось без потерь. Они составили 12750 человек, в том числе безвозвратные — 977.

28 октября 1944 г. СССР, США и Великобритания подписали с Болгарией соглашение о перемирии. В нем документально подтверждался переход этой страны на сторону антигитлеровской коалиции.

Новая болгарская армия в оперативном отношении была подчинена командующему 3-м Украинским фронтом. Около 200 тыс. болгарских воинов вместе с советскими войсками приняли участие в боях против вермахта на территории Югославии и Венгрии.

К началу сентября 1944 г. в результате успешно проведенных Красной Армией операций в Румынии и Западной Украине появилась возможность выхода советских войск на территорию Чехословакии. Советским соединениям в первую очередь предстояло войти в Словакию — марионеточное государство, образованное в 1939 г. после немецкой оккупации Чехии. Несколько словацких частей находилось на советско-германском фронте, осуществляя, как правило, охранные функции в тылу немецких войск. Ставка ВГК ставила задачу вывода этой страны из войны и сферы германского господства.

Уже после Сталинградской битвы в Словакии активизировались силы, оппозиционно настроенные к диктаторскому режиму. В народе и армии росло недовольство участием страны в войне против СССР.

В двух словацких дивизиях, направленных на советско-германский фронт, переход солдат на сторону партизан принял такой широкий размах, что немецкое командование было вынуждено в конце 1943 г. запретить этим соединениям участвовать в боевых действиях и направить их на строительные работы. Созданный в декабре 1943 г. в качестве руководящего органа движения Сопротивления Словацкий национальный совет (СНС) взял курс на подготовку вооруженного восстания с целью свержения пронацистского руководства страны и восстановления демократической Чехословацкой Республики.

В связи с приближением Красной Армии к границам Чехословакии по предложению чехословацкого правительства, находившегося в эмиграции в Лондоне, с согласия правительств Великобритании и США 8 мая 1944 г. было заключено советско-чехословацкое соглашение, в котором говорилось, что как только какая-либо часть освобожденной чехословацкой территории перестанет быть зоной непосредственных военных операций, управление делами на этой территории перейдет к чехословацкому правительству.

В начале августа 1944 г. в Словакии начался рост партизанского движения. Словацкое марионеточное правительство не без основания было этим встревожено и обратилось за помощью в Берлин. 29 августа несколько немецких частей начали выдвигаться на территорию Словакии. В тот же день СНС выступил с призывом к восстанию. 31 августа чехословацкое правительство в эмиграции обратилось к советскому руководству с просьбой оказать восставшим помощь в рамках оперативных возможностей Красной Армии.

С военной точки зрения начинать операцию по освобождению Словакии в то время было нецелесообразно, так как войска 1-го и 4-го Украинских фронтов после тяжелых боев нуждались в отдыхе и пополнении. К тому же наступление предстояло вести по труднопроходимой горной местности Восточных Карпат. Тем не менее Ставка ВГК 2 сентября 1944 г. отдала приказ командованию указанных фронтов подготовить и провести операцию, чтобы выйти на словацкую границу и соединиться с восставшими. 8 сентября началась Восточно-Карпатская операция. 20 сентября войска 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии И. Петров), завершив освобождение западных районов Украины, вступили на территорию Словакии. Однако дальнейшее наступление в горах развивалось медленно. Соединения Красной Армии встретили здесь особенно ожесточенное сопротивление. 28 октября операция была прекращена. Советские воины сделали все что могли, чтобы облегчить положение восставших, потеряв при этом только убитыми 21 тыс. и ранеными 89 тыс. человек. Но из-за недостаточной подготовки и превосходства немецких сил словацкое восстание было подавлено. Словакия оказалась под оккупацией вермахта и вскоре превратилась в арену новых кровопролитных сражений.

В начале 1945 г. советские войска продолжили боевые действия по освобождению Чехословакии. С этой целью были проведены еще четыре наступательные операции. Надо сказать, что соединениям Красной Армии долгое время не удавалось здесь нанести противнику окончательного поражения. Сказывались тяжелые условия местности, жесткое сопротивление германских сил на хорошо укрепленных оборонительных позициях, а также ошибки командования 4-го и 2-го Украинских фронтов при подготовке и ведении наступления. Трудности в Западно-Карпатской операции (12 января — 18 февраля 1945 г.) и последующий невысокий темп продвижения советских войск послужили причиной снятия в марте 1945 г. генерала армии И. Петрова с поста командующего 4-м Украинским фронтом и замены его генералом армии А. Еременко.

Завершилось освобождение Чехословакии в ходе Пражской операции (6–11 мая 1945 г.), в которой Красная Армия оказала помощь вооруженному восстанию чешского народа и освободила от немецких захватчиков Прагу. Западную часть Чехословакии освободили войска США.

Борьба за освобождение Чехословакии продолжалась 246 дней. Она стоила Красной Армии больших жертв. Общие потери советских войск составили 500 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. На территории Чехии и Словакии было похоронено 140 тыс. советских солдат и офицеров.

23 сентября 1944 г. войска 2-го Украинского фронта (командующий — Маршал Советского Союза Р. Малиновский) с боями перешли румыно-венгерскую границу и к исходу дня продвинулись на венгерскую территорию на 10–15 км. К этому времени правящие круги Венгрии находились в глубоком политическом кризисе. Начиная с разгрома 2-й венгерской армии на Верхнем Дону зимой 1942/43 г., они через нейтральные страны пытались склонить США и Великобританию к заключению сепаратного мира и вводу в Венгрию англо-американских войск до того, как на ее территорию вступит Красная Армия. В то же время венгерское руководство, стремясь дистанцироваться от Германии, высказывалось за снятие всех своих частей с советско-германского фронта. Все это вызывало в Берлине недоверие к своему союзнику. 19 марта 1944 г. был приведен в исполнение немецкий план оккупации Венгрии. Прежнее правительство было распущено. Новое правительство, лояльное Германии, назначил эмиссар германского рейха в Будапеште генерал СС Э. Везен-Майер, наделенный Гитлером чрезвычайными полномочиями. 23 марта венгерский диктатор М. Хорти вынужден был утвердить состав кабинета министров.

Эти меры были предприняты германским руководством для укрепления обороны на южном участке Восточного фронта, перед тем как территория Венгрии должна была превратиться в арену ожесточенных сражений. Немецкое командование уделяло

этому направлению особое внимание, не без основания опасаясь выхода советских частей с юго-востока к жизненно важным центрам Германии.

В связи с приближением в сентябре 1944 г. советских войск к границам Венгрии Хорти запросил у советского правительства согласия на ведение переговоров о перемирии. Согласие было получено. 11 октября в Москве венгерская делегация приняла условия перемирия. Венгрия отказывалась от всех захваченных ранее ею территорий, обязывалась прервать отношения с Германией и объявить ей войну. СССР взял на себя обязательство оказать Венгрии военную помощь.

Однако 15–16 октября немецкие части при поддержке членов венгерской пронацистской партии «Скрещенные стрелы» захватили Будапешт и свергли правительство. Главой нового марионеточного правительства был объявлен немецкий ставленник Ф. Салаша. Хорти арестовали. Тем самым Берлину удалось удержать Венгрию и ее армию под своим контролем.

Боевые действия в Венгрии приняли затяжной характер. Поначалу наступление советских войск на венгерской равнине развивалось довольно успешно. В ходе Дебреценской операции (6–28 октября 1944 г.) 2-й Украинский фронт освободил около 30% венгерской территории. К концу декабря советские части вышли к Будапешту и окружили его. Однако с ходу ликвидировать 188-тысячную немецкую группировку в венгерской столице не удалось. Германские соединения осуществили ряд сильных контрударов, которые были отбиты советскими войсками лишь в ходе тяжелых и кровопролитных боев. Штурм Будапешта завершился только 13 февраля 1945 г. Остатки вражеского гарнизона сдались в плен.

В начале марта 1945 г. германское командование предприняло новую попытку контрнаступления в Венгрии. С Западного фронта в район озера Балатон была переброшена 6-я танковая армия СС. Ей ставилась задача отбросить советские войска 3-го Украинского фронта за Дунай. Наступление оказалось неожиданным для советского командования. Начальник Генерального штаба генерал армии А. Антонов, разговаривая по телефону с Ф. Толбухиным, с недоверием даже спросил: «Кто вам может поверить, что Гитлер снял 6-ю танковую армию СС с запада и направил против 3-го Украинского фронта, а не под Берлин, где готовится последняя операция по разгрому фашистских войск?» За несколько дней боев немецким соединениям удалось на некоторых участках потеснить перешедшие к обороне части Красной Армии. Одной из причин неожиданности германского удара стала непроверенная информация, полученная Ставкой ВГК от западных союзников. Однако крупного успеха в районе Балатона противнику добиться не удалось. К середине марта соединения 6-й танковой армии СС были обескровлены и отброшены на исходные позиции.

Еще в декабре 1944 г. на уже освобожденных от противника венгерских землях было образовано Временное правительство этой страны. Оно было сформировано Временным национальным собранием по инициативе коммунистов и социал-демократов. 24 декабря Временное правительство запросило у СССР перемирия, а 28 декабря объявило войну Германии. 20 января 1945 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии между новым венгерским руководством, с одной стороны, и представителями СССР, США и Великобритании — с другой. Этот документ закрепил переход Венгрии на сторону антигитлеровской коалиции.

В ходе Венской наступательной операции (16 марта — 13 апреля 1945 г.) войска 3-го Украинского фронта завершили освобождение оставшейся еще оккупированной части территории Венгрии. В тяжелых боях за освобождение этой страны погибло 140 тыс. советских воинов.

В Югославию советские войска вступили по просьбе Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) — высшего исполнительного и административного органа этой страны, осуществлявшего власть в районах, контролировавшихся партизанами. По поручению НКОЮ его председатель и верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) маршал И. Броз Тито 21 сентября 1944 г. прилетел в Москву, где договорился со Сталиным о совместных действиях НОАЮ и Красной Армии по освобождению Восточной Сербии и югославской столицы Белграда. В ходе переговоров была удовлетворена просьба советского правительства, чтобы части советских войск, вышедших на румыно-югославскую границу, предприняли запланированное наступление в Венгрию через северо-восточные районы Югославии. Советское руководство при этом обязалось вывести свои войска из Югославии, как только они выполнят свои оперативные задачи.

В конце сентября 1944 г. соединения 3-го Украинского фронта, пройдя маршем по территории Болгарии, подошли к болгаро-югославской границе. В соответствии с договоренностью с НКОЮ для участия в освобождении Югославии командование Красной Армии выделило 57-ю армию 3-го Украинского фронта и 46-ю армию 2-го Украинского фронта, всего 190 тыс. человек, а также 17-ю воздушную армию и части Дунайской военной флотилии. 28 сентября эта группировка, ступив на югославскую землю, начала Белградскую наступательную операцию. В ее ходе советскими соединениями совместно с частями НОАЮ была освобождена столица страны Белград и разгромлена немецкая армейская группа «Сербия». Глубина продвижения советских войск составила более 200 км. Югославская армия получила прочный тыл для дальнейшей борьбы за освобождение всей территории страны. В Белградской операции Красная Армия потеряла более 35 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Народы Югославии горячо приветствовали советских воинов, встречая их как освободителей. Победы Красной Армии явились важным условием возрождения национальной независимости югославского народа. И. Броз Тито подчеркивал, что без СССР «было бы невозможно освобождение Югославии».

Вскоре после Белградской операции началась перегруппировка советских войск на будапештско-венское направление. Но и покинув пределы Югославии, 3-й Украинский фронт в ходе наступления в Венгрии и Австрии оказывал содействие югославской армии в полном освобождении своей страны. Наступательные операции югославских войск в Хорватии и Словении поддерживались советской авиацией вплоть до 10 мая 1945 г.

На севере советско-германского фронта Красная Армия во второй половине 1944 г. добилась вывода из войны Финляндии без переноса военных действий на ее территорию. В ходе Выборгско-Петрозаводской стратегической операции (10 июня — 9 августа 1944 г.) войска Ленинградского (командующий — генерал армии Л. Говоров) и Карельского (командующий — генерал армии К. Мерецков) фронтов на ряде участков вплотную подошли к государственной границе с Финляндией. Финляндское правительство было поставлено перед выбором: или продолжать бессмысленное сопротивление, или прекратить войну. После того как президентом страны был назначен главнокомандующий финской армии маршал К. Маннергейм, было принято решение о прекращении войны. 25 августа финская сторона обратилась к СССР с предложением о перемирии. 29 августа Москва ответила о своем согласии начать мирные переговоры при условии, если Финляндия порвет отношения с Германией и обеспечит вывод немецких войск со своей территории в течение двух недель. 4 сентября 1944 г. Финляндия заявила о разрыве отношений с Германией и потребовала, чтобы части вермахта покинули ее территорию к 15 сентября.

12 сентября 1944 г., еще до начала советско-финляндских переговоров в Москве, Сталин запретил командующему Карельским фронтом К. Мерецкову продвигаться с боями в глубь территории Финляндии для разгрома немецких сил, дислоцированных на севере этой страны. В телеграмме Сталина указывалось, что решение наступать против группировки немцев неправильно. «Согласно предварительным договоренностям, — подчеркивал он, — выдворением немцев из Финляндии должны заниматься сами финны, а наши войска будут оказывать им в этом только помощь».

14 сентября в Москве начались переговоры с финской делегацией, в которых, кроме советской стороны, приняли участие и английские представители. Они завершились 19 сентября подписанием соглашения о перемирии. Советским войскам предписывалось выйти на границу между СССР и Финляндией 1940 г. и дальнейшее движение прекратить.

Наступление планировалось продолжить лишь вдоль побережья Баренцева моря на петсамо-киркенесском направлении против группировки 20-й горной армии вермахта для освобождения Северной Норвегии.

Немцы, вместо того чтобы начать вывод своих войск из Финляндии, в ночь на 15 сентября предприняли попытку захватить находившийся под финским контролем остров Суурсаари, который имел важное значение для блокирования советского флота у входа в Финский залив. На остров было высажено до 2 тыс. немецких солдат. Финский гарнизон вступил с ними в бой. При поддержке авиации Краснознаменного Балтийского флота нападавшие были разгромлены. День 15 сентября 1944 г. позднее был признан финляндским правительством днем начала войны с Германией.

С 1 октября финские части начали преследование немецких войск, которые отступали все дальше на север страны — в богатый никелем район Петсамо (Печенга). Его оборона была возложена на 19-й горнострелковый корпус 20-й немецкой горной армии. По условиям советско-финляндского соглашения о перемирии область Петсамо возвращалась Советскому Союзу. Задача по ее освобождению и последующему выходу в район норвежского порта Киркенес была возложена на войска 14-й армии Карельского фронта.

Еще 17 мая 1944 г. по желанию находившегося в Лондоне норвежского эмигрантского правительства Советский Союз, США и Великобритания подписали с ним соглашение на случай участия союзных войск в боевых действиях на норвежской территории. Документ предусматривал, что «союзные командующие должны де-факто пользоваться в течение первой, или второй, фазы освобождения Норвегии верховной властью», но, «как только позволит военная ситуация, норвежское правительство должно вновь принять на себя свою полную конституционную ответственность за гражданскую администрацию» на освобожденной территории страны.

В ходе Петсамо-Киркенесской операции (7–29 октября 1944 г.) войска Карельского фронта 15 октября взяли Петсамо — мощный опорный пункт обороны немцев на Крайнем Севере. При дальнейшем преследовании противника они 18 октября перенесли боевые действия за советско-норвежскую границу. 22 октября советские войска овладели г. Тарнет, а 25 октября после упорного боя был освобожден Киркенес. Тем самым части Красной Армии выполнили свою задачу. Выйдя к 29 октября на рубеж Нейден — Наутси, они перешли к обороне.

Потери советских войск в Петсамо-Киркенесской операции составили около 16 тыс. человек, в том числе непосредственно на норвежской земле более 2 тыс. убитыми и ранеными.

Советские войска были тепло встречены норвежцами. Со своей стороны бойцы Красной Армии как могли стремились облегчить положение местного

населения: снабжали норвежцев продовольствием, горючим, оказывали помощь в формировании воинских частей.

В телеграмме правительству СССР по случаю завершения войны в Европе король Норвегии Хокон VII от «собственного имени и от имени норвежского народа» выразил «восхищение и благодарность за блестящую борьбу советских Вооруженных Сил за общее дело свободы». В сентябре 1945 г. советские войска покинули территорию Северной Норвегии.

В ходе Венской операции войска 3-го Украинского и часть сил 2-го Украинского фронтов 30 марта 1945 г. вступили на территорию Австрии. Советское правительство никогда не признавало включение Австрии в состав Германии. По его инициативе на состоявшейся в Москве конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) была принята «Декларация об Австрии». В ней три государства антигитлеровской коалиции объявили недействительной насильственную ликвидацию нацистской Германией самостоятельной Австрийской Республики и заявили о желании «видеть восстановленную, свободную и независимую Австрию».

После перехода советскими войсками венгеро-австрийской границы военные советы 2-го и 3-го Украинских фронтов издали специальные обращения к красноармейцам и австрийскому народу. В них подчеркивалось, что «Красная Армия не смешивает австрийцев с немецкими оккупантами», что ее задача состоит в том, чтобы «дать возможность австрийскому народу восстановить свою независимость и демократические свободы».

6 апреля советские соединения пробились на окраины Вены. 13 апреля Вена была полностью освобождена. Венцы встречали бойцов Красной Армии как освободителей. Быстрые и решительные действия Красной Армии уберегли от разрушения один из красивейших городов мира и спасли многие тысячи его жителей.

В ходе последующих упорных боев войска 2-го и 3-го Украинских фронтов к концу мая 1945 г. освободили полностью провинции Нижняя Австрия и Бургенланд, большую часть Штирии, часть Верхней Австрии (всего 36 551 кв. км) с населением более 4,5 млн человек. В боях за освобождение австрийского народа погибло 26 тыс. советских воинов. Западную часть Австрии освободили войска США.

В Австрии завершились боевые действия Красной Армии на южном крыле советско-германского фронта. При поддержке движения Сопротивления она выполнила свою освободительную миссию по отношению к шести странам Европы: Австрии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии.

В самые последние дни войны советские войска участвовали в изгнании немецких захватчиков с территории Дании. Во время наступления Красной Армии на Берлин датский остров Борнхольм

был превращен немецким командованием в базу для своих кораблей и вывоза туда большого количества войск из Померании. Когда 7 мая небольшой советский десант высадился на остров, комендант немецкого гарнизона отказался его сдать. В ответ авиация Краснознаменного Балтийского флота нанесла по острову удары.

9 мая немцы были вынуждены капитулировать. На следующий день на остров высадились части 132-го стрелкового корпуса и приступили к разоружению немецкого гарнизона. К 13 мая 1945 г. было разоружено и эвакуировано с острова не менее 11 тыс. германских солдат и офицеров. При освобождении Борнхольма погибли 30 военнослужащих Красной Армии. Несколько советских офицеров, участвовавших в его освобождении, указом датского короля Кристиана X были награждены орденом в честь его имени и медалью «Свобода».

Советские войска покинули Борнхольм 5 апреля 1946 г. Перед этим представителями командования Красной Армии было передано местной администрации трофейное имущество, линии связи, наземные коммуникации. В подписанном по этому поводу совместном акте отмечалось, что пребывание советских частей «не было связано с каким-либо вмешательством во внутренние дела острова», что население острова «благодарит советские войска за свое освобождение от нацистских захватчиков, а также за хорошие и дружественные отношения советских войск к датскому народу».

За свободу от нацистской тирании, принесенную народам стран Европы, советский народ заплатил дорогой ценой: в ожесточенных сражениях с противником Красная Армия потеряла свыше 3 млн. солдат и офицеров, из них только убитыми до 1 млн. человек.

Война в Европе закончилась. 24 июня 1945 г. на Красной площади в Москве состоялся исторический Парад Победы. Но в это время у дальневосточных границ СССР еще шла война, развязанная милита-

ристской Японией в Азии и на Тихом океане. Многие народы этого огромного региона ждали часа своего освобождения от японской оккупации. Вступление СССР в войну с Японией явилось для них большим событием.

За время августовских боев 1945 г. против японских сил советскими войсками была освобождена территория площадью более 1,3 млн. кв. км, с населением свыше 40 млн человек, что способствовало подъему национально-освободительного движения в странах этого региона.

Китайское и корейское население тепло встречало бойцов Красной Армии. Советская военная администрация помогала восстановлению продовольственного снабжения и разрушенных хозяйственных объектов.

В целом с марта 1944 до сентября 1945 г. в боях за пределами своей страны участвовало около 7 млн. советских воинов. Они полностью или частично освободили 13 государств Европы и Азии с населением свыше 147 млн. человек. Своим подвигом Красная Армия заслужила в те годы признательность народов мира. «Саламины и Марафон, — писала греческая печать, — спасшие мировую цивилизацию, называются сегодня Москва, Вязьма, Ленинград, Севастополь и Сталинград».

Но прошли годы, и многое изменилось. Политики и историки «новой волны» перелицовывают солдат-освободителей в оккупантов, а предателей, сотрудничавших с нацистами, — в национальных героев. Телевидение демонстрирует документальный фильм. Действие происходит в польском городе Кракове. К памятнику почетному гражданину этого города Маршалу Советского Союза И. Коневу подъезжает грузовик. На памятник набрасывают стальную петлю и сдергивают его с пьедестала. Войска маршала Конева освободили этот город, спасли от разрушения его всемирно известные сокровища и тысячи жизней жителей. Есть над чем задуматься.

Боевые действия Красной Армии осенью 1944 г. и проблема выхода Венгрии из войны

А. С. Стыкалин*

Решающим фактором, предопределившим место Венгрии в Версальской системе международных отношений, явился, как известно, Трианонский мирный договор 1920 г., в соответствии с которым волею держав-победительниц соседним странам были переданы обширные территории, в эпоху дуализма относившиеся к венгерской половине монархии Габсбургов и управлявшиеся в 1867–1918 гг. из Будапешта (Трансильвания и Банат, Словакия, Хорватия, Воеводина, Закарпатская Украина, Бургенланд). Территория нового венгерского государства составила около 30% площади исторического Венгерского королевства (так называемых земель короны «святого Стефана — Иштвана», а также хорватских коронных земель). На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, обладавшие прежде ограниченной автономией, а также сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием компактно проживавшего венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от новых венгеро-румынских границ). Так, каждый четвертый венгр оказался за пределами своего национального государства. Таким образом, несмотря на усилия международных экспертов, представивших участникам Версальской конференции результаты изучения расселения этносов в регионе, установленные границы явно не могли удовлетворить все заинтересованные стороны, что содержало в себе зародыш будущих конфликтов, способных подорвать с трудом достигнутое равновесие сил в Дунайском бассейне. Что же касается

Венгрии, неизменно претендовавшей на доминирующие позиции на востоке Центральной Европы, то она по итогам Первой мировой войны понесла наибольшие территориальные потери и была низведена до положения малого государства — соседние Румыния, Чехословакия и Югославия, каждая в отдельности, превосходили ее по площади и по численности населения.

Влияние Трианона на венгерское национальное сознание трудно переоценить. Последнее во многом базировалось на представлениях о нерушимости «коронных земель» в их средневековых границах и, как пишет современный венгерский историк Л. Контлер, «было скроено по образцу, вполне соответствовавшему мироощущению граждан среднего по размерам государства с 20–30-миллионным населением». Оно «испытало ужас ментальной клаустрофобии, когда его заставили втиснуться в узкие пределы маленькой страны, населенной всего 8 млн. граждан»¹. Не удивительно, что внешняя политика хортистского режима, направленная на ревизию трианонских границ (а, пожалуй, ни одно европейское государство, включая Германию, не выдвигало требований пересмотра версальских мирных договоров в их территориальном аспекте с такой настойчивостью и упорством, как Венгрия), была всецело поддержана общественным мнением страны, в течение двух межвоенных десятилетий так и не адаптировавшимся к новой геополитической ситуации. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, став важнейшим инструментом достижения национального единства.

Оставшееся неизменным на протяжении всего межвоенного периода требование пересмотра Трианонского мирного договора предопределило

* Александр Сергеевич Стыкалин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Славяноведения РАН.

внешнеполитические ориентации хортистского режима, его сближение сначала с фашистской Италией, договор с которой, заключенный в 1927 г., вывел Венгрию из внешнеполитической изоляции², а затем и с нацистской Германией, как и Венгрия, стремившейся к ревизии Версальской системы. При содействии Германии и Италии режиму Хорти удалось в 1938–1941 гг. вернуть часть отторгнутых Трианоном земель, и в том числе Северную Трансильванию, присоединенную к Венгрии волевым решением в результате Второго венского арбитража в августе 1940 г.³ Таким образом, политика сближения с державами «оси» принесла некоторые видимые плоды, хотя и далеко не в полной мере удовлетворившие ревизионистские аппетиты хортистской политической элиты, но все же давшие официальному Будапешту основания продолжать свой прежний курс.

Это не означало, что в окружении регента Хорти не было людей, настроенных антигермански. Последовательным сторонником ориентации на Великобританию и США, в 1942–1944 гг. немало сделавшим для наведения мостов к этим странам, был прямой потомок трансильванских князей граф Иштван Бетлен, премьер-министр в 1921–1931 гг. Другой выдающийся политический деятель эпохи Хорти, граф Пал Телеки, воспользовался союзом с Германией для частичной реализации ирредентистских планов — именно в период его второго премьерства (1939–1941 гг.) Северная Трансильвания перешла под венгерскую юрисдикцию. Вместе с тем, будучи убежденным консерватором англофильского толка, граф Телеки не переставал в душе оставаться сторонником западных демократий в их противоборстве с Гитлером. Это почувствовали и иные из его зарубежных партнеров. После венгерско-итальянских переговоров, состоявшихся в 1940 г., министр иностранных дел Италии Чиано записал в дневнике: «Телеки не скрывает своих симпатий к западным державам, и как чумы боится побед немцев»⁴.

В начале апреля 1941 г., в знак протеста против диктата Германии, требовавшей от Венгрии пропустить через свою территорию соединения вермахта и тем самым склонить ее к участию в войне с Югославией, Телеки застрелился в своей резиденции. Договор о мире и вечной дружбе между Венгрией и Югославией, подписанный незадолго до этого, был нарушен и Венгрия фактически вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии⁵. После молниеносной балканской кампании вермахта хортистская политическая элита, уверовав в непобедимость германского оружия, сделала ставку на дальнейшее укрепление союза с «Третьим рейхом». В конце июня 1941 г., через считанные дни после нападения Германии на СССР, Венгрия также объявляет войну СССР⁶, не поддавшись на соблазнительное предложение советской стороны — уже 23 июня В. М. Молотов пригласил к себе венгерского посла И. Криштоффи и заявил ему, что в случае нейтралитета Венгрии

Советский Союз в ходе послевоенной мирной конференции будет поддерживать все венгерские требования в отношении Трансильвании⁷.

Ситуация начала меняться в 1942 г., когда стали очевидными не только затяжной характер войны на Восточном фронте, но и непредсказуемость ее конечного результата. Прогермански настроенного Л. Бардоши сменил на посту премьер-министра Венгрии М. Каллаи, вскоре предпринявший первые шаги по наведению мостов к Великобритании и США с целью выяснения возможностей выхода страны из войны. Политика балансирования между Германией и противостоявшими ей западными державами значительно активизировалась с весны 1943 г., после поражений немцев под Сталинградом и разгрома второй венгерской армии на Дону (около 80 тыс. венгерских солдат погибло в январе 1943 г. в ходе наступательной операции Красной Армии), а особенно после битвы под Курском, когда поражение Германии в войне вызвало во всем мире все меньше сомнений. Надо сказать, что Сталинград привел в действие механизмы тайной дипломатии не только Венгрии, но и других союзников Германии, заставил их искать конкретные пути выхода из войны, прорабатывать разные варианты, выискивать удобный момент, и делать все это иногда в координации друг с другом — можно напомнить, в частности, о поездке Каллаи в Италию в апреле 1943 г., его встречах с графом Чиано и римским папой⁸. В течение 1943 г. как по дипломатическим каналам, так и через разведывательные службы предпринимаются многочисленные попытки выйти в нейтральных странах (Швейцарии, Турции, Швеции, Португалии) на контакт с представителями Великобритании и США и запросить об условиях такого сепаратного мира с этими державами, который гарантировал бы неучастие Красной Армии в оккупации страны силами антигитлеровской коалиции. Советский Союз предполагалось заведомо исключить из переговорного процесса — в Будапеште считали недопустимым, чтобы условия перемирия диктовала Москва⁹. Расчет делался на высадку войск США и Великобритании на Адриатике и их последующее продвижение к центру Европы. Допускалась также возможность переброски по воздуху нескольких англо-американских дивизий¹⁰.

Выход Италии из войны в начале сентября 1943 г. побудил Венгрию еще интенсивнее искать пути сближения с западными державами, что, однако, отнюдь не гарантировало скорого успеха внешнеполитическим начинаниям Каллаи. Представители Великобритании и США долгое время не выражали решимости не только к подписанию, но даже к обсуждению на официальном уровне условий какого-либо сепаратного соглашения с Венгрией, в целом соблюдая договоренности с СССР и настаивая в соответствии с этими договоренностями на переговорном процессе с участием Советского Союза. В основе такой позиции лежало нежелание осложнять из-за Венгрии от-

ношения со Сталиным (в Москве знали о многих из предпринимавшихся хортистами шагов из донесений разведки, а иногда получали информацию и по официальным дипломатическим каналам). Надо сказать, что в Будапеште в 1943 г. несколько преувеличивали противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции, ошибочными оказались и расчеты на то, что СССР в результате тяжелой войны ослабнет настолько, что условия мирного урегулирования будут диктовать исключительно США и Англия; роль советского фактора в послевоенной Европе, таким образом, недооценивалась.

Скептицизму западных демократий в отношении перспектив сотрудничества с хортистской Венгрией способствовало и поначалу не слишком скрывавшееся в ходе тайных контактов стремление хортистов получить гарантии сохранения политического режима, существовавшего в стране, а также явное нежелание идти на компромисс в вопросе о послевоенных границах Венгрии. Даже после неудач на фронтах Второй мировой войны хортистское правительство не сразу отказалось от идеи восстановления Венгрии в границах до 1918 г., лишь в 1943 г. в Будапеште начинают прорабатываться альтернативные проекты, в том числе о создании Дунайской Федерации, в которой Венгрия играла бы доминирующую роль. Такой план перекликался с относившейся к тому же времени идеей Черчилля о возможном образовании в Центральной Европе федеративного государства, однако вызывал настороженное отношение антифашистских политических элит соседних стран. Представитель югославского королевского правительства в Анкаре Шуменкович говорил 7 июля 1943 г. послу СССР в Турции С. А. Виноградову: новый венгерский план «показывает, что Венгрия этой комбинацией хочет заполучить все то, что когда-то потеряла Австро-Венгрия, и демонстрирует то, что дважды битая Венгрия не хочет расстаться со своими империалистическими намерениями»¹¹.

С большей готовностью западные демократии шли на контакт с представителями венгерской оппозиции — например, лауреатом Нобелевской премии 1937 г. по медицине А. Сент-Дьерди, который в 1943 г. в ходе встреч с англо-американскими эмиссарами в Турции не связывал себя официальными установками хортистского режима. Стремясь придать своему правлению более привлекательное лицо и из тактических соображений продемонстрировать западному миру свою способность к демократической эволюции, хортисты вышли на контакт с некоторыми представителями оппозиции и, в частности, склонили к участию в переговорах проживавшего в Стокгольме с чехословацким паспортом и служившего в британском посольстве видного деятеля венгерской социал-демократической эмиграции, наркома обороны Венгерской Советской республики 1919 г. Вильмоша Бема, что, однако, тоже не имело большого эффекта. Бем согласился работать в интересах будущего Вен-

грии, не скрывая, однако, что продолжает оставаться сторонником кардинального переустройства политической системы страны, что, конечно, делало проблематичным выполнение им какой-либо миссии от имени режима Хорти. Контакты Бема с англичанами были расценены в Будапеште как бесперспективные, поскольку выдвинутое Лондоном и принятое Бемом требование о смене режима сочли неприемлемым. Венгерский дипломат Уллейн-Ревикский, готовивший в интересах спасения хортистского режима переговоры Бема с англичанами, получил в мае 1943 г. из Будапешта инструкцию: «Позиция венгерского правительства и на нынешнем решающем этапе войны остается неизменной — самая большая служба, которую вы можете сослужить, заключается в том, чтобы всеми средствами стараться сохранить существующий в стране строй, его руководящие органы, государственный аппарат, чтобы в послевоенное время страна не стала жертвой анархии в бассейне Дуная»¹². С другой стороны, контакты Бема с представителями Форин офис и деятелями британской лейбористской партии, в ходе которых обсуждался вопрос о статусе Венгрии в послевоенной Европе, вызвали неудовольствие как чехословацкого эмигрантского правительства, так и официальной Москвы. В июне 1943 г. Молотов заявил протест послу А. К. Керру в связи с попыткой правительства Великобритании без консультации с союзниками вступить в сношение с враждебным государством. По мнению Кремля, секретные переговоры с участием Бема имели целью помочь венгерскому правительству избежать ответственности за участие в войне в качестве союзника нацистской Германии¹³. В итоге британскому Форин офис пришлось указать на неофициальный характер миссии Бема при том, что лейбористская партия входила в это время в правящую коалицию.

Поездка Бема в Лондон никакими реальными результатами не увенчалась. Тем не менее к концу 1943 г. переговорный процесс с Западом приобретает необратимый ход, Великобритания и США отказываются от бомбардировок венгерской территории, настаивая, в свою очередь, на том, чтобы со стороны правительства Венгрии были предприняты конкретные действия, свидетельствующие о его решимости порвать с Германией и о его доброй воле. Предлагалось, в частности, отозвать венгерские войска с восточного фронта и перевести их в Хорватию, ближе к расположениям англо-американских войск. Речь шла также о саботаже приказов германского командования и лишь в более отдаленной перспективе о сложении оружия. Как было заявлено представителем английской разведки в Швейцарии венгерскому эмиссару, «от Венгрии ждут таких действий, которые будут полезны для союзников с точки зрения ведения войны, которые могли бы сократить продолжительность войны и содействовать поражению немцев»¹⁴. От того, когда и каким образом Венгрия порвет с немцами и будет ли она еще до этого

своим пассивным сопротивлением мешать вермахту осуществлять военные акции, зависело отношение к ней в будущем. По некоторым свидетельствам, встречаясь в Стамбуле с венгерским представителем, его американские партнеры по переговорам заявили, что если Венгрия выйдет из войны раньше Румынии, у Будапешта останется больше шансов на сохранение за собой после войны Северной Трансильвании¹⁵. В то же время в ходе переговоров англичане и американцы давали хортистам понять нереальность расчетов на переброску по воздуху на венгерскую территорию нескольких союзнических дивизий: западные державы, по однозначным утверждениям их полномочных представителей, не станут жертвовать жизнями тысяч своих солдат только для того, чтобы защитить Венгрию от русских, а также от посягательств некоторых соседних стран, имевших к официальному Будапешту в той или иной мере обоснованные территориальные претензии. Как известно, в соответствии с планами, предварительно согласованными в 1943 г. в Тегеране, венгерскую территорию должны были временно оккупировать соединения Красной Армии (надежды хортистов на англо-американский десант были тем более утопическими, что в начале 1944 г. войскам союзников пришлось столкнуться в Северной Италии с отчаянным сопротивлением вермахта и наступление к центру Европы застопорилось).

В первые месяцы 1944 г. правительство М. Каллаи в ходе контактов своих эмиссаров с Западом не только декларировало готовность вывести страну из войны, но согласилось и с требованием безоговорочной капитуляции. Вместе с тем, опасаясь превентивной оккупации вермахтом венгерской территории, оно не решалось идти на сколько-нибудь радикальные меры до подхода союзнических армий к венгерской границе и, более того, едва ли было способно на такие меры, поскольку положение в венгерской армии в целом контролировалось немецким командованием. Нерешительная попытка отозвать венгерские войска с восточного фронта была все же предпринята, но ее не удалось осуществить из-за контроля немцев над транспортными путями. Требование англичан и американцев о предоставлении им всей имевшейся в венгерском генштабе информации о вермахте и его военных планах было в принципе выполнимым, но о любых конкретных шагах в этом направлении сразу стало бы известно спецслужбам «Третьего рейха», что повлекло бы за собой резкое обострение венгеро-германских отношений, немцы нашли бы хороший повод для оккупации Венгрии. Тем более рискованным было бы содействие властей организации подпольных, партизанских групп для действий против немецких эшелонов, следующих через территорию Венгрии (западные союзники настаивали и на этом). Каллаи считал возможным только медленный отход от Германии, постепенное сокращение сотрудниче-

ства с ней в военной области, и пытался через своих эмиссаров убедить в этом англичан и американцев. Те, однако, не только видели бессилие венгерских властей, но и имели некоторые основания обвинить их в двойной игре, недобросовестной попытке оттянуть время, уклониться от выполнения взятых на себя обязательств. Характерно в этой связи, что направлявшиеся с особыми поручениями в нейтральные страны венгерские представители, как правило, не имели письменных полномочий на заключение каких-либо соглашений.

Как бы там ни было, угроза выхода Венгрии из войны стала к весне 1944 г. достаточно реальной. Чтобы воспрепятствовать возможной капитуляции стратегически важного союзника, Германия оккупировала Венгрию 19 марта 1944 г. и настояла на замене правительства Каллаи более надежным¹⁶.

Что и говорить, немецкая акция в корне меняла перспективы переговоров хортистской элиты с англо-американцами. Поиски путей перемирия с противниками «Третьего рейха» прекратились вплоть до падения в Румынии режима Антонеску 23 августа 1944 г. и объявления королем Михаем войны Германии. Хорти меняет прогерманский кабинет Д. Стойяи на правительство генерала Г. Лакатоша, которое предпринимает новый зондаж относительно условий перемирия со стороны западных держав. 7 сентября на заседании Совета короны у Хорти вопреки противодействию прогерманских политиков было принято решение начать переговоры о перемирии со странами антигитлеровской коалиции¹⁷. Единства мнений в высших эшелонах власти, впрочем, не было, что делало крайне противоречивой проводимую политику. Так, 11 сентября правительство снова высказалось за продолжение войны с Германией. Не будучи уверенными в успехе, инициаторы разрыва с «Третьим рейхом» опасались вынесения вопроса на обсуждение парламента.

В начале осени 1944 г. антигермански настроенные венгерские политики по-прежнему сохраняли надежду на возможность выброски англо-американских войск на Адриатике (близ Риеки) и их последующего наступления в направлении Венгрии. Для того чтобы выиграть время для реализации этого плана, венгры собирались просить военное командование западных держав обратиться к советскому командованию с предложением временно приостановить наступление Красной Армии на Венгрию в целях создания условий для перегруппировки венгерских войск и их переориентации на войну с Германией (было подготовлено также письмо Хорти к римскому папе с просьбой о посильном содействии выполнению вынашивавшихся в Будапеште планов). Между тем, предварительный совместный англо-американский проект условий для заключения перемирия с Венгрией был разработан еще в августе. В сентябре венгерским эмиссарам в Италии было со всей определенностью заявлено со стороны Великобритании

и США, что перемирие с Венгрией возможно лишь на основе безоговорочной капитуляции, причем любое предложение о капитуляции должно быть адресовано всем трем главным союзникам, и если венгерское правительство искренне желает заключить перемирие, оно должно назначить представителя или миссию с соответствующими полномочиями для подписания такого перемирия¹⁸. Вступая в контакт с западными дипломатами, эмиссары Хорти пытались изложить свои условия выхода Венгрии из войны. Прежде всего они стремились добиться гарантий, что существующий режим будет сохранен. В составленный венгерской стороной проект перемирия был внесен также пункт о том, что военные действия Красной Армией должны быть прекращены на существующей на данный момент линии фронта. По замыслу хортистов, это позволило бы избежать советской оккупации страны.

Вскоре, осознав в ходе встреч с англо-американскими представителями всю иллюзорность надежд на то, что советскую оккупацию удастся предотвратить, агенты Хорти и Лакатоша не переставали, однако, настаивать на участии в освобождении Венгрии от нацистов соединений западных держав, чтобы страна не оказалась исключительно под советским контролем. Между тем, дипломатические круги и военное командование стран-союзниц СССР, исходя из прежнего опыта, не очень верили в серьезность и искренность намерений хортистов. Для этого были и новые основания: венгерский эмиссар Надаи, прибывший в Италию, не получил официальных полномочий на ведение переговоров о перемирии, лишь информировал о венгерских условиях перемирия. В свою очередь венгерские политические круги в Северной Трансильвании, находившейся ближе к линии фронта, все настойчивее требовали от Будапешта установления прямых контактов с советским командованием в целях предотвращения бессмысленного кровопролития. После заключения 12 сентября перемирия с Румынией они все более опасались, что промедление с перемирием Венгрии сводит к нулю все шансы на сохранение в ее составе Северной Трансильвании. Но в Будапеште не спешили договариваться с Москвой, рассчитывая, что удастся задержать части Красной Армии в Карпатах, где была выстроена мощная линия обороны. В этих условиях трансильванские венгерские политики продумывают возможности самостоятельного выхода на контакт с советским командованием.

В конце концов, осознав нереальность расчетов на противоречие между СССР и Западом, хортисты начиная с 25 сентября устанавливают контакты с советским командованием. 26 сентября в Москву через Словакию была доставлена неофициальная делегация в целях зондажа позиции СССР, а 1 октября прибыла официальная делегация во главе с генералом Г. Фараго, привезшая письмо Хорти Сталину, в котором говорилось о готовности Вен-

грии к перемирию¹⁹. Письменными полномочиями делегация вначале опять-таки не обладала. Позже Хорти телеграммой дал знать, что полномочия на подписание соглашения о перемирии будут даны только после того, как станут известны условия перемирия. В конце концов 10 октября Хорти телеграммой уведомил о том, что делегация получила полномочия на заключение перемирия, а 11 октября согласился с условиями, продиктованными Москвой²⁰. Венгерский регент пошел на контакт с СССР не только после долгих колебаний (хотя Красная Армия уже непосредственно подошла к границам Венгрии), но лишь после того, как сторонники более решительных действий подбросили ему сфальсифицированный документ — пришедшее якобы из Словакии обращение командира одного из партизанских соединений с изложением условий перемирия, продиктованных Советским Союзом. Условия в этом документе предлагались, надо сказать, более чем щадящие — в нем не было требования об объявлении войны Германии, гарантировалось сохранение существующей администрации, было обещано проведение плебисцита на всей территории Трансильвании, результаты которого должны быть учтены на мирной конференции.

Делегация во главе с Фараго в ходе переговоров, происходивших в Москве, пыталась уклониться от объявления войны Германии, в то же время не уставала настаивать на сохранении в Венгрии действующего административного устройства, выразила также пожелание, чтобы румынские войска не переходили границы, образованной вследствие Второго венского арбитража 1940 г.; аналогичные по характеру требования касались также югославских и словацких войск. Советская сторона в свою очередь требовала от Венгрии немедленного объявления войны Германии по примеру Румынии, участия в боевых действиях против немецких войск, эвакуации венгерских войск и чиновников в пределы границ, существовавших на 31 декабря 1937 г. в течение 10 суток. Обсуждение растянулось на несколько дней, что свидетельствовало о сохранявшейся с венгерской стороны тактике выжидания. Позже Хорти признал в мемуарах: «от последнего, решающего шага я воздерживался. Просьба о перемирии всегда горька, но то, что англичане и американцы адресовали нас исключительно к русским, поистине означало трагедию для нас»²¹. В конце концов, получив телеграммой согласие от Хорти, 11 октября венгерская делегация поставила подпись под документом о предварительных условиях перемирия. Советские условия были приняты. Вместе с тем регент и его окружение просили советское командование приостановить наступление Красной Армии на будапештском направлении, чтобы дать возможность отвести венгерские войска к столице для укрепления позиций правительства, и до тех пор отсрочить объявление войны Германии. Команда о приостановке советских войск была дана²².

Прогермански настроенная часть генералитета и государственного аппарата всячески саботировала попытки выведения Венгрии из войны²³. К тому же гитлеровские спецслужбы произвели аресты антигермански настроенных генералов и офицеров. Вопреки соглашению венгерская сторона не только не отвела свои части к столице, но, использовав передышку, предприняла активные боевые действия против советских войск в районе Сольнока. Близ Будапешта, на подъезде к городу, были убиты два красноармейских парламентаря. В свою очередь сам регент и его ближайшее окружение, хотя и приняли ряд мер по подготовке выхода страны из войны²⁴, вместе с тем, опасаясь путча, до самого конца оттягивали требование о начале боевых действий против вермахта. Русским трудно понять, что в сознании венгерского офицерского корпуса объявление войны немцам встретит по меньшей мере недоумение, якобы заявил Хорти при обсуждении предъявленных условий перемирия²⁵. В зачитанной по радио 15 октября прокламации о выходе страны из войны и разрыве союза с Германией также ничего не было сказано о начале боевых действий против «Третьего рейха», а за прокламацией вообще не последовал конкретный приказ воинским частям. Тактика выжидания проявилась и в том, что венгерский офицер, направленный в распоряжение 4-го Украинского фронта для переговоров о согласовании действий советской и венгерской армий, не обладал необходимой информацией о дислокации венгерских войск²⁶. В Москве создавалось впечатление, что венгерские лидеры по-прежнему стремятся затянуть сроки разрыва с Германией, хотя здравый смысл, казалось бы, требовал быстрых действий, чтобы не дать немцам времени для превентивных мер. Можно согласиться с венгерским дипломатом Д. Барца, писавшим: «Для Венгрии настоящей катастрофой стало то, что все предпринимавшиеся в ходе войны внешнеполитические акции из-за несовершенства исполнения, примитивизма, не только захлебнулись, но повлекли за собой беды. При более квалифицированном, энергичном и последовательном исполнении планов можно было бы осуществить их успешно (об этом свидетельствует пример Румынии)»²⁷.

15 октября в Будапеште был совершен государственный переворот, Хорти был отстранен от власти, а пришедший ему на смену лидер партии нилашистов Салашы оставался верен Германии до самого конца. Из-за нилашистского путча события развернулись по наихудшему сценарию. Шанс был упущен, подписание перемирия с Венгрией было отсрочено на 3 месяца. К этому времени в Венгрии было сформировано под контролем Москвы новое правительство, в котором тон задавали левые силы; сфера его действия расширялась по мере продвижения Красной Армии по территории страны²⁸.

Таким образом, румынский прецедент так и не побудил венгерское правительство к своевременному разрыву с «Третьим рейхом» и организованному взаимодействию с частями Красной Армии. В отличие от короля Михая и его окружения в Румынии, предпринявших 23 августа решающий шаг, порвав с Германией и объявив ей войну, Хорти в силу объективных, но прежде всего субъективных причин оказался неспособен на столь же решительные действия, он всячески оттягивал объявление войны Германии и заключение перемирия с СССР. Это стоило сотен тысяч жизней: при освобождении Венгрии погибло не менее 140 тыс. советских солдат, огромны были потери и среди венгерского населения, в том числе мирного. Положение Венгрии как последнего, наиболее верного сателлита Германии не могло не сказаться на отношении к ней держав-победительниц при рассмотрении в ходе Парижской мирной конференции вопроса о статусе Венгрии в новой системе международных отношений и послевоенных границах страны²⁹, хотя едва ли было бы правильным придавать этому фактору решающее значение. Нам представляется, что первоначальная готовность западных держав пойти на некоторую корректировку в пользу Венгрии ее границ с Румынией сменилась в начале 1946 г. охлаждением не в силу дурной репутации Венгрии как «последнего сателлита» нацистской Германии, а из-за разочарования во внутриполитической ситуации в Венгрии, где убедительная победа партии мелких хозяев на выборах в ноябре 1945 г. отнюдь не переломила вектора развития, не стала препятствием на пути советизации страны³⁰.

¹ Контлер Ласло. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С.424.

² См.: Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии, ноябрь 1918 — апрель 1927 г. М., 1981.

³ Территориальные приращения хортистской Венгрии в 1938–1941 гг. происходили в следующей последовательности. 2 ноября 1938 г. германо-итальянский арбитраж в Вене вынес решение о передаче Венгрии южных областей Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) общей площадью около 12 тыс. кв. км и с населением свыше 1 млн. человек. Весной 1939 г. венгерские войска оккупировали всю Подкарпатскую Русь. 30 августа 1940 г. на основании Второго венского арбитража Венгрия получила Северную Трансильванию (около 43 тыс. кв. км) с населением более 2,3 млн. человек. В апреле 1941 г., во время антиюгославской кампании «Третьего рейха» и его союзников, венгерская армия оккупировала и закрепила за собой часть территории Югославии (край Воеводина) площадью около 12 тыс. кв. км.

⁴ Подробнее о внешней политике Венгрии в этот период см.: Стыкалин А.С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948. Отв. редактор В.В. Марьина. М., 2004. С. 358–442. Из новых работ о П. Телеки см.: Ablonczy B. Teleki Pál. Bp., 2005.

⁵ Стремление правительства графа П. Телеки (1939–1941) к расширению внешнеполитических маневров в условиях продолжающейся Второй мировой войны привело к заключению 12 декабря 1940 г. договора Венгрии с королевской

Югославией о «постоянном мире и вечной дружбе». Тем не менее 28 марта 1941 г. под нажимом немецкой дипломатии и собственного генералитета Хорти дает согласие на проход немецких войск через территорию Венгрии в Югославию. 30 марта в Будапеште было подписано венгерско-немецкое соглашение о совместных военных действиях против Югославии. Принимая во внимание договор с Белградом, венгерское правительство свое непосредственное участие в военной акции обставило определенными условиями — венгерская армия могла пересечь границу с Югославией лишь в случае распада югославского государства, нападения Югославии первой на Венгрию, а также в случае, если будет подвигнута угроза жизни этнических венгров, проживавших в Югославии. Наступление немецкой армии в направлении Югославии было начато 2 апреля. На следующий день премьер-министр граф П. Телеки, возражавший против участия Венгрии в кампании, застрелился в своем рабочем кабинете. 6 апреля части вермахта вторгаются в Югославию. В Венгрии в этот день происходит мобилизация войск, но на границе принимаются лишь меры оборонительного характера. 7 апреля в условиях начавшейся войны с Германией югославские ВВС подвергли бомбардировке венгерские города Печ и Сегед, что дало Венгрии один из поводов для непосредственного вмешательства в конфликт. 11 апреля, после объявления «независимой» Хорватии и начавшейся эвакуации югославской администрации и отступления войск из Воеводины, венгерская армия переходит границу, занимает г.Суботицу и в течение 4 дней овладевает землями, ранее входившими в состав исторического Венгерского королевства, в том числе г. Нови-Садом. Тем самым Венгрия вступила во Вторую мировую войну.

⁶ Поводом для объявления войны СССР послужил не до конца проясненный эпизод — бомбардировка г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией.

⁷ Fülöp Mihály. A királyi Romania és Erdély, 1944–1947 // *História*. Bp., 1994. N. 2. 29. old.

⁸ См. мемуары Каллаи: Kallay N. *Hungarian Premier. A Personal Account of a Nation's Struggle in the Second World War*. New York, 1954. Венгерское издание: Kallay M. *Magyar miniszterelnöke voltam. 1942–1944*. I-II. Bp., 1991.

⁹ Один из венгерских эмиссаров, направленных в Швейцарию, был уполномочен заявить своим партнерам по тайным переговорам, что «ввиду отсутствия взаимного доверия между Венгрией и СССР» венгерское правительство предпочитает не вести переговоры с русскими. См.: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций (За кулисами официальной дипломатии)*. Будапешт, 2004. С. 67 (автор этой малодоступной книги, сочетающей в себе мемуары и исследование, — офицер спецслужб, осенью 1944 г. переводчик, работавший с венгерской делегацией, прибывшей в Москву на переговоры о перемирии). Только в начале весны 1944 г., когда Красная Армия подошла близко к венгерским границам, делаются первые робкие попытки установить в Турции контакты с советской дипломатией и разведкой, главным образом для того, чтобы больше узнать о советских планах в отношении Венгрии.

¹⁰ Уже в середине 1943 г. по инициативе начальника генштаба венгерской армии генерала Сомбатхейи начинается разработка плана действий венгерских войск в целях содействия выброске в Венгрию англо-американского десанта. В соответствии с этим планом предполагалось задержать Красную Армию в Карпатах вплоть до прихода в Венгрию войск западных союзников. Работу по составлению плана приходилось скрывать от прогермански настроенной части генералитета. Кстати сказать, в военных ведомствах США и особенно Великобритании поначалу не исключали планов выброски десанта в Венгрии или близ южной венгерской границы в целях решения важнейших стратегических задач, стоявших на центральноевропейском направлении. Такая перспектива рассматривалась и в генштабе вермахта, заставляя заниматься проработкой контрмер.

¹¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000. С. 193.

¹² Цит. по: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций*. С. 26.

¹³ См.: Juhász Gyula. *Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban*. Bp., 1988. Советская сторона в принципе не исключала возможности контактов антигитлеровской коалиции с оппозиционными силами во враждебных странах, однако при этом, как считали в Москве, никак не следовало поступать важнейшими требованиями (безоговорочная капитуляция, возврат захваченных территорий, возмещение причиненных войной убытков, наказание виновников войны).

¹⁴ Цит. по: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций*. С. 68. В мае 1943 г. в ходе встреч в Лондоне с британскими официальными лицами В. Бему было заявлено, что заключение перемирия Венгрии с союзниками возможно лишь при ее готовности взять на себя ряд обязательств (не посылать войска на восточный фронт; в случае вторжения с юга англо-американских войск открыть им границу и не оказывать сопротивления; обеспечивать Великобританию информацией о военных планах Германии).

¹⁵ См. там же. С. 56.

¹⁶ 18 марта 1944 г. Хорти встречался с Гитлером близ австрийского города Зальцбурга. Фюрер, знавший о попытках премьер-министра М. Каллаи навести мосты к западным державам, в ходе встречи угрожал, что отнимет у Венгрии приобретенные начиная с 1938 г. земли, разрешит румынским и словацким войскам оккупировать их. Регент отказался подписать письмо с приглашением немецких войск и в то же время согласился образовать правительство, угодное Берлину. На следующий день началось вторжение немецких соединений в Венгрию. В отсутствие Хорти, еще не вернувшегося из Зальцбурга, Каллаи, убедившись в нежелании венгерского генералитета оказать сопротивление вермахту, отдал приказ о сложении оружия, в тот же день снял с себя полномочия премьер-министра и, опасаясь ареста, укрылся в турецком посольстве. Подробнее см.: Ranki Gy. 1944. március 19. *Magyar német megszállása*. Budapest, 1968; Kallay M. *Magyar miniszterelnöke voltam. 1942–1944*.

¹⁷ Контакты эмиссаров нового правительства с представителями западных держав имели место еще до этого.

¹⁸ Подробнее см.: Попов Е. В. *В лабиринте секретных операций*. С. 87.

¹⁹ Текст письма см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы. С. 251–252.

²⁰ См.: Предварительные условия перемирия, принятые делегацией Венгрии. 11 октября 1944 г. // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Том I. 1944–1948 гг. Отв. редактор Г.П. Мурашко. Москва — Новосибирск, 1997. С. 75–76.

²¹ Horthy M. Emlékirataim. Вр., 1993.

²² К 15 октября части Красной Армии подошли к реке Тиса.

²³ См. представление заместителя начальника Генштаба Красной Армии генерала армии А.И. Антонова главе венгерской миссии генерал-полковнику Г. Фараго по поводу невыполнения принятых на себя Венгрией предварительных условий перемирия. 14 октября 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. Документы. Отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 1999. С. 103–104.

²⁴ Был подготовлен, в частности, сигнал для командующих двух венгерских армий, по которому они должны были прекратить военные действия против Красной Армии, установить связь с советским командованием, а затем выступить против немцев.

²⁵ Надо иметь в виду, что многие офицеры хотя и были верны Хорти, но страх перед советской оккупацией заставлял их воевать на стороне Германии. В то же время на сторону Красной Армии перешли влиятельнейшие представители генералитета начальник генштаба Я. Вереш и командующий первой армией Б. Миклош, позже глава первого послевоенного правительства Венгрии.

²⁶ Через считанные часы было проявлено больше готовности к переговорам, к командующему фронтом маршалу Р.Я. Малиновскому собирались направить офицера с необходимыми картами, однако было уже поздно, в стране произошел государственный переворот.

²⁷ Цит. по: Попов Е. В. В лабиринте секретных операций. С. 159.

²⁸ В обсуждении вопросов, связанных с формированием нового венгерского правительства, участвовала и делегация во главе с генералом Г. Фараго, направленная Хорти. См.: Из дневника В.М. Молотова. Прием членов венгерской делегации 6 декабря 1944 г. // Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. С. 110–113. В контактах с Москвой хортисты по-прежнему настаивали на максимальном сохранении новым правительством преемственности прежнему режиму.

²⁹ Парижский мирный договор 1947 г. с небольшими корректировками (не в пользу Венгрии!) подтвердил границы страны, установленные Трианонским договором.

³⁰ Подробнее см.: Стыкалин А. С. Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы.

«Дать возможность искупить кровью...»

Штрафные части РККА в годы Великой Отечественной войны

Ю. В. Рубцов*

История штрафных частей, учрежденных приказом наркома обороны СССР И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., относится к числу наименее изученных. В первую очередь это связано с ограниченной источниковой базой, отсутствием на протяжении многих лет доступа к большинству документов и невозможностью сколько-нибудь подробного освещения боевой деятельности такого рода воинских частей в открытой печати¹. Сам приказ № 227 зачитывался в войсках и содержал лишь гриф «Без публикации», но стал известен широкому читателю только в 1988 г.²

В силу указанных причин историография проблемы стала формироваться только в последние годы и в ней по существу лишь намечены подходы к ее более полному раскрытию³.

Избегали освещения этой темы в мемуарах и советские военачальники⁴. Что касается тех участников войны, кто непосредственно воевал в штрафных частях, то их воспоминания также немногочисленны и увидели свет в основном в последние годы⁵.

К сожалению, вакуум в объективном освещении истории штрафных формирований был использован авторами псевдонаучных публикаций, в которых вымыслы соседствуют с откровенной фальсификацией, чем наносится серьезный ущерб историческим знаниям наших соотечественников.

В настоящей статье автор сделал попытку комплексно рассмотреть историю создания штрафных частей в РККА в годы Великой Отечественной войны, процесс их формирования и комплектования, конкретную боевую деятельность, правовое положение и порядок реабилитации штрафников, некоторые другие вопросы. При этом автор

опирался как на изданные в последние годы, так и выявленные им в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) документы, а также на материалы своей переписки с участниками войны.

***

Создание в РККА штрафных частей (впервые после Гражданской войны) стало вынужденным ответом политического и военного руководства страны на сложившуюся летом 1942 г. катастрофическую обстановку на южном фланге советско-германского фронта. Нанеся Красной Армии зимой — весной 1942 г. крупные поражения в районе Любани, под Харьковом и в Крыму, вермахт к середине июля прорвал стратегический фронт на глубину до 400 км и развернул наступление в большой излучине Дона на Сталинград и Кавказ.

То, что часть рядового и командно-начальствующего состава была парализована страхом перед превосходящими силами врага, а то и полной безысходностью, подтверждали донесения особого отдела (ОО) НКВД Сталинградского фронта. «Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт и положение безнадежное», — такая точка зрения, высказанная начальником штаба артиллерии 76-й стрелковой дивизии капитаном Свечкором, была далеко не единичной.

В отмеченных ОО НКВД фронта высказываниях военнослужащих, в их переписке все чаще стали фигурировать далекие тыловые рубежи, до которых многие психологически уже были готовы отступить: «Положение у нас крайне тяжелое, почти безвыходное... Так мы довоюемся, что и на Урале

* Юрий Викторович Рубцов — д.и.н., проф. Военный Университет МО РФ.

не удержимся» (начальник отдела укомплектования штаба фронта майор Антонов); «Если на Дону не удержимся, то дела будут очень плохие, придется отступать до Урала. Если союзники нам не помогут, то сами мы не справимся с разгромом гитлеровцев» (техник автобронетанкового управления фронта капитан Погорельный)⁶.

Подобные настроения были не редкостью. Несмотря на дефицит у их носителей объективной информации, они отчасти соответствовали реальному положению дел, отражая, например, неумелое руководство войсками, недостатки вооружения и боевой техники. Но кроме того, в конкретной обстановке лета 1942 г. такие настроения отражали упадок духа многих военнослужащих, их внутреннюю готовность к дальнейшему отступлению.

Один из свидетелей беспорядочного отхода, а, порой, и бегства войск полковник Тетушкин, командир 141-й стрелковой дивизии, которая занимала оборонительный рубеж в районе Воронежа, так изложил свои горькие впечатления в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову: «Ни одной организованно отступающей части я не видел на фронте от Воронежа на юг до г. Коротояк. Это были отдельные группки бойцов всех родов оружия, следовавшие, как правило, без оружия, часто даже без обуви, имея при себе вещевые мешки и котелок. Попутно они (не все, конечно) отбирали продовольствие у наших тыловых армейских учреждений и автомашины. Кто идет с винтовкой, то она обычно ржавая (а производства 1942 г.). Картина эта мне знакома по прошлому году».

Автор письма обращал внимание на недостаточную стойкость и плохую обученность пехоты, отсутствие беспрекословного повиновения младшего старшему, особенно в звене боец — младший командир. С убежденностью старого воина (а он участвовал еще в Первой мировой войне) полковник Тетушкин подсказывал один из путей решения проблемы: «У нас не хватает жесткой дисциплины, чтобы наверняка обеспечить успех в бою, чтобы никто не смел бросить свое место в окопе в любой обстановке. Умри, а держись. Все это должно быть обеспечено соответствующим законом, отраженным в уставах»⁷.

Чтобы восстановить устойчивость стратегической обороны, Ставка ВГК предприняла ряд экстренных мер. На сталинградское направление она перебросила значительную часть своих резервов — шесть общевойсковых армий и шесть танковых корпусов. 12 июля был создан Сталинградский фронт под командованием Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Массирование сил и средств на угрожаемом направлении сопровождалось беспрецедентной акцией информационно-пропагандистского и дисциплинарного характера. В изданном 28 июля 1942 г. приказе наркома обороны СССР № 227 властью, пожалуй, впервые после начала войны была рас-

крыта жестокая правда о реальном положении на фронтах, о том, что дальнейшее отступление грозило Советскому Союзу военным поражением и утратой национальной независимости. Пафос приказа № 227 заключен в следующем его положении: «Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Поскольку главную причину отступления нарком обороны СССР и Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин видел в недостатке порядка и дисциплины непосредственно в частях и подразделениях, он, чтобы любой ценой прекратить дальнейший отход войск, не только дал право, но и прямо потребовал на месте истреблять паникеров и трусов. Командиры рот, батальонов, полков, дивизий, комиссары и политработники, отступившие с боевой позиции без приказа командования, объявлялись предателями Родины со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В качестве одной из репрессивных санкций приказом № 227 в Красной Армии были введены штрафные формирования. Военным советам фронтов, их командующим предписывалось «сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». В пределах армий также формировалось от пяти до десяти штрафных рот численностью 150–200 человек каждая, куда по тем же мотивам направлялись рядовые бойцы и младшие командиры⁸.

Нарком также приказал сформировать в пределах каждой армии три–пять хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода расстреливать на месте паникеров и трусов (случаи массовых расстрелов неизвестны).

Несколько позднее, 28 сентября 1942 г. первым заместителем народного комиссара обороны СССР генералом армии Г. К. Жуковым были утверждены и заместителем наркома армейским комиссаром 1 ранга Е. А. Щаденко объявлены Положения о штрафных батальонах и ротах и их штаты, а также штаты заградительных отрядов (до этого их формирование и укомплектование осуществлялось по временным штатам).

Уже на следующий день после подписания приказа № 227 начальник ГлавПУ Красной Армии генерал-лейтенант А. С. Щербаков обязал начальников политуправлений фронтов, военных округов, началь-

ников политотделов армий лично проследить за тем, чтобы документ был немедленно зачитан и разъяснен всему личному составу. «Не должно быть ни одного военнослужащего, который не знал бы приказа товарища Сталина», — подчеркивалось в директиве начальника Главного политуправления⁹. Все политорганы должны были дважды в день информировать ГлавПУ не только о ходе разъяснения приказа, но и о его выполнении.

15 августа 1942 г. А. С. Щербаков направил военным советам и начальникам политуправлений фронтов, округов, армий новую директиву, в которой вскрыл непонимание некоторыми из них политического значения приказа № 227. Он потребовал не ограничиваться формальным ознакомлением личного состава с содержанием приказа, а увязывать эту работу с воспитанием у людей стойкости и упорства в бою, с организацией штрафных частей и заградительных отрядов. Члены военных советов и руководители политуправлений обязывались лично заниматься организаторской работой и подбором подходящих кадров, не передоверяя эту работу подчиненным¹⁰.

Во исполнение сталинского приказа нарком юстиции СССР и прокурор СССР 31 июля 1942 г. издали директиву № 1096, в которой содержалась квалификация действий командиров, комиссаров и политработников, привлекаемых к суду, как говорилось в документе, «за самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров и за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии», а также определялись сроки расследования этой категории дел.

В действительности, как показывают документы и материалы, которыми располагает автор, многое определялось степенью остроты ситуации на фронте, практикой использования штрафных частей, сложившейся в том или ином соединении, законопослушностью или наоборот произволом конкретных командиров и начальников и другими подобными факторами¹¹.

Как встретили приказ № 227 в войсках? Из донесений ОО НКВД Сталинградского фронта в Управление ОО НКВД СССР следует, что часть военнослужащих, несмотря на энергичную разъяснительную работу политорганов, по-прежнему не верила в благоприятные перемены на фронте и скептически относилась к мерам, предусмотренным приказом № 227.

«Всегда после приказов все вдвое скорее делается, — без обиняков заявил интендант 3 ранга Филипченко из 226-й стрелковой дивизии. — Так будет и теперь. После этого приказа Красная Армия удирает от Ростова до Сальска вдвое быстрее...».

Помощник начальника штаба 6-й гвардейской кавалерийской дивизии Плагаев говорил своим сослуживцам: «Если бы этот приказ был раньше, то мы были бы давно разбиты».

От командиров и начальников не отставали и подчиненные. Командир отделения роты противотанковых ружей из 76-й стрелковой дивизии Галето так «разъяснял» суть сталинского приказа: «Все равно люди, попавшие в штрафные роты, убегут на сторону противника, так как отступать им будет нельзя».

«Подогнал [немец] уже всех к р. Волге, что тогда делать, или топись, или убьет он нас на берегу, или же всех заберет в плен. Возле города Сталинграда — Царицына будет большая бойня». Это — строки из письма рядового Чечкова¹².

Но большинство командиров и бойцов рассматривали приказ «Ни шагу назад!» как необходимое в сложившейся обстановке решение в целях укрепления стойкости войск. «Приказ тов. Сталина справедливый и своевременный, — заявил на митинге командир пулеметного эскадрона 20-го гвардейского кавалерийского полка старший лейтенант Компаниец. — Я теперь сам буду, невзирая на лица, призывать трусов и паникеров к порядку. Погибнет Родина, погибнем и мы».

Кое-кто даже сетовал на то, что документ издан с некоторым запозданием. Красноармеец 1034-го стрелкового полка Найман говорил: «Если бы этот приказ был издан в начале июня, наша дивизия не оказалась бы в Сталинградской области, а крепко дралась бы за Украину»¹³.

Впечатлениям от приказа, зафиксированным по горячим следам, созвучны и воспоминания фронтовиков. «Мне эта горькая правда казалась справедливой, а суровая жесткость — оправданной. Ясно было, что дошло до края, до точки, дальше некуда, — рассказывал о своем потрясении от 227-го приказа писатель Л. И. Лазарев. — Так был настроен не только я, но и все мои товарищи... Очень многие понимали или чувствовали, что надо во что бы то ни стало выбраться из той страшной ямы, в которой мы оказались, иначе гибель, крах всего»¹⁴.

Юридически штрафные части существовали в Красной Армии с 28 июля 1942 г. до окончания советско-японской войны¹⁵. За это время было сформировано 65 отдельных штрафных батальонов (ОШБ) и 1048 отдельных штрафных рот (ОШР), причем их число не оставалось постоянным и уже с 1943 г. стало снижаться.

Всего в их составе, согласно архивным отчетно-статистическим документам Генерального штаба ВС СССР, довелось воевать 427 910 военнослужащим переменного состава. Разбивка по годам: 1942 г. — 24 993 человека, 1943 г. — 177 694 человека, 1944 г. — 143 457 человек, 1945 г. — 81 766 человек¹⁶.

При примерной ежегодной численности действующей армии в 6–6,5 млн. человек доля штрафников ничтожна — от 2,7 процента в 1943 г. до 1,3 процента в 1945 г.

Материалы статистического исследования, проведенного в Генеральном штабе ВС РФ под руководством

генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева, дают возможность проследить динамику изменения количественных параметров на примере 1944 г., когда все фронты вели наступательные операции. Количество штрафных частей и численность их переменного состава характеризовались следующими показателями:

- общее количество штрафных батальонов на всех фронтах колебалось от 15 (в январе) до 8 (в мае), а среднемесячное их число равнялось 11, при этом среднемесячная численность штрафников в одном батальоне составляла около 226 человек;
- общее количество штрафных рот во всех армиях колебалось от 199 (в апреле) до 301 (в сентябре), а среднемесячное число рот составляло 243, при этом среднемесячная численность штрафников в одной роте составляла 102 человека.

Таким образом, одновременно в штрафных формированиях находились чуть более 27 тыс. человек, при том, что численность действующей армии на начало 1944 г. составляла 6,4 млн. человек.

Ясно, что эти цифры не позволяют говорить о сколько-нибудь заметной, тем более решающей роли штрафных формирований в войне. Тем не менее, было бы несправедливым и преуменьшать вклад штрафников в достижение Победы.

Некоторые авторы видят в учреждении штрафных частей лишь проявление жестокой природы советского политического строя.

Можно ли, тем не менее, игнорировать конкретную ситуацию, сложившуюся во второй половине 1942 г. на советско-германском фронте?

Приведем мнение Героя Советского Союза генерала армии П. Н. Лашенко, который в дни опубликования приказа № 227 был заместителем начальника штаба 60-й армии генерала И. Д. Черняховского. «Законы войны объективны. В любой армии солдата, бросившего оружие, всегда ждало суровое наказание, — рассуждал генерал. — Штрафные роты и батальоны, если не усложнять, — те же роты и батальоны, только поставленные на наиболее тяжелые участки фронта. Однако фронтовики знают, как все условно на войне: без жестокого боя немцы не отдавали ни одной деревни, ни одного города, ни одной высоты... Пребывание в штрафниках даже не влекло за собой судимости.

Так чем же были штрафные подразделения? — задавался вопросом П. Н. Лашенко и сам же отвечал: — Шансом для оступившегося, смалодушничавшего, совершившего промах возможностью искупить свою вину, снять с себя черное пятно, часто ценой собственной крови»¹⁷.

Вопреки широко распространенным заблуждениям, штрафные части, приказом № 227, не имели ничего общего с исправительными учреждениями, а представляли собой обычные стрелковые части, на которые распространялись все уставы Вооруженных сил. Разумеется, с определенными оговорками.

Принципиальная разница между штрафными и линейными частями состояла в том, что личный состав штрафных батальонов и рот подразделялся на постоянный (командно-начальствующий состав) и переменный (собственно штрафники), правовое положение которых различалось.

Кадровые военнослужащие были безоговорочно чисты перед законом. Более того, они подбирались, как потребовал нарком обороны, из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политрабработников. Командир и комиссар ОШБ пользовались по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и комиссара дивизии, командир и комиссар ОШР — властью командира и комиссара полка.

Командный состав для штрафных частей специально не готовили, выходцы из органов и частей НКВД были в нем скорее исключением, чем правилом. Назначение на должность осуществлялось в обычном порядке, правда, с предоставлением различных льгот¹⁸.

Так, всему постоянному составу сроки выслуги в званиях, по сравнению с командно-начальствующим составом обычных строевых частей, сокращались наполовину. При назначении пенсии каждый месяц службы в постоянном составе штрафной части засчитывался за шесть месяцев. Повышенным на 20–25 процентов был оклад денежного содержания.

Военнослужащие переменного состава направлялись в штрафные части на срок от одного до трех месяцев либо приказом соответствующего командира (таким правом были наделены командиры дивизий и отдельных бригад и выше в отношении офицеров, командиры полков и выше — в отношении рядового и сержантского состава), либо военным трибуналом, если были осуждены с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий (на основании ст. 28–2 УК РСФСР 1926 г.)¹⁹. По ходу войны к ним присоединялись лица, освобожденные из исправительных колоний и лагерей, а до того осужденные, как правило, за нетяжкие преступления. По неполным данным, за годы войны ИТЛ и колонии НКВД досрочно освободили и передали в действующую армию около 1 млн. человек.

Правда, лишь некоторая часть из них была направлена в штрафные формирования, большинство пополнили обычные линейные части. Именно из такого контингента состояла стрелковая бригада, о которой в книге «Солдатский долг» писал маршал К. К. Рокоссовский и которую некоторые авторы ошибочно принимают за штрафное формирование²⁰.

Провинившиеся офицеры (от младшего лейтенанта до полковника) направлялись в штрафные батальоны, рядовой и сержантский состав — в штрафные роты. Офицеры попадали в штрафные роты только в том случае, если по приговору военного трибунала они были лишены воинского звания. Все

военнослужащие переменного состава, независимо от того, какое воинское звание они носили до направления в штрафную часть, были разжалованы судом или нет, воевали на положении штрафных рядовых.

Нельзя не отметить, что переменный состав штрафных батальонов отличался высокой квалификацией. Например, в составе 8-го ОШБ Сталинградского (Донского) фронта сразу после его укомплектования с петлицами рядовых солдат на гимнастерках воевали бывшие начальник штаба дивизии, начальник штаба танковой бригады, начальник политотдела стрелковой бригады, военные комиссары дивизии, танковой и стрелковой бригад, 12 командиров полков и пять командиров батальонов, 40 командиров рот и батарей, 26 политруков, 81 командир взвода. Вину искупали не только строевые командиры, но и бывшие начальник госпиталя, начальник и военком склада НКО СССР, райвоенком, начальник военторга, ответственный секретарь бюро ВЛКСМ, начальник клуба, секретарь военного трибунала, оперуполномоченный особого отдела НКВД, военфельдшер.

Как показывают выявленные в ЦАМО РФ документы, причины, по которым люди попадали в разряд штрафников, были самыми различными. Рассмотрим их на примере офицеров, в разное время оказавшихся в одном из штрафных батальонов 1-го Украинского фронта. Командир танкового взвода 204-го танкового полка 102-й отдельной танковой дивизии лейтенант П. Д. Матвиенко в районе Вязьмы в октябре 1941 г. попал в окружение. Будучи ранен в ногу, отстал от части. Скрывался от немцев, проживая в своей семье на Полтавщине, до момента прихода Красной Армии в сентябре 1943 г. Подполковник Л. С. Якунин, командир воинской части, дислоцированной в Саратове, вместе с подчиненными организовал в местном ресторане пьянку, в результате которой «учинил хулиганские действия». Офицер связи 52-й гвардейской танковой бригады лейтенант С. Т. Золотухин в июне 1944 г. утерял пакет с секретными документами. Командир взвода пешей разведки 915-го стрелкового полка лейтенант Н. А. Булат трижды получал боевую задачу по захвату контрольного пленного. Но не выполнил ее, то «умышленно сбившись с пути», то допустив «преждевременное метание гранат, чем обнаружил разведгруппу». Начальник заготовительной группы 65-й мотострелковой бригады гвардии капитан П. В. Денисов, в апреле 1944 г. командированный для заготовки зерна и картофеля, пьянствовал, разбазарил вверенное имущество. Почти пятьдесят суток не являлся к месту службы²¹.

По новому месту службы штрафникам на руки выдавалась красноармейская книжка специального образца. При необходимости они приказом по части могли назначаться на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтор, младший сержант и сержант.

Если сразу после выхода в свет приказа № 227 штрафные части комплектовались военнослужащими действующей армии, направляемыми туда на основании приказа командира и по приговору военного трибунала, то затем, в ходе войны контингент штрафников заметно расширился.

В первую очередь — за счет военнослужащих тыловых воинских частей и учреждений, не входивших в действующую армию. Изданный 16 октября 1942 г. приказ наркома обороны СССР № 323 признал недопустимым положение, когда военнослужащие — дезертиры, расхитители военного имущества, пьяницы, злостные нарушители воинской дисциплины и «прочие неустойчивые элементы», осужденные военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны, продолжали службу на прежних местах — в запасных частях, учебных центрах, учебных бригадах и полках, вновь формирующихся частях, военных училищах, тем самым фактически избегая наказания.

Затем многие из них в составе маршевых пополнений направлялись в действующую армию вместе с не имевшими судимости бойцами, принося на фронт «неорганизованность, расхлябанность, и, как следствие этого, малодушие и трусость перед лицом врага, дезертирство и другие преступления». По прибытию на передовую они растворялись в общей массе и чаще всего скрывали свою судимость. В результате не достигал цели судебный приговор, подрывался авторитет суда, расшатывалась дисциплина в частях, куда прибывало такое пополнение.

Приказ наркома обороны № 323 устанавливал следующий порядок использования контингента осужденных военными трибуналами за воинские и другие преступления с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны: на срок от одного до трех месяцев лица командного и начальствующего состава направлялись в штрафные батальоны, красноармейцы и младшие командиры — в штрафные роты.

Если срок пребывания в штрафной части не был определен в приговоре суда, то он устанавливался приказом командира войсковой части, в которой находился осужденный (или начальника гарнизона), исходя из меры наказания, определенной военным трибуналом. Срок пребывания в штрафной части исчислялся с момента фактического прибытия туда осужденного.

При всей суровости указанный приказ наркома обороны, как и приказ № 227, давал человеку шанс, пролив кровь, за один — три месяца стереть пятно со своей биографии. Конечно, попав в штрафную часть, осужденный мог погибнуть, но этот риск оборачивался для штрафника возможностью снять судимость и вернуть прежнее воинское звание.

Следует уточнить, что приказы наркома обороны № 227 и № 323 не определяли конкретного перечня проступков, содержащих признаки преступления,

за которые военнослужащий мог быть направлен в штрафную часть приказом соответствующего командования. Это влекло за собой разнобой и крайности в решениях военных советов и командиров. Нередки были случаи необоснованного направления в штрафные части лиц, совершивших проступки, которые не представляли большой общественной опасности.

Чтобы исправить ситуацию, 21 августа 1943 г. был издан приказ НКО № 0413, который определял конкретный перечень дисциплинарных проступков, деяний, содержащих признаки преступлений, за которые командир части был вправе направлять без суда в штрафные подразделения лиц сержантского и рядового состава, когда обычные меры дисциплинарного воздействия оказывались недостаточными²². Аналогичные права получили начальники гарнизонов, пользовавшиеся правами не ниже командиров полков, в отношении задержанных дезертиров рядового и сержантского состава, бежавших из частей действующей армии и из других гарнизонов.

Таким образом, была практически разграничена компетенция военных трибуналов и военного командования по направлению военнослужащих в штрафные части.

Приказ НКО № 0413 не лишен учета человеческой психологии. За указанные в нем воинские преступления виновные наверняка угодили бы под трибунал, который, в свою очередь, мог приговорить их к длительным срокам заключения, а дезертиров — к расстрелу. С выходом же упомянутого приказа в свет потенциальные уголовники, избегнув суд военного трибунала, получали шанс вернуть себе честное имя через штрафную роту.

Правда, и здесь не все однозначно. Как уже говорилось выше, право самостоятельно осуществлять правосудие, которое приказом № 227 и последующими приказами НКО СССР, включая приказ № 0413, закреплялось за отдельными категориями командиров и начальников, противоречило и Конституции СССР 1936 г., и действовавшему УПК. Наличие такого права давало возможность для значительных злоупотреблений властью в отношении штрафников.

Выше также говорилось, по ходу войны распротраненной стала практика замены заключения в колонию или лагерь направлением в штрафную часть или даже освобождения из ИТК и ИТЛ для мобилизации в действующую армию. Из-за неправильного толкования некоторыми судами нормативных документов случалось так, что уголовникам удавалось из мест лишения свободы попадать не только в штрафные роты, но даже в штрафные батальоны. В январе 1944 г. (то есть после почти полуторагодового существования штрафных частей) заинтересованные наркоматы и Прокуратура СССР, проанализировав практику судебных органов по применению отсрочки исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию, установили, что в ряде случаев такая отсрочка предоставлялась необоснованно.

Совместным приказом заместителя наркома обороны маршала А. М. Василевского и наркомов внутренних дел, юстиции и Прокурора СССР № 004/0073/006/23сс от 26 января 1944 г. устанавливался единый порядок применения отсрочки исполнения приговора с направлением осужденных в действующую армию. Судам и военным трибуналам было категорически запрещено применять отсрочку к «лицам, осужденным за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, ворованья рецидивистам, лицам, имевшим уже в прошлом судимость за перечисленные преступления, а также неоднократно дезертировавшим из Красной Армии»²³. По остальным категориям дел судам и военным трибуналам, решавшим вопрос об отсрочке с направлением осужденного в действующую армию, предлагалось учитывать личность осужденного, характер совершенного преступления и другие обстоятельства дела.

При отсутствии единого толкования правовых актов из заключения удалось вырваться не только некоторой части рецидивистов, но и отдельным заключенным, осужденным по 58-й, «политической» статье, хотя вся их вина нередко состояла в неосторожном высказывании, публично рассказанном анекдоте и т. п. Одним из таких людей был В. В. Карпов, ставший фронтовым разведчиком, Героем Советского Союза.

Поскольку штрафные формирования были по своей сути обычными стрелковыми частями, боевая деятельность и организация службы в них регулировались воинскими уставами.

«На мою долю выпало более года командовать взводом в отдельной штрафной роте. И, конечно же, неплохо знаю суть этого подразделения, — вспоминал фронтовик Н. Г. Гудошников. — Надо сказать, оно почти ничем не отличалось от обычного: та же дисциплина, тот же порядок, те же отношения между солдатами-штрафниками и офицерами. Кому-то, может быть, покажется странным, но ко мне и другим командирам обращались по-уставному: „Товарищ лейтенант“, а не по-лагерному: „Гражданин начальник“, такого я ни разу не слышал. Вооружением, продовольствием снабжали, как и положено... Никаких особых дисциплинарных и иных санкций мы к штрафникам не применяли, кроме уставных. Я часто даже забывал, что команду не совсем обычным подразделением».

«И солдатам не тыкали: „штрафник“, все были «товарищами», — развивает эту мысль бывший заместитель командира ОШР Е. А. Гольбрайх. — Не забывайте, что на штрафные части распространялся Дисциплинарный устав Красной Армии»²⁴.

Тактические возможности штрафных частей были скромными, учитывая численность личного состава и оснащенность легким вооружением — пистолетами-пулеметами ППД и ППШ, винтовками, ручными пулеметами, реже — станковыми пулеметами и ротными минометами. Их использовали в ин-

тересах соединений и частей, которым они временно придавались: штрафной батальон — стрелковой дивизии, рота — стрелковому полку.

Даже будучи укомплектованными, штрафные части редко действовали в полном составе. Как правило, их делили на группы, которые по отдельности придавались той или иной стрелковой части, что сужало их и без того скромные тактические возможности. И тем не менее при соответствующей подготовке и умелом командовании они успешно решали пусть частные, но важные боевые задачи — прорывали неприятельскую оборону, штурмовали опорные и населенные пункты, захватывали «языков», вели разведку боем.

Материалы ЦАМО РФ дают представление о конкретной боевой деятельности штрафных частей. Так, группа штрафников 9-го ОШБ 1-го Украинского фронта из 141 человека, возглавляемая комбатом гвардии подполковником Лысенко, в мае — июне 1944 г. действовала в интересах 410-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии. Самостоятельно было произведено четыре ночных поиска, взято два «языка», разбиты две группы противника общей численностью в 140 человек. Собственные потери составили 22 убитых и 34 раненых.

Еще одна группа из 225 воинов (командир — старший лейтенант Баздырев) в июне 1944 г. наступала в боевых порядках 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии. Были прорваны и взяты три линии обороны врага, подавлены две артиллерийские и три пулеметные точки, уничтожено до 500, взято в плен 25 вражеских солдат и офицеров²⁵.

В Висло-Одерской операции отличилась 123-я отдельная штрафная рота, которой командовал капитан З. М. Бунятов. Зия Мусаевич позже вспоминал: «Мне было поручено чрезвычайно опасное дело: преодолеть тройную линию обороны противника и выйти глубоко в тыл. Мы должны были взять заминированный мост длиной 80 метров через реку Пилица, при этом сохранить мост невредимым, так как по нему должна была пройти боевая техника. И мы выполнили эту задачу, но какой ценой! В этом бою из 670 бойцов в живых остались 47. Скольких я похоронил тогда, сколько писем написал их близким! Всех оставшихся в живых наградили боевыми орденами. А мне 27 февраля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза»²⁶.

Штрафники, безусловно, острее, чем бойцы линейных частей, чувствовали необходимость выполнить приказ командования, невзирая ни на какие обстоятельства. Дополнительный стимул к активным действиям очевиден: чтобы рассчитывать на реабилитацию, для них одного пребывания на переднем крае было недостаточно, следовало активно проявить самопожертвование, героизм и искупить вину, как требовал приказ № 227, кровью.

По архивным документам удалось, правда, не полностью, проследить судьбу одного из штрафников рядового Виктора Павловича Щенникова. К сожалению,

не ясно, по какой причине он попал в штрафбат, но многие обстоятельства убеждают: скорее всего нелепая случайность привела его сюда с должности командира стрелкового батальона 1052-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии 5-й ударной армии 4-го Украинского фронта. Не мог быть трусом или дезертиром старший лейтенант — участник боев с 1941 г., награжденный четырьмя(!) орденами, трижды раненый. На примере таких людей особенно наглядна суровая справедливость такой меры, как направление в штрафную часть (разумеется, если при этом не было, скажем, завуалированной мести со стороны прямого начальника). Такой испытанный боец предпочитал смотреть судьбе в глаза в открытом бою, нежели «исправляться» где-нибудь на лесоповале.

Вот строки из боевой характеристики на бойца-переменника Щенникова, подготовленной командиром взвода гвардии лейтенантом Балачаном сразу же по окончании боя: «При наступлении на сильно укрепленную полосу обороны противника 8 июля 1944 года... будучи первым номером ручного пулемета, он подавил огневую точку противника, чем дал возможность продвинуться остальным. Когда вышел из строя его второй номер, он взял диски и продолжал продвигаться в боевых порядках... Во время выхода с поля боя он вынес 2 ручных пулемета, 2 винтовки, 4 автомата и одного раненого командира отделения. Достоин представления к правительственной награде». На характеристике — резолюция командира роты гвардии капитана Полуэктова: «Тов. Щенников достоин досрочной реабилитации»²⁷.

Под статью Щенникову был его товарищ по расчету ручного пулемета штрафной рядовой Н. С. Корбань. Бывший старший лейтенант, адъютант старший стрелкового батальона 1340-го стрелкового полка 234-й стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта, он, обеспечивая командира расчета боеприпасами, успел в то же время оказать помощь четверым раненым в эвакуации с поля боя, вынес два ручных пулемета и винтовку. Как отличившиеся в боях, и Щенников, и Корбань были представлены к досрочной реабилитации.

Конечно, далеко не все штрафники отличались обостренным патриотизмом, свято блюли требования воинских уставов и войскового товарищества, исповедовали высокую мораль. Война свела в штрафных частях самых разных людей, жизненные пути которых в иных условиях вряд ли пересеклись бы: от вчерашних офицеров до уголовников. Не все одинаково благосклонно относились и к власти, виня ее за сломанную собственную судьбу или судьбу своей семьи — раскулаченные, спецпереселенцы. В архивных документах отмечены факты измены Родине со стороны штрафников, дезертирства, бесчинств, от которых страдало мирное население. И все же основная масса штрафников честно исполняла воинский долг, стремилась возможно быстрее вернуть себе честное имя.

В печати встречаются утверждения, будто стойкость штрафных частей объясняется фактором страха: с тыла их якобы «караулили» заградотряды, которые, угрожая пулеметами, заставляли переменников идти вперед, а при их отступлении вели огонь на поражение по отходящим бойцам и командирам²⁸.

Такие злонамеренные утверждения не выдерживают никакой критики. Командир роты 8-го ОШБ А. В. Пыльцын, воевавший с 1943 г. до самой Победы, писал: «...За нашим батальоном ни при каких обстоятельствах не было никаких заградотрядов, не применялись и другие устрашающие меры. Просто в этом никогда не возникало такой нужды»²⁹.

Не помнил случаев, «чтобы где-то привелось увидеть пресловутой заслон», П. Д. Бараболя, во время Сталинградской битвы командовавший взводом в 610-й отдельной штрафной роте Волжской военной флотилии³⁰.

Герой Советского Союза В. В. Карпов, воевавший в 45-й отдельной штрафной роте на Калининском фронте, которая была сформирована ноябре 1942 г. из заключенных Тавдинлага, также отрицает присутствие заградотрядов за боевыми порядками их части³¹.

Реально заставы армейских заградительных отрядов располагались на удалении 1,5–2 км от передовой, перехватывая коммуникации в ближайшем тылу. Они не специализировались на штрафниках, а проверяли и задерживали всех, чье пребывание вне воинской части не вызывалось необходимостью. Отдельные случаи стрельбы по людям в горячке боя не исключены: бойцам и командирам заградотрядов в непредсказуемой обстановке могла изменить выдержка. Но нет никаких оснований утверждать, что таковой была повседневная практика. Перед строем в индивидуальном порядке карали, как правило, лишь инициаторов бегства с боевых позиций, трусов, паникеров, вражескую агентуру³².

Как ни покажется парадоксальным, но с изданием приказа № 227, несмотря на его крайне суровый характер, уровень правовой защиты военнослужащих, в том числе и заподозренных в самовольном оставлении части, повысился. Раньше отставшего, отступившего без приказа или покинувшего поле боя мог, не разбираясь, застрелить любой разгорячившийся командир или комиссар, а теперь вину военнослужащего определяли профессионалы и, как правило, не второпях. Решение о приведении в исполнение крайней меры наказания принимал не командир заградотряда, а военный трибунал дивизии или, в отдельных, заранее оговоренных случаях, начальник особого отдела армии. То обстоятельство, что борьба с дезертирством приобрела более юридически определенный характер, давало провинившемуся лишний шанс на объективное разбирательство.

В условиях кровопролитных боев, отступления, резкого ухудшения положения на том или ином участке фронта случалось и так, что людей направляли

в штрафную часть или, задержав в ближайшем тылу, даже расстреливали без всяких оснований, второпях, по ошибке, а то и злой воле. Но имеющаяся статистика (по Сталинградскому фронту) показывает, что даже по горячим следам приказа № 227 воевать дальше без какого-либо поражения в правах получили возможность более 91 процента военнослужащих, то есть абсолютное большинство до этого по разным причинам покинувших передовую³³.

Едва ли не самым болезненным вопросом являются потери штрафников. Иные авторы предвзятю, с нарочитым пренебрежением к достоверно установленным фактам пишут о них, как о пушечном мясе, которым командование жертвовало легко и без разбора. Да, свою вину (другое дело, действительную или мнимую) переменники смывали кровью. И гибли их много.

Численность погибших штрафников в масштабах всей войны еще предстоит установить. Сегодня историки располагают лишь разрозненной информацией по отдельным годам. В 1944 г., например, общие потери личного состава (убитые, умершие, раненые и заболевшие) всех штрафных формирований за год (нарастающим итогом) составили 170 298 человек постоянного состава и штрафников. Среднемесячные потери составили 14 191 человек (переменный состав — 10 506 человек, постоянный — 3685 человек), или 52 процента от среднемесячной их численности (27326 человек). Это было в 3–6 раз больше общих среднемесячных потерь личного состава в обычных войсках в тех же наступательных операциях 1944 г.³⁴. Но и при этом говорить о штрафниках как о смертниках — явное преувеличение.

Жертв могло бы быть все же меньше. Как документы, так и свидетельства фронтовиков говорят о том, что иные воинские начальники, получив в свое распоряжение штрафников, видели в них лишь преступников и не считали необходимым беречь как живую силу. Подчас бросали их в бой, не обеспечив проделывания проходов в минно-взрывных заграждениях, оставляя без огневого прикрытия или поддержки. Собственную нераспорядительность в организации артиллерийской подготовки или нежелание поддержать атакующие действия штрафников огнем начальники такого рода списывали на необходимость исправления переменного состава штрафных формирований в максимально тяжелых условиях.

Большого добивались, однако, те командиры дивизий, бригад, полков, которые во главу угла ставили не искупление вины личным составом «любой ценой», а успешное выполнение конкретных боевых задач (тем более что одно другому не мешало). Прежде чем бросить штрафников на врага, они организовывали боевую учебу, хорошо сознавая, что победы скорее добьется не слабо обученный боец, а тот, кто до автоматизма отточил навыки боевой работы. А в ходе боя или операции в полном объеме обеспечивали инже-

нерную и огневую поддержку наступающим штрафникам. Тем самым и боевые задачи такие командиры решали успешнее, и людей сберегали.

По ходу войны выработался следующий порядок освобождения переменников и их реабилитации. Период пребывания в штрафной части не мог превышать срок, определенный в приказе командира или приговоре военного трибунала и, в любом случае, составлявший не более трех месяцев. Очень часто этот срок сокращал, как ни горько, вражеский свинец. Всех погибших переменников посмертно реабилитировали, судимость с них (в случае, если они были направлены в штрафную часть военным трибуналом) снималась. Их семьям назначалась пенсия.

Те же штрафники, кому посчастливилось остаться в живых, освобождались по трем основаниям:

- досрочно в случае ранения,
- досрочно за боевое отличие,
- по отбытии назначенного срока.

Обратимся для иллюстрации к документам 9-го ОШБ. 19 июля 1944 г. его командир гвардии подполковник Лысенко ходатайствовал перед военным советом фронта о реабилитации 91 военнослужащего в связи с тем, что они «показали себя в боях с немецкими оккупантами дисциплинированными, проявили при этом храбрость, мужество и искупили свою вину перед Родиной». В течение четырехдневного боя группа штрафников, поддерживая 151-й полк 8-й стрелковой дивизии, овладела и закрепила на безымянной высоте в районе села Млодзятый Станиславской области. 11 контратак немецкой пехоты в сопровождении самоходных орудий, поддержанных артиллерийско-минометным огнем, отразили штрафники, уничтожив при этом 200 вражеских солдат и офицеров, два танка, девять станковых пулеметов. Из этой группы переменников к реабилитации представлены: по ранению — два человека, за отличия в боях — два человека, по истечению срока пребывания в штрафной части — 87 человек³⁵.

Надо иметь в виду, что не каждого из тех военнослужащих, кто был направлен в штрафную часть военным трибуналом, ждала реабилитация, и оформлялась она не автоматически. Существовало безусловное правило: искупить вину, снять пятно судимости штрафник мог только активными, героическими действиями на поле боя. Кто не смог таким образом проявить себя, и после перевода в обычную стрелковую часть по-прежнему имел судимость и считался отбывающим наказание. От нее бывших штрафников мог освободить военный трибунал фронта лишь в том случае, если они в новой части проявляли себя «стойкими защитниками Родины».

Реабилитацию, как это требовали Положения о штрафных батальонах и ротах действующей армии, стремились провести в торжественной обстановке. Перед строем — для воспитательного эффекта — объявлялся приказ, представители штаба и полит-

управления фронта возвращали офицерам, восстановленным в правах, ордена и медали, а то и вручали полевые погоны с прежними знаками различия. Реабилитированные получали предписания убыть: одни — в свою прежнюю часть, другие — в отдельный полк резерва офицерского состава, третьи — в отдел кадров округа.

Закономерен вопрос, сказывалось ли пребывание человека в штрафной части на его дальнейшей судьбе? Законодательство не предусматривало ущемления прав штрафников по отбытии ими наказания. Больше того, Президиум Верховного Совета СССР по случаю победоносного завершения войны с гитлеровской Германией 7 июля 1945 г. объявил амнистию, которая означала, что военнослужащие, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны (а такие среди штрафников составляли большинство), освобождались от наказания, и с них снималась судимость.

Но среди прошедших штрафные части было немало ранее находившихся в плену или в окружении, проживавших на оккупированной территории, а таким людям власть откровенно не доверяла. Характерен в этом смысле пример старшего лейтенанта в отставке И. И. Коржика. «Я много раз после штрафбата пытался вернуться в авиацию, — вспоминал фронтовик. — Ведь к тому времени я имел на своем счету 150 ночных боевых вылетов, был награжден орденом Красного Знамени. Но меня отправили в глубокий тыл, в запасной полк... Уже не говорю о том, что над штрафниками еще долго висел домоклов меч и после их демобилизации»³⁶.

Понятны чувства фронтовика, беззаветно воевавшего за Отечество, но так и не ощутившего полного доверия государства. Он был сбит над территорией врага, ушел в партизаны, до самого соединения со своими не выпускал из рук оружия, после чего был обидно уравниен штрафбатом с каким-нибудь дезертиром, трусом или растратчиком. Преодолев обиду, честно отвоевал и там, однако, в глазах власти так и остался человеком второго сорта, которому не было полного доверия.

Но тем выше оказалось достоинство десятков тысяч фронтовиков, которые, вопреки не всегда справедливо складывающейся судьбе, смогли, пройдя штрафные батальоны и роты, с незапятнанной репутацией встретить День Победы.

***

Учреждение в РККА летом 1942 г. штрафных частей было одной из крайних карательных мер, к которым прибегло Верховное Главнокомандование для решительного перелома положения на фронте в момент едва ли не самого тяжелого для Советского Союза и его Вооруженных сил испытания.

Штрафные батальоны и роты выступили каналом мобилизации в интересах защиты Отечества значительного числа людей, по возрасту и состоянию

здоровья способных стать в воинский строй, но в ином случае оставшихся бы за рамками действующей армии. Для почти 430 тысяч человек, совершивших преступление, оступившихся, смалодушничавших, они стали суровой, но единственной альтернативой расстрелу или многолетнему заклю-

чению в исправительно-трудовом лагере, колонии. Люди получили возможность в бою с врагом, с оружием в руках искупить свою вину. Большинство штрафников ценой пролитой на поле боя крови, а то и самой жизни смогли вновь обрести честное имя воина.

¹ Вплоть до второй половины 80-х годов прошлого века сохраняли силу Правила по сохранению военной тайны в печати Красной Армии (на военное время), утвержденные приказом заместителя наркома обороны СССР Маршала Советского Союза А. М. Василевского № 034 от 15 февраля 1944 г., в соответствии с которыми к открытому опубликованию запрещались «все сведения о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах». — Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 251.

² См.: Военно-исторический журнал, 1988, № 8. С. 73–75. Редкие исключения делались лишь для ведомственных изданий. Так, текст приказа № 227 был в полном объеме помещен в 1958 г. в учебном пособии, вышедшем в Военной академии им. М. В. Фрунзе. — См.: История военного искусства. В 6 тт. М., 1958. Т. 5. С. 780–783.

³ Ивашов Л., Рубцов Ю. В прорыв идут штрафные батальоны... // Библиотечка «Красной звезды», 1992, № 3; Лашенко П. Н. Продиктован суровой необходимостью. // Военно-исторический журнал, 1988, № 8; Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2006. Гл. 14; Рубцов Ю. В. Кому — до ордена, ну, а кому — до «вышки». // Геополитика и безопасность (РАЕН), 1996, № 4; Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. М., 2007.

⁴ Редкое исключение составили труды: Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989; Шатилов В. М. Знамя над рейхстагом. М., 1975.

⁵ Бараболя П. Д. В бой уходили штрафники. — В кн.: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3 тт. Т. 1. М., 1995; Гольбрайх Е. Я знал, что нужен. // Дуэль, 2005, № 41, 43–45, 47; Пыльцын А. В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. СПб., 2003; Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата. 1941–1945. М., 2006.

⁶ Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 168–169.

⁷ «Умри, а держись». // Родина, 2005, № 4. С. 30–31.

⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 278.

⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 153.

¹⁰ В директиве обращалось особое внимание на то, что «приказ товарища Сталина является основным военно-политическим документом, определяющим боевые задачи всей Красной Армии и содержание партийно-политической работы на ближайший период войны». — Русский архив. Великая Отечественная. Главные политические органы... С. 161.

¹¹ Сошлемся на мнение профессионального юриста генерал-майора юстиции в отставке П. Д. Бараболи, которому самому довелось воевать в постоянном составе ОШР: «Самое же существенное упущение, на мой взгляд, состояло в отсутствии статуса, правового положения, определяющего особое (своей необычностью) место штрафных подразделений. Бараболя П. Д. Указ. соч. С. 356.

¹² Сталинградская эпопея. С. 173, 176.

¹³ Сталинградская эпопея. С. 172–173.

¹⁴ Лазарев Л. Записки пожилого человека. // Знамя, 2003, № 7. С. 122.

¹⁵ Последний штрафной батальон был сформирован в августе 1945 г. на Забайкальском фронте. Однако участвовать в боевых действиях против Японии ему не пришлось: из-за скоротечности войны его не успели укомплектовать переменным составом. — См.: Красная звезда, 2006, 15 июня.

¹⁶ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 441.

¹⁷ Лашенко П. Н. Указ. соч. С. 76.

¹⁸ Положения о штрафных батальонах и ротах действующей армии. — Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 312–315.

¹⁹ Отсрочка исполнения приговора к лишению свободы до окончания войны применялась в течение 1941–1945 гг. по большинству воинских и общеуголовных преступлений и выражается следующими показателями (по воинским преступлениям): второе полугодие 1941 г. — 69,7%, 1942 г. — 78,8%, 1943 г. — 83,6%, 1944 г. — 49%, январь–май 1945 г. — 33,7%. — См.: Военно-исторический журнал, 1990, № 9. С. 11.

²⁰ См.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1985. С. 131.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 456, 464, 478; д. 8г, л. 21; д. 11, л. 32; д. 12, л. 211, 220, 237.

²² В их числе приказ называл самовольные отлучки, дезертирство, неисполнение приказа, проматывание и кражу военного имущества, нарушение уставных правил караульной службы и иные. — См.: Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). С. 198.

²³ Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). С. 241.

- ²⁴ Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. С. 113–114.
- ²⁵ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 29, 57.
- ²⁶ Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. С. 183.
- ²⁷ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 13.
- ²⁸ См.: Белоцерковский В. В. Путешествие в будущее и обратно. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2005. С. 75; Лазарев Л. Указ. соч. С. 123; «Мы полгода провели в окопах» (интервью с кинорежиссером Н. Н. Досталем). // Труд-7, 2004, 14 октября.
- ²⁹ Пыльцын А. В. Указ. соч. С. 56.
- ³⁰ Бараболя П. Д. Указ. соч. С. 360.
- ³¹ См.: «Батальон, которого быть не могло» (интервью с В. В. Карповым). // Труд-7, 2004, 14 октября.
- ³² См. подробнее: Рубцов Ю. В. Заградительные отряды в РККА в годы Великой Отечественной войны. // Клио, 2008, № 3.
- ³³ Сталинградская эпопея. С. 207.
- ³⁴ Россия и СССР в войнах XX века. С. 441.
- ³⁵ ЦАМО РФ, ф. 1257, оп. 115516, д. 4, л. 1а–10.
- ³⁶ Цит. по: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. С. 152.

Роль Советского Союза в создании государства Израиль

В. П. Воробьев*

Вторая мировая война, начавшаяся в 1939 году и принесящая за пять с половиной лет множество бед еврейскому народу, когда во время Холокоста в нацистских лагерях было уничтожено порядка шести миллионов представителей этой нации, не только не сломила Еврейский дух, но и стала очередным шагом к созданию еврейского государства.

Советский Союз — страна, на территории которой проживала одна из крупнейших в мире еврейских общин; страна, которая внесла решающий вклад в победу над нацистской Германией, ставившей целью физическое уничтожение всех евреев; страна, бывшая в течение практически полувека одной из двух сверхдержав, определявших мировую политику — сыграл ключевую роль в возникновении и становлении Государства Израиль. В критически важный период Второй мировой войны, а также послевоенных дипломатических баталий в ООН относительно будущего Палестины, именно советская поддержка как дипломатическая, так и военно-политическая оказывала решающее воздействие на ход событий. В поисках помощи и содействия лидеры еврейской общины Палестины, а позднее руководители Израиля, в критически сложный период войны за независимость, обращались именно к Советскому Союзу.

Позиция руководства СССР и его политика по отношению к еврейской общине Палестины стала особенно заметной, когда к власти в Германии пришла Национал-социалистическая партия. На территории Советского Союза на тот период, проживали 3100 тысяч евреев. В годы Великой Отечественной войны наибольшее число евреев сохранилось благодаря грамотно организованной советским руководством эвакуации, а затем именно Красная Армия освободила многие лагеря смерти в Восточной Европе, спасая тем самым жизни оставшихся там евреев.

Образование современного Израиля можно считать одним из наиболее ярких событий XX в. как в истории еврейского народа, так и всего мира. Выражаясь современным языком, «проект» возрождения израильского государства является уникальным с точки зрения его успешности. Это государство возникло точно в срок, предсказанный основателем политического сионизма Т. Герцлем — практически через 50 лет после первого сионистского конгресса.

В то же время нельзя не отметить, что это государство всегда было окутано множеством ложных мифов. До недавнего времени история Палестины и Государства Израиль была предметом острых идеологических споров, которые подпитывались состоянием «холодной войны» и противостоянием сверхдержав. Груды книг и статей, посвященные данному периоду формирования израильской государственности, отличались крайней тенденциозностью. Причем искаженное освещение событий, зачастую приобретающее характер откровенной фальсификации реальной истории была свойственна и израильским, и советским и западным «специалистам». С распадом СССР попытки по-новому, прежде всего, объективно и непредвзято переосмыслить феномен Государства Израиль коснулись исторической науки как у нас в стране, так и за рубежом.

Поднявшаяся в последнее время волна исторических фальсификаций истоков, хода и итогов Второй мировой войны имеет своего рода «шлейф»: реанимируются идеи, принижающие значение образования Израиля и роль Советского Союза в его создании и становлении. Эти идеи в конечном итоге направлены на подрыв международного авторитета России, снижение эффективности на нынешнем этапе российской внешней политики на Ближнем Востоке, замедление динамично развивающихся отношений нашей страны с Израилем. Их авторы, очевидно,

* Валерий Павлович Воробьев — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, проректор по кадровой политике МГИМО (У).

руководствуются словами Оруэлла из его романа «1984»: «Кто управляет прошлым — тот управляет будущим, кто управляет настоящим — тот управляет прошлым».

В данном случае суть искажений истории антироссийски настроенными политиками, общественными деятелями и учеными состоит в том, что бывший Советский Союз рассматривается ими как своего рода аналог фашистской Германии во внешней и внутренней политике. При этом акцент делается на «сходном антисемитизме» Гитлера и Сталина. Венчает это теоретическое построение вывод о массовом уничтожении евреев нацистами, преследовании евреев в СССР в конце 1940-х и начале 1950-х годов, охлаждении советско-израильских отношений в последние годы жизни Сталина как о событиях и явлениях одного порядка, проистекающих из антисемитизма высшего руководства Германии и Советского Союза.

Чтобы убедиться в абсурдности такого рода выводов, обратимся к реальным, отраженным в документах и высказываниях политических деятелей, событиям и фактам.

I

С приходом в сентябре 1933 года к власти в Германии Национал-социалистической партии во главе с А. Гитлером для еврейского населения Германии, чуть позже Восточной Европы и всех оккупированных немцами стран, а затем и СССР, начался один из самых мрачных периодов истории. Уже через два года после победы на всеобщих выборах 15 сентября 1935 года, нацисты принимают два расистских правовых акта, которые вошли в историю как «Нюрнбергские законы»: закон о гражданстве и закон об охране германской крови и германской чести. Согласно принятым нормативным актам, полноправным гражданином Германии мог быть лишь тот, кто обладает «германской или родственной ей кровью и кто своим поведением доказывает желание и способность преданно служить германскому народу и рейху»¹. Такая формулировка фактически означала лишение немецкого гражданства, в первую очередь, евреев и цыган.

Вслед за принятием «Нюрнбергских законов» немецкое правительство издает ряд комментариев и распоряжений, призванных уточнить и конкретизировать формулировки одобренных законов. Согласно этим распоряжениям, евреям стал закрыт доступ почти ко всем должностям и профессиям, свобода их передвижения была резко ограничена, а в удостоверениях личности была сделана пометка «Jude» [еврей]. Немного позже Министерство экономики Германии предписало всем евреям, проживающим на территории страны, в особом порядке зарегистрировать свою собственность, с 1 сентября 1938 года евреям вообще запрещалось владеть и управлять предприятиями, фирмами и заводами².

После убийства в Париже французским евреем немецкого посла Э. фон Рата по Германии прокати-

лась волна беспорядков и погромов. В ночь с 9 на 10 ноября 1938 года произошла первая массовая акция прямого физического насилия по отношению к евреям на территории Германии и Австрии, вошедшая в историю как «Хрустальная ночь». Жертвами стали 91 человек и более трех с половиной тысяч евреев были арестованы, а впоследствии отправлены в тюрьмы и концлагеря Заксенхаузен и Дахау, в эту же ночь были сожжены практически триста синагог и сотни жилых домов³.

Наконец, уже после начала боевых действий на Восточном фронте высшие руководители Германии принимают ряд решений об «окончательном решении еврейского вопроса», то есть об уничтожении евреев, проживавших на оккупированных немцами территориях. Это решение открыло дорогу созданию многочисленных лагерей смерти и уничтожению сотен тысяч человек как в Германии и Восточной Европе, так и на территориях Советского Союза, занятых немецкими войсками.

С самого начала боевых действий на Восточном фронте 22 июня 1941 года советское правительство начало проводить политику эвакуации населения и материальных ценностей за Урал и в Среднюю Азию. В ходе переноса в тыл предприятий промышленности и перемещения гражданского населения, начавшихся в первые дни войны и продолжавшихся вплоть до 1942 года, спаслось большое количество евреев, проживавших на территории СССР. Согласно приблизительным данным, в Советском Союзе, в границах 1939 года, проживало, как уже отмечалось, свыше 3 миллионов евреев. После присоединения к нему западных частей Белоруссии и Украины и Молдавии численность евреев увеличилась еще на 2 миллиона человек⁴.

Даже принимая во внимание трудности политики эвакуации, число сохранивших свои жизни евреев СССР было очень велико. Наибольшие сложности вызывал вывоз населения из приграничных западных районов страны, примыкавших к Германии и первыми подвергшихся нападению. Ввиду успешности первых месяцев «блицкрига» из двух миллионов евреев, проживавших в Западной Белоруссии, Западной Украине, Прибалтике и Молдавии, удалось эвакуировать не более 12%, то есть всего около двухсот тысяч человек. С остальной же территории СССР находившейся на большем удалении от линии фронта, к моменту прихода немецких войск было вывезено за Урал более миллиона евреев, что составляло треть еврейского населения европейской части Советского Союза. Кроме того, значительное, хотя точно неизвестное ввиду отсутствия какой-либо надежной статистики, количество евреев спаслось бегством, без участия государственных служб, ответственных за эвакуацию. Таким образом, общее число советских евреев, находившихся вне зоны немецкой оккупации в ходе всей войны, а потому не подвергавшихся риску физического уничтожения, составляло 2 миллиона

250 тысяч человек (из которых, как уже отмечалось выше, около двухсот тысяч человек было вывезено из западных регионов СССР, еще чуть более миллиона — из европейской части страны, в том числе из Москвы и Ленинграда, и наконец, еще около миллиона евреев проживало на территориях, не подвергшихся немецкой оккупации вообще)⁵.

Сразу после начала войны, 24 июня 1941 года был создан Совет по эвакуации при СНК под председательством Л. М. Кагановича. Хотя никаких прямых и отдельных директив относительно перемещения евреев Совет не издавал, процент евреев среди 12 миллионов вывезенных за Урал людей на практике был высок. По материалам Еврейского антифашистского комитета, значительная часть эвакуированных была расселена в Западной Сибири, Казахстане и Узбекистане. Судьба людей, оставшихся на территориях, оккупированных немецкой армией, была схожа с судьбами восточноевропейских евреев — их помещали в гетто, имущество конфисковывали, а впоследствии их самих уничтожали. Советские руководители и, в частности, И. Сталин в тот период очень осторожно высказывались относительно массовых убийств евреев на захваченных территориях, особо подчеркивая, что евреи подвергаются гонениям так же как и славяне. Однако 7 ноября 1941 года, в очередную годовщину Октябрьской революции, Сталин произнес важную речь, сказав, что «гитлеровцы ... так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим. Гитлеровская партия есть партия... средневековой реакции и черносотенных погромов»⁶. Нарком иностранных дел В. М. Молотов в одной из своих четырех нот, направленных правительствам союзных стран и опубликованных 6 января 1942 года, перечислил все преступления, совершенные немцами на оккупированных территориях, отдельно подчеркнув уничтожение евреев:

«Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице — Киеве ... было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избивали... расстреливали из автоматов. Много массовых убийств... и в других украинских городах, причём эти кровавые казни особенно направлялись против безоружных и беззащитных евреев из трудящихся»⁷.

19 декабря 1942 года правительство СССР опубликовало декларацию, в которой утверждалось о наличии у Гитлера, с самого начала, «особого плана поголовного истребления еврейского населения на оккупированной территории Европы и в самой Германии, а также указывалось, что «относительно к своей небольшой численности, еврейское меньшинство советского населения... особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских выродков»⁸.

С началом контрнаступления советских войск под Москвой в 1941 году были созданы различные

комиссии — Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию гитлеровских преступлений и особые комиссии в составе НКВД — для расследования действий, совершенных немцами в период оккупации. В справке НКВД, составленной генералом П. А. Судоплатовым в 1942 году, подчеркивалось, что именно убийства евреев носили массовый характер и начинались немедленно после занятия того или иного населенного пункта: регистрация, сбор под предлогом переселения или отправки на работу, убийство рядом с местом проживания, ограбление имущества жертв — таков был порядок, принятый немецкими войсками⁹.

Отдельно следует подчеркнуть разный эффект, который имели в тех или иных областях СССР, нацистские призывы к местному населению вступать в отряды полиции и жандармов, а также сотрудничать с немецкими войсками в уничтожении евреев. Несмотря на тенденциозность официальных заявлений, многочисленные доклады средних и старших офицеров немецких войск говорят об обратном. Так, в одном из отчетов из оккупированной Литвы говорится, что «к нашему изумлению вызвать там еврейский погром ... оказалось непростой задачей». Только небольшое количество литовцев было готово вступать в отряды, целью которых было уничтожение евреев. В Латвии данная задача оказалась не менее тяжелой, и только к концу июля 1941 года немецкие офицеры сумели организовать несколько подобных латышских отрядов. В Эстонии число евреев в принципе было крайне невелико, не более 2 тысяч человек, и все они были убиты собственно немецкими частями, без участия местного населения¹⁰.

Наиболее проблематичной для немецкого военного командования была ситуация в Белоруссии, где местное население, в отличие от восточноевропейских стран, как то Польши или Чехословакии, не рассматривало немецкую оккупацию как повод, чтобы избавиться от местных евреев. Как утверждают немецкие отчеты от 1941–1942 годов, «неизменно нужно констатировать, что население воздерживается от какой-либо самостоятельной акции против евреев». При этом авторы отчетов отмечают, что истребление евреев в Белоруссии не встречало одобрения или поддержки местного населения вообще: «для белорусов не существует еврейского вопроса ... Евреям все сочувствуют и их жалеют, а на немцев смотрят как на варваров и палачей евреев»¹¹. Если в Прибалтике немцам удалось сформировать, пусть и небольшие, но местные отряды, входившие в структуру СС, то в Белоруссии подобных частей образовано не было.

Несколько большего успеха в своей политике привлечения местного населения на свою сторону немцы добились на Украине, где националисты считали, что евреи «являются самой преданной опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма в Украине». Организация украинских националистов рассматри-

вала свою помощь в уничтожении евреев как часть борьбы с большевизмом. Среди населения западной и центральной Украины была сформирована местная милиция, составлявшая «списки подозрительных лиц», среди которых большую долю составляли евреи, а в составе войск СС были сформированы украинские бригады «Нахтигаль» [соловей] и «Роланд». В конце лета 1941 года по Западной Украине прокатилась волна еврейских погромов, в которых принимало участие местное население. В результате этих погромов погибло около 28 тыс. евреев¹².

В оккупированных областях собственно РСФСР, немцы не могли апеллировать к антиеврейским настроениям местного населения. Аргумент о «московском империализме» оказывался здесь несостоятельным, а «тезис об «иудео-большевизме», лишённый своей опоры в местном национализме, в значительной мере утрачивал свою вербующую силу». Среди местного русского населения нашлось «лишь относительно немного людей, активно поддерживавших немцев в их истребительной антиеврейской политике»¹³.

В конце Второй мировой войны стало ясно, что именно в Советском Союзе выжило наибольшее число евреев, несмотря на большое число жертв среди населения, жившего на оккупированных территориях. Так, в странах Восточной Европы в концентрационных лагерях погибло от 50% (как это было в Румынии) до 90% (в Польше) еврейских жителей.

Автор книги «История Государства Израиль (1896–2002 гг.)» М. Штереншис приводит следующие данные об истреблении еврейской нации во время Второй мировой войны. Так, 2 млн. 800 тысяч евреев погибло в Польше, 800 тысяч — в СССР, 450 тысяч — в Венгрии, 350 тысяч — в Румынии, 180 тысяч — в Германии, 60 тысяч — в Австрии, 243 тысячи — в Чехословакии, 110 тысяч — в Голландии, 25 тысяч — в Бельгии, 50 тысяч — в Югославии, 80 тысяч — в Греции, 65 тысяч — во Франции, 10 тысяч — в Италии. Еще 200 тысяч евреев погибло, сражаясь в рядах Красной Армии, 2500 евреев пало в боях с фашистами в рядах британской армии¹⁴.

Известный публицист В. Каджа в статье «Так воевали евреи» отмечает, что в годы Великой Отечественной войны в армию было призвано около полумиллиона евреев — в процентном отношении столько же, сколько и представителей других национальностей. Но в том же процентном отношении евреи вышли на первое место по числу награжденных боевыми орденами и медалями и на первое место по числу удостоенных высшего звания — Героя Советского Союза. Таковых было 157 человек¹⁵.

Постоянный представитель СССР А. А. Громыко говорил в ООН весной 1947 года: «Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания... на территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти полному физическому истреблению. Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения

определено приблизительно в 6 миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережили войну. Но эти цифры, давая представления о жертвах, которые понес еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о тяжелом положении, в котором очутились массы еврейского населения после войны. Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишенным родины, крова и средств к существованию. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств к существованию, в поисках убежища... Пора не на словах, а на деле оказывать этим людям помощь. Это является долгом Объединенных Наций»¹⁶.

Еще до прихода фюрера к власти еврейские интеллектуалы Германии (среди многих имен наиболее известны Арнольд Цвейг и Курт Тухольски) безрезультатно пытались привлечь внимание влиятельных евреев Германии и диаспоры к опасностям, которые несет нацизм прежде всего евреям. Многие немецкие интеллектуалы заплатились жизнями за эти предупреждения, но так и не добились у еврейской элиты понимания опасности.

С другой стороны, немало влиятельных евреев помогало Гитлеру. Вот некоторые примеры. Уолтер Липпман, мэтр газетного дела в США, приветствовал фюрера, называя его речи «подлинным голосом по-настоящему цивилизованного народа». Доктор Макс Науман, лидер Лиги германских евреев-националистов, объявил Гитлера политическим гением. Существовали еврейские ветеранские, молодежные и другие организации в поддержку фюрера. Апофеозом было письмо немецких финансистов и промышленников-евреев, приветствовавших приход Гитлера к власти и обещавших ему поддержку. О чем говорят эти грустные свидетельства? Лишь о неспособности и нежелании элиты прогнозировать события, понять причинно-следственные связи, но еще и о том, что еврейская элита в своих эгоистических интересах не отличается от элит других государств, не раз оставивших свои народы на произвол судьбы.

Однако несравнимо значительнее был вклад самих евреев в борьбу с нацистами. В Ишуве¹⁷ к началу войны проживала лишь небольшая часть еврейского населения мира, и он в военном отношении не сыграл решающей роли в разгроме фашистской Германии. Однако в связи с тем, что эта страница истории долгое время замалчивалась в отечественной историографии, приведем несколько фактов, свидетельствующих о вкладе евреев Палестины в борьбу с нацизмом.

Еврейские добровольцы из Ишува служили во всех родах войск и на всех фронтах. Они несли службу в саперных частях во Франции, Ливии и Греции. Сотни волонтеров из Палестины сложили головы в тяжелых боях с танковым корпусом генерала Роммеля у Эль-Аламейна (Египет). Они служили в инженерных войсках в Ливане, Тунисе, Ливии, Ираке и Иране. Врачи и медсестры из Ишува состояли

на службе в медицинских войсках в Эфиопии. Солдаты из Палестины служили также в британской артиллерии, авиации и морском флоте. Женщины призывались на службу во вспомогательный женский корпус.

В 1942 г. в Палестине была создана «Лига V», т.е. Лига Победы, которая организовывала сбор средств, проводила митинги, устраивала выставки и распространяла в Палестине полученные из СССР брошюры, плакаты и другие материалы о борьбе с фашизмом. Усилиями этого общества удалось наладить регулярную демонстрацию советской кинохроники. На средства, собранные «Лигой V», в дар Красной Армии были переданы санитарные машины для оказания неотложной помощи раненым.

В ходе войны, в результате соглашения между англичанами и «Еврейским Агентством», было решено отправлять евреев-добровольцев из Палестины на особые разведывательные задания, а также в качестве связанных и диверсантов на вражеской территории. Участниками подобных операций были в основном члены ПАЛМАХ («Ударные батальоны»). Одна из участниц ПАЛМАХ Д. Сильвер, работавшая после войны на советском радио, рассказывала, что среди военных инструкторов были кадровые офицеры советской армии. Одной из первых операций ПАЛМАХ стала отправка в мае 1941 г. 23-х бойцов к берегам Ливана, с целью осуществления диверсий на нефтеочистительных заводах в ливанском городе Триполи. Участники этой операции пропали без вести, и их судьба не известна до настоящего времени. В июне 1941 г. британский военный корпус при поддержке частей ПАЛМАХ провел успешную операцию по вытеснению пронацистских коллаборационистов на территории Сирии и Ливана.

Летом 1942 г., когда лидеры Ишува стали получать сведения о массовом истреблении нацистами миллионов евреев Европы, они обратились к англичанам с предложением организовать обучение в британских военных лагерях еврейских парашютистов с целью заброски их на контролируемую гитлеровцами территорию. В задачи таких агентов входила помощь еврейскому подполью, организация актов саботажа против нацистов и передача разведывательных данных союзным странам. В октябре 1943 г. были заброшены десанты из числа евреев Палестины в Румынию, Югославию, Венгрию, Словакию и Италию. 12 парашютистов попали в руки нацистов или их пособников. Семеро из них, в том числе командир группы Э. Серени, поэтесса Х. Сенеш и одна из активисток киббуцианского движения Х. Райк погибли в фашистских застенках.

В середине 1944 г. в рамках британской армии был создан Еврейский Легион. Возглавил его канадский еврей, бригадный генерал Бенджамин. За несколько месяцев до окончания войны Легион приступил к выполнению боевой операции на севере Италии, на берегу реки Сенио. Впервые в истории

евреи вступили в бой с нацистами в составе еврейского воинского формирования и под цветами флага будущего Государства Израиль. Солдаты и офицеры, имевшие опыт сражений в борьбе с гитлеровцами, составили впоследствии костяк Армии обороны Государства Израиль (ЦАХАЛ).

II

Лидеры сионистского движения отчетливо понимали, что реализация идеи о колонизации Палестины без помощи «сильных держав мира» тщетна. В результате сближения сионистов с Англией появилась так называемая декларация Бальфура (письмо английского министра иностранных дел банкиру и щедрому кредитору сионистского движения лорду Л. Ротшильду, в которой подчеркивалось, что «правительство Великобритании рассматривает благосклонно вопрос о создании в Палестине национального очага для евреев»¹⁸. Об основной цели сионизма — создании еврейского государства — в декларации Бальфура не говорилось, но для лидеров сионистского движения главным было официальное согласие Англии на иммиграцию и создание еврейских поселений в Палестине¹⁹.

До декларации Бальфура международное право не знало юридического понятия «очаг». На Парижской конференции в 1920 году, отвечая на вопрос тогдашнего госсекретаря США Лайснига, что такое «еврейский национальный очаг», будущий первый президент Государства Израиль Х. Вейцман ответил: «Этот термин означает, что мы хотим сделать Палестину еврейской, как Англия является английской, как США американскими»²⁰. Яснее не скажешь. Надо сразу признать, что декларация Бальфура не явилась результатом соглашения между государствами. Поэтому современное международное право не признает ее юридическую законность. Так, профессор Сорбонны Д. Басдеван писал в свое время, что «Великобритания не имела права осуществлять компетенцию над другими территориями и народами. Палестинская земля, населенная арабами более 1300 лет, никогда не была английской вотчиной»²¹. Однако американский профессор из Гарвардского университета А. Дерховитц не согласен с такой посылкой. В своей книге, которая вышла в 2004 году в Париже на французском языке под названием «Правота Израиля» утверждает, что в Палестине в 1917 году де-факто существовал «еврейский компонент» и его признание Декларацией Бальфура стало вопросом международного права после того, как Лига Наций передала Палестину под британский мандат²².

Кроме того, Уинстон Черчилль, который «всю жизнь был сионистом» последовательно выступал за самоопределение евреев в Палестине. Еще в 1908 году он высказался за создание «сильного и свободного еврейского государства». По его словам, разбросанные повсюду евреи должны были иметь национальный центр и очаг и обосноваться в Палестине, с которой они были связаны на протяжении трех тысячелетий.

«Мы думаем, что это будет хорошо для мира, хорошо для евреев, хорошо для Британской империи, — писал он — но, не менее важно, будет полезно для живущих в Палестине арабов, которые воспользуются достижением и прогрессом сионизма»²³.

Великобритания стала поддерживать сионизм и сионистскую иммиграцию в Палестину по нескольким политическим соображениям. Во-первых, она стремилась использовать сионистскую мотивацию необходимости создания государства для евреев в ходе переговоров о статусе Палестины после Первой мировой войны, стратегическое значение которой было чрезвычайно велико и определялось, прежде всего, близостью к Суэцкому каналу. Во-вторых, британское правительство, принимая на себя обязательство содействовать созданию «еврейского национального очага», рассчитывало уклониться от ранее данного своим арабским союзникам обещания о создании арабского независимого государства, включавшего по соглашению Мак-Магон — Хусейн (1915 г.) всю историческую Палестину. Наконец, руководствуясь в колониальной политике традиционным принципом «разделяй и властвуй», британские политики предполагали отвести своей администрации в Палестине роль арбитра в заранее предсказуемом конфликте между прибывавшими в страну еврейскими поселенцами и коренными арабскими жителями.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. позиции Ишува настолько окрепли, что тогдашний председатель исполкома Всемирной Сионистской Организации и «Еврейского Агентства», будущий премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион открыто выступил с призывом о создании Государства Израиля. Однако стремление еврейской общины страны к национальному и государственному суверенитету натолкнулось на упорное сопротивление палестинских арабов. Арабские лидеры во главе с верховным муфтием Иерусалима Хадж-Амин аль-Хусейни категорически отказались обсуждать саму возможность присутствия евреев в Палестине. Приток еврейских иммигрантов, сокращение земельного фонда арабского сектора, бурное экономическое развитие Ишува — все это объективно приводило к обезземеливанию арабских крестьян, сокращению их традиционного производства и безработице. В 1929 г. и 1933 г. в арабских городах Палестины прошли многотысячные антиеврейские и антисионистские выступления. В ходе массовых волнений арабов-палестинцев, особенно в 1936–1939 гг., правительство Великобритании предложило план Пиля, предусматривавший раздел Палестины на три сектора — арабский, английский и еврейский. Но план этот был отвергнут как руководителями Ишува, так и арабскими лидерами, а восстание арабов в Палестине вспыхнуло с новой силой.

Опасаясь присоединения арабских националистов к странам германской коалиции, английские власти пошли по пути «умиротворения» арабов. 17 мая 1939 г. Великобритания опубликовала «Белую кни-

гу» министерства по делам колоний, содержавшую серьезные уступки арабской общине и в то же время ограничивавшую еврейскую репатриацию в Палестину и продажу земли в стране еврейским учреждениям. Решение Лондона поставило руководство Ишува в очень сложное положение, когда мир вступал в самую кровавую войну XX столетия. Объективно Великобритания становилась противником интересов сионизма. Это вынуждало лидеров Ишува руководствоваться во Второй мировой войне формулой: «Мы будем вести войну, как будто нет «Белой книги», и будем воевать против нее, как будто нет войны».

В сложившихся исторических обстоятельствах сионизм с его идеей создания еврейского государства в Палестине объективно становился союзником Советского Союза. Примечательно, что советское руководство во главе со Сталиным также пришло к пониманию того, что поддержка идеи создания государства для евреев в Палестине в предстоящей войне с Германией будет иметь большее политическое значение, нежели планы создания Еврейской автономной области на Дальнем Востоке или еврейской республики в Крыму. Реализация крымского проекта сразу вряд ли была возможна, учитывая нереальность образования на территории СССР независимого еврейского государства. Очевидно, что накануне войны Сталин и его окружение пришли к выводу о том, что политика благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине будет способствовать укреплению позиций СССР на Ближнем Востоке и в мире в целом.

Многочисленные факты и свидетельства, ставшие достоянием гласности после публикации в 2000 г. в России и в Израиле сборника документов по истории советско-израильских отношений²⁴, доказывали, что советское руководство уже накануне войны было убеждено, что палестинская проблема и создание еврейского государства будут одним из главных вопросов послевоенной мировой политики. Образование в начале 1942 г. Еврейского антифашистского комитета стало демонстрацией того, что Сталин решил отказаться от «элементов» антисемитизма и поддерживал призыв к евреям всего мира солидаризироваться с Советским Союзом. Примечательно, что мировое еврейство, включая Ишув, с воодушевлением откликнулось на этот призыв. Ранее по решению Коминтерна в Палестину было направлено несколько групп для создания агентурной сети и оказания помощи еврейским военным формированиям. Известный советский разведчик генерал П. А. Судоплатов приводит следующие слова Сталина: «Давайте согласимся с образованием Израиля. Это будет как шило для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии. В конечном счете, британское влияние будет полностью подорвано в Египте, Сирии, Турции и Ираке»²⁵.

Сразу после нападения Германии на Советский Союз сионистское руководство и представители советской дипломатии установили между

собой доверительные контакты. Глава Всемирной сионистской организации Х. Вейцман, будущий первый президент Государства Израиль, и председатель «Еврейского Агентства» Д. Бен-Гурион провели серию встреч с послом СССР в Великобритании И. М. Майским, посетившим Ближний Восток 6 октября 1941 года. В ходе одной из бесед Д. Бен-Гурион сформулировал линию поведения Ишува в сложившейся ситуации: понимая, что Гитлер — общий враг англичан и евреев Палестины, лидеры сионистского движения рассчитывали на то, что в ответ на военную помощь евреев Палестины англичане упразднят «Белую книгу». Поэтому он обратился к евреям Палестины с призывом вступить в ряды британской армии. В результате в первые дни войны тысячи еврейских добровольцев влились в британские военные части, выразив желание сражаться против гитлеровцев и их союзников. Отметим, что население Ишува на тот период составляло около полумиллиона человек.

Советское руководство, поддерживая идею очага государственности для евреев в Палестине, находило в сионизме много привлекательного. По его мнению, сионизм первой половины XX века сочетал национальную идею с утопическим социализмом. Только на Святой земле можно обеспечить условия для нормального развития еврейского пролетариата, который станет авангардом борьбы с еврейским и международным капиталом, — доказывал в начале века один из идеологов сионизма Б. Борохов²⁶. Население Палестины включало в себя много выходцев из России, и оно сохраняло ностальгические симпатии к ней.

Политическая ориентация иммигрантов создавала на палестинских землях питательную среду для кооперирования и коммунального движения в целом, развития «рабочей демократии» в рамках широкой предпринимательской деятельности профсоюзного объединения Гистадрут. Переселенцы из России перенесли на землю Палестины свои политические, общественные воззрения, в том числе склонность к социалистическим экспериментам, стремление реализовать здесь русскую социалистическую утопию. Многие из российских сионистов прошли через народнические организации, другие впоследствии принадлежали к партии эсеров. Именно они внесли в классическую сионистскую модель Т. Герцля, предрекавшего на рубеже XIX и XX веков свободное развитие в Палестине частного предпринимательства, народническо-эсеровские идеи: идеализацию крестьянского труда и устремленность к коллективистскому образу жизни²⁷.

И все же внешнеполитическая стратегия Советского Союза была направлена скорее не на создание в Восточном Средиземноморье еврейского социалистического государства, а в первую очередь на вытеснение Великобритании, а в последствии и США из этого региона. В материалах Центрального сионистского архива в Иерусалиме есть ссылка на высказывание одного советского дипломата, который (до образования Государства Израиль) в беседе

с сионистским функционером откровенно заявил: «Хотя социализм в Ишуве не такой, как в Советском Союзе, Москва готова поддержать еврейскую общину в Палестине, если ее представители пообещают не допустить создания здесь военных баз Великобритании или США»²⁸.

III

После окончания Второй мировой войны палестинский вопрос выдвинулся на передний план мировой политики. Отдельные западные ученые и некоторые арабские исследователи пытаются тенденциозно и необъективно освещать позицию Советского Союза при обсуждении палестинской проблемы в ООН. В последнее время благодаря архивным материалам стали известны многие подробности этой позиции, позволяющие воссоздать объективную картину событий более чем шестидесятилетней давности.

Дипломатическая и политическая поддержка Советского Союза, вышедшего из Второй мировой войны одним из победителей, ставшего постоянным членом Совета безопасности ООН, в ключевой период определения судьбы и будущего Палестины стала жизненно важной в создании Израиля. Само появление еврейского государства на политической карте мира в 1948 году произошло во многом благодаря дипломатической поддержке Советского Союза. СССР также был одной из первых стран, признавшей Израиль де-факто и де-юре и установившей с ним дипломатические отношения 17 мая 1948 года. Военная поддержка СССР во время первой арабо-израильской войны, начавшейся 15 мая 1948 года после завершения британского мандата, также сыграла огромную роль в становление только что провозглашенного Государства Израиль.

Между тем, пока велись боевые действия СССР и Великобритания были союзниками в борьбе с нацистской Германией, руководство Министерства иностранных дел Советского Союза запретило дипломатам и представителям Еврейского антифашистского комитета публично высказываться относительно «еврейского государства свободной Палестины, поскольку Палестина, как известно, является подмандатной территорией Великобритании»²⁹. Советский Союз предпочел не обострять отношений со своим союзником из-за Палестины в период борьбы с Гитлером, хотя уже тогда внимательно следил за развитием событий на Ближнем Востоке, о чем свидетельствует докладная записка посла СССР в Египте, а позже главы ближневосточного отдела НКВД, А. Щиборина: «Сионистские организации в Палестине сейчас всячески добиваются установления контакта с нашими миссиями на Ближнем Востоке в расчете заручиться поддержкой СССР в вопросе создания еврейского государства в Палестине ... нам не выгодно сейчас делать какие-либо обещания о поддержке евреев, которые были бы восприняты англичанами как шаг против них»³⁰.

Однако уже в конце Второй мировой войны, когда поражение нацистской Германии стало очевидным, СССР начинает пересматривать свою политику на Ближнем Востоке в целом и в отношении Палестины в частности. На Московской конференции, состоявшейся 9 октября 1944 года, советские представители в беседах с английскими и американскими дипломатами впервые подняли вопрос о Палестине. Предложение В. Молотова, сделанное им Э. Идену, состояло в том, чтобы английские войска были полностью выведены из Египта и Палестины, а в замен Советский Союз вывел бы свои войска из Северного Ирана. Однако Э. Иден и американский посол в Москве У. Гарриман отклонили это предложение. Великобритания и США создали совместную комиссию, на которую была возложена задача выработать для правительств обеих стран предложения и рекомендации относительно будущего Палестины. Отчет англо-американской комиссии был опубликован 30 апреля 1946 года, в ней рекомендовалось сохранить за Великобританией мандат, который впоследствии мог бы быть передан Организации Объединенных Наций. СССР подверг критике выводы комиссии, однако свою четкую позицию в отношении палестинской проблемы еще не определил. Как отмечал в своем письме от 28 июня 1946 года глава арабского отдела Политического департамента Еврейского агентства Э. Сассон, «они [руководители СССР] не хотят определить свое место в еврейско-арабском конфликте в Палестине», однако, «они хотят быть влиятельным фактором на Арабском Востоке, вмешиваться в проблемы региона и участвовать в принятии решений...»³¹. Сразу после завершения Московской конференции И. Сталин дал Наркомату иностранных дел поручение разработать предложения о возможной политике СССР на Ближнем Востоке. Для детального изучения вопроса были сформированы три комиссии, во главе которых стояли И. Майский, М. Литвинов и С. Лозовский. Ни один из выводов комиссий не был утвержден в НКВД, поэтому на данном этапе позиция Советского Союза свелась к двум принципиально важным пунктам: скорейшее снятие английского мандата и установление мандата ООН.

В январе 1947 года Великобритания предпринимает последнюю попытку самостоятельно решить вопрос Палестины и собирает в Лондоне конференцию, в которой участвовали все заинтересованные стороны. Министр иностранных дел Э. Бевин предлагает принципиально новый план урегулирования положения в Палестине, основанный не на принципе раздела страны, а на принципе кантонизации — создания еврейских и арабских административных единиц и тройственного еврейско-арабско-английского правительства в Иерусалиме. Кроме того, еврейская иммиграция в страну должна была быть ограничена четырьмя тысячами человек в месяц. Предложения, высказанные на конференции в Лондоне, были отклонены как евреями, так и арабами. Как результат

провала переговоров, 14 февраля 1947 года Э. Бевин заявляет о передаче вопроса о будущем Палестины в ООН. 28 апреля 1947 года в Нью-Йорке начала работу специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на повестке дня которой стоял вопрос о будущем Палестины. Учитывая послевоенную расстановку сил в мире, нашедшую отражение в структуре Организации Объединенных наций, то или иное решение зависело от позиций, главным образом, двух сверхдержав — СССР и США.

Одновременно с передачей Великобритании вопроса о Палестине в ООН в ближневосточном департаменте МИД СССР принимают новую концепцию советской политики в отношении Палестины. Теперь позиция Советского Союза состояла в том, что необходимо не только максимально быстро снять английский мандат на Палестину, но и создать там единое арабско-еврейское государство, при этом ООН должна была, по замыслу советских дипломатов, разработать «статут единой независимой демократической Палестины с обеспечением равных национальных и демократических прав народам, ее населяющим». Выступая с речью на заседании специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 мая 1947 года, представитель СССР А. А. Громыко заявил, что «английский мандатный режим превратил страну в полувоенное полицейское государство, живущее в постоянном напряжении», и, принимая во внимание все бедствия, постигшие еврейский народ в годы Второй мировой войны, необходимо найти скорейшее решение вопроса дальнейшей судьбы выживших евреев. Говоря о будущем Палестины, А. А. Громыко отметил, что «законные интересы еврейского, равно как и арабского народа Палестины могут быть защищены только при условии создания независимого двуединого демократического арабско-еврейского государства». Однако, как подчеркнул советский представитель, окончательное решение о будущем Палестины должно приниматься только после рассмотрения выводов специальной комиссии ООН. Если она подтвердит, что отношения между евреями и арабами в Палестине испорчены настолько, что создание двуединого государства невозможно, то «тогда было бы необходимо рассмотреть второй вариант, ... предусматривающий раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское»³².

Таким образом, в мае 1947 года Советский Союз официально поддержал возможность создания независимого еврейского государства в Палестине. Реакция лидеров еврейской общины Палестины и в частности Д. Бен-Гуриона на слова А. А. Громыко была положительной: во-первых, заявил он, впервые СССР четко определил свою позицию в этом вопросе ближневосточной политики, а во-вторых, эта позиция предполагала возможность создания еврейского государства. На следующий день после заседания Генеральной Ассамблеи ООН, 15 мая 1947 года, была создана специальная комиссия из представителей

Австралии, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Швеции, Уругвая и Югославии. В обязанности комиссии входило рассмотреть существующее в Палестине положение и представить рекомендации для ООН. Через три месяца работы, 1 сентября 1947 года, комиссия представила свой отчет, некоторые пункты которого, такие как отмена мандата на Палестину и предоставление ей независимости, были одобрены всеми членами комиссии. Между тем, относительно вопроса будущего устройства независимой Палестины имели место разногласия, оформленные в так называемый «план большинства» (за него высказывались Австралия, Канада, Чехословакия, Гватемала, Нидерланды, Перу, Швеция и Уругвай), предполагавший раздел страны на два независимых государства и выведение Иерусалима под международный контроль, и «план меньшинства» (за него высказывались Иран, Индия и Югославия), предусматривавший создание единого федеративного государства со столицей в Иерусалиме.

Как только специальная комиссия ООН сформулировала свои предложения, в Москве начались обсуждения предложенного проекта. В. Молотов, министр иностранных дел СССР, отправил в Нью-Йорк своему заместителю А. Вышинскому телеграмму:

«Вы должны иметь в виду, что когда предлагалось в известной Вам директиве для Громыко в качестве первого варианта разрешения палестинского вопроса создание двуединого государства, то это делалось нами по тактическим соображениям. Мы не можем брать на себя инициативу в создании еврейского государства, но нашу позицию лучше выражает второй вариант нашей директивы, то есть самостоятельное еврейское государство. Поскольку большинство комиссии высказалось за создание отдельного еврейского государства, Вам следует поддержать мнение этого большинства, которое соответствует нашей основной установке по этому вопросу»³³.

В телеграмме Вышинского Молотову от 15 октября 1947 г. указывалось:

«Наше заявление по Палестине было встречено евреями весьма одобрительно. Арабы разочарованы, хотя они после выступления Громыко на чрезвычайной сессии очень мало надеялись на возможность изменения нашей позиции»³⁴.

26 октября 1947 года И. Сталин дал свое согласие на поддержку раздела Палестины.

Таким образом, Советский Союз подтверждал свою прежнюю позицию: в случае, если комиссия ООН сочтет создание единого арабско-еврейского государства невозможным, необходим раздел Палестины на самостоятельные еврейское и арабского государства. Официально СССР озвучил свою позицию через своего представителя в ООН А. А. Громыко, который в ходе своего выступления на второй

сессии Генеральной Ассамблеи 26 ноября 1947 года подтвердил приверженность Советского Союза плану раздела Палестины и подчеркнул, что «такое решение вопроса соответствует коренным интересам не только евреев, но и арабов». В ответ на критику со стороны представителей арабских стран А. А. Громыко заявил, что арабы «указывают на то, будто бы раздел территории является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ был связан с Эрец Исраэль на протяжении длительного исторического периода времени... Кроме того, мы не можем упускать из виду положение, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны... Евреи как народ потерпели больше, чем какой-либо другой народ... В Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев... Предложение о разделе Палестины на два самостоятельных государства и позиция, которую занял Советский Союз в этом вопросе, не направлены против арабов, по нашему глубокому убеждению, такое решение вопроса соответствует коренным национальным интересам не только евреев, но и арабов». Многие историки, в том числе в самом Израиле, считают это выступление переломным моментом в деле достижения израильской государственности. Три дня спустя, 29 ноября 1947 года, была принята резолюция ООН, предусматривавшая раздел Палестины и создание двух независимых государств. В беседах с советскими дипломатами представители Еврейского агентства прямо утверждали, что «еврейское государство стало фактом только благодаря позиции СССР и США...».

Позиция СССР при этом имела определяющее значение. Решить палестинскую проблему в Совете безопасности ООН было невозможно, так как Великобритания в этом случае могла применить право вето. На пленарной сессии ГА ООН — организации, состоявшей в 1947 г. из 60 членов, советское руководство контролировало голоса сразу пяти стран-членов ООН: СССР, Украины (УССР), Белоруссии (БССР), Чехословакии и Польши. Для обеспечения квалифицированного большинства в две трети не хватило одного голоса. Поэтому срочно по инициативе американцев были доставлены в Нью-Йорк отсутствовавшие на предварительном голосовании представители Филиппин и Парагвая. Перед вторым решающим голосованием с ясным и твердым предложением о создании двух государств выступил А. А. Громыко. В конечном итоге в решающем голосовании пять стран советского блока обеспечили необходимое большинство в две трети голосов.

В резолюции за номером 181/11 Генассамблея ООН одобрила раздел Палестины и согласилась на образование на ее территории двух государств: арабского и еврейского. Еврейскому отводилась площадь в 14,1 тыс. кв. км (56% от всей территории Палести-

ны), населенная 509780 арабами и 499 020 евреями; арабскому — 11,1 тыс. кв. км, где должны были проживать 749 000 арабов и 9520 евреев, а также учреждалась международная зона — Иерусалим с 105 540 арабами и 99 690 евреями. Резолюция предусматривала не только поддержание тесных отношений между двумя государствами (экономические и таможенные союзы, общность валют, система транспортной сети и коммуникаций, совместное использование ирригационной системы)³⁵. В соответствии с ней главным условием образования обоих государств было принятие постоянных конституций, и только после этого они становились бы независимыми и самостоятельными субъектами международного права.

В соответствии с указанной резолюцией, в январе 1948 г. была сформирована и приступила к работе специальная комиссия ООН для контроля над подготовкой к образованию арабского и еврейского государств. Британская колониальная администрация и США оказали активное противодействие данной комиссии. 19 марта 1948 г. на заседании Совета Безопасности представитель США Остин внес предложение о созыве специальной сессии ГА ООН «для установления опеки Организации Объединенных Наций над Палестиной», утверждая, что невозможно мирными способами осуществить предложенную программу раздела Палестины³⁶. Руководствуясь директивами из Москвы, советская делегация отвергла американское предложение как несоответствующее резолюции ГА ООН. В этих директивах, утвержденных Сталиным, указывалось: «Предложение США об установлении опеки над Палестиной не соответствует нынешнему культурно-политическому уровню развития еврейского и арабского населения, в силу чего встречает отрицательное к себе отношение и сопротивление как со стороны евреев, так и арабов. Установление опеки над Палестиной не является шагом вперед от мандатной системы к национальному самоопределению народов Палестины, а оставляет Палестину в положении полуколонии»³⁷.

В октябре 1947 года Объединенной Чрезвычайной Комиссией Ишува были подготовлены проекты Конституции и кодекса законов будущего Государства Израиль. В марте 1948 года создан Временный государственный совет, ставший фактически правительством еврейского государства до его фактического провозглашения. Он состоял из представителей 12 политических партий. Именно на его заседании 14 мая 1948 года было сформировано временное правительство из 13 министров. 16 мая 1948 года Х. Вейцман был избран президентом государства. Главой Временного правительства стал лидер партии МАПАЙ Бен-Гурион³⁸. Таким образом, Государство Израиль было образовано. Это было сделано в определенной мере в нарушение резолюции ГА ООН 181 (II), предусматривающей, как известно, создание к октябрю 1948 года арабского и еврейского государств при обязательном участии специальной

комиссии ООН, одной из главных задач которой была разработка необходимых мер по созданию конституционных основ обоих государств.

Ровно в час истечения срока британского мандатного управления в Палестине, в ночь с 14 на 15 мая 1948 г. Временный государственный совет провел свое заседание, на котором Д. Бен-Гурион зачитал Декларацию Независимости, провозгласившую создание Государства Израиль. США через два часа признали Израиль де-факто. Соединенные Штаты ждали процедуры выборов и избрания легитимного правительства для того, чтобы признать новое государство де-юре. СССР признал Израиль через два дня после провозглашения независимости, но сразу де-юре.

Чрезвычайным и Полномочным посланником СССР в Государстве Израиль был назначен П. И. Ершов, Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром Государства Израиль в СССР стала Голда Мейерсон³⁹. 7 сентября 1948 г. в Москве на церемонии вручения копий верительных грамот В. М. Молотову она передала ему благодарность народа и правительства Государства Израиль за помощь, оказанную Советским Союзом в Организации Объединенных Наций. В своем ответе Молотов отметил, что «советское правительство считало это своим долгом, тем более что это полностью соответствует политике Советского Союза в отношении других народов»⁴⁰.

Известный историк Жорес Медведев в статье «Сталин и создание Государства Израиль» отмечал, что без поддержки Сталиным проекта создания еврейского государства на территории Палестины это государство не могло быть создано. Поскольку реально Израиль мог появиться лишь в 1948 году, так как именно в то время заканчивалось действие британского мандата на управление этой территорией, то решение Сталина, направленное против Великобритании и ее арабских союзников, имело историческое значение⁴¹. Весьма примечательны в этом смысле слова самой Голды Меир, в своих воспоминаниях она писала, что «осенью 1947 года, когда происходили дебаты в Объединенных нациях, мне казалось, что советский блок поддерживает нас еще и потому, что русские сами оплатили свою победу страшной ценой и потому, глубоко сочувствуют евреям, так тяжело пострадавшим от нацистов, понимают, что они заслужили свое государство»⁴².

Появляющиеся новые исторические факты подтверждают благосклонное отношение Сталина к идее создания еврейского государства. А. А. Бесмертных, который первым в качестве министра иностранных дел нашей страны посетил Израиль, рассказал об интереснейших деталях беседы американского президента Ф. Рузвельта с И. Сталиным на Ялтинской конференции. Рузвельт задал Сталину вопрос, считает ли он себя сионистом? Последний ответил, что скорее да, чем нет. Надо сказать, что эта часть беседы Рузвельта и Сталина у нас неизвестна, так как советские переводчики при редактировании ее записи опустили это место. О данном факте стало

известно только благодаря тому, что американские дипломаты сохранили эту часть беседы. Это лишь раз подтверждает позитивную роль Сталина в образовании Израиля. Справедливости ради надо подчеркнуть, что через полгода после появления израильского государства Сталин начал бороться с «космополитами», заразившись «агрессивным антисемитизмом от Гитлера», как выразился один из руководителей советской военной разведки⁴³.

Здесь нельзя не заметить, что среди представителей самой израильской исторической науки не было единства относительно ситуации вокруг создания Государства Израиль. В последнее время в зарубежных и израильских изданиях была опубликована более объективная информация о причинах и факторах его появления⁴⁴. Израильские интеллектуалы, часто называемые «новыми историками», попытались найти «правду после мифов». Среди них можно отметить монографии Б. Морриса, Д. Видаля, Ж. Альдази и М. Пезу и др. Наиболее известной в этом смысле можно считать книгу С. Флапан «The Birth of Israel. Myths and Realities». Она, проработав 27 лет национальным секретарем МАПАМ, попыталась в своем исследовании опровергнуть семь «главных» мифов, связанных с образованием Израиля⁴⁵.

Первый миф. Сионистское движение, приняв план раздела ООН и признав право палестинских арабов на собственное государство, отказалось от своей главной цели — создания еврейского государства на всей территории Палестины, принеся тем самым добровольную «жертву» процессу мирного урегулирования в регионе. По мнению С. Флапан, речь шла лишь о тактике, вписанной в более широкую стратегию: разрешив королю Иордании Абдалле аннексировать часть ее территории на основе секретного соглашения, сионисты помешали, таким образом, созданию палестинского государства, а затем попытались увеличить территорию, предназначенную для этого государства. Во многом из-за этого Бен Гурион отказался зафиксировать в Декларации независимости границы израильского государства.

Второй миф. Сионистские лидеры считали, что палестинцы, отвергнув идею раздела и последовав призыву муфтия Иерусалима к священной войне, тем самым принудили евреев к военному решению проблемы. Действительно, отмечает С. Флапан, палестинцы враждебно встретили решение о разделе и до принятия 14 мая 1948 года Декларации независимости (резолюция ООН предусматривала принятие ее 1 октября 1948 года) сдержанно относились к призыву муфтия, пытаясь избежать войны. С этой целью они даже предлагали заключить «пакты о ненападении» между арабскими деревнями и еврейскими кибуцами. Но Бен Гурион ничего не сделал, чтобы пойти по этому пути. Наоборот, скомпрометировав муфтия за то, что тот сотрудничал с Гитлером, он сделал его пугалом в глазах евреев всего мира.

Третий миф. Бегство палестинцев с их территории было якобы спровоцировано арабскими руководителями, которые обещали им возвращение вместе со своими победоносными армиями. Флапан, однако, ставит под сомнение отсутствие соответствующих приказов от еврейского руководства и, приводя конкретные данные, наоборот доказывает, что был устный приказ Бен Гуриона «изгонять их».

Четвертый миф. Все арабские государства после 15 мая 1948 года объединились для уничтожения Государства Израиль «с целью сбросить всех евреев в море». Конкретно, по словам Флапан, речь шла, на фоне некоторых действительно имевших место исторических заявлений арабских руководителей, о том, чтобы не дать временному израильскому правительству заключить соглашение с королем Абдаллой, который всегда мечтал о «Великой Сирии».

Пятый миф. Подобное развитие событий в Палестине сделало неизбежным войну между евреями и арабами. Ссылаясь на документы, Флапан доказывает, что войны можно было избежать. США, например, предложили заключить перемирие между арабами и евреями на три месяца. Считается, что это предложение отверг король Абдалла, а сионистские лидеры его поддержали. Однако, как считает Флапан, замалчивается тот малоизвестный факт, что временное израильское правительство большинством в два голоса также отклонило эту американскую инициативу.

Шестой миф. В пропагандистских целях широко использовался тезис о том, что Израиль является якобы слабым государством по сравнению с арабским миром, и эта война напоминает борьбу «Давида против Голиафа».

На самом деле, по словам Флапан, Бен Гурион, зная о «мощи» арабских армий, был уверен, что так называемая «оборонительная» война израильского народа продлится не более четырех недель. Так оно и случилось: израильские силы, более подготовленные и лучше вооруженные, быстро добились победы.

Седьмой миф. Израильцы всегда стремились к миру с арабами. Однако ни один арабский руководитель не признавал право Израиля на существование. Флапан напоминает в этой связи, что имели место многочисленные прямые и не прямые контакты между враждующими сторонами, которые могли бы разрешить конфликт во время и после войны 1948 года. Исторически остается фактом то, что на пренебрежение арабов вести мирные переговоры накладывалось аналогичное нежелание израильтян⁴⁶.

По аналогии с Россией в советский период, отмечает М. Пезу, автор серии статей в «Жен Африк», посвященных 50-летию Государства Израиль, Израиль стал «страной, прошлое которой непредсказуемо»⁴⁷.

IV

Возвращаясь к рассмотрению роли СССР в создании и становлении современного Израиля, следует отметить, что вслед за мощной дипломатической

поддержкой вновь образованного государства, наша страна в конце 1940-х и в 1950-е годы оказала ему политическую поддержку, значительную военную и экономическую помощь. Учитывая усиление соперничества великих держав в этой части мира, Советский Союз, зачастую действовал через своих новых восточноевропейских союзников.

Позиция СССР в поддержку Израиля оставалась неизменной на протяжении первой арабо-израильской войны, которая рассматривалась как попытка Великобритании изменить ситуацию через оказание нажима на Израиль силами своих арабских союзников. Так, СССР осудил действия арабских государств и квалифицировал вооруженные действия со стороны Израиля как акт законной самообороны. Москва предоставила Израилю оружие через Чехословакию, возражала против июльского 1948 г. плана Бернадотта, по которому Негев должен был перейти под арабский суверенитет, поддержала вступление Израиля в ООН⁴⁸.

Уже в последние недели английского мандата на Палестину, когда Лига арабских государств уже приняла решение о вооруженной интервенции с использованием регулярных армий, руководство Израиля стало искать возможные способы получить необходимое для будущей войны, в неотвратимости которой практически не было сомнений, оружие. Одним из важнейших каналов в получении современного оружия стала Чехословакия, а косвенно, стоявший за ней и одобрявший ее действия Советский Союз. В периоды войны Израиля за независимость, которая началась сразу после официального истечения срока английского мандата 15 мая 1948 года и продолжалась вплоть до подписания последнего перемирия, с Сирией, 20 июля 1949 года, СССР оказывал Израилю огромную военную и дипломатическую поддержку.

Сразу же после провозглашения Государства Израиль, глава внешнеполитического ведомства еврейского государства М. Шаретт обратился к СССР с просьбой о признании:

«Я пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить чувства глубокой благодарности и понимания еврейского народа за твердую позицию, занятую делегацией СССР в ООН в поддержку образования независимого суверенного еврейского государства; за последовательное продвижение ею этой идеи, несмотря на все трудности...»⁴⁹.

Министр иностранных дел СССР В. Молотов отправил 18 мая 1948 года М. Шаретту поздравительную телеграмму с уведомлением о признании, как де-факто, так и де-юре, новой страны. Официальное обращение к правительствам многих стран с просьбой предоставить оружие и боеприпасы для ведения боевых действий было опубликовано Временным государственным советом Израиля 20 мая 1948 года. Реакция Соединенных Штатов на это обращение была отрицательной: Государственный департамент объявил о запрете продажи оружия воюющим сторонам,

а также объявил, что не будет выдавать выездные визы тем американским гражданам, которые намериваются наниматься в армии любых иностранных государств. Первые контакты с Советским Союзом по этому поводу начались еще до провозглашения независимости Израиля. Так, 5 марта 1948 года имела место беседа между М. Шареттом и А. А. Громыко, в ходе которой советскому руководству была передана просьба о поставке оружия. В течение нескольких недель после этой встречи просьбу эту одобрил лично И. Сталин, и, когда Израиль официально опубликовал свое обращение 20 мая, Советский Союз максимально быстро ответил согласием. В записке главы ближневосточного отдела МИД СССР И. Бакулина, адресованной заместителю министра и датированной 5 июня 1948 года, говорится:

«В связи с обращением тов. Громыко о просьбах представителей Израиля ... оказать помощь правительству Израиля полагал бы возможным: дать понять чехам и югославам в доверительном порядке через наших послов в Праге и Белграде о желательности оказания содействия представителям Государства Израиль в закупке последними и отправке в Палестину артиллерии и самолетов»⁵⁰.

20 мая 1948 г. Чехословакия предоставила в распоряжение Израиля военный аэродром близ Братиславы, который превратился в транзитную базу Израиля в Европе для переброски оружия. Из Чехословакии через Югославию в Израиль стали поступать артиллерийские орудия, минометы и трофейные «мессершмиты».

Помимо поставок оружия через Чехословакию на военной базе в южной Чехии, в городе Ческе Будеевице была организована подготовка израильских военных летчиков и артиллеристов; а в городе Оломоуц была налажена подготовка пехотинцев, из которых впоследствии сформировали отдельную бригаду, получившую название «бригада имени Готвальда», которая была отправлена в Израиль через Италию. В то время как мотивация и мобилизационные способности Армии обороны Израиля были значительно выше аналогичных показателей среди арабских армий, СССР обеспечил недостающий для победы фактор — оружие.

Вместе с оружием из стран Восточной Европы в Израиль приехали тысячи военных-евреев, имевших опыт участия в войне против Германии. Секретно отправлялись и советские офицеры. По свидетельству уже упоминавшегося генерала П. А. Судоплатова, использование офицеров советской разведки в боевых и диверсионных операциях против британцев было начато уже в 1946 г.⁵¹ Однако впоследствии Сталин запретил выезд в Палестину советским евреям-участникам войны.

Экономическая помощь Израилю осуществлялась в форме поставок нефти, которыми занималась Румыния, координировавшая свои действия с Москвой.

Советская поддержка Израилю в ходе его войны за независимость не ограничивалась лишь военными поставками и подготовкой израильских военных специалистов на территории Чехословакии, но также включала в себя дипломатическую поддержку в ООН. После начала поставок оружия из Чехословакии в Израиль в Совете безопасности ООН западные страны подготовили проект «О проникновении вооружений морским и сухопутным путем на Ближний Восток», предполагавший запрет на поставки всем воюющим сторонам оружия и боеприпасов. Советский представитель при ООН А. А. Громыко получил директиву из Москвы наложить вето на этот проект и потребовать вывода всех иностранных вооруженных формирований, то есть арабских армий, с территории Израиля. В это же время внутри страны многие газеты выходили с антиарабскими заголовками, называя арабские правительства «реакционными», а их действия — попыткой «задушить еврейское государство». Удар по проанглийским арабским режимам вписывался в советскую глобальную стратегию.

Война Израиля за независимость, длившаяся более года, перемежалась двумя относительно длительными перемириями, в ходе одного из которых на Ближний Восток был отправлен специальный представитель ООН шведский дипломат граф Ф. Бернадотт. В его обязанности входило разработать такой план урегулирования конфликта, который был бы принят всеми сторонами и положил бы конец боевым действиям. В своем первом отчете Бернадотт признал, что резолюция ООН № 181 не может быть реализована и посему необходимо принципиальное изменение политической конфигурации: вместо независимого еврейского и арабского государств Бернадотт предлагал создать единое государство в границах до раздела 1922 года, в состав которого бы входили еврейская и арабская части, причем весь Негев отходил бы к арабской части государства. Великобритания и США обещали признать Израиль де-юре в случае одобрения им плана Бернадотта и даже обещали предоставить ему заем. Израиль отказался принимать план Бернадотта и нашел поддержку со стороны СССР, полномочный представитель которого при ООН А. А. Громыко публично поддержал еврейское государство по всем пунктам⁵². По возвращении из Парижа, где проходила сессия Генеральной ассамблеи, М. Шаретт в своем докладе правительству от 26 октября 1948 года сказал следующее: «По большинству вопросов у нас очень хорошие отношения с СССР ... В Совете безопасности русские работают не просто как наши союзники, а даже как наши эмиссары». В ответ на претензии арабских стран и их заявления о непризнании Израиля А. Вышинский отвечал, что «Государство Израиль уже существует и имеет право защищать свои интересы».

Примечательно, что роль видного советского дипломата А. А. Громыко в обеспечении поддержки нашей страной нового государства была высоко оценена израильским руководством — ему присвоили звание почетного гражданина Израиля.

V

Важно отметить, что активная внешнеполитическая и военная помощь осуществлялась на фоне значительного влияния, которое оказала наша страна на становление нового государства в области государственного и партийного строительства, формирования модели хозяйственного механизма, культурного развития Израиля. Несмотря на сложные периоды в межгосударственных отношениях, обе страны были тесно связаны на протяжении всего прошлого века. Израиль испытал на себе сильное влияние политических традиций и опыта государственного строительства Российской Империи, а затем СССР. Не случайно в научных кругах существует мнение, что Израиль стал прообразом того, чем была бы наша страна в случае сохранения в СССР многопартийности, НЭПа и отсутствия массовых репрессий⁵³. И сегодня израильское общество (так же, как и российское) продолжает демонстрировать своеобразный синтез западных и восточных моделей развития.

Не следует преуменьшать и влияние Советского Союза на формирование хозяйственных основ, идеологии правящей элиты Ишува, а впоследствии — Израиля. Многие элементы израильской экономической модели были заимствованы из советского хозяйственного опыта. Социалистическая, а точнее — социал-демократическая ориентация значительной части населения страны (социал-демократы находились у власти в общей сложности около 35 лет) явилась важным фактором образования и сохранения государственной собственности на землю, развития кооперативных форм ведения сельского хозяйства.

В Израиле тщательно изучалась советская модель плановой экономики, при этом особое внимание было обращено на ее жизнеспособность в военные годы и впечатляющие результаты индустриализации в СССР. В первый послевоенный период во многих странах мира шел напряженный поиск оптимального сочетания государственного и рыночного регулирования в экономике, новых форм хозяйствования. В итоге в Израиле сложилась особая структура смешанной экономики, где наряду с доминирующим по удельному весу частным сектором обширную предпринимательскую деятельность вели государство, профсоюзы и ряд других общественных организаций.

Как уже было отмечено, питательную среду для становления и развития системы общественного предпринимательства создавала и политическая ориентация иммигрантов, многие из которых являлись приверженцами социалистических, эгалитаристских идей. В первую очередь это касалось выходцев из России и стран Восточной Европы, которые составляли значительную часть новых граждан Израиля.

Все это дало основание ряду западных исследователей характеризовать молодую израильскую экономику как «наиболее социалистическую за пределами восточного блока»⁵⁴. Подобная оценка способствовала распространению — вплоть до конца XX века — мифа

о том, что в Израиле создано «хозяйство восточно-европейского социалистического типа, «последний бастион» сталинской плановой экономики»⁵⁵.

Российская культура стала одним из компонентов духовной жизни израильского общества еще на этапе формирования его основ. «Русская духовная атмосфера в подавляющем большинстве случаев формировала культурную жизнь первых еврейских иммигрантов в Палестину»⁵⁶.

Первоначально прогнозы на развитие советско-израильских отношений были радужными. Социалистическая ориентация значительной части политического истеблишмента и населения Израиля, вклад Советского Союза в создание этого государства позволяли советскому руководству надеяться на то, что Государство Израиль станет своего рода плацдармом для сдерживания западных стран на Ближнем Востоке. Особые надежды возлагались на помощь Израиля в вытеснении Великобритании из этого стратегически важного региона. Израильские власти в свою очередь первоначально были заинтересованы в установлении особых отношений с СССР.

Внешнеполитическая ориентация Израиля была в 1948 г. определена как неидентификация, то есть курс на неприсоединение к существующим военно-политическими блокам. Израильское правительство заботила также судьба евреев в различных государствах восточного блока, и оно не хотело портить отношения с ними, открыто став на сторону западного мира.

Основные внешнеполитические цели Израиля сводились к обеспечению легитимности, безопасности, завоеванию международной поддержки своих позиций, развитию взаимовыгодных экономических отношений с внешним миром и поддержанию связей с мировым еврейством. Будучи маленьким и весьма уязвимым государством, созданным по решению ГА ООН, Израиль на первых порах был вынужден определить для себя сбалансированную линию поведения, тем более что во время войны за независимость он пользовался поддержкой как СССР, так и некоторых западных государств. Однако очень скоро кредит доверия был исчерпан. Уже в начале 1950-х гг. Израиль сделал выбор в пользу сотрудничества с западными государствами под влиянием тех политических реалий, с которыми он столкнулся, — обострение «холодной войны» и политика Сталина в еврейском вопросе⁵⁷.

Разногласий становилось все больше. Массированная военная помощь Советского Союза арабским странам и игнорирование им израильских просьб о предоставлении вооружений, принятии арабских офицеров на учебу в советские военные вузы, о выделении арабам кредитов подталкивали Израиль к установлению союзнических отношений со странами Запада, в первую очередь с США. Прозападная ориентация Израиля проявилась уже в 1951 г., когда Израиль поддержал американские действия в Корее. Получилось так, что корейская война стала водоразделом во внешнеполитической ориентации Израиля.

Важным фактором, ухудшавшим советско-израильские отношения, был отказ советских властей разрешить массовую эмиграцию евреев из СССР. Израиль возлагал на этот иммиграционный поток большие надежды. Миграционная проблема постоянно возникала в двусторонних контактах. При этом советская позиция была предельно жесткой, поскольку призывы Израиля разрешить выезд советских евреев рассматривались советским руководством как вмешательство во внутренние дела Советского Союза. Министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский, сменивший на этом посту Молотова в беседе с министром иностранных дел Израиля от 6 января 1952 г. подчеркнул: «Об эмиграции нечего и говорить. Государственный строй в СССР не позволяет этого. Кроме того, в этом плане проблема не существует. Советские евреи дышат другим воздухом, и не следует смешивать их с евреями в других странах»⁵⁸.

В это же время была открыта одна из печальных страниц нашей истории — в СССР началась антиеврейская кампания. Двусторонние отношения обострились в ноябре 1952 г., когда в Праге началось так называемое «дело Сланского». Четырнадцать ведущих деятелей компартии Чехословакии во главе с Р. Сланским — Генеральным секретарем компартии страны — были обвинены в сговоре с Израилем и сионистскими организациями с целью свержения коммунистического режима в Чехословакии и соседних странах. Было очевидно, что такого рода антисемитский и антиизраильский процесс не мог быть организован без благословения советского руководства. Кампания против «космополитов» разворачивалась и в Советском Союзе, где 13 января 1953 г. было опубликовано официальное сообщение о «деле врачей». Речь шла о врачах (в основном евреях) из кремлевской больницы, которые были обвинены в попытке отравить Сталина в соответствии с указаниями, полученными от международных сионистских организаций. В СССР начиналась «охота на ведьм», жертвами которых стали видные представители еврейской интеллигенции. В Израиле антисемитский процесс вызвал бурю негодования⁵⁹.

После разрыва дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем в 1967 г. лишь через 24 года дипломатические представительства были восстановлены. Это был долгий и болезненный процесс. Присоединившись к западному лагерю, Израиль в то же время был вынужден воздерживаться от прямой конфронтации с СССР. В этой связи бывший посол Израиля в России Арье Левин писал: «Все эти годы судьба советских евреев слишком волновала израильское руководство, чтобы позволить себе неограниченное партнерство с Западом против Советского Союза. Поэтому Израиль не участвовал ни в каких западных альянсах и, соответственно, не имел западных военных баз на своей территории. Еврейское государство не было связано никакими соглашениями и не участвовал ни в каких

инициативах — политических, пропагандистских или военных, направленных против Советского Союза»⁶⁰. Это высказывание известного израильского дипломата, ставшего первым послом Израиля в России после восстановления дипотношений в 1991 г., несколько приукрашивает реальное положение дел: достаточно вспомнить, например, о ведущей роли Израиля в международной кампании «Отпустите народ мой!» или о давлении произраильского лобби при принятии в США действующей до сих пор поправки Джексона-Вэника к соглашению о наибольшем благоприятствовании в советско-американской торговле от 1972 г.

Со времени восстановления дипломатических отношений с Израилем минуло восемнадцать лет. За это время наши страны прошли путь от крайней поляризации до нормализации дипломатических, экономических и иных связей, двусторонние отношения приобрели доверительный характер. В настоящее время обе страны возвращаются к истокам взаимного сближения, но уже на новом витке истории, в принципиально иной международной обстановке. Мир сильно изменился за последние 65 лет. Признавая существование острых проблем в международных отношениях, нельзя не заметить наличие новых, благоприятных условий для реализации позитивного потенциала российско-израильских межгосударственных отношений, начало которых связано с итогами Второй мировой войны. Важно отметить особую роль русскоязычных израильтян, составляющих почти пятую часть населения страны, которые, по словам бывшего генерального директора МИД Израиля Эйтана Бен-Цура, «создали живительный мост сотрудничества между Израилем и Россией»⁶¹.

С позиций сегодняшнего дня ни у кого не вызывает сомнения, что Государство Израиль не просто состоялось, оно, демонстрируя высокую жизнестойкость и созидательную энергию, заняло достойное место среди других государств мира. В соответствии с авторитетными международными рейтингами социально-экономического, культурного развития Израиль входит в группу 20–30 наиболее развитых и благополучных в социально-экономическом отношении государств мира. Путь, пройденный страной от периферийности в мировой политике и экономике к центру, достоин того, чтобы извлечь из израильского опыта многочисленные уроки — в первую очередь в странах, характеризующихся как транзитивные. Наличие ряда острых внешнеполитических и внутренних проблем, в частности неурегулированность ближневосточного конфликта, не умаляет значение израильского опыта. Его уникальность и в то же время возможность его применения в других странах проистекают из концепции «модельного государства», разработанной еще отцами-основателями Израиля. Все это стало возможным благодаря поддержке идеи возрождения еврейской государственности во многом со стороны СССР, внесшего решающий вклад в борьбу с гитлеровским фашизмом, в создание Государства Израиль.

В 70-е годы прошлого века в Швейцарии вышла книга «Адольф Гитлер — основатель Израиля». Ее автор некто Кардель попытался выяснить, есть ли какая-то связь между неясным происхождением Гитлера и основанием Государства Израиль, которого не было 2000 лет и которое ровно через три года после его смерти вдруг снова появилось. В ней он пишет, что мечтой Гитлера венского периода его молодости была идея сделать из Арабской Палестины еврейское государство и тем самым очистить Европу от евреев.

Есть основания полагать, что Гитлер понимал, что с конца 1941 года (когда блицкриг закончился в московских снегах и США вступили в войну), она стала войной на два фронта и тем самым была проиграна. Именно тогда он поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику полиции Рейнхарду Гейдриху, отец которого первоначально носил фамилию Зюсс и о котором Гимлер говорил, будто он «преодолевал в себе еврея», заняться так называемым «окончательным решением еврейского вопроса».

Профессор Ханна Арендт пишет в изданной в 1964 году книге «Эйхман в Иерусалиме», что многие немцы не хотели участвовать в акциях по уничтожению евреев и добровольно уходили на фронт, все больше оставляя это грязное дело литовцам, полякам, украинцам и ...евреям. При этом она добавляет, что «роль еврейских лидеров в уничтожении собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории».

Известно, что после войны при денацификации повесили не всех известных преступников. Многих, кто совершал преступления, сидя за письменным столом, не тронули. Например, доктора Ганса Глобке, главного автора, а не только комментатора Нюрнберских расовых законов — основы всех акций по уничтожению евреев, который после войны занимал в ФРГ высшие государственные посты.

Таким образом, если взглянуть на идею создания израильского государства с «другой стороны», то можно сказать, что мечта Гитлера его венской юности блестяще осуществилась. Действительно, те жестокие репрессии, которые обрушил на евреев нацистский режим, вызвали волну еврейской эмиграции сначала из Германии, а потом из оккупированных ею стран и способствовали возникновению после войны еврейского государства. Как это не парадоксально, утверждает Кардель, нацисты не имели ничего против создания еврейского государства в Палестине, хотя их главные цели были, конечно, совсем другие.

С целым рядом положений книги Карделя можно и должно спорить, но одно несомненно: издание этой книги вносит ценный вклад в борьбу против экстремизма, способствует развенчанию культа Гитлера, который выглядит особенно дико, когда его исповедуют отдельные молодежные группы в России, стране больше всех пострадавшей от фашистско-гитлеровской агрессии, целью которой помимо прочего было превращение русских и других «недочеловеков» в рабов.

В последнее время многие интеллектуалы на Западе предрекают, что человечество приближается к «рубиконному времени»: Третья мировая война или Первая глобальная великая депрессия. На сегодняшний день реально запустить глобальный разрушительный кризис могут лишь несколько государств. В их число входит и Государство Израиль, которое является одним из формализованных истоков Второй мировой войны, и «ползучий» пересмотр итогов данной войны неминуемо коснется этой страны. Но понять будущее израильского государства невозможно не столько без анализа его истории, сколько без анализа мутагенеза символа «холокост». Этимология слова «холокост» непосредственно связывает данный символ с архаичным символом «огонь», в чем нет ничего удивительного. Годы правления Гитлера в Германии отмечены торжеством духа архаичных символов — огня и металла. Факельные шествия нацистов напоминали ритуалы огнепоклонников. «Молнии» в петлицах эсэсовцев — это также огненные символы. «Свастика» — ключевой графический символ «Третьего Рейха» — это архаичное изображение солнца — огненного символа. Термин «холокост» был популяризирован лауреатом Нобелевской премии писателем Эли Визелем как символ нацистских газовых камер и крематориев, под которым понималась естественная борьба евреев за признание трагедии еврейского народа в годы Второй мировой войны.

Интеллектуальный символ «холокост» по своему влиянию на общественно-политическую жизнь граждан многих стран мира очень значим. В начале XXI века он оказал существенное влияние на международно-правовую сферу. Подтверждением этого является не только национальные законодательства, но и резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2005 г. и 2007 г. (21 ноября 2005 года и 26 января 2007 года), осуждающие отрицание холокоста как исторического факта.

В наше время — чем дальше отодвигается Вторая мировая война, тем более изощренные формы приобретает пересмотр ее итогов. Сложно представить, что

тотальный пересмотр итогов Второй мировой войны не коснется символа «холокост», В свое время Гитлер пришел к идее «белого интернационала»: свобода и достоинство как базовые ценности белого человека. «Сегодня националисты в Грузии, «правые» в Украине, странах Балтии — это новый «коллективный Гитлер» начала XXI века, — пишут в статье «Генезис символа «холокост» и будущее Государства Израиль» публицисты Олег Маслов и Александр Прудник⁶². Только Гитлер был «левым», а национальные элиты в начале XXI века на постсоветском пространстве — «правые». Возможен ли «белый интернационал» в начале нашего века? «Белых» на сегодняшний день на планете — 16%. И эта цифра говорит о реальных исторических перспективах «белого интернационала», больше чем любые рассуждения».

Современное приравнивание коммунизма и нацизма — это одна из политических игр просвещенного Запада, выраженная в концептуальной форме — осуждение нацизма, холокоста и преступлений коммунизма. Отождествление символа «коммунизм» с символом «нацизм» означает, что не существует разницы между победителями и побежденными, теми силами, которые остановили холокост, и теми силами, которые его осуществляли. Складывается впечатление, что советские коммунисты не должны были воевать на чужой территории, так как это сегодня называется «оккупацией». СССР должен был остановить свои войска на границе, предоставить тем самым нацистам историческую возможность довести холокост до своего логического завершения.

В создавшихся исторических условиях Россия и Израиль, рождение которого стало возможным благодаря решающему вкладу СССР в разгром гитлеровских фашистов, занимают во многом схожие позиции в отношении пересмотра итогов Второй мировой войны и умаления победы нашего народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, что дает солидное основание для дальнейшего российско-израильского сотрудничества во всех областях.

¹ И. Альтман, Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР Владимир: Калейдоскоп, 1999, с. 28.

² Там же, с. 30.

³ Там же, с. 31.

⁴ М. Куповецкий, Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995, № 2 (9), с. 137.

⁵ Там же, с. 145.

⁶ С. Шварц, Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны, 1939–1965 (Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966), с. 55.

⁷ Там же, с. 145.

⁸ Там же, с. 138.

⁹ И. Альтман, Анатомия Холокоста. Жертвы ненависти (Москва, 2002), с. 395.

¹⁰ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арада (Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1991), с. 12.

¹¹ Там же, с. 13.

¹² Там же, с. 14.

¹³ С. Шварц, Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны, с. 102.

¹⁴ Штереншис М. История Государства Израиль (1896–2002 гг.), Герцлия, Исра ДОН, 2003, с. 123

- ¹⁵ Еврейские новости, № 14, май 2008
- ¹⁶ Штереншис М. История Государства Израиль (1896–2002), Герцлия, ИсраДон, 2003, с.136
- ¹⁷ Ишув — досл. перевод с иврита — «заселение»; этот термин также употребляется как собирательное название еврейских поселений в Палестине до образования Государства Израиль в 1948 г., своего рода «государство в пути».
- ¹⁸ Палестинская энциклопедия. Бейрут, 1974, с. 571 (араб.яз.)
- ¹⁹ Справочник «Государство Израиль». М., 1986, с. 49.
- ²⁰ I. Khoury. La Palestine devant le monde. Caire, 1953, p. 86
- ²¹ A. Joumerd. Le drame de la Palestine arabe. Paris. 1945. Н. 33.
- ²² Alan Dershowitz, Le droit d'Israël, Editions ESKA, Paris, 2004, p. 37.
- ²³ Ibid, p. 39.
- ²⁴ Советско-Израильские отношения Сборник документов Том 1 (1941–1953). В 2 кн. / МИД РФ, МИД Израиля. М. Международные отношения 2000г.
- ²⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 349 .
- ²⁶ Цит. по: «Коммерсантъ-власть», 26.10.1999.
- ²⁷ См. Herzl T. The Jewish State. N.Y., 1904. С. 53.
- ²⁸ Цит. по: Freedman R. Moscow and Israel. The Ups and Downs of a Fifty-Year Relationship. // Israel's First Fifty Years. Gainesville, 2000. С. 2.
- ²⁹ Советско-израильские отношения, 1941–1953. Сборник документов (Москва: Международные отношения, 2000), том 1, с. 75.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Советско-израильские отношения, 1941–1953. Сборник документов (Москва: Международные отношения, 2000), том 1, с. 154.
- ³² Советско-израильские отношения, 1941–1953. Сборник документов (Москва: Международные отношения, 2000), том 1, с. 217.
- ³³ Ю. Стрижов, СССР и создание Государства Израиль, Международная жизнь № 11–12, 1995, с.94
- ³⁴ «Международная жизнь», № 11–12, 1995. С. 97.
- ³⁵ «Политическая энциклопедия». Бейрут, 1974. С. 574 (араб. яз.).
- ³⁶ Стрижов Ю. СССР и создание Государства Израиль. // «Международная жизнь», № 11–12, 1995, С. 96.
- ³⁷ Записка министра иностранных дел СССР В.М. Молотова председателю Совета министров СССР И. В. Сталину о проекте директив советской делегации на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Палестине. // АВП РФ, ф. 06, оп. 10, п. 15, д. 160, л. 4–7.
- ³⁸ Справочник «Государство Израиль». М., 1986. С. 108.
- ³⁹ В 1956 г. она поменяла фамилию и вошла в историю как Голда Меир.
- ⁴⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 10, п. 346, д. 623, л. 4.
- ⁴¹ <http://scepsis.ru/library/id1663html>
- ⁴² Голды Меир, Моя жизнь. Автобиография. Иерусалим, Б-та Алия, 1990, с. 258
- ⁴³ «Международная жизнь», № 6, 2008. С. 74.
- ⁴⁴ См. Воробьев В.П. Конституционно-правовая система Государства Израиль. М., 2002. С. 18.
- ⁴⁵ Цит. по D. Vidal et J. Aldazy. Le peche originel d'Israel. Paris, 1996.
- ⁴⁶ Воробьев В.П. Конституционно-правовая система Государства Израиль, Хайфа, 2006, издательство «Мобат», С. 18
- ⁴⁷ «Jeune Afrique», 05–04.05.98, с. 55–64.
- ⁴⁸ Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М., 2005. С. 146–147.
- ⁴⁹ Советско-израильские отношения, том 1, стр. 315.
- ⁵⁰ Советско-израильские отношения, том 1, стр. 277.
- ⁵¹ Судоплатов П. А. Указ. Соч. С. 351
- ⁵² Г. Исаев, «Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг.» // Политическая экспертиза, № 3 (2006), с. 114–130.
- ⁵³ См. Сатановский Е.Я. Мифы и реалии на весах истории. // «Азия и Африка сегодня», 1997, № 4, с. 5.
- ⁵⁴ Sharkansky I. The Political Economy of Israel. New Brunswick, 1987. С. 5.
- ⁵⁵ См. Razin, Sadka I. The Economy of Modern Israel. Malaise and Promise. Chicago, 1993. С. 5–6.
- ⁵⁶ Леви Ш. Длительное влияние русской культуры. // «Международная жизнь», осень 1998. С. 77.
- ⁵⁷ Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М., 2005. С. 106–107.
- ⁵⁸ Запись беседы министра иностранных дел Израиля М. Шаретта с министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским. 6 января 1952 г. Конфиденциально. Советско-израильские отношения 1941–1953, кн. 2, с. 320–321.
- ⁵⁹ Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М., 2005. С. 149–150.
- ⁶⁰ Левин А. Наследие и прогнозы на будущее. // «Международная жизнь», осень 1998. С. 30.
- ⁶¹ Бен-Цур Э. Первые семь лет. // «Международная жизнь», 1998. С. 15.
- ⁶² <http://www.polit.nuov.ru/2007/05/28softholokaust>

Миф о преднамеренной остановке Красной Армии под Варшавой в августе 1944 г.

М. И. Мельтюхов*

История Варшавского восстания 1944 г. является одним из многих сюжетов историографии Второй мировой войны, вокруг которых ведутся ожесточенные политические дискуссии. Уже в ходе восстания и сразу после его поражения сложилась версия, что Красная Армия сознательно прекратила наступление к Варшаве и даже отвела войска, по политическим мотивам не желая оказывать какой-либо поддержки восставшим. Эта версия была изложена в мемуарах и исследованиях У. Черчилля, Т. Бур-Коморовского, С. Миколайчика, В. Андерса, В. Побуг-Малиновского и стала господствующей в литературе, издававшейся польской эмиграцией. В годы «холодной войны» эта концепция широко использовалась в идеологической борьбе против социалистических стран. Естественно, в историографии СССР и ПНР господствовала противоположная концепция, объяснявшая остановку советского наступления на Варшаву рядом объективных причин. При этом основное внимание уделялось анализу политической истории восстания и боев в городе¹. Ныне, когда антисоветская концепция стала превалировать в польской историографии², а в России опубликованы новые документы, следует вновь рассмотреть вопрос о том, какое значение придавалось советским командованием Варшаве и могла ли Красная Армия в конце июля — начале августа 1944 г. освободить ее. Для этого необходимо проанализировать развитие ситуации на центральном участке советско-германского фронта и на подступах к Варшаве летом 1944 г.

В 1944 году советские войска продолжали наступление, освобождая территорию Советского Союза. Успешные операции зимне-весенней кампании 1943–1944 гг. и накопление материальных запасов

позволило советскому командованию ставить войскам крупные задачи по полному освобождению территории страны. 12 апреля Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) Красной Армии определила, что главной операцией лета 1944 г. будет разгром германских войск на центральном участке советско-германского фронта и освобождение Белоруссии. Одновременно в апреле 1944 г. началось оперативное планирование летней кампании, а 20 мая Оперативное управление Генштаба представило в Ставку разработанный с учетом соображений командующих фронтами о предстоящих действиях проект плана наступательной операции в Белоруссии. 22–23 мая в Ставке состоялось совещание, всесторонне обсуждавшее план операции «Багратион», который был утвержден с некоторыми изменениями и дополнениями 30 мая³. По итогам этого совещания 31 мая 1944 г. 1-й Прибалтийский, 3-й, 2-й и 1-й Белорусские фронты получили директивы Ставки ВГК с конкретными задачами на первый этап операции.

Командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта генералу армии И. Х. Баграмяну директивой № 220114 приказывалось «подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и выйти на южный берег р. Западная Двина в район Чашники, Лепель, для чего силами 6-й гв. и 43-й армий прорвать оборону противника в районе юго-западнее Городка, нанося один общий удар в направлении на Бешенковичи, Чашники. Ближайшая задача — форсировать р. Западная Двина и овладеть районом Бешенковичей. Частью сил во взаимодействии с правым крылом 3-го Белорусского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск.

* **Михаил Иванович Мельтюхов** — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела.

В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку с полоцкого направления»⁴.

Директива № 220115 требовала от командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковника И. Д. Черняховского «подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта и 2-м Белорусским фронтом разгромить витебско-оршанскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара: а) один удар силами 39-й и 5-й армий из района западнее Лиозно в общем направлении на Богушевское, Сенно; частью сил этой группировки наступать в северо-западном направлении, обходя Витебск с юго-запада, с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск; б) другой удар силами 11-й гв. и 31-й армий вдоль минской автострады в общем направлении на Борисов; частью сил этой группировки ударом с севера овладеть городом Орша. Ближайшая задача войск фронта — овладеть рубежом Сенно, Орша. В дальнейшем развивать наступление на Борисов с задачей во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом разгромить борисовскую группировку противника и выйти на западный берег р. Березина в районе Борисова»⁵.

Согласно директиве № 220112 командующий войсками 2-го Белорусского фронта генерал-полковник Г. Ф. Захаров должен был «подготовить и провести операцию с целью разгромить во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и с правым крылом 1-го Белорусского фронта моголевскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего силами не менее 11–12 стрелковых дивизий со средствами усиления прорвать оборону противника, нанося один общий удар из района Дрибин, Дедня, Рясна в общем направлении на Могилев, Бельнич. Ближайшая задача — выйти на р. Днепр и захватить плацдарм на его западном берегу. В дальнейшем форсировать р. Днепр главными силами, овладеть Могилевым и развивать наступление в общем направлении на Березино, Смиловичи»⁶.

Директива № 220113 требовала от командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К. К. Рокоссовского «подготовить и провести операцию с целью разгромить бобруйскую группировку противника и выйти главными силами в район Осиповичи, Пуховичи, Слуцк, для чего прорвать оборону

противника, нанося два главных удара: один силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи и другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнего течения р. Березина, Озаричи в общем направлении на ст. Пороги, Слуцк. Ближайшая задача — разбить бобруйскую группировку противника и овладеть районом Бобруйск, Глуша, Глуск, причем частью сил на своем правом крыле содействовать войскам 2-го Белорусского фронта в разгроме моголевской группировки противника. В дальнейшем развивать наступление с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи»⁷.

В мае — июне 1944 г. Ставка ВГК провела крупную перегруппировку войск с целью усиления фронтов на направлении главного удара за счет своих резервов и сил фронтов, действовавших на Украине и в Прибалтике. Предназначенные для проведения операции «Багратион» фронты получили дополнительно 3 общевойсковые и 2 танковые армии, 1 стрелковый, 4 танковых, 1 механизированный и 2 кавалерийских корпуса, 43 стрелковых и кавалерийских дивизии. В состав этих фронтов было направлено 210 462 человека маршевого пополнения, 126 486 винтовок и карабинов, 63 376 автоматов, 7 949 ручных и станковых пулеметов, 2 849 орудий и минометов⁸. Для проведения операции «Багратион» советское командование развернуло крупную группировку войск (см. таблицу 1), что позволило создать значительное превосходство над противником. Кроме того, для участия в операции привлекалось 16 авиадивизий Авиации дальнего действия, в которых насчитывалось 1007 самолетов. Замысел советского наступления основывался на идее быстрого прорыва фронта противника и стремительного наступления в глубину его обороны. С этой целью войска фронтов создали ударные группировки на участках прорыва, составлявших на 1-м Прибалтийском фронте 15,6%, на 3-м Белорусском — 23,6%, на 2-м Белорусском — 7,5%, а на 1-м Белорусском — 12,6% протяженности фронта (см. таблицу 2; в скобках указано количество соединений и техники на 1 км фронта прорыва). 13–18 июня советская авиация провела воздушную операцию по подавлению авиации противника на его аэродромах. Незадолго до начала наступления советских войск активизировалась деятельность партизанских отрядов в тылу группы армии «Центр», которые нанесли значительный ущерб железнодорожной сети, затруднив ее использование противником для переброски войск и снаряжения.

Таблица 1
Численность советских войск в операции «Багратион»⁹.

	1-й ПрибФ	3-й БФ	2-й БФ	1-й БФ*	Всего
Личный состав	359 500	579 300	319 500	582 900	1 841 200
Пулеметы	8432	13 214	5750	16 035	43 431
Орудия	3331	4860	2930	5975	17 096

	1-й ПрибФ	3-й БФ	2-й БФ	1-й БФ*	Всего
Минометы	2817	4241	2221	4541	13 820
Танки	561	1169	102	883	2715
САУ	126	641	174	414	1355
Автомашины	19 537	16 288	7 727	17 177	60 649
Самолеты	902	1864	528	2033	5327

* Правое крыло.

Таблица 2
Оперативная плотность на участках прорыва (%)¹⁰.

Фронты	Стрелковые дивизии	Орудия и минометы	Танки и САУ
1-й Прибалтийский	66,7 (1,5)	76,1 (151)	77,8 (22)
3-й Белорусский	75,7 (1,2)	80,1 (175)	80,9 (44)
2-й Белорусский	45,5 (1,2)	54,3 (181)	82,2 (19)
1-й Белорусский*	51,3 (1,3)	71,3 (204)	100 (45)

* Правое крыло.

Советским войскам четырех фронтов противостояли правофланговые дивизии 16-й армии группы армий «Север» (командующий — генерал-полковник Г. Линдеман), войска группы армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Э. Буш, с 28 июня генерал-фельдмаршал В. Модель) и левофланговые дивизии 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» (командующий — генерал-полковник И. Гарпе). Всего противник располагал 63 дивизиями (из них 2 танковые и 3 моторизованные), 1 пехотной и 2 кавалерийскими бригадами. Из этих войск перед готовившимися к операции «Багратион» советскими соединениями на 1 060-км фронте находилось 57 дивизий и 3 бригады. Не имея возможности создать плотную оборону, германское командование постаралось оборудовать хорошо укрепленные оборонительные пункты и рубежи, на которых было

развернуто 71,8% войск, тогда как во втором эшелоне находилось всего 12,8%, а в резерве группы армий «Центр» — 15,4% соединений¹¹. Германское командование полагало, что главный удар Красная Армия будет наносить на южном крыле советско-германского фронта в направлении Балкан, а группа армий «Центр», как и зимой 1943–1944 гг., сможет сдержать «демонстративное» советское наступление. Поэтому даже, когда с 10 июня разведка группы армий «Центр» стала получать сведения о подготовке советского наступления в Белоруссии, на совещании 14 июня в генштабе сухопутных войск эти намерения противника были расценены как демонстративные, и о выделении резервов на центральный участок фронта не было и речи. Естественно, что все предложения командования группы армий «Центр» об отводе войск на рубеж Днепра отклонялись Гитлером¹².

Таблица 3
Соотношение сил сторон¹³

	Красная Армия	Противник	Соотношение
Дивизии расчетные	132,5	58,5	2,3 : 1
Личный состав	1 841 200	1 088 400	1,7 : 1
Орудия и минометы	30 916	8 085	3,8 : 1
Танки и САУ	4 070	721	5,6 : 1
Самолеты	6 334	920	6,9 : 1

В течение 22 июня 1944 г. войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусского фронтов провели разведку боем, которая позволила передовым батальонам вклиниться в оборону противника на 1,6–6 км и вынудила германское командование ввести

в бой дивизионные, а кое-где и корпусные резервы и выдвинуть войска ближе к линии фронта. С утра 23 июня войска 1-го Прибалтийского, 3-го и 2-го Белорусского фронтов перешли в наступление, а войска правого крыла 1-го Белорусского фронта провели

разведку боем. С утра 24 июня фронт советского наступления охватил пространство от Полоцка до реки Птичь (690 км). К 28–29 июня советские войска провели Витебско-Оршанскую (23–28 июня), Могилевскую (23–28 июня) и Бобруйскую (24–29 июня) операции, прорвав фронт группы армий «Центр», окружив и уничтожив часть ее войск. За это время Красная Армия продвинулась на 80–130 км со средним темпом в 13,3–21,6 км в сутки¹⁴.

Учитывая удачное выполнение первоначальных директив, Ставка ВГК в 24 часа 28 июня уточнила задачи наступающим фронтам. Директивой № 220123 от командующего войсками 2-го Белорусского фронта требовалось «не позже 30.06–1.07 с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающиеся опорные пункты противника, развивать стремительное наступление в общем направлении на Минск... Не позже 7.07–8.07 во взаимодействии с левым крылом 3-го Белорусского фронта и правым крылом 1-го Белорусского фронта овладеть городом Минск и выйти на западный берег р. Свислочь»¹⁵.

Войскам 3-го Белорусского фронта директивой № 220124 приказывалось «с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающиеся опорные пункты противника, развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом занять Молодечно», для чего требовалось ускорить наступление 5-й танковой армии и стрелковых соединений¹⁶.

С утра 29 июня войска 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов при содействии соединений 1-го Прибалтийского фронта начали Минскую операцию (29 июня — 4 июля). Главный удар наносили войска 3-го и части правого крыла 1-го Белорусских фронтов в общем направлении на Минск. Учитывая, что советские войска находились в среднем в 100 км от столицы Белорусской ССР, а отступавшие от Днепра войска противника в 130–150 км, советское командование рассчитывало использовать сложившуюся конфигурацию фронта для охвата и окружения центральной группировки германских войск. Уже 3 июля 2-й гвардейский танковый корпус 3-го Белорусского фронта и 1-й гвардейский танковый корпус 1-го Белорусского фронта вступили в Минск, восточнее которого были окружены основные силы 4-й армии группы армий «Центр». В ходе операции советские войска продвинулись на 100–130 км со средним темпом 16,6–21,6 км в сутки¹⁷. К 11 июля окруженная группировка противника была разгромлена, в плен попало более 60 тыс. солдат вермахта. По данным германского командования, к 8 июля было разгромлено 28 дивизий группы армий «Центр», из которых 26 было расформировано, а общие потери составили 350 тыс. человек¹⁸.

Освобождение Минска и окружение более чем 100-тыс. группировки противника восточнее города, позволило Ставке ВГК в 1 час ночи 4 июля поставить перед войсками наступающих в Белоруссии фронтов новые задачи. От командующего войсками 1-й При-

балтийского фронта директива № 220130 требовала «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Свенцяны, Каунас. Ближайшая задача — не позже 10–12 июля овладеть рубежом Двинск, Нов[ые] Свенцяны, Подбродзе. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил на Поневежис, Шауляй»¹⁹.

Согласно директиве № 220126 войска 3-го Белорусского фронта должны были «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Молодечно, Вильно. Ближайшая задача фронта — не позже 10–12 июля овладеть Вильно и Лидой. В дальнейшем выйти на р. Неман и захватить плацдармы на его западном берегу»²⁰.

2-му Белорусскому фронту директивой № 220131 была поставлена задача «развивать наступление, нанося главный удар в направлении Новогрудок, Волковыск, Белосток. Ближайшая задача — не позже 12–15 июля овладеть районом Новогрудка, выйти на р. Неман и р. Молчадь. В дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белостока»²¹.

Директивой № 220127 командующему войсками 1-го Белорусского фронта было приказано правым крылом фронта «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Барановичи, Брест. Ближайшая задача — овладеть [районом] Барановичи, Лунинец и не позже 10–12.07.1944 г. выйти на рубеж Слоним, р. Шара, Пинск. В дальнейшем овладеть Брестом и выйти на р. Западный Буг, захватив плацдармы на его левом берегу»²².

В соответствии с этими директивами советские войска продолжали наступление на запад. Войска 1-го Прибалтийского фронта провели Шауляйскую (5–31 июля), 3-го Белорусского фронта — Вильнюсскую (5–20 июля), 2-го Белорусского фронта — Белостокскую (5–27 июля) операции. Однако продвижение Красной Армии постепенно замедлялось. Если с 5 по 17 июля советские войска продвинулись на 120–200 км со средним темпом 10–16,6 км в сутки, то во второй половине июля продвижение войск составило уже 60–120 км со средним темпом 4–12,6 км в сутки. Правофланговые соединения 1-го Белорусского фронта в составе 48-й, 65-й, 28-й, 61-й армий и Конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева (4-й гвардейский кавалерийский, 9-й танковый и 1-й механизированный корпуса) продолжали наступление в сторону Бреста, 8 июля освободили Барановичи и к исходу 17 июля вышли на фронт восточнее Свислочи, Пружаны, восточнее Дрогичина. С 5 по 17 июля эта группировка советских войск преодолела 170 км со средним темпом 14 км в сутки, а во второй половине месяца войска продвинулись всего на 110 км, а темп наступления упал до 7 км в сутки²³.

Еще в ходе подготовки операции «Багратион» предполагалось, что разгром германских войск севернее Припяти позволит левому крылу 1-го Белорусского

фронта зайти во фланг и тыл отступающим частям противника и довершить их разгром. Первоначально согласно утвержденному 2 июля плану операции предусматривалось разгромить ковельскую группировку вермахта и овладеть Брестом, после чего подвижные соединения должны были развивать наступление либо на Пружаны, Слоним, либо на Бельск, Белосток, чтобы окружить остатки группы армий «Центр» в западных районах Белоруссии. Общевоинские же армии должны были занять и удерживать фронт по линии Седльце, Люблин.

Однако реальная ситуация потребовала изменения всего замысла операции. В ночь на 5 июля германское командование отведло войска на высоты западнее Ковеля. Заметив этот маневр, советские войска начали преследовать врага и 6 июля освободили Ковель. Советское командование считало, что если отход противника будет продолжаться, следует начать общее наступление. В ходе преследования у советского командования не без помощи германской разведки сложилось впечатление, что вермахт отводится за реку Западный Буг, но 8 июля части 11-го танкового корпуса неожиданно натолкнулись на подготовленную оборону противника и понесли тяжелые потери. Поэтому советское командование решило прекратить разрозненные атаки и подготовить операцию по прорыву фронта, который теперь проходил по линии реки Припять, Ратно, Смидынь, Дольск, восточнее Верба.

Тем временем 7 июля Ставка ВГК утвердила новый вариант плана операции, который был доведен до войск 12 и 16 июля приказами командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Войскам левого крыла фронта была поставлена задача разгромить противостоящего противника, форсировать на 3–4-й день операции реку Западный Буг и выйти на фронт Ратно, Залесье, Савин, Хелм, Дубенка. В дальнейшем войскам следовало развивать наступление в северо-западном и западном направлениях, чтобы к концу июля главными силами выйти на рубеж Лукув, Люблин. Главный удар должны были наносить 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии с задачей прорвать оборону противника западнее Ковеля, обеспечить ввод в сражение подвижных войск и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и Люблин. 2-ю танковую армию, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса предполагалось ввести в сражение в районе Любомля. После прорыва обороны противника планировалось, что 2-й гвардейский кавалерийский корпус станет развивать наступление на Брест или Бяла-Подляску, 2-я танковая армия будет наступать либо на Парчев, Бяла-Подляска, либо совместно с войсками 8-й гвардейской армии на Лукув, Седльце, а 69-я, 1-я польская армии и 7-й гвардейский кавалерийский корпус — в направлении Люблин, Михув. 47-я армия должна была наступать на Бяла-Подляску и не допустить отхода к Варшаве германских войск, действовавших в районе Бреста, а 70-я армия — нанести удар на Брест с юга.

Войска правого крыла фронта должны были нанести удар из южных районов Западной Белоруссии на варшавском направлении, обходя брестскую группировку с севера. 28-й армии и КМГ ставилась задача нанести удар на Брест с севера, 61-й армии — с востока и во взаимодействии с 70-й армией разгромить брестскую группировку врага. В дальнейшем соединения 1-го Белорусского фронта должны были наступать к рекам Нарев и Висла²⁴.

Основные усилия в Люблин-Брестской операции фронт сосредоточивал на левом крыле, в составе которого насчитывалось 36 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий (570 400 человек, 9954 орудия и миномета, 1748 танков и САУ, 1465 самолетов). Для успешного прорыва сильной обороны противника главная ударная группировка фронта имела глубокое оперативное построение: 1-й эшелон составляли 70-я, 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии; 2-й эшелон — 1-я польская армия. Для развития успеха предназначались 2-я танковая армия, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские и 11-й танковый корпуса. На участках прорыва, составлявших 16,6% линии фронта, создавались высокие плотности сил и средств: 55,6% стрелковых дивизий, 85,4% орудий и минометов и 95,1% танков и САУ, или 1 стрелковая дивизия, до 356 орудий и минометов и 83 танка на 1 км фронта²⁵. На период прорыва обороны противника в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армий было передано по одной дивизии, а 8-й гвардейской армии — корпус штурмовой авиации.

Войскам 1-го Белорусского фронта противостояли основные силы 2-й армии группы армий «Центр» и левофланговые соединения 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина». Перед войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта на участке от Ратно до Верба оборонялись 9 пехотных дивизий и 3 бригады штурмовых орудий 8-го армейского и 56-го танковых корпусов 4-й танковой армии (около 111 600 человек, 1550 орудий и минометов, 211 танков и штурмовых орудий), основные силы которых находились в тактической зоне обороны (глубина до 15 км). Успеху предстоящего наступления способствовало то, что с утра 13 июля в наступление на Львов перешли соединения 1-го Украинского фронта, прорвавшие фронт группы армий «Северная Украина».

Наступление войск левого крыла 1-го Белорусского фронта началось утром 18 июля атакой передовых батальонов, успех которых был развит дивизиями 1-го эшелона армий. К исходу дня вражеская оборона была прорвана на фронте 30 км и на глубину до 13 км, а к исходу 20 июля прорыв был расширен до 130 км по фронту и свыше 70 км в глубину. 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии на широком фронте вышли к реке Западный Буг, с ходу на трех участках форсировали ее и вступили на территорию Польши. К исходу 21 июля на западном берегу реки был создан широкий плацдарм (80 км по фронту и 50 км в глубину). 22 июля советские войска заняли Хелм,

где в тот же день была обнародована программа деятельности Польского комитета национального освобождения (ПКНО), созданного накануне в Москве по инициативе представителей Краевой Рады Народовой (КРН) и Союза польских патриотов в СССР на основании закона КРН²⁶. Уже в 20 часов 30 минут 21 июля своей директивой № 220149 Ставка ВГК потребовала от командующего войсками фронта «не позже 26–27 июля с.г. овладеть городом Люблин, для чего в первую очередь использовать 2-ю танковую армию [генерал-полковника С. И.] Богданова и 7 гв. кк [генерал-лейтенанта М. П.] Константинова. Этого настоятельно требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши»²⁷. Выполняя директиву Ставки ВГК, 2-я танковая армия, введенная в прорыв 22 июля, при содействии части сил 8-й гвардейской армии освободила 24 июля Люблин и 25 июля достигла Вислы в районе городов Демблин и Пулавы²⁸.

Созданная 22 июля Конно-механизированная группа генерал-лейтенанта В. В. Крюкова (2-й гвардейский кавалерийский и 11-й танковый корпуса), развивая наступление на северо-запад, 23 июля овладела городами Парчев и Радзынь, 24 июля — городом Лукув, а в ночь на 25 июля завязала бой за город Седльце. Однако, выяснилось, что противник, получив свежие подкрепления, упорно удерживает город. К этому времени армии правого крыла фронта с боями выходили к реке Западный Буг северо-западнее Бреста. К исходу 21 июля они заняли рубеж восточнее реки Нарев, Боцьки, Семятичи, южнее Черемхи, западнее Кобрин. 23 июля в районе Черемхи германские части перешли в контратаку против войск 65-й армии и несколько потеснили ее соединения, вновь овладев городом Семятичи. Отразив контрудар противника, 65-я и 28-я армии к исходу 26 июля вышли к Западному Бугу, охватив брестскую группировку врага с севера и северо-запада. В это время 70-я армия форсировала реку южнее Бреста и обошла город с юго-запада. С востока к нему подходили войска 61-й армии.

Разгром группы армий «Центр», успешное наступление на Западной Украине и в Прибалтике, высадка союзников в Нормандии и покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. создавало у советского командования надежды на скорый разгром врага. Еще 19 июля заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Советского Союза Г. К. Жуков направил в Ставку ВГК докладную записку № 316 с предложением о дальнейших операциях на западном стратегическом направлении:

«1. Главной стратегической целью 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов на ближайший этап должно являться: выход на Вислу до Данцигской бухты включительно и захват Восточной Пруссии или в крайнем случае одновременно с выходом на Вислу отсечение Восточной Пруссии от Центральной Германии.

2. Восточная Пруссия по наличию укрепленных полос, инженерного оборудования и природным условиям является очень серьезным препятствием. Подступы к Кенигсбергу с юго-востока и юга прикрыты пятью укрепленными полосами, а с востока, кроме того, западнее Инстербурга подготовлен район затопления.

Наиболее выгодные направления для наступления в Восточную Пруссию:

1-е направление — из района Тильзит вдоль побережья в общем направлении на Кенигсберг через Либоц.

2-е направление — из района Каунас — Алитус через Гумбинен на Кенигсберг, обходя обязательно юга район затопления и Летценский укрепленный район.

3-е направление — из района Млава через Хонштейн — Алленштейн на Браунсберг.

Кроме того, сильную группировку необходимо бросить восточнее Висла в общем направлении на Мариенбург для отсечения Восточной Пруссии от Данцигского района.

1-е направление — удар из района Тильзит может проводиться только тогда, когда будет очищена от немцев Литва.

2-е и 3-е направления могут быть использованы при развитии наступления 3-м и 2-м Белорусскими фронтами.

3. Удар через Гумбинен может нанести Черняховский, он же частью сил должен наступать севернее Августовских лесов через Сувалки на Гольдап.

Удар из района Млава должен нанести 2-й Белорусский фронт в следующих направлениях:

а) одна группа на Алленштейн;

б) одна группа на Мариенбург для выхода до Данцигской бухты;

в) одна группа должна выйти на Вислу на участке Грудзянс — Нешава, где и закрепиться.

Левее, до границы с 1-м Украинским фронтом, должен выйти 1-й Белорусский фронт, при этом фронту обязательно необходимо захватить хорошие плацдармы на западном берегу р. Висла.

4. Для выполнения вышеизложенных задач 1-му Белорусскому фронту войск хватит. Ему нужно добавить 300 танков и 100 самоходных орудий.

2-му Белорусскому фронту потребуется одна армия в 9 дивизий, один стрелковый корпус — три дивизии, два — три танковых корпуса или танковая армия, четыре тяжелых танковых полка, четыре полка артиллерийских самоходных установок — 152-мм и усилить фронт авиацией». В заключение маршал Жуков изложил предложения по разграничительным линиям между фронтами²⁹.

Таким образом, заместитель Верховного Главнокомандующего полагал, что соединения разгромленной группы армий «Центр» не смогут оказать серьезного сопротивления войскам 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов, которые вскоре сумеют

освободить Восточную и Северо-Восточную Польшу. Более сложной и трудной представлялась ему операция против Восточной Пруссии, которая, видимо, и должна была стать основной на западном направлении осенью 1944 г.

27 июля в Москве состоялось заседание Ставки ВГК, обсудившее сложившуюся стратегическую ситуацию на советско-германском фронте. Успешное наступление Красной Армии на фронте от Балтийского моря до Карпат позволяло оценить ситуацию в целом оптимистично. Предполагалось, что вскоре удастся освободить Центральную и Южную Польшу, а в дальнейшем отрезать германские войска в Прибалтике от Восточной Пруссии, а саму Восточную Пруссию от Германии. Что касается войск 1-го Белорусского фронта, то, хотя его правифланговые соединения и отставали на 200–250 км от левофланговых, а тылы отстали, считалось возможным продолжать наступление в центральные районы Польши³⁰. В 24 часа 27 июля Ставка ВГК своей директивой № 220161 поставила войскам 2-го Белорусского фронта задачу «развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении Ломжа, Остроленка с задачей не позже 8–10 августа 1944 г. овладеть рубежом Августов, Граево, Стависки, Остроленка и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Остроленки. По выполнении указанной задачи прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении Млава, Мариенбург. Иметь в виду из района Млава частью сил наступать на Алленштейн»³¹.

Одновременно войска 1-го Белорусского фронта получили директиву № 220162, согласно которой от них требовалось «после овладения районом Брест, Седлец правым крылом фронта развивать наступление в общем направлении на Варшаву с задачей не позже 5–8 августа овладеть Прагой и захватить плацдарм на западном берегу р. Нарев в районе Пултуск, Сероцк. Левым крылом фронта захватить плацдарм на западном берегу р. Висла в районе Демблин, Зволень, Солец. Захваченные плацдармы использовать для удара в северо-западном направлении с тем, чтобы свернуть оборону противника по р. Нарев и р. Висла и тем самым обеспечить форсирование р. Нарев левому крылу 2-го Белорусского фронта и р. Висла центральным армиям своего фронта. В дальнейшем иметь в виду наступать в общем направлении на Торн и Лодзь»³².

***

В ходе освобождения западных областей Белоруссии советские войска встретились с отрядами польской Армии Крайовой (АК), которая вела партизанские действия в тылу вермахта в довоенных границах Польши и подчинялась польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. Целью польского эмигрантского правительства с осени 1943 г. стала реализация плана «Буря», согласно которому части АК должны были по мере отступления вермахта

овладевать освобожденными районами с тем, чтобы наступающие советские и союзные им польские войска уже заставляли бы там сформированный аппарат власти, подчиненный эмигрантскому правительству в Лондоне. Разработчики этого плана полагали, что тем самым они добьются от Москвы признания власти эмигрантского правительства на всей довоенной территории Польши. Кроме того, АК должна была быть готова к действиям против тех польских политических сил, которые находились в оппозиции правительству в эмиграции. Основным расчет делался на то, что, независимо от успеха операции «Буря», польский вопрос станет предметом обсуждения Англии, США и СССР, что заставит Москву пойти на уступки. Польское правительство в Лондоне полагало, что действия отрядов АК и дипломатические маневры позволят ему добиться учета своих интересов.

Поэтому солдатам АК запрещалось вступать в польские части, сформированные в Советском Союзе. Понятно, что все это закладывало фундамент недоверия между АК и советскими войсками, как и между различными польскими политическими силами и военными формированиями. Уже в ходе боев вокруг Ковеля в марте 1944 г. стало ясно, что политические директивы командования АК идут вразрез не только с ситуацией на фронте, но и с интересами освобождения Польши. Тогда в июле 1944 г. командование АК решило сделать ставку на захват крупных городов. 7 июля отряды АК попытались занять Вильнюс, но сил для этого у них было явно недостаточно³³. В итоге 13 июля Вильнюс был освобожден войсками 3-го Белорусского фронта, а попытки местного командования АК установить собственную администрацию только обострили ситуацию.

Учитывая все это, Ставка ВГК в 22 часа 14 июля своей директивой № 220145 ориентировала командующих войсками 3-го, 2-го, 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о следующем. «Наши войска, действующие на территории Литовской ССР, и в западных областях Белоруссии и Украины, вошли в соприкосновение с польскими вооруженными отрядами, которыми руководит польское эмигрантское правительство. Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. По обнаружении личный состав этих отрядов немедленно разоружать и направлять на специально организованные пункты сбора для проверки.
2. В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении их вооруженную силу.
3. О ходе разоружения польских отрядов и количестве собранных на сборных пунктах солдат и офицеров доносить в Генштаб»³⁴.

Операция по разоружению частей АК началось с утра 18 июля, и к 12 часам 20 июля войсками 3-го Белорусского фронта было разоружено более 6 тыс. человек. К началу августа число разоруженных войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов выросло до 8324 человек³⁵. Схожая ситуация сложилась и в Западной Украине, где отряд АК 23 июля попытался выбить германские войска из Львова, но был вынужден отступить. Город был освобожден 27 июля войсками 1-го Украинского фронта, а частям АК было предложено либо влиться в состав 1-й польской армии, либо разоружиться³⁶.

В 23 часа 40 минут 31 июля Ставка ВГК направила командующим войсками 1-го Украинского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов директиву № 220169:

- «1. Ввиду того, что территория Польши восточнее Вислы в большей своей части освобождена от немецких захватчиков и нет необходимости в продолжении боевой работы польских партизан на этой части территории Польши, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вооруженные отряды Армии Крайовой, подчиненные Польскому комитету национального освобождения, желающие продолжать борьбу с немецкими захватчиками, направлять в распоряжение командующего 1-й Польской армии (Берлинга) для того, чтобы влить их в ряды регулярной польской армии. Партизаны этого рода сдают имеющееся у них старое оружие, чтобы получить новое, лучшее вооружение.
2. Ввиду того, что вражеская агентура стремится проникнуть в районы боевых действий Красной Армии и осесть на территории освобожденной Польши под видом польских отрядов Армии Крайовой, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает вооруженные отряды, входящие в состав Армии Крайовой или других подобных организаций, несомненно, имеющие в своем составе немецких агентов, при обнаружении немедленно разоружать. Офицерский состав этих отрядов интернировать, а рядовой и младший начсостав направлять в отдельные запасные батальоны 1-й Польской армии Берлинга. Оружие, изъятое из отрядов, сдавать на армейские артиллерийские склады.

Командующему 1-й Польской армией для этой цели сформировать к 7 августа сего года отдельные запасные батальоны: для 3-го Белорусского фронта в районе Вильно, для 2-го Белорусского фронта в районе Белостока, для 1-го Белорусского фронта в районе Люблина и для 1-го Украинского фронта в районе Ярослава.

Рядовой и младший начсостав, направленный в отдельные запасные батальоны, тщательно проверять информационному отделу 1-й Польской армии. Проверенных направлять в запасный полк 1-й Польской армии в город Люблин»³⁷.

В тот же день Ставка ВГК направила командующим войсками 1-го Украинского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов директиву № 302006 о том, что мобилизацию на территории Польши проводит только ПКНО, «как правительственный орган Польского суверенного государства. По поручению Польского Комитета Национального Освобождения мобилизация может проводиться также командованием Красной Армии», а попытки любых других сил организовать мобилизацию следовало немедленно пресекать³⁸.

Тем временем, учитывая вступление Красной Армии на территорию Польши и заключение 26–27 июля соглашений между Советским Союзом и ПКНО³⁹, в Москву прибыл премьер-министр польского эмигрантского правительства С. Миколайчик. Перед своим отъездом в Советский Союз он разрешил уполномоченному польского эмигрантского правительства в Польше начать восстание в Варшаве в любой удобный, по его мнению, момент, поскольку восстание будет «сильным аргументом» на переговорах в Москве⁴⁰. Понятно, что в ходе состоявшейся в 21 час 31 июля беседы с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым Миколайчик ни словом не обмолвился о завершении подготовки восстания в Варшаве. Он ограничился лишь туманной фразой о том, что «у польского правительства имеется план, предусматривающий мобилизацию всех сил на борьбу с немцами... Польское правительство обдумывало план генерального восстания в Варшаве и хотело бы просить советское правительство о бомбардировке аэродромов около Варшавы». На это Молотов, как и все советское руководство преувеличивавший степень разгрома войск противника, ответил, что «до Варшавы осталось всего лишь около 10 километров»⁴¹.

В беседе со Сталиным 3 августа Миколайчик, надеявшийся на успех восстания в Варшаве, постарался в некоторой степени ориентировать советское руководство об ожидаемых результатах борьбы в городе: «Когда советские войска войдут в Варшаву, к ним явятся заместитель премьера польского правительства и комендант подпольной армии, которые занимаются вопросами администрации в Польши. Он, Миколайчик, уверен, что этим лицам советские власти не причинят никакого вреда». Далее польский премьер заявил, что «хочет быть в Варшаве». В ответ на замечание Сталина, что Варшава у немцев, Миколайчик сказал, что «как он думает, Варшава будет скоро освобождена, и он сможет там создать новое правительство, базирующееся на все силы Польши». В дальнейшем беседа велась по проблемам советско-польской границы и взаимоотношений эмигрантского польского правительства и ПКНО⁴². Приведенные материалы показывают, что восстание в Варшаве было специально приурочено к визиту польского премьер-министра в Москву, что, в свою очередь, вероятно, должно было облегчить польской стороне установление в столице администрации, подконтрольной правительству в эмиграции.

Однако совершенно неожиданно оказалось, что обстановка изменилась, и оптимистические расчеты как советской, так и польской стороны были опрокинуты. Уже 9 августа в заключительной беседе со Сталиным Миколайчик просил его «оказать помощь полякам, борющимся в Варшаве. Сталин спрашивает, о какой помощи идет речь. Миколайчик отвечает, что речь идет о помощи оружием. Дело в том, что немцы сейчас не так сильны, чтобы выбросить поляков из тех районов Варшавы, которые они занимают. Поляки нуждаются в оружии для того, чтобы продержаться. Сталин заявляет, что все это начинание с восстанием польской подпольной армии в Варшаве он считает нереальным делом, так как у восставших нет оружия, в то время как немцы только в районе Праги имеют 3 танковые дивизии, не считая пехоты. Немцы просто перебьют всех поляков. Просто жалко этих поляков». Тем не менее, Сталин обещал сделать «все возможное» для переброски оружия восставшим⁴³.

***

Понятно, что германское командование всеми силами старалось остановить наступление Красной Армии в Западной Белоруссии, сохранить фронт на подступах к восточным границам Германии и прежде всего удержать линии рек Нарев и Висла. Для этого на центральный участок советско-германского фронта

перебрасывались части с других фронтов и из Германии. Так, в период с 23 июня до 16 июля в Белоруссию было направлено 20 дивизий (из них 4 танковые), 4 бригады и 19 отдельных полков. Во второй половине июля туда направлялось еще 16 дивизий (из них 4 танковые), 2 бригады и 3 отдельных полка⁴⁴. Военное производство позволяло сухопутным войскам Германии не только восполнять потери, но и наращивать численность вооружений и боевой техники (см. таблицу 4). 23 июля новый начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Г. Гудериан приказал непременно удержать рубеж рек Висла и Сан, поскольку «иначе можно постепенно откатиться до Одера и Эльбы». Важная роль отводилась удержанию Варшавы — этого центра коммуникаций и возможного места форсирования Вислы крупными массами войск в случае захвата Красной Армией целыми мостов в городе⁴⁵. Поэтому в тот же день командование группы армий «Центр» приняло решение о сосредоточении основной танковой группировки на подступах к Варшаве⁴⁶. Германское командование расценивало наступление войск левого крыла 1-го Белорусского фронта как наиболее серьезную угрозу, и для удержания рубежа Вислы от Варшавы до Пулав 24 июля была введена 9-я армия, которой подчинялись все прибывающие на этот участок войска.

Таблица 4
Наличие вооружения в сухопутных войсках Германии⁴⁷

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Стрелковое оружие	8 513 388	8 763 149	8 783 430	8 964 380
Ручное противотанковое оружие	238 109	262 823	288 806	287 973
Орудия и минометы	74 457	78 356	77 352	78 116
Танки и штурмовые орудия	9 518	10 202	9 690	10 027
Прочая бронетехника	2 153	2 130	2 002	2 012
Самолеты	7 627	7 679	7 741	7 694

Тем временем, командование 1-го Белорусского фронта 26 июля приказало ускорить продвижение войск на левом фланге. От 1-й польской армии требовалось «с утра 26.7.44 г. продолжать движение в общем направлении Курув, Демблин с задачей — 28.7.44 г. выйти на рубеж р. Висла на участке: Рыщице (1 км с[северо]-з[ападнее] Демблин), Властовице (2 км южн[ее] Пулавы)... Командующему 8-й гв. А: с выходом 1-й ПА на р. Висла 4-й гв. ск вывести в полосу своей армии. Командующему 69-й А: продолжать наступление в общем направлении Войцехув, Карчлинска с задачей 26.7.44 г. выйти на рубеж р. Висла на участке: иск[лючая] Властовице, иск[лючая] Юзефув»⁴⁸. 27 июля на левом фланге фронта 47-я армия вышла на рубеж Мендзыжец, Лукув, 8-я гвардейская армия — западнее Лукува, Демблин, а передовые

части 69-й армии подходили к Висле. Подошедшие 27 июля стрелковые соединения 8-й гвардейской и 69-й армий начали форсирование реки. Введенная в сражение 28 июля на стыке 8-й гвардейской и 69-й армий 1-я польская армия также подходила к Висле в районе Демблина, где должна была принять от 2-й танковой армии ее участок.

На правом крыле фронта в течение 28 июля войска 28-й, 70-й армий и 9-й гвардейский стрелковый корпус 61-й армии заняли Брест и на следующий день в лесах западнее его завершили разгром до 4 дивизий противника. После этого 30 июля 61-я и 70-я армии были выведены в резерв Ставки ВГК. К исходу 28 июля основные силы 1-го Белорусского фронта, встретив упорное сопротивление усиленной резервами 2-й германской армии на рубеже

южнее Лосице, Седльце, Гарволин, вынуждены были развернуться фронтом на север. К этому времени войска 1-го Белорусского фронта достигли линии река Висла, Гарволин, Колбель, Калушин, Седльце, Бяла-Подляска, река Кшна, река Западный Буг, Бельск-Подляски.

30 июля во исполнение директивы Ставки ВГК № 220166 от 29 июля об ускорении форсирования реки Висла⁴⁹, командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Рокоссовский приказал основные переправочные средства подтянуть к реке и обеспечить переправу 69-й, 1-й польской и 8-й гвардейской армий. Требовалось отработать планы по форсированию реки и «довести до сведения командиров всех степеней, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании р. Висла, будут представлены к специальным наградам орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза»⁵⁰. 29 июля — 2 августа войскам 69-й армии удалось захватить плацдарм на западном берегу Вислы у Пулав, а 1–4 августа 8-й гвардейской армии — у Магнушева, где развернулись ожесточенные бои⁵¹.

Тем временем, 2-я танковая армия, получив возможность маневра, продолжала наступление вдоль Вислы на северо-запад, рассчитывая обойти Варшаву с северо-востока и выйти к реке Нарев у Сероцка. Как отмечалось 30 июля в утренней оперативной сводке Генерального штаба Красной Армии № 212, «2-я танковая армия, обходя опорные пункты противника, продолжала наступление в направлении г. Варшава. 3-й танковый корпус занял район Сухолонк (16 км сев[ернее] г. Минск-Мазовецки) — Станиславов и продолжал наступление в направлении на Окунев. 8-й гвардейский танковый корпус с рубежа Миканув (4 км южн[ее] г. Минск-Мазовецки) — Сенница наступал в северо-западном направлении. 16-й танковый корпус, наступая вдоль Варшавского шоссе, вышел на рубеж Дзехцинец (22 км юго-вост[ок] г. Варшава) — Млендз. Частями корпуса разгромлен штаб 73-й пехотной дивизии противника и захвачены офицеры штаба»⁵².

К вечеру 30 июля советские танковые части заняли Отвоцк, Воломин и Радзымин, отрезав тем самым пути отхода германским войскам, оборонявшимся в районе Седльца и Миньска-Мазовецкого. Передовые части 3-го танкового корпуса оказались в 3–4 км от моста через реку Нарев у Загроб. По данным утренней оперативной сводки Генштаба Красной Армии № 213 от 31 июля, «2-я танковая армия развивала наступление в направлении г. Варшава и к исходу дня вела бои: 3-й танковый корпус, овладев г. Радзымин, вышел на рубеж Радзымин — Струга — Марки (11 км сев[еро]-вост[ок]нее г. Варшава) — Зеленка — Осув — Воломин; 8-й гвардейский танковый корпус, отражая контратаки танков противника из района Миньск-Мазовецки, медленно продвигался вперед и к исходу дня вышел на рубеж Хмелев — Замена — Целинув — Порембы — Дзехцинец; 16-й танковый

корпус, развивая наступление вдоль Варшавского шоссе, овладел г. Отвоцк и к исходу дня вел бой на рубеже Плахта — Изабела — Закрент — Мендзылесе — Радосьць — Фаленица — Свицер»⁵³.

Однако общая остановка на подступах к Варшаве оказалась достаточно сложной. Соединения 2-й германской армии организовали оборонительный рубеж по линии Седльце — Бяла-Подляска, на который советские войска натолкнулись 27 июля. Пользуясь замедлением наступления войск 2-го Белорусского и правого крыла 1-го Белорусского фронтов, противник смог нанести контрудар по соединениям 1-го Белорусского фронта в районе Седльце. Все это привело к тому, что фланги 2-й советской танковой армии оказались открытыми. В этих условиях германское командование, получив свежие соединения и правильно оценив намерения советских танкистов достичь нижнего течения реки Нарев, создало под Варшавой внушительную группировку в составе 5 танковых и 2 пехотных дивизий общей численностью 51,5 тыс. человек, 1158 орудий и минометов и 600 танков и штурмовых орудий. 2-я танковая армия, ослабленная двухнедельным наступлением и испытывавшая перебои с подвозом горючего и боеприпасов, насчитывала всего 32 тыс. человек, 468 орудий и минометов и 425 танков и САУ⁵⁴.

6-я воздушная армия, взаимодействовавшая с войсками левого крыла 1-го Белорусского фронта, еще не успела перебазировать самолеты на новые аэродромы ближе к линии фронта и также испытывала трудности с подвозом горючего. Так, 29 июля при наличии почти 1400 самолетов было совершено всего 95 самолето-вылетов, а 30 июля — 232 самолета-вылета для действий на разных участках фронта⁵⁵. Таким образом, положение 2-й советской танковой армии, лишенной поддержки стрелковых частей и воздушного прикрытия, следует считать очень серьезным. Понятно, что в этих условиях, ни о каком дальнейшем наступлении не могло быть и речи.

30 июля командование 2-й танковой армии докладывало штабу 1-го Белорусского фронта:

- «1. Наличие укрепленной линии Варшавского УР подтверждает командир 73-й пд генерал-лейтенант Фронек (взятый нами в плен). Имеются ДОТы, занятые арт[иллерийскими] частями. Минск-Мазовецкий занимает танковая дивизия «Герман Геринг».
2. 3-й тк главными силами овладел Кобылка, северо-восточнее Варшавы 8 км. 16-й тк — овладел Погулянка, уперся в сильно укрепленную полосу, лес западнее Милосна Стар.
3. 8-й гв. тк — ведет упорный бой на рубеже Минск-Мазовецкий, Глинянка (Минск-Мазовецкий 8 км) с танковой дивизией «Геринг».
4. Решил:
3-й и 16-й тк — быстрее приблизить к окраинам Праги, соединить их фланги. Отрезать Варшаву с востока, северо-востока и юго-востока.

8-й гв. тк — прикрыться от Минск-Мазовецкий с юга. Главными силами обойти оборону танковой дивизии «Геринг».

8-й тк вывести в р[айон]н Окунев, Изабела, Подюзефин, обеспечивая действия 3-го и 16-го тк с востока.

Резервную 109-ю т[анковую] бр[игаду] вывожу в лес северо-восточнее Минск-Мазовецкий и ударом 8-го тк с запада, т[анковой] бр[игадой] с востока и северо-востока уничтожить танковую дивизию «Геринг» в р[айон]не Минск-Мазовецкий, не допуская ее отхода и соединения с главными силами [в] северо-восточном направлении. Авиация пр[отивни]ка непрерывно бомбит боевые порядки корпусов.

Убедительно прошу:

1. Ударом бомбардировочной авиации смести с земли Минск-Мазовецкий, где установлено сосредоточение около 100 танков и самоходных орудий.
2. Прикрыть истребительной авиацией р[айон]н армии.
3. Наша авиация совершенно бездействует.
4. Ускорить подачу горючего и масла.

Начинаю выдыхаться (курсив мой. — М. М.).

На этом донесении имеется резолюция Рокоссовского: «Армии действовать по обстановке, штурма укрепрайонов и долговременных оборонительных сооружений избегать»⁵⁶.

Однако о том, что ситуация изменилась командование 2-й танковой армии узнало лишь утром 31 июля, когда на соединения армии с трех сторон обрушился контрудар противника. Парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия со стороны Праги, 4-я танковая дивизия с севера, а 5-я танковая дивизия СС «Викинг» и 3-я танковая дивизия СС «Мертвая голова» с востока атаковали советские войска, которые оказались под угрозой окружения. О важности этой операции для германского командования свидетельствует и личное руководство контрударом со стороны командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Моделя. В этой обстановке уже в 4:10 утра 1 августа войска 2-й танковой армии получили приказ перейти к обороне:

- «1. Противник частями 73-й пд, тд «Герман Геринг», тд СС «Мертвая голова», 5-й [тд] СС «Викинг», 19-й тд, 6-го Варшавского охранного полка, опираясь на Варшавский укрепленный район, оказывал упорное сопротивление 2-й ТА на рубеже: Яблонка, Легионово, Чарна Струга, Марки, Окунев, Цехувка, Збытки.
- 2-я ТА переходит к обороне. Передний край обороны на рубеже: Кобылка, Оссув, Сулеювек, Милосна Стар, Збытки; иметь прикрытие с востока и частично с северо-востока против отходящих частей Брестской группировки противника. Готовность обороны 12:00 1.8.44.
3. Одна дивизия 125-го ск выходит в поселок Станиславов для обеспечения коммуникаций 2-й ТА.

4. 3-му тк с 220-м инж[енерным] саперным батальоном — занять круговую оборону в полосе: Нова Весь, Кобылка, Подлесьняковизна, Оссув. Отдельными отрядами перехватить и оборонять шоссе Радзымин — Варшава в пунктах Радзымин, Струга, Зеленка...

5. 8-му гв. тк — занять круговую оборону в полосе: высота 106,7, Оссув, Гиполитув, Закрент. Одним усиленным м[ото]с[трелковым] б[атальоном] перехватить узел дорог в районе Стары, Рембертув...

6. 16-му тк с 41-й истр[ебительной] бриг[адой], 86-м гв. м[отострелковым] п[олком], 201-м инж[енерным] сап[ерным] батальоном, дивизионом штурмовых орудий, без 109-й т[анковой] бр[игады], — оборонять полосу: Горашка, Милосна Стар, Медзешин, Збытки...

7. 87-му о[тдельному] м[ото]ц[иклетному] б[атальону] с 10-м дизельным моторизованным огнетным батальоном сосредоточиться в районе Минск-Мазовецкий и удерживать его, не допуская прорыва танков и пехоты противника с севера и северо-востока. Разведку вести вплоть до рубежа: Калушин, Маковец Малы, Страхувка. Иметь постоянное наблюдение на рубеже: Висьнев, п. Станиславов.

8. 5-му о[тдельному] м[ото]ц[иклетному] б[атальону] [место] сосредоточения — лес южнее Глина. Вести разведку вдоль р. Висла в направлении: а) Отвоцк, Медзешин, Прага; б) Карчев, Блота, Прага.

9. Арм[ейский] резерв: 109-я т[анковая] бр[игада], 729-й о[тдельный] и [стребительно]-п[ротиво] т[анковый] д[ивизион] — к утру 1.8.44 сосредоточиться в районе: Малцанув, Копки, Глинянка»⁵⁷.

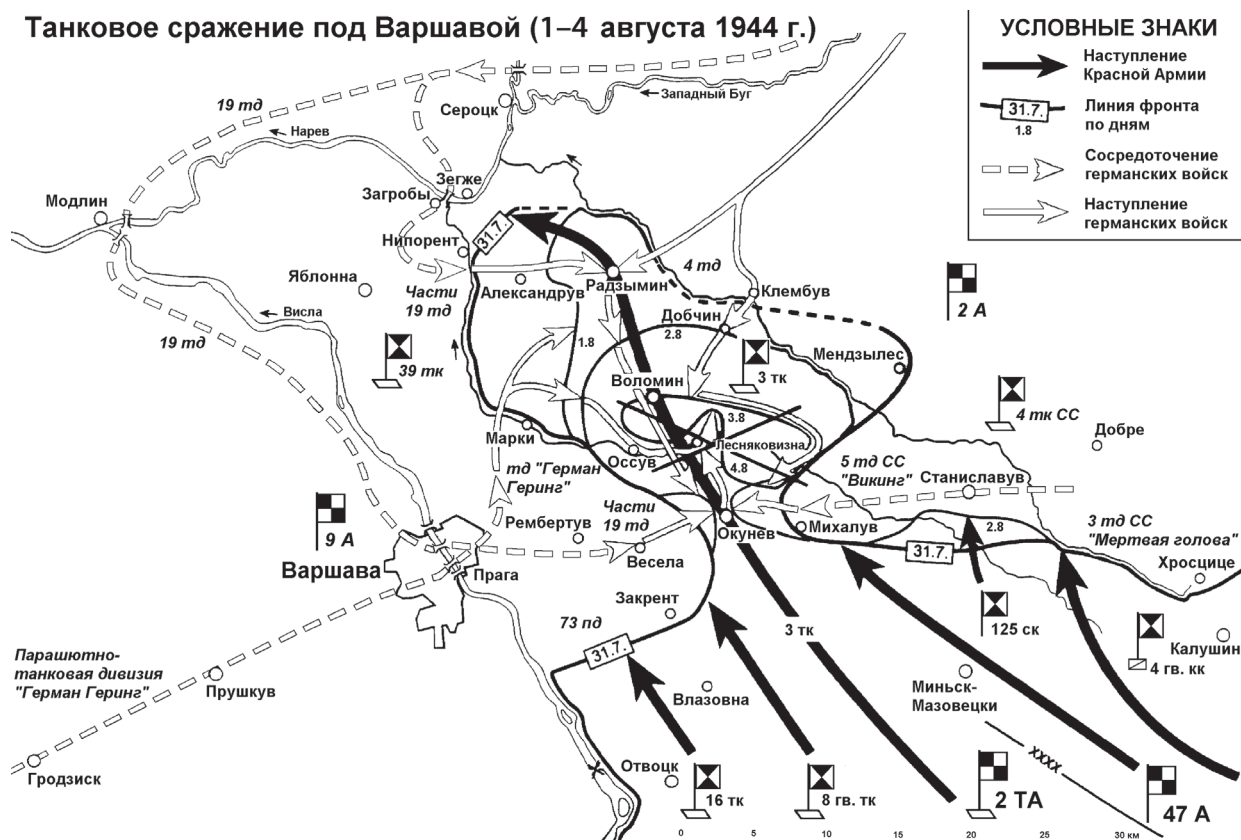
К исходу 2 августа войска 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж западнее Суража, Цехановец, севернее Калушина, Радзымин, восточнее Праги, далее на юг по Висле и продолжали бои по расширению плацдармов на ее западном берегу. Тем временем, противник наращивал силу ударов.

Как указывалось 1 августа в утренней оперативной сводке № 214 Генштаба Красной Армии, «2-я танковая армия в течение дня 31.7 вела напряженный бой с упорно обороняющимся противником на ближних подступах к г. Варшава. 3-й танковый корпус отражал контратаки пехоты противника с танками из района Прага и, подвергаясь неоднократным налетам вражеской авиации, в течение дня вел бой на прежнем рубеже; 16-й танковый корпус в течение дня вел бой с упорно обороняющимся противником на прежнем рубеже; 8-й гвардейский танковый корпус частью сил овладел г. Миньск-Мазовецки, главные силы корпуса, преодолевая упорное сопротивление противника, к исходу дня овладели районом Окунев»⁵⁸. Именно канонада этих боев, которая была слышна в Варшаве, подтолкнула командование

АК к решению начать восстание в 17 часов 1 августа, поскольку считалось, что Красная Армия могла со дня на день вступить в Прагу, и нужно было успеть освободить польскую столицу до ее подхода. Однако

германское командование в Варшаве полагало, что сосредоточенные на подступах к городу соединения вермахта смогут «на продолжительное время задерживать русских»⁵⁹.

Танковое сражение под Варшавой (1–4 августа 1944 г.)

Тем временем в ходе боев 1 августа части 19-й танковой дивизии и парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» отбросили левифланговые части 3-го советского танкового корпуса на восток к Радзымину, а в 19:15 того же дня части 19-й танковой дивизии и 5-й танковой дивизии СС «Викинг» соединились в районе Окунева, замкнув кольцо окружения вокруг 3-го советского танкового корпуса. 2 и 3 августа части вермахта продолжали сжимать фронт окружения 3-го танкового корпуса и вновь заняли Радзымин и Воломин (см. схему⁶⁰). 3 августа командующий 2-й танковой армией докладывал штабу 1-го Белорусского фронта: «Противник из р[айо]на Радзымин силою до 85 танков с пехотой в 10:00 атаковал 3-й тк в направлении Воломин и с направления Зеленка на Оссув силою до 40 танков потеснил наши части и к 18:00 3.8.44 ведет бой на рубеже: линия железной дороги в р[айо]не Воломин.

8-й гв. тк, отражая атаки танков с востока и запада, ведет бой на прежнем рубеже.

Решил: с выходом пехоты в район Окунев 8-м гв. тк в общем направлении Оссув, Зеленка, Марки перерезать Варшавское шоссе в р[айо]не Струги, Марки. 3-м тк перейти в контрнаступление на Радзымин. Прошу 16-й тк срочно сменить пехотой и разрешить мне вывести в район Окунев, чтобы собрать армию

в кулак, сейчас разбросана и неудобно управлять». Резолюция Рокоссовского на этом донесении гласила: «Если 3-му тк угрожает опасность быть оттесненным от главных сил армии, то отведите его к главным силам, имея *основной задачей не допустить противника на юг и юго-восток*» (курсив мой. — М. М.)⁶¹. Таким образом, в тот момент командующий фронтом видел главную опасность в прорыве войск противника в тыл советских войск, развернутых вдоль Вислы и ведущих бои за плацдармы на ее западном берегу.

В этот момент обстановка была настолько неясной для высших советских штабов, что, например, в утренней оперативной сводке № 215 Генштаба РККА от 2 августа 2-я танковая армия вообще не упоминается, а в утренней сводке № 216 от 3 августа относительно 2-й танковой армии указывалось, что «3-й танковый корпус отразил контратаки противника: неустановленной силы пехоты и танков на Радзымин с северо-запада; до двух батальонов пехоты с 15 танками в направлении н[аселенного] п[ункта] Чарна-Струга и до двух батальонов с 15–20 танками с юга в направлении н[аселенного] п[ункта] Зеленка. В результате напряженного боя противнику удалось частично потеснить части корпуса и овладеть н[аселенным] п[унктом] Зеленка (6 км сев[еро]-вост[очнее] н[аселенного] п[ункта] Прага). 8-й гвардейский

танковый корпус, прикрывшись с запада на рубеже Майдан — Окунев — Журавка, главными силами наступал в северо-восточном направлении и к исходу дня вел бой на рубеже Длуга-Косьцельна — Крубки (14–16 км сев[еро]-зап[аднее] Миньск-Мазовецки) фронтом на восток»⁶². Лишь 4 августа в утренней сводке № 217 отмечалось, что «2-я танковая армия в течение дня отражала неоднократные атаки танков противника силою до 8 единиц из района Радзымин в юго-восточном направлении и силою до 50 единиц из района Зеленка в северо-восточном направлении. В результате контратак противника части армии оставили районы Воломин, Надажин, Оссув. К исходу дня шли упорные бои с танками противника в районе 3 км юго-вост[очнее] г. Воломин»⁶³.

4 августа соединения вермахта завершили разгром окруженных советских частей в районе юго-восточнее Воломина и продолжали атаковать фронт 2-й танковой армии⁶⁴. Напряженность этих боев ясно видна из донесения командующего 2-й танковой армией от 5 августа:

- «1. Противник силами тд СС «Мертвая голова», тд «Герман Геринг», тд СС «Викинг», 19-й тд, 73-й пд, штурмбатальона, 24-го строительного батальона, артиллерийских частей в 11:00 3.8.44 г. перешел в наступление на части 3-го тк и 8-го гв. тк с направлений: Радзымин — 40 танков, Клембув — 40 танков и бронетранспортеров, Струга — 20 танков с пехотой, Туров — 18 танков с пехотой, лес 2,5 км юго-западнее Окунев — 16 танков с батальоном пехоты, Посвинтье — 14 танков с пехотой, Краше-Стар — 20 танков и бронепоезд, действовавший из района Зеленка.
2. 2-я танковая армия 3.8.44 г. 3-м тк с частью сил 8-го гв. тк вела бой по уничтожению танков и пехоты противника. 50-я и 51-я т[анковые] бр[игады] 3-го тк вели бои с превосходящими силами противника на рубеже: Дучки, железная дорога, идущая через Воломин, Надажан, понесли большие потери и из района боевых действий не вышли, за исключением отдельных танков и 46 человек м[оторизованного] ба[тальона] 50-й т[анковой] бр[игады].

Потери армии: сгорело и подбито танков и самоходных установок — 58, из них 42 остались на территории, занятой противником. Раздавлено орудий разных калибров — 16, автомашин — 17. Ранены и остались на территории, занятой противником, командиры 50-й и 51-й танковых бригад — Герой Советского Союза полковник Мирвода, майор Фундовный со своими штабами»⁶⁵. Оперативные сводки Генштаба за 5–7 августа показывают, что войска 2-й танковой армии вели упорные бои с атакующими частями противника, сначала медленно отходя на юго-восток, а затем удерживаясь на занимаемых рубежах⁶⁶.

В ходе этих боев части 2-й танковой армии потеряли 409 человек убитыми, 390 пропавшими без вести и 1271 ранеными, что составило 48,3% потерь за

весь период с 20 июля по 8 августа. 8 августа танковая армия передала линию фронта соединениям 47-й армии и была выведена из боя. В этот момент в ней насчитывалось всего 27 танков и 4 САУ из 810, имевшихся к 18 июля. То есть общие потери в бронетехнике составляли 779 единиц (92,7%), причем 394 танка и САУ (50,6%), из них 244 безвозвратно (61,9%) было потеряно в боях 31 июля — 8 августа⁶⁷. В результате противник устранил угрозу выхода советских войск в тыл соединениям вермахта, ведущим бои к востоку от Варшавы по линии Седльце, Миньск-Мазовецки, что, в свою очередь, создавало опасность контрудара вермахта на юг в тыл вышедшим на Вислу советским войскам. Это был момент, когда у командующего 1-м Белорусским фронтом просто не было резервов для отражения этого удара. Тем не менее, войскам 2-й танковой и 47-й армий удалось удержать фронт.

Советское командование не сразу оценило серьезность ситуации. Лишь 6 августа Рокоссовский и Жуков доложили в Москву: «1. Сильная группировка противника действует на участке Соколув-Подляски, Огрудек (10 км сев[ернее] Калущин), п. Станиславув, Воломин, Прага. 2. Для разгрома этой группировки противника у нас оказалось недостаточно сил». Они просили разрешить ввести в сражение ранее выведенную в резерв Ставки ВГК 70-ю армию и дать три дня на подготовку операции. «Раньше 10 августа перейти в наступление не представляется возможным в связи с тем, что до этого времени мы не успеваем подвезти минимально необходимого количества боеприпасов»⁶⁸. Однако и это не помогло.

Тогда в изменившейся обстановке советское командование предложило подготовить новую операцию для занятия Варшавы. Уже 8 августа Жуков и Рокоссовский доложили Сталину соображения о плане Варшавской операции:

- «1. Варшавскую операцию фронт может начать после того, как армии правого крыла выйдут на рубеж р. Нарев и захватят плацдарм на его западном берегу на участке Пултуск, Сероцк. Боевые порядки этих армий удалены от реки Нарев на расстояние 120 км; для преодоления этого расстояния потребуется 10 дней. Таким образом, наступательную операцию армиями правого крыла фронта, с выходом их на рубеж р. Нарев, необходимо провести в период с 10 по 20.8.44 года.
2. За это же время на левом крыле фронта силами 69-й армии, 8-й гв. армии, 7-го гв. кк и 11-го тк необходимо провести частную операцию с целью расширения плацдарма на западном берегу р. Висла, с выходом этих армий на рубеж: Варка, Стромец, Радом, Вежбица. Для проведения этой операции необходимо из состава 1-го Украинского фронта передать 1-ю танковую армию Катуква в состав 1-го Белорусского фронта и направить ее из района Опатув через Островец, Сенно, с задачей ударом

в северном направлении выйти на фронт: Звонь, Радом и этим оказать помощь 69-й, 8-й гв. А, 7-му кк и 11-му тк в разгроме противостоящего противника.

Наряду с этим необходимо существующую разграничительную линию между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами поднять на север до линии: Красностав, река Илжанка, Опочно, Пиотрков. Это уплотнит боевые порядки армий левого крыла 1-го Белорусского фронта и усилит ударную мощь наших войск на радомском направлении.

3. После проведения этих операций и с выходом армий правого крыла фронта на рубеж р. Нарев, а армий левого крыла на фронт: Варка, Стромец, Радом, Вежбица войска будут нуждаться во времени минимум 5 дней для перебазирования авиации, для подтягивания артиллерии и тылов, а также для подвоза боеприпасов и горюче-смазочных материалов.

4. Учитывая необходимое время на подготовку, Варшавскую операцию можно начать с 25.8.44 всеми силами фронта, с целью выхода на рубеж: Цеханув, Плоньск, Вышогруд, Сохачев, Скерневице, Томашув и занятия Варшавы.

В этой операции для наступления севернее р. Висла использовать три армии, 1-й танковый и 1-й кавалерийский корпуса, а для наступления южнее р. Висла использовать 69-ю армию, 8-ю гв. армию, 1-ю танковую и 2-ю танковую армии, два кавкорпуса, один танковый корпус и одну армию за счет правого крыла фронта.

1-я польская армия в этой операции будет наступать по западному берегу р. Висла с задачей во взаимодействии с войсками правого крыла и центра фронта овладеть Варшавой»⁶⁹.

Однако в сложившейся обстановке выполнить этот план оказалось невозможно. Во-первых, в это время германские войска атаковали советские части на плацдармах западнее Вислы. В полосе 1-го Белорусского фронта 5–14 августа вермахт атаковал Пулавский и Магнушевский плацдармы. Лишь отразив удары противника, советские войска во второй половине августа сами предприняли ряд атак, стремясь расширить плацдармы. Тем временем 29–31 июля войска 1-го Украинского фронта захватили плацдарм на западном берегу Вислы в районе Сандомира. С утра 2 августа германские войска нанесли контрудар на восточном берегу Вислы с целью отрезать плацдарм от основных сил. Отразив эти атаки, советские войска 14 августа развернули наступление для расширения плацдарма и окружили 42-й армейский корпус вермахта у Сандомира, но 19–21 августа противнику удалось деблокировать его. 23–24 и 26–28 августа вермахт предпринял новые атаки против плацдарма. В результате наступление войск 1-го Украинского фронта в направлении Радома так и не состоялось⁷⁰.

Во-вторых, возросшая плотность обороны вермахта на подступах к Праге и среднему течению реки Нарев не позволила советским войскам выполнить поставленные задачи. Только 26 и 27 августа Красная Армия форсировала низовья реки Западный Буг и стала продвигаться к Нареву. Однако эти бои показали, что наступательные возможности 1-го Белорусского фронта иссякли. В этой обстановке советское командование отказалось от проведения Варшавской операции. В 2 часа ночи 29 августа Ставка ВГК своей директивой № 220196 потребовала от командования 1-го Белорусского фронта перейти к жесткой обороне на рубеже реки Висла и удержать все плацдармы на ее западном берегу. «Правым крылом продолжать наступление с задачей к 4–5.9 выйти на р. Нарев до устья и захватить плацдармы на западном берегу в районе Пултуск, Сероцк, после чего также перейти к жесткой обороне»⁷¹. Директивы о переходе к обороне получили также войска 1-го, 4-го Украинских, 2-го и 3-го Белорусских фронтов.

Выполняя директиву Ставки ВГК, войска 1-го Белорусского фронта продолжали наступление в направлении Варшавы и нижнего течения реки Нарев и 30 августа вновь заняли Радзымин, а 5 сентября — Воломин. В тот же день советскими войсками были захвачены плацдармы на реке Нарев у Ружан и Сероцка⁷². 10–15 сентября советские и польские части смогли занять восточное предместье Варшавы Прагу, а 16–23 сентября частями 1-й польской армии была предпринята операция по форсированию Вислы в черте города и соединению с повстанцами. Однако ожесточенное сопротивление противника, слабая активность повстанцев, медленное наращивание сил на захваченных плацдармах и недостатки боевого управления десантами привели к тому, что, потеряв 87,1% личного состава десантных отрядов, части 1-й польской армии были вынуждены вернуться на восточный берег реки⁷³. Севернее Праги 47-я и 70-я армии пытались ликвидировать немецкий плацдарм в междуречье Нарева и Вислы. Тем временем, еще 16 сентября войска 1-го и 2-го Белорусского фронтов вышли на рубеж реки Нарев и закрепились на плацдармах на ее западном берегу⁷⁴. Позднее, после отражения ряда попыток вермахта ликвидировать эти плацдармы фронт 30 октября 1944 г. окончательно стабилизировался⁷⁵.

В период подготовки операции «Багратион» в апреле–мае 1944 г. советское военно-политическое руководство основное внимание уделяло всесторонней отработке предстоящего наступления с тем, чтобы избежать неудач, характерных для войск западного направления зимой 1943–1944 гг. Понятно, что в этих условиях какие-либо прожекты относительно конкретных действий Красной Армии за границами СССР не отработывались. Линия советско-германского фронта к июню 1944 г. проходила в 240–600 км от Варшавы и этот город не рассматривался в качестве ориентира для действий советских войск. В ходе

операции «Багратион» советские войска смогли прорвать оборону вермахта на центральном участке советско-германского фронта и нанести поражение группе армий «Центр», разгромив 48,6% ее соединений. В обороне германских войск образовалась 400-км брешь, в которую устремились советские войска, вышедшие к концу июля к западной границе СССР и вступившие на территорию Польши. И на фронте, и в Ставке ВГК преобладали оптимистические оценки: ожидалось, что уже скоро будут освобождены центральные районы Польши.

Понятно, что в этой ситуации советское командование должно было уточнить задачи своим войскам. Переоценка успехов советских войск и недооценка боевых возможностей противника привела к тому, что соединения 1-го Белорусского фронта получили задачу выйти в центральные районы Польши. Именно 27 июля Варшава впервые появилась в директиве Ставки ВГК в качестве ориентира для наступающих войск Красной Армии. Основные усилия войск направлялись на обход Варшавы с севера и юга, поскольку предполагалось наличие укреплений вермахта на подступах к городу. На восточном берегу Вислы советские войска должны были занять лишь Прагу, но не пытаться штурмовать польскую столицу. Собственно никаких сомнений в осуществимости этого замысла у советского руководства в тот момент не было. Безусловно, это стало результатом чрезмерно оптимистической оценки ситуации на фронте.

Вероятно, не последнюю роль в принятии вышеуказанного решения Ставки ВГК играли и политические причины. В условиях вступления Красной Армии на польскую территорию советское руководство было вынуждено заняться вопросами политического урегулирования в Польше, где существовало два лагеря: сторонники эмигрантского правительства в Лондоне и новых структур власти в лице КРН и ПКНО. Советская сторона поддерживала именно последние структуры, которым также в политическом отношении подчинялась 1-я польская армия. Прекрасно понимая, что пассивная позиция приведет к полной утрате контроля над страной, польское эмигрантское правительство попыталось осуществить воссоздание подконтрольной ему администрации в освобожденных районах Польши в границах августа 1939 г. Понятно, что действия АК только усиливали недовольство советского руководства и создавали напряженную обстановку в Польше. Центральным событием 1944 г. для АК стало восстание в Варшаве, начатое в условиях неправильной оценки обстановки с учетом скорого освобождения города Красной Армией. Естественно, польское руководство не известило Москву об этих планах, надеясь поставить ее перед свершившимся фактом.

Однако и советская, и польская стороны неверно оценивали намерения Германии, армия которой хотя и понесла значительные потери, но все еще не была разгромлена. Перебросив силы с других фронтов,

германское командование нанесло ряд контрударов, которые позволили резко затормозить продвижение советских войск и выиграть время для воссоздания стабильного фронта. Нанесенный вермахтом контрудар по 2-й советской танковой армии, совпавший с началом Варшавского восстания, резко изменил оперативную обстановку вокруг польской столицы. Оказавшись без поддержки стрелковых частей и авиации, со слабо работающим тылом советская 2-й танковая армия была отброшена от города и втянулась в затяжные оборонительные бои. Одновременно вермахт контратаковал советские плацдармы на западном берегу Вислы у Магнушева и Пулав. В итоге советское наступление захлебнулось.

В ходе Белорусской стратегической операции, как и в других операциях Великой Отечественной войны в полной мере проявились закономерности войны массовых армий. Прорыв фронта группы армий «Центр» в конце июня 1944 г. позволил советской стороне перевести операцию в стадию непрерывного и быстрого нарастания наступления. Теперь любые заминки лишь ухудшали положение обороняющихся. Однако по мере продвижения советских войск стало ощущаться действие закона перенапряжения коммуникаций. Эффективность наступающих войск начала снижаться и они уже не могли легко преодолевать сопротивление арьергардов противника. Тем самым, операция стала приближаться к моменту формирования новой статичной позиции. Иными словами уже во второй половине июля операция начала затухать. Силы сторон оказались примерно равны и продвижение Красной Армии замедлилось. Этот момент совпал с переходом обороняющейся стороны в контрнаступление, что позволило ей с минимальным риском остановить продвижение, а на некоторых направлениях и отбросить противника.

Хотя уже 8 августа советское командование разработало план новой операции на варшавском направлении, его осуществление не могло начаться раньше конца августа. Это было связано как с выходом советских войск на новые рубежи, так и с подготовкой материально-технического обеспечения операции. Не следует забывать, что тылы 1-го Белорусского фронта отставали от боевых порядков войск на 400 км, что, конечно же, сказывалось на боевых возможностях Красной Армии. Однако противник также укреплял оборону, что еще больше замедляло темпы советского наступления. Кроме того, операции советских войск на Балканах и в Прибалтике также требовали резервов и отвлекали внимание Ставки ВГК от центрального участка советско-германского фронта. В результате войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов в августе — октябре 1944 г. были вынуждены вести частные наступательные операции по улучшению линии фронта и занятию выгодных рубежей для подготовки к новому наступлению. В итоге советское командование отказалось от проведения Варшавской операции и к концу октября 1944 г. фронт

стабилизировался. В Белорусской стратегической операции советские войска потеряли 770 880 человек (из них 180 040 безвозвратно). 36,7% этих потерь пришлось на соединения 1-го Белорусского фронта (в том числе за июнь — июль — 167 096 (39 369 безвозвратно), за август — 114 400 (26 458 безвозвратно)). В сентябре войска фронта потеряли еще 57 408 человек (8 774 убитыми), из которых 19,2% было потеряно в боях за Прагу⁶.

Доступные сегодня материалы не подтверждают версию о преднамеренной остановке советского наступления под Варшавой. В момент выхода советских войск на подступы к городу на фронте создалось неустойчивое равновесие, которое было нарушено в пользу вермахта его контрударом 31 июля 1944 г. В итоге Красной Армии было явно не до взятия польской столицы. В дальнейшем ситуация вокруг Варшавского восстания все больше смещалась из во-

енной в политическую плоскость. Конечно, у Москвы имелись свои политические расчеты, однако, как показали бои советских войск под Варшавой в августе — октябре 1944 г., речь не шла об оставлении восставших на произвол судьбы. Со своей стороны руководство восстанием, стремясь реабилитировать себя за плохо подготовленное выступление, стало пропагандировать именно политическую версию о сознательной остановке советских войск под Варшавой, которая как бы оправдывала их собственное поражение. Ныне же совершенно очевидно, что взять город с ходу советские войска не собирались, да и не могли, а любое другое развитие событий обрекало восстание на поражение. Представляется, что следует постараться скрупулезно восстановить динамику событий, приведших к резкому изменению ситуации на советско-германском фронте, а не обвинять советское руководство в том, чего оно не совершало.

¹ Манусевич А. Я. О Варшавском восстании 1944 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 113–116; Черчилль У. Вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. Кн. 3. М., 1991. С. 398–407.

² Дурачинский Э. Варшавское восстание // Другая война: 1939–1945. М., 1996. С. 351.

³ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 693–695; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 4. М., 1962. С. 158–159; Василевский А. М. Дело всей жизни. Кн. 2. М., 1988. С. 122; Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1990. С. 123–127, 130–132; Михалев С. Н. Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 399.

⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16(5–4): Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы 1944–1945. М., 1999. С. 94.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Там же. С. 94.

⁸ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 680, 695; История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 4. С. 160.

⁹ Белорусская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 77; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 203.

¹⁰ Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 80.

¹¹ Там же. С. 76, 77, 78, 80.

¹² Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 441–442; Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 686; Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне 1939–1945. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1972. С. 635–640; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. München. 2007. S. 493–525.

¹³ Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 75, 76, 77; Гриф секретности снят. С. 203; Освобождение Белоруссии. 1944 г. М., 1974. С. 141. По данным германских исследователей, к 22 июня 1944 г. в группе армий «Центр» (без 2-й армии) в боеготовом состоянии находилось 495 танков и штурмовых орудий, а в 6-м воздушном флоте — 602 самолета (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 532–533).

¹⁴ История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 48–53; Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83.

¹⁵ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 100.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83; История Второй мировой войны. Т. 9. С. 53–57.

¹⁸ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. 4. Hb. 2. Frankfurt am Main. 1961. S. 1911; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер. с нем. Т. 3. М., 1976. С. 312–313.

¹⁹ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 103.

²⁰ Там же. С. 101.

²¹ Там же. С. 104.

²² Там же. С. 102.

²³ Военно-исторический журнал. 1964. № 6. С. 83; История Второй мировой войны. Т. 9. С. 61–64.

²⁴ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1981. С. 59–63; История Второй мировой войны. Т. 9. С. 55–56; Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1999. С. 494–495.

- ²⁵ Военно-исторический журнал. 1964. №6. С. 77, 80, 83.
- ²⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8: Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. М., 1974. С. 129–131; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14(3–1): СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 316–317.
- ²⁷ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 113; Т. 14(3–1). С. 198.
- ²⁸ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. Документы и материалы. М., 1985. С. 284–287; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14(3–2): Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы. М., 2000. С. 408–409.
- ²⁹ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 152–153.
- ³⁰ Штеменко С.И. Указ. соч. С. 71–75; Антипенко Н. Вопросы тылового обеспечения Белорусской операции//Военно-исторический журнал. 1964. №6. С. 36–51.
- ³¹ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 118; Т. 14(3–1). С. 201.
- ³² Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 118; Т. 14(3–1). С. 201–202.
- ³³ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 160.
- ³⁴ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 111.
- ³⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1: 1944–1948. Документы. М., 1999. С. 66–67; Великая Отечественная. Т. 14(3–2). С. 407–408.
- ³⁶ Назаревич Р. Варшавское восстание. 1944 год. Пер. с польск. М., 1989. С. 42–50.
- ³⁷ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 122–123.
- ³⁸ Там же. С. 123.
- ³⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8. С. 153–157.
- ⁴⁰ История Второй мировой войны. Т. 9. С. 70.
- ⁴¹ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 205–206.
- ⁴² Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 67–74.
- ⁴³ Там же. С. 84–87.
- ⁴⁴ Военно-исторический журнал. 1964. №6. С. 82.
- ⁴⁵ Типпельскирх К. Указ. соч. С. 451.
- ⁴⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 571. Наряду с прибывающей из Италии парашютно-танковой дивизией «Герман Геринг» под Варшаву перебрасывались 19-я танковая дивизия из-под Белостока, а также 4-я танковая дивизия и 5-я танковая дивизия СС «Викинг» из района Клецелей.
- ⁴⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. Stuttgart. 1999. S. 652, 656.
- ⁴⁸ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 200–201.
- ⁴⁹ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 120–121.
- ⁵⁰ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 202–203.
- ⁵¹ Там же. С. 212, 213; Т. 14(3–2). С. 418–419.
- ⁵² Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. М., 2004. С. 300.
- ⁵³ Там же. С. 307.
- ⁵⁴ Назаревич Р. Указ. соч. С. 89. Согласно данным современных германских исследователей, на 2 августа 1944 г. после двух дней боев в 19-й танковой дивизии насчитывалось 70 танков и истребителей танков, в парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» — 63 танка и истребителей танков, в 5-й танковой дивизии СС «Викинг» — 66 танков и штурмовых орудий, а в 4-й танковой дивизии — 78 танков (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 581).
- ⁵⁵ Антипенко Н. Указ. соч. С. 48.
- ⁵⁶ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 204; Т. 14(3–2). С. 413–414.
- ⁵⁷ Там же. Т. 14(3–1). С. 209–210.
- ⁵⁸ Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 323–324.
- ⁵⁹ Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава — Москва. 2007. С. 584–596.
- ⁶⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 646.
- ⁶¹ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 212–213.
- ⁶² Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 327–328, 332–333.
- ⁶³ Там же. С. 337.
- ⁶⁴ Описание танкового сражения под Варшавой с германской стороны см.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 570–587.
- ⁶⁵ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 212–213.
- ⁶⁶ Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 348, 352, 356.

■ Том II. Вставай, страна огромная

- ⁶⁷ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С.215, прим. 2, 216, прим. 4, 216–217.
- ⁶⁸ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 86.
- ⁶⁹ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 218–219; Штеменко С. М. Указ. соч. С. 87–88.
- ⁷⁰ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 237, 238–239. Сводки Генштаба Красной Армии о боях 1-го Белорусского фронта с 9 по 30 августа 1944 г. см.: Операция «Багратион». Освобождение Белоруссии. С. 361–467.
- ⁷¹ Великая Отечественная. Т. 16(5–4). С. 136–137; Т. 14(3–1). С. 245.
- ⁷² Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. С. 292–293.
- ⁷³ Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 242–243, 246, 249–251, 271–272, 274–275, 277–279; Т. 14(3–2). С. 435–439, 440–441.
- ⁷⁴ Типпельскирх К. Указ. соч. С. 453.
- ⁷⁵ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 90–108.
- ⁷⁶ Гриф секретности снят. С. 203; Великая Отечественная. Т. 14(3–1). С. 244, прим. 1, 291, прим. 1; Назаревич Р. Указ. соч. С. 167, 179–180. По мнению современных германских исследователей, потери группы армий «Центр» с 21 июня по 31 августа 1944 г. составили 339 102 человека (из них 289 326 безвозвратно) (Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 8. S. 593), однако не ясно, учтены ли в этих данных потери люфтваффе или речь идет только о сухопутных войсках.

Румыния во Второй мировой войне: по обе стороны одного и того же фронта

М. А. Мунтян*

Румыния была одним из самых значительных по своему вкладу союзников гитлеровской Германии в антисоветской войне. Для нападения на СССР она выставила 13 дивизий и 9 бригад. Оценивая вклад своей страны в военные действия на восточном фронте, генерал И. Антонеску отмечал 15 ноября 1943 г. в письме Гитлеру: «В 1942 году Румыния, идя вместе с немецкой армией, сделала самый большой вклад из всех европейских стран: 26 дивизий, укомплектованных наилучшим составом и вооружением. Говорят ли вам всегда правду относительно вклада Румынии в войну с 1941 г. до настоящего времени: что эта война стоит Румынии 300 млрд. лей; что за этот период мы дали Германии более 8 млн. тонн нефти, угрожая своим национальным запасам и самим залежам?»¹. В целом же в антисоветской войне за 1941–1944 гг. приняли участие до 30 румынских дивизий и бригад². Еще большим был вклад Румынии в обеспечение Германии нефтепродуктами. С 1940 г. по август 1944 г. их поставки в Германию достигли 13.320 тысяч тонн, что покрывало более трети потребностей германского рейха в нефтепродуктах. К этому следует добавить, что за их счет удовлетворялись примерно три четверти потребностей в энергоресурсах немецко-фашистской армии³.

Румынскому народу пришлось очень дорого расплачиваться за антисоветскую авантюру своих правителей. За время войны на стороне гитлеровской Германии потери румынской армии составили свыше 600 тысяч человек. Из них около 400 тысяч человек оказались безвозвратными⁴. Огромный ущерб был причинен экономике страны, он оценивался как равный бюджету довоенной Румынии за 12 лет. Пока румынская армия воевала в СССР на чужой территории, ее страна была поставлена военными расходами и германскими поборами на грань катастрофы, а затем и оккупирована немецкими войсками. Шовинистический угар,

охвативший правящую верхушку и часть населения в начале войны, очень скоро начал проходить.

В румынской историографии участие Румынии в войне против СССР объяснялось в прошлом и объясняется сегодня двумя обстоятельствами:

— во-первых, страна оказалась жертвой советско-германского сговора 1939 года, согласно которому СССР отобрал у Румынии Бессарабию и Северную Буковину, в связи с чем для Бухареста восточный поход носил не захватнический, а освободительный характер. При этом замалчивается тот факт, что Бессарабия по Бухарестскому мирному договору 1812 года была уступлена Турцией России и вплоть до 1918 года, когда ее оккупировали румынскими войсками, являлась губернией в составе Российского государства. «Универсул», одна из румынских газет, 20 августа 1940 г. отмечала, что вступление в войну против СССР произошло бы даже в том случае, если Румынии не пришлось бы летом 1940 г. вернуть Советскому Союзу оккупированную ранее Бессарабию.

Указанная версия не выдерживает критики еще и потому, что по мере продвижения советско-германского фронта на восток росли и территориальные «аппетиты» Румынии:

- а) она «проглотила» территории Молдавской ССР и Черновицкой области УССР;
- б) Бухарест ввел свою администрацию в «Транснистрии» — междуречья Днестра и Буга. В румынской столице после этого стали мечтать о восточной границе «Великой Румынии» по Днепру;
- в) румынский король Михай, посетив оккупированную Одессу, провозгласил «навечное присоединение» этого города к своему королевству;
- г) в октябре 1942 г., когда германские и румынские войска стояли у стен Сталинграда, бухарестская газета «Вяца» требовала передвинуть румынскую

* Михаил Алексеевич Мунтян — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета».

границу вплоть до Урала: «Румынский народ задыхается в своих границах, и он напрягает свои силы, чтобы добиться возможности дышать. А чтобы получить такую возможность, он должен перенести свои границы далеко, до ворот Азии»⁵.

— во-вторых, ориентация Бухареста на страны «оси» была вынужденной, она стала результатом прихода к власти генерала Антонеску, который в союзе с Берлином видел единственную возможность восстановить территориальную целостность страны, возвратив в ее лоно Трансильванию и Бессарабию. В это же время основные политические силы страны, группировавшиеся вокруг «исторических» национал-царанистской и национал-либеральной партий, находились в оппозиции к профашистскому режиму Антонеску, сохраняя традиционную ориентацию на Лондон и Париж. В качестве доказательства того, что в агрессии против Советского Союза виноват один Антонеску, используется запись его же заявления в беседе с Риббентропом: «Я заявил, не спросив народ, что мы должны вести политику присоединения к странам оси. Я сказал, что это единственный пример в истории народов, когда два человека осмеливаются выступить с заявлением и призвать народ вести политику, которая, безусловно, должна показаться ему ненавистной»⁶.

Но и в таком случае приходится говорить о умеренном искажении сути событий, связанных с участием Румынии в антисоветской войне. Дело в том, что и до прихода к власти Антонеску правящая элита стала склоняться к пониманию того, что Англия и Франция пытаются «канализировать» гитлеровскую экспансию в восточном направлении и что на этом можно было сыграть, упрочив свои позиции в перестраивавшемся европейском международном порядке. Не случайно во второй половине 1930-х годов в стране активизируется фашистско-легионерское движение, начавшее претендовать на захват власти в Румынии. Но и до их победы, еще когда в Бухаресте доминировали традиционные политические силы, Румыния начала предлагать Берлину свои услуги. В частности, 20 июня 1940 г. руководитель правительства Румынии Г. Татареску в ноте германскому послу Фабрициусу высказался за расширение румыно-германского сотрудничества, подчеркивая его антисоветский характер: «румынское правительство считает, что единство взглядов, которое связывало оба государства в прошлом, определяет сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает существование Румынии, сильной как в политическом, так и в экономическом отношении, так как мощь Румынии является залогом того, что она сумеет выполнить свою роль защитника Днестра и устья Дуная»⁷.

Да и лидеры «исторических» партий, формально распущенных после прихода к власти в 1940 г. И. Ан-

тонеску, тем не менее, направили в его правительство в качестве своих представителей двух видных партийных деятелей. Ю. Маниу и Д. Братиану на самом деле вплоть до событий августа 1940 г. имели постоянную связь с диктаторским режимом. 8 ноября 1941 года Маниу признался: «Национал-царанистская партия одобряет предпринятые военные действия и с воодушевлением приветствует результаты, достигнутые на этом направлении»⁸. На суде в мае 1946 г. Антонеску прямо свидетельствовал, что он «не встречал со стороны Маниу и Братиану ни протеста, ни оппозиции против войны»⁹. Король Михай I также неоднократно выражал свою признательность и радость по поводу начала военных действий, имея в виду вторжение румынских войск в пределы СССР¹⁰.

Победа Красной Армии под Сталинградом, ставшая поворотным пунктом во всей Второй мировой войне, в известной степени изменила позиции лидеров «исторических» партий и королевского двора: почти ничего не меняя в отношениях с режимом Антонеску, они стали искать выход из грозившей стране катастрофы. Дело в том, что, по признанию самого И. Антонеску, «после поражения 3-й и 4-й армий (под Сталинградом. — М. М.), государственные устои (Румынии. — М. М.) пошатнулись»¹¹. В румынском народе стало всеобщим «желание как можно скорее кончить войну». Английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» писал в этой связи, что поражение немецких и румынских войск под Сталинградом «потрясло Румынию, может быть, больше, чем оно потрясло Германию»¹². Победа Красной Армии под Сталинградом вызвала разброд и шатания во всем фашистском блоке: Италия оказалась на грани военно-политического краха; обострились внутривнутриполитические разногласия в Румынии и Венгрии; Финляндии начала искать повод для выхода из войны; Япония и Турция вынуждены были отказаться от вступления в войну против СССР.

В этих государствах стала стремительно улетучиваться уверенность в окончательной победе Германии во Второй мировой войне. Их политические элиты стали понимать свою главную ошибку, когда обосновывали свою внешнеполитическую и союзническую стратегию слабостью и неспособностью СССР противостоять германской военной машине. После Сталинграда редко кто из них сомневался в том, что Красная Армия не только изгонит захватчиков со своей территории, но и будет оказывать существенное влияние на все послевоенное устройство мира. Понадобилось еще много лет, чтобы у одного из генералов германского вермахта историческое значение Сталинградской победы вылилось в четкую формулу. «Для Германии, — писал Г. Дерр, — битва под Сталинградом явилось самым тяжелым поражением за всю ее историю; для России же — величайшей ее победой. В сражении под Полтавой (Украина, 1709 г. — М. М.) Россия стала великой европейской державой. Сталинград положил начало ее превращения в одну из двух мировых держав»¹³.

Именно этого боялись правящие круги Румынии, и в течение всей войны не расставались с надеждой на примирение фашистской Германии с Англией и США на базе общей борьбы против большевизма. С конца 1942 г. румынские правящие круги выдвигали идею о прекращении состояния войны фашистского блока с западными державами, что дало бы возможность гитлеровцам и их союзникам вести войну на востоке, не опасаясь за тыл. Министр иностранных дел Румынии М. Антонеску через своих эмиссаров в Португалии, Швейцарии, Испании, Турции и Швеции зондировал почву относительно возможности заключения сепаратного мира США и Англии с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Румынские дипломаты, встречавшиеся в нейтральных странах с англо-американскими представителями, настойчиво выдвигали один аргумент — продолжение войны между Германией и западными державами приведет к «ослаблению Европы» Результаты зондажа были обнадеживающими, о чем М. Антонеску поставил в известность гитлеровского министра иностранных дел.

Глава МИД Румынии подготовил следующий проект компромиссного мира:

1. Германия должна согласиться освободить некоторые районы Европы, в первую очередь часть территории Франции;
2. англичане и американцы, высадившись на юге Франции и получив таким образом достаточные гарантии добрых намерений гитлеровской Германии, не будут мешать войне фашистского блока против СССР;
3. предоставив добровольно такой залог, Германия сможет вести непосредственные переговоры с западными державами на предмет достижения окончательного соглашения.

Румыния, по мнению М. Антонеску, независимо от исхода этой попытки примирения, должна заключить сепаратный мир с западными державами и выйти из войны. «Германия,— говорил М. Антонеску,— проиграла войну. Нужно не допустить, чтобы и мы ее проиграли»¹⁴. Фашистские правители Германии бурно реагировали на акцию румынского министра иностранных дел, предпринятую без согласования с ними. Гитлер расценил ее как попытку Румынии уклониться от продолжения совместной борьбы «против коммунизма и западных плутократий». Румынский диктатор был вызван в Германию для объяснений, которые состоялись в Клесхейме 12 и 13 апреля 1943 г. Гитлер потребовал прекращения каких бы то ни было переговоров с западными державами и, обвинив М. Антонеску и других румынских дипломатов в предательстве, настаивал на их смещении. Оправдывая своего министра иностранных дел, И. Антонеску говорил, что «мирная акция» была предпринята в интересах всей «западной цивилизации», которой якобы угрожает опасность со стороны СССР. Под давлением Гитлера румынский диктатор

пообещал выполнить германские требования. Однако эти обещания не были выполнены.

После капитуляции Италии румынские правители усилили свои «мирные» демарши, готовясь в удобный момент переметнуться в англо-американский блок. Летом — осенью 1943 г. в румынской прессе все чаще раздавались опасения, как бы Румыния не опоздала, слишком долго ожидая «дальнейшего развития событий». Даже такой прислужник германского и итальянского фашизма, как издатель румынской газеты «Универсул» Памфил Шейкару, писал, что капитуляция Италии должна послужить наглядным уроком для Румынии. С лета 1943 г. в поиски сепаратного мира активно включилась и румынская «оппозиция», возглавляемая Маниу и Братиану. Правящие круги Румынии полагали, что лидеры «исторических партий», не скомпрометировавшие себя открытым, официальным сотрудничеством с гитлеровцами, сумеют большего добиться от западных союзников, чем Антонеску. Исходя из этого, румынский диктатор заявил, что не будет цепляться за власть и готов уступить место Ю. Маниу, если тот сумеет добиться приемлемых условий мира. Маниу ответил, что до тех пор, пока представитель «оппозиции» не вступит в контакт с союзниками, невозможно сказать, какие условия могут быть получены.

Чтобы облегчить руководству «оппозиции» поиски сепаратного мира, М. Антонеску по договоренности с И. Антонеску в мае 1943 г. назначил А. Крециану, доверенное лицо Ю. Маниу, посланником в Турцию. Знаменательно, что новый посланник был представлен турецкому правительству как представитель «румынской нации», а не И. Антонеску, как это делалось ранее. А. Крециану был уполномочен заявить, что «настоящее правительство рассматривает себя находящимся у власти с единственной целью — обеспечить порядок и оно немедленно передаст бразды правления правительству, одобренному Великобританией и Соединенными Штатами»¹⁵. Этот посланник должен был установить контакт с союзниками относительно вывода Румынии из войны путем англо-американской оккупации. М. Антонеску предоставил ему полную свободу действий. Инструктируя отъезжавшего в Турцию Крециану, Ю. Маниу просил от имени «оппозиции» передать союзникам, что все готово для их высадки на Балканах. Лучше всего, — говорил он, — если союзники вторгнутся в Болгарию; тогда Турция вступит в войну и англо-американский флот войдет в Черное море. А как только англо-американские войска подойдут к Дунаю, Румыния перейдет на их сторону.

В середине ноября 1943 г. и в январе 1944 г. Крециану совершил две поездки в Бухарест, чтобы информировать правящие круги о результатах своей миссии. Английское правительство сообщило Крециану для передачи И. Антонеску, что Румыния должна представить трем союзным державам конкретные предложения о своем выходе из гитлеровской войны.

Румынская оппозиция, занимаясь поисками выхода из войны, надеялась, что «англичане и американцы придут в Румынию раньше советских войск» в результате осуществления так называемого балканского варианта второго фронта. Она была разочарована, когда в Бухаресте узнали, что на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Англии было решено открыть второй фронт не на Балканах, а в Западной Европе. И. Антонеску 1 января 1944 г. даже обратился к западным державам с посланием, в котором писал об опасности, якобы угрожающей «цивилизации Европы» со стороны коммунизма, умоляя их образумиться и заключением сепаратного мира преградить СССР путь на Запад.

В конце января 1944 г. правительство И. Антонеску через военного атташе одной нейтральной страны направило следующее послание в Вашингтон: «Румыния не ведет войны против Англии и США. Когда английские и американские войска достигнут Дуная, они не встретят сопротивления румынских войск, ибо в этот момент румынские войска будут заняты обороной на Днестре против русских»¹⁶. Эту же идею пропагандировала и «оппозиция» во главе с Маниу и Брэтиану. В одном из писем, подписанном этими лидерами и опубликованном в западной прессе, подчеркивалось, что общественное мнение здесь (в Румынии. — М. М.) целиком «проанглосаксонское» и что Румыния будет сражаться против Красной Армии до тех пор, пока не получит «гарантий против русского вторжения», т. е. до прихода англо-американских войск¹⁷. Обещания румынских правящих кругов вести войну так долго, как это потребуется для осуществления планов англо-американской оккупации Румынии, призваны были дать дополнительную аргументацию Черчиллю и другим сторонникам англо-американского вторжения на Балканы.

1 февраля 1944 г. подполковник английской разведывательной службы Мастерсон, прилетевший из Каира в Анкару для встречи с Крециану, заявил румынскому дипломату, что союзники ждут прибытия румынского эмиссара для переговоров. Мастерсон заявил, что самое большое, на что может рассчитывать Бухарест, это — советское обещание не переходить Прут. Но для этого Румыния должна отказаться от захваченных советских территорий¹⁸. Он дал понять, что в этом вопросе, главном для правящего класса Румынии, они могут надеяться на поддержку союзников. Бухарест для переговоров решил направить деятеля «оппозиции». Выбор пал на князя Барбу Штирбея, одного из бывших премьер-министров Румынии, тесно связанного с английскими деловыми кругами Великобритании¹⁹. Прибыв в начале марта 1944 г. в Анкару, Штирбей в течение нескольких дней вел переговоры только с англо-американскими представителями. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщала 15 марта 1944 г.: «Румыны находились в контакте только с американцами и англичанами. Русские не были информированы их британскими и американ-

скими союзниками относительно присутствия здесь румынских эмиссаров или ведения каких бы то ни было мирных переговоров...»²⁰.

В условиях, когда советские войска неотвратимо приближались к границе Румынии, союзники не могли продолжать переговоры о перемирии с ней без участия СССР. Поэтому Штирбей в сопровождении английского офицера на военном самолете вылетел в Каир, где 17 марта 1944 г. состоялась его первая встреча с представителями трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. На этой встрече Штирбей заявил, что как И. Антонеску, так и «оппозиция» понимают необходимость скорейшего вывода Румынии из войны, подчеркнув таким образом, что он представляет румынские правящие круги в целом. Штирбей стремился «убедить союзников вывести Румынию из войны путем англо-американской оккупации», сообщила 14 марта 1944 г. газета «Нью-Йорк таймс». Об этом писал также американский журнал «Тайм», который, перечисляя основные условия перемирия, выдвигавшиеся румынским уполномоченным, подчеркивал, что они содержат пункт об оккупации Румынии английскими и американскими войсками²¹.

Советское правительство, ознакомившись с румынскими предложениями, не возлагало больших надежд на успех начавшихся в Каире переговоров о перемирии с Румынией. Касаясь характера миссии Штирбея и перспектив этих переговоров, Советское правительство отмечало в своей ноте английскому правительству от 22 марта 1944 г. следующее: «Что касается самого Маниу, то теперь стало ясно, что он не принадлежит к числу таких лидеров, которые могут вести борьбу против Антонеску, а скорее следует считать, что то, что он делает, он делает с разрешения Антонеску...». По этой причине Советское правительство выражало сомнения по поводу того, что переговоры с князем Штирбеем могут привести к положительным результатам²².

12 апреля 1944 г. Штирбей получил советские условия перемирия, предварительно согласованные с правительствами Англии и Соединенных Штатов. Эти условия состояли из шести пунктов:

1. Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Красной Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии.
2. Восстановление советско-румынской границы по договору 1940 г.
3. Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории.
4. Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных.
5. Обеспечение возможности советским войскам, так же как и другим союзным войскам, свободно продвигаться по румынской территории в любом направлении, если этого потребует военная

обстановка, причем румынское правительство должно оказать этому всемерное содействие своими средствами сообщения, как по суше и воде, так и в воздухе.

6. Согласие Советского правительства на аннулирование венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле освобождения Трансильвании»²³.

Советские условия перемирия явились убедительным доказательством справедливого отношения СССР к Румынии. Они соответствовали национальным чаяниям румынского народа. Выступая в английской палате общин 24 мая 1944 г., английский премьер-министр Черчилль назвал их необыкновенно великодушными. Даже фашистские главари Румынии находили их «благоприятными». Несмотря на это, после совместного обсуждения режим Антонеску и «оппозиция» во главе с Маниу отклонили советские условия перемирия. Румынский диктатор заявил, что он никогда не согласится воевать против Германии. Ю. Маниу же считал необходимым подождать с заключением перемирия в надежде на осуществление «балканского варианта». Весной 1944 г. Г. Гафенку, находившийся в Швейцарии и поддерживавший тесные связи с английскими и американскими правящими кругами, передал Маниу, что западные державы скоро примут решение, которое «изменит участь Румынии». Под этим подразумевалась высадка англо-американских войск на Балканах, которой настойчиво добивались и после Тегеранской конференции Черчилль и его сторонники.

Фактически отклонив советские условия перемирия, 14 апреля 1944 г. Маниу выдвинул свои условия перемирия, из которых явствовало, что «оппозиция» не намеревалась вести борьбу против гитлеровской Германии после заключения перемирия. Он требовал недопущения на территорию почти всей Румынии, за исключением ее северо-восточной части, к освобождению которой уже приступила Красная Армия, «иностранцев», то есть советских войск. Вместе с тем он настаивал на присылке англо-американских воздушно-десантных частей, без которых якобы было бы невозможно обеспечить выход Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии. «Маниу, — признавал Крециану, — все еще не мыслил освобождения Румынии без активного присутствия английских и американских военных формирований»²⁴. В этих условиях продолжение переговоров в Каире становилось бессмысленным. 1 июня на совещании представителей трех союзных держав был принят следующий текст заявления по этому поводу: «Ввиду положения, создавшегося с последними телеграммами Маниу, представители трех держав считают необходимым заявить румынским делегатам, что дальнейшие переговоры бесполезны, и они считают их законченными»²⁵.

У Черчилля в своих мемуарах признается: «После того как летом 1943 года мы ворвались в Сицилию и Италию, мысль о Балканах, и особенно Югославии,

ни на минуту не покидала меня»²⁶. В майском номере за 1944 г. английского консервативного журнала «19 сенчури энд афче» говорилось: «Одна из решающих кампаний, и, может быть, решающая кампания Второй мировой войны, должна быть выиграна не на Востоке или на Западе, а на Балканах»²⁷. По образному выражению американского журналиста Ингерсолла, «Балканы были тем магнитом, на который, как бы вы ни встряхивали компас, неизменно указывала стрелка британской стратегии»²⁸.

Для осуществления своего «балканского варианта» Черчилль планировал привлечь лидеров прозападных партий балканских стран и Турции. В декабре 1943 г. англичане сбросили на парашютах в Румынию трех своих агентов, ранее работавших в этой стране, с заданием склонить Антонеску к выходу из войны с Антигитлеровской коалицией. В это же время американский посланник в Мадриде К. Хейс вел переговоры с румынским посланником С. Григориу о заключении сепаратного мира с целью предотвращения «полной оккупации» Румынии советскими войсками. Григориу выразил готовность подписать такой документ при наличии двух условий: высадки англо-американских войск на Балканах и их продвижения в Румынию и участия Турции в войне на стороне англо-американских союзников и вступление ее войск на Балканский полуостров²⁹.

Великобритания и США в осуществлении своих планов на Балканах отводили важное место Турции, с помощью которой они мыслили вытеснить немцев с Балкан и занять их место. У Черчилля был «грандиозный план: вооружить 45 турецких дивизий и бросить их в войну, чтобы захватить Балканы». У Черчилля провед в Риме специальное совещание с представителями политических партий Румынии, Болгарии, Греции и Австрии по вопросу об оккупации этих стран англо-американскими войсками. Значительное внимание уделяли Англия и США и подготовке в Румынии новой политической группировки из представителей «исторических» партий, которая должна была прийти к власти на смену Антонеску. Англо-американская пресса изображала румынскую монархию и лидеров «исторических» партий как единственных в Румынии поборников демократии и противников фашизма. И это несмотря на то, что Маниу и Братиану были готовы затянуть выход Румынии из антисоветской войны, пытаясь выторговать для себя важные уступки³⁰.

«Балканская стратегия» Черчилля была одной из важнейших причин задержки открытия союзниками второго фронта. Он был открыт в Северной Франции лишь 6 июня 1944 г., когда стало ясно, что Советская Армия сможет одна разгромить силы фашистской Германии и ее сателлитов. Западногерманский историк К. Рикер признает: «Когда западные союзники летом 1944 года предприняли наступление на «крепость Европы», исход Второй мировой войны практически был уже определен поражением Германии в России...

Германия проиграла в военном отношении Вторую мировую войну еще до вторжения Запада»³¹. Даже после открытия второго фронта основные силы гитлеровцев находились на советско-германском фронте — свыше 55 процентов всех немецких дивизий³².

Англия и США всячески старались задержать наступление Красной Армии на Балканах. Английский генерал Гоф, военный обозреватель агентства Рейтер, в разгар наступления Красной Армии писал: «Каждый солдат, каждое орудие, каждый танк, который Гитлер может выделить, должен быть брошен в бой, чтобы остановить русское продвижение. Ведь русские гораздо ближе к Берлину, чем кто-либо из союзников»³³. Той же линии придерживались и США. 8 августа 1944 г. американский посол в Турции сообщил румынскому военному атташе, что через пятнадцать дней советские войска должны начать большое наступление на Румынию³⁴. Антонеску поспешил передать эту информацию в Германию.

Было ясно, что сорвать затягивание переговоров о перемирии и сломать неуступчивость румынской стороны, а также планы Черчилля вторгнуться на Балканы, чтобы отсюда наступлением на север отсечь Красную Армию от проникновения в центр Европы, могло лишь ускорение выхода советских войск к границам Румынии. Это произошло 26 марта 1944 года. В ходе Уманско-Ботошанской операции войска 2-го Украинского фронта вышли на реку Прут — государственную границу СССР. В ночь на 27 марта советские войска форсировали Прут и приступили к освобождению Румынии. К середине мая они продвинулись вглубь румынской территории более чем на 100 километров, освободив свыше 800 населенных пунктов, том числе город Ботошань, и подошли к городу Яссы. В связи с вступлением советских войск на территорию Румынии правительство СССР 2 апреля 1944 г. сделало заявление, в котором были изложены освободительные цели Красной Армии: «Советское правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германскую армию и союзными с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции. Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии. Вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника»³⁵.

Основные положения заявления Советского правительства были конкретизированы и развиты в постановлении Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г., где определялась практическая линия поведения советских войск на румынской территории. Постановление требовало, в частности,

сохранения без изменений все существующие румынские власти, всю систему административного, экономического и политического устройства, религиозных обрядов, определяло порядок введения советской военной администрации и характер ее деятельности в освобожденных районах. Бывший госсекретарь США К. Хэлл отмечал в этой связи, что заявление Советского правительства и поведение солдат Красной Армии должны были «помочь румынам понять, что их собственные интересы требуют изгнания гитлеровцев из страны»³⁶. В это же время английская пресса писала о том, что «Россия говорит с румынами явно умеренным тоном», а главное значение заявления правительства СССР заключается «в крайней умеренности советской политики в отношении еще одного соседнего государства»³⁷.

В условиях начавшегося освобождения страны патриотические силы Румынии по инициативе Коммунистической партии и королевского двора в ночь на 14 июня 1944 г. принимают решение о вооруженном восстании, которое должно было свергнуть военно-фашистский режим И. Антонеску и вывести Румынию из антисоветской войны. Однако соотношение сил в стране к середине июня было неблагоприятным для восстания. Немецко-фашистское командование имело в группе армий «Южная Украина» более 660 тысяч солдат и офицеров, в то время как в распоряжении Военного комитета по подготовке восстания было всего лишь 5 тысяч солдат бухарестского гарнизона. Было очевидным, что Румыния могла выйти из войны и освободиться от фашизма только после разгрома немецко-фашистских и румынских войск, являвшихся главной опорой фашистского режима в стране. Эта задача была успешно решена Красной Армией в ходе Яско-Кишиневской операции.

Утром 20 августа мощной артиллерийской подготовкой началось грандиозное наступление советских войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, Дунайской военной флотилии и судов Черноморского флота. Численность наступавших советских войск составила 930 тыс. человек боевого состава, а с учетом тыловых частей и учреждений — 1250 тыс. человек. Советская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Первые же дни советского наступления деморализовали немецко-фашистские войска. В ходе ожесточенных боев в период 20–22 августа войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли на рубеж реки Прут. 23 августа было завершено оперативное окружение группировки противника. К исходу этого дня, по признанию Фрисснера, можно было считать совершившимся фактом окружение 6-й немецкой армии³⁸. 4-я румынская армия попала в бедственное положение. Начальник штаба этой армии утром 23 августа связался с королевским дворцом и доложил, что нет никакой возможности оказать серьезное сопротивление наступающим советским войскам. 3-я румынская армия, действовавшая против войск 3-го Украинского фронта, 23 августа была окружена и сложила оружие.

Могучий поток советских танков, артиллерии и пехоты, сопровождаемый авиацией, хлынул на запад, сметая все на своем пути. По выражению гитлеровского генерала К. Типпельскирха, советские войска катились «как огромные морские волны», захлестывая со всех сторон немецкие войска³⁹. В результате пятидневного наступления советских войск были окружены, а затем ликвидированы 18 из 25 немецко-фашистских дивизий. Были разгромлены также румынские войска. Красная Армия нанесла сокрушительный удар по всему южному стратегическому фронту гитлеровцев и создала благоприятные условия для освобождения Румынии и других балканских стран от фашистского ига. Это оказало решающее влияние на политическую обстановку и дальнейший ход событий в Румынии. Разгромив группу армий «Южная Украина», Красная Армия лишила гитлеровцев и фашистский режим Антонеску их вооруженной опоры в стране.

20 августа, когда Красная Армия перешла в наступление, в Бухаресте с участием короля состоялось совещание, на котором было решено, что вооруженное восстание с целью свержения режима Антонеску и вывода Румынии из войны должно произойти в промежутке между 24–26 августа. Срок выступления ставился в зависимость от продвижения советских войск вглубь страны. 23 августа, когда И. Антонеску явился в королевский дворец, чтобы просить короля выступить с обращением к нации о продолжении войны на стороне Германии, Михай распорядился арестовать его. Затем под предлогом созыва заседания правительства во дворец были вызваны и арестованы министры его правительства. В этот же день король сформировал новое правительство под председательством генерала К. Санатеску. Оно ставило своей задачей немедленное заключение перемирия, вывод страны из антисоветской войны, восстановление национальной независимости и суверенитета. В 23 часа 30 минут была обнародована декларация о прекращении военных действий против Объединенных Наций и принятии Румынией советских условий перемирия от 12 апреля 1944 г.

24 августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала военным советам двух фронтов продолжать наступление, разъясняя румынским войскам, переставшим оказывать сопротивление, что «Красная Армия не может прекратить военные действия до тех пор, пока не будут ликвидированы вооруженные силы немцев, которые продолжают оставаться в Румынии». Этот приказ был продиктован необходимостью воспрепятствовать отходу остатков разгромленных немецко-фашистских частей. Весьма показательным в этой связи является факт, что вновь назначенный начальник румынского генерального штаба генерал Михаил направил 24 августа в штаб группы армий «Южная Украина» телеграмму, в которой сообщалось: «Командование румынскими вооруженными силами обеспечивает свободный отход немецких частей с территории Румынии и желает избежать всяческих вооруженных столкновений между немецкими и румынскими войсками»⁴⁰.

Правительство Санатеску 24 августа направило в Каир Штирбею и Вишоюну указание добиваться включения в советские условия перемирия пункта о том, что румынскому правительству будет сохранена «свободная зона», куда не должны иметь доступа советские войска. Советское правительство пригласило румынскую делегацию по заключению перемирия в Москву. В этой связи 27 августа была опубликована справка об условиях перемирия с Румынией, которая была предложена в апреле 1944 г. 31 августа «Известия» сообщили о прибытии в Москву румынской правительственной делегации для ведения переговоров и подписания соглашения о перемирии. Б. Штирбей и К. Вишоюну и здесь попытались настаивать на требованиях, которые они представили на каирских переговорах. Соглашение о перемирии с Румынией, как подчеркивала «Правда», все же стало «плодом замечательных побед Красной Армии»⁴¹. 12 сентября документ был подписан и, в соответствии с его установлениями, Румыния не только выходила из войны против Объединенных Наций, но и присоединялась к ним, объявив войну Германии.

Давая оценку Соглашению о перемирии с Румынией, У. Черчилль, отметив, что оно «естественно носит отпечаток советских желаний», указал на умеренность советских условий⁴². Американский «Time» писал об этом же, что «мир считает условия перемирия великодушными»⁴³. «Румынский народ, — указывала английская газета «Йоркшир пост», — не может жаловаться на тяжесть условий перемирия. В этих условиях нет никаких элементов мстительности»⁴⁴. Действительно, выставляя свои условия перемирия, Советское правительство руководствовалось интересами мира и безопасности народов в послевоенный период, желанием создать благоприятные условия для плодотворного развития отношений с Румынией.

Соглашение, требуя дефашизации и демилитаризации страны, создавало условия для демократического оздоровления внутривнутриполитической жизни румынского народа. Большую роль в этих процессах сыграли румынские солдаты и офицеры, участвовавшие в разгроме фашистской Германии на заключительном этапе войны. 260 дней советские и румынские воины бок о бок сражались против общего врага — фашистской Германии. Вклад румынских войск в общую победу был высоко оценен советским народом — свыше 190 тысяч румынских воинов были награждены советскими орденами и медалями. Потери румынской армии в антигитлеровской войне составили свыше 167 тысяч убитых, раненых и пропавших без вести. В борьбе за освобождение только Румынии, Венгрии и Чехословакии Красная Армия потеряла свыше 1 млн. убитыми и ранеными. В те майские дни 1945 года, когда народы Антигитлеровской коалиции праздновали Великую Победу, казалось, что пролитая в сражениях кровь склеивает их дружбу и сотрудничество навсегда.

Но так не случилось. Нашлись люди, партии, правительства и даже страны, которые стали переписывать

свою историю и фальсифицировать историю Второй мировой войны, руководствуясь собственной выгодой, искаженными представлениями о добре и зле, забыв о человеческой ответственности за честную историческую память. И румынская историография не избежала искуса перебелить те роли, которые Румыния играла во Второй мировой войне. И сделала это таким образом, что Красная Армия якобы не только не помогла Румынии освободиться от фашизма, но сама

оккупировала страну, оторвав ее от «цивилизованного мира». И вот мы уже читаем, что принятая в НАТО, то есть возвратившаяся в «цивилизованный мир» Румыния предоставляет США базы для размещения американских противоракет, которые должны обеспечить ракетно-ядерный щит, на котором основана безопасность Российской Федерации. Все возвращается «на круги своя»? И чем все это закончится? Историки только предупреждают, но не дают ответа.

¹ Освобождение Юго-восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945. М.: «Наука». 1970. С. 30.

² См. Состав, группировка и перегруппировка сухопутных войск фашистской Германии и войск ее бывших сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 1. М., 1955. Л. 40, 54.

³ Studii. Revista de istorie 1959. №6. P. 26.

⁴ Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., 1974. С. 40.

⁵ Дольник А. Бессарабия под властью румынских бояр (1918–1940 гг.). М.: Госполитиздат. 1945. С. 171.

⁶ Нюрнбергский процесс. Т.2. М.: Госюриздат. 1958. С. 689.

⁷ Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев: Картя Молдовеняскэ. 1969. С. 103–104.

⁸ Savin T. Adevarul despre J. Maniu. Buc. 1946. P. 54/

⁹ Procesul mării tradări nftionale. Bucuresti. 1946/ P. 5.

¹⁰ Studii de istorie. 1959. №4. P. 120.

¹¹ Военно-исторический журнал. 1962. №2. С. 38.

¹² New Statesman and Nation. 1944/ №2. P. 236/

¹³ Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат. 1957. С. 12.

¹⁴ Цит. по: История Румынии. 1918–1970. М.: Наука. 1971. С. 381.

¹⁵ Cretzianu A. The Lost Opportunity. London. 1958. P. 94.

¹⁶ Ibidem, p. 130.

¹⁷ История Румынии, с. 384..

¹⁸ Cretzianu A. Op. cit., p. 125.

¹⁹ The Nation. . I.IV.1944. P. 380.

²⁰ New York Times. 15.III 1944.

²¹ Time.27.III 1944.

²² Израэлян В.Л. Антигитлеровская коалиция. М., 1964, стр. 372.

²³ Правда. 27.VIII 1944.

²⁴ Cretzianu A. Op. cit., p. 139.

²⁵ Израэлян В.Л.. Указ. соч., с. 374.

²⁶ Churchill W. The Second World War. Vol. V. London. 1956. P. 187.

²⁷ Лебедев Н. И. Румыния в годы Второй мировой войны. М., 1961. С. 193.

²⁸ Ингерсолл Р. Совершенно секретно. М.: Изд-во иностр. лит-ры. 1947. С. 94.

²⁹ Лебедев Н. И. Указ. раб., с. 178.

³⁰ Фуллер Д.. Вторая мировая война 1939–1945 гг. М. Изд-во иностр. лит-ры. 1956. С. 342.

³¹ Уроки истории неопровержимы. М.: Воениздат. 1964/ С. 206.; Лебедев Н. И.. Падение диктатуры Антонеску. М.:1976. С. 235–236.

³² См. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 6. М.: Воениздат. 1963. С. 26.

³³ Правда. 19.VI.1944.

³⁴ Враги мира и свободы народов. Бухарест. 1952. С. 20.

³⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2-й. М.: Госполитиздат. 1946. С.105.

³⁶ Известия. 5. IV. 1944.

³⁷ Правда. 5.IV. 1944.

³⁸ Фрисснер Г. Проигранные сражения. М., 1960, стр. 88.

³⁹ Типпельскирх К.. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 463–464.

⁴⁰ Hillgruber A. Hitler, Konig Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden 1954. S. 217.

⁴¹ Правда. 14.IX.1944.

⁴² Times. 29.IX.1944.

⁴³ Time. 25.IX.1944.

⁴⁴ Цит. по: Правда. 15.IX. 1944.

Документы

Из приказа народного комиссара обороны СССР с поздравлением по случаю 24-й годовщины Красной Армии, 23 февраля 1942 г.

(...) В первые месяцы войны ввиду неожиданности и внезапности немецко-фашистского нападения Красная Армия оказалась вынужденной отступать, оставить часть советской территории. Но, отступая, она изматывала силы врага, наносила ему жестокие удары. Ни бойцы Красной Армии, ни народы нашей страны не сомневались, что этот отход является временным, что враг будет остановлен, а затем и разбит.

В ходе войны Красная Армия наливалась новыми жизненными силами, пополнялась людьми и техникой, получала на помощь новые резервные дивизии. И настало время, когда Красная Армия получила возможность перейти в наступление на главных участках громадного фронта. В короткий срок Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам один за другим удары под Ростовом-на-Дону и Тихвином, в Крыму и под Москвой. В ожесточенных боях под Москвой она разбила немецко-фашистские войска, угрожавшие окружением советской столицы. Красная Армия отбросила врага от Москвы и продолжает жать его на запад.

Теперь уже нет у немцев того военного преимущества, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии. При этом следует отметить одно обстоятельство: стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой.(...)

Инициатива теперь в наших руках и потути разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержатъ напор Красной Армии (...)

Было бы однако непростительной близорукостью успокаиваться на достигнутых успехах и думать, что с немецкими войсками уже покончено. Это было бы пустым бахвальством и зазнайством, недостойным советских людей... Поэтому необходимо, чтобы в нашей стране ни на минуту не ослабевала подготовка резервов на помощь фронту. Необходимо, чтобы все новые и новые войсковые части шли на фронт ковать победу над озверелым врагом. Необходимо, чтобы наша промышленность, особенно военная промышленность

работала с удвоенной энергией. Необходимо, чтобы с каждым днем фронт получал все больше и больше танков, самолетов, орудий, минометов, пулеметов, винтовок, автоматов, боеприпасов.(...)

Народный комиссар обороны СССР И. СТАЛИН

ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 103. Л. 367–377

Директива Военного совета Западного фронта об устранении преступно-халатного отношения к сбережению жизней красноармейцев , 19 марта 1942 г.

Всем командирам, комиссарам дивизий и бригад.

В Ставку Верховного Главного Командования и Военный Совет фронта поступают многочисленные письма от красноармейцев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно-халатном отношении командования всех степеней к сбережению жизней красноармейцев пехоты. В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаках на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподдавленные опорные пункты, при плохо подготовленном наступлении. Эти жалобы, безусловно, справедливы и отражают только часть существующего легкомысленного отношения к сбережению пополнения (...)

Я требую:

1. Каждую ненормальную потерю людей в 24 часа тщательно расследовать и по результатам расследования немедленно принимать решение, донося в высший штаб. Командиров, преступно бросивших части на неподдавленную систему огня противника, привлекать к строжайшей ответственности и назначать на низшую должность.

2. Перед атакой пехоты система огня противника обязательно должна быть подавлена и нейтрализована, для чего каждый командир, организующий атаку, должен иметь тщательно разработанный план уничтожения противника огнем и атакой. Такой план обязательно должен утверждаться старшим начальником, что одновременно должно служить контролем для старшего командира.

3. К докладам о потерях прилагать личное объяснение по существу потерь, кто является виновником ненормальных потерь, какие меры приняты к виновным и чтобы не допустить их [потерь] в дальнейшем.

Командующий Западным фронтом генерал армии — ЖУКОВ

Член Военного совета — ХОХЛОВ

ВРИО начальника штаба — ГОЛУШКЕВИЧ

ЦАМО РФ. Ф. 353. Оп. 5879. Д. 174. Л. 390

Телеграмма генштаба¹ Красной Армии командующему войсками Крымского фронта генерал-лейтенанту Д. Козлову² о порядке атаки опорных пунктов противника на Керченском полуострове, 26 апреля 1942 г.

Частные наступательные действия войск Крымского фронта в период 22 и 24 апреля по овладению отдельными опорными пунктами противника успеха не имели. Штурмовые отряды 77, 236 и 302-й стрел-

¹ До мая 1942 г. должность начальника генштаба РККА занимал Б. М. Шапошников (1882–1945) — маршал (1940), начальник генштаба РККА (май 1937–август 1940, июль 1941–май 1942), начальник Военной академии генштаба (1943–1945). Согласно директиве Ставки ВГК № 1723 от 11 мая 1942 г. исполнение обязанностей начальника генштаба была возложена на А. М. Василевского (1895–1977) — маршал (1943), зам. нач. оперативного управления генштаба (с мая 1940), с авг 1941 г. — зам. начальника генштаба и начальник оперативного управления. В ходе войны, одновременно с исполнением обязанностей начальника генштаба (до февраля 1945 г.), в качестве представителя Ставки ВГК осуществлял координацию действий ряда фронтов. С июня 1945 г. — главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке.

² Козлов Д. Т. (1896–1967), генерал-лейтенант (1940). Командующий Крымским фронтом с янв. по май 1942 г. Впоследствии командующий армией, зам. ком. ряда фронтов.

Членом военного совета и представителем Ставки ВГК на Крымском фронте являлся Л. З. Мехлис. В мае 1942 г. за провал в организации обороны Керченского п-ва Д. Козлов и Л. Мехлис освобождены от занимаемых должностей.

ковых дивизий каждый раз доходили до проволочных заграждений противника и, будучи не в состоянии преодолеть их, залегали под сильным пулеметным и минометным огнем неподавленных огневых точек противника и, понеся большие, ничем не оправданные потери (236 сд — убитых 80 человек, раненых 124 человека), возвращались в исходное положение.

Подобное положение могло произойти лишь в результате того, что боевые усилия частей были распланы, происходили одновременно, не было организовано должного артиллерийского наступления, танки и авиация не привлекались для непосредственного содействия пехоте, проходы в проволоке для пехоты не проделывались.

Частные операции возможны лишь при условии их тщательной подготовки, привлечении максимального количества артиллерии и при использовании танков и авиации для непосредственной поддержки наступающей пехоты, причем должны быть проделаны проходы в проволоке и огневые средства опорного пункта подавлены огнем нашей артиллерии, авиации и танков. В состав наступающей пехоты обязательно включать специально подготовленные группы для блокировки дзот.

Б. ШАПОШНИКОВ

И. РЫЖКОВ³

*Русский архив: Великая Отечественная.
Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны:
Документы и материалы. 1941 год. Т. 23 (12–1) — М., 1998. С. 154*

Телеграмма генштаба Красной Армии командующему войсками Закавказского фронта генералу армии И. Тюленеву⁴ о ликвидации Крымского фронта, 20 мая 1942 г.

Войска Крымского фронта с 8 по 20 мая вели ожесточенные бои на Керченском полуострове с противником, перешедшим в наступление силами пд [пехотной дивизии] двух тд [танковых дивизий] и одной кд [кавалерийской дивизии]. В результате упорных боев противник вынудил наши части к отходу с ранее занимаемых рубежей обороны в район г. Керчь и впоследствии, используя большое количество авиации и применяя массированные танковые атаки, принудил войска Крымского фронта к переправе на Таманский полуостров. В ночь с 19 на 20 мая эвакуация всех войск с Керченского полуострова закончена и противник полностью овладел последним. Войска фронта понесли значительные потери, большую часть материальной части и вооружения эвакуировать не удалось.

Директивой Ставки Крымский фронт ликвидирован, войска, эвакуированные на Таманский полуостров, переданы в состав вновь формируемого Северо-Кавказского фронта под командованием маршала Буденного.

Примечание: информация предназначена только для командующего, членов Военного совета и начальника штаба.

ТИХОМИРОВ

РЫЖКОВ

*Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны:
Документы и материалы. 1941 год. Т. 23 (12–1) — М., 1998. С. 155*

Из директивы верховного командования вермахта № 41, 5 апреля 1941 г.

Итоги зимних боев в России и задачи вермахта на лето 1942 г.

Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию оборона наших позиций увенчалась большим успехом немецкого оружия.

³ Рыжков — ответственный работник генштаба РККА

⁴ Тюленев И. В. (1892–1978), генерал армии (1940). Команд. войсками Юж. фр. (июнь–авг. 1941), 28-й армии (с ноябр. 1941), Закавказского ВО (с марта 1942), Закавказского фр. (май 1942 — июль 1945).

Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый первоначальный успех, он израсходовал этой зимой большую часть резервов, предназначенных для дальнейших операций.

Учитывая превосходство немецкого командования и немецких войск, мы должны снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику, как только это позволят условия погоды и местности.

Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров.

Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении наших вооруженных сил и вооруженных сил союзников. При этом следует обеспечить при всех обстоятельствах охрану областей, оккупированных нами на западе и севере Европы, в особенности побережья.

I. ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

Общие первоначальные планы кампании на востоке остаются в силе: главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ.

Эта задача может быть выполнена только путем расчленения ее на несколько этапов, так как необходимо учитывать обстановку, создавшуюся после окончания зимней кампании, наличие сил и средств, а также транспортные возможности. Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей.

II. ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

A. Первоочередной задачей сухопутных сил и авиации после окончания периода распутицы является создание условий для осуществления главной операции.

Для этого необходимы стабилизация и укрепление всего Восточного фронта и тыловых районов с задачей высвободить благодаря этому по возможности больше сил для главной операции, одновременно на остальных фронтах быть в состоянии небольшими силами отразить наступление противника (...)

B. Последующие задачи в рамках этих операций: очистить от противника в Крыму Керченский полуостров и овладеть Севастополем. Авиация, а вслед за тем и военно-морской флот должны, с целью создания условий для этих операций, блокировать порты Черного моря и Керченский пролив. На юге противник, вклинившийся по обе стороны от Изюма, должен быть отрезан на р. Донец и уничтожен (...)

B. Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже указывалось, — разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее р. Дон (...)

В связи с тем, что в настоящее время совершенно ясно выявилась нечувствительность русских к окружению оперативного характера, главное внимание (как это было в обоих сражениях в районе Вязьмы, Брянска) следует уделять отдельным прорывам с целью плотного окружения группировок противника.

Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения (...)

Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Из обеих группировок танковых и моторизованных войск, предназначенных для охватывающего маневра, северная должна быть сильнее южной. Цель этого прорыва — захват города Воронежа. В то время как часть пехотных дивизий будет иметь своей задачей немедленное оборудование мощного оборонительного рубежа от исходного района наступления (Орел) в направлении на Воронеж, танковые и моторизованные соединения должны будут продолжать наступление своим левым флангом от Воронежа вдоль р. Дон на юг для взаимодействия с войсками, осуществляющими прорыв примерно из района Харьков на восток. И здесь главная задача состоит не в том, чтобы заставить русских отодвинуть свой фронт, а в том, чтобы во взаимодействии с наносящими удар вниз по течению р. Дон моторизованными соединениями уничтожить силы русских.

Третье наступление в рамках этой операции необходимо организовать таким образом, чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрога, Артемовска между нижним течением р. Дон и Ворошиловградом через р. Донец на восток. Эти силы должны затем соединиться с наступающей на Сталинград танковой армией (...)

Союзные войска должны распределяться по нашим позициям с таким расчетом, чтобы на наиболее северных участках располагались венгры, затем итальянцы, а дальше всего на юго-восток — румыны.

Г. Для достижения цели операции необходимо обеспечить быстрое продвижение войск за р. Дон на юг, поскольку к этому вынуждает небольшая продолжительность благоприятного времени года.

IV.

О планах подготовки трех видов вооруженных сил к намеченным операциям и о ходе ее проведения докладывать мне через ОКВ.

Адольф Гитлер

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 320–324

Из запроса командующего охранными войсками группы армий «Центр» генерала Шенкендорфа о выделении сил для борьбы против партизан, 16 апреля 1942 г.

Содержание: запрос о выделении сил для организации активной борьбы против партизан.

I. Действия партизан в тыловом районе группы армий «Центр» и обстановка для борьбы с партизанами.

В памятной записке командующего группой армий «Центр» от 24.2.1942 дается чрезвычайно правильная оценка возрастающей активности партизан: «Непрерывное усиление групп противника за линией фронта группы армий и связанный с этим рост партизанского движения во всем тыловом районе принимают настолько угрожающие масштабы, что я со всей серьезностью должен обратить внимание на эту опасность. Необходимы безотлагательные действия крупными силами, чтобы своевременно ликвидировать эту опасность...» (...)

Установлено, что во всех партизанских отрядах имеется военное руководство, что в партизанских отрядах проводится военное обучение и они имеют организацию по типу войсковых частей...

Почти во всех партизанских частях в меньшем или большем числе имеются парашютисты. Военное руководство партизан регулярно производит набор в отряды в деревнях и осуществляет планомерное обучение (...)

Разведка партизан организована отлично. Многие военные руководители партизан и почти все парашютисты снабжены радиостанциями... Связь партизанского командования с командованием Красной Армии осуществляется самолетами, по радио и через агентов(...)

Имеющихся в нашем распоряжении войск едва хватало для охраны железных дорог, шоссе, важных объектов и т. д. (...)

Совершенно очевидна огромная опасность, возникшая к настоящему времени в результате действий партизан. Эта опасность состоит в следующем:

Важнейшие пути подвоза по железной дороге, в особенности мосты, ввиду недостаточной охраны постоянно находятся под угрозой (...)

Экономическое использование обширных областей в высшей степени затруднено (...)

Поставлено под угрозу дальнейшее использование важнейших предприятий — электростанций, станций водоснабжения и зависящих от них предприятий (...)

Население перестает верить в силу германской армии, так как видит, что мы не можем справиться с партизанами. Поэтому местные жители охотно оказывают помощь партизанам или даже вступают в их ряды(...)

Командующий охранными войсками и начальник тылового района группы армий «Центр»: генерал пехоты фон Шенкендорф.

Для осведомления отправить — генерал-квартирмейстеру главного командования сухопутных войск.

Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 90–98

Из директивы верховного командования вермахта № 45 о продолжении операции «Брауншвейг»⁵, 23 июля 1942 г.

I. Во время кампании, продолжавшейся менее трех недель, большие задачи, поставленные мной перед южным флангом Восточного фронта, в основном выполнены. Только небольшим силам противника,

⁵ «Брауншвейг» — кодовое название плана наступательной операции немецких войск на воронежском направлении летом 1942 г. (до 30 июля 1942 г. сохранялось название «Блау»).

оборонявшимся в этом районе, удалось уйти от окружения и достичь южного берега р. Дон. Следует считать с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе.

Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять.

II. ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШИХ ОПЕРАЦИЙ

A. Сухопутные силы:

1. Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова (...)

2. После уничтожения группировки противника южнее р. Дон важнейшей задачей группы армий «А» является овладение всем восточным побережьем Черного моря, в результате чего черноморские порты и Черноморский флот противника будут парализованы. Для этого переправить предназначенные для выполнения этой задачи соединения 11-й армии (румынский горный корпус) через Керченский пролив, как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий «А», чтобы затем нанести удар вдоль дороги, проходящей по Черноморскому побережью на юго-восток.

Другая группировка, в состав которой войдут все остальные горные и егерские дивизии, имеет задачей форсировать р. Кубань и захватить возвышенную местность в районе Майкоп и Армавир.

В ходе дальнейшего продвижения этой группировки, которая должна быть своевременно усилена горными частями, в направлении на Кавказ и через его западную часть должны быть использованы все его доступные перевалы. Задача состоит в том, чтобы во взаимодействии с войсками 11-й армии захватить Черноморское побережье.

3. Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, имеет задачу захватить район Грозный и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги по возможности на перевалах. В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку.

Группе армий «А» будет передан итальянский альпийский корпус. Для этих операций группы армий «А» вводится кодированное название «Эдельвейс». Степень секретности: совершенно секретно.

4. На долю группы армий «Б», как указывалось ранее, выпадает задача наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку противника, захватить город, а также перерезать перешеек между Доном и Волгой.

Вслед за этим танковые и моторизованные войска должны нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там также движение по главному руслу Волги.

Эти операции группы армий «Б» получают кодированное название «Фишрейер». Степень секретности: совершенно секретно. (...)

III. Операции, к которым сейчас проводится подготовка на участках фронта групп армий «Центр» и «Север», должны быть проведены быстро одна за другой. Таким путем в значительной мере будет обеспечено расчленение сил противника и падение морального состояния его командного состава и войск. Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда... Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие части резерва главного командования. Две немецкие и две румынские дивизии временно остаются в Крыму; 22-я дивизия, как было указано ранее, направляется в распоряжение командующего войсками юго-восточного направления (...)

Подпись: Адольф Гитлер

Цит. по: Дерр Г. Поход на Сталинград. М., 1957. С. 131–133

Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с японским послом в Берлине Х. Осима, 9 июля 1942 года

(...) Он, германский министр иностранных дел, просил посла встретиться с ним именно сейчас, имея в виду описанную выше ситуацию, потому что именно сейчас возник вопрос величайшей важности в связи с необходимостью совместно вести войну. Если Япония чувствует себя достаточно сильной в военном отношении, может быть, именно сейчас наступил момент для нападения Японии на Россию. Он считает, что, если Япония сейчас ударит по России, это вызовет моральное поражение России, во всяком случае это ускорит крах ее теперешнего строя. Так или иначе, никогда больше Японии не представится такой удобный

случай уничтожить раз и навсегда русского колосса в Восточной Азии. Он обсудил этот вопрос с фюрером, и фюрер придерживается того же мнения (...)

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 420

Из зашифрованной телеграммы И. Риббентропа германскому послу в Токио О. Отту, 10 июля 1941 г.

(...) Я прошу вас, примите все меры для того, чтобы настоять на скорейшем вступлении Японии в войну против России. Как я уже упомянул в моем разговоре с Мацуока, чем скорее это произойдет, тем лучше. Наша цель остается прежней: пожать руку Японии на Транссибирской железной дороге еще до начала зимы. После поражения России положение держав оси будет таким прочным, что разгром Англии или полнейшее уничтожение Британских островов явится только вопросом времени. Америка, полностью изолированная от всего остального мира, будет стоять перед фактом захвата нами тех владений Британской империи, которые имеют важное значение для наших трех стран. Я непоколебимо уверен, что проведение нового порядка в той форме, которая для нас желательна, является только вопросом времени и что будут преодолены любые трудности, если три державы будут стоять рядом и объединенными усилиями отвечать на любые действия Америки тем же оружием. Я прошу как можно чаще и подробнее сообщать мне о политической ситуации.

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 421

Из зашифрованной телеграммы германского посла в Токио О. Отта И. Риббентропу, 14 июля 1941 г.

(...) Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время. Для того чтобы убедить лично Мацуока, а также министерство иностранных дел, военные круги, националистов и дружески настроенных деловых людей, использую в качестве аргументов главным образом личное заявление министра иностранных дел и цитированную выше телеграмму. Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено. Самым большим препятствием являются разногласия между различными группами, которые, не получая общего руководства, преследуют самые различные цели и очень медленно приспосабливаются к изменившейся ситуации (...)

Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 422

Телеграмма генштаба Красной Армии командующему войсками Северо-кавказского фронта маршалу С. Буденному об эвакуации бойцов и командиров из севастопольского оборонительного района (СОР), 4 июля 1942 г.⁶

На побережье СОР есть еще много отдельных групп бойцов и командиров, продолжающих оказывать сопротивление врагу. Необходимо принять все меры для их эвакуации, посылая для этой цели мелкие суда и морские самолеты. Мотивировка моряков и летчиков невозможности подхода к берегу из-за волны неверна. Можно подобрать людей не подходя к берегу, а принимая их на борт в 500–1000 м от берега.

Прошу приказать не прекращать эвакуации и сделать все возможное для вывоза героев Севастополя.

ВАТУТИН

РЫЖКОВ

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны:

Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). — М., 1999. С. 205

---

⁶ Героическая оборона Севастополя против немецких войск (11-я армия генерал-полковника Э. Манштейна) и румынских соединений продолжалась с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г. В части СОР входили соединения Черноморского флота (командующий вице-адмирал Ф. С. Октябрьский) и Приморской армии (командующий генерал-майор И. Е. Петров)

Телеграмма генштаба Красной Армии начальнику штаба Волховского фронта о мерах по уточнению положения войск 2-й ударной армии, 13 июля 1942 г.⁷

Выход групп и одиночных бойцов от частей 2-й уд. армии до сих пор продолжается. Среди вышедших имеются лица среднего и старшего начсостава, безусловно, располагающие данными, могущими при их тщательной оценке и сопоставлении характеризовать положение соединений 2-й уд. армии.

Несмотря на это, штаб Волховского фронта этих данных не имеет и ничего не доносит о положении частей 2-й армии, оставшихся в окружении.

Примите срочные меры к сбору материалов опроса выходящих из окружения, а также личному опросу выходящего командного состава и к 20 июля 1942 г. представьте свои выводы по этим материалам.

ТИХОМИРОВ

РЫЖКОВ

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). — М., 1999. С. 238

Приказ народного комиссара обороны № 227, 28 июля 1942 г.

Без публикации

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдаст наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограничены. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие

⁷ 2-я Ударная армия с марта 1942 г. участвовала в Любаньской операции, которая не была завершена. Вела тяжелые оборонительные бои в окружении с конца мая до 22 июня 1942 г. С апреля 1942 г. командующий 2-й Уд. Армией — генерал лейтенант А. А. Власов (1901–1946). 12 июля 1942 г. Власов оказался в немецком плену, где начал проводить активную коллаборационистскую деятельность. Вместе с гитлеровцами формировал т. н. Русскую освободительную армию (РОА). 12 мая 1945 г. Власов вместе с сообщниками захвачен подразделениями советской армии в Чехословакии. Казнен по приговору Военной коллегии Верх. Суда СССР как военный преступник и предатель.

разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН.

Публ. по: Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В трех томах. Том первый. — С. 303–306

Телеграмма генштаба Красной Армии командующему войсками Северо-кавказского фронта о разрушении майкопских нефтепромыслов, 10 августа 1942 г.⁸

Для доклада Ставке немедленно сообщите в Генштаб, разрушены ли майкопские нефтепромыслы, нефтеочистительные заводы и другие сооружения, когда и в какой степени произведены разрушения, уничтожены ли запасы нефти и нефтепродуктов.

ВАСИЛЕВСКИЙ

БОКОВ⁹

Русский архив: Великая Отечественная.

Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). — М., 1999. С. 290.

Из донесения главного разведывательного управления генштаба Красной Армии о посещении посла Японии в Берлине Осимы советско-германского фронта, 19 августа 1942 г.

Тов. Щербакову¹⁰

Докладываю: 1. По агентурным данным, заслуживающим доверия, японский посол в Берлине генерал-лейтенант Осима донес в Токио о своем посещении по приглашению германского командования южного сектора восточного фронта.

⁸ Майкоп был оставлен советскими войсками 10 августа 1942 г.

⁹ Боков — ответственный работник Генштаба Красной армии

¹⁰ Щербаков А. С. (1901–1945) — парт. и гос. деятель. Генерал-полковник (1943). С 1938 г. — 1-й секр. МК и МГК ВКП(б), одновременно с 1941 г. — секр. ЦК ВКП(б), с июня 1942 г. — нач. ГлавПУ РККА, зам. наркома обороны, начальник Совинформбюро.

Поездка была совершена с 1 по 7 августа 1942 г. на самолете по маршруту: Берлин, Главная ставка, Одесса, Николаев, Симферополь, Ростов, Батайск, Киев, Краков, Берлин.

В этом донесении Осима описывает поездку на восточный фронт, ход операций и намерения Германии.

Общие впечатления Осимы:

«Германские генералы и офицеры очень любезны. Открыто и искренне объясняют план действий и расположение своих войск. Настроены очень оптимистично и уверяли, что дела идут лучше и быстрее, чем ожидали. Сопrotивление советских войск, кроме танковых, сильно понизилось по сравнению с прошлым годом, особенно стрелковых соединений.

Первоначальный план немцев:

- а) Северная группа (от Валдая на север) — укрепление и оборона;
- б) Центральная группа (от Валдая до Курска) — сковать советскую армию, но при переброске больших сил Красной Армии с центра на юг начать наступление на Москву;
- в) Южная группа — разгром армии Тимошенко, после захватить Кавказ и Сталинград.

Выполнение плана:

а) План выполняется быстрее, чем ожидалось, хотя русские в общем поняли намерения немцев, но резервы (примерно 60 дивизий), были слишком разбросаны по фронту. В ходе боев под Харьковом русские потеряли примерно половину резервов южной части...

в) По направлению на Сталинград действует 6-я армия — приблизительно десять дивизий. Русские под Сталинградом имели всего до 4-х дивизий, теперь около восьми дивизий. Несколько дивизий переброшено с Дальнего Востока.

Намерения немцев:

1. Захватить Кавказ, на что потребуется не более месяца. Решающее влияние в этой операции будет иметь 11-я армия (в Крыму), которая будет переведена в Закавказье.

2. Захват Сталинграда.

3. В зависимости от хода этих операций начать наступление на Москву.

4. До начала зимы [немцы] считают возможным в основном уничтожить главные силы Красной Армии и захватить большую часть Европейской части СССР.

5. По завершении этих операций небольшие силы оставить следить за остатками Красной Армии, остальные силы перевести на зимовку в Европу или другие фронты (...)

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

ПАНФИЛОВ

ВОЕНКОМ ГЛАВНОГО РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

ИЛЬИЧЕВ¹¹

*US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection» Reel. 5;
ЦАМО. Ф. 32. Он. 11309. Д. 159. Л. 47–50*

Телеграмма И. Сталина руководству обороной Сталинграда, 23 августа 1942 г.

СТАЛИНГРАД. ВАСИЛЕВСКОМУ, ЕРЕМЕНКО¹², МАЛЕНКОВУ. 16 ч. 35 мин.

Противник прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно сил, чтобы уничтожить прорвавшегося противника.

Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами в изобилии, чтобы запутать врага. Деритесь с прорвавшимся противником не только днем, но и ночью. Используйте во всю артиллерийские и эресовские силы.

¹¹ Резолюция рассылки документа: Сталину, Молотову, Маленкову, Берия, Василевскому, Щербакову (19 августа 1942 г.)

¹² Еременко А. И. (1892–1970). Маршал Советского Союза (1955). В авг.-дек. 1942 г. командующий Юго-Восточным (с 28 сентября Сталинградским) фронтом. Впоследствии командующий ряда фронтов. В целях объединения всех войск, действовавших на сталинградском направлении, Ставка ВГК 9 авг. подчинила командующему Юго-Восточным фронтом Сталинградский фронт. 28 сент. Сталинградский и Юго-Восточный фронты были подчинены каждый непосредственно Ставке ВГК и соответственно переименованы: Сталинградский в Донской (командующий генерал-лейтенант, с янв. 1943 генерал-полковник К. К. Рокоссовский), а Юго-Восточный в Сталинградский.

ЛОПАТИН¹³ второй раз подводит Сталинградский фронт своей неумелостью и нераспорядительностью. Установите над ним надежный контроль и организуйте за спиной армии ЛОПАТИНА второй эшелон. Самое главное — не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе.

И. СТАЛИН

US. Library of Congress. Manuscript Division. «Volkogonov Collection». Reel ...

Из воспоминаний Н. М. Стрелкова о Синявинской операции 1942 г.¹⁴

Быстро пролетели дни переформировки, и дивизия получила приказ сосредоточиться в районе Вороново — Гайтолово. Войскам была поставлена задача — перейти в наступление в направлении станции Мга, с выходом к реке Неве и соединением с войсками Ленинградского фронта. Одновременно должны были наступать и войска Ленинградского фронта. Синявинская наступательная операция 1942 года с целью деблокады Ленинграда [соединений Волховского фронта. — ред.] началась 27 августа 1942 года и продлилась до последних чисел сентября.

Первые дни наступления принесли нашим войскам заметный успех. Ведя ожесточенные, кровопролитные бои, наступавшие сумели продвинуться в направлении станции Мга — Синявинских высот на глубину пять-шесть километров. Реальная перспектива прорыва блокады Ленинграда сильно встревожила командование вермахта, и оно срочно передислоцировало в этот район свежие части с других участков фронта. В частности, именно наша разведрота первой обнаружила прибытие из-под Севастополя 11-й армии вермахта, с помощью которой немцам удалось остановить продвижение вперед наших войск и частично окружить их.

Хочется упомянуть об одной детали, которая мне самому стала известна только после окончания войны, когда я учился в Бронетанковой академии имени Р. Я. Малиновского. На одной из лекций преподаватель рассказал нам, что наш Генеральный штаб во второй половине сентября 1942 года на некоторое время потерял из вида 11-ю армию фашистов: настолько скрытно ей удалось уйти из-под Севастополя. И вот стараниями наших разведчиков ее появление было обнаружено под Ленинградом.

С прибытием частей 11-й армии вермахта на наш участок фронта соотношение сил резко изменилось в пользу противника. Перехватив инициативу, немцы ударами с флангов отсекали часть наших продвинувшихся вперед войск и начали сжимать кольцо окружения. Ситуация сложилась критическая. Нашей разведроте было поручено искать пути вывода окруженных частей из немецкой ловушки. Этим делом мы и занимались с конца сентября и до пятого октября.

Из числа личного состава 440-й разведроты было создано в те дни шесть или семь групп разведчиков, которые вывели из окружения в общей сложности около тысячи человек бойцов и командиров различных частей и соединений. Одну из поисково-спасательных групп возглавил в те дни я.

Помню, посреди какого-то болота, на кочке, под кустом, нам встретился пулеметчик с «максимом». Первый номер был убит, а второй, заняв его место, сжав ручки пулемета, готовился дорого отдать свою жизнь. Не наткнись на этого пулеметчика наша разведгруппа, он был бы обречен (...)

Несколько десятков человек спасли мы тогда и из торфяных буртов оставшихся на старых торфоразработках. Немцы не могли к этим буртам подойти, так как кругом была болотистая открытая местность, а наши не могли своими силами вырваться из окружения.

Среди выведенных нашей группой из окружения преобладали бойцы и командиры 4-го стрелкового корпуса. К сожалению, спасти всех, попавших в беду, не удалось. Последний рейд в зону окружения наши разведчики сделали 5 октября 1942 года, воспользовавшись известным только нам проходом между деревнями Гайтолово и Гонтовая Липка.

Как мне стало известно из выступлений ветеранов 2-й ударной армии на конференции в Отрадном (Ленинградская область) 27 сентября 1987 года, посвященной 45-летию Синявинской наступательной операции 1942 года, в окружение тогда попало примерно 25 тысяч наших солдат и командиров.

Ветеран. Выпуск четвертый / Сост. Н. А. Ватагин. — Л., 1994. С. 326–327

¹³ Лопатин А. И. (1897–1965). Генерал-лейтенант (1942). В ходе войны — командующий 9-й (с июня 1942), 62-й (с авг. 1942), 34-й (с окт. 1942) армиями. В последствии ком. армией, гв. стрелковым корпусом.

¹⁴ Синявинская операция 1942 года — наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов при содействии Балтфлота и Ладужской флотилии (19 авг. — 10 окт 1942 г.). Цель — деблокада Ленинграда с суши и срыв готовившегося противником нового штурма города. Операция не решила задачу деблокады города, но в результате действий советских войск вражеский план захвата города «Нордлихт» («Северное сияние») был сорван.

Из приказа командующего 6-й немецкой армии генерала Ф. Паулюса о наступлении на Сталинград, 19 августа 1942 г.

1. Русские войска будут упорно оборонять район Сталинграда. Они заняли высоты на восточном берегу Дона западнее Сталинграда и на большую глубину оборудовали здесь позиции.

Следует считаться с тем, что они, возможно, сосредоточили силы, в том числе танковые бригады, в районе Сталинграда и севернее перешейка между Волгой и Доном для организации контратак.

Поэтому войска при продвижении через Дон на Сталинград могут встретить сопротивление с фронта и сильные контратаки в сторону нашего северного фланга.

Возможно, что в результате сокрушительных ударов последних недель у русских уже не хватит сил для оказания решительного сопротивления.

2. 6-я армия имеет задачей овладеть перешейком между Волгой и Доном севернее железной дороги Калач — Сталинград и быть готовой к отражению атак противника с востока и севера.

Для этого армия форсирует Дон между Песковатка и Трехостровская главными силами по обе стороны от Вертячий. Обеспечивая себя от атак с севера, она наносит затем удар главными силами через цепь холмов между р. Россоска и истоками р. Б. Каренная в район непосредственно севернее Сталинграда до Волги. Одновременно часть сил проникает в город с северо-запада и овладевает им.

Этот удар сопровождается на южном фланге продвижением части сил через р. Россоска в ее среднем течении, которые юго-западнее Сталинграда должны соединиться с продвигающимися с юга подвижными соединениями соседней армии.

Для обеспечения фланга войск в район между нижним течением рек Россоска и Карповка и р. Дон выше Калача с северо-востока выдвигаются пока что только слабые силы. С подходом сил соседней армии с юга к Карповка войска выводятся из этого района. (...)

4. День и время начала наступления будут указаны в особом приказе...

Командующий армией Паулюс

*Цит. по: Дерт Г. Поход на Сталинград.
М., 1957. С. 134–135*

Из дневника унтер-офицера 297-го артиллерийского полка 297-й пехотной дивизии вермахта Алоиза Хеймессера, июль-сентябрь 1942 г.¹⁵

(...) 2 июля: В 2 часа ночи началось наше наступление. Судя по последним дням боев, мы ожидали сильного сопротивления, но в действительности без боя прошли 25 км до маленькой речки и лишь там русские стали оказывать отпор. Я сидел на наблюдательном пункте, как вдруг раздались выстрелы русского ракетного орудия. Мы не успеваем и опомниться, как уже сделано 48 выстрелов 15-сантиметровыми снарядами. Мы прижимаемся к земле, и только чудо спасает нас. Командир громко кричит: «Все назад» — и мы что есть духу бежим без остановки 400 метров. Этот день я никогда не забуду.

9 июля: Сегодня 50 градусов жары. Вдоль дороги в обмороке лежат пехотинцы, на протяжении километра я насчитал 27 человек.

17 июля: На дороге трофей — «Сталинский орган» (т. е. «Катюша»).

23 июля: Саперы очищали местность, в одном месте вдруг сразу взорвалось 52 мины. От четырех саперов не нашли и следов. Мы вброд переходили через р. Чир.

26 июля: Пехота начала атаку на высоту 151. Вторая батарея и 524 пехотного полка сначала хорошо продвинулись, но вдруг появились на совсем близком расстоянии русские танки. С них соскакивала пехота, разбрасывая солому, которой они были замаскированы. Наша пехота бежит обратно и окапывается.

¹⁵ Перевод направлен ОО НКВД Сталинградского фронта в Управление особых отделов НКВД СССР 14 ноября 1942 г.

Наша дивизия не имеет ПТ [противотанковых] орудий, нет больше бензина. Мы расстреляли все боеприпасы.

Но танки не идут вперед, лишь обстреливают нас отдельными выстрелами. В 9 часов появляется генерал-лейтенант Пфедфер¹⁶ с шестью штурмовыми орудиями и одной зенитной батареей, пехота опять переходит в наступление и русские бегут. Мы продвигаемся вперед и полностью захватываем большой мост через Чир.

28 июля: Ночью начинается светопреставление: самолеты бомбят в непосредственной близости, «Сталинский орган» производит страшные огневые налеты. А когда на рассвете переходит в наступление си-бирская дивизия, сильно подержанная танками, — начинается ад. Такого минометного огня я еще никогда не испытывал.

В 6.15 невиданное по масштабу нападение пикировщиков на сотню танков 24 ТД, находящихся позади. В 8.00 нападение шести бомбардировщиков. Это похоже на конец.

Еще несколько атак пикировщиков — удивительно, что после первого захода они вторично переходят в атаку, и их бомбы падают совсем неплохо. Ранено 9 солдат и один украинец.

Вчера наши собственные пикировщики бомбили первую батарею: 18 убитых, до 50 убитых лошадей. Батарея расформируется. Вечером еще раз нападение русских самолетов на бреющем полете, и в заключение этого горячего дня — «Сталинский орган». Сообщают еще о двух раненых на нашей батарее: вахмистр Беккер и один украинец (...)

19 августа: В 5 часов наступление. Проходим 20 км до Абганеро. В 16 часов приходит известие, что другие батареи нашего полка опять имеют большие потери.

Завтра начнется наступление на первую линию укреплений под Сталинградом (...)

20 августа: В начале наступления большая атака 50 наших пикировщиков. Но когда самолеты улетают — вновь стреляет русская артиллерия. Два снаряда тяжелых орудий падают на нашу огневую позицию. 1 убитый, 2 тяжело и 2 легко ранены.

29 августа: Слева от нас атакуют румыны, справа 371 ПД, а мы пока что остаемся лежать. Здесь, кажется, образовалось небольшое окружение.

30 августа: Огневой налет служит вступлением к сегодняшнему наступлению нашей дивизии. Ночью русские частично отошли. По пути на передовую линию я час и сорок пять минут лежал в грязи — из балки, где обороняются 100 русских с несколькими комиссарами, нас обстреливал пулемет. Воздушный налет 20 американских бомбардировщиков¹⁷. Генерал-лейтенант Пфедфер и командир 524 полка майор Липдов тоже лежали на животе. Ночь холодная темная, над Сталинградом видны не менее 50-ти прожекторов.

4 сентября: В 12 часов снаряды стали ложиться совсем близко. Одно попадание у второго орудия — унтер-офицер Малленгер вскрикивает и бежит к санитару. У него большой осколок в голове. Раненый в голову ефрейтор тут же умирает. Через пару минут опять падает снаряд, и в пяти метрах от меня страшно кричит ефрейтор Зауэрканнер, но никто не вылезает из окопа, чтобы помочь ему. Опять творится такое, что нельзя и головы высунуть. Уже стреляют русские снайперы и пулеметчики (...)

9 сентября: Сегодня должно было начаться крупное наступление на линию русских дзотов, но оно отменено.

10 сентября: Я побывал в тылу. Нельзя выразить, как это приятно! Можно ходить во весь рост, не подвергаясь опасности быть подстреленным снайпером. Впервые за 13 дней я умылся.

13 сентября: Над Сталинградом густые облака дыма, вчера веером небо над городом было кроваво-красным (...)

16 сентября: Сталинград горит день и ночь.

Проклятый холод! Вечером нам сообщили «приятную новость», что в дивизии уже готовятся к зимовке на фронте. Заготовительная команда уже отправлена. Направлены также отряды для доставки леса для строительства блиндажей.

Среди ночи вдруг ужасно зашумели падающие бомбы — так близко, что казалось блиндаж обвалится, а я весь облеплен грязью.

25 сентября: Нам совершенно не дают покоя снайперы. Эти люди стреляют чертовски хорошо.

Вечером все время приходят румынские пехотинцы, находящиеся рядом с нами, и попрошайничают: просят хлеб, папиросы, и т. д. (...)

Публ. по: Сталинградская эпопея.
М.: «Звонница-МГ», 2000. С. 130–134

¹⁶ Пфедфер М. — генерал-лейтенант, командир 297 пехотной дивизии (1942 г.), а с января 1943 г. — генерал артиллерии, командир IV корпуса 6-й армии вермахта.

¹⁷ Имеются в виду самолеты, поставленные СССР Соединенными Штатами по ленд-лизу.

Телеграмма генштаба Красной Армии командующему войсками Донского фронта генерал-лейтенанту К. Рокоссовскому¹⁸ о нанесении удара в направлении Котлубань, Алексеевка, 7 октября 1942 г.

Копия: командующему войсками Сталинградского фронта

В целях разгрома войск противника под Сталинградом по указанию Ставки Верховного Главнокомандования командующим Сталинградским фронтом¹⁹ разрабатывается план удара его усиленных левофланговых 57-й и 51-й армий в общем направлении оз. Цаца, Тувдутово. Срок — примерно 20 октября.

Одновременно с этой операцией должен быть нанесен встречный удар центром Донского фронта в общем направлении Котлубань, Алексеевка, для чего разрешается использовать сверх войск, находящихся на фронте, семь подходящих дивизий.

Намеченную вами на ближайшие дни операцию с коротким ударом на Сталинград проводить независимо от данных указаний.

Ваше решение и наметку плана операции прошу представить на утверждение Ставки к 10 октября.

ВАСИЛЕВСКИЙ

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). — М., 1999 С. 362

Телеграмма генштаба Красной Армии командующему войсками Донского фронта генерал-лейтенанту К. Рокоссовскому о мерах по недопущению перегруппировки противника в районе Сталинграда, 11 октября 1942 г.

Представленный вами план операции²⁰ Ставкой утвержден быть не может. Удар с севера необходимо сочетать по направлению с ударом Сталинградского фронта с юга, о чем указания будут даны дополнительно.

Ставка Верховного Главнокомандования приказала, впредь до получения этих указаний, основными задачами Донского фронта иметь:

1) активными действиями усиленных отрядов армий левого крыла фронта не допустить перегруппировок противника, оттягивать на себя его силы, действующие против Сталинграда, и захватом выгодных высот улучшать свое положение;

2) активной обороной 63, 21 и 4-й танковой армий прочно удерживать плацдарм на южном и западном берегу р. Дон.

Семь новых дивизий держать во фронтовом резерве, приняв все меры к их скорейшему обучению и устройству.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования

Начальник Генерального штаба ВАСИЛЕВСКИЙ

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12–2). — М., 1999 С. 364

¹⁸ Рокоссовский К. К. (1896–1968), Маршал Советского Союза (1944). С ноября 1940 г. — команд. 9-го мехкорпуса, с авг. 1941 — 16-й армией, с июля 1942 Брянским, с сент. Донским, с февр. 1943 Центральным, с окт. Белорусским, с февр. 1-м Белорусским, с ноябр. 1944 по июнь 1945 — 2-м Белорусским фронтами. Войска под ком. Рокоссовского успешно действовали в Смоленском сражении 1941 г., в Московской, Сталинградской, Курской битвах, Белорусской, Восточно-Прусской, Берлинской операциях.

¹⁹ генерал-полковником А. Еременко.

²⁰ Не публикуется.

Приказ Верховного командования вермахта о переходе к стратегической обороне, 14 октября 1942 г.

Оперативный приказ № 1

Летняя и осенняя кампании этого года, за исключением отдельных еще продолжающихся операций и намечаемых наступательных действий местного характера, завершены. Достигнуты крупные результаты.

В итоге мощного наступления противник отброшен на Кавказ и Дон, а центральная часть России в основном отрезана от районов Кавказа, имеющих жизненно важное значение для дальнейшего ведения войны. На остальном фронте были успешно отражены все отвлекающие удары русских с незначительными для нас потерями. При этом противнику нанесены громадные людские потери.

Успехи командования и войск, достигнутые в ходе этих летних и осенних сражений, достойны быть внесенными в славную летопись войны прошедших лет. Они вселяют уверенность, что и в последующий период настоящей войны немецкий народ может в любых обстоятельствах положиться на свою армию.

Нам предстоит провести зимнюю кампанию. Задачей Восточного фронта в ней является, за исключением еще продолжающихся или намечаемых наступательных операций, — во что бы то ни стало удерживать достигнутые рубежи, отражать всякие попытки со стороны противника прорвать их и тем самым создать предпосылки для продолжения нашего наступления в 1943 г. в целях окончательного уничтожения нашего опаснейшего врага.

Подготовка к зимней кампании идет полным ходом. Эту вторую русскую зиму мы встретим более тщательно и своевременно подготовленными.

Сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 г. располагать такими же большими силами, какие имелись у них в прошлую зиму. В отличие от минувшей, эта зима не может быть суровой и тяжелой. Всем штабам и войсковым командирам вменяю в обязанность как можно быстрее и тщательнее закончить все приготовления к зиме, чтобы не только облегчить войскам выполнение возложенных на них задач, но и создать им возможно лучшие условия для жизни и боя на весь зимний период. При этом важно, чтобы никто не надеялся на то, что все необходимое будет доставлено высшими штабами. Каждый войсковой командир должен сам себе помогать всевозможными импровизациями и изыскивать дополнительные средства и оборудование для облегчения условий размещения своих войск.

Я в свою очередь позабочусь о том, чтобы посредством крупных организационных мероприятий усилить боевые части, сменить в течение этой зимы фронтовых солдат, непрерывно сражающихся на передовой линии уже на протяжении полутора лет, и направить их на отдых.

Но я ожидаю от командования и войск, что они вступят в зимнюю кампанию 1942/43 г. с гордым сознанием достигнутых успехов, с твердой верой в свои собственные силы, с непоколебимой волей разбить противника и в этой зимней кампании везде, где бы он только ни попытался прорвать наш фронт.

Основные требования:

1. Во что бы то ни стало удерживать зимние позиции.
2. Оборона должна быть повсюду активной, не позволяющей противнику успокаиваться и вводящей его в заблуждение относительно наших намерений.
3. В случае атак со стороны противника не отходить ни на шаг и не производить отступательных маневров оперативного характера.
4. Местные прорывы немедленно ликвидировать контратаками и контрударами.
5. Большие прорывы локализовать, стабилизировавшиеся участки нашего фронта во что бы то ни стало удерживать как бастионы, которые облегчат проведение предпринимаемых контрмероприятий.
6. Отрезанные или окруженные части должны обороняться до тех пор, пока не подоспеет помощь. За безусловное выполнение данных требований командиры несут ответственность непосредственно передо мной...

Адольф Гитлер

Верно: майор службы генерального штаба
граф Кильманзег

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 328–329

Приказ Гитлера командующему 6-й армии Ф. Паулюсу о прорыве к Волге в районе Сталинграда, 17 ноября 1942 г.

Всем находящимся в Сталинграде командирам, до командиров полков включительно, сообщить устно следующий приказ фюрера:

«Мне известны трудности борьбы за Сталинград и упавшая боевая численность войск. Но трудности у русских сейчас, при ледоставе на Волге, еще больше. Если мы используем этот промежуток времени, мы сэкономим в дальнейшем много собственной крови.

Поэтому я ожидаю, что руководство еще раз со всей энергией, которую оно неоднократно продемонстрировало, а войска с искусством, которое они часто проявляли, сделают все, чтобы пробиться к Волге по меньшей мере у артиллерийского завода и металлургического предприятия и захватить эти части города.

Авиация и артиллерия должны сделать все, что в их силах, чтобы проложить путь этому наступлению и поддерживать его.

А. Гитлер

Дополнение командования 6-й армии: «Я убежден, что этот приказ вызовет новое воодушевление в наших храбрых войсках».

Паулюс

Штаб 6-й армии. Оперативный отдел Ia. № 4640/42. Секретно.

Дашичев В. Банкротство стратегии... Т. 2. С. 343

Документ № 1

Радиограмма командующего 6-й армией вермахта Ф. Паулюса Гитлеру, 23 ноября 1942 г.

Мой фюрер! Со времени получения вашей радиограммы от 22 ноября положение резко изменилось. Замкнуть кольцо окружения на юго-западном и западном участках фронта противнику еще не удалось²¹. Но здесь вырисовывается возможность прорыва его войск.

Боеприпасы и горючее кончаются. Большинство артиллерийских батарей и противотанковых подразделений израсходовали свои боеприпасы. Своевременный и достаточный подвоз предметов снабжения исключен.

Армия окажется в ближайшее время на краю гибели, если не удастся, сосредоточив все силы, нанести поражение войскам противника, наступающим с юга и с запада. Для этого необходимо немедленно снять все дивизии из Сталинграда и значительные силы с северного участка фронта. Неизбежным следствием этого должен быть прорыв в юго-западном направлении, поскольку такими незначительными силами невозможно организовать оборону восточного и северного участков фронта. И хотя мы при этом потеряем много техники, нам удастся сохранить большую часть боеспособных войск и какую-то часть техники.

Я в полной мере беру на себя ответственность за это тяжелое решение, хотя и должен отметить, что командиры корпусов генералы Гейтц, Штрекер, Хубе и Енеке точно так же оценивают обстановку.

Учитывая сложившуюся обстановку, еще раз прошу предоставить мне свободу действий...

Паулюс 23 ноября 21.30

С подлинным верно лейтенант (подпись) Передано в штаб главного командования сухопутных войск 23 ноября в 23 часа 45 минут.

Goerlitz M. Paulus: Ich stehe heir auf Befehl. Frankfurt a/M., 1960. S. 220

²¹ Радиограмма Паулюса была направлена фюреру, видимо, еще до того момента, как в штаб поступила информация о полном окружении немецких сил. 23 ноября 1942 г. подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронта встретились в районе Калача, завершив тем самым окружение сил 6-й и частей 4-й танковой армий вермахта (22 дивизии, 330 тыс. чел.).

Документ № 2

Приказ Гитлера командующему 6-й армией Ф. Паулюсу, 24 ноября 1942 г.

Приказ фюрера: 24.11.1942. Командующему 6-й армии. Войска 6-й армии временно окружены русскими. Я намерен сосредоточить армию в районе Сталинграда (северная окраина), Котлубань, высота 137, высота 135, Мариновка, Цыбенко, Сталинград (южная окраина). Личный состав армии может быть уверен, что я предприму все, чтобы обеспечить нормальное снабжение армии и своевременно освободить ее из окружения. Я знаю храбрый личный состав 6-й армии и ее командующего и уверен, что вы все выполните свой долг.

Адольф Гитлер

Военно-исторический журнал. 1963. № 2. С. 77

Документ № 3

Окружение немцев под Сталинградом (из книги А. Верта «Россия в войне»)

(...) Между опубликованием «Клятвы защитников Сталинграда» и началом большого контрнаступления, завершившегося два с половиной месяца спустя сталинградской победой, прошло всего 13 дней. Однако за эти 13 дней немцы успели предпринять новое отчаянное наступление. Положение обороняющихся стало еще более трудным из-за появления на Волге льда. Из-за этого все перевозки через реку практически прекратились, и даже эвакуация раненых стала почти невозможной. И все-таки, когда это последнее немецкое наступление было отбито, дух защитников Сталинграда поднялся выше, чем когда-либо раньше, тем более что они смутно чувствовали: вот-вот случится что-то очень важное. Впоследствии сталинградские воины рассказывали мне, с какой безумной радостью, надеждой и волнением они прислушивались к грому далекой, но интенсивной артиллерийской канонады, раздавшейся 19 ноября между шестью и семью часами утра, в это самое тихое время суток на Сталинградском фронте. Они понимали, что означает этот гром пушек. Он означал, что им не придется оборонять Сталинград на протяжении всей зимы. Высунув головы из блиндажей, в почти непроницаемой темноте — тусклый, сырой и туманный рассвет только еще занимался — они прислушивались.

Никаких официальных сообщений не было опубликовано ни 19 ноября, когда войска Донского фронта под командованием Рокоссовского и войска Юго-Западного фронта под командованием Ватутина двинулись на юг в направлении на Калач, ни 20 ноября; когда войска Сталинградского фронта под командованием Еременко двинулись из района к югу от Сталинграда в северо-западном направлении на соединение с ними. Ничего не сообщалось об этом и в сводке от 21 ноября. «Правда» посвятила в тот день свою передовую статью о «сессии Академии наук в Свердловске». Лишь в ночь на 22 ноября в специальном сообщении была обнародована грандиозная новость о том, что несколько дней назад советские войска, сосредоточенные северо-западнее и южнее Сталинграда, перешли в наступление, захватили Калач и перерезали две железнодорожные линии, по которым доставлялись припасы для немецких войск в Сталинграде, в районе Кривомузгинской и Абганевова. В этом сообщении еще прямо не говорилось о том, что кольцо вокруг немцев в Сталинграде замкнулось, но приводились цифры громадных потерь противника: 14 тыс. немецких солдат было убито, 13 тыс. взято в плен и т. д. Москва была охвачена сильнейшим волнением, у всех на устах было одно слово: «Началось!» Все инстинктивно чувствовали, что от этого наступления можно ожидать каких-то очень больших результатов. Основное, что следует сказать об этом втором, решающем этапе Сталинградской битвы, сводится к следующему:

(...) На направлениях главного удара Красная Армия обладала... трехкратным превосходством в живой силе и четырехкратным в технике — особенно в артиллерии и минометах. Фактически все это вооружение было произведено советской промышленностью в течение лета и в первые осенние месяцы; советские войска использовали лишь незначительное число западных танков, грузовиков и «джипов». К февралю 1943 г. Советскому Союзу было поставлено в общей сложности около 72 тыс. грузовиков западного производства, однако в момент, когда началось наступление под Сталинградом, русские имели лишь очень небольшую их часть.

2. Боевой дух войск был исключительно высок.

3. План контрнаступления разрабатывался еще с августа, главным образом Сталиным, Жуковым и Василевским в консультации с командующими фронтами — Ватутиным, Рокоссовским и Еременко. В октябре и ноябре Василевский и Жуков посетили район предстоящих операции.

4. Приготовления к наступлению потребовали огромных организационных усилий и были проведены с соблюдением величайшей секретности. Так, в течение нескольких недель перед наступлением всякая почтовая связь между солдатами тех фронтов и их семьями была прекращена. Хотя немцы бомбили железные дороги, ведущие к району севернее Дона, они не имели ясного представления о том, какое количество техники и войск доставлялось (главным образом по ночам) в район к северу от Дона и на два основных советских плацдарма в излучине Дона. Немцы никогда не предполагали, что советское контрнаступление (если оно вообще будет предпринято) может принять такие широкие масштабы. Еще более трудной была задача по переброске на Сталинградский фронт, на юг, массы войск и огромного количества техники. Для этого приходилось использовать железную дорогу, шедшую на востоке от Волги, которую немцы усиленно бомбили, а также наводить понтонные мосты и устраивать паромные переправы через Волгу, можно сказать, под самым носом у немцев. В отличие от местности к северу от Дона, где имелись кое-какие леса, в голой степи южнее Сталинграда было особенно трудно обеспечить маскировку.

И все же, несмотря на все это, немцы не имели представления о мощи готовящегося удара.

5. Немецкое командование, и в особенности сам Гитлер, были настолько одержимы мыслью о необходимости захватить Сталинград по соображениям престижа, что не уделили достаточного внимания укрепление обоих флангов расположения своих войск, которое мы можем назвать Сталинградским выступом. Строго говоря, это не был выступ: на северной его стороне действительно был фронт, но на юге лежала своего рода ничейная земля, тянувшаяся через калмыцкие степи до самого Северного Кавказа; здесь было лишь несколько слабеньких рубежей, которые удерживали в основном румынские войска. На севере на некоторых участках фронта тоже стояли румыны. Румынские войска хорошо сражались под Одессой и в Крыму, однако в начале зимы, когда они оказались в донских степях, их боевой дух сильно упал. Здесь они уже явно воевали не за интересы королевской Румынии, а за интересы Гитлера, и их отношения с немцами были далеко не дружественными. Далее к западу, на Дону, действовали итальянские войска, — моральное состояние которых также было не блестящим. Советское командование было хорошо об этом осведомлено и справедливо считало удерживаемые румынами и итальянцами участки фронта самыми слабыми.

Наступление началось в 6 час. 30 мин. утра 19 ноября артиллерийской подготовкой на широком фронте к северу от Сталинградского выступа; через два часа двинулись пехота и танки. Из-за плохой погоды к помощи авиации прибегали мало. За три дня войска под командованием Ватутина продвинулись приблизительно на 125 км, разгромив в ходе наступления 3-ю румынскую армию и несколько немецких частей, спешно посланных для спасения союзников. Несмотря на сильное сопротивление немецких, а также некоторых румынских частей войска Юго-Западного фронта под командованием Ватутина достигли 22 ноября Калача и там встретились с войсками Еременко, которые осуществили прорыв с юга, где сопротивление противника оказалось менее упорным...

Окружение немцев в Сталинграде было завершено за четыре с половиной дня. «Кольцо» не было ни очень широким — от 30 до 60 км, — ни очень прочным, и следующая задача, очевидно, состояла в том, чтобы укрепить и расширить его. В последние дни ноября немцы предприняли попытку прорвать «кольцо» с запада, однако, несмотря на некоторые первоначальные успехи, им это не удалось. Советское командование больше всего боялось, что 6-я армия Паулюса и части 4-й танковой армии, находившейся в Сталинграде, попытаются прорваться и уйти из Сталинграда. Однако ничего похожего не произошло, и, как это ни парадоксально, во время советского прорыва на Дону множество немцев устремилось в Сталинград в поисках «безопасности» (...)

Верт А. Россия в войне. М., 1967. С. 350–355

Документ № 4

Директива Ставки Верховного Главнокомандования начальнику артиллерии Красной Армии — представителю ставки ВГК генерал-полковнику Н. А. Воронову, командующим войсками Юго-западного и Воронежского фронтов об уточнении плана операции «Сатурн», 13 декабря 1942 г.

Первое. Операция «Сатурн» с выходом на Каменю, Ростов была задумана при благоприятной для нас военной обстановке, когда у немцев не было еще резервов в районе Боковский, Морозовский, Нижне-Чирская, когда танковая армия успешно наступала в сторону Морозовский и когда предполагалось, что удар

с севера будет поддержан одновременно ударом с востока, в сторону Лихая. При этом предполагалось, что 2-я гвардейская армия будет передвинута в район Калача и использована для развития успеха в сторону Ростова, Таганрога. В этой обстановке операция «Сатурн» была вполне обоснованна.

Второе. В дальнейшем, однако, обстановка изменилась не в пользу нас. Романенко²² и Лелюшенко²³ стоят в обороне и не могут двигаться вперед, так как за это время противник успел подвести с запада ряд стрелковых дивизий и танковых соединений, которые сдерживают их. Следовательно, удар с севера не встретит прямой поддержки с востока от Романенко, ввиду чего наступление в сторону Каменск, Ростов не может получить успеха. Я уже не говорю о том, что 2-я гвардейская армия не может быть использована для операции «Сатурн», так как она работает на другом фронте.

Третье. Ввиду всего этого необходимо видоизменить операцию «Сатурн». Видоизменение состоит в том, чтобы главный удар направить не на юг, а на юго-восток в сторону Нижний Астахов и с выходом на Морозовский, с тем чтобы боковско-морозовскуто группу взять в клещи, пройти по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами Романенко и Лелюшенко и с северо-запада силами Кузнецова²⁴ и приданных ему подвижных частей. Задача Филиппова при этом будет состоять в том, чтобы помочь Кузнецову ликвидировать итальянцев, выйти на реку Богучар в районе Кременков и создать серьезный заслон и против возможного удара противника с запада.

Четвертое. Прорыв произвести в тех же районах, в которых был он задуман по операции «Сатурн». После прорыва удар повернуть на юго-восток в сторону Нижний Астахов, Морозовский, обрушиться на тылы противника, стоящего против Романенко и Лелюшенко. Операцию начать 16 декабря. Наименование операции «Малый Сатурн».

Пятое. Вы теперь можете обойтись без 6-го мехкорпуса, тем более что к Вам подошли танковые полки. Поэтому 6-й мехкорпус передается Сталинградскому фронту для использования против котельниковской группы противника. Взамен 6-го мехкорпуса вы можете получить один из танковых корпусов Филиппова, 25-й или 17-й.

Подпись Василевский

*Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки.
Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 425*

Документ № 5

Донесение Манштейна в генеральный штаб, 19 декабря 1942 г.

В связи с развитием событий в группе армий «Б» и в связи с тем, что вследствие этого перерезаны пути подвоза новых сил, в группе армий «Дон» создалось такое положение, что нельзя более рассчитывать на деблокаду 6-й армии в ближайшее время.

Так как ввиду недостатка сил и состояния погоды снабжение воздушным путем и тем самым оставление армии в районе крепости невозможны, как это доказали четыре недели окружения, а 57-й танковый корпус своими силами, очевидно, не в состоянии восстановить связь с 6-й армией по суше, не говоря уже о том, что она долго не сможет удерживать свои позиции, я считаю прорыв армии в юго-западном направлении последней возможностью сохранить, по крайней мере, основную массу солдат и способные еще передвигаться подвижные части армии.

Прорыв, первой целью которого будет восстановление связи с 57-м танковым корпусом примерно на рубеже р. Мышкова, может носить лишь форму постепенного передвижения армии с боями на юго-запад, с тем чтобы путем этого продвижения армия оставила на севере соответствующий участок района крепости.

В ходе этой операции необходимо обеспечить прикрытие снабжения по воздуху достаточным числом истребителей и бомбардировщиков.

²² Романенко П. Л. (1897–1949), генерал-полковник (1944), командующий 5-й (ноябрь–дек. 1942), 2-й (янв.–февр. 1943) танковыми армиями, 48-й армией (1943–1944).

²³ Лелюшенко Д. Д. (1901–1987), генерал армии (1959), командующий 1-й (нояб.–дек. 1942) и 3-й гвард (дек. 1942 — март 1943, авг. 1943 — февр. 1944) армиями, 4-й гв. танковой армией (март 1944 — май 1945).

²⁴ Кузнецов В. И. (1894–1964), генерал-полковник (1943), командующий 63-й (июнь–ноябрь 1942), 1-й гв. (с дек. 1942) армиями, с дек. 1943 зам. ком. 1-м Прибалт. фр., с марта 1945 — команд. 3-й Ударной армией.

Так как уже теперь становится заметным давление противника на северный фланг 4-й румынской армии, необходимо при любых обстоятельствах быстро перебросить сюда силы с кавказского фронта, чтобы обеспечить выполнение задачи 57-м танковым корпусом, прикрыв его глубокий правый фланг.

При дальнейшем промедлении может случиться, что наступление 57-го танкового корпуса будет остановлено на р. Мышкова или севернее ее, либо корпус будет скован атаками против его правого фланга и тем самым будет нарушено взаимодействие войск, наступающих извне и изнутри. 6-й армии до начала прорыва во всяком случае требуется несколько дней, чтобы произвести перегруппировку сил и пополнить запасы горючего.

Продовольствия в котле хватит еще до 22 декабря. Заметно резкое истощение сил солдат (уже 14 дней они получают по 200 гр. хлеба). По сведениям командования армии, основная масса конского состава съедена или погибла от истощения.

Командующий группой армий «Дон»
Генерал-фельдмаршал фон Манштейн²⁵

Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем., М., 1957. С. 655

Документ № 6

Боевое донесение командующего войсками Сталинградского фронта генерала А. Еременко Верховному Главнокомандующему о ходе оборонительного сражения на рубеже реки Мышкова, 20 декабря 1942 г.

1. Войска фронта 20 декабря 1942 г. вели упорные бои с наступающей танковой группировкой противника в количестве свыше 250 танков и частей пехоты на рубеже Верхне-Рубежный, южная окраина Нижне-Кумский, южная окраина Васильевка. На участке 51-й армии войска отражали атаки танков и пехоты противника в районах Кругляков и Жутов 2-й. На остальных [участках] фронта армии войска отражали мелкие атаки противника, вели боевую разведку и укрепляли свою оборону.

2. Котельниковская группировка противника в составе 6, 23 и 17 тд (17 тд действует по восточному берегу р. Дон, наличие ее установлено показаниями пленного 27 ап 17 тд) в течение дня пыталась прорвать фронт обороны 2-й гв. армии, нанося главный удар на фронте Нижне-Кумский, Васильевка. В районе Нижне-Кумский и Васильевка противник ворвался в эти пункты, но контратаками частей 98 сд и 3 гв. сд был выбит, потеряв около 45 танков. В районе Кругляков противник силою до 35 танков вел атаки на 13 тк, но, потеряв 7 танков, отошел в исходное положение. Частные атаки пехоты и танков противника на Кануково были отбиты. На участке 5-й ударной армии по данным ее штаба сосредоточивается 11 тд [противника]. Сталинградская группировка противника готовится нанести встречный удар в южном и юго-западном направлениях (установлено показаниями пленного усиление войск на участке Карповка, Кравцов). В районе раз. Прудбой и Старый Рогачик отбиты две атаки пехоты противника силою до роты каждая.

3. 2-я гвардейская армия, отразив настойчивые атаки танков и пехоты противника у Нижне-Кумский и Васильевка, продолжает вести упорные бои на южных окраинах этих пунктов. На эти участки противник продолжает подтягивать танки и мотопехоту. 7 тк на марше в район балок севернее и северо-восточнее Шабалинский, Черноморов. 2 гв. мк сосредоточивается в районе Ерико-Крепинский, свх. Крепь, 33 гв. сд сосредоточивается в районе Ново-Петровский, Братский, 56 тбр сосредоточивается в районе свх. им. Юркина (2 км севернее ст. Абганерово).

4. Авиация фронта уничтожила танки и мотопехоту противника перед фронтом 2-й гвардейской армии, жд эшелоны на участке ст. Котельниково, ст. Жутово и авиацию противника. Всего произведено 516 самолето-вылетов, из них ночью 256.

Потери — 2 самолета. Авиация противника бомбила боевые порядки войск 2-й гв. армии, транспортировала грузы окруженным войскам, сделал около 600 самолето-вылетов, из них транспортных — около 300.

5. За день 20 декабря 1942 г. уничтожено: солдат и офицеров — около 1500 человек, танков — около 60, самолетов — 35, из них транспортных — 27, орудий — 21, минометов — 14, дзотов — 20, блиндажей — 43, пулеметов — 13, автомашин — 64.

²⁵ Манштейн Э. фон (1887–1973), генерал-фельдмаршал немецкой армии (1942). На сов.-герм. фр. командовал корпусом, армией, а в 1942–1943 гг. группами армий «Дон» и «Юг». В 1944 г. отстранен от командования.

6. В течение 21 декабря 1942 г. войска фронта будут удерживать занимаемые рубежи и уничтожать противника на подступах к обороне, не допуская прорыва котельниковской группировки противника на север и окруженной группировки на юг.

Командующий фронтом Еременко
Член Военного совета Хрущев
Начальник штаба Варенников

*Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки.
Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 427*

Документ № 7

Ультиматум советского командования командующему 6-й немецкой армией генерал-полковнику Паулюсу, 8 января 1943 г.

6-я германская армия, соединения 4-й танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23-го ноября 1942 года. Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение ваших войск путем наступления германских войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозящая вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным, стремительным продвижением Красной Армии, вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет огромные потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы как командующий и все офицеры окруженных войск отлично понимаете, что у вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежное и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции:

- 1) Всем германским окруженным войскам во главе с вами и вашим штабом прекратить сопротивление.
- 2) Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 часов 00 минут по московскому времени 9 января 1943 года в письменном виде через лично вами назначенного представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге разъезд Конный — станция Котлубань.

Ваш представитель будет встречен русскими доверенными командирами в районе «Б» — 0,5 км юго-восточнее разъезда 564 в 15 часов 00 минут 9 января 1943 года.

При отклонении вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного флота будут вынуждены вести дело до уничтожения окруженных войск, а за их уничтожение вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки

Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-полковник артиллерии Воронов
Командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант Рокоссовский

*Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки.
Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 429*

Документ № 9

Приказ командующего войсками Ленинградского фронта 67-й армии о проведении операции «Искра», 11 января 1943 г.

Семнадцатый месяц фашистские полчища стоят у ворот Ленинграда, осаждая наш родной город. Не было таких гнусных и подлых средств борьбы, которые бы не пустил в ход враг, чтобы сломить волю защитников Ленинграда к борьбе, подорвать их боевой дух и добиться своей цели. Но враг просчитался и на этот раз. Ни бомбежки, ни артиллерийские обстрелы, ни голод, ни холод, ни все те жертвы, муки и лишения, которым фашистские варвары подвергли и подвергают Ленинград, не сломили решимости защитников Ленинграда, верных сынов нашей советской отчизны, решивших до последнего вздоха отстаивать Ленинград от врагов. В героической, не имеющей примеров в истории борьбе войска Ленинградского фронта вместе с трудящимися Ленинграда, отвечая ударом на удар, отстояли любимый город Ленина от немецко-фашистских захватчиков и заперли его ворота на крепкий замок, превратив его в неприступную крепость обороны.

Укрепляя оборону Ленинграда, его защитники твердо верили, что желанный час освобождения Ленинграда придет, что будет и на нашей улице праздник. Зная это, они день за днем копили свои силы для того, чтобы в благоприятный момент перейти в решительное наступление, присоединить свои силы к силам страны, идущим на выручку Ленинграду, прорвать кольцо вражеской блокады и выполнить историческую задачу соединения Ленинграда со всей страной.

Товарищи!

Этот благоприятный момент ныне наступил.

В боях за город Ленина войска Ленинградского фронта окрепли, закалились и подготовили себя к наступательным боям. Наша доблестная Красная Армия наносит врагу один сокрушительный удар за другим на юге и на центральном фронте. Силы врага подточены. Враг мечется в замешательстве, вынужденный расплывать свои силы между многими фронтами.

Наступил долгожданный час освобождения Ленинграда, час кровавой расплаты с немецкими извергами, час нашей беспощадной мести врагу за все его злодеяния.

Вам, доблестным бойцам, командирам и политработникам 67-й армии, выпала великая честь освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Поднимайтесь же, воины, на бой за освобождение Ленинграда, на беспощадное истребление ненавистных варваров оккупантов, на кровавую расплату с врагом за жертвы, муки и страдания ленинградцев, за наших замученных братьев и сестер, жен и матерей, за поруганную землю, за разоренные и разграбленные города и села, за наших погибших в боях друзей и товарищей.

Товарищи!

Боевая задача, поставленная перед вами, не является простой и легкой. Победа никогда не приходит самотеком, ее нужно завоевать. Враг коварен и жесток, он будет цепляться и сопротивляться изо всех сил. Он знает, что наша победа под Ленинградом в огромной степени приблизит окончательный разгром фашистской Германии. Тем решительнее и смелее должен быть напор, тем крепче и яростнее должны быть наши атаки!

Товарищи! Навстречу войскам Ленинградского фронта для решения единой боевой задачи наступают войска Волховского фронта. Они так же, как и войска нашего фронта, вооружены могучей техникой, они так же, как и наши войска, воодушевлены волей к победе и решимостью к освобождению Ленинграда от блокады. Зажмем врага в могучие тиски с обеих сторон, раздавим его совместными усилиями обоих фронтов. Честь и слава той части и подразделению Ленинградского фронта, которая первая соединится с войсками Волховского фронта!

ПРИКАЗЫВАЮ:

Войскам 67-й армии перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими с боями к нам навстречу, и тем самым разбить осаду города Ленинграда.

Военный совет Ленинградского фронта твердо уверен, что войска 67-й армии с честью и умением выполнят свой долг перед Родиной.

Держайте в бою, равняйтесь только по передним, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Смерть немецким мерзавцам!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе!

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и свобода Ленинграда.

Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена!

Пусть воссоединится со всей страной освобожденный от вражеской осады Ленинград!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!

За Ленинград, за Родину, за Сталина! Вперед!

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенант артиллерии Говоров

Члены Военного совета фронта Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов

генерал-майор Штыков, Соловьев

Начальник штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенант Гусев

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 439–440

Документ № 10

Боевое донесение представителя ставки ВГК и командующего войсками Воронежского фронта Верховному Главнокомандующему о ходе Воронежско- касторненской операции, 28 января 1943 г.

Войска правого крыла фронта успешно развивают наступление, начатое в районе Воронежа 25 января 1943 г. Прорвав оборону противника на направлении Шаталовка, Горшечное, наши войска успешно продвигаются, преодолевая упорное сопротивление немецких частей. За три дня наступления на воронежском участке фронта наши войска на отдельных направлениях продвинулись на 40–50 км, освободили большое количество населенных пунктов, в том числе Землянск, ст. Касторное, Урицкое, Набережная, Семилуки и крупные населенные пункты Троицкое, Верхополье, Русская Гвоздевка, Латное, Никольское, Хохол, Нижнее Гнилое, станцию и населенный пункт Горшечное;

окрыжены немецкие гарнизоны в городах Нижнедевицк, Старый Оскол.

1. Всего за этот период на воронежском участке взято, по неполным данным, до 5000 пленных. Трофеи: 500 винтовок, 150 пулеметов, 150 орудий, до 200 автомашин, свыше 150 мотоциклов, 20 тракторов, 6 танков, около 400 тыс. патронов, до 10 тыс. снарядов, 22 миномета, 60 лошадей, 2 железнодорожных эшелона.

2. Одновременно продолжали наступление войска центра и левого крыла фронта. К утру 27 января войска левого крыла и центра на всем фронте вышли на линию ж.д. Валуйки — Старый Оскол и с утра 28 января вели бой на восточной окраине города Новый Оскол и Чернянка.

3. В течение 26–27 января завершена ликвидация остатков 8-го альпийского корпуса итальянцев. При попытке прорыва итальянские части были полностью окружены частями 6 гв. кк в районе Валуйки, пленены и частично уничтожены. За два дня боя уничтожено свыше 4000, взято в плен 6000 чел., в том числе командиры 3, 4 и 156 пд генералы Уммерта, Багисти, Паскалини, вместе с командирами дивизий захвачены и их штабы.

Заместитель наркома обороны генерал армии Василевский

Командующий войсками Воронежского фронта генерал-полковник Голиков

Член военного совета фронта генерал-лейтенант Кузнецов

Начальник штаба фронта генерал-лейтенант Казаков

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 436

Документ № 11

Разгром германских войск под Сталинградом (из книги У. Ширера «Взлет и падение третьего рейха»)

(...) Слава и ужасная агония 6-й армии близилась к концу. 30 января Паулюс радировал Гитлеру: «Окончательное поражение невозможно оттянуть более чем на двадцать четыре часа».

Этот сигнал подстегнул верховного главнокомандующего провести целую серию присвоений внеочередных званий обреченным в Сталинграде офицерам, очевидно, в надежде, что такие почести усилят их

решимость умереть со славой в этой кровавой мясорубке. В военной истории не зафиксировано ни одного случая пленения немецкого фельдмаршала, — заметил Гитлер Йодлю и после этого сообщил по радио о даровании Паулюсу желанного маршальского жезла. 117 других офицеров были повышены в звании. Этот жест произвел довольно жуткое впечатление...

В 7:45 вечера радист штаба 6-й армии направил последнюю радиogramму от своего имени: «Русские в дверях нашего бункера. Мы уничтожаем оборудование». И добавил буквы «CL» — международный радиосифр, означающий: «Станция больше работать не будет».

У штаба армии не было последнего боя. Паулюс и его штаб не держались до последнего солдата. Группа русских солдат во главе с младшим офицером показала в темном подвале, где размещался командующий. Русские потребовали сдачи в плен, и начальник штаба 6-й армии генерал Шмидт подчинился их требованиям. Подавленный Паулюс сидел на своей походной кровати. Шмидт братился к нему: «Господин фельдмаршал, есть еще что-нибудь, о чем нужно сказать?»

Расстроенный Паулюс не отреагировал.

На севере, на развалинах тракторного завода, небольшая группа из остатков двух танковых и четырех пехотных дивизий все еще оказывала сопротивление. Вечером 1 февраля там получили радиogramму из ставки Гитлера:

«Немецкий народ ожидает, что вы выполните свой долг точно так же, как выполнили его солдаты, удерживавшие южную крепость. Каждый день и каждый час длящегося сражения содействует созданию нового фронта».

Незадолго до полудня 2 февраля и эта группа капитулировала, направив перед тем последнюю радиogramму верховному главнокомандующему: «...Сражались до последнего солдата против превосходящих сил противника. Да здравствует Германия!»

Наконец над покрытым снегом, обильно политым кровью полем сражения нависла тишина. 2 февраля, в 2 часа 46 минут, высоко над городом пролетел немецкий разведывательный самолет и по радио доложил в свой штаб: «Никаких признаков боев в Сталинграде».

К тому времени 91 тысяча немецких солдат, в том числе 24 генерала, изможденные, обмороженные, а многие из них раненные, потрясенные и надломленные, плелись при 24-градусном морозе по льду и снегу, укутавшись в солдатские, пропитанные кровью одеяла, в унылые лагеря для военнопленных. За исключением 20 тысяч румын и 29 тысяч раненых, которых эвакуировали по воздуху, это было все, что осталось от армии завоевателей, которая еще два месяца назад насчитывала 285 тысяч человек. Остальные были убиты в ходе военных действий. А из 91 тысячи немцев, которые зашагали в плен в тот зимний день, только 5 тысячам суждено было вновь увидеть свой фатерланд...

*Ширер У. Взлет и падение
третьего рейха. М., 1991. С. 317–325*

Документ № 13

Из речи министра пропаганды Германии Й. Геббельса о тотальной войне, произнесенной в «Спортпаласте», 18 февраля 1943 г.

(...) Итак, вы, сидящие здесь передо мной, представляете в этот момент весь немецкий народ. И я хотел бы задать вам десять вопросов, на которые вы вместе со всем немецким народом должны дать мне ответ перед лицом всего мира, а особенно наших врагов, слушающих нас сейчас по радио.

Первый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял веру в победу. Я спрашиваю вас: верите ли вы вместе с фюрером и нами в конечную тотальную победу немецкого народа? Я спрашиваю вас: решили ли вы ради завоевания победы идти за фюрером в огонь и в воду даже при самом большом личном бремени?

Второй: англичане утверждают, что немецкий народ устал от войны. Я спрашиваю вас, готовы ли вы, будучи фалангой фюрера в тылу сражающегося вермахта, продолжать эту борьбу с ожесточенной решимостью и вести ее, несмотря на все превратности судьбы, до тех пор, пока победа не будет в наших руках?

Третий: англичане утверждают, что у немецкого народа нет больше охоты брать на себя всевозрастающий труд войны, которого от него требует правительство. Я спрашиваю вас: полны ли вы и немецкий народ

решимости, если фюрер приказывает это, ежедневно работать по десять, двенадцать, а если нужно, то и по четырнадцать часов и отдать для победы свои последние силы?

Четвертый: англичане утверждают, что немецкий народ сопротивляется тотальным военным мерам правительства. Будто он хочет не тотальной войны, а капитуляции. Я спрашиваю вас: хотите ли вы, тотальной войны? Хотите ли вы вести ее, даже если надо вести ее еще тотальнее и радикальнее, чем мы сегодня вообще можем себе представить?

Пятый: англичане утверждают, что немецкий народ потерял доверие к фюреру. Я спрашиваю вас: разве ваше доверие к фюреру сегодня не еще больше, не еще убежденнее, не еще непоколебимее, чем прежде? Разве ваша готовность следовать за ним, идти по его пути и делать все, чтобы довести войну до победного конца, не стала абсолютной и беспредельной?

Я спрашиваю вас, в-шестых: готовы ли вы отныне отдать все свои силы и дать Восточному фронту людей и оружие, которые нужны ему, чтобы нанести большевизму смертельный удар?

Я спрашиваю вас, в-седьмых: даете ли вы фронту священную клятву, что тыл с высоким моральным духом стоит за ним и даст ему все, в чем он нуждается, чтобы завоевать победу?

Я спрашиваю вас, в-восьмых: хотите ли вы, особенно женщины, чтобы правительство позаботилось о том, чтобы женщина смогла отдать для ведения войны все свои силы и всюду, где только можно, заменила мужчин, которые нужны фронту, тем самым высвободив мужчин для него?

Я спрашиваю вас, в-девятых: одобрите ли вы, если это понадобится, самые радикальные меры против небольшого круга дезертиров и спекулянтов, которые в разгар войны играют в мир и хотят использовать народную нужду в своекорыстных целях? Согласны ли вы с тем, что тот, кто провинится перед войной, должен за это лишиться головы?

Я спрашиваю вас, в-десятых и в завершение: хотите ли вы, чтобы, как того требует программа национал-социалистской партии, именно во время войны среди нас царили равные права и равные обязанности, чтобы тыл тоже солидарно принял на свои плечи тяжкое бремя войны и чтобы все — и те, кто стоит высоко или низко, и те, кто беден или богат, — поровну разделяли это бремя?

(После первых же вопросов д-ра Геббельса из уст нескольких тысяч присутствующих раздавалось единодушное «да», и каждый следующий вопрос вновь сотрясал стены «Спортпаласта», — Примеч. источника.)

Итак, я задал вам вопросы. Вы — дали мне свой ответ. Вы — часть народа, а значит, своими устами провозгласили позицию всех немцев. Своими возгласами вы высказали нашим врагам то, что они должны знать, дабы не предаваться иллюзиям и не создавать себе ложных представлений. Тем самым мы, как и с первого часа нашей власти все эти десять лет, пребываем в тесном и братском единстве с немецким народом. Самый могучий союзник, какой только есть на свете, сам народ, стоит за нами и полон решимости вместе с фюрером, не страшась самых тяжелых жертв, чего бы то ни стоило, добиться победы в борьбе (...)

Все мы, дети своего народа, сплотившиеся в этот величайший, судьбоносный час нашей национальной истории, клянемся всему народу, клянемся фюреру и фронту, что здесь, в тылу, мы хотим создать такой блок нашей воли, на который могут безусловно положиться и фюрер, и его сражающиеся солдаты. Мы обязуемся делать в нашей жизни и труде все, что нужно для победы. Мы хотим наполнить наши сердца той политической страстностью, которая всегда, во все времена борьбы партии и государства, пылала в нас, как негаснущий огонь. Мы никогда не хотели в этой войне впадать в объективистскую мечтательность, которая принесла германской нации в ее истории так много горя. Когда началась эта война, мы направили наши взоры только и исключительно на нацию. То, что служит ее борьбе за свои жизненные интересы, — хорошо, и должно сохраняться и поощряться. Мы хотим подходить к решению крупных проблем этого отрезка времени с горячим сердцем и холодной головой. Тем самым мы маршируем по пути, ведущему к конечной победе. А в основе всего лежит вера в фюрера. Вот почему я хочу в этот вечер еще раз раскрыть глаза всей нации на ее великий долг. Фюрер ждет от нас таких свершений, которые затмят все, что было до сих пор. Мы хотим быть на высоте его требований. Мы гордимся им, а он должен иметь возможность гордиться нами. Только в период больших кризисов и потрясений национальной жизни показывают себя на деле истинные мужчины, а также и истинные женщины. Тут уж никто не имеет права говорить о слабом поле, ибо оба пола доказывают свою одинаковую боевую решимость и душевную силу. Нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним. В этот час национального осмысления и внутреннего подъема мы еще вернее и нерушимее будем верить в победу. Мы видим победу в осязаемой близости, нам надо только протянуть руку и схватить ее. Мы должны найти в себе решимость поставить на службу ей абсолютно все. Таково веление времени. А потому наш лозунг: «Вставай, народ, да грядет буря!»

Якобсен Г.-А. Вторая мировая война // Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 195–197

Документ № 14

Из записи беседы министра иностранных дел Германии Риббентропа с итальянским статс-секретарем Бастианини о политическом и военном положении весной 1943 года, 8 апреля 1943г.

Со времени последней встречи [Гитлера и Муссолини] миновал год, за который произошло многое. Если попытаться дать общую картину, можно констатировать, что, несмотря на некоторые неудачи, без которых война никогда не обходится, сделан хороший шаг вперед. (...) Не предвещая суждений фюрера, он, [Риббентроп], может сообщить Бастианини следующие свои взгляды. Как уже сказано, Германия и Италия, несмотря на некоторые неудачи, которые, к сожалению, имели место зимой [1942/43 г.], сделали в уничтожении большевизма большой шаг вперед. В этом [1943] году Германия вскоре снова возьмется за большевиков и снова побьет их. Она не намерена глубоко вторгаться в необъятные русские просторы, а хочет уничтожить большевистские армии. Если русские все время будут подвергаться атакам, они постепенно окажутся во все более ухудшающемся положении (...)

Германия с самого начала вела войну именно так и никогда не ожидала, что русские сразу же будут сломлены. Она никогда не желала захватить всю Россию, а лишь намеревалась настолько уничтожить ее боевую силу и силу ее народа, чтобы для Германии больше никогда не могла возникнуть никакая опасность с Востока. Такой была цель войны против России, и она действительно такова. И цель эта определенно будет достигнута.

Имперский министр иностранных дел сослался на показания взятого в плен командующего [русской] резервной армией, который, по данным на август, назвал следующие цифры тотальных потерь: 11,3 миллиона пленных, убитых и искалеченных. Сегодня можно считать, что русские потеряли минимум 14 миллионов. Из 190 миллионов человек, проживавших в большевистской империи, 70 миллионов живут в занятых Германией областях. Остаются еще 120 миллионов. 14 миллионов уничтожены. Так как за военный потенциал любого населения принимается 10% общей его численности, из этих 120 миллионов в распоряжении России еще имеется 12 миллионов солдат. В общем и целом, сила русского народа после проведенных нами боев уже значительно ослаблена. Это показывает даже крупный русский удар через Дон, при котором русским, к сожалению, удалось совершить прорыв на участке союзников Германии, в результате чего 6-я армия была окружена в Сталинграде. Внезапное уменьшение русской пробивной силы за последние недели доказывает, что сила русского народа истощилась до предела.

Кстати, интересно: если раньше предполагали, что русские будут испытывать трудности с техникой и боеприпасами и при том иметь избыток людских резервов, то сейчас положение совершенно обратное: трудности с военными материалами незначительны, а вот боеспособных мужчин у них не хватает. На протяженном фронте борьбы от Финляндии до Черного моря русские ввели в бои 630 различных соединений. Дивизии и бригады насчитывают в среднем 4000–5000 человек без тыловых служб. Все указывает на большие трудности с рядовым составом. Если Германия будет наносить русским новые удары, они все дальше будут идти по пути к исчерпанию своих сил. Как далеко зайдет дело в этом году, он, [Риббентроп], естественно, сказать не может, поскольку это вопрос чисто военный. Однако к концу года будет снова разгромлена большая часть ныне существующих [русских] соединений. Если принять во внимание, что уже сейчас у русских призывают 15–16-летних, а на фронте встречаются и солдаты пожилых контингентов, вполне можно сказать: этот систематический разгром русской армии приведет к тому, что в один прекрасный день русские испустят дух.

В любом случае русская проблема может иметь только военное, а не неожиданное политическое решение. Вероятно, следствием решения военной проблемы явится политическое урегулирование. Но все это не может произойти до тех пор, пока не будет абсолютно точно установлено, что с русской стороны в военном отношении ничего случиться не может. Иначе любое решение будет не удовлетворяющим нас. Германия не может подпустить русских близко к своим границам, не подвергая себя опасности однажды подвергнуться авиационной бомбардировке. Кроме того, она нуждается в Украине. Да и Сталин не будет готов заключить мир.

Позитивное урегулирование русской проблемы должно заключить в себя защиту от любого внезапного нападения русских, обеспечение продовольственной базы и гарантию того, что через 6–8 месяцев не последует новое русское наступление. Главное в этой войне состоит в том, чтобы повторяющимися ударами уничтожить всю Красную Армию, однако при этом не вклиниваться глубоко в русское пространство. Уже сейчас, как говорилось выше, уничтожено 14 миллионов русских. Однажды плотность населения в России станет столь мала, что она больше не сможет представлять собой никакой угрозы. Тогда настанет тот момент,

когда можно будет перебросить на Запад и использовать там не 20, а 80–100 дивизий. Война будет выиграна в тот момент, когда Германия сможет обрушиться на оставшихся противников, которые уже больше не будут представлять собой никакой проблемы.<...>

Якобсен Г.-А. Вторая мировая война // Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 202–204

Документ № 75

Из записи беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с японским послом Осима, 6 марта и 18 апреля 1943 г.

6 марта 1943 г.

Посол Осима заявил, что он получил из Токио телеграмму, и по приказу правительства должен сообщить следующее германскому министру иностранных дел. Предложение германского правительства о нападении на Россию обсуждалось на совместном совещании японского правительства и имперской ставки. Вопрос был обсужден подробно и исчерпывающе. Результаты были следующие: японское правительство полностью понимает опасность, которая угрожает со стороны России, и полностью понимает желание своего германского союзника, чтобы Япония со своей стороны также вступила в войну против России. Однако, учитывая нынешнее военное положение, для японского правительства невозможно вступить в войну. Оно, наоборот, считает, что для общего интереса было бы лучше не начинать войны против России в настоящее время. С другой стороны, Япония никогда не будет игнорировать русский вопрос. Японское правительство намеревается вновь наступать в будущем на других фронтах.

Министр иностранных дел поднял вопрос после объявления посла о том, как в Токио предполагают продолжение войны. В настоящее время Германия ведет войну против общего врага — Англии и Америки — почти одна, в то время как Япония главным образом занимает оборонительные позиции. Однако было бы более правильным, если бы все они, объединенные пактом трех держав, объединили свои силы для поражения не только Англии и Америки, но также и России. Нехорошо, когда одна держава должна сражаться без помощи других. Нельзя перенапрягать силы Германии. Он взволнован тем, что некоторые круги в Токио считают и пропагандируют такие идеи, что Германия, несомненно, победит и что поэтому Япония должна еще более укрепиться перед тем, как предпринять новые усилия...

Затем министр иностранных дел снова поднял вопрос о нападении на Россию со стороны Японии и заявил, что в конце концов борьба в районе Бирмы и на юге представляет собой морское сражение и что на всех фронтах, за исключением Китая, занято очень небольшое количество сухопутных сил. Поэтому нападение на Россию представляет собой в основном дело армии, и он спрашивает, будет ли достаточное количество войск для этого...

18 апреля 1943 года.

(...) Министр иностранных дел затем вновь подчеркнул, что, несомненно, нынешний год представляет наиболее благоприятные возможности для Японии, если она себя чувствует в достаточной силе и имеет в своем распоряжении достаточное количество противотанкового оружия для нападения на Россию, которая, несомненно, никогда не будет так слаба, как в настоящий момент...

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов» Т. I. М., 1955. С. 412–413, 420–422

Документ № 15

Оперативный приказ ставки вермахта, 15 апреля 1943 г.

Оперативный приказ № 6

Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление «Цитадель» — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира.

Я приказываю:

1. *Цель наступления* — сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их.

В ходе этого наступления в целях экономии сил следует занять новый сокращенный фронт по линии Нежега — р. Короча — Скородное — Тим — восточнее Щигр — р. Сосна.

2. *Необходимо*

а) Широко использовать *момент внезапности* и держать противника в неведении прежде всего относительно времени начала наступления;

б) обеспечить *максимальное массирование ударных сил* на узком участке, чтобы, используя местное подавляющее превосходство во всех средствах наступления (танках, штурмовых орудиях, артиллерии, минометах и т. д.), одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и таким образом замкнуть кольцо окружения;

в) как можно быстрее перебросить *из глубины* силы для прикрытия флангов ударных группировок, чтобы последние смогли продвигаться только *вперед*:

г) своевременными ударами со всех направлений по *окруженному* противнику не давать ему передышки и ускорить его уничтожение;

д) осуществить наступление *в возможно быстром темпе*, чтобы противник не смог избежать окружения и подтянуть мощные резервы с других участков фронта;

е) путем быстрого *создания нового фронта* своевременно высвободить силы для выполнения последующих задач, в особенности подвижные соединения.

3. Группа армий «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород — Томаровка, прорывает фронт на рубеже Прилепы — Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией группы армий «Центр». Для обеспечения прикрытия наступления *с востока* как можно быстрее достичь рубежа Нежега — р. Короча — Скородное — Тим, однако при этом не допустить ослабления массирования сил на направлении Прилепы, Обоянь. Для прикрытия наступления с запада использовать часть сил, которым одновременно поставить задачу нанести удар по окружаемой группировке противника.

4. Группа армий «Центр» наносит массированный удар наступающей армией с рубежа Тросна — район севернее Малоархангельска, прорывает фронт на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, и соединяется с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. Для прикрытия наступающей группировки с востока необходимо в кратчайший срок достигнуть рубежа Тим — восточнее Щигр — р. Сосна, не допустив при этом ослабления сил на направлении главного удара. Для прикрытия наступающей группировки с запада использовать часть имеющихся сил.

Части группы армий «Центр», введенные в бой на участке западнее р. Тросна до разграничительной линии с группой армий «Юг», имеют задачу с началом наступления сковать противника путем проведения местных атак специально созданными ударными группами. И своевременно нанести удары по окружаемой группировке противника. Непрерывным наблюдением и воздушной разведкой обеспечить своевременное вскрытие отхода противника. В этом случае следует немедленно перейти в наступление по всему фронту.

5. *Сосредоточение сил обеих групп армий для наступления* осуществить в глубине, вдали от исходных позиций, чтобы, начиная с 28 апреля, на шестой день после отдачи приказа главным командованием сухопутных войск, они могли начать наступление. При этом следует принять все меры по маскировке, сохранению тайны и введению противника в заблуждение. Самым ранним сроком наступления является 3 мая.

Выдвижение на исходные позиции для наступления должно осуществляться *только ночью* при соблюдении всех правил маскировки.

6. *Для введения противника в заблуждение* продолжать в *полосе группы армий «Юг»* подготовку операции «Пантера». Подготовку надлежит усилить всеми средствами (демонстративные рекогносцировки, выдвижение танков, сосредоточение переправочных средств, радиопереговоры, действия агентуры, распространение слухов, применение авиации и т. д.) и проводить ее как можно дольше. Эти мероприятия по введению противника в заблуждение должны эффективно поддерживаться также соответствующими мероприятиями на фронте по р. Донец, необходимыми к тому же для усиления обороноспособности находящихся там войск... *В полосе группы армий «Центр»* не следует проводить в крупном масштабе мероприятия по введению противника в заблуждение, однако всеми средствами необходимо скрыть

от противника истинную картину обстановки (отвод войск в тыл и ложные переброски, передвижение транспорта в дневное время, распространение ложных сведений о сроках начала наступления лишь в июне и т. д.).

В обеих группах армий соединения, вновь прибывающие в состав ударных армий, должны соблюдать радиомолчание.

7. *В целях соблюдения тайны* в замысел операции должны быть посвящены только те лица, привлечение которых абсолютно необходимо...

Адольф Гитлер

КТВ ОКВ. Bd. III. Hb. II. S. 1425–1427

Документ № 17

Телеграмма командующего группой армий «Центр» о проведении операции «Цитадель», 18 июня 1943 г.

Отсутствие наступательных действий с нашей стороны предоставляет русским, судя по выявленной до сих пор группировке их сил, следующие возможности.

1. Проведение наступления в направлении на Харьков и южнее. Оперативной целью этого наступления может быть прорыв к Днепру, рассечение группы армий «Юг», на две части и уничтожение ее южной половины. Одновременно противник попытается отразить немецкий отвлекающий удар из Орловского выступа или сковать наступлением крупные немецкие силы, находящиеся в Орловском выступе. При этом достижение оперативной цели — Брянска — будет для него хотя и желательно, но вследствие недостатка в силах нереально. Я не верю, что русские смогут решить сразу две задачи — провести решительное наступление к Днепру и на Орловский выступ.

2. Кроме того, я не верю, что русские выступят лишь после начала десантной операции западных держав. Русское наступление будет согласовано по времени с этой операцией, хотя оно и может несколько не совпасть с ней. Однако последнее обстоятельство не имеет существенного значения. Я не думаю также, что русские будут ждать до зимы, так как в согласованном по времени наступлении англичан, американцев и русских заключается наибольшая сила планируемого удара противника и в то же время — наименьшая свобода действий для нас.

3. Следовательно, нам не избежать на Восточном фронте русского наступления. Так или иначе мы должны будем когда-нибудь покончить с ним. Для этого имеются три возможности:

а) чисто оборонительные действия на всем Восточном фронте. Они являются самой слабой формой борьбы и необходимы только в том случае, если нет никаких шансов на успех собственного наступления;

б) отражение русского наступления группой армий «Юг» и нанесение отвлекающего удара из Орловской дуги. При таком варианте имеется опасность, что вспомогательное наступление с севера не будет успешным из-за нехватки сил и потребует много времени, т. е. будет медленно развиваться и тем самым даст противнику возможность со своей стороны нанести отвлекающий удар в тыл этой наступающей группировке (на орловском направлении). Если принять это решение, то силы в Орловском выступе потребуются значительно пополнить за счет группы армий «Юг», так как тогда успех операции будет зависеть от удара из Орловского выступа, т. е. с севера;

в) проведение наступления по плану «Цитадель» группировкой сил, установленной приказом и в основном уже созданной. Это решение является, по моему мнению, наилучшим. Оно вынудит противника попасть под удар наших клещей. Само наступление будет развиваться быстро благодаря наличию крупных танковых сил в обеих группах армий. Имея большой размах, оно неизбежно вовлечет в свою орбиту основные силы всех русских войск, в том числе находящиеся севернее Орла. В случае удачи оно должно принести максимальный успех. Последнее является решающим. Предпосылками этого наступления являются:

а) возможность быстро начать его;

б) сосредоточение всех имеющихся в наличии танковых и воздушных сил;

в) создание людских и материальных резервов для ведения предстоящего сражения. Масштаб последнего будет определяться участием главных сил обеих сторон. Сражение будет длительным, исключительно тяжелым и потребует соответствующих жертв.

При отсутствии этих предпосылок о нашем наступлении, по моему мнению, не может быть и речи, так как самым ошибочным было бы проведение этого решающего сражения без достаточных сил. В этом случае

после его завершения может возникнуть опасность истощения сил, которые невозможно будет пополнить достаточными людскими и материальными резервами, как это было зимой 1941 г.

Следовательно, если это наступление нельзя предпринять и если невозможно или нежелательно перебросить крупные силы из группы армий «Юг» на Орловский выступ, чтобы войсками группы армий «Юг» встретить русское наступление, а силами, находящимися в районе Орла, нанести решительный отвлекающий удар с севера на юг, то тогда, я считаю, остается лишь одно — вести чисто оборонительные действия. Однако в этом случае совершенно нельзя выдвигать требование о проведении наступления, которое будет невыполнимым...

Чисто оборонительные действия, целью которых было бы удержание занимаемых в настоящее время позиций, приведут к немедленному распылению наших сил. Даже выдержав это оборонительное сражение, мы все равно, по-видимому, были бы вынуждены оставить Орловский выступ в целях экономии сил, что весьма нежелательно, так как Орловская область является особенно плодородной и ценной.

Отсюда можно сделать вывод: поскольку столкновение с главными русскими силами неизбежно, лучшим решением будет осуществление нашего наступления в соответствии с планом «Цитадель». Обязательным условием его проведения является использование максимального числа танков и сильная поддержка ВВС, а также пополнение войск личным составом и техникой, чтобы успешно завершить это исключительно тяжелое сражение.

Если русские, вопреки ожиданиям, не начнут наступления до зимы, то такое вполне возможное и приятное для нас развитие событий явилось бы новым основанием для начала нашего наступления теперь при условии удовлетворения указанных требований.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге²⁶

*«Совершенно секретно! Только для командования!»
Стратегия фашистской Германии в войне против СССР.
Сост. В. Дашичев. М., 1967. С. 507–509*

Документ № 18

Из воспоминаний А. Василевского о стратегическом планировании советским командованием Курской битвы, апрель–июнь 1943 г.

(...) Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению в районе Курского выступа с использованием в массовом масштабе новейшей танковой техники, а затем и установить время перехода противника в наступление.

Естественно, что в сложившихся условиях, когда был вполне очевиден предполагавшийся удар врага крупными силами, требовалось принять наиболее целесообразное решение. Советское командование оказалось перед сложной дилеммой: наступать или обороняться, и если обороняться, то как? Были внимательнейшим образом проанализированы все возможности, изучены все варианты.

Принять единственно правильное в той сложившейся обстановке новое стратегическое решение помогли нам коллективный разум и большой творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов — от командования фронтов до Верховного Главнокомандования.

Анализируя многочисленные разведывательные данные о характере предстоящих действий врага и о его подготовке к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка все больше склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. По этому вопросу, в частности, происходил неоднократный обмен мнениями между мною и заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуковым в конце марта — начале апреля. Наиболее конкретный разговор о планировании боевых действий на ближайшее время состоялся у нас по телефону 7 апреля, когда я находился в Москве, в Генеральном штабе, а Г. К. Жуков — на Курском выступе, в войсках Воронежского фронта. А уже 8 апреля за подписью Г. К. Жукова был направлен Верховному Главнокомандующему доклад с оценкой обстановки и соображениями о плане действий в районе Курского выступа, в котором отмечалось: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей

²⁶ Клюге Х.Г. (1882–1944), генерал-фельдмаршал немецкой армии (1940). С 1939 г. командующий 4-й армией. С дек. 1941 г. — командующий группой армий «Центр». С ноября 1943 г. в резерве. В июле-авг 1944 г. главнокомандующий войсками Запада. Был связан с участниками заговора против Гитлера (1944). Покончил жизнь самоубийством.

обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Мне пришлось быть у И. В. Сталина, когда он получил доклад Г. К. Жукова. Я хорошо помню, как Верховный Главнокомандующий, не высказав своего мнения, сказал: «Надо посоветоваться с командующими фронтами». Дав Генеральному штабу распоряжение запросить мнение фронтов и обязав подготовить специальное совещание в Ставке по обсуждению плана летней кампании, в частности действий фронтов на Курской дуге, он сам позвонил Н. Ф. Ватулину и К. К. Рокоссовскому и просил к 12 апреля представить свои соображения по действиям фронтов.

До начала совещания в Ставке Генеральным штабом были подготовлены карта обстановки и карта-план действий фронтов в районе Курского выступа. В установленный срок поступили донесения с фронтов, в которых давалась оценка возможных действий врага под Курском и высказывались соображения по плану действий своих войск.

На состоявшемся вечером 12 апреля совещании в Ставке, на котором присутствовали И. В. Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г. К. Жуков, начальник Генерального штаба А. М. Василевский и его заместитель А. И. Антонов, было принято предварительное решение на преднамеренную оборону. Тщательный анализ обстановки и предвидение развития событий позволили сделать правильный вывод, что главные усилия надо сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь врага в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить его разгром. В дальнейшем имелось в виду развернуть общее наступление наших войск, нанося главный удар в направлении Харькова, Полтавы, Киева. Нельзя не сказать и о том, что на совещании был предусмотрен и другой вариант — переход советских войск к активным действиям в случае, если вражеское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время, а оттянет его на длительный срок.

После принятия предварительного решения на преднамеренную оборону и на последующий переход в контрнаступление развернулась всесторонняя и тщательная подготовка к предстоящим действиям. Одновременно продолжалась разведка действий противника. Советскому командованию стали точно известны сроки начала вражеского наступления, которые трижды переносились Гитлером. В конце мая — начале июня 1943 г., когда вполне вырисовывался план врага нанести по Воронежскому и Центральному фронтам сильный танковый удар с использованием для этой цели крупных группировок, оснащенных новой боевой техникой, было принято окончательное решение на преднамеренную оборону.

Говоря о плане Курской битвы, хотелось бы подчеркнуть два момента. Во-первых, что этот план — центральная часть стратегического плана всей летне-осенней кампании 1943 г. и, во-вторых, что решающую роль в разработке этого плана сыграли высшие органы стратегического руководства, а не другие командные инстанции (...)

Василевский А. М. Стратегическое планирование Курской битвы // Курская битва. М.: Наука, 1970. С. 66–83

Документ № 19

Приказ Гитлера о поднятии боеспособности пехоты, 22 июня 1943 г.

В последнее время на отдельных участках Восточного фронта наступательные и контрнаступательные действия проводятся не столь успешно, как ранее. Также в ходе оборонительных боев некоторые батальоны оставили те позиции, которые обороняли уже в течение длительного времени. В качестве оправдания утверждают: «Пехота стала не такой, как была прежде». С этими упадническими настроениями не должен смиряться военачальник.

Немецкий пехотинец, как и прежде, во всем превосходит русского, и так будет всегда. Он более стоек, чем славянин.

Тем не менее на четвертый год войны по само собой разумеющимся причинам именно в пехоте, которая несет наиболее тяжелые жертвы и теряет своих лучших людей, проявляются известные недостатки в подготовке, резервах, деловых качествах младших командиров, затрудняется пополнение их рядов за счет молодежи. Устранение этих недостатков — обязанность военачальников всех степеней. Они обязаны предпринимать для этого надлежащие меры, систематически уделять внимание нижестоящим командирам, усилить свое личное участие в боевых действиях.

Эти недостатки в гораздо большей мере присущи пехоте врага, которую мы превосходим с самого начала и которая понесла несравнимо большие потери. Это должен знать каждый солдат и каждый офицер.

Все военнослужащие должны также знать, что враг не может устранить большинство таких недостатков, восполнить имеющиеся пробелы, в то время как мы можем это сделать.

Я лично давно уже распорядился, чтобы для пехоты было изготовлено лучшее оружие и в гораздо больших количествах, это вскоре в полной мере даст знать о себе.

Кроме того, по моему указанию осуществляются следующие мероприятия (они детализируются в особых приказах, которые уже отданы или будут отданы)...

Адольф Гитлер

Верно: граф Кильманзег, подполковник службы генерального штаба

Klink E. Das Gesetz des Handelns: Die Operation «Zitadelle». 1943. Stuttgart, 1966. S. 292–293

Документ № 20

Обращение Фюрера к немецким солдатам накануне операции «Цитадель», 5 июля 1943 г.

Солдаты!

Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом.

С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепится убеждение о тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам. Кроме того, новое жестокое поражение русских еще более поколеблет веру в возможность успеха большевизма, уже пошатнувшуюся во многих соединениях Советских Вооруженных Сил. Точно так же, как и в последней большой войне, вера в победу у них, несмотря ни на что, исчезнет.

Русские добивались того или иного успеха в первую очередь с помощью своих танков.

Мои солдаты! Теперь, наконец, у вас лучшие танки, чем у русских.

Их, казалось бы, неистощимые людские массы так поредели в двухлетней борьбе, что они вынуждены призывать самых юных и стариков. Наша пехота, как всегда, в такой же мере превосходит русскую, как наша артиллерия, наши истребители танков, наши танкисты, наши саперы и, конечно, наша авиация.

Могучий удар, который настигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания.

И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все.

Я как солдат ясно понимаю, чего требую от вас. В конечном счете мы добьемся победы, каким бы жестоким и тяжелым ни был тот или иной отдельный бой.

Немецкая родина — ваши жены, дочери и сыновья, самоотверженно сплотившись, встречают вражеские воздушные удары и при этом неутомимо трудятся во имя победы; они взирают с горячей надеждой на вас, мои солдаты.

Адольф Гитлер

Этот приказ подлежит уничтожению в штабах дивизий.

Klink E. Das Gesetz des Handelns: Die Operation «Zitadelle». 1943. Stuttgart, 1966. S. 295

Документ № 21

Доклад представителя ставки ВГК маршала А. Василевского Верховному Главнокомандующему о боевых действиях в районе Прохоровки, 14 июля 1943 г.

Согласно Вашим личным указаниям, с вечера 9 июля 1943 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова²⁷ и Жадова²⁸ на прохоровском и южном направлениях. До сегодняшнего дня включительно противник продолжает на фронте Жадова и Ротмистрова массовые танковые атаки и контратаки против наступающих

²⁷ Ротмистров П. А. (1901–1982), Гл. маршал бронетанковых войск (1962). В ходе войны, с февр. 1943 г. — командующий 5-й гв. танковой армией. С авг. 1944 г. — командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии.

²⁸ Жадов А. С. (1901–1977). Генерал армии (1955). С окт. 1942 по май 1945 командующий 66-й (с апреля 1943–5-я гв.) армией.

наших танковых частей. Ликвидация прорыва армии Крюченкина²⁹, создавшая 11 июля серьезную угрозу тылам главных сил армии Ротмистрова и корпусу Жадова, потребовала выделения двух мехбригад из 5-го гв. механизированного корпуса и отдельных частей Ротмистрова в район Шахово, Авдеевка, Александровская. Ликвидация же прорыва армии Жадова в районах Веселый, Васильевка, Петровка 12 июля 1943 г. вынудила бросить туда остальные части 5-го гв. механизированного корпуса. То и другое в значительной мере ослабило силы основного удара Ротмистрова со стороны Прохоровки в юго-западном направлении. По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных, делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери, как в людских силах, так и особенно в танках и авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танками противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками.

В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратно и временно вышедшими из строя 60% и 18-й корпус — до 30% танков. Потери в 5-м гв. механизированном корпусе незначительны. Назавтра угроза прорыва танков противника с юга в район Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести сюда весь 5-й гв. механизированный корпус, 32-ю мотобригаду и четыре полка иптап. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14 июня главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена ограниченная задача — разгромить противника в районе Сторожеево, севернее Сторожеево, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грязное, Ясная Поляна и там более прочно обеспечить прохоровское направление.

Не исключена здесь и завтра возможность встречного танкового сражения. Всего против Воронежского фронта продолжают действовать не менее одиннадцати танковых дивизий, систематически пополняемых танками. Опрошенные сегодня пленные показали, что 19-я танковая дивизия на сегодня имеет в строю около 70 танков, дивизия «Рейх» — до 100 танков, хотя последняя после 5 июля 1943 г. уже дважды пополнялась. Донесение задержал в связи с поздним прибытием с фронта.

2 часа 47 мин. 14 июля 1943 г. Из 5-й гвардейской танковой армии.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 447

Документ № 24

Приказ ставки вермахта об отходе с Кубанского плацдарма и обороне Крыма, 4 сентября 1943 г.

Чтобы высвободить соединения для решения других задач, я решил сдать Кубанский плацдарм и отвести 17-ю армию через Керченский пролив в Крым.

Подготовка и проведение отхода, осуществление работ по разрушению и ускоренное строительство оборонительных сооружений в Крыму возлагаются на командующего группой армий «А». Его приказы обязательны для всех инстанций, в том числе инстанций несухопутных войск, находящихся на Кубанском плацдарме и на Керченском полуострове.

Для осуществления отхода, проведения работ по разрушению и по строительству оборонительных сооружений в Крыму следует создать специальные штабы, в которые включить также представителей от военно-воздушных и военно-морских сил, организации Тотта и др.

Осуществление всех этих мероприятий должно быть закончено до наступления распутицы. Их надо по возможности дольше скрывать от противника.

Особое внимание я обращаю на следующее.

1. Проведение отхода

- а) В руки противника не должно попасть никакое вооружение, запасы и имущество.
- б) Все военные и хозяйственные запасы, оружие и имущество должны быть планомерно эвакуированы.
- в) Все гражданские лица должны быть переправлены в Крым.
- г) Все прочее сельскохозяйственное имущество, как повозки, тара всех видов, а также скот и пр., перевезти в Крым.

²⁹ Крюченкин В. Д. (1894–1976), генерал-лейтенант (1943). Командующий 69-й (с марта 1943) и 33-й (апрель-июль 1944) армиями. В 1945 г. — зам. ком. 61-й армией и зам. ком. Войсками 1-го Белорусского фронта.

2. Проведение разрушений при отходе

- а) Все сооружения, жилые здания, дороги, постройки, плотины и пр., что противник может использовать в своих интересах, должны быть разрушены на длительное время.
- б) Все железные дороги, в том числе полевые, должны быть демонтированы или полностью разрушены.
- в) Все бревенчатые покрытия дорог привести в негодность или убрать.
- г) Все находящиеся на Кубанском плацдарме сооружения для добычи нефти должны быть полностью уничтожены.
- д) Порт Новороссийск следует так разрушить и заминировать, чтобы русский флот длительное время не мог пользоваться им.
- е) К мероприятиям по разрушениям относится также установка в широких масштабах мин, в том числе замедленного действия, и др.
- ж) Противнику должна достаться на длительное время полностью не пригодная для использования и жилья пустыня, где на протяжении месяцев будут взрываться мины.

3) Оборона Крыма

- а) Все высвобождающиеся строительные силы и весь строительный материал централизованно использовать таким образом, чтобы в первую очередь были обеспечены наиболее угрожаемые участки (Керченский полуостров, Феодосия, Судак и т. д.). Это следует проводить максимально быстрыми темпами.
- б) Сначала необходимо возводить в Крыму оборонительные сооружения полевого типа, а затем по возможности быстрее перейти к строительству оборонительных сооружений крепостного типа.
- в) Обеспечить беспощадное — без какой-либо ложной мягкости — привлечение гражданского населения к выполнению этой задачи, ускоренное его использование и формирование из него строительных батальонов (в том числе женских строительных батальонов).
- г) Оборона Крыма должна быть организована непременно так, чтобы ни в коем случае не допустить прохода русских кораблей через Керченский пролив в Азовское море. Поэтому следует своевременно произвести необходимое блокирование и минирование этого пролива, а также поставить его под обстрел достаточных сил артиллерии.

Группе армий «А» к 10 сентября доложить свои соображения и расчет времени для отвода войск и проведения разрушений, а также для организации обороны Крыма, имея в виду, что из ее состава будут выведены три-четыре немецкие дивизии.

Адольф Гитлер

Верно: граф Кильманзег *Дополнение:* Кодовое наименование отвода войск с Кубанского плацдарма «Маневр Кримхильда».

КТВ ОКВ. Bd. II. Hb. II. S. 1455–1456

Документ № 26

Директива ставки ВГК военным советам фронтов и армий о порядке награждения при форсировании водных преград, 9 сентября 1943 г.

В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придется преодолевать много водных преград. Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных, подобных реке Десна и реке Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск.

В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командир названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как река Десна в районе Богданове (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять к наградам:

1. Командующих армиями — к ордену Суворова 1-й степени.
2. Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова 2-й степени.
3. Командиров полков, командиров инженерных, саперных и понтонных батальонов — к ордену Суворова 3-й степени.

За форсирование такой реки, как река Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования, названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военным советам фронтов и армий в течение суток, с момента получения настоящей директивы, ознакомиться с ней командиров соединений и частей, названных в настоящей директиве.

Ставка Верховного Главнокомандования И. Сталин
Антонов

*Великая Отечественная война.
Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 451–452*

Документ № 27

Стратегическое положение Германии к началу пятого года войны (тезисы доклада начальника штаба оперативного руководства А. Йодля, прочитанного перед рейхслейтерами и гаулейтерами в Мюнхене, 7 ноября 1943 г.) (извлечения)

Рейхслейтер Борман³⁰ просил меня сделать сегодня перед вами обзор стратегического положения к началу пятого года войны...

Из конца в конец по стране шествует призрак разложения. Все малодушные ищут выхода, или, как они его называют, политического решения. Они говорят, что надо начать переговоры, пока еще не все потеряно. Вооружившись подобного рода фразами, они идут на приступ, пытаясь сломить глубокую естественную убежденность народа в том, что эта война есть борьба до последнего. Капитуляция — это конец нации, конец Германии. Против этой волны вражеской пропаганды и трусости вам нужна не только одна сила...

Исход этой войны решается не только силой оружия, но и волей народа к сопротивлению. Германия потерпела в 1918 г. крах не на фронте, а в тылу. Трусость этих преступников-предателей принесла народу не желанный мир, а ввергла его в положение, в тысячу раз более тяжелое, чем то, в котором оказался бы итальянский народ, если бы он продолжал войну на нашей стороне. Позвольте мне, выразить уверенность в том, что те конкретные цифры и данные, которые я буду приводить относительно наших сил, вы будете рассматривать как доверенную вам государственную тайну..

Теперь я хотел бы коротко охарактеризовать отдельные театры войны.

Финляндия

Финский фронт — это северный опорный пункт европейской оборонительной системы. Это самое северное крыло Восточного фронта и одновременно тыловое прикрытие норвежского фронта.

Общая протяженность фронта около 1400 км (т. е. ½ общей протяженности Восточного фронта). Оборона организована на основе опорных пунктов...

Военная экономика. Важное значение имеют никелевые рудники Колосьеки в районе Петсамо (32 процента общей европейской добычи)

Общее количество населения — 3,8 миллиона.

Возможности для ведения операций: вследствие отсутствия дорог ведение крупных операций не представляется возможным. Отсутствуют коммуникации, обладающие большой пропускной способностью... Напротив русские располагают Мурманской железной дорогой, обладающей большой пропускной способностью.

Тем не менее вследствие большой протяженности фронта здесь скованы крупные немецкие силы (20-я горно-стрелковая армия — 176 800 человек). Это очень хороший личный состав, привыкший к природным условиям страны. Наши дивизии обладают высокой боеспособностью, они полностью вооружены техническими средствами, обучены как кадровые дивизии мирного времени и имеют хороший офицерские кадры...

---

³⁰ Борман М. (1900–1945). Один из главных нацистских военных преступников. С мая 1941 г. шеф «партийной канцелярии». С апреля 1943 г. — личный секретарь Гитлера, его доверенное лицо. По данным ряда свидетелей погиб в Берлине в мае 1945 г. Тело не найдено. Заочно осужден Нюрнбергским трибуналом к смертной казни.

Норвегия

Прикрывает северо-западный фланг Европы. Общая протяженность фронта 2500 км (примерно соответствует протяженности Восточного фронта). Местами оборона построена лишь в виде опорных пунктов, некоторые острова не заняты войсками...

Внутри страны можно вести операции лишь ограниченными силами...

Число наших войск, находящихся в Норвегии, составляет 380 тыс. человек. Основные силы из имеющихся там 13 дивизий занимают оборону на побережье, часть их занимает укрепленные районы.

Дания

Это ключевая позиция у входа в Балтийское море. Если бы противник владел ею, то он имел бы возможность вести крупные операции как в направлении Скандинавии, так и в направлении Германии и влиять на события в районе Балтийского моря...

Численность действующих здесь соединений всех видов вооруженных сил составляет 106 500 человек.

Запад

1) Местность: общая протяженность фронта по побережью Атлантического океана и Ла-Манша составляет 2100 км, протяженность фронта по побережью Средиземного моря — 500 км. В отличие от побережья Норвегии здесь, за небольшим исключением, имеются хорошие условия для высадки морских десантов с помощью современных технических средств...

Наши возможности:

данная обстановка вынуждает нас принять меры, позволяющие разгромить противника, прежде чем он достигнет побережья. Поэтому на протяжении ряда лет ведется строительство Атлантического вала. Однако невозможно на всем 2600-километровом фронте по побережью повсюду создать глубоко эшелонированную систему укреплений, хотя число оборонительных сооружений и количество имеющегося в них вооружения превосходят все, с чем мы сталкивались до сих пор, включая Западный вал и линию Мажино... Войска занимают 8500 (8449) долговременных оборонительных сооружений. Всего здесь было уложено в сооружения свыше 5,3 млн. куб. м бетона.

Общая численность действующих на Западе войск составляет 1370 тыс. человек.

Италия

... Существенное влияние на боевые действия в Италии оказывает превосходство противника на суше, в воздухе и на море. Оно позволяет ему методически продвигаться вперед, не идя на риск, при этом продвижение войск поддерживается мелкими и крупными десантами, непрерывно высаживающимися в непосредственном тылу наших войск. Особую активность проявляет артиллерия противника.

Абсолютное господство противника в воздухе. Наряду с непосредственным тяжелым воздействием на войска авиация непрерывно нарушает работу транспорта в тылу, в частности железнодорожные перевозки. Авиация действует против глубоких тылов, затрудняя перевозки войск и подвоз снабжения...

В частях всех видов вооруженных сил, включая вольнонаемный состав, на довольствии находится немногим более 400 тыс. человек. Нам удалось значительно задержать продвижение противника, при этом с момента эвакуации островов мы понесли незначительные потери в людях и технике. Однако пока невозможно вырвать инициативу из рук противника, так как он имеет возможность почти в неограниченных размерах снабжать и пополнять свои войска...

Юго-Восток

... Удержание Балкан в качестве составной части крепости «Европа» имеет с оперативной, военно-политической и экономической точки зрения решающее значение.

На Балканы приходится 50 процентов общей европейской добычи нефти...

На оккупированной нами территории Балкан происходит малая война. Она ведется против иногда хорошо вооруженных, поддерживаемых англосаксами банд общей численностью около 140–150 тыс. человек. Все банды борются против немцев, однако между ними нет единства... Для отражения нападения англосаксов и для борьбы против банд в настоящее время мы располагаем войсками численностью 612 тыс. человек.

Восток

Протяженность фронта 2100 км (расстояние от государственной границы до Москвы 900 км, до Урала 2300 км). Местность на севере равнинная, болота и леса, на юге — сильно пересеченная (степные овраги). Имеющиеся в распоряжении силы вследствие большой протяженности фронта не позволяют нам создать сплошной системы оборонительных позиций и заставляют нас строить оборону в виде опорных пунктов и вести маневренные боевые действия, причем приходится мириться с тем, что зачастую фланги и тыл находятся под угрозой. Поэтому наша оборона очень неплотная и возможности для сосредоточения крупных сил на главных направлениях очень ограничены. Противник же всегда имеет местное численное превосходство в силах.

Русская пехота, несмотря на заметное улучшение боевой подготовки, продолжает утрачивать свою боеспособность, однако наряду с этим резко улучшается вооружение войск (автоматическое и тяжелое пехотное оружие). Усиленными темпами воссоздается русская артиллерия...

Создаются оперативные танковые объединения для выполнения широких задач (прорыв в глубину, охват и уничтожение противника). Массированное применение танков. В большом числе формируются специальные части (танковые полки, минометные полки).

Саботаж на железных дорогах: в июле было 1560 случаев подрыва железнодорожного полотна, в августе — 2121 случай, в сентябре — 2 тыс. случаев. Все они очень отрицательно сказались на ведении операций и на эвакуации.

Война против партизан. Их цель — нарушение подвоза снабжения войск, затруднение землепользования, организация вооруженного народного восстания, воссоздание партийных организаций на оккупированных территориях.

Несмотря на большие людские потери, введение строжайших положений определения годности к военной службе и ограничения во всех областях позволили увеличить общую численность Красной Армии. Кроме того, формируются запасные части и создаются оперативные зимние резервы...

Наши силы, действующие на Востоке: 200 немецких, 10 румынских, шесть венгерских дивизий — общей численностью 4183 тыс. человек.

Как распределены силы и средства наших противников в настоящее время? Каковы их стратегические и оперативные замыслы?

...Некоторое время можно было предполагать, что противник перенесет свои основные усилия на Дальний Восток. Это предположение не оправдалось. Основные силы боеспособных англо-американских соединений, без сомнения, находятся в районе Средиземного моря. Вследствие этого там в любом случае следует ожидать продолжения операций. Неясно лишь одно: в каком направлении и в каких размерах будут вестись эти операции... Переброска новых крупных сил в район Средиземного моря не ожидается...

Из нейтральных государств нас не любят Швеция и Швейцария. Последняя окружена, и с военной точки зрения она не представляет собой для нас опасности... Она живет с нашей помощью, и мы получаем от нее выгоду...

В случае успешной высадки десанта противника в Норвегии или Дании Швеция может стать опасной, в остальном она не опасна.

Испания и Португалия решили соблюдать нейтралитет. Они не располагают силами, чтобы оказать сопротивление Англии или Америке. Таким образом, от воли наших западных противников зависит, в какой мере они признают этот нейтралитет...

Турция до сих пор проводила политику нейтралитета. Для нее было бы идеальным, если бы Англия и Германия договорились друг с другом. Это надежно гарантировало бы ее от традиционного врага — России. Но чем ближе советские войска приближаются к Балканам и чем больше становится очевидным, что Англия во имя достижения победы все больше и больше входит в фарватер политики большевиков, тем более осложняется положение Турции, так как она не может сохранять нейтралитет одновременно по отношению к Советской России и Англии. Внезапное выступление Турции против держав оси маловероятно...

В том, что в Финляндии и Болгарии внутреннее положение надежно, не может быть сомнения.

В Румынии существуют два мира: энергичная, верная союзническому долгу политика затрудняется двойной политической ориентацией. В этом нужно отдавать себе отчет.

В Венгрии, являющейся феодальным государством старого типа, социальные противоречия обострены еще больше. Поэтому эта страна особенно восприимчива к коммунистическим идеям. Но, кажется, из всех городов Европы меньше всего это осознали в Будапеште. Там живет и пляшет на вулкане разложившаяся, сильно засоренная еврейскими элементами общественная прослойка. Однако в отличие от Италии там осознало эту опасность по крайней мере большинство офицерского состава. Какого-либо политического выхода для Венгрии пока нет.

Япония. Там героический народ ведет решительную борьбу за свое существование точно так же, как и мы. С точки зрения политики и стратегии на Дальнем Востоке в ясном и четком начертании фронтов зияет брешь. Рузвельт и Черчилль хотят, чтобы Россия приняла участие в борьбе против Японии. С чисто военной точки зрения мы приветствовали бы, если бы маньчжурские армии двинулись через Амур или на Владивосток. Но в этой части оба азиатских государства затыкают уши и не слушают манящего пения сирен, раздающегося с Запада. Причина этого заключается не только в дополнительном военном бремени, которое в результате пришлось бы взять на себя обоим государствам, а, очевидно, также и в соображениях политического порядка. Действительно, зачем Японии начинать войну против России, пока ясно, что во Владивостоке не может появиться американо-английская военно-воздушная база и когда на далеких горизонтах начинает вырисовываться конфликт между западными державами и Советской Россией (...)

А. Йодль

«Совершенно секретно! Только для командования!»

Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Сост. В. Дашичев. М., 1967. С. 530–547

Документ № 29

Приказы Верховного Главнокомандующего И. Сталина генералу армии Говорову, маршалу Коневу, маршалу Жукову, генералу армии Толбухину с объявлением благодарности подчиненным им войскам, успешно продвигающимся на запад (январь–май 1944 г.)

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ГОВОРОВУ, 19 января 1944 г.

Войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление из районов Пулково и южнее Ораниенбаума, прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную, долговременную оборону немцев и за пять дней напряженных боев продвинулись вперед на каждом направлении от 12 до 20 километров и расширили прорыв на каждом участке наступления до 35–40 километров по фронту.

В результате произведенного прорыва войска фронта 19 января штурмом овладели городом Красное Село, превращенным немцами в крепость, и таким же мощным опорным пунктом обороны противника и важным узлом дорог — Ропша.

В ходе наступления нашими войсками нанесено тяжелое поражение семи пехотным дивизиям немцев и захвачена большая группа вражеской тяжелой артиллерии, систематически обстреливавшей город Ленинград.

При прорыве обороны немцев и в боях за Красное Село и Ропшу отличились войска генерал-полковника Масленникова, генерал-лейтенанта Федюнинского, генерал-майора Симоняка, генерал-майора Андреева, генерал-майора Фадеева, полковника Романенко, артиллеристы генерал-майора артиллерии Михалкина, генерал-майора артиллерии Чарнявского, танкисты полковника Жукова и летчики маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Рыбальченко и генерал-лейтенанта авиации Самохина.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся в боях соединениям и частям присвоить наименования «Красносельских» и «Ропшинских» и представить их к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим оборону немцев и овладевшим городом Красное Село и Ропшей, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, осуществившим прорыв и участвовавшим в боях за город Красное Село и Ропшу.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин

19 января 1944 года.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА КОНЕВУ, 26 марта 1944 г.

Войска 2-го Украинского фронта, продолжая стремительное наступление, несколько дней назад форсировали реку Днестр на участке протяжением 175 километров, овладели городом и важным железнодорожным узлом Бельцы и, развивая наступление, вышли на нашу государственную границу — реку Прут — на фронте протяжением в 85 километров.

В боях за форсирование Днестра, овладение городом и железнодорожным узлом Бельцы и за выход на государственную границу отличились войска генерал-лейтенанта Коротева, генерал-лейтенанта Трофименко, генерал-лейтенанта Жмаченко, генерал-лейтенанта Манагарова, генерал-лейтенанта Галанина, танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Богданова, маршала бронетанковых войск Ротмистрова, генерал-лейтенанта танковых войск Кравченко, артиллеристы генерал-лейтенанта артиллерии Фомина, летчики генерал-полковника авиации Горюнова и саперы полковника Глезера, полковника Поннмаша, полковника Малова, полковника Петрова.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся при форсировании Днестра, взятии Бельц и выходе на государственную границу, представить к присвоению наименования «Днестровских» и к награждению орденами.

Сегодня, 26 марта, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го Украинского фронта, форсировавшим реку Днестр и вышедшим на нашу государственную границу, двадцатью четыремя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях при форсировании Днестра, овладении Бельцами и выходе на государственную границу.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин

26 марта 1994 года.

**ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЖУКОВУ³¹, 8 апреля 1944 г.**

Войска 1-го Украинского фронта, нанеся поражение противнику в предгорьях Карпат, вышли на нашу государственную границу с Чехословакией и Румынией на фронте протяжением до 200 километров. Преследуя отходящего противника, войска фронта овладели городом Серет и заняли свыше 30 других населенных пунктов на территории Румынии.

В боях за выход на нашу юго-западную государственную границу отличились войска генерал-лейтенанта танковых войск Катукова, генерал-майора Замерцева, генерал-майора Прохорова, генерал-майора Замировского, полковника Лемантовича; танкисты генерал-лейтенанта танковых войск Гетмана, генерал-майора Дремова, подполковника Бойко; артиллеристы полковника Вишневого, полковника Разумовского; летчики генерал-майора авиации Галунова и саперы полковника Соколова, майора Темкина, майора Яковлева.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившихся в боях за разгром противника в предгорьях Карпат и за выход на нашу юго-западную государственную границу, представить к присвоению наименования «Прикарпатских» и к награждению орденами.

Сегодня, 8 апреля, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, вышедшим на нашу юго-западную государственную границу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за выход на нашу юго-западную государственную границу.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин

8 апреля 1944 года.

**ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО МАРШАЛУ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВАСИЛЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛУ АРМИИ ТОЛБУХИНУ, 10 мая 1944 г.**

Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии в результате трехдневных наступательных боев прорвали укрепленную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море городом Севастополь.

Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

В боях за Севастополь отличились войска генерал-лейтенанта Захарова, генерал-лейтенанта Крейзера, генерал-лейтенанта Мельника, генерал-лейтенанта Чанчибадзе, генерал-лейтенанта Коломийца, генерал-майора Ловягина, генерал-лейтенанта Миссана, генерал-майора Неверова, генерал-майора Кошевого, генерал-майора Провалова, генерал-майора Лучинского, генерал-майора Рождественского; артиллеристы генерал-полковника артиллерии Красноповцева, генерал-майора артиллерии Стрельбицкого, генерал-майора артиллерии Телегина, генерал-майора артиллерии Сокольского, генерал-майора артиллерии Тверецкого, полковника Кобзева, полковника Фролова, танкисты полковника Поцелуева, полковника Барабаша, полковника Жидкова; летчики маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Хрюкина, генерал-майора авиации Савицкого, генерал-майора авиации Филина, генерал-лейтенанта авиации Ермаченкова, генерал-майора авиации Федорова, генерал-майора авиации Рубанова, генерал-майора авиации Кузнецова, генерал-лейтенанта авиации Туликова, генерал-лейтенанта авиации Логинова, генерал-майора авиации Волкова, генерал-майора авиации Счетчикова, полковника Пруткова, полковника Гетьмана, полковника Чучева, полковника Гейбо, полковника Волкова, [полковника] Канарева, [полковника] Корзунова, подполковника Манжосова, подполковника Рождественского, [полковника] Любимова; моряки адмирала Октябрьского, контр-адмирала Болтунова, капитана 1-го ранга Филиппова, капитана 1-го ранга Соловьева, капитана 2-го ранга Проценко, капитана 2-го ранга Дьяченко; саперы генерал-майора инженерных войск Колесникова, полковника Павлова, полковника Корявко и связисты генерал-лейтенанта войск связи Королева.

³¹ Жуков Г.К. командовал войсками 1-го Украинского фронта с марта по май 1944 г.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Севастополя, представить к присвоению наименования «Севастопольских» и к награждению орденами.

Сегодня, 10 мая, в 1 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 4-го Украинского фронта, овладевшим городом Севастополь, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Севастополя.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин

10 мая 1944 года.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 454–456

Из воспоминаний К. Рокоссовского о подготовке и проведении советским командованием операции «Багратион», май–июнь 1944 г.

(...) По замыслу Ставки главные действия в летней кампании 1944 года должны были развернуться в Белоруссии. Для проведения этой операции привлекались войска четырех фронтов (1-й Прибалтийский — командующий И. Х. Баграмян; 3-й Белорусский — командующий И. Д. Черняховский; наш правый сосед 2-й Белорусский фронт — командующий И. Е. Петров, и, наконец 1-й Белорусский). Ставка сочла возможным ознакомить командующих фронтами с запланированной стратегической операцией в ее полном масштабе. И это было правильно. Зная общий замысел, командующий фронтом имел возможность глубже уяснить задачу своих войск и шире проявить инициативу.

До перехода в наступление этой группы фронтов предполагалось провести последовательно операции, вытекающие одна из другой: сначала Ленинградским фронтом, затем Карельским, потом основную Белорусскую операцию и, наконец, операцию 1-го Украинского фронта. /.../

Мы готовились к боям тщательно. Составлению плана предшествовала большая работа на местности. В особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Изучение местности и состояния вражеской обороны убедило меня в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков: один — силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева на Бобруйск, Осиповичи, другой — силами 65-й и 28-й армии из района ниже течения Березины, Озаричи в общем направлении на Слуцк. Причем оба удара должны быть главными. Это шло вразрез с установившимся взглядом, согласно которому при наступлении наносится один главный удар, для чего и сосредотачиваются основные силы и средства. Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья другого выхода, а вернее сказать — другого пути к успеху операции у нас не было. /.../

Окончательно план операции отработывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили.

— Настойчивость командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Почему я так настойчиво защищал решение о двух ударах? Дело в том, что местность на направлении Рогачев, Бобруйск позволяла в начальный период наступления сосредоточить там лишь силы 3-й и частично 48-й армий. Если этой группировке наших войск не оказать помощь на другом участке, противник будет в состоянии не допустить здесь прорыва своей обороны. В случае необходимости он для парирования угрозы имел бы возможность перебросить сюда силы с неатакованных участков. /.../

На совещании в Ставке для каждого фронта были установлены сроки наступления, определены силы и средства, а также время их поступления. Большое значение придавалось организации тесного взаимодействия между фронтами, в особенности между 3-м... и 1-м Белорусским, на которые Ставка возлагала основные задачи. Войска этих фронтов должны были быстро продвигаться на запад и сомкнуться своими флангами западнее Минска, чтобы затем уничтожить окруженную группировку.

Вся операция получила условное название «Багратион». Перед войсками четырех фронтов были поставлены важные стратегические и политические задачи: ликвидировать выступ противника в районе Витебск, Бобруйск, Минск, разгромить и уничтожить крупную группировку вражеских армий «Центр», освободить Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. А далее — начать освобождение братской Польши и перенести военные действия на территорию фашистской Германии. /.../

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 24 июня. Об этом возвестили мощные удары бомбардировочной авиации на обоих участках прорыва. В течение двух часов артиллерия разрушала оборонительные сооружения противника на переднем крае и подавляла систему его огня. В шесть часов утра перешли в наступление части 3-й и 48-й армий, а часом позже — обе армии южной ударной группы. Развернулось ожесточенное сражение.

3-я армия на фронте Озеране, Костяшево в первый день добилась незначительных результатов. Дивизии ее двух стрелковых корпусов, отбивая яростные контратаки пехоты и танков противника, овладели лишь первой и второй вражескими траншеями на рубеже Озеране, Веричев и вынуждены были закрепиться. С большими трудностями развивалось наступление и в полосе 48-й армии. Широкая болотистая пойма реки Друть крайне замедляла переправу пехоты и особенно танков. Лишь после двухчасового напряженного боя наши части выбили здесь гитлеровцев из первой траншеи, а к двенадцати часам дня овладели второй траншеей.

Наиболее успешно развивалось наступление в полосе 65-й армии. При поддержке авиации 18-й стрелковый корпус в первой половине дня прорвал все пять линий траншей противника, к середине дня углубился на 5–6 километров, овладев сильными опорными пунктами Раковичи и Петровичи. Это позволило генералу П. И. Батову ввести в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус М. Ф. Панова, который стремительно двинулся в тыл паричской группировке немецких войск. Используя успех танкистов, пехота 65-й армии к исходу дня заняла рубеж Грачи, Гомза, Секиричи.

Части 28-й армии, сломив сопротивление врага, вышли к Бродцам, Оспино, Рогу.

Таким образом, в результате первого дня наступления южная ударная группа прорвала оборону противника на фронте до 30 километров и в глубину от 5 до 10 километров. Танкисты углубили прорыв до 20 километров (район Кнышевичи, Романище). Создалась благоприятная обстановка, которую мы использовали на второй день для ввода в сражение на стыке 65-й и 28-й армий конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева. Она продвинулась к реке Птичь западнее Глуска, местами форсировала ее. Противник начал отход на север и северо-запад.

Теперь — все силы на быстрое продвижение к Бобруйску!

Вечером 24 июня мне позвонил Жуков и с присущей ему прямоотой поздравил с успехом...

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. — М.: Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», Воениздат, 1997. С. 311–322

Манифест польского комитета национального освобождения, 22 июля 1944 г. (извлечение)

К польскому народу!

Поляки в стране и в эмиграции! Поляки в немецкой неволе!

Соотечественники! Пробил час освобождения. Польская Армия вместе с Красной Армией перешла Буг. Польский солдат сражается на нашей родной земле. Над измученной Польшей вновь реют бело-красные знамена...

Соотечественники! Борющийся с немецкими оккупантами за свободу и независимость народ создал свое представительство, свой подпольный парламент — Крайову Раду Народову. В состав Крайовой Рады Народовой вошли представители демократических партий — людовцы, демократы, социалисты, члены ППР и других организаций. Крайовой Раде Народовой подчинились польские организации за границей и в первую очередь Союз польских патриотов и созданная им армия.

Созданная борющимся народом Крайова Рада Народова является единственным законным источником власти в Польше.

Эмигрантское «правительство» в Лондоне и его делегатура в стране являются самозванной властью, незаконной властью. Оно основывается на незаконной фашистской конституции от апреля 1935 года. Это «правительство» тормозило борьбу с гитлеровскими оккупантами, своей авантюристической политикой толкало Польшу к новой катастрофе...

Крайова Рада Народова, временный парламент польского народа, создала Польский Комитет Национального Освобождения как законную временную исполнительную власть, призванную руководить освободительной борьбой народа, завоевать независимость и восстановить польскую государственность.

Крайова Рада Народова и Польский Комитет Национального Освобождения действуют на основе конституции от 17 марта 1921 г., единственно действительной законной конституции, принятой законным образом. Основные положения конституции от 17 марта 1921 г. будут действовать вплоть до созыва Законодательного сейма, избранного путем всеобщих, прямых, равных, тайных и пропорциональных выборов, который в качестве выразителя воли народа примет новую конституцию.

Соотечественники!

Польский Комитет Национального Освобождения считает своей главной задачей усиление участия польского народа в борьбе за разгром гитлеровской Германии. Пробил час возмездия Германии за муки и страдания, за сожженные деревни, за разрушенные города, уничтоженные церкви и школы, за облавы, лагеря и расстрелы, за Освенцим, Майданек, Трешлинку, за истребления в гетто (...)

Польский Комитет Национального Освобождения призывает население и все подчиненные ему власти к самому тесному сотрудничеству с Красной Армией, к оказанию ей возможно большей помощи. Как можно более активное участие поляков в войне сократит страдания народа и приблизит окончание войны...

Поднимайтесь на борьбу за свободу Польши, за возвращение Матери-Родины старого польского Поморья и Опольской Силезии, за Восточную Пруссию, за широкий доступ к морю, за польские пограничные столбы над Одером! (...) История и опыт нынешней войны доказывают, что от натиска германского империализма Польшу может защитить только создание мощного славянского защитного вала, основой которого будет польско-советско-чехословацкое соглашение.

400 лет длился период непрерывных конфликтов между поляками и украинцами, поляками и белорусами, поляками и русскими с ущербом для обеих сторон. Сейчас в этих отношениях произошел исторический поворот. Конфликты уступают место дружбе и сотрудничеству, продиктованным обоюдными жизненными интересами. Дружба и боевое сотрудничество, начало которым было положено братством по оружию Войска Польского с Красной Армией, должны превратиться в прочный союз и добрососедское сотрудничество после войны.

Крайова Рада Народова и созданный ею Польский Комитет Национального Освобождения считают, что урегулирование вопроса о польско-советской границе должно быть достигнуто путем взаимного соглашения. Восточная граница должна быть линией дружественного соседства, а не преградой между нами и нашими соседями, и вопрос о ней должен быть урегулирован в соответствии с принципом: польские земли — Польше, украинские, белорусские и литовские земли — Советской Украине, Советской Белоруссии и Советской Литве. Прочный союз с нашими непосредственными соседями — Советским Союзом и Чехословакией — будет основным принципом польской внешней политики, проводимой Польским Комитетом Национального Освобождения (...)

Чтобы ускорить восстановление страны и удовлетворить вековое стремление польского крестьянства к земле, Польский Комитет Национального Освобождения немедленно приступит к осуществлению на освобожденных территориях широкой земельной реформы (...)

Польский Комитет Национального Освобождения

Хрестоматия по новейшей истории. Том II. 1939–1945. Документы и материалы. М. 1960. С. 365–369

Из воззвания к немецкому народу, подготовленного руководителями антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., на случай успеха государственного переворота (извлечение)³²

Немцы!

На наших глазах в последние годы разыгрывалось нечто чудовищное. В угоду своей жажде славы, своему чванливому властолюбию, своей богохульной идее Гитлер вопреки совету специалистов пожертвовал целыми армиями, считая себя призванным и одаренным орудием Провидения.

Став во главе правительства не по воле народа, а в результате интриг наихудшего пошиба, он своими демоническими выкрутасами и ложью, невероятным расточительством (которое всем казалось несущим выгоды, а на самом деле принесло немецкому народу огромные долги) породил в нем смятение. Дабы удержать

³² Попытка покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., совершенная руководителем заговора полковником К. Ш. фон Штауфенбергом, не удалась. Гитлер был всего лишь легко ранен. Руководители заговора, включая самого Штауфенберга, были арестованы и казнены.

свою власть, он установил безудержный террор, попрал право, объявил порядочность вне закона, подверг осмеянию божественные заповеди чистого душой человечества и разрушил счастье миллионов людей.

Со смертельной гарантией его безумное презрение ко всем людям ввергло наш народ в состояние бедствия, а самозванная претензия Гитлера быть полководцем обрекла на гибель наших сынов, отцов, и братьев. Его кровавый террор против незащищенных людей покрыл имя немца позором. Бесправие, насилие над совестью, преступность и коррупция — все это он посадил на трон в нашем отечестве, которое до того гордилось своей правопослушностью и честностью. Правда и справедливость, воспитать которые в своих детях считает своей высшей обязанностью даже самый малый народ, стали наказуемыми и подверглись преследованию. Теперь общественной деятельности и жизни каждого в отдельности грозит смертельное отравление.

Но так быть не должно, так больше жить нельзя! Нельзя, чтобы жизнь и смерть наших мужчин, женщин и детей и впредь использовались в злонамеренных целях. Мы были бы недостойны наших отцов, нас стали бы презирать наши дети, если бы мы не нашли в себе мужества сделать все, решительно все, для того, чтобы отвратить от нас эту страшную опасность и снова обрести уважение к самим себе.

С этой целью мы, с чистой совестью перед Господом Богом, взяли на себя государственную власть. Наш храбрый вермахт — порука безопасности и порядка. Полиция будет выполнять свой долг (...)

Немцы!

Гитлеровская диктатура сломлена (...)

В час величайшего бедствия я действовал вместе с людьми из всех сословий народа, из всех частей нашего отечества. Я принял на себя временно руководство Германской империей и распорядился о создании правительства во главе с рейхсканцлером. Оно уже приступило к работе. Главкомандующим вооруженными силами назначен генерал-фельдмаршал фон Вицлебен, которому подчинены командующие всеми фронтами. Эти люди объединились со мной, чтобы не допустить полного краха (...)

Принципы и цели правительства будут объявлены. Они будут обязательны для нас до тех пор, пока не появится возможность, чтобы немецкий народ принял решение сам. Наша цель — подлинная, основанная на уважении личности, на готовности к помощи в справедливости общность всего народа. Мы хотим заменить самобожествление — богобоязненностью, насилие и террор — правом и свободой, ложь и своекорыстие — правдой и чистотой.

Мы хотим восстановить нашу честь, а тем самым и наш престиж в сообществе народов. Мы хотим положить все свои силы на то, чтобы залечить раны, нанесенные всем народам этой войной, и возродить доверие между ними. Виновные, которые нанесли вред репутации нашего народа и принесли нам и другим народам столько горя, будут наказаны. Мы хотим положить конец безысходности, порожденной мыслью, что эта война будет продолжаться до бесконечности. Мы стремимся к справедливому миру, который заменит саморасчленение и уничтожение народов их мирным сотрудничеством. Такой мир может основываться только на уважении свободы и равноправия всех народов.

Я взываю ко всем порядочным немцам, мужчинам и женщинам всех рас и слоев, я взываю к молодежи! Я рассчитываю на охотное сотрудничество всех церквей (...)

Пусть каждый исполнит свой долг!

Пусть каждый поможет спасти отечество!

[Генерал-полковник] [Людвиг] Бек³³

Якобсен Г.-А. 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 267–269

Из выступления рейхсфюрера СС Г. Гимmlера в г. Познань перед представителями германского военного командования после разгрома на Востоке группы армий «Центр», 3 августа 1944 г.

(...) Кое-что нам было ясно и раньше. Через эти штабы [германских соединений и объединений — ред.] в 1941, 1942 и 1943 гг. постоянно сверху донизу в войска проникал растущий дух пораженчества. Фронт на Востоке был здоровым. Но когда какой-нибудь храбрый командир прибывал в этот штаб с передовой, к нему

³³ Бек Л. (1880–1944), генерал-полковник немецкой армии (1938). Один из организаторов германского вермахта. В 1935–1938 гг. начальник генерального штаба сухопутных войск. С 1938 г. в отставке. В 1944 г. стал одним из организаторов заговора против Гитлера. После неудачи покушения покончил жизнь самоубийством (20 июля 1944).

подходил начальник штаба (во многих случаях — член не распущенной нами в 1933/34 г. масонской ложи «Шлиффеновское объединение») и с озабоченным лицом, наморщив лоб, для подкрепления боевого духа этого солдата-фронтовика подводил его к карте с нанесенной обстановкой и разъяснял ему, насколько тяжелым, критическим стало нынешнее положение и каково было исходное. И все это, знаете ли, в таких деликатных выражениях, что им просто место в толковом словаре. Так вот, он разъясняет ему, как, собственно, если придерживаться тактических соображений, должна была бы проходить линия фронта, но, к сожалению — ах, к сожалению! (об этом, разумеется, нельзя говорить вслух, ведь это приказ ставки), — сделано это вопреки всем разумным военным правилам, которыми мы так хорошо владеем; но совершенно ясно, что делать это было никак нельзя, но мы же солдаты, мы подчиняемся (...)

Понимание долга именно в штабах во многих случаях было катастрофическим. Я говорю для офицерского корпуса совершенно открыто, что отныне буду привлекать за это к ответственности, буду воспитывать (...)

Если посмотреть на аэрофотоснимки, мы сразу сможем сказать: вот это — русские позиции, а это — немецкие! Немецкие — это те, где только одни стрелковые ячейки. Потому что господа офицеры в это время пребывают в деревне, в русских домах, живут с русскими женщинами, а вовсе не находятся на передовой со своими людьми. Ну, а если офицер не на переднем крае, то и рядовой — тоже. Солдаты его зарылись в несколько одиночных ячеек, потом русские начинают артподготовку, и всё — и люди, и автомашины, и танки — накрыто этим артогнем, а потом русские наносят свой удар. А у солдата даже нет заранее открытой противотанковой щели! Само собой разумеется, его сминают или же он, в лучшем случае, драпает оттуда. Ему приказано удирать, ведь в ячейке он ничего сделать не может. Ну, а затем следует прорыв. С большим трудом то там, то тут нам удается заутюжить дыру. Это еще удавалось нам в 1941/42 г., иногда даже в 1943-м, пока пехота имела силы. Но это стоило нам массы бесполезно потерянных людей. А потом люди опять залезали в окопы.

С русским населением, если вместе с ним жили и развлекались, обращаться сурово уже не могли. Когда мы говорим: давайте сюда русских баб, пусть они копают для нас позиции, в ответ слышали: не можем же мы так обращаться с женщинами этого народа! Когда я однажды в Мариуполе спросил: а почему вы не приведете в порядок дорогу в Таганрог, она же просто в свинском состоянии, здесь любой автомашине — капнут, мне отвечали: да, конечно, надо бы, только у нас рабочей силы нет. Да у вас же целый город Мариуполь, полный людей, берите их! Мне опять отвечают: а кто же должен организовать снабжение продовольствием? Я говорю: вы что думаете, его вам организуют русские? Тут уж я не выдерживаю: вызывайте сейчас же старосту или [немецкого] комиссара этого города и прикажите, чтобы завтра рано утром, в 6.00, здесь было 10 000 женщин и мужчин с лопатами и кирками. А если они не явятся, я вас самих загоню в Сибирь, в лагерь на Ледовитом океане и еще куда подальше! Они сразу будут тут как тут. Этим бабам надо только сказать: вот здесь ройте пулеметное гнездо, сделать надо то-то и то-то (...)

Якобсен Г.-А. 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 223–224

Из приказа Верховного Главнокомандующего командующему 3-м Украинским фронтом генералу армии Ф. Толбухину, и командующему Черноморским флотом адмиралу Ф. Октябрьскому об успешных операциях в Болгарии, 9 сентября 1944 г.

Войска 3-го Украинского фронта 8 сентября пересекли румыно-болгарскую границу, за два дня продвинулись вперед до 170 километров, заняли важный узел коммуникаций Шумен (Шумла), крупный порт на Дунае Русе (Русчук) и во взаимодействии с Черноморским флотом овладели городами и крупными портами на Черном море Варна и Бургас.

Операции наших войск в Болгарии были начаты потому, что болгарское правительство не хотело разорвать свои отношения с Германией и давало приют немецким вооруженным силам на территории Болгарии.

В результате успешных действий наших войск цель военных операций достигнута: Болгария разорвала отношения с Германией и объявила ей войну. Тем самым Болгария перестала быть опорой немецкого империализма на Балканах, каковой она была в течение последних тридцати лет (...)

В ознаменование достигнутого успеха соединения и части, наиболее отличившиеся в операциях на территории Болгарии, представить к присвоению наименований «Русчукских», «Шумлинских», «Варненских» и «Бургасских».

Сегодня, 9 сентября, в 23 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салюует доблестным войскам 3-го Украинского фронта и морякам Черноморского флота, отличившимся в операциях на территории Болгарии, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, кораблям и частям, участвующим в операциях в Болгарии.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин.

9 сентября 1944 года.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 465

Донесение командующего 1-м Украинским фронтом маршала Конева Верховному Главнокомандующему маршалу Сталину и заместителю Верховного Главнокомандующего маршалу Жукову о боевых действиях в Словакии, 27 сентября 1944 г.

Операция 38-й армии первоначально была запланирована с целью выхода на словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход на границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии, ко времени выхода наших войск на границу, резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2-го и 4-го Украинских фронтов сейчас характер операции 38-й армии изменился — переросла в операцию, взаимодействующую со 2-м и 4-м Украинским фронтами.

В связи с этим дальнейшая операция 38-й армии в Словакии принимает затяжной характер по причинам:

1. Недостаточное количество привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил не в состоянии, учитывая отправку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме за р. Висла.

2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска, и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития. За время операции [части] 38-й армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.

3. Неприспособленность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение войск, не рассчитанные на действия в горах, затрудняют и снижают темпы наступления.

4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы — три пехотные и три танковые дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38-й армии действует шесть пехотных и три танковые дивизии.

В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.

5. Материально операция обеспечена слабо. Фронт считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными довольствующими управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную артиллерию фронта, особенно гаубичную, а это основные предпосылки для действия в горах.

6. Малочисленность пехоты. Операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизии 4,5–5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек. Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук. Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение. Проводимая операция оттянула у противника все силы со Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным — главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить. На второстепенное — словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковые дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4-го Украинского фронта правый фланг его — направление Прешов, Мишкольц — является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4-го Украинского фронта до сих пор не имеет.

Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Украинского фронта [командующий] не может. В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии или, если будет Ваше решение, продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38-й армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

Конев, Соколовский, Крайнюков. 27.9.44 г.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 466

Из приказа Верховного Главнокомандующего командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Советского Союза Толбухину об освобождении Белграда, 20 октября 1944 г.

Войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии в результате упорных боев завершили уничтожение немецкого гарнизона в городе Белград и сегодня, 20 октября, освободили столицу союзной нам Югославии от немецких захватчиков.(...)

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за освобождение Белграда, представить к присвоению наименования «Белградских» и к награждению орденами.

Сегодня, 20 октября, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го Украинского фронта и Народно-освободительной армии Югославии, освободившим столицу Югославии Белград, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Белграда.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и братской Югославии!
Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин
20 октября 1944 года.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 467

Из приказа Верховного Главнокомандующего командующему Карельским фронтом генералу армии К. Мерецкову о взятии города Киркенес, 25 октября 1944 г.

Войска Карельского фронта, преследуя немецкие войска, пересекли государственную границу Норвегии и в трудных условиях Заполярья сегодня, 25 октября, овладели городом Киркенес — важным портом в Баренцевом море (...)

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Киркенес, представить к присвоению наименования «Киркенесских» и к награждению орденами.

Сегодня, 25 октября, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Карельского фронта, овладевшим городом Киркенес, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение городом Киркенес.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!
Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин
25 октября 1944 года.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 468

Приказ Верховного Главнокомандующего командующему войсками 1-го Белорусского фронта маршалу Советского Союза Жукову, начальнику штаба фронта генерал-полковнику М. Малинину об освобождении Варшавы, 17 января 1945 г.

Войска 1-го Белорусского фронта, совершив стремительный обходной маневр к западу от Варшавы, заняли город Жирардув, перерезали дороги на Сохачев, форсировали Вислу севернее Варшавы и, отрезав таким образом Варшаву с запада, сегодня, 17 января, путем комбинированного удара с севера, запада и юга овладели столицей союзной нам Польши городом Варшава — важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на реке Висла (...)

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом Варшава, представить к присвоению названия «Варшавских» и к награждению орденами.

Сегодня, 17 января, в 19 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 1-го Белорусского фронта, в том числе 1-й польской армии, овладевшими столицей Польши городом Варшава, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, в том числе войскам 1-й польской армии, участвовавшим в боях за освобождение Варшавы.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины и союзной нам Польши!
Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин
17 января 1945 года.

Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 469

ПЕРЕД ГЕРМАНСКИМ НАПАДЕНИЕМ

Книга четвертая

А. О. Чубарьян

Российско-германские отношения (август 1939 — июнь 1941). «Смена вех» в теории, идеологии и пропаганде 7

А. В. Торкунов

Уроки трагедии, в которой не было героев..... 17

В. И. Дашичев

Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.)..... 19

Е. Н. Кульков

Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР 28

О. А. Ржешевский

Международное положение и основные векторы советской внешней политики накануне Великой Отечественной войны 46

М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский

Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г..... 58

Элизабет дю Рео

Внешняя политика Франции и франко-советские отношения в первые месяцы «Странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940)..... 65

А. В. Ревякин

Вооруженные силы СССР и поражение Франции в 1940 г. 72

Кристиан Хартман

Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза 86

Л. М. Воробьева

Третий рейх, «умиротворители», малые страны и СССР накануне Второй мировой войны 91

Ю. А. Никифоров, Р. Ф. Субханкулов

Некоторые тенденции освещения истории Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии..... 102

ДОКУМЕНТЫ ..... 114**ПОЗАДИ МОСКВА**

Книга пятая

Ю. А. Никифоров

«План Г. К. Жукова» от 15 мая 1941 года: проблемы интерпретации 163

И. А. Ахтамзян

Генеральный план «Ост» 172

В. А. Анфилов

Роковой просчет..... 185

М. Ю. Мягков

Роковой 1941-й: трагедия начала войны..... 210

Б. И. Невзоров

Московская битва и ее значение..... 245

В. М. Ковальчук

Значение битвы за Ленинград в Великой Отечественной войне 256

А. С. Орлов

На аэродромах Украины 262

В. К. Пархоменко Добровольцы НКВД в обороне Москвы	272
ДОКУМЕНТЫ	276

ПЕРЕЛОМ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Книга шестая

Е. Н. Кульков Зарубежная историография Сталинградской битвы	317
В. А. Золотарев Курская битва: взгляд через полвека.....	328
Е. Н. Кульков Освобождение стран Европы и Азии	337
А. С. Стыкалин Боевые действия Красной Армии осенью 1944 г. и проблема выхода Венгрии из войны	347
Ю. В. Рубцов «Дать возможность искупить кровью...». Штрафные части РККА в годы Великой Отечественной войны	355
В. П. Воробьев Роль Советского Союза в создании государства Израиль	366
М. И. Мельтюхов Миф о преднамеренной остановке Красной Армии под Варшавой в августе 1944 г.....	383
М. А. Мунтян Румыния во Второй мировой войне: по обе стороны одного и того же фронта.....	401
ДОКУМЕНТЫ	409

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ II

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ

Верстка А. С. Туманова

Корректоры Ю.П. Кириленко

Э.П. Семенюк

Н.Г. Ханина

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

Тел. (499) 431-58-28 (дирекция), тел. (495) 434-54-17 (распространение)

Подписано в печать 05.06.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 57.5. Уч. изд. л. 50.35. Тираж 300 экз. Заказ № 100.

Отпечатано ООО «Аквариус», г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.

Тел./факс: (4872) 49-76-96

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru